ACADEMIA DE ŞTIINŢE A MOLDOVEI
INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XI _ nr. 1-2

CHIŞINĂU 2015

ISSN 1857-016X

ACADEMIA DE ŞTIINŢE A MOLDOVEI
INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Redactor şef / Editor-in-chief: dr. hab. **Oleg Levinţki**

Colegiul de redacţie

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chişinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chişinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kaşuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (Bucureşti), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chişinău), dr. **Svetlana Reabţeva** (Chişinău), prof. dr. **Petre Roman** (Bucureşti), dr. hab. **Eugen Sava** (Chişinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, acad. al Academiei Române (Iaşi), dr. **Nicolai Telnov** (Chişinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, acad. al Academiei Naţionale de Ştiinţe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chişinău)

Secretar de redacţie – **Larisa Ciobanu**
Machetare şi prelucrarea materialului ilustrativ – **Ghenadie Sîrbu**

Manuscrisele, cărţile şi revistele pentru schimb, precum şi orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacţie al „Revistei Arheologice", Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural AŞM, bd. Ştefan cel Mare şi Sfânt 1, MD-2001, Chişinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия АНМ, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the „Archaeological Magazine", the Institute of Cultural Legacy of the Academy of Sciences of RM, bul. Ştefan cel Mare şi Sfânt 1, MD-2001 Chisinau, the Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialişti în domeniu
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами
All the papers to be published are reviewed by experts

© AŞM, 2015

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Regina Anna Uhl (*Berlin*). Die Cucuteni C-Keramik: Forschungsgeschichtliche Aspekte und Perspektiven.....6

Victoria Surdu (*Chişinău*). Cultura Iamnaia în spaţiul carpato-nistrean: probleme şi perspective.....21

Игорь Бруяко, Дмитрий Киосак, Юрий Черниенко (*Одесса*). О некоторых типах украшений эпохи средней – поздней бронзы юга Восточной Европы.....27

Oleg Leviţki, Ghenadie Sîrbu, Livia Sîrbu (*Chişinău*). Aşezarea hallstattiană timpurie Chişinău. Consideraţii privind stadiul actual şi prioritățile cercetării culturii Chişinău-Corlăteni (sec. XII–X a.Chr.).....47

Aurel Zanoci (Chişinău). Tipologia şi evoluţia zidurilor din piatră ale fortificaţiilor hallstattiene târzii din spaţiul tiso-nistrean.....68

Natalia Mateevici (*Chişinău*)**, Tatiana Samoilova** (*Odesa*). Un lot de ştampile rare de amfore greceşti de la Tyras.....82

Vasile Haheu (*Chişinău*). Siturile de habitat ale tracilor septentrionali (cetăţi, aşezări deschise). Structuri spaţial-temporale.....89

Vasile Haheu, Dumitru Bratco (*Chişinău*). Similitudini în credinţele geto-dacilor şi religia creştină. Rolul vinului.....101

Сергей Курчатов (*Кишинэу*). Погребение «катафрактария» у с. Урсоая в Днестровско-Прутском междуречье.....108

Svetlana Reabţeva (*Chişinău*). Despre unele trăsături specifice ale giuvaergeriei bizantine din secolele VI–VII.....117

Silviu Oţa, Liana Oţa, Gheorghe Niculescu (*Bucureşti*). Câteva precizări despre atelierul nr. 3 din cetatea de la Cladova (com. Păuliş, jud. Arad).....123

MATERIALE ŞI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Сергей Коваленко, Сергей Бодян, Вячеслав Бикбаев (*Кишинэу*). Кремневые изделия из раскопок раннетрипольского поселения Рогожень I в 2013 г.....143

Виталий Рудь (*Киев*). Результаты полевых исследований на трипольском поселении Гэтьманивка I (правобережье Среднего Побужья).....154

Сергей Агульников (*Кишинэу*). Погребальные комплексы Среднего бронзового века в бассейне реки Ялпуг.....163

Larisa Ciobanu, Lilia Dergaciova (*Chişinău*). Piese de podoabă din epoca romană târzie provenind din spaţiul pruto-nistrean.....176

Lilia Dergaciova (*Chişinău*). Monede medievale moldoveneşti din colecţii particulare din Republica Moldova (IX).....183

Светлана Рябцева, Лилия Дергачева (*Кишинэу*). К вопросу о функциональной принадлежности серии средневековых нашивок и накладок с территории Пруто-Днестровского региона и их возможной связи с одеяниями типа кафтанов.....190

DISCUȚII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

Tamara Nesterova (*Chișinău*). Despre datarea cetății de piatră din or. Soroca.....209

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS

Валентин Дергачев (*Кишинэу*). Методика корректировки «минимального числа особей».....220

Владимир Колода (*Kharkov*)**, Роман Кройтор** (*Кишинэу*). Животноводство населения салтовской культуры в лесостепной части Северского Донца (Украина). Часть 1.....273

Ludmila Bacumenco-Pîrnău (*Chișinău*)**, Luminița Bejenaru** (*Iași*). Alimentația din Moldova în secolele XIV-XVIII: considerații bio-arheologice.....294

Angela Simalcsik, Vasilica Monica Groza (*Iași*). Necropola medievală de la Lozova. Campania arheologică din 2014. Raport antropologic.....303

RECENZII ȘI PREZENTĂRI DE CARTE – РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW

Arheologia preventivă în Republica Moldova, vol. I, nr. 1-2, 2014, Chisinău, 184 p. ISSN 2345-1394 (Ludmila Bacumenco-Pîrnău, *Chișinău*).....323

Svetlana Reabțeva. *Piese de podoabă și vestimentație din Moldova și Țara Românească în contextul relațiilor cultural-istorice (secolele XIV-XVII)*. Brăila, Muzeul Brăilei, Editura Istros, 2014, 376 p.: il. ISBN 978-606-654-103-9 (Ludmila Bacumenco-Pîrnău, *Chișinău*).....327

Despre arheologie, păsări și resurse alimentare: câteva note pe marginea unui volum de studii recent apărut (Ludmila Bacumenco-Pîrnău, *Chișinău*).....329

Svetlana Reabțeva. *Piese de podoabă și vestimentație din Moldova și Țara Românească în contextul relațiilor cultural-istorice (secolele XIV-XVII)*. Editura Istros, Brăila, 2014, 375 p., ISBN 978-606-654-103-9 (Tudor Stavilă, *Chișinău*).....332

VIAȚA ȘTIINȚIFICĂ – НАУЧНАЯ ХРОНИКА – SCIENTIFIC LIFE

Lansarea volumului semnat de Valentin Dergaciov și Olga Larina *Памятники культуры Криш Молдовы // Monumente ale culturii Criș din Moldova* și Workshop-ul *Metode noi de analiză și interpretare a determinărilor arheozoologice*, susținut de dr.hab. Valentin Dergaciov (Larisa Ciobanu, *Chișinău*).....334

Masa rotundă cu genericul **Arheologia Moldovei: Trecut, Prezent și Viitor și tema 90 de ani de la nașterea arheologului Avram Nudelman, 85 de ani de la nașterea arheologilor Isac Rafalovici și Pavel Bîrnea, 80 de ani de la nașterea arheologului Vasile Grosu** (Livia Sîrbu, *Chișinău*).....336

Conferința științifică internațională a IPC **Probleme actuale ale arheologiei, etnologiei și studiului artelor** (ediția a VII-a), Chișinău, 26-28 mai 2015 (Larisa Ciobanu, Livia Sîrbu, *Chișinău*).....338

Masa rotundă cu tema Arheologia evului mediu timpuriu în spațiul Europei de Est (Lilia Dergaciova, Svetlana Reabțeva, *Chișinău*).....340

IN MEMORIAM

A.A. Nudelman – personalitate polivalentă a științei din RSSM (Sergiu Matveev, Andrei Pelivan, *Chișinău*).....342

Isaac A. Rafalovivi – 85 de ani de la naștere (Nicolai Telnov, *Chișinău*).....346

Pavel P. Bîrnea – 85 de ani de la naștere (Nicolai Telnov, *Chișinău*).....349

Исследователь славянских древностей Днестро-Днепровского междуречья (памяти коллеги и учителя) (Виталий Гуцал, *Каменец-Подольск*).....353

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION.....359

INFORMAȚII ȘI CONDIȚIILE DE EDITARE A *REVISTEI ARHEOLOGICE*.....362

ИНФОРМАЦИЯ И УСЛОВИЯ ИЗДАНИЯ *АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА*.....364

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE *ARCHAEOLOGICAL MAGAZINE*.....366

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Regina Anna Uhl

Die Cucuteni C-Keramik: Forschungsgeschichtliche Aspekte und Perspektiven

Schlüsselbegriffe: C-Keramik, Muschelmagerung, Cucuteni, Tripol'e, Kochkeramik.
Cuvinte cheie: Ceramică de tip C, degresant, scoică, Cucuteni-Tripolie, ceramică de masă.
Ключевые слова: керамика С, примесь ракушки, Кукутень, Триполье, кухонная керамика.

Regina Anna Uhl
Die Cucuteni C-Keramik: Forschungsgeschichtliche Aspekte und Perspektiven

Der Begriff der so genannten C-Keramik lässt sich auf Hubert Schmidt zurückführen, der neben bemalter Keramik unter anderem auch eine Keramik vom Typ C an der Cucuteni-Cetaţuia definierte. In der Dichotomie zwischen Kulturwandel und Migration wurde die C-Keramik zu Beginn ihrer Erforschung als Indiz auf Wanderungsbewegung sowie einen dadurch stimulierten Kulturwandel und sogar als Beleg für die indoeuropäische Wanderung bewertet. Oftmals wird die C-Keramik als Importkeramik angesprochen und sie wird damit als ein Fremdelement gedeutet. Gleichwohl diese spezifische Ware gewisse Steppenmarker trägt, belegen zahlreiche Merkmale, dass die C-Keramik eher als ein Element zu verstehen ist, das innerhalb der Cucuteni-Tripol´e-Kultur seine eigenständige Genese erfuhr. Im Folgenden wird eine forschungsgeschichtlich weiter gefasste Darstellung der C-Keramik sowie deren typologische Verortung und Überlegungen zur Interpretation angestrebt.

Regina Anna Uhl
Ceramica cucuteniană de tip C: aspecte şi perspective în istoria cercetării

Termenul de aşa-numită ceramică C poate fi urmărit încă la Hubert Schmidt, care a delimitat ceramica de tip C de cea pictată din cadrul sitului Cucuteni-Cetăţuie. În dihotomia de schimbare culturală şi migraţie, Maria Gimbutas a interpretat ceramica de tip C drept dovadă a unei rupturi culturale, referindu-se anume la migraţia indo-europeană. Adesea, ceramica de tip C este considerată de import şi, prin urmare, catalogată drept un element străin. Cu toate acestea, ea întruneşte anumite trăsături specifice grupelor culturale de stepă, dar totodată conţine şi diferenţe care fac referire la faptul că ea s-a dezvoltat independent în cadrul Culturii Cucuteni-Tripolie. În studiu este prezentat mai pe larg istoricul cercetării ceramicii de tip C, tipologia şi atribuirea materialului.

Регина Анна Уль
Керамика Кукутень С: Аспекты и перспективы истории исследования

Термин для так называемой керамики С восходит к исследованиям Хуберта Шмидта, который выделил керамику типа С из массива расписной керамики на поселении Кукутени-Четэцуе. В дихотомии изменений культуры и миграции, Мария Гимбутас, соответственно, интерпретировала керамику типа С, как доказательство культурного разрыва, ссылаясь именно на индоевропейские миграции. Зачастую керамику типа С расценивали как импортную керамику и определяли ее, как инородный элемент. И хотя эта специфическая керамика содержит в себе черты керамики основных культурных групп из прилегающих степных территорий, она обладает также различными особенностями, указывающими на ее собственное развитие внутри культуры Кукутень-Триполье. В исследовании представлены основные данные истории исследования керамики типа С, а также ее типологическое определение и интерпретация.

Erforschung der C-Keramik

Der in der Fachliteratur etablierte Begriff der so genannten Cucuteni-C-Keramik geht auf frühe Forschungen zu Beginn des 20. Jahrhunderts zurück. Federführend prägte Hubert Schmidt in seiner Monographie zum eponymen Fundort Cucuteni-Cetaţuia den Begriff der so genannten C-Keramik als Fremdkeramik. Mit dem Ziel, „die bemalte Gefäßmalerei Rumäniens zu studieren"(Schmidt 1932, 1), lag Schmidts Fokus auf der feinen Ware und der Suche nach einem Anschluss an westlich benachbarte Kulturgruppen mit Bandornamentik. Eine in ihrer Machart so auffällig anders gestaltete Ware schien auch Schmidt ein Beleg für eine andere Genese der C-Keramik und er verwies in diesem Zusammenhang auf den arktisch-baltischen Raum (Schmidt 1932, 81; 106-107).

Beim Begriff C-Keramik handelt es sich um eine rein typologische Ansprache einer spezi-

fischen Ware, die sich von Schmidts Keramikbeschreibung aus dem Jahr 1932 herleitet: Die C-Kultur beschreibt er dabei als *„auffallend primitive Keramik, deren Verzierungen in Tieftechnik ausgeführt sind. Sie unterscheidet sich (…) von allen bemalten Gattungen, so daß [sic!] ihr ein ganz anderer Ursprung zugeschrieben werden muß [sic!]"* (Schmidt 1932, 42). Diese Ware erfährt unterschiedliche Zuweisungen und wird nach Typeneinordnung unterschiedlich ausgeweitet. So umfasst z. B. Passeks Typ XIX, 2 (*Section V*) nur die Keramik mit ausschließlicher Muschelmagerung, während XIX, 1 auch Sand enthält. (nach Passek 1935, 107-116) Andernorts wird diese Art der Gebrauchskeramik als so genannte C-Keramik oder generell als Kochkeramik zusammengefasst (Vgl. Burdo 2004, 215f).

Als forschungsgeschichtlich erwachsene Warenansprache hat sich der Begriff C-Keramik etabliert und soll auch im Folgenden beibehalten werden. Dier C-Keramik beinhaltet anders als die stufenchronologische Folge Cucuteni A, A-B oder Cucuteni B (oder Tripol´e A, B und C) keine relativchronologische Konnotation. (Anders als es etwa Grafiken und Beschreibungen in Meyer (2008) suggerieren, gibt es keine „Phase Cucuteni C").

Wird die C-Keramik auf Cucuteni-Cetățuia 1932 noch mit der Bronzezeit bzw. mit Phase Cucuteni B assoziiert (Schmidt 1932, 97: Der größte Teil der freigelegten C-Keramik in Cucuteni-Cetățuia war mit Cucuteni-B-Keramik vergesellschaftet), so relativieren sich im Lauf der weiteren Erforschung der Cucuteni-Tripol´e-Kultur deren relativchronologische Zuweisungen im Rahmen der gewonnenen Erkenntnisse aus weiteren Siedlungen. Zu Beginn der Entdeckung dieser vermeintlichen Fremdkeramik (Vgl. z. B. Dumitrescu 1981, 589-597; Dragomir 1982, 422-429; Dragomir 1985, 102) nahm man an, dass diese erst zum Ende der Phase Cucuteni B auftauche. Diese Einordnung wurde durch Funde aus Traian Dealul Fântânilor und Calu-Piatra Soimului in die Phase Cucuteni A-B verschoben bis Forschungen aus Fedeleşeni ein früheres Vorhandensein dieser Keramik am Ende der Phase A bestätigten (Vgl. Cucoş, Monah 1985, 63-92; Nestor, Zaharia 1968, 17-43; Popovici 2000; Marinescu-Bîlcu 1991, 16f.). Die C-Keramik konnte schließlich in der westlichen Region des Pruth zum Ende der Phase A in den Siedlungen Drăguşeni-Botoşani, Tg. Bereşti-Galaţi und Chetreşti-Vaslui bestätigt werden. Ein sehr frühes Einsetzen der C-Keramik markiert der Fundort Solončeni II mit der Phase Cucuteni A2.

In der allgemeinen Warenverteilung überwiegt in der Regel die Feinkeramik, wobei die C-Keramik verhältnismäßig gering ausfällt. Im Gebiet zwischen Pruth und Karpaten wird die C-Keramik mit zumeist einstelligen prozentualen Anteilen verzeichnet und ist von Phase A3 bis in Phase B2 nachgewiesen. Relativ zur bemalten Keramik wird die C-Keramik in der südöstlichen Peripherie des Cucuteni-Tripol´e-Siedlungsgebietes mit teilweise 30-54%igem Warenanteil (Vgl. Schmidt 1932; Passek 1941; Passek 1949; Mantu 1998, 68-72; Markevici 1981, 120) häufiger verzeichnet. Im Gegensatz dazu von Stern, 1906, 57: den 40% igen Warenanteil der C-Keramik, bzw. Keramik mit Muschelmagerung, beschreibt er in Petreni als „nur ausnahmsweise vertreten"). Grundsätzlich mag diese östliche Gewichtung der C-Keramik richtig sein; an dieser Stelle sei jedoch darauf verwiesen, dass die Ansprache der C-Keramik insgesamt sehr unterschiedlich ausfällt. Meines Erachtens sind zahlreiche Gefäße fälschlicherweise als C-Keramik angesprochen und scheinen nichts mit der *gestreiften* Keramik nach Passek (1935) oder der Keramik mit Besenstrich nach Dodd-Oprițescu (1982) zu tun zu haben.

Darüber hinaus muss das Kriterium der Muschelmagerung kein zwingendes Merkmal der C-Keramik darstellen. (Belanovskaia 1958; Dodd-Oprițescu 1980, 547-557; Ellis 1984, 41, 200) Im Hinblick auf eigene Auswertungen der Verfasserin aus Petreni und dem Feststellen einer Diskrepanz zwischen der statistischen Auswertung von 2012 und 1906 wäre darüber hinaus generell zu hinterfragen, ob gewisse taphonomische Prozesse und rezente Bodeneingriffe ein im Vergleich zur Feinkeramik rascheres Schwinden der deutlich kalkhaltigeren Ware bewirken können.

Typologische Charakteristika der C-Keramik

Typologische Merkmale der C-Keramik wurden vereinzelt zusammengetragen (Dodd-Oprițescu 1980, 547-557; Cucoş, Monah 1985, 63-92; Dragomir 1982, 427) und es mangelt bislang an umfassenden Auswertungen aus dem gesamten Gebiet der Cucuteni-Tripol´e-Kultur. Da die bekannten Auswertungen sich lediglich einzelnen Fundor-

ten widmen, ist die Wiedergabe der festgestellten Merkmale nicht vollständig, kann jedoch als repräsentativ erachtet werden. (Marinescu-Bîlcu bemängelt, dass Dodd-Oprițescus Typologie auf Basis von Keramikabbildungen zu ungenau sei und die Verzierungstechnik daher missverstanden worden sei (Marinescu-Bîlcu 2000, 109, Anm. 6). Dies mag wohl auch an den bereits erwähnten ungleichen Ansprachen der Keramik liegen, welche des Öfteren unter dem allgemeinen Begriff der Gebrauchskeramik eingeordnet wird. Für alle Phasen charakteristisch tauchen die eingedrückten Ornamente auf einem S-förmig profilierten Gefäß mit markant abgerundeter Schulter, hohem Hals, weit ausgestellter Mündung und geradem Boden auf. Diese allgemein als Topf wiedergegebene Basisform variiert und wäre abhängig von dem stärker trichterförmig gestalteten Hals als Becher oder Schüssel anzusprechen. (z. B. Dodd-Oprițescu 1992, 39; Cucoș 1985, 64). Bei Dragomir (1982) findet sich eine Formansprache als Krater, jedoch ist der Begriff irreführend und soll hier nicht weiter Verwendung finden.

Dodd-Oprițescu spricht konkret von einem großen, offenen, massiven Gefäß, dessen Verhältnis des Durchmessers zur Höhe konstant ist: H = Ø oder H ≤ Ø (Dodd-Opițrescu 1981, 548). Als weitere charakteristische Form wird ein Gefäß mit gerundeter Wandung und geradem oder leicht nach innen biegendem Hals beschrieben (Cucoș 1985, 64-66). Des Weiteren finden sich Schalen mit jener spezifischen Kamm- und Schnurzier. Das Formenspektrum wird in der zeitlichen Folge als vielfältiger beschrieben, da sich die keramischen Formen bis Phase Cucuteni B2 den Formen der bemalten Keramik annäherten (Alaiba, Grădinaru 2001, 67-83).

Zur Verzierung der C-Keramik

Die Keramikoberfläche wird von Dodd-Oprițescu als irden-ziegelrot beschrieben, welche durch die an der Oberfläche sichtbaren Muschelstücke mitunter einem Mosaik gleiche (Dodd-Oprițescu 1981, 548). Die Keramik weist im oberen Drittel des Gefäßkörpers auf der Außenseite des Gefäßes zwei Verzierungszonen zwischen Schulter und Hals und auf der Schulter in Form von Linien, Strichbündeln, Zickzackbändern, hängenden Girlanden, Schnurreihen sowie Kerben und Besenstrich auf, welche durch gezahnte Geräte wie Muschel, Kamm oder Knochenstempel erzeugt werden. (Ellis 1980, 213) Weiterhin finden sich durch Stöckchen oder mit dem Fingernagel eingedrückte Motive (Vgl. Nestor, Zaharia 1968, 17f). Kreuz- oder Strichkerbungen auf dem glatt abgestrichenen Rand kommen in allen Phasen, jedoch nicht auf jedem C-Keramikgefäß, vor. Außerdem wird die Gefäßoberfläche in allen Phasen mit Besenstrich behandelt und vertikale, parallele Strichbündel auf dem Hals bis zum Schulterumbruch sind ein stets präsentes Charakteristikum (Vgl. Florescu et al 1999, 470f.). Laut Dodd-Oprițescu (1980, 548) sind die Verzierungen ausschließlich auf der Außenseite aufgebracht, allerdings zeigen einige wenige Fundstücke auch eine Art Besenstrich und Kerben im oberen Gefäßdrittel auf der Innenseite.

Die als nordpontisches Element erachtete Schnurzier gilt als ein besonderer Marker der Keramik (Dodd-Oprițescu 1981, 511-128), findet sich auf der C-Keramik jedoch erst mit der Phase Cucuteni A-B. Die Eindrücke sind mittels der gedrehten Schnur oder auch umwickelten Schnur, auch bekannt als Raupenschnur, aufgebracht. Hierfür findet sich eine Unterscheidung zwischen echter und falscher Schnurzier (Vgl Nestor, Zaharia 1968 17f.). Nach einer von Lidell vorgenommenen Versuchsreihe zeigen auf Plastilin abgedrückte Gelenkenden von Längsknochen verschiedener Vogelarten Ähnlichkeiten zu manchen auf den Cucuteni C-Scherben vorgefundenen Verzierungen (Vgl. Liddell 1929, 287; ebenda Tafel V 6A: tarso-metatarsal einer Amsel (turdus mercula), und 7A: Abdruck des tarso-metatarsal von einer Rabenkrähe (corvus corone).

Da eine exakte Unterscheidung zwischen gewundener bzw. Wickelschnurabdruck und Knochenstempel nicht immer möglich ist, soll im Folgenden die Terminologie von echter und falscher Schnurzier beibehalten werden (Liddell 1929, 283-291; Dodd-Oprițescu 1992, 39).

Die echte Schnurzier bezeichnet hierbei den Abdruck einer gedrehten Schnur; die falsche Schnur beinhaltet all jene Herstellungsweisen, die nicht gedrehter Schnur und ihrer eingetieften Ornamente entsprechen, sofern sie nicht offensichtlich als Knochenabdrücke oder andersartige Verzierungsweisen mittels eines gezahnten Gerätes, einer Muschelschale oder eines Vogelknochens benannt werden können. Im allgemeinen Bezug auf den Aspekt der schnurver-

zierten Keramik postulierten Morintz und Roman, dass diese sich in einem frühen Entwicklungsstadium zunächst durch Kammzier auszeichne, später durch die Wickelschnur (falsche Schnurzier) und weniger häufig durch die gewundene Schnur (Morintz, Roman 1968, 45). Auf der späten C-Ware tauchen beide Zierarten zeitgleich, mitunter sogar auf einem Gefäß auf. Auf früher C-Keramik spielt die gedrehte Schnur gegenüber der gewickelten Schnur eine untergeordnete Rolle (Dodd-Oprițescu 1992, 39).

Cucuteni A3/A4

Die Keramik ist auf der Schulter mit umlaufenden Bändern aus eingeritzten Linienreihen versehen. Repräsentativ für diese frühe Etappe sind Funde aus Bereşti (Dragomir 1982, 422-429). Es handelt sich um zwei komplett erhaltene Gefäße aus Haushaltsgruben vom Dealul Bulgarului und Dealul Bâzanului und Draguşeni. Die Funde der Phase A weisen keine echte Schnurzier auf (Petrescu-Dîmboviţa 1987, 19-29), sondern Knochenstempelabdrücke bzw. falsche Schnurzier und eingeritzte oder eingeschnittene Muster in Form von hängenden Girlanden, Punktstichreihen, ondulierenden Strichbündeln und Zickzack-Strichreihen sowie vereinzelt liegenden S-Spiralbündeln (Vgl. Bereşti-Bîzanu; Dragomir spricht von einer lokalen Annäherung der C-Keramik an die Ornamente der bemalten Keramik. Das von ihm als Beispiel beschriebene Gefäß enthält außerdem keine Muschelmagerung. Dragomir 1982, 427). Die Motive werden als von der bemalten Keramik beeinflusst beschrieben (Dodd-Oprițescu 1981, 511-528). Die aufgebrachten Streifen und Abdrücke sind schwach eingetieft. Direkt unter der Lippe findet sich bisweilen eine umlaufende Reihe von eingekerbten Dreiecken, Alveolen oder Längsstrichen (Cucoş 1985, 64). Auf dem glatt abgestrichenen Rand sind ungleichmäßig große Alveolen, Dreiecke oder Fingertupfen eingedrückt. Kammstriche wurden in Verbindung mit horizontalen Knubbenleisten aufgebracht.

Cucuteni A-B1

Die Keramik wird insgesamt als variationsreicher beschrieben. Auch die Aufbereitung des Tons ist von besserer Qualität (Mantu 1997, 47; Cucoş 1985, 65; bereits in Phase A3-A4 findet sich vereinzelt sorgfältig aufbereitete C-Keramik mit feinen Magerungsbestandteilen) Die C-Keramik trägt Abdrücke von gezahnten Instrumenten, d. h. mit einem Kamm, gezinktem Gerät oder dem Rand einer Muschelschale, oder auch mit falscher Schnur bzw. Knochenstempel verziert (Dumitrescu 1963, 268; Vl. Dumitrescu 1974; Dodd-Oprițescu 1992, 38-47). Kurze, schräge Linienreihen in entgegengesetzter Laufrichtung bilden ein Fischgrätmuster. Repräsentativ sind Fundstücke aus Corlăteni, wo sich horizontale Ritzungen durch ein kammartiges Gerät sowie vertikal geritzte Streifen und schräge Linien auf der Keramik finden. Außerdem werden die unregelmäßig dreieckigen oder alveolaren Kerben in zwei Reihen unter dem Rand fortgesetzt. Auf der Lippe gibt es vereinzelt Einkerbungen bzw. schräge Punktstempelreihen (Cucoş 1985, 65f.). Die Schnurverzierung taucht nur vereinzelt auf (Vgl. Huşi, Cucuteni Dâmbul Morii; László 1966, 7-22; Dumitrescu 1963, 68; Dumitrescu. 1974).

Cucuteni A-B2

Erstmals treten neben den bereits bekannten Eindrücken echte Schnureindrücke auf (z. B. Huşi, Traian und Frumuşica; Dragomir 1996, 9-63; Mantu 1997, 47; Dodd-Oprițescu 1981, 549f.), während die Verzierungsmotive durch Kamm oder Muschelschale der vorausgehenden Phasen weiterlaufen. Falsche und echte Schnurzier tauchen mitunter auf einem Gefäß auf (z. B. Cucuteni Cetăţuia). Vereinzelt finden sich plastische Elemente wie Knubben und Buckel am Rand oder auf der Schulter appliziert (Dragomir 1996, 9-63; Mantu 1997, 47; Dodd-Oprițescu 1981, 549f).

Cucuteni B1

Die horizontal auf der Schulter verlaufenden Reihenbündel, welche durch ein gezargtes Gerät aufgebracht wurden, werden durch umlaufende, kurze, vertikale Punktstempelreihen ersetzt. Auch die Zickzackreihen werden nicht mehr mit durchgängigen Linien erzeugt, sondern durch kurze gegenläufig angeordnete Schnureindrücke ausgetauscht (Dodd-Oprițescu 1992, 39). Vertikal verlaufende, parallele Kammstriche füllen den Bereich zwischen Rand und Schulter. Außerdem tauchen Applikationen wie Warzen, quer durchbohrte Knubben und Ösen auf. Protome werden im Schulterbereich angesetzt. Die Verzierungsmotive werden als ärmer klassifiziert (Florescu et al. 1999, 470f.; Dragomir 1982, 427f.). Mit den Begriffen *Cucutenisierung* oder auch *Interferenzerscheinung* ist erstmals von einem technologischen und motivischen Angleichen der C-Keramik an die bemalte Keramik die Rede (z. B. Gheläieşti; Dodd-Oprițescu 1981, 549f.; Alaiba, Grădinaru 2001, 67-83).

Cucuteni B2

Die echten Schnureindrücke werden in Phase Cucuteni B zum vorherrschenden Verzierungselement. Parallel angeordnet finden sich außerdem vertikale Kammstriche. Es existieren weiterhin Knubben, durchlochte Handhaben sowie halbmondförmige Ösenknubben. Die Keramik entlehnt Eigenschaften der bemalten Cucutenikeramik, weshalb von einer *Depersonalisierung* (Alaiba, Grădinaru 2001, 67-83) der C-Keramik die Rede ist. Für diese Art der Überlagerung der zwei Keramiktraditionen werden häufig eine feinere Magerung (Die Magerungsbestandteile waren bereits ab Phase Cucuteni A4 sehr variabel und der bemalten Keramik ähnlich, wie Analysen nahe legen. Vgl. Ellis 1984) der C-Keramik, der Brand der C-Keramik bei semioxidierender bzw. oftmals oxidierender Atmosphäre sowie vereinzelt der Überzug der Keramik mit einer Engobe (Ştefaneşti, Valea Lupului) geäußert (Im Hinblick auf die Verzierungsmotive ist diese Signatur bemalter Keramik bereits auf der C-Keramik der Phasen A zu erkennen, z. B. Gefäßverzierung aus Drăguşeni). Die C-Keramik zeigt keinen homogenen Charakter mehr und kann innerhalb einer Siedlung verschiedene Ausführungen aufweisen, die beispielsweise als Neuerung Standfüße zeigen. Vereinzelt werden auf der Keramik zoomorphe Bemalungen beobachtet. Die plastischen Modellierungen – naturalistisch oder schematisch – sind in der Cucuteni-Tripol´e-Kultur gleichartig ausgeformt, wobei sich aber die Art des Dekors bestehend aus Eindrücken, Kammabdrücken und plastischen Applikationen sowie in Struktur als auch Motivik unterscheidet. Gegen Ende der Phase B2 ist die Rede von einer Vereinfachung der Motive, die aus einfachen Eindrücken am Rand oder Abdrücken von echter oder falscher Schnurzier bestehen (Dragomir 1982, 428). Auch nach den „letzten Äußerungen der Cucuteni C-Keramik" kommt die Schnurkeramik in der folgenden Postcucuteni-Phase (Dodd-Oprițescu spricht von Horodiștea-Folteşti) vor und werde übernommen (Dodd- Oprițescu 1992, 37f.).

Es ist jedoch zu hinterfragen, ob hier nicht zwei verschiedenen Strömungen vermischt wurden und grundsätzlich eher von zwei unterschiedlichen, keramischen Entwicklungssträngen auszugehen ist.

Keramische Traditionen - ein Überblick

Die bemalte Keramik als Leitfossil erlaubt die relativchronologische Verortung des nordpontischen Raumes. Darüber hinaus existieren an vielzähligen Fundorten weitere keramische Traditionen bzw. Warengruppen, welche im Cucuteni- und Tripol´ekontext als regionale Gruppen teils verschiedener Einflusssphären angesprochen werden. Die Warengruppen bilden die Grundlage für die Definition diverser Lokalvarianten, bei welchen die bemalte bzw. spiralverzierte Keramik den chronologischen Rahmen bildet. Bereits Passeks erste Auswertung der bis 1935 bekannten Assemblagen und die daraus entwickelte Wareneinteilung zeigte ein breites Warenspektrum an: 1) Keramik auf poliertem, orangem Grund mit monochromer (schwarzer) Bemalung (Section I); 2) polychrome Keramik auf hellem Tongrund (Section II); 3) geglättete Keramik mit eingetieften und eingedrückten Ornamenten (Section III); 4) Kannelierte Keramik mit weiten, tiefen Rillen (Section IV); 5) Keramik mit (ungleich tief) streifig geglätteter Oberfläche („mit gezahntem Gerät") (Section V) (Passek 1935, 43-107; Passek 1941; Passek 1949). Unter Berücksichtigung spezifischer lokaler Eigenheiten erstellte Passek die noch heute gültige Stufenfolge für Tripol´e. Die keramischen Charakteristika sind hierbei als neues, vorherrschendes Element zu verstehen, welches eine Phase markieren, während die anderen Warengruppen mitunter weiterhin bestehen (Passek 1935, 129-137; Passek 1949, 28-230; Ellis 1984, 30f.).

Darüber hinaus begleitet die Assemblagen sämtlicher Siedlungen eine als Gebrauchskeramik angesprochene Ware. Die Gefäße werden als wenig sorgfältig geformt und ihre Textur als grobkörnig angesprochen. Knubben und Ösen sind im Schulter-Hals-Bereich oder aber auf Bauch, Schulter und Hals der Gefäßkörper angebracht. Außerdem weist die Keramik dicke Wandungen auf. Tatsächlich ist die Haushaltskeramik (unverzierte Ware) nicht immer von der C-Keramik abgegrenzt. Gelegentliche Beimengungen von Schamott, Häcksel oder Sand sind sowohl in der Haushaltskeramik als auch in der C-Keramik festzustellen. Des Weiteren ist gelegentlich die Rede von *Kalksteinchen* als Magerungsbestandteile.

Einerseits äußern sich in den regionalen Gruppen innerhalb der Cucuteni-Tripol´e-Kultur verschiedene Traditionslinien, die in Cucuteni A zumeist noch diverser und stärker ausgeprägt sind bzw. sich in der Warenverteilung deutlicher abhe-

ben (Vgl. Linienbandkeramik, aber auch Boian A sowie Vădastra. (Vgl. Petrescu-Dîmboviţa 1999, 266f.) als während Cucuteni B. Sie zeugen von verschiedenen Mechanismen der Fortführung, Adaption oder Ablehnung von Traditionen. Die regionalen Verteilungen und unterschiedlichen Warenzusammensetzungen an den Fundorten zeigen aber auch funktionale Bezüge im alltäglichen Verwendungsspektrum von Keramik an. Ein Verständnis der C-Keramik und ihrer Genese ist daher nur aus der ganzheitlichen Betrachtung der keramischen Assemblagen an den einzelnen Fundorten nachzuvollziehen und zu erarbeiten. Dodd-Opriţescu äußert ihrerseits bereits das Desiderat einer ganzheitlichen Analyse der Keramikassemblagen (Dodd-Opriţescu 1982). Da der vorliegende Artikel lediglich eine kurze Zusammenfassung zum Stand der C-Keramik darstellt, kann eine derartige Auswertung an dieser Stelle ebenso nicht erfolgen.

Technologische Aspekte der C-Keramik

Konkret zeichnen sich in der Cucuteni-Tripol´e-Kultur zwei Hauptwarengruppen ab: Die erste Gruppe bewegt sich im Bereich fein bis semifein (bemalt, gerillt oder kanneliert) und besteht aus fein ausgeschlämmtem Ton, teils ohne merkliche Zugaben. Parallel findet sich grob gefertigte Keramik (eingetieft, eindruckverziert oder aber unverziert) mit weniger sorgfältig aufbereitetem Ton mit mineralischen und/ oder organischen Zugaben (Vgl. Ellis 1984). Neben funktionalen Aspekten, welche die Herstellung betreffen, kann die Keramikmagerung in Abhängigkeit von ihrer Nutzung die Lebensdauer eines Gefäßes verlängern und sich bspw. positiv auf die thermale Schockresistenz auswirken. Keramik mit Muschelmagerung eignet sich z. B. besser in der Anwendung als Gebrauchs- bzw. Kochkeramik als die feine(n) Ware(n) (Bronitsky, Hamer 1986; Hally 1986).

Für den Brand der Cucuteni-Tripol´e-Keramik lassen sich zwei Arten unterscheiden: In der Frühphase der Cucuteni-Kultur (Präcucuteni-Protocucuteni) wird die Keramik in Brandgruben bei unkontrollierter Atmosphäre und ungleichmäßiger Hitzeeinwirkung gebrannt, was die Farbnuancen zwischen rot, braun und grau belegen. Auch die Dauer der Befeuerung wird als relativ kurz beschrieben, da der Bruch oftmals einen schwarzen Kern aufweist und lediglich zu einer Karbonisierung desselben führte. Über die gesamte Dauer der Cucuteni-Kultur bleibt diese Art des Keramikbrandes in Nutzung. Auch als sich der Brand in Töpferöfen zu etablieren begann, wurde die Haushaltskeramik und C-Keramik in offenen Brandgruben bzw. Meileröfen, d. h. bei relativ kurzer Brenndauer und ungleicher, reduzierender Atmosphäre, gebrannt. Dies lässt sich bereits von Schmidts Beschreibung des Scherbens der C-Keramik als „grau oder gelblich grau, seltener klar gelb, am seltensten aber rötlich, vielfach ungleich mit schwarzen Stellen oder auch im Bruch grau oder schwärzlich mit hellen oder rötlichen Rändern“ herleiten (Schmidt 1932, 45; diese rötlichen und gelblichen Ränder wurden von Rowlett und Shaw (2005) kontextlos als die Hohlräume mit gelblichem Schimmer interpretiert, welche beim Ausbrennen von Salz entstehen können). Die Gebrauchskeramik wurde gleichfalls schwach gebrannt; ihre Oberfläche ist ziegelrot (Crîşmaru 1977, 96). Insgesamt dürfte die Brenntemperatur für Haushalts- und C-Keramik 500-600° C nicht überstiegen haben, da die Muschelfragmente beim Brand nicht zerstört wurden (Ellis 1980, 227-229)

Vom Forschungsgespenst der Kurganisierung

Zu Beginn des 20. Jahrhunderts bildete die Theorie der so genannten Kulturprovinzen und der Kulturkreislehre die Ausgangsbasis für die Theorie gesellschaftlichen Wandels durch Migration bzw. für diesen Betrachtungsraum in dramatischerer Version durch Eroberung von Ost nach West (Vgl. Kossinna 21934: Modell der Kulturprovinzen; Wahle 1952; dem entgegen postulierte Childe (1929) eine kulturelle Überprägung von West nach Ost, ohne jedoch Kossinnas rassistische Konnotation aufzugreifen).

Mit den sich stets verändernden Angaben zum zeitlichen Einsetzen der C-Keramik ergaben sich neue Abgleichversuche mit synchron verlaufenden Kulturgruppen bzw. eine Einflussnahme derselben, die sich am Aspekt Schnurkeramik oder Muschelmagerung orientierten. Ein Zusammenhang mit so genannten Steppeninvasionen blieb von dem zeitlich immer weiter nach vorne versetzten ersten Auftreten der C-Keramik weitgehend unberührt.

Eine der prominentesten Adaptionen des Konzepts einer solchen kulturellen Einflussnahme ist wohl Marija Gimbutas Theorie der Invasionen durch so genannte Kurganvölker aus der Steppe. Darin bewertete Gimbutas die C-Keramik

als Anzeiger eben jenes intrusiven Elementes und wurde vielfach adaptiert (z. B. nennt Ellis (1980, 211-230) die C-Keramik ebenso „Kurgankeramik"). Aus forschungsgeschichtlicher Perspektive passte sich die erste relativchronologische Einordnung der C-Keramik in Phase Cucuteni B fernab von 14C-Korrektiven) gut in Gimubtas Theorie einer schubweisen, kulturellen Überprägung ein, denn die ersten Funde von C-Keramik wurden aus Siedlungen der Phase Cucuteni B bekannt und definiert. Da die C-Keramik dieser Phase bereits echte Schnureindrücke aufwies, kam diesem Kriterium zunächst eine große Gewichtung zu. Die Entstehung und Ausbreitung dieser Keramik wurde daher in einen Gesamtkontext mit der Ausbreitung der Schnurkeramik gesetzt, das heißt mit *mobilen* Gruppen.

Den Begriff der Kurganwelle bzw. Kurgankultur definiert Gimbutas vereinfacht an dem Merkmal einer Hügelaufschüttung über der Bestattung. Sie fasste zunächst jeden Kurgan als Indiz der Kurganinvasion auf und konstruierte so eine Verbreitung dieses Phänomens von der Schwarzmeerküste bis nach Mitteleuropa, bezog jedoch in folgenden Studien diese Definition vornehmlich auf die Grubengrabkultur. Konkret definiert Gimbutas vier Kurganwellen von Steppeninvasionen, welche in Alteuropa einfielen und zu einem Umbruch der Kulturtraditionen geführt hätten (Gimbutas 1956, 70-92; Gimbutas 1992, 401-405.) Auf die Cucuteni-Tripol´e-Kultur entfielen hierbei drei Wellen: Die erste Welle (Cucuteni A3) sei vom Wolgagebiet ausgegangen und bis zum unteren Dnepr vorgedrungen. Sie äußere sich im Auftauchen früher Ockergräber z. B. in Suvorovo und Casimcea. Die dort enthaltenen abstrakten und zoomorphen Steinzepter werden einerseits als Statussymbole der Steppenherrscher, andererseits als Beweis für einen Pferdekult bewertet, welcher wiederum ein Indiz für die Religion der Steppenvölker sei und damit die Anwesenheit derselben darstelle (Gimbutas 1994. 35-107). Derartige Steinzepter finden sich in neun Cucuteni-Fundstellen und datieren in die Phasen A2-A3 (Verchnij Žory), A3 (Obirşeni und Birlaleşti) bzw. A4 (Berezovka).

Die zweite Welle (Phase Cucuteni AB-B1) definiert Gimbutas als „Verschmelzung mit Kurgan-Elementen" (Gimbutas 1994, 49) und setzt sie der vollständigen Patriarchalisierung der Gesellschaft Alteuropas gleich. Als Novum spricht sie von einer Regentschaft über Mitteleuropa „von befestigten Höhensiedlungen aus mit Hilfe von aus Hartmetall gefertigten Dolchen" (Gimbutas 1994, 133), d.h. aus Kupfer-Arsen-Legierungen. Diese Welle sei vom Nordkaukasus und dem nordpontischen Gebiet ausgegangen. Ihre Verbreitung hätte bis zur Adria und dem griechischen Festland gereicht. Die in diesem Zeitfenster auftretende C-Keramik wird als Bestätigung der Anwesenheit des Kulturverbandes Srednij Stog erachtet, dessen Keramik ähnlich, jedoch weniger qualitativ als die C-Keramik gefertigt worden sei (Gimbutas 1992, 402. Im Jahr 1992 waren die C-Keramikfunde der Phase Cucuteni A bereits bekannt. Gimbutas hielt dennoch mit dem Aufkommen der C-Keramik ab Phase Cucuteni A-B fest). Die dritte Welle falle mit der Ausbreitung der Schnurkeramik, also mit der letzten Phase der Cucuteni-Tripol´e-Kultur zusammen und verdränge in Alteuropa gleichzeitig die bereits indogermanisierten Völker der zweiten Welle. Als Mischform von Cucuteni und Kurgan-elementen habe sich um Odessa die Usatovo-Gruppe gebildet. Die vierte Welle äußere sich schließlich in der Jamnaja-Kultur und stelle das Ende der Indoeuropäisierung dar. Die Indoeuropäisierung habe einen drastischen Transformationsprozess in Gang gesetzt, in welchem die egalitäre, matriarchale Gesellschaftsstruktur durch ein Patriarchat überlagert worden sei (Gimbutas 1994, 35-135).

Ohne zu detailliert auf Widersprüche in dieser Theorie eingehen zu wollen, kann als Kernaussage zusammengefasst werden, dass die C-Keramik mit einer Invasion durch so genannte Steppenvölker gleichgesetzt wurde. Ein Wandel in der Kupfermetallurgie (Arsenkupfer) und die weite Verbreitung der Steinzepter als vermeintliche Anzeiger der hohen Mobilität der Steppenvölker verwertete Gimbutas als Stütze ihrer These. Chronologisch wurden die Arsen-Kupfer-Legierungen von Gimbutas jedoch falsch eingeordnet. Außerdem müssen die Steinzepter nicht zwingend als ein Indikator für Wanderungsbewegungen herangezogen werden: Sah Gimbutas in der Annahme einer O-W gerichteten Ausbreitung jener Zepter die Ausbreitung der Kurganvölker bestätigt, so erweist sich eine Herkunft dieser Objekte aus westlichen Regionen als plausibler, da die dort gefundenen zoomorphen Objekte älter datiert werden. Es gibt zugleich jedoch Befürworter der

These, dass die Zepter im Osten völlig unabhänigig von jenen aus dem Westen entstanden seien (Vgl. Govedarica, Kaiser 1996, 59-103). Die postulierte, dritte Kurganwelle wurde mit dem Ende der Cucuteni-Tripol´e-Kultur durch die Schnurkeramik gleichgesetzt, allerdings ist fraglich, ob diese beiden Beobachtungen überhaupt in einen inhaltlichen und auch zeitlichen Zusammenhang gebracht werden müssen oder ob diese sich lediglich zeitlich ablösen (Vgl. Parzinger 1998, 26).

In Anbetracht des Vermischens diverser Einzelelemente und dem aus heutiger Sicht asynchronen Ablauf der rekonstruierten Ereignisse, kann Gimbutas´ These wohl als „Sammelsurium verschiedenster Einzelelemente" (Milojčić 1979, 243) verstanden werden. Gleichwohl ihr Modell auf einer Metaebene einige Denkanstöße lieferte, bedarf die Gleichsetzung der Kurganisierung Europas mit einer Indogermanisierung Europas als „unmethodische(s) Forschungsgespenst mit langer Tradition" (Milojčić 1979, 243) zweifelsohne einer kritischen Relativierung (Vgl. Häusler 1998; Anthony 1995, 91f; Prien 2005).

Der Begriff der Migration impliziert in Gimbutas´ Auslegung eine zielgerichtete Wanderung von Gruppen, die nicht näher umrissen wird. Insgesamt scheint es jedoch fraglich, inwiefern von Wanderungsbewegungen oder Nomaden im betrachteten Horizont ausgegangen werden kann. So ist anzunehmen, dass es im Äneolithikum für die zahlenmäßig geringe Bevölkerung noch keine wirtschaftlichen Gründe zur Auswanderung gegeben hat und dass das Wirtschaftssystem der Nomadenviehzucht erst entstanden ist, als zu Beginn des dritten Jahrtausends eine Aridisierung einsetzte (Videiko 1996, 73; weiterführend: Diachenko 2010, 37-48). Ganz klar kann im Fall der C-Keramik nicht von einer Division marodierender, brandschatzender Nomaden ausgegangen werden, welche eher Assoziationen mit der Goldenen Horde hervorruft, für den hier betrachteten Zeitraum jedoch als anachronistisch zu bewerten ist (Anthony 2006, 44; Neostupný 1982, 291; Parzinger 1998, 123).

Grundsätzlich scheint es plausibel, die Keramik vom Typ C als ein Steppenelement zu bewerten (Vgl. Rassamakin 1999). Jedoch ist kritisch zu hinterfragen, ob entgegen Gimbutas´ Interpretation die C-Keramik als ein Indiz auf Migration verstanden werden muss. Einerseits ist also zu ergründen, ob sich konkrete Einflusssphären ableiten lassen (wünschenswert wäre hierfür eine gut ausgearbeitete Definition der *Steppenkulturen*). Andererseits muss ebenso erwogen werden, ob die C-Keramik eine spezifische Funktion erfüllte, die das Vorhandensein dieser Keramik in sämtlichen Siedlungen notwendig machte.

Bezüge zum Nordpontus

Besonders die frühen Funde (Cucuteni A3-4) aus Bereşti, Druţa I, Vasilevka, Krasnostavka, Sabatinovka I, Mirnoe, Fedeleşeni und Četreşti-Vaslui werden als Import aus der Skel´a-Kultur angesprochen. Die Keramik wird als identisch mit jener aus dem nordpontischen Raum angesehen, werde im Cucuteni-Tripl´e-Kulturkreis jedoch unter dem Namen Cucuteni C-Keramik geführt (Rassamakin 1999. 77f.). Auch Videiko interpretiert beispielsweise die C-Keramik aus Drăguşeni als Skel´a-Import (Videiko 1994, 12f.). Diese direkte Herleitung ignoriert allerdings die Tatsache, dass die Skel´a-Keramik rund- bzw. spitzbodig ist, während die C-Keramik bereits zu Beginn ihres Vorkommens (Cucuteni A) einen flachen Boden aufweist. Darüber hinaus mag die Beimengung von Muschelgrus wohl eine Gemeinsamkeit sein, ist aber in diesem Sinne kein besonderes Charakteristikum der Skel´a- oder Srednij-Stog II-Gruppen, sondern im nordpontischen Raum bzw. darüber hinaus in der osteuropäischen Tiefebene weit verbreitet (Vgl. Videiko 1996. Vgl. Piezkonka 2015). Danilenko weist darauf hin, dass die Muschelmagerung für den nordpontischen Raum bereits im Neolithikum üblich war. Bei der Keramikbeschreibung des Bug-Dnestr-Raumes erwähnt er, dass die Keramik ebenfalls Beimischungen von Muscheln enthält (Danilenko 1969, 152). Die Skel´a-Kultur weist im nordpontischen Raum überwiegend Muscheln als Magerungsbestandteile auf. Die C-Keramik hingegen kann neben Muschelgrus auch ungleiche Beimengungen von Häcksel, Sand und Schamott enthalten. Direkt-importe von Srednij Stog II-Keramik sind z. B. in Traian Dealul Viei mit zwei spitzbodigen Gefäßen belegt. Sie lassen sich deutlich von den als C-Keramik definierten Gefäßen unterscheiden (Alaiba, Grădinaru 2001, 67-83). Die mineralogisch sehr ähnlichen Signaturen des regional anstehenden Tons machen Herkunftsbestimmungen von Keramik schwierig. Als Tendenz zeigt sich aber, dass die C-Keramik aus einzelnen Fundorten ähnliche Signaturen aufweist wie die feine Ware (Ellis 1980, 211-230; Colţos, Ni-

culescu 1981, 201-203). Eine Interpretation der C-Keramik als reines Importprodukt scheint daher wenig plausibel.

Adaption

Etwas abgeflachter wäre weniger von Import sondern von einem direkten Einfluss in der Keramikfertigung auszugehen. Die C-Keramik wird auch hier als Einfluss aus der nordpontischen Steppe erachtet, jedoch wird sie auf Impuls von außen in den Cucuteni-Tripol´e-Gemeinschaften produziert. Demnach zeige die C-Keramik im Sinne einer Akkuluration (Dragomir 1982, 422-429) ab Phase Cucuteni A ein langsames Durchdringen der Steppenbevölkerung an (Dumitrescu 1981, 589-597). Eine so genannte langsame Infiltration sei damit bestätigt, dass die C-Keramik in Phase Cucuteni A noch keine echte Schnurzier trägt und erst mit der Phase A-B zögerlich auftaucht, d. h. dass eine sukzessive Technologieübernahme erfolgt sei (z. B. Dragomir 1985, 102). Grundsätzlich ist eine solche Einflussnahme denkbar, jedoch sei an dieser Stelle ausdrücklich auf eine andere Problematik verwiesen, nämlich die, dass die Definition der neolithischen Vorgänger in diesem Raum nicht klar erfasst ist und beispielsweise die Definition der Skel´a-Kultur selbst, lückenhaft ist. Darüber hinaus ist auch in der Skel´a-Kultur die echte Schnurzier kein regelhaftes Merkmal der Keramik (Vgl. Rassamakin 1999).

Dodd-Oprițescus griff in einer heute als überholt geltenden Annahme den Aspekt der Schnurverzierung auf und ging davon aus, dass die C-Keramik von der Cernavodă I-Kultur initiiert worden sei. Im Weiteren gleiche sich die C-Keramik an die bemalte Cucuteni-Keramik an, indem die aus der Bemalung der Keramik bekannten Motive durch Einritzungen auf die C-Keramik aufgebracht werden (Vgl. Dodd-Oprițescu 1981, 511-528; Dodd-Oprițescu 1982, 70-80.). Eine Einflussnahme der Cernavodă I-Kultur auf die Entstehung der C-Keramik erscheint aus heutiger Sicht überholt. Die Keramik von Cernavodă I weist als Charakteristikum bereits zu Beginn der Kulturentwicklung Schnurein-drücke auf, wohingegen die C-Keramik erst mit der Phase A-B2 regelmäßig jene Verzierungsart zeigt. Darüber hinaus besteht auch absolutchronologisch kein Synchronismus dieser Beobachtungen.

Kontakt und Austauschsbeziehungen

In einer weiteren Herangehensweise wird die C-Keramik als Indikator verstanden, der einen wirtschaftlichen Kontakt mit den Steppenvölkern anzeige, wobei auch hier der C-Keramik ein nicht weiter hinterfragtes Fremdsein anhaftet. In diesem Sinne wäre an einen Austausch innerhalb der chalkolithischen (und neolithischer Vorläufer-) Gruppen des balkan-karpatischen Raumes mit dem Nordpontus zu denken. Skel´a-Importstücke in der Gumelnița-Siedlungen Pietrele unterstreichen diesen Kontakt (Vgl. Reingruber, Rassamakin 2012). Die Cucuteni-Kultur nimmt dabei eine Art Mittlerfunktion für die Gruppen der nordpontischen Steppen ein. Die Rohstoffe Salz, Kupfer oder Gold seien demnach über die Cucuteni-Tripol´e-Kultur (aus dem Karpaten-Balkan-Raum) eingehandelt worden. Eine derartige Mittlerfunktion scheint plausibel, wenn man z. B. an Spondylusplättchen aus der Adria in Bestattungen des nordpontischen Raumes oder an das balkanische Kupfer im Gräberfeld von Chvalynsk denkt. Im Siedlungsgebiet der Cucucteni-Tripol´e-Kultur sind neben balkanischem Kupfer weiterhin Obsidian aus der Region Tokaj und Silex aus der Prut-Dnestr-Region sowie von der unteren Donau bekannt (Monah 1992, 396; Krauß 2008, 117-149). Da einige verhandelte Güter vermutlich nicht mehr rekonstruiert werden können, kommen als Tauschgüter der Steppenbewohner weiterhin Felle oder (domestizierte) Tiere in Frage. Darüber hinaus müssen derartige Handelsverbindungen nicht nur einen Gütertransfer beinhalten. Reziprozität kann sich ebenso in Formen ritueller Art, militärischen Diensten, Tänzen oder Festen äußern (Mauss 1997, 50). Angesichts des umfassenden Keramikmaterials aus Drăguşeni wird erwogen, dass die C-Keramik möglicherweise eine Art von sozialem Rang (Marinescu-Bîlcu, Bolomey 2000, 37f) wie z. B. Exogamie oder Versklavung von Familien oder eine wirtschaftliche Klassifizierung ausdrücke, welche den Gütertausch zwischen sesshaften und pastoralen Gemeinschaften beinhalte (Marinescu-Bîlcu 1989, 217). Möchte man diese Heiratsallianzen mit der C-Keramik, welche von Fremden in den Cucutenisiedlungen produziert wurde, in Verbindung bringen (Monah 1992, 398), so wären zwei Aspekte vorauszusetzen: 1) eine fremde Person tradiert ihren eigenen Status bzw. die Zugehörigkeit durch das Produzieren fremdartiger Keramik; 2) als Marker des *Fremden* müsste die C-Keramik in den Siedlungen ungleich verteilt sein und nur in einzelnen (wenigen) Haus-

befunden vorhanden sein.

Diese These wäre also nur dann schlüssig, wenn die C-Keramik lediglich in gewissen Häusern oder Vierteln auftauchen würde bzw. sich nur vereinzelt in besonderen Fundkontexten zeigen würde. In der Verteilung der C-Keramik innerhalb einzelner Siedlungen zeichnet sich jedoch ab, dass es keine merkliche Ansammlung jener Gefäße in einzelnen Fundbereichen gibt, sondern die C-Keramik in fast allen Häusern durch nur wenige Gefäßindividuen vertreten ist (Detailierte Betrachtungen erfolgten in Drăguşeni und Tîrpeşti; man könnte vice versa in einer weiteren Untersuchung all jene Komplexe gesondert betrachten, in welchen keine C-Keramik zum Vorschein kam). Darüber hinaus ist bspw. die frühe zeitliche Stellung Drăguşenis bemerkenswert - zeugt die dortige C-Ware in nahezu allen Hausbefunden doch davon, dass sie bereits zu einem frühen Stadium in Siedlungen westlichen Verbreitungsgebietes etabliert und zum festen Bestandteil im Siedlungsalltag gehörte. Naheliegender wäre es daher, in Anlehnung dessen davon auszugehen, dass die C-Keramik ein Element darstellt, das bereits mit Präcucuteni vorhanden war: blickt man schließlich auf die Vorläufer im Siedlungsgebiet der Cucuteni-Tripol´e-Gruppen, so wird klar, dass flachbodige Keramik, teils mit Muschelmagerung, dort bereits früher (Bug-Dnestr-Kultur) hergestellt wurde.

Funktionale Überlegungen zur C-Keramik

Angesichts der Tatsache, dass im Cucuteni-Tripol´e-Gebiet die C-Keramik sehr früh bekannt war und produziert wurde, wäre eher anzunehmen, dass die C-Keramik ein bewusst hergestelltes, kulturell transponiertes Element darstellt, das bestimmte, funktionale Eigenschaften erfüllt. Die C-Keramik weist demnach als Produkt der Cucuteni-Tripol´e-Kultur den Charakter der Präcucuteni III-Keramik auf und stellt eine Fortführung derselben dar (Florescu et al 1999, 470f). Sie ähnelt in Form und Charakter der bemalten Keramik, was den Schluss zulässt, dass die Keramik von der gleichen Gruppe hergestellt wurde, die auch bemalte bzw. gerillte Gefäße oder auch geritzte Keramik hervorbrachte (Marinescu-Bîlcu 1983, 126; wobei morphologisch allerdings große Unterschiede bestehen; vgl. weiterführend: Untersuchungen von Cucuteni-Tripol´e-Keramik (Ellis 1984; Mantu et al. 2001, 275-280). Auch die Präcucuteni-Keramik enthält vereinzelt eine Magerung mit Kalksteinchen. Weiterhin erwähnt Dodd-Opriţescu die morphologische Nähe der C-Ware zu frühen Tripol´e-A-Gefäßen (Dodd-Opriţescu 1980, 557-559; vgl. auch Videiko 1994). Erstaunlicherweise bemerkt Dodd-Opriţescu auch derartige Parallelen im Zierstil mit der bemalten Keramik (z. B. Spiralmotive) bereits in der Phase A4. Eine Einflussnahme fand darüber hinaus offenbar in beiderseits statt: Die auf der C-Keramik häufig aufgebrachte Randeinkerbungen finden sich auf manchen Rändern der Feinkeramik als bemaltes Element wieder. Dennoch ist erst mit Phase Cucuteni B2 von einer Depersonalisierung der C-Keramik bzw. von Interferenzerscheinungen der feinen und der C-Keramik die Rede.

Geht man also davon aus, dass die C-Keramik innerhalb der Cucuteni-Tripol´e-Kultur gefertigt wurde, so wäre denkbar, dass sie eine gewisse Funktion inne hatte, welche der Grobkeramik oder bemalten Keramik nicht zukam (Marinescu-Bîlcu 1989, 217). Es zeigt sich, dass die C-Keramik in Drăguşeni und Tîrpeşti in sämtlichen bzw. zahlreichen Häusern unterschiedlicher Funktionsansprachen vorkam und über die gesamte Siedlung verteilt war. Das bedeutet, dass die Keramik weniger eine ethnische Zugehörigkeit beinhaltet sondern eher zur Ausstattung jedes Haushalts gehört hat. Die Muschelmagerung hat der C-Keramik also wohl eine Eigenschaft verliehen, welche das Vorhandensein eben jener Gefäße neben der üblichen Gebrauchskeramik sowie der feinen Ware in nahezu allen Haushalten notwendig werden lässt. Leider sind keine Gebrauchsspurenanalysen über den Inhalt bekannt, so dass auf keine spezifische Verwendung der Keramik geschlossen werden könnte. Was im Vergleich zu den anderen Waren, besonders zur allgemeinen Grobkeramik, allerdings heraus sticht, sind die Muschelmagerung sowie eine standardisierte Form. Bei einer Verwendung als Kochkeramik ist die Muschelmagerung für eine erhöhte, thermale Schockresistenz von Vorteil (Bronitsky, Hamer 1986; Feathers 2006). Da die Muschelmagerung jedoch nicht in jeder Phase als charakteristische Beimengung vorkommt, muss das Verwendungsspektrum darüber hinaus möglicherweise im weiteren Haushaltskontext gesucht werden. Somit bliebe als zweite Konstante der C-Keramik die Form, welche nur gering variiert.

Neben der Wahl des Magerungsmittels sind die Form, aber auch Verzierung oder Behandlung der Oberfläche wesentliche Einflüsse, welche auf das Gefäß in seiner Handhabung wirken können: Eine sanfte Gefäßprofilierung ist bei Temperaturanstieg beispielsweise weniger anfällig für Risse oder Sprünge (Hally 1986). Gewisse Eigenschaften, die sich aus der Gefäßform ableiten lassen, könnten für Produktionsprozesse nützlich sein, welche mit Milchverarbeitung in Verbindung stehen (Danilenko 1974, 104; Vgl. Videiko 1994, 12. Vgl. weiterführend: Boghian 2004, 127; Heimann, Magetti 2014). Mangels Speiesekrustenanalysen muss eine Verwendung im Kontext von Gerinnung und Weiterverarbeitung von Milch in C-Gefäßen vorerst jedoch hypothetisch bleiben. Grundsätzlich wären für solche Zuweisungen des Verwendungsspektrums von Warengruppen die gesamten Assemblagen in Bezug auf ihre Form, Mündungsweite, Fassungsvermögen, Magerungsbestandteile und damit vorteilhaft in Verbindung stehender Funktionen auszuwerten.

Vereinzelt wird die C-Keramik mit der Salzgewinnung in Verbindung gebracht. In Lunca-Poiana Slatinei und Cacica fanden sich in der Nähe von Salzquellen Scherben von C-Keramik (Monah 2002, 140f). Auf Grund der eher offenen, weiten Form scheint die C-Keramik als Siedegefäß oder Briquetage wenig üblich, jedoch könnte sie für einen langen Aussiedeprozess unter beständiger Hitzezufuhr eine geeignete Ware darzustellen. Vermeintliche Beobachtungen von Salzinklusionen bzw. gelblichen Hohlräumen im Scherben (Vgl. Schmidt 1932; weiterführend: Rawlett, Shaw 2005, 162-167: über die Notwendigkeit von Salz als Magerungsbeimengung in Verbindung mit Muschelgrus) könnten unter Umständen mit der Salzgewinnung im Zusammenhang stehen. Insgesamt wirkt die These eines Zusammenhangs der C-Ware mit Salzproduktion bzw. im Verwendungsbereich als Briquetage jedoch wenig stichhaltig, denn in diesem Falle würde sich die C-Keramik eher selten in Haushalten bzw. Siedlungen finden, die keinen Bezug zu Solequellen aufweisen. Hätte man flüssige Sole transportieren wollen, so schiene die C-Keramik auf Grund ihrer weiten Mündung ebenso wenig geeignet. Angesichts der Methode des Salzsiedens mittels Pflanzenfasern wäre diese Anwendung auch nicht zwingend notwendig. Die C-Keramik könnte in diesem Zusammenhang für die Aufbewahrung und den Transport der aus Pflanzenfasern ausgesiedeten Salznuggets gedient haben. Die folgende Lagerung von Salz in denselben Gefäßen wäre in den einzelnen Haushalten denkbar. In den Hauskomplexen würde die C-Keramik demzufolge nicht in großen Mengen vorhanden sein, sondern lediglich durch wenige Gefäße pro Haushalt abgedeckt werden. Das würde voraussetzen, dass die Salzbeschaffung jedem Haushalt selbst oblag, da sich ansonsten dementsprechende Salzdepots bzw. Ansammlungen zahlreicher C-Keramik in einzelnen Haushalten erwarten lassen müssten. Der Aspekt der Salzgewinnung scheint in diesem Zusammenhang also wenig schlüssig, schließlich könnte ein Zusammenhang zwischen Salzquellen und der C-Keramik jedoch auch indirekt hergeleitet werden und läge dann wiederum in ihrer Funktion als Haushaltskeramik in saisonal besiedelten Lagern nahe der Salzlagerstätten begründet.

Generell scheint also eine spezielle Verwendung der C-Keramik im Haushaltsbereich schlüssig, wo sie wohl eine sehr spezifische, auf die Gefäßeigenschaften bezogene Funktion erfüllte. Für funktionale Keramikauswertungen von Assemblagen aus geschlossenen Kontexten ist prinzipiell davon auszugehen, dass sich nicht zwingend nur eine Funktion für einzelne Keramikgattungen herauskristallisieren muss, sondern sich die Grenzen zwischen rituell, sozial oder funktional fließend gestalten.

Zusammenfassung

Im Spannungsfeld zwischen produzierender und aneignender Wirtschaftsweise, zwischen bemalter und tiefornamentierter Keramiktradition kann die C-Keramik als eine Interferenz zweier Keramiktraditionen verstanden werden, die in den Siedlungen der Cucuteni-Tripol´e-Kultur bewusst hergestellt wurde. Wie allein schon die zahlreichen regionalen Gruppen innerhalb der Cucuteni-Tripol´e-Kultur anzeigen, handelt es sich hierbei um Gemeinschaften, die in unterschiedlichen Traditionslinien stehen, sicherlich jedoch nicht voneinander abgeschottet waren. Die C-Keramik scheint hierbei als Symbiose zwischen alter und neuer Tradition ein konstantes Element darzustellen, das sich innerhalb der Cucuteni-Tripol´e-Kultur beständig weiterentwickelte. Ein wesentliches Merkmal in der Unterscheidung der Keramik des nordwestpon-

tischen Steppenraumes von den Waren der Cucuteni-Tripol'e-Keramik ist der Gefäßboden, welcher als „Steppenmarker" rund- bzw. spitzbodig ist, bei der C-Keramik jedoch stets flachbodig wie bei den feinen Waren.

Die Frage nach dem Ursprung der C-Keramik ist sicherlich nicht monokausal in einem stimulierenden Ereignis wie einer großen Migrationswelle zu suchen. Das Konzept von Migration wäre eher als weit gefasste Form von Mobilität zu verstehen und muss nicht zwangsläufig das Überwinden (großer) räumlicher Distanzen ausdrücken oder gar militärisch geprägt sein. Sie kann ebenso als soziale Form von Mobilität verstanden werden, welche sehr kleinräumig stattfinden und durch einzelne Individuen getragen werden können (Vgl. Burmeister 2013, 35-58). Der Kontakt bzw. Austausch zwischen den Sphären des karpato-balkanischen Raumes mit dem Nordpontus ist in Form von Importen vielfach angezeigt und scheint sich insgesamt stimulierend für die Entwicklung der Cucuteni-Tripol´e-Kultur ausgewirkt zu haben.

Insgesamt wäre in Bezug auf diese Problematik ein genaueres Ausdifferenzieren der Warengruppen und ihrer prozentualen Verteilung je Befundeinheit an sämtlichen Fundorten wünschenswert. Erst in diesem Kontext wäre auch die C-Keramik klarer einzuordnen und einem enger gefassten Funktionsspektrum zuzuweisen. Wie bereits erläutert wurde, führt die C-Keramik selbst bereits zu Fehlinterpretationen, da ihre Erhaltung in Hauskontexten auf Grund der Überfeuerung in Folge der Brandereignisse schlechter ist und sie meines Erachtens in den Grabungsstatistiken teils deutlich unterrepräsentiert ist.

Literatur

Alaiba, Grădinaru 2001: R. Alaiba, J. Grădinaru, Noi descoperiri de ceramică de tip Cucuteni C în Podişul Moldovei. TD 22, 2001, 67-83.

Anthony 1995: D.W. Anthony, Nazi and Eco-Feminist Prehistories: Ideology and Empiricism. In: Indo-European Archaeology. In: (Hrsg. L. Kohl, C. Fawcett) Nationalism, politics, and the practice of archaeology (Cambrige 1995), 82-96.

Anthony 2006: D.W. Anthony, Three Deadly Sins in Steppe Archaeology: Culture, Migration and Aryans. In: (eds. D.L. Person, I.M. Popova, A.T. Smith) Beyond the Stepee and the Sown. Proceedings of the 2002 University of Chicago Conference on Eurasian Archaeology. Colloquia Pontica 13 (Leiden 2006), 40-63.

Belanovskaia 1958: T.D. Belanovskaia, Tripol´skaia Kul´tura (Leningrad 1958)// Т.Д. Белановская, Трипольская культура (Ленинград 1958).

Bronitsky, Hamer 1986: G. Bronitsky, R. Hamer, Experiments in Ceramic Technology. The Effects of Various Tempering Materials on Impact and Thermal-Shock Resistance. American Antiquity 51. 1, 1986, 89-101.

Burdo 2004: N.B. Burdo, Keramika tipu Kukuten´ C. In: Entsiklopediia tripol´skoi civilizatsii 2 (2004), 215-216 s.v. // Н.В. Бурдо, Кераміка типу Кукутень С. В кн.: Енциклопедія трипільскої цивілізації 2 (2004), 215-216.

Burmeister 2013: S. Burmeister, Migration. Innovation. Kulturwandel. Aktuelle Problemfelder archäologischer Investigation. In: (Hrsg. Elke Kaiser/ Wolfram Schier) Mobilität und Wissenstransfer in diachroner und interdisziplinärer Perspektive (Berlin–Boston 2013), 35-58.

Childe 1929: V.G. Childe, The Danube in Prehistory (Oxford 1929).

Colţos, Niculescu 1981: C. Colţos, Gh. Niculescu, Cercetări de conservare şi restaurare 1, (Bucureşti 1981), 201-203.

Comşa 1980: E. Comşa, Die Kupferverwendung bei den Gemeinschaften der Cucutenikultur in Rumänien. PZ 55, 1980, 197-219.

Comşa 1991: E. Comşa, Die Cucuteni und nordpontische Verbindungen. In: (J. Lichardus) Die Kupferzeit als historische Epoche. Symposium Saarbrücken und Otzenhausen 6.-13.11.1988 (Bonn 1991), 85- 93.

Crîşmaru 1977: A. Crîşmaru, Drăguşeni. Contribuţii la o monografie archeologică (Botoşani 1977).

Cucoş, Monah 1985: S. Cucoş, D. Monah, Aşezările culturii Cucuteni din România (Iaşi 1985).

Cucoş 1985: S. Cucoş, Ceramica de tip "C" din aria culturii Cucuteni. MA IX-XI, 1985, 63-92.

Danilenko 1969: V.N. Danilenko. Neolit Ukrainy (Kiev 1969) // В.Н. Даниленко, Неолит Украины (Киев 1969).

Danilenko 1974: V.N. Danilenko. Eneolit Ukrainy (Kiev 1974) // В.Н. Даниленко, Энеолит Украины (Киев 1974).

Diachenko 2010: A.V. Diachenko. Evstaticheskie kolebaniia urovnia Chernogo moria i dinamika razvitiia naseleniia kukuten´-tripol´skoi obshchnosti. Stratum Plus 2, 2010, 37-48 // А.В. Дяченко, Эвстатические колебания

уровня Черного моря и динамика развития населения кукутень-трипольской общности. Stratum Plus 2, 2010, 37-48.
Dodd-Oprițescu 1980: A. Dodd-Oprițescu, Considerații asupra ceramicii cucuteni C. SCIVA 31, 4, 1980, 547-557.
Dodd-Oprițescu 1981: A. Dodd-Oprițescu, Ceramica ornamentată cu șnurul din aria culturilor Cucuteni și Cernavodă. SCIVA 32, 1981, 511-528.
Dodd-Oprițescu 1982: A. Dodd-Oprițescu, La céramique Cucuteni C. Son origine. Sa signification historico-culturelle. In: Pulpudeva 3. Semaines Philippopolitaines de l´hisotire et de la culture trace. Plovdiv 4.-19. octobre 1978. Thracia Praeist. Suppl. (Sofia 1982), 70-80.
Dodd-Oprițescu 1983: A. Dodd-Oprițescu, Vecinii estici și nord-estici ai triburilor Cucuteni-Tripolie. SCIVA 34, 1983, 222-234.
Dodd-Oprițescu 1992: A. Dodd-Oprițescu, Die Schnurverzierte Keramik in der Cucuteni- und CernavodaI-Kultur. Schnurverzierte Keramik. In: (Hrsg. P. Roman, A. Dodd-Oprițescu) Internationale Interakademische Kommission für die Erforschung der Vorgeschichte des Balkans III (Heidelberg 1992), 38-43.
Dragomir 1982: I.T. Dragomir, Elemente stepice „Cucuteni C" descoperite la Bereşti (jud. Galați). SCIVA 33, 1982, 422-429.
Dragomir 1985: I.T. Dragomir, Principalele rezultate ale săpăturilor arhologice de la Bereşti „Dealul Bulgarului" (1981), județul Galați. MA 9-11, 1985, 93-139.
Dumitrescu 1963: Vl. Dumitrescu, Originea și evoluția culturii Cucuteni-Tripol´e. SCIV XIV, 1963, 268-291
Dumitrescu 1974: Vl. Dumitrescu, Unele probleme ridicate de așezarea cucuteniană de la Drăgușeni din trecutul județului Botoșani, 1 (Botoșani 1974), 23-40.
Dumitrescu 1981: Vl. Dumitrescu, Quelques remarques à propos de la «première vague» de tribus de steppes Nord-Pontiques à l´Ouest du Prut. Revue Roumaine d´Histoire 4, 1981, 589-597.
Dumitrescu et al. 1954: Vl. Dumitrescu et al., Hăbăşeşti. Monografie Arheologică (Bucureşti 1954).
Ellis 1980: L. Ellis, Analysis of Cucuteni-Tripolye and Kurgan Pottery and the Implications For Ceramic Technology. Journal for Indoeuropean Studies VIII, 211-230.
Ellis 1984: L. Ellis, The Cucuteni-Tripolye Culture. A Study in Technology and the Origins of Complex Society. BAR International Series 217 (Oxford 1984).
Feathers 2006: J.K. Feathers, Explaining shell-tempered pottery in prehistoric Eastern North America. Journal of Archaeological Method and Theory 13, 89-133.
Gâță 2000: G. Gâță, A Technological Survey of the Pottery. In: (Hrsg. S. Marinescu-Bîlcu, A. Bolomey) Drăguşeni. A Cututenian Cummunity. Archaeologica Romanica II, 111-131.
Gimbutas 1956: M. Gimbutas, The Prehistory of Eastern Europe. Part I. Mesolithic, Neolithic and Copper Age Cultures in Russia and the Baltic Area. Bull. Am. School Prehist. Research 20. (Cambridge 1956).
Gimbutas 1992: M. Gimbutas, The relative chronology of Neolithic and Chalcolithic cultures in Eastern Europe north of the Balkan Peninsula and the Black Sea. In: (ed. R.W. Ehrich) Chronologies in Old World Archaeology (Chicago 1965) 395-406.
Gimbutas 1994: M. Gimbutas, Das Ende Alteuropas. Der Einfall von Steppennomaden aus Südrußland und die Indogermanisierung Mitteleuropas (Innsbruck 1994).
Govedarica 2004: B. Govedarica, Zepterträger. Herrscher der Steppen. Die frühen Ockergräber des älteren Äneolithikums im Karpatenbalkanischen Gebiet und im Steppenraum Südost- und Osteuropas (Mainz 2004).
Govedarica, Kaiser 1996: B. Govedarica, J. Kaiser, Die äneolithischen, abstrakten und zoomorphen Steinzepter Südost- und Osteuropas. Eurasia Antiqua 2, 1996, 59-103.
Hally 1986: D.J. Hally, The Identification of Vessel Function. A Case Study from Northwest Georgia. American Antiquity 51, 2, 163-96.
Häusler 1998: A. Häusler, Zum Ursprung der Indogermanen. Archäologische, anthropologische und sprachwissenschaftliche Gesichtspunkte. EAZ 39, 1998, 1-46.
Heimann, Magetti 2014: R.B. Heimann, M. Magetti, Ancient and Historical Ceramics. Materials, Technology, Art and Culinary Traditions (Stuttgart 2014).
Kossinna 1934: G. Kossinna, Ursprung und Verbreitung der Germanen in vor- und frühgeschichtlicher Zeit (Leipzig 1934).
Krauß 2008: R. Krauß, Karanovo und das südosteuropäische Chronologiesystem aus heutiger Sicht. EurAnt 14, 2008, 117-149.
László 1966: A. László, Cercetări arheologice în așezarea Cucuteni A-B de la Huși. AM 4, 1966, 7-22.
Liddell 1929: D.M. Liddell, New Light on an Old Problem. Antiquity 3, 1929, 183-291.

Mantu 1997: C.-M. Mantu, Cucuteni. The last Great Chalcolithic Civilization of Europe (Bukarest 1997).
Mantu 1998: C.-M. Mantu, Cultura Cucuteni. Evoluţie, cronologie, legături. Bibliotheca Memoriae Antiquitatis 5 (Piatra-Neamţ 1998).
Mantu et al. 2001: C.-M. Mantu, A.M. Vlad, G. Niculescu, Painting Pigments for Ceramic Decoration in the Cucuteni-Tripolye Cultural Complex. In: (Hrsg. F. Draşovean) Festschrift Gheorghe Lazarovici zum 60. Geburtstag (Timişoara 2001), 275-280.
Manzura 1999: I. Manzura, The Cernavoda I Culture. In: (Ed. N. Nikolova) The Balkans in Later Prehistory. Periodization, Chronology and Cultural Development in the Final Copper and Early Bronze Age (Fourth and Third Millenia BC). BAR International Series 791 (Oxford 1999), 95-175.
Markevici 1981: V.I. Markevici, Pozdnetripol'skie plemena Severnoi Moldavii (Chişinau 1981) // В.И. Маркевич, Познетрипольские племена Северной Молдавии (Кишинэу 1981).
Marinescu-Bîlcu 1983: S. Marinescu-Bîlcu, Nécrologue Hortensia Dumitrescu. Dacia 27, 1983, 195-197.
Marinescu-Bîlcu 1989: S. Marinescu-Bîlcu, Ceramica cucuteniană de la Drăguşeni. Tradiţii, creaţii proprii. Aspecte regionale. SCIVA 40, 1989, 215-239.
Marinescu-Bîlcu 1991: S. Marinescu-Bîlcu, Études sur quelques problèmes du Néolithique et du Énéolithique à l'Est des Carpates orientales. Dacia, Seria Noua 35, 1991, 5-59.
Marinescu-Bîlcu, Bolomey 2000: S. Marinescu-Bîlcu, A. Bolomey, Drăguşeni. A Cucuteni Community (Tübingen 2000).
Mauss 1997: M. Mauss, Die Gabe. Form und Funktion des Austauschs in archaischen Gesellschaften (Frankfurt/Main 1997).
Meyer 2008: D. Meyer, Der Westpontische Raum am Ende der Frühen Kupferzeit. Schriften des Zentrums für Archäologie der Schwarzmeerküste und Kulturgeschichte des Schwarzmeerraumes 14 (Langenweißbach 2008).
Milojčić 1979: V. Milojčić, Rez. zu A. Tovar, Krahes alteuropäische Hydronomie und die westindogermanischen Sprachen. PZ 54, 1949, 243.
Monah 1992: D. Monah. Les villages de la civilisation Cucuténi-Tripoly en Roumaine. Typologie et organisation interne. Comité des Travaux Historiques et Scientifiques (Paris 1992), 391-406.
Morintz, Roman 1968: S. Morintz, P. Roman, Aspekte des Ausgangs des Äneolithikums und der Übergangsstufe zur Bronzezeit im Raum der Niederdonau. Dacia 7, 1968, 45-103.
Movsha 1965: T.G. Movsha, Mnogosloinoe tripol´skoe poselenie Solonceni 2. KSIA 105, 1965, 91-101 // Т.Г. Мовша, Многослойное трипольское поселение Солончени 2, KSIA 105, 1965, 91-101.
Neostupný 1982: E.F. Neostupný, Prehistoric Migrations by Infiltration. Arch. Rozhledy 34, 1982, 278-293.
Nestor 1959: I. Nestor, Cu privire la periodizarea etapelor tîrzii ale neoliticului din R.P.R. SCIV 10, 1959, 2, 247-260.
Nestor, Zaharia 1968: I. Nestor, E. Zaharia, Sur la periode de transition du néolithique à l´âge du bronze dans l'aire des civilisations de Cucuteni et de Gumelniţa. Dacia 12, 1968, 17-43.
Parzinger 1993: H. Parzinger, Studien zur Chronologie und Kulturgeschichte der Jungstein-, Kupfer- und Frühbronzezeit zwischen Karpaten und Mittleren Taunus. Römisch-Germanische Forschungen 52 (Mainz 1993).
Parzinger 1998: H. Parzinger, Der nordpontische Raum und das untere Donaugebiet in der späten Kupferzeit. Das Ende des Kodžadermen-Gumelniţa-Karanovo VI-Verbandes und die Cernavodă I-Kultur. Südosteuropa-Schriften 20. Prähistorische Archäologie in Südosteuropa 12, 1998, 123-135.
Passek 1935: T.S. Passek, La céramique Tripolienne. Bulletin de l´académie de l´histoire de la culture matérielle 122 (Petersburg/Leningrad? 1935).
Passek 1941: T.S. Passek, Trypil´ska kul´tura. Naukova populiarni napis´ (Kiev 1941) // Т.С. Пассек, Трипільска культура. Наукова популярні напись (Кіев 1941).
Passek 1949: T.S. Passek, Periodizatsiia Tripol´skih poselenii. MIA 10, 1949 // Т.С. Пассек, Периодизация Трипольских поселений. МИА 10, 1949.
Petrescu-Dîmboviţa 1966: M. Petrescu-Dîmboviţa, Cucuteni. Monumentele patriei noastre (Bucureşti 1966).
Petrescu-Dîmboviţa et al. 1999: M. Petrescu-Dîmboviţa, M. Florescu, A.C. Florescu, Truşeşti. Monografie arheologică (Bucureşti 1999).
Piezonka 2015: H. Piezonka, Jäger, Fischer, Töpfer. Wildbeutergruppen mit früher Keramik in Nordosteuropa im 6. und 5. Jahrtausend v.Chr. (Bonn 2015).
Popovici 2000: D.N. Popovici, Cultura Cucuteni Faza A. Repertoriul aşezărilor. MA 8.
Prien 2005: R. Prien Archäologie und Migration. Vergleichende Studie zur archäologischen Nachweisbarkeit von Migrationsbewegungen (Bonn 2005).
Rassamakin 1999: J.J. Rassamakin, The Eneolithic of the Black Sea Steppe: Dynamics of Cultural and Economic

Development 4500-2300 BC. In: (eds. Marsha Levine et al.) Late Prehistoric exploitation of the Eurasian steppe (Cambridge 1999) 29-70.
Reingruber, Rassamakin 2012: A. Reingruber, J.J. Rassamakin, Zwischen Donau und Kuban. Das nordpontische Steppengebiet im 5. Jt. v.Chr. In: W. Schier, V. Nikolov (Hg.), The Black Sea Region from the Neolithic to the Early Iron Age (6000–600 BC): Cultural influences in the Pontic area and contacts with neighbouring areas. International Humboldt Kolleg, Varna 2012 (im Druck).
Rowlett, Shaw 2004: R.M. Rowlett, M. Shaw, Shell tempered Pottery in the Cucuteni-Tripolye Areal Culture. Cucuteni 120 ans de recherches le temps du bilan. MA 16, 2004, 157-172.
Schuchhardt 1926: C. Schuchard,. Alteuropa. Eine Vorgeschichte unseres Erdteils (Berlin 1926).
Schmidt 1911: H. Schmidt, Vorläufiger Bericht über die Ausgrabung 1909/10 bey Iassy (Rumänien). Zeitschrift für Ethnologie 43, 1911, 582-601.
Schmidt 1932: H. Schmidt, Cucuteni in der oberen Moldau, Rumänien. Eine befestigte Siedlung mit Bemalter Keramik von der Steinkupferzeit bis in die vollentwickelte Bronzezeit (Leipzig 1932).
Sorochin 2002: V. Sorochin, Aspectul regional cucutenian Drăguşeni-Jura. MA 11, 2002.
Spitsyn 1904: A.A. Spitsyn, Raskopki glinianikh ploshchadok bliz s. Kolodistogo Kievskoi gubernii. Izvestiia Arheologicheskoi Komissii 12, 1904 // А.А. Спицын, Раскопки глиняных площадок близ с. Колодистого Киевской губернии. Известия Археологической комиссии 12 (Peterburg 1904).
von Stern 1906: E. von Stern, Die prämykensiche Kultur in Süd-Russland. Trudy XIII (Moskva 1906), 45-88.
Videiko 1994: M.J. Videiko, Tripolye. „Pastoral" Contacts. Facts And Character Of The Interactions: 4800-3200BC. In: (ed. Aleksander Kośko) Nomadism and Pastoralism in the Circle of Baltic-Pontic Early Agrarian Cultures: 5000-1650BC. B-PS 2 (Poznań 1994), 5-28.
Videiko 1996: M.J. Videiko, Großsiedlungen der Tripol´e-Kultur in der Ukraine. EurAnt 1, 1996, 45-81.
Volkov" 1900: F. Volkov", Po povodu nashikh" neoliticheskih" nakhodok" s" keramikoi do-mikenskago tipa. Kievskaia Starina 73, 1900, 235-245 // Ф. Волковъ, По поводу нашихъ неолитическихъ находокъ съ керамикой до-микенскаго типа. Киевская Старина 73, 1900, 235-245.
Wahle 1952: E. Wahle, Deutsche Vorzeit (Tübingen 1952).

Regina Anna Uhl, Deutsches Archäologisches Institut, Eurasienabteilung, Im Dol 2-6, Haus 2, 14195 Berlin, Deutschland, e-mail: regina.uhl@dainst.de

Victoria Surdu

Cultura Iamnaia în spațiul carpato-nistrean: probleme și perspective

Keyword: Iamnaia culture, cultural complex, funerary rite and ritual, funeral inventory, ochre.
Cuvinte cheie: cultura Iamnaia, areal cultural, rit și ritual funerar, inventar funerar, ocru.
Ключевые слова: Ямная культура, ареал культуры, погребальный обряд, погребальный инвентарь, охра.

Victoria Surdu
Iamnaia culture in the Carpathian-Dniester space: problems and prospects

The theme topic of the article is Iamnaia culture in Carpathian-Dniester. The order is to delineate specific artifacts, chronological limits, spread area and specifying its origin. After a brief history of research conducted in this area, it was outlined basic traits of culture. Regularity combining elements funeral ritual (rectangular or oval pit, position décubitus dorsal, most often multiple variants of legs bent knees, then fell into one side or another, crouched position of the deceased, inventory deposited in the graves, ocher painting) ensure uniformity of Iamnaia culture. The territory in question, especially zone of the Dniester and Prut rivers, it is principally for this culture, and the proof is the impressive number of tombs.

Victoria Surdu
Cultura Iamnaia în spațiul carpato-nistrean: probleme și perspective

Articolul are ca subiect tematica culturii Iamnaia din spațiul carpato-nistrean în scopul de a delimita specificul artefactelor, cadrul cronologic, arealul răspândirii, precum și precizarea originii acesteia. După un scurt istoric al cercetărilor realizate în spațiul vizat, au fost evidențiate trăsăturile de bază ale culturii. Regularitatea combinării elementelor ritualului funerar (forma dreptunghiulară sau ovală a gropii, poziția decubit dorsal, de cele mai dese ori cu multiple variante ale picioarelor îndoite în genunchi, ulterior căzute într-o parte sau alta, precum și chircită a defunctului, inventarul depus în morminte, vopsirea cu ocru) asigură uniformitatea comunităților culturii în discuție. Spațiul enunțat, în primul rând zona dintre râurile Nistru și Prut, este principial pentru această cultură, iar dovada este numărul impresionant de morminte.

Виктория Сурду
Ямная культура в Карпато-Днестровском междуречье: проблемы и перспективы

В статье рассматриваются основные составляющие компоненты культуры ямная в Карпато-Днестровском регионе: специфика артефактов, хронологические рамки и ареал распространения культуры. Помимо краткой истории сследований, излагаются основные характерные черты культуры, к примеру, специфика погребального обряда (прямоугольная или овальная яма, скелет на спине, с различными вариантами согнутых в коленях ногами, которые затем упали в одну или другую сторону или костяк в скорченном положении, погребальный инвентарь, окраска костей скелета охрой), которые обеспечивают однородность этой культуры. Имея в виду большую концентрацию погребений данного культурного сообщества на территории между Днестром и Прутом, этот регион можно считать наиболее значимым для ямной культуры.

Aspecte istoriografice. În general, abordarea problemelor culturii Iamnaia a provocat prezența unei bibliografii impunătoare, analiza căreia a fost realizată pe larg în sintezele de bază apărute anterior (Iarovoi 1985, 5-27 *cu bibl.*: 117-121; Dergacev 1986, 25-28; Dergaciov 2010, 311-312). Cercetarea culturii Iamnaia începe în a doua jumătate a sec. XIX. Pentru spațiul carpato-nistrean, drept rezultat al săpăturilor arheologice într-o perioadă mai lungă de timp au fost colectate o serie de materiale (Ciocîlteni, Camenca, regiunea Tiraspolului, Costești, Anenii Noi, Orhei, Dubăsari etc.), ulterior sistematizate și valorificate în mai multe lucrări științifice.

De o atenție sporită s-au bucurat rezultatele săpăturilor realizate de soții I.Ia. și L.P. Stemkpovski în împrejurimile Tiraspolului (400 movile) (Dergachev 1973, 32; Iarovoi 1985, 10; Agul'nikov, Sava 2004, 4). Rezultatele obținute în urma acestor cercetări au devenit un punct de pornire pentru investigațiile arheologilor din spațiul pruto-nistrean.

O etapă fundamentală de cercetare reprezintă conceptualizarea și încadrarea cronologică a culturii date. Decisivă în acest sens a fost analiza diacronică și clasificarea comunităților din epoca bronzului realizată de către V.A. Gorodtsov (după: Dergachev 1986, 25; Dergaciov 2010, 280).

Contribuția adusă de N.Ya. Merpert constă în interpretarea culturii mormintelor tumulare ca un spațiu cultural și istoric aparte, în calitate de zonă de interacțiune intensă a grupurilor locale, care s-au dezvoltat într-un mediu economic co-

mun în condiții specifice de stepă (Merpert 1968, 7). Din cele 9 variante teritoriale ale culturii Iamnaia propuse de N.Ya. Merpert, tumulii din spațiul dintre Nistru și Prut aparțin variantei sud-vestice. Complexele funerare ce fac parte din această variantă sunt mormintele cercetate inițial la Tiraspol, acestea devenind un criteriu de analiză și pentru alte artefacte, care, ulterior, au fost atribuite culturii Iamnaia (Merpert 1968, 38).

După anii 1960, perioadă în care specialiștii erau preocupați cel mai mult de cercetarea și valorificarea mormintelor tumulare (în legătură cu săpăturile de salvare în zonele de construcții – *n.n.*), au fost publicate lucrări monografice, precum și mai multe articole și studii ce cuprind o abordare exhaustivă a culturii în discuție. N.Ya. Merpert, în autoreferatul tezei de doctor *Drevneishaia istoriia naseleniia stepnoi polosy Vostochnoi Evropy* (Merpert 1968), delimitează zona cultural-istorică a acestor comunități, care, până atunci, cuprindea doar teritoriile dintre râurile Volga și Nistru. Ulterior hotarul de vest al culturii a fost extins până la Dunăre. Mare atenție o acordă autorul neomogenității culturii, propunându-se grupuri culturale regionale (după: Ivanova 2013, 211).

În 1985 E. Iarovoi publică monografia *Drevneishie skotovodcheskie plemena Iugo-Zapada SSSR* (Iarovoi 1985). Autorul realizează o analiză a ritualul funerar în calitate de sursă de bază despre culturile epocii bronzului timpuriu în sud-vestul URSS. Sunt evidențiate trei etape de cercetare, fiecare având specificul său în abordarea problemelor (Iarovoi 1985, 5-27). Ulterior, în autoreferatul tezei de doctor în istorie, autorul include în studiul său 262 de monumente (1558 morminte) a culturii Iamnaia. Dintre acestea 439 morminte erau legate de edificarea tumulilor sau adăugirea mantalelor noi, și 1119 erau secundare în tumulii deja existenți. La un număr de 26 de mantale tumulare era prezentă construcția de tipul *cromlech*, iar la 25 dintre aceștia au fost fixate șanțuri de diferite construcții. Dintre mormintele cercetate, 1411 erau singulare, 93 – pereche sau colective și 54 – cenotafuri (Iarovoi 2000, 19). Poziția defunctului a fost analizată după 7 criterii (poziția scheletului, a craniului, a mâinilor, a picioarelor, gradul de chircire a picioarelor, orientarea defunctului) care include 56 de variații, care ulterior au fost împărțite în 4 grupuri mari. Ritualul funerar cuprinde mai multe aspecte (forma gropii, forma treptelor, fundul gropii funerare, pereții, acoperirea gropii, vopsirea cu ocru a oaselor, inventarul mortuar) cu 77 de variații. Autorul face o clasificare a formei gropii, a intensității vopsirii cu ocru, a mormintelor propriu-zis (singulare, colective, morminte dezmembrate, cenotaf), precum și a inventarului, ulterior, atribuindu-le unei din cele 4 grupe (Iarovoi 1985, 8-100).

V. Dergachev în primul capitol al studiului monografic *Moldavia i sosednie territorii v epohu bronzy* (Dergachev 1986) întreprinde o abordare analitică referitor la cultura Iamnaia. Studiul reprezintă rezultatul identificării și caracterizării culturilor din epoca bronzului, în baza materialului cunoscut până la mijlocul anilor ’80 ai secolului trecut. În primul capitol sunt descrise monumentele culturii Iamnaia descoperite în spațiul dintre râurile Nistru și Prut. În urma sistematizării și analizării materialul a fost întemeiată imaginea definitorie a comunităților acestei culturi. De asemenea, a fost structurat ritualul funerar în etape redate detaliat (tumul, forma gropii funerare, poziția defunctului, inventar mortuar). Au fost identificate 2 tipuri de tumuli: simplu și complex. S-au evidențiat 4 variante de poziționare a defunctului în groapa funerară. A fost elaborată clasificarea tipologică a inventarul mortuar: recipiente din ceramică, unelte de muncă, arme din piatră, cremene și metal. În baza analizei minuțioase a materialelor pentru spațiul în discuție au fost evidențiate și argumentate trei variante ale acestei culturi: monumentele grupului Suvorovo; varianta Nistreană și Bugeac ale culturii Iamnaia (Dergaciov 1986, 60-87). Este drept că în abordarea sa din 2010 autorul menționează existența în cadrul culturii mormintelor cu ocru din zona carpato-nistreană a două variante care s-au dezvoltat consecutiv: cea mai veche este numită convențional *nistreană* și a doua – *Bugeac* (Dergaciov 2010, 280-281). Pentru spațiul dintre râurile Siret și Prut este constatată o influența masivă adusă de factorii demografici de origine estică (Dumitroaia 2000, 101).

Dintre publicațiile recente, care au avut drept scop introducerea în circuitul științific a noilor cercetări ale mormintelor culturii Iamnaia, enumerăm monografiile *Grigoriopol'skie kurgany* (Serova, Iarovoi 1987), *Kurgany Budzhakskoi stepi* (Chebotarenko, Iarovoi, Tel'nov 1989), *Kurgany eneolita – epokhi bronzy Nizhnego Podnestrov'ia*

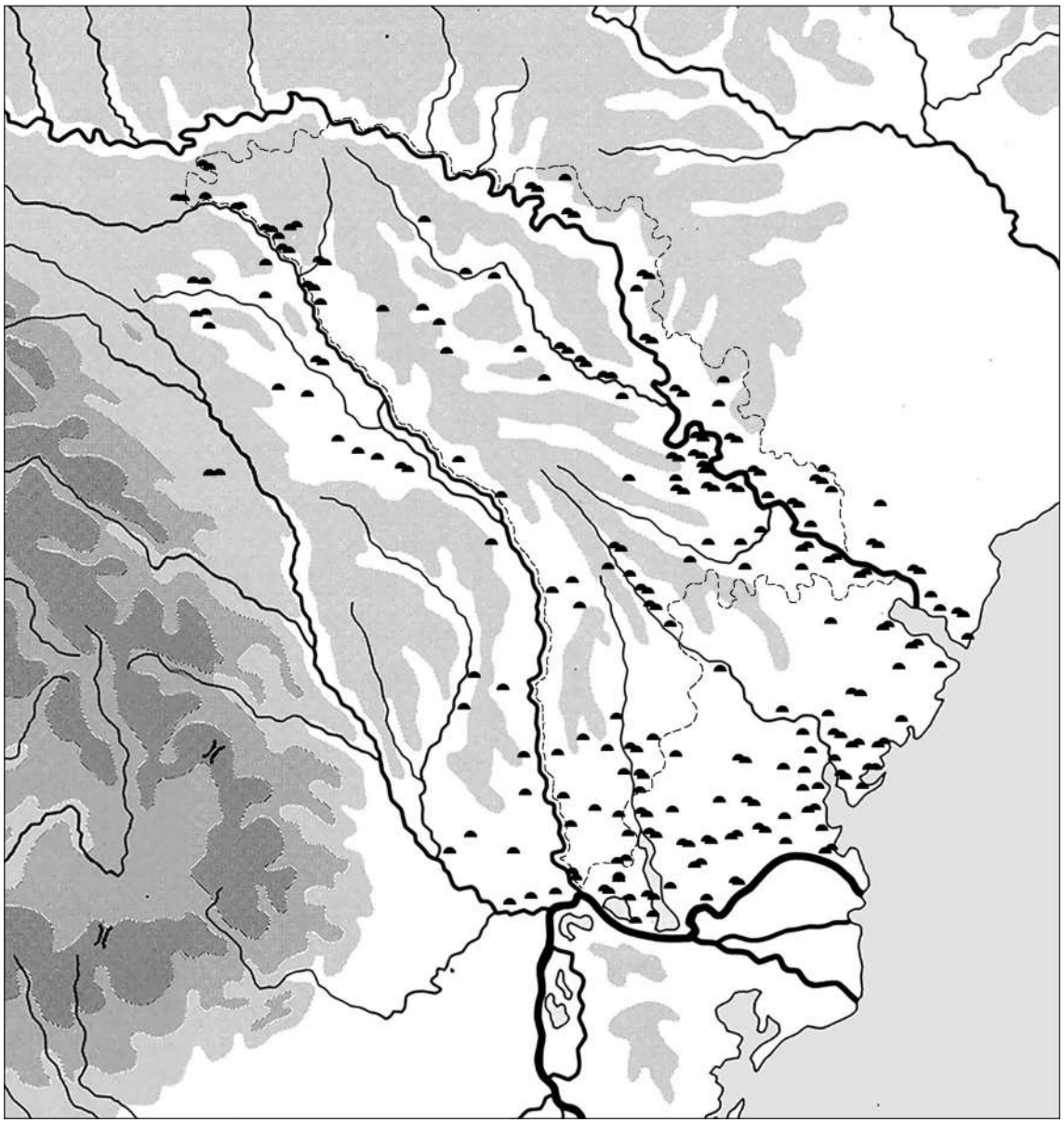


Fig. 1. Harta răspândirii mormintelor culturii Iamnaia în spațiul carpato-nistrean (după: Dergaciov, Popovici 2010 și Ivanova 2013).

Fig. 1. Map of the Iamnaia culture tombs in the Carpathian-Dnester space (by: Dergaciov, Popovici 2010 and Ivanova 2013).

(Iarovoi 1990), *Kamenskie kurgany* (Manzura, Klochko, Savva 1992), *Necropola tumulară de la Sărăteni* (Leviţki, Manzura, Demcenko 1996), *Epoca timpurie a bronzului între Carpați și Prut* (Burtănescu 2002), *Issledovaniia kurganov na levoberezhʹe Dnestra* (Agulʹnikov, Sava 2004), *Bravichenskie kurgany* (Larina, Manzura, Haheu 2008), *Kurgany u sela Butory* (Sinica, Razumov, Telʹnov 2013); *Dubossarskie kurgany* (Ketraru et al. 2014), precum și o serie de articole (Demchenko, Levitski 1997, 155-187; Agulnicov, Ursu 2008, 61-79).

Invocăm, dintre elaborările de ultima oră, compartimentul redactat de către V. Dergaciov pentru compendiumul *Istoria Moldovei* (Dergaciov 2010, 279-288). Abordând problema variantelor regionale și cronologice, autorul evidențiază monumentele din zona carpato-nistreană. Pentru mormintele cu ocru distinge două variante succesive. Prima, cea mai veche, este denumită convențional *varianta nistreană* și se datează conform datelor radiocarbon calibrate în sec. XXIX/XXVII

– XXVI/XXV î.Hr.). Cea de-a doua, numită *varianta Bugeac*, este datată în sec. XXVI/XXV – XXI/XX î.Hr. În calitate de arealul de habitat purtătorii acestei culturi preferau zonele de șes și de stepă, precum și dealurile și colinele nu prea înalte, evitând locurile piemontane și deluroase împădurite (Dergaciov 2010, 280-281).

Drept rezultat al acestor abordări, astăzi deținem o imagine mai amplă referitor la arealul de răspândire, încadrarea cronologică și etapele de dezvoltare, caracteristicile elementelor culturale, precum și condițiile socio-culturale, dezvoltarea economică a comunităților respective.

Caracteristica generală a culturii. Cultura Iamnaia cronologic aparține perioadei timpurii a epocii bronzului. Zona ei de răspândire se extinde pe un teritoriu vast ce cuprinde arealul de la interfluviul Ural–Volga Inferioară la est și până la Carpați și Dunărea de Mijloc spre vest și sud-vest (Dergachev 1986, 26). În cadrul acesteia, monumentele dintre Nistru și Carpați ocupă periferia de sud-est a arealului, inclusiv Dunărea de Jos până la Balcani și bazinul Tisei. Pentru spațiul nominalizat monumentele sunt concentrate mai mult în zona de stepă (Dergachev 1986, 29). Datarea vestigiilor monumentelor din regiunile estice și cele vestice de răspândire în baza datelor radiocarbonice (metoda ^{14}C) a confirmat existența simultană a culturii pe acest teritoriu (Ivanova 2013, 213; Chernykh, Orlovskaia 2004, 93). Pe întreg spațiul pruto-nistrean (inclusiv ambele maluri ale râurilor) au fost cercetate și cartografiate complexe funerare ale acestei culturi (harta 1). Dintre teritoriile cu o concentrație sporită de monumente sunt raioanele: Edineț, Briceni, Anenii Noi, Orhei, Cahul, Taraclia etc. În anul 1994 numărul mormintelor ajungea aproximativ până la 2000 (Dergachev 1994, 123). În prezent sunt de două ori mai multe complexe funerare cercetate[1].

În literatura de profil pot fi întâlnite două denumiri ale acestei culturi: cultura Iamnaia și „cultura mormintelor cu ocru". Ambele provin de la două ritualuri funerare ce o caracterizează. Conceptul de „iamnaia" se trage de la forma gropii funerare predominante (dreptunghiulară sau ovală [Dergachev 1986, 25] în plan.), iar denumirea „cultura mormintelor cu ocru" își are originile din ritualul de presărare cu ocru a defunctului și fundului gropii funerare). Nu sunt rare cazurile de depunere a bulgărașilor de ocru în calitate de inventar funerar.

Specificul culturii poate fi determinat exclusiv din practicile funerare. Diversitatea ritualurilor respectate (săparea gropii, purificarea locului prin arderea rugurilor, poziționarea și orientarea defunctului, presărarea cu ocru, inventarul mortuar) scade pe parcursul existenței acestei culturi, căpătând un caracter mai uniform, ceea ce semnifică dezvoltarea ei. (Iarovoi 1985, 66). În afară de necropole tumulare, sunt cunoscute o serie de morminte singulare plane (Garmatskoe, Taraclia). Situri de habitat (așezări, sălașuri) nu sunt cunoscute (Dergachev 1986, 28-29).

În mare parte, ritualurile funerare erau asemănătoare, dar pot fi întâlnite și variații sau cazuri unice. Cu ocru erau vopsite aproape toate mormintele. Un caz deosebit depistat în necropola de la Brăviceni este prezența a 6 nuanțe de ocru cu o gamă cromatică ce cuprinde culorile de la roșu aprins spre violet (Larina, Manzura, Haheu 2008, 112-113). Printre rarele artefacte ritualice întâlnite în morminte sunt: lipitura de lut; hidroxidul de calciu; urme de rug, resturi de vegetație pe pereții camerii funerare și sub craniu (Ivanova 2013, 225); rogojini, bârne, țesături; doar la 5% de morminte fundul gropii era acoperit cu pietre (Dergachev 1986, 35-36).

Inventarul funerar al culturii Iamnaia este, de regulă, destul de modest. Cel mai des au fost depistate cioburi de recipiente ceramice și, mai rar, unul sau câteva vase întregi (Strumok 1/16, Trapovka 1/8, Semenovka 2/2 etc.) (Dergachev 1986, 42). Uneltele și armele sunt o raritate în complexele funerare. Dintre vestigiile mai speciale enumerăm topoare de silex în formă de pană, cuțite, vârfuri de suliță (Ocnița 6/18) (Manzura, Klochko, Sava 1992, 58), străpungătoare de os (Ocnița 7/8) (Dergachev 1986, 73). Un tip specific de descoperiri este reprezentat de componente ale carului de lemn cu patru roți, fiind depistate roți cu bucșă (Taraclia, Căușeni: Dergacev 1994, 125).

Din punct de vedere cronologic, pentru zona de stepă discutată sunt cunoscute două variante ale culturii Iamnaia: Nistreană cu 2 orizonturi și Bugeac (Dergachev 1994, 125-127). Unul dintre criteriile de diferențiere a lor este poziția defunctului. În varianta Nistreană întâlnim poziția întins

1. Mulțumim și pe această cale Domnului dr.hab. V. Dergaciov pentru informațiile oferite, precum și sfaturile sale care ne-au fost foarte utile în realizarea studiului.

pe spate, brațele de-a lungul corpului și picioarele ridicate din genunchi. În mormintele variantei Bugeac modul de poziționare a defunctului este: chircită (puternic sau mai puțin) pe una din părți, unde scheletul chircit pe partea stângă a fost observat mai des în monumentele funerare. Important de menționat este faptul că sunt foarte puține morminte de copii. Specialiștii presupun că a existat un ritual specific de înmormântare a acestora, ce nu poate fi depistat prin urme arheologice.

Ridicarea tumulului deasupra mormântului/mormintelor este ritualul respectat cu regularitate de purtătorii acestei culturi. Asemenea amenajări au fost semnalate pe diverse suprafețe de teren: cumpene de ape, promontorii, podișuri nu prea înalte, lunci. Dimensiunile acestora variază: diametrul de la 30 până la 60 m, iar înălțimea de 1-3 m (tumul simplu). Tumulul complex este mult mai mare, fiind alcătuit din câteva mantale de pământ suprapuse și are proporții apreciabile, de până la 5 m înălțime și diametrul de 80-100 m (Ivanova 2013, 223).

Principiul de ordonare a defuncților în complexele funerare este identic. În centrul tumulului se află un mormânt principal, iar în jurul acestuia sunt mormintele secundare, ce au scheletele orientate cu craniul dipă mișcarea acelor de ceasornic sau invers (Dergachev 1986, 40). Etapele ritualului funerar sunt: săparea gropii; poziționarea defunctului; presărarea cu ocru; depunerea inventarul mortuar; acoperirea camerei funerare.

De regulă, groapa are o formă dreptunghiulară cu pereții drepți (Dergacev 1994, 124). Se cunosc și alte forme ale acesteia: dreptunghiulară cu colțurile rotunjite, trapezoidală, neregulată, ovală etc. (Iarovoi 1985, 63-64). În unele morminte au fost observate urme de ardere a rugului, ce ar semnifica ritualul de purificare a locului (Dergaciov 2010, 286). Fundul gropii era acoperit cu diferite fibre de origine vegetală, cu un strat de cretă, așchii de lemn, nisip presărat, incluziuni de ocru etc. (Iarovoi 1985, 31).

În mormintele culturii Iamnaia au fost remarcate 4 poziții ale defuncților: 1) în decubit dorsal; 2) culcat pe spate, picioarele îndoite din genunchi, care, ulterior, au căzut pe una din părți; 3) chircit pe spate, picioarele îndoite din genunchi, însă întorși pe o coastă; 4) chircit pe una din părți. Prima poziție se întâlnește rar (1,6%); poziția a doua este cea mai frecventă (61,2%); cu 30,8% urmează a treia, iar ultima poziție include 6,4% (Dergaciov 1986, 36-38). După tipologia propusă de Iarovoi, sunt 60 de variante de poziționare a defunctului, care pot fi împărțite în 4 grupe mari (Iarovoi 1985, 38-42).

Sunt atestate mai multe piese ceramice de forme diferite: amfore cu corpul globular sau ovoidal și cu două torți late perforate orizontal; amfore globulare sau ovoidale cu torți tubulare și urechiușe plate semicirculare, cu orificii verticale; cupe în formă de clopot, cu corp globular, gura deschisă și gât înalt tronconic; vase tronconice cu sau fară suport circular, urechiușe cu orificii verticale; cești și cupe simple, semisferice sau tronconice; vase-borcan cu corp ovoidal, buză răsfrântă etc. (Dergacev 1994, 125). În cazuri deosebite, în mantaua movilei au fost depistate stele de piatră antropomorfe (Cioburciu, Alexandrovca, Căușeni, Grigoriopol) (Dergacev 1994, 125). Posibil, este simbolul ce semnifică cultul strămoșilor (Dergaciov 2010, 288).

Concluzii. Evoluția culturii Iamnaia este complexă și neomogenă, fiind reprezentată de diferite grupuri/subgrupuri culturale (originile cărora sunt diferite), cu specificul diferitelor etape de dezvoltare. Complexele funerare tumulare constituie unica sursă ce oferă informații despre caracteristicile culturii, deoarece alte tipuri de obiective arheologice (așezări de lungă durată etc.) ale acesteia nu au fost identificate. Cu toate că volumul de vestigii descoperite în morminte este oarecum sărăcăcios (comparativ cu alte comunități: cultura catacombelor sau cultura ceramicii cu brâie în relief), ritualul de vopsire cu ocru a defuncților a fost fixat aproximativ la 80% dintre mormintele culturii Iamnaia.

Rezumând cele expuse, se poate constata că în pofida progreselor evidente în soluționarea multiplelor probleme ale diverselor aspecte ale culturii Iamnaia, mai rămâne loc de abordări noi, mai ales în ce privește precizarea unor aspecte de ordin cronologic și, ceea ce este cel mai important, precizarea variantelor culturale locale.

Bibliografie

Agul'nikov, Sava 2004: S.M. Agul'nikov, E.N. Sava, Issledovaniia kurganov na levoberezh'e Dnestra (Kishinev 2004) // С.М. Агульников, Е.Н. Сава, Исследования курганов на левобережье Днестра (Кишинев 2004).

Agulnicov, Ursu 2008: S. Agulnicov, I. Ursu, Complexe funerare tumulare din zona Prutul Inferior. In: RA IV, nr.1, 2008, 61-79.
Burtănescu 2002: F. Burtănescu, Epoca timpurie a bronzului între Carpaţi şi Prut (Bucureşti 2002).
Chebotarenko, Iarovoi, Tel'nov 1989: Gh.F. Chebotarenco, E.V. Iarovoi, N.P. Tel'nov, Kurgany Budzhakskoi stepi (Kishinev 1989) // Г.Ф. Чеботаренко, Е.В. Яровой, Н.П. Тельнов, Курганы Буджакской степи (Кишинев 1989).
Chernykh, Orlovskaia 2004: E.N. Chernykh, L.B. Orlovskaia, Radiouglerodnaia khronologiia drevneiamnoi obshchnosti i istoki kurgannykh kul'tur. RA 1, 2004), 84-99 // Е.Н. Черных, Л.Б. Орловская, Радиоуглеродная хронология древнеямной общности и истоки курганных культур. Российская археология №1, 2004, 84-99.
Demchenko, Levitski 1997: T.I. Demchenko, O.Gh. Levitski, Issledovanie kurganov epokhi bronzy v Kaushanskom raione. In: Vestigii arheologice din Moldova (Chişinău 1997), 155-187 // Т.И. Демченко, О.Г. Левицкий, Исследование курганов эпохи бронзы в Каушанском районе. В сб.:Vestigii arheologice din Moldova (Chişinău 1997), 155-187.
Dergachev 1973: V.A. Dergachev, Pamiatniki epokhi bronzy. АКМ. Vyp. 3 (Kishinev 1973) // В.А. Дергачев, Памятники эпохи бронзы. АКМ. Вып. 3 (Кишинев 1973).
Dergachev 1986: V.A. Dergachev, Moldaviia i sosednie teritorii v epokhu bronzy (Kishinev 1986) // В.А. Дергачев, Молдавия и соседние территории в эпоху бронза (Кишинев 1986).
Dergacev 1994: V. Dergacev, Epoca Bronzului. Epoca timpurie. TD XV, 1-2, 1994, 121-140.
Dergaciov 2010: V. Dergaciov, Evoluţia comunităţilor patriarhale. Epoca bronzului. În: (resp. şi red.şt. V. Dergaciov) Istoria Moldovei. Epoca preistorică şi antică (până în sec. V) (Chişinău 2010), 265-311.
Dumitroaia 2000: Gh. Dumitroaia, Comunităţi preistorice din nord-estul României. De la cultura Cucuteni până în bronzul mijlociu (Piatra-Neamţ 2000).
Iarovoi 1985: E.V. Iarovoi, Drevneishie scotovodcheskie plemena Iugo-Zapada SSSR (Kishinev 1985) // Е.В. Яровой, Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР (Кишинев 1985).
Iarovoi 1990: E.V. Iarovoi, Kurgany eneolita – epokhi bronzy Nijnego Podnestrov'ia (Kishinev 1990) // Е.В. Яровой, Курганы энеолита – эпохи бронзы Нижнего Поднестровья (Кишинев 1990).
Iarovoi 2000: E.V. Iarovoi, Skotovodcheskoe naselenie Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia epokhi rannego metalla. Avtoreferat diss.na soisk. uc. stepeni dok. ist. nauk (Moskva 2000) // Е.В. Яровой, Скотоводческое население Северо-Западного Причерноморья эпохи раннего металла. Автор. дисс. на соиск. уч. степени докт. ист. наук (Москва 2000).
Ivanova 2013: S.V. Ivanova, Iamnaia (Budzhakskaia) kul'tura. În: Drevnie kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Odessa 2013), 211-255 // С.В. Иванова, Ямная (Буджакская) культура. В сб.: Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (Одесса 2013), 211-255.
Larina, Manzura, Haheu 2008: O. Larina, I. Manzura, V. Haheu, Brevichenskie kurgany (Kishinev 2008) // Ларина О., Манзура И., Хахеу В. Брэвиченские курганы (Кишинев 2008).
Leviţki, Manzura, Demcenko 1996: O. Leviţki, I. Manzura, T. Demcenko, Necropola tumulară de la Sărăteni (Bucureşti 1996).
Manzura, Klochko, Sava 1992: I.V. Manzura, E.O. Klochko, E.N. Sava, Kamenskie kurgany (Kishinev 1992) // И.В. Манзура, Е.О. Клочко, Е.Н. Савва, Каменские курганы (Кишинев 1992).
Merpert 1968: N.Ia. Merpert, Drevneishaia istoria naselenia stepnoi polosy Vostochnoi Evropy: Aftoref. diss. doct. ist. nauk. (Moskva 1968) // Н.Я. Мерперт, Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы: Автореф. дисс. докт. ист. наук. (Москва 1968).
Ketraru, Sinica, Razumov, Tel'nov 2014: N.A. Ketraru, V.S. Sinica, S.N. Razumov, N.P. Tel'nov, Dubossarskie kurgany (Tiraspol' 2014) // Н.А. Кетрару, В.С. Синика, С.Н. Разумов, Н.П. Тельнов, Дубоссарские курганы (Тирасполь 2014).
Serova, Iarovoi 1987: N.L. Serova, E.V. Iarovoi, Grigoriopol'skie kurgany (Kishinev 1987) // Н.Л. Серова, Е.В. Яровой, Григориопольские курганы (Кишинев 1987).
Sinica, Razumov, Tel'nov 2013: V.S. Sinica, S.N. Razumov, N.P. Tel'nov, Kurgany u sela Butory (Tiraspol' 2013) // В.С. Синика, С.Н. Разумов, Н.П. Тельнов, Курганы у села Буторы (Тирасполь 2013).

Victoria Surdu, cercetător ştiinţific, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural AŞM, bd. Ştefan cel Mare 1, Chişinău, MD 2001, Republica Moldova, e-mail: vicasurdu@yahoo.com

Игорь Бруяко, Дмитрий Киосак, Юрий Черниенко

О некоторых типах украшений эпохи средней – поздней бронзы юга Восточной Европы

Keywords: bronze pins, mould, Middle – Recent Bronze Age.
Cuvinte cheie: ace de bronz, tipar, epoca bronzului mujlociu şi târziu.
Ключевые слова: бронзовые булавки, литейная форма, эпоха поздней бронзы.

Igor' Bruiako, Dmitrii Kiosak, Iurii Chernienko
On some types of ornaments of Middle – Recent Bronze Age from the south of Eastern Europe

Authors describe a series of bronze pins of Recent Bronze Age and one mould. Four of the published pins are represent the „Hülsenkopfnadeln" type, and other two pieces belong to the type of pins with ring-shaped head. The mould contains negatives of rhomboid and crescent-shaped pendants, awls (perforators), as well as a flat circular object with a handle – probably pendant-medallion. Finding of the mold is corresponds to the lifetime in the North-Western Black Sea region of Multi-cordoned Ware culture (in the modern terms, the Dnieper-Prut Babino culture). Production by the population of this culture of rhomboid pendants can be associated with exposure of Abashevo culture from the Don-Volga region and Pokrovsk Srubnaia culture. Sickle-shaped ornaments due to the influence of Otoman culture.

Igor' Bruiako, Dmitrii Kiosak, Iurii Chernienko
Despre unele tipuri de podoabe din epoca bronzului mijlociu şi târziu din sudul Europei de Est

Sunt publicate o serie de ace de bronz atribuite epocii bronzului târziu (perioada Sabatinovka-Belozerka) şi o formă de turnat. Patru dintre ace sunt de tipul „Hülsenkopfnadeln", altele două fac parte din tipul cu capul inelar. Tiparul conţine negative de pandantive romboidale şi în formă de seceră, de sule (străpungători) şi, de asemenea, negativul unei piese circulare plate cu tortiţă ce reprezintă, probabil, un pandantiv-medalion. Descoperirea formei de turnat se leagă de perioada existenţei în spaţiul nord-vest pontic a culturii Mnogovalikovaia (în sensul actual, cultura Babino din interfluviul Nipru-Prut). Producerea de către purtătorii acestei culturi a pandantivelor romboidale poate constitui o influenţă a aspectelor Abaşevo dintre Don şi Volga sau Pokrovka a culturii Srubnaia, iar a celor în formă de seceră se leagă de cultura Otomani.

Игорь Бруяко, Дмитрий Киосак, Юрий Черниенко
О некоторых типах украшений эпохи средней – поздней бронзы юга Восточной Европы

Публикуется серия бронзовых булавок эпохи поздней бронзы (сабатиновско-белозерский период), а также литейная форма. Четыре из публикуемых булавок относятся к типу «Hülsenkopfnadeln», ещё две – к типу булавок с кольцевидной головкой. Литейная форма содержит негативы подвесок ромбовидной и серповидной форм, шильев (проколок), а также округлого плоского предмета с ручкой – видимо, подвески-медальона. Находка литейной формы соотносится со временем существования в Северо-Западном Причерноморье культуры многоваликовой керамики (в нынешнем понимании, Днепровско-Прутской бабинской культуры). Производство населением этой культуры ромбовидных подвесок может быть связано с воздействиями доно-волжской абашевской или покровской срубной культуры, а серповидных – с влиянием культуры Отомань.

Фактической основой настоящей заметки стала небольшая коллекция предметов бронзового века, которая неспешно накапливалась на протяжении более полувека. В конечном счёте, вещи, её составляющие, были замечены, собраны и признаны достойными публикации. Речь пойдёт о двух типах бронзовых булавок и литейной форме. Все вещи в разное время были найдены на территории Одесской области и в Молдавии, на разных, в том числе и в культурно-хронологическом отношении, местонахождениях[1].

Булавки типа «Hülsenkopfnadeln» (рис. 1-4)

1. Поселение Гедзилов Яр (с. Гетмановка, Савранский р-н, Одесская обл., Украина). Местонахождение было открыто в 2011 г. разведками Подольско-Причерноморской экспедиции ОАМ НАНУ (начальник Д.В. Киосак)[2]. Тогда же среди довольно многочисленного подъёмного материала была найдена и булавка (рис. 2,2). Поселение двухслойное – эпоха поздней бронзы, черняховская культура.

1. Единственное исключение – булавка из Раденска (Херсонская обл.).

2. Информацию о разведках см.: Kiosak, Bruiako, Denisiuk 2012. В 2014 г. Ю.А. Черниенко повторно обследовал памятник в рамках работ той же экспедиции.

Рис. 1. Карта находок публикуемых предметов. 1 – Гедзилов Яр (Гетмановка); 2 – Александровка; 3 – Брэнешть; 4 – Никоний (Роксоланы); 5 – Струмок; 6 – Картал (Орловка); 7 – Раденск.

Fig. 1. Map of locations where the published objects were found 1 – Gedzylov Yar (Hetmanivka), 2 – Alexandrovka, 3 – Branesti, 4 – Nikonion (Roxolany), 5 – Strumok, 6 – Cartal (Orlovka), 7 – Radensk.

Бронзовая булавка[3] была найдена в центральной части поселения. Изделие имеет короткий практически прямой четырёхгранный стержень и большую (немногим менее половины общей длины) полую головку, форму которой можно определить как близкую к усечённо-конической. Головка немного сужается книзу (к острию изделия). Она сформирована из расклепанной части стержня, с накладкой небольшого участка левой половины той же части на участок правой. Общая длина булавки – 62 мм. Масса булавки после реставрации[4] – 4,9 г.

2. Поселение Струмок III (с. Струмок, Татарбунарский р-н, Одесская обл., Украина). Раскапывалось в 1993 г. Дунай-Днестровской новостроечной экспедицией Института археологии АН Украины (начальник А.Н. Дзиговский). Памятник относится к эпохе поздней бронзы и первым векам н.э. Бронзовая булавка (рис. 2,3) была найдена в центральной части поселения на глубине 30 см, в верхнем слое заполнения объекта № 1 позднего бронзового века. Вероятно, это был входной коридор в углубленное помещение, уничтоженное

3. Хранится в фондах Одесского археологического музея НАН Украины. Инв. № 95500.

4. Обработки в 10-процентном растворе сульфамина.

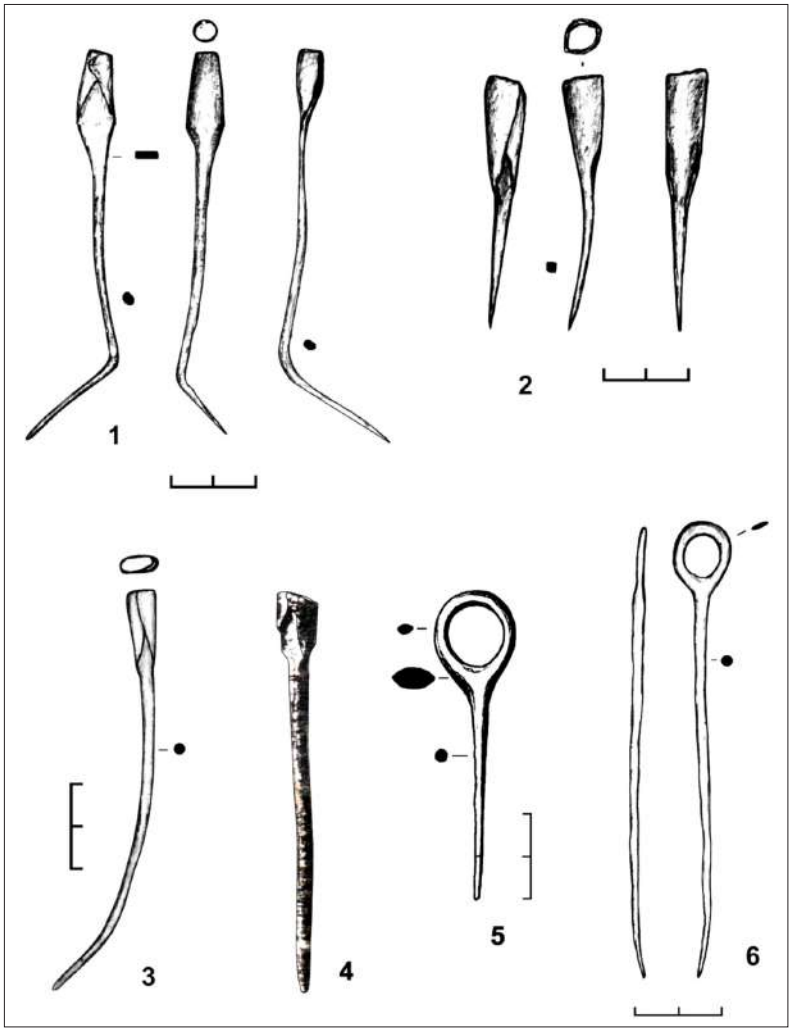


Рис. 2. Булавки, публикуемые в статье. 1 – Брэнешть; 2 – Гедзилов Яр (Гетмановка); 3 – Струмок; 4 – Раденск (фото); 5 – Картал (Орловка); 6 – Александровка.

Fig. 2. Pins presented in the paper 1 – Brăneşti; 2 – Gedzylov Yar (Hetmanivka); 3 – Strumok; 4 – Radensk (photo), 5 – Cartal (Orlovka); 6 – Alexandrovka.

дренажной канавой (Chernienko 2000, 484, sn. 2). Изделие имеет круглый в сечении стержень и субусеченноконическую, сужающуюся книзу полую головку[5]. Технология формирования головки аналогична предыдущей – конец стержня раскован, а большая часть свёрнута по вертикали в трубочку с накладкой значительного участка правой половины той же части на участок левой. Общая длина булавки – 103 мм, длина части стержня, подвергшейся ковке, – 19 мм. Сечение стержня – до 3 мм. Масса булавки после реставрации – 5,97 г.[6].

3. Могильник Бранешты (ныне с. Брэнешть, ком. Иванча, р-н Орхей, Республика Молдова). Прутско-Днестровская экспедиция Института археологии АН СССР под руководством Г.Б. Федорова в окрестностях села исследовала славянский могильник X-XI вв., который, в свою очередь, располагался на месте гетского поселения IV-III вв. до н.э. В 1962 г. при исследовании на раскопе IV в слое на глубине 45 см был найден бронзовый предмет, который авторы раскопок определили как наконечник стрелы (Fedorov, Chebotarenko, Velikanova 1984, 8-9, ris. 4,17). Несмотря на определённое сходство с некоторыми раннесредневековыми железными наконечниками стрел, всё же, больше оснований считать эту вещь булавкой типа «Hülsenkopfnadel» (рис. 2,1)[7]. Уверенности добавляет металл, необычный для стрел раннесредневекового времени, а также ряд аналогий. В частности, сходство отмечается между предметом из упомянутого могильника и бронзовой булавкой из поселения Глэвэнештий Векь (*Glăvăneştii Vechi*) культуры Ноуа (рис. 3,1), что на правобережье Среднего Прута (Florescu 1991, 74; 271, 391, fig. 99–A,8)[8]. Могильник Брэнешть и поселение *Glăvăneştii Vechi* расположены в одной ландшафтной зоне и не очень далеко друг от дру-

5. Определение этой головки как треугольной (Lysenko 2006a, 5) представляется не вполне точным.

6. Булавка подверглась спектрально-аналитическому изучению (аналитик Т.Ю. Гошко). В приложении приведены данные, согласно которым изделие изготовлено из оловянистой бронзы.

7. Предмет находился в экспозиции Славянского отдела Одесского археологического музея (инв. № 83276) вместе с материалами из Брэнешть, Алчедара, Екимэуць и других памятников древнерусского периода Молдавии. Идентифицирован Ю.А. Черниенко.

8. Они сходны между собой и отличаются, например, от булавок с поселений Гедзилов Яр и Струмок III, а также от наконечников стрел, в частности, расширением книзу головок, насадка которых на древки стрел поэтому вряд ли обеспечила бы рациональное использование последних.

га, примерно в 100 км (рис. 4). Булавка из могильника имеет большей частью четырёхгранный (ныне искривленный) стержень сечением до 2х1 мм. Головка субусеченноконическая, полая, сформирована из расклепанного конца стержня по технологии, уже приведённой выше. Общая длина булавки – 105 мм, длина части стержня, подвергшейся ковке – 35 мм. Масса булавки – 5,36 г.

4. с. Раденск (Цюрупинский р-н, Херсонская обл., Украина). Бронзовая булавка с субусеченноконической, немного сужающейся книзу полой головкой (рис. 2,4)[9]. Головка сформирована из расклепанного конца стержня по все той же технологии.

Время и обстоятельства находки, а так же её судьба нам неизвестны. Зато достоверно известно, что это самая восточная находка булавки типа «Hülsenkopfnadel» из известных на сегодняшний день.

Булавки этого типа появились на юге и востоке Центральной Европы ещё в период BrA2, по П. Райнеке. Здесь они представляют собой один из наиболее распространённых типов, в частности, в ареалах культур Ватья, Ватина, Унетице и др., и бытуют недолго – до конца старшего бронзового века, т.е. – до BrA3 (Tihelka 1953, 269, obr. 22,7-8; Kilian-Dirlmeier 1984, 88; Bochkarev 2010, 177; 179, ris. 6,3; Lysenko 2006b, 30-31)[10]. Однако, дальше на восток и юго-восток (Румыния, Сербия), на юг (Албания) булавки такого типа и проникают позже (Vasić 2003, 14-16; Bochkarev 2010, 177, 180), и бытуют дольше – вплоть до финального бронзового века включительно. В Румынии подобные булавки встречаются на памятниках среднего и позднего бронзового веков (культуры Тей, Фюзешабонь, Печика, Ноуа)[11]. Известны экземпляры с гладким и с витым (тордированным) стержнем. Булавка с

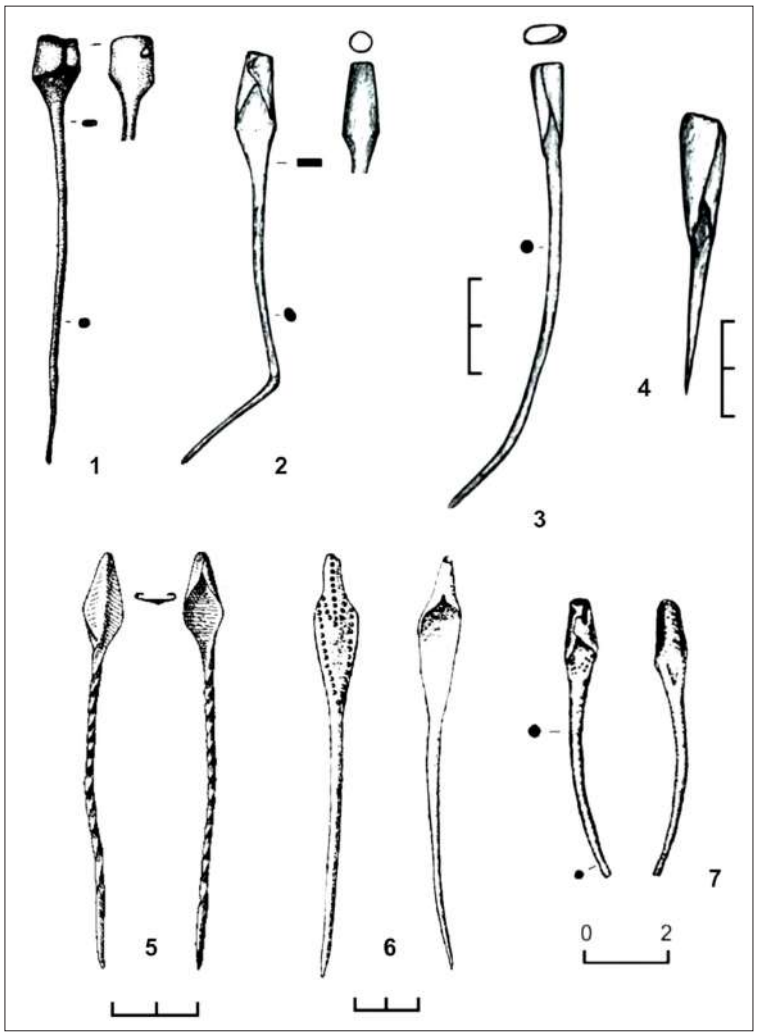


Рис. 3. Булавки типа Hülsenkopfnadeln. 1 – Глэвэнештий Векь (Glăvăneştii Vechi); 2 – Брэнешть; 3 – Струмок; 4 – Гедзилов Яр (Гетмановка); 5 – Новач (Novaci); 6 – Бардоци (Bardhoc); 7 – Гарвэн (Garvăn-Mlăjitul Florilor).

Fig. 3. Pins of Hülsenkopfnadeln type. 1 – Glăvăneştii Veche; 2 – Brăneşti; 3 – Strumok; 4 – Gedzylov Yar (Hetmanivka); 5 – Novaci; 6 – Bardhoc; 7 – Garvăn "Mlăjitul Florilor".

9. До Великой отечественной войны булавка хранилась в Херсонском краеведческом музее (№3839 по старому каталогу). Фотография предмета сохранилась в архиве Б.А. Латынина. Мы благодарны В.С. Бочкареву за предоставленные данные по изделию, включая фото, а также за консультации по поводу ряда аналогий.

10. Правда, изредка рассматриваемые булавки встречаются там и в более поздних комплексах (см., напр.: Furmánek 1980, 12; taf. 42,B,1). Известный «Царский склеп в Зеддине» (Бранденбург, Германия), где две подобные бронзовые булавки являлись культовым символом замка, закрывавшего погребальную урну, исследователи датируют VIII (IX) в. до н.э. или же широко – 1200–800 гг. до н.э. (Hansel 2013, ris. 225.7; Metzner-Nebelsick 2003, 44 ff.; May, Hauptmann 2012, 113 ff.; Iwas, Notroff 2001).

11. Вероятно, одной из наиболее поздних на сегодняшний день следует считать булавку из слоя поселения Garvăn *„Mlăjitul Florilor"* фазы Бабадаг I (Jugănaru 2005, 73, 75-77; 136, fig. 42,1).

витым стержнем (рис. 3,5) происходит из поселения *Novaci* (com. Giurgiu, jud. Ilfov, Румыния), что на левобережье Дуная (Oancea 1972; Leahu 1988, 235-236, fig. 5,4). Поселение многослойное. Находка не стратифицирована. Из горизонтов, подходящих для данной булавки, румынские исследователи называют слои культуры Тей II-III. На поселении есть и слой Тей IV, однако, эта фаза исключена на том основании, что она синхронизируется с начальной фазой культуры Ноуа, а такая датировка булавки, по мнению А. Оанча, считается маловероятной (Oancea 1972, 452). Между тем, некоторые другие находки с территории Румынии совершенно не противоречат этому. В частности, это уже упомянутая булавка из *Glăvăneştii Vechi*. Основной слой этого поселения принадлежит ранней фазе культуры Ноуа (ступень Ноуа I, по периодизации румынских археологов), хотя здесь есть элементы Костиша-Белый Поток (Florescu 1991, 74; 271, 391, fig. 99–A,8). Интересно, что существуют и костяные реплики таких булавок. Они известны в Румынии, Украине и происходят опять-таки с поселений (слоёв) культуры Ноуа – *Cîndeşti* (Florescu, Florescu 1990, 78, 100, fig. 33,9), *Gîrbovaţ* (Florescu 1991, 73; 310, 396, fig. 138–A,7; 311, 396, fig. 139–A,9,11), Магала (Smirnova 1972, 23, ris. 8,5,6; 1969, 17, ris. 7,17). Впрочем, некоторые из этих костяных изделий могут восприниматься и как реплики бронзовых булавок с цилиндрической головкой, цельной по боковому периметру, хотя и имеющей продольное сквозное отверстие, наподобие найденной в заполнении ямы культуры Ноуа на поселении Магала (см.: Smirnova 1972, 12, 14; 15, ris. 2,5).

Таким образом, наиболее интересным в сюжете с находкой из поселения *Novaci* нужно считать сам факт наличия типа «Hülsenkopfnadel» в ареале культуры Тей, а, кроме того, по состоянию на 70-е гг. прошлого столетия, это была самая восточная из опубликованных находок бронзовых булавок такого типа (Oancea 1972, 452).

Ещё одна бронзовая булавка, и тоже с витым стержнем, происходит из эпонимного поселения на холме Витенберг (*Dealul Turcului*) в Трансильвании, где датируется временем культуры Фюзешабонь, фаза Toczeg C (BrB1) (Horedt 1960, 129, Abb.13,2). Два экземпляра известны на поселении Печика (Pecica – *„Şanţul Mare”*) в низовьях Муреша (Găvan 2013, 155; 171, 182, pl. IV,9,13). Эта территория, являясь фактически уже Алфёльдом, примыкает к основному ареалу булавок данного типа, соответственно, увеличивается и число находок.

В сербском Банате известна находка подобной булавки на поселении Вршац. Слой, в котором найден экземпляр, принадлежит, согласно М. Гарашанину, к культуре Ватина и датируется периодом BrB1 (см.: Garašanin 1954 [цит. по: Oancea 1972, 450-451, anm. 9; 22]). Похожие булавки известны и к югу от Дуная, уже в глубине Балкан. Так, одна булавка происходит из Албании (рис. 3,6). Подкурганное захоронение *Bardhoc* датировано XII в. до Р.Х. (Hoti 1982, 22-23, 31, 35; 43, tab. VIII,V.22). Правда, помимо булавки, в погребении был найден бронзовый нож, который морфологически соотносится с эгейскими ножами средне- и позднеэлладского периода (Kilian-Dirlmeier 1984, 88). Булавка из кургана в *Bardhoc* имеет широкий расплющенный край, верхняя часть которого свёрнута на конус, слегка усеченный. Сформированная таким образом головка расширяется книзу. По внешней стороне расплющенного края нанесён пуансонный орнамент (рис. 3,6). Албанский экземпляр по наиболее важному типообразующему признаку, каким является абрис головки, практически идентичен булавкам из поселений *Novaci* культуры Тей и Витенберг (Wietenberg *„Dealul Turcului”*) культуры Фюзешабонь. У всех у них субконусы расширяющихся книзу головок усечены довольно-таки несущественно. Эти 3 булавки стоят значительно ближе друг к другу, чем к заколкам семейства «Hülsenkopfnadeln» позднего бронзового века, которые были здесь упомянуты: с поселений Струмок III (Lysenko 2006b, 30-31), Гедзилов Яр, Глэвэнештий Векь, с Брэнештского могильника, из района с. Раденск. Последние, на наш взгляд, также не однородны. Булавки из Раденска, поселений Гедзилов Яр и Струмок III похожи между собой, хотя и отличаются по размерам. В то же время, они отличаются от булавок из Глэвэнештий Векь, Брэнешть и с поселения Garvăn *„Mlăjitul Florilor”*. Если у булавок первой серии усеченный конус головки обращён верхним основанием вниз к острию, то у булавок второй – кверху. В свою очередь, булавки второй серии схожи между собой, хотя и различаются

размерами[12].

До находки на поселении Струмок III в 1993 г. бронзовые булавки типа «Hülsenkopfnadeln» не были известны на территории бывшего СССР. Во всяком случае, если судить по историографии[13]. Булавка из Раденска оставалась неопубликованной, а предмет с могильника Брэнешть, как уже указывалось, был отнесен и к другой категории вещей, и к иной эпохе. Булавка с поселения Струмок III – единственная из нашей небольшой серии, которая обеспечена сопутствующим материалом, поскольку происходит из археологического комплекса, хотя и открытого и исследованного далеко не полностью (Chernienko 2000, 484, sn. 2). Правда, материал этот немногочисленный и невыразительный.

Говоря о хронологии булавок типа «Hülsenkopfnadeln» в Карпато-Причерноморском регионе, можно отметить следующее. Не исключено, что мнение о выходе таких булавок из употребления на позднем этапе Ноуа и Сабатиновки (Bochkarev 2010, 177; 2012, 202)[14] нужно будет скорректировать с учётом находки подобной булавки (рис. 3,7) на поселении фазы Бабадаг I (Jugănaru 2005, 73, 75-77; 136, fig. 42,1). В определённой мере к такой корректировке могут быть привлечены и материалы поселения Струмок III. Булавка с этого памятника ранее однозначно относилась к сабатиновской культуре (Chernienko 2000, 484, sn. 2; Lysenko 2006a, 5; Bochkarev 2012, 204). Более того, В.С. Бочкарев предлагает считать булавку с поселения Струмок III и ей подобные «хронологическим индикатором раннесабатиновских памятников» (Bochkarev 2012, 204). Однако на названном поселении эпоха поздней бронзы представлена и сабатиновским, и белозерским горизонтами (Sapozhnikova, Sekerskaia, Chernienko 1996, 69-70; Petrun', Sapozhnikova, Chernienko 1999, 63-64)[15], а керамика, найденная на том же раскопе, что и публикуемая булавка, позволяет датировать последнюю разве что эпохой поздней бронзы, не точнее.

Если судить по коллекции подъёмного материала, то экземпляр из поселения Гедзилов Яр можно предварительно отнести к сабатиновской культуре. Правда, коллекция керамики и в данном случае не слишком репрезентативная. И тем не менее, ничего такого, что можно было бы датировать исключительно эпохой финальной бронзы (XII–X вв. до н.э.), среди подъёмного материала не зафиксировано. Да и столовой керамики в целом сравнительно немного.

Булавки из Брэнешть и Раденска являются, по сути дела, случайными находками, не имеющими синхронных контекстов. Они могут быть датированы поздним бронзовым веком по территориально близким аналогиям, приведенным выше. В районе с. Раденск известно много бытовых памятников эпохи поздней бронзы, особенно белозерской культуры, к которой отнесен и найденный там «так называемый клад литейных форм» (Olenkovskii 2011, 9, 36-45, 47-56, 169, 170, 174-175). В районах сел, соседних с Брэнешть, известны поселения типа Тэмэоань–Холеркань, относящегося к тому же хронологическому горизонту, что и белозерская культура и поселение Garvăn *„Mlăjitul Florilor"*, а также культур Кишинев–Корлэтень (см., напр.: Nicic 2008) и Ноуа (см., напр.: Dergachev 1986, 154). А в окрестностях самих Брэнешть недавно был найден клад бронзовых изделий раннесабатиновского времени, правда, в основном восточных (в т.ч. лобойковско-голоуровских) традиций (Tserna, Topal 2013, 189, 194-201, 203-204).

Предварительная культурная атрибуция булавки с поселения Гедзилов Яр вполне согласуется с общим пониманием тесных свя-

12. Среди многих булавок особо выделяется очень широкой головкой при ее относительно небольшой длине булавка из Глэвэнештий Векь (см.: Florescu 1967, 82, fig. 14,11). Длинной головкой, и особенно – соотношением длины ее и стержня – булавка с поселения Гедзилов Яр. С другой стороны, булавки с поселения Струмок III и Брэнештского могильника близки друг другу по размерам, особенно общей длине.

13. Так, в диссертации С.С. Лысенко, защищенной в 2006 г., экземпляр с поселения Струмок III отнесен к булавкам редких типов (Lysenko 2006b, ris. 13,3).

14. Они в первой из этих работ фигурируют как булавки с трубковидными головками, во второй – как булавки с головкой в форме стручка.

15. В литературе получает распространение версия о том, что слой позднего бронзового века этого памятника относится к позднесабатиновскому-раннебелозерскому времени (Agul'nikov 2006b, 253; 2006a, 65; Agul'nikov, Popovich 2014, 28, 33). Реальных оснований для выделения там этого – особого переходного горизонта – нет (Chernienko 2009, 390).

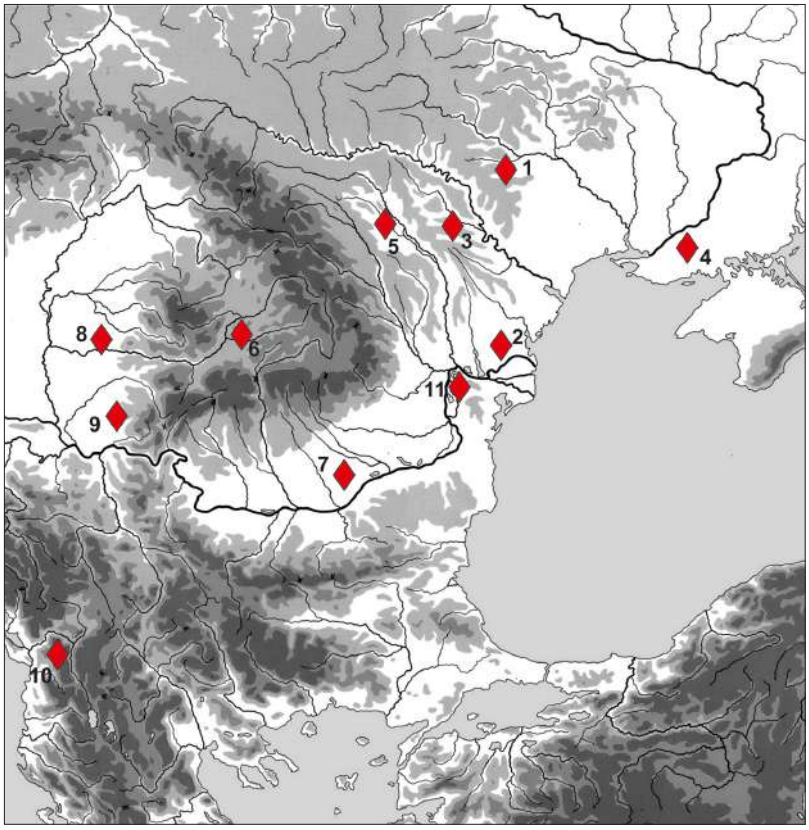


Рис. 4. Находки булавок типа Hülsenkopfnadeln, упоминаемые в статье. 1 – Гетмановка; 2 – Струмок; 3 – Брэнешть; 4 – Раденск; 5 – Глэвэнештий Векь (Glăvăneştii Vechi); 6 – Виттенберг (Wietenberg-Dealul Turcului); 7 – Новач (Novaci); 8 – Печика (Pecica); 9 – Вршац (Vršac); 10 – Бардоци (Bardhoc).

Fig. 4. Map of locations where pins of Hülsenkopfnadeln type were found 1 – Gedzylov Yar (Hetmanivka), 2 – Strumok, 3 – Branesti, 4 – Radensk, 5 – Glăvăneştii Veche, 6 Wietenberg – Dealul Turcului; 7 – Novaci; 8 – Pecica; 9 – Vršac; 10 – Bardhoc.

зей между культурами Ноуа и Сабатиновка. Подобные находки эпохи поздней бронзы из Струмка, Раденска и Брэнешть, в зависимости от реального варианта более узкой хронологии, ныне не определимого, могут, с одной стороны, свидетельствовать о том же, а с другой, – демонстрировать продолжение и развитие в период финальной бронзы традиций металлопроизводства предшествующего времени[16], с учетом связей культур прочерченного гальштата (горизонта Бабадаг I–Тэмэоань–Холеркань–Бал-та) между собой и с культурами Белозерка (Nicic 2008, 21-22, 28, 41, 50) и Кишинев-Корлэтень (Levitskii 2002). Последние, в свою очередь, взаимодействовали друг с другом (Levitskii 2004). Поселения Струмок III и Garvăn *„Mlăjitul Florilor”* находятся не очень далеко друг от друга, можно сказать, оба – в Нижнем Подунавье (рис. 4).

Одно время хронологическим признаком «Hülsenkopfnadeln» считался вид стержня – гладкий или витой. Предполагалось, что булавки с гладким стержнем более ранние (Horedt 1960, 129; Oancea 1972, 451). В свете последних находок, по крайней мере, для юга Восточной Европы, такая последовательность совсем не очевидна. Здесь пока неизвестны булавки с витым стержнем, а датировка экземпляров с гладким доходит до белозерского времени.

Исходя из общих датировок для упомянутых выше булавок, полагаем, что булавки с расширяющимися книзу (в направлении острия) головками наиболее распространены в пространстве и времени начиная уже с самых ранних образцов (Lysenko 2006b, 30-31). Вероятно, уже на этапе BrB1 среди таких изделий появляются булавки, субконусы головок которых усечены довольно-таки несущественно. И, по-видимому, только в эпоху поздней бронзы (не позднее сабатиновского времени и, возможно, именно в Северном Причерноморье) появляются булавки с сужающимися книзу субусеченноконическими головками.

Булавки с кольцевидной головкой (рис. 1; 2,5-6).

1. Городище Картал (с. Орловка, Ренийский р-н, Одесская обл., Украина). Бронзовая булавка[17] найдена в 2010 г. на территории, непосредственно примыкающей к посаду городища (рис. 2,5). В радиусе нескольких десятков метров от находки ничего заслуживающего внимания найдено не было. Исключение со-

16. По отношению к степям Северного Причерноморья, в отличие от большинства соседних западных территорий, речь идет о продолжении и развитии многих таких традиций (см., напр.: Dergachev 1997, 13-19, 21-22, 24-38).

17. Хранится в фондах Одесского археологического музея НАН Украины. Инв. № 95201.

ставляло грунтовое захоронение, которое, несмотря на отсутствие инвентаря, по особенностям погребального обряда можно уверенно отнести к эпохе бронзы[18].

Недавняя работа В.С. Бочкарёва, посвящённая булавкам этого типа (Bochkarev 2009; 2010), делает их интерпретацию чисто технической процедурой. Итак, общая длина булавки – 7,3 см; диаметр кольца сечением 2–5 х 1,5–2 мм (точнее – овала) по внутреннему ребру – 1,6 х 1,4 см. Вес булавки после реставрации – 3,77 г. Именно размеры кольца лежат в основе классификации В.С. Бочкарёва (Bochkarev 2010, 171). По этому критерию булавка из Картала относится к I типу булавок с кольцевидной головкой. Наиболее близкой аналогией по формальным параметрам является булавка из Анатольевки (Pogrebova, Elagina 1962, ris. 4,9).

Как уже отмечалось, находка из Картала является фактически случайной. На городище локализован мощный горизонт эпохи раннего гальштата, в значительной мере синхронный белозерской культуре. Материалов же предшествующего этапа, синхронного сабатиновским (Ноуа–Кослоджень) древностям, почти нет. Между тем, абсолютное большинство булавок I типа с юга Восточной Европы датируется именно «начальным периодом эпохи поздней бронзы» (Bochkarev 2010, 175-179). Есть по сути лишь одна находка, контекст которой допускает существование булавок этого типа в самом начале горизонта древностей белозерско-белогрудовского этапа (Bochkarev 2010, 175-176). В то же время, в окрестностях местонахождения Картал известны поселения позднего этапа сабатиновской культуры. Ближайший, довольно крупный, посёлок (Ракиджиул II) находился в 2-2,5 км северо-восточнее Картала. Таким образом, булавка могла принадлежать как обитателям непосредственно поселения Картал начальной фазы раннегальштатского периода, так и сабатиновскому населению, обитавшему неподалёку от места депонирования булавки.

2. Поселение Александровка (с. Кирилловка, Кодымский р-н, Одесская обл., Украина). На памятнике раннего этапа трипольской культуры в 1951 г. на глубине 1,15 м при окончательной зачистке раскопа 1950 г. была найдена бронзовая булавка (рис. 2,6). Изделие датировано временем существования поселения (Patokova et all. 1989, 13; 11, ris. 3,14). По данным исследований Н.В. Рындиной, по составу металла, определенному Е.Н. Черных, и по технологии изготовления соответствующие предметы с поселения Александровка, изготовленные в технике ковки, в т.ч. булавка, близки карбунским медным вещам (Zin'kovskii, Zin'kovskaia 1980, 39). Н.В. Рындина, включив данное изделие в основной набор продукции раннетрипольского очага металлообработки (Ryndina, Degtiareva 2002, 62, ris. 20,25) (Триполье А-В I), тем не менее, считает эту булавку типологически оригинальным предметом (Ryndina 2004, 230; 228, ris. 3,25). Отсутствие других подобных изделий на трипольских памятниках позволяет предположить, что булавка эпохи поздней бронзы попала в слой поселения случайно (Lysenko 2006b, 33-35)[19].

Булавка общей длиной 10,5 см имеет в основном округлый в сечении, ныне немного искривленный стержень и кольцевидную головку. Диаметр кольца сечением 1,5–3 х 1–2 мм по внутреннему ребру – 9 х 10 мм. Сечение стержня – до 3 мм. Масса булавки – 5,45 г. По размерам это изделие можно отнести к первому варианту второго типа булавок с кольцевидной головкой по классификации В.С. Бочкарева. По его же данным этот тип датируется исключительно белозерско-белогрудовским периодом, и не представлен «на территории Румынии, Молдавии и прилегающих районов Северо-Западного Причерноморья», а связан в основном именно с памятниками белозерской и белогрудовской культур соответственно Нижнего и Среднего Поднепровья (Bochkarev 2010, 171, 173-177). Но находка рассматриваемой булавки в ареале памятников Балтской группы дает еще одну возможность предположить соответствующую датировку изделия (Lysenko 2006b, 34-35).

Литейная форма (рис. 5)

1. Античный Никоний (с. Роксоланы, Овидиопольский р-н, Одесская обл., Украина). Литейная форма обнаружена в 1964 г. при раскопках древнегреческого города. Ничего удиви-

18. Bruiako, Manzura, Subbotin 2006.

19. Не сомневается в этом научный сотрудник Одесского археологического музея НАН Украины В.Г. Петренко, которому мы благодарны за консультацию. В своде В.А. Дергачева фигурируют все металлические изделия с поселения Александровка, кроме булавки (Dergačev 2002).

тельного в этом нет, поскольку на месте Никония в период среднего (начала позднего) бронзового века располагалось поселение. А при раскопках некрополя Никония в 1989 г. было открыто погребение культуры многоваликовой керамики (Bruiako, Toshchev 2002). Форма публиковалась трижды[20]. Однако, до сих пор специалистами-«бронзовиками» замечена не была.

Фрагментированная двусторонняя литейная форма изготовлена из мягкой, очень лёгкой породы мергелистого состава. Сохранившаяся часть (из двух обломков) по форме близка к четырехугольной призме размерами 1,4–4,4 х 4 х 1,3 см и весит всего лишь 18 г. Всего форма содержит четыре разновидности различных негативов, по две на каждой из сторон. Наиболее узнаваемыми являются два не полностью сохранившихся негатива на стороне «А» (рис. 5). Они соответствуют т.н. сурьмяным подвескам ромбовидной формы, которая считается одной из самых характерных для таких подвесок (Litvinenko 1996b, 98; Gak, Mimokhod, Kalmykov 2012, 176-178, 180, 182-192, 195, 196). Длина сторон наших негативов – 1–1,3 см, глубина – около 1 мм. Пространство внутри ромбов напоминает структуру древесного листа. К вершине каждой из этих фигур примыкала некая деталь, негатив которой сохранился не полностью и поперек которой располагался прямой в плане, округлый в сечении стержень. Третий негатив на стороне «А» сохранился частично и, судя по всему, также соответствует подвеске, но только другой формы. Её можно определить как серповидную. Максимальная ширина негатива этой подвески – 8 мм, глубина – около 1 мм. Его видимая решётчатая фактура считается наиболее типичной для сурьмяных подвесок в целом (Litvinenko 1996b, 98).

Негатив на стороне «Б» сохранился не полностью. Он представляет собой почти круглый (2,5 х 2 см) диск с бортиком высотой менее 1 мм. К нему примыкает округлый в сечении желоб, разделенный процарапанными продольными

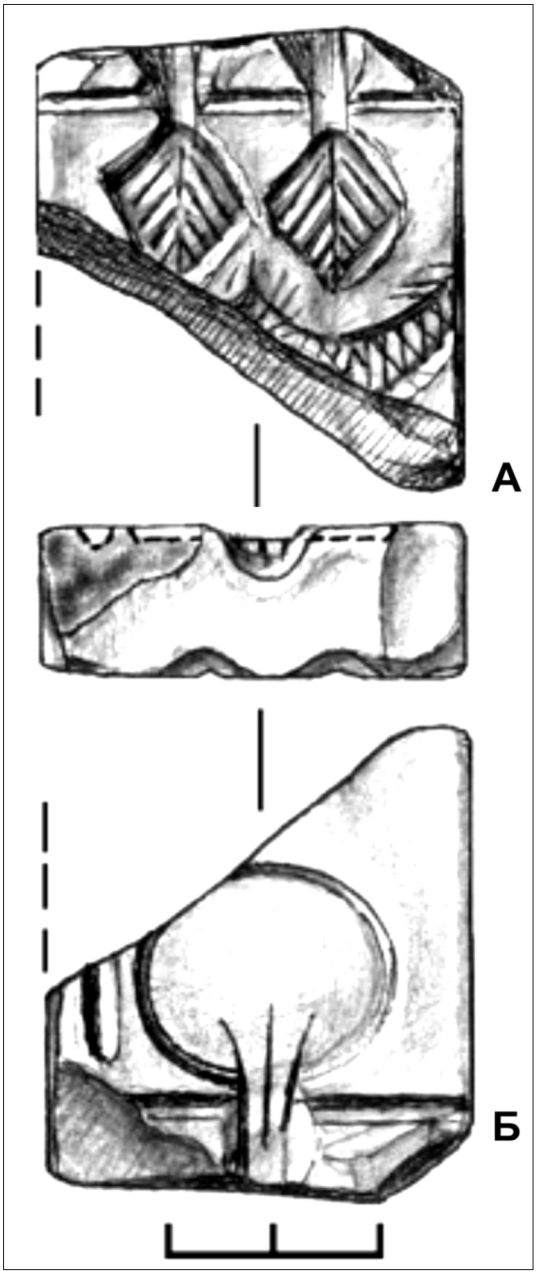


Рис. 5. Литейная форма из Никония.

Fig. 5. Mold from Nikonion

линиями-канальцами. Такое оформление желоба делает отливку похожей на подвеску с ручкой. Среди фурнитуры бронзового века Юго-Восточной Европы нам известны лишь 2 вещи, которые мы можем назвать более или менее достоверными (хотя и не очень строгими) аналогиями упомянутой подвеске[21]. Во-первых, это золотая

20. Первый раз (Sekerskaia 1989, ris. 55,7,8) форма опубликована как античная. Второй раз (Bruyako 1999, 122, 123) такая интерпретация была поставлена под сомнение. В третьей публикации (Bruiako, Toshchev 2002, 588) форма была отнесена к эпохе бронзы уже безо всяких сомнений. Матрица хранится в фондах Одесского археологического музея НАН Украины. Инв. № 80403.

21. Это не считая выразительно орнаментированных дисковидных подвесок-медальонов (см., напр.: Gak, Mimokhod, Kalmykov 2012, 180, 186, ris. 4,1,2).

дисковидная подвеска-медальон из кургана 34 Гордеевского могильника. Изделие украшено пуансонным орнаментом в виде концентрических окружностей, имеет короткую уплощенную ручку с петелькой для подвешивания на конце (Klochko 2003, ris. 4,6). Вторым предметом является сурьмяной дисковидный кулон с уплощенной ручкой из грунтового погребения № 87 могильника Чала (Грузия), который авторы раскопок датировали «ранним этапом эпохи поздней бронзы, т.е. XIV – первой половиной XIII вв. до н.э.» (Tushishvili, Amiranashvili 1982a, 25-28; 70, tab. XXIX,22-a). Причем, по мнению В.И. Клочко, гордеевские культурные традиции сформировались на Правобережной Украине уже в период BrA2, и, по-видимому, именно в это время произошло слияние местных традиций культуры многоваликовой керамики и среднеевропейских культурных элементов (Klochko 2003). В таком случае, не к бабинской ли традиции, представленной рассматриваемым негативом на никонийской литейной форме, восходит гордеевская подвеска-медальон? Или, может быть, она как-то связаны с соответствующими ближневосточными традициями (Klochko 2003), равно как и подвеска, отливавшаяся ранее в матрице из Никония, а также кулон из могильника Чала? Упоминавшийся желоб на нашей литейной форме пересекает (практически под прямым углом) ранее вырезанный и сохранившийся, вероятно, почти полностью негатив округлого в сечении прямого и, по всей видимости, обоюдоострого стержня длиной 3,2 см и сечением до 2,5 мм (возможно, шила или проколки). Изделие не обладает какой-либо культурно-хронологической спецификой, если только этот стержень не является дополнительной деталью подвески. На стороне «Б» имеется ещё один негатив, сохранившийся фрагментарно, всего на 1 см. Он соответствует округлому в сечении стержню. Возможно, это также часть шила или проколки, культурно-хронологически не диагностируемая.

Безусловно, в этом сюжете наиболее интересной является сторона «А». Сурьмяные подвески и соответствующие негативы в целом относятся к переходному периоду от среднего бронзового века к позднему и ранней части последнего (в понимании В.В. Отрощенко [Otroshchenko 2001, 15, 16, 43 и сл.; 2014]). Литейные формы с такими негативами, а также многие из погребений с сурьмяными подвесками, были найдены в Поволжско-Приазовской степной области и примыкающих с севера районах лесостепи, в частности, в бассейнах Дона и Северского Донца (рис. 6). Причем, если эти матрицы в основном географически тяготеют к западной части обозначенного ареала, то готовые подвески – больше к восточной. Это было отмечено в литературе (Sanzharov 2004, 74). «Покровская атрибуция» и подвесок, и негативов (Litvinenko 1996b, 98-99) представляется вполне приемлемой с одним уточнением. Эту атрибуцию следует понимать в широком смысле[22], объединяющем, вслед за рассматриваемыми изделиями, хронологические горизонты, которым в Нижнем Поднестровье в основном соответствует Днепровско-Прутская бабинская культура (Litvinenko 2009, 6, 8-10, 13-22, 25-27, 30-32;

22. Имеются в виду древности одной генетической линии (абашевского происхождения) – доно-волжской абашевской культуры – покровской срубной культуры, которые однозначно культурно атрибутировать нередко крайне проблематично (Litvinenko 2012, 57, 60, 68-69, 76; 59, ris. 9; 2000: 82-84, 90; Matveev 1999, 60-62, 67-69; ср.: Podobed, Usachuk, Tsimidanov 2013; Potapov 2014, 97, 98; Malov 2005, 11, 12, 19; Gak, Mimokhod, Kalmykov 2012, 175, 180-184, 189, 190, 192, 196, 197; Savrasov 1999, 88). Причем, нам кажется логичным в этом же контексте иметь в виду и второй период покровской срубной культуры, в понимании В.В. Отрощенко (Otroshchenko 2002, 15-17, 19-21, 25-27, 32). Подробный анализ разночтений по соответствующей и близкой проблематике, в т.ч. по поводу правомерности совместного употребления слов «покровская» и «срубная» (без союза «и»), здесь вряд ли уместен. Отметим лишь, что ромбовидные подвески встречаются в погребениях именно покровской срубной культуры обоих периодов, в понимании В.В. Отрощенко (ср., напр.: Litvinenko 1996b, 100), в отличие от захоронений бережновско-маевской срубной культуры. Если, конечно, погребение Золотая Гора 5/8 относить к покровским (Gak, Mimokhod, Kalmykov 2012, 182; Maksimov, Lopatin 2007, 151; Lopatin 2010, 101, 226-227; Malov 2012, 97; 2007, 42; Chernienko 2014, 74, sn. 153), а не, вслед за А.И. Юдиным, к бережновским (Iudin 2010, 346). Это может быть одним из доводов в пользу правомерности неоднократно подвергавшейся критике (см., напр.: Sharafutdinova 2003, 126; Lopatin 2010, 225-228, 230-231; Podobed, Usachuk, Tsimidanov 2013) известной концепции В.В. Отрощенко о культурах срубной общности. Хотя исследователь, рассматривавший отдельные погребения покровской срубной культуры с сурьмяными подвесками, в т.ч. ромбоподобной (Otroshchenko 2001, 123; 268, ris. 22,9), как будто бы нигде не выделяет эти изделия в качестве отличительного культурного признака.

2011, 108, 111, 115-118, 120, 121)[23]. Только хронология развитого этапа срубной культурно-исторической области, к которому относятся некоторые комплексы с сурьмяными подвесками (Malov 2005, 12), или, в частности, второго этапа покровской срубной культуры (Otroshchenko 2002, 19-20), по всей вероятности, заходит в раннесабатиновское время. По крайней мере, непосредственно следующие за ПСК-II постсрубные культуры синхронизируются уже с развитым этапом сабатиновской культуры (Otroshchenko 2001, 126-127, 159-162, 171-174). Из литейных форм с негативами достоверно ромбовидных подвесок, две С.Н. Санжаров относит «к промежуточному (переходному) времени развития позднеабашевской-финальноабашевской культуры Донецко-Донского региона»[24]. Имеются в виду древности доно-волжской абашевской культуры названной территории. При этом исследователь отмечает: «Временные рамки бытования ромбических и треугольных подвесок, известных по погребальным комплексам в степной зоне, должны устанавливаться преимущественно более поздним временем» – как финальноабашевским, так и постабашевским, соответствующим покровской срубной культуре по В.В. Отрощенко (Sanzharov 2004, 71-74). Керамическая литейная форма с негативом ромбовидной подвески с Ильичевского поселения, «вероятнее всего, относится… к покровскому горизонту» (Litvinenko 1996b, 99). Створку керамической (ср.: Sanzharov 2004, 71) литейной формы с негативом ромбовидной подвески с поселения близ окраины с. Терновка (Саратовское Поволжье) Н.М. Малов считает возможным связывать с ранними срубными памятниками (Malov 2005, 10-11, 19; 20, ris. 1,11). Один из двух негативов ромбовидных подвесок, имеющихся на литейной форме из арделита, которая «относится к категории случайных находок и происходит из с. Андреевка в Донецком Приазовье» (Sanzharov 2004, 71; 72, ris. 27,5), является наиболее строгой аналогией негативов на матрице из Никония. «К эпохе бронзы относится обломок глиняной литейной формочки» с негативом ромбовидной подвески с поселения у станции Отрожка в окрестностях Воронежа. Часть керамики с этого поселения А.Т. Синюк первоначально относил «к многоваликовому этапу катакомбной культуры» (Siniuk 1966, 113; 112, ris. 2,17-19). Позднее исследователь нанес это(?) местонахождение на карту основных памятников срубной культуры бассейна Дона (Siniuk 1996, 242, ris. 55,26), вероятно, на основании скорее характерной культурной атрибуции рассматриваемого типа украшений, чем посуды. А.Д. Пряхин отнес упомянутую(?) керамику эпохи бронзы со ст. Отрожка к среднедонской катакомбной культуре (Pryakhin 1982, 6, ris. 1,17). Конечно, при крайне скудных опубликованных данных уточнить культурную принадлежность литейной формы с Отрожкинского поселения вряд ли возможно. В любом случае, орнаментация приведённой на рисунке керамики (Siniuk 1966, 112, ris. 2,17,18) для покровской срубной культуры, известной, в отличие от бережновско-маевской срубной, на данной территории (см., напр.: Otroshchenko 2000, 11-12, 14), нехарактерна, а оснований для отнесения матрицы к катакомбному времени явно недостаточно. Во всяком случае, соответствующие украшения в катакомбных памятниках нам, по крайней мере, неизвестны. В принципе, воронежская культура, в той или иной степени синхронная культурному кругу Бабино и доно-волжской абашевской культуре (Litvinenko 2009, 17-19, 25, 26, 31; Priakhin, Besedin 1988, 23, 32, 36), могла бы претендовать на ту, к которой можно было бы отнести и все те же проиллюстрированные А.Т. Синюком фрагменты сосудов (Siniuk 1966, 112, ris. 2,17,18; 1996, 171-173, 175, 177, 178, 180, 181; 186, ris. 44,7; 187, ris. 45, 1; 189, ris. 47,3,5), и литейную форму с Отрожкинского поселения. Во всяком случае, это как будто бы укладывается в рассмотренный выше хронологический диапазон негативов ромбовидных подвесок. Но мы не встречали в литературе случаев отнесения поселения у ст. Отрожка к воронежской культуре.

Есть сведения о наличии ромбовидных подвесок в некоторых позднемноговаликовых и андроновских комплексах (Malov 2005, 12; Maksimov, Lopatin 2007, 146, 151; 160, ris. 3,5). Но, в отличие от Е.К. Максимова и В.А. Лопа-

23. Малочисленные в названном регионе погребения Днепро-Донской бабинской культуры (Litvinenko 2011, 110, 111), вероятно, относятся к более раннему времени (Litvinenko 2009, 15-21, 23, 25, 26, 31, 32).

24. Это обломок керамической с северскодонецкого поселения Клешня Вторая 1 и матрица из сланцевой породы с поселения у озера Перебойное в Подонцовье.

тина, Е.И. Гак с соавторами относит погребение Низовка 5/3 в Саратовском Приволжье к покровским (Gak, Mimokhod, Kalmykov 2012, 182; 180-181, ris. 2,42). И не безосновательно. Во-первых, названная территория никак не ассоциируется с поздними из бабинских комплексов (см., напр.: Sharafutdinova 1996, 59; Litvinenko 2012, 57-62, 68-71, 76; 2009, 16-19, 25; Mimokhod 2014, 100, 115, 116). Во-вторых, большинство погребений волго-донской бабинской культуры безынвентарные, украшения в них и в захоронениях Днепро-Донской бабинской культуры этапов IБ и IIА, именно и представленных в Поволжье, редки (Mimokhod 2014, 105-109, 111, 114, 115; Litvinenko 2009, 13, 16-19, 25). Р.А. Мимоход приводит лишь 2 височные калачиковидные подвески (Lysenko 2006a, 9, 13) волго-донской бабинской культуры. Однако, они полуовальные в сечении (Mimokhod 2014, 114; 111, ris. 5,34,35), в отличие от желобчатых из погребения Низовка 5/3 (Maksimov, Lopatin 2007, 146, 150; 160, ris. 3,8). Последние не характерны и для погребений ДДБК[25], в отличие от захоронений ДВАК-ПСК (Vangorodskaia 1987, 47; Litvinenko 2000, 90; ср.: Maksimov, Lopatin 2007, 150). Присущий погребению Низовка 5/3 северный вектор ориентировки характерен для волго-донской бабинской культуры и ДВАК-ПСК (см., напр.: Mimokhod 2014, 103, 106-108, 110-113; Litvinenko 2000, 84-85, 87, 88, 90). Чего не скажешь об орнаментации одинарным валиком, которую имеет сосуд из этого комплекса (Maksimov, Lopatin 2007, 145-146; 160, ris. 3,4,10; ср.: 149-150). Нечасто встречается одинарный валик на сосудах других культур круга Бабино (см., напр.: Litvinenko 1996a, 69; 2000, 90; Toshchev 1986, 215, ris. 29,7-10). Для погребений, с которыми традиционно, в отличие от памятников волго-донской бабинской культуры, связывали северо-восточную периферию бабинского ареала, северная ориентировка не характерна (Sharafutdinova 1996, 57). Таким образом, нам сложнее согласиться с отнесением не совсем обычного комплекса Низовка 5/3 к бабинским, тем более, – к поздним. Из составляющих того же комплекса для покровской срубной культуры нехарактерна только керамика с валиком, особенно для погребального инвентаря. В андроновских металлургических очагах сурьмяные подвески встречаются редко (см., напр.: Ryndina, Degtiareva 2002, 193).

Ромбовидные подвески найдены и на Кавказе (Litvinenko 1996b, 99-100). Однако, здесь неизвестны находки матриц (рис. 6). Самая древняя подвеска найдена в погребении 3 грунтового могильника Верхняя Рутха (горная Дигория) и датируется периодом Протокобан I или IIа, по А.Ю. Скакову (Gak, Mimokhod, Kalmykov 2012: 180-182, 184, 186, 192). Подвески с 3 грунтовых могильников Северного Кавказа относятся к каякентско-хорочоевской культуре периода Протокобан IIб (Gak, Mimokhod, Kalmykov 2012, 180-181, 183, 186-189, 192). По-видимому, к близкому времени относятся сурьмяные подвески в той или иной степени сходных форм с грунтового могильника Редькин Лагерь в Армении (Gak, Mimokhod, Kalmykov 2012, 192, 195; 180-181, ris. 2,18; 186, ris. 4,15,16).

Противоречия в датировках протокобанской эпохи и в хронологическом соотнесении, например, каякентско-хорочоевских памятников с покровскими (Skakov 2003, 19, 20, 22), малочисленность тех из представляемых изделий, которые мы можем относительно достоверно считать древнейшими на Кавказе и на рассматривавшихся более северных территориях (см. выше), не позволяют пока решить вопрос о том, какой из этих регионов был исходным ареалом анализируемого типа украшений (ср., напр.: Gak, Mimokhod, Kalmykov 2012, 196 и Kozenkova 2013: 37).

Доно-волжская абашевская культура оказала определенное воздействие на облик бабинских древностей Азово-Донецкого региона (Sanzharov 2007, 22, 24-25, 33). Можно предположить её влияние на развитие керамических традиций культурного круга Бабино в целом. На каком-то этапе в разных регионах четкость рёбер, присущая многим былым классическим бабинским сосудам высоких пропорций, ослабевает – сохраняется разве что «остаток традиционного ребра» (Sharafutdinova 1995, 126-129, 131). Подобные остатки присущи некоторым финальноабашевским сосудам высоких пропорций из региона Северского Донца

25. Правда, две подвески из бабинского погребения Гноровское 1/6 (Запорожская обл.) в средней части желобчатые, но с полукруглыми в сечении концами (Vangorodskaia 1987, 39, ris. 1,3).

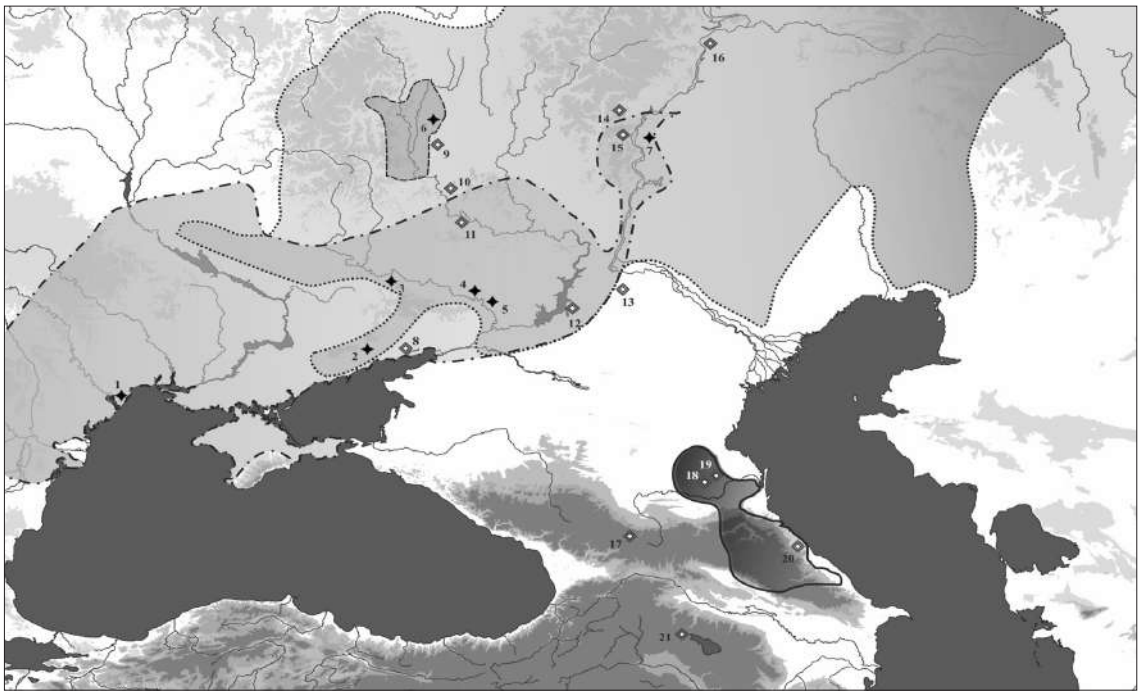


Рис. 6. Условные обозначения:

ареал доно-волжской абашевской культуры – покровской срубной культуры

ареал культурной общности Бабино (КМК)

ареал воронежской культуры

ареал каякентско-хорочоевской культуры

находки литейных форм с негативами ромбовидных подвесок (1 – Никоний; 2 – Андреевка; 3 – поселение Ильичевка; 4 – поселение Клешня Вторая 1; 5 – поселение у станции Отрожка; 7 – поселение Терновка)

находки сурьмяных ромбовидных подвесок из Волго-Донского региона и Кавказа (8 – Гаевка Каймакчи XV 1/45; 9 – Старая Тойда 1/2; 10 – Советское-2 1/5; 11- Меркуловский IV 5/1; 5/2; 12 – Кирпичный бугор 1/6; 13 – Цаца 7/7; 14 – Низовка 5/3Б 15 – Золотая Гора 5/8; 16 – Кашпирский 11/4; 17 – Верхняя Рутха п.3; 18 – Дай п.13; 19 – Хорочоевский п.2б 12, 25, 29; 20 – Каякент; 21 – Редкин Лагерь)

Fig. 6. Captions for map

distribution of Don – Volga Abashevka culture of Pokrovsk Srubna culture

distribution of Babino cultural entity (KMK)

distribution of Voronezh culture

Kajakent – Khorochoj culture distribution

Finds of molds with negatives of rhomboid pendant (1 -- Nikonion; 2 –Andreevka; 3 – Ilichevka settlement; 4 – Kleshnia Vtoraia 1 settlement; 5 – Pereboinoe Ozero settlement; 6 settlement near Otrozhka station; 7 – Ternovka settlement).

Finds of antimony rhomboid pendants from Volga – Don region and Caucasus (8 – Gaevka Kaimakchi XV 1/45; 9 – Staraia Toida 1/2; 10 – Sovetskoe 2 1/5; 11 – Merkulovsky IV 5/1, 5/2; 12 – Kirpichny Bugor 1/6; 13 – Tsatsa 7/7; 14 – Nizovka 5/3; 15 – Zolotaia Gora 5/8; 16 – Kashpirskij 11/4; 17 – Verkhniaja Rutkha p/3; 18 – Daj p. 3; 19 – Khorochoevskij p. 2, 12, 25, 29; 20 – Kajakent; 21 – Redkin Lager).

(Sanzharov 2004, 22, ris. 6,1; 117, ris. 31,8,16; 119, ris. 32,3; 136-137, ris. 35,82, 83). Если указанное изменение в бабинской керамике считать результатом одного из самых ранних воздействий на Бабино с востока, то это влияние, в отличие от более поздних, вероятно, уже срубных (Chernienko 2014, 74-76), можно связать с доно-волжской абашевской культурой. «Трансформация… в сторону приземистости» бабинских сосудов, имеющих «остаток традиционного ребра» (Sharafutdinova 1995, 127, 130, 131; 137, ris. 4, 3,6,8-10), вероятно, могла быть связана уже с воздействием срубников (Chernienko 2014, 75). Одним из результатов влияний со стороны доно-волжской абашевской (ДВАК) или покровской срубной культуры (ПСК) могло стать производство бабинским населением ромбовидных подвесок. Последние в готовом виде не найдены на поселениях ДВАК-ПСК и, тем более, бабинских, изученных хуже (почему, вероятно, нам и известна пока единственная литейная форма, которую можно относительно достоверно связать с культурным кругом Бабино). Возможно, столь мелкие и хрупкие вещи, как сурьмяные подвески, плохо сохранялись в культурных слоях поселений. А использование этих вещей в качестве погребального инвентаря не предусматривалось соответствующими стереотипами населения Бабино и, возможно, доно-волжской абашевской культуры. И наоборот, подобные стандарты существовали у населения покровской срубной культуры и некоторых культур Кавказа. Не исключается и вероятное воздействие бабинских традиций на развитие ДВАК (см., напр.: Matveev 1999, 68). Но предположение о бабинских истоках столь устойчивой традиции производства и использования ромбовидных подвесок (назовем ее, опять же, покровской, в употреблявшемся выше широком смысле) на основании только лишь единственной литейной формы, которую можно относительно достоверно отнести к культурному кругу Бабино, вряд ли может показаться убедительным.

Заметим, что неординарность находки из Никония – седьмой в общем списке находок подобных матриц – заключается именно в культурно-географическом аспекте (рис. 6). Во-первых, до сих пор ни сурьмяные подвески, ни литейные формы для их изготовления не были известны к западу от Приазовья. Во-вторых, в культурном отношении наша литейная форма могла принадлежать населению Днепровско-Прутской бабинской культуры (КМК, в традиционном понимании), поселение и могильник которой существовали на месте, где спустя тысячу с лишним лет возник античный Никоний (Bruyako, Toshchev 2002). В-третьих, С.С. Лысенко связывает серповидные («месяцевидные») подвески лесостепного Поднестровья с влиянием на металлопроизводство этого региона культуры Отомань (Lysenko 2006a, 10). Наличие негатива однотипного украшения на никонийской литейной форме позволяет предположить, что это влияние могло достигать и Нижнего Поднестровья[26]. Правда, лесостепные лунницы крупнее, на вогнутой стороне каждой имеется выступ, а концы одной закручивались внутрь (Lysenko 2006b, ris. 78,1,2).

В заключении хочется выразить надежду на то, что данная публикация окажется полезной и послужит делу изучения древностей бронзового века юга Восточной Европы, а быть может, и в других регионах.

26. Впрочем, известны сурьмяные подвески в виде лунниц финала среднего – позднего бронзового века из Закавказья (Gak, Mimokhod, Kalmykov 2012, 180-181, 183, 186; Skakov 2003, 20), но для них характерны значительные выступы с выпуклых сторон (см., напр.: Tushishvili, Amiranashvili 1982, 70, tab. XXIX,22).

Приложение

Спектральный анализ булавки из поселения Струмок III

№ ан.	Cu	Sn	Pb	Zn	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	S	P	Al	Na
25	осн.	8,956	0,074	0,352	0,757	0,206	0,174	0,008	0,229	0,089	0,238	0,020	0,436	0,013

Анализ выполнен в отделе энеолита-бронзового века Института археологии НАН Украины с.н.с. Т.Ю. Гошко.

Литература

Agul'nikov 2006a: S.M. Agul'nikov, Gorizont epokhi pozdnej bronzy poselenija Cealik-II. SSPK XIII, 2006, 53-67 // С.М. Агульников, Горизонт эпохи поздней бронзы поселения Чалык-II. ССПК XIII, 2006, 53-67.
Agul'nikov 2006b: S. Agul'nikov, Poselenija epokhi pozdnej bronzy v Budzhakskoj stepi. Revista Arheologică S.N. II, nr.1-2, 2006, 217-262 // С. Агульников, Поселения эпохи поздней бронзы в Буджакской степи. Revista Arheologică S.N. II, nr.1-2, 2006, 217-262.
Agul'nikov, Popovich 2014: S. Agul'nikov, S. Popovich, Svidetel'stva processov metalloobrabotki v pozdnem bronzovom veke v stepnoj zone Pruto-Dnestrovskogo mezhdurech'ia. SSPK XVII, 2014, 24-33 // С. Агульников, С. Попович, Свидетельства процессов металлообработки в позднем бронзовом веке в степной зоне Прутo-Днестровского междуречья. ССПК XVII, 2014, 24-33.
Bochkarev 2009: V.S. Bochkarev, Metallicheskie bulavki s kol'tsevidnoĭ golovkoĭ ėpokhi pozdneĭ bronzy iz iugozapadnogo regiona Vostochnoĭ Evropy. In.: (ed. S.A. Vasil'ev) S.N. Bibikov i pervobytnaia arkheologiia (Sankt-Peterburg 2009), 357-365 // В.С. Бочкарев, Металлические булавки с кольцевидной головкой эпохи поздней бронзы из юго-западного региона Восточной Европы. В сб.: (отв. ред. С.А. Васильев) С. Н. Бибиков и первобытная археология (Санкт-Петербург 2009), 357-365.
Bochkarev 2010: V.S. Bochkarev, Metallicheskie bulavki s kol'tsevidnoĭ golovkoi ėpokhi pozdneĭ bronzy iz iugozapadnogo regiona Vostochnoĭ Evropy. In: V.S. Bochkarev, Kul'turogenez i drevnee metalloproizvodstvo Vostochnoĭ Evropy (Sankt-Peterburg 2010), 171-180 // В.С. Бочкарев, Металлические булавки с кольцевидной головкой эпохи поздней бронзы из юго-западного региона Восточной Европы. В кн.: В.С. Бочкарев, Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы (Санкт-Петербург 2010), 171-180.
Bochkarev 2012: V.S. Bochkarev, K voprosu ob ispol'zovanii serpov i serpovidnykh orudiĭ v stepnykh (skotovodcheskikh) kul'turakh ėpokhi pozdneĭ bronzy Vostochnoĭ Evropy. Rossiĭskiĭ arkheologicheskiĭ ezhegodnik 2, 2014, 194-214 // В.С. Бочкарев, К вопросу об использовании серпов и серповидных орудий в степных (скотоводческих) культурах эпохи поздней бронзы Восточной Европы. Российский археологический ежегодник 2, 2014, 194-214.
Bruiako 1999: I.V. Bruiako, Ocherki ėkonomicheskoĭ istorii naseleniia Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia v 7 – 3 vv. do R.Kh. (Volzhsk 1999) // И.В. Бруяко, Очерки экономической истории населения Северо-Западного Причерноморья в 7 – 3 вв. до Р.Х. (Волжск 1999).
Bruiako, Manzura, Subbotin 2006: Bruiako I.V., Manzura I.V., Subbotin L.V. Otchet Nyzhnedunaĭskoĭ AE o raskopkakh gorodishcha Kartal v 2005 g. NA OAM NANU// И.В. Бруяко, И.В. Манзура, Л.В. Субботин, Отчёт Нижнедунайской АЭ о раскопках городища Картал в 2005 г. НА ОАМ НАНУ.
Bruiako, Toshchev 2002: I.V. Bruiako, G.N. Toshchev, Materialy k arkheologicheskoĭ karte poberezh'ia Dnestrovskogo limana (ėpokha bronzy). Stratum plus 2, 2002, 587-591 // И.В. Бруяко, Г.Н. Тощев, Материалы к археологической карте побережья Днестровского лимана (эпоха бронзы). Stratum plus 2, 2002, 587-591.
Chernienko 2000: Iu.A. Chernienko, Nekotorye itogi i problemy izucheniia stroitel'nogo dela na sabatinovskikh poseleniiakh Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia. Stratum plus 2, 2000, 483-504 // Ю.А. Черниенко, Некоторые итоги и проблемы изучения строительного дела на сабатиновских поселениях Северо-Западного Причерноморья. Stratum plus 2, 2000, 483-504.
Chernienko 2009: Iu.A. Chernienko, Vladimir Petrovich Vanchugov – issledovatel' drevnosteĭ pozdnego bronzovogo veka Severnogo Prichernomor'ia. MASP 9, 2009, 382-397 // Ю.А. Черниенко, Владимир Петрович Ванчугов – исследователь древностей позднего бронзового века Северного Причерноморья. МАСП 9, 2009, 382-397.
Chernienko 2014: Iu.A. Chernienko, Sabatinovskaia kul'tura v sisteme drevnosteĭ bronzovogo veka iuga Vostochnoĭ Evropy. Stratum plus 2, 2014, 15-112 // Ю.А. Черниенко, Сабатиновская культура в системе древностей бронзового века юга Восточной Европы. Stratum plus 2, 2014, 15-112.
Dergachev 1986: V.A. Dergachev, Moldaviia i sosednie territorii v ėpokhu bronzy (Kishinev 1986) // В.А. Дергачев, Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы (Кишинев 1986).
Dergachev 1997: V.A. Dergachev, Metallicheskie izdeliia. K probleme genezisa kul'tur rannego gal'shtata Karpato-Danubio-Nordpontiĭskogo regiona (Chişinău 1997) // В.А. Дергачев, Металлические изделия. К проблеме генезиса культур раннего гальштата Карпато-Данубио-Нордпонтийского региона (Кишинэу 1997).
Dergačev 2002: V. Dergačev, Die äneolitischen und bronzezeitlichen Metallfunde aus Moldavien. PBF XX, 9 (Stuttgart 2002).
Dono-volzhskaia abashevskaia kul'tura: Dono-volzhskaia abashevskaia kul'tura – www.hist.vsu.ru/archmus/abash_t.html // Доно-волжская абашевская культура – www.hist.vsu.ru/archmus/abash_t.html.
Fedorov, Chebotarenko, Velikanova 1984: G.B. Fedorov, G.F. Chebotarenko, M.S. Velikanova, Braneshtskiĭ

mogil'nik X–XI vv. (Kishinëv 1984) // Г.Б. Фёдоров, Г.Ф. Чеботаренко, М.С. Великанова, Бранештский могильник X–XI вв. (Кишинёв 1984).
Florescu 1967: A.C. Florescu, Sur les problèmes du bronze tardif Carpato-Danubian et Nord-Quest Pontique. Dacia N.S. XI, 1967, 59-94.
Florescu 1991: A.C. Florescu, Repertoriul culturii Noua–Coslogeni din România. Aşezări şi necropole. Cultură şi civilizaţie la Dunărea de Jos IX, 1991.
Florescu, Florescu 1990: M. Florescu, A. Florescu, Unele observatii cu privire la geneza culturii Noua în zonele de curbură ale Carpatilor Răsăriteni. Arheologia Moldovei XIII, 1990, 49-102.
Furmánek 1980: V. Furmánek, Die Anhänger in der Slowakei. PBF XI, 3 (München 1980).
Gak, Mimohod, Kalmykov 2012: E.I. Gak, R.A. Mimokhod, A.A. Kalmykov, Sur'ma v bronzovom veke Kavkaza i iuga Vostochnoĭ Evropy. Arkheologicheskie vesti 18, 174-203 // Е.И. Гак, Р.А. Мимоход, А.А. Калмыков, Сурьма в бронзовом веке Кавказа и юга Восточной Европы. Археологические вести 18, 174-203.
Găvan 2013: A. Găvan, Metalurgia tell-urilor epocii bronzului din vestul României (II). Terra Sebvs. Acta Musei Sabesiensis 5, 2013, 141-192.
Hansel 2013: A. Hansel, Zeddin, Brandenburg, Germaniia. In: (ed. Iu.Iu. Piotrovskiĭ) Bronzovyĭ vek. Evropa bez granits. Chetvertoe – pervoe tysiacheletiia do n.ė. Katalog vystavki (Sankt-Peterburg 2013), 530-531 // А. Хэнзель, Зеддин, Бранденбург, Германия. В сб.: (науч. ред. Ю.Ю. Пиотровский) Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое – первое тысячелетия до н.э. Каталог выставки (Санкт-Петербург 2013), 530-531.
Horedt 1960: K. Horedt, Die Wietenbergkultur. Dacia N.S. IV, 1960, 107-137.
Hoti 1982: A. Hoti, Varreza tumulare e Bardhocit në brethin e Kukësit. Iliria XII, nr.1, 1982, 15-48.
Iudin 2010: A.I. Iudin, Pamiatniki berezhnovskogo tipa rannesrubnoĭ kul'tury Nizhnego Povolzh'ia. In: (ed. A.I. Vasilenko) Problemy okhrany i izucheniia pamiatnikov arkheologii stepnoĭ zony Vostochnoĭ Evropy (sbornik nauchnykh stateĭ i memorial'nykh rabot, posviashchennykh pamiati luganskikh arkheologov) (Lugansk 2010), 345-356 // А.И. Юдин, Памятники бережновского типа раннесрубной культуры Нижнего Поволжья. В сб.: (сост., отв. за вып. А.И. Василенко) Проблемы охраны и изучения памятников археологии степной зоны Восточной Европы (сборник научных статей и мемориальных работ, посвященных памяти луганских археологов) (Луганск 2010), 345-356.
Iwas, Notroff 2001: I. Iwas, J. Notroff, Das Grab von Seddin. In: (ed. H.P. Röcher) Einführung in das Studium der Prähistorischen Archäologie (Ur- und Frühgeschichte). Sommersemester 2001. //– www2.informatik.hu-berlin.de›~iwas/ufg/seddin.pdf.
Jugănaru 2005: G. Jugănaru, Cultura Babadag. I (Constanţa 2005).
Kilian-Dirlmeier 1984: I. Kilian-Dirlmeier, Die Nadeln der Eisenzeit in Albanien. Illiria XIV, nr.1, 1984, 85-108.
Kiosak, Bruiako, Denisiuk 2012: D.V. Kiosak, I.V. Bruiako, V.L. Denisiuk, Rozvidki v baseĭni Pivdennogo Bugu. In.: (ed. D.N. Kozak) Arkheologichni doslidzhennia v Ukraïni v 2011 r. (Kiïv 2012), 357 // Д.В. Кіосак, І.В. Бруяко, В.Л. Денисюк, Розвідки в басейні Південного Бугу. В кн.: (від. ред. Д.Н. Козак) Археологічні дослідження в Україні в 2011 р. (Київ 2012), 357.
Klochko 2003: V.I. Klochko, Metallicheskie izdeliia Gordievskogo mogil'nika i problemy kul'turogeneza na Pravoberezhnoĭ Ukraine vo II tys. do R.Kh. In: (ed. V.P. Dudkin) Arkheometriia ta okhorona istoriko-kul'turnoï spadshchini. – URL: http://www.myslenedrevo.com.ua/studies/arox/2003/klochko.html // В.И. Клочко, Металлические изделия Гордиевского могильника и проблемы культурогенеза на Правобережной Украине во II тыс. до Р.Х. В сб.: (гол. ред. В.П. Дудкін) Археометрія та охорона історико-культурної спадщини. – URL: http://www.myslenedrevo.com.ua/studies/arox/2003/klochko.html.
Kozenkova 2013: V.I. Kozenkova, Kobanskaia kul'tura i okruzhaiushchiĭ mir (Moskva 2013) // В.И. Козенкова, Кобанская культура и окружающий мир (Москва 2013).
Leahu 1988: V. Leahu, Obiecte de metal şi mărturii ale practicării metalurgiei în aria culturii Tei. SCIVA 39, nr.3, 1988, 223-241.
Levitskii 2002: O.G. Levitskiĭ, Vzaimootnosheniia obshchnosteĭ kannelirovannogo i procherchennogo gal'shtata Vostochno-Karpatskogo regiona. In: (ed. E.V. Iarovoĭ) Drevneĭshie obshchnosti zemledel'tsev i skotovodov Severnogo Prichernomor'ia (V tys. do n.ė. – V vek n.ė.). Mat. III Mezhdunar. konf. (Tiraspol' 2002), 188-191 // О.Г. Левицкий, Взаимоотношения общностей каннелированного и прочерченного гальштата Восточно-Карпатского региона. В сб.: (отв. ред. Е.В. Яровой) Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V век н.э.). Мат. III Междунар. конф. (Тирасполь 2002), 188-191.
Levitskii 2004: O.G. Levitskiĭ, Nekotorye itogi issledovaniia vzaimootnosheniĭ rannegal'shtatskikh, frakiĭskikh obshchnosteĭ s naseleniem Severnogo Prichernomor'ia. In: (col. de red.: I. Niculiţă, A. Zanoci, Iu. Postică) Thra-

cians and circumpontic world. IX-th International Congress of Thracology (Chişinău–Vadul lui Vodă, 6-11 Sept. 2004). Summaries (Chişinău 2004), 51-52 // О.Г. Левицкий, Некоторые итоги исследования взаимоотношений раннегальштатских, фракийских общностей с населением Северного Причерноморья. В сб.: (col. de red.: I. Niculiţă, A. Zanoci, Iu. Postică) Thracians and circumpontic world. IX-th International Congress of Thracology (Chişinău–Vadul lui Vodă, 6-11 Sept. 2004). Summaries (Chişinău 2004), 51-52.

Litvinenko 1996a: R.A. Litvinenko, K otsenke kul'tury mnogovalikovoĭ keramiki Vostochnogo Nadazov'ia. In.: (ed. V.N. Gorbov) Severo-Vostochnoe Priazov'e v sisteme evraziĭskikh drevnosteĭ (ėneolit – bronzovyĭ vek). Mat. mezhdunar. konf. Ch.I (Donetsk, 1996), 65-71 // Р.А. Литвиненко, К оценке культуры многоваликовой керамики Восточного Надазовья. В сб.: (гл. ред. В.Н. Горбов) Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). Мат. междунар. конф. Ч.I (Донецк 1996), 65-71.

Litvinenko 1996b: R.A. Litvinenko, Sur'mianye podveski v pamiatnikakh stepnoĭ bronzy i ikh kavkazskie analogii. In: (ed. Iu.Iu. Piotrovskiĭ) Mezhdu Azieĭ i Evropoĭ. Kavkaz v IV – I tys.do n.ė. M-ly konf., posv. 100-letiiu A.A.Iessena (Sankt-Peterburg 1996), 98-101 // Р.А. Литвиненко, Сурьмяные подвески в памятниках степной бронзы и их кавказские аналогии. В сб.: (науч. ред. Ю.Ю.Пиотровский) Между Азией и Европой. Кавказ в IV – I тыс.до н.э. М-лы конф., посв. 100-летию А.А.Иессена (Санкт-Петербург 1996), 98-101.

Litvinenko 2000: R.A. Litvinenko, Periodizatsiia srubnykh drevnosteĭ Dono-Donetskogo regiona (po pogrebal'nym pamiatnikam Severskogo Dontsa). In: Srubnaia kul'turno-istoricheskaia obshchnost' v sisteme drevnosteĭ ėpokhi bronzy evraziĭskoĭ stepi i lesostepi. Mat. mezhdunar. nauch. konf. (Voronezh 2000), 81-90 // Р.А. Литвиненко, Периодизация срубных древностей Доно-Донецкого региона (по погребальным памятникам Северского Донца). В сб.: Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи. Мат. междунар. науч. конф. (Воронеж 2000), 81-90.

Litvinenko 2009: R.O. Litvinenko, Kul'turne kolo Babine (za materialami pokhoval'nikh pam´iatok). Avtoref. dis... dokt. ist. nauk (Kiïv 2009) // Р.О. Литвиненко, Культурне коло Бабине (за матеріалами поховальних пам´яток). Автореф. дис... докт. іст. наук (Київ 2009).

Litvinenko 2012: R.O. Litvinenko, Babins'ko-krivoluts'ke porubizhzhia. Donets'kiĭ arkheologichniĭ zbirnik 16, 2012, 47-76 // Р.О. Литвиненко, Бабинсько-криволуцьке порубіжжя. Донецький археологічний збірник 16, 2012, 47-76.

Lopatin 2010: V.A. Lopatin, Smelovskiĭ mogil'nik: model' lokal'nogo kul'turogeneza v stepnom Zavolzh'e (seredina II tys. do n.ė.) (Saratov 2010) // В.А. Лопатин, Смеловский могильник: модель локального культурогенеза в степном Заволжье (середина II тыс. до н.э.) (Саратов 2010).

Lysenko 2006a: S.S. Lysenko, Prikrasi naselennia Ukraïni dobi pizn'oï bronzi. Avtoref. dis... kand. ist. nauk (Kiïv 2006) // С.С. Лисенко, Прикраси населення України доби пізньої бронзи. Автореф. дис... канд. іст. наук (Київ 2006).

Lysenko 2006b: S.S. Lysenko, Ukrasheniia naseleniia Ukrainy ėpokhi pozdneĭ bronzy. Diss. ... kand. ist. nauk. NA IA NANU. Fond 12. Inv. №842 (Kiev 2006) // С.С. Лысенко, Украшения населения Украины эпохи поздней бронзы. Дисс. ... канд. ист. наук. НА ИА НАНУ. Фонд 12. Инв. №842 (Киев 2006).

Malov 2005: N.M. Malov, Liteĭnye formy s nizhnevolzhskikh poseleniĭ srubnoĭ kul'turno-istoricheskoĭ oblasti. Povolzhskiĭ kraĭ 12, 2005, 3-23 // Н.М. Малов, Литейные формы с нижневолжских поселений срубной культурно-исторической области. Поволжский край 12, 2005, 3-23.

Malov 2007: N.M. Malov, Pokrovskaia kul'tura nachala ėpokhi pozdneĭ bronzy v severnykh raĭonakh Nizhnego Povolzh'ia: po materialam poseleniĭ srubnoĭ kul'turno-istoricheskoĭ oblasti. Arkheologiia Vostochno-Evropeĭskoĭ stepi. Mezhvuz. sb. nauch. tr. 5, 2007, 34-92 // Н.М. Малов, Покровская культура начала эпохи поздней бронзы в северных районах Нижнего Поволжья: по материалам поселений срубной культурно-исторической области. Археология Восточно-Европейской степи. Межвуз. сб. науч. тр. 5, 2007, 34-92.

Malov 2012: N.M. Malov, Kul'turogenez v ėpokhu pozdneĭ bronzy Nizhnego Povolzh'ia. Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia 12. Ser. Istoriia. Mezhdunarodnye otnosheniia 1, 2012, 95-101 // Н.М. Малов, Культурогенез в эпоху поздней бронзы Нижнего Поволжья. Известия Саратовского университета. Новая серия 12. Сер. История. Международные отношения 1, 2012, 95-101.

Matveev 1999: Iu.P. Matveev, Srubno-abashevskie pogrebeniia perekhodnogo tipa Volgo-Donskogo mezhdurech'ia. Evraziiskaia lesostep' v ėpokhu metalla. Arkheologiia vostochnoevropeĭskoĭ lesostepi 13, 1999, 60-71 // Ю.П. Матвеев, Срубно-абашевские погребения переходного типа Волго-Донского междуречья. Евразийская лесостепь в эпоху металла. Археология восточноевропейской лесостепи 13, 1999, 60-71.

Maximov, Lopatin 2007: E.K. Maximov, V.A. Lopatin, Materialy Nizovskikh kurganov. Arkheologiia Vostochno-Evropeĭskoĭ stepi. Mezhvuz. sb. nauch. tr. 5, 2007, 137-161 // Е.К. Максимов, В.А. Лопатин, Материалы Низов-

ских курганов. Археология Восточно-Европейской степи. Межвуз. сб. науч. тр. 5, 2007, 137-161.
May, Hauptmann 2012: J. May, Th. Hauptmann, Das "Königsgrab" von Seddin und sein engeres Urnfeld im Spiegel neuer Feldforschungen. Bodenaltertümer Westfalens 51, 2012,105-132.
Metzner-Nebelsick 2003: C. Metzner-Nebelsick, Das "Königsgrab" von Seddin in der Prignitz. Arbeitsberichte zur Bodendenkmalpflege in Brandenburg 9, 2003, 35-60.
Mimokhod 2014: R.A. Mimokhod, Postkatakombnyĭ period v Nizhnem Povolzh'e: ot krivolukskoĭ kul'turnoĭ gruppy k volgo-donskoĭ babinskoĭ kul'ture. KSIA 232, 2014, 100-119 // Р.А. Мимоход, Посткатакомбный период в Нижнем Поволжье: от криволукской культурной группы к волго-донской бабинской культуре. КСИА 232, 2014, 100-119.
Nicic 2008: A. Nicic, Interferenţe cultural-cronologice în nord-vestul Pontului Euxin la finele mil. II – începutul mil. I a.Chr. Biblioteca "Tyragetia" XV (Chişinău 2008).
Oancea 1972: A. Oancea, Un ac de tip "Hülsenkopfnadel" descoperit la Novaci. SCIV 23, nr.3, 1972, 449-452.
Olenkovskii 2011: N.P. Olenkovskiĭ, Drevnosti Nizhnedneprovskikh kuchugur (arkheologiia i istoriia) (Kherson 2011) // Н.П. Оленковский, Древности Нижнеднепровских кучугур (археология и история) (Херсон 2011).
Otroshchenko 2000: V.V. Otroshchenko, O kul'turakh srubnoĭ obshchnosti. In: Srubnaia kul'turno-istoricheskaia obshchnost' v sisteme drevnosteĭ ėpokhi bronzy evraziĭskoĭ stepi i lesostepi. Mat. mezhdunar. nauch. konf. (Voronezh 2000), 10-14 // В.В. Отрощенко, О культурах срубной общности. В сб.: Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи. Мат. междунар. науч. конф. (Воронеж 2000), 10-14.
Otroshchenko 2001: V.V. Otroshchenko, Problemi periodizatsiĭ kul'tur seredn'oĭ ta pizn'oĭ bronzi pivdnia Skhidnoĭ Єvropi (kul'turno-stratigrafichni zistavlennia) (Kiĭv 2001) // В.В.Отрощенко, Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення) (Київ 2001).
Otroshchenko 2002: V.V. Otroshchenko, Istoriia plemen zrubnoĭ spil'nosti. Avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk (Kiĭv 2002) // В.В. Отрощенко, Історія племен зрубної спільності. Автореф. дис. ... д-ра іст. наук (Київ 2002).
Otroshchenko 2014: V.V. Otroshchenko, Shchodo perekhidnogo periodu vid seredn'ogo do pizn'ogo bronzovogo viku. SSPK XVII, 2014, 7-14 // В.В. Отрощенко, Щодо перехідного періоду від середнього до пізнього бронзового віку. ССПК XVII, 2014, 7-14.
Patokova et all. 1989: Ė.F. Patokova, V.G. Petrenko, N.B. Burdo, L.Iu. Polishchuk, Pamiatniki tripol'skoĭ kul'tury v Severo-Zapadnom Prichernomor'e (Kiev 1989) // Э.Ф.Патокова, В.Г. Петренко, Н.Б. Бурдо, Л.Ю. Полищук, Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье (Киев 1989).
Petrun', Sapozhnikova, Chernienko 1999: V.F. Petrun', G.V. Sapozhnikova, Iu.A. Chernienko, Kamennye orudiia i neobrabotannyĭ kamen' poseleniia Strumok III. In: (eds. S.B. Okhotnikov, V.G. Petrenko) Kratkie soobshcheniia Odesskogo arkheologicheskogo obshchestva (Odessa 1999), 63-70 // В.Ф. Петрунь, Г.В. Сапожникова, Ю.А. Черниенко, Каменные орудия и необработанный камень поселения Струмок III. В сб.: (отв. ред. С.Б.Охотников, В.Г. Петренко) Краткие сообщения Одесского археологического общества (Одесса 1999), 63-70.
Podobed, Usachuk, Tsimidanov 2013: V.A. Podobed, A.N. Usachuk, V.V. Tsimidanov, Srubnaia obshchnost': dve arkheologicheskie kul'tury ili kul'turnaia nepreryvnost'? Arkheologicheskii al'manakh 30 (sbornik stateĭ), 2013, 196-258 // В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов, Срубная общность: две археологические культуры или культурная непрерывность? Археологический альманах 30 (сборник статей), 2013, 196-258.
Pogrebova, Elagina 1962: N.N. Pogrebova, N.G. Elagina, Raboty v Tiligulo-Berezanskom raĭone v 1959 godu. KSIA AN SSSR 89, 1962, 6-14 // Н.Н. Погребова, Н.Г. Елагина, Работы в Тилигуло-Березанском районе в 1959 году. КСИА АН СССР 89, 1962, 6-14.
Potapov 2014: V.V. Potapov, Podontsov'e v pozdniĭ period ėpokhi bronzy: problemy izucheniia. Vestnik Iuzhnogo nauchnogo tsentra t.10, nr.2, 2014, 93-106 // В.В. Потапов, Подонцовье в поздний период эпохи бронзы: проблемы изучения. Вестник Южного научного центра т.10, №2, 2014, 93-106.
Priakhin 1982: A.D. Priakhin, Poseleniia katakombnogo vremeni lesostepnogo Podon'ia (Voronezh 1982) // А.Д. Пряхин, Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья (Воронеж 1982).
Priakhin, Besedin 1988: A.D. Priakhin, V.I. Besedin, O vydelenii voronezhskoĭ kul'tury ėpokhi bronzy. SA 3, 1988, 21-36 // А.Д. Пряхин, В.И. Беседин, О выделении воронежской культуры эпохи бронзы. СА 3, 1988, 21-36.
Ryndina 2004: N.V. Ryndina, Metaloobrobne virobnitstvo tripil's'koĭ kul'turi. In: (ed. M.Iu. Videĭko) Entsiklopediia tripil's'koĭ tsivilizatsiĭ. V dvokh tomakh. T. 1, kn. I, r. 3 (Kiĭv 2004), 223-260 // Н.В. Риндіна, Металообробне виробництво трипільської культури. В кн.: (гол. ред.. М.Ю. Відейко) Енциклопедія трипільської цивілізації. В двох томах. Т. 1, кн. І, р. 3 (Київ 2004), 223-260.
Ryndina, Degtiareva 2002: N.V. Ryndina, A.D. Degtiareva, Ėneolit i bronzovyĭ vek. Uchebnoe posobie po kursu

«Osnovy arkheologii» (Moskva 2002) // Н.В. Рындина, А.Д. Дегтярева, Энеолит и бронзовый век. Учебное пособие по курсу «Основы археологии» (Москва 2002).
Sanzharov 2004: S.N. Sanzharov, Kaĭdashchinskiĭ kompleks poseleniĭ rubezha sredneĭ-pozdneĭ bronzy v sisteme drevnosteĭ Severskogo Dontsa (Lugansk 2004) // С.Н. Санжаров, Кайдащинский комплекс поселений рубежа средней-поздней бронзы в системе древностей Северского Донца (Луганск 2004).
Sanzharov 2007: S.M. Sanzharov, Skhidna Ukraïna na rubezhi seredn'oï – pizn'oï bronzi. Avtoref. dis. … dokt. ist. nauk (Kiïv 2007) // С.М. Санжаров, Східна Україна на рубежі середньої – пізньої бронзи. Автореф. дис. … докт. іст. наук (Київ 2007).
Sapozhnikova, Sekerskaia, Chernienko 1996: G.V. Sapozhnikova, E.P. Sekerskaia, Iu.A. Chernienko, Kostianye orudiia s poseleniia Strumok III. In: (ed. V.N. Gorbov) Severo-Vostochnoe Priazov'e v sisteme evraziĭskikh drevnosteĭ (ėneolit – bronzovyĭ vek). Mat. mezhdunar. konf. Ch. II (Donetsk 1996), 69-72 // Г.В. Сапожникова, Е.П. Секерская, Ю.А. Черниенко, Костяные орудия с поселения Струмок III. В сб.: (гл. ред. В.Н. Горбов) Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). Мат. междунар. конф. Ч. II (Донецк 1996), 69-72.
Savrasov 1999: A.S. Savrasov, Metallicheskie ukrasheniia donskoĭ lesostepnoĭ srubnoĭ kul'tury. Evraziĭskaia lesostep' v ėpokhu metalla. Arkheologiia vostochnoevropeĭskoĭ lesostepi 13, 1999, 81-91 // А.С. Саврасов, Металлические украшения донской лесостепной срубной культуры. Евразийская лесостепь в эпоху металла. Археология восточноевропейской лесостепи, 13, 1999, 81-91.
Sekerskaia 1989: N.M. Sekerskaia, Antichnyĭ Nikoniĭ i ego okruga v VI – IV vv.do n.ė. (Kiev 1989) // Н.М. Секерская, Античный Никоний и его округа в VI–IV вв. до н.э. (Киев 1989).
Sharafutdinova 1995: Ė.S. Sharafutdinova, Tendentsii v razvitii posudy v kul'ture mnogovalikovoĭ keramiki (KMK). (Po materialam pogrebeniĭ). In: (ed. I.B. Vasil'ev) Drevnie indo-iranskie kul'tury Volgo-Ural'ia (II tys. do n.ė.). Mezhvuz. sb. nauch. tr. (Samara 1995), 124-140 // Э.С. Шарафутдинова, Тенденции в развитии посуды в культуре многоваликовой керамики (КМК). (По материалам погребений). В сб.: (отв. ред. И.Б. Васильев) Древние индо-иранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Межвуз. сб. науч. тр. (Самара 1995), 124-140.
Sharafutdinova 1996: Ė.S. Sharafutdinova, O vostochnoĭ i severo-vostochnoĭ granitsakh rasprostraneniia pamiatnikov babinskoĭ kul'tury (KMK). In: (ed. V.N. Gorbov) Severo-Vostochnoe Priazov'e v sisteme evraziĭskikh drevnosteĭ (ėneolit – bronzovyĭ vek). Mat. mezhdunar. konf. Ch.I (Donetsk 1996), 56-59 // Э.С. Шарафутдинова, О восточной и северо-восточной границах распространения памятников бабинской культуры (КМК). В сб.: (гл. ред. В.Н. Горбов) Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). Мат. междунар. конф. Ч.I (Донецк 1996), 56-59.
Sharafutdinova 2003: Ė.S. Sharafutdinova, K voprosu o sviazi pogrebeniĭ pokrovskogo kul'turnogo tipa i srubnoĭ kul'tury. In: (ed. N.I. Shishlina) Chteniia, posviashchennye 100-letiiu deiatel'nosti Vasiliia Alekseevicha Gorodtsova v Gosudarstvennom Istoricheskom muzee. Tez. konf. Ch.I (Moskva 2003), 125-126 // Э.С. Шарафутдинова, К вопросу о связи погребений покровского культурного типа и срубной культуры. В сб.: (отв. ред. Н.И. Шишлина) Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. Тез. конф. Ч.I (Москва 2003), 125-126.
Siniuk 1966: A.T. Siniuk, Poselenie ėpokhi neolita u stantsii Otrozhka. Iz istorii Voronezhskogo kraia. Trudy Voronezhskogo universiteta 64, 1966, 107-114 // А.Т. Синюк, Поселение эпохи неолита у станции Отрожка. Из истории Воронежского края. Труды Воронежского университета 64, 1966, 107-114.
Siniuk 1996: A.T. Siniuk, Bronzovyĭ vek basseĭna Dona (Voronezh 1996) // А.Т.Синюк, Бронзовый век бассейна Дона (Воронеж 1996).
Skakov 2003: A.Iu. Skakov, Sur'mianye ukrasheniia Digorskogo ushchel'ia protokobanskoĭ ėpokhi. In: (ed. N.I. Shishlina) Chteniia, posviashchennye 100-letiiu deiatel'nosti Vasiliia Alekseevicha Gorodtsova v Gosudarstvennom Istoricheskom muzee. Tez. konf. Ch.II (Moskva 2003), 18-22 // А.Ю. Скаков, Сурьмяные украшения Дигорского ущелья протокобанской эпохи. В сб.: (отв. ред. Н.И. Шишлина) Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. Тез. конф. Ч.II (Москва 2003), 18-22.
Smirnova 1969: G.I. Smirnova, Poselenie Magala – pamiatnik drevnefrakiĭskoĭ kul'tury v Prikarpat'e (vtoraia polovina XIII – seredina VII v. do n.ė.). Drevnie frakiĭtsy v Severnom Prichernomor'e. MIA 150, 1969, 7-34 // Г.И. Смирнова, Поселение Магала – памятник древнефракийской культуры в Прикарпатье (вторая половина XIII – середина VII в. до н.э.). Древние фракийцы в Северном Причерноморье. МИА 150, 1969, 7-34.
Smirnova 1972: G.I. Smirnova, Novye issledovaniia poseleniia Magala. Arkheologicheskiĭ sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha 14, 1 (Leningrad 1972), 12-31 // Г.И. Смирнова, Новые исследования поселения Магала. Ар-

хеологический сборник Государственного Эрмитажа 14 (Ленинград 1972), 12-31.
Tihelka 1953: K. Tihelka, Moravska Uněticka Pohřebište. Památky archeologicke XLIV, 1953, 229-328.
Toshchev 1986: G.N. Toshchev, Srednii period bronzovogo veka Iugo-Zapada SSSR (Zaporozh'e 1986) /dep. v INION AN SSSR 19.06.87 g., nr. 29903/ // Г.Н. Тощев, Средний период бронзового века Юго-Запада СССР (Запорожье 1986) /деп. в ИНИОН АН СССР 19.06.87 г., № 29903/.
Tushishvili, Amiranashvili 1982: N.N. Tushishvili, Dzh.Sh. Amiranashvili, Itogi rabot Algetskoĭ arkheologicheskoĭ ėkspeditsii. In: (eds. O.D. Lordkipanidze, T.K. Mikeladze, I.L. Dzhalagania) Polevye arkheologicheskie issledovaniia v 1980 godu (kratkie soobshcheniia) (Tbilisi 1982), 23-29 // Н.Н. Тушишвили, Дж.Ш. Амиранашвили, Итоги работ Алгетской археологической экспедиции. В сб.: (ред. колл. О.Д. Лордкипанидзе, Т.К. Микеладзе, И.Л. Джалагания) Полевые археологические исследования в 1980 году (краткие сообщения) (Тбилиси 1982), 23-29.
Tserna, Topal 2013: S. Tserna, D. Topal, Dva novykh klada i edinichnye nakhodki metallicheskikh izdeliĭ ėpokhi bronzy – rannego gal'shtatta s territorii Respubliki Moldova. Tyragetia. Arheologie. Istorie Antică S.N. VII [XXII] (1), 2013, 189-204 // С. Церна, Д. Топал, Два новых клада и единичные находки металлических изделий эпохи бронзы – раннего гальштатта с территории Республики Молдова. Tyragetia. Arheologie. Istorie Antică S.N. VII [XXII] (1), 2013, 189-204.
Vangorodskaia 1987: O.G. Vangorodskaia, O sviaziakh kul'tury mnogovalikovoĭ keramiki po materialam ukrasheniĭ. In: (ed. I.I. Artemenko) Mezhplemennye sviazi ėpokhi bronzy na territorii Ukrainy. Sb. nauch. tr. (Kiev 1987), 38-48 // О.Г. Вангородская, О связях культуры многоваликовой керамики по материалам украшений. В сб.: (отв. ред. И.И.Артеменко) Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Сб. науч. тр. (Киев 1987), 38-48.
Vasić 2003: R. Vasić, Die Nadeln im Zentral Balkan. PBF XIII, 11 (Stuttgart 2003).
Zin'kovskii, Zin'kovskaia 1980: K.V. Zin'kovskiĭ, N.B. Zin'kovskaia, K voprosu o stratigrafii rannetripol'skogo poseleniia Aleksandrovka. In: (ed. V.N. Stanko) Severo-Zapadnoe Prichernomor'e v epokhu pervobytnoobshchinnogo stroia (Kiev 1980), 27-41 // К.В. Зиньковский, Н.Б. Зиньковская, К вопросу о стратиграфии раннетрипольского поселения Александровка. В сб.: (отв. ред. В.Н. Станко) Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытнообщинного строя (Киев 1980), 27-41.

Игорь Бруяко, доктор исторических наук, Одесский Археологический Музей НАН Украины, ул. Ланжероновская 4, 65026 – Одесса, Украина; e-mail: ibruyako@yandex.ru

Дмитрий Киосак, кандидат исторических наук, кафедра археологии и этнологии Одесского Национального университета им. И.И. Мечникова, 65026 – Одесса, Украина

Юрий Черниенко, научный сотрудник, Одесский Археологический Музей НАН Украины, ул. Ланжероновская 4, 65026 – Одесса, Украина

Oleg Levițki, Ghenadie Sîrbu, Livia Sîrbu

Așezarea hallstattiană timpurie Chișinău. Considerații privind stadiul actual și prioritățile cercetării culturii Chișinău-Corlăteni (sec. XII – X a.Chr.)

Keywords: the Early Hallstatt, the Chisinau-Corlateni culture, the Carpathian-Dniester region, current state, priorities.
Cuvinte cheie: hallstatt timpuriu, cultura Chișinău-Corlăteni, spațiul carpato-nistrean, așezare, stadiul actual, perspective.
Ключевые слова: ранний гальштат, культура Кишинэу-Корлэтень, Карпато-Днестровский регион, поселение, современное состояние, перспективы.

Oleg Levițki, Ghenadie Sîrbu, Livia Sîrbu
The Early Hallstatt settlement in Chișinău: Considerations on the current state and priorities in the research of the Chișinău-Corlăteni culture (the 12th – 10th centuries BC)

The study gives a brief presentation of the investigated complexes and archaeological materials from an Early Hallstatt settlement in Chișinău, which examination allowed establishing the defining parameters for Early Hallstatt monuments from the Dniester-Prut interfluve. Similarity of their ceramic complexes to those from the sites of Corlăteni type in the region of the west of the Prut constitutes the main argument for identifying the grooved Hallstatt culture of the Carpathian-Dniester area as Chișinău-Corlăteni. Further, there is concisely presented the history of research and the current state of clarifying the characteristics of its main components, paying particular attention to the achievements in studying of issues of the Early Hallstatt period in the Carpathian-Dniester region in general. In the final part of the study, based on the gaps in the study of the Chișinău-Corlăteni culture there are set some priorities for investigations in this field, the most important of which are questions of the genesis, evolution and destiny of communities of the culture under review.

Oleg Levițki, Ghenadie Sîrbu, Livia Sîrbu
Așezarea hallstattiană timpurie Chișinău. Considerații privind stadiul actual și prioritățile cercetării culturii Chișinău-Corlăteni (sec. XII–X a.Chr.)

Studiul propune o prezentare succintă a complexelor cercetate și a materialelor arheologice provenite din așezarea hallstattiană timpurie de la Chișinău, examinarea cărora a permis stabilirea parametrilor definitorii ai monumentelor hallstattiene timpurii din interfluviul Nistru-Prut. Similitudinea complexelor ceramice a acestora cu a celor din siturile de tip Corlăteni din regiunea de la vest de Prut constituie argumentul principal pentru identificarea culturii Hallstattului canelat din spațiul carpato-nistrean – Chișinău-Corlăteni. În continuare, este expus rezumativ istoricul cercetării și stadiul actual de elucidare a caracteristicilor componentelor principale ale acestei culturi, insistându-se îndeosebi asupra realizărilor în studierea problematicii perioadei timpurii a epocii hallstattiene din regiunea carpato-nistreană, în general. În partea finală a studiului, pornind de la deficiențele care mai persistă în cunoașterea culturii Chișinău-Corlăteni, sunt enunțate anumite priorități care se impun în investigațiile din acest domeniu, de importanță majoră fiind considerate cele ce țin de geneza, evoluția și destinul comunităților culturii discutate.

Олег Левицкий, Геннадий Сырбу, Ливия Сырбу
Раннегальштатское поселение Кишинэу - некоторые аспекты современного состояния и первостепенные задачи исследования культуры Кишинэу-Корлэтень (XII-X в. до н.э.)

В статье предлагается краткий обзор исследованных комплексов и археологических находок, происходящих из поселения Кишинэу, исследования которых позволили установить определяющие признаки раннегальштатских памятников в Пруто-Днестровском междуречье. Сходство керамических комплексов на указанных памятниках и на памятниках типа Корлэтень в западных от Прута областях является главным аргументом для идентификации культуры канелированного гальштата Кишинэу-Корлэтень Карпато-Днестровского региона. Кроме того, дается краткая история исследования и оценивается современное состояние их основных компонентов, опираясь, в особенности, на достижения в исследовании раннего периода гальштата в Карпато-Днестровском регионе. В заключении, учитывая недостаточную изученность культуры Кишинэу-Корлэтень, намечены некоторые задачи, требующие дальнейшего исследования, в особенности, связанные с происхождением, эволюцией и судьбой рассматриваемых культурных обществ.

Studiul perioadei hallstattiene timpurii/perioadei de tranziție de la epoca bronzului la prima epocă a fierului, în spațiul est-carpatic, a început pe la mijlocul secolului XX – în partea vestică (pruto-carpatică) prin investigarea așezărilor de la Corlăteni de către I. Nestor (Nestor et al. 1951,

Revista Arheologică, seria nouă, vol. XI, nr. 1-2, 2015, p. 47-67

68-73) şi de la Tămăoani de M. Petrescu-Dîmboviţa (Petrescu-Dîmboviţa 1953, 765-778), respectiv, în cea estică (pruto-nistreană), prin cercetarea aşezării din apropierea oraşului Chişinău de A.I. Meliukova (Meliukova 1956, 39-45; 1961, 5-52) şi a celei de la Holercani de T.S. Passek (Passek 1954, 19-35). Iniţial atribuite din punct de vedere cultural-cronologic în mod diferit, materialele fiind examinate separat, în cadrul realităţilor arheologice de la sfârşitul epocii bronzului – începutul epocii fierului timpuriu, atunci cunoscute referitor la fiecare parte a arealului şi doar mult mai târziu, cu amplificarea masivului de vestigii similare celor atestate în aşezările sus numite, acestea vor deveni situri eponime ale culturilor hallstattiene timpurii est-carpatice – Chişinău-Corlăteni (în continuare, C-C) şi Tămăoani-Holercani (în continuare, T-H) în înţelesul stadiului actual de cercetare.

Pentru identificarea aportului sitului hallstattian timpuriu de la Chişinău în stabilirea parametrilor definitorii ai culturii hallstattului canelat din regiunea pruto-nistreană, lista cărora ulterior a fost substanţial completată prin cercetările ce au urmat, şi respectiv, elucidarea stării actuale a cercetării culturii est-carpatice a hallstattului canelat, C-C, în cele ce urmează propunem o prezentare succintă a complexelor cercetate şi a materialelor arheologice provenite din aşezarea hallstattiană timpurie de la Chişinău şi a concluziilor trase în baza acestora. Ulterior se face un excurs rezumativ în istoricul cercetării, insistându-se îndeosebi asupra realizărilor în studierea problematicii perioadei timpurii a epocii hallstattiene în regiunea carpato-nistreană, pentru ca în final să ne referim şi asupra priorităţilor investigaţiilor în acest domeniu.

Fig. 1. Aşezarea Chişinău. 1A - amplasarea sitului; 1B – condiţiile topografice şi suprafeţele investigate (după Meliukova 1956a).

Fig. 1. Chişinău site. 1A – site location, 1B – topographic conditions and investigated surfaces (after Meliukova 1956a).

Aşezarea Chişinău – sit eponim al culturii hallstattului canelat din spaţiul pruto-nistrean

Obiectivul arheologic de la Chişinău a fost descoperit în anul 1952 de către Gh. Sergheev. Era situat spre nord-est de oraş, în apropiere de s. Ghidighici, pe un podiş cu pante abrupte, întretăiat de mai multe râpe, în partea stângă (de nord) a văii unui pârâu, afluent de stânga al r. Bîc (fig. 1A). Suprafaţa de răspândire a vestigiilor acestuia constituia cca 1,5 km^2.

Investigaţii arheologice în cadrul sitului au fost efectuate de cercetătoarea moscovită Ana Meljukova în anii 1955-1956. Prin intermediul mai multor sondaje şi secţiuni, realizate în diverse zone ale aşezării (fig. 1B), a fost dezvelită o suprafaţa de peste 800 m^2. Rezultatele cercetărilor au fost prezentate în raportul de săpătură (Meliukova 1956, 25-54, Tab. XIII-XLIX) şi valorificate ştiinţific în mai multe studii (Meliukova 1956, 39-47; 1958, 52-76; 1960, 129-149; 1961, 35-52). Problematica impusă de vestigiile din această aşezare, îndeosebi, încadrarea cronologică, apartenenţa culturală şi etnică etc. au constituit subiecte pentru studiile ulterioare ale cercetătoarei (Meliukova 1972, 57-72; 1979, 14-36; 1984, 224-234).

Situl reprezintă o aşezare de tip deschis, lipsită de orice gen de fortificaţii artificiale. Către în-

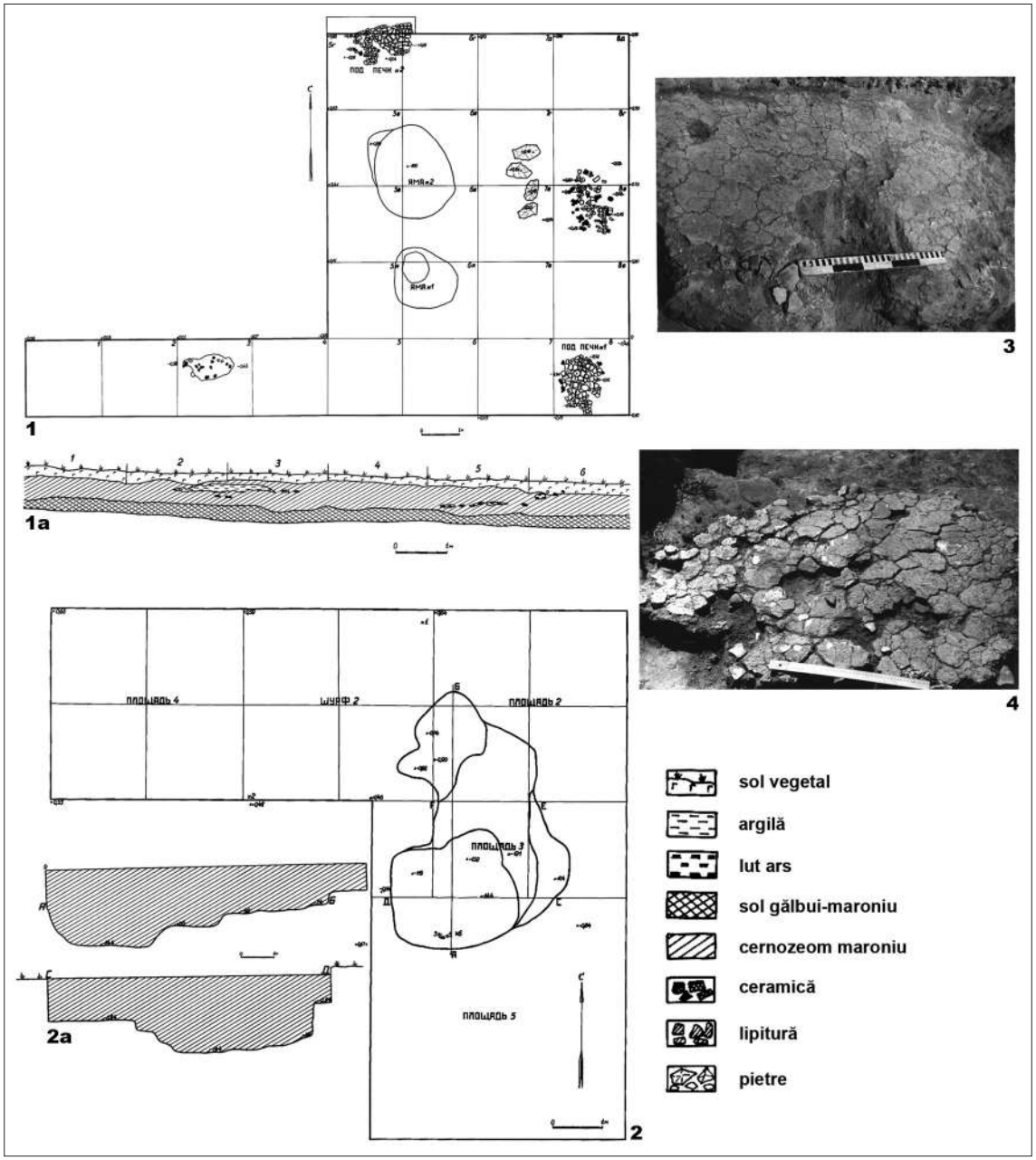


Fig. 2. Aşezarea Chişinău. 1,1a – planul şi profilul Secţiunii nr. 4; 2, 2a - planul şi profilul Secţiunii nr. 5; 3,4 – vetre (după Meliukova 1956a).

Fig. 2. Chişinău site. 1, 1a – plan and profile of the Section no. 4; 2, 2a – plan and profile of the Section No. 5; 3, 4 – hearths (after Meliukova 1956a).

ceputul cercetărilor, suprafaţa aşezării se prelucra pentru diferite culturi agricole anuale. Stratul de cultură, după cum s-a constatat în toate sondajele şi secţiunile practicate, era răvăşit de lucrările agricole şi începe de la nivelul actual al solului sau nemijlocit după stratul vegetal, continuând până la adâncimea de 0,55-0,65 m. Este reprezentat de un sol de culoare cenuşiu-închisă şi conţine fragmente de lipitură, pietre de calcar arse, fragmente de ceramică, oase de animale etc.

În perimetrul suprafeţelor investigate au fost depistate vestigiile unor locuinţe de suprafaţă, o locuinţă adâncită şi mai multe gropi. Urmele *locuinţelor de suprafaţă* s-au păstrat destul de sumar.

Existența acestora este documentată de mai multe construcții/instalații de încălzire (fig. 2,3-4): vetre deschise cu baza de lut sau cu baza din pietre de calcar, de un cuptor cu boltă de formă ovală, reprezentat de o platformă din pietriș de râu acoperită cu un strat subțire de lut, în partea de nord-est a acesteia păstrându-se o margine de boltă. *Locuința adâncită* (fig. 2,2-2a) reprezintă un semibordei de formă rectangulară (suprafața totală – cca 20 m^2), adâncit cu cca 1,5 m de la nivelul actual al solului, cu intrare amenajată în trepte și prevăzut în partea centrală cu o vatră deschisă. În umplutura semibordeiului se afla o mare cantitate de fragmente ceramice, oase de animale, pietre etc., iar lângă peretele dinspre sud – câteva piese de bronz (lame de ferestrau, un pumnal miniatural) și o unealtă de os. *Gropile* (fig. 2,1-1a) (în total, 6) aveau formă rorundă sau ovală în plan, cu dimensiuni cuprinse între 1,6x1,7 m și 2,6x2,0 m. În secțiune, majoritatea au formă cilindrică (pereții verticali și fundul orizontal) și doar una era prevăzută cu o treaptă. Adâncimea gropilor varia între 0,4 și 1,2 m. Umplutura acestora conținea bucăți de lipitură, pietre de calcar arse și cantități diferite de fragmente de ceramică, oase de animale etc.

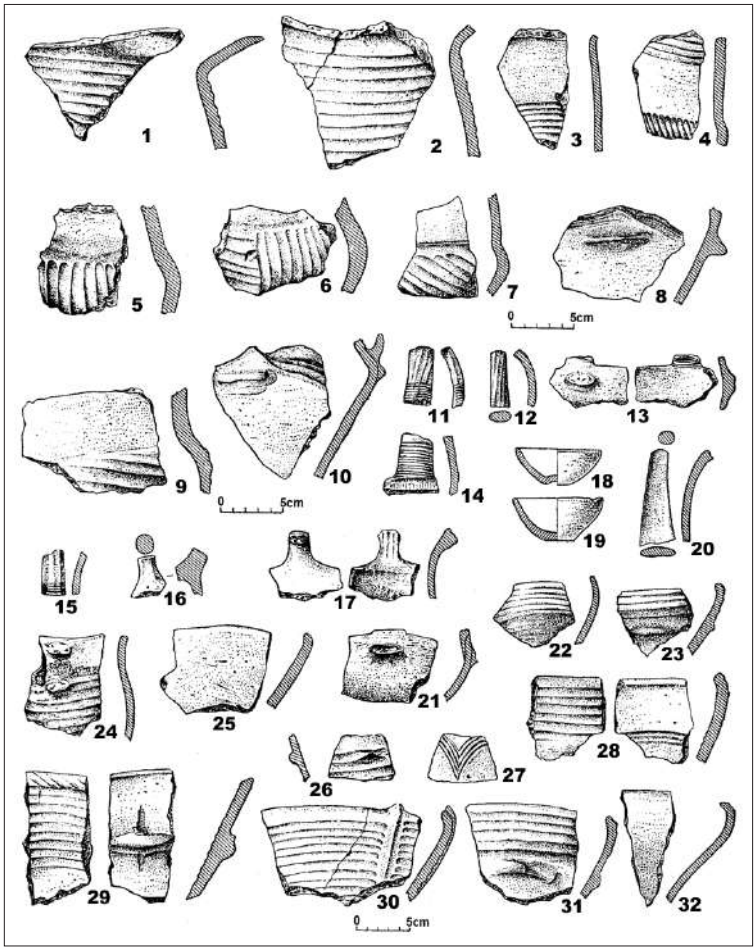


Fig. 3. Aşezarea Chişinău. Ceramică fină (după Meliukova 1961).

Fig. 3. Chișinău site. Fine pottery (after Meliukova1961).

Ceramica descoperită în așezarea de la Chișinău, după criterii tehnologice, se împarte în două categorii convenționale: *fină lustruită* și *grosieră*, de *uz comun*. Prima include ceramica modelată dintr-o pastă fină, având ca degresant șamotă mărunță, cu suprafață bine lustruită, a doua – ceramica modelată dintr-o pastă de calitate inferioară, conținând multă șamotă, cu suprafața netezită. Raportul procentual dintre aceste categorii este aproximativ egal.

În cadrul ceramicii fine (fig. 3) se identifică următoarele tipuri principale: *vasele bitronconice* de proporții (chiupuri, recipiente pentru provizii) cu marginea evazată, particularitățile specifice ale cărora sunt: culoarea neagră, bine lustruită la exterior și galben-oranj în interior, amplasarea în perechi a proeminențelor-suporturi în plan vertical pe umeri, gâtul fiind ornamentat cu caneluri orizontale, iar umerii cu caneluri oblice, în unele cazuri și verticale; *străchinile*, în general, au culoare neagră sau mai deschisă, cafeniu-cenușie și sunt mai minuțios lustruite în interior, de formă tronconică, larg deschisă, cu corpul ușor rotunjit în partea superioară, marginea, de obicei, ușor răsfrântă în interior, mai rar verticală dreaptă sau tăiată oblic și fundul îngust, ornamentate în partea de sus cu o banda din caneluri orizontale, la care se mai asociază și diverse motive incizate, precum și în relief (mânere-suporturi); *cănile/ceștile* de culoare neagră sau cenușiu-închisă, lustruite pe ambele părți, cu corpul scund, emisferic și torțile supraînălțate, decorate cu combinații din caneluri fine; *cupele* de culoare neagră, maronie sau cenușiu-închisă, lustruite pe ambele părți, cu profilul în formă de „S” sau cu corpul sferic, umerii clar evidențiați și gâtul scurt ornamentate cu caneluri

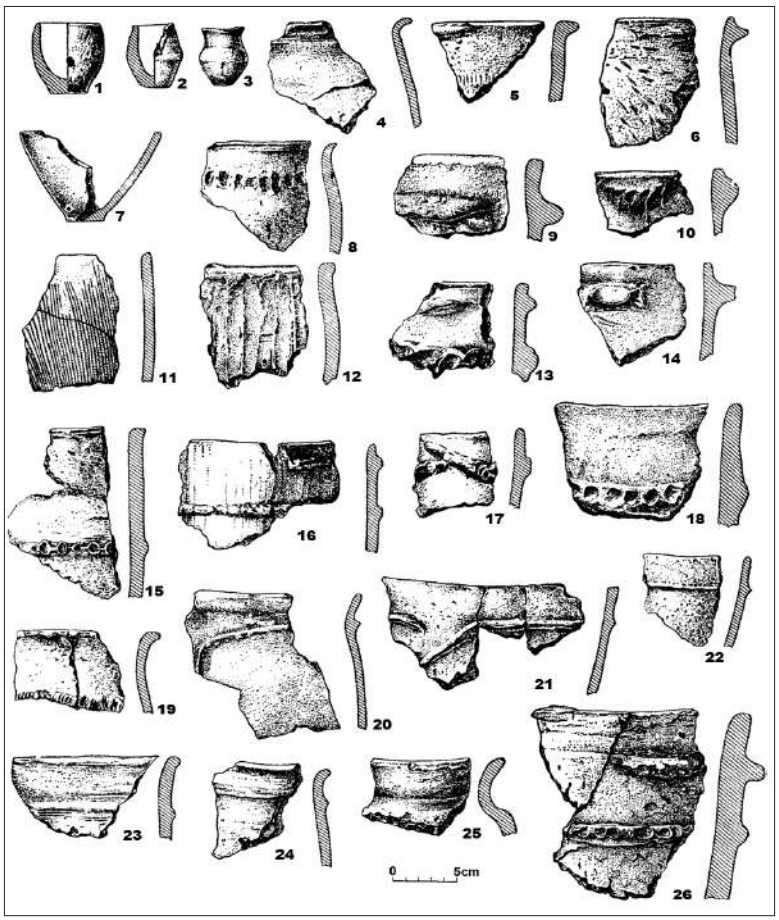


Fig. 4. Aşezarea Chişinău. Ceramică de uz comun (după Meliukova 1961).

Fig. 4. Chişinău site. Common pottery (after Meliukova 1961).

înguste dispuse orizontal sau vertical.

Ceramica de uz comun (fig. 4), de culoare galbenă-cenuşie sau cărămizie-cenuşie, cu suprafeţele netezite şi şlefuite mai puţin îngrijit sau zgrunţuroase-aspre, este reprezentată, îndeosebi, prin recipiente *de tip borcan* (vase tronconice cu pereţii drepţi în partea superioară, vase scunde, larg deschise, vase cu corpul uşor bitronconic, vase cu corpul rotunjit către gură) şi într-o măsură mult mai mică de *recipiente cu corpul profilat şi marginea răsfrântă în afară* (oale), de diferite dimensiuni, ornamentate în partea superioară cu apucători-suporturi, brâie alveolate, tortiţe-urechiuşe, şir orizontal de alveole sau cu compoziţii din aceste elemente de decor. Lotul de ceramică din aşezare, în afară de vasele menţionate mai sus, într-un număr nu prea mare, conţine şi vase originale, de tipuri specifice care, cu rare excepţii, reprezintă tipuri ceramice caracteristice culturii precedente Noua (fig. 4,20-24) sau grupurilor culturale şi culturilor vecine sincrone (fig. 4,25).

Piesele de inventar (fig. 5) descoperite în complexele şi stratul de cultură al aşezării sunt reprezentate prin: *ustensile de lut ars* – fusaiole, rondele din pereţi de vase, o lingură cu coada ruptă în vechime; *unelte de piatră şi silex* – fragmente de râşniţe de gresie, frecătoare, lame de silex retuşate etc.; *piese de corn/os* – psalii în formă de tijă cu găurile într-un singur plan, diverse străpungătoare, lustruitoare, mânere; *piese de bronz* – un pumnal miniatural cu tăişurile paralele, trei lame de ferestrău în formă de placă cu marginile zimţate şi un inel în spirală, precum şi câteva *piese de cult*: o figurină zoomorfă şi o piesa în formă de picior uman (posibil parte a unui vas cu picior).

Examinarea rezultatelor investigaţiilor aşezării de la Chişinău a permis autoarei săpăturilor să constate că:

- aşezarea, în baza întregului complex de vestigii, poate fi datată în perioada cuprinsă între a doua jumătate - sfârşitul sec. IX – prima jumătate a sec. VIII a.Chr., şi că acesta se atribuie unui orizont cultural (desemnat Chişinău-Lucaşeuca) care urmează nemijlocit după aşezările-cenuşare ale culturii Noua, de tipul celei cercetate la Ghindeşti;

- întregul complex ceramic din aşezare este analog cu complexele ceramice hallstattiene timpurii care provin din straturile ce suprapun nemijlocit nivelurile de locuire ale culturii Noua în aşezările de la Corlăteni, Truşeşti, Larga Jijiei şi care alcătuiesc pretutindeni una din variantele (cea mai estică) a culturii Hallstattului carpato-dunărean sau tracic, cunoscută în sudul României – Oltenia, Banat, Muntenia şi în Transilvania;

- complexul ceramic al aşezării se deosebeşte de ceramica descoperită în alte zone ale României, precum şi de cea a monumentelor de tip Holihrady din bazinul Nistrului Superior, ce aparţin unei alte variante locale ale acestei culturi, ambele atribuite triburilor tracice;

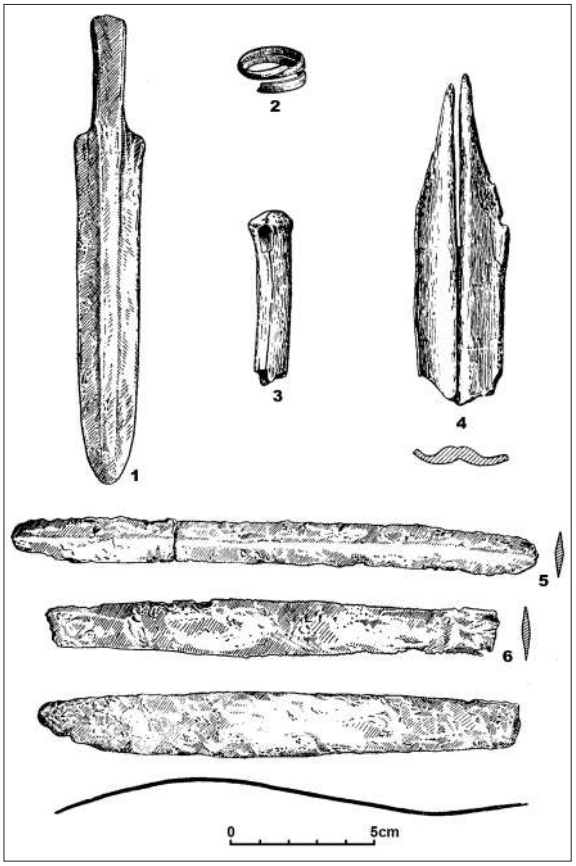


Fig. 5. Aşezarea Chişinău. Piese de inventar (după Meliukova 1961).

Fig. 5 Chişinău site. Inventory items (after Meliukova 1961).

- răspândirea ceramicii caracteristice hallstattului tracic a avut loc dinspre sud, din zonele sudice ale bazinului Dunării (inclusiv Oltenia şi Banat) în direcţia nord – zona carpato-danubiană şi teritoriul dintre Prut şi Nistru;

- între monumentele hallstattului tracic din interfluviul Nistru-Prut şi cultura precedentă de pe acest teritoriu, respectiv Noua, nu există relaţii genetice directe;

- cultura reprezentată de monumentele de tip Chişinău şi-a continuat dezvolatrea sa în spaţiul pruto-nistrean prin cultura de tip Şoldăneşti (Meliukova 1956, 53-54; 1957, 41; 1958, 55-57; 1960, 137-140; 1961, 35-45).

Materialele de tipul celor atestate în aşezările grupului Chişinău-Lucaşeuca (inclusiv, şi de la Holercani) au fost invocate şi examinate din diverse puncte de vedere, de mai mulţi specialişti preocupaţi de problematica primei epoci a fierului. Semnificativă a fost antrenarea acestora în investigaţiile cu privire la elaborarea şi precizarea cronologiei perioadei prescitice din zona nord-pontică (Terenozhkin 1965, 63-85; Leskov 1967, 143-178). În baza indicatorilor cronologici, siturile menţionate din interfluviul Nistru-Prut sunt sincronizate cu obiectivele culturii Belozerka, fapt ce a permis anumite modificări în ceea ce priveşte încadrarea lor cronologică. Monumentele de tipul aşezării de la Chişinău, împreună cu aşezarea de la Holercani, sunt atribuite secolelor X-IX a.Chr., totodată plasarea cronologică a ultimei este menţinută, ca şi înainte, în sec. X a.Chr., precedând întrucâtva monumentele de tip Chişinău (Meliukova 1972, 57-62).

Din istoricul cercetării culturii Hallstattului canelat Chişinău-Corlăteni

Cercetarea monumentelor Hallstattului canelat din spaţiul carpato-nistrean, după cum deja s-a menţionat, a început pe la sfârşitul anilor 1940, odată cu efectuarea săpăturilor în aşezările de la Corlăteni, respectiv, din apropierea oraşului Chişinău. Cu toate acestea, până la mijlocul anilor ’70, identificarea şi cercetarea siturilor cu ceramică de tip similar aveau, în fond, un caracter ocazional. Astfel, în interfluviul Nistru-Prut orizonturi cu materiale analogice celor de tip Chişinău au fost cercetate în aşezările multistratificate Lucaşeuca (G.B. Feodorov, 1954-1957), Bălăbăneşti, Zăicana (E.A. Rikman, 1956, 1958) Petruha (I.G. Hîncu, 1961-1963), aşezarea şi necropola de la Mîndreşti (V.L. Lapuşnean, 1969-1970). În 1956 a fost descoperit depozitul de obiecte de bronz de la Valea Rusului şi, totodată, a fost adunată şi o anumită cantitate de obiecte de bronz depistate ocazional. Spre începutul anilor ’70 apar şi primele repertorii ale monumentelor arheologice de tip C-C. Paralel, în această perioadă, în spaţiul pruto-carpatic sunt identificate niveluri de locuire cu ceramică de tip Corlăteni în aşezările de la Truşeşti, Valea Lupului, Larga Jijiei, Andrieşeni, Zăpodeni, Săbăoani, Poiana-Dulceşti, Dăneşti, Prăjeşti, fiind descoperite şi investigate şi necropolele de la Trifeşti şi Cucorăni (vezi Leviţki 1994, 33-34, inclusiv bibliografia indicată).

Problematica culturii hallstattiene timpurii se studia paralel – pentru interfluviul pruto-nistrean de către A. Meliukova (Meliukova 1972, 57-72; 1979, 14-36; 1984, 224-234), V. Lapuşnean (Lapushnian 1979) şi V. Dergaciov (Dergachev

1975), iar pentru spaţiul carpato-prutean, de M. Petrescu-Dîmboviţa (Petrescu-Dîmboviţa 1953, 443-481; 1960, 151-170; 1960a, 139-159; 1964, 251-271; 1977, 107-117) şi A. László (László 1976, 89-98). Graţie eforturilor depuse de specialiştii menţionaţi şi nu numai, în vederea studierii şi încadrării cultural-cronologice a materialului arheologic, cunoscut în acea vreme, a fost posibil ca în cadrul monumentelor de la sfârşitul epocii bronzului – începutul epocii fierului să fie separate vestigiile, ce aparţin perioadei târzii a epocii bronzului, adică ale culturii Noua (sec. XIII-XII a.Chr.), de cele ale epocii hallstattiene timpurii (sec. X-IX a.Chr.). Siturile de tip Chişinău şi de tip Corlăteni au fost atribuite aceleiaşi formaţiuni culturale – varianta cea mai estică a culturii hallstattului tracic, evidenţiindu-se atât înrudirea, cât şi deosebirea ei de o altă variantă est-carpatică a acestei culturi – Holihrady, a cărei apartenenţă etnică este considerată tracică. De asemenea, s-a demonstrat lipsa legăturilor genetice dintre cultura Noua şi cultura Hallstattului timpuriu şi s-a formulat supoziţia privind formarea celei din urmă în afara spaţiului ocupat de cultura Noua.

Din a doua jumătate a anilor ’70, săpăturile monumentelor de tip C-C dobândesc un caracter sistematic, aplicându-se metoda săpăturilor pe suprafeţe mari. Au fost cercetate aşezările Costeşti VII, Suruceni, Dănceni, Ivancea II, Trinca, Petruşeni, Văratic V, Petruha şi tumulul de lângă satul Braniştе. În partea vestică a arealului au fost efectuate săpături în aşezările Lozna, Negreşti, Târpeşti, Cândeşti şi în necropolele Vaslui-Curţile Domneşti, Cotu Morii, Ştefăneşti şi Iaşi (vezi Levitki 1994, 41, inclusiv bibliografia indicată). Volumul informativ referitor la componentele culturii materiale de tip C-C acumulat impunea sistematizarea şi examinarea lor în raport cu realizările în domeniul genezei culturilor hallstattiene din regiunea Dunării de Mijloc şi de Jos, sintetizate în lucrările lui S. Morintz (Morintz 1970, 729-732; 1974, 897-906; 1977, 1465-1488; 1978), B. Hänsel (Hänsel 1976) şi M. Petrescu-Dîmboviţa (Petrescu-Dîmboviţa 1977), Ucraina pri- şi trans-carpatică, elucidate de G. Smirnova (Smirnova 1969, 7-34; 1976, 18-34), L. Krushelnitskaia (Krushel’nitskaia 1985; 1990), pe de o parte, şi cele din domeniul cercetării masivului cultural nord-pontic sincronic, efectuate de S. Berezanskaia (Berezanskaia 1982), I. Cherniakov (Chrniakov 1985), V. Vanchiugov (Vanchugov 1983, 88-101; 1990) etc., pe de altă parte – circumstanţă ce a făcut posibilă atât aprofundarea cunoaşterii perioadei hallstattiene timpurii din spaţiul est-carpatic în ansamblu, cât şi identificarea în acest teritoriu a variantelor culturale locale, proprii ambelor complexe hallstattiene timpurii cu ceramica canelată şi respectiv, incizată şi imprimată. În această etapă a fost stabilită deosebirea monumentelor de tip C-C faţă de antichităţile înrudite ale grupului Grăniceşti din nord-vestul Moldovei (László 1980, 181-197; 1983, 52-58; 1986, 149-163), precum şi faţă de monumentele complexului hallstattian timpuriu cu ceramică incizată de tip Tămăoani şi Holercani-Hansca (László 1986a, 65-91; Levitskii, 1990, 6-8; Leviţki 1994a, 219-256). A fost precizată zona de formare şi comunităţile de la care provine cultura Hallstattului canelat din spaţiul carpato-nistrean şi a fost stabilită cronologia ei (Smirnova 1985, 33-53; 1989, 19-32; 1990, 20-33; László 1989, 111-129; Levitskii, Demchenko 1991, 147-149). În sfârşit, au fost realizate lucrări monografice de sinteză de către A. László (László 1994) şi O. Leviţki (Leviţki 1994).

Studiile monografice referitoare la aspectele hallstattiene timpurii din spaţiul de la est de Carpaţi, ale complexului cu ceramica canelată – cultura C-C, grupul Grăniceşti şi, respectiv, a celui cu ceramica incizată – grupurile Tămăoani şi Holercani-Hansca, realizate de cercetătorii menţionaţi mai sus, de rând cu caracteristicile lor de ansamblu, conţin şi importante precizări în legătură cu geneza, evoluţia, răspândirea, cronologia şi legăturile acestora, în context sud-est european. Sintezele referitoare la nivelul de dezvoltare a metalurgiei bronzului, analiza, localizarea şi circulaţia pieselor de bronz, elaborate de V. Dergaciov, contribuie substanţial la conturarea mai veridică a arealelor formaţiunilor, evidenţiind, de asemenea, şi raporturile comunităţilor locale cu centrele metalurgice central-sud-est europene şi respectiv nord-pontice (Dergachev 1997).

Completarea fondului surselor informative cu privire la comunităţile tracice timpurii continuă, atât prin cercetările sistematice efectuate în siturile de la Trinca, Saharna Mică, Cartal-Orlovka ş.a., cât şi prin identificarea de noi situri şi descoperiri de obiecte de bronz, care în comun cu cele deja existente, constituie un bogat şi variat lot de materiale cu semnificaţie deosebită pentru

elucidarea problematicii culturilor hallstattiene a tracilor timpurii.

Stadiul actual şi priorităţile cercetării culturii Chişinău-Corlăteni

Conform informaţiilor existente în prezent (Leviţki 2010, 333-357), vestigiile culturii C-C sunt atestate în întreaga regiune de silvostepă a spaţiului carpato-nisrean. În arealul desemnat sunt cunoscute mai mult de 320 de descoperiri, reprezentate, cu precădere, prin aşezări (cca 250 de puncte, 40 dintre care au fost cercetate prin săpături sau sondaje) şi, într-o măsură mai mică, de monumente funerare (7 necropole plane, 2 tumuli şi 2 morminte în aşezări), 11 depozite de piese de bronz şi cca 50 obiecte de bronz găsite izolat.

Aşezările sunt de tipul celor deschise, preponderent de dimensiuni mici (până la 1 ha) şi mijlocii (de la 2 până la 5 ha), întemeiate pe terenuri joase, în apropierea surselor de apă. În acelaşi timp, particularităţile topografice ale unor aşezări situate pe locuri înalte sau pe coaste de dealuri îngreunau, într-o măsură oarecare, accesul la ele. Singură aşezare întărită cu val de pământ şi şanţ este atestată în Subcarpaţii Vrancei – la Cândeşti.

Locuinţe au fost descoperite în 44% din aşezările în care s-au efectuat săpături. Ele se împart în două tipuri: de suprafaţă şi adâncite în sol. Cantitativ, predomină primele. În unele aşezări, de exemplu, în cea de la Chişinău, coexistă ambele tipuri. Locuinţele de suprafaţă (construite pe un schelet lemnos, pereţii împletiţi din nuiele fiind lipiţi pe ambele părţi cu un strat gros de lut, în unele cazuri, prevăzute pe la colţuri cu stâlpi pe care se sprijinea şi acoperişul) şi cele adâncite în sol (bordeie şi semibordeie) – constau din câte o singură încăpere (cu suprafaţa de cca 20-26 m^2) care se încălzea cu vetre deschise, cuptoare cu boltă sau vetre portative.

Comunităţilor culturii C-C din spaţiul est-carpatic le sunt caracteristice necropolele plane, amplasate pe locuri înalte şi, într-o măsură mai mică, mormintele în aşezări şi tumulii izolaţi. Ritul funerar practicat era cremaţia cu depunerea resturilor cinerare în urne şi mai rar în gropi simple acoperite cu o strachină depusă cu fundul în sus, însoţite şi de vase de ofrandă – cesti scunde cu toarta mult supraînălţată, cupe şi străchini.

Depozitele de bronzuri, atât cele descoperite în aşezări, cât şi în afara lor conţin 10-12 piese – unelte (celturi, tesle, topoare cu aripioare, seceri), arme (vârfuri de lance, pumnale, săbii) şi podoabe (fibule, brăţări, spirale, lănţişoare ş.a.), preponderent de origine apuseană, cele de proveniență răsăriteană fiind mai puţin numeroase.

Ceramica culturii C-C se împarte, după criterii tehnologice, în două categorii convenţionale: fină şi grosieră. În prima se include ceramica modelată dintr-o pastă fină, având ca degresant şamotă măruntă, a cărei suprafaţă este bine lustruită. Categoria a doua cuprinde ceramica modelată dintr-o pastă de calitate inferioară, ce conţine numeroşi degresanţi de şamotă cu suprafaţa netezită. Raportul procentual dintre aceste categorii în aşezările în care au fost efectuate săpături variază de la 16 până la 69,5% şi, corespunzător, de la 30,5 până la 84%. Din punct de vedere al tehnologiei de confecţionare, distingem patru categorii ale ceramicii din pastă fină. Categoria tehnologică (în continuare CT) I include vasele de culoare neagră la exterior şi galben-oranj în interior. Exteriorul este lucrat mai bine şi lustruit. CT II cuprinde

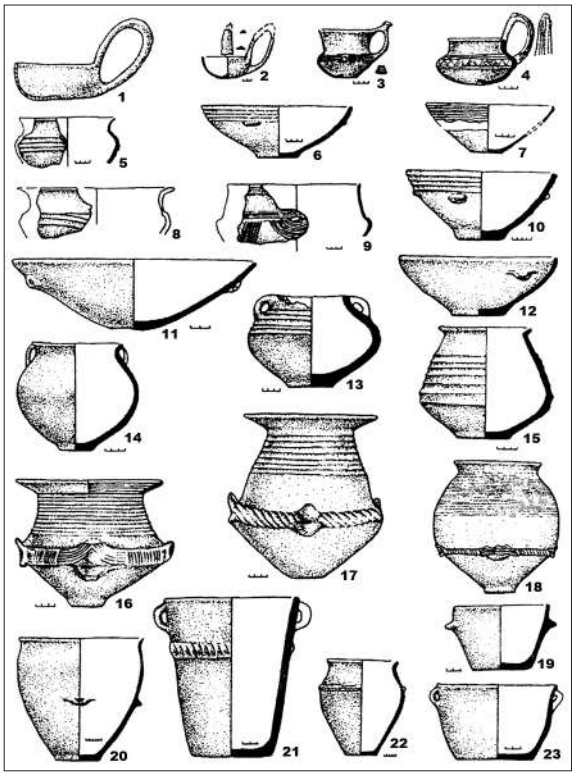


Fig. 6. Cultura Chişinău-Corlăteni. Tipuri de ceramică definitorii (după Leviţki 2003).

Fig. 6. Chişinău-Corlăteni culture. Defining types of ceramics (after Leviţki 2003).

vase negre în interior şi de o culoare mai deschisă, cafeniu-cenuşie, la exterior. Partea interioară e foarte bine netezită şi lustruită. CT III e alcătuită din vase de culoare neagră sau cenuşiu-închisă, lustruite pe ambele părţi. CT IV include vase de culoare deschisă, lustruite pe ambele părţi. În ceramica confecţionată din pastă grosieră se deosebesc două categorii tehnologice. CT V îi aparţin vasele cu un exterior netezit, printre care se evidenţiază cele cu exteriorul netezit până la luciu (Va). CT a VI-a îi aparţin vasele cu suprafaţa exterioară zgrunţuroasă.

În cadrul veselei fine se identifică trei tipuri definitorii, prezente în colecţiile ceramice ale tuturor siturilor investigate. În primul rând, se remarcă *vasele bitronconice* de proporţii (chiupuri) cu buză evazată şi fundul relativ îngust. Particularitatea specifică a acestor vase o constituie amplasarea în perechi a proeminenţelor-suporturi în plan vertical pe umeri, gâtul fiind ornamentat cu caneluri orizontale, iar umerii cu caneluri oblice (fig. 6,15-17). În colecţii ponderea acestora variază între 46,7 şi 67% din totalul ceramicii fine, marea majoritate atribuindu-se CT I, şi epizodic, la CT IV. Cantitativ, urmează *străchinile*. Cele mai reprezentative sunt cele tronconice cu corpul puţin arcuit în partea superioară şi buza invazată, prevăzute cu o bandă din caneluri orizontale în partea de sus a vasului. În proporţii mai limitate se întâlnesc străchinile tronconice cu buza modelată vertical; străchinile mici semisferice şi străchinile conice de proporţii cu buza neevidenţiată, ornamentate cu caneluri orizontale şi diverse motive incizate (fig. 6,6-7,10-12). În cadrul ceramicii fine ponderea lor variază între 26,6 şi 40%. În general, se includ CT II, III, IV. Al treilea loc, în cadrul ceramicii fine, din punct de vedere cantitativ (cu ponderea 9,4-13%) este deţinut de *cănile scunde*, cu toarta puternic supraînălţată, la care se ornamenta numai toarta cu diverse combinaţii din caneluri înguste (fig. 6,1-2). Aparţin CT III şi IV. În proporţii mai limitate sunt atestate: vasele bitronconice-pântecoase, cu marginea evazată, la unele recipiente, buza şi umerii fiind unite cu două tortiţe verticale, ornamentate în partea superioară cu caneluri orizontale (fig. 6,13-14); vasele mari de formă globulară, ornamentate similar chiupurilor (fig. 6,18); castroanele carenate, ornamentate cu caneluri orizontale, oblice sau verticale (fig. 6,8); cănile cu corpul profilat, umerii şi torţile cărora se ornamentau cu caneluri înguste şi cu proeminenţe conice (fig. 6,3-4); cupele, ornamentate similar cănilor cu corpul profilat (fig. 6,5); vasele în formă de cupe de proporţii, ornamentate cu caneluri şi proeminenţe conice, ultimele, în unele cazuri hipertrofiate şi goale în interior (fig. 6,9) etc.

Ceramica de uz comun este reprezentată, îndeosebi, prin *recipiente fără gât evidenţiat* (fig. 6,19,21,23) (vase tronconice cu pereţii drepţi în partea superioară, vase-borcan scunde, larg deschise, vase cu corpul uşor bitronconic, vase cu corpul rotunjit către gură) şi *recipiente cu gâtul profilat* (fig. 6,20,22) (oale), de diferite dimensiuni, ponderea acestora în colecţii constituie 55-85,7%, respectiv, 14,3-41% din totalul ceramicii grosiere din aşezări, ornamentate în partea superioară cu apucători-suporturi, brâie alveolate, tortiţe-urechiuşe, episodic, şir orizontal de alveole sau cu compoziţii din aceste elemente de decor. În general, se atribuie CT V şi mult mai puţin CT Va şi VI.

În complexele ceramice din monumentele cercetate, în afară de vasele menţionate mai sus, într-un număr nu prea mare, se întâlnesc vase originale, de tipuri specifice care, cu rare excepţii, reprezintă tipuri ceramice caracteristice culturilor vecine sincrone şi indică legăturile culturii de tip C-C cu mediul cultural înconjurător, iar în unele cazuri atestă împrumuturi sau influenţe ale celor din urmă.

Piesele de inventar caracteristice culturii C-C încadrează următoarele categorii: unelte, ustensile, piese de harnaşament, arme, podoabe şi piese vestimentare, piese cu semnificaţie cultică etc., lucrate din diverse materii prime – silex şi piatră, os şi corn, lut şi, într-o cantitate nu prea mare, din metal, îndeosebi, din bronz (fig. 7). Obiectele de fier (cuţite cu spatele încovoiat) sunt puţine şi provin exclusiv din straturile de cultură a aşezărilor de la Truşeşti, Lozna şi Cândeşti.

În ceea ce priveşte *uneltele*, în comparaţie cu spaţiile populate de comunităţile hallstattiene timpurii amplasate mai la vest, se remarcă relativa „bogăţie" a utilajului litic şi, respectiv – „sărăcie" a celor de metal. Principalele unelte de silex utilizate de comunităţile hallstattiene timpurii sunt lamele pentru seceri, celelalte, caracteristice epocii, fiind atestate doar sporadic. O categorie deosebită de piese lucrate din piatră sunt uneltele şi instrumentele utilizate în metalurgia bronzului – tiparele bivalve, inclusiv cele nefinisate (semifabricate),

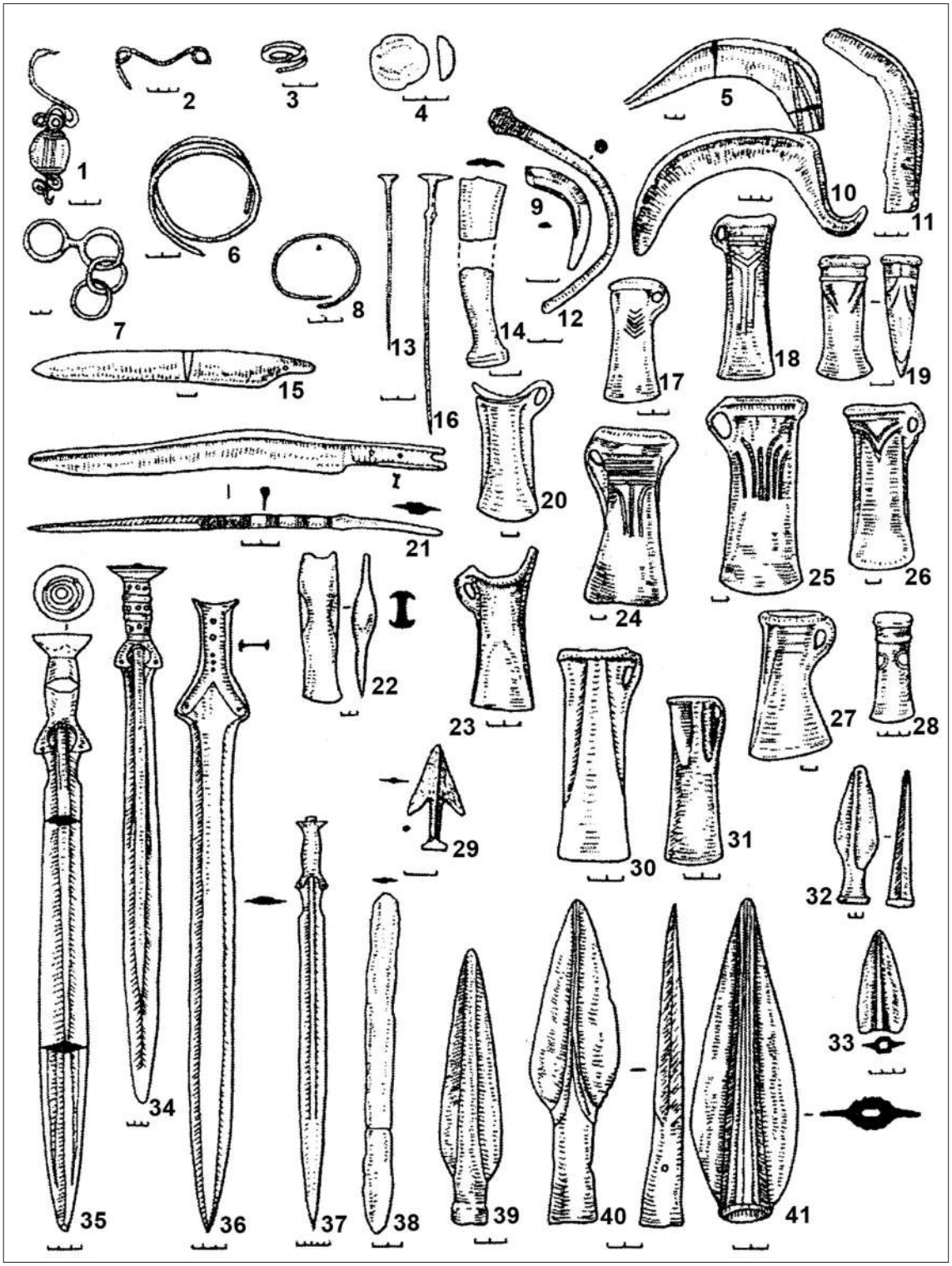


Fig. 7. Cultura Chișinău-Corlăteni. Principalele tipuri de piese din bronz (după Levițki 2003).

Fig. 7. Chișinău-Corlăteni culture. The main types of bronze items (after Levițki 2003).

nicovalele-suporturi; ciocanele, percutoarele și abrazivele. Printre puținele piese de os și corn se numără săpăligile, lustruitoarele, dălțile etc. Uneltele de bronz sunt mult mai rare, reprezentând cu

precădere celturi şi uneori seceri, printre celelalte numărându-se lamele de ferestrău, cuţitele, teslele şi topoarele cu aripioare.

Obiectele de uz casnic-gospodăresc – *ustensilele* – sunt lucrate din aceleaşi materii prime ca şi uneltele, printre acestea predominând cele din lut ars – fusaiolele, rondelele din pereţi de vase, mosoarele şi greutăţile piramidale. O categorie deosebită, însă cu altă destinaţie, prezintă linguriile de lut ars cu „cioc", utilizate pentru turnarea metalului topit. În rândul ustensilelor de piatră se remarcă în primul rând râşniţele, frecătoarele, lustruitoarele şi, epizodic, piuliţele şi pisăloagele. Printre ustensilele de os, cele mai numeroase sunt străpungătoarele şi fusaiolele, mânerele şi piesele de harnaşament (dintre care psaliile se întâlnesc mai rar). Ustensilele de bronz sunt cunoscute doar prin străpungătoare şi ace fragmentare.

Armele sunt reprezentate de un număr nu prea mare de piese, majoritatea cărora sunt de bronz, cele de os (vârfurile de săgeată) şi piatră (măciucile şi unele topoare-ciocan perforate de granit) fiind singulare. Armele de bronz sunt cunoscute prin vârfuri de lance, săbii cu limbă la mâner, săbii cu mânerul în formă de cupă şi săbii cu mânerul în formă de antene, pumnale de tip „cimerian", pumnale cu lamele paralele, vârfuri de săgeată plate cu două aripioare şi pedunculul cu bară perpendiculară.

Piesele de podoabă, în exclusivitate, erau executate din bronz, toate fiind larg răspândite la începutul epocii hallstattiene. În numărul acestora intră: brăţările realizate din bare sau sârmă, cu capetele deschise, respectiv, în formă de spirală; brăţările plate cu capetele lărgite şi brăţările din placă cu nervuri orizontale paralele; cerceii cu capetele suprapuse, inelele în formă de spirală; acele în formă de cui cu gămălia conică sau îngroşată, ornamentate cu linii incizate.

Accesoriile vestimentare sunt reprezentate prin fibule de tipul celor cu două spirale şi arcul încovoiat, fibule cu scut oval şi posibil de tip *Passamenterie*, precum şi de tipuri larg răspândite la sfârşitul epocii bronzului şi întregii epoci hallstattiene – nasturi, aplice, verigi, inele închise şi lănţişoare, ultimele constituind accesorii de centură ce au servit, în marea lor majoritate, ca atârnători.

Piesele cu semnificaţie cultică, în siturile comunităţilor hallstattiene timpurii din silvostepa est-carpatică, cât şi din alte zone, constituie categorii mai puţin răspândite. Cu referire la interfluviul Prut-Nistru, printre acestea se remarcă: figurinele zoomorfe (reprezentări ale diferitor specii de animale domestice – taurul, berbecul, oaia şi îndeosebi, calul într-o poziţie statică); statuetele antropomorfe (piese plate de formă triunghiulară), rotiţele de la modele de car, pâinile-turte cu baza aplatizată şi partea superioară uşor bombată ş.a. – toate modelate din lut, precum şi pandantivele din colţi de mistreţ etc.

În continuare, în măsura permisă de sursele arheologice accesibile, ne vom referi şi asupra viziunilor despre geneza, evoluţia şi destinul istoric al populaţiei culturii hallstattiene timpurii cu ceramică canelată din spaţiul est-carpatic, în prezent vehiculate în literatura de specialitate.

Originea şi evoluţia culturii C-C în spaţiul carpato-nistrean încă nu este pe deplin elucidată, opiniile diverse ale cercetătorilor cu privire la anumite aspecte ale procesului cultural-genetic continuă să fie discutate în literatura de specialitate.

Totodată, analiza materialelor şi observaţiile de care dispunem în prezent referitor la complexul cultural hallstattian timpuriu cu ceramica canelată au scos în evidenţă suficiente argumente, potrivit cărora culturile şi grupurile culturale aparţinând acestuia, s-au constituit în vestul spaţiului carpato-dunărean, în afara ariei complexului cultural Noua-Sabatinovka-Coslogeni, în zona de sud-vest a României, nord-est a Serbiei şi nord-vest a Bulgariei (Banat, Voivodina, Srem, Oltenia) pe fondul culturilor din perioada târzie a epocii bronzului (Cruceni-Belegiš, Zuto Brdo-Gârla Mare, Balta Sărată etc.), la care se adaugă contribuţia semnificativă a manifestărilor târzii ale complexului cultural central-european al mormintelor tumulare *Hügelgräberkultur* şi, apoi, a contactelor cu grupele estice ale culturii – de asemenea central-europene – a câmpurilor de urne *Urnenfelderkultur*, în bună parte contemporană cu civilizaţia hallstattiană timpurie din sud-estul Europei (Gumă 1993, 150-151; 1995, 99, 103; László 2001, 325). Sintezele culturale, constituite aici la finele epocii bronzului şi începutul Hallstattului în ultimele secole ale mileniului II a.Chr. (începutul/mijlocul fazei HaA1, secolul XII a.Chr.), reprezintă principalele manifestări culturale, deja ale perioadei de tranziţie de la epoca bronzului la prima epocă a fierului, cu o evoluţie „în sens

hallstattian" (Gumă 1993, 168-169; 1995, 103-104), care propagându-se spre est, au contribuit la „hallstattizarea" întregii regiuni carpato-balcanice (Morintz 1987, 61-62). În spaţiul carpato-nistrean, ele au condus la substituirea complexului cultural Noua-Sabatinovka-Coslogeni, care cu rare excepţii, nu a transmis nimic şi nu pare să fi asigurat un fond local pe care s-ar fi putut suprapune şi cu care ar fi putut interfera manifestările culturale hallstattiene timpurii originare din bazinul Dunării de Mijloc (Leviţki 1994, 149-152).

Proveniența culturii hallstattiene timpurii cu ceramică canelată est-carpatică C-C din mediul cultural de la sfârşitul epocii bronzului şi începutul Hallsttatului din sud-vestul ariei carpato-danubiene – cultura Cruceni II - Belegiš II, şi îndeosebi din cel caracteristic perioadei de tranziţie de la epoca bronzului la prima epocă a fierului, reprezentat prin grupele culturale Susani, Bobda II, Ticvaniul Mare-Karaburma III, Hinova-Mala Vrbiţa, se manifestă în componentele principale ale culturii materiale, întâi de toate în ceramică – utilizarea unei tehnologii comune de realizare a ceramicii, îndeosebi a celei fine, în cadrul căreiea este prezent acelaşi asortiment de recipiente (vase mari bitronconice, vase cu corpul rotunjit, străchini de formă tronconică, cu marginea invazată, căni cu corpul scund, emisferic şi torţile supraînălţate, cu particularităţi morfologice şi ornamentale specifice similare) şi în ritul şi practicile funerare (cremaţia cu depunerea resturilor cinerare în urne (cu sau fără capac) şi mai rar în gropi simple, în necropole plane) (Smirnova 1990, 20-33; Leviţki 1994, 154). Edificatoare în această ordine de idei, după cum arată cercetările recente, sunt şi cele mai răspândite la comunităţile hallstattiene timpurii de la est de Carpaţi tipuri de bronzuri, îndeosebi uneltele – celturile şi secerile, originare cu precădere din zona de la vest de Dunărea de Mijloc (complexele metalice de tip Curd şi de tip Gyermely, atribuite fazelor HaA1 şi respectiv HaA2, localizate la periferia sud-estică a arealului *Urnenfelderkultur* timpurie şi nord-vestică a culturii Belegiş-Cruceni, faza evoluată) (Dergachev 1997, 38-42).

Acceptându-se în unanimitate că aria formativă a culturii hallstattiene timpurii cu ceramica canelată C-C o constituie regiunile sud-vest carpato-dunărene, derularea nemijlocită a procesului de hallstattizare a spaţiilor de la est de Olt, inclusiv a celui est-carpatic, în stadiul actual de cercetare, este prezentat de specialişti în mod diferit. Unii consideră că formarea culturii C-C este rezultatul pătrunderii efective prin teritoriul limitrof malului stâng al Dunării (adică prin Oltenia şi Muntenia) a unor comunităţi de tip Belegiš II sau Bobda II-Susani-Belegiš II în spaţiul est-carpatic, care au pus capăt evoluţiei culturii Noua undeva în perioada HaA1 (Smirnova 1990, 32; Leviţki 1994, 161), alţii discută numai despre elemente culturale (ceramica cu decor canelat) aparţinând grupului Ticvaniul Mare-Caraburma III (Gumă 1993, 176; László 1994, 157-158) care ajung, probabil pe linia Dunării, până în zonele est-carpatice, în aria manifestărilor de tip C-C.

Evident, în stadiul actual al cercetărilor, este greu de răspuns univoc la întrebarea cum s-a derulat procesul de hallstattizare a spaţiului est-carpatic şi de constituire a culturii C-C. Totodată, transformarea culturală radicală intervenită la sfârşitul epocii bronzului – începutul Hallstattului, soldată cu substituirea culturii Noua prin formaţiunile complexului hallstattian timpuriu cu ceramica canelată, aspectul cărora nu atestă o evoluţie în stil hallstattian al fondului cultural local de la sfârşitul epocii bronzului, considerăm că prezintă o dovadă evidentă în favoarea unor deplasări de populaţie.

Traseul deplasării purtătorilor complexului hallstattian timpuriu cu ceramică canelată spre est, inclusiv, în spaţiul est-carpatic (hallstattizarea spaţiului carpato-dunărean), în prezent, pare a fi marcat de descoperirile hallstattiene timpurii cu ceramica canelată din teritoriile intermediare: părţile de nord ale Olteniei – Călugăreni, Râureni, Brezoi, Ocnele Mari, Căzăneşti, Bârseşti etc. (Petre-Govora 1983, 85-95; Lazăr 2005) şi ale Munteniei – Cătunul, Sărata Monteoru, Cârlomăneşti (László 2001, 318), de depozitele de bronzuri ce conţin piese de tradiţii de la Dunărea de Mijloc Socu, Sacoţi, Drajna de Jos (Petrescu-Dîmboviţa 1977), precum şi de descoperirile fortuite de piese de bronz – săbii de tipuri central-europene (Bader 1991, Călătoiu 2002, 36-62), aşezarea din Subcarpaţii de Curbură de la Cândeşti (Florescu, Florescu 1981, 112-121) reprezentând punctul de legătura cu masivul monumentelor culturii C-C (fig. 8). Cu totul deosebit se prezintă traseul de răspândire a purtătorilor tradiţiilor din zona Dunării de Mijloc în baza analizei şi localizării pieselor de metal, care

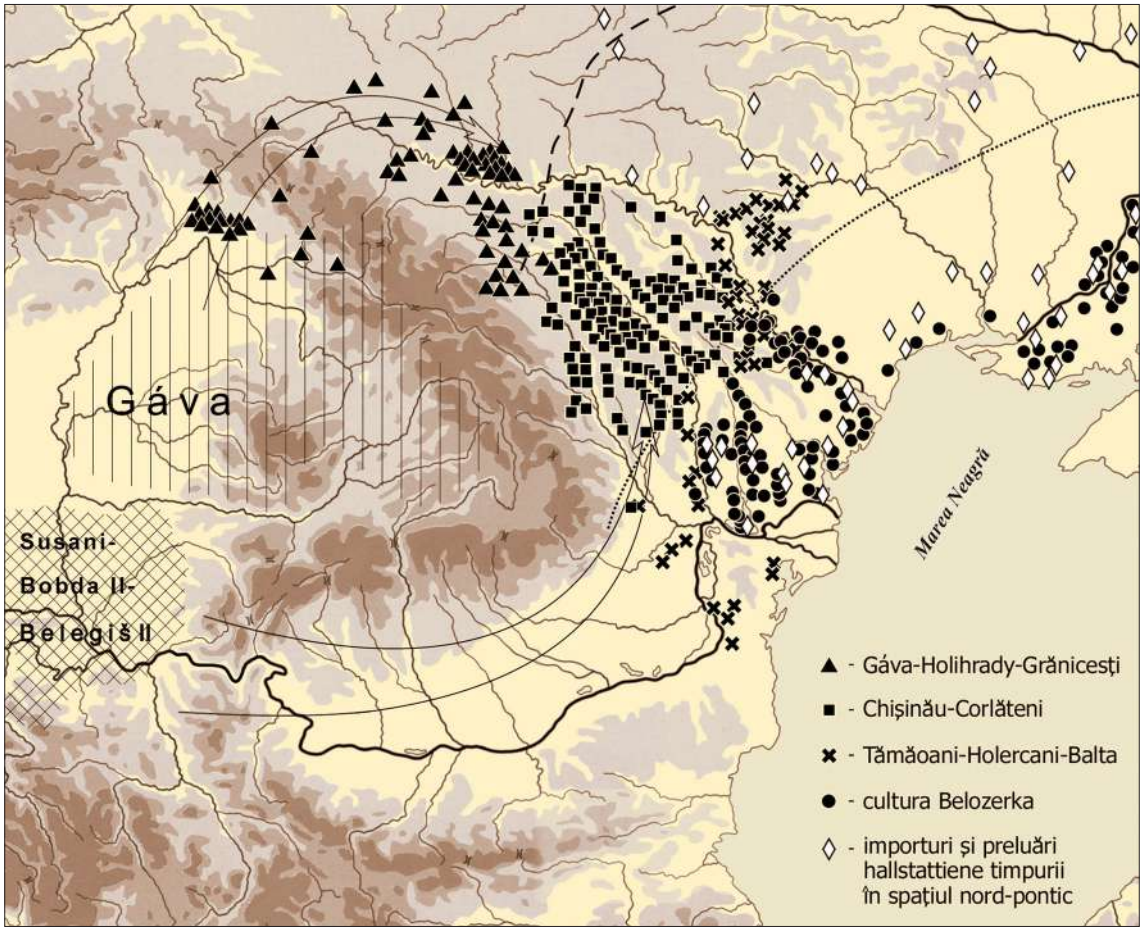


Fig. 8. Situaţia cultural-istorică în sec. XII-X î. Hr. (după Kaşuba, Leviţki 2010).

Fig. 8. Cultural-historical situation in the 12th – 10th centuries B.C. (after Kaşuba, Leviţki 2010).

conform acestora, pornea din zona Banatului dunărean, în sus, pe Mureş, în centrul Transilvaniei şi mai departe pe râul Olt şi peste trecătoarea Bretcu spre zona interfluviului Siret şi Nistru (Dergachev 1997, 54).

Procesul transformării culturale a spaţiului carpato-nistrean şi constituirea culturii C-C, în opinia specialiştilor, începe încă în cursul perioadei HaA1 sau secolului XII a.Chr. (László 1994, 129; 2001, 320; Leviţki 1994, 146-147; 2010, 337). Populaţia locală a culturii Noua, parţial fiind asimilată de purtătorii complexului hallstattian timpuriu cu ceramică canelată, parţial retrasă, sub presiunea acestora, pe alte teritorii – în zona nord-pontică şi la Dunărea de Jos, populate de comunităţile complexului cultural Noua-Sabatinovka-Coslogeni, fenomen ilustrat de componenţa unor depozite de bronzuri (Antonovka, Nikopol, Novo-Troiany, Raigorodka) caracteristice comunităţilor târzii ale acestui complex şi a celor timpurii de tip Belozerka (Dergachev 1997, 49-50), de practicile funerare – apariţia necropolelor plane, orientarea defuncţilor în direcţia sud, precum şi de tipul antropologic unic al populaţiei culturilor Noua şi Belozerka (Vanchugov 1990, 129-130; Leviţki 2003, 70-71).

Caracterul omogen al culturii materiale şi specificul ritului şi ritualului funerar practicat de comunităţile hallstattiene timpurii din vestul şi estul spaţiului carpato-dunărean, în linii generale, mărturisesc că în ritmul evoluţiei istorice a acestor spaţii dacă şi a existat un oarecare decalaj, acesta, în fond, era nesemnificativ. Relaţiile dintre comunităţile hallstattiene timpurii bănăţene-oltene şi cele est carpatice continuă să existe şi în perioada ce a urmat deplasării primului val de populaţie în direcţia estică-nord-estică, pe parcursul perioadei HaA1, la mijlocul, sau în a doua jumătate a seco-

lului al XII-lea a.Chr. Ceramica, piesele de bronz şi îndeosebi renaşterea/apariţia la comunităţile hallstattiene timpurii est-carpatice a metalurgiei bronzului, prezintă dovezi semnificative în favoarea unor noi impulsuri din aceste regiuni în direcţia spaţiului est-carpatic, unul, deja în decursul perioadei HaA2 – secolul XI a.Chr. (Dergachev 1997, 58), care a dus la consolidarea definitivă a procesului de hallstattizare şi la asigurarea evoluţiei paralele, însă foarte mult asemănătoare, a acestor două zone ale lumii hallstattiene timpurii şi în perioada următoare, HaB1 – secolul X a.Chr.

Existenţa culturii C-C, în aşa mod, nu a reprezentat doar un scurt episod în protoistoria spaţiului est-carpatic după cum considera B. Hänsel (Hänsel 1976, 105-113). Evoluţia ei poate fi urmărită încă începând cu perioada timpurie a epocii hallstattiene, probabil, din HaA1 (mijlocul/a doua jumătate a secolului XII a.Chr.), şi până la mijlocul sau sfârşitul perioadei HaB1 (secolului X a.Chr.), când teritoriile populate de comunităţile acestei culturi vor intra în stăpânirea purtătorilor culturii Cozia-Saharna-Solonceni (Smirnova 1985, 48; Leviţki 1994, 146-147). În acelaşi timp, în ceea ce priveşte limita cronologică finală a culturii C-C, nu există încă un consens, unii cercetători insistând asupra ipotezei că cultura Cozia-Saharna-Solonceni a ocupat doar o parte neînsemnată a arealului culturii C-C, acestea coexistând în teritorii vecine de-a lungul secolelor X-IX (-VIII?) a.Chr. (László 1994, 129-130; Iconomu, Tănăsachi 1992, 23-44).

În prezent, deşi încă nu dispunem de suficiente descoperiri bine datate pentru elaborarea unei periodizări a culturii C-C, cu specificarea conţinutului fiecărei etape de dezvoltare, totuşi în dependenţă de proveniența şi limitele cronologice ale tipurilor pieselor de bronz din depozite, depistate în aşezări sau găsite fortuit, asocierea acestora cu anumite categorii tehnologice de ceramică, tipuri morfologice şi compoziţii ornamentale, tipul complexelor funerare, ritul, practicile şi inventarul acestora, raportate la realităţile caracteristice comunităţilor din perioada târzie a epocii bronzului – perioada de tranziţie de la epoca bronzului la prima epocă a fierului din zona Dunării de Mijloc şi respectiv, spaţiul nord-pontic, considerăm că în evoluţia ei pot fi schiţate trei etape, chiar dacă ele nu au putut fi definite încă riguros: veche/timpurie, de la mijlocul – a doua jumătate a fazei HaA1 (secolul XII a.Chr.); mijlocie/principală sau „clasică" – sfârşitul fazei HaA1 – a doua jumătate/sfârşitul fazei HaA2 (sfârşitul secolului XII – a doua jumătate/sfârşitul secolului XI a.Chr.) şi finală/târzie – sfârşitul fazei HaA2-HaB1 (sfârşitul secolului XI – secolul X a.Chr.) (Leviţki 2010, 337).

Trei faze în evoluţia culturii C-C desemnează şi A. László, însă în conformitate cu viziunea sa asupra limitei cronologice superioare (perioada HaB inclusiv, respectiv sec. IX-VIII a.Chr.) şi invocarea unor datări depăşite ale unor indicatori cronologici (în special din obiectivele din partea pruto-nistreană a arealului), acestea se marchează în felul următor: faza veche – începe în prima jumătate a perioadei HaA, către mijlocul sau a doua jumătate a sec. XII a.Chr.; faza evoluată, datată în principal în perioada HaB 1-2 (sec. X-IX a.Chr.) şi etapa finală, ilustrată de cel de al doilea nivel hallstattian de la Corlăteni (László 1994, 129; 157-159; 2001, 320).

În stadiul actual de cercetare, întreruperea evoluţiei nivelului de locuire corespunzător culturii C-C, cu certitudine, poate fi urmărit (este ilustrat) doar în aşezarea cu mai multe niveluri de locuire de la Trinca, prin aspectul celui de-al doilea orizont cultural-cronologic hallstattian timpuriu, cu caracter mixt, aici identificat, ceramica fină a căruia este lipsită de ornament canelat (caracteristic nivelului precedent), sporadic fiind atestate doar motive incizate, iar cea de uz comun este reprezentată cu precădere prin vase în formă de lalea, a căror compoziţie ornamentală predominantă constă din brâu alveolat plasat pe umăr şi şir de găuri sub buză, care în cadrul culturii Chernyi Les din zona Nistrului de Mijloc marchează începutul etapei a doua, târzii a acesteia, respectiv la mijlocul secolului X a.Chr. (Terenozhkin 1961, 62-63; Smirnova 1985, ris. 4), aflată în asociere cu psalii în formă de tijă cu trei orificii ovale în acelaşi plan, asemănătoare cu cele din aşezarea de la Chişinău, cetăţuia de la Subbotovo (mediul cultural Chernyi Les din silvostepa ucraineană) şi aşezarea Usatovo (mediul cultural Belozerka din stepele mord-pontice), a căror limită cronologică superioară este hotarul dintre secolele X-IX a.Chr.

Opinia, conform căreia încetarea existenţei culturii C-C a avut loc în a doua jumătate – sfârşitul fazei HaB1 (secolul X a.Chr.), în urma apariţiei în teritoriile est-carpatice a purtătorilor culturii Cozia-Saharna-Solonceni sau Cozia-Saharna, parte componentă a complexului hallstattian timpu-

riu cu ceramică incizată şi imprimată, originari de la Dunărea de Jos şi de Mijloc, care nu s-au limitat la ocuparea doar a Podişului Central Moldovenesc şi teritoriului dintre Răut şi Nistru, dar în scurt timp au colonizat întregul areal populat de comunităţile de tip C-C, în stadiul actual al cercetărilor, este susţinută de o serie de argumente mai mult decât convingătoare. Semnificative în această ordine de idei, de rând cu indicatorii cronologici în baza cărora se stabilesc limitele evoluţiei culturilor examinate, sunt situaţiile stratigrafice atestate în unele situri, spre exemplu, succesiunea nivelurilor de locuire din aşezarea de la Cândeşti din Subcarpaţii de Curbură (Florescu, Florescu 1983, 72-93; László 1986a, 65-91) şi stratigrafia orizontală a aşezării Trinca din partea de vest a Podişului Moldovei de Nord (Levitki 1994, 143-144), răspândirea şi localizarea mai mult sau mai puţin compactă a obiectivelor de tip Cozia-Saharna, îndeosebi a aşezărilor şi a piesele de bronz caracteristice acestei culturi (celturile cu faţetele trapezoidale şi arcoidale ornamentate cu decor reliefat, compus din linii paralele verticale), de tradiţii Dicevo şi Vrbiţa originare din zona Dunării de Jos (nord-estul şi respectiv nord-vestul Bulgariei, răspândite în fazele HaA2-HaB1 şi în teritoriile de la nord de Dunăre, inclusiv în aria culturii Babadag), în zonele cu cea mai mare concentrare de obiective ale culturii C-C (Levitki 1994, fig. 77; Kashuba 2000, 255-260; Uşurelu 2003, 211-218); precum şi lipsa completă a elementelor ce ar atesta influenţe reciproce dintre comunităţile culturilor analizate, în ceramică, ritul şi practicle funerare.

Puţinele vestigii, care ar putea fi invocate în calitate de dovezi ale contemporanietăţii parţiale a comunităţilor culturii locale C-C şi a celor deplasate şi stabilite în aria acesteia – a culturii Cozia-Saharna, reprezentate de unele obiecte de bronz (brăţară din placă prevăzută pe partea exterioară cu nervuri orizontale paralele; celt cu o urechiuşă, cu marginea găurii de înmănuşare îngroşată şi faţetele de formă trapezoidală, ornamentate cu decor în relief, redat sub forma literei „Y" în centru şi câte două nervuri, pe părţi [franjuri]) şi piese de harnaşament de corn/os (psalii în formă de tijă cu trei orificii ovale în acelaşi plan) din aşezarea Trinca „Izvorul lui Luca", documentează coexistenţa lor doar în a doua jumătate – sfârşitul fazei HaB1 – secolul X a.Chr. (Levitki, Uşurelu, Coban 2003, 171-182). Aceste vestigii sunt considerate de specialişti caracteristice, în special, complexului hallstattian timpuriu cu ceramică incizată şi imprimată Babadag II-Cozia-Saharna (Smirnova 1985, 39; Uşurelu 2003, 211-219; Dergachev 1997, 58-59; Dergachev 2010, 84-88; Kashuba 2000, 325; Jugănaru 2005, 65).

Un alt aspect referitor la cultura C-C, organic legat de punctul de vedere asupra limitei cronologice finale de evoluţie, nu mai puţin discutat şi soluţionat încă diferit de către specialişti, este problema ***destinului istoric*** al populaţiei acesteia.

Destabilizarea situaţiei cultural-istorice în spaţiul est-carpatic, îndeosebi în aria pruto-nistreană a culturii C-C pe la mijlocul – a doua jumătate a secolului X a.Chr., a fost cauzată nu numai de deplasarea în această zonă a comunităţilor complexului hallstattian timpuriu cu ceramică incizată şi imprimată de la Dunărea de Jos şi de Mijloc, reprezentat de cultura Cozia-Saharna, care în scurt timp au colonizat dinspre sud întregul areal populat de comunităţile de tip C-C, dar şi de pătrunderea în partea de nord a zonei de silvostepă pruto-nistreană a unor grupuri de populaţie estică, preponderent din silvostepa de la est de Nistru, inclusiv şi din stânga Niprului – de sorginte Chernyi Les II-Bondarikha târzie (Levitchi 1992, 119-121; 2003, 220-221), precum şi din stepele nord-pontice, presupuse de tradiţii Belozerka evoluată, sau chiar nomadă timpurie – cimeriană (etapa Chernogorovka), pătrunderile sporadice ale ultimilor fiind identificată în Podişul Moldovei de Nord prin complexe funerare reprezentate de înhumări în tumuli preexistenţi de la Bădragii Vechi şi Corjeuţi (r-nul Briceni), iar în Câmpia Prutului de Mijloc - prin tumulul şi mormântul secundar de înhumaţie de la Petreşti (r-nul Ungheni) (Levitki 2003, 128-129).

Populaţia nou apărută, în parte purtătoare a culturii Chernyi Les II, în Podişul Moldovei de Nord, s-a suprapus pe fondul cultural local, parţial înrudit, reprezentat aici de primul orizont hallstattian cu caracter mixt de tip Trinca (C-C-Belogrudovka-Chernyi Les I), stimulând astfel constituirea în baza acestuia a unei noi sinteze culturale, care va evolua deja în stil Chernyi Les II, în paralel şi în ritmuri mult asemănătoare celor din bazinul Nistrului de Mijloc. Un alt grup, de un aspect cultural format din elemente Chernyi Les II şi Bondarikha târzii cu direcţia de deplasare spre Câmpia Prutului de Mijloc, suprapunân-

du-se fondului cultural hallstattian cu ceramică canelată, a prilejuit apariţia încă a unei sinteze culturale post C-C, în care predominant devine componentul alogen, reprezentat în prezent de un tip nou de monument funerar – tumulul cu mantaua de piatră de la Braniște (r-nul Rîșcani), cu suficiente similitudini în complexele tumulare din zona de silvostepă de tip Chernyi Les târzie, având ca inventar ceramică fină canelată și recipiente din categoria de uz comun de tip morfologic C-C, însă ornamentate cu motive specifice culturii Bondarikha din Stânga Niprului (Levitskii 1989, 137-149). Și dacă referitor la Podișul Moldovei de Nord, grație cercetărilor sitului cu mai multe niveluri de locuire de la Trinca, în prezent se cunoaște că populația de origine C-C asimilată continuă să evolueze până la sfârșitul epocii hallstattiene inclusiv (Levițchi 1992, 121), reprezentată în această zonă de grupul podolian de vest (Leviţki 2006, 104-113; 2010a, 69-114), atunci despre aceea cât a evoluat în timp și care a fost soarta de mai departe a comunităților din Câmpia Prutului de Mijloc și, respectiv, din restul arealului C-C intrat în stăpânirea comunităților Cozia-Saharna se presupunea, doar, că aceasta parțial ar fi fost asimilată, iar parțial dislocată pe alt teritoriu, deocamdată neidentificat (Smirnova 1989, 31; Leviţki 1994, 154-156). În acest context, considerăm că nu poate fi complet exclusă versiunea strămutării unui anumit contingent de populație C-C spre nord-vest, în aria culturii Gava-Holihrady-Grăniceşti la sfârșitul fazei timpurii de evoluție a acesteia – Mahala III, sau a eventualei etape intermediare între fazele Mahala III și IV, corespunzătoare secolului X a.Chr. Aspectul complexului ceramic al fazei evoluate de tip Mahala IV, datată în secolele IX-VIII a.Chr., care în comparație cu etapa precedentă se caracterizează prin abundența borcanelor ornamentate cu brâie alveolate, frecvența vaselor (chiupurilor) pronunțat bitronconice, înmulțirea străchinilor cu buza înclinată spre interior (László 1994, 93-94) constituie unul din argumente.

Monumentele de tip C-C, precum și cele de tip Gava-Holihrady din preajma Carpaților ucraineni, luându-se în considerație faptul că componentele principale ale culturii materiale, întâi de toate ceramica – utilizarea unei tehnologii comune de realizare a ceramicii, îndeosebi a celei fine, în cadrul căreia este prezent același asortiment de recipiente (vase mari bitronconice, vase cu corpul rotunjit, străchini de formă tronconică, cu marginea invazată, căni cu corpul scund, emisferic și torțile supraînălțate, cu particularități morfologice și ornamentale specifice similare) și ritul și practicile funerare (cremația cu depunerea resturilor cinerare în urne [cu sau fără capac] și mai rar în gropi simple, în necropole plane), manifestă similitudini perfecte cu cele caracteristice grupurilor culturale Susani, Bobda II, Ticvaniul Mare-Karaburma III, Hinova-Mala Vrbița din spațiul carpato-dunărean sunt atribuite hallstattului timpuriu carpato-balcanic sau blocului tracic, iar purtătorii lor etnosului tracic, în special, tracilor de nord. Totodată, problema atribuirii etnice a culturilor arheologice e atât de complexă încât soluționarea ei presupune cercetări cuprinzătoare ale tuturor surselor disponibile, întâi de toate ale celor lingvistice (Alexianu 1996, 222-223; László 2001, 326-327; Leviţki 2010, 329-330).

Sursele arheologice actuale permit, de asemenea, să se facă anumite constatări referitoare la modul de viață, activitatea economică, viața spirituală și socială, relațiile interculturale etc. Astfel, se poate afirma că populația culturii C-C ducea un mod de viață sedentar, având o economie mixtă, bazată pe creșterea animalelor (taurine, ovi-caprine, porcine, cai) și cultivarea cerealelor (orzul și grâul pitic), practicând, de asemenea, anumite meșteșuguri specializate (metalurgia bronzului și olăritul) și diferite meșteșuguri casnice care nu pretind o anumită specializare – țesutul, prelucrarea pieilor, silexului, pietrei, a lemnului, nelipsind nici vânatul, culesul și pescuitul. Din punct de vedere al stadiului de dezvoltare social-politică, comunitățile C-C se aflau în procesul descompunerii relațiilor gentilice și a afirmării democrației militare; credințele și practicile lor de cult erau subordonate necesităților vitale – înmulțirii turmelor și primirii bunăvoinței pământului, astfel oficiindu-se cultul fecundității și fertilității, precum și adorarea soarelui; relațiile interculturale și de schimb erau orientate cu preponderență către lumea hallstattiană și într-o măsură mai mică spre vecinii din spațiul nord-pontic, prin intermediul cărora se legau și cu comunitățile culturale din Europa Centrală și respectiv, Caucazul de Nord (Leviţki 2010, 344-356).

Recapitulând cele discutate referitor la stadiul actual de cunoaștere a culturii C-C, constatăm că în pofida sporirii volumului de informații

şi a acordării, în ultimul timp, unei atenţii deosebite din partea specialiştilor studierii Hallstattului timpuriu, un şir de aspecte continuă să rămână încă insuficient elucidate şi discutabile. În opinia noastră, în cercetările viitoare din domeniul complexului hallstattian timpuriu cu ceramică canelată, inclusiv a culturii C-C, se impun mai multe **priorităţi**, de importanţă majoră fiind cele ce ţin de geneza, evoluţia şi destinul acesteia, printre care se remarcă următoarele:

- crearea bazei de date exhaustive, în momentul de faţă, referitoare la obiectivele complexului hallstattului canelat din întreaga arie, de tip Belegiš II – C-C de la Dunărea de Mijloc şi până în bazinul Nistrului, atenţie deosebită acordându-se regiunilor intermediare – Subcarpaţii şi Piemontul Getic, Subcarpaţii Curburii, pe de o parte, şi celor de tip Gava-Holihrady-Grăniceşti din Podişul Sucevei şi Subcarpaţii Ucrainei, pe de altă parte;

- identificarea tipurilor morfologice, motivelor ornamentale şi accesoriilor definitorii ale ceramicii şi pieselor de bronz, precum şi asocierilor acestora în complexele închise din aria primară de constituire a complexului hallstattului canelat, în vederea conferirii statutului/valorii de indicatori cronologici;

- urmărirea traseelor de răspândire şi evidenţierea manifestărilor acestora în cadrul aspectelor/grupurilor culturale locale apărute în rezultatul procesului de hallstattizare a mediilor culturale de la sfârşitul epocii bronzului din spaţiului carpato-dunărean, inclusiv, cel est-carpatic;

- concretizarea datei (segmentului) cronologice când manifestările hallstattiene timpurii de tip C-C, în spaţiul est-carpatic, au substituit cultura Noua, succesiunea nemijlocită a acestora fiind stabilită stratigrafic în siturile cu mai multe niveluri de locuire, iar limita cronologică superioară a primei, conform informaţiilor ştiinţelor exacte, este simţitor învechită;

- elaborarea periodizării interne şi stabilirea limitei cronologice superioare a evoluţiei culturii C-C în baza indicatorilor cronologici siguri, invocând, de asemenea, şi paralelismele atestate în mediile culturale limitrofe, sincrone (Gava-Holihrady-Grăniceşti şi Belozerka, Belogrudovka-Cernjy Les I), pe de o parte şi nemijlocit următoare (Babadag II-Cozia-Saharna-Cernyj Les II-Mahala IV etc.), pe de altă parte.

Bineînţeles, eforturile depuse în vederea realizării obiectivelor schiţate, vor avea finalitatea scontată doar în condiţiile nuanţării continue a caracteristicilor elementelor definitorii, a culturii C-C, precum şi a evidenţierii preluărilor din mediile culturale de epocă şi a inovaţiilor intervenite în imaginea de ansamblu a formaţiunii, pentru acesta impunându-se imperios extinderea, cât mai mult posibilă, a investigaţiilor de teren, atât în siturile deja cunoscute, cât şi în cele noi identificate, de perspectivă, din ambele părţi ale arealului.

Bibliografie

Alexianu 1996: M. Alexianu, La culture Corlăteni-Chişinău – thrace ou illirienne-? In: The Thracian World at the Crossroads of Civilizations (Bucharest 1996), 222-223.

Bader 1991: T. Bader, Die Schwerter in Rumanien. PBF IV, 8, 1991.

Berezanskaia 1982: S.S. Berezanskaia, Severnaia Ukraina v epokhu bronzy (Kiev 1982) // С.С. Березанская, Северная Украина в эпоху бронзы (Киев 1982).

Călătoiu 2002: Gh. Călătoiu, Prima epocă a fierului în nordul Olteniei (Traco-geţii din nordul Olteniei în sec. XII-IV a.Chr.) (Târgul Jiu 2002).

Cherniakov 1985: I.T. Cherniakov, Severo-Zapadnoe Prichernomor'e vo vtoroi polovine II tys. do n.e. (Kiev 1985) // И.Т. Черняков, Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н. э. (Киев 1985).

Dergachev 1975: V.A. Dergachev, Bronzovye predmety XIII-VIII vv. do n.e. iz Dnestrovsko-Prutskogo mezhderech'ia (Kishinev 1975) // В.А. Дергачев, Бронзовые предметы XIII–VIII вв. до н.э. из Днестровско-Прутского междуречья (Кишинёв 1975).

Dergachev 1997: V.A. Dergachev, Metallicheskie izdeliia k probleme genezisa kul'tur rannego gal'shtata Karpato-Danubio-Nordpontiiskogo regiona (Kishineu 1997) // В.А. Дергачев, Металлические изделия к проблеме генезиса культур раннего гальштата Карпато-Данубио-Нордпонтийского региона (Кишинэу 1997).

Dergachev 2010: V.A. Dergachev, Topory-kel'ty pozdnei bronzy Karpato-Podunav'ia. Odnoushkovye kel'ty s arkovidnymi faskami. Vyp. 1 (Kishineu 2010) // В.А. Дергачев, Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подуна-

вья. Одноушковые кельты с арковидными фасками. Вып. 1 (Кишинэу 2010).
Florescu 1983: M. Florescu, Aspecte ale civilizaţiei traco-getice în zona de curbură a Carpaţilor Răsăriteni. SAA I, 1983, 71-93.
Florescu, Florescu 1983: M. Florescu, A.A. Florescu, Cercetări arheologice de la Cîndeşti – Coasta banului, comuna Dumbrăveni, (jud. Vrancea) în perioada 1976-1980 (necropola aparţinînd purtătorilor culturii Monteoru, aşezarea de la sfîrşitul epocii bronzului – cultura Noua şi resturi de locuire hallstattiană). MCA, a XV sesiune de rapoarte. Muzeul Judeţean Braşov, 1981 (Bucureşti 1983), 112-123.
Gumă 1993: M. Gumă, Civilizaţia primei epoci a fierului în sud-vestul României. B.THR IV (Bucureşti 1993).
Gumă 1995: M. Gumă, The End of the Bronze Age and the Beginning of the Early Iron Age in South-Western Rjmania. TD XVI, 1-2 (Bucureşti 1995), 99-137.
Hänsel 1976: B. Hänsel, Beiträge zur regionalen und Chronologhischen gliederung der Alteren Hallstatlzeit an der Unleren Donau (Bonn 1976).
Jugănaru 2002: G. Jugănaru, Cultura Babadag I (Constanţa 2002).
Iconomu, Tănăsachi 1992: C. Iconomu, M. Tănăsachi, Descoperiri arheologice din necropola hallstattiană timpurie de la Cotu Morii-Iaşi. AM XV, 1992, 23-44.
Kashuba 2000: M.T. Kashuba, Rannee zhelezo v lesostepi mezhdu Dnestrom i Siretom (kul'tura Koziia-Sakharna). Stratum Plus 3, 2000, 241-488 // М.Т. Кашуба, Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна). Stratum plus 3, 2000, 241-488.
Kaşuba, Leviţki 2010: M. Kaşuba, O. Leviţki, Prima epocă a fierului (sec. XII-VIII/VII î.Hr.). Începuturile relaţiilor de clasă.Consideraţii generale. In: Istoria Moldovei. Epoca preistorică şi antică (Chişinău 2010), 313-329.
Krushel'nits'ka 1985: L.I. Krushel'nits'ka, Vzaemosv'iazki naselennia Prikarpattia i Volini z plemenami skhidnoi i Tsentral'noi Evropi (rubizh epokh bronzi i zaliza) (Kiiv 1985) // Л.І. Крушельницька, Взаемосв'язки населення Прикарпаття і Волині з племенами східної і Центральної Европи (рубіж епох бронзи і заліза) (Київ 1985).
Krushel'nits'ka, Maleev 1990: L.I. Krushel'nits'ka, Iu.N. Maleev, Plemena rul'tury frakiiskogo gal'shtata (Gava-Goligrady). In: Arheologiia Prikarpat'ia, Bolyni i Zakarpat'ia (Kiev 1990), 123-132 // Л.И. Крушельницкая, Ю.Н. Малеев, Племена культуры фракийского гальштата (Гава-Голиграды). В сб.: Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (Киев 1990), 123-132.
Lapushnian 1979: V.L. Lapushnian, Rannie frakiitsy X – nachala IV v. do n.e. v lesostepnoi Moldavii (Kishinev 1979) // В.Л. Лапушнян, Ранние фракийцы X – начала IV в. до н.э. в лесостепной Молдавии (Кишинев 1979).
László 1976: A. László, Über den Ursprung und die Entwicklung der frühhallstattzeitlichen Kulturen in der Moldau, TD I (Bucureşti 1976), 89-98.
László 1980: A. László, La région extracarpathique orientale a la fin du II-e millénaire et dans la première moitie du I-er millénaire. In: Actes du II-e Congrès International de Thracologie V, I (Bucureşti 1980), 181-197.
László 1983: A. László, Descoperiri din epoca bronzului şi din prima epocă a fierului la Cotu Morii (com. Popricani, jud. Iaşi). SAA I, 1983, 52-58.
László 1983-1984: A. László, Un grup hallstattian timpuriu în podişul Sucevei. CI S.N. XIV-XV 1983-1984, 65-84.
László 1986: A. László, Zu den Beziehungen zwischen der oberen Theissgegend dem nord-östlichen Ausserkarpatischen Raum in der älteren Hallstattzeit. Eine neue Gruppe der Gáva-Holigrady Kultur in der Suceava-Hochebene. In: Hallstattkolloqium Vészprem 1984 (Budapest 1986), 149-163.
László 1986a: A. László, Grupul Tămăoani. Asupra „orizontului" hallstattian timpuriu cu ceramica incizată din Sudul Moldovei. MA XII-XIV, 1986, 65-91.
László 1989: A. László, Les groupes régionaux anciens du Hallstatt a l'est des Carpates. La Moldavie aux XIIe-VIIe siècles av. n.e. In: „La civilisations de Hallstatt". ERAUL nr. 36 (Liege 1989), 111-129.
László 1994: A. László, Începuturile epocii fierului la est de Carpaţi. B.THR VI (Bucureşti 1994), 315.
László 2001: A. László, Prima epocă a fierului. In: Istoria românilor. Vol. I, Moştenirea timpurilor îndepărtate (Bucureşti 2001), 294-339.
Lazăr 2005: S. Lazăr, Cultura Vârtop în Oltenia (Craiova 2005), 179.
Levitskii 1989: O.G. Levitskii, Kurgan u s. Braneshty i nekotorye voprosy pogrebal'nogo obriada rannegal'shtatskoi kul'tury lesostepnoi Moldavii. In: AIM v 1984 g. (Kishinev 1989), 137-149 // О.Г. Левицкий, Курган у с. Бранешты и некоторые вопросы погребального обряда раннегальштатской культуры лесостепной Молдавии. В сб.: АИМ в 1984 г. (Кишинев 1989), 137-149.
Levitskii 1990: O.G. Levitskii, K voprosu o rannegal'shtattskom gorizonte s procherchennoi keramikoi v Dnestrovsko-Prutskom mezhdurech'e. In: Problemy arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (Kiev 1990), 6-8 // О.Г. Левицкий, К вопросу о раннегальштаттском горизонте с прочерченной керамикой в Днестровско-Прутском

междуречье. В сб.: Проблемы археологии Северного Причерноморья (Киев 1990), 6-8.
Levitskii 1991: O.G. Levitskii, Kul'tura Dnestrovsko-Siretskogo mezhdurech'ia na rubezhe II-I tyc. do n.e. Diss. na soiskanie uchenoi stepeni kand. ist. nauk (Leningrad 1991) // О.Г. Левицкий, Культура Днестровско-Сиретского междуречья на рубеже II-I тыс. до н.э. Дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук (Ленинград 1991).
Levițki 1992: O. Levițki, La situation culturelle et historique dans l'espace Carpato-Dniestrien à l'epoque du Hallstatt. In: Symposia Thracologica 11 (Bucureşti 1992), 119-121.
Levițki 1994: O. Levițki, Cultura Hallstattului canelat la Răsărit de Carpaţi. In: B.THR VII (Bucureşti 1994).
Levițki 1994a: O. Levițki, Grupul Holercani-Hansca. Aspectul Pruto-Nistrean al complexului Hallştattian timpuriu cu cermică incizată, In: Relation Thraco-Illyro-Hellenigues (Bucarest 1994), 219-256.
Levițki 2003: O. Levițki, Lumea tracică şi masivul cultural nord-pontic în perioada hallstattiană timpurie (secolele XII-X a.Chr.). In: B.THR XL (Bucureşti 2003), 430.
Levițki 2006: O. Levițki, Necropola tumulară hallstattiană târzie Trinca „Drumul Feteştilor" (Iaşi 2006).
Levițki 2010: O. Levițki, Prima epocă a fierului (sec. XII-VIII/VII î.Hr.). Începuturile relaţiilor de clasă. Zona de silvostepă. Tracii timpurii. In: Istoria Moldovei. Epoca preistorică şi antică. (Chişinău 2010), 329-357.
Levițki 2010a: O. Levițki, Complexe hallstattiene târzii cu ceramică lucrată la roată din aşezarea Trinca „Izvorul lui Luca". AM XXXIII (Iaşi 2010), 69-114.
Levitskii, Demchenko 1991: O.G. Levitskii, T.I. Demchenko, K voprosu o final'nykh rubezhakh hfzztufkmshtattskoi kul'tury Kishinev-Korleten' Dnestrovsko-Siretskogo mezhdurech'ia. In: Drevneishie obshchnosti zemledel'tsev i skotovodov Severnogo Prichernomor'ia (V tys. do n.e. – V v. n.e.) (Kiev 1991), 147-149 // О.Г. Левицкий, Т.И. Демченко, К вопросу о финальных рубежах раннегальштаттской культуры Кишинев-Корлэтень Днестровско-Сиретского междуречья. В сб.: Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в н.э.) (Киев 1991), 147-149.
Levițki, Uşurelu, Coban 2003: O. Levițki, E. Uşurelu, Gh. Coban, Piese de metal din aşezarea Trinca „Izvorul lui Luca". In: Interferenţe cultural-cronologice în spaţiul nord-pontic (Chişinău 2003), 171-182.
Leskov 1967: A.M. Leskov, O severoprichernomorskom ochage metalloobrabotki v epokhu pozdnei bronzy. In: Pamiatniki epokhi bronzy Iuga Evropeiskoi chasti SSSR (Kiev 1967), 143-178 // А.М. Лесков, О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы. В сб.: Памятники эпохи бронзы Юга Европейской части СССР (Киев 1967), 143-178.
Meliukova 1956: A.I. Meliukova, Pamiatniki VIII v. do n.e. na territorii lesostepnoi Moldavii. In: Izvestiia MF AN SSSR 4(31) (Kishinev 1956), 39-45 // А.И. Мелюкова, Памятники VIII в. до н.э. на территории лесостепной Молдавии. Известия МФ АН СССР 4(31) (Кишинев 1956), 39-45.
Meliukova 1957: A.I. Meliukova, Otchet o rabote otriada skifskoi arkheologii Moldavskoi arkheologicheskoi ekspeditsii IIMK i MFAN SSSR v 1956 godu. Arkhiv NMIM, nr. 380 (Kishinev 1957) // А.И. Мелюкова, Отчет о работе отряда скифской археологии Молдавской археологической экспедиции ИИМК и МФАН СССР в 1956 году. Архив НМИМ, № 380 (Кишинев 1957).
Meliukova 1958: A.I. Meliukova, Pamiatniki skifskogo vremeni lesostepnogo Srednego Podnestrov'ia. In: MIA 64 (Moskva 1958), 5-102 // А.И. Мелюкова, Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья. В сб.: МИА 64 (Москва 1958), 5-102.
Meliukova 1960: A.I. Meliukova, Issledovanie pamiatnikov predskifskoi i skifskoi epokh v lesostepnoi Moldavii. In: MIA Iu-Z SSSR i RNR (Kishinev 1960), 129-149 // А.И. Мелюкова, Исследование памятников предскифской и скифской эпох в лесостепной Молдавии. В сб.: МИА Ю-З СССР и РНР (Кишинев 1960), 129-149.
Meliukova 1961: A.I. Meliukova, Kul'tury predskifskogo perioda v lesostepnoi Moldavii. In: MIA 96 (Moskva 1961), 5-52 // А.И. Мелюкова, Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии. В сб.: МИА 96 (Москва 1961), 5-52.
Meliukova 1972: A.I. Meliukova, O datirovke i sootnoshenii pamiatnikov nachala zheleznogo beka v lesostepnoi Moldavii. SA 1, 1972, 57-72 // А.И. Мелюкова, О датировке и соотношении памятников начала железного века в лесостепной Молдавии. СА 1, 1972, 57-72.
Meliukova 1979: A.I. Meliukova, Skifiia i frakiiskii mir (Moskva 1979) // А.И. Мелюкова, Скифия и фракийский мир (Москва 1979).
Meliukova 1984: A.I. Meliukova, Arkheologicheskie dannye o frakiitsakh na territorii SSSR v I tysiacheletii do n.e. In: Etnogenez narodov Balkan i Severnogo Prichernomor'ia (Moskva 1984), 224-234 // А.И. Мелюкова, Археологические данные о фракийцах на территории СССР в 1 тысячелетии до н.э. В сб.: Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья (Москва 1984), 224-234.

Morintz 1970: S. Morintz, Autour de l'origine et de l'évolution de Hallstatt ancien en Roumanie. In: Actes du VII-e Congrès International de Sciences Prehistoriques (Praha 1970), 729-732.
Morintz 1974: S. Morintz, Sfârşitul epocii bronzului şi începutul epocii fierului în spaţiul carpato-balcanic. RI V, 27, 6, 1974, 897-906.
Morintz 1977: S. Morintz, Probleme privind originea tracilor în lumina cercetărilor arheologice. RI V, 30, 8, 1977, 1465-1488.
Morintz 1978: S. Morintz, Contribuţii arheologice la istoria tracilor timpuri (Bucureşti 1978), 215.
Morintz 1987: S. Morintz, Noi date şi probleme privind perioadele hallstattiană timpurie şi mijlocie în zona istropontică (Cercetările de la Babadag). TD VIII, nr. 1-2, 1987, 39-71.
Nestor et al. 1951: I. Nestor şi colab., Săpăturile de pe şantierul Valea Jijiei (Iaşi-Botoşani-Dorohoi) în anul 1950. SCIV II, 1,1951, 68-73.
Passek 1956: T.S. Passek, Raskopki na mnogosloinom poselenii u s. Golerkany na Dnestre v 1954 godu. In: Izvestiia MF AN SSSR, 4(31) (Kishinev 1956), 19-35 // Т.С. Пассек, Раскопки на многослойном поселении у с. Голерканы на Днестре в 1954 году. В сб.: Известия МФ АН СССР, 4(31) (Кишинев 1956), 19-35.
Petrescu-Dîmboviţa 1953: M. Petrescu-Dîmboviţa, Contribuţii la problema sfârşitului epocii bronzului şi începutul epocii fierului tn Moldova. SCIV IV, 3-4, 1953, 443-481.
Petrescu-Dîmboviţa 1953a: M. Petrescu-Dîmboviţa, Cercetări arheologice în aşezarea din prima epocă a fierului de la Tămăoani. SCIV 4, 1953, 3-4, 765-778.
Petresku-Dymbovitsa 1960: M. Petresku-Dymbovitsa, K voprosu o gal'shtatckoi kul'ture b Moldove. In: MIA Iu-Z SSSR i RNR (Kishinev 1960), 151-170 // М. Петреску-Дымбовица, К вопросу о гальштатской культуре в Молдове. В сб.: МИА Ю-З СССР и РНР (Кишинев 1960), 151-170.
Petresku-Dymbovitsa 1960a: M. Petresku-Dymbovitsa, Konets bronzovogo i nachalo rannezheleznogo veka v Moldove v svete poslednikh arkheologicheskikh raskopok. Dacia NS IV, 1960a, 139-159 // М. Петреску-Дымбовица, Конец бронзового и начало раннежелезного века в Молдове в свете последних археологических раскопок. Dacia NS IV, 1960a, 139-159.
Petrescu-Dîmboviţa 1964: M. Petrescu-Dîmboviţa, Date noi relative la descoperirile de obiecte de bronz de la sfârşitul epocii bronzului şi începutul Hallstattului din Moldova. AM II-III, 1964, 251-271.
Petrescu-Dîmboviţa 1977: M. Petrescu-Dîmboviţa, Quelques considérations concernant la fin de l'âge du Bronze et le début du Hallslatt dans l'espace carpato-balcanique. In: L'etnogenèse des peuples Balcaniques. Studia Balcanica 5 (Sofia 1977), 107-117.
Petrescu-Dîmboviţa 1983: M. Petrescu-Dîmboviţa, Depozitele de bronzuri din România, (Bucureşti 1977).
Petre-Govora 1983: Gh. Petre-Govora, Un orizont Hallstattian timpuriu în nord-estul Olteniei. TD IV, nr. 1-2 (Bucureşti 1983), 85-95.
Smirnova 1969: G.I. Smirnova, Poselenie Magala – pamiatnik drevnefrakiiskoi kul'tury v Prikarpat'e (vtoraia polovina XIII – seredina VII v. do. n.e.). Drevnie frakiitsy v Severnom Prichernomor'e. In: MIA 150 (Moskva 1969), 7-34 // Г.И. Смирнова, Поселение Магала – памятник древнефракийской культуры в Прикарпатье (вторая половина XIII – середина VII в. до н. э.). Древние фракийцы в Северном Причерноморье. В сб.: МИА 150 (Москва 1969), 7-34.
Smirnova 1976: G.I. Smirnova, Gavscko-goligradsckii krug pamiatnikov Vostochno-Karpatskogo basseina. ASGE 17, 1976, 18-34 // Г.И. Смирнова, Гавско-голиградский круг памятников Восточно-Карпатского бассейна. АСГЭ 17, 1976, 18-34.
Smirnova 1985: G.I. Smirnova, Osnovy khronologii predskifskikh pamiatnikov Iugo-Zapada SSSR. SA 4, 1985, 33-53 // Г.И. Смирнова, Основы хронологии предскифских памятников Юго-Запада СССР. СА 4, 1985, 33-53.
Smirnova 1989: G.I. Smirnova, Kul'turno-istoricheskie protsessy v Prikarpat'e v kontse II – pervoi polovine I tys. do. n.e. Po materialam Zapadno-Ukrainskoi ekspeditsii. In: Itogi rabot arkheologicheskikh ekcpeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha (Leningrad 1989), 19-32 // Г.И. Смирнова, Культурно-исторические процессы в Прикарпатье в конце II – первой половине I тыс. до н.э. По материалам Западно-Украинской экспедиции. В сб.: Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа (Ленинград 1989), 19-32.
Smirnova 1989: G.I. Smirnova, Pamiatniki tipa Kishinev-Korleten' v Dnestrovsko-Siretskom mezhdurech'e i gruppa Belegish v iugoslavskom Podunav'e // Г.И. Смирнова, Памятники типа Кишинев-Корлэтень в Днестровско-Сиретском междуречье и группа Белегиш в югославском Подунавье. АСГЭ 30, 1990, 20-33.
Terenozhkin 1961: A.I. Terenozhkin, Predskifskii period na Dneprovskom Pravoberezh'e (Kiev 1961) // А.И. Тереножкин, Предскифский период на Днепровском Правобережье (Киев 1961).
Terenozhkin 1965: A.I. Terenizhkin, Osnovy khronologii predskifskogo perioda. SA 1, 1965, 63-85 // А.И.

Тереножкин, Основы хронологии предскифского периода. CA 1, 1965, 63-85.
Uşurelu 2003: E. Uşurelu, Consideraţii cu privire la celturile de tip Coia-Saharna. In: Interferenţe cultural-cronologice în spaţiul nord-pontic (Chişinău 2003), 211-219.
Vanchugov 1983: V.P. Vanchugov, Baltskaia gruppa pamiatnikov epokhi pozdnei bronzy. In: Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (Kiev 1983), 88-101 // В.П. Ванчугов, Балтская группа памятников эпохи поздней бронзы. В сб.: Материалы по археологии Северного Причерноморья (Киев 1983), 88-101.
Vanchugov 1990: V.P. Vanchugov, Belozerskie pamiatniki v Severo-Zapadnom Prichernomor'e (Kiev 1990) // В.П. Ванчугов, Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье, (Киев 1990).

Oleg Leviţki, doctor habilitat în ştiinţe istorice, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AŞM, bd. Ştefan cel Mare 1, MD-2001, Chişinău, Republica Moldova, e-mail: levitkioleg_ipc@yaho.com

Ghenadie Sîrbu, cercetător ştiinţific, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AŞM, bd. Ştefan cel Mare 1, MD-2001, Chişinău, Republica Moldova, e-mail: ghena_ipc@yahoo.com

Livia Sîrbu, cercetător ştiinţific, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AŞM, bd. Ştefan cel Mare 1, MD-2001, Chişinău, Republica Moldova, e-mail: livermur@yahoo.com

Aurel Zanoci

Tipologia și evoluția zidurilor din piatră ale fortificațiilor hallstattiene târzii din spațiul tiso-nistrean[1]

Keywords: area of the Tisza and Dniester, Early Hallstatt, fortifications, stone wall.
Cuvinte cheie: spațiul tiso-nistrean, hallstatt timpuriu, fortificații, zid din piatră.
Ключевые слова: Тисо-Днестровское пространство, ранний Гальштат, укрепления, каменная стена.

Aurel Zanoci
Typology and evolution of stone walls of the Early Hallstatt fortresses in the area of the Tisza and Dniester

For the period of time between the second half of the 12th century BC and the beginning of the 8th century BC in the area of the Tisza and Dniester about 140 fortresses were attested. Most of them (121) are concentrated in the area of Gáva-Holihrady culture and the rest ones, less numerous, are known in the cultures of Vârtop, Chișinău-Corlăteni, Babadag, Cozia-Saharna, and Insula Banului. To fortify these cities different defensive elements were used, such as ditch, palisade, "wall" of wood and earth, stone "wall", etc. This article is devoted to the analysis and classification of stone walls, which had a narrower spread in the Early Hallstatt time. So far such defensive constructions were certified only in the area of cultures of Gáva-Holihrady (on 16 sites) and Vârtop (on 2 sites). Depending on the technique of building, stone walls can be divided into two types: **I** – with one casing (Bodoc „Vârful Comorii", Lesivka, Șeica Mică „Cetate", etc.); **II** – with two/three casings (Călinești Oaș „Dealul Hurca", Shelestovo „Tupcha", etc.). Similar stone walls belonging to the same period have been discovered in several fortifications in the neighboring regions, especially in the cultures of Kyjatice, Lausitzer, Urnenfeld, etc.

Aurel Zanoci
Tipologia și evoluția zidurilor din piatră ale fortificațiilor hallstattiene timpurii din spațiul tiso-nistrean

Pentru intervalul de timp cuprins între a doua jumătate a sec. XII a.Chr. și începutul sec. VIII a.Chr., în spațiul tiso-nistrean au fost documentate cca 140 fortificații. Majoritatea lor (121) sunt concentrate în arealul culturii Gáva-Holihrady restul, într-un număr mai mic, fiind cunoscute în culturile Vârtop, Chișinău-Corlăteni, Babadag, Cozia-Saharna și Insula Banului. Pentru fortificarea acestor cetăți au fost utilizate diferite elemente defensive, cum ar fi: șanțul, palisada, „zidul" din lemn și pământ, „zidul" din piatră etc. Articolul de față este consacrat analizei și clasificării zidurilor din piatră, care au avut o răspândire mai restrânsă în perioada hallstattiană timpurie. Deocamdată astfel de construcții defensive au fost atestate doar în arealele culturilor Gáva-Holihrady (la 15 situri) și Vârtop (la 2 situri). În funcție de tehnica de edificare, zidurile din piatră pot fi divizate în două tipuri: **I** – cu un singur parament (Bodoc „Vârful Comorii", Lesivka, Șeica Mică „Cetate" etc.); **II** – cu două/trei paramente (Călinești Oaș „Dealul Hurca", Shelestovo „Tupcha" etc.). Ziduri din piatră, similare celor din spațiul tiso-nistrean, în această perioadă au fost atestate la mai multe fortificații din regiunile limitrofe, mai ales, în culturile Kyjatice, Lausitzer, Urnenfeld etc.

Аурел Заноч
Типология и эволюция каменных стен раннегальштатских укреплений на Тисо-Днестровском пространстве

На Тисо-Днестровском пространстве зарегистрировано около 140 укреплений, относящихся к периоду времени между второй половиной XII и началом VIII века до н.э. Большинство из них (121) сконцентрировано в ареале культуры Гава-Голиграды, остальные, в меньшем количестве, известны в культурах Выртоп, Кишинэу-Корлэтень, Бабадаг, Козия-Сахарна и Инсула-Банулуй. Для укрепления этих крепостей использовались различные фортификационные элементы: ров, палисад, дерево-земляная стена, каменная стена и т.д. Данная статья посвящена анализу и классификации каменных стен, менее распространенных в раннегальштатский период. Пока такие оборонительные сооружения были отмечены только в ареалах культур Гава-Голиграды (на 16 памятниках) и Выртоп (на 2 памятниках). В зависимости от техники строительства, каменные стены можно отнести к двум типам: **I** – однорядные (Бодок «Вырфул Коморий», Лесивка, Шейка Микэ «Четате» и др.); **II** – двух-/трехрядные (Кэлинешть Оаш «Дялул Хурка», Шелестово «Тупча» и др.). Похожие каменные стены, относящиеся к этому же периоду, были обнаружены на нескольких укреплениях в соседних регионах, особенно в культурах Киятице, Лаузитцер, полей погребальных урн и др.

În intervalul de timp cuprins între a doua jumătate a sec. XII a.Chr. și începutul sec. VIII a.Chr., în spațiul dintre bazinele râurilor Tisa și Nistru s-au perindat un șir de culturi arheologice: *Gáva-Holihrady* (Mozsolics 1957; Smirnova 1974; Krushel'nitskaia, Maleev 1990; László

1. Articol realizat în cadrul Proiectului instituțional 15.817.06.20F *„Centre rezidențiale și așezări rurale din silvostepa pruto-nistreană în mileniul I a. Chr. - prima jumătate a mileniului I p.Chr."*

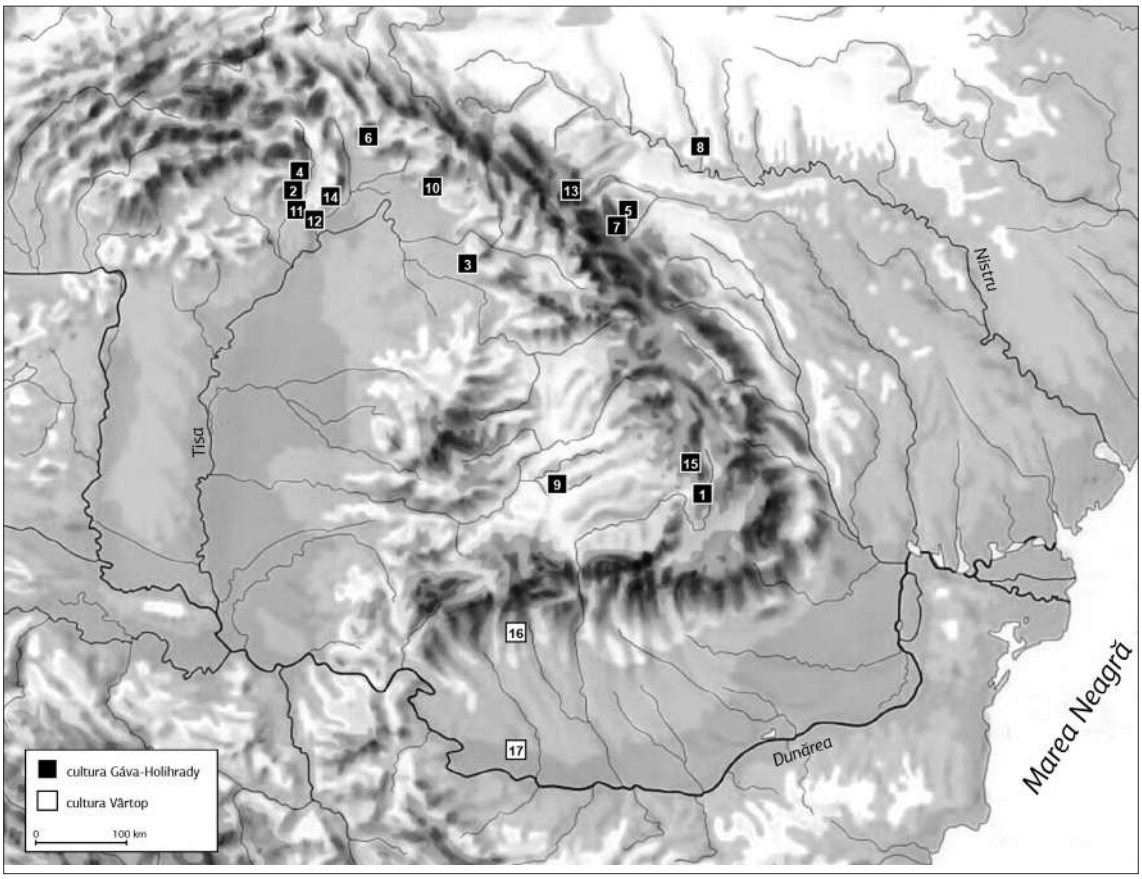


Fig. 1. Harta răspândirii fortificațiilor la care au fost atestate ziduri din piatră.
1. Bodoc „Vârful Comorii"; 2. Boldogkőváralja „Tó-hegy"; 3. Călinești Oaș „Dealul Hurca"; 4. Fony „Süllyedt Bán-hegy"; 5. Garbuziv; 6. Koňuš „Starý Koňuš"; 7. Lesivka; 8. Lisichniki; 9. Șeica Mică „Cetate"; 10. Shelestovo „Tupcha"; 11. Tállya „Mekecsvár"; 12. Tállya „Óvar"; 13. Tatariv; 14. Tolcsva „Várhegy"; 15. Tușnad „Vârful Cetății"; 16. Grădiștea „Cetatea Muierii"; 17. Portărești „Cetățuie".

Fig. 1. Map of spread of the fortifications where stone walls were attested.
1. Bodoc „Vârful Comorii"; 2. Boldogkőváralja „Tó-hegy"; 3. Călinești Oaș „Dealul Hurca"; 4. Fony „Süllyedt Bán-hegy"; 5. Garbuziv; 6. Koňuš „Starý Koňuš"; 7. Lesivka; 8. Lisichniki; 9. Șeica Mică „Cetate"; 10. Shelestovo „Tupcha"; 11. Tállya „Mekecsvár"; 12. Tállya „Óvar"; 13. Tatariv; 14. Tolcsva „Várhegy"; 15. Tușnad „Vârful Cetății"; 16. Grădiștea „Cetatea Muierii"; 17. Portărești „Cetățuie".

1994, 48-104; László 2010, 302-310; Bader 2012), *Chișinău-Corlăteni* (László 1994, 105-141; Levițki 1994a; László 2010, 316-318), *Vârtop* (Lazăr 2011, 48-62), *Tămăoani-Holercani-Hansca* (Hänsel 1976, 122 ș.u.; László 1986; Levițki 1994b), *Babadag* (Morintz 1964; Morintz 1987; Jugănaru 2005; Ailincăi 2013), *Cozia-Saharna* (Hänsel 1976, 134 ș.u.; László 1989; Kashuba 2000), *Insula Banului* (Morintz, Roman 1969) etc.

În arealele acestor culturi, cu excepția *Tămăoani-Holercani-Hansca*, au fost atestate cca 140 fortificații. Majoritatea lor (121) sunt concentrate în mediul cultural de tip Gáva-Holihrady (Horedt 1974; Demeterová 1983; Maleev 1988; Vasiliev 1995; Zanoci, Banaru 2010; Shcherbei 2010; Zavitii 2011; Bălan 2013). În celelalte grupuri cultural-cronologice numărul cetăților este cu mult mai mic. Astfel, pentru culturile Vârtop (Lazăr 2011, 224, 225, 230, 250) și Cozia-Saharna (Zanoci 2013) sunt cunoscute, actualmente, câte șase fortificații, pentru Babadag – cinci (Jugănaru 2005, 20-24; Ailincăi 2013, 226-228), pentru Chișinău-Corlăteni (Florescu, Florescu 1983a, 74-75) și Insula Banului (Nica 1990) – câte una.

Indiferent de apartenența culturală, s-a observat că cele mai multe fortificații hallstattiene

Nr.	Fortificația	Tip I	Tip II	Referințe bibliografice
1	**Bodoc „Vârful Comorii”**, jud. Covasna, România	+		Horedt 1974, 214, 221
2	**Boldogkőváralja „Tó-hegy”**, jud. Borsod-Abaúj-Zemplén, Ungaria		+?	Matuz, Nováki 2002, 7-8, Abb. 4
3	**Călinești Oaș „Dealul Hurca”**, jud. Satu Mare, România		+	Marta 2010, 10
4	**Fony „Süllyedt Bán-hegy”**, jud. Borsod-Abaúj-Zemplén, Ungaria		+?	Matuz, Nováki 2002, 7, Abb. 3
5	**Garbuziv**, reg. Ivano-Frankivsk, Ucraina		+	Zavitii 2011, 21
6	**Koňuš „Starý Koňuš”**, reg. Košice, Slovacia			Demeterová 1983, 34-35; Slivka, Vallašek 1991, 45
7	**Lesivka**, reg. Ivano-Frankivsk, Ucraina	+		Zavitii 2011, 21
8	**Lisichniki,** reg. Ternopol, Ucraina		+	Maleev 1988, 98, ryc. 5
9	**Șeica Mică „Cetate”**, jud. Sibiu, România	+		Horedt 1964, 191, fig. 3/III
10	**Shelestovo „Tupcha”**, reg. Transcarpatia, Ucraina		+	Balaguri 1972, 34-35, ris. 19
11	**Tállya „Mekecsvár”**, jud. Borsod-Abaúj-Zemplén, Ungaria		+?	Matuz, Nováki 2002, 8, Abb. 6
12	**Tállya „Óvar”**, jud. Borsod-Abaúj-Zemplén, Ungaria		+?	Matuz, Nováki 2002, 8, Abb. 5
13	**Tatariv**, reg. Ivano-Frankivsk, Ucraina	+		Zavitii 2011, 20-21
14	**Tolcsva „Várhegy”**, jud. Borsod-Abaúj-Zemplén, Ungaria		+?	Matuz, Nováki 2002, 8, Abb. 7
15	**Tușnad „Vârful Cetății”**, jud. Harghita, România		+	Horedt 1976, 399, Abb. 1/2
16	**Grădiștea „Cetatea Muierii”,** jud. Vâlcea, România		+	Marinescu, Munteanu 1984-1985, 129-133, fig. 1-3
17	**Portărești „Cetățuie”**, jud. Dolj, România		+	Tătulea 1982, 121-124, fig. 1-2

Tabelul 1. Tipologia zidurilor din piatră

timpurii au fost amenajate pe locuri apărate natural, greu accesibile și cu bune posibilități de supraveghere a spațiului înconjurător. Însă, pentru ca un sit de acest fel să devină inexpugnabil, nu sunt suficiente numai obstacolele naturale, fiind necesare și o serie de amenajări artificiale care, de fapt, joacă rolul primordial în edificarea unei cetăți.

În calitate de elemente defensive artificiale au fost utilizate, în cele mai frecvente cazuri, șanțul și așa-numitul val care, de fapt, reprezintă vestigiile unor construcții de tip „zid”.

Dintre aceste „ziduri” se evidențiază cele la a căror edificare a fost folosită masiv piatra, ceea ce ne-a permis, cu unele rezerve, să le considerăm drept ziduri din piatră. Acestea sunt cunoscute (fig. 1; Tabelul 1), mai ales, în mediul cultural Gáva-Holihrady (la 16 situri) și în cultura Vârtop din Oltenia (la 2 situri).

Gradul de cercetare a zidurilor din piatră este diferit. Unele din ele (11 – Bodoc „Vârful Comorii”, Călinești Oaș „Dealul Hurca”, Shelestovo „Tupcha”, Grădiștea „Cetatea Muierii” etc.) au fost investiga-

te arheologic. Altele sunt atestate doar ca urmare a cercetărilor de suprafață (Boldogkőváralja „Tóhegy", Koňuš „Starý Koňuš", Tállya „Mekecsvár" etc.). De regulă, ele sunt construite de la nivelul antic de călcare, după o nivelare prealabilă a terenului. Pentru edificarea lor este utilizată piatra neprelucrată, deopotrivă mai fiind folosit lemnul și pământul. Pornind de la informațiile cu privire la rezultatele secționării acestor construcții defensive, în funcție de tehnica de edificare, ele pot fi divizate în două tipuri: **I** – cu un singur parament; **II** – cu două/trei paramente.

Tipul I este reprezentat de construcții ce constau dintr-un zid sec din piatră, amplasat la exterior, dinspre inamic, susținut de pari din lemn, situați la o anumită distanță unul față de altul. În spatele acestuia era amenajată o rampă de acces din pământ bătătorit. Partea superioară a construcției continua cu o elevație de lemn, ce avea menirea să protejeze ostașii dislocați pe zid (fig. 2). Lățimea zidăriei din piatră este de 1-2 m și se păstrează, în unele cazuri, până la cca 1 m înălțime. Prezența lemnului în aceste construcții este documentată prin fragmentele de bârne carbonizate și urmele de arsură atestate printre pietre, precum și în stratul de sol din spatele lor. În spațiul tiso-nistrean astfel de construcții sunt cunoscute, deocamdată, doar în arealul culturii *Gáva-Holihrady* la: Bodoc „Vârful Comorii", Șeica Mică „Cetate", Tatariv, Lesivka (Zavitii 2011, 21) etc.

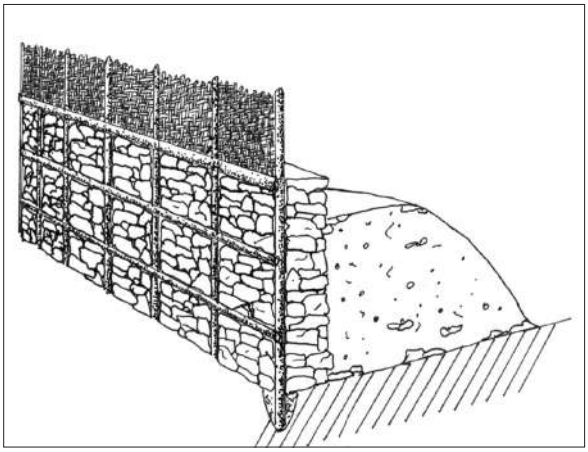


Fig. 2. Variantă de reconstituire a zidului cu un parament din piatră.

Fig. 2. Variant of reconstitution of a wall with stone facing.

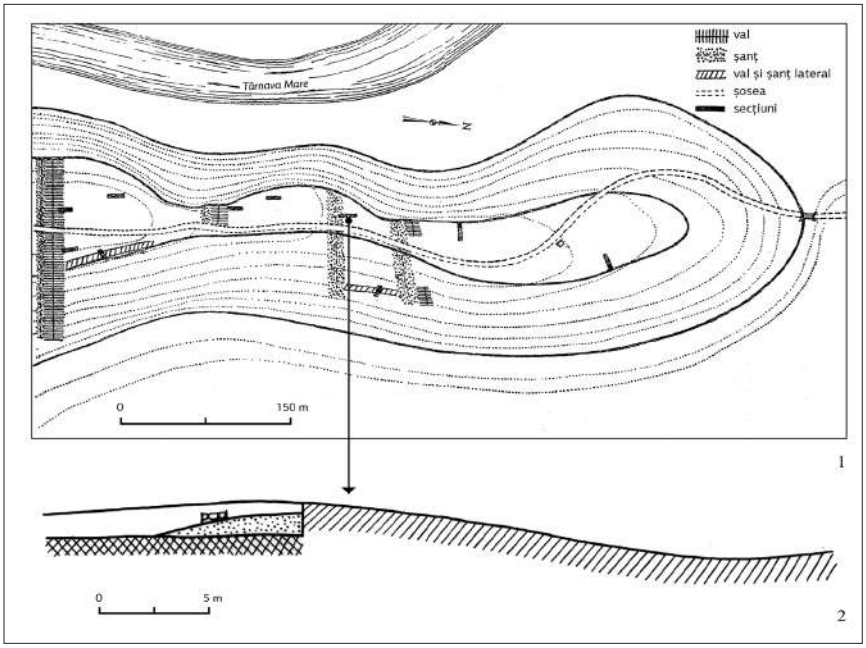


Fig. 3. Șeica Mică „Cetate". 1 - Planul cetății; 2 - secțiune prin zidul nr. 3 (după Horedt 1964, fig. 1,3).

Fig. 3. Șeica Mică „Cetate". 1 - Plan of the fortress; 2 - section of the wall no. 3 (after Horedt 1964, fig. 1,3).

De exemplu, la Șeica Mică „Cetate" (fig. 3) ca urmare a investigațiilor arheologice, efectuate la linia defensivă nr. 3, „s-au constatat resturile unui zid sec, lat de 1 m, de care se leagă spre interior urme de arsură" (Horedt 1964, 191, fig. 3/III). O situație similară a fost atestată și la fortificația Bodoc „Vârful Comorii", unde zidul sec, lat la bază de cca 2 m, a fost amplasat în partea exterioară a construcției defensive, iar urmele de arsură din preajmă denotă prezența unei elevații din lemn (Horedt 1974, 214, 221). La Tatariv zidul din piatră a avut lățimea de cca 1 m și s-a păstrat până la înălțimea de 0,7-1,0 m. El a fost construit din pietre nefasonate, fără mortar. La marginile exterioare și interioare ale zidului erau clădite pietre de dimensiuni mai mari, în mijloc fiind depuse pietre sfărmate (Zavitii 2011, 20-21).

Construcții defensive similare sunt cunoscute și la comunitățile contemporane (Urnenfelderzeit)

din Europa Centrală și din Balcani[1]. De exemplu, în arealul culturii Kyjatice un astfel de zid a fost cercetat la fortificația de la Felsőtárkány „Várhegy" (Matuz, Nováki 2002, 23, Abb. 51), în mediul Urnenfeld – la Svržno (Chytráček 2006-2007, 23, Abb. 13), Weltenburg-Arzberg (Rind 1999, 197-200, Abb. 44-46) și Großer Gleichberg (Bahn 1982, 75, 77, Abb. 2; Bahn 1994, 134; Abels 2002, 74, Abb. 33), în cultura Podol – la Plavecké Podhradie (Furmánek, Veliačik, Vladár 1999, 122, Abb. 60) și Rybník (Furmánek, Veliačik, Romsauer 1982, 163). Iar în Balcani (Munții Rodopi) un zid similar a fost atestat la cetatea Gela „Gradišče" (Damianov 2012, 29-30, obr. 4-5).

Tipul II îl reprezintă construcțiile alcătuite din două/trei paramente ridicate din pietre nefasonate, de regulă, fără mortar, spațiul dintre ele fiind umplut cu pământ sau cu pământ în amestec cu pietre mărunte. Lățimea paramentelor este cuprinsă între 0,5 și 1,1 m, iar distanța dintre ele – între 2-4 m. Construcția respectivă, pentru stabilitate, putea fi înglobată într-o carcasă de lemn, a cărei parte exterioară se supraînălța deasupra zidului, constituind așa-numita „palisadă" (fig. 4).

În spațiul tiso-nistrean astfel de ziduri au fost cercetate în arealul culturii *Gáva-Holihrady* – Călinești Oaș „Dealul Hurca" (Marta 2010, 10), Tușnad „Vârful Cetății" (Horedt 1976, 399, Abb. 1/2), Garbuziv (Zavitii 2011, 21), Lisichniki (Maleev 1988, 98, ris. 5), Shelestovo „Tupcha" (Balaguri 1972, 35, ris. 19) etc., precum și la fortificațiile hallstattiene timpurii din Oltenia – Grădiștea „Cetatea Muierii" (Marinescu, Munteanu 1984-1985, 129-133, fig. 1-3) și Portărești „Cetățuie" (Tătulea 1982, 121-124, fig. 1-2).

De exemplu, la Călinești Oaș „Dealul Hurca" construcția defensivă consta din două „ziduri seci"[2] cu lățimea de 0,6-1,1 m, amplasate la o distanță ce variază de la 2 la 4 m. Spațiul dintre ele era umplut cu pământ și pietre mărunte. La exterior, în fața zidului, au fost surprinse gropi de la pari (diametrul – 0,35-0,40 m), care nu sunt amplasate continuu, dar la distanțe variabile una față de alta. Aceasta a permis autorului săpăturilor să presupună existența unei elevații din bârne din lemn, îngropate la o anumita distanță una față de alta și care aveau menirea

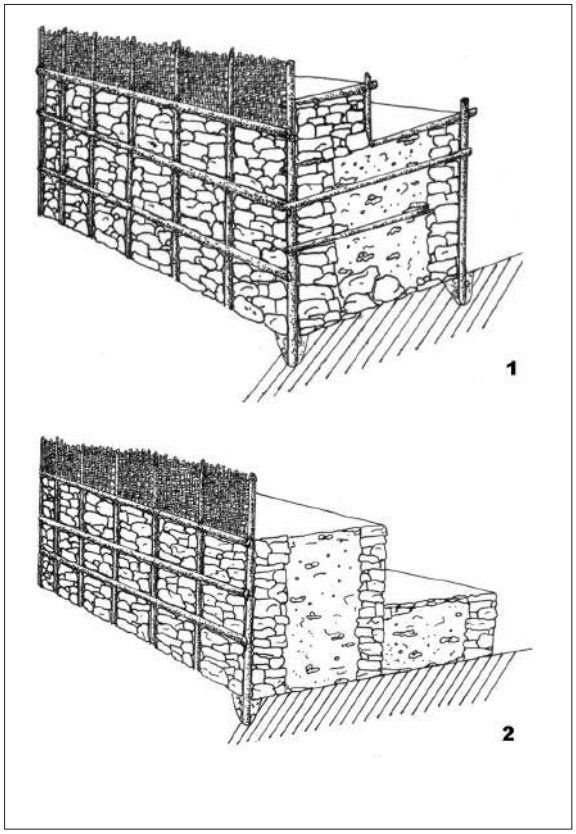


Fig. 4. Variante de reconstituire a zidurilor: 1 - cu două paramente; 2 - cu trei paramente.

Fig. 4. Variants of reconstitution of the walls: 1 - with two casings; 2 - with three casing.

de a susține zidul din piatră (Marta 2010, 10). O construcție defensivă similară (fig. 5), ce consta din două paramente din piatră, aflate la o distanță de cca 2 m unul față de altul, a fost utilizată și pentru apărarea fortificației de la Tușnad „Vârful Cetății" (Horedt 1976, 399, Abb. 1,2).

La Shelestovo „Tupcha" (fig. 6) zidul a avut trei paramente, clădite din piatră fără mortar. Primul, dinspre așezare, păstrat până la înălțimea de 0,60-0,65 m, avea lățimea de cca 1 m. Cel de-al doilea se afla la distanța de cca 2 m și avea lățimea de 0,6 m (înălțimea păstrată – 0,65 m). Al treilea parament a fost ridicat, la fel, la distanța de 2 m față de cel precedent și avea lățimea de 0,6 m (înălțimea păstrată – 1,0 m). Spațiul dintre paramente era umplut cu sol și pietre mărunte. La adâncimea de 0,8 m de la nivelul actual de călcare, în dărâmătura zidului a fost descoperită o lentilă de cenușă și fragmente de lemn carbonizat. Solul din jurul acestei lentile este ars. „Aglomerația" a fost interpretată de către E. Balaguri drept urmele

1. În afara spațiului tiso-nistrean zidurile de acest tip sunt datate, începând cu HaA – Weltenburg-Arzberg (Rind 1999, 211) și până la sfârșit de HaB – Großer Gleichberg (Bahn 1994, 139).

2. Zidurile s-au păstrat până la înălțimea de cca 0,2-0,4 m.

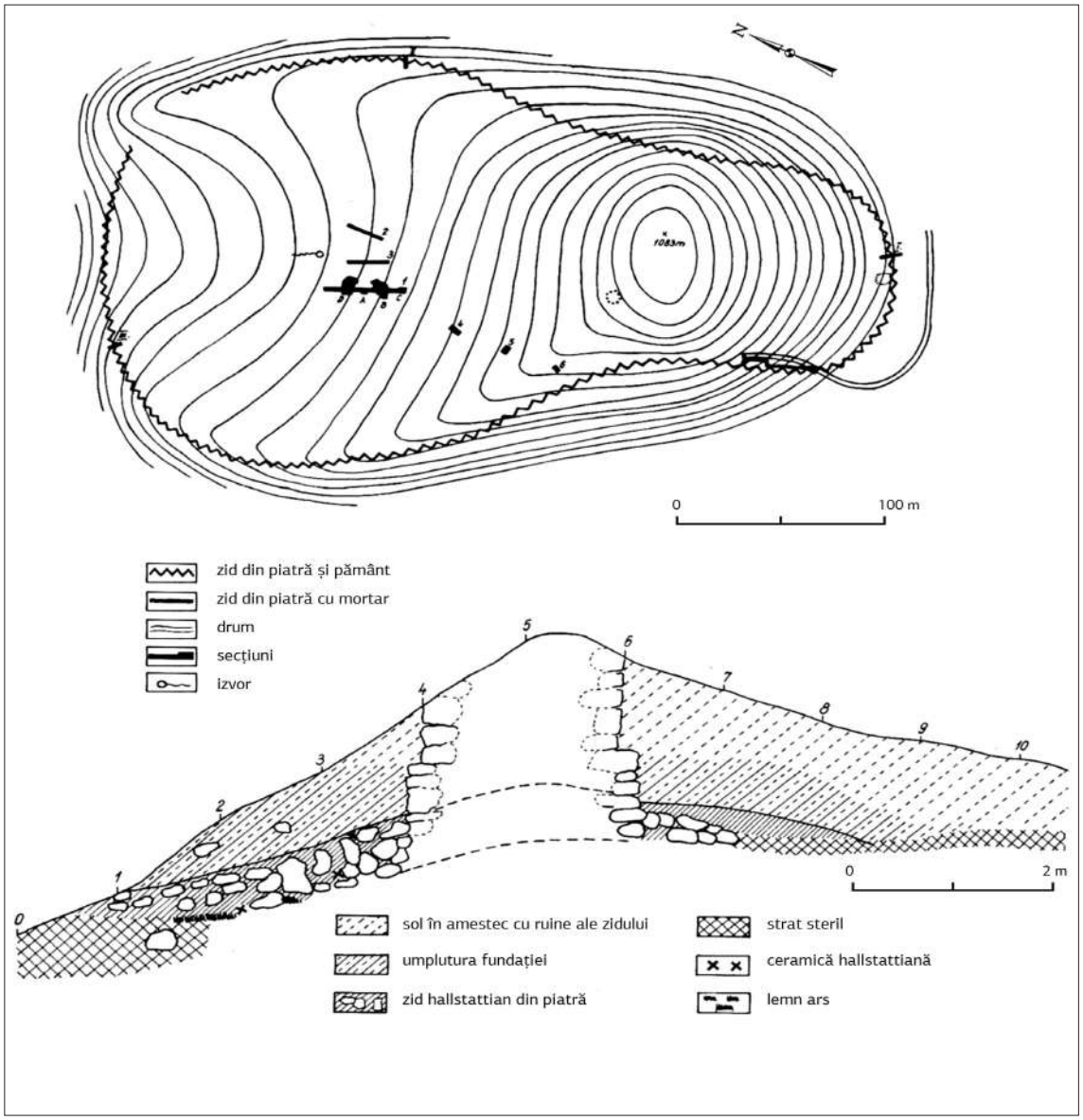


Fig. 5. Tușnad „Vârful Cetății". 1 - Planul cetății; 2 - secțiune prin zidul de incintă (după Horedt 1976, Abb. 1).

Fig. 5. Tușnad „Vârful Cetății". 1 - Plan of the fortress; 2 - section of the wall (after Horedt 1976, Abb. 1).

unui rug care a ars în timpul construcției zidului (Balaguri 1972, 34-35, ris. 19). Din punctul nostru de vedere, cenușa, lemnul carbonizat și arsura rezultă de la arderea unei elevații din lemn, care a intrat în structura zidului. De asemenea, presupunem că paramentul interior a fost mai jos decât celelalte două, poate chiar până la înălțimea păstrată (0,60-0,65 m) și avea misiunea de susținere a unei rampe de acces pe zid. Astfel, zidul propriu-zis consta din două paramente și putea atinge o lățime de cca 3,2 m[3].

Trei paramente din piatră sunt atestate și în structura „valului" de la Portărești „Cetățuie" (fig. 7). Primele două, dinspre exterior, au fost ridicate din bolovani masivi de gresie și aveau lățimea de cca 0,6 m, iar distanța dintre ele era de 1,00-1,25 m. Cel de-al treilea se afla la o depărtare de cca 3 m de cel anterior și avea lățimea de cca 1,8-2,0 m. Spațiul dintre paramente a fost tasat cu sol argilos cu concrețiuni calcaroase. Urmele de „chirpic", precum și arsura atestată în spatele „valului" (a se vedea Tătulea 1982, fig. 2 și 3), indică, din punctul nostru de vedere, prezența unei elevații din lemn în structura zidului. Ca și în cazul

3. Lățimea este calculată pornind de la grosimea paramentelor de 0,6 m, la care se adaugă distanța dintre ele de 2 m.

fortificației de la Shelestovo „Tupcha", cel de-al treilea parament a avut doar misiunea de a susține o rampă de acces pe zid[4]. Astfel, pornind de la dimensiunile expuse, se poate estima lățimea zidului propriu-zis la cca 2,20-2,45 m.

Zidul de la Grădiștea „Cetatea Muierii" (fig. 8) a fost construit după același principiu – două paramente cu emplecton între ele, însă se deosebește după tehnologia utilizată. Aici, la margini, au fost ridicate, din pietre de gresie legate cu lut[5], două paramente cu grosimea de 0,3-0,4 m, amplasate la o depărtare de cca 3,5 m unul față de altul. În spatele paramentelor, la interior[6] a fost documentată o construcție casetată din lemn, ce consta din bârne verticale și orizontale, care a fost umplută cu lut bătătorit (Marinescu, Munteanu 1984-1985, 129-133, fig. 1-3).

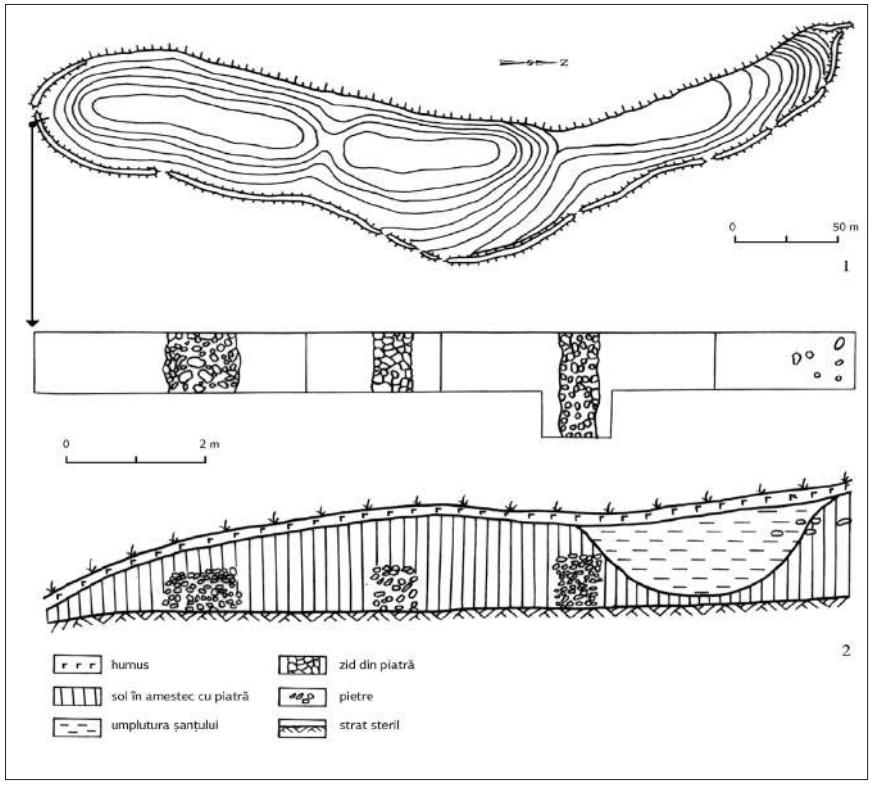


Fig. 6. Shelestovo „Tupcha". 1 - Planul cetății; 2 - secțiune prin zidul de incintă (desene după Balaguri 1972, ris. 2 și 19).

Fig. 6. Shelestovo „Tupcha". 1 - Plan of the fortress; 2 - section of the wall (drawings after Balaguri 1972, ris. 2 and 19).

După locul de amplasare, precum și după dimensiuni se deosebește de restul construcțiilor defensive din perioada hallstattiană și zidul de la Lisichniki (fig. 9). Acesta nu reprezintă un zid de incintă, ca în restul cazurilor, ci a fost utilizat pentru protejarea intrării în fortificație. El a fost construit din blocuri masive de piatră, fără liant, care constituiau două paramente cu lățimea de cca 2 m fiecare. Spațiul dintre ele, de cca 4 m, a fost umplut cu lut bătătorit. Astfel, lățimea totală a zidului a fost estimată la circa 8 m (Maleev 1988, 98, ryc. 5).

Ziduri din piatră cu două paramente și emplecton sunt documentate în această perioadă și în arealul unor culturi din Europa Centrală[7]. De exemplu, în mediul cultural Kyjatice astfel de ziduri au fost cercetate la Kemence „Godóvár" (Matuz, Nováki 2002, 21, Abb. 44-45), Detva (Šalkovský 2001, 41, 43, obr. 3) etc. Destul de frecvent ele sunt întâlnite și în cultura Lausitzer, cum ar fi la: Löbau „Schafberg" (Coblenz 1966, 95; Herrmann 1969, 66, 88, Abb. 8; Abels 2002, 74), Pfaffenstein (Coblenz 1964, 70-76, Abb. 4, 5, Tafel 9-12; Herrmann 1969, 66, 89), Letanovce (Miroššayová 1999, 135, obr. 10, tab. III), Turík (Veliačik 1983a, 109-110, obr. 1/4-6) etc. De asemenea, ziduri din piatră cu două paramente și cu elevație din lemn au fost atestate și la unele fortificații ale culturii Urnenfeld, cum ar fi: Heunischenburg (faza III) (Abels 2002, 20-21, Abb. 10), Plešivec (Křivánek, Kuna, Korený 2006, 329-343; Alusik 2012, 14), Hesselberg (Berger 1994, 60-61, Abb. 6), Bullenheimer Berg (faza 5)[8] (Diemer 1995, 33-36, Abb. 8) etc.

4. C.M. Tătulea considera că el „constituia un parapet ce împiedica alunecarea stratului de pământ (din val – n.n.) spre interior (Tătulea 1982, 124).

5. La restul zidurilor din această perioadă liantul lipsește.

6. La restul zidurilor elevația din lemn este atestată în fața paramentelor din piatră.

7. Pentru acest interval de timp (Urnenfelderzeit) cele mai „vechi" ziduri cu două paramente sunt atestate în arealul culturii Urnenfeld – Hesselberg (Berger 1994, 61), începând cu perioada BrD.

8. G. Diemer datează zidul în perioada medievală (Diemer 1995, 33). În urma cercetărilor recente a fost emisă ipoteza că această construcție defensivă a funcționat în perioada HaB (Falkenstein et al. 2011, 28, 29, 33, 39; Ostermeier 2012, 94-95).

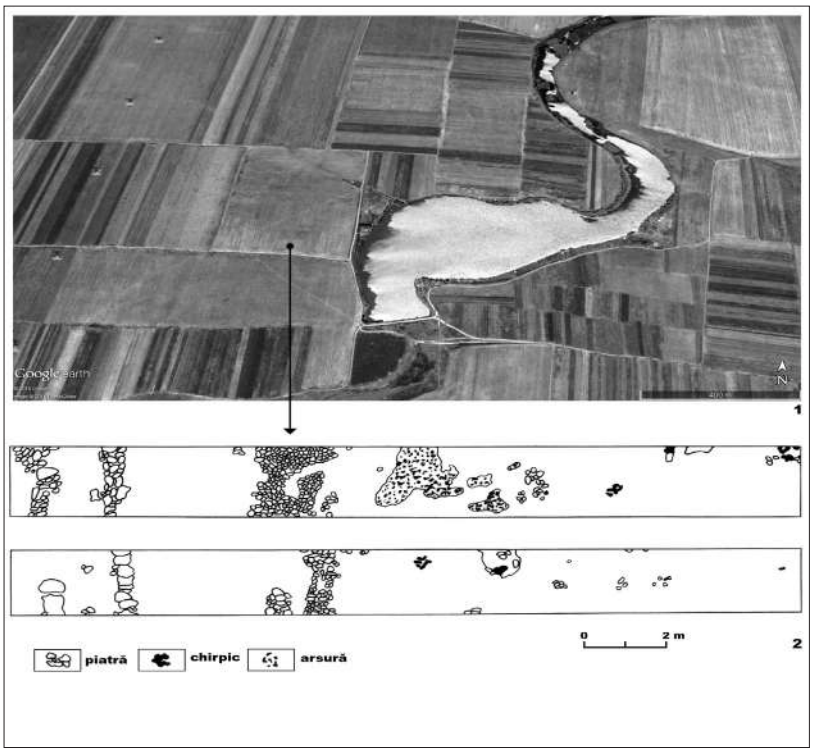


Fig. 7. Portărești „Cetățuie". 1 - Ortofotoplanul cetății (după Google earth); 2 - secțiune prin zidul de incintă (desen după Tătulea 1982, fig. 2).

Fig. 7. Portărești „Cetățuie". 1 - Orthophotomap of the fortress (after Google earth); 2 - section of the wall (drawing after Tătulea 1982, fig. 2).

Pentru prima dată în spațiul dintre Tisa și Nistru ziduri din piatră sunt atestate la sfârșitul epocii eneolitice – epoca bronzului. Printre primele fortificații la care pentru edificarea construcțiilor defensive a fost utilizată masiv piatra se remarcă situl de la Trinca-*La Șanț*, atribuit monumentelor de tip Brânzeni (eneoliticul final). Aici, la baza „valului" a fost atestat un zid din pietre de calcar, cu lățimea de cca 2,5-3,0 m și înălțimea de cca 1 m, flancat din ambele părți, la o distanță de cca 0,8 m de șiruri longitudinale, formate din bolovani pe pietre de calcar (Levițki et al. 2013, 146, 158, fig. 2-4). În epoca bronzului un zid din piatră este menționat în arealul culturii Monteoru la Mănăstioara Fitionești. El avea lățimea de 2,5 m, păstrându-se pe alocuri până la înălțimea de 1,1 m. Zidul a fost construit din bolovani din piatră lipiți cu mortar din lut galben nisipos. Spațiul dintre paramente era umplut cu pietre mai mici și lut (Florescu, Florescu 1983b, 128-130, fig. 3; Florescu 1985, 9-16).

Ziduri din piatră sunt semnalate și în arealul culturii Wietenberg, la Sighișoara (Bader 1990, 182), Turia (Székely 1988, 157), Lemnia (Bader 1982, 182) și Lutoasa (Boroffka 1994, 101)[9]. Pentru cultura Otomani, pe teritoriul României nu au fost atestate fortificații cu ziduri din piatră. În schimb, ele sunt cunoscute în arealul acestei culturi pe teritoriul Slovaciei. Un sit etalon, utilizat arhifrecvent drept exemplu de către majoritatea cercetătorilor (Jockenhövel 1990, 215, Abb. 3; Furmánek, Veliačik, Vladár 1991, 184, obr. 27, 29; Gogâltan 2008, 85, pl. 6; Ettel 2010, 354-355, Abb. 3; Gogâltan 2011, 19, fig. 7; etc.) este cel de la Spišský Štvrtok (Vladár 1973, 253-375; Vladár 1975a, 3-20; Vladár 1975b, 92-98), unde a fost cercetat un zid, cu trei paramente clădite din piatră neprelucrată, fără mortar.

Ziduri din piatră sunt cunoscute în această perioadă (BrA-C) și pe teritoriul Bavariei (Germania) – Bogenberg (faza Ia) (Putz 2006-2007, 68, Abb. 4), Mörnsheim (Menke 1983, 370), precum și al Bohemiei – Vrcovice (Fröhlich 1997, 216-218), Všemyslice (Beneš, Michálek, Zavřel 1999, 77-78, 142, 206), Skalka (Hrala, Šumberová, Vávra 2000) etc. La construcția zidurilor din piatră din epoca bronzului, atât de pe teritoriul României (Bader 1990, 182-183, Abb. 23), cât și a celor din Europa Centrală (Vladár 1975b, 92-98; Jockenhövel 1990, 215; Furmánek, Veliačik, Vladár 1999, 120) este presupusă o puternică influență egeeană. Pentru fortificația de la Spišský Štvrtok fiind utilizat uneori și calificativul de „Micene slovac" (Furmánek 2004, 69-70).

Influența egeeană este admisă și pentru unele fortificații cu ziduri din piatră din perioada hallstattiană (Urnenfelderzeit) din Europa Centrală (Čtverák et al. 2003, 232-235, 272-278). Recent, cercetătorul T. Alusik, în urma studierii compa-

9. Existența zidurilor de piatră la fortificațiile Wietenberg este contestată de mai mulți cercetători. De exemplu, construcția defensivă de la Sighișoara a fost considerată de către K. Horedt că ar fi fost edificată de daci (Horedt, Seraphin 1971, 7, 37). Dacilor le sunt atribuite și zidurile din piatră de la Turia, Lemnia și Lutoasa (Bejinariu 2004, 79).

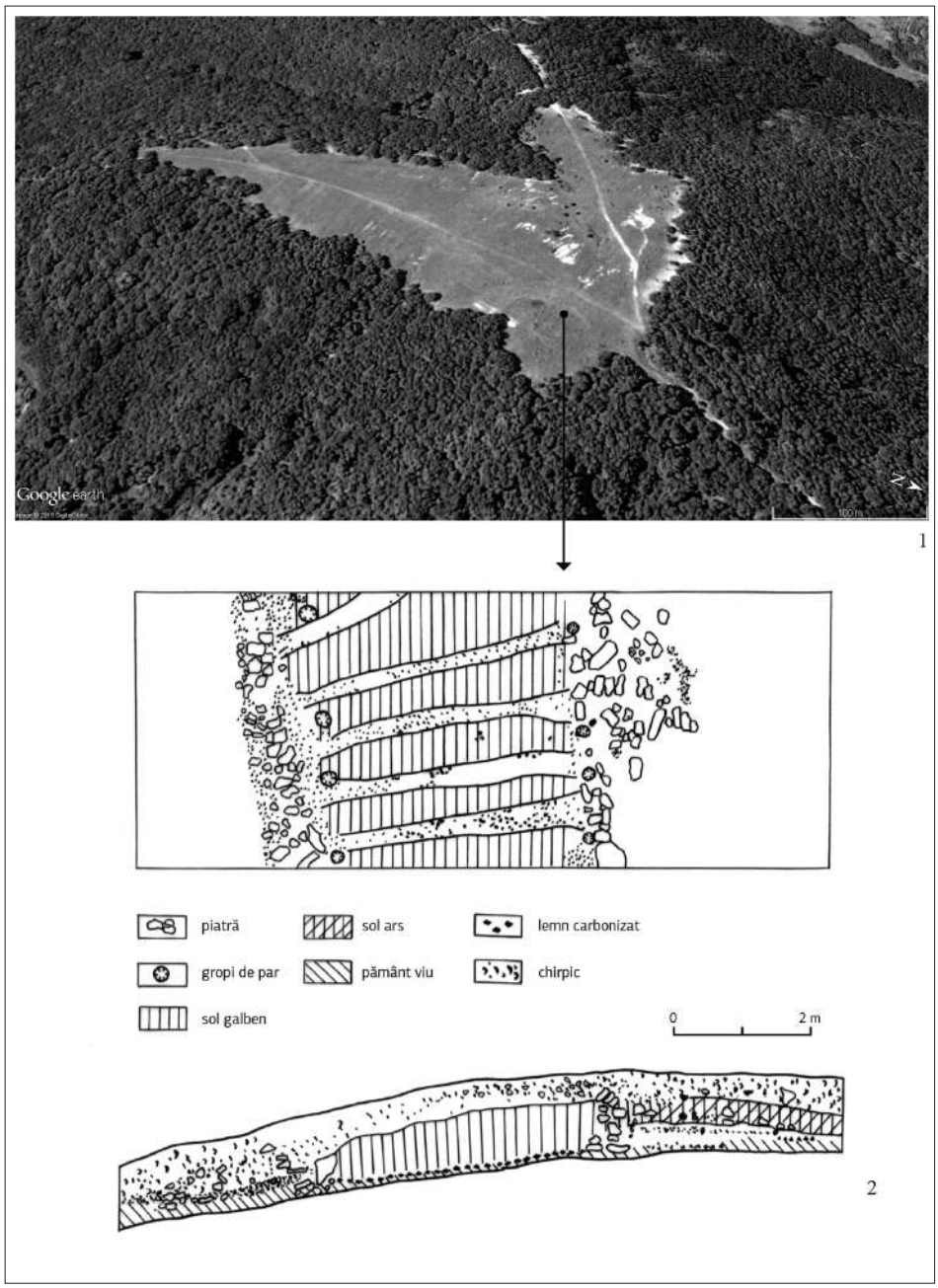


Fig. 8. Grădiștea „Cetatea Muierii". 1 - Ortofotoplanul cetății (după Google earth); 2 - secțiune prin zidul de incintă (desen după Marinescu, Munteanu 1984-1985, fig. 2 și 3).

Fig. 8. Grădiștea „Cetatea Muierii". 1 - Orthophotomap of the fortress (after Google earth); 2 - section of the wall (drawing after Marinescu, Munteanu 1984-1985, fig. 2 and 3).

rative a zidurilor din piatră din epoca bronzului din Europa Centrală și a celor din lumea egeeană, demonstrează prezența unui decalaj cronologic dintre acestea, precum și utilizarea diferitor tehnici de construcție a zidurilor. Astfel, fortificațiile cu ziduri din piatră din Europa Centrală sunt încadrate în intervalul de timp de la 1800/1750 și 1550/1500 a.Chr., iar cele din perioada Urnenfeld apar la sfârșitul mil. II – începutul mil. I a.Chr. Pe când construcțiile defensive ale orașelor miceniene sunt plasate cu cca 100 ani post abandonarea cetăților cu ziduri de piatră din Europa Centrală și cu cca 100 de ani înaintea celor din perioada hallstattiană. Diferită este și tehnica de construcție.

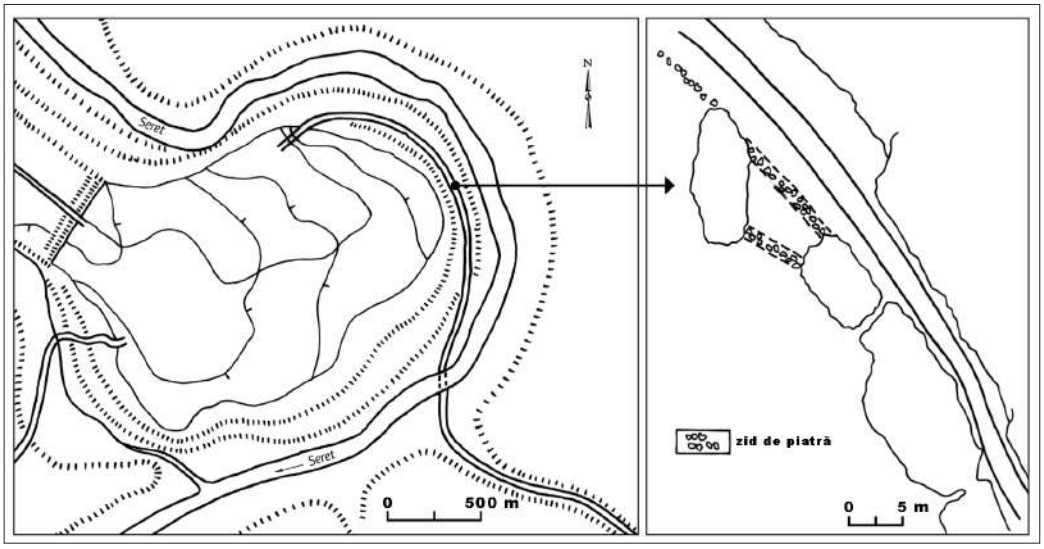


Fig. 9. Lisichniki. 1 - Planul cetății; 2 - zidul din piatră (după Maleev 1988, ryc. 1 și 5).

Fig. 9. Lisichniki. 1 - Plan of the fortress; 2 - stone wall (after Maleev 1988, ryc. 1 and 5).

Pentru edificarea zidurilor din spațiul egeean, de regulă, sunt utilizate blocurile masive din piatră, ele căpătând și denumirea de ziduri „ciclopice". Pe când cele din Europa sunt mult mai modeste ca proporții și au fost construite din pietre nefasonate etc. (Alusik 2012, 11-25).

În urma cartării fortificațiilor hallstattiene din spațiul tiso-nistrean, pentru a căror apărare au fost utilizate zidurile din piatră, indiferent de tipul lor, s-a observat că majoritatea (Boldogkőváralja „Tó-hegy", Fony „Süllyedt Bán-hegy", Koňuš „Starý Koňuš", Călinești Oaș „Dealul Hurca", Šelestovo „Tupča" etc.) sunt răspândite pe linia lanțului vulcanic din partea vestică a Carpaților Nordici și Orientali. Tuful vulcanic, fiind ușor de extras, a facilitat, conform opiniei lui L. Marta (2010, 10), construirea unor valuri cu structură din piatră, deosebit de lungi (1-2 km), care uneori cuprindeau întregul perimetru al fortificațiilor.

Deopotrivă cu regiunile montane cetățile cu ziduri din piatră sunt atestate și în zonele de podiș din spațiul est-carpatic, unde a fost utilizată cu preponderență piatra de calcar (Lisichniki, Bogit), precum și cel sud-carpatic (Grădiștea „Cetatea Muierii", Portărești „Cetățuie"), unde a fost folosită piatra de gresie. Astfel, se poate constata că în procesul de edificare a fortificațiilor hallstattiene nu existau preferințe pentru un anumit tip de piatră și de fiecare dată utilizau acea materie primă pe care o aveau la îndemână.

După cum deja a fost menționat, folosirea pietrei la construcția cetăților are în spațiul tiso-nistrean o tradiție mult mai veche și nu poate fi legată de fiecare dată de influențele mediteraneene. Vorbind despre influențe, le-am putea admite mai degrabă pe cele central-europene (Bavaria, Bohemia), unde fortificațiile cu ziduri din piatră, similare celor din spațiul tiso-nistrean, au o datare mai timpurie – începând cu BrD (Berger 1994, 61).

Bibliografie

Abels 2002: B.-U. Abels, Höhenbefestigungen der Bronze- und Urnenfelderzeit. Die Heunischenburg bei Kronach eine späturnenfelderzeitliche Befestigung (Universitätverlag Regensburg 2002).

Ailincăi 2013a: S.C. Ailincăi, Începuturile epocii fierului în Dobrogea. SCIVA 64, 3-4, 2013, 223-292.

Alusik 2012: T. Alusik, Aegean Elements and Influences in Central European Bronze Age. Defensive Architecture: Fact or Fiction? Local or Imported? In: (Eds. M. Jaeger, J. Czebreszuk, K.P. Fischl) Enclosed Space – Open Society. Contact and Exchange in the Context of Bronze Age Fortified Settlements in Central Europe. Studien zur Archäologie in Ostmitteleuropa, Band 9 (Poznań-Bonn 2012), 11-25.

Bader 1982: T. Bader, Die befestigten bronzezeitlichen Siedlungen in Nordwestrumänien. In: Beiträge zum bronzezeitlichen Burgenbau im Mitteleuropa (Berlin-Nitra 1982), 47-70.
Bader 1990: T. Bader, Bemerkungen über die ägäischen Einflüsse auf die alt- und mittelbronzezeitliche Entwicklung im Donau-Karpatenraum. In: Orientalisch-ägäische Einflüsse in der Europäischen Bronzezeit. Ergebnisse eines Kolloquiums (Bonn 1990), 181-205.
Bader 2012: T. Bader, Bemerkungen über die Gáva Kultur. Geschichte und Stand der Forschung. Ein Überblick. Satu Mare. Studii şi comunicări XXVIII/1, 2012, 7-22.
Bahn 1982: B.W. Bahn, Urnenfelderzeitliche Wallanlage auf dem Großen Gleichberg bei Römhild, Kr. Meiningen. In: (Hrsg. B. Chropovský, J. Herrmann), Beiträge zum bronzezeitlichen Burgenbau in Mitteleuropa (Berlin-Nitra 1982), 71-79.
Balaguri 1972: E.A. Balaguri, Shelestivs'ke gorodishche - pam'iatka naselennia rann'ozalinoi dobi Zakarpattia. In: Doslidjennia starodavn'oi istorii Zakarpattia (Ujgorod 1972), 6-75 // Е.А. Балагурі, Шелестівське городище - пам'ятка населення ранньозалізної доби Закарпаття. В сб.: Дослідження стародавньої історії Закарпаття (Ужгород 1972), 6-75.
Bălan 2013: G. Bălan, Aşezările fortificate din aria culturii Gáva din România. In: (Eds. Ailincăi, S-C., Ţârlea, A., Micu, C.) Din preistoria Dunării de Jos. 50 de ani de la începutul cercetărilor arheologice la Babadag (1962-2012) (Actele conferinţei „Lower Danube Prehistory. 50 years of excavations at Babadag", Tulcea, 20-22 septembrie 2012) (Brăila 2013), 265-310.
Bejinariu 2004: I. Bejinariu, About the fortified settlements within the area of the Wietenberg culture. In: (Eds. I. Niculiţă, A. Zanoci, M. Băţ), Thracian and Circumpontic World. Proccedings of the Ninth International Congress of Thracology, Chişinău-Vadul lui Vodă, 6-11 september 2004, I (Chişinău 2004), 77-90.
Beneš, Michálek, Zavřel 1999: A. Beneš, J. Michálek, P. Zavřel, Archeologické nemovité památky okresu Ceské Budějovice (Praha 1999).
Berger 1994: A. Berger, Der Hesselberg. Funde und Ausgrabungen bis 1985 (Kallmünz/Opf. 1994).
Böhme, Friedrich, Schock-Werner 2004: H.W. Böhme, R. Friedrich, B. Schock-Werner, Wörterbuch der Burgen, Schlösser und Festungen (Stuttgart: Philipp Reclam 2004).
Boroffka 1994: N.G.O. Boroffka, Die Wietenberg-Kultur. Ein Beitrag zur Erforschung der Bronzezeit in Südosteuropa. Teil I-II (Bonn 1994).
Chytráček 2006-2007: M. Chytráček, Die Höhensiedlungen der Bronze- und Urnenfelderzeit an der oberen Radbuza in Westböhmen. Bericht der Bayerichen Bodendenkmalpflege 47-48, 2006-2007, 15-31.
Coblenz 1964: W. Coblenz, Der Wall am Pfaffenstein in der Sächsischen Schweiz. In: (Hrsg. P. Grimm) Varia Archaeologica. Wilhelm Unverzagt zum 70. Geburtstag dargebracht (Berlin 1964), 70-76.
Coblenz 1966: W. Coblenz, Die befestigte Siedlung der Lausitzer Kultur au dem Schafberg bei Löbau. Arbeits- und Forschungsberichte zur sächsischen Bodendenkmalpflege 14/15, 1966, 95-132.
Coblenz 1989: W. Coblenz, Befestigte Siedlungen der Sächsisch-Lausitzischen Gruppe als Zentren von Siedlungskammern. Mit Bemerkungen zu ihrer wirtschaftlichen un gesellschaftlichen Rolle. In: Studia nad grodami epoki brazu i wczesnej epoki zelaza w Europie Srodkowej (Wroclaw 1989), 139-151.
Čtverák et all. 2003: V. Čtverák, M. Lutovský, M. Slabina, L. Smejtek, Encyklopedie hradiš v Cechách (Praha 2003).
Damianov 2012: D. Damianov, Trakiiskata krepost „Gradishche" pri selo Gela Smolianska oblast. Thracica XX, 2012, 27-48 // Д. Дамянов, Тракийската крепост «Градище» при село Гела Смолянска област. Thracica XX, 2012, 27-48.
Demeterová 1983: S. Demeterová, Hradiská kultúry Suciu de Sus a Gava. Archeologické rozhledy 35, 1983, 33-38.
Diemer 1995: G. Diemer, Der Bullenheimer Berg und seine Stellung im Siedlungsgefüge der Urnenfelderkultur Mainfrankens (Kallmünz/Opf. 1995).
Ettel 2010: P. Ettel, Die frühbronzezeitlichen Höhensiedlunghen in Mitteldeutschland und Mitteleuropa – Stand der Forschung. In: Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle, Band 5 (Halle 2010), 351-374.
Falkenstein et all. 2011: F. Falkenstein, Th. Link, H. Peter-Röcher, M. Schußmann, Neue Forschungen auf dem Bullenheimer Berg. In: (Hrsg. M. Hoppe) Beiträge zur Archäologie in Unterfranken, 7 (Büchenbach 2011) 27-50, 161-166.
Florescu, Florescu 1983a: A. Florescu, M. Florescu, Aspecte ale civilizaţiei geto-dacice în zona de curbură a Carpaţilor Răsăriteni. Studia Antiqua et archaeologica I, 1983, 72-93.
Florescu, Florescu 1983b: M. Florescu, A.C. Florescu, Observaţii recente cu privire la sistemul de fortificaţie al staţiunii de la Mănăstioara-Fitioneşti (jud. Vrancea). MCA XV, 1983, 124-130.
Florescu 1985: M. Florescu, Câteva date referitoare la cunoaşterea sistemului de fortificaţie a aşezărilor Monteoru din Moldova. ArhMold X, 1985, 7-29.
Fröhlich 1997: J. Fröhlich, Písecko v zrcadle archeologie (Písek 1997).

Furmánek 2004: V. Furmánek, Zlatý vek v Karpatoch: keramika a kov doby bronzovej na Slovensku (2300-800 pred n.l.) (Nitra 2004).
Furmánek, Veliačik, Romsauer 1982: V. Furmánek, L. Veliačik, P. Romsauer, Jungbronzezeitliche befestigte Siedlungen in der Slowakei. In: Beiträge zum bronzezeitlichen Burgenbau im Mitteleuropa (Berlin-Nitra 1982), 159-175.
Furmánek, Veliačik, Vladár 1991: V. Furmánek, L. Veliačik, J. Vladár, Slovensko v dobe bronzovej (Bratislava 1991).
Furmánek, Veliačik, Vladár 1999: V. Furmánek, L. Veliačik, J. Vladár, Die Bronzezeit im Slowakischen Raum. In: Prähistorische Archäologie in Südosteuropa, Band 15 (Rahden Westf. 1999).
Gogâltan 2008: Fl. Gogâltan, Fortificațiile tell-urilor epocii bronzului din Bazinul Carpatic. O privire generală. Analele Banatului s.n. Arheologie-Istorie XVI, 2008, 81-100.
Gogâltan 2011: F. Gogâltan, Funcția economică și socială a tell-urilor epocii bronzului din bazinul carpatic. II. Tell-urile și procesul de urbanizare. Crisia 41, 2011, 9-34.
Hänsel 1976: B. Hänsel, Beiträge zur regionalen und chronologischen Gliederung der älteren Hallstattzeit an der unteren Donau. Beitr. Ur- u. Frühgesch. Arch. Mittelmeer-Kulturraum 16-17 (Bonn 1976).
Herrmann 1969: J. Herrmann, Burgen und befestigte Siedlungen der jüngeren Bronze- und frühen Eisenzeit in Mitteleuropa. In: (Hrsg. K.H. Otto, J. Herrmann) Siedlung, Burg un Stadt. Studien zu ihren Anfängen (Berlin 1969), 56-94.
Horedt 1964: K. Horedt, Așezarea fortificată de la Șeica Mică. SCIV 15, 2, 1964, 187-194.
Horedt 1974: K. Horedt, Befestigte Siedlungen der Spätbronze- und der Hallstattzeit im Innerkarpatischen Rumänien. In: Symposium zur Problemen der jüngeren Hallstattzeit in Mitteleuropa (Bratislava 1974), 205-228.
Horedt 1976: K. Horedt, Eine befestigte Höhensiedlung der späten Bronzezeit bei Tușnad in Siebenbürgen. In: Festschrift für Richard Pittioni zum siebzigsten Geburststag (Wien 1976), 397-405.
Horedt, Seraphin 1971: K. Horedt, C. Seraphin, Die prähistorische Ansiedlung auf dem Wietenberg bei Sighisoara-Schässburg (Bonn 1971).
Hrala, Šumberová, Vávra 2000: J. Hrala, R. Šumberová, M. Vávra, Velim. A Bronze Age fortified site in Bohemia (Praha 2000).
Jockenhövel 1990: A. Jockenhövel, Bronzezeitlicher Burgenbau in Mitteleuropa. Unttersuchungen zur Struktur frühmetallzeitlicher Gesellschaften. In: Orientalisch-ägäische Einflüsse in der Europäischen Bronzezeit. Ergebnisse eines Kolloquiums (Bonn 1990), 209-228.
Jugănaru 2005: G. Jugănaru, Cultura Babadag, I (Constanța 2005).
Kashuba 2000: M.T. Kashuba, Rannee jelezo v lesostepi mejdu Dnestrom i Siretom (kul'tura Cozia-Saharna). Stratum plus 3, 2000, 241-488 // М.Т. Кашуба, Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна). Stratum plus 3, 2000, 241-488.
Křivánek, Kuna, Korený 2006: R. Křivánek, M. Kuna, R. Korený, Hradiště Plešivec – preventivní detektorový průzkum a dokumentace ohrožené lokality. Archeologické rozhledy LVIII, 2006, 329-343.
Krushel'nitskaia, Maleev 1990: L.I. Krushel'nitskaia, Iu.N. Maleev, Plemena kul'tury frakiiskogo gal'shtata (Gava-Goligrady). In: Arkheologiia Prikarpat'ia, Volyni i Zakarpat'ia (eneolit, bronza, ranee jelezo) (Kiev 1990, 123-132 // Л.И. Крушельницкая, Ю.Н. Малеев, Племена культуры фракийского гальштата (Гава-Голиграды). В сб.: Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (энеолит, бронза и раннее железо) (Киев 1990), 123-132.
László 1986: A. László, Grupul Tămăoani. Asupra „orizontului" hallstattian timpuriu cu ceramică incizată din sudul Moldovei. Memoria Antiquitatis XII-XIV, 1986, 65-91.
László 1989: A. László, Les groupes régionaux anciens du Hallstatt à l'est des Carpathes. La Moldavie aux XII-VII siècles av. n.è. In: La civilisation de Hallstatt, bilan d'une rencontre. Études et Recherches Archéologiques de l'Université de Liège 36 (Liège 1989), 111-129.
László 1994: A. László, Începuturile epocii fierului la est de Carpați (București 1994).
László 2010: A. László, Prima epocă a fierului. Perioada timpurie (Hallstatt A și B). In: (Coord. M. Petrescu-Dîmbovița, Al. Vulpe) Istoria Românilor, vol. I. Moștenirea timpurilor îndepărtate, ed. II (București 2010), 289-325.
Lazăr 2011: S. Lazăr, Sfârșitul epocii bronzului și începutul epocii fierului în sud-vestul României (Craiova: Editura Universitaria 2011).
Levițki 1994a: O. Levițki, Cultura Hallstattului canelat la răsărit de Carpați (București 1994).
Levițki 1994b: O. Levițki. Grupul Holercani-Hansca. Aspectul pruto-nistrean al complexului hallstattian timpuriu, cu ceramică incizată. In: Relations Thraco-Illyro-Helléniques. Actes du 14e Symposium National de Thracologie (à participation internationale). Băile Herculane (14-19 septembre 1992) (Bucarest 1994), 219-256.
Levițki et all. 2013: O. Levițki, Gh. Sîrbu, L. Sîrbu, S. Hegea, Cercetările arheologice din situl Trinca-La Șanț, campania anului 2011. Rezultate preliminare. Revista arheologică s.n. IX/2, 2013, 136-160.
Maleev 1987: Iu.N. Maleev, Gal'shtatskie gorodishcha v Zapadnoi Podolii i Prikarpat'e. In: Mejplemennye sviazi epokhi

bronzy na territorii Ukrainy (Kiev 1987), 86-101 // Ю.Н. Малеев, Гальштатские городища в Западной Подолии и Прикарпатье. В сб.: Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины (Киев 1987), 86-101.
Maleev 1988: Ju. Maleev, Trackie grodziska okresu halstackiego na pólnocno-wschodnim Podkarpaciu. Acta Archaeologica Carpathica XXVII, 1988, 95-116.
Marinescu, Munteanu 1984-1985: Fl. Marinescu, D. Munteanu, Cercetări în cetatea hallstattiană timpurie de la Grădiştea (jud. Vâlcea). Campania 1983. Studii şi materiale de muzeografie şi istorie militară 17-18, 1984-1985, 125-136.
Marta 2010: L. Marta, Contribuţii la cunoaşterea sfârşitului epocii bronzului şi începutul epocii hallstattiene în Câmpia Sătmăreană şi în Ţara Oaşului (Rezumatul tezei de doctorat) (Alba Iulia 2010).
Matuz, Nováki 2002: E.D. Matuz, Gy. Nováki, Spätbronzezeitliche, früheisenzeitliche Erdwälle in Nordungarn (Budapest 2002).
Menke 1983: M. Menke, Ausgrabungen in der bronzezeitlichen Abschnittsbefestigung von Mörnsheim (Südliche Frankenalb). Germania 61, 1983, 361-404.
Miroššayová 1999: E. Miroššayová, Výšinné hradisko na Kláštorisku-Čertovej v Letanovciach. Slovenská archeológia XLVII-1, 1999, 129-152.
Morintz 1964: S. Morintz, Quelques problèmes concernant la période du Hallstatt au Bas Danube a la lumière des fouilles de Babadag. Dacia n.s. VIII, 1964, 101-118.
Morintz, Roman 1969: S. Morintz, P. Roman, Un nou grup hallstattian timpuriu în sud-vestul României – Insula Banului. SCIV 20/3, 1969, 393-423.
Morintz 1987: S. Morintz, Noi date şi probleme privind perioadele hallstattiană timpurie şi mijlocie în zona istropontică (Cercetările de la Babadag). Thraco-Dacica 1-2, 8, 1987, 39-72.
Mozsolics 1957: A. Mozsolics, Archäologisce Beiträge zur Geschichte der grossen Wanderung. In: Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae, 8 (Budapest 1957), 119-156.
Nica 1990: M. Nica, Câteva date despre cetatea hallstattiană timpurie de la Valea Rea (com. Brădeşti, jud. Dolj). In: SympThrac, 8 (Satu-Mare-Carei 1990), 129.
Ostermeier 2012: N. Ostermeier, Urnenfelderzeitliche Höhensiedlungen in Bayern nördlich der Donau. Topographische, chronologische und funktionale Aspekte. Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie 214 (Bonn 2012).
Putz 2006-2007: U. Putz, Die Befestigungsphase auf den Bogenberg im Bezug zu seinem Umfeld. Bericht der Bayerichen Bodendenkmalpflege 47-48, 2006-2007, 65-78.
Puziuk 2010: J. Puziuk, Konstrukcje obronne w grodach kultury Lużyckiej. Materiały Archeologiczne XXXVIII, 2010, 5-33.
Rind 1999: M.M. Rind, Höhenbefestigungen der Bronze- und Urnenfelderzeit. Der Frauenberg. Oberhalb Kloster Weltenburg I, T. I (Universitätverlag Regensburg 1999).
Schußmann 2012: M. Schußmann, Siedlungshierarchien und Zentralisierungsprozesse in der Südlichen Frankenalb zwischen dem 9. und 4. Jh. v. Chr. Berliner Arch. Forsch. 11 (Rahden/Westf. 2012).
Shcherbei 2010: K.I. Shcherbei, Gal'shtats'ki gorodishcha Zakarpattia. Karpatika 39, 2010, 3-15 // К.І. Щербей, Гальштатські городища Закарпаття. Карпатика 39, 2010, 3-15.
Slivka, Vallašek 1991: M. Slivka, A. Vallašek, Hradý a hradky na východnom Slovensku (Košice 1991).
Smirnova 1974: G.I. Smirnova, Complexe de tip Gáva-Holihrady – o comunitate cultural-istorică. SCIVA 25/3, 1974, 359-380.
Székely 1988: Z. Székely, Consideraţii privind dezvoltarea culturii Wietenberg în sud-estul Transilvaniei. Aluta XVII-XVIII (1985-1986), 1988, 153-188.
Šalkovský 2001: P. Šalkovský, Výšinné hradisko v Detve – osídlenie v mladšej a neskorej dobe bronzovej. Slovenská archeológia XLIX, 2001, 39-58.
Tătulea 1982: C.M. Tătulea, Cercetări în aşezarea hallstattiană timpurie Portăreşti-Dolj. TD 1-2, III, 1982, 121-133.
Vasiliev 1995: V. Vasiliev, Fortifications de refuge et établissements fortifiés du premier âge du fer en Transylvanie (Bucarest 1995).
Veliačik 1983a: L. Veliačik, Hradiská Lužickej kultúry na Slovensku. Archeologické rozhledy 35, 1983, 14-23.
Veliačik 1983b: L. Veliačik, Zisťovací výskum na hrádku v Turíku. Študijné zvesti archeologického ústavu Slovenskej Akadémie Vied 20, Nitra, 1983, 105-112.
Vladár 1973: J. Vladár, Osteuropäische und mediterane Einflüsse in Gebiet der Slowakei wärend der Bronzezeit. Slovenská Archeológia XXI/2, 1973, 253-375.
Vladár 1975a: J. Vladár, Spišský Štvrtok, opevnená osada otomanskej kultúry. In: III. Medzinárodný kongres slovanskej archeológie, Bratislava 7.-14. septembra 1975 (Nitra 1975), 3-20.

Vladár 1975b: J. Vladár, Mykenische Einflüsse im Karpatengebiet. Die urgeschtliche Siedlung Spišský Štvrtok. Das Altertum 21/2, 1975, 92-98.
Zanoci 2013: A. Zanoci, Fortificațiile din arealul culturilor Babadag și Cozia-Saharna. In: (Eds. Ailincăi, S-C., Țârlea, A., Micu, C.) Din preistoria Dunării de Jos. 50 de ani de la începutul cercetărilor arheologice la Babadag (1962-2012) (Actele conferinței „Lower Danube Prehistory. 50 years of excavations at Babadag", Tulcea, 20-22 septembrie 2012) (Brăila 2013), 311-348.
Zanoci, Banaru 2010: A. Zanoci, V. Banaru, Die frühhallstattzeitlichen Befestigungsanlagen im ostkarpatischen Raum. In: (Eds. N. Bolohan, Fl. Măţău, F-A. Tencariu,) Signa Praehistorica. Studia in honorem magistri Attila László septuagesimo anno (Iaşi 2010), 403-441.
Zavitii 2011: B.I. Zavitii, Gorodishcha rann'ozaliznogo viku u Verkhn'omu i Seredn'omu Podnister'i. In: Visnik Institutu arkheologii. L'vivs'kii universitet, vip. 6 (L'viv 2011), 3-51 // Б.І. Завітій, Городища ранньозалізного віку у Верхньому і Середньому Подністер'ї. В сб.: Вісник Інституту археології. Львівський університет, вип. 6 (Львів 2011), 3-51.

Aurel Zanoci, doctor în istorie, conf. univ., Universitatea de Stat din Moldova, str. Mateevici 60, MD-2009, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: azanoci@gmail.com, tel. 079533728

Natalia Mateevici, Tatiana Samoilova

Un lot de ştampile rare de amfore greceşti de la Tyras

Keywords: stamps, amphora, trade, coins, producer, magistrate.
Cuvinte cheie: ştampile, amfore, comerţ, monede, producător, magistrat.
Ключевые слова: клейма, амфоры, торговля, монеты, фабрикант, магистрат.

Natalia Mateevici, Tatiana Samoilova
A batch of rare Greek amphora stamps from Tyras

In the article are presented 11 Greek amphorae stamps discovered during the archaeological campaigns at Tyras from 1998-2008. All the pieces fall into the category of rare stamps belonging to some centers (6 Greek poleis) which marked their commercial amphorae only occasionally. Among them are two extremely rare stamps belonging to an amphora of Samos and another to an amphora of Crete. Both are unique for the northwestern Black Sea area. The chronology of this little, but important group of amphorae stamps from Tyras, is determined for the second quarter of the 4th century – second half of the 2nd century BC.

Natalia Mateevici, Tatiana Samoilova
Un lot de ştampile rare de amfore greceşti de la Tyras

În articol sunt prezentate 11 ştampile de amfore greceşti, descoperite în timpul campaniilor arheologice de la Tyras din 1998-2008. Toate piesele se încadrează în categoria ştampilelor rare, care aparţin unor centre (6 polisuri greceşti), ce îşi marcau ocazional amforele comerciale. Printre ele se numără şi două ştampile extrem de rare, una ce aparţine unei amfore de Samos, alta – de la o amforă de Creta. Ambele sunt unicate pentru zona nord-vest pontică. Încadrarea cronologică a acestui mic, dar important lot de ştampile de amfore de la Tyras este între cel de al doilea sfert al sec. IV – a doua jumătate a sec. II a.Chr.

Наталия Матеевич, Татьяна Самойлова
Коллекция редких амфорных греческих клейм из Тиры

Статья содержит информацию об 11 амфорных греческих клеймах, найденных при археологических раскопках в Тире в 1998-2008 гг. Все клейма относятся к редким и происходят из 6 греческих центров-производителей, которые не практиковали систематическое клеймение коммерческих амфор. Среди материала отметим и два редчайших клейма Самоса и Крита, которые, на данный момент, являются уникальными для Северо-Западного Причерноморья. Хронологические рамки этой небольшой, но значимой коллекции, охватывают вторую четверть IV века и вторую половину II до Р.Х.

Din săpăturile întreprinse la Tyras în anii 1998-2008 de către cercetătorii sectorului Arheologie circumpontica al ANŞ a Ucrainei a rezultat un lot impresionant de ştampile amforistice – 910 exemplare. Majoritatea lor au fost identificare şi atribuite la 15 centre producătoare greceşti. Printre ştampilele renumitor centre greceşti identificate, care aplicau regulat sau periodic ştampilarea amforei comerciale, Rhodos, Thasos, Sinope, Chersones, Heracleea Pontică etc., am selectat şi un mic eşantion de ştampile (circa 50 de exemplare), care reprezintă ştampile de amfore neidentificate. Astfel, s-a conturat un lot de ştampile în care au fost incluse ştampile ce aparţin centrelor care nu practicau ştampilarea regulată a amforelor comerciale, această procedură având un caracter sporadic, uneori întâmplător. In acest lot au fost incluse şi câteva exemplare, care iniţial făceau parte din categoria celor necunoscute, astfel numărul lor ajungând la 11 exemplare. Astăzi putem afirma cu certitudine ca în colecţia de la Tyras avem atestate ştampile aparţinând Samosului –1, Cretei –1, Chiosului –3, Mendei –3, Messembriei –2, Parosului –1 ex. Datarea pieselor se încadrează, în linii generale, între al doilea sfert al sec. IV – a doua jumătate a sec. II a.Chr.

Pătrunderea amforelor cu vin de Chios în regiunile nord-vest pontice revine mijlocului – celei de a doua jumătăţi a sec. VI a.Chr. Cea mai timpurie ştampilă din acest mic, dar impresionant lot aparţine Chiosului, producţia vinicolă a căruia apare în regiunea pontică încă din perioada arhaică. Amforele chiote nu erau ştampilate de obicei, rareori apar pe gâturile amforelor nişte „ştampile" asemănătoare monedelor locale, care de fapt au şi permis cercetătorilor, încă în perioada interbelică, să atribuie amforele cu astfel de „ştampile" Chiosului. Iar aceste aşa-numite „ştampile" într-adevăr sunt influenţate de monedele chiote (Grakov 1935, 178). Ele sunt circulare şi reprezintă imaginea unui

leu cu aripi, care şede în faţa unei amfore (fig. 1). La Tyras a fost descoperită doar o singură ştampilă de acest fel, datarea căreia se încadrează între anii 70-50 ai sec. IV a.Chr. (Ζαχαρού-Λουτράρη 1998, εικ. 45,71). Deoarece la Chios în acea perioada nu exista funcţia magistraţilor care aplicau ştampile pe amfore, se prea poate că astfel de ştampile erau aplicate de producătorii de ambalaj ceramic.

Cea de a doua ştampilă de Chios este una epigrafică, spre deosebire de prima (care este anepigrafică) şi este aplicată pe partea superioară a toartei. Ea conţine doar un singur nume, care este al unuia dintre producătorii chioţi cunoscuţi – Ἰκέσιος (la Grace sunt atestate circa 56 de ştampile chiote aparţinând acestui producător), activitatea căruia revine mijlocului – celui de al treilea sfert al sec. III a.Chr. (Grace 1956, 166). Cu toate că ştampile ale acestui producător mai sunt cunoscute, exemplarul din Tyras este unic prin faptul, ca din varii motive, producătorul a aplicat aceeaşi ştampila de două ori (cea de a doua ştampilă este aplicată invers deasupra primei (adică cu „capul în jos") (sic!) (fig. 2). Cu siguranţa ştampila producătorului Ἰκέσιος a fost aplicată pe o amforă de tipul V-C, apariţia cărora revine sf. sec. IV – începutului sec. III a.Chr. Acest tip amforistic chiot este rar întâlnit în regiunile nord-vest pontice (Monakhov 2003, 23). Al treilea exemplar de ştampilă chiotă, care de fapt este o pseudo-ştampilă, reprezintă un cerc aplicat pe partea inferioară a toartei (fig. 3), în locul unirii acesteia cu corpul vasului.

Cel de al doilea centru, ştampilele căruia sunt rar întâlnite, este Samosul. Debutul pătrunderii amforelor de Samos în regiunea nord-vest pontică se profilează din a doua jumătate a sec. VI a.Chr. Ca şi ştampila de Chios, exemplarul de Samos nu este executat cu o matrice specială, ci cu o gemă de formă ovală, reprezentând pe zeiţa Athena, în picioare, spre dreapta, ţinând în mâna stânga un scut, iar în cealaltă – un arc. Această imagine a zeităţii este întâlnită şi pe monedele samiene, în special pe cele de origine macedoneană, mai cu seamă pe emisiunile lui Ptolemeu Soter din 315 a.Chr. Datarea acestei ştampile revine sfârşitului sec. IV – începutului sec. III a.Chr. La V. Grace sunt atestate trei astfel de ştampile (Grace 1971, plate 14, nr.54-56), or, exemplarul de la Tyras este de o calitate impecabilă, bine imprimat (fig. 8).

Cu doar o singură ştampilă (care iniţial a fost atribuită de noi Rhodosului, întrucât pasta este aproape similară celei rhodeene), este prezentă în acest lot insula Creta, în special oraşul Hierapytna, localitate aflată pe coasta de sud-est a insulei. Hierapytna este cunoscut ca producător şi exportator de vinuri. În prezent sunt cunoscute în jur de 10 ştampile, care poartă gravat pe ele, în relief, numele oraşului Ἱεραπυτνίον. Majoritatea acestor ştampile se află în depozitele Muzeului Greco-Roman din Alexandria (Marangou-Lerat 1995, 5-29), o altă ştampilă este identificată din săpăturile de la Callatis şi publicată de colega L. Buzoianu, fiind la fel atribuită iniţial Rhodosului (Buzoianu, Cheluţă-Georgescu 1983, 149-188). Piesa de la Callatis, în afara de etnicon, are gravat si un nume propriu Πασίωνος, care se presupune a fi nume de magistrat. Ştampila de la Tyras pare a fi cel mai recent exemplar, pe care apare un nume propriu alături de etnicon – ce aparţine unui oarecare Σώσος. Sigmele din numele magistratului sunt redate în formă „lunară" (mai degrabă pătrată), iar omega este redată cursiv (fig. 4). Numele propriu Σώσος este întâlnit des în lumea greacă, în special pe Creta. Însă acest nume nu este redat nici la nominativ (cum e pe ştampilele de la Alexandria), nici la genitiv, după cum se obişnuia în acea perioadă, ci într-o transcripţie dialectică cu omega la urmă. Etniconul este redat la nominativ singular. Toate acestea fac ca exemplarul de la Tyras sa fie unic. Datarea ştampilelor de Creta (Hierapytna) revine celei de a doua jumătăţi a sec. II a.Chr. (Marangou-Lerat, Le timbrage de l'amphores cretoises a l'epoque Hellenistique: une chronologie revisee [în tipar]). Cercetătoarea greacă consideră că în perioada dintre mijlocul şi a doua jumătate a sec. II a.Chr. comerţul Cretei cu alte centre şi colonii greceşti este cel mai intens (Marangou-Lerat, 1995, 124). În cazul ştampilei de Creta de la Tyras, nu putem vorbi de o amfora ce pătrunde prin filiera comercială, mai degrabă fiind vorba de un caz aparte.

Un alt centru grecesc care îşi ştampila ocazional amfora comercială este Mende. Amfora de Mende apare în regiunile nord-vest şi nord pontice deja din prima jumătate a sec. V a.Chr. Ca şi alte centre menţionate mai sus, primele ştampile mendiote erau executate după modelul monedei acestui polis, care reprezenta pe Dionysios aşezat în poziţie culcat pe un asin. Astfel de ştampile timpurii la Tyras nu au fost identificate, în schimb, posedăm ştampile mendiote dintr-o perioadă mai târzie. Ştampilele polisului Mende sunt de două categorii: epigrafice (cu imprimare englifică) şi anepigrafică (redate în

relief). Ştampilele de Mende sunt reprezentate prin 3 exemplare. Prima ştampilă anepigrafică, în relief, are formă circulară şi reprezintă un vas cu toartă, înconjurat de un cerc perlat (fig. 5). Cunoaştem câteva exemplare ale acestei ştampile, unul dintre care este semnalat la Histria (Canarache 1957, nr.707), altul menţionat la Gorghipia (Monakhov 2003, 293, Tab. 63/8), o ştampilă asemănătoare fiind atestată de subsemnată la Nadlimanskoe si publicată recent (Mateevici 2012, 177, 249, Tab. 64/7). Cea de a doua ştampilă a Mendei este la fel una anepigrafică, redată în relief, prezintă ca emblemă o măciucă (fig. 6). Şi în sfârşit, cea de a treia ştampilă mendiotă, imprimată engflific pe toartă, reprezintă litera „A" (fig. 7). Datarea acestui tip de ştampile revine sferturilor 2 şi 3 ale sec. IV a.Chr. Tipul menţionat de ştampile mendiote, care prezintă redarea englifică doar a unei singure litere a alfabetului grecesc, sunt cele mai răspândite. Sunt cunoscute câteva ştampile cu această redare a literei „A" – la Gorghipia (Monakhov 2003, Tab. 63/7), la Olbia (Liashko, Mateevici, Papanova 2013, 273, nr.43) şi este datată de asemenea în sferturile 2 şi 3 ale sec. IV a. Chr.

Dorim să prezentăm şi două ştampile, care până nu demult erau considerate ca „necunoscute" (neidentificate). Ele apăreau din când în când într-una sau altă publicaţie, ca ştampile rare şi necunoscute. Sunt două ştampile epigrafice, executate în relief, care prezintă câte un nume propriu plasat în două rânduri, într-un cadru rectangular. Una dintre ele are gravat numele lui Ἀντίφιλ, redat la genitiv (fig. 9), care este un producător, activitatea căruia este datată între anii 80-70 ai sec. III a.Chr. Patru astfel de ştampile sunt menţionate la Callatis (Gramatopol şi Poenaru-Bordea 1969, 237, nr.799-803), una la Tyras (Shtaerman 1951, 37, nr.75), 3 exemplare sunt atestate la Olbia (Papanova 2002, 76-78). Cea de a doua ştampilă poartă numele lui Ἀλκανώρ (fig. 10), redat şi el la genitiv. Nu este prima atestare la Tyras a unei astfel de ştampile, din săpăturile interbelice sunt cunoscute şi menţionate de aceeaşi Shtaerman încă doua exemplare (Shtaerman 1951, 36, ris. 4,50,51).

Cercetătorul bulgar Totko Stoyanov a adus, după părerea noastră, suficiente dovezi, legate şi ele de numismatică, că apartenenţa acestor ştampile revine oraşului Messembria (actualul oraş Nessebar de pe litoralul bulgăresc) (Stoyanov 2011, 191-201). Actualmente sunt cunoscute circa 100 de ştampile ale acestui centru atât in regiunea pontică, cât şi în cea mediteraneană şi egeeană.

Foarte rare şi uniformizate sunt ştampilele unui alt centru mediteranean, Paros, care conţin de obicei denumirea oraşului scrisă la nominativ Παρίον, uneori retrograd, cum este în cazul ştampilei de la Tyras (fig. 11). Sunt cunoscute cazuri rare, când pe ştampilă apare si un nume propriu, sau şi mai rar un nume propriu cu etnicon, care ar putea fi nume de producători (Empereur, Picon 1986, 649; Grace-Petropoulakou 1970, 358; Goja 1986, 44, nr.161; Придик 1917, 112, №250). Ştampilele de Paros care conţin etniconul înacadrat într-un cadru rectangular sunt datate se prea poate cu sfârşitul sec. III – începutul sec. II a.Chr. E greu de confirmat apartenenţa lor magistratului sau producătorului.

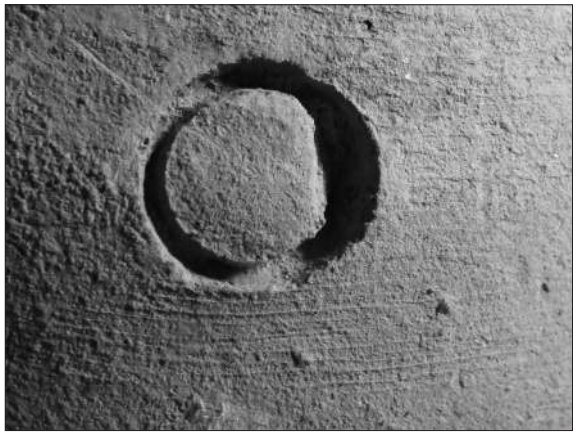
Cercetarea acestui lot mic de ştampile a adus noi informaţii privind perioada de pătrundere a unor sau altor amfore greceşti în zonele nord-vest pontice, în special la Tyras şi în regiunile limitrofe ale polisului. De exemplu, se considera, că amforele chiote circulă în regiunile date doar până la începutul sec. III, pe când ştampila lui Ἱκέσιος oferă o altă datare, cel puţin până la mijlocul celui de al treilea sfert al sec. III a.Chr., amfora de Chios încă mai pătrunde în aceste regiuni. Aceeaşi situaţie o urmărim şi prin intermediul ştampilei de Samos. Cu toate că amforele de Chios, ca şi Samos, sunt mai bine atestate în sec.VI-V a.Chr., totuşi, fie şi sporadic, amforele de Samos îşi croiesc drum în această regiune şi la sfârşitul sec. IV – începutul sec. III a.Chr. În ultimul timp sunt atestate amfore ale acestui centru producător în regiunile de nord ale Mării Negre. Dezvoltarea cercetărilor în domeniul epigrafiei amforistice, care în ultima perioadă capătă un tot mai mare avânt, scot din anonimat amforele, proveniența cărora era anterior necunoscută, şi aduc noi informaţii privind evoluţia comerţului între lumea barbară şi cea greacă în perioada antică.

Catalog

Chios

1. Ștampilă anepigrafică pe gât, în relief, într-un cadran circular, reprezentând un sfinx înaripat în profil, șezând în fața unei amfore. Datarea: anii 375-350 a.Chr. Ζαχαρού-Λουτράρη 1998, εικ. 45,71.

3. Ștampilă anepigrafică pe toartă, în formă de cerculeț englific, în partea de jos a fixării toartei de corpul vasului. Posibil sec. III a.Chr. Kats, 2007, 167, fig. 29,1 (Fanagoria).



Creta

4. Σώσω
Ἱεραπύτνι| ον

Ștampilă în relief pe toartă. Numele magistratului este în primul rând Σώσος, este redat într-o transcripție dialectică. Etniconul – la nominativ.

2. Ἰκεσίου
Ἰκεσίου

Ștampilă în relief, în cadran rectangular, pe toartă. Un nume scris de două ori (cu capul în jos). Producătorul Ἰκέσιος, datează din cel de al 3-lea sfert al sec. III a.Chr. Numele acestui producător la Börker, Burow 1997, 121, nr. 567-569, Taf. 36; Grace 1956, 166, nr. 198 (56 exemplare); Sztetyllo 1976, 96, nr. 360-362;

Mende

5. Ștampilă anepigrafică în relief – vas cu toartă încadrat într-un cerc perlat.

Ștampilă pe toartă. Datarea: Sferturile 2 și 3 ale sec. IV a.Chr. Pridik 1917, T. XV,5; Canarache 1957, 306, nr.797; Monakhov 2003, 293, T. 63,8; Mateevici 2012, 249, Tab. 64,7).

6. Ștampilă anepigrafică în relief – măciucă la stanga. Ștampilă pe toartă.

7. A

Ștampilă epigrafică englifică – litera A. Ștampila a păstrat profilul buzei, care aparținuse unei amfore de tip Melitopol, ce datează din sferturile 2 și 3 ale sec. IV a.Chr. Monakhov 2003, 293, T. 63/7; Kats 2007, 171, fig. 31,4; Pleshivenko 2009,133, ris.1/9;

Samos

8. Ștampilă în relief aplicată pe toartă, reprezintă imaginea zeiței Athena (luptătoare), în picioare, cu scut și arc în mână. Este aplicată cu o gemă. Datarea: sec. IV – începutul sec. III a.Chr. Grace 1971, plate 14, nr.54-56.

Messembria

9. Ἀντι /φίλο[υ]

Ștampilă epigrafică pe toartă. Redarea în relief. Datarea: anii 80-70, sec. III a.Chr. Pridik 1917, 109, nr.176; El'nitskii 1940, 324; Shtaerman 1951, 37, nr.75; Mirchev 1958, Tab. XXXV,3-5(5-aceeași matrice); Gramatopol, Poenaru Bordea 1969, 237, nr.799-803;Papanova 2002, 76-78; Stoyanov 2011, 191-201.

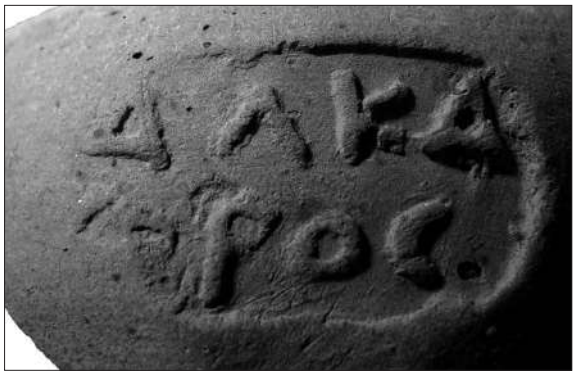
10. Ἀλκα/ [ν]ώρος

Ștampilă epigrafică pe toartă. Redarea în relief. Datarea: anii 80-70, sec. III a.Chr. Shtaerman 1951, 36, nr. 50,51.

Paros

11. [Π]αριον

Ștampilă pe toartă în relief, epigrafică, ce conține etniconul redat retrograd. Datarea: sec. III a.Chr. Canarache 1957, 216, nr.502; Mirchev 1958, 51, Tab. XXX,1-3 (nr.2 – este aceeași matrice); Coja 1986, 445, fig. 8,165; Jöhrens 1999, 258, nr.872;



Bibliografie

Börker, Burow 1998: Chr. Börker, J. Burow, Die hellenistischen Amphorenstempel aus Pergamon. Der Pergamon-Komplex. Die übrigen Stempel aus Pergamon (Pergamenische Forschungen 11) (Berlin 1998).

Buzoianu, Cheluță-Georgescu 1983: L. Buzoianu, N. Cheluță-Georgescu, Timbres amphoriques inédits de Callatis. Pontica XVI, 1983, 149-188.

Canarache 1957: V. Canarache, Importul amforelor grecesti la Istria (București 1957).

Coja 1986: M. Coja, Les centres de production amphoriques identifiés a Istros Pontique. BCH Recherches sur les amphores grecques, supplement 13, 1986, 417- 450.

El'nitskii 1940: L.A. El'nitskii, O bosporskikh amfornykh kleimakh. VDI 3-4, 1940 // Л.А. Ельницкий, О боспорских амфорных клеймах. ВДИ 3-4, 1940.

Empereur, Picon 1986: J.-Y. Empereur, M. Picon, Des ateliers d'amphores a Paros et a Naxos. BCH, 110, 1- 2, 1986, vn495-511, 647-653.

Grace 1956: V. Grace, Stamped Wine Jar. Fragments. HESPERIA: Supplement X. Smal Objects from the Pryx: II, 1956, 117-189.

Grace 1971: V.Grace, Samian Amphoras. HESPERIA, vol. XL, 1971, 52-95.

Grace, Petropoulakou 1970: V. Grace, M. Savvatianou-Petropoulakou, Les timbres amphoriques grecs. Exploration archéologique de Delos. 1970, Vol.27, 337 E 62, 114, Pl. 58.

Gramatopol, Poenaru Bordea 1969: M. Gramatopol, Gh. Poenaru-Bordea, Amphora stamps from Callatis and

South Dobrudja. Dacia N.S. XIII, 1969, 127-282.
Jöhrens 1999: G. Jöhrens, Amphorenstempel in Nationalmuseum von Athen. Zu den von H.G. Lolling aufgenommenen „unedierten Henkelinschriften" mit einem Anhang. Die Amphorenstempel in der Sammlung der Abteilung Athen des DAI (DAI Abt. Athen) (Mainz 1999).
Kats 2007: V.I. Kats, Grecheskie keramicheskie kleima epokhi klassiki i ellinizma (opyt kompleksnogo izucheniia). Bosporskie issledovaniia, vyp. XVIII (Simferopol'–Kerch' 2007) // Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизмам (опыт комплексного изучения). Боспорские исследования, вып. XVIII (Симферополь–Керчь 2007).
Liashko, Mateevici, Papanova 2013: S. Liashko, N. Mateevici, V. Papanova, Timbres amphoriques découvertes dans deux fermes de la chora d'Olbia (fouille 2003-2012). In: PATABS III. Production and Trade of Amphorae in Black Sea. Production amphorique et Commerce en Mer Noire. Actes de la Table Ronde internationale de Constanţa, 6-10 octobre 2009 (Constanta 2013), 263-285.
Marangou-Lerat 1995: A. Marangou-Lerat, Le vin et les amphores de Crête de l'époque classique a l'époque impériale. Etudes Crétoises 30 (Athene 1995).
Mateevici 2012: N. Mateevici, Amfornye kleima gorodishcha Nadlimanskoe. Prilozhenie. In: G.A. Dzis-Raiko, S.B. Okhotnikov, E.F. Redina, Gorodishche Nadlimanskoe IV-III vv. do n.e. v Nizhnem Podnestrov'e. MASP. Monograficheskaia seriia, nr. 3, 161-179, 238-249, Tab. 53- 62 (Odessa 2012) // Н. Матеевич, Амфорные клейма городища Надлиманское. Приложение. В кн.: Г.А. Дзис-Райко, С.Б. Охотников, Е.Ф. Редина, Городище Надлиманское IV-III вв. до н.э. в Нижнем Поднестровье. МАСП, монографическая серия № 3, 161-179, 238-249, Табл. 53-62 (Одесса 2012).
Mirchev 1958: M. Mirchev Amfornite pechati ot Muzeia v Varna (Sofia 1958) // М. Мирчев Амфорните печати от Музея във Варна (София 1958).
Monakhov 2003: S.Iu. Monakhov, Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Tipologiia, katalog-opredelitel' (Moskva–Saratov 2003) // С.Ю. Монахов, Греческие амфоры в Причерноморье. Типология, каталог-определитель (Москва–Саратов 2003).
Papanova 2002: V. Papanova, Amfora s kleimom ANTI/ ΦΙΛΟΥ iz nekropolia Ol'vii. In: Severnoe Prichernomor'e v antichnoe vremia (Kiev 2002), 76-78 // В. Папанова, Амфора с клеймом ANTI/ ΦΙΛΟΥ из некрополя Ольвии. В сб.: Северное Причерноморье в античное время (Киев 2002), 76-78.
Pleshivenko 2009: A.G. Pleshivenko, Amfornye kleima Nizhnego Podnepov'ia. In: Starozhytnosti Stepovogo Prichernomor'ia i Kryma XV, 131-136 (Zaporizhzh'ia 2009) // А.Г. Плешивенко, Амфорные клейма Нижнего Поднепровья. Старожитності Степового Причорномор'я і Криму XV (Запоріжжя 2009), 131-136.
Pridik 1917: E.M. Pridik Inventarnyi katalog kleim na amfornykh ruchkakh i gorlyshkakh i na cherepitsakh ermitazhnogo sobraniia (Petrograd 1917) // Е.М. Придик, Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах эрмитажного собрания. (Петроград 1917).
Shtaerman 1951: E.M. Shtaerman, Keramicheskie kleima iz Tiry. KSIIMK, vyp. XXXVI, 1951, 31-49 // Е.М. Штаерман, Керамические клейма из Тиры. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, 31-49.
Sztelyllo 1976: Z. Sztelyllo, Nea Paphos I. Les timbres amphoriques (1965-1973) (Varsovie 1976).
Stoyanov 2011: T. Stoyanov, New Evidence for Amphora Production in Early Hellenistic Mesambria Pontica. In: PATABS II. Production and Trade of Amphorae in the Black Sea. Actes of the International Round Table held in Kiten, Nessebar and Sredetz. September 26-30, 2007 (Sofia 2011), 191-201.
Ζαχαρού-Λουτράρη 1998: Α.Κ. Ζαχαρού-Λουτράρη, Χιακή Σφίγγα Η διαχρονική πορεία ενός τοπικού σιμβόλου (Χιος, 1998).

Natalia Mateevici, doctor în istorie, cercetător conferenţiar, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 august 1989, 121 „A", MD 2012, Chişinău, Republica Moldova, e-mail: amforaelada@gmail.com

Tatiana Samoilova, doctor în istorie, cercetător ştiinţific superior, şef secţie Arheologia spaţiului nord-vest pontic, Institutul de Arheologie al Academiei Naţionale de Ştiinţe a Ucrainei (Odesa), e-mail: tlsama@rabler.ru

Vasile Haheu

Siturile de habitat ale tracilor septentrionali (cetăți, așezări deschise). Structuri spațial-temporale

Keywords: vital space, demographics, habitat structures, classification and type of settlements, open settlements, forts, auxiliary objectives
Cuvinte cheie: spațiu vital, demografie, structuri de habitat, clasificare și tipuri de așezări, așezări deschise, fortificații.
Ключевые слова: жизненное пространство, демография, структуры расселения, классификация и типы поселений, открытые поселения, фортификации.

Vasile Haheu
The habitat sites of septentrional Thracians (fortresses, open settlements). Temporary settlements in space

To date, we know on average 750 objectives with habitat structures for the septentrional Thracians: fortified settlements (118/16%), and open settlements (632/84%). Geographically, the space is between the river Dniestr at the East side and sunrise Carphathians at the west; from South Danube to northern Suceava plateau. Their dislocation in the determined space is different, non uniform, highlighting some concentrations in specific areas. These are usually linked to the flow of large and small rivers, as well the geographic conditions conducive to human life and activity, as well as the security of the population. They are usually in the form of „nests" - some open settlements around a fortification or a row of settlements alongside rivers. Most of them are situated in places that are hard to reach. The sites (primarily the fortifications) are classified in the basis of typological criteria (functional, topographic/morphologic, technical) in different groups. Their auxiliary criteria are the size of sites, the depth of cultural strata. Most recently we've seen focus on the hallstattian traditions of the objects from the habitat. The chronological limitations is between the middle of the VII century to the end of the III century AD.

Vasile Haheu
Siturile de habitat ale tracilor septentrionali (cetăți, așezări deschise). Structuri spațial-temporale

În prezent pentru arealul tracilor septentrionali sunt cunoscute în jur de 750 de obiective cu caracter de habitat: așezări fortificate (118/16%) și așezări deschise (632/84%). Geografic, spațiul desemnat se încadrează între lunca Nistrului la est și versanții Carpaților Răsăriteni la vest, iar de la Câmpia Dunării la sud până la Podișul Sucevei la nord. Dislocarea acestora în spațiul desemnat este diferită și neuniformă, evidențiindu-se anumite concentrații zonale ale siturilor. În general acestea sunt legate de cursurile râurilor mari și mici, precum și de condițiile geografice prielnice pentru viața și activitatea umană și de securitatea populației. De obicei sunt dispuse în formă de „cuiburi" – câteva așezări deschise în jurul unei/unor fortificații sau în șir, de regulă de-a lungul unor artere acvatice. Majoritatea erau situate în locuri greu accesibile. Siturile (în primul rând fortificațiile) se clasifică în baza criteriilor formal-tipologice (morfologice/topografice, tehnico-tehnologice și funcționale, ultimul fiind determinant) în anumite grupuri. Dintre trăsăturile auxiliare invocăm dimensiunile siturilor și grosimea stratului cultural. În ultimul timp se insistă asupra tradițiilor hallstattiene ale obiectivelor de habitat. Limitele cronologice ale acestora se determină între mijlocul-sfârșitul sec. VII – sfârșitul sec. III a.Chr.

Василе Хахеу
Типы поселений северных фракийцев (фортификации, открытые поселения). Территориально-временные структуры

В настоящее время для ареала культуры северных фракийцев известны около 750 поселенческих памятников: 118 городищ (16%) и 632 открытых поселений (84%). Географически это пространство ограничено на востоке долиной Днестра, на западе – отрогами Восточных Карпат, с юга – долиной Дуная и на севере – Сучавской возвышенностью. Их расположение неравномерное, но все же просматриваются определенные концентрации. В основном они связаны с долинами больших и малых рек, а также с конкретными благоприятными условиями жизнедеятельности и безопасности населения. Чаще они расположены в виде «гнезд» – несколько поселков вокруг городища, или в ряд, обычно вдоль водной артерии. Большинство располагалось в труднодоступных местах. Памятники (в основном городища) подразделяются на типы согласно формальным признаком: морфологические/топографические, технико-технологические, функциональные. По второстепенным признакам они подразделяются по размерам и толщине культурного слоя. В последнее время принято считать, что все они имеют гальштатские корни. Хронологические рамки памятников определяются в пределах середины-конца VII – конец III века до н.э.

Cercetarea siturilor de habitat traco-getice (subliniem o dată în plus caracterul generic al utilizării termenului, fără obligațiuni de semnificație strict științifică – n.n.) cunoaște deja o perioadă de peste un secol.

Evidențierea particularităților organizării structurilor de habitat între ele, precum și arhitectura in-

ternă a acestora se face mai mult la nivel intuitiv, criteriile obiective fiind practic lipsă din cauza „nivelului dezolant" (calificativul lui D. Măndescu 2010, 41) al cercetărilor de săpătură, în mai multe cazuri – nivelul de publicare a materialelor.

În primul rând credem necesar de conturat cercul de probleme care se impun vizavi de structurile de habitat – fortificațiile, așezările deschise și mai nou – obiectivele temporal-spațiale. Deși marea majoritate a siturilor au fost deja descoperite încă în primele decenii postbelice și în continuare, dezideratul descoperirii de noi situri este încă oportun. Nu mai puțin importantă este necesitatea de o eventuală reevaluare a siturilor atribuite culturii getice – determinările mai vechi în baza ceramicii depistată la suprafața lor, aceasta fiind foarte asemănătoare – în literatura de specialitate atenționându-se deja caracterul amorf și foarte asemănător pentru întreg parcursul mileniului I a.Chr., confuziile fiind posibile (Moscalu 1983, 58-61; Haheu 2005, 93). Una dintre cele mai vulnerabile și discutată problemă a obiectivelor în discuție este cea de cronologie și periodizare. Majoritatea siturilor au fost încadrate în timp foarte aproximativ, arbitrar, larg și neconvingător. Este clară și starea obiectivă a lucrurilor – cercetarea prin săpătură a structurilor de habitat este un lucru mai complex și dificil, fiind necesar mai mult timp, mai mult efort fizic, investigații pe suprafețe mari etc.

Cercetările siturilor în România s-au făcut mai mult în bază de tranșee și casete, metodă ce nu permite determinări de structură internă. Neutilizarea procedeelor avansate (metodele prospectării magnetice etc.) au sporit riscurile hazardului (Florescu, Florescu 2005, Fig. 5). În ultimul timp se acordă o atenție sporită în vederea analizei minuțioase a unor situații de teren (atât a siturilor noi depistate, precum și a celora deja cunoscute în literatură), dovedindu-se că nu orice descoperire de un anumit tip poate fi raportată la categoria „așezări" (Andreescu, Bailey 1999, 111-113). Oarecum mai diferit este tabloul în siturile săpate mai profund și pe suprafețe mari (Hansca-*Limbari*, Butuceni, Saharna, Alcedar-*La Cordon* etc.), dar oricum problema rămâne în continuare. După cum reiese din dezideratul invocat mai sus, este dificil a elucida problema structurilor obiectivelor între ele, dar mai ales planigrafia internă a siturilor, fără de care nu sunt posibile abordările de ordin politic și social. Este necesar de utilizat metode de analiză obiectivă a materialelor, dar în primul rând analiza spațială a structurilor vitale între ele, precum și a planigrafiei interne a siturilor de habitat. În legătură cu ultimele, este importantă determinarea granițelor dintre situri (comunități) și din interiorul acestora la o abordare „cu mai multe niveluri" (Smirnov 2010, 253-262). Conform acesteia se reduc mai multe zone dimensionale în care există și evoluează o comunitate (în sens de micro- sau macro- diviziune): „regiunea centrală", „arealul sezonier" și „arealul vital" (Peterson 1977, 53-68), la care uneori se adaugă „zona de transmitere a obiectelor" sau „zona de schimb" (Wessner 1977). În cazul așezărilor în grupuri ultimul constituia, de fapt, zona de contact a două sau mai multe situri. Intersectarea ultimelor dă naștere unor microzone de interferențe locale. Acestea pot avea un caracter pașnic, dar și mai puțin pașnic, care după cum vom vedea în continuare au și condiționat apariția fortificațiilor-centre, de rând cu altele. Abordarea problemelor structurilor de habitat prin această prismă este îngreuiată de lipsa siturilor cu o stratificare clară și precisă.

Abordarea problemelor structurilor de habitat pentru care, în opinia lui J.C. Chapman „… locul și spațiul pot fi definite *conceptual*, *comportamental* și *fizic*" procedură pentru care în sarcina arheologului ar fi „…reconstituirea întregii ierarhii a semnificațiilor din aspectele fizice ale spațiului și obiectelor. Orice spațiu este potrivit pentru o funcție, iar prin relațiile personale create pentru îndeplinirea acestei funcții „spațiul" devine „loc" (Chapman 1989, 33-54). Ceva timp mai înainte apărea o lucrare monografică importantă, având ca subiect analiza siturilor umane și caracteristicile acestora – așezări etc. (Doxiadis 1968). Autorul invocă patru componente ale structurilor așezărilor. Le aducem aici, cu toate că pentru noi aceste criterii nu sunt prea convingătoare, mai bine spus argumentele de delimitare a suprafețelor/spațiilor:

- o parte **omogenă** din cadrul spațiului, nu prea clară în teren (sub ce aspect? - *n.n.*), care reprezenta o parte de pământ cultivat sau pășune;
- **aria centrală** a așezării care variază mult în ce privește mărimea, aspectul, omogenitatea;
- zonele **căilor de acces** – drumuri/străzi, poteci etc.;
- partea **specială**, zona destinată construcțiilor de cult (sanctuare etc.), atelierelor meșteșugărești, locurilor obștești (adunări etc.).

Deseori, în zona cu construcții de locuit s-au semnalat spații fără urme de alte construcții, fapt ce ar sugera existența curților sau grădinilor, uneori delimitate prin îngrădituri vegetale etc. (Alcedar – Haheu 1998, 113).

Analiza dinamicii dezvoltării istorice a structurilor de habitat, reieșind din sursele disponibile se face ținându-se cont de asemenea componente ca dimensiunile, forma de plan și structura internă, prezența construcțiilor/locurilor publice ale complexelor de producție și ale sistemelor de fortificație (Masson 1974, 6).

Prezența unor „cuiburi" de situri de același tip și sincronice permite a le interpreta în calitate de structuri sociale care erau formate din mai multe comunități (Masson 1974, 7), pe când prezența de concentrații/îngrămădiri de locuințe în așezări permite a le interpreta ca formate din câteva familii legate între ele nu doar de relații economice, sociale și ideologice, dar și de rudenie (Nikulitse 1987, 111). Autorul mai conchide că locuitorii acestor așezări prelucrau un pământ comun și era un loc comun pentru înmormântare (Nikulitse 1987, 111). Referitor la lucrările agricole pe pământuri comune – „neîmpărțite" relatează și autorii antici (Horatii Flacci III, 24, 9-13). Variabilitatea dimensiunilor, structura internă, corelarea diferită a elementelor componente permite a evidenția tipologia și clasificarea acestora (Masson 1974, 7). Într-un sistem de structuri unele dintre acestea cu construcții monumentale de cult constituiau un centru în cadrul unor situri mai mici. Structura socială complexă găsește reflectare în tipurile de construcții, inclusiv a celor de fortificații (Masson 1974, 7).

În prezent pentru arealul tracilor septentrionali sunt cunoscute în jur de 750 de obiective cu caracter de habitat: așezări fortificate (118/16%) și așezări deschise (632/84%). Geografic, spațiul desemnat se încadrează între lunca Nistrului la est și versanții Carpaților răsăriteni la vest, iar de la câmpia Dunării la sud până la Podișul Sucevei la nord. Menționăm de la bun început faptul că dislocarea acestora în spațiul desemnat este diferită și neuniformă, evidențiindu-se anumite concentrații zonale ale siturilor, care v-or fi evidențiate ceva mai jos. Cronologic aceste obiective sunt încadrate de către specialiști în perioade oarecum diferite: începutul sec. VI – sfârșitul sec. III a.Chr. (Zanoci 1998, 15), sfârșitul sec. VI – a doua jumătate a sec. IV a.Chr. (Levinskii 2010), sec. V-II a.Chr. (Teodor 1999, 7), sec. VI-III a.Chr. (Bobi 1999, 253), sec. V-III a.Chr. (Mândescu 2010), a doua jumătate a sec. VII – sfârșitul sec. III a.Chr. (Kașuba, Haheu, Levițki 2000, 101-115; Arnăut 2003, 156-166; Niculitse 1987; Niculiță, Zanoci, Arnăut 2008, 50, 150, 162, 168-169). Credem că segmentul cronologic cuprins între a doua jumătate a sec. VII – începutul sec. VI a.Chr. și sfârșitul sec. III a.Chr. conturează cel mai deplin perioada de apariție, evoluție și respectiv de dispariție a culturii traco-getice. Limita cronologică inferioară este documentată de încetarea culturii Basarabi-Șoldănești, aspectele Bârsești și Ferigile fiind primele manifestări materializate ale acestora (Vulpe 1970, 192; Teodor 1999, 15), pe când cea superioară este în linii mari consemnată, în opinia majorității cercetătorilor, de apariția la est de Carpați a bastarnilor, începută cu ultimul sfert a sec. III a.Chr., pătrunderea acestora în regiune realizându-se în patru valuri succesive (Iarmulschii 2014, 26-27). În legătură cu ultima, doar succint și fără a stărui prea mult mai facem o remarcă despre soarta culturii getice de la est de Carpați. Până nu demult existau două opinii (opuse, dar nu prea argumentate de nimeni): continuarea culturii getice și pentru perioada sec. II-I a.Chr., care asimilează cultura advenită, și alta despre încetarea existenței culturii getice către venirea sau în legătură cu venirea bastarnilor. Ceramica din necropole pleda în favoarea celei de-a doua supoziții. Rămânea materialul (ceramica) din siturile de habitat, care se presupunea că o să confirme prima presupunere. Analiza ceramicii lucrate cu mâna din așezarea Lucășeuca/Lukashevka II realizată de curând (Iarmulschi, Munteanu 2014, 121-128) demonstrează că predominant aceasta își găsește similitudini în siturile sincronice de habitat din spațiul est-carpatic, dar în principal, „în culturile înrudite din nordul Europei Centrale – Jastorf și Przeworsk (Iarmulschi, Munteanu 2014, 126). Problema sfârșitului sec. III a.Chr. referitor la tabloul etnocultural în arealul de la est de Carpați nu doar se impune, dar capătă și alte conotații.

Utilizarea în continuare a termenului de *geți* și *traci* în izvoarele scrise mai târzii constituie mai mult o tradiție, un anacronism de utilizare a numelui în condițiile lipsei purtătorilor acestuia (etniei propriu-zise – *n.n.*) (Tkachuk 1998, 60-86) sau, foarte probabil, a existenței în continuare a unor

reprezentanți „degenerați" ai cândva puternicului și mărețului masiv etnocultural getic, enumerați în regiune de rând cu bastarnii, sarmații, dacii etc. „Getica" lui Iordanes este mai mult decât semnificativă. Pornind de la situația despre „existența etniei în lipsa numelui și persistarea numelui în lipsa etniei" (Tkachiuk 1998, 60-86), atrăgeam atenția ceva mai devreme asupra posibilelor deficiențe în datarea anumitor artefacte în condițiile lipsei încă a unor repere cronologice sigure (izvoare scrise, anumite piese grecești, scitice, celtice etc.) care apar mai târziu, „frânând" artificial datarea unor structuri deja existente (Kashuba, Haheu, Levitski 1999, 120-127 123; Kașuba, Haheu, Leviţki 2000, 103).

Credem aici oportun (probleme de datare și cronologie a siturilor de habitat traco-getice) a insista asupra a două studii cu tematica precizării secvenței cronologice de existență a obiectivelor. N. Conovici propune în calitate de artefact amforele ștampilate, mai drept zis prin stabilirea „… sincronismului ștampilelor diferitelor centre din complexele închise" (Conovici 1986, 129-141). În așa fel, în baza siturilor de la Satu Nou-V*alea lui Voicu* și Satu Nou-*Vadu Vacilor* autorul propune pentru determinarea cronologiei absolute ale siturilor de habitat în baza determinării sincronismului diferitelor categorii de ștampile, fapt ce permite precizarea datării siturilor în limitele a 50-75 de ani (Conovici 1986, 130,134). O a doua opinie în legătură cu atestarea mai multor toarte ștampilate provenite din diferite centre de origine este cu totul surprinzătoare și de o perspectivă durabilă. Este vorba despre „pendularea" de locuire a populației în situri diferite, dar apropiate spațial. Luând în discuție siturile nominalizate mai sus autorul conchide următoarele. La primul sit (două faze de locuire) au fost depistate ștampile pentru prima fază datate între al doilea sfert al sec. III și primul deceniu al sec. II a.Chr., pe când în cel de-al doilea, aflat la 800 m în aval de primul, doar artefacte datate între aproximativ 190-108 a.Chr. Stratul respectiv este subțire și ce este important acest nivel cronologic lipsește în primul sit. După încetarea vieții în al doilea sit reîncepe viața în situl Valea lui Voicu cu a doua fază de locuire. Această stare de lucruri permite autorului să constate modalitatea de locuire a populației în aceste două situri prin procedeul de „pendulare" (Conovici 1986, 133).

Un alt studiu ce vizează metodele de datare a siturilor este cel semnat de către M. Babeș, redactat în baza sitului de la Cârlomănești (Babeș 1975, 125-139). În vederea elaborării coloanelor cronologice ale mai multor situri de epocă, autorul invocă mai multe artefacte cu datare sigură, inclusiv monedele. Dar anume aici apar două momente care trezesc anumite dubii. Coloana cu monedele se află în extrema dreaptă a tabelului și se creează impresia că succesiunea siturilor se realizează avându-se în vedere, în primul rând, monedele, restul vestigiilor invocate fiind în dependență de acestea. În al doilea rând, obiectivele în care s-au descoperit monede constituie o raritate, ca de fapt fiind foarte rare și siturile cu mai multe toarte ștampilate, în cazul propus de către N. Conovici. Dar în calitate de model, ambele studii și metode sunt valabile și de perspectivă. Tot în acest sens nu putem să nu invocăm încă o lucrare monografică dedicată special problemelor de cronologie apărută recent (Măndescu 2010). Autorul încadrează perioada de care se preocupă pe o durată de trei secole, între sfârșitul Hallstattului nord-balcanic și „exprimarea unor culturi arheologice unitare, cu faze și etape cronologice bine evidențiate" ale culturii geto-dace clasice (*dar citând:* Babeș 1975,125-139 – *n.n.*) și cultura Poienești-Lukașevka (Măndescu 2010, 15-16). În continuare autorul conturează acest segment al cronologiei relative drept „perioadă timpurie a celei de-a doua epoci a fierului", iar conform cronologiei absolute o plasează între ±500 - ±200 a.Chr. În sfârșit, coroborată cu schema cronologică a celei de-a doua epoci a fierului în Europa vest-centrală (cercul Latène), perioada este sincronă cu fazele Latène A-C1 (Măndescu 2010, 16). Am mai menționat cu alte ocazii (Haheu 2010, 138-139), de rând cu alți cercetători, despre deficiențele și necorespunderile cauzate de ultima contrapunere. Este foarte importantă mențiunea autorului despre limita superioară a culturii – sfârșitul sec. III a.Chr., când la Dunărea de Jos și în spațiul est-carpatic se constată o „discontinuitate culturală" cauzată (fără a intra în detalii legate de lipsa unității de opinii) de pătrunderea bastarnilor (Iarmulschi 2014, 26-27; Iarmulschi, Munteanu 2014, 121-128).

Pentru a sfârși aici expunerile legate de cronologia și periodizarea siturilor, abordăm și problema siturilor cu mai multe faze de locuire în cadrul culturii traco-getice. Pentru fortificații mai sunt atestate arheologic cazurile de refacere a sistemului defensiv (Smirnov 1949, 94) sau de extin-

dere a acestuia prin adăugirea liniilor defensive (Levinskii 2010, 58), iar pentru ambele structuri avem semnalate cazurile de suprapunere a construcțiilor de habitat, precum și a altor vestigii. Fără a întra în detalii de dovezi (ar fi dificil dacă este vorba despre „zidul" de lemn ca structură inițială funcțională – *n.n.*), credem că problema refacerilor devine cam îndoielnică.

Până în prezent tematica structurilor de habitat traco-getice a fost abordată în literatura de specialitate diferit și inegal. Pentru obiectivele fortificate dispunem deja nu doar de monografii arheologice ale unor situri cercetate suficient și aproape exhaustiv: Butuceni (Niculiță, Teodor, Zanoci 2002), Stânceşti (Florescu, Florescu 2005), Cotu-Copălău (Șovan, Ignat 2005), precum și lucrări monografice de sinteză (Zanoci 1998; Haheu 2008), nemaivorbind despre numeroasele studii de sinteză (Florescu 1971, 103-118; Zlatkovskaia, Polevoi 1969, 35-53;), fiind elucidată pe larg și problema fortificațiilor sincronice din mediile culturale limitrofe (Audouze, Buchsenschutz 1989; Moruzhenko 1985, 160-178 etc.). Dimpotrivă, cercetarea, publicarea materialelor și abordările de sinteză pentru așezările deschise sunt regretabil de puține, generalizările fiind doar în cadrul unor lucrări de ansamblu asupra culturii (Nikulitse 1977; Nikulitse 1987; Teodor 1989, 115-123; Teodor 1999, 15-27; Arnăut 2003; Arnăut, Ursu-Naniu 1997). Pentru a nu insista aici asupra istoriografiei la temă, acestea fiind pe larg expuse în studiile citate mai sus, ne vom limita aici doar la o generalizare a tematicii cu evidențierea problemelor abordate și într-un fel realizate.

Referitor la datarea siturilor de habitat neam expus deja ceva mai sus. O altă problemă cu caracter mai general o prezintă plasamentul siturilor. Majoritatea autorilor care au abordat problema siturilor de habitat s-au exprimat aproape univoc cu privire la preferarea locurilor înalte, de regulă greu accesibile pentru amplasarea nu doar a fortificațiilor, dar și a așezărilor deschise la tracii septentrionali (Nikulitse 1977, 26; Nikulitse 1987, 85, 110; Teodor 1999, 16, 22; Bobi 1999, 69; Arnăut 2003, 16, 32; Arnăut, Ursu-Naniu 1996, 16-17; Haheu 2008, 21). Un alt aspect îl constituia apropierea surselor acvatice (râuri și derivate ale acestora, lacuri, izvoare etc.), fără de care era imposibilă viața și activitatea oamenilor (Nikulitse 1987, 110; Zanoci 1998, 15). Desigur, pentru așezările deschise de multe ori erau alese pentru loc de trai și locuri mai joase (pante de deal, coline etc.) cu largi posibilități de ocupații agricole (Nikulitse 1987, 110). Credem exagerată evidențierea, în această ordine de idei, a așezărilor „fortificate natural", fără sistem defensiv artificial (Teodor 1989, 116; Teodor 1999, 16; Bobi 1999, 70). Subliniam, cu altă ocazie (Haheu 2008, 16-17) că prin esență termenul de „fortificație" presupune prezența obligatorie a sistemului defensiv artificial.

În sfârșit, un alt aspect general cu privire la siturile de habitat îl constituie principiul de organizare externă a obiectivelor între ele, precum și topografia internă a siturilor. Din păcate, fondul de izvoare surprinzător de modest pentru istoria „celor mai viteji și mai drepți" nu permite a face constatări definitive, totuși anumite reconstituiri pot fi făcute în prealabil. În majoritatea cazurilor este vorba despre anumite concentrații ale siturilor în discuție – „cuiburi", în cadrul cărora este atestată prezența câtorva așezări deschise, care deseori gravitau în jurul unei/sau mai multor fortificații: microzonele Saharna, Rudi, Butuceni, Cigârleni, Hansca, Fedești, Curteni (punctele *Valea Merilor*, *Dealul Pietrăriei* și *Dealul Viei*). Conform criteriilor topografice rezidă și forma de plan a siturilor de habitat. Dacă în majoritatea cazurilor pentru fortificații lucrurile sunt mai clare, incinta fiind limitată de linia sistemului defensiv (uneori completată de formele de teren, de asemenea conturate de particularitățile lui), clasificarea cărora va fi redată în continuare, pentru așezările deschise este invocată forma „alungită" a acestora (Nikulitse 1987, 110, ris. 30). Aici trebuie avut în vedere și faptul că conturul contemporan al așezărilor nu este obligatoriu cel inițial, fiind influențat de factorii antropogeni de peste ani (arături de-a lungul suprafeței de amplasare etc.).

Referitor la topografia internă a așezărilor lucrurile sunt mai complicate, săpăturile, de regulă reduse, nu permit a face reconstituiri prea mari. Pentru fortificații, începând de la T. Zlatkovskaia este acceptată supoziția plasării locuințelor ca fiind adosate valului, spre centrul incintei numărul acestora micșorându-se, iar în centru ele lipsesc (Zlatkovskaia 1965, 220-225). Nu credem ca realitatea să fi fost obligatoriu așa. Un argument ar fi din domeniul tacticii de luptă a vremii. Suntem siguri că principalul procedeu de a cuceri o fortificație era asediul cu înconjurarea ei de jur-

împrejur. Şi în cazul acesta săgeţile trase din toate părţile cu siguranţă făceau vulnerabile locuinţele adosate valului de vizavi. Pe de altă parte, dacă este să luăm în consideraţie numărul de locuinţe cercetate la Bunești (46), nu suntem siguri că acestea începeau doar în spaţiul nominalizat, deşi se ştie că locuinţele erau în două rânduri (Bazarciuc 1983, 249). Planul general de săpătură de la Stânceşti (Florescu, Florescu 2005, Fig. I) indică prezenţa locuinţelor în cele mai diverse zone ale incintei, fără a se putea face anumite generalizări, deşi cu multe probabilităţi de distribuire a acestora în şiruri paralele. Da, în calitate de tendinţă ar fi amplasarea locuinţelor în spatele părţii interne a valului (foarte posibil peretele intern al zidului din lemn/piatră – vezi: Matveev 2004, 115-120), dar care nu era o legitate obligatorie.

În opinia S. Teodor, aceste obiective ocupă tot spaţiul dintre Siret şi Prut, cu precădere pe valea inferioară a Prutului, amplasate în depresiuni largi sau pe pinteni de dealuri nu prea înalte, precum şi în zona dintre Siret şi Carpaţi, grupate în suprafeţe mici pe valea râurilor Moldova, Bistriţa, Suceava şi Soloneţ. Sunt mult mai puţine în Podişul Sucevei, ca de fapt şi siturile fortificate (Teodor 1989, 122; Teodor 1999, 22, 133-184). A. Zanoci prezintă statistica amplasării cetăţilor geto-dacice în felul următor: 39 (29%) dintre acestea sunt pe înălţimile Nistrului, 33 (24%) în Podişul Central Moldovenesc, 23 (17%) în Podişul Getic, 13 (9,3%) în Câmpia Română, 13 (9,3%) în Podişul Sucevei, 7 (5%) în stepa Bugeacului, 5 (3,7%) în zona Subcarpatică şi 5 (3,7%) în Podişul Dobrogei (Zanoci 1998, 15). Abordând problema vestigiilor getice din zona de silvostepă a Europei de Sud-Est (dar de fapt limitându-se la interfluviul Nistru-Prut – n.n.), A. Levinschii revede numărul obiectivelor, prin „precizarea" *atribuirii cultural-cronologice* (?) a acestora: de la mai mult de 250 la 190(!), dintre care în jur de 130 de aşezări deschise şi 50 de fortificaţii (Levinskii 2010, 25). O dată în plus autorul menţionează plasarea inegală a acestora în spaţiul nominalizat. Majoritatea siturilor se concentrează în partea centrală a interfluviului – în zona Codrilor de Sud şi de Nord, precum şi în arealul sudic al Nistrului mijlociu. O altă grupare de obiective se află la extrema estică a Platoului Moldovenesc (Levinskii 2010, 25). Pentru zona de Codru autorul evidenţiază două arealuri de habitat. Primul (10 fortificaţii, 55 aşezări deschise) este reprezentat de părţile superioare ale văilor râurilor Cogîlnic, Işnovăţ, Botna şi Bîc, caracterizate printr-un relief deluros, obiectivele fiind plasate pe pantele văilor, promontorii sau pe cumpene de ape. O altă zonă (13 fortificaţii, 32 aşezări deschise) o constituie partea inferioară a râului Răut cu afluenţii săi şi partea superioară a Ichelului, de asemenea reprezentată de văi înguste (Levinskii 2010, 27), mai mult sau mai puţin accidentate. Grupul de pe Nistrul Mijlociu este plasat pe locuri înalte, abrupte ale râului precum şi canioanele afluenţilor acestuia. Mai multe suturi de aici se află în valea r. Ciorna. La ultimul grup de obiective pot fi atribuite şi cele din stânga Nistrului: Ofatinţi-Caterinovca-Raşcov. Un loc aparte revine siturilor din microzona Rudi (inclusiv Cosăuţi), dar problema acestora este în însăşi atribuirea cultural-cronologică a acestora, creându-se impresia că în afară de câteva piese de epocă din strat, nivelul traco-getic lipseşte.

Pentru zona de curbură a Carpaţilor siturile de habitat din sec. IV-III a.Chr. sunt concentrate în văile afluenţilor de dreapta ai Siretului – Oituz, Şuşiţa, Râmna, precum şi bazinul Siretului, acoperind şi accesul spre depresiunile estice ale Carpaţilor (Bobi 1999, 74, Pl. II). A. Levinschi, realizând cartografierea aşezărilor din silvostepa dintre Prut şi Nistru, ajunge la concluzia că acestea sunt plasate în condiţii de relief cu totul deosebite de cele caracteristice aşezărilor din perioadele precedente şi ulterioare, geţii evitând văile largi ale râurilor şi având preferinţă pentru formele înalte de relief – platouri, promontorii înalte, terasele din partea superioară a pantelor înalte ale văilor înguste etc. Practic, aşezările deschise sunt amplasate în aceleaşi condiţii de relief ca şi cele fortificate. În legătură cu ultima, S. Teodor (Teodor 1989, 116; Teodor 1999, 16) şi ulterior V. Bobi (Bobi 1999, 69-70) evidenţiază în calitate de tip aparte obiectivele „fortificate natural", fapt pe care îl credem nu doar inutil, dar şi greşit la elaborarea coloanelor tipologice ale siturilor conform criteriilor topografice, mai cunoscând tendinţa şi preferinţa purtătorilor culturii în discuţie pentru locurile greu accesibile pentru toate tipurile de obiective arheologice, inclusiv funerare. Geţii nu preferau să se aşeze cu traiul lângă întinsele lunci inundabile ale râurilor, preferând poienele din păduri, sau despădurind terenuri în partea superioară a pantelor şi promontoriilor unor văi înguste, formate de pâraiele nu prea mari, precum şi terasele superioare împădurite ale Nistrului şi Răutului.

Principala condiție necesară pentru întemeierea unei așezări era prezența în apropiere a unei surse de apă de înălțime, adică a izvoarelor.

Așezările deschise. Credem necesar pentru început a aduce anumite precizări cu referire la nominalizarea taxonomică a acestui tip de obiective, în literatura de specialitate fiind vehiculate mai multe noțiuni cu același sens. Majoritatea cercetătorilor utilizează termenul de *așezare deschisă* (Teodor 1999, 22-27;), *așezare civilă* (Teodor 1989, 122; Bobi 1999, 69), *sit sau așezare nefortificat (-ă)* (Levinschi 2010, 69; Arnăut 2003, 31), S. Teodor mai folosind și sintagma așezare neîntărită (Teodor 1999, 22). În ce ne privește, utilizăm (și credem că este cel mai relevant și adecvat) noțiunea de **așezare deschisă**. Acest taxon este propus pentru cea de-a doua epocă a fierului și în *Enciclopedia Arheologiei și Istoriei Vechi a României* (vol. I A-C, 1994, 133-134). Pentru a rămâne la acest subiect, ne pare neadecvată utilizarea pentru epocă a termenului de *stațiune* (Bazarciuc 1983, 249) sau a celor de sălaș sau *cătun* (Levinskii 2010, 54, 69). În calitate de termeni generici, în ultimul timp se folosesc noțiunile de *sit* sau *obiectiv*.

Așezările deschise ale tracilor septentrionale (632/84%) sunt mult mai numeroase decât fortificațiile, lucru ușor de lămurit pentru purtătorii unei culturi de agricultori sedentari, majoritatea populației trăind în așezările deschise. Turmele acestei populații erau păscute prin împrejurimile localităților, fiind posibilă existența unor structuri temporale – locuri special îngrădite, colibe, bordeie etc. Majoritatea acestor situri erau amplasate pe locuri înalte (promontorii, platouri, maluri de râuri etc.), care dispuneau de zone accidentate naturale, greu accesibile, situație acceptată în prezent de către majoritatea specialiștilor în domeniu. În unele cazuri au fost semnalate situații când vestigii ale unor asemenea structuri au fost descoperite și în spații inferioare de relief, dar înconjurate de forme înalte. Unele dintre ele se află pe terasele inferioare ale unor surse acvatice – Hansca-*Căprărie*, Cigîrleni-*Fundul Văii*, Poiana, Tarasova, Giurgiulești-*Vadul Boului*. Ultima așezare se găsea pe prima terasă a râului Prut, distanța până la oglinda apei fiind de aproximativ 2 metri. De la marginea terasei spre est platforma ei avea o lățime de aproximativ 30-40 m, după care urma un perete aproximativ vertical înalt de 70 m, care trecea în terasa a doua a râului. Este un loc ideal pentru un sit de habitat protejat natural de o înălțime, nu departe cercetându-se și necropola acestuia (Arnăut 1999, 135-145). La începutul anilor ’60, în procesul lucrărilor de nivelare a primei terase pentru fâșia de control a frontierei, când monumentul a fost distrus complet, mecanizatorii locali au semnalat anumite resturi de cultură materială – fragmente ceramice, inclusiv „cu fundul ascuțit” (probabil amfore – *n.n.*) (observații ale autorului în baza relatărilor localnicilor).

Apariția structurilor fortificate a fost mai mult un imperativ dictat de anumite circumstanțe de moment (politice, sociale, economice etc.), însăși siturile, cel puțin unele dintre acestea, fiind populate diferit: un număr select, limitat de populație specifică (situri-centre), populate intens (loc permanent de trai) sau cu populație accidentală, de moment (obiective de refugiu sau cu rosturi militare).

În calitate de obiective arheologice, siturile fortificate pot fi clasificate în mai multe tipuri, conform caracteristicelor formal-tipologice, ultimele fiind în baza unor principii ierarhice. Procedura este posibil de realizat doar în baza gradării criteriilor în clase conform importanței acestora, astfel obținându-se coloane tipologice constante și juste (Glodariu 1983, 59-60). Pe de altă parte, suntem conștienți că și în acest caz clasificarea nu este decât *o grupare empirică a obiectivelor după asemănări și deosebiri*, procedura constând din „operații logice de sortare și sistematizare a artefactelor” (Kolpakov 1990, 9).

Clasificarea topografică și morfologică. Subliniem o dată în plus că ambele structuri de habitat (totuși mai mult în cazul fortificațiilor) se impune dependența acestora de caracteristicile de relief ale terenului pe care sunt amplasate, drept urmare, configurația lor repetă forma reliefului. Rămânând la categoria fortificațiilor se evidențiază următoarele: 1. Obiective, configurația cărora repetă întru totul particularitățile de relief ale terenului. Conțin elemente defensive pe întreg perimetrul, sau doar în locurile accesibile (înălțimi, mameloane); 2. Obiective, configurația cărora repetă doar parțial particularitățile de relief ale terenului. Sunt plasate pe suprafețe relativ inaccesibile natural. Celelalte porțiuni sunt întărite natural, liniilor defensive dându-li-se o anumită formă. În structura acestora se combină posibilitățile de apărare naturală cu cele artificiale (promontorii, maluri abrupte de râu sau râpe); 3. Obiective, configurația

cărora nu depinde de particularitățile de relief ale terenului. Aici lipsesc întru totul posibilitățile naturale de apărare, ele fiind complet artificiale (platouri, văi largi) (Haheu 2008, 21). Pentru evidențierea trăsăturilor comune și specifice în legătură cu dependența teren-configurație/forma de plan, evidențiem patru modalități de amplasare a siturilor:

- pe promontorii (49,2%). Sunt definite morfologic drept tipul *promontoriu barat* sau *pinten barat*. Răspândirea masivă a acestuia se lămurește prin prezența masivă în spațiul de la est de Carpați a promontoriilor înalte, care au de regulă trei părți apărate natural de margini abrupte, inaccesibile. La Poiana înălțimea este de 200 m (Vulpe, Vulpe 1933, 255), la Butuceni – 60 m (Nikulitse 1987, 88). Erau practice în aspectul tacticii de apărare și nu necesitau construcții de apărare artificiale complicate. Ultimele se limitau la bararea părții accesibile cu o linie defensivă de formă dreaptă sau, de cele mai dese ori, segmentată, bombată spre exterior. În cazul când pantele nu erau suficient de abrupte, acestea de asemenea se întăreau cu șanț-val-palisadă (Nikulitse 1987, 89) sau erau escarpate (Lapushnian, Nikulitse, Romanovskaia 1974, 73; Florescu 1971, 108; Smirnov 1964, 254). În mai multe cazuri avem doar o linie defensivă, deși au fost atestate și două – Arsura (Teodor 1973, 53), 4 – Rudi-La Șanț (Lapushnian, Nikulitse, Romanovskaia 1974, 40-41), 5 – Todirești (Chirica, Tănăsache 1984, 402) sau 9 – Butuceni (Niculiță, Teodor, Zanoci 2002, Fig. 1) linii eșalonate. Repetând specificul reliefului, acestea au o formă triunghiulară, ovală sau poligonală neregulată, cu marginile neregulate.

- pe înălțimi (35,6%). Erau plasate pe înălțimi dominante cu largi posibilități de supraveghere a împrejurimilor (platouri, mameloane, înălțimi stâncoase): Cotnari-Cătălina (Florescu 1971, 104), Scobinți (Chirica, Tănăsache 1985, 375), Moșna (Florescu, Melinte 1968, 129), Târzii (Florescu 1971, 131), Hansca (Hâncu 1986, 2), sau mai joase, dar înconjurate de înălțimi dominante – Stânceşti (Zaharia, Petrescu-Dâmboviţa, Zaharia 1970, 263-264; Florescu, Florescu 2005, 13), Dochia (Florescu 1971, 104). Suprafețele de amplasare erau limitate din toate părțile de povârnișuri abrupte sau pante verticale, având sistemul defensiv (unul sau mai multe) prevăzut pe întreg perimetrul. Configurația de asemenea repetă formele de relief ale terenului – poligonal-neregulată sau oval-circulară. În toate cazurile, din considerente strategice pentru epocă, domina tendința spre forme cvasi-circulare – până la apariția armelor de foc era condiția optimă pentru apărători și împiedica atacul frontal al inamicului (Rappoport 1961, 107; Morujenko 1985, 160). Numărul oarecum redus al acestui tip de situri se lămurește prin complexitatea sistemului defensiv care necesita mai mult efort fizic și material, precum și faptul că nu erau eficace în cazurile asediilor îndelungate (Nikulitse 1977, 33).

- pe maluri abrupte de râu/râpe (10,2%). Este cazul când din nou se combină condițiile naturale de apărare cu cele artificiale. Una dintre părți era protejată de malul abrupt, restul era îngrădit de o linie defensivă (sau mai multe) de formă semicirculară. În literatura de specialitate este denumit *în formă de potcoavă* (Lapushnian, Nikulitse, Romanovskaia 1974, 40-41; Nikulitse 1977, 31; Haheu 2008, 22). Deseori compartimentul defensiv era compus din mai multe linii (Iorjnița – 5, primul/interior avea la capete două bastioane: Khynku 1987, 66). Poate fi semnificativ faptul că în cazurile râurilor/râuleților, care pentru zona discutată majoritatea au curs meridional, structurile respective erau amplasate pe malurile drepte ale acestora (Haheu 2008, 22, fig. 1).

- în văi deschise (5,1%). Este tipul cel mai rar întâlnit în spațiul desemnat și în opinia noastră, exclusiv din considerente strategice – de a bloca accesul „intrușilor" în anumite spații (Haheu 2008, 22). Lipsa în acest caz a terenurilor cu posibilități naturale de apărare impunea edificarea liniilor defensive pe întreg perimetrul obiectivului după niște criterii pre-concepute, cu o configurație cvasi-circulară – Mateuți (Zlatkovskaia 1965, 222). Forma oval-circulară facilita capacitățile defensive ale apărătorilor, precum și le oferea unghiuri largi de observare asupra manevrelor atacanților, nedându-le acestora posibilități de a ataca frontal (Flavius Vegetius Renat IV, 2).

Clasificarea tipologică a fortificațiilor conform caracteristicilor topografico-morfologice prezintă de fapt o abordare amorfă. Majoritatea cercetătorilor propun de a pune pe primul plan nu aceste aspecte – discrete și nestabile, dar pe cele ce țin de funcționalitatea obiectivelor. De acest criteriu este legat și fondul de noțiuni ale problemei (rolul, rostul și caracterul fortificației) indiferent de natura, numărul și dimensiunile elementelor defensive.

Structurile fortificate prezintă un șir complex de elemente de apărare, precum și de cele care asigură protejarea acestora sau le intensifică capacitatea defensivă. Cele de bază sunt valul (zidul) cu structuri simple și complexe și șanțul adiacent. Restul le enumerăm doar aici, ele fiind prezentate și analizate de noi pe larg cu altă ocazie (Haheu 2008, 39-43): *escarpa*, *palisada*, *turnuri*, *bastioane*, *berma*, *planșeu/gardină*, *intrarea*, *contraforți*.

Un ultim aspect formal al problematicii siturilor fortificate pe care dorim să-l abordăm îl constituie structura compartimentului defensiv și, implicit, procedeele de edificare a lor.

Forma și dimensiunile valurilor se deosebesc de valorile inițiale ale acestora, fiind puternic aplatizate de-a lungul vremii și prezintă în profilul secțiunii forma unui segment de diferite dimensiuni. Lățimea la bază variază de la 4 la 24 m, înălțimea – de la 0,5 la 6 m. Pornind de la aceleași constatări, I. Niculiță susține că valurile aveau aceleași dimensiuni ca și șanțul de unde se lua pământ pentru ridicarea acestuia (probabil că era vorba ca volum – n.n.). Este o concluzie mai mult logică, deoarece calculele mai exacte și concrete diferă de la o componentă la alta (Zanoci 1998, 44-45).

Prezintă interes observațiile lui A. Zanoci referitor la gradul de înclinare a valului, în principal, partea lui din exterior. Pentru întreg arealul culturii acesta variază de la 20º la 30º, datele referindu-se atât la obiectele edificate exclusiv din pământ (Șadurschi, Șovan 1994, 170-171), cât și la cele care au la bază în interior nuclee de piatră (Arsura – Teodor 1973, 53-60), cărămizi sau vălătuci arși (Niculitse 1977, 35; Simion, Lăzurcă 1981, 45; Trohani 1988, 43). A. Zanoci presupune că era nevoie de un alt material și procedee tehnico-tehnologice care ar asigura un perete/zid vertical și rezumă carcasa lemnoasă (Zanoci 1998, 46), formată din bârne verticale (distanța longitudinală dintre acestea fiind de 4-5 m, dintre rânduri – 3,3 m), între ele intercalându-se bârne orizontale. În așa fel, se ridica o schelărie lemnoasă. Spațiul dintre paramente era umplut cu pământ uneori combinat cu pietre. Credem, totuși, că partea exterioară a unui asemenea zid era protejată de un strat de pământ, sau placată cu piatră. Resturile unor asemenea construcții au fost urmărite după gropile de pari de la „călcâiul" valului, sau într-un caz de conservare mai bună a resturilor bârnelor verticale și transversale la Cotnari (Florescu 1971, 110). Șanțul asigura pământul din care se construia valul și totodată mărea capacitatea de apărare a structurii printr-un obstacol adăugător, greu de parcurs. A. Zanoci evidențiază patru variante de șanț după lățimea superioară și trei după adâncime (Zanoci 1998, 41-42). Autorul evidențiază și patru forme în secțiune a elementului – trapezoidală, pâlnie, arcuite și în trepte (Zanoci 1998, 42-43). Referitor la „protejarea" șanțului de factorii acvatici – ploi etc., s-ar putea ca autorul să nu aibă dreptate, cel puțin pentru epocile ulterioare, dimpotrivă, valul era umplut intenționat cu apă pentru a se intensifica dificultățile pentru atacatori.

Un alt criteriu, subliniat de majoritatea cercetătorilor (Nikulitse 1987, 85; Haheu 2008, 28), cu mare pondere de reconstituiri sociale, funcționale etc. îl constituie suprafața incintei, A. Zanoci evidențiind șase categorii de situri (Zanoci 1998, 30-32).

În ultimul timp tot mai mult se impune supoziția conform căreia ceea ce se prezenta ca *val de pământ* de fapt este un artefact – o realitate pe care noi o avem în prezent. Secționarea valurilor demonstrează că structura acestora este mult mai complexă și în componența lor se conțineau construcții complinitorii interne din lemn, piatră, lut ars/chirpici, – ultimii deseori în diverse combinații.

Până nu demult, abordându-se problema siturilor de habitat pentru culturile hallstattiene de la est de Carpați, deși se indica că pentru majoritatea dintre ele era caracteristică plasarea pe suprafețe înalte, greu accesibile, totodată lipseau totalmente obiectivele fortificate (Levițki 1994, 162-185). La rândul nostru, semnalam că tradiția structurilor fortificate în regiune cunoaște o evoluție de milenii, fiind evidențiate în cadrul culturilor hallstatiene timpurii (Lazslo 1994, 51), inclusiv în culturile Grăniceşti și Cozia (Popovici, Ursulescu 1986, 37-42; Florescu, Florescu 1983, 72-93; Chirica, Tănăsache 1985, 447; Ursachi 1995). A. Florescu desemnează structurile fortificate tracogetice „de origine hallstattiană" (Florescu 1971, 103-118). Într-un studiu recent, abordând un aspect (porți/cale de acces) al siturilor fortificate hallstattiene timpurii, A. Zanoci invocă un șir de monumente timpurii, majoritatea provenind din arealul Gava Holigrady (Zanoci 2015, 20).

Compararea hărților de distribuire a siturilor fortificație realizate de către A. Zanoci (Zanoci 1998, Harta 1) și V. Haheu (Haheu 2008, fig. 1) indică aproximativ identic forma cvasi-circulară de dislocare a acestora, „înrămând", într-un fel area-

lul culturii traco-getice pentru spațiul est-carpatic.

Încă mai demult în literatura de specialitate s-a vehiculat opinia despre posibila existență în arealul traco-getic a unor structuri de habitat valorificate fortuit, ocazional, ce aveau mai mult un caracter sezonier – sălașuri temporare (Nikulitse 1987, 112, ris. 32,2). În ultimul timp supoziția a revenit în vizorul cercetătorilor, evidențiindu-se tipul de structură fortificată de tipul ocolurilor pentru vite care era situat undeva într-o parte de siturile de habitat (Levinschi 2010, 59-60). Continuând logica cercetătorului citat, ar fi posibil să evidențiem asemenea structuri la posibilele prisăci, crame de câmp etc. Nu credem că pentru crearea unor asemenea structuri (cu destinația nominalizată mai sus) era nevoie de anumite construcții oricum de proporții cu prezența valului și a șanțului. Era destulă o îngrăditură din bârne pentru a proteja obiectivele respective și nu de dușmani, dar cel mai verosimil de animalele sălbatice și, de ce nu – de potențialii tâlhari, care puteau fi de același neam. Credem mai plauzibilă interpretarea acestor structuri în calitate de fortificații de refugiu, utilizate conjunctural, nemijlocit în cadrul conflictelor militare, în alte timpuri dispunând posibil de o mică garnizoană (Kashuba, Haheu, Levitski 2001-2002, 203), deși nu insistăm asupra ultimei. Pe de altă parte nu este lipsită de logică nici presupunerea lui A. Levinschi precum că aceste obiective prezintă structuri fortificate obișnuite (ca și restul celorlalte – *n.n.*), dar care au fost edificate nemijlocit în cazul unor primejdii concrete, și care în virtutea anumitor circumstanțe nu au fost populate (Levinskii 2010, 60). Foarte probabil, dar imposibil de demonstrat, ca de fapt și restul versiunilor.

Bibliografie

Andreescu, Bailey 1999: R. Andreescu, D. Bailey, Observații preliminare privind locuirea neo-eneolitică pe valea Teleormanului. In: Civilizația Boian pe teritoriul României (Călărași 1999), 11-113.
Arnăut 2003: T. Arnăut, Vestigii ale sec. VII-III a.Chr. în spațiul de la răsărit de Carpați (Chișinău 2003).
Arnăut, Ursu-Naniu 1996: T. Arnăut, R. Ursu-Naniu, Vestigii getice din cea de-a doua epocă a fierului din interfluviul Pruto-Nistrean (Iași 1996).
Audouze, Buchsenschurz 1989: F. Audouze, O. Buchsenschurz, Villes, vilages et campagnes de l´Europe céltique (Paris 1989).
Babeș 1975: M. Babeș, Problêmes de la cronologie de la culture géto-dace à la lumière des fouilles de Cârlomănești. Dacia N.S. 19, 1975, 125-139.
Bazarciuc 1983: V. Bazarciuc, Cetatea geto-dacică de la Bunești (jud. Vaslui). SCIVA 4, 1983, 249-273.
Bobi 1999: V. Bobi, Civilizația geto-dacilor de la curbura Carpaților (sec. VI a.Chr. – II p.Chr.) (București 1999).
Chapman 1989: J.C. Chapman, Early Balkan village. In: Varia Archaeologica Hungarica (Budapesta 1989), 33-54.
Conovici 1986: N. Conovici, Repere cronologice pentru datarea unor așezări geto-dacice. CCDJ II, 1986, 129-142.
Dergachev 1992: V.A. Dergaciov, O poniatii „kontaktnaia zona". In: MIAEM (Kishinev 1992), 26-31 // В.А. Дергачев, О понятии «контактная зона». В сб.: МИАЭМ, Кишинев 1992, 26-31.
Dimitriu 1933: C. Dimitriu, Câteva obiecte preistorice găsite în Basarabia. AB V, 4, 1933, 288-295.
Doxiadis 1968: C.A. Doxiadis, Ekistics. An introduction to the sciance of human settlements (London 1968).
Florescu 1971: A. Florescu, Unele considerații asupra cetăților traco-getice (Hallstattiene) din mil. I a.Chr. de pe teritoriul Moldovei. CI S.N., 1971, 103-118.
Gorodenko 1988: A. Gorodenko, Prostranstvennyi analiz tipov rasseleniia. TDK „Teoreticheskie problemy sovremennoi arheologii" (Kishinev 1988), 60-62 // А. Городенко, Пространственный анализ типов расселения. ТДК «Теоретические проблемы современной археологии» (Кишинев 1988), 60-62.
Haheu 2008: V. Haheu, Puncte de vedere cu privire la originile culturii getice. RA 1, 1, 2005, 92-97.
Haheu 2008: V. Haheu, Sisteme de fortificații traco-getice de la est de Carpați (Chișinău 2008).
Haheu 2010: V. Haheu, Puncte de vedere referitoare la arealul constituirii culturii traco-getice. RA V, 2, 2010, 129-142.
Hâncu 1990: I. Hâncu, Vestigii strămoșești (Chișinău 1990).
Iarmulschi 2014: V. Iarmulschi, Migrația bastarnilor în spațiul carpato-nistrean (în baza necropolei de la Boroșești). Autoreferatul tezei de doctor în istorie. Specialitatea 613-01 – Arheologie (Chișinău 2014).
Iarmulschi, Munteanui 2014: V. Iarmulschi, O. Munteanu, Ceramica lucrată cu mâna din așezarea Lucășeuca II

(secolele II-I a.Chr.) RA X, 1-2, 2014, 121-128.
Kaşuba, Haheu, Levițki 1999: M.T., Kaşuba, V.P., Haheu, O.Gh. Levițkii, Ta samaia Getika ili…chetvertaia. In: Problemy skifo-sarmatskoi arheologii Severnogo Prichernomor´ia (Zaporoj´e 1999), 120-127. // M.T., Кашуба, В.П., Хахеу, О.Г., Левицкий, Та самая Гетика или…четвертая? В сб.: Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья 3 (Запорожье 1999), 120-127.
Kaşuba, Levițki 2010: M. Kaşuba, O. Levițki, Cultura Șoldănești (Basarabi-Șoldănești). In: Istoria Moldovei (Chișinău 2010), 371-380.
Kaşuba, Haheu, Levițki 2000: M. Kaşuba, V. Haheu, O. Levițki, Vestigii traco-getice pe Nistrul Mijlociu (București 2000).
Kaşuba, Haheu, Levițki 2001-2002: M.T. Kaşuba, V.P. Haheu, O.G. Levițki, Frako-getskie drevnosti v iujnoi lesostepi Srednego Dnestra (kul´turno-khronologicheskaia sistematizatsiia materialov iz raskopok vtoroi poloviny XX veka). Stratum plus 2001-2002, 3, 118-223 // М.Т. Кашуба, В.П. Хахеу, О.Г. Левицкий, Фрако-гетские древности в нижной лесостепи Среднего Днестра (культурно-хронологическая систематизация материалов из раскопок второй половины XX века). Stratum plus 2001-2002, 3, 118-223.
Lapushnian 1979: V.L. Lapushnian, Rannie frakiitsy X – nachala IV vv. do n.e. lesostepnoi Moldavii (Kishinev 1979) // В.Л. Лапушнян, Ранние фракийцы X – начала IV вв. до н.э. лесостепной Молдавии (Кишинев 1979).
Levinskii 2010: A.N. Levinskii, Istoriia getov v lesostepi Iugo-Vostocinoi Evropy (konets VI – vtoraia polovina IV vv. do n.e.). Stratum plus 3, 2010, 14-127 // А.Н. Левинский, История гетов в лесостепи Юго-Восточной Европы (конец VI – вторая половина IV вв. до н.э.). Stratum plus 3, 2010, 14-127.
Levițki 1994: O. Levițki, Culturi din epoca Hallstattului Timpuriu şi Mijlociu. Thraco-Dacica XV, 1-2, 1994, 159-214.
Masson 1974: V.M. Masson, Voprosy sotsiologicheskoi interpretatsii drevnikh zhilishch i poselenii. In: Rekonstruktsiia drevnikh obshchestvennykh otnoshenii po arheologicheskim materialam zhilishch i poselenii (Leningrad 1974), 5-8 // В.М. Массон, Вопросы социологической интерпретации древних жилищ и поселений. В сб.: Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений (Ленинград 1974), 5-8.
Matveev 2004: S. Matveev, Reconstrucția sistemului de fortificații a cetății Potârca (jud. Orhei). Studiu de caz. In: Studii de istorie veche și medievală. Omagiu Profesorului Gh. Postică (Chișinău 2004), 115-120.
Măndescu 2010: D. Măndescu, Cronologia perioadei timpurii a celei d-ea doua epocă a ferului (sec. V-III a.Chr.) între Carpați, Nistru și Balcani (Brăila 2010).
Meliukova 1979: A.I. Meliukova, Skifiia i frakiiskii mir (Moskva 1979) / А.И. Мелюкова, Скифия и фракийский мир (Москва 1979).
Morujenko 1985: A.A. Morujenko, Gorodishcha lesostepnykh plemen Dnepro-Donskogo mezhdurech'ia VII-III vv. do n.e. SA 1, 1985, 160-178 // А.А. Моруженко, Городища лесостепных племен Днепро-Донского междуречья VII-III в.в. до н.э. СА 1, 1985, 160-178.
Nikulitse 1977: I.T. Nikulitse, Gety IV-III vv. do n.e. v Dnestrovsko-Karpatskikh zemliakh (Kishinev 1977) // И.Т. Никулицэ, Геты IV-III вв. до н.э. в Днестровско-Карпатских землях (Кишинев 1977).
Nikulitse 1987: I.T. Nikulitse, Severnye frakiitsy VI-I vv. do n.e. (Kishinev 1987) // И.Т. Никулицэ, Северные фракийцы в VI-I вв. до н.э. (Кишинев 1987).
Niculiță 2010: I. Niculiță, Începuturile istoriei. Perioada antică. Tracii şi civilizațiile antice (sec.VII-I a.Chr.). Constituirea primelor formațiuni statale. In: Istoria Moldovei (Chișinău 2010), 414-465.
Niculiță, Zanici, Arnăut 2008: I. Niculiță, A. Zanici, T. Arnăut, Habitatul din mileniul I a.Chr. în regiunea Nistrului Mijlociu (siturile din zona Saharna) (Chișinău 2008).
Pârvan 1926: V. Pârvan, Getica. O protoistorie a Daciei (Bucureşti 1926).
Peterson 1977: N. Peterson, Territorial adaptations among desert hunter-gatherers. The Kung and Australians compared. American Anthropologist (1977), 53-68.
Rappoport 1961: P.A. Rappoport, Ocherki po istorii voennogo zodchestva severo-vostochnoi Rusi X-XV vv. MIA 105 (Moskva 1961) // П.А. Раппопорт, Очерки по истории военного зодчества северо-восточной Руси X-XV вв. МИА 105 (Москва 1961).
Romanovskaia, Shelov-Kovediaev, Shcheglov 1981: M.A. Romanovskaia, F.V. Shelov-Kovedeaev, A.N. Shcheglov, Gorodishche Rud' – Metonii Ptolemeia. VDI 1981, 4, 121-133 // М.А. Романовская, Ф.В. Шелов-Коведяев, А.Н. Щеглов, Городище Рудь – Мэтоний Птолемея. ВДИ 1981, 4, 121-133.
Sal'nikov 1966: A.G. Sal'nikov, Itogi polevykh issledovanii u s. Pivdennoe (1960-1962). MASP vyp. 5 (Odessa 1966), 176-255 // А.Г. Сальников, Итоги полевых исследований у с. Пивденное (1960-1962). МАСП вып. 5 (Одесса 1965), 176-255.

Sava et all 1995: E. Sava, I. Manzura, M. Tcaciuc, S. Kurciatov, V. Bubulici, R. Rabinovici, V. Guchin, R. Alaiba, M. Bădău-Wittenberger, Investigațiile istorico-arheologice efectuate în microzona istorico-naturală Rudi-Tătărăuca Nouă-Arionești (raionul Dondușeni, Republica Moldova). CAANT I (București 1995), 281-357.
Simion, Lăzurcă 1980: G. Simion, E. Lăzurcă, Aşezarea hallstattiană de la Beidaud-Tulcea. Peuce VIII, 1980, 37-54.
Smirnov 2010: A.S. Smirnov, O granitsakh arheologicheskikh kul'tur (o edinstve i razlichiiakh v neolite baseinov Soja, Desny i Oki). In: Chelovekh i drevnosti: pamiati Alexandra Alexandrovicha Formozova (1928-2009) (Moskva 2010), 253-262 // А.С. Смирнов, О границах археологических культур (о единстве и различиях в неолите бассейнов Сожа, Десны и Оки). В сб.: Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928-2009). (Москва 2010), 253-262.
Smirnov 1949: G.D. Smirnov, Skifskoe gorodishche i selishche „Bol'shaia Saharna". KSIIMK vyp. 26, 93-95 // Г.Д. Смирнов, Скифское городище и селище «Большая Сахарна». КСИИМК вып. 26, 93-95.
Smirnov 1949a: Gh.D. Smirnov, Itogi arheologiceskikh issledovaniiakh v Moldavii v 1946 g. UZ IIIaL (Kishinev 1949), 189-202 // Г.Д. Смирнов, Итоги археологических исследованиях в Молдавии в 1946 г. Ученные Записки ИИЯЛ (Кишинев 1949), 189-202.
Smirnov 1964: G.D. Smirnov, Arheologicheskie razvedki v nijnem techenii Reuta. In: MIAE Moldavskoi SSR (Kishinev 1964), 248-254 // Г.Д. Смирнов, Археологические разведки в нижнем течении Реута. В сб.: МИАЭ Молдавской ССР (Кишинев 1964), 248-254.
Tcaciuc 1994: M. Tcaciuc, Manifestări culturale din sec. V-I a.Chr. Thraco-Dacica XV, nr. 1-2, 1994, 215-256.
Tkachiuk 1999: M.E. Tkachiuk, Getika. Arheologia imeni. RA 2, 1998, 60-86 // М.Е. Ткачук, Гетика. Археология имени. RA 2, 1998, 60-86.
Trohani 1988: G. Trohani, Materialele de construcție din lut ars descoperite în așezările geto-dace. TD IX, 1-2, 1988, 161-170.
Vitov 1974: M. Vitov, Geografiia sel'skogo rasseleniia Zapadnogo Pomor'ia v XVII-XVIII vv. (Moskva 1974) // М. Витов, География сельского расселения Западного Поморья в XVII-XVIII вв. (Москва 1974).
Vulpe 1970: A. Vulpe, Cercetări arheologice și interpretări istorice privind sec. VII-V î.e.n. în spațiul carpato-dunărean. MA II, 1970, 115-213.
Vulpe 2001: A. Vulpe, Istoria și civilizația spațiului carpato-dunărean între mijlocul secolului al VII-lea și începutul secolului al III-lea a. Chr. In: Istoria românilor I. Moștenirea timpurilor îndepărtate (București 2001), 451-500.
Zanoci 1998: A. Zanoci, Fortificațiile geto-dacice din spațiul extracarpatic în sec. VI-III a.Chr. (București 1998).
Zanoci 2015: A. Zanoci, Tipologia și evoluția porților și căilor de acces în cetățile hallstattiene timpurii din spațiul tiso-nistrean. Sesiunea științifică a Departamentului Istoria Românilor, Universală și Arheologie (USM), II (Chișinău 2015), 20-22.
Zlatkovskaia 1965: T.D. Zlatkovskaia, Gorodishche Mateutsy. In: Novoe v sovetskoi arheologii (Moskva 1965), 220-225 // Т.Д. Златковская, Городище Матеуцы. В сб.: Новое в советской археологии (Москва 1965), 220-225.
Zlatkovskaia, Polevoi 1969: T.D. Zlatkovskaia, L.L. Polevoi, Gorodishcha Pruto-Dnestrovskogo mejdurech'ia IV-III vv. do n.e. i voprosy politicheskoi istorii getov. In: Drevnie frakiitsy Severnogo Prichernomor'ia. MIA 150 (Moskva 1969), 35-60 // Т.Д. Златковская, Л.Л. Полевой, Городища Пруто-Днестровского междуречья IV-III вв. до н.э. и вопросы политической истории гетов. В сб.: Древние Фракийцы Северного Причерноморья. МИА 150 (Москва 1969), 35-60.

Vasile Haheu, cercetător științific, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM, bd. Ștefan cel Mare, 1. MD 2001, Chișinău, Republica Moldova; e-mail: vasile.haheu@gmail.com

Vasile Haheu, Dumitru Bratco

Similitudini în credinţele geto-dacilor şi religia creştină. Rolul vinului

Avem destule probe ale moştenirii păgâne,
adică geto-dacice şi daco-romane la români.
Este de ajuns să te gândeşti la cultul morţilor şi la
mitologia funerară, la riturile agrare, la obiceiurile sezoniere,
la credinţele magice etc., care se ştie persistă abia
schimbate de la o religie la alta, timp de milenii.
M. Eliade, ***De la Zalmoxis la Cenghishan***

Keywords: Geto-Dacian beliefs, Christian religion, funeral rite, traditions and celebrations, wine and religious beliefs.
Cuvinte cheie: credinţe geto-dacice, religie creştină, ritual funerar, tradiţii şi sărbători, vinul şi credinţele religioase.
Ключевые слова: религиозные представления фрако-гетов, христианская религия, погребальный обряд, традиции и праздники, вино и религия.

Vasile Haheu, Dumitru Bratco
Similarities in the Thracian-Dacian beliefs and Christianity. The role of the wine

At the beginning of the new era, in the region are found many religions, the major were pagan beliefs (local and foreign) and Christianity. These religions coexist a long period together, and certain elements of local pagan beliefs are preserved in Christian religion and became its own later on. The situation was possible due to the fact that it was a desire of the locals but also a "democratic politics" of implementing the new religion promoted by its leaders, who didn't insist on a strict enforcement of all dogmas, but the main ones only. Certain similarities present in both religions (one main God, temples-churches, altars, offerings, wine as a symbol of the afterlife etc.) facilitated the adoption of the new Christian religion. More similarities were found in funeral rituals and practices of remembrance of the dead, as part of religious beliefs. Finally, for both religions one of the basics that unite them is the belief in immortality, the existence of "the afterlife" and the use of wine in rituals related to them.

Vasile Haheu, Dumitru Bratco
Similitudini în credinţele traco-dacilor şi religia creştină. Rolul vinului

Către începuturile erei noi în regiune sunt cunoscute mai multe religii, dintre care principalele erau credinţele păgâne (locale şi alogene) şi creştinismul. Un timp mai îndelungat acestea coexistă, perioadă în care anumite elemente ale credinţelor păgâne locale rămân în religia creştină, devenind proprii acesteia. Situaţia s-a datorat atât faptului că a fost o dorinţă a localnicilor, cât şi „politicii democratice" de implementare a noii religii promovată de către diriguitorii de vârf ai acesteia, care nu insistau la o impunere strictă a tuturor dogmelor, ci doar a celor principale. Anumite corespondenţe prezente în ambele religii (Zeu-Dumnezeu principal unic; temple-biserici; altare, ofrande, vinul ca simbol al vieţii de apoi etc.) facilitează adoptarea noii religii creştine. Mai multe similitudini s-au depistat în ritualurile funerare şi ale practicilor de pomenire a celor morţi, ca parte componentă a credinţelor religioase. În sfârşit, pentru ambele religii unul dintre elementele de bază care le uneşte este credinţa în nemurire, existenţa „lumii de dincolo" şi utilizarea vinului în ritualurile legate de acestea.

Василе Хахеу, Думитру Братко
Общее между религиозными верованиями гето-даков и христианством. Роль вина

В начале новой эры в регионе известны несколько религиозных течений, среди которых основными были языческие (местные и пришлые) и христианские. Длительное время эти религии сосуществуют, период в котором некоторые элементы местных верований переходят в христианство, становясь его составными. Это результат сохранения традиций местного населения, а с другой стороны «демократической политики» внедрения новой религии высшим ее руководством, которое не настаивало на принудительном внедрении всех догм, а только принципиальных. Некоторые соответствия в обеих религиях (единый Бог-Божество, наличие храмов и церквей, алтари, жертвы, вера в потустороннюю жизнь, вино как символ вечной жизни и др.) сопутствовали внедрению новой христианской религии. Многие соответствия отмечены в погребальных обрядах и обычаях по поминкам мертвых, как составные части религиозных представлений. Главный общий элемент обеих религий – это вера в потусторонний мир, вера в бессмертие души и использование вина в соответствующих обрядах.

Suntem conştienţi de faptul că contrapunem două noţiuni cu sensuri şi pondere spirituală absolut diferite, dar oricum, între aceste două tradiţii ale credinţelor umane locale întrevedem anumite similitudini. Principalul subiect comun al ambelor religii este credinţa în nemurire. De fapt, acest

postulat de bază a fost și este prin esență piatra de temelie a tuturor credințelor și religiilor din toate timpurile și de oriunde. Este diferit doar numele *celui de sus* și modalitatea de a ajunge la dânsul și în împărăția sa, care pentru toți este un tărâm al bunăstării și al fericirii veșnice. Paradoxal, dar *cel de sus* la mai multe popoare putea fi și *subpământean*, iar paradisul se localiza în lumea de apoi de sub pământ. La geți, dacă este să acceptăm existența mai multor zeități, reprezentanții respectivelor credințe erau *Gebeleizis* pentru credințele astrale (soarele), cu profesarea incinerațiilor și *Zalmoxis* cu credințele chtonice (subpământul) cu mormintele de inhumație. De fapt, cu referire la caracterul religiei geto-dacilor nu există o opinie univocă. Prima și unica sursă care pomenește două nume de zei parvine de la Herodot. „...credința lor este că ei nu mor și că cel care piere se duce la Zalmoxis, o ființă divină; unii numesc aceeași ființă divină Gebeleizis" (Herodot IV, 94). În opinia lui M. Eliade, inspirată din A. Walde-J. Pokorny și D. Decev, *Gebeleizis* ar fi „un vechi zeu al cerului" (Eliade 1992, 172), precum este veche și caracteristica chtonică a lui Zalmoxis.

Ne permitem vizavi de respectivul statut al lui Zalmoxis anumite precizări. Cazul cu construirea unei locuințe subterane în care acesta „trăiește" timp de trei ani, după care revine între oameni, într-un fel întruchipează actul morții și renașterea, dar și esența lui subpământeană. Și aici, zeul respectiv este al lumii de apoi de sub pământ, un zeu chtonian. Și dacă Zalmoxis era zeul principal al „celor mai viteji și mai drepți", apoi devine clar din care cauză geții „…când tună și fulgeră, slobod săgeți în aer împotriva cerului, amenințându-l pe acest zeu: căci ei nu cred că există vreun alt zeu decât al lor" (Herodot IV, 94). De aici reiese că zeul lor nu era în ceruri, acolo fiind alți zei străini.

Către perioada antică târzie și de început a evului mediu în regiune sunt cunoscute mai multe religii, dintre care principalele erau *creștinismul* și *credințele păgâne* (Zugravu 1997, *passim*; Hâncu-Tentiuc 2008, 20-28; Postică 2007). Credința creștină era practicată de către populația locală încă din perioade anterioare (documente scrise bizantine despre misionari, monahi și creștini autohtoni, precum și surse arheologice despre mănăstiri și schituri rupestre, ritul funerar, piese de cult, însemne și simboluri creștine). Deja pentru sec. X, împăratul bizantin Constantin Porfirogenul menționează biserici și cruci pentru cetățile de pe Nistru. Specificul credinței noi pentru perioada inițială era caracterul său popular – *creștinismul popular*, noțiune utilizată pentru a reliefa modalitatea de pătrundere și ascensiune a ei în regiunile est- și sud-carpatice. A fost o manieră foarte democratică în care nu numai că nu se impuneau noile dogme, ci dimpotrivă, în multe cazuri se permitea păstrarea vechilor credințe locale. Pentru epocă sunt specifice mai multe similitudini între credințele vechi (ale traco-geto-dacilor) și religia nouă, creștină. Acestea se observă în cele mai diverse compartimente ale religiei, inclusiv în ritul funerar, iconografie, profesarea diferitelor practici. Subiectul prezintă un interes deosebit, fiind pe larg abordat de către specialiștii din diverse domenii: arheologie, etnologie, paleolingvistică (Arnăut 2003; Crișan 1986; Dana 2008; Eliade 1980; Kernbach 1989; Petre 2004; Sârbu 1993; Pârvan 1992; Zugravu 1997; Teodor 1991; Daicoviciu 1969, 18-21; Franga 1993, 13-23; Haheu et alli 2014, 225-236; Hâncu-Tentiuc 2008, 20-28; Teodor 1985-1986, 131-148).

Unul dintre elementele care unește ambele tipuri de credințe este vinul. Pentru perioada de constituire a masivului cultural al tracilor septentrionali, dar mai ales pe parcursul existenței istorice a acestora, activitățile vitivinicole deveniseră o ocupație distinctă, anume atunci fiind elaborate categoriile de unelte și dispozitive, practicile și tehnicile de îngrijire a viței de vie și de prelucrare a produselor din struguri, elemente utilizate ulterior de-a lungul timpului până în epocile medievală, modernă și contemporană (Hașdeu 1874; Teodorescu 1964; Haheu, Bratco 2013, 218-227; Haheu, Bratco 2014, 237-246).

În prezent este unanim acceptată existența mai multor similitudini între practicile credințelor tracilor septentrionali cu ritualurile paleocreștine și ulterior creștine, acestea în mare măsură facilitând creștinarea relativ devreme a populației locale din regiune, inclusiv apariția timpurie a structurilor eclesiastice creștine (Niculițel etc.), respectiv a celor în care era utilizat vinul roșu. La tracii septentrionali sacrificiile umane se succed cu cele de animale sacre, apoi cu stropirea sau scurgerea vinului roșu pe altare, sângele fiind înlocuit cu vin roșu. Ofrande similare sunt semnalate și în cadrul bisericii creștine.

Este relevantă utilizarea vinului roșu în ritualurile funerare și ulterior în cadrul practicilor de

pomenire ale ambelor credințe. În acest caz practicile însoțite de consumarea simbolică a vinului este parte componentă și produs al credinței comune în nemurire, renaștere – lumea și viața de dincolo. În calitate de prilejuri de pomenire de pe parcursul anului, începând cu perioada antică și ulterior, erau anumite zile obligatorii (și altele fără ocazii speciale). Este vorba despre cele patru *solemnia sacrifica* în cinstea defunctului: de ziua nașterii (*dies natalis*), de *parentalia* (februarie), de *rosalia* (mai/iunie) și de *dies violae* la *solemnia mortis*, marcată o dată la două luni (Zugravu 1997, 105). Un interes deosebit prezenta sărbătoarea *rosalia*, care, începând cu Vasile Pârvan, cercetătorii o evidențiau ca având suport mai vechi în credințele funerare autohtone (Pârvan 1992, 149-309). Dintre activitățile caracteristice ceremoniilor nominalizate, evidențiem banchetele funerare, ofrandele, libațiile, sacrificiile, îngrijirea mormintelor (curățire, stropire cu vin), aprinderea lumânărilor/opaițelor. Sunt elocvente și imaginile de pe stelele funerare (cina funerară, motive bahice etc.). De unele sunt legate așa practici precum lamentările, festinele, credința în setea nepotolită a morților, nevoia de lumină pentru locurile tenebre și, în sfârșit, supraviețuirea terestră sau astrală. Cutume, rituri și credințe păgâne se vor regăsi într-o formă sau alta în creștinismul medieval și mai târziu. Însușirea acestora are loc începând cu epoca paleocreștină (sec. II-III).

În ritualurile funerare ale ambelor religii este practicată stropirea gropilor sepulcrale, precum și a corpului defuncților, cu vin roșu ca simbol al sângelui și al vieții de după moarte. Este cunoscut obiceiul de a pomeni pe cei decedați cu vin în cadrul banchetelor funerare, precum și în zilele acceptate de pomenire. Anticii barbari utilizau vinul pentru libații la sărbătorile religioase, inclusiv la cele dedicate lui *Dionysos Sabazios* (Vinokurov 2002, 27-87), tot așa cum creștinii închină Domnului vase cu vin roșu aduse în biserică sau depuse pe mormintele defuncților.

Pentru a concluziona anumite realități despre geneza și răspândirea creștinismului în sec. II-III în *Moesia Inferior* și *Dacia*, subliniem următoarele. Este vorba, în primul rând, de situația concretă din regiune vizavi de credințele religioase. Noua religie a întâmpinat și a trebuit să substituie vechile tradiții, încă puternice și influente. Pe de altă parte, ascensiunea creștinismului în regiune a fost „facilitată" de un șir de practici religioase deja existente aici cu caracter de monoteism și universalitate. Fondul de izvoare (arheologice, epigrafice, iconografice) permite a constata aici divinități și cutume similare celor din arealul original al religiei noi. Subliniem, o dată în plus, caracterul „democratic" de implementare a cerințelor noi, când se permitea păstrarea unor cutume și tradiții locale. În *Folclorul din Vechiul Testament* redactat de către James Frazer se demonstrează cât de multe elemente străine credinței oficiale a lumii iudaice conservă diferite capitole ale Bibliei (Frazer 1995). Caracterizând „primii creștini", Tertulian scria că aceștia sunt „niște cățeluși de curând născuți… se târăsc fără să vadă încă lumina. Ei spun că se despart de trecutul lor și primesc pocăința, dar nu caută s-o desăvârșească. Încă se simt legați de trecut și-l mai doresc" (*după*: Zugravu 1997, 106). Am arătat deja că unul dintre elementele ce leagă vechea religie traco-geto-dacică și noua credință creștină era reprezentat de vin. Pentru înțelegerea mai deplină a rolului și importanței vinului în practicile religiei creștine, invocăm faptul că în Moldova medievală se produceau doar 10% de vinuri roșii, majoritatea acestuia fiind făcut și utilizat la diverse ritualuri în cadrul mănăstirilor și bisericilor (Haheu, Bratco 2014, 244).

În Italia viticultorii erau obișnuiți să sărbătorească ziua dedicată special lui Bachus – zeul viței de vie și a vinului, pe care biserica creștină l-a înlocuit cu *Sf. Vincentiu*, dar a fost nevoie să se păstreze toate datinile și practicile așa cum fusese mai înainte (Brunet-Raymond 1926, 576-61). Reprezentarea iconografică a sfântului respectiv era cu un strugure și o cunună în mâna dreaptă și cu un cosor de viticultor în cea stângă. Fundalul reprezenta un proces de cules, fiind prezenți culegătorii și o cadă încărcată cu rod (Teodorescu, Teodorescu, Mihalca 1966, 38). În alte regiuni ale Europei catolice în calitate de protector al vinului era *Sf. Martin*, iar în Balcani, inclusiv regiunea care ne preocupă – *Sf. Trifon* (Teodorescu, Teodorescu, Mihalca 1966, 39) – *Triful* (*n.n.*). În religiile pre-creștine europene era obiceiul de a scălda în vin copiii nou-născuți pentru a le ridica puterea, întărindu-li-se mai ales genunchii. Unei asemenea proceduri a fost supus și micuțul Goethe, născut cu greu și cu fracturi fizice (Limbacher 1931, 4). Din ritualurile vechilor evrei la celebrarea religioasă a căsătoriilor s-a păstrat cel al vinului și a

pâinii luate de către tinerii însurăței. Mai multe interpretări sunt legate de vărsarea vinului, precum și spargerea vasului cu vin cu diverse ocazii – spre fericire (la nunți, cumătrii etc.), obicei caracteristic și pentru spațiul nostru.

După Plutarh, vinul vărsat pe altare simboliza sângele dușmanilor cu care se luptaseră cei veniți la templu și pe care îl aduceau jertfă zeului. Herodot invocă stropirea cu vin a locului unde urma să fie adusă jertfa zeilor (Brunet-Raymond 1926, 7-13). Exista și obiceiul ca în cadrul libațiilor să se atingă buzele, umerii și pieptul statuilor zeilor cu lăstari de viță de vie. Așezarea trupului neînsuflețit pe coarde de viță de vie, de regulă patru, precum și prin oferirea jertfei vinului se stabilea legătura cu *Dionysos*, zeul vinului și al morților (Vinokurov 2002, 27-87). Stropitul trupurilor celor morți cu vin și untdelemn, de rând cu fumigațiile de tămâie sau rășină, a rămas un obicei semnalat și în religia creștină (Teodorescu, Teodorescu, Mihalca 1966, 46). Pentru liniștea morților, la morminte se aduceau jertfe-pomeni, inclusiv de vin. În același timp, construcțiile funerare se stropeau cu vin pentru a bucura morții și a îmbuna pe zeii htonici. Conform „*Exod*"-ului, vechii evrei ofereau lui *Jahveh* ofrande din primele fructe, arome, uleiuri, vin, făină, pâine. În procesul libației se jertfea făină frământată cu ulei și vin (Teodorescu, Teodorescu, Mihalca 1966, 46).

În cadrul sărbătorilor *dionysiace* un element important era acela din ziua a treia de petrecere, desemnată ca *ziua îndoliată a ceaunelor* (xúppot), când se fierbeau la focul sfânt ierburi simbolice pentru hrana umbrelor, ce reveneau în această zi pe pământ și se făceau libații. Se „împărțeau" pentru morți pomeni pentru liniștea sufletelor. Slujba se termina cu un pomelnic al celor plecați în altă lume. În această zi se zăvorau cu grijă ușile și ferestrele locuințelor pentru a ține la distanță spiritele (Vinokurov 2002, 27-87). Elemente de fumigație la morminte, în casele unde au locuit cei decedați, precum și împărțirea pomenilor este larg răspândită în credințele creștine, inclusiv din spațiul în discuție.

Dintre sărbătorile respective mai invocăm *Anthesteriile*, care aveau loc primăvara, când se credea că sufletele celor morți „ieșeau la lumină" (renășteau), de fapt în perioada de renaștere a naturii. În cadrul acestor sărbători *Dionysos* era nu numai un zeu al vinului, dar și al vegetației și al morților.

În ce privește panteonul antropomorfizat la tracii septentrionali, sesizat arheologic, acesta este reprezentat de *Marele Zeu* și *Marea Zeiță* (Crișan 1986, 369). Primul, zeul suprem, era o figură de bărbat uneori așezat pe un suport (tron?), de cele mai dese ori în chip de călăreț cu diverse modificații. În anumite cazuri, imaginea era însoțită de un vultur care ținea în cioc un pește (ultimul, ulterior, în creștinismul incipient reprezenta un important însemn religios, predecesorul crucii – *n.n.*). În opinia unor cercetători, acest zeu era stăpânul cerului, apelor și al pământului, „patron " al aristocrației militare, având atribute uraniene, solare și soteriologice (Stan, Rus 1991, 140). Marea Zeiță este reprezentată de chipul unei femei, încadrată de două animale sacre – cervide, sau de un cerb și un șarpe. Uneori este în poziție de invocare – oranta (Stan, Rus 1991, 140). Autorii citați presupun la geto-daci o religie monoteistă – zeitatea feminină nu diminuează rolul suprem al Marelui Zeu (Stan, Rus 1991, 141), deși caracterul religiei respective va fi abordat ceva mai jos, fiind, în opinia noastră, mai diferit. În figura Cavalerului Trac se întrevede o posibilitate de înțelegere ulterioară a venerării sfinților și martirilor din creștinism – o punte dintre lumea veche necreștină și cea care avea să mărturisească pe Hristos (Stan, Rus 1991, 155).

În studiul de față intenționăm să abordăm și „veșnica" problemă a existenței omului – moartea, care este și ea o formă a vieții și pe care o încununează într-o formă sau alta. Inițial moartea părea o continuare a somnului și doar mai târziu din anumite cauze, poate în primul rând ecologice și de igienă, defuncții au început să fie îngropați simplu, iar cu timpul, acțiunile oamenilor capătă o pondere spirituală – urmându-se anumite proceduri, care ulterior, completându-se, devin elemente de rit și ritual. Se mai adaugă aici și credința despre suferința care mântuiește, de moartea care trebuie experimentată voluntar pentru a se dobândi Viața veșnică.

Comparativ cu perioada hallstattiană târzie (mijlocul sec. VII – sec. V î.Hr.), când în arealul tracilor septentrionali este atestată o varietate contrastantă de rituri și ritualuri legate de moarte și înmormântare, fapt datorat diferitelor grupuri culturale zonale, către sfârșitul sec. V î.Hr. și mai ales în perioada sec. IV-III î.Hr. practicile funerare se uniformizează, în calitate de rit funerar de bază evidențiindu-se incinerația (fiind atestate și inhuma-

ții), iar pentru perioada de la sfârșitul sec. III î.Hr. până la cucerirea romană siturile funerare dispar.

Pentru traco-geți moartea nu era un prilej de tragedie și tristețe. Dimpotrivă, conform izvoarele scrise aceștia plângeau, rupându-și părul din cap la nașterea copiilor, pe care îi deplângeau pentru greutățile care urmau a le întâlni în viață. La decesuri, înmormântări și ospețele funerare erau veseli: cântau, dansau, organizau diverse concursuri, bucurându-se pentru cel plecat pe lumea cealaltă pentru că scăpase de chinuri și nevoi. Un alt prilej de bucurie a acestora referitor la cel decedat mai era motivat de către una dintre principalele credințe ale traco-geților – credința în nemurire. La traco-geți, ca de fapt și la multe alte popoare și pentru diferite epoci istorice dispunem și de întruchiparea materială a „morții simbolice", element care poate fi sesizat arheologic. Acestea sunt mormintele cenotaf.

Izvoarele scrise antice conțin informații prețioase referitoare la lumea spirituală: rit și ritualurile de înmormântare – în raport cu zeitățile acestora, „patroni" ai lumii de dincolo–chtonianul Zamolxis/Zalmoxis și uranianul/celestul Gebeleizis. În legătură cu aceasta este ritul de inhumație și de incinerație. Ulterior Zalmoxis asimilează și calitățile zeului-soare, geto-dacii crezând că nu pot ajunge la acesta decât prin arderea trupului după moarte, când sufletul „eliberat de încătușarea corpului devenit inutil, să se înalțe la zeul"(Duman 1990, 296). În cadrul inhumațiilor, I. Tentiuc consideră că în acest caz cel „adormit" se ținea îndeaproape până se va „trezi", înmormântarea corpului având drept scop izolarea corpului în dezagregare de contactul cu cei vii pentru a preveni „contaminarea" membrilor comunității (Tentiuc 2004, 120).

În urma generalizării și sistematizării unui imens material arheologic funerar din regiune, cercetătorii au ajuns la concluzia despre succedarea a două modalități de bază: incinerația înlocuiește inhumația la mijlocul – a doua jumătate a mileniului I î.Chr. și inhumația substituie incinerația în a doua jumătate a sec. I d.Hr. (Ghinoiu 1989, 424). Deosebit de convingătoare sunt credințele religioase în legătură cu vinul și creșterea viței de vie, primele având un caracter păgân accentuat. Numărul mare de legende, mituri, credințe și ritualuri legate de vin și vița de vie mărturisesc existența unor tradiții accentuate în domeniu. Interesant este faptul că constatarea corespunde atât credințelor păgâne, precum și celor paleocreștine și creștine. Pentru epoca discutată în mai multe regiuni ale Europei, inclusiv arealul traco-geto-dacic, este foarte răspândit cultul *dionysiac*. Ultimul este demonstrat prin numeroasele reprezentări votive ale zeității respective în cele mai diferite spații geografice ale regiunii. Invocându-l pe zeul Bahus, Ovidiu cântă în versuri generozitatea localnicilor și abundența vinului: Nu este exclus ca într-o măsură oarecare practicile religioase să fi stimulat însăși răspândirea vitiviniculturii. Sistemul complicat de prelucrare a viței de vie și de producere și păstrare a vinului necesitau de la producători să urmeze strict consecutivitatea și termenii îndeplinirii anumitor procedee agrotehnice. Taina pregătirii vinului de rând cu neputința și frica oamenilor epocilor îndepărtate față de anumite fenomene naturale nefaste ocupațiilor acestora s-au reflectat în apariția unor rituri și ritualuri.

Religia antică cu credințele în forța și fenomenele naturale atrăgea atenția la ciclul schimburilor anotimpurilor, mișcarea stelelor cerești, în primul rând a soarelui și a lunii, din care cauză aducerea ofrandelor și jertfelor, precum și îndeplinirea ritualurilor urmau să corespundă zilelor/perioadelor când zeitățile le așteptau. Unele dintre acestea încep să corespundă calendarelor populare agricole, altele aveau o semnificație proprie, sau zilele sărbătoririi anumitor zeități. Anumite ritualuri și libații închinate anumitor zeități se caracterizau printr-o stabilitate strictă pentru perioade îndelungate și deseori se răspândeau departe de limitele anumitor popoare și state. Așa a fost și cazul zeului viței de vie și a vinului *Dionysos*, care primul a obținut vinul mustuind bobițele cu mâna. La alaiurile dedicate acestuia, în care luau parte și populația barbară extazul vakhanalic se atingea prin consumul excesiv de vin, sunetele unei muzici exaltatoare, dansuri ritmice. La *Tyras*, pe lângă cultul clasic a lui Dionysos era destul de popular cultul sincretic al lui *Dionysos-Sabazis* (varianta tracică a zeității), care ulterior se contopește cu Zeul suprem, deseori identificat cu Zeus-Sabazis și Eroul-călăreț trac. Culesul strugurilor și diferitele faze de producere a vinului erau o ocazie pentru sărbătorile *dionisyace*, care reveneau perioadei de toamnă târzie și iernii. Acest zeu a învățat oamenii să culeagă strugurii amețitor și să sărbătorească nopțile. Ritualurile aveau un caracter orgiastic, cu semnificații falice, însoțit de

jertfe şi extazul femeilor. Desigur, pe primul plan erau strugurii şi consumul excesiv al vinului. Influenţa cultului în discuţie asupra spiritualităţii şi închipuirilor religioase a lumii barbare, inclusiv a tracilor septentrionali foarte probabil nu depăşea cadrul folosirii vinului în procesele funerare şi de pomenire, aducerea jertfelor şi utilizare cotidiană. Beţiile fără măsură în cadrul sărbătorilor respective erau parte componentă a cultului zeului vinului. Îmbătându-se oamenii se dedau complet (voinţa şi însăşi viaţa) voinţei zeităţii, devenind ca şi acesta veseli, nesăbuiţi în plăceri trupeşti. Cu cât mai mult omul se elibera de eu-l său obişnuit el trecea în stăpânirea zeului. Eliberându-se, sub influenţa licoarei *dionysiace* de restricţiile cotidiene, persoana „murea" pentru viaţa pământească şi se deda vieţii „veşnice", în procesul căreia, vinul devenea un mijloc de trecere din lumea reală în spaţiul ireal, mai aproape de centrul divin al universului. În acelaşi timp vinul putea transporta pe cei morţi în lumea umbrelor şi ale spiritelor, fiind o chezăşie a unei vieţi noi (Vinokurov 2002, 27-87). Anume această ultimă supoziţie îndreptăţeşte utilizarea vinului drept o acţiune rituală, cu profunde subînţelesuri mistice.

Esenţa htonică a vinului este reflectată în faptul că strugurii, bobiţele şi mustul repetau soarta zeului, suferind. Acestea „se chinuiau" în timpul culesului, apoi în procesul stoarcerii se dezmembrau, îşi pierdeau unitatea şi piereau pentru ca ulterior, într-o nouă calitate să renască în vasele de păstrare cu o mare forţă şi măreţie. Zdrobirea bobiţei, ca şi orice jertfă, este o chezăşie a renaşterii. Foarte probabil, la tracii septentrionali, şi cu atât mai mult în perioada daco-romană, ca şi la alte popoare cu culte *dionisyace*, vinul în vase mari, de tipul *pithos*-urilor, se îngropa în pământ – murea şi se înmormânta – ca după o perioadă de timp să se dezgroape şi să renască. Un alt aspect al procesului de moarte-înviere în contextul credinţelor respective îl constituie utilizarea de foarte multe ori a vaselor de păstrare a vinului – amforele, pithosurile – în cadrul plasării mormintelor, de cele mai dese ori de copii. Acestea sunt de regulă morminte ne-incinerate. Asemenea morminte nu sunt deloc întâmplătoare, de cele mai dese ori vasele fiind în stare bună, fapt ce permite presupunerea că acestea sunt legate de anumite credinţe religioase. Filosoful neoplatonian Porfiriu din *Tyras* (sec. IV d.Hr.) expune ideea conform căreia totul ce provine din lut, inclusiv vasele ceramice, constituie un cult al lui *Dionysos*, legat implicit de viţa de vie. Această închipuire se bazează pe observaţia că obiectele din lut supuse arderii capătă culoarea roşie – culoarea sângelui, a vieţii, a vinului şi a lui *Dionysos*. Cu ultima este legată şi vechea închipuire cosmogonică despre folosirea lutului în calitate de material iniţial de creare a omului, uneori acesta fiind amestecat cu „sângele domnului". Este clar din care cauză vasele de lut jucau un rol deosebit în ceremoniile religioase şi în aducerea jertfelor

În apărarea credinţei vechi un rol aparte revine ţăranilor a căror nume în latină „pagus"/*paganus* se presupună că a dat determinarea însăşi a termenului de „păgân" (Duman 1990, 296; Stoian 1994, 204).

Pentru a mai aduce o serie de argumente în favoarea existenţei anumitor similitudini între credinţele geto-dacilor şi creştină invocăm o tabelă comparativă a unor postulate-promisiuni ale principalilor exponenţi ai religiilor în discuţie – *Zalmoxis* şi *Isus Hristos*, inspirată dintr-un studiu semnat de către D. Bălaşa (Bălaşa 1993, 16-17):

Zalmoxis	**Isus Hristos**
„Nici el, nici adepţii săi şi nici unul din urmaşii acestora nu vor muri şi vor merge într-un loc anume, unde vor trăi pururi şi vor avea parte de toate bunătăţile"	„Cel ce crede în mine, chiar de va muri, va trăi (…). Eu le dau viaţa veşnică şi nu vor pieri niciodată"
La geţi le-a întocmit legile (…) convingându-i că sufletul este nemuritor	„Cei răi vor merge la osândă veşnică, iar drepţii la viaţă veşnică"
Lumea de apoi: „Împărăţia luminii şi a bunurilor eterne".	Împărăţia cerurilor: „Cele ce ochiul nu a văzut, urechea nu a auzit şi la mintea omului nu s-a suit, aceea găteşte Dumnezeu celor ce-l iubesc pe El".

În încheiere constatăm odată în plus că mai ales pentru perioada iniţială de pătrundere a creştinismului (epoca antică târzie şi evul mediu timpuriu) semnalăm o perioadă în care într-un fel coexistă anumite elemente ale vechilor credinţe geto-dacice şi cele creştine. Cu atât mai mult, unele tradiţii vechi continuă să se păstreze şi în continuare, până în zilele noastre.

Bibliografie

Izvoarele antice sunt citate după: *Izvoare privind istoria României* (Bucureşti 1964).
Arnăut 2014: T. Arnăut, Spații sacre și practici funerare din mileniul I a.Chr. în arealul Carpato-Balcanic (Chișinău 2014).
Bălaşa 1993: D. Bălaşa, De la Zalmoxis la Isus Hristos (Barda 1993).
Brunet-Raymond 1926: R. Brunet-Raymond, Le vin et la religion (Paris 1926).
Coman 1980: J. Coman, Imortalité chez les Traco-Geto-Daces. Actes du II Congres International de Thracologie III (București 1980), 241-268.
Crişan 1986: I.H. Crişan, Spiritualitatea geto-dacilor (Bucureşti 1986).
Daicoviciu 1969: C. Daicoviciu, Herodot și pretinsul monoteism al geților. In: C. Daicoviciu, Dacica (Cluj-Napoca 1969), 18-21.
Dana 2008: D. Dana, Zalmoxis de la Herodot la Mircea Eliade. Istorii despre un zeu al pretextului (Iași/București 2008).
Duman 1990: M. Duman, Contribuții la decriptarea unor rituri funerare de substrat. În: Simposia thracologica nr. 8 (Satu Mare-Carei 1990), 296-298.
Eliade 1980: M. Eliade, De la Zalmoxis la Genghis-Han. Studii comparative despre religiile și folclorul Daciei și Europei Orientale (București 1980).
Eliade 1992: M. Eliade, Istoria credințelor și ideilor religioase 2. De la Guatama Buddha până la triumful creștinismului (Chișinău 1992).
Franga 1993: L. Franga, Les Daces et la mort „symbolique". Considérations sur la mort chez les Daces et les Thraces. Thraco-Dacica tomul XIV, nr. 1-2, 1993, 13-23.
Frazer 1995: J. Frazer, Folclorul din Vechiul Testament (București 1995).
Ghinoiu 1989: I. Ghinoiu, Ritualurile funerare la români. Relația cu substratul. În: Simposia thracologica nr. 7 (Tulcea 1989), 424-425.
Haheu, Bratco 2013: V. Haheu, D. Bratco, Unelte și dispozitive, tehnici și practici vitivinicole la traco-geto-daci, RA S.N. IX, 2, 2013, 218-227.
Haheu, Bratco 2014: V. Haheu, D. Bratco, Vitivinicultura Moldovei în epoca Medievală. RA S.N. X, 2, 2014, 237-246.
Haheu, Surdu, Bratco 2014: V. Haheu, V. Surdu, D. Bratco, Despre moarte și „moartea simbolică" la tracii septentrionali (considerații preliminare), RA S.N. X, 2, 2014,
Haşdeu 1874: B. Haşdeu, Les origines de la Viticulture chez les Roumains (Bucarest 1874).
Hâncu-Tentiuc 2008: A. Hâncu-Tentiuc, Câteva considerații privind creștinismul popular în Europa Răsăriteană și de Sud-Est. Revista de Etnologie și Culturologie III (Chișinău 2008), 20-28.
Kernbach 1989: V. Kernbah, Dicționar de mitologie generală (București 1989).
Limbacher 1931: G. Limbacher, Weinbau in der Bibel (Bratislava 1931).
Pârvan 1992: V. Pârvan, Contribuții epigrafice la istoria creștinismului daco-roman. In: Studii de istoria culturii antice (București 1992).
P**etre 2004:** Z. Petre, Practica nemuririi. O lectură critică a izvoarelor grecești referitoare la geți (București 2004).
Postică 2007: Gh. Postică, Civilizația medievală timpurie din spațiul pruto-nistrean (secolele V-XIII) (București 2007).
Sîrbu 1993: V. Sîrbu, Credințe și practici funerare, religioase și magice în lumea geto-dacilor (Galați 1993).
Stan, Rus 1991: A. Stan, R. Rus, Istoria religiilor. Manual pentru seminariile teologice (Bucureşti 1991).
Stoian1994: I. Stoian, Dicționar religios (București 1994).
Tentiuc 2004: I. Tentiuc, Tradiții traco-geto-dacice în ritul și ritualul funerar medieval timpuriu de la est de Carpați. Thracians and Circumpontic World III. Priceeding of the Ninth International Congres of Thracology (Chișinău 2004), 120-124.
Teodor 1985-1986: D. Teodor, Tradiții geto-dacice în cultura materială și viața spirituală din secolele V-X e.n. de pe teritoriul României. AMM VII-VIII, 1985-1986, 131-148.
Teodor 1991: D. Teodor, Creștinismul de la est de Carpați. De la origini până în secolul al XIV-lea (Iași 1991).
Teodorescu 1964: I. Teodorescu, Pe urmele unor podgorii ale geto-dacilor (București 1964).
Vinokurov 2002: N. Vinokurov, Antichnyi sotsium: kul't vina i vinograda. Bosporskie issledovaniia, vyp. II (Simferopol' 2002) // Н.И. Винокуров, Античный социум: культ вина и винограда. Боспорские исследования, вып. II (Симферополь 2002), 27-87.
Zugravu 1997: N. Zugravu, Geneza creștinismului popular al românilor (București 1997).

Vasile Haheu, cercetător științific, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM, bd. Ștefan cel Mare, 1. MD 2001, Chișinău, Republica Moldova; e-mail: vasile.haheu@gmail.com

Dumitru Bratco, doctor în științe agricole, cercetător științific superior, Instituția Publică „Institutul de Cercetări Științifice pentru Horticultură și Tehnologii Alimentare", str. Vieru 59. MD 2004, Chișinău, Republica Moldova; e-mail: dbratco@gmail.com

Сергей Курчатов

Погребение «катафрактария» у с. Урсоая в Днестровско-Прутском междуречье

Keywords: Late Sarmatian Time, mound, North-Western Black Sea Area, heavily armed warrior, armour plates.
Cuvinte cheie: perioada sarmatică, tumul, spațiul nord-vest pontic, ostaș în echipament militar greu, plăci de armură.
Ключевые слова: сарматское время, курган, Северо-Западное Причерноморье, тяжеловооруженный воин, панцирные пластины.

Sergei Kurchatov
The Burial "kataphraktas" have to Ursoaja in the area between the Dniester and Prut

In this paper we consider the open in 1983 at p. Ursoaja in the area between the Dniester and Prut dumping of heavily armed warrior late sarmatian time for individual burial mounds. The presence of flakes in the burial of plate armor and a stuffed horse at the bosh burial structure suggests that the burial mound was committed heavily armed warrior - kataphraktas(?).

Serghei Kurceatov
Mormântul unui „katafractariu" de lângă satul Ursoaia din interfluviul Nistru-Prut

În lucrare este analizată o înmormântare tumulară sarmatică, descoperită în anul 1983 în microzona s. Ursoaia, r-nul Căușeni, adică în partea de sud a interfluviului Nistru-Prut. Prezența în complexul funerar a câtorva „solzi" întregi și fragmentari provenind din structura unei armuri placate, a unor piese fragmentare de harnașament și resturi de oase de cal sugerează că sub acest tumul a fost îngropat un războinic sarmat echipat în armură – un așa-numit katafraktariu(?).

Сергей Курчатов
Погребение «катафрактария» у с. Урсоая в Днестровско-Прутском междуречье

В настоящей работе рассматривается открытое в 1983 г. у с. Урсоая в Днестровско-Прутском междуречье захоронение тяжеловооруженного воина сарматского времени под индивидуальной курганной насыпью. Присутствие в погребении чешуек от пластинчатого доспеха и чучела коня на заплечиках погребального сооружения позволяют предположить, что в кургане было совершено захоронение тяжеловооруженного воина – катафрактария(?).

Воинский доспех и средства индивидуальной защиты крайне слабо представлены в сарматских древностях Северопричерноморских степей I–III вв. В отличие от археологических источников, произведения древних авторов полны сообщениями об отрядах сарматских тяжеловооруженных воинов, успешно боровшихся с римскими легионами (Strabo XI, 4, 4-5; Tac. Hist., I, 79, 14; Arr. Tact., 16,7; Amm. Marc. XXIX, 6, 13-14). Между тем, до недавнего времени их захоронения в Днестровско-Пруто-Дунайском междуречье, не смотря на обилие сарматских комплексов с различного вида вооружением (Meliukova 1962; Simonenko, Lobai 1991; Kurchatov, Simonenko, Chirkov 1995; Kurchatov, Bubulich 2003), не встречались.

В начале 80-х годов прошедшего века на границе Нижнеднестровской лесостепной равнины и Буджакской степи было раскопано полностью разрушенное грабителями воинское погребение сарматского времени с элементами защитного вооружения. В первой публикации материалов кургана (Chebotarenko, Yarovoi, Tel'nov 1989, 132-134, рис. 57-58) были допущены досадные ошибки при характеристике самого комплекса и неоправданные купюры при описании сопроводительного инвентаря. Вероятно, из-за неполноты публикации комплекс не был оценен по достоинству исследователями сарматских древностей. Участие непосредственно в его раскопках и работа с материалами погребения в фондах Национального музея истории РМ позволила максимально полно восстановить реальное состояние комплекса кургана IV на момент его открытия.

Курган IV находился слева от дороги Бендеры – Кэушень, на склоне плато, плавно понижающегося к долине р. Ботна, между двумя оврагами, к востоку от южной окраины с. Урсоая (рис. 1,1). Высота насыпи на момент раскопок составляла 2.4 м от уровня древнего горизонта, диаметр 25 м. В кургане на уровне древнего горизонта было открыто единственное сарматское погребение и два одновремен-

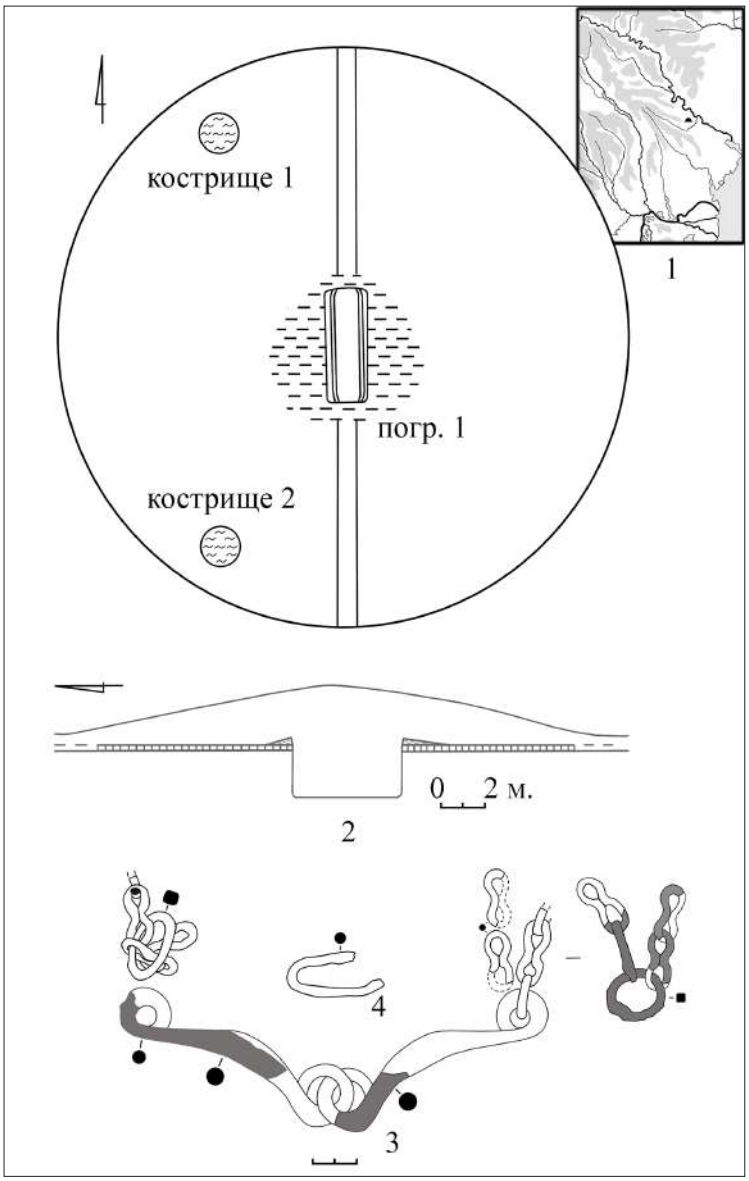


Рис 1: 1 - место положения кургана IV в Днестровско-Прутском междуречье; 2 – общий план кургана IV; 4 – удила; 5 – распределительное кольцо.

Fig. 1: 1 - the location of tumulus IV in the Dniester-Prut interfluve; 2 – General view of tumulus IV; 4 – bit; 5 – distribution ring.

ных с ним кострища. Вокруг погребального сооружения лег выброс материковой глины из ямы, образуя округлую в плане площадку диаметром до 7 м и мощностью от 0.10 до 0.05 м, частично сползавший во входную камеру.

В северо- и юго-западном секторах кургана, вблизи кромки насыпи, были расчищены два кострища диаметром до 1.8 м с мощностью прожога до 0.05 м (рис. 1,2).

Погребение 1 (рис. 2,1) открыто в центре кургана. Яма, размерами 4.85x1.85-1.6 м, трапециевидной формы с заплечиками ориентирована по линии север–юг. Вдоль длинных стен на разной глубине (0.9 у западной и 1.1 у восточной) были обустроены заплечики шириной 0.15-0.35 м. Погребальная камера повторяла форму входной ямы. Длинные стенки полого опускались к горизонтально ровному дну. Ширина на уровне заплечиков составляла 1.25-1.15 м, по дну 1.05 м, глубина 1.1 м. Общая глубина погребения 2.2 м[1]. Заполнение состояло из плотного мешаного суглинка с небольшими включениями древесного тлена и угольков.

Скелет взрослого человека оказался практически полностью уничтожен при ограблении. В северной части погребальной камеры сохранилась одна плечевая, а в южной – малые берцовые кости погребенного. Отдельные фрагменты ребер и фаланги пальцев встречались в средней части ямы, в заполнении и на дне погребальной камеры, в районе грабительского перекопа.

Дно погребальной камеры в области грабительского хода, покрывал слой золы толщиной около 0.3 см с большим количеством древесных угольков. Стенки ямы в районе перекопа оказались частично обожжены.

На заплечиках погребения лежали передние и задние пястные кости лошади без копыт. Сохранились две на западном и одна (в северо-восточной части) на восточном уступе погребальной камеры. Здесь же находились детали уздечки – два фрагмента двусоставных железных удил с подвижными кольцами на концах. Ветви удил слабо изогнуты, в сечении круглые, диаметром 0.5-0.8 см. К овальным кольцам, размерами 3.1x1.5 и 2.7x2.2 см, изго-

1. В публикации комплекса при описании погребения вкралась ошибка. При определении глубины входной ямы к ее реальной глубине была приплюсована высота насыпи кургана.

товленных из квадратного в сечении дрота размерами 0.5х0.4 – 0.4х0.4 см, крепились по два восьмеркообразных сдвоенных звена поводьев. Длина звеньев, изготовленных из круглого в сечении дрота диаметром 0.3 см, 3-2.6 см, ширина 1.3-1.1 см (рис. 1,3). Все соединения дрота колец и звеньев проварены. Среди остатков удил найден фрагмент еще одного железного распределительного кольца от сбруи овальной формы, размерами 4.3х2 см, изготовленного из круглого в сечении дрота диаметром 0.5 см (рис. 1,4).

В заполнении и на дне погребальной камеры удалось собрать две целые, два крупных и один невыразительный фрагмент железных чешуек пластинчатого доспеха (рис. 2, 2-5). Пластинки прямоугольной формы с закругленными нижними краями. В сечении слабо изогнутые с отпечатками кожи на внутренней стороне. На двух пластинах сохранились прямоугольной формы заклепки размерами 1.6-1.2х0.4 см. Длина полностью сохранившихся чешуек 5.5-4.2 см. Ширина варьирует от 1.8 до 2.2 см, толщина от 0.3 до 0.5 см.

На дне погребальной камеры были также найдены четыре крупных и четыре мелких фрагмента железного обоюдоострого клинка овальной в сечении формы. Общая длина фрагментов 14.6 см, ширина до 2.8 см, толщина 0.6 см (рис. 2,6). Сложно представить к какому типу вооружения они могут относиться. Полное отсутствие, каких либо признаков втулки не позволяет интерпретировать их как перо копья. Исходя из этого, с некоторыми оговорками следует отнести их к остаткам меча-кинжала. Фрагмент сильно корозированного предмета (шила или наконечника стрелы), длиной 2.3 см, с обломанными концами и остатками дерева на прямоугольном в сечении черешке размерами 1.6х0.9х05 см. Размеры сохранившегося квадратного в сечении наконечника 0.7х0.6х0.5 см (рис. 2,7).

Две целые и три фрагмента железных скоб подквадратной формы с загнутыми внутрь заостренными концами, размерами 4.3-4.4х3.8-4.2 см. Наименьшая ширина скобы составила 2.7 см. На всех предметах сохранились отпечатки дерева. Все скобы изготовлены из прокованного квадратного в сечении дрота размерами 0.3х0.4 см (рис. 2,8-12).

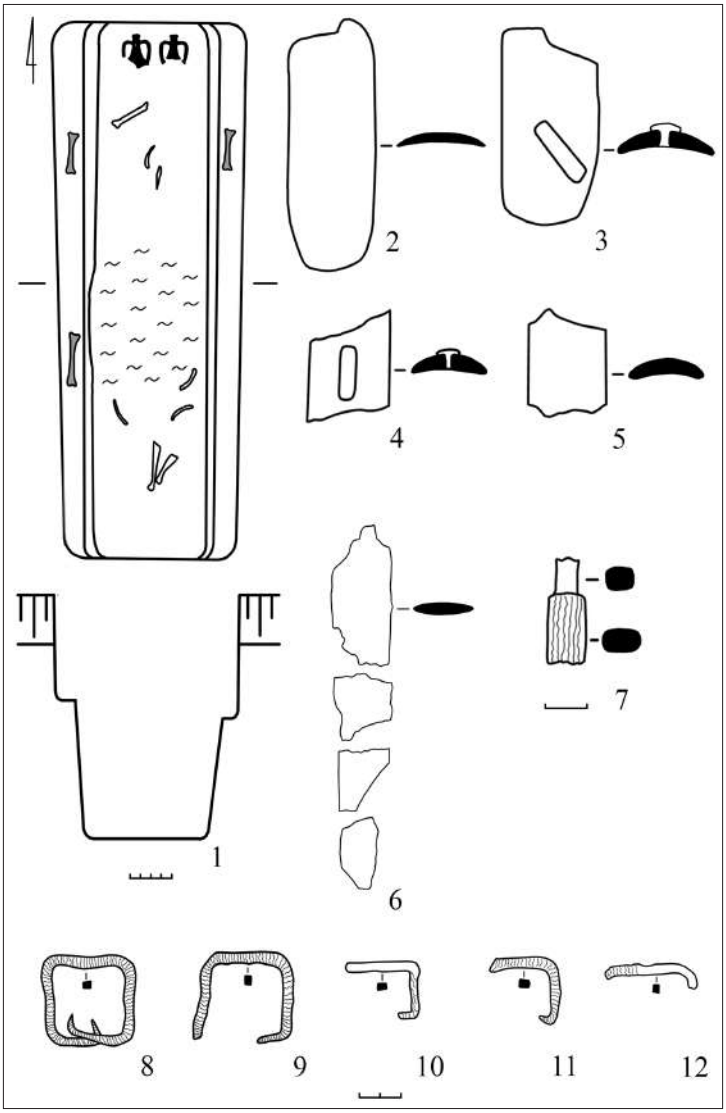


Рис. 2: 1 – план погребения 1; 2-5 панцирные пластины; 6 – меч; 7 – шило – наконечник стрелы(?); 8-12 – скобы.

Fig. 2: 1 – plan of burial 1; 2-5 armored plates; 6 – sword; 7 – awl – tipped arrows (?); 8-12 – staples.

Под северной стеной погребальной камеры лежали верхние части двух светлоглиняных узкогорлых амфор со сложнопрофилированными в сечении ручками. Изготовлены сосуды из хорошо отмученного теста с большой примесью крупнозернистого песка. Вен-

чик первой, диаметром 4.2 см, смоделирован в виде округлого валика со сглаженным гребнем и двойным кольцевым вдавлением внутри верхней части горла. Горло короткое, при переходе к плечикам имеется уступ. Ручки округлой формы профилированы двумя округлыми врезами (рис. 3,2). На горле имеется прямоугольной формы клеймо размерами 2.1x0.6 см. Оттиск оказался не четким. Уверенно читаются три первые буквы ΔΙΟ последняя слабо проступающая, судя по всему, литера М (рис. 3,2а).

Венчик второй амфоры, диаметром 4.2 см, оформлен в виде округлого валика без выделенного гребня и кольцевого вдавления внутри верхней части горла. Горло короткое, стенки в области перехода в плечики резко утончаются. Ручки уплощённой формы с двумя округлыми врезами. Под венчиком отчетливо просматривается искусственное углубление в виде положенной на бок буквы 'Г' длиной 2 см. Вероятно, остатки неудачно оттиснутого клейма (рис. 3,3).

Рядом с погребением, на поверхности выброса материковой глины, найден фрагмент верхней части краснолаковой тарелки с отвесным бортиком высотой 3.8 см. Венчик прямой, край округлый, оформлен в виде слабо выделенного валика. Лак хорошего качества с металлическим оттенком равномерно покрывал всю поверхность черепка. Изготовлен сосуд из хорошо отмученного теста без заметных примесей. Диаметр венчика 20 см (рис. 3,1).

Для определения времени сооружения кургана IV обратимся к анализу обнаруженных в погребении фрагментов тарелки и амфор.

Краснолаковая тарелка с отвесным бортиком относится к керамическим формам, объединяющим разнородные по профилировке венчика и корпуса сосуды. Анализируя краснолаковую керамику из слоев нижнедонских меотских городищ, И.С. Каменецкий выделил интересующий нас сосуд в 5 вариант V типа тарелок с отвесным бортиком и слабо выраженным валиком под венчиком. Отмечая признаки, сближающие попавшие в него сосуды с более поздними экземплярами, из-за недостатка материалов он, однако, не смог выделить рассматриваемые тарелки в отдельный, хронологически обособленный подвариант. По аналогии с

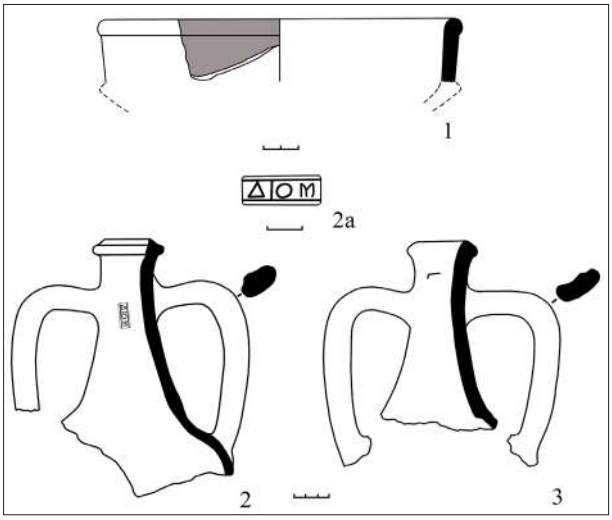


Рис. 3: 1 – краснолаковая миска; 2 – амфора 1; 2а – клеймо; 3 – амфора 2.

Fig. 3: 1 – fine red-gloss bowl; 2 – amphora 1; 2a – the mark; 3 – amphora 2.

предшествующими вариантами, они были продатированы серединой – второй половиной I – первой половиной II в. (Kamenetskii 1993, 82, 86, ris. 18, 139,141).

В материалах Мирмекия и Тиритаки рассматриваемая тарелка соответствует типам 7(М), 9(Т), 9А(Т) по классификации Т.Н. Книпович, наиболее широко распространённым на причерноморских поселениях второй трети – конца I – II в. (Knipovich 1952, 298, 312, 314, ris. 2,1,4; 11,1). Морфологически близкие нашему экземпляру тарелки из погребений 7 и 20 Новоотрадненского могильника, Т.А. Арсеньева, по аналогии с материалами из Ольвии и Мирмекия, также отнесла ко второй половине – концу I – II вв (Arsen'eva 1970, 90, 100, 134, tab. 15,1,2). В погребальных сооружениях могильника «Совхоз №10», входившего в округу Херсонеса, близкой формы сосуды, часть которых во II в. в больших количествах изготовлялись местными мастерами, встречались в погребениях с материалами I-II вв (Strzheletskij et al. 2005, 88, tab. XVIII, 5,7,10).

В Предгорном Крыму тарелки рассматриваемого типа, как с клеймами на дне сосудов, так и без них, происходят преимущественно из комплексов уверенно датируемых рубежом - второй половиной II в (Trufanov 2010, 154, 292-294, ris. 14,1,13). Использование таре-

лок аналогичных найденной в кургане IV во второй половине II в не вызывает сомнений. Между тем, находки аналогичных сосудов в слоях римского укрепления на горе Орловка–Картал, оставленной гарнизоном в первой четверти III в (Bruiako et al. 2010, 346, 348, рис. 2, 11,14,15) и в Нижнем Подунавье, не исключает их использования в Северо-Западном Причерноморье в начале III в. (Suceveanu 2000, 62-69, pl. 23-26).

Оба тарных сосуда из погребения кургана IV относятся к широко распространенным в первые века нашей эры в Северном Причерноморье позднегераклейским светлоглиняным узкогорлым амфорам. Аккуратная профилировка венчика первой амфоры в сочетании с коротким расширяющимся книзу горлом, позволяют отнести ее к поздним сосудам переходного варианта С IVC/D (по типологии С.Ю. Внукова) (Deopik, Krug 1972, 107; Vnukov 2003, 125). Время использования амфор варианта С IVC приходится на вторую четверть – конец(?) II в. (Vnukov 2006, 167). Относительно амфор переходной формы следует отметить, что на предгорных могильниках Крыма они встречаются в погребениях только с материалами середины – второй половины II в. (Trufanov 2010, 131).

Вторая амфора представляет дальнейшее развитие предыдущего варианта и по своим морфологическим признакам (схематизация профилировки венчика в сочетании с коротким расширяющимся книзу горлом) относится к раннему варианту С IVD (Deopik, Krug 1972, 105-106). Первое появление подобных сосудов отмечено не ранее середины II в., однако, наибольшее их распространение приходится на последнюю четверть – конец II(?) – вторую половину III(?) в. (Vnukov 2006, 150, 166). На крымских памятниках они встречаются преимущественно в погребениях начала – второй трети III в (Trufanov 2010, 131).

Румынские исследователи объединяют все узкогорлые тарные сосуды в третий тип понтийских амфор, представленный множеством вариантов эволюционировавших с I по V-VI вв. Выделенные в вариант «В» этой классификации, рассматриваемые нами экземпляры относятся к сосудам, изготовлявшимся в гераклейских мастерских во II-III вв. (Paraschiv 2004, 170-171, 182, pl. 2, 11-13). На амфорах этого варианта наиболее часто встречаются различные клейма фабрикантов или дипинти (Sanie 1981, 138-146, pl. 33-37; Alexianu 1988; Croitoru 2011, 312-320).

В Запрутской Молдове амфоры с аналогичным клеймом ΔIOM найдены на карпских поселениях Бэйчень (Băiceni), Плешешть (Pleşeşti) II-III вв. и римском каструме в Барбошь (Barboşi), в комплексе с монетой Филиппа Араба (247-249 гг) (Sanie 1981, 139, pl. 35, 4; Alexianu 1988, nr. 1, 22; Croitoru 2011, 124, 202, fig. 66, 1677; 126, 3150). Находки клейменных амфор рассматриваемого типа в Днестровско-Пруто-Дунайском междуречье не многочисленны. Единственное формально близкое нашему амфорное горло с нечитаемым клеймом прямоугольной формы происходит из заполнения ровика квадратного в плане сооружения II сарматского могильника у с. Холмское, датируемого исследователями второй половиной либо концом II – первой половиной III в. (Gudkova, Fokeev 1984, 6, 32, ris. 8,20-21).

Суммируя полученные данные, хронологические рамки сооружения кургана IV у с. Урсоая следует ограничить началом – первой третью III в., временем наиболее вероятного совместного использования обоих вариантов амфор и краснолаковой тарелки.

По типу погребального сооружения, рассматриваемый курган относится к достаточно широко распространенному в Днестровско-Пруто-Дунайском междуречье горизонту погребений сарматской элиты, встречаемых также и на левом берегу Днестра. Ранее мы выделяли горизонт типологически близких сарматских погребений под крупными индивидуальными курганными насыпями, отличающиеся отдельными специфическими признаками погребального обряда и принадлежавших, судя по всему, к высшей социальной прослойке сарматского общества связанной с исполнением военных и культовых функций (Agul'nikov, Kurchatov 2013).

Своеобразие настоящего комплекса выражается в наличии на заплечиках погребальной камеры чучела коня, представленного остатками уздечки и костями ног, традиции более характерной для поздних кочевников и неизвестной мне на других сарматских памят-

никах Северного Причерноморья. Ближайшие аналогии прослеживаются в материалах «Золотого кладбища». Здесь части коней были найдены во входных ямах пяти погребений, а в кургане 30 у ст. Усть-Лабинская находился целый скелет коня с остатками уздечки (Gushchina, Zasetskaia 1994, 8). Между тем, следует отметить, что только в одном случае присутствие останков коня было связано с захоронением тяжеловооруженого воина.

Использование частей коня, преимущественно голов, в ритуальных целях широко представлено на сарматских памятниках с ритуальными ровиками II в. Днестровско-Прутского междуречья и II-III вв. Венгерской пушты, где они сопутствовали преимущественно мужским захоронениям. Здесь же, на северной и западной окраинах степи, встречаются отдельные погребения с конечностями коней, что, по мнению венгерских исследователей, связано с поздним, после маркоманских войн, проникновением носителей этого обряда на территорию Алфёльда (Kulcsár 1998, 72-74, 102).

Не находит аналогий в Северном Причерноморье присутствие вблизи погребения двух костров, связанных с какими-то огненными церемониями ритуального характера. Использование огня в погребальной практике сарматов связано с верой в его очистительную силу и широко применялось для сакрального очищения погребальных сооружений и, надо полагать, окружающего пространства. Наиболее ярко последнее проявилось в Ногайчинском кургане в Северном Крыму, где вся курганная насыпь подвергалось интенсивному воздействию огня в течение достаточно длительного времени.

Панцирные пластины из Урсоаи с длинными шляпками заклепок, использовавшихся для жесткого крепления с соседними чешуйками и соответствующих размеров наиболее близки пластинам из материалов кургана 18 у ст. Воздвиженская (Khazanov 1971, tab. XXXI, 1) «Золотого кладбища» второй половины I – II вв. на Кубани. Памятника, где исследованы 32 погребения тяжеловооруженных воинов (Gushchina, Zasetskaia 1993, 10-11, 37) с набором соответствующего катафрактариям вооружения (комбинированные панцирные доспехи, шлемы, наконечники копий и стрел, мечи-кинжалы).

К западу от Прута фрагменты пластинчатого доспеха отмечены на поселениях Брад (Brad), Пынчешть (Pânceşti) и Рэкэтэу (Răcătău) (Croitoru 2011, 257-259, fig. 2, 170; fig. 14, 448-450; fig. 18, 544-547) в Запрутской Молдове, в ареале культуры карпов, входивших в зону сарматского доминирования. Наиболее ярко комплекс с полным набором вооружения катафрактария представлен погребением фракийского «князька» из кургана «Рошава Драгана» могильника Чаталка в Северо-Восточной Болгарии (Buiukliev 1995). Все памятники датируются исследователями суммарно II-III веками.

В Днестровско-Пруто-Дунайском междуречье подобный комплекс исследован впервые. Несколько панцирных пластин, естественно, не дают представления о типе доспеха, обнаруженного в Урсоае. Они могут свидетельствовать только о его наличии. По наблюдениям А.М. Хазанова, металлические панцири встречаются крайне редко и имелись исключительно у знатных воинов, составлявших отдельные отборные отряды катафрактариев (Khazanov 1971, 69, 76).

Назначение скоб, найденных в разрозненном состоянии, трудно определить. Отпечатки дерева свидетельствуют об их использовании для крепления каких-то деревянных изделий. Возможно деталей саркофага, седла, либо наборных планок щита.

Первое предположение не находит явных подтверждений. Даже если допустить, что саркофаг подобной конструкции и мог существовать (до последнего времени ни один из известных мне в Северном Причерноморье сарматских саркофагов не изготовлялся с использованием каких либо железных деталей), количество сохранившегося древесного тлена никак не свидетельствуют о присутствии в погребении столь крупной конструкции.

Рассматривая посадку катафрактариев сарматского времени, А.В. Симоненко отметил появление у кочевников на рубеже эр седла новой конструкции на деревянной основе (Simonenko 2002, 120-121). В археологических материалах они пока никак не представлены. Возможность использования настоящих скоб для крепления деревянных частей подобных седел мало вероятна. Толщина деталей крепившихся скобами колеблется около 4.5 см (наиболее тонкая часть со-

ставляла 2.7 см), что необоснованно делало седло слишком громоздким и тяжелым.

Версия со щитом представляется наиболее перспективной. Использование их сарматами долгое время не находило подтверждения в материалах погребальных комплексов, что породило среди исследователей широко распространившееся мнение о возможности изготовления этого вида защитного вооружения из различных органических материалов (Khazanov 1971, 63), либо полном их игнорировании (Simonenko 2002, 119). Между тем, наличие у сарматов круглых или удлиненных щитов находит подтверждение не только в письменных источниках, но и в иконографических материалах (Perevalov 2007, 146-147). Последнее заставляет более внимательно присмотреться к разнообразным металлическим предметам, встречаемым в сарматских захоронениях и не находивших ранее удовлетворительной интерпретации.

Реальным подтверждением использования кочевниками щитов служит погребение катафрактария, открытое у г. Рустов, Кавказская Албания. Помимо комбинированного доспеха, в могиле сохранились остатки железного умбона и боковые оковки круглого щита диаметром 50 см (Khalilov, Akhmetov 2011, 126, рис. 3,4). Другие параметры не приводятся.

В погребениях «Золотого кладбища» различные гвозди и скобы встречаются сравнительно часто. Некоторые из них вполне близки найденным в погребении кургана IV (Gushchina, Zasetskaia 1994, 73, кат. 498). Однако, как и в нашем случае, они найдены в переотложенном состоянии. Не исключено, что часть из них могла использоваться не только для крепления различных деревянных предметов и деталей гробов, но и щитов в том числе. В Северном Причерноморье их документированно засвидетельствованные находки единичны (курган Садовый, могильники Высочино и Курчи). Заметно увеличивается количество сарматских комплексов с остатками щитов в Венгерской пуште (Kulcsár 1998, 64-65). Здесь они представлены преимущественно умбонами германских щитов что, впрочем, может свидетельствовать только о хорошем знакомстве сарматов с этим видом защитного вооружения.

Таким образом, мы можем с полным основанием предполагать, что в кургане у с. Урсоая было исследовано первое документально подтвержденное захоронение тяжеловооруженного воина-катафрактария в Северо-Западном Причерноморье с соответствующим набором защитного вооружения, непосредственно связанного с сарматским миром, перед уходом сарматов в Венгерскую пушту. Тяжелые потери, понесенные кочевниками в результате Маркоманских войн, способствовали падению их реального влияния в регионе и смещению центра силы в сторону нового населения, активно проникавшего в низовья Дуная из северных областей Центральной Европы начиная с рубежа III в.

Литература

Agul'nikov, Kurchatov 2013: S.M. Agul'nikov, S.I. Kurchatov, Kurgany sarmatskoi elity v Budzhakskoi stepi. RA IX, nr. 2, 2013, 175-184 // С.М. Агульников, С.И. Курчатов, Курганы сарматской элиты в Буджакской степи. RA IX, nr. 2, 2013, 175-184.

Arsen'eva 1970: T.M. Arsen'eva, Mogil'nik u der. Novo-Otradnoe. MIA 155, Poseleniia i mogil'niki Kerchenskogo poluostrova nachala n.e. (Moskva 1970), 82-149. // Т.М. Арсеньева, Могильник у дер. Ново-Отрадное. МИА, 155. Поселения и могильники Керченского полуострова начала н.э. (Москва 1970), 82-149.

Bruiako et al. 2010: I.V. Bruiako, G.V. Zasypkina, I.V. Manzura, L.V. Subbotin, Sloi rimskogo vremeni gorodishcha Kartal (uchastok Kartal-"posad"). Sratum plus 4, 2005-2009. Polevoj dnevnik rimskogo vremeni 2010), 339-364. // И.В. Бруяко, Г.В. Засыпкина, И.В. Манзура, Л.В. Субботин, Слои римского времени городища Картал (участок Картал-«посад»). Stratum plus, 4, 2005-2009. Полевой дневник римского времени, 2010, 339-364.

Buiukliev 1995: Khr. Buiukliev, K voprosu o frakiisko-sarmatskikh otnosheniiakh v I –nachale II veka n.e. RA 1, 1995, 37-46 // Хр. Буюклиев, К вопросу о фракийско-сарматских отношениях в I – начале II века н.э. РА 1, 1995, 37-46.

Vnukov 2003: S.Yu. Vnukov, Prichernomorskie amfory I v. do n.e. – II v. n.e. (morfologiia): Institut Arheologii RAN (Moskva 2003) // С.Ю. Внуков, Причерноморкие амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. (морфология): Институт археологии РАН (Москва 2003).
Vnukov 2006: S.Yu. Vnukov, Prichernomorskie amfory I v. do n.e. – II v. n.e. Chast' II. Petrografiia, khronologiia, problemy torgovli (Sankt-Peterburg 2006) // С.Ю. Внуков, Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. Часть II. Петрография, хронология, проблемы торговли (Санкт-Петербург 2006).
Gudkova, Fokeev 1984: A.V. Gudkova, M.M, Fokeev, Zemledel'tsy i kochevniki v nizov'yakh Dunaya I-IV vv. n.e. (Kiev 1984) // А.В. Гудкова, М.М. Фокеев, Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I-IV вв. н.э. (Киев 1984).
Guschina, Zasetskaya 1994: I.I. Guschina, I.P, Zasetskaia, "Zolotoe kladbische" Rimskoj epokhi v Prikuban'e (Sankt-Peterburg 1994) // И.И. Гущина, И.П. Засецкая, «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье (Санкт-Перербург 1994).
Deopik, Krug 1972: D.V. Deopik, O.Yu. Krug, Evoliutsiia uzkogorlykh svetloglinyanykh amfor s profilirovannymi ruchkami. SA 3, 1972, 100-115 // Д.В. Деопик, О.Ю. Круг, Эволюция узкогорлых светлоглиняных амфор с профилированными ручками. СА 3, 1972, 100-115.
Kamenetskii 1993: I.S. Kamenetskii, Gorodishcha donskikh meotov. Voprosy datirovki (Moskva 1993) // И.С. Каменецкий, Городища донских меотов. Вопросы датировки (Москва 1993).
Knipovich 1952: T.N. Knipovich, Krasnolakovaia keramika pervykh vekov n.e. iz raskopok Bosporskoi ekspeditsii 1935-1940 gg. MIA 25, Bosporskie goroda, I. Itogi arkheologicheskikh issledovanij Tiritaki I Mirmekiia v 1935-1940 gg. (Moskva–Leningrad 1952), 289-326) // Т.Н. Книпович, Краснолаковая керамика первых веков н.э. из раскопок Боспорской эспедиции 1935-1940 гг. МИА 25, Боспорские города, I. Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1955-1940 гг. (Москва–Ленинград 1952), 289-326.
Kurchatov, Simonenko, Chirkov 1995: S.I. Kurchatov, O.V. Simonenko, A.Yu. Chirkov, Sarmats' kyj voins'kyj mogyl'nik na Seredn'omu Pruti. Arkheologiia 1, 1995, 112-123 // С.І. Курчатов, О.В. Симоненко, А.Ю. Чирков, Сарматський воїнський могильник на Середньому Пруті. Археологія 1, 1995, 112-123.
Kurchatov, Bubulich 2003: S. Kurchatov, V. Bubulich, "Sarmatskoe pogrebenie u s. Oloneshty" – 40 let spustia. In: Interferenţe cultural-cronologice în spaţiul nord-pontic. Red. şef Eugen Sava (Chişinău 2003), 285-312 // С. Курчатов, В. Бубулич, «Сарматское погребение у с. Олонешты» – 40 лет спустя. Interferenţe cultural-cronologice în spaţiul nord-pontic. Red. şef Eugen Sava (Chişinău 2003), 285-312.
Meliukova 1962: A.I. Meliukova, Sarmatskoe pogrebenie iz kurgana u s. Oloneshty (Moldavskaia SSR). SA 1, 1962, 195-208 // А.И. Мелюкова, Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты (Молдавской ССР). СА 1, 1962, 195-208.
Perevalov 2007: S.M. Perevalov, Sarmatovedenie mezhdu istoriei i arheologiei. VDI 3, 2007, 139-162 // С.М. Перевалов, Сарматоведение между историей и археологией. ВДИ 3, 2007, 139-162.
Simonenko 2002: A.V. Simonenko, Nekotorye diskussionnye voprosy sovremennogo sarmatovedeniia. VDI 1, 2002, 107-122 // А.В. Симоненко, Некоторые дискуссионные вопросы современного сарматоведения. ВДИ 1, 2002, 107-122.
Simonenko, Lobai 1991: A.V. Simonenko, B.I. Lobai, Sarmaty Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia v I v. n.e. (pogrebenie znati u s. Porogi) (Kiev 1991) // А.В. Симоненко, Б.И. Лобай, Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. (погребение знати у с. Пороги) (Киев 1991).
Strzheletskii et al. 2005: S.F. Strzheletskii, T.V. Vysotskaia, L.A. Ryzhova, G.I. Zhestkova, Naselenie okrugi Khersonesa v pervoi polivine I tysiacheletiia novoj ery (po materialam nekropolia "Sovkhoz № 10"). Stratum plus 4, 2003-2004, Mezhdu pevkinami I fennami, 2005, 27-277 // С.Ф. Стржелецкий, Т.В. Высотская, Л.А. Рыжова, Г.И. Жесткова, Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10»). Stratum plus 4, 2003-2004, Между певкинами и фенами, 2005, 27-277.
Trufanov 2010: A.A. Trufanov, Khronologiia mogil'nikov predgornogo Kryma I v. do n.e. – III v. n.e. Stratum plus 4, 2005-2009. Polevoi dnevnik rimskogo vremeni, 2010, 117-328 // А.А. Труфанов, Хронология могильников предгорного Крыма I в. до н.э. – III в. н.э. Stratum plus 4, 2005-2009. Полевой дневник римского времени, 2010, 117-328.
Khalilov, Akhmetov 2011: M.Dzh. Khalilov, S.A. Akhmetov, Pogrebenie voina-kontofora iz rustovskogo mogl'nika (Severo-Vostochnyi Azerbaidzhan). Rossiiskaia Arkheologiia 2, 2011, 123-132 // М.Дж. Халилов, С.А. Ахмедов, Погребение воина-контофора из рустовского могильника (Северо-Восточный Азербайджан). РА 2, 2011, 123-132.
Khazanov 1971: A.M. Khazanov, Ocherki voennogo dela sarmatov (Moskva 1971) // А.М. Хазанов, Очерки военного дела сарматов (Москва 1971).

Chebotarenko 1984: G.F. Chebotarenko, Otchet o rabote Kaushanskoi khozdogovornoi ekspeditsii v 1983 g. u s. Ursoaia Kaushanskogo raiona. Arkhiv NMI RM, № 265 (Kishinev 1984) // Г.Ф. Чеботаренко, Отчет о работе Каушанской хоздоговорной экспедиции в 1983 г. у с. Урсоая Каушанского района. Архив НМИ РМ, № 265 (Кишинев 1984).
Chebotarenko, Iarovoi, Tel'nov 1989: G.F. Chebotarenko, E.V. Iarovoi, N.P. Tel'nov, Kurgany Budzhakskoi stepi (Kishinev 1989) // Г.Ф. Чеботаренко, Е.В. Яровой, Н.П. Тельнов, Курганы Буджакской степи. (Кишинев 1989).
Alexianu 1988: M. Alexianu, Răspîndirea amforelor cu inscripţii în teritoriul dacic liber din estul României. AM XII, 1988, 105-116.
Croitoru 2011: C. Croitoru, Roman discoveries in the East Carpathian Barbaricum (1st century b.c. – 5th century a.d.) (Brăila 2011).
Kulcsár 1998: V. Kulcsár, A kárpát-medencei szarmaták temetkezési szokásai (Aszód 1998).
Paraschiv 2004: D. Paraschiv, Amfore pontice romane şi romano-bizantine în zona Dunării de Jos. AM XXV, 2002, 165-207.
Sanie 1981: S. Sanie, Civilizaţia romană la est de Carpaţi şi romanitatea pe teritoriul Moldovei. Secolele II î.e.n. - III e.n. (Iaşi 1981).
Suceveanu 2000: A. Suceveanu, La céramique romaine des Ier-IIIe siècles ap. J.-C. Histria X, 2000.

Сергей Курчатов, научный сотрудник, Центр Археологии, Институт культурного наследия, Академия наук Республики Молдова, e-mail: serg-kurchatov@mail.ru

Svetlana Reabțeva

Despre unele trăsături specifice ale giuvaergeriei bizantine din secolele VI–VII

Keywords: Byzantine jewelry, Constantinople, Christian ideas, openwork decorations.
Cuvinte cheie: podoabe bizantine, Constantinopol, idei creştine, piese ajurate.
Ключевые слова: византийские украшения, Константинополь, христианские идеи, ажурные украшения.

Svetlana Reabțeva
On the specific features of Byzantine jewelry of VI–VII centuries

The period of VI-VII centuries is characterized by a large number of Byzantine jewelry productions, many of them are made of gold. The emergence of the Byzantine products in the barbaric environment of Central and Eastern Europe is reflects both the Byzantine imperial ambitions and spread of Christian ideas. Despite the diversity of a set of jewelry decorations, for this period is character the common of technological methods of production and ornamental, stylistic features of decoration. In VI century is formed a specific iconographic decor of many types of jewelry, it combines the features of the Hellenistic art heritage and Christian iconography. In VI–VII century's machinery and story images become universal for various types of jewelry. The antiques of VII century are characterized by the highest number of openwork things with few options form and plots, after the middle of this century in the jewelry there are present the signs of stagnation.

Svetlana Reabțeva
Despre unele trăsături specifice ale giuvaergeriei bizantine din secolele VI–VII

Perioada secolelor VI–VII se caracterizează printr-o cantitate mare de descoperiri de podoabe bizantine, multe dintre care au fost realizate din aur. Apariția pieselor bizantine în mediul barbar în Europa Centrală și de Est reflectă atât ambițiile imperiale bizantine, cât și răspândirea ideilor creștine. Cu toată diversitatea garniturii de podoabe, piesele din această perioadă prezintă o unitate a procedeelor tehnologice, precum și a particularităților decorative și stilistice ale ornamentului. Către sec. VI se formează elementele de bază ale sistemului de ornare ajurată a podoabelor. În sec. VI se constituie un cadru iconografic specific pentru decorul mai multor tipuri de podoabe, care întrunește elemente ale tradiției artistice elenistice și iconografiei creștine. În sec. VI–VII, pentru diverse tipuri de podoabe devin universale tehnica și reprezentările cu diferite subiecte. Majoritatea pieselor ajurate cu un număr redus de variante ale formei și subiectelor ornamentale se datează în sec. VII. În același timp, giuvaergeria celei de-a doua jumătăți a acestui secol cunoaște deja unele elemente de stagnare.

Светлана Рябцева
О специфических чертах византийских ювелирных украшений VI–VII веков

Период VI–VII вв. характеризуется большим количеством находок ювелирных украшений византийского производства, многие из которых изготовлены из золота. Появление византийских изделий в варварской среде в Центральной и Восточной Европе отражает как имперские византийские амбиции, так и распространение христианских идей. При всем разнообразии набора украшений, изделия этого периода демонстрируют общность технологических приемов изготовления, декоративных и стилистических особенностей декорировки. В VI в. складывается своеобразное иконографическое решение декора многих типов украшений, соединяющее в себе черты эллинистического художественного наследия и христианской иконографии. В VI–VII вв. техника и сюжетные изображения становятся универсальными для разных типов украшений. Для древностей VII в. характерно наибольшее количество ажурных вещей с малым количеством вариантов формы и сюжетов, после середины этого столетия в ювелирном деле намечаются признаки застоя.

Perioada secolelor VI–VII se caracterizează printr-o cantitate mare de descoperiri de podoabe bizantine, multe dintre care au fost realizate din aur, găsite atât pe teritoriul Imperiului, cât și departe de limitele acestuia. Apariția pieselor bizantine în mediu barbar în Europa Centrală și de Est reflectă atât ambițiile imperiale bizantine, cât și răspândirea ideilor creștine, simbolurile creștine fiind deseori integrate în decorul podoabelor (Baldini 1999, 12-20; Garam 2001; Zalesskaia 2006, 9,10; Balcárek 2009, 24) (fig. 1,11; fig. 2,2,3).

Din izvoarele scrise cunoaștem despre activitatea unor ateliere de stat și private din Constantinopol, Atena, Siria (Basra), Tiro (Tira?). În documente se întâlnesc mai mulți termeni, legați de giuvaergerie, precum argentariorum, aurarii, covidarii, χρσδοχόοI, daktylid (arii), χρδοχοος, aurifex (Baldini 1999, 22).

Cu toată diversitatea garniturii de podoabe, piesele din această perioadă prezintă o unitate a procedeelor tehnologice, precum și a particularităților decorative și stilistice ale ornamentului.

Giuvaergeria bizantină timpurie a preluat bogăţia patrimoniului elenistic. În asemenea centre, precum Antiohia şi Alexandria, cultura şi limba greacă ţi-au continuat existenţa sub guvernarea romană, aceste tendinţe fiind puternice şi în perioada creştină (Byzantium 2008, 164).

În sec. III, în locul naturalismului roman, decorul articolelor de giuvaergerie începe să prezinte elemente ale stilului podoabelor bizantine timpurii cu aplicarea tehnicii de filetare ajurată. Printre exemplarele timpurii de piese realizate în această tehnică putem remarca colierele şi pandantivele (encolpia), ornate cu asemenea motive de tradiţie antică, precum palmeta şi spirala. Evoluţia ulterioară a tehnicii ajurate poate fi urmărită şi în sec. IV. În acelaşi timp, în epoca lui Diocletian este clar observată influenţa orientală, reflectată în utilizarea pe scară largă a pietrelor scumpe. În această perioadă, în decor predomină buclele ornamentale, se întâlnesc şi decoruri geometrizate. În sec. V se produce o evoluţie ulterioară a decorului geometric, care capătă trăsături şi mai definite. Utilizarea pietrelor scumpe capătă o amploare maximă pe timpurile lui Iustinian. Către sec. VI, se formează elementele de bază ale sistemului de ornare ajurată a podoabelor (Yeroulanou 1999, 194-196) (fig. 2,1). Tehnica de filetare oferea posibilitatea de a economisi metalul, în acelaşi timp creând o imagine plastică estetică (Byzantium 2008, 164-166). Anume utilizarea acestei tehnici a devenit una dintre trăsăturile principale, care au determinat specificul giuvaergeriei secolelor VI–VII. Pe lângă filetare, se utiliza întregul spectru de tehnici de executare a podoabelor: turnarea, ştanţarea, forjarea, lipirea, gravarea, granularea, sârma filigranată, ornarea cu perle şi pietre scumpe (Yeroulanou 1999, 45; Baldini 1999, 17; Zalesskaia 2006, 11).

Pentru piesele de podoabă din sec. V–VII este caracteristică asocierea aurului cu pietrele scumpe: policromia, pătrunsă sub influenţa Orientului. Gama cromatică a podoabelor îşi găseşte paralele pe tablourile mozaicate din Ravenna, unde sunt redate destul de detaliat coliere, brăţări, fibule aparţinând cuplului imperial şi curtenilor (Byzantium 2008, 164). În sec. VI se formează un cadru iconografic specific pentru decorul mai multor tipuri de podoabe, care întruneşte elemente ale tradiţiei artistice elenistice şi iconografiei creştine. În sec. VI–VII, pentru diverse tipuri de podoabe devin universale tehnica şi reprezentările cu diverse subiecte, iar influenţa Constantinopolului se răspândeşte şi în alte centre (fig. 1). Majoritatea pieselor ajurate cu un număr redus de variante ale formei şi subiectelor ornamentale se datează în sec. VII. În acelaşi timp, giuvaergeria celei de-a doua jumătăţi a acestui secol cunoaşte deja unele elemente de stagnare (Yeroulanou 1999, 11, 196.). Distrugerea oraşelor înfloritoare, cucerirea arabă, consecinţele iconoclasmului – toate aceste evenimente au lăsat o amprentă negativă asupra dezvoltării giuvaergeriei (Byzantium 2008, 165).

În pofida diversităţii şi conţinutului variat al giuvaergeriei sec. VI–VII, pot fi distinse câteva tipuri principale de podoabe, caracteristice pentru tradiţia bizantină din această perioadă.

Diademe. Dacă în siturile din sec. II–III sunt prezente diademe-panglici, ornate cu perle şi pietre scumpe, atunci începând cu sec. IV structura diademelor devine ceva mai complexă, apare proeminenţa centrală – *komara* cu pietre scumpe şi cadru perlat (fig. 1,1). Din sec. VII, această proeminenţă centrală este deseori încununată de o cruce (Baldini 1999, 53-64.).

Coliere. Pentru tradiţia bizantină sunt caracteristice lănţişoarele de tip antic, împletite fin şi elastic, care se purtau, de regulă, în combinaţie cu pandantive sau medalioane (Zasetskaia et all.2007, 28-40; Baldini 1999, 53-64). Lănţişoarele confecţionate în atelierele bizantine – „fire ornate cu aur" (conform relatării istoricului bizantin Menander Protector) – de multe ori erau oferite în dar conducătorilor barbari (Zalesskaia 2006, 10). Pe lângă aceasta, se întâlnesc lanţuri compuse din verigi de sârmă sau verigi alternate cu pietre scumpe (fig. 1,10). Un tip separat întruneşte lanţurile din medalioane miniaturale plate cu decor vegetal (Baldini 1999, cat. 15; Garam 2001, tab. 4; Byzantium 2008, 160-175).

Medalioanele fixate de lanţuri elastice sau *torques*-urile din sârmă groasă erau ornate cu perle, pietre scumpe (ametist, calcedonie, lapis lazuli), granulare, sârmă filigranată, filigran, inserţiuni cu reprezentarea împăraţilor şi compoziţii cu diverse subiecte. Pe lângă acestea, sunt răspândite medalioanele ajurate ştanţate, cu decor complex concentric şi motive vegetale. Pe lângă piese rotunde, sunt cunoscute medalioane în formă de picătură, mutifaţetate, pandantive foliforme, lunule, cruci, filactere (fig. 1,4,7) (Baldini 1999, 117-119; Zalesskaia 2006, 11). În epoca împăratului Con-

Fig. 1. Podoabe bizantine din sec. VI–VII. Scări diferite: 1) Fragmentul unei diademe. Tezaurul de la Varna (Muzeul de arheologie din Sofia) (după: Yeroulanou 1999); 2) Brățară. Tezaurul de la Varna (Muzeul de arheologie din Sofia) (după: Dimitrov 1963); 3) Cercei. Rhetimnona (Atena, Muzeul Benaki) (după: Baldini 2009); 4) Pandantiv. Egipt. (London, the British Museum) (după: Yeroulanou 1999); 5) Catarama. (London, the British Museum) (după: Entwistile 2010); 6) Cercel. Siria (Sankt Petersburg, Hermitage) (după: Komar, Khordaev 2006); 7) Pandantiv. (London, the British Museum) (după: Entwistile 2010); 8) Cataramă (London, the British Museum) (după: Entwistile 2010); 9) Cercel. (Atena, Muzeul Benaki) (după: Baldini 2009); 10-11) Colier și cercel. (Baltimore, the Waltres Art Gallary) (după: Yeroulanou 1999); 12) Inel. (Richmond, Virginia museum of Fine Arts) (după: Komar, Khordaev 2006); 13) Cercel. Ozora-Totpuszta (Ungaria) (după: Garam 2001).

Fig. 1. Byzantine jewelry of VI–VII centuries. Different scale is used: 1) Diadem (fragment). Varna treashure (Sofia, Arheological museum). (after: Yeroulanou 1999); 2)Bracelet. Varna treashure (Sofia, Arheological museum). (after: Dimitrov 1963); 3) Earring. Rhetimnona (Benaki Muzeum) (after: Baldini 2009); 4) Pandant. Egipt. (London, the British Museum) (after: Yeroulanou 1999); 5) Buckle. (London, the British Museum) (after: Entwistile 2010); 6) Earring. Siria (Sankt Petersburg, the Hermitage Museum) (after: Komar, Khordaev 2006); 7) Pandant. (London, the British Museum) (after: Entwistile 2010); 8) Buckle (London, the British Museum) (after: Entwistile 2010); 9)Earring. (Atena, Benaki Muzeum) (after: Baldini 2009); 10-11) Necklace și earring. (Baltimore, the Waltres Art Gallary) (after: Yeroulanou 1999); 12) Finger ring. (Richmond, Virginia museum of Fine Arts) (after: Komar, Khordaev 2006); 13) Earring. Ozora-Totpuszta (Ungaria) (after: Garam 2001).

stantin s-a răspândit tradiția utilizării bracteaților pentru decorarea diverselor tipuri de podoabe. Pe lângă confecționarea medalioanelor, aceștia erau utilizați la ornarea cerceilor, fibulelor, brățărilor. Acest element decorativ se întâlnește și în sec. VI–VII (Baldini 1999, 167).

Încă un tip de podoabe pentru gât este reprezentat de specificele coliere-guleraţe ajurate, compuse din plăcuțe separate, dreptunghiulare sau trapezoidale, ornate cu pietre scumpe. Aceste podoabe își găsesc analogiile apropiate în reprezentarea colierului din costumul împărătesei Teodora de pe renumitul tablou mozaicat din Ravenna. O colecție întreagă de piese de acest tip se păstrează la Luvru. Cel mai des însă este reprodus renumitul colier luxos din colecția Antikensammlung, Berlin, ce provine din Egipt (Baldini 1999, cat. 32) (fig. 2,1). Piesa este compusă din plăcuțe trapezoidale ajurate, ornate cu inserțiuni dreptunghiulare din ametist și perle. Marginea de jos a piesei este decorată cu pandantive în formă de picătură, realizate din cristal de munte și ametist.

Fibule. Una dintre trăsăturile specifice ale costumului bizantin timpuriu este utilizarea fibulelor discoidale, purtate atât de bărbați, cât și de femei. Asemenea fibule reprezentau și un element caracteristic pentru portul membrilor familiei imperiale, precum și a funcționarilor publici. În epoca lui Iustinian s-au răspândit fibulele discoidale cu pandantive. În procesul asimilării costumului bizantin de către barbari, apar și la aceștia fibule în forma crucii bizantine, decorate cu sârmă filigranată sau inserțiuni colorate (Baldini 1999, 153-159.). Meșterii bizantini confecționau și alte tipuri de fibule, iar începând cu sec. VI cele mai populare au devenit diversele variante de fibule executate din două plăcuțe (Zalesskaia 2006, 10). În sec. VI–VII în decorul fibulelor bizantine deseori este utilizată aceeași tehnică de filetare, ca și pe alte tipuri de podoabe.

Centuri. Pentru costumul bizantin din perioada respectivă sunt caracteristice garnituri luxoase de centură (fig. 1,5,8). Printre aceste piese sunt prezente cataramele de tip Siracusa cu decor în formă de crini, aplici de centură cu reprezentări stilizate sau decor vegetal și geometric. Pentru sec. VII sunt specifice cataramele cu cadru oval și scuturile ornate cu reprezentări de lei, grifoni, palmete, frunze de iederă, struguri, monograme, cruci (cataramele de tip Corint, Siracusa, Bal-Gota). Influența bizantină poate fi urmărită și în descoperirile de sec. VI–VII în Europa de Sud-Est și Centrală. Garnituri de centură similare se întâlnesc și în Crimeea sau printre „vestigiile de tip Pereşcepino" (Daim 1990, 273-303; Daim 2000, 77-204; Varsik 1992, 77-108; Zalesskaia et all.1997, 44-45; Zalesskaia 2006, 10-11; Komar 2006, 7-244).

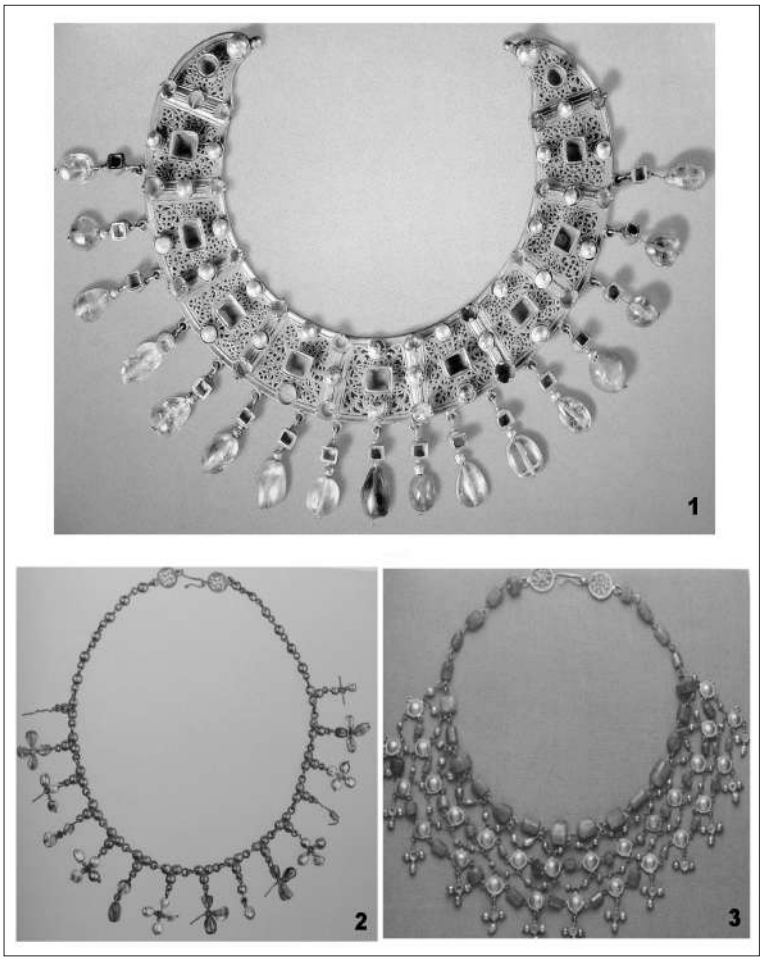


Fig. 2. Coliere bizantine (1 după: Yeroulanou 1999; 2,3 după: Die Welt von Byzanz 2004). Scări diferite: 1, 3) Egipt (Berlin, Antikensammlung); 2) Egipt. (New York, the Metropolitan Museum).

Fig. 2. Necklaces byzantine (1 after: Yeroulanou 1999; 2,3 after: Die Welt von Byzanz 2004). Different scale is used: 1, 3) Egipt (Berlin, Antikensammlung); 2) Egipt (New York, the Metropolitan Museum).

Brățări. Până în sec. VI, în decorul brățărilor pot fi urmărite tradițiile elenistice și romane. Meșterii bizantini confecționau atât brățări simple netede, puțin lățite pe mijloc, cât și piese mai complexe, unele având o construcție destul de complicată. Erau răspândite brățările din plăcuțe masive dreptunghiulare sau rotunde, unite de arcul brățării prin intermediul unor șarniere. În decorul acestor brățări erau aplicate pietre semiprețioase, perle; bracteații erau utilizați la încadrarea medalioanelor, reprezentărilor crucii sau a unor sfinți (Baldini 1999, 175; Byzantium 2008, 184). Drept exemplu al unei brățări luxoase bizantine de sec. VII este piesa din tezaurul de la Varna, bogat decorată cu reprezentări de vlăstari de viță de vie și ornată cu perle de dimensiuni mari (Dimitrov 1963, 35-40) (fig. 1,2).

Inele. Probabil, cele mai populare și larg răspândite podoabe din atelierele bizantine erau inelele. Aceste piese se remarcă prin diversitatea tipologică și varietatea decorului – inserțiuni de piatră, email, sârmă filigranată, granulare. Ornamentul prezintă diverse scene creștine, mistice, religioase, incluzând și unele ce reflectă tradițiile păgânismului popular (Baldini 1999, 187).

În perioada timpurie inelele aveau decor gravat (aplicat pe metal sau inserțiuni din piatră). În situri de sec. V–VI sunt prezente inele de logodnă cu portretele soților, unii dintre care primesc coroana din mâinile lui Cristos. Pe lângă acestea, sunt răspândite inele cu simboluri creștine: monograme ale lui Isus Cristos, cruci, porumbei, reprezentări de scene din Sfânta Scriptură – Daniel în groapa cu lei sau Solomon pe cal, luptându-se cu Răul, precum și figurile unor sfinți, de exemplu, a Sf. Mihail. Pentru sec. V – începutul sec. VI sunt populare așanumitelor monograme închise, care apar pe inele si pe alte piese de podoabă. În a doua jumătate a sec. VI – sec. VII se răspândesc diversele monograme cruciforme deschise (Zalesskaia 2006, 9). Pe lângă inelele cu reprezentări gravate și cele cu intalii se întâlnesc piese cu inserțiuni ajurate, florale, cu pietre scumpe (fig. 1,12).

Cercei. Destul de numeroși și variați sunt cerceii, realizați de meșteri bizantini sau sub influență bizantină. Cerceii sunt simpli sau asamblați din mai multe părți. La baza majorității cerceilor se află un inel-arc. Sunt cunoscuți cercei simpli netezi din sârmă și cercei decorați în partea de jos printr-un strugure granulat. Însă, de regulă, cerceii bizantini erau prevăzuți în partea inferioară cu un pandantiv destul de complex, alcătuit din mai multe elemente: compoziție din mărgele policrome, culorile alternând, realizate din pietre semiprețioase, perle sau pastă sticloasă. În unele cazuri, mărgelele policrome alternează cu compoziții metalice – bile, șatoane pentru inserțiuni colorate, bucle din sârmă. Pe arcul-inel al cercelului poate fi prezent un singur asemenea pandantiv sau o serie întreagă. Dacă sunt mai multe pandantive, acestea de regulă sunt simplificate, în decorul lor predomină buclele mici din sârmă, la capete inelele de care se fixează aceste pandantive deseori alternează cu triunghiuri granulate (Baldini 1999, 89-96).

Al doilea grup important include cerceii cu pandantiv plat. Pandantivele sunt, de regulă, ajurate, rotunde, triunghiulare, în formă de picătură, stea sau lunulă. Decorul lor include motive vegetale. Efectul policromiei este atins prin intermediul utilizării pietrelor scumpe și a firelor perlate (fig. 1,3). Evoluția și răspîndirea largă a podoabelor bizantine pot fi bine urmărite în baza cerceilor cu pandantivi în formă de stea. Variantele timpurii ale pieselor de acest tip erau confecționate cu utilizarea tehnicii granulării. Exemplarele mai târzii sunt imprimate sau turnate; cel mai probabil, o parte din aceste podoabe erau confecționate în afara limitelor Imperiului (Svoboda 1953, 33-108; Čilinska 1975, 70-72).

De regulă, celelalte tipuri de cercei aveau atârnate pandantive ștanțate. Un grup deosebit este compus din cercei cu pandantive în formă de lunulă. Lunulele pot avea trei „coarne" îndreptate în jos sau două „coarne", orientate în sus (Baldini 1999, 96-109). Asemenea cercei, răspândiți larg mai ales în sec. VII, erau ornați cu reprezentări de păsări juxtapuse lângă un crin, havuz, cruce, monogramă (fig. 1,9). Astfel, în această perioadă, giuvaergeria se include cert în arta creștină (Byzantium 2008, 165).

Împreună cu piesele de toreutică bizantină, care circulau pe tot teritoriul Imperiului, podoabele nimeresc și în mediu barbar, fiind probabil oferite în calitate de daruri, fapt ilustrat de o serie întreagă de descoperiri de podoabe din Europa de Est (Zalesskaia 2006, 8).

Astfel, piesele de podoabă bizantine din sec. VI–VII se caracterizează printr-o varietate de obiecte din aur și pietre semiprețioase policrome, executate prin tehnica filetării. Acest procedeu tehnic permitea atât aplicarea unor efecte decorative unicale, cât și confecționarea pe scară largă a unor tipuri de podoabe (cercei, medalioane).

Bibliografie

Balcárek 2009: P. Balcárek, České země a Byzanc. A problematika byzantského uměleckohistorického vlivu (Praha 2009).
Baldini 1999: I. Baldini Lippolis, L'oreficeria nell'impero di Costantinopoli tra IV e VII secolo (Bari 1999).
Byzantium 2008: Byzantium 330-1453. The catalog to an exhibit at the Royal Academy in London in 2008. Edited by Robin Cormack and Maria Vassilaki (London 2008).
Čilinska 1975: Z. Čilinska, Fraunschmuck aus 7-8. J. im Karpatenbeken. Slovenska Archaeologia V, 1975, 70-72.
Die Welt von Byzanz 2004: Die Welt von Byzanz – Europas östliches Erbe. Glanz, Krisen und Fortleben einer tausendjährigen Kultur (Stuttgart 2004).
Daim 1990: F. Daim, Der awarisvhe Grift und die byzantinische antice. In: (Hrsg. H. Friesinger, F. Daim). Typen der Ethnogenese unter besonderer Berucksichtigung der Bayern II. Verőff. Komm. Fruhmittelalterforsch. 13 (Wien 1990), 273-303.
Daim 2000: F. Daim, "Byzantinisch" Gurtelgarnituren des. 8. Jahrhunderts. In: (Hrsg. F. Daim). Die Awaren am Rand der byzantinschen Welt. Studien zu Diplomatie, Yandel und Technologietransfer im fruhen Mittelalter. Monogr. zur Fruhgesch. und Mittelalterarch. 7 (Innsbruck 2000), 77-204.
Dimitrov 1963: D.I. Dimitrov, Rannovizantiisko zlatno sekrovishche ot Varna. Arkheologia V, kn. 2 (Sofia 1963), 35-40 // Димитров Д.И. 1963. Ранновизантийско златно съкровище от Варна. Археология V, кн. 2 (София 1963), 35-40.
Garam 2001: E. Garam, Funde byzantinschen Herkunft in der Awarenzeit vom Ende des 6 bis zum Ende 7 (Budapest 2001).
Entwistile 2010: Ch. Entwistle, Notes on Selected Recent Acquisitions of Byzantine Jewellery at the British Museum. In : (eds. Ch. Entwistle, N. Adams) Intelligible Beauty. Recent research on Byzantine jewellery (Brit. Mus. Publ. 178) (London 2010), 20-32.
Komar 2006: A.V. Komar, Pereshchepinskii kompleks v kontekste osnovnykh problem istorii i kul'tury kochevnikov Vostochnoi Evropy v VII – nach. VIII v. In: Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia. Trudy po arkheologii. T. 5. Khazarskoe vremia. Sbornik nauchnykh rabot (red. A.V. Evglevskii) (Donetsk 2006), 7-244 // А.В. Комар, Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы в VII – нач. VIII вв. В сб.: Степи Европы в эпоху средневековья. Труды по археологии. Т. 5. Хазарское время. Сборник научных работ (ред. А.В. Евглевский) (Донецк 2006), 7-244.
Komar, Khordaev 2006: A.V. Komar, V.M. Khordaev, Zachepilovskii («Novosenzharskii ») kompleks rubezha VII–VIII vv. In: Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia. Trudy po arkheologii. T. 9. Khazarskoe vremia. Sbornik nauchnykh rabot (red. A.V. Evglevskii) (Donetsk 2012), 243-296 // А.В. Комар, В.М. Хардаев, Зачепиловский («Новосанжарский») комплекс рубежа VII–VIII вв. В сб.: Степи Европы в эпоху средневековья. Труды по археологии. Т. 9. Хазарское время. Сборник научных работ (ред. А.В. Евглевский) (Донецк 2012), 243-296.
Svoboda 1953: B. Svoboda, Pohlad Byzantskeho kovotepce v Zemianskem Vrhovku. Pamatky Aheologicke. 44, 1953, 33-108.
Yeroulanou 1999: A. Yeroulanou, Diatrita. Gold pierced-work jewellery from the 3th to the 7th century (Athens 1999).
Varsik 1992: V. Varsik, Byzantinische Gürtelschnallen im mittleren und unteren Donauraum im 6. and 7. Jahrhundert. Slovenská Archeológia 40, nr. 1, 1992, 77-108.
Zalesskaia 2006: V.N. Zalesskaia, Pamiatniki vizantiiskogo prikladnogo iskusstva IV–VII vekov. Katalog kollektsii (Sankt-Peterbutg 2006) // В.Н. Залеская Памятники византийского прикладного искусства IV-VII веков. Каталог коллекции (Санкт-Петербург 2006).
Zalesskaia et all.2006: V.N. Zalesskaia, Z.A. L'vova, B.I. Marshak, I.V. Sokolova, N.A. Foniakova, Sokrovishcha hana Kurbata. Pereshchepinskii klad (Sankt-Peterbutg 1997) // В.Н. Залесская, З.А. Львова, Б.И. Маршак, И.В. Соколова, Н.А. Фонякова, Сокровища хана Курбата. Перещепинский клад (Санкт-Петербург 1997).
Zasetskaia et all.2007: I.P. Zasetskaia, M.M. Kazanskii, I.R. Akhmedov, R.S. Minasian, Morskoi Chulek. Pogrebeniia znati iz Priazov'ia i ikh mesto v istorii plemen Severnogo Prichernomor'ia v postgunnskuiu epokhu (Sankt-Peterburg 2007) // И.П. Засецкая, М.М. Казанский, И.Р. Ахмедов, Р.С. Минасян, Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племён Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху (Санкт-Петербург 2007).

Svetlana Reabţeva, doctor în istorie, cercetător ştiinţific coordonator, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AŞM, bd. Ştefan cel Mare 1, MD-2001, Chişinău, Republica Moldova, e-mail: sveta_earing@mail.ru

Silviu Oța, Liana Oța, Gheorghe Niculescu

Câteva precizări despre atelierul nr. 3 din cetatea de la Cladova (com. Păuliș, jud. Arad)

In memoriam Vasile Boroneanț

Keywords: workshop, fortress, weapons, tools, jewelleries, coin.
Cuvinte cheie: atelier, cetate, arme, ustensile, podoabe, monedă.
Ключевые слова: мастерская, крепость, оружие, инструменты, украшения, монеты.

Silviu Oța, Liana Oța, Gheorghe Niculescu
A few observations about the workshop no. 3 in the fortress of Cladova (comm. Păuliș, Arad County)

The fortress of Cladova, east of the mouth of the creek Cladova in Mureș River, is placed on the top of a hill. The medieval fortress uses an older earth and wood Dacian fortification. Several medieval workshops, a stone church and two superposed cemeteries were found inside the fortress of Cladova. The dating of the worshop no. 3, situated north of the church, is possible on the basis of pottery, a silver ring and a coin issued during the reign of Bernhard II of Carinthia (1202-1254). Both the metal inventory (of copper, bronze, iron and silver) and artefacts typical for the female dress (spindle-whorl, beads, hair link) suggest the fact that the worshop played at the same time the role of a house, used not only by the craftman, but also a woman, too. Although it is obvious that at least some of the craftsmen from the fortress recovered or bought destroyed items or ancient objects, out of use, it is interesting that after the workshop was abandoned, no one came to collect the metal remained there. Most likely, the fortress remained unhabited for a while, and those who returned there did so after quite a long time. Most likely, those who settled in the workshop have never returned, for various reasons which may be no more than supposed, probably due to the Mongol invasion of 1240-1241.

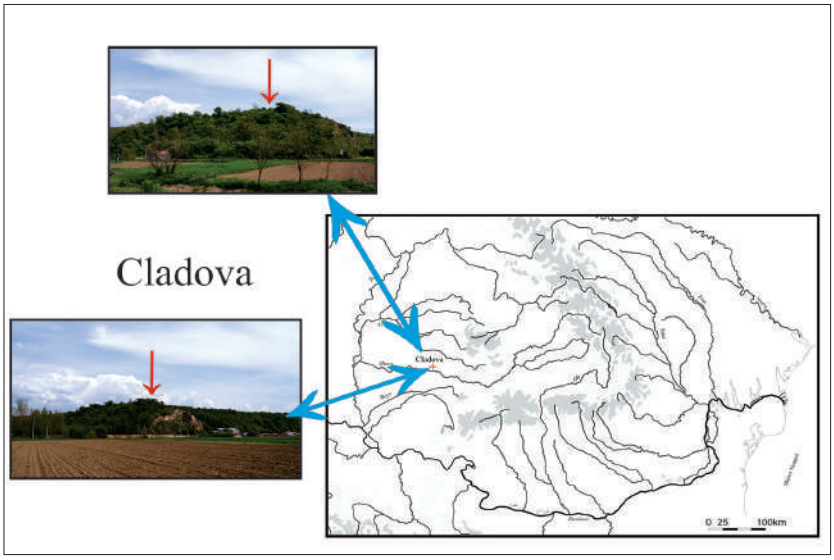
Silviu Oța, Liana Oța, Gheorghe Niculescu
Câteva precizări despre atelierul nr. 3 din cetatea de la Cladova (com. Păuliș, jud. Arad)

Cetatea Cladova, situată la est de gura de vărsare a pârâului Cladova în râul Mureș, este amplasată în vârful unui deal. Ea utilizează o mai veche fortificație dacică, din lemn și pământ. În interiorul său, au fost descoperite mai multe ateliere medievale, o biserică din piatră și două necropole suprapuse. Datarea atelierului nr. 3, aflat la nord de biserică, s-a realizat prin ceramică, un inel de argint și o monedă emisă în timpul lui Bernhard al II-lea de Carinthia (1202-1254). Inventarul metalic (din cupru, bronz, fier și argint), precum și artefacte tipice portului feminin și torsului (mărgele, verigă de păr, fusaiolă), sugerează că este vorba de o locuință-atelier, foarte probabil utilizată nu doar de meșter, ci și de o persoană de sex feminin. Deși este evident că măcar unii meșteri din cetate recuperau sau achiziționau piese distruse sau vechi, scoase din uz, este interesant că după părăsirea acestui atelier, nimeni nu a mai revenit să adune metalul rămas pe loc. Foarte probabil, cetatea a rămas o perioadă nelocuită, iar cei care au revenit au făcut-o după destul de multă vreme. Cel mai probabil cei ce rezidau în atelier nu au mai revenit niciodată, din diverse motive care pot fi cel mult bănuite și datorate foarte probabil invaziei tătare din anii 1240-1241.

Силвиу Оца, Лиана Оца, Георге Никулеску
Некоторые замечания о мастерской № 3 из крепости Кладова (комм. Пэулиш, жуд. Арад)

Крепость Кладова, расположенная к востоку от места впадения ручья Кладова в реку Муреш, находится на вершине холма. При постройке средневековой крепости были использованы остатки старого дерево-земляного дакийского укрепления. На территории крепости были исследованы несколько средневековых мастерских, каменная церковь и два перекрывающие друг друга кладбища. Датировка мастерской № 3, расположенной к северу от церкви, была произведена на основании сопоставления дат керамики, серебряного перстня и монеты, чеканенной во время правления Бернхарда II Каринтийского (1202-1254). Как металлический инвентарь (предметы, выполненные из меди, бронзы, железа и серебра), так и набор артефактов, характерных для женского одеяния и ремесла (пряслице, бусы, височное кольцо) позволяют предложить, что мы имеем дело с жилищем-мастерской, весьма вероятно, использовавшейся не только мастером, но и особой женского пола. Хотя очевидно, что по крайней мере некоторые из мастеров, работавших в крепости, приобретали в качестве сырья старые, вышедшие из употребления или испорченные изделия, интересно, что после того, как мастерская была оставлена, никто не собрал остававшийся там металл. Скорее всего, крепость осталась незаселенной на некоторое время. Вероятно, хозяева мастерской так и не вернулись никогда, из различных причин запустения крепости, которые могут быть более обоснованно предложены, скорее всего этот факт можно связать с монгольским нашествием 1240-1241 годов.

Cetatea Cladova, situată la est de gura de vărsare a pârâului Cladova în râul Mureș, este amplasată în vârful unui deal (Pl. 1). Cercetările s-au desfășurat aici începând din anii `70 ai secolului al XX-lea, sub conducerea lui Vasile Boroneanț. Ea utilizează o mai veche fortificație dacică, din lemn și pământ (Boroneanț, Hurezan, Hügel 1995, 23; Boroneanț, Hurezan, Hügel 1997, 12). O parte a cetății a fost distrusă însă de cariera de piatră aflată în partea sa de sud-est și în cea de vest[1]. Pe partea vestică a sitului, au mai fost identificate fragmente de zid medieval (Pl. 2). În interiorul său, au fost descoperite mai multe ateliere medievale, o biserică tip sală din piatră (cu altar semicircular și un pronaos) și două necropole suprapuse (Boroneanț, Hurezan 1987a, 67-74). Inventarul mormintelor din necropola mai veche cuprindea verigi de păr cu un capăt îndoit în forma literei S (Boroneanț, Hurezan 1987a, 69, Pl. 2,1,4,9), sau altele cu o bucă simplă (Boroneanț, Hurezan 1987a, 69, Pl. 2,3), mărgele de sticlă (Boroneanț, Hurezan 1987a, 68, Pl. 1), un colier de melci, inele din sârme torsionate (Boroneanț, Hurezan 1987a, 71, Pl. 3,6), monede emise în timpul regilor Coloman (1095-1116) și Bela al II-lea (1131-1141) (Boroneanț, Hurezan 1987a, 70, Pl. 3,1-5) și o verigă de sticlă de proveniență bizantină (Boroneanț, Hurezan 1987a, 69, Pl. 2,5; Oța 2010, 415; Oța 2012, 7). Cimitirul a fost parțial suprapus de locuirea din secolele XIII-XIV. A doua necropolă, datată în veacurile XIII-XIV a suprapus parțial pe cea precedentă, dar s-a extins și spre nord (Boroneanț, Hurezan 1987b, 75)[2]. Până în prezent, cea mai mare parte a descoperirilor au rămas inedite, fiind menționate în special în rapoarte de săpătură sau au fost menționate cu ocazia diverselor studii (Hurezan 1996, 103-108; Rusu 2003, 86, 88, 95, Pl. IV,h-o; Oța 2005, 401-402, 412, Fig. 8; Oța 2012, 124, 125, 126; Oța 2014, *Accesorii vestimentare descoperite în cetăți din Banat*; Oța 2015, *Weapons found in Cladova Fortress (Arad County)*, articol sub tipar).



Pl. 1. Poziția Cladovei pe harta României și imagini cu cetatea.

Pl. 1. The location of Cladova on the map of Romania and pictures of the fortress.

Deoarece, în anul 1996 în Muzeul Național de Istorie a României a intrat cu titlu provizoriu[3], spre studiu, un lot de piese provenite din cercetări arheologice efectuate la Cladova (com. Păuliș, jud. Arad), credem necesară publicarea fie și parțială a rezultatelor săpăturii[4]. În acest articol vom încerca să analizăm un lot de piese din atelierul nr. 3, cercetat în anul 1983[5]. Acesta a fost publicat

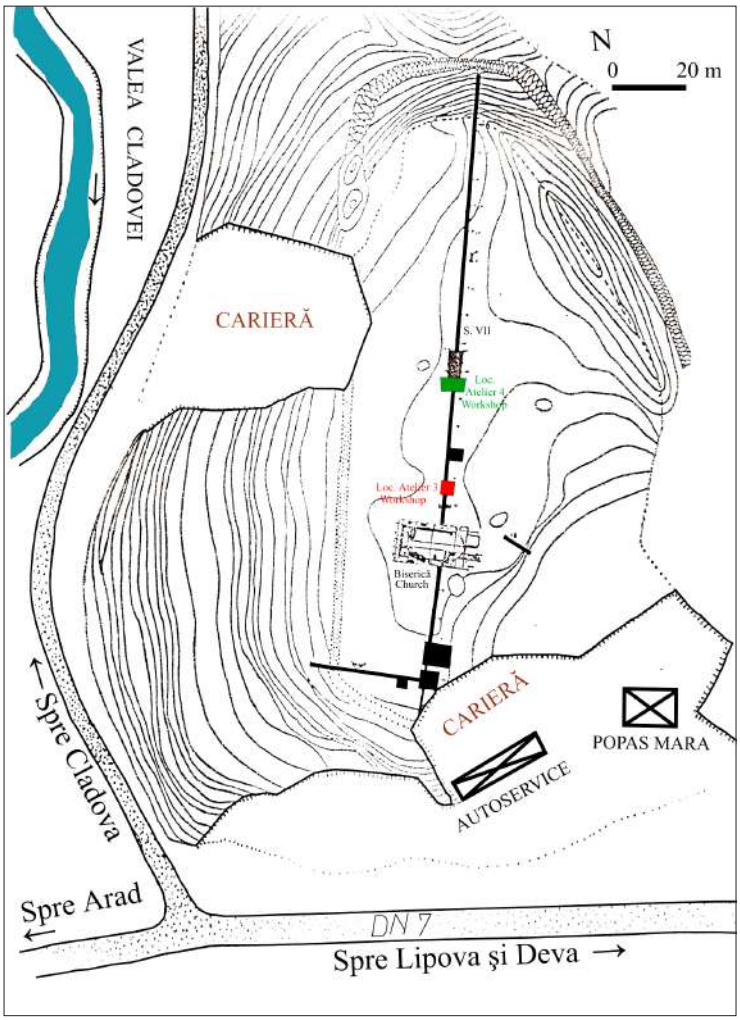
1. Mulțumim domnului Florin Mărginean pentru amabilitatea de a ne fi pus la dispoziție fotografii ale cetății Cladova.

2. Morminte au fost găsite la sud, nord și est de biserică, precum și în interiorul său. S-au surprins și reînhumări pe latura de sud a monumentului, înmormântări duble (femeie cu un copil). S-a putut observa că unii indivizi au murit violent, având, de exemplu, în gură înfiptă un vârf de săgeată.

3. Mulțumim regretatului Vasile Boroneanț pentru materialul cedat spre publicare.

4. Cercetări efectuate de către Vasile Boroneanț și Pascu Gh. Hurezan. Documentația de șantier a fost una minimală, fiind vorba de însemnările găsite pe hârtia de ambalaj a pieselor. Lor li se adaugă și câteva paragrafe consacrate acestei descoperiri și publicate în revista Ziridava 15-16/1987, 76, 77, Pl. 1; 78, 79, Pl. 3; 80, Pl. 4; 81, Pl. 5,2,2a și 2b, 82. De asemenea, mai deținem și câteva notițe privind o parte a mormintelor cercetate în anul 1997, pe latura de sud și est a bisericii. Acestea din urmă vor face obiectul unui alt articol.

5. Trebuie menționat de la început că numărul pieselor primite spre publicare este posibil să fie doar parțial și nu integral. Este vorba de mai multe recipiente ceramice, lupe și zgură de fier, cuie și vârfuri de săgeți, menționate de către Vasile Boroneanț, din care doar o parte se regăsesc între artefactele predate Muzeului Național de Istorie a României.



Pl. 2. Planul cetății Cladova și amplasarea locuinței-atelier nr. 3.

Pl. 2. The plan of Cladova and the location of workshop no. 3.

sumar în anul 1987 în revista Ziridava, vol. XV-XVI. Deși nu cunoaștem numărul exact al pieselor recuperate de aici, dat fiind faptul că numărul de ateliere medievale cercetate în partea de vest a României este unul redus, cred că este importantă și analiza unui segment din viața acestei fortificații în decursul secolului al XIII-lea. Asemenea ateliere, descoperite în fortificații de pământ sunt foarte puțin cunoscute și cercetate pe teritoriul României pentru secolele XI-XIII. O altă parte a lor au rămas nepublicate[6].

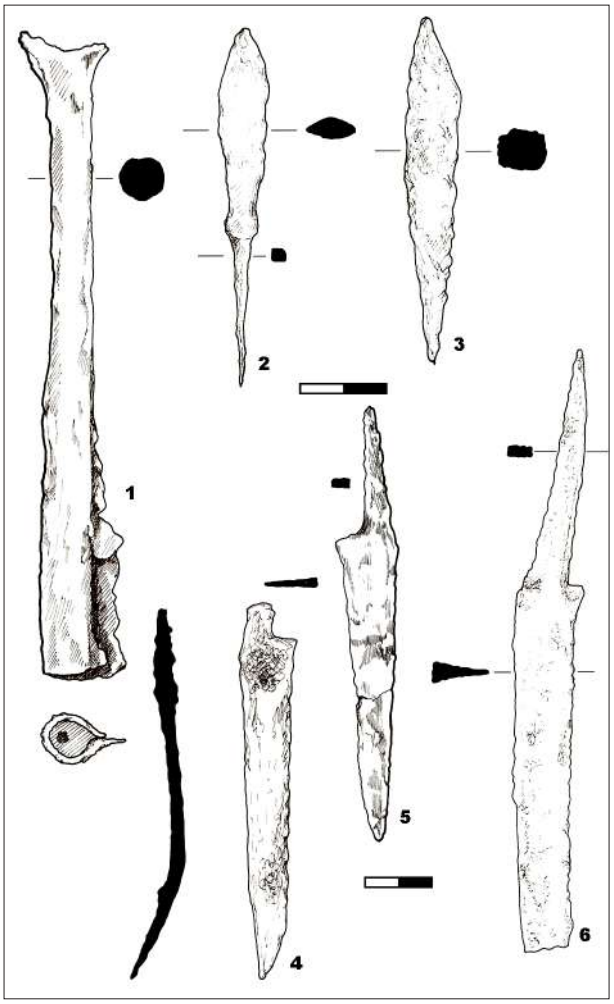
În interiorul fortificației, atelierul se afla la nord de biserică (descoperită în jumătatea sudică a cetății), la o distanță de aproximativ 10 m. Dimensiunile sale, neregulate, sunt de 3,90 și 4,10 m pentru laturile scurte și 5,30 și 5,40 m laturile lungi. Acesta a fost săpat în pământ (-1,20 m) și parțial în stâncă (-0,65 m) față de nivelul actual de călcare. Conform articolului publicat în anul 1987 de către Vasile Boroneanț, de aici au fost recuperate aproximativ 150 kilograme de fier brut, sub formă de lupe și zgură de fier. Ca amenajare în interiorul locuinței atelier, este menționat un cuptor de redus minereul, cu fundul albiat, de formă circulară (D=1,20 m), înconjurat de lespezi de piatră, aflat în colțul sud-estic. La o distanță de un metru, spre vest de cuptor, a fost descoperită o vatră interioară, care avea la rândul ei o groapă cu pereții lucioși și care era legată de cuptor (Boroneanț, Hurezan 1987b, 78). Întrarea în locuința atelier a fost, foarte probabil, în zona de nord-vest.

Datarea complexului s-a realizat prin ceramică (Boroneanț, Hurezan 1987b, 79, Pl. 3; 80, Pl. 4), un inel de argint (Boroneanț, Hurezan 1987b, 81, Pl. 5,2; 82-83, 84; Iliescu 1987, 85-87) și o monedă emisă în timpul lui Bernhard al II-lea de Carinthia (1202-1254) (Iliescu 1987, 85, 86, Fig. 2; 87). Având în vedere aceste elemente, și restul pieselor de metal pot fi atribuite generic aceleiași perioade. Dacă avem în vedere și analogiile unor fragmente de piese, ca de exemplu fragmentele de armături provenite de la teci de cuțite, putem spune că datarea unei mari părți a artefactelor este suficient de bine asigurată (Iambor 2005, 380, Pl. LI,3-4. Vezi și Rusu 2003).

Datarea lor ridică în parte multe semne de întrebare, deoarece o bună parte, sunt recuperate și aduse acolo probabil pentru reutilizare, în sensul că intenția meșterului a fost aceea de a confecționa altele. Ceea ce surprinde la acest atelier, este faptul că au fost concentrate acolo fragmente de piese din materiale diverse, anume fier, bronz, cupru, probabil argint și ceramică. La aceasta, se adaugă faptul că nu este exclus ca în perioada funcționării atelierului să se fi utilizat și piese preistorice. Câteva au fost recuperate din inventarul locuinței atelier (Pl. 11,5)[7].

6. Este vorba chiar de descoperiri de la Cladova, anume cinci ateliere, care au fost doar menționate în literatura de specialitate.

7. Lustruitorului i se mai adaugă câteva fragmente ceramice neilustrate în articol.



Pl. 3. 1. Tub de înmănușare de lance; 2. Vârf de săgeată; 3. Bolț de arbaletă; 4. Lamă de cuțit; 5. Cuțit; 6. Fragment de cuțit.

Pl. 3. 1. Spearhead; 2. Arrowhead; 3. Crossbow bolt; 4. Knife edge; 5. Knife; 6. Knife fragment.

Inventarul metalic din locuința atelier, extrem de divers, trebuie separat între piesele întregi, utilizabile de meșter în timpul funcționării atelierului în mod curent, unelte, și cele adunate și depozitate acolo în vederea reprelucrării, ca materie primă. Este destul de dificil de spus însă care erau produse finite pentru uzul personal și cele realizate la comandă în vederea vânzării sau pentru cei ce rezidau în fortificație. La acestea se adaugă piese de port și podoabă, unele tipic feminine (Pl. 5,8,9,12)[8].

Lor li se adaugă și alte artefacte din materiale diverse. Ceramica constă în oale borcan de diverse dimensiuni, unele cu marcă de olar pe fund. Acestea au fost utilizate spre mijlocul secolului al XIII-lea. Tot de acolo au mai fost recuperate și două fragmente ceramice smălțuite, arse oxidant (Pl. 11,8-10). Lor li se mai adaugă un fragment ceramic în curs de prelucrare, cu intenția de a-l transforma în fusaiolă (Pl. 11,3).

Piesele utilizate în activități curente, altele decât cele tipice unui atelier de prelucrare a metalelor sunt destul de numeroase. Ele constau în recipiente din ceramică de uz comun și sticlă, piese de podoabă și port, resturi alimentare, cuțit, fusaiolă, o fusaiolă în curs de prelucrare dintr-un fragment ceramic, sulă, suvac și ustensile diverse. Lor li se adaugă și câteva fragmente de ceramică smălțuită.

Podoabele sunt diverse și constau în câteva mărgele, o verigă de păr și un inel din argint. Mărgelele sunt de mici dimensiuni, din sticlă colorată (Pl. 5,8), dar și unele mai mari (Pl. 5,9). Inelul este unul cu inscripție, decorat cu o cruce dublă, fiind vorba de o piesă arpadiană databilă în secolul al XIII-lea (Pl. 5,7) (Vezi Lovag 1989). Interpretarea inscripției sale, anume că ar fi aparținut voievodului Transilvaniei, Pousa, este însă cel puțin forțată (Iliescu 1987, 85-87)[9].

8. Desenele pieselor au fost realizate de către Georgiana Ducman, Simona Mateescu și Silviu Oța (MNIR).

9. Comunicare susținută la Muzeul Național de Istorie a României de către Silviu și Liana Oța în anul 1997. Vom menționa aici doar câteva din semnele de întrebare care se ridică asupra inelului sigilar recuperat din locuința atelier. Descoperirea unui inel de argint cu o inscripție citită la acea vreme „DUS POUSA" a dus la interpretarea, credem noi, forțată, anume aceea că acolo era reședința voievodului Transilvaniei, Pousa. Acest lucru este foarte puțin probabil, ca urmare a două raționamente extrem de simple. O primă observație este legată de faptul că localitatea Cladova la acea dată nu aparținea voievodatului Transilvaniei și din punct de vedere geografic și administrativ făcea parte din comitatul Arad. O a doua remarcă se leagă de imposibilitatea autorilor cercetării de a justifica, în cazul în care presupunem că demonstrația lor este bună, prezența inelului voievodal într-o obscură locuință atelier situată în afara voievodatului. Lunga listă a nedumeririlor poate continua și cu o altă întrebare, anume de ce un înalt demnitar al Regatului maghiar și-a comandat inelul sigilar unui atelier în care lucra un gravor „…nu prea priceput…"?
Încercarea de a descifra inscripția de pe inel a revenit lui O. Iliescu. În mod onest, acesta a dat posibilitatea cititorului să interpreteze cum dorește inscripția, doar că în acest mod a dat și posibilitatea autorilor săpăturii să nu renunțe la ipoteza că acolo ar fi fost măcar una din reședințele voievodului Transilvaniei, Pousa, atestat în prima jumătate a secolului XIII. Mai degrabă suntem fie în fața unui inel care a aparținut unui nobil local care și-a comandat piesa la un meșteșugar local de la Cladova, fie este vorba de o încercare grosolană de falsificare a inelului unui personaj de rang înalt. Crucea dublă, în

O singură cataramă este întreagă (Pl. P,1). Din păcate nu putem spune dacă a fost confecționată acolo cu scopul de a o vinde ori aparținea meșterului sau unuia din membrii familiei sale.

Două aplice de cupru provin de la piese dificil de identificat (Pl. 10,3,5). Doar exemplarul rectangular, este posibil să fie de la o centură (Pl. 10,5). Este foarte dificil de spus dacă sunt de la piese dezafectate sau erau în curs de prelucrare. Ele par desprinse de pe curele.

Fragmentele de pahar de sticlă provin din două exemplare diferite. Este vorba de un fragment de la talpa piciorului (Pl. 11,1) unui pahar și un fragment din corp și buză (Pl. 11,2).

Lustruitorul de lut ars provine din materiale descoperite în cetate din nivelurile mai vechi, preistorice, probabil de către un individ care activa în cetate. Este greu de spus dacă a mai fost reutilizat în Evul Mediu.

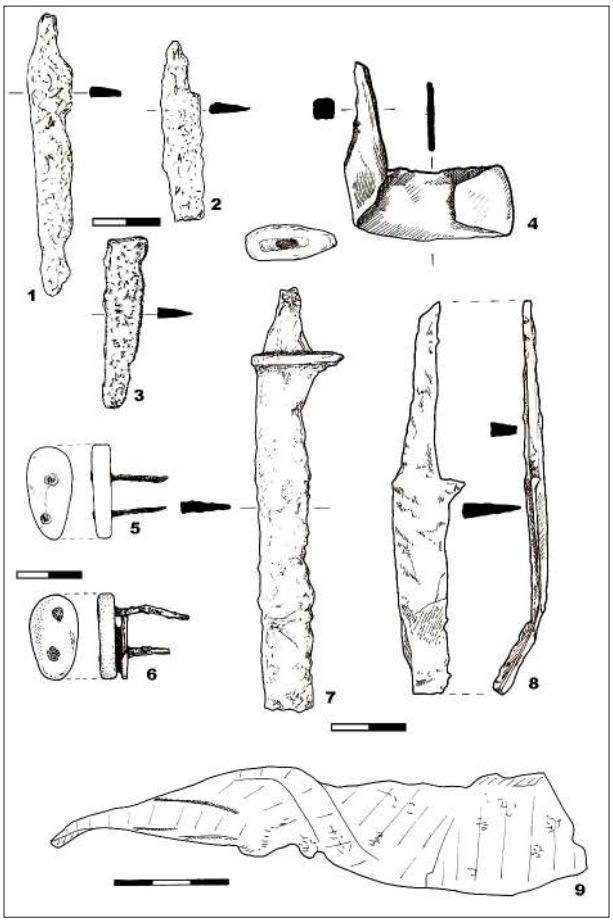
Piatră șlefuită, circulară în secțiune (Pl. 11,7), având în vedere forma, nu este exclus să fi fost utilizată ca dop pentru un recipient.

Sulă, de mici dimensiuni (Pl. 6,4) și suvacul (Pl. 6,6) (Ca analogii vezi piesele mai târzii de la Baia (Neamțu, Neamțu, Cheptea 1984, 143, Fig. 50,1-3), Enisala (Dragomir 1972-1973, 35, Fig. 9,12), demonstrează că cei ce utilizau complexul, foarte probabil desfășurau și alte activități, decât cele metalurgice, probabil de întreținere a îmbrăcămintei din piele sau a încălțămintei.

Vârfurile de săgeți au aparținut foarte probabil meșterului, deși nu trebuie exclusă nici posibilitatea de a fi fost produse pentru apărătorii cetății. Conform modelelor, este destul de clar că cele două exemplare se utilizau pentru arc (Pl. 3,2), respectiv arbaletă (Pl. 3,3).

Toporașul jucărie (?) este o piesă mai puțin întâlnită (Pl. 6,2). Nu se poate spune dacă a fost realizat pentru comercializare sau pentru un eventual copil.

Piesă de fier (Pl. 6,1) provenită probabil de la o alta mai mare articulată, este destul de dificil de la ce anume provine.



Pl. 4. 1. Lamă de cuțit; 2. Fragment de lamă de cuțit; 3. Fragment de lamă de cuțit; 4. Cuțit în curs de prelucrare; 5. Aplică de os de la capătul mânerului unui cuțit; 6. Aplică de os de la capătul mânerului unui cuțit; 7. Fragment de cuțit cu gardă; 8. Fragment de lamă de cuțit; 9. Bucată de fier în curs de prelucrare.

Pl. 4. 1. Knife edge; 2. Fragment of a knife edge; 3. Fragment of a knife edge; 4. Knife in process; 5-6. Bone appliqué at the end of a knife handle; 7. Fragment of a knife with guard; 8. Fragment of a knife edge; 9. Iron fragment in process.

Fusaiola, confecționată dintr-un fragment ceramic, aparținea foarte probabil, unei persoane de sex feminin (Pl. P,11). Ei i se adaugă un fragment ceramic în curs de prelucrare cu scopul de a fi transformat tot în fusaiolă (Pl. 11,3).

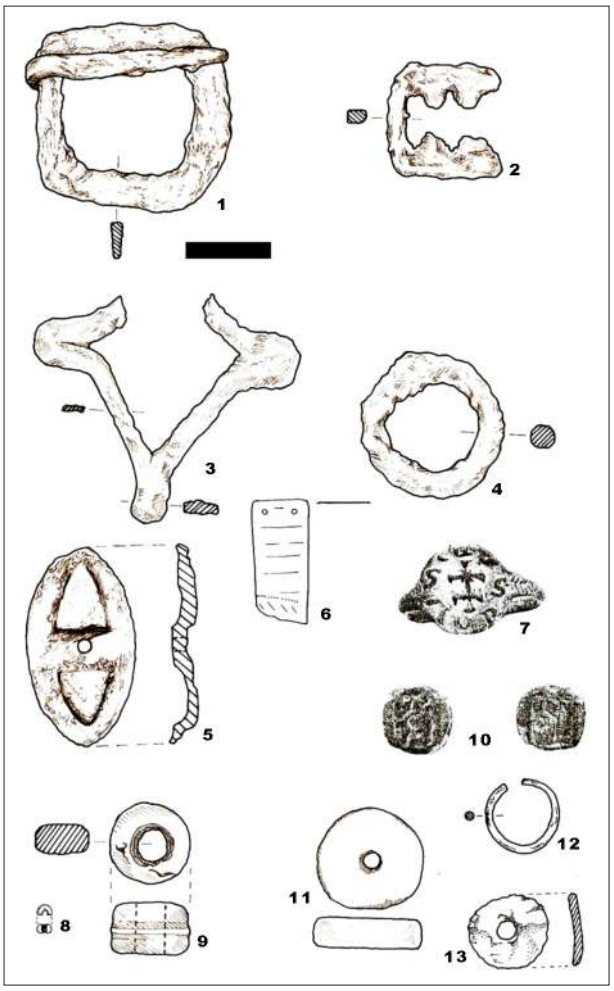
Moneda din argint, constituie alături de inelul cu inscripție, cel mai bun element de datare al locuinței atelier (Pl. 5,10).

Oasele de pește, foarte probabil reprezintă o parte din dieta celor care rezidau în locuința-atelier la un moment dat (Pl. 12,1-6).

Piese provenite de la locuință

O singură piesă, anume o scoabă (Pl. 8,8)

acea vreme, a reprezentat unul din motivele ornamentale ale inelelor funcționarilor laici. Nu trebuie însă să uităm că piese asemănătoare în perioada arpadiană sunt frecvente pe teritoriul Regatului ungar. Încercarea de a le lega de lumea ortodoxă constituie o altă problemă adusă în discuție de către autorii săpăturii. Este adevărat că aceasta apare pe coroana bizantină a regilor Ungariei, dar de aici până la a accepta explicațiile oferite este foarte dificil pentru prima jumătate a secolului XIII (mai exact până în anii '40).



Pl. 5. 1-4. Catarame; 5-6. Aplice; 7. Inel; 8-9. Mărgele; 10. Monedă; 11. Fusaiolă; 12. Verigă de păr; 13. Șaibă (?).

Pl. 5. 1-4. Buckles; 5-6. Appliqués; 7. Ring; 8-9. Beads; 10. Coin; 11. Spindlewhorl; 12. Hair link; 13. Washer.

putem spune că provine cel mai probabil de la o fereastră a locuinței. Astfel de piese au numeroase analogii în siturile medievale de pe teritoriul României (Neamțu, Neamțu, Cheptea 1980, 56, 176, Fig. 24,3-4; 177, Fig. 25,4-6).

Un cui provine și el, probabil de la structura locuinței sau de la o piesă de mobilier din interiorul său (Pl. 8,4).

Piese care puteau fi utilizate în activitățile specifice unui atelier de prelucrare a metalului sunt extrem de puține. Mai degrabă putem vorbi doar de câteva care nu au mai fost recuperate după distrugerea atelierului.

Osul de vită cu modele (Pl. 12,7) provine, foarte probabil, din artefactele ce pot fi atribuite secolului al XIII-lea. Inciziile triunghiulare, relativ neregulate (fără să se constituie într-un decor anume), dispuse în șiruri, par a fi mai degrabă rezultatul unor lovituri cu un instrument cu vârf triunghiular, care a perforat probabil un metal și s-a lovit de acest os, cu posibil rol de nicovală (Beldiman ș.a. 2014, 229, 230, 237, Fig. 13; 238, Fig. 16; 239, Fig. 18; 240, Fig. 20, 21, 22; 241, Fig. 23, 24, 25.). Se poate observa, de asemenea, că pe laterale osul nu a fost prelucrat și finisat pentru a fi utilizat ca o plăsea, deci a fost o simplă unealtă. Inciziile observabile pe os, conform dimensiunilor și formelor, par a proveni de la trei instrumente diferite, unul triunghiular de dimensiuni mai mari, unul triunghiular ascuțit și un al treilea de formă rectangulară neregulată. De asemenea, se poate observa că fiecare linie de incizii a fost executată cu aceeași unealtă, diferențele de dimensiune putând rezulta din intensitatea loviturilor asupra piesei.

Cremenea, foarte probabil, a fost utilizată pentru activitățile curente, de aprindere a focului (Pl. 11,6).

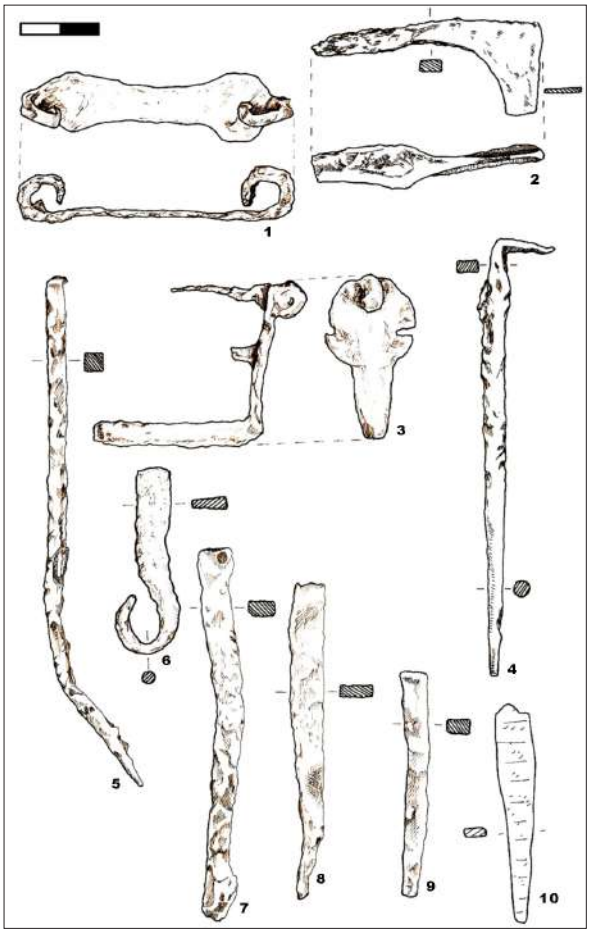
Fragmentele de fier și de fier topit (Pl. 7,9; Pl. 8,2,5-7), demonstrează că, probabil, în cetate se prelucra și minereul adus din mine de pe Valea Cladovei (Boroneanț 1999, 119)[10]. O altă ipoteză este aceea că minereul ar putea proveni și din zona Rădnuța, din teritoriul Lipovei, unde sunt identificate expoatări încă databile în secolele XI-XII (Boroneanț 1999, 118). Pe lângă fragmentele de piese din diverse metale adunate acolo, acestă bucată de metal demonstrează că la confecționarea pieselor se utiliza inclusiv fierul produs în cetate. Dacă avem în vedere o altă bucată de fier în curs de prelucrare (Pl. 4,9), putem spune cu certitudine că pentru secolul al XIII-lea putem vorbi de exploatări de minereu în zonă.

Tijele de fier au o utilitate greu de precizat mai ales în condițiile în care nu au fost restaurate. Pot fi și ustensile, dar și părți rupte din piese, adu-se acolo pentru recuperarea metalului (Pl. 6,7-10).

Fragmente de piese adunate în vederea reprelucrării

Table de cupru și bronz pliate, cu sau fără nituri, nituri, cele în curs de prelucrare (Pl. 9,1-7, Pl. 10,1,2,4,6-10), tubul de înmănușare provenit de la un vârf de lance (Pl. 3,1), fragmentul de piesă de

10. Periegheze efectuate de către Vasile Boroneanț, Gh. Pascu Hurezan, Peter Hügel, Silviu Oța.

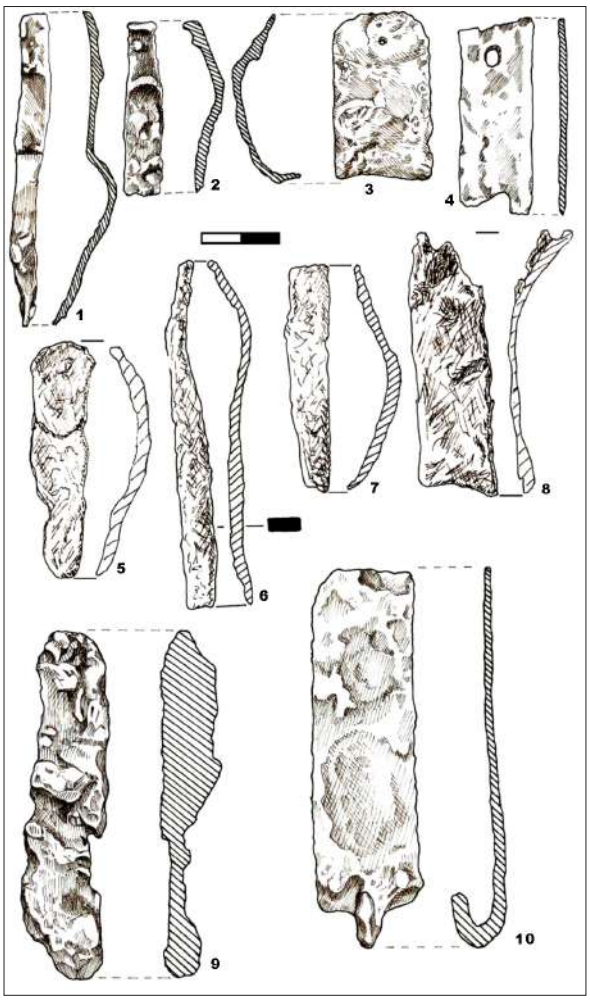


Pl. 6. 1. Fragment de balama(?); 2. Toporaș jucărie; 3. Fragment de lacăt; 4. Sulă(?); 5. Suvac; 6. Fragment de piesă de fier cu un cârlig la un capăt (zăbală?); 7-10. Diverse ustensile folosite în atelier.

Pl. 6. 1. Hinge fragment(?); 2. Little axe toy; 3. Padlock fragment; 4-5. Awls(?); 6. Fragment of an iron item with hook at one end (bit?); 7-10. Different tools used in the workshop.

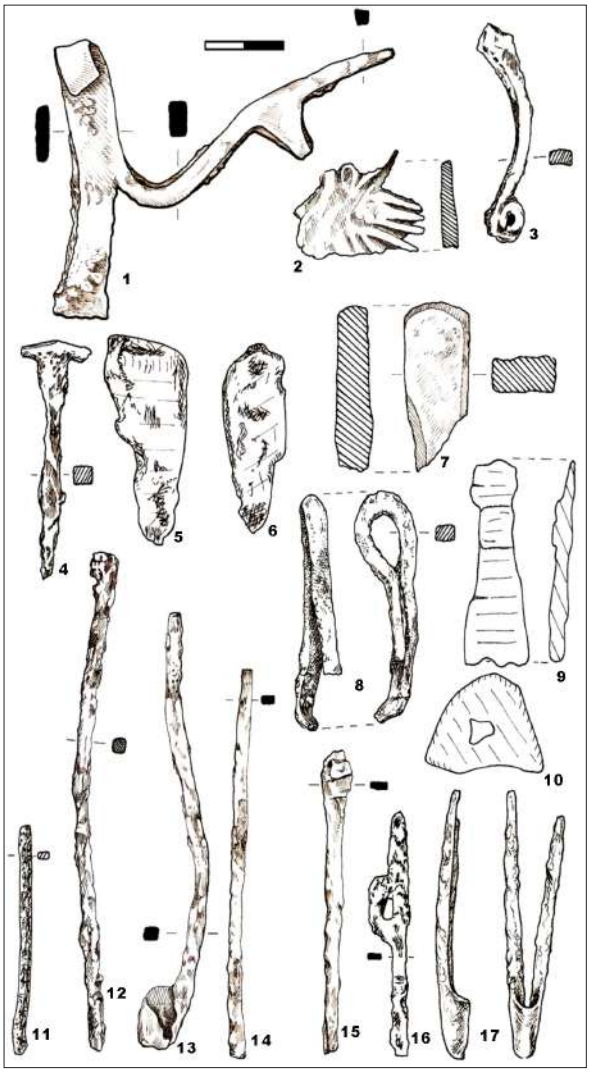
fier terminată cu un cârlig la capăt (posibul de la o zăbală; Pl. 6,6), fragmentul de lacăt (Pl. 6,3), plăcuțele de fier de diverse forme și dimensiuni (Pl. 7,1-2,5-8,10), unele perforate (Pl. 7,3-4), fragmente de fier provenite de la diverse piese (Pl. 8,9-10), fragmente de armături de teacă de cuțit (Pl. 8,11-17), sunt doar câteva din părțile de obiecte adunate în locuința atelier în vederea reprelucrării.

Foarte interesant este faptul că la Cladova a fost descoperit un lot important de fragmente de cuțite, anume nouă, cele mai multe cu lama sau pedunculul de înmănușare rupte. Se poate observa cu ușurință că toate aceste exemplare distruse au urme de utilizare. La aceasta se adaugă faptul că doar un exemplar era întreg (Pl. 3,5). Dacă avem în vedere și faptul că sunt o serie de fragmente de armături de teci de cuțite de luptă, dar și două bucăți de fier în curs de prelucrare (Pl. 4,4,9), putem spune că aici se confecționau cuțite. Materialul utilizat provenea fie din fier reprelucrat, fie din fier brut obținut într-un alt atelier. Foarte probabil, aici se aduceau și arme scoase din uz, ca urmare a distrugerii lor, cu același scop, anume de reutilizare a metalului. Două capete de mânere de cuțit (Pl. 4,5-6), executate din os, probabil au fost desprinse de la exemplare aduse aici pentru reparare sau reprelucrare. Fragmentul de cuțit cu gardă (Pl. 4,7) este o altă piesă adusă aici pentru reprelucrare. Asemenea piese au bune analogii cu piese descoperite în necropola de la Alba Iulia-Stația de salvare (Blăjan 2006, 29, 117, Fig. 26), Băneasa-Străulești (Constantiniu, Panait, Cristache-Panait 1965, 103, Fig. 23) și în așezarea de



Pl. 7. 1-8, 10. Plăcuțe de fier cu utilitate neprecizată; 9. Bucată de fier.

Pl. 7. 1-8, 10. Iron plates with unknown use; 9. Iron fragment.



Pl. 8. 1. Piesă de fier în curs de prelucrare; 2, 5-7. Bucăți de fier; 8. Balama; 4. Cui; 3, 9, 10. Fragmente de piese de fier cu utilitate necunoscută; 11-17. Fragmente de armături de teacă.

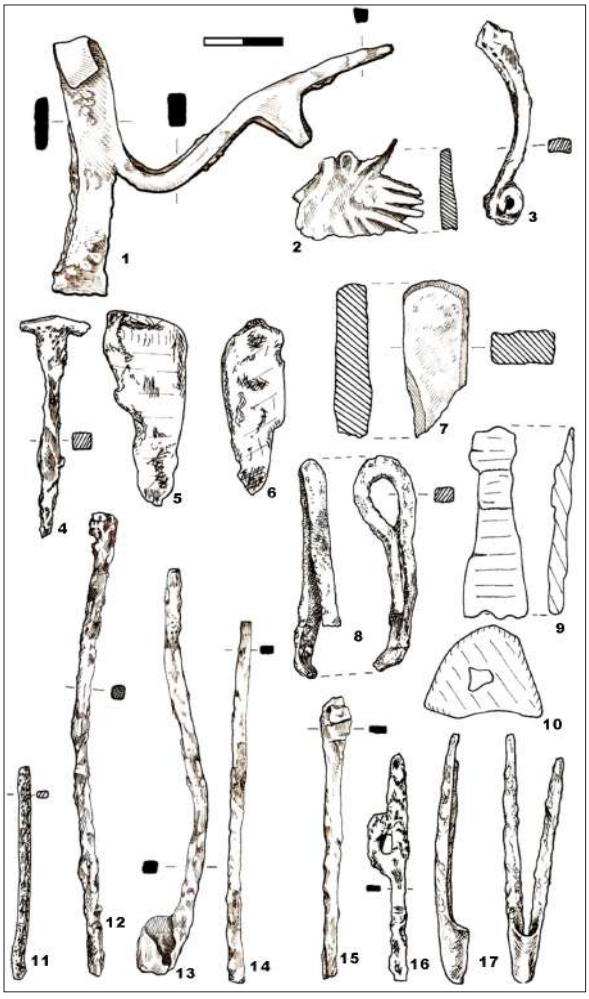
Pl. 8. 1. Iron item in process; 2, 5-7. Iron fragments; 8. Hinge; 4. Nail; 3, 9, 10. Fragments of iron items with unknown use; 11-17. Fragments of fitting sheaths.

la Bucov (Comșa 1978, 115, 117, Fig. 92,4,12). În ambele puncte, piesele au fost datate în cursul secolului al X-lea. Cuțitele sunt, fără excepție, cu peduncul de înmănușare. Toate sunt modele comune Evului Mediu și sunt lipsite de însemne de meșter.

Cataramele, cu o singură excepție sunt sparte (Pl. 5,2-4). Toate exemplarele descoperite sunt diferite ca formă și utilizare. Din păcate, despre piesa circulară (Pl. 5,4) nu putem spune dacă este vorba de o atârnătoare sau este un exemplar cu spinul rupt. Faptul că sunt rupte indică că este vorba de piese adunate pentru reprelucrare.

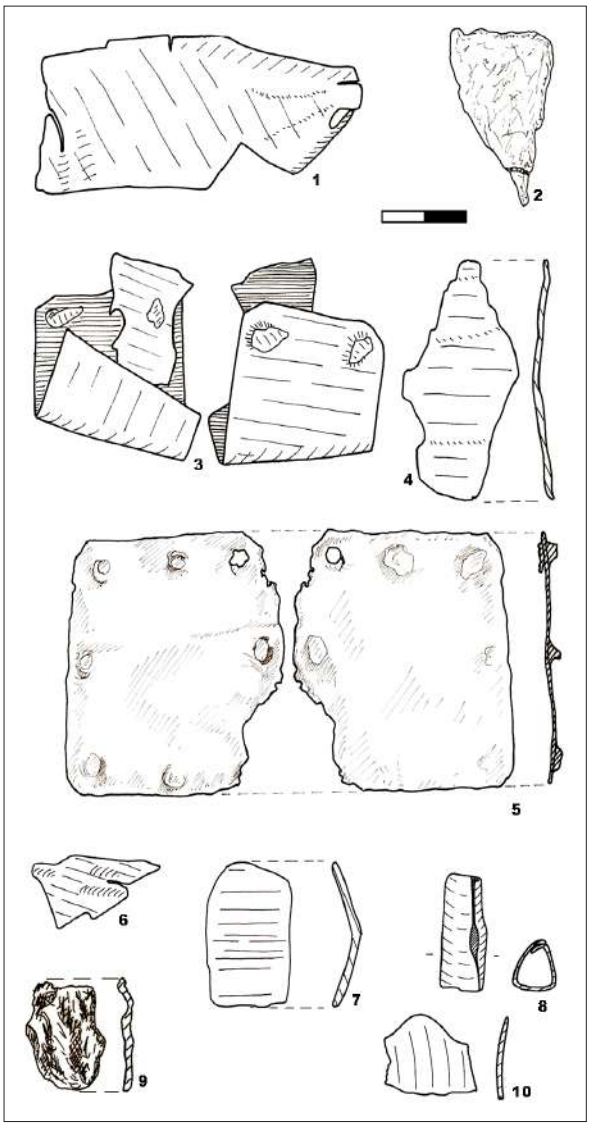
Unele aplice de cupru (Pl. 5,6) sau aliaje (Pl. 5,5) este greu de spus pe ce tip de suport au fost prinse, dar măcar unele trebuie să fi fost atașate pe un suport de piele. Nici despre acestea nu putem spune dacă au fost aduse aici pentru reprelucrare sau făceau parte din piesele utilizate de meșterul care rezida în atelier și s-au desprins de pe obiecte în decursul timpului ca urmare a descompunerii materialelor organice pe care au fost fixate.

Câteva plăcuțe de cupru este posibil să fie fragmente din diverse recipiente (Pl. 9,1,2,6,7). Altele, nu putem spune cu precizie ce utilitate aveau, fie aparțineau unor centuri (Pl. 9,4-5), fie sunt doar fragmente de piese recuperate, aduse acolo pentru reprelucrare (Pl. 10,2,4,6-9) (Vezi descoperirile de la Baia, Neamțu, Neamțu, Cheptea 1984, 112, 113, Fig.



Pl. 9. 1-7. Diverse table de cupru și bronz provenite de la recipiente sau alte piese cu utilitate neprecizată.

Pl. 9. 1-7. Different copper and bronze sheets from vessels or other unknown items.



Pl. 10. 1, 2, 4, 6-9. Bucăți de tablă de bronz și cupru; 3, 5. Aplice de cupru; 10. Fragment de piesă turnată din cupru, stibiu, staniu și plumb.

Pl. 10. 1, 2, 4, 6-9. Fragments of bronze and copper sheets; 3, 5. Copper appliqués; 10. Fragment of an item cast of copper, stibium, tin and lead.

41,6-7,11,12,14). Cert este că din două foițe de cupru s-au tăiat fragmente pentru a se confecționa ori pentru a se recompleta alte piese (Pl. 9,3, Pl. 10,1).

Asupra bucăților de fier în curs de prelucrare (Pl. 8,1 și posibil Pl. 8,2,3,7) este destul de dificil de precizat ce piese urmau să fie obținute.

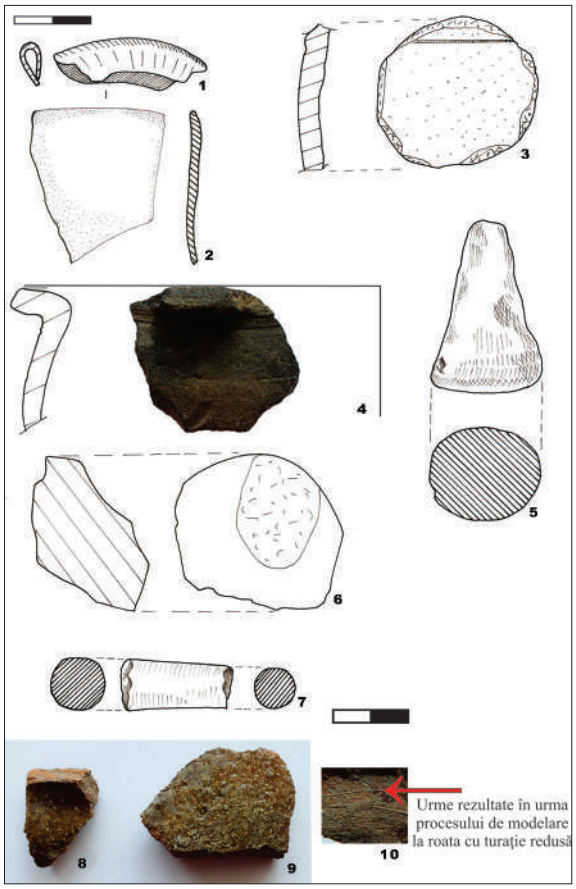
O piesă asemănătoare unei șaibe din plumb (Pl. 5,13) provine tot de aici. Utilizarea ei în acest moment ne scapă.

Aplicele de os de la capătul mânerelor unor cuțite pot aparține fie unor exemplare rupte, fie celor în uz. De aceea, sunt dificil de atribuit unei grupe pe piese sau alteia.

Concluzii

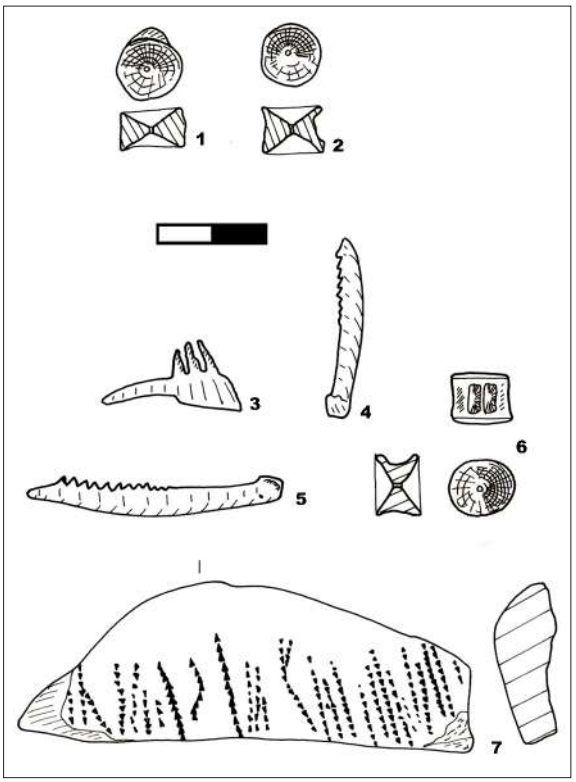
Dintre artefactele descoperite aici – fusaiolă, mărgele, verigă de păr, împungătoare, –sugerează că este vorba deespre o locuință-atelier, foarte probabil utilizată nu doar de meșter, ci și de o persoană de sex feminin. Lotul suficient de mare de astfel de artefacte, atribuibile în special unei femei, îndreptățesc o astfel de supoziție. Prezența ceramicii de uz comun într-o locuință-atelier constituie un argument în plus în favoarea acestei presupuneri.

Având în vedere toate aceste elemente, pu-



Pl. 11. 1. Fragment de la talpa piciorului unui pahar de sticlă; 2. Fragment de pahar de sticlă; 3. Fragment ceramic în curs de prelucrare; 4. Fragment ceramic; 5. Lustruitor ceramic; 6. Cremene; 7. Piesă de piatră; 8-10. Fragmente ceramice emailate.

Pl. 11. 1. Fragment of a glass; 2. Fragment of a glass; 3. Pottery fragment in process; 4. Pottery fragment; 5. Clay polisher; 6. Flint; 7. Stone item; 8-10. Glazed pottery fragments.



Pl. 12. 1-6. Oase de pește; 7. Nicovală din os.

Pl. 12. 1-6. Fishbone; 7. Bone anvil.

tem spune că suntem în fața unui complex cu dublu rol, anume acela de locuință, dar și de atelier. Materialul metalic descoperit, sugerează faptul că aici se prelucra în principal fier, dar și cupru și bronz. Uneltele utilizate, trebuie să fi fost în special cele tipice unui atelier de fierărie (clești, ciocane, dălți etc.). Două din tăbliţele de bronz din locuința atelier au urme evidentă de decupare (Pl. 9,3, Pl. 10,1).

Piesele adunate în această complex, deși nu se poate spune dacă au fost utilizate doar de către cei care rezidau în cetate, putem bănui că măcar au fost recuperate din zona Cladovei și au făcut parte în principal din artefactele folosite în regiune în prima jumătate a secolului al XIII-lea. Alte câteva exemplare, foarte probabil sunt mai timpurii, ca de exemplu fragmentul de cuțit cu gardă (Pl. 4,7).

În acest stadiu al informației deținute asupra cercetării, datorită faptului că artefactele se aflau la adâncimi diferite, fără să cunoaștem poziția lor în cadrul complexului (foarte probabil amestecate, fără o logică anume), am recurs la împărțirea lor pe grupe de adâncime, anume șapte (-0,30 m, -0,55 m, -0,60 m, -0,70 m, -1,00 m și -1,05-1,20 m; vezi tabelul 1)[11]. Rezultatele obținute au dus la mai multe concluzii asupra atelierului. În primul rând, putem spune că în atelier trebuie să fi fost anumite amenajări sau denivelări care au rămas nesesizate în timpul cercetărilor sau care nu au fost amintite în rapoartele sumare de cercetare.

Bucățile de fier în curs de prelucrare, pentru cuțite, sunt dovada clară că aici se produceau și cuțite. Faptul că avem un exemplar în curs de confecționare din fier brut, dar și unul în curs de reprelucrare, demonstrează că meșterul de aici utiliza ambele resurse, atât cele recuperate cât și cele primare.

Foarte probabil că cei ce utilizau locuința-atelier au părăsit-o în grabă și nu au mai avut timpul necesar să recupereze toate materialele adunate și să plece cu ele. De asemenea, recipientele de ceramică au avut aceeași soartă.

Lipsa uneltelor de fierărie și nu numai, ne pot duce la concluzia că recuperarea lor s-a făcut fie de meșter, fie de cei care au distrus locuința atelier. Faptul că ele nu au fost găsite, în cea mai mare parte (în afară de câteva ustensile mici), ar fi un argument că ele au fost cele mai valoroase artefacte din inventar și au fost probabil imediat recuperate.

Descoperirea unui inel sigilar de argint, cu inscripție, ridică și alte semne de întrebare, anume dacă este o piesă confecționată la comandă în atelierul de aici sau a aparținut unuia din ocupanții săi? În ambele variante de răspuns, piesa, deși valoroasă, nu a mai fost recuperată. Acesta este un argument în plus că părăsirea atelierului s-a realizat în grabă.

Deși este evident că măcar unii meșteri din cetate recuperau sau achiziționau piese distruse sau vechi, scoase din uz, este interesant că după părăsirea acestui atelier, nimeni nu a mai revenit să adune metalul rămas pe loc. Foarte probabil, cetatea a rămas o perioadă nelocuită, iar cei care au revenit au făcut-o după destul de multă vreme. Cel mai probabil cei ce rezidau în atelier nu au mai revenit niciodată, din diverse motive care pot fi cel mult bănuite.

Faptul că foarte probabil cetatea a fost o perioadă nelocuită, asociat cu elementele de datare

11. Încercarea de a grupa materialul descoperit pe adâncimi se lovește de faptul că o mare parte a pieselor nu au avut specificat pe pachet decât faptul că provine din atelier. Totuși un număr de 38 de artefacte au putut fi analizate din acest punct de vedere.

(inel cu inscripție, monedă), ar putea fi un argument că a fost distrusă ori ocupanții săi au fost luați de acolo sau executați cel mai probabil în timpul invaziei tătaro-mongole din anii 1240-1241.

Tabelul 1. Lista pieselor conform adâncimilor la care au fost descoperite

Nr. crt.	Nr. Catalog	Trimitere la ilustrație	Denumire piesă	Adâncime
1	Cuțite, 8	Pl. 4/7	Cuțit cu gardă	0,30 m
2	Cuțite, 1	Pl. 3/4	Cuțit întreg	0,30 m
3	Cuțite, 2	Pl. 3/5	Fragment de lamă de cuțit	0,30 m
4	Cuțite, 9	Pl. 4/8	Fragment de lamă îndoită de cuțit	0,30 m
5	Fragmente de recipiente de cupru, 2	Pl. 9/2	Tablă de cupru	0,30 m
6	Bucăți de table de cupru şi bronz, 1	Pl. 9/3	Tablă de cupru	0,30 m
7	Fragmente de armături de teacă, 4	Pl. 8/14	Frg. armătură teacă	0,55 m
8	Fragmente de armături de teacă, 5	Pl. 8/15	Agățătoare teacă	0,55 m
9	Fragmente de armături de teacă, 6	Pl. 8/16	Frg. armatură teacă	0,55 m
10	Piese de armament, 2	Pl. 3/2	Vârf de săgeată	0,55 m
11	Piese de podoabă, 6	Pl. 5/12	Verigă de păr	0,60 m
12	Accesorii vestimentare din bronz şi cupru, 2	Pl. 5/5	Aplică	0,60 m
13	Bucăți de table de cupru şi bronz, 12	Pl. 10/10	Fragment de piesă	0,60 m
14	Piese de armament, 3	Pl. 3/3	Vârf de săgeată	0,70 m
15	Bucăți de table de cupru şi bronz, 6	10/4	Tablă de cupru	0,70 m
16	Accesorii vestimentare din fier, 1	Pl. 5/1	Cataramă	0,70 m
17	Accesorii vestimentare din fier, 2	Pl. 5/2	Cataramă mică, ruptă	0,70 m
18	Ustensile de fier, 3	Pl. 6/9	Bucată de fier	0,70 m
19	Fragment de piese de fier, 4	Pl. 8/3	Bucată de fier	0,70 m
20	Plăcuțe de fier cu utilitate incertă, 1	Pl. 7/1	Plăcuță de fier	0,70 m
21	Cui, 1	Pl. 8/4	Cui	-0,70 m
22	Bucăți de fier în curs de prelucrare, 3	Pl. 8/5	Bucată de fier	-0,70 m
23	Bucăți de fier în curs de prelucrare, 4	Pl. 8/6	Bucată de fier	-0,70 m
24	Piese de uz casnic din fier, 1	Pl. 6/4	Sulă	-0,70 m
25	Piese de sticlă, 1	Pl. 11/1	Talpă de pahar, fragment	-0,70
26	Accesorii vestimentare din fier, 3	Pl. 5/3	Cataramă rombică	1,00 m
27	Bucăți de fier în curs de prelucrare, 1	Pl. 8/1	Fier în curs de prelucrare	1,00 m
28	Piese de sticlă, 2	Pl. 11/2	Fragment de pahar	1,00 m
29	Bucăți de fier în curs de prelucrare, 5	Pl. 8/7	Bucată de fier	1,00 m
30	Piese de armament , 1	Pl. 3/1	Tub de înmănuşare de la o lance	1,00 m
31	Piese harnaşament, 1	Pl. 6/6	Fragment de zăbală	1,00 m
32	Cuțite, 3	Pl. 3/6	Cuțit	1,00 m
33	Accesorii vestimentare din bronz şi cupru, 3	Pl. 10/3	Aplică de bronz îndoită, cu nituri	1,05-1,20 m
34	Bucăți de table de cupru şi bronz, 10	Pl. 10/9	Fragment de tablă de cupru	1,05-1,20 m
35	Bucăți de fier în curs de prelucrare, 2	Pl. 8/2	Fragment de fier	1,05-1,20 m
36	Accesorii vestimentare din bronz şi cupru, 4	Pl. 10/5	Aplică de bronz, cu nituri	1,05-1,20 m
37	Jucării, 1	Pl. 6/2	Topor, jucărie	1,05-1,20 m
38	Cuțite, 6	Pl. 4/3	Cuțit	1,05-1,20 m

Catalogul pieselor

Piese de armament

1. Manşon de lance (L=142 mm, D bazei =11 mm; l=20,4 mm) din fier (Pl. 3,1). S. VII/1983, carourile 35-36, caseta A, -1,00 m.
2. Vârf de săgeată (L=81,5 mm, l=11,5 mm) din fier (Pl. 3,2). S. VII/1983, caroul 36, -0,55 m.
3. Vârf de săgeată pentru arbaletă (L=78,3 mm, l=12,3 mm) din fier (Pl.3,3). S. VII/1983, carourile 34-36, -0,70 m.

Cuțite

1. Fragment de cuțit de fier (L=107 mm, l=17 mm, grosime=5,3 mm), îndoit (Pl. 3,4). S. VII/1983, caseta A, caroul 36, -0,30 m, locuința atelier.
2. Cuțit din fier (L=125 mm, l=17,7 mm, grosime=3,5 mm) cu peduncul de înmănușare (Pl. 3,5). S. VII/1983, caroul 36, caseta A, -0,30 m, locuința atelier.
3. Cuțit de fier (L=170 mm, l=19,5 mm, grosime=5,5 mm), cu peduncul de înmănușare, oblic şi vârful lamei rupt (Pl. 3,6). S. VII/1983, Carourile 35-36, caseta A, -1,00 m, locuința atelier.
4. Lamă de cuțit din fier (L=84 mm, l=13, 5 mm, grosime=3,4 mm), cu peduncul de înmănușare, păstrat parțial (Pl. 4,1). S. VII/1983, locuința atelier.
5. Lamă de cuțit din fier (L=54 mm, l=7,4 mm, grosime=3,3 mm), cu peduncul de înmănușare, păstrat parțial (Pl. 4,2). Vârful este rupt. S. VII/1983, locuința atelier.
6. Fragment de lamă de cuțit (L=51 mm, l=12,2 mm, grosime=4 mm) din fier (Pl. 4,3). S. VII/1983, carourile 34-36, -1,05-1,20 m, locuința atelier.
7. Fragment de cuțit în curs de reprelucrare (L=64, l=18,6 mm, grosime=2,4 mm). Lama are vârful rupt şi este pliată o dată spre mâner (Pl. 4,4). În partea opusă este îndoită în unghi de 90°. Pedunculul de înmănușare este rectangular în secțiune. S. VII/1983, locuința atelier.
8. Fragment de cuțit de fier (L=113 mm, l=14 mm, grosime=4,2 mm, garda=24,7 x 10,5 mm), cu gardă (Pl. 4,7). Vârful şi pedunculul de fixare sunt rupte. Lama are urme de uzură. S. VII/1983, caroul 36, -0,30 m, locuința atelier.
9. Cuțit din fier (L=105,4 mm, l=19,6 mm, grosime=5 mm) cu peduncul de înmănușare rectangular în secțiune (Pl. 4,8). Vârful lipsește, iar o parte din lamă este îndoită într-o parte S. VII/1983, caroul 36, caseta A. -0,30 m, locuința atelier.
10. Bucată de fier în curs de prelucrare (L=142 mm, l=34 mm, grosime=13,7 mm) are urme de batere şi torsionare. Cel mai probabil urma să fie confecționat un cuțit (Pl. 4,9). S. VII/1983, locuința atelier.

Aplice din os de la capătul mânerelor de cuțit

1. Aplică din os (L=28,1 mm, l=14,1 mm, grosime=6,00 mm, L cuie=24,1 mm) cu două cuie (Pl. 4,5). S. VII/1983, locuința atelier.
2. Aplică din os (L=26,7 mm, l=15,00 mm, grosime=4,8 mm, L cuie=28,5 mm) cu două cuie (Pl. 4,6). După prima plăcuță urmează o a doua, de aceleaşi dimensiuni, tot din os (grosime=1,7 mm). S. VII/1983, locuința atelier.

Fragmente de armături de teacă

1. Fragment de tijă de la armătură de teacă (L=53 mm, grosime=3 x 2 mm) pentru cuțit (Pl. 8,11). Este deformată şi rectangulară în secțiune. S. VII/1983, locuința atelier.
2. Fragment de tijă de la armătură de teacă (L=110,3 mm, grosime=3,5 mm) pentru cuțit (Pl. 8,12). S. VII/1983, locuința atelier.
3. Fragment de tijă de la armătură de teacă (L=98,00 mm, l maximă=11,7 mm, grosime tijă=4,1 x 2,6 mm) pentru cuțit (Pl. 8,13). Fragmentul este îndoit. S. VII/1983, locuința atelier.
4. Fragment de tijă de la armătură de teacă (L=86 mm, l=4 mm, grosime=2,5 mm) pentru cuțit (Pl. 8,14). S. VII/1983, caroul 36, -0,55 m, locuința atelier.

5. Fragment de tijă de la armătură de teacă (L=66,7 mm, l=7,4 mm, grosime=2,6 mm) pentru cuțit (Pl. 8,15). S. VII/1983, caroul 36, -0,55 m, locuința atelier.
6. Fragment de tijă de la armătură de teacă (L=53,6 mm, l=10,7 mm, grosime=2 mm) pentru cuțit cu agățătoare (Pl. 8,16). S. VII/1983, caroul 36, -0,55 mm, locuința atelier.
7. Armătură de teacă pentru cuțit (L=59 mm, l=15,4 mm), de la vârf (Pl. 8,17). S. VII/1983, locuința atelier.

Piese de podoabă

1. Mărgică (D=3,6 mm, H=2,00 mm) din pastă de sticlă (Pl. 5,8). S. VII/1983, locuința atelier.
2. Mărgică din pastă de sticlă. S. VII/1983, locuința atelier.
3. Mărgică din pastă de sticlă. S. VII/1983, locuința atelier.
4. Mărgea de lut, albă, pictată cu roșu (D=19,6 mm, h=12,5 mm). Pe centru are o nervură (Pl. 5,9). S. VII/1983, locuința atelier.
5. Inel de argint (D verigă=20-21,5 mm, grosime=1,00 mm, D chaton=13 mm, Greutate=2,66 gr., necurățat) cu inscripție și cruce dublă (Pl. 5,7). S. VII/1983, locuința atelier.
6. Verigă de păr din sârmă de cupru, fațetată, cu urme de ciocănire (D=18,6 mm, grosime=2 mm). Capetele sunt despărțite (Pl. 5,12). A fost executată din bronz. S. VII/1983, caroul 36, -0,60 m, locuința atelier. Compoziție chimică[12]:

Ti	Mn	Fe	Ni	Cu	Zn	Au	Pb	As	Bi	Zr	Ag	Sn	Sb
-	0,06	1,10	0,001	98,52	-	-	0,32	-	0,001	-	0,001	-	-

Monedă

1. Monedă de argint emisă în timpul lui Bernhard al II-lea de Carinthia (1202-1254). S. VII/1983, locuința atelier (Iliescu 1987, 85, 86, Fig. 2).

Accesorii vestimentare din fier

1. Cataramă de fier (Pl. 5,1), cu spin. În secțiune este plată. Latura pe care a fost montat spinul, este dreaptă, iar cea opusă curbată. Celelalte două laturi sunt oblice (L=45,9 mm, l=45 mm, grosime=4,5 – 5,2 mm). Spinul este rectangular în secțiune (L=47 mm; l=6,8 mm). S. VII/1983, carourile 34-36, -0,70 m, locuința atelier.
2. Cataramă de fier, păstrată parțial (Pl. 5,2). O latură lipsește, iar cea opusă este ușor curbată. Laturile lungi sunt paralele (L=28,2 mm; l=27,8 mm; grosime=4,3 mm), iar pe ele, pe partea interioară sunt câte două protuberanțe. S. VII/1983, carourile 34-36, -0,70 m, locuința atelier.
3. Cataramă de fier, rombică, păstrată parțial (Pl. 5,3). Piesa este plată (L=63,9 mm; l=56,7; gros. = 3,5 mm). S. VII/1983, carourile 35-36, caseta A, -1,00 m, locuința atelier.
4. Cataramă de fier (D=34,9 mm; grosimea barei=6,7 mm) de formă circulară sau atârnătoare? (Pl. 5,4). S. VII/1983, locuința atelier.

Accesorii vestimentare din bronz și cupru

1. Fragment de aplică de cupru, probabil de formă rectangulară (Pl. 5,6). Se păstrează două perforații la colțuri. Piesa a fost îndoită și ruptă (L=29,4 mm, l=13,4 mm, grosime=0,5 mm). S. VII/1983, carourile 34-36, locuința atelier. Compoziție chimică:

Ti	Mn	Fe	Ni	Cu	Zn	Au	Pb	As	Bi	Zr	Ag	Sn	Sb
0,14	0,04	1,34	0,001	98,03	-	0,07	0,001	0,001	0,001	-	0,001	-	0,38

12. Analiza chimică a pieselor a fost realizată de către dr. Gheorghe Niculescu (Secția Investigații Fizico-Chimice și Biologice, Compartimentul pentru Investigații cu Radiații Nucleare, MNIR).

2. Aplică din bronz, rotunjită la colțuri (L=34,4 mm, l=35 mm), cu două nituri din tablă la colțuri (Pl. 10,3). Un capăt a fost tăiat și îndoit. Capătul opus are prins de un nit o altă plăcuță de bronz. Aceasta din urmă provine de la o altă piesă și se observă urma unei perforații, alta decât cea produsă de la fixarea nitului. Are urme de ardere secundară. S. VII/1983, carourile 34-36, -1,05-1,20 m, locuința atelier. Compoziție chimică:

Ti	Mn	Fe	Ni	Cu	Zn	Au	Pb	As	Bi	Zr	Ag	Sn	Sb
0,21	0,07	4,17	0,001	44,77	0,62	-	46,19	-	-	0,04	0,001	3,33	0,60

3. Aplică ovală, puternic oxidată (Pl. 5,5), executată prin turnare. În centru are o perforație circulară, iar de o parte și de alta a ei, în relief sunt două triunghiuri (L=48,3 mm, l=26,7 mm, grosime=5 mm). Piesa este un aliaj de cupru, plumb și staniu. S. VII/1983, caroul 35, -0,60 m, locuința atelier. Compoziție chimică:

Ti	Mn	Fe	Ni	Cu	Zn	Au	Pb	As	Bi	Zr	Ag	Sn	Sb
0,07	0,04	1,01	0,001	97,24	-	-	0,01	0,04	0,001	-	0,84	-	0,75

4. Aplică din cupru, rotunjită la colțuri, cu opt nituri pe margini (Pl. 10,5). Niturile sunt din tablă care perforează placa (L=51,4 mm, l=50,5 mm, grosime=1 mm). Două colțuri sunt rupte. Celelalte concentrații mai mari de metal provin cel mai probabil din asocierea cuprului cu alte minereuri, la extragere, în procesul de minerit. Din punct de vedere al compoziției chimice, piesa este foarte asemănătoare cu precedenta, putând fi confecționată din același material. S. VII/1983, carourile 34-36, -1,05 m-1,20 m, locuința atelier. Compoziție chimică:

Ti	Mn	Fe	Ni	Cu	Zn	Au	Pb	As	Bi	Zr	Ag	Sn	Sb
0,13	0,04	0,94	0,001	97,10	-	-	0,001	0,001	0,001	-	1,10	-	0,70

Piese de uz casnic din ceramică

1. Fusaiolă (Pl. 5,11) confecționată dintr-un fragment ceramic (D=24,6 mm, h=7,7 mm). S. VII/1983, locuința atelier.
2. Fragment ceramic (perete de vas) șlefuit, în formă de disc (Pl. 11,3), dar neperforat în centru (D=42,3 mm x 39,6 mm, grosime=6 mm). Ardere oxidantă. Lucrat la roata rapidă. Pe exterior are o incizie longitudinală și este lustruit. S. VII/1983, locuința atelier.
3. Lustruitor din lut (L=45,5 mm, D=30,1 mm), ars oxidant (Pl. 11,5). S. VII/1983, locuința atelier.

Piese de uz casnic din piatră

1. Cremene (Pl. 11,6). Are bucăți lipsă (L=45 mm, l=42 mm, h=31 mm). S. VII, carourile 34-36, locuința atelier.
2. Fragment de piesă din piatră (Pl. 11,7), circulară în secțiune. La un capăt este mai groasă, iar la cel opus, mai subțire (L=30,2 mm, D maxim=15,1 mm, D minim=12,00 mm). S. VII/1983, locuința atelier.

Piese de uz casnic din fier

1. Sulă de fier (Pl. 6,4) circulară în secțiune (L=111,2 mm). Spre capăt este dreptunghiulară și ascuțită și îndoită în unghi de 90°. S. VII/1983, carourile 34-36, -0,70 m, locuința atelier.
2. Suvac, din fier (L=135 mm, Grosime maximă=5,00 x 5,6 mm), executat prin forjare (Pl. 6,5). Piesa este îndoită spre vârf. S. VII/1983, locuința atelier.

Ustensile de fier

1. Piesă de fier (L=95, l=9,3 mm, grosime=4,4 mm), rectangulară în secțiune, mai lată la vârf (Pl. 6,7). Este puțin îndoită. S. VII/1983, caroul 36, -0,55 m, locuința atelier.

2. Piesă de fier (L=81 mm, l=9 mm, grosime=3,8 mm) dreptunghiulară în secțiune (Pl. 6,8). La un capăt este ascuțită și puțin îndoită. S. VII/1983, carourile 34-36, locuința atelier.
3. Piesă de fier (L=57 mm, grosime=6,7 x 5,1 mm), rectangulară în secțiune, ușor îndoită (Pl. 6,9). Vârful este plat. S. VII/1983, caroul 34, -0,70 m, locuința atelier.
4. Măner de la o ustensilă (L=55,00 mm, l=9,5 mm, grosime=2,6 mm), posibil cuțit(?). Are urme de fibră de lemn (Pl. 6,10). S. VII/1983, locuința atelier.

Fragmente de piese de fier

1. Fragment de la o piesă (L=69,6 mm, l=17,5 mm, grosime=2,00 mm, H cârlige=14,6 mm și 12,00 mm) de fier articulată (Pl. 6,1). Piesa este aplatizată, lățită spre capete. La fiecare capăt este câte un cârlig sau buclă. S. VII/1983, locuința atelier.
2. Fragment de lacăt de fier (L=44 mm, D disc=23 mm), din care se mai păstrează o tijă, un spin și un fragment de spin (Pl. 6,3). S. VII/1983, locuința atelier.
3. Fragment de balama (L=52,6 mm, l=15,5 mm, grosime=5,5 mm) din fier, parțial ruptă și îndoită (Pl. 8,8). S. VII/1983, carourile 34-36, locuința atelier.
4. Bucată de fier (L=50,1 mm, grosime=12,5 mm x 8,1 mm), îndoită, cu o buclă la un capăt (Pl. 8,3). S. VII/1983, carourile 34-36, -0,70 m, locuința atelier.

Cui

1. Cui de fier (L=52,7 mm, capul=10,5 mm x 17,6 mm), rectangular în secțiune (Pl. 8,4). Capul este alungit. S. VII/1983, carourile 34-36, -0,70 m, locuința atelier.

Piese harnașament

1. Fragment de zăbală, mușțiuc (L=48,4 mm, grosime bară=9 x 3,4 mm, D cârlig=15,6 mm) păstrat parțial (Pl. 6,6). S. VII/1983, carourile 35-36, caseta A, -1,00 m.

Plăcuțe de fier cu utilitate incertă

1. Plăcuță din fier (Pl. 7,1) îndoită (L=75,6 mm, l=9,00 mm, grosime=2,2 mm). S. VII/1983, caroul 34, -0,70 m, locuința atelier.
2. Plăcuță din fier (Pl. 7,2) îndoită (L=41,7 mm, l maximă=10,3 mm, grosime=3,8 mm). S. VII/1983, locuința atelier.
3. Plăcuță din fier (Pl. 7,3), îndoită și perforată (L=40 mm, l=25,2 mm, grosime=2,00 mm). Locuința atelier, 1983.
4. Plăcuță din fier (Pl. 7,4) perforată în două puncte (L=47,2 mm, l=19,5 mm, grosime=2,2 mm). Locuința atelier, 1983.
5. Plăcuță din fier (L=52,1 mm, l=16,6 mm, grosime=3,5 mm), îndoită (Pl. 7,5). Locuința atelier, 1983.
6. Plăcuță din fier (Pl. 7,6), îndoită (L=81 mm, l=9 mm, grosime=4 mm). S. VII/1983, carourile 34-36, locuința atelier.
7. Plăcuță din fier (Pl. 7,7), deformată, cu rupturi la ambele capete (L=52,5 mm, l=11,4 mm, grosime=2,1 mm). Locuința atelier, 1983.
8. Plăcuță din fier (L=60,3 mm, l=19,00 mm, grosime=1,4 mm), îndoită și cu urme de ruptură la capete (Pl. 7,8). S. VII/1983, locuința atelier.
9. Plăcuță de fier (L=90,3 mm, l=26,7 mm, grosime=2,5 mm) rectangulară, terminată la un capăt cu un cârlig (Pl. 7,10). S. VII/1983, carourile 35-36, caseta A, -1,00 m, locuința atelier.

Bucăți de fier brut

1. Bucată de fier brut (L=84 mm, l=20 mm, grosime=16 mm; Pl. 7,9). S. VII/1983, caroul 34, -0,70 m, locuința atelier.

Bucăți de fier cu utilitate neprecizată

1. Fragment de piesă de fier (L=45,5 mm, l=16,6 mm, grosime=4,7 mm). În partea superioară, mai lățită este mai subțiată (Pl. 8,9), și mai groasă și lățită în cea inferioară. Pe corp, înspre partea superioară pare a avea lipită o altă bucățică de fier, de formă rectangulară. Spre bază, par a fi două lamele paralele. Piesa seamănă cu o pensetă din fier. S. VII/1983, locuința atelier.
2. Bucată de fier perforată (L=29,9 mm, l=24,7 mm, grosime=5,3 mm). Perforarea s-a realizat de la interior spre exterior (Pl. 8,10). S. VII/1983, locuința atelier.

Bucăți de fier în curs de prelucrare

1. Bucată de fier (L=85 mm, grosime=4 mm) în curs de prelucrare (Pl. 8,1). S. VII/1983, carourile 35-36, caseta A, -1,00 m, locuința atelier.
2. Bucată de fier (L=34,4 mm, l=24 mm, grosime=5,2 mm) ruptă dintr-o alta mai mare (Pl. 8,2). Are cinci spini, din care patru sunt paraleli și alăturați, iar unul mai îndepărtat. S. VII/1983, carourile 34-36, -1,05-1,20 m, locuința atelier.
3. Bucată de fier (L=45,00 mm, l=21,00 mm; Pl. 8,5). S. VII/1983, caroul 34, -0,70 m, locuința atelier.
4. Bucată de fier (L=42,00 mm, l=16,00 mm; Pl. 8,6). S. VII/1983, caroul 34, -0,70 m, locuința atelier.
5. Bucată de fier (L=37,6 mm, l=17,5 mm, grosime=10,3 mm), rotunjită la un capăt (Pl. 8,7). S. VII/1983, carourile 35-36, caseta A, -1,00 m, locuința atelier.

Jucării

1. Toporaș (Pl. 6,2) din fier. Lama este lată, iar ceafa alungită (L=59,7 mm, l=24,7 mm, l în zona orificiului de înmănușare=12 mm). S. VII/1983, carourile 34-36, -1,05-1,20 m, locuința atelier.

Fragmente de recipiente de cupru

1. Fragment de tablă de cupru, cu nit din tablă pe ea. Decorul constă în linii paralele, incizate, unele cu mici întreruperi (Pl. 9,1). Piesa este ruptă și îndoită (L=40,00 mm, l=49,3 mm, grosime=0,6 mm). Are urme de ardere secundară. S. VII/1983, locuința atelier. Compoziție chimică:

Ti	Mn	Fe	Ni	Cu	Zn	Au	Pb	As	Bi	Zr	Ag	Sn	Sb
0,17	0,12	1,60	0,001	94,38	0,11	-	2,01	0,001	0,001	-	0,001	1,62	-

2. Tablă de cupru cu urme de ardere secundară și o perforație pentru nit (Pl. 9,2). Perforația este ulterioară și s-a realizat cu un dorn (L=31,4 mm, l=25,1 mm, grosime=0,5 mm). S. VII/1983, caroul 36, casetă, -0,30 m, locuința atelier. Compoziție chimică:

Ti	Mn	Fe	Ni	Cu	Zn	Au	Pb	As	Bi	Zr	Ag	Sn	Sb
0,10	0,04	1,47	0,001	97,68	0,17	-	0,08	0,04	0,001	-	0,001	-	0,42

3. Fragment de recipient din tablă de cupru, (Pl. 9,7), pliat și cu nituri (L=132 mm, l=87,4 mm, grosime=0,4 mm). S. VII/1983, caroul 36, locuința atelier. Compoziție chimică:

Ti	Mn	Fe	Ni	Cu	Zn	Au	Pb	As	Bi	Zr	Ag	Sn	Sb
0,20	0,10	2,09	0,001	96,40	-	-	1,19	0,001	0,001	0,02	0,001	-	0,001

Bucăți de table de cupru și bronz

1. Tablă de cupru, îndoită și ruptă (L=52,2 mm, l=31,6 mm, grosime=0,4 mm), cu urme de decupare (Pl. 9,3). S. VII/1983, carourile 34-36, -0,30 m, locuința atelier. Compoziție chimică:

Ti	Mn	Fe	Ni	Cu	Zn	Au	Pb	As	Bi	Zr	Ag	Sn	Sb
0,06	0,02	0,54	0,09	98,16	-	-	0,91	0.12	0,10	-	0,001	-	0,001

2. Tablă de cupru (L=25,2 mm, l=17 mm, grosime=0,9 mm), ruptă dintr-o piesă mai mare (Pl. 9,4), S. VII/1983, locuința atelier. Compoziție chimică:

Ti	Mn	Fe	Ni	Cu	Zn	Au	Pb	As	Bi	Zr	Ag	Sn	Sb
0,23	0,08	1,61	0,001	96,17	-	-	1,90	0,001	0.001	0,01	0,001	-	-

3. Tablă de cupru, îndoită și ruptă (L=28,1 mm, l=24,6 mm, grosime=1,00 mm), din altă piesă mai mare (Pl. 9,6). S. VII/1983, locuința atelier. Compoziție chimică:

Ti	Mn	Fe	Ni	Cu	Zn	Au	Pb	As	Bi	Zr	Ag	Sn	Sb
0,10	0,03	1,00	0,06	98,11	-	-	0,60	-	0,001	0,03	0,001	-	-

4. Tablă de cupru, cu urme de ardere secundară pe o parte, și deformată (Pl. 10,1). Are două urme de zgâriere (L=78,2 mm, l=30,6 mm, grosime=0,5 mm). Pe urmele acestea, bucata de tablă a fost îndoită (stânga-dreapta) până la rupere. Dovada constă și în ruptura din vârful unghiului, ca urmare a formării mecanice a tablei. S. VII/1983, locuința atelier. Compoziție chimică:

Ti	Mn	Fe	Ni	Cu	Zn	Au	Pb	As	Bi	Zr	Ag	Sn	Sb
-	-	0,61	0,08	98,25	-	-	0,84	0,09	0,12	-	0,001	-	0,001

5. Fragment de tablă de cupru, ruptă dintr-o piesă mai mare (Pl. 10,2). Are puternice urme de oxidare (L=37, 5 mm, l=25,2 mm, grosime=1,00 mm). S. VII/19983, locuința atelier. Compoziție chimică:

Ti	Mn	Fe	Ni	Cu	Zn	Au	Pb	As	Bi	Zr	Ag	Sn	Sb
-	0,03	0,66	0,03	99,01	-	-	0,27	-	0,001	-	0,001	-	-

6. Fragment de tablă de cupru (L=48 mm, l=26,6 mm, grosime=0,9 mm), ruptă dintr-o piesă mai mare (Pl. 10,4). S. VII/1983, caroul 34, -0,70 m, locuința atelier. Compoziție chimică:

Ti	Mn	Fe	Ni	Cu	Zn	Au	Pb	As	Bi	Zr	Ag	Sn	Sb
0,11	0,03	0,91	0,03	98,71	-	-	0,18	0,04	0,001	-	0,001	-	-

7. Fragment de tablă de cupru, îndoită și ruptă (Pl. 10,6). Are urme de ardere secundară (L=29,5 mm, 14,1 mm, grosime=0,5 mm). S. VII/1983, carourile 34-36, locuința atelier. Compoziție chimică:

Ti	Mn	Fe	Ni	Cu	Zn	Au	Pb	As	Bi	Zr	Ag	Sn	Sb
-	-	0,37	0,001	97,80	-	-	1,67	0,001	0,001	-	0,001	-	0,15

8. Fragment de tablă de bronz (L=30 mm, l=20,1 mm, grosime=1,5 mm), îndoit (Pl. 10,7). S. VII/1983, carourile 34-36, locuința atelier. Compoziție chimică:

Ti	Mn	Fe	Ni	Cu	Zn	Au	Pb	As	Bi	Zr	Ag	Sn	Sb
0,34	0,55	2,60	0,001	81,62	2,90	-	4,32	0,001	0,001	0,04	0,001	7,35	0,28

9. Fragment de tablă de cupru (L=23 mm, l=14,00 mm, grosime=0,7-0,8 mm), îndoită în formă de tub triunghiular în secțiune (Pl. 10,8). S. VII/1983, carourile 34-36, locuința atelier. Compoziție chimică:

Ti	Mn	Fe	Ni	Cu	Zn	Au	Pb	As	Bi	Zr	Ag	Sn	Sb
-	0,02	0,73	0,06	98,92	-	-	0,27	-	0,001	-	0,001	-	-

10. Fragment de tablă de cupru (L=20 mm, l=17, 3 mm, grosime=0,3 mm), ruptă dintr-o alta mai mare (Pl. 10,9). S. VII/1983, carourile 34-36, -1,05-1,20 m, locuința atelier. Compoziție chimică:

Ti	Mn	Fe	Ni	Cu	Zn	Au	Pb	As	Bi	Zr	Ag	Sn	Sb
-	0,03	1,16	0,001	98,23	-	0,06	0,43	0,10	0,001	-	0,001	-	0,001

11. Fragment de tablă din bronz (L=31,6 mm, l=21,5 mm, grosime=0,7 mm), ruptă dintr-o piesă mai mare și perforată circulat pe centru (Pl. 9,5). S. VII/1983, locuința atelier. Compoziție chimică:

Ti	Mn	Fe	Ni	Cu	Zn	Au	Pb	As	Bi	Zr	Ag	Sn	Sb
0,15	-	1,02	0,07	78,44	6,48	0,22	4,74	0,59	0,42	-	0,001	7,38	0,48

12. Bucată de piesă, spartă, provenită de la o alta mai mare (Pl. 10,10). A fost executată prin turnare. Pe exterior, la un capăt sunt urme de zgâriere, paralele (L=22,3 mm, l=16,4 mm, grosime=1,6 mm). Concentrația mare de Sb, indică o posibilă proveniență mult mai târzie a piesei, acolo fiind ajunsă probabil prin săparea unei gropi[13]. S. VII/1983, caroul 34, -0,60, locuința atelier. Compoziție chimică:

Ti	Mn	Fe	Ni	Cu	Zn	Au	Pb	As	Bi	Zr	Ag	Sn	Sb
-	-	0,38	0,67	44,63	-	0,24	18,01	0,81	0,001	-	0,86	8,41	25,99

Piese cu utilitate incertă

1. Șaibă (D=19,3 mm, grosime=2,7 mm) din plumb (Pl. 5,13). S. VII/1983, carourile 34-36, locuința atelier. Compoziție chimică:

Ti	Mn	Fe	Ni	Cu	Zn	Au	Pb	As	Bi	Zr	Ag	Sn	Sb
-	-	0,55	0,001	0,001	-	-	99,45	-	-	-	-	0,001	-

Fragmente ceramice

1. Fragment ceramică smălțuită, din zona buzei (Pl. 11,8). Ardere semioxidantă. Smălțuit pe exterior și interior (L=24,6 mm, l=17,3 mm, grosime=7 mm). S. VII/1983, carourile 34-36, locuința atelier.
2. Fragment ceramică smălțuită (Pl. 11,9-10). Ardere oxidantă. Smălțuit pe exterior și câțiva stropi pe interior (L=38,1 mm; l=26,4 mm; grosime=8,1 mm). S. VII/1983, carourile 34-36, locuința atelier.
3. Buză de vas (Pl. 11,4), de culoare brună, cu urme de ardere secundară la interior și exterior (L=45 mm, l=38 mm, grosime=8 mm). A fost decorat cu alveole, din care se mai păstrează una. Pasta conține ca degresant mică. S. VII/1983, -0,80 m, locuința atelier.

Oase de pește

1. Măsea faringiană de la un pește, probabil clean (Pl. 12,3). S. VII/1983, carourile 34-36, -0,70 m, locuința atelier.
2. Înotătoare dorsală de pește (Pl. 12,4). S. VII/1983, carourile 34-36, -0,70 m, locuința atelier.
3. Înotătoare dorsală de pește (Pl. 12,5). S. VII/1983, carourile 34-36, -0,70 m, locuința atelier.
4. Vertebră de pește (Pl. 12,1). S. VII/, carourile 34-36, locuința atelier.
5. Vertebră de pește (Pl. 12,2). S. VII/1983, carourile 34-36, locuința atelier.
6. Vertebră de pește (Pl. 12,6). S. VII/1983, carourile 34-36, locuința atelier.

13. Tot din atelier provine și un fragment de pahar, databil cel mai probabil în perioada modernă sau chiar contemporană, fiind amestecat cu alte piese medievale sau preistorice. Prezența și a unor fragmente de artefacte târzii, ar îndreptăți să credem că în spațiul locuinței atelier, la un moment dat au fost antrenate și piese târzii, probabil ca urmare a săpării unei gropi.

Piese de os

1. Nicovală de os, cu două urme de tăietură (Pl. 12,7). Pe suprafața sa sunt incizii triunghiulare, relativ neregulate (fără să se constituie într-un decor anume), dispuse în șiruri. S. VII/1983, caroul 36, -0,30 m.

Piese de sticlă

1. Fragment de talpă de picior de pahar (Pl. 11,1). Se păstrează marginea, îndoită spre interior (L=40 mm; l=26,4 mm). S. VII/1983, carourile 34-36, -0,70 m, locuința atelier.
2. Fragment de pahar de sticlă (Pl. 11,2), buza și o parte a corpului (L=38 mm; l=33 mm, grosime variabilă=1,5mm-3,00 mm). S. VII/1983, carourile 35-36, caseta A, -1,00 m, locuința atelier.

Bibliografie

Bejan 2006: A. Bejan, Metalurgia din Banat în sec. IV-XII. În: (A. Bejan) Contribuții la istoria Banatului în mileniul I d.Hr. și începutul Feudalismului (Timișoara 2006), 131-145.
Beldiman et all: C. Beldiman, V. Rusu-Bolindeț, D.M. Sztancs, Al. Bădescu, Bone Artefacts from Histria. Materiale S.N. X, 2014, 221-241.
Blăjan 2006: M. Blăjan, 26. Cuțit. În: (H. Ciugudean, K.Z. Pinter, G.T. Rustoiu eds.), Habitat-Religie-Etnicitate: Descoperiri arheologice din secolele IX-XI în Transilvania. Catalog de expoziție/Habitat-Religion-Ethnicity: 9th-11th Century Archaeological Finds in Transilvania. Exhibition Catalogue (Alba Iulia 2006).
Boroneanț 1999: V. Boroneanț, Arheologia peșterilor și minelor din România (București 1999).
Boroneanț, Hurezan 1987a: V. Boroneanț, Gh.P. Hurezan, Cimitirul din secolele XI-XII de la Cladova, jud. Arad. Ziridava XV-XVI, 1987, 67-74.
Boroneanț, Hurezan 1987b: V. Boroneanț, Gh.P. Hurezan, Cetatea de la Cladova–reședința voievodului Transilvaniei–Pousa. Ziridava XV-XVI, 1987, 75-84.
Boroneanț, Hurezan, Hügel 1995: V. Boroneanț, P.G. Hurezan, P. Hügel, 31. Cladova, județul Arad (campaniile 1993-1994). Cronica cercetărilor arheologice. Campania 1994. A XXIX-a Sesiune Națională de Rapoarte Arheologice. Cluj-Napoca, 11-14 mai 1995 (Cluj-Napoca 1995), 23.
Boroneanț, Hurezan, Hügel 1997: V. Boroneanț, P.G. Hurezan, P. Hügel, 25. Cladova, Jud. Arad. Cronica cercetărilor arheologice. Campania 1996. A XXXI-a Sesiune Națională de Rapoarte Arheologice. București, 12-15 iunie 1997 (București 1997), 12.
Comșa 1978: M. Comșa, Cultura materială veche românească (Așezările din secolele VIII-X de la Bucov-Ploiești) (București 1978).
Constantiniu, Panait, Cristache-Panait 1965: M. Constantiniu, P.I. Panait, I. Cristache-Panait, Șantierul arheologic Băneasa-Străulești. CAB II, 1965, 75-237.
Dragomir 1972-1973: I.T. Dragomir, Cetatea medievală de la Enisala. Unelte, arme și obiecte de podoabă. Danubius VI-VII, 1972-1973, 20-47 și fig. 1-20.
Hurezan 1996: Gh.P. Hurezan, Un nou inel sigilar descoperit la Cladova (jud. Arad). Ziridava XIX-XX, 1996, 103-108.
Iambor 2005: P. Iambor, Așezări fortificate din Transilvania (sec. IX-XIII) (Cluj-Napoca 2005).
Iliescu 1987: O. Iliescu, Inelul de argint de la Cladova. Notă preliminară. Ziridava XV-XVI, 1987, 85-87.
Lovag 1989: Z. Lovag, Árpád-kori pecsétgyűrűk. FoliaArch XXXI, 1989, 221-238.
Neamțu, Neamțu, Cheptea 1980: E. Neamțu, V. Neamțu, S. Cheptea, Orașul medieval Baia în secolele XIV-XVII, vol. I (Iași 1980).
Neamțu, Neamțu, Cheptea 1984: E. Neamțu, V. Neamțu, S. Cheptea, Orașul medieval Baia în secolele XIV-XVII, vol. II (Iași 1984).
Oța 2005: S. Oța, The graves and the subsoil resources in the Carpathian Basin (10th century A.D.). Mousaios 10, 2005, 395-412.
Oța 2006: S. Oța, The relations between the settlements and the necropolises of the Banat territory in the 11th – 14th centuries. „The Society of the Living the Community of the Dead (from Neolithic to the Christian Era), Proceedings of the 7th International Colloquium of Funerary Archaeology, Sibiu". ATS V, 1, Special number (Bibliotheca Septemcastrensis XVII), 239-247.

Oța 2010: S. Oța, Piese de orfevrărie de tradiție bizantină în spațiul nord-dunărean (secolul al XI-lea-începutul secolului al XIII-lea). (A. Măgureanu, E. Gáll eds.) Între Stepă şi Imperiu. Studii în onoarea lui Radu Harhoiu (Bucureşti 2010), 403-433.
Oța 2012: S. Oța, Tombs with Jewels in the Byzantine Tradition Discovered on the Present – Day Territory of Romania, North of the Danube (End of the 11th Century-the 14th Century). Ziridava 26/1, 2012, 123-142.
Rusu 2003: A. A. Rusu, Despre cuțitele de luptă din Transilvania medievală. (Avram Andea ed.) Studii de istorie medievală şi premodernă. Omagiu profesorului Nicolae Edroiu, membru corespondent al Academiei Române (Cluj-Napoca 2003), 75-96.
Spinei 1982: V. Spinei, Moldova în secolele XI-XIV (Bucureşti 1982).
Stoicovici 1983: E. Stoicovici, Unele caracteristici ale zgurilor din atelierele metalurgice daco-romane şi prefeudale. Banatica 7, 1983, 239-247.
Teodor 1996: D.Gh. Teodor, Meşteşugurile la nordul Dunării de Jos în secolele IV-XI (Iaşi 1996).
Țeicu 1996: D. Țeicu, Atelierul metalurgic din secolul al XII-lea de la Gornea. In: (D. Țeicu) Arheologia Satului Medieval din Banat (Reşița 1996), 83-93.
Țeicu 1998: D. Țeicu, Banatul Montan în Evul Mediu (Timişoara 1998).
Țeicu, Lazarovici 1996: D. Țeicu, Gh. Lazarovici, Gornea. Din arheologia unui sat medieval din Clisura Dunării (Reşița1996).
Uzum 1983: I. Uzum, Locuirile medievale de la Gornea-Zomonițe (com Sichevița, jud. Caraş-Severin). Banatica 7, 1983, 249-295.

Silviu Oța, doctor în istorie, Muzeul Național de Istorie a României, Calea Victoriei 12, sector 3, cod 030026, București, România, e-mail: silviuota@yahoo.com

Liana Oța, doctor în istorie, Institutul de Arheologie „Vasile Pârvan", str. Henri Coandă 11, cod 71119, București, România

Gheorghe Niculescu, doctor în istorie, Muzeul Național de Istorie a României, Calea Victoriei 12, sector 3, cod 030026, București, România

MATERIALE ŞI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Сергей Коваленко, Сергей Бодян, Вячеслав Бикбаев

Кремневые изделия из раскопок раннетрипольского поселения Рогожень I в 2013 г.

Keywords: settlement Rogojeni I, Precucuteni, Tripolie A, inventory litic.
Cuvinte cheie: aşezarea Rogojeni I, Precucuteni, Tripolie A, utilajul/inventarul litic.
Ключевые слова: поселение Рогожень I, Прекукутень, Триполье А, кремневый инвентарь.

Serghei Covalenco, Serghei Bodean, Veacheslav Bikbaev
Flint Artifacts from Excavations Early Tripolye Settlement of Rogojeni I in 2013

The article is devoted to the flint artifacts early Tripolye settlement Rogojeni I (Precucuteni II), collected in the course of excavations in 2013. Special attention is drawn to the widespread use of the technique by pressure blades produced from conical cores, unlike the technique of striking for massive flakes from flattened cores. The two alternative technologies splitting flint provided the mass production of plate inserts and side scrapers on flakes.

Sergiu Covalenco, Sergiu Bodean, Veaceslav Bikbaev
Piese de silex din aşezarea tripoliană timpurie Rogojeni I (campania 2013)

În articol este prezentat inventarul de silex din aşezarea Precucuteni II de la Rogojeni I, provenit din cadrul săpăturilor efectuate în anul 2013. Lotul de piese recuperat se caracterizează prin utilizarea pe larg a tehnicii de presiune, drept rezultat al practicării căreia de pe nucleele conice erau obţinute lamele. Prin intermediul tehnicii de lovire, de pe nucleele plate erau desprinse aşchiile mari. Predominante în lotul de piese vizat sunt diversele inserţii de lamă şi gratoarele cu retuşe pe o latură, realizate pe aşchii.

Сергей Коваленко, Сергей Бодян, Вячеслав Бикбаев
Кремневые изделия из раскопок раннетрипольского поселения Рогожень I в 2013 году

Статья посвящена рассмотрению кремневого инвентаря с раннетрипольского поселения Рогожень I (Прекукутень II), собранного в ходе раскопок 2013 г. Особое внимание было обращено на широкое использование обитателями поселения отжимной техники изготовления пластинок, получаемых с конических и карандашевидных нуклеусов, в отличие от ударной техники скалывания массивных отщепов с уплощенных нуклеусов. Благодаря такому альтернативному раскалыванию кремня было налажено массовое производство пластинчатых вкладышей и боковых скребков на отщепах.

Энеолитическое поселение Рогожень I было открыто В.И. Маркевичем в середине 50-х годов прошлого века (Bodean 2001, 119, nota 31), в 1,2 км к северо-западу от железнодорожной станции Рогожень района Шолдэнешть, по левому склону долины р. Чорна, левобережного притока р. Рэут. В 1972 г. экспедиция под руководством В.И. Маркевича проводит здесь спасательные археологические раскопки, исследует две землянки и собирает выразительную коллекцию артефактов характерных для фазы Прекукутень II (Markevich 1974, 26-41). Весной 2013 г. С.Д. Бодян и В.М. Бикбаевым были произведены превентивные археологические раскопки поселения[1] на площади 180 кв.м (Bodean, Bicbaiev 2014). В ходе раскопок были обнаружены четыре ямы и углубленное сооружение (землянка 3), перекрытое остатками наземного глинобитного жилища.

В процессе раскопок отбирались все кремневые находки, которые фиксировались по квадратам/штыкам или отдельным объектам (ямам, землянке, наземному сооружению). Общее представление о плотности залегания кремневых находок[2] можно составить по данным из таблицы 1. Наибольшая концентрация кремней отмечена в южной части раскопа и у его северной окраины на месте размещения наземного сооружения. Каких-либо особых участков в расположении

1. Раскопки проводились сотрудниками Национального Агентства Археологии Министерства Культуры Республики Молдова при содействии Национального Музея истории Молдовы, на основании контракта с ICS «ONUR SUMMA JV» SRL.

2. Полный список распределения кремневого инвентаря на раскопе по квадратам и штыкам, исходя из категории находок, а также отдельно по орудиям и правильно ограненным нуклеусам, дается в отчете о полевых исследованиях.

производственного инвентаря не наблюдается. Хотя нельзя назвать случайным присутствие пренуклеуса и 3 нуклеусов из 7 кремневых находок на кв. С/9, а также 15 скребков, 2 скребел и 2 пластинчатых вкладышей на одном лишь кв. А/1.

Всего коллекция кремневых находок включает 1696 экземпляров. Помимо 906 кремневых артефактов из раскопок[3], на поверхности поселения было предварительно собрано 215 кремней, а из заполнения углубленного сооружения (землянки 3) происходит еще 575 (таблица 2). Признавая различную познавательную ценность каждой из трех составляющих частей рогожанской коллекции, мы все-таки считаем вполне приемлемым её рассмотрение в составе единого комплекса. Гомогенность собранного материала сомнений не вызывает.

Таблица 1. Количество кремневых артефактов на квадратах А-В-С / 1-15.

№ квадратов	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
А	**42**	**42**	**39**	22	14	24	6	18	34	8	29	10	17	16	23
В	9	16	29	7	14	19	11	10	19	24	2	18	13	**54**	6
С	22	**50**	23	30	28	7	3	9	7	9	6	6	13	**36**	**35**

Осмотр кремневых находок, собранных при раскопках поселения, свидетельствует об использовании древними мастерами местного сырья. Большая его часть относится к желвачной полупрозрачной меловой породе, как правило, не имеющей признаков окатанности. Размеры отобранных для раскалывания желваков обычно не превышали 12-15 см. По своей тональности обрабатываемый кремень варьирует от темно-серого до светло-серого цвета. Включения белесых сгустков в его составе образуют на поверхности многочисленные пятна и разводы. Высокая пластичность кремня, отсутствие глубоких каверн, проникающих в тело желвака, обеспечили высокую продуктивность при его раскалывании. Судя по сохранившимся остаткам известковистой корки на поверхности находок, в большинстве случаев она не была массивной. Предполагаемая очистка желваков от корки проводилась за пределами поселения еще на стадии предварительного апробирования кремня и подготовки пренуклеусов. На поверхности этой разновидности кремня отмечена слабая беловатая патина, хотя на некоторых находках она полностью отсутствует.

Желвачный кремень черного цвета встречается реже и отличается от его прутской разновидности матовой фактурой поверхности. Столь же редок галечный кремень бледно-серого цвета, который, вероятно, происходил из аллювиальных отложений террас. Вместе с тем, степень сглаженности таких галек не высокая, а некоторые из них представляют собой бесформенные конкреции до 10 см в поперечнике с гладкой коричневатой коркой. В виде исключения встречаются изделия из высококачественного галечного кремня однотонного светло-коричневого цвета с гладкой сероватой коркой. Единичные находки выполнены из желвачного кремня с рыжеватой пятнистой окраской.

Таблица 2. Сводные данные по составу коллекции кремневых находок.

Наименование основных категорий кремневых находок	Количество кремневых находок с/из			Всего	%
	поверхности	раскопок	землянки		
Гальки, желваки	3	15	-	18	1
Пренуклеусы, нуклеусы	11	82	28	121	7
Нуклевидные и прочие обломки	8	55	6	69	4
Технические сколы	23	71	70	164	10
Отщепы	120	579	322	1021	60
Пластины	50	101	149	300	18
Итого	215	903	575	1693	
%	13	53	34		

Техника раскалывания кремня представлена разнообразными приемами и способами, число которых в Рогожень I несколько выше, чем это можно наблюдать на других памятниках раннего энеолита. Массовое производство исключительно правильно ограненных пластинчатых сколов стало возможным

3. В состав кремней из раскопок включены, помимо находок из пластов, немногочисленные изделия из ямы 1 – 2 экз., ямы 2 – 4 экз., ямы 3 – 6 экз., остатков наземного сооружения – 3 экз.

благодаря отжимному расщеплению конических и карандашевидных нуклеусов (рис. 1,2-4; 2,1-3) с круговой системой снятия заготовок. Такого рода нуклеусы через одноплощадочные образцы с зауженным нижним концом (рис. 1,5-7) выстраиваются в одном типологическом ряду с призматическими ядрищами, имеющих негативы снятий по всему или большей части периметра (рис. 1,1; 2,7). Нашли применение и конические нуклеусы с тщательной огранкой рабочего фронта лишь с одной стороны (рис. 2,5). Отжимное расщепление зафиксировано не менее чем на 20 нуклеусах.

Для получения пластин использовались также конические и призматические формы ядрищ, раскалываемые в ударной технике (рис. 2,9). Они менее тщательно огранены, но почти половина из них имеет круговой фронт снятия заготовок.

Посредством удара, предположительно мягким отбойником, производилось скалывание альтернативной группы заготовок-полуфабрикатов – коротких и массивных отщепов. Для их изготовления часто привлекались одноплощадочные односторонние нуклеусы призматического типа, при срабатывании рабочий фронт которых приобретал уплощенные очертания (рис. 2,4,6,8). Более редки призматические двуплощадочные нуклеусы, как со встречным, так и противолежащими фронтами скалывания.

Пережиточные формы нуклеусов и архаичные способы расщепления можно наблюдать на примере двух крупных кубовидных многоплощадочных ядрищ и атипичного одностороннего дисковидного нуклеуса. Не упорядоченную систему скалывания имеют 10 аморфных нуклеусов.

При этом заметно преобладание нуклеусов на рабочей и завершающей стадиях раскалывания. Видимая выбраковка нуклеусов в процессе их эксплуатации, шла не только в ходе изъятия технически не полноценных образцов, образуемых в процессе неудачного обновления ударных

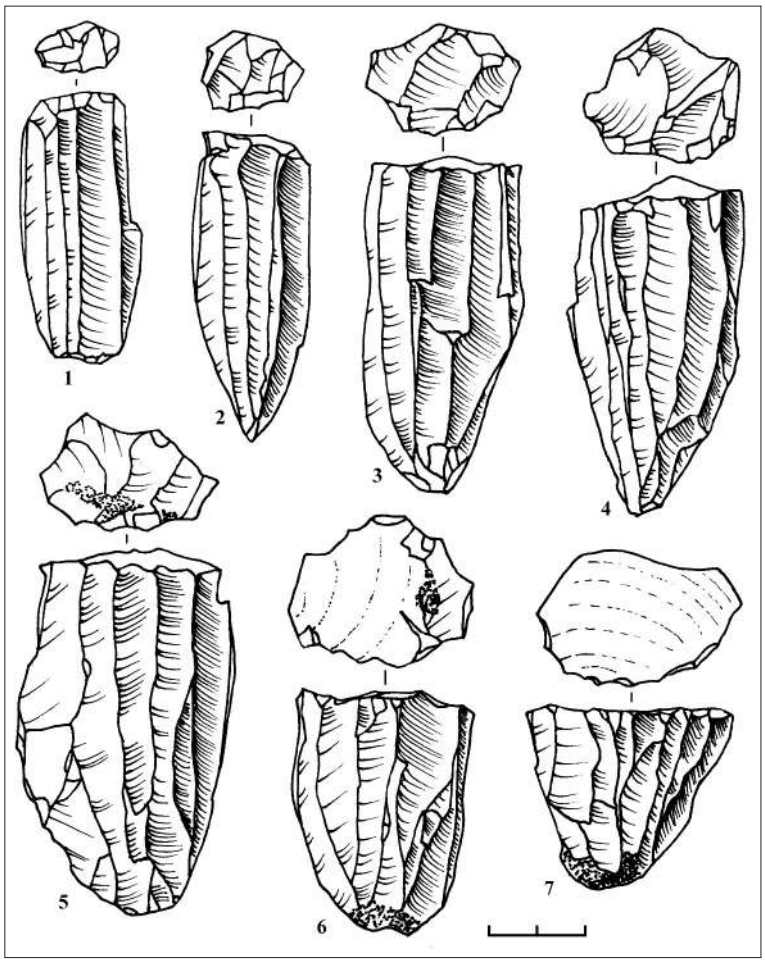


Рис. 1. Рогожень I. Кремневые нуклеусы.

Fig. 1. Rogojeni I. Flint cores.

площадок и создании выпуклого рельефа на поверхности скалывания, но и за счет исключения истощенных форм. Именно остаточные нуклеусы демонстрируют наиболее искусную технику расщепления кремня, основанную на ручном отжиме исключительно правильных по своим очертаниям и огранке мелких пластин (рис. 3,1-16,18; 4,1-8). Ручной отжим использовался и для получения крупных пластин, число которых на порядок меньше, чем пластинок. Для получения отщепов средних и мелких размеров, преимущественно отбираемых для подготовки скребков, как уже было указано, активно применялась традиционная ударная техника раскалывания. Прежде всего, посредством удара песчаниковым отбойником по заранее подготовленной редуцированной отбивной площадке нуклеусов, снимались заготовки-полуфабрикаты на начальной

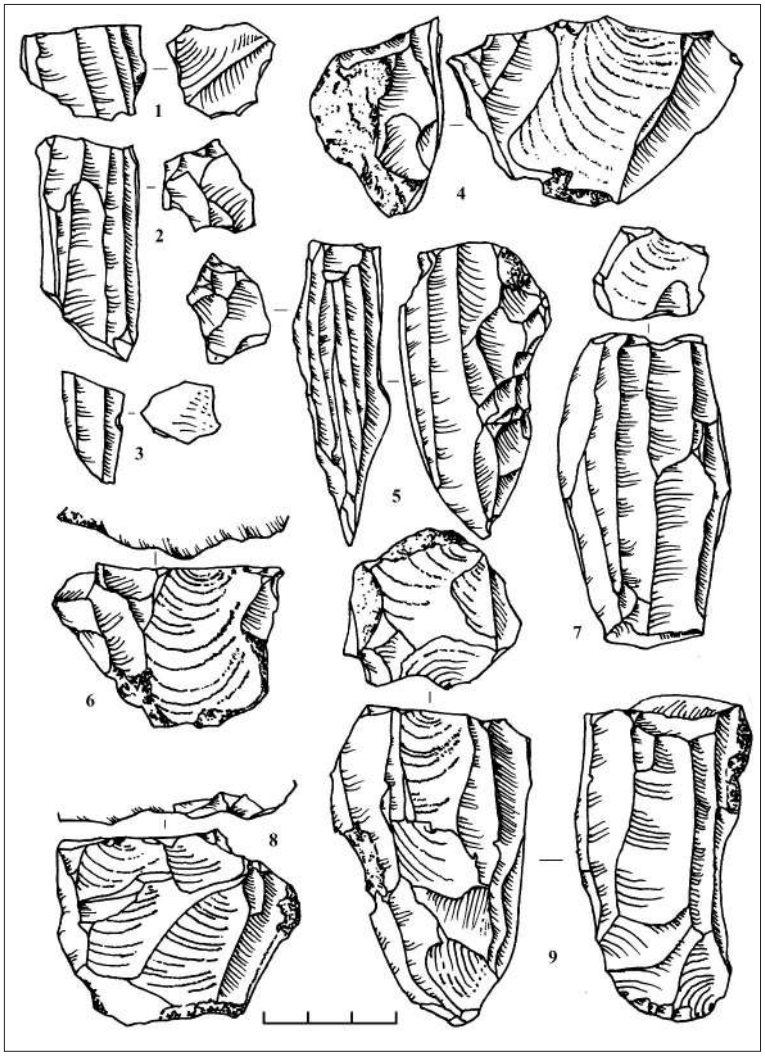


Рис. 2. Рогожень I. Кремневые нуклеусы.

Fig. 2. Rogojeni I. Flint cores.

и рабочей стадии раскалывания. Однозначно привлекались и кремневые отбойники, главным образом на начальной стадии раскалывания. Использование кремневых отбойников отмечено в Рогожень I в несколько большей степени, чем на других памятниках этого периода.

Активную роль в переоформлении нуклеусов играло снятие специально подготовленных ребристых, реберчатых и краевых сколов, а для надлежащего оформления отбивных площадок – многочисленных сколов оживления. Среди последних больше всего представлено «авиважей» с нуклеусов с круговой системой расщепления. Любопытно, что часть сколов подправки ударных площадок нуклеусов, могла использоваться для изготовления скребков. Среди технических сколов отсутствуют резцовые отщепки. Нет свидетельств использования микрорезцовой техники, применяемой для усечения пластин, хотя самих сечений-вставок представлено достаточно много.

Количественные показатели по отдельным категориям кремневых изделий и отходам кремнеобработки отражены в таблице 2. Самой многочисленной группой находок являются отщепы. Они распределяются на мелкие сколы – 48% от общего числа отщепов, средние – 43% и крупные – 9%. Отщепы крупных размеров представлены исключительно массивными первичными и полупервичными сколами, а мелкие отщепы, как правило, не имеют ни корки, ни правильной огранки дорсальной поверхности[4]. Наиболее пригодными для оформления в орудия являлись отщепы средних размеров, от 3 до 5 см в поперечнике. Они относительно массивны, имеют крупную ударную площадку и обычно не упорядоченную огранку спинки. Степень фрагментации отщепов не велика.

В составе другой не менее важной категории сколов–заготовок, какими являются пластинчатые сколы, по своим метрическим показателям выделяются всего несколько крупных экземпляров, более 2/3 от их общего числа составляют пластины средних размеров и менее 1/3 – пластинки шириной до 1,2 см. Микропластинок в рогожанской коллекции нет. Среди пластинчатых сколов отмечены целые формы (4%), медиальные сечения (22%), проксимальные (52%) и дистальные части (22%). Чем крупнее пластинчатый скол, тем более вероятно, что он сохранится в целом виде, но не по причине большей массивности, а только лишь из-за меньшей пригодности для переоформления во вкладыши[5]. Другая

4. Среди мелких отщепов заметно больше обожженных и пережженных образцов.

5. Посредством усечения тонкого дистального конца или более массивного проксимального, а иногда и того и другого, создавались оптимальные параметры для сечений-вставок.

особенность пластинчатых сколов связана с тем, что мелкие экземпляры обычно изготовлялись из галечного сырья, а крупные чаще имели желвачное происхождение.

В инвентарный набор кремневых изделий с вторичной обработкой и/или следами использования в трудовых операциях входят 278 находок (таблица 3), что составляет 16% от общего числа кремневых находок. Большинство из них относится к разнообразным скребкам, меньшим числом представлены пластины и их сечения со следами утилизации или заполировкой, песты-отбойники и ретушеры-отжимники. Остальные типы орудий известны по единичным формам.

64% от общего числа орудий составляют скребки. Столь высокий уровень доминирования этой группы изделий, при всем разнообразии их форм, обезличивает остальной набор кремневого инвентаря. По этой же причине, мы не склонны рассматривать в качестве одного из определяющих типологических критериев приоритетное использование отщепов при изготовлении рогожанских орудий. Практически все скребки выполнены на отщепах мелких и средних размеров. Для 30 скребков использованы первичные и полупервичные сколы. В целом они имеют укороченные пропорции и относительно массивное основание. Для оформления рабочих лезвий преимущественно применялась крупная полукрутая ретушь, иногда близкая к чешуйчатой. Какой-либо жесткой стандартизации в типологии скребков не наблюдается. В зависимости от расположения и количества лезвий, они разделяются на боковые одинарные и двойные, угловые, полуокруглые и подокруглые, конце-боковые и концевые.

Таблица 3. Сводные данные по составу коллекции кремневых изделий с вторичной обработкой и/или следами утилизации.

Наименование орудий	Количество кремневых изделий с/из			Всего	%
	поверхности	раскопа	землянки		
Скребки	35	106	38	179	64
Скребла	1	2	1	4	1
Серпы	2	2	1	5	2
Асимметричные параллелограммы	-	2	-	2	1
Пластинчатые вкладыши	3	10	5	16	6
Ножевидные пластины	6	6	10	22	8
Тронкированные сколы	3	1	1	5	2
Скобели	1	1	-	2	1
Проколки-сверла	-	2	-	2	1
Долота	4	1	-	5	2
Отщепы с ретушью	1	3	-	4	1
Песты-отбойники	2	17	2	21	7
Ретушеры-отжимники	1	6	3	10	3
Итого	59	157	61	277	
%	21	57	22		

Боковые одинарные скребки (77 экз.; рис. 3,24; 5,2,4,5,8-13,15,17; 6,2,6,7,10,12) разнородны по внешнему облику избранной заготовки, в большинстве своем не имеют правильной огранки, на некоторых замечен преднамеренный облом противолежащего края или прилегающего конца. На коротких пластинчатых заготовках выполнено всего три скребка, а на технических сколах – 15 экз. Как правило, выпуклое лезвие таких скребков охватывает весь правый или левый край отщепа, иногда с небольшой его скошенностью к основанию или дистальному концу.

Боковые двойные скребки (22 экз.; рис. 5,18; 6,8,9) выполнены на коротких утолщенных отщепах с упорядоченной огранкой дорсальной поверхности. Среди них выделяются 4 миниатюрных экземпляра, имеющих не более 2,5 см в поперечнике. В одном случае, оба полуокруглых лезвия скребка имеют противолежащее расположение (с вентральной стороны подготовлен вспомогательный рабочий край).

Угловые скребки (14 экз.; рис. 5,5) по расположению своего лезвия занимают промежуточное положение между боковыми и концевыми скребками. Для них в большей степени свойственно изготовление из полупервичных отщепов.

Полуокруглые скребки (12 экз.; рис. 5,14,16; 6,3,13) изготовлены из более крупных заготовок,

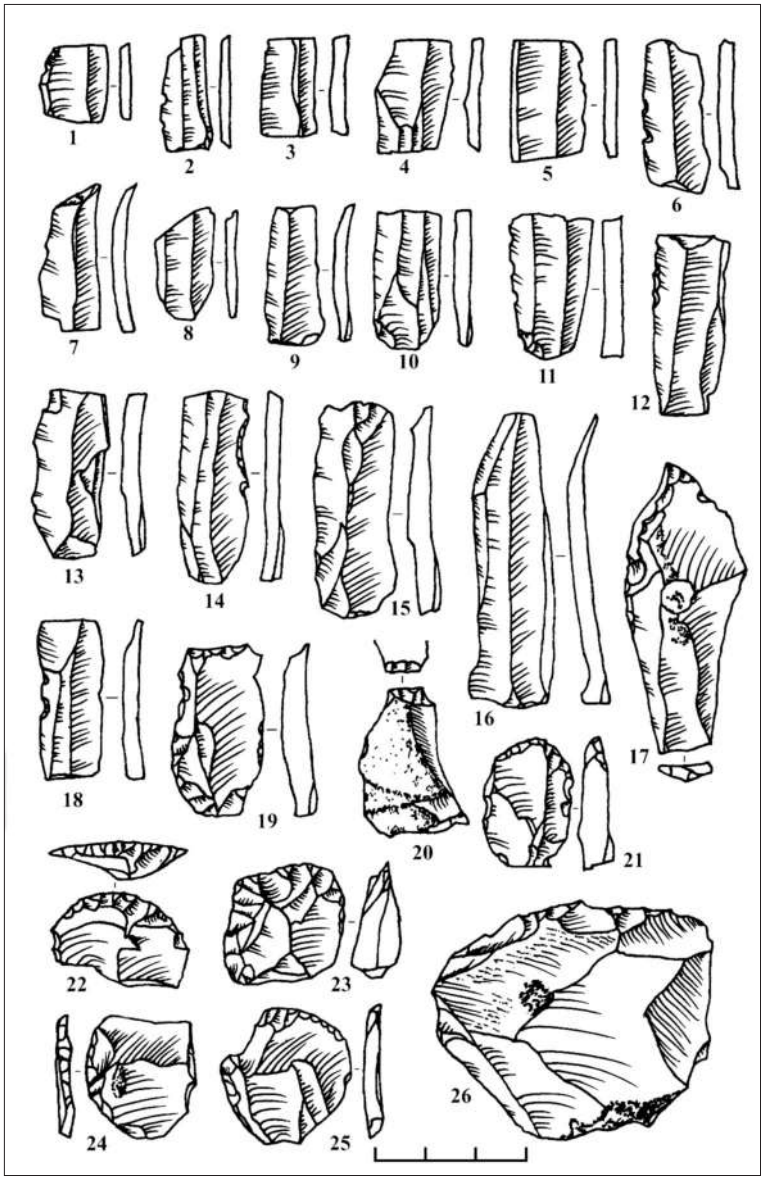


Рис. 3. Рогожень I. Кремневые орудия.

Fig. 3. Rogojeni I. Flint tools.

у которых дугообразнее лезвие охватывает до половины периметра отщепа (обычно правого края).

Подокруглые скребки (5 экз.; рис. 5,3) представлены на сравнительно тонких заготовках с фасетированной ударной площадкой. Лезвие таких скребков оформлено притупляющей ретушью, занимающей до 2/3 периметра заготовки.

Конце-боковые скребки (15 экз.; рис. 3,23,25; 5,1,6; 6,1) имеют фиксированные лезвия примыкающие друг к другу, концевое обычно спрямленное, а боковое слабо выпуклое. Для этой группы скребков отмечен приоритет в выборе мелкой заготовки и тщательная проработка ретушью рабочих лезвий.

Концевые скребки (36 экз.; рис. 3,21,22; 5,7; 6,4,14,15) отличаются нестандартностью, как в выборе исходной заготовки, так и характере вторичной обработки. Единственное, что их объединяет, это обязательное расположение лезвия на дистальном конце, что не соблюдается лишь в двух случаях. Два скребка на тонких сколах[6] с обломанным основанием, небрежно оформлены пологой нерегулярной ретушью. Еще два скребка со стрельчатым лезвием подготовлены на мелких массивных отщепах, один из которых относится к высоким формам. Остальные скребки различаются по зауженному или спрямленному лезвию, укороченным или удлиненным пропорциям. Оригинальны 7 миниатюрных скребков длиной не более 2,5 см.

В коллекции присутствуют 4 скребла. Два из них с четко моделированными лезвиями (рис. 3,26; 4,18) оформлены на крупных сколах, в одном случае с обушком[7], частично сохранившим желвачную корку. Оба скребла имеют поперечный выпуклый рабочий край, подготовленный полукрутой чешуйчатой ретушью. Найден также обломок скребла с продольным лезвием. Особого внимания заслуживает крупный массивный скол, отдаленно напоминающий по своей конфигурации лимас (рис. 4,17), обработанный крутой «агрессивной» ретушью лишь по двум краям, без какого-либо изменения естественно острого дистального конца.

Важным типом производственного инвентаря являются серпы (рис. 3,1; 4,3,5). В кол-

6. В качестве заготовок использованы пластинчатый отщеп и скол подправки ударной площадки нуклеуса.

7. Для изготовления этого типологически выразительного орудия древними мастерами была отобрана крупная массивная заготовка – скол подправки ударной площадки нуклеуса на начальной стадии раскалывания. Его размеры – 4,7x5,7x1,5 см.

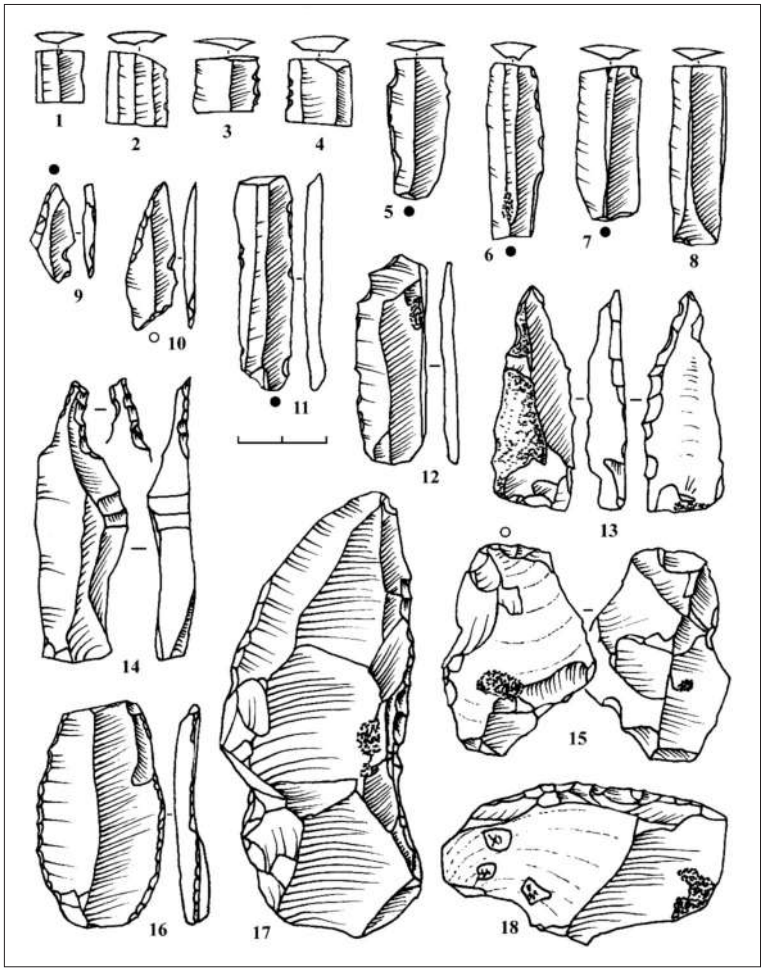


Рис. 4. Рогожень I. Кремневые орудия.

Fig. 4. Rogojeni I. Flint tools.

лекции кремневых изделий, собранной с поверхности поселения, их два экземпляра. Еще 4 вкладыша серпов обнаружены в ходе раскопок, один из которых происходит из заполнения землянки. Они подготовлены на мелких пластинах с усечением одного или обоих концов. У каждого изделия просматривается зеркальная заполировка, более сильная с вентральной стороны. Средние размеры коротких сечений таких пластинок приближаются к 2x1,5x0,4 см. Длина единственного вытянутого сечения с угловой заполировкой (из землянки 3) превышает 4 см. Несколько меньшую длину имеет серп на пластинке с удаленным дистальным концом. Необычен образец из не кондиционной пластинки, у которого противолежащий лезвию край, сохранил остатки желвачной корки. Все они могли использоваться в виде вставок.

Особое внимание обращают на себя два микролитичных вкладыша в виде асимметричных параллелограммов (рис. 4,9,10), часто обозначаемых как наконечники стрел. Они подготовлены на правильно ограненных пластинках, для оформления поражающего конца которых использован длинный косой срез[8] посредством мелкой полукрутой ретуши, а для усечения предполагаемого основания была задействована крутая ретушь. По нашим наблюдениям, казалось бы, случайная мелкая выемка (выбоина) по правому краю обоих вкладышей на самом деле могла быть нанесена преднамеренно с целью лучшей фиксации наконечника.

С сечениями-вставками могут быть сопоставлены пластинки со следами ретушного износа (16 экз.; рис. 3,5,18; 4,1,2,4) по одному или двум краям. Возможно их употребление в качестве составных частей строгальных орудий. Длина этих изделий не превышает 3,1 см. Аналогичный ретушный износ отмечен для ножевидных пластин с обломанным верхних концом (12 экз.; рис. 3,10-12; 4,6-8). Все они имеют крупные размеры и исключительно правильную огранку спинки. Еще у одной пластины с утраченным дистальным концом (рис. 3: 14), по одному из краев с явными признаками утилизации, моделирована широкая выемка, напоминающая «анкош», сформированная мелкой ретушью. Два изделия из этой же группы ножевидных пластин атипичны. Это укороченный пластинчатый скол с лунообразными фасетками по двум краям, образуемым при строгании дерева, и крупная реберчатая пластина, сохранившаяся целиком, которая воспринимается как нож с обушком (рис. 3,17). В последнем случае ретушный износ заметен вблизи дистального конца, а само изделие могло дополнительно использоваться в качестве скобеля, судя по широкой, но не глубокой выемке, подготов-

8. От верхнего правого угла заготовки до середины левого края.

ленной регулярной вентральной ретушью[9].

К тронкированным изделиям отнесены три пластинчатых образца и два полупервичных отщепа с усеченным ретушью концом. У двух из них поперечно затупленный конец выполнял вспомогательную роль, как это известно, для вкладышей с других энеолитических памятников. По своим параметрам они близки к ранее описанным пластинчатым вставкам с ретушным износом (рис. 3,19). Исключение составляет первичный скол, узкое лезвие которого по характеру износа напоминает долото-стамеску (рис. 3,20).

Несколько кремневых изделий нуждаются в трасологическом изучении. Так, к группе долотовидных инструментов (рис. 4,15) отнесены пять находок, которые по характеру макроизноса напоминают вставки молотильных досок[10]. Вместе с тем, у этих орудий отсутствует соответствующая заполировка, но наблюдается чрезмерная чешуйчатая сработанность и забитость спрямленных противолежащих лезвий, сходная с таковой при обработке дерева.

Заслуживают упоминания две проколки-сверла на удлиненных заготовках, в одном случае со слабоизогнутым жалом, проработанным противолежащей ретушью (рис. 4,14), в другом, с массивным острием, подготовленным зубчатой ретушью с одной стороны (рис. 4, 13). По своим морфологическим признакам второе изделие может вызвать сомнение в принадлежности к группе проколок. По классификации перфораторов крайне слабый изгиб выемки, якобы образующей жало, мог быть следствием «обычной волнистости ретушированного края» (Kononenko 2014, 141). Однако отсутствие «глубокой выемки» компенсируется косым срезом края, посредством преднамеренного вентрального ретуширования, образующего весьма прочное окончание со следами утилизации.

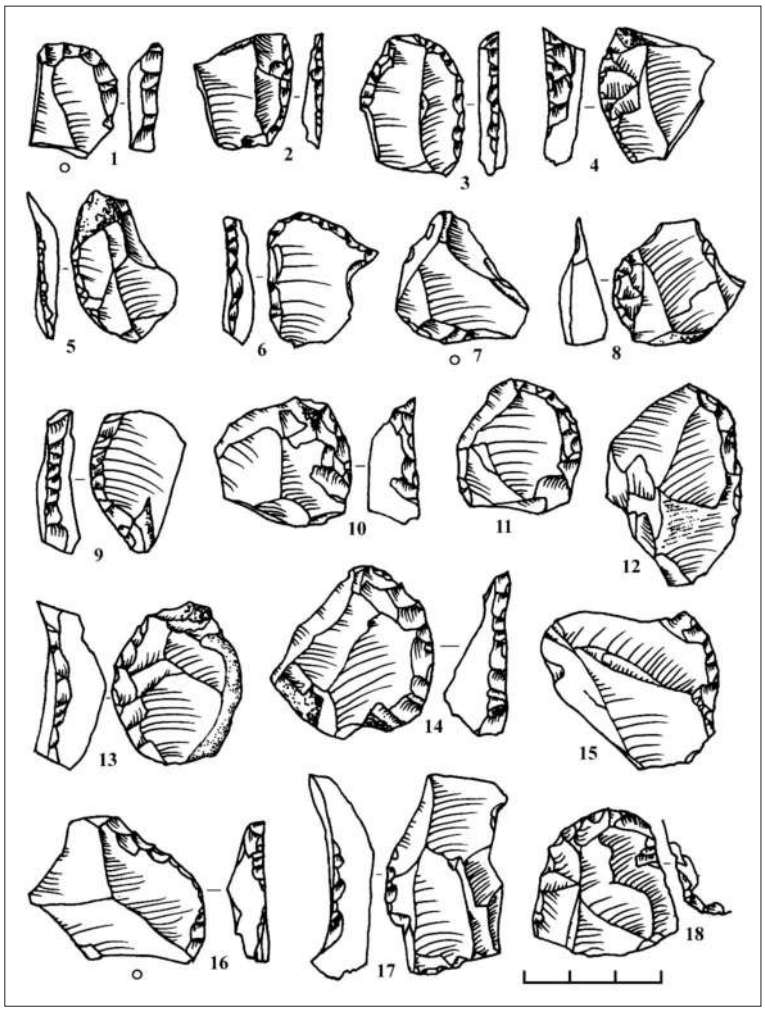


Рис. 5. Рогожень I. Кремневые скребки.

Fig. 5. Rogojeni I. Flint scrapers.

Кремневые отбойники представлены в коллекции 21 экземпляром, включая шаровидные формы на небольших по своим размерам желваках и более крупные угловатые изделия из нуклеусов. Специальной вторичной обработки они не имеют. Их округлые очертания являлись результатом интенсивных ударов малой амплитуды, возможно, выполняемой в рамках техники

9. По поводу принадлежности ножа с обушком к рассматриваемому комплексу возникают сомнения, в виду не свойственной энеолитическим пластинам конфигурации. Он явно не связан и с пластинами, полученным усиленным отжимом, хотя возможно его соотнесение с разновидностью технических сколов. Вместе с тем, у этой находки наблюдается фасетированная ударная площадка и сплошная патина.

10. В энеолите Юго-Восточной Европы вкладыши молотильных досок характеризуются сильной выкрошенностью и смятостью рабочего края, а заполировка охватывает все неровности микрорельефа (Скакун 2006, 40-41).

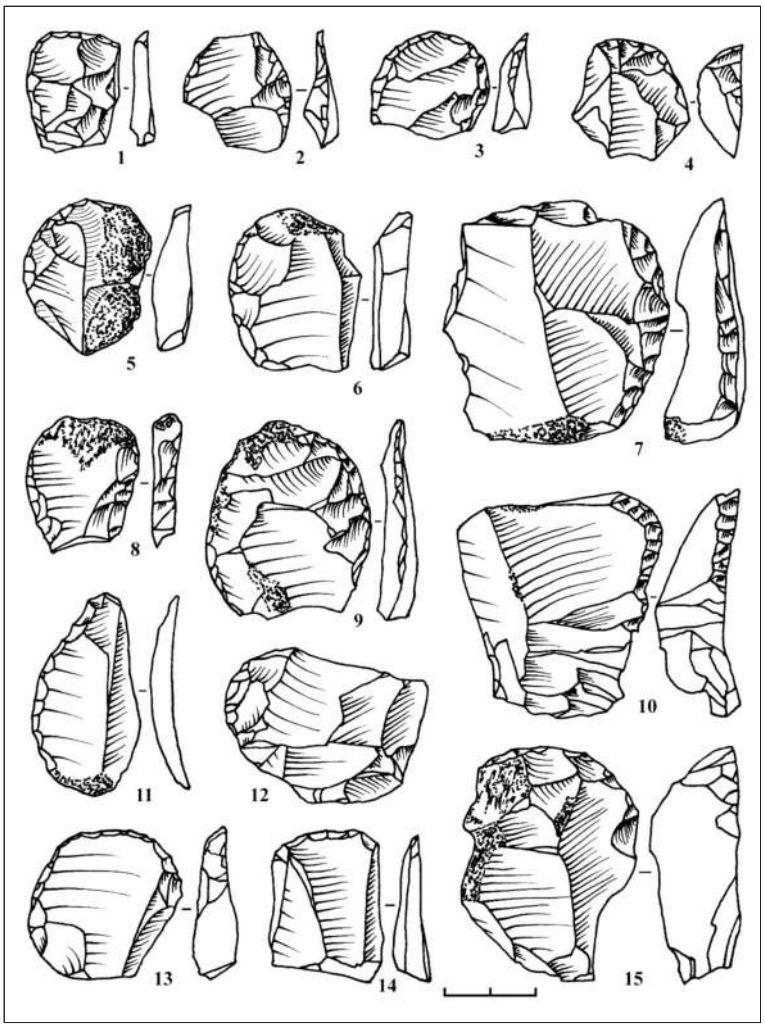


Рис. 6. Рогожень I. Кремневые скребки.

Fig. 6. Rogojeni I. Flint scrapers.

пикетажа. Последнее обстоятельство позволяет рассматривать эти орудия в качестве пестов. Исключительно округлые очертания с предельно полной звездчатой забитостью всей поверхности имеют два экземпляра диаметром 4-5 см. С ними соотносятся еще 9 орудий с близкой конфигурацией. Менее выразительны 6 пренуклеусов угловатых очертаний, которые привлекались к ударным действиям эпизодически.

Обособлена группа из 10 ретушеров-отжимников. Все они выполнены на нуклеусах, обычно исключенных из процесса расщепления из-за внутренних изъянов (каверн) или неудачного скалывания. Их размеры близки между собой и составляют в среднем 7x4x3 см. Грациальными можно назвать лишь карандашевидный и призматический (рис. 1,1) нуклеусы с негативами снятия пластинок по всему периметру. Следы износа в виде замятости локализуются по краю ударных площадок и на нижнем конце.

Рассмотрение коллекции кремневых изделий из последних раскопок поселения Рогожень I подтверждает ранее известный культурно-хронологический статус этого памятника (Markevich 1974, 26-41; Bodean 2001, 98; Bodean, Bicbaiev 2014, 15) и позволяет сосредоточить внимание на его производственно-хозяйственной специфике. По нашему мнению, сходство Рогожень I с группой раннетрипольских памятников среднего течения Днестра и Рэута, не вызывает сомнения. Наиболее выраженные черты такого сходства можно наблюдать с кремневыми комплексами Бернашевки I (Zbenovich 1980; Shidlovs'kii, Slesarev 2015, 337-355), Александровки I (Covalenco, Bodean 2006) и отчасти верхних слоев Флорешть I (Korobkova 1987, 87-91, ris. 23-24; 102-103, tab. 19). Судя по скотоводческо-охотничьей направленности хозяйственной деятельности, выявленной при трасологическом анализе кремневого инвентаря (Korobkova 1987, 213-214), на этих поселениях была широко распространена обработка продуктов животноводства и охоты, основанная на использование вкладышей и сравнительно небольших по размерам орудий, развито производство кремневых заготовок и самих орудий, прежде всего, предназначенных для выделки шкур и кожи, работы по дереву и кости/рогу. Предполагается вспомогательный характер земледельческого набора кремневого инвентаря, представленного разнообразными серпами. В этой связи важно подчеркнуть, что одной из составляющих экономического благоденствия обитателей рогожанского поселения было поддержание высокого уровня кремнеобработки, включая технику первичного раскалывания и технику изготовления вкладышей, совершенствование приемов подправки нуклеусов и лезвий орудий в процессе их эксплуатации.

Кремневая индустрия Рогожень I развивалась на местном сырье, которое приносилось

на поселение с близлежащих рэутских месторождений, уже в виде подготовленных для раскалывания пренуклеусов. Об этом косвенно свидетельствует относительно малое число первичных сколов в составе отходов производства. В дальнейшем процесс раскалывания велся по двум направлениям, которые можно обозначить как альтернативные. С одной стороны, использовалась доведенная до своего совершенства техника параллельного расщепления, которая посредством жесткой редукции площадок и применения посредника обеспечила эффективное отжимное снятие исключительно правильно ограненных пластинок. Отжимное скалывание осуществлялось с нуклеусов конических и карандашевидных форм, реже грациальных призматических. Все они демонстрируют круговую систему снятия заготовок или имеют негативы скалывания по большей части периметра. С другой стороны, применялась ударная техника скола, когда с помощью песчаниковых, реже кремневых отбойников снимались короткие массивные отщепы небольших размеров. При таком ударном раскалывании одноплощадочных односторонних подпризматических нуклеусов, в процессе срабатывания часто происходило уплощение их рабочего фронта. Огранка таких нуклеусов не всегда упорядочена и вызывает впечатление архаизма. Близкие сколы, вероятно, получались с аморфных и дисковидного ядрищ. Предполагается, что основная часть заготовок-полуфабрикатов производилась с отжимных нуклеусов, хотя число пластин в самой рогожанской коллекции сравнительно не велико. Последнее обстоятельство не исключает возможности их транспортировки за пределы поселения. Среди самих пластинчатых сколов практически отсутствуют микропластинки. Крайне мало пластин крупных размеров, среди которых нет образцов, произведенных при помощи усиленного отжима.

Доминирование в составе инвентаря скребков вовсе не означает их функциональную принадлежность исключительно к орудиям для выделки шкур и кожи. Макроскопические следы износа на отдельных скребках, также как и на нескольких строгальных ножах на пластинках, свидетельствуют об обработке дерева. Среди скребков значительное число относится к боковым разновидностям и микролитичным. По данным экспериментальной трасологии (Semenov, Korobkova 1983, 186-187), такого рода изделия при употреблении в рукоятках обладали повышенной эффективностью при работе на опоре в виде колоды. Благодаря таким скребкам лучше вычищались и размягчались шкуры, а кожа начинала напоминать замшу. Они позволяли прорабатывать труднодоступные участки шкур и ускоряли работу по их выделке (Semenov, Korobkova 1983, 189).

Основу любой коллекции кремневых орудий эпохи энеолита составляет набор пластинчатых вкладышей, как в виде вставок в оправы различного рода серпов, ножей для срезания травы и тростника, так и наконечников метательного оружия. В рогожанском наборе инвентаря вместе с серпами с угловой или продольной заполировкой на пластинках с одним обломанным концом, присутствуют сечения пластинок прямоугольной и трапециевидных форм без вторичной обработки, но с признаками утилизации. Часть изделий с явными признаками износа могут соотноситься с серпами карановского типа, вставляемым углом в роговую или деревянную изогнутую оправу. Зубчатое лезвие, образованное из нескольких таких вставок, обеспечивало высокую производительность при жатве злаков (Skakun 2006, 58-59). По предварительным наблюдениям, часть вкладышей со слабыми признаками износа распознаются как вставки мясных ножей. По крайней мере, один вкладыш имеет четкие следы строгания дерева. Вместе с тем, типичных трапециевидных микролитов с ретушной отделкой здесь нет. Отсутствуют в Рогожанах I и характерные для Бернашевки I микрорезцы (Shidlovs'kii, Slesarev 2015, 343, 351, рис. 9,1-18), побочный продукт техники усечения пластинок. В то же самое время, в изученном материале обнаружены два экземпляра асимметричных параллелограммов, широко представленных в бернашевской коллекции (Shidlovs'kii, Slesarev 2015, 351-352, ris. 9,33-47), по своим параметрам способным служить наконечниками метательного оружия, что подтверждает и охотничью направленность хозяйственной деятельности.

Безусловно, набор кремневого инвентаря с поселения Рогожень I заслуживает углубленного трасологического анализа. Рассмотрение этих находок в рамках функциональной типологии позволит выйти на новый уровень понимания развития и функционирования хозяйства.

Литература

Bodean 2001: S. Bodean, Aşezările culturii Precucuteni-Tripolie A din Republica Moldova (Repertoriu) (Chişinău 2001).
Bodean, Bicbaiev 2014: S. Bodean, V. Bicbaiev, Cercetări arheologice preventive în staţiunea eneolitică Rogojeni I (com. Rogojeni, r-nul Şoldaneşti). Arheologia preventivă în Republica Moldova I (1-2), 2014, 9-22.
Covalenco, Bodean 2006: S. Covalenco, S. Bodean, Kremnevyi inventar' rannetripol'skogo poseleniia Aleksandrovka I. RA II, 1-2 (Chişinău 2006) // С. Коваленко, С. Бодян, Кремневый инвентарь раннетрипольского поселения Александровка I. RA II, 1-2 (Chişinău 2006).
Kononenko 2014: O.N. Kononenko, Perforatory verkhnepaleoliticheskoi stoianki Radomyshl' I. Zamiatninskii sbornik 3 (Sankt-Peterburg 2014), 128-145 // О.Н. Кононенко, Перфораторы верхнепалеолитической стоянки Радомышль I. Замятнинский сборник 3 (Санкт-Петербург 2014), 128-145.
Korobkova 1987: G.F. Korobkova, Khoziaistvennye kompleksy rannikh zemledel'chesko-skotovodcheskikh obshchestv iuga SSSR (Leningrad 1987) // Г.Ф. Коробкова, Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР (Ленинград 1987).
Markevich 1973a: V.I. Markevich, Issledovaniia Moldavskoi neoliticheskoi ekspeditsii v 1970-1971 gg. In: (red. G.F. Chebotarenko) AIM v 1970-1971 gg. (Kishinev 1973), 52-78 // В.И. Маркевич, Исследования Молдавской неолитической экспедиции в 1970-1971 гг. В сб.: (ред. Г.Ф. Чеботаренко) АИМ в 1970-1971 гг. (Кишинев 1973), 52-78.
Markevich 1973b: V.I. Markevich, Pamiatniki epokh neolita i eneolita. Areologicheskaia karta Moldavskoi SSR 2, (Kishinev 1973) // В.И. Маркевич, Памятники эпох неолита и энеолита. Археологическая карта Молдавской ССР 2 (Кишинев 1973).
Markevich 1974: V.I. Markevich, Issledovaniia Moldavskoi neoliticheskoi ekspeditsii. In: (otv. red. V.L. Lapushnian) AIM (1972) (Kishinev 1974), 26-50 // В.И. Маркевич, Исследования Молдавской неолитической экспедиции. В сб.: (отв. ред. В.Л. Лапушнян) АИМ (1972) (Кишинев 1974), 26-50.
Semenov, Korobkova 1983: S.A. Semenov, G.F. Korobkova, Tekhnologiia drevneishikh proizvodstv. Mezolit i eneolit (Leningrad 1983) // С.А. Семенов, Г.Ф. Коробкова, Технология древнейших производств. Мезолит и энеолит (Ленинград 1983).
Shidlovs'kii, Slesarev 2015: P. Shidlovs'kii, E. Slesarev, Krem'ianii inventar z gospodars'koï sporudi na poselenni Bernashivka. In: (red.: O. Diachenka et al.) Kul'turnii kompleks kukuten'-tripillia ta iogo susidi (L'viv 2015), 337-355 // П. Шидловський, Е. Слесарев, Крем'яний інвентар з господарської споруди на поселенні Бернашівка. В сб.: (ред.: О. Дяченка и др.) Культурний комплекс кукутень-трипілля та його сусіди (Львів 2015), 337-355.
Skakun 2006: N.N. Skakun, Orudiia truda i khoziaistvo drevnezemledel'cheskikh plemen Iugo-Vostochnoi Evropy v epokhu eneolita (po materialam kul'tury Varna). Trudy Instituta istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi Akademii nauk XXI, 2006 // Н.Н. Скакун, Орудия труда и хозяйство древнеземледельческих племен Юго-Восточной Европы в эпоху энеолита (по материалам культуры Варна). Труды Института истории материальной культуры Российской Академии наук XXI, 2006.
Zbenovich 1980: V.G. Zbenovich, Poselenie Bernashevka na Dnestre (k proiskhozhdeniiu tripol'skoi kul'tury) (Kiev 1980) // В.Г. Збенович, Поселение Бернашевка на Днестре (к происхождению трипольской культуры) (Киев 1980).

Коваленко Сергей Иванович, доктор истории, старший научный сотрудник Центра археологии Института культурного наследия АН Молдовы, e-mail: covalenco@bk.ru

Бодян Сергей Дмитриевич, научный сотрудник Центра археологии Института культурного наследия АН Молдовы, e-mail: arheo25@mail.ru

Бикбаев Вячеслав Муратович, научный сотрудник Отдела археологии Национального Музея истории Молдовы, e-mail: bikbaev@mail.ru

Виталий Рудь

Результаты полевых исследований на трипольском поселении Гэтьманивка I (правобережье Среднего Побужья)

Keywords: Southern Bug, Trypillia culture, Het'manivka I, buildings, clay platform, oven hearth, tools, pottery, BII phase, Chechel'nyk group.
Cuvinte cheie: cursul de mijloc al Bugului de Sud, cultura Tripolie, Het'manivka I, complexe, platformă de lut, bolta cuptorului, unelte, ceramică, etapa BII, grupul Chechel'nik.
Ключевые слова: среднее течение Южного Буга, трипольская культура, Гэтьманивка I, сооружения, глиняная вымостка, под печи, орудия труда, керамика, этап BII, чечельницкая группа.

Vitalii Rud'
Results of field investigations of the Trypillia culture settlement of Het'manivka I (right bank of the Southern Bug)
In the article the author is published the materials from fieldwork of 2014 on Trypillia site of Het'manivka I, which is located on the right bank of the middle reaches of the Southern Bug. Two buildings with unique interior details (a clay platform on the ground floor and oven hearth) were investigated on the settlement. Also, a small collection of tools and pottery fragments were found. Ceramic materials from Hetmanivka can be attributed to the second half of Trypillia B II phase. It is suggested that this settlement is one of the initial elements of Chechel'nyk group.

Vitalii Rud'
Rezultatele cercetărilor de teren din așezarea tripoliană Het'manivka I (din dreapta cursului de mijloc al Bugului de Sud)
În articol se publică materiale ale cercetărilor arheologice din anul 2014 la așezarea tripoliană Het'manivka I, amplasată în bazinul din dreapta cursului de mijloc al Bugului de Sud. Au fost cercetate parțial două complexe cu detalii de interior deosebite (o platformă de lut și bolta unui cuptor). S-a recuperat o colecție nu prea mare ce include unelte de piatră și silex, precum și material ceramic. Așezarea este atribuită celei de-a doua jumătăți a etapei BII a culturii Tripolie. Eventual, ea reprezintă una dintre verigile incipiente ale grupului local Chechel'nyk.

Виталий Рудь
Результаты полевых исследований на трипольском поселении Гэтьманивка I (правобережье Среднего Побужья)
В статье публикуются материалы исследований 2014 года на трипольском поселении Гетьмановка I, которое размещено в правобережном бассейне среднего течения Южного Буга. Частично было исследовано два сооружения с примечательными деталями интерьера (глиняная вымостка и под печи). Была получена небольшая коллекция каменных и кремневых орудий труда, а также керамического материала. Поселение отнесено ко второй половине этапа BII трипольской культуры. Возможно, оно является одним из начальных звеньев чечельницкой локальной группы.

На сегодняшний день, трипольская культура правобережья среднего течения р. Южный Буг мало изучена. Памятники с этой территории привлекали внимание исследователей, начиная с последнего десятилетия XIX столетия, однако, до детального изучения региона дело так и не дошло, как в отношении полевых исследований, так и научных публикаций. Именно поэтому публикации новых, равно как и старых материалов, являются важным этапом в изучении региона. Настоящая работа посвящена материалам, полученным во время разведочных работ на поселении Гэтьманивка I в 2014 г.[1]

История исследований. Поселение Гэтьманивка I было открыто в 1974 г. во время разведки, проводившейся экспедицией Одесского государственного университета им. И.И. Мечникова под руководством В.Н. Станко. На территории поселения были обнаружены обломки обожженной глины от двух сооружений, фрагменты керамической посуды, которые позволили определить примерный период существования памятника. Впоследствии результаты были кратко опубликованы руководителем экспедиции в соавторстве с Н.Б. Зиньковской во время подведения итогов исследований трипольских поселений в северных районах Одесской области 1972-1974 годов (Stanko, Zin'kovskaia 1976, 150). Информация о Гэтьманивке I, полученная в результате первых исследований, фигурирует в справоч-

1. Автор выражает искреннюю благодарность коллегам М.Ю. Видейко, В.А. Косаковскому, Д.В. Киосаку и, особенно, С.С. Федорову за помощь в получении материалов и подготовке их к публикации.

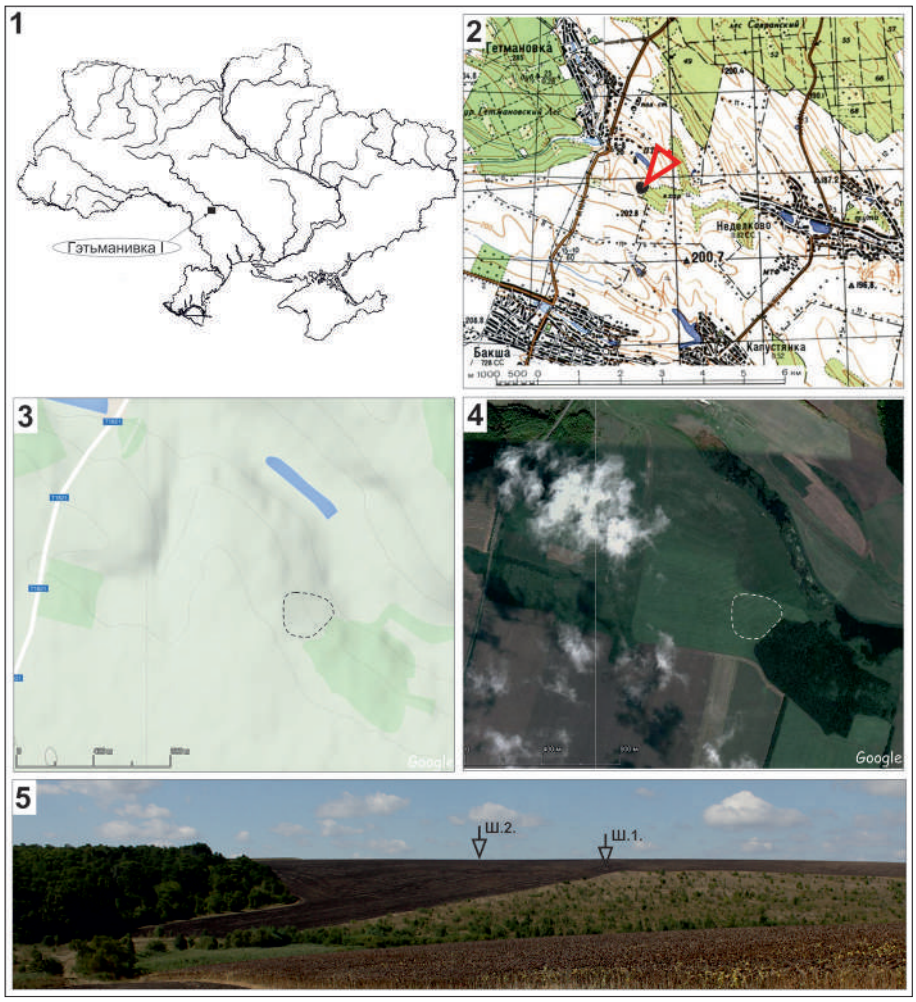


Рис. 1. Гэтьманивка I: 1-2 – расположение поселения на гидрографической карте Украины и топографической карте региона; 3-4 – границы распространения подъемного материала обозначены на спутниковых картах Google; 5 – вид на поселение с востока (стрелками обозначены места шурфов).

Fig. 1. Het'manivka I: 1-2 – Location of the settlement on the hydrographic map of Ukraine and the topographic map of a region; 3-4 – distribution limits of archaeological materials marked on a Google satellite map; 5 – the view of the site from the east (test-pits are marked by arrows).

нике археологических памятников Одесской области (Gudkova et al. 1991, 101) и в своде, подготовленном Л.Ю. Полищук для Энциклопедии трипольской цивилизации (Polishchuk 2004, 644).

Повторное обследование поселения осуществлено в 2011 г. Подольско-Причерноморской экспедицией под руководством Д.В. Киосака. Собрано небольшое количество керамического материала и отдельные изделия из кремня. Все это опубликовано в контексте введения в научный оборот уникальной орнитоморфной погремушки с Гэтьмановки I (Kiosak et al. 2014).

Авторы первых исследований, проведенных на поселении, причислили его «к концу развитого – началу позднего этапов трипольской культуры» (Stanko, Zin'kovskaia 1976, 150). Позже памятник был весьма осторожно введен в состав чечельницкой локальной группы (Kiosak et al. 2014, 68).

Расположение поселения. Памятник находится в 1,5 км к юго-востоку от с. Гэтьманивка Савранского района Одесской области Украины. Занимает плато правого берега р. Гедзылив Яр. Эта река является левым притоком нижнего течения р. Кодыма (правого притока среднего течения Южного Буга) (рис. 1).

Согласно физико-географическому зонированию Украины, поселение Гэтьманивка I

расположено на крайнем юге современной лесостепной зоны. В интересующем нас регионе, большинство исследователей проводят границу между лесостепной и степной зоной по руслу нижнего течения р. Кодыма. Однако пределы современных природных зон, в том числе лесостепной, являются условными, так как они были установлены по современным границам, на расположение которых повлияли изменения антропогенных компонентов и ландшафтных комплексов. Именно поэтому различные исследователи устанавливают разные границы лесостепной полосы, отмечая при этом, что проведенные ими линии довольно условные. Поэтому более точным будет указать, что исследуемый нами памятник находится в переходной контактной полосе лесостепи и степи (Denisik 2001, 32-34).

Исследование строительных остатков. Подъемный материал на поселении (кусочки обмазки и фрагменты керамики) встречался уже на склоне плато, ведущему к реке. Сооружения трипольского времени, очевидно, размещались на самом плато. Свидетельством этому являются многочисленные фрагменты обожженной глины и керамики, поднятые на поверхность во время сельскохозяйственной обработки земли. Их концентрация в разных местах отражает расположение отдельных построек. На территории двух крупнейших скоплений фрагментов обожженной глины было заложено два шурфа (рис. 1,5).

Шурф 1 площадью 1х1 м заложен в восточной части памятника на краю плато. В шурфе на глубине 0,2-0,27 м от современной поверхности, под слоем чернозема и незначительной прослойкой суглинка, расчищен завал сооружения №1 (рис. 2,1,3). Он представлен фрагментами хорошо обожженной глины с растительной примесью, которые покрывали всю площадь шурфа. Размеры кусков обмазки - от 8х6 см до 23х18 см, при толщине в пределах 10-14 см. Большинство из них имели небрежно заглаженную, однако ровную поверхность и отпечатки колотого дерева (доски, горбыль) в нижней части. Отпечатки располагались по направлению северо-восток–юго-запад. В центральной и южной части шурфа обнаружено до десятка фрагментов обмазки, располагавшиеся в вышеописанном слое (рис. 2,1,3). Найденные фрагменты были небольшими по размерам (максимум 5х5х4 см), морфологически аморфные и имели в своем составе растительную примесь.

Под завалом обмазки исследована вымостка, сооруженная на земляном полу (рис. 2,2). Площадь расчищенной в шурфе части - 0,8х0,66 м. Фрагменты вымостки толщиной 2-3 см имели гладкую поверхность. Они изготовлены из глиняной массы желто-серого цвета с примесью миниатюрных кусочков глины кирпичного и желто-серого цветов (их размеры – от нескольких миллиметров до 1х0,8 см). Данная примесь не может считаться преднамеренной. Очевидно, сначала на землю была положена основа из мелких фрагментов обожженной глины, поверхность которой была снивелирована жидкой глиняной массой желто-серого цвета. Вымостка оставлена нами *in situ*, снято лишь несколько ее кусков в центральной части. Под одной из них располагался фрагмент стенки кубка с росписью черной краской (рис. 5,4), который, видимо, попал туда случайно в момент укладывания основания.

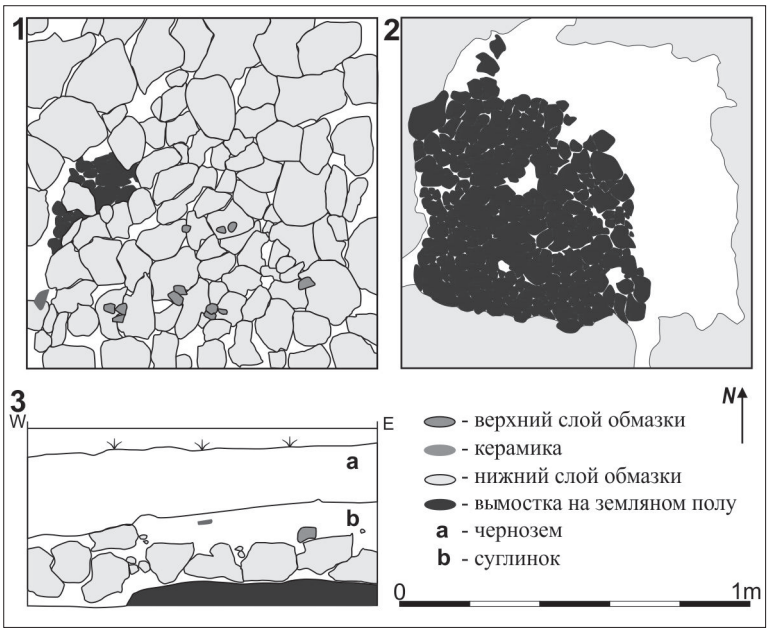


Рис. 2. Гэтьманивка I, шурф 1, сооружение 1: 1-2 – планы разных горизонтов; 3 – стратиграфия южной стенки.

Fig. 2. Het'manivka I, test-pit 1, structure 1: 1-2 – plans of different horizons; 3 – stratigraphy of southern test-pit wall.

Шурф 2 размерами 2х2 м в центральной части поселения дал возможность частично исследовать сооружение №2 (рис. 3). Здесь, на глубине 0,15-0,2 м от современной поверхности, под слоем чернозема расчищена часть элемента интерьера постройки, размерами 1,5х1,9 м. Это было возвышение, приподнятое над уровнем глинобитного пола на высоту 8-10 см. Оно имело закраину в северо-восточной части, расположенную по линии СЗ–ЮВ. Для сооружения возвышения была использована глиняная смесь с большим содержанием песка. Возвышение возводилось в несколько этапов. Сначала была сформована его центральная часть, затем примазана массивная закраина. Впоследствии, руками была заглажена вся площадь возвышения. Сейчас поверхность возвышения сильно разрушена вспашкой, особенно в юго-западной части. С юго-восточной стороны возвышение примыкало к деревянной горизонтально возведенной на полу конструкции, о чем свидетельствуют отпечаток дерева на боковой стороне глиняного возвышения и выемка. За выемкой располагались довольно хрупкие фрагменты обожженной глины желто-серого цвета со значительной растительной примесью. Поверхность кусков заглажена, снизу сохранились отпечатки прутьев диаметром 2,5-3 см. Толщина фрагментов составляет 7-9 см, так как они разломаны по центру деревянных прутьев, в месте наибольшего их диаметра.

Обнаруженное возвышение и фрагменты обмазки желто-серого цвета находились на глиняном полу на одном уровне. Он сформирован из глиняной массы со значительной растительной примесью. В результате сильного обжига цвет глины доведен до кирпичного. Фрагменты пола толщиной 8-12 см имели заглаженную поверхность, а два из них, расположенные у закраины возвышения, сохранили на поверхности следы нивелирования раствором глины с примесью песка, толщиной в 0,5-1 см. Пол был намазан на деревянный настил из колотых плах, отпечатки от которых ориентированы по линии СЗ–ЮВ.

Разбор строительных остатков сооружения №2 не проводился.

Находки. В заложенных шурфах найдено всего несколько невыразительных фрагментов керамики. Тем не менее, определенные яркие на-

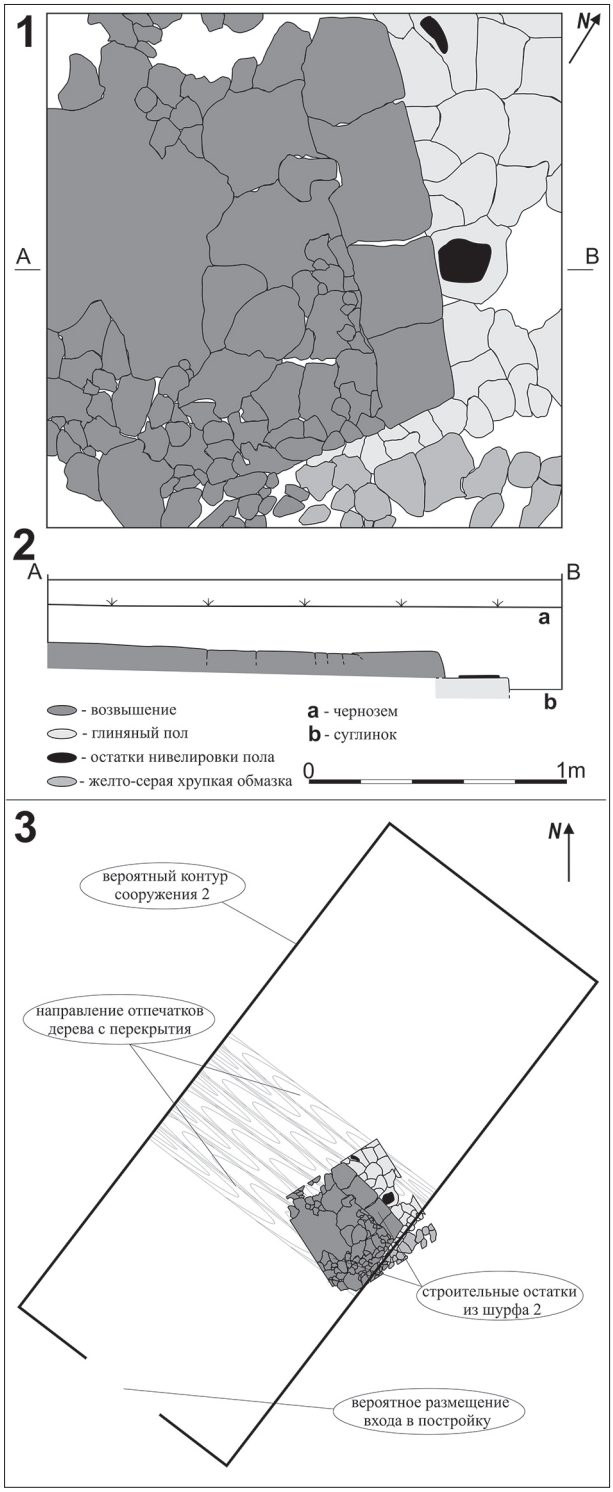


Рис. 3. Гэтьманивка I, шурф 2, сооружение: 1 – план расчищенного горизонта; 2 – разрез по линии А-В; 3 – возможное расположение строительных остатков на плане сооружения.

Fig. 3. Het'manivka, test-pit 2, structure 2: 1 – the plan of founded horizon; 2 – stratigraphy of the A-B line; 3 – possible location of the building remains on the plan of building.

Таблица 1. Гэтьманивка I: список найденных материалов (орудия труда; посуда).

а. ОРУДИЯ ТРУДА			
Вид орудия	*Объект*	*Количество фрагментов*	*Материал*
Концевой скребок на пластине	Подъемный материал (ПМ)	1	Непрозрачный неоднородной кремень серого цвета
Зернотерка	ПМ	7	Гранит мелкозернистый
Зернотерка	ПМ	1	Кальцифир доломитовый
Зернотерка	ПМ	1	Кварц с выветренными включениями полевого шпата и примазками гематита (красный), присутствуют кусочки графита и мелкие кристаллы пирита

в. ПОСУДА							
Категория посуды	*Сосуды или отдельные фрагменты*	*Тип глины*	*Шурф 1. Сооружение I*	*Сооружение 2. Подъемный материал*			*Подъемный материал*
			количество (форма)	количество	%	форма (количество %)	количество (форма)
I категория	Фрагментов	I тип	-	8	4,1	-	-
		II тип	-	-	-	-	-
	Сосудов	I тип	-	1	5,3	Горшки (1=5,6%)	-
		II тип	-	-	-	-	-
II категория	Фрагментов	I тип	4	181	93,3	-	11
		II тип	-	5	2,6	-	-
	Сосудов	I тип	2 (миска, кубок)	16	88,8	Миски (7=38,89%); Биконические формы (8=44,4%); кубки (1=5,6%)	2 (миска, кубок)
		II тип	-	1	5,6	Биконические формы (1=5,6%)	-

ходки присутствуют среди собранного с территории памятника подъемного материала (табл. 1).

Орудия труда. Кремневые орудия труда (табл. 1,а) представлены только одним изделием – концевым скребком. Он изготовлен из нижней части пластины длиной 4,3 см и шириной 1,8-2 см. Рабочий конец – прямой. Кроме него, ретушью покрыты и боковые стороны пластины, а также центр нижней части, примыкающей к ударной площадке. Пластина изготовлена из непрозрачного неоднородного кремневого сырья серого цвета, месторождения которого распространены в Поднестровье.

Орудия труда из камня (табл. 1,а) представлены фрагментами от трех зернотерок. Наибольшая толщина изделий - в пределах 6-7 см, длину и ширину определить невозможно из-за их фрагментированности. Поверхность изделий имеет характерную полировку. Они изготовлены из различных пород камня. Среди них – кальцифир доломитовый, гранит мелкозернистый, а также кварц с выветренными включениями полевого шпата и примазками гематита (красный), также есть кусочки графита и мелкие кристаллы пирита[2].

Посуда. Во время разведочных работ на поселении Гэтьманивка I обнаружено 209 фрагментов

2. Автор благодарен за определения пород камня В.И. Коренному – кандидату геологических наук, доценту кафедры географии Винницкого государственного педагогического университета им. М. Коцюбинского.

керамики как минимум от 22 сосудов. Четыре фрагменты керамики происходят из шурфа 1 (сооружение 1). В пределах сооружения 2, сильно разрушенного вспашкой, собрано 194 фрагмента, а 11 обломков керамической посуды подняты с остальной территории памятника. Данные по количеству, как отдельных фрагментов керамики, так и сосудов, приведены в таблице (табл. 1,b).

Весь керамический комплекс Гэтьманивки I разделен на две категории. В первую зачислены так называемые «кухонные» сосуды, во вторую – «столовая» керамика.

Первая категория посуды изготовлена из железосодержащей глины (тип I), которая имеет значительную примесь толченой ракушки. После обжига черепок приобрел темно-кирпичный цвет. Удалось идентифицировать только одну форму данной категории посуды – горшок с округлыми плечиками и прямыми венчиками, которые плавно отогнуты наружу. Поверхность и внутренняя часть сосуда покрыты расчесами, нанесенными преимущественно горизонтально, с незначительными углами отклонения. Венчики сосудов покрыты снаружи вертикальными расчесами и орнаментированы насечками по краю (рис. 4,8,9).

Вторая категория посуды производилась из хорошо отмученной массы железосодержащих (тип I) и каолинитовых (тип II) глин с незначительным количеством разнообразных добавок. В качестве последних использовали шамот и известняк, в большом количестве – для толстостенных сосудов и в совсем незначительных пропорциях – для тонкостенных форм, преимущественно кубков. Очевидно, естественным в тесте глин со значительным содержанием соединений железа является кварц. В черепках из каолинитовой глины прослеживаются тонкие полосы железосодержащих глин. В одном случае каолинитовая глина сопряжена со значительной примесью песка, а поверхность черепка покрыта ярко-оранжевым ангобом (рис. 4,2). Здесь мы имеем дело с фрагментом импортной посуды из соседних памятников Буго-Днепровского междуречья.

Рис. 4. Гэтьманивка I: керамика I-й (8, 9) и II-й (1-7) категорий.

Fig. 4. Het'manivka I: pottery of the first (8, 9) and the second (1-7) categories.

Посуда второй категории покрыта исключительно монохромной росписью черного цвета. После обжига черепок сосудов, изготовленных из железосодержащей массы, приобретал светло- или темно-кирпичный цвет, а из каолинитовой - светло-желтый.

В результате детального изучения всего найденного керамического материала, можно сделать определенные выводы о технологии формирования отдельных сосудов. На одном из фрагментов большого (возможно, биконического) сосуда на изломе прослеживаются следы прикрепления стенки к предварительно сформированному донышку. Другой фрагмент (коническая нижняя часть сосуда закрытого типа средних размеров) демонстрирует формовку дна и придонной части стенок одновременно из одного куска глины. Формирование целого сосуда из одного куска

глины, очевидно, имело место при изготовлении малых сосудов, например, кубков и мисок, а также, безусловно, при лепке миниатюрных сосудов.

По морфологии, посуду второй категории разделяем на несколько форм. Прежде всего, это миски единого подтипа – конические, с прямыми (первый вариант) (рис. 5,1,12) и немного выпуклыми стенками (второй вариант) (рис. 5,2). Орнамент нанесен исключительно на внутреннюю поверхность изделий.

Кубки (рис. 5,3-6,8) имели вогнуто-цилиндрическую горловину с плавно отогнутыми наружу венчиками, коническую с несколько выпуклыми стенками нижнюю часть, которая по высоте, пожалуй, значительно уступала верхней, а также заостренные плечики и узкое дно. Есть один миниатюрный кубок (рис. 5,7).

К биконическим формам (рис. 4,1,3-7) относим фрагменты посуды как минимум трем типов: амфоры, сфероконические и собственно биконические сосуды. Учитывая значительную фрагментированность материала, соотношение отдельных находок с вышеперечисленными типами посуды маловыразительно и здесь не приводится. В общем, найденные фрагменты характеризуются воронковидными венчиками, которые принадлежат к округлотелым сосудам, некоторые из них имели петельчатые ручки (рис. 5,19). Роспись нанесена на верхнюю часть сосудов, а также на внутреннюю часть венчиков.

На одном из фрагментов верхней части сосуда биконической формы в овале орнаментальной схемы изображено животное – видимо, собака. К сожалению, изображение сохранилось не полностью, а только его верхняя часть. На вытянутой шее животного присутствует округлая голова с поднятыми вверх ушами, круп вздернут кверху, хвост дуговидный, с кругом на конце, приподнят над спиной (рис. 4,4). Изображение выполнено в реалистическом стиле, что сближает его с животными, нанесенными краской на посуду из Гелэешть, Петрень, Бернашевки, Стены IV (Zbenovich 1998, ris. 2,1; 3,7; 5,4; 6,1,3) и Чечельника (Kosakivs'kii 1993). Однако ближайшими аналогиями, как в географическом так и, очевидно, в генетическом плане, являются зооморфные изображения из последних двух памятников. Размещение животного в овале в верхней части орнаментальной схемы, практически под венчиком, опять же сближает зооморфное изображение из Гэтьманивки I с изображениями из Чечельника.

Среди посуды, собранной на поселении в 2014 г., нет фрагментов, которые бы четко принадлежали грушевидным сосудам. Однако часть стенок и плечиков толстостенной посуды могут происходить от такой посуды (рис. 5,9-11,13,14,16-21). Учитывая высокую степень фрагментации мате-

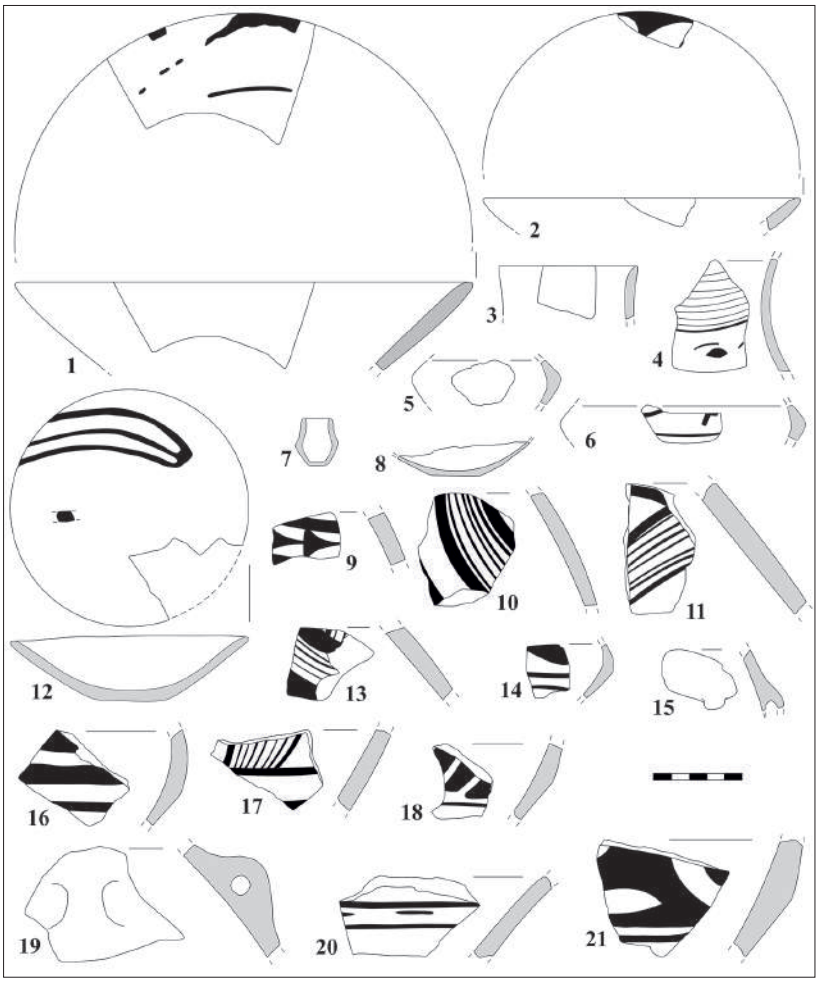


Рис. 5. Гэтьманивка I: керамика II-й категории (1-21).

Fig. 5. Het'manivka I: pottery of the second category (1-21).

риала, четко определить это невозможно. Данный тип все же присущ памятнику и обнаружен разведками 2011 г.; сосуды имели высокие прямой венчик (Kiosak et al. 2014, 68-69, ris. 2,1).

В ходе этих же разведок под руководством Д.В. Киосака, на поселении была обнаружена орнитоморфная погремушка на цилиндрической ножке с приземистым округлым туловом, голова отломана, хвост оформлен налепом. Высота фигурки составляет 66 мм, а длина – 59 мм. Присутствует орнамент в виде параллельных горизонтальных линий по бокам туловища, идущих от шеи птицы к хвосту. В задней части, боковые линии опускаются вниз и соединяются под острым углом. С помощью рентгенографии установлено, что в полом теле статуэтки находятся четыре глиняных шарика, видимо, также изготовленные из глины (Kiosak et al. 2014, 68-71, ris. 3; 4).

Данные об архитектуре. Во время работ на поселении Гэтьманивка I исследовать полностью хотя бы одно сооружение не удалось. Однако в заложенных двух шурфах имеем как уникальные конструктивные элементы, так и детали интерьера. Сопоставление полученных результатов с исследованиями на других памятниках Триполья частично позволяет сформировать представление о конструкции и интерьере сооружений поселения Гэтьманивка I.

Сооружение 1, очевидно, является двухэтажным. Найденная вымостка была возведена на земляном полу. Деревянный настил и намазанный на него мощный слой глины являются перекрытием первого этажа. Наконец, единичные фрагменты обожженной глины, обнаруженные на межэтажном перекрытии, могут быть конструктивными элементами от стен или перекрытия второго этажа. Деревянный настил перекрытия первого этажа обычно размещался перпендикулярно длинной оси здания (Chernovol 2015b, 73). В соответствии с этим сооружение 1 своей длинной осью расположено по направлению СЗ–ЮВ.

Сооружение 2, видимо, также было двухэтажным. Подтверждением этого является мощное межэтажное перекрытие, построенное на деревянном настиле. Описанное выше возвышение из сооружения 2, скорее всего, является подом печи, размещенным на полу второго этажа. С юго-восточной стороны, под примыкал к наружной стене здания, в то время как фрагменты обожженной глины желто-серого цвета с отпечатками прутьев, видимо, представляют собой остатки этой самой стены. Судя по размещению деревянного настила перекрытия, длинная ось сооружения проходит по линии СВ–ЮЗ.

Наибольше количество построек было изучено на памятниках томашевской группы этапа CI в Буго-Днепровском междуречье. Исследователями неоднократно отмечалось, что под печи в сооружениях этой группы обычно размещается в жилом помещении справа от входа (Shmaglii, Videiko 2001-2002: 88; Diachenko, Chernovol 2009, 4; Chernovol 2015a, 53). Если предположить, что размещение деталей интерьера на жилищах поселения Гэтьманивка I соответствует структуре пространства в зданиях томашевской группы, то, вероятно, шурфом 2 была исследована часть жилого помещения с печью. При этом, вход в здание должен был располагаться с юго-западной стороны сооружения (рис. 3,3).

Вопросы относительной хронологии. Собранный в ходе исследований 2014 года керамический материал с Гэтьманивки I дает возможность отнести памятник ко второй половине этапа BII. Стоит отметить, что некоторые элементы орнамента аналогичны схемам росписи посуды из поселений небелевской группы (Rizhov 1993, 104, ris. 2) в междуречье Южного Буга и Днепра. Это может свидетельствовать о генетическом родстве этих групп, равно как и об одновременности их существования на разных территориях, со своими локальными особенностями. Другим предположением в этом случае может стать опять же сосуществование памятников типа Гєтьманивка I и небелевской группы, а близкие схемы росписи объясняются тесными контактами между ними. Подтверждением взаимосвязей жителей поселения Гєтьманивка I с населением соседнего Буго-Днепровского междуречья является найденный в 2014 г. венчик импортного сосуда биконической формы (рис. 4,2).

Учитывая расположение памятника и стилистику его керамического комплекса, считаем, что предварительно Гэтьманивку I следует отнести к одному из начальных звеньев чечельницкой группы.

Литература

Chernovol 2015a: D.K. Chernovol, Varianty zhitlovikh sporud za elementami inter'eru. Na Shidnii mezhi Staroï Evropy. Materiali mizhnarodnoï naukovoï konferentsiï, Kirovograd, Nebelivka, 12-14 travnia 2015 (Kirovograd 2015), 53 // Д.К. Черновол, Варіанти житлових споруд за елементами інтер'єру. На Східній межі Старої Європи. Матеріали міжнародної наукової конференції, Кіровоград, Небелівка, 12-14 травня 2015 (Кіровоград 2015), 53.

Chernovol 2015b: D.K. Chernovol, Postroiki petrenskoi lokal'noi gruppy. RA IX, nr. 1, 2013, 72-87// Д.К. Черновол, Постройки петренской локальной группы. RA IX, nr. 1, 2013, 72-87.

Gudkova et al. 1991: A.V. Gudkova, S.B. Okhotnikov, L.V. Subotin, I.T. Cherniakov, Arkheologicheskie pamiatniki Odesskoi oblasti (spravochnik) (Odessa 1991) // А.В. Гудкова, С.Б. Охотников, Л.В. Суботин, И.Т. Черняков, Археологические памятники Одесской области (справочник) (Одесса 1991).

Denisik 2001: G.I. Denisik, Lisopole Ukraïni (Vinnitsa 2001) // Г.І. Денисик, Лісополе України (Вінниця 2001). Diachenko, Chernovol 2009: O.V. Diachenko, D.K. Chernovol, Sklad sim'ï naselennia zakhidnotripil's'koi kul'tury. Arkheologiia 3, 2009, 3-12 // О.В. Дяченко, Д.К. Черновол, Склад сім'ї населення західнотрипільської культури. Археологія 3, 2009, 3-12.

Kiosak et al. 2014: D.V. Kiosak, V.L. Denisiuk, L.Iu. Polishchuk, Ornitomorfne briazkal'tse tripil's'koï kul'turi z pivnochi Odeshchini. Arkheologiia 3, 2014, 67-72 // Д.В. Кіосак, В.Л. Денисюк, Л.Ю. Поліщук, Орнітоморфне брязкальце трипільської культури з півночі Одещини. Археологія 3, 2014, 67-72.

Kosakivs'kii 1994: V.A. Kosakivs'kii, Zobrazhennia tvarin na keramitsi z tripil's'kogo poselennia Chechel'nik. Arkheologiia 1, 1994, 148-149 // В.А. Косаківський, Зображення тварин на кераміці з трипільського поселення Чечельник. Археологія 1, 1994, 148-149.

Polishchuk 2004: L.Iu. Polishchuk, Odes'ka oblast'. In: Entsiklopediia trypil's'koï tsivilizatsiï (Kiïv 2004), 638-645 // Л.Ю. Поліщук, Одеська область. В кн.: Енциклопедія трипільської цивілізації (Київ 2004), 638-645.

Rizhov 1993: S.M. Rizhov, Nebelivs'ka grupa pam'iatok Tripil's'koï kul'turi. Arkheologiia 3, 1993, 101-114 // С.М. Рижов, Небелівська група пам'яток Трипільської культури. Археологія 3, 1993, 101-114.

Shmaglii, Videiko 2001-2002: N.M. Shmaglii, M.Yu. Videiko, Maidanetskoe – tripol'skii protogorod. Stratum plus 2, 2001-2002, 44-140 // Н.М. Шмаглий, М.Ю. Видейко, Майданецкое – трипольский протогород. Stratum plus 2, 2001-2002, 44-140.

Stanko, Zin'kovskaia 1976: V.N. Stanko, N.B. Zin'kovskaia, Razvedka pamiatnikov epokhi eneolita v severnykh raionakh Odesskoi oblasti. In: Arkheologicheskie i arkheograficheskie issledovaniia na territorii Iuzhnoi Ukrainy (Kiev-Odessa 1976), 130-150 // В.Н. Станко, Н.Б. Зиньковская, Разведка памятников эпохи энеолита в северных районах Одесской области. В сб.: Археологические и археографические исследования на территории Южной Украины (Киев-Одесса 1976), 130-150.

Zbenovich 1998: V.G. Zbenovich, Zoomorfnye motivy v rospisi keramiki kul'tury Tripol'e-Kukuteni. Arkheologiia 4, 1998, 64-78 // В.Г. Збенович, Зооморфные мотивы в росписи керамики культуры Триполье-Кукутени. Археологія 4, 1998, 64-78.

Виталий Рудь, магистр археологии, аспирант отдела археологии энеолита-бронзового века Института археологии НАН Украины. Украина, 04210, просп. Героев Сталинграда, 12, e-mail: rud.vitalii12@gmail.com

Сергей Агульников

Погребальные комплексы Среднего бронзового века в бассейне реки Ялпуг

Keywords: Catacomb culture, tumulus, burial, Bronze Age, vessels.
Cuvinte cheie: cultura Katakombnaia, tumul, mormânt, epoca bronzului, vase.
Ключевые слова: катакомбная культура, курган, погребение, эпоха бронзы, сосуды.

Serghei Agul'nikov
The funeral Complexes of Middle Bronze Age in the basin of Ialpug river

As a result of excavations of Bugeac archaeological expedition in the basin of Ialpug River (steppe zone of the Republic of Moldova) in the period of 1980-1985 have been excavated more than 50 Bronze Age burial mounds. Among the 352 investigated graves, 29 belong to the population of Catacomb culture. The funeral rite and inventory are coinciding with characteristic for the Ingul Catacomb culture. This is confirmed by similarity of forms of burial structures, pottery and household items and weapons characteristic to the late stage of development of the Ingul culture (XVIII-XVII centuries BC). The studied 35 graves from Ialpug Basin belong to Multi-cordoned Ware culture (Mnogovalikovaya culture, here MVK). The MVK burials were both major entombments and inlets in the mounds of Late Eneolithic/Early Bronze Age. The whole funeral rite and inventory of KMK mounds in the basin of river Yalpug are typical for the South-West variant and has a number of classic features characteristic for this culture. In 35 MVK graves were found 12 vessels. The most representative categories of inventory of KMK in the region under consideration are bone buckle. They were found 9 exemplars. The Mnogovalikovaya culture from the area between Prut and Nistru rivers is dates back to the beginning of XVI - the end of XV centuries BC.

Serghei Agul'nikov
Complexe funerare din Bronzul Mijlociu în bazinul râului Ialpug

Drept rezultat al investigațiilor expediției arheologice din Bugeac, efectuate în bazinul r. Jalpug în anii 1980-1985, au fost cercetați cca 50 de tumuli din epoca bronzului. Din cele 352 de morminte identificate, 29 sunt atribuite purtătorilor culturii Katakombnaia. Ritul funerar și inventarul descoperit are analogii în cultura Katakombnaia, varianta Ingul și se confirmă de formele identice ale complexelor funerare, ceramică și alte categorii de inventar specific etapei târzii de evoluție a culturii Ingul (sec. XVIII-XVII a.Chr.). În tumulii din bazinul r. Jalpug au fost cercetate și 35 de morminte aparținând culturii Mnogovalikovaia. Ele sunt reprezentate de morminte principale și secundare în tumuli ridicați în eneoliticul târziu – perioada timpurie a epocii bronzului. Ritul funerar și inventarul culturii Mnogovalikovaia, semnalate în tumulii menționați, sunt tipice pentru varianta ei de sud-vest și prezintă un șir de trăsături tradiționale clasice ale acestei culture. Din cele 35 morminte provin 12 vase ceramice și 9 catarame de os. Ultimele reprezintă o categorie de piese expresive, specifice pentru cultura Mnogovalikovaia din această regiune. Evoluția culturii Mnogovalikovaia în spațiul pruto-nistrean ține de începutul sec. XVI – sfârșitul sec. XV a.Chr.

Сергей Агульников
Погребальные комплексы Среднего бронзового века в бассейне реки Ялпуг

В результате раскопок Буджакской археологической экспедиции в бассейне реки Ялпуг в степной зоне Молдовы, в 1980-1985 гг. было раскопано более 50 курганов. Из 352 исследованных захоронений, 29 совершены носителями Катакомбной культуры. Погребальный обряд и инвентарь совпадают с характерными для Ингульской Катакомбной культуры. Это подтверждается идентичными формами погребальных сооружений, керамики и предметов быта и вооружения, свойственными позднему этапу развития Ингульской культуры – XVIII-XVII вв. до н.э. В курганах бассейна реки Ялпуг изучено 35 погребений культуры Многоваликовой керамики (далее КМК). Погребения КМК являлись как основными, так и впускными в курганы периода позднего энеолита – ранней бронзы. В целом погребальный обряд и инвентарь КМК из курганов бассейна р. Ялпуг является типичным для Юго-Западного варианта и имеет ряд классических черт, свойственных этой культуре. В 35 захоронениях КМК было найдено 12 сосудов. Наиболее представительной категорией инвентаря КМК региона являются костяные пряжки. Их найдено 9. Культура Многоваликовой керамики Пруто-Днестровского междуречья датируется началом XVI – концом XV в. до н.э.

В результате раскопок Буджакской Новостроечной археологической экспедиции АН МССР в бассейне реки Ялпуг, в зоне строительства Тараклийской оросительной системы, было раскопано более 50 курганов различных культурно-исторических эпох (Savva, Agul'nikov, Manzura 1984; Beilekchi, Agul'nikov, Chirkov 1985; Agul'nikov, Savva 1986, 34-54). Из 352 захоронений различных периодов, 29 относились к Катакомбной культуре. Курганные группы Тараклия и Казаклия располагались на водораздельном плато между реками Ялпуг и

Лунга (рис. 1,1-3). Плато, в свою очередь, заканчивалось пологим вытянутым мысом, образованным при слиянии вышеупомянутых рек к ЮЗ от г. Тараклия Тараклийского района Республики Молдова.

Погребения Катакомбной культуры

Погребальный обряд. Погребения Катакомбной культуры были выявлены в составе курганных групп Тараклия I-II и в Казаклийском курганном могильнике. Всего было открыто 29 захоронений. За исключением кургана 12 у Тараклии с основным коллективным погребением Катакомбной культуры, совершенном в погребальной камере с вертикальным входным колодцем (тип III по типологии В.А. Дергачева), все остальные захоронения являлись впускными в насыпи курганов периода энеолита – ранней бронзы. Количество впускных погребений Катакомбной культуры значительно варьировало в зависимости от топографического расположения тех или иных курганов. Так в курганах, расположенных в окончании водораздела и ближе к пойме реки Ялпуг, их число достигало 5-6 (курганы 1-3 группы Тараклия). В свою очередь, в курганных насыпях на гребне водораздельного плато, ближе к его центральной части, количество впускных погребений Катакомбной культуры не превышало 1-2. Как правило, впускные погребения Катакомбной культуры образовывали полудугу по отношению к центру курганной насыпи. Также отмечено, что полудуга катакомбных погребений во всех случаях локализовалась за пределами полукруга захоронения Ямной культуры, традиционно совершенных с эффектом круговой планировки касательно центра курганов. Концентрация катакомбных захоронений отмечалась в Ю, ЮВ, ЮЗ, В секторах курганных насыпей, что соответствует 90-240º по отношению к центру каждого кургана. В целом отмечалось радиальное расположение катакомбных захоронений в полудуге на приблизительно равном расстоянии друг от друга, значительно тяготея к южной поле курганной насыпи. При этом, по предположению исследователей, погребения в пределах каждой полудуги являлись относительно одновременными (Dergachev 1986, 93-95). Традиционная для всего ареала компоновка захоронений Катакомбной культуры представляет

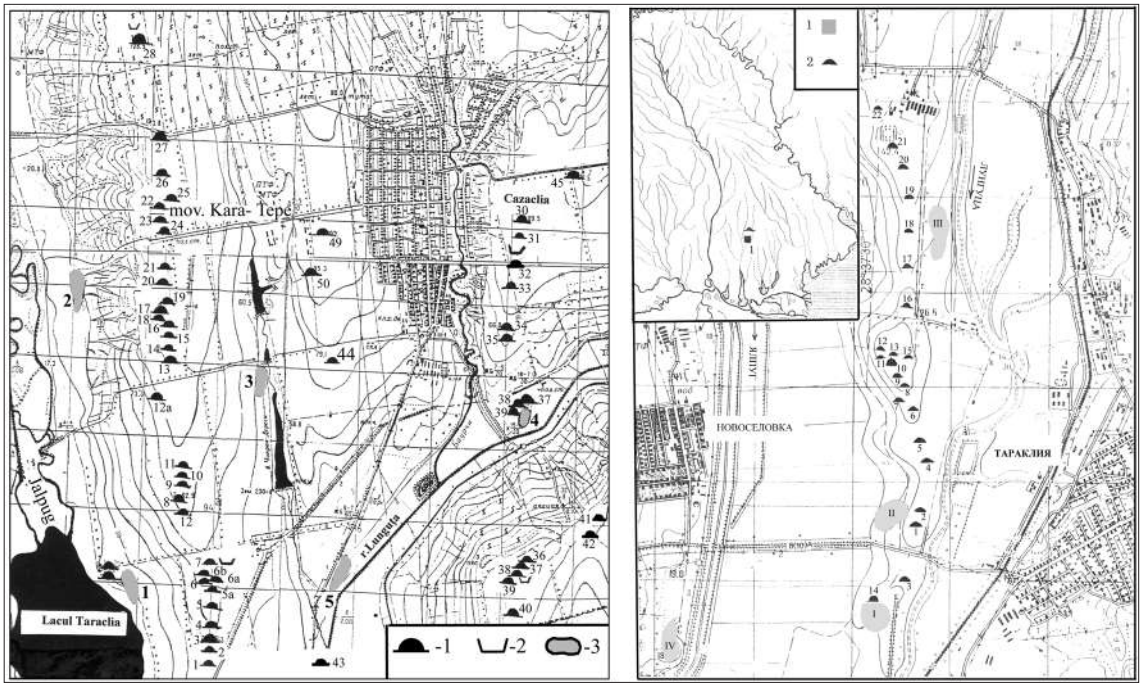


Рис. 1. 1. Ситуационный план расположения курганных могильников у с. Казаклия; 2. Ситуационный план расположения курганных могильников у г. Тараклия; 3. Географическое положение курганных могильников в бассейне р. Ялпуг.

Fig. 1. 1. Geographical location of tumular necropolis near Cazaclia; 2. Geographical location of tumular necropolis near Taraclia; 3. Geographical position of tumular necropolis in bazin of Ialpug river.

собой погребальную камеру, соединенную ступенькой или лазом с входным колодцем. Но, зачастую, в процессе раскопок курганов, входной колодец, если он выполнен в земляной части курганной насыпи, не прослеживается. При этом удается зафиксировать лишь погребальную камеру, а иногда лишь её придонную часть. Так, в Тараклийском курганном могильнике были зафиксированы преимущественно погребальные камеры, но в тех случаях, когда входные колодцы или шахты удавалось проследить, они имели овальную форму. В погр.1/15 Тараклийского могильника, на ступеньке входного колодца имелись вертикально установленные плиты серого известняка, перекрывавшие вход в погребальную камеру (рис. 3,6). Погребальные камеры в катакомбных захоронениях Тараклийского и Казаклийского курганных могильников в подавляющем большинстве имели овальную форму, реже неправильно-округлую. При этом входные колодцы, а иногда только ступеньки, находились у внешнего, по отношению к центру кургана, края погребальной камеры. В большинстве случаев стены погребальных камер расширялись ко дну, иногда образуя подбои. Отмечено два случая, когда входные колодцы находились над погребальной камерой и в дальнейшем расширялись книзу вместе с самой камерой наподобие подбоя – Тараклия 3/10 и 12/2, что соответствует 3-му типу погребальных сооружений (Dergachev 1986, 93-95). При этом погребение 12/2 являлось основным в кургане (рис. 6,1), а впускным при нем являлось также погребение Катакомбной культуры 12/3 (рис. 6,2). Случай достаточно редкий для территории Северо-Западного Причерноморья, где курганы с основными погребениями Катакомбной культуры отмечены лишь в 7 случаях. Это Семеновка, к.9; Гура-Быкулуй, к.1; Борисовка, к.2; Васильевка, к.6; Дивизия 1, к.19; Вишневое, к.57; Утконосовка, к.4 (Toshchev 1991, 87; Iarovoi 2000, 28). Здесь следует отметить, что все они находились в степной зоне Пруто-Днестровского и Днестро-Дунайского

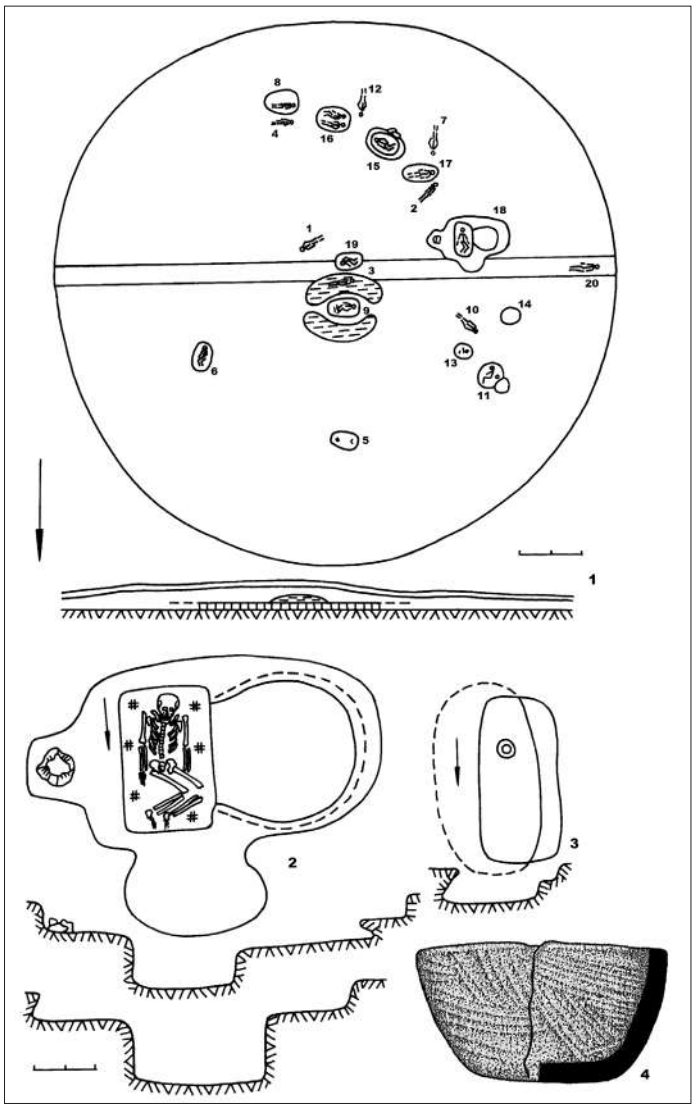


Рис. 2. Погребения периода Средней бронзы, Тараклия: 1. План и профиль кург.1 у г. Тараклия; 2. Погр. 18, кург.1; 3. Погр.13, кург.2; 4. Сосуд из погр.13, кург.2.

Fig. 2. The tombs of Middle Bronze period, Taraclia: 1. Plan and profile of tum. nr.1, Taraclia; 2. Tomb 18, tum.1; 3. Tomb 13, tum.2; 4. Vessel from tomb 13, tum.2.

междуречий. При преобладании овальных погребальных камер в курганных могильниках Тараклия II и Казаклия, отмечено три захоронения Катакомбной культуры с камерами прямоугольной формы: Тараклия 1/16; 4/3; 4/9 (рис. 5,2,4). Скелеты погребенных в этих захоронениях уложены в вытянутом положении на спине. При этом в п.1/17 (рис. 6,8), судя по сохранившейся ступеньке, входной колодец располагался со стороны центра курганной насыпи, что составляет редкое исключение для

катакомбных памятников региона. Ориентировка скелетов погребенных в Тараклийском курганном могильнике соответствует направлению дуги, по которой располагались могилы. Такая ситуация, например, была отмечена в к.10 у Тараклии в п.1/10; 3/10; 6/10. Вместе с тем, имелись ситуации, когда скелеты погребенных в пределах одной полудуги были ориентированы головой навстречу друг другу, что отмечено в курганах у Тараклии в п.1/15 и 1/16 (рис. 2,1). Скелеты погребенных были размещены в камерах по длинной оси, преобладает вытянутое трупоположение на спине. Череп преимущественно обращен лицевой частью вверх, а руки вытянуты вдоль корпуса. Иногда руки бывают согнуты в локтях, реже уложены кистями на грудную клетку или на таз. В большинстве случаев ноги уложены прямо. Изредка отмечаются слегка подогнутые или же согнутые нижние конечности, при положении погребенного на спине. В п.3/12 Тараклия ноги вытянутого на спине погребенного уложены «ромбом». В п.3/18 Тараклия (рис. 4,4) скелет находился в вытянутом положении «на животе». Это поза, характерная для определенной социальной группы погребенных, отмеченная для различных степных курганных культур, интерпретируемая как позиция, свойственная захоронениям представителей пришлого, иноэтничного населения (Salii 1997, 45-46). Сходное по обряду и территориально близкое захоронение Катакомбной культуры было открыто в к.1, п.26 у поселка Светлый Тараклийского р-на РМ (Manzura 1984, 121-122).

Коллективные захоронения, исследованные в курганах у Тараклии и Казаклии, подразделяются на два типа – парные (рис. 8,2; 6,5) и групповые (до трех скелетов) (рис. 8,2). Парные, в свою очередь, могут быть погребениями двух взрослых индивидов (Тараклия 1/16; Казаклия 11/2), захоронение взрослого и ребенка (Тараклия 3/10). Коллективное (3 скелета взрослых людей) было открыто в п.3/12 Тараклия.

Два погребения-кенотафа Катакомбной культуры были открыты в курганах 2/11 Тараклия и 17/11 Казаклия. В обоих случаях в погребальных камерах овальной формы отсутствовали человеческие останки. Погребение 17/11 Казаклия сопровождалось горшком, орнаментированным 12 ручками-упорами со сквозными отверстиями для подвешивания (рис. 5,6).

Определенный интерес представляет п.1/18 Тараклийского могильника. В этом погребении сочетаются признаки катакомбного погребального сооружения с достаточно ранней «ямной» позой погребенного. Так, в сооружении сложной конструкции скелет погребенного находился в прямоугольной погребальной камере в скорченном положении на спине, с ногами повернутыми влево (рис. 2,1). Это поза соответствуют типу I, свойственному развитому ямному времени (Iarovoi 1985, 34). Вместе с тем форма сложной погребальной конструкции позволяет отнести его к ККИО (Катакомбной Культурно-Исторической Общности). Уступ имеет антропоморфную форму, а на месте условного «головного выступа» был положен необработанный камень серого известняка. Наиболее близкими аналогиями могут служить захоронения т.н. «старосельского» типа (Shilov 1982, 33), где также прослежены антропоморфные черты в сложных по форме конструкциях погребальных сооружений.

В катакомбных погребениях Тараклийского и Казаклийского курганных могильников в погребальном обряде отмечено применение охры. При этом цвет порошка охры, в отличие от интенсивно красного или малинового у ямной культуры, очень слабых оттенков и варьирует от красноватого до розового. На дне погребальных камер фиксируется тлен от подстилок, органического и растительного происхождения, встречается мел и мелкие древесные угольки.

Инвентарь. В погребениях Катакомбной культуры, открытых в Тараклийском и Казаклийском курганных могильниках, имелся инвентарь, представленный в основном керамикой, изделиями из камня и кремня.

Керамика являлась наиболее представительной категорией инвентаря. Самой распространенной формой посуды являлись сосуды горшковидной формы приниженных или наоборот завышенных пропорций, иногда с выделенными крутыми плечиками, либо выделенным ребром в верхней трети тулова. По плечикам, в верхней трети тулова имелся орнамент в виде полуфестонов, выполненный оттисками шнура (Тараклия 1/11), а также пластический орнамент в виде на-

лепов-упоров со сквозными отверстиями (Казаклия 17/11) (рис. 5,6) либо сквозными проколами в пространстве ниже венчика (Тараклия 1/8) (рис. 3,4). Зачастую, внешняя поверхность сосудов была покрыта расчесами пучком травы (Тараклия 1/8, сосуд 2; Тараклия 10/6; 10/7) (рис. 3,5). В погребении Тараклия 2/8 имелась чаша приниженных пропорций с S-видным профилем венчика (рис. 3,1). Что касается орудий, в п.1/11 Тараклия было найдено тесло, выполненное из минерала зеленого цвета (рис. 3,2), а в п.3/18 и 10/3 Тараклия, а также п.17/8 Казаклия найдены обушковые топоры клиновидной формы с просверленными сквозными отверстиями для крепления (рис. 4,5). Они выполнены из твердых минералов темно-зеленого и темно-серого цвета. Во всех случаях каменные топоры были обнаружены с правой стороны верхней части скелетов погребенных. Нередки находки двухлопастных кремневых стрел с выемкой в основании (рис. 4,6). Из п.10/6 Тараклия происходит каменный амулет с двумя сквозными отверстиями для подвешивания, выполненный из кварцита коричнево-красного цвета (рис. 6,4) Данное изделие, на наш взгляд, следует отнести к категории украшений, хотя не исключается его ритуальное предназначение.

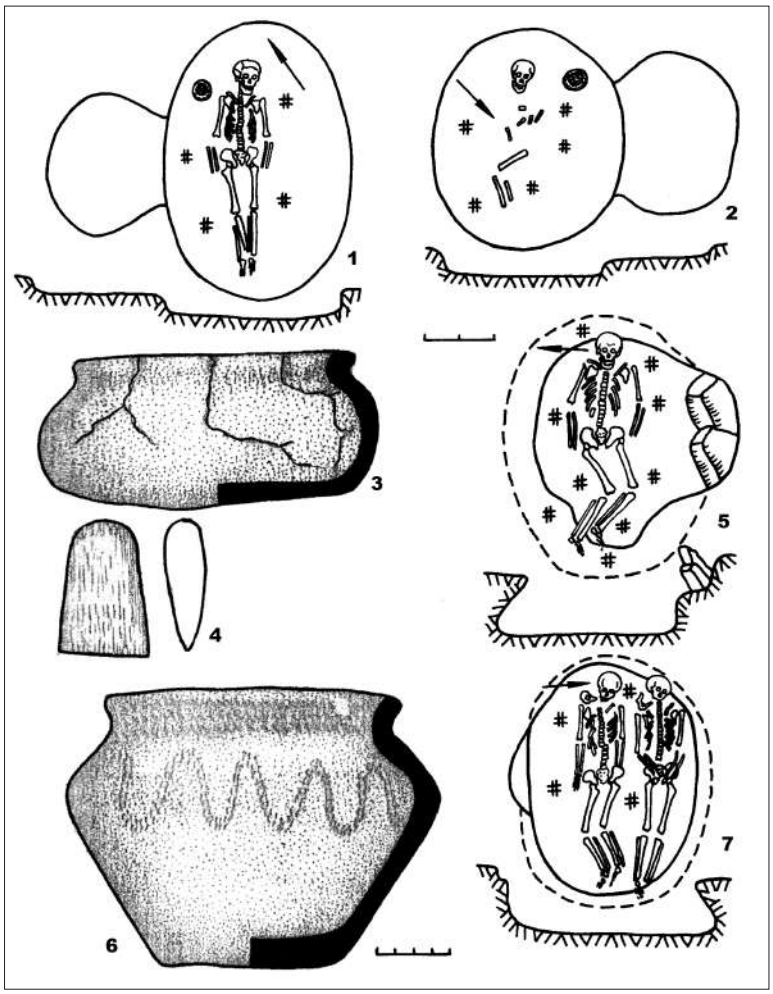


Рис. 3. Погребения периода Средней бронзы, Тараклия: 1. Сосуд из погр.8, кург.2; 2. Тесло (базальт) из погребения 11, кург.1; 3. Погр.11, кург.1; 4. Сосуд из погр.11; 5. Погр. 8, кург.2; 6. Погр.15, кург.1; 7. Погр.16, кург.1; 8. Погр.8, кург.1; 9-10. Сосуды из погр.8, кург.1.

Fig. 3. The tombs of Middle Bronze period, Taraclia: 1. Vessel from tomb 8, tum.2; 2. Adze (bazalt) from tomb 11, tum.2; 3. Tomb 8, tum. 2; 4. Vessel from tomb 11, tum.1; 5. Tomb 8, tum.2; 6. Tomb 15, tum.1; 7. Tomb 16, tum.1; 8. Tomb 8, tum.1; 9-10; Vessels from tomb 8, tum.1.

Подавляющие большинство погребений Катакомбной культуры, выявленных в результате исследования Тараклийских и Казаклийских курганов, следует отнести к I-й обрядовой группе для территории Северо-Западного Причерноморья по типологии Г.Н. Тощева. Эта группа характеризуется наличием погребальных камер овальной формы с округлым или овальным входным колодцем, зачастую не прослеженным. Погребенные в них уложены в вытянутом положении на спине, с прямыми, иногда слегка согнутыми ногами (Toshchev 1991, 89-90). Положение рук, как правило, вытянутое вдоль туловища, реже руки слегка согнуты в локтях. Следует отметить, что в Тараклийских и Казаклийских курганах к I обрядовой группе относилось большинство парных и коллективных захоронений. Наличие в инвентаре горшковидных сосудов, банок и чаш также является свойственным для I-й обрядовой группы Юго-Западного региона Дунай-Днестровского междуречья (Toshchev 1986, 67; 1991, 94).

Наиболее раннее проникновение носителей Катакомбной культуры в междуречье Прута-Днестра-Дуная относится ко време-

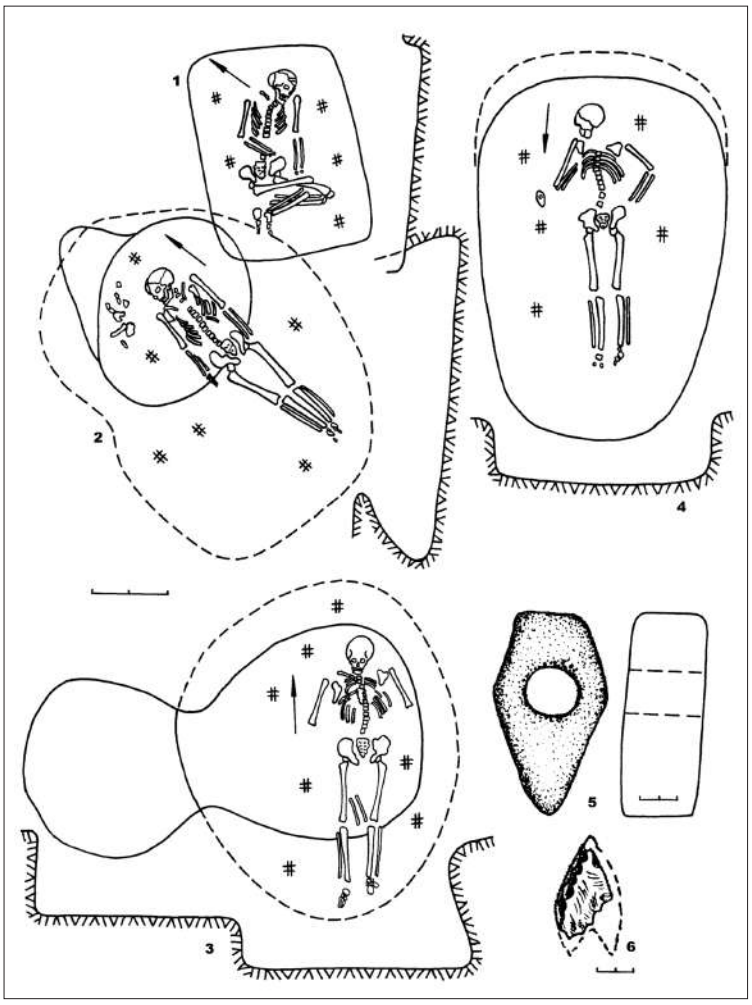


Рис. 4. Погребения периода Средней бронзы, Тараклия: 1. Погр.6, кург.3; 2. Погр.10, кург.3; 3. Погр.13, курган 3; 4. Погр.18, курган 3; 5. Топорик (базальт) из погр.18, кург.3; 6. Наконечник стрелы (кремень) из погр.3, кург.3.

Fig. 4. The tombs of Middle Bronze period, Taraclia: 1. Tomb 6, tum.3; 2. Tomb 10, tum.3; 3. Tomb 13, tum.3; 4.Tomb 18, tum.3; 5. Hummer (basalt) from tomb 18, tum.3; 6. The arrow (flint) from tomb 3, tum.3.

ни существования на этой территории ямной культуры (Днестровский вариант), а дата нахождения катакомбного населения в регионе определяется XIX-XVIII вв. до н.э. (Dergachev 1986,109). Хотя не исключаются и более низкие даты для ранних катакомбных памятников. На каком-то этапе, возможно, было сосуществование позднеямной (Буджакской) группы с носителями катакомбной культуры. Во всяком случае, примеры обратной стратиграфии единичны и носят спорный характер. Следует отметить практически полное отсутствие поселений Катакомбной культуры в регионе, в отличие от памятников Ингульской группы, где поселения распространены в нижнем течении р. Южный Буг (Nikitin 1991, 34-35). Хотя в последнее время отмечаются находки керамики катакомбного облика на многослойных поселениях южной окраины Кодринской лесной зоны (Agul'nikov, Popovici, в печати). Основные черты погребального обряда и инвентаря самой многочисленной I-й группы катакомбных памятников совпадают с аналогичными памятниками Ингульской Катакомбной культуры. Это подтверждается практически идентичными формами погребальных сооружений, керамики и предметов быта и вооружения. Представительная часть катакомбных памятников Северо-Западного Причерноморья связана с поздним этапом развития Ингульской культуры и датируется XVIII, а согласно некоторым исследованиям, даже XVII вв. до н.э. (Iarovoi 2000, 32). Так, к примеру, поздние катакомбы Ингульской культуры строились в период с 2400 по 2000 гг. до н.э. (Kaizer 2009, 66) Данная датировка целиком подходит к комплексам Катакомбной культуры, исследованным в степной зоне Республики Молдова в междуречье степных рек Ялпуга и Лунги.

Погребения культуры Многоваликовой керамики

В результате раскопок Буджакской новостроечной экспедиции у г. Тараклия, сс. Балабану и Казаклия было исследовано 35 погребений, которые можно достаточно четко атрибутировать к культуре Многоваликовой керамики (далее КМК). Погребения КМК являлись как основными для ряда курганов, так и впускными в насыпи курганов предшествующих эпох. Стратиграфически они следовали за захоронениями Катакомбной культуры в курганах с основными погребениями позднего энеолита или Ямной культуры. Так, основные погребения КМК были исследованы в к.5-7 Балабанского могильника, а также в

к.6 Казаклийской курганной группы. При этом в к.6 у с. Балабану с погребениями КМК была связана дополнительная досыпка, случай достаточно редкий для всего ареала КМК (Бабинской культуры). Три кургана, №№5-7 у с. Балабану, представляли собой достаточно компактный могильник, состоявший из сильно распаханных насыпей небольшой высоты, возведенных над погребениями КМК. При этом в насыпи Балабанских курганов были впущены погребения этой же культурной группы и сабатиновского времени. Аналогичная ситуация отмечалась и в к.6 у с. Казаклия, где при основном погребении КМК впускная могила относилась к этой же культуре, но при этом имелось еще два впускных захоронения культуры Сабатиновка.

Типологически погребальные камеры КМК, выявленные в результате исследований в Пруто-Днестровском междуречье Молдовы, соответствуют типологии погребальных памятников Среднего бронзового века Пруто-Днестровского междуречья (Savva 1992, 26-27). За исключением типа VII – каменных ящиков, все прочие типы погребальных сооружений присутствуют в курганных могильниках у Тараклии, Казаклии и Балабану, исследованных в 1980-1985 гг. Погребальные сооружения в тараклийских и казаклийских курганах там, где удалось проследить их форму, распределяются следующим образом:

I тип – овальные камеры: 8 погр.

II тип – овальные камеры с подбоем: 4 погр.

III тип – овальная камера с уступом: 3 погр.

IV тип – прямоугольные с уступом: 3 погр.

V тип – прямоугольные камеры: 6 погр.

В Балабанском курганном могильнике основное парное захоронение 2/6 совершено в погребальной камере овальной формы с уступом (тип III) (рис. 7,4). При этом впускные погребения КМК были совершены в простых овальных погребальных камерах (тип I). В одном случае погребение, совершенное в овальной камере с подбоем (Тараклия 2/11) (рис. 2,3) является

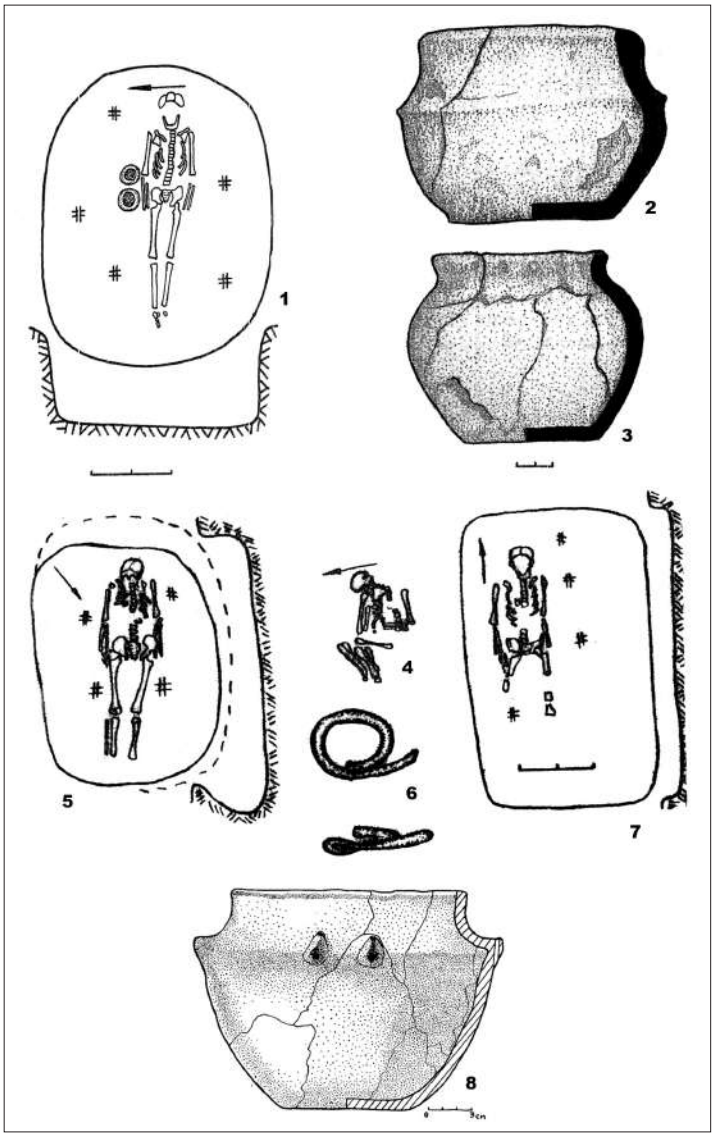


Рис. 5. Погребения периода Средней бронзы, Тараклия: 1. Погр.9, кург.4; 2-3. Сосуд из погр.9, кург.1; 4. погр.4, кург.4; 5. Погр.3, кург.4.; 6. Височное кольцо из погр.3, кург.4; 7. Погр.3, кург.4; 8. Сосуд из погр.11, кург.17, Казаклия.

Fig. 5. The tombs of Middle Bronze period, Taraclia: 1. Tomb 9,tum. 4; 2-3. vessels from Tomb 9, tum.1; 4. Tomb 4, tum.4; 5. Tomb 3, tum.4; 6. The ring (bronze) from tomb 3, tum.4; 7. Tomb 3, tum.4; 8. The vessel frome tomb 11, tum.17, Cazaclia.

кенотафом и сопровождается сосудом в виде чаши усечено-конической формы с расчесами пучком травы по внешней поверхности (рис. 2,4). Иногда признаки сочетаются. Так, в основном погребении 6/5 Казаклия, совершенном в камере 1-го типа (овальной формы), отмеча-

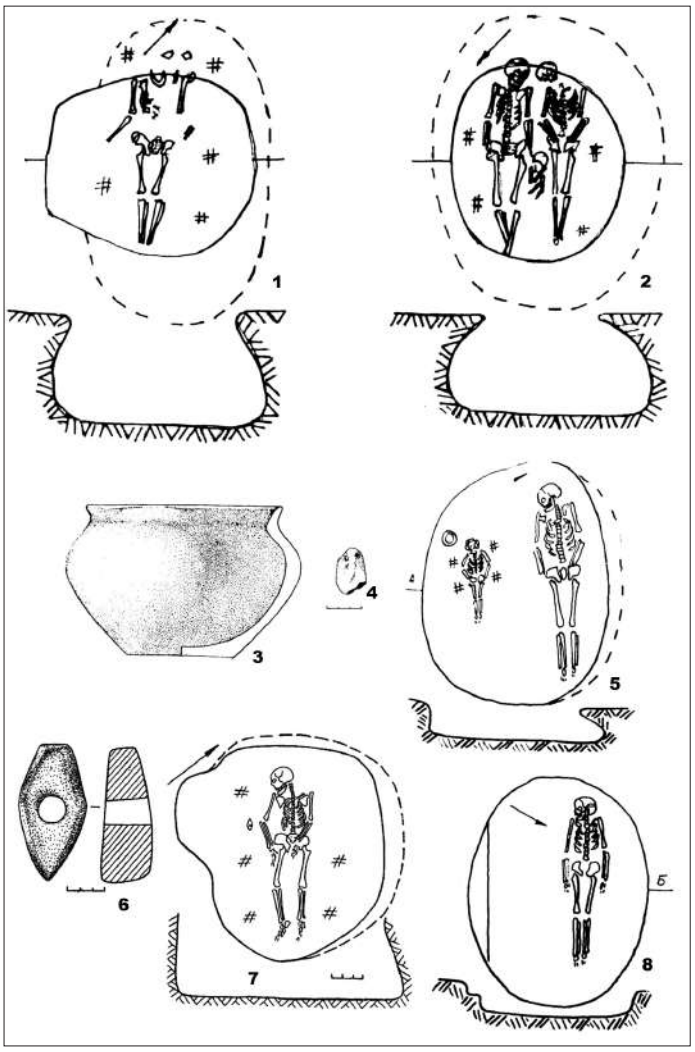


Рис. 6. Погребения периода Средней бронзы, Тараклия: 1. Погр.1, курган 12; 2. Погр.3 (основное) кург.12; 3. Сосуд из погр.3, кург.10; 4. Каменный амулет из погр.3, кург.10; 5. Каменный топор (базальт) из погр. 3, кург.10; 6. Погр.3, кург. 10; 7. Погр.17, кург.1.

Fig. 6. The tombs of Middle Bronze period, Taraclia: 1. Tomb.1, tum.12; 2.Tomb 2, tum.12; 3. Vessel from tomb 3, tum.10; 4. The stone amulet from tomb 3, tum.10; 5. The stone (basalt) hummer from tomb 3, tum.10; 6. Tomb 3, tum. 10; Tomb 17, tum.1.

ется расширение ко дну, наподобие подбоя по периметру, что соответствует камерам II типа. В свою очередь, п.4/5 Балабанского курганного могильника совершено в прямоугольной камере V типа, но со ступенькой и небольшим подбоем, свойственным для захоронений II типа. Каких-либо определенных закономерностей в стратиграфическом плане расположения погребений того или иного типа не отмечено. Хотя, в двух случаях в курганах КМК основными являлись захоронения с камерами I типа (Казаклия 6/5; Балабану 3/2). А еще в двух случаях основными являлись погребения с камерами III типа (Балабану 4/1; 5/3). Можно предположить, что овальная форма погребальных камер в какой-то степени преобладает в КМК в ряде курганов рассматриваемого региона. Вместе с тем, ряд погребений был зафиксирован в черноземных насыпях курганов, где контуры погребальных камер не прослеживались. Для впускных захоронений КМК региона характерно расположение в южном и юго-восточном секторах курганной насыпи. Каких-либо закономерностей в расположении этих погребений относительно центра кургана (например, по кругу, дуге или рядами) не зафиксировано (Savva 1992, 18). Практически все погребения КМК бассейна р. Ялпуг являлись одиночными, лишь в одном случае (Балабану 6/1) (рис. 7,4) отмечено дозахоронение второго погребенного в одну и ту же погребальную камеру. Преобладает трупоположение на левом боку и сильная степень скорченности скелетов погребенных. Но в целом степень скорченности варьирует от сильной до средней. Отмечаются позиции рук, согнутых в локтевых суставах под острым углом к туловищу. Имеются позиции, где одна рука согнута под острым углом, а вторая под прямым. Реже встречаются позиции, когда одна рука согнута под острым углом, а вторая (как правило – левая) вытянута вдоль туловища. Но в целом трупоположение захоронений КМК из курганов, исследованных у Тараклии, Казаклии и Балабан не выделяется из основного массива одновременных им подкурганных комплексов с территории Дунай-Днестровского междуречья.

Погребальный инвентарь. Сопровождающий погребальный инвентарь из захоронений КМК региона представлен керамикой, кремневыми и костяными изделиями, реже металлическими украшениями.

Керамика. Керамика составляет наиболее значительную категорию инвентаря. В 35 захоронениях КМК было найдено 12 сосудов (здесь и далее типология керамических сосу-

дов по Е.Н. Савва 1992). Наиболее распространенной керамической формой являлись сосуды 2-3 типов – высокие, с четко выраженной биконической формой тулова. Таких сосудов найдено 6. Сосуд из тризны к.6 у с. Балабану соответствует типу I – сосуды высоких пропорций с четко выделенным ребром, приходящимся на верхнюю треть корпуса. На данный сосуд был нанесен рельефный орнамент – 4 расчлененных валика, которые сочетается с углубленным-прорезным орнаментом (рис. 7,6). Подобный сосуд, но не орнаментированный имелся в погребении 13, кургана 17 у Казаклии (рис. 7,3). В п.16/1 Тараклия имеется сосуд, относящийся к типу IX – с прямыми стенками, расширяющимися от дна к устью, а в п.2/11 Тараклия – сосуд, соответствующий типу 10 и представляющий собой чашу невысоких пропорций с покатыми боками и со следами расчесов пучком травы на стенках (рис. 2,4). В погребальном комплексе Казаклия 19/1 найден сосуд 4-го типа – биконической формы, небольших пропорций с очень плавным расширением в центральной части (рис. 7,8). Возможно, к этому же типу посуды КМК относится и сосуд из погребения 16/11 Тараклия, который также оформлен с выделенным ребром в центре тулова, но с высоким цилиндрическим горлом, более присущим керамике сабатиновско-белозерского облика. В целом керамический комплекс КМК из курганных погребений бассейна р. Ялпуг является типичным для Юго-Западного варианта (Berezanskaia et all. 1986, 7-14), но вместе с тем имеет ряд классических черт, свойственных ареалу КМК, в особенности его восточных окраин.

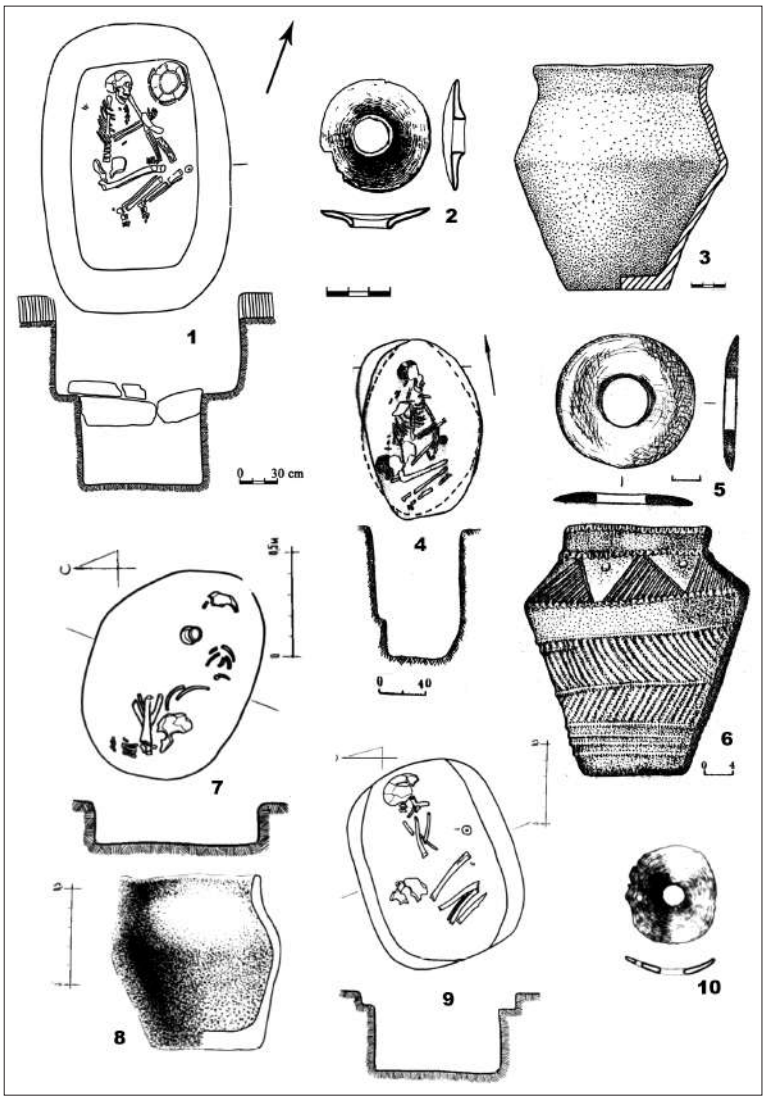


Рис. 7. Комплексы культуры Многоваликовой керамики из курганов у Балабану и Казаклии: 1-3. Погр.13, кург.17, Казаклия; 4. Погр.1, кург.6, Балабану; 5. Пряжка, кург.6, погр.1, Балабану; 6. Сосуд из тризны кург.6, Балабану; 7. Погр.3, кург.19, Казаклия; 8. Сосуд из погр.3, кург.19, Казаклия; 9. кург.19, погр.4, Казаклия; 10. Пряжка (кость) из погр.4, кург.19, Казаклия.

Fig. 7. The Mnogovalikovaia Culture complexes from tumuli's near Balabanu and Cazaclia: 1-3. Tomb 13, tum.17, Cazaclia; 4. Tomb 1, tum.6, Balabanu; 5. The buckle (bone) from tomb 1, tum.6, Balabanu; 6. The vessel from the ritual place in tum.6, Balabanu; 7. Tomb 3, tum.19, Cazaclia; 8. Vessel from tomb.3, tum.19, Cazaclia; 9. Tomb 4, tum.19, Cazaclia; 10. The buckle (bone) from tomb 4, tum.19, Cazaclia.

Пряжки. Второй, наиболее репрезентативной категорией инвентаря захоронений КМК региона являются костяные пряжки. Их найдено 9: в комплексах Тараклия 16/2, Балабану 5/3, 6/1, 6/5 (2 экз.), Казаклия 16/5, 17/4, 17/13, 19/24. Пряжка 1-го типа (рис. 7,5), наиболее ранняя найдена в п.1, к.6 у с. Балабану (Савва 1992,69, рис. 23,2). Преобладают пряжки II-го типа (по типологии Е. Саввы 1992) – костяные изделия округлой либо овальной формы с наличием выделенного бор-

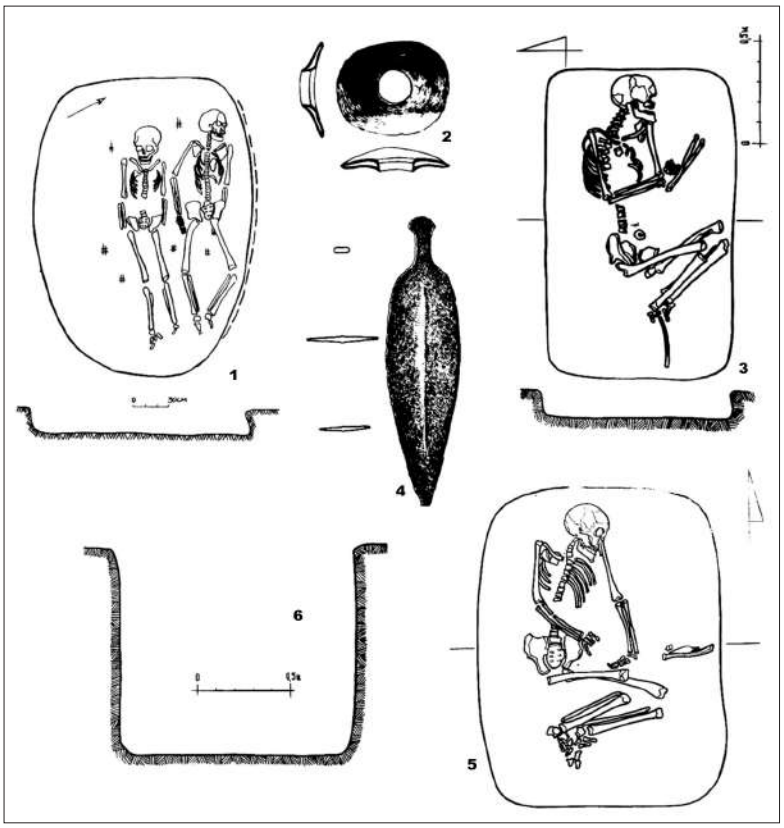


Рис. 8. Комплексы периода Средней Бронзы из Тараклии и Казаклии: 1. Погр.2, кург.10, Казаклия; 2. Пряжка (кость) из погр.5, кург.16, Казаклия.; 3. Погр.5, кург.16, Казаклия; 4. Нож-кинжал (бронза) из погр.4, кург.16, Казаклия; 5-6. Погр.4, кург.16, Казаклия.

Fig. 8. The Middle Bronze complexes from Taraclia and Cazaclia: 1. Tomb 2, tum.10, Cazaclia; 2. The buckle (bone) from tomb 5, tum.16, Cazaclia; 3. Tomb 5, tum.16, Cazaclia; 4. The knife (bronze) from tomb 4, tum.16, Cazaclia; 5-6. Tomb 4, tum. 16, Cazaclia.

тика вокруг центрального отверстия (рис. 7,5,10). Их размеры в среднем составляют 4,5х5,5 см. В п.17/4 Казаклия найдена пряжка с двумя отверстиями – большим и малым, причем малое отверстие было несквозным, на дне его был зафиксирован фрагмент острия бронзовой проколки или иглы, при помощи которой пытались просверлить в кости данное отверстие. Эта пряжка относилась к III типу – пряжки овальной формы с двумя отверстиями. Как правило, большинство пряжек из курганов бассейна реки Ялпуг были выполнены из рога либо трубчатых костей, принадлежавших крупному рогатому скоту.

Металлические изделия в исследованных комплексах КМК представлены единственным предметом, который относится к категории украшений. Это бронзовое кольцо, изготовленное из круглой в сечении проволоки с несомкнутыми остроконечными окончаниями, закрученное в свою очередь в 1,5 оборота из п.4/4 Тараклия (рис. 5,5-6). В другом случае, на черепе погребенного из захоронения 19/5 Казаклия отмечены следы окисла от несохранившегося бронзового предмета.

Кремневые изделия из комплексов КМК представлены лишь невыразительными отщепами, преимущественно днестровского светло-серого кремня.

Таким образом, материалы Среднего бронзового века из курганов бассейна реки Ялпуг являются крайними западными для ареала КИОМК (Культурно-Исторической Общности Многоваликовой Керамики), но не дают основания выделять Юго-Западный вариант КМК (Berezanskaia et all.1986, 7-14). В целом, древности этого периода имеют прямые аналогии во многих исследованных комплексах от Дуная до Дона. Хронологически памятники КМК бассейна реки Ялпуг следуют после катакомбных и по ряду признаков датируются периодом с конца XVII до конца XIV в. до н.э. (Dergachev 1986, 145), или же второй половиной XVI – XV в. до н.э. (Toshchev 1986, 117). По уточненным данным, наиболее ранняя фаза КМК Пруто-Днестровского междуречья синхронна фазам 1а культуры Монтеору и датируется началом XVI – концом XV в. до н.э. (Savva 1992, 174). Заключительная же фаза синхронна памятникам Монтеору IIb и на определенном этапе синхронизируется с ранними погребальными памятниками Сабатиновской культуры в регионе.

В плане изучения погребальных комплексов периода Средней бронзы в курганах бассейна р. Ялпуг, определенный интерес представляет основное погребение 4 кургана 16 у с. Казаклия. Впускными в нем были захоронения КМК (рис. 7,5-6), поздней бронзы и средневековые. Погребальная камера комплекса, прямоугольной формы, была ориентирована по оси С–Ю. Раз-

меры 1,7х1,25м, глубина 1,2 м от уровня фиксации. Погребенный находился в скорченном положении на спине, с разворотом туловища влево, ориентирован головой на север (рис. 8,7). Череп обращен лицевой частью влево, правая рука согнута к тазу, левая рука – прямая, уложена вдоль туловища. Кости скелета погребенного окрашены тленом темно-коричневого цвета, такого же цвета тлен покрывал дно погребальной камеры. У СВ стенки погребальной камеры находилась тризна, в составе которой имелись лопатка мелкого рогатого скота (овца-коза), рядом с которой находился листовидный черешковый нож с двусторонней нервюрой по центру, размерами 16,3х4,2 см, длина лезвия до 13,3 см, длина черенка 3 см, ширина 0,9-1,5 см (рис. 8,8). Окончание черенка овальной формы было отковано и уплощено для насадки на деревянную (костяную?) рукоять (Beilekchi, Agul'nikov, Chirkov 1985). Здесь следует отметить, что позиция погребенного в скорченном положение на спине с наклоном влево, при сильной степени скорченности ног, соответствует характеристике местных памятников КМК (Iarovoi 2000, 33), ранний этап которых датируется не позже XVII в. до н.э. (Savva 1992, 173). Подобная поза присуща также группе 7 для Северо-Западного Причерноморья – Постъямные памятники (Iarovoi 2000, 23). Ниже по течению реки Ялпуг, на территории ограниченной озером с аналогичным названием и озером Кагул и далее до левобережья Дуная, отмечается подобная поза погребенных как в позднеямных захоронениях, так и в курганных памятниках КМК. По мнению исследователей, в этом регионе позднеямные (Буджакские) памятники доживают до времени расселения КМК. При этом какая-то часть позднеямного населения оказалась ассимилирована прибывшим населением культуры Многоваликовой керамики (Toshchev 1992, 48). Вместе с тем, в рассматриваемой местности фиксируется полное отсутствие погребальных памятников Катакомбной культуры. Сосредоточие в рассматриваемой местности носителей ямной культуры, на её позднем этапе, предопределило невозможность проникновения и освоения данной местности катакомбными племенами (Toshchev 1992, 48). Следовательно, погребения, в которых скелет погребенного находится в скорченном положение с наклоном или разворотом влево, в равной степени могут относиться как к КМК, так и ко времени существования позднеямных-постъямных погребальных памятников. Что касается находки ножа кинжала с параллельными лезвиями и двойной нервюрой по центру, то

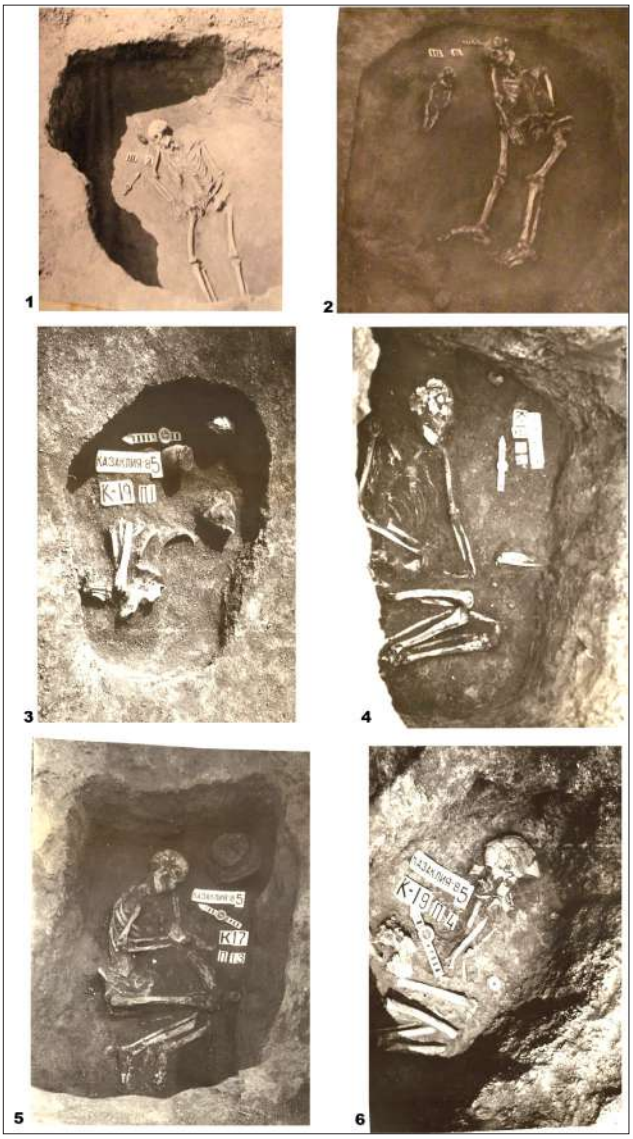


Рис. 9. Погребения периода Средней бронзы из Тараклии и Казаклия. Фото: 1. Погр.3, кург.10, Тараклия; 2. Погр.6, кург.10, Тараклия; 3. Погр.1, кург.19, Казаклия; 4. Погр.4, кург.16, Казаклия; 5. Погр.13, кург.17, Казаклия; 6. Погр.4, кург.19, Казаклия.

Fig. 9. The Middle Bronze complexes from Taraclia and Cazaclia. Photos: 1. Tomb 3, tum.10, Taraclia; 2. Tomb 6, tum.10, Taraclia; 3. Tomb 1, tum.19, Cazaclia; 4. Tomb 4, tum.16, Cazaclia; 5. Tomb 13, tum.17, Cazaclia; 6. Tomb 4, tum.19, Cazaclia.

первоначальное отнесение его специалистами к Ямной культуре (Dergačev 2002, Subbotin 2003, 115) весьма проблематично. Дело в том, что ни в одном из известных на территории Северо-Западного Причерноморья ножей ямного времени не отмечено такой детали как двухсторонняя нервюра посредине лезвия. Практически все ножи ямного и позднеямного времени из региона имели плоские лезвия различных форм. В свою очередь, ближайшими аналогиями казаклийскому кинжалу из п.4/16 может служить находка из погребения КМК 9/28 у с. Думень на Среднем Пруте (раскопки В.А. Сафронова 1974-1975 гг.; Berezanskaia et all.1986, 11, рис. 3). В отличие от казаклийского ножа, на данном экземпляре имелись остатки обоймы овальной формы от упора рукоятки, а нервюра доходила до окончания лезвия, черенок также откован и уплощен. В свою очередь, близкий по форме нож-кинжал с двойной нервюрой по лезвию входил в состав Бородинского клада, который также датируется временем существования культуры Многоваликовой керамики (Dergačev 2002, 26, Tafel 18,B). Таким образом, сопоставляя вышеперечисленные аналогии, основное погребение 4 кургана 16 у с. Казаклия относится к периоду Средней бронзы и атрибутируется принадлежностью к культуре Многоваликовой керамики. Подобная форма ножей-кинжалов получает дальнейшее развитие в ряде памятников культурного блока Ноуа-Сабатиновка-Кослоджень и доживает вплоть до белозерского времени.

Таков вкратце обзор погребальных комплексов периода Средней бронзы из курганов в бассейне нижнего течения реки Ялпуг, в степном южном регионе Республики Молдова. В целом, памятники этого периода не особенно выделяются из одновременных им на территории Северо-Западного Причерноморья. Но вместе с тем имеются и локальные черты, специфичные для групп древних скотоводов – кочевого населения микрорегиона, ограниченного небольшими степными реками Буджака Ялпуг и Лунга.

Литература

Agul'nikov 2011: S.M. Agul'nikov, Raskopki kurgana 17 u s. Kazakliia. RA VIII, 1-2, 2011, 129-157 // С.М. Агульников, Раскопки кургана 17 у с. Казаклия. RA VIII, 1-2, 2011, 129-157.

Agul'nikov, Sava 1982: S.M. Agul'nikov, E.N. Sava, Kurgany epokhi bronzy u p.g.t. Tarakliia. In: AIM 1982 (Kishinev 1986), 34-54 // С.М. Агульников, Е.Н. Савва, Курганы эпохи энеолита-бронзы у п.г.т. Тараклия. В сб.: АИМ 1982 (Кишинев 1986), 34-54.

Beilekchi, Agul'nikov, Chirkov 1985: V.S. Beilekchi, S.M. Agul'nikov, A.Iu. Chirkov, Otchet o rabote Budzhakskoi Novostroechnoi Ekspeditsii v 1985 g. (Kishinev 1985). Arhiv NMIM, inv. nr.231 // В.С. Бейлекчи, С.М. Агульников, А.Ю. Чирков, Отчет о работе Буджакской новостроечной экспедиции в 1985 г. Архив НМИМ, инв. №231 (Кишинев 1985).

Berezanskaia et all.1986: S.S. Berezanskaia, V.V. Otroshchenko, N.N. Cherednichenco, I.N. Sharafutdinova, Kul'tury epokhi bronzy na territorii Ukrainy (Kiev 1986) // С.С. Березанская, В.В. Отрощенко, Н.Н. Чередниченко, И.Н. Шарафутдинова, Культуры эпохи бронзы на территории Украины (Киев 1986).

Dergachev 1986: V.A. Dergachev, Moldaviia i sosednie territorii v epokhu bronzy (Kishinev 1986) // В.А. Дергачев, Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы (Кишинев 1986).

Kaizer 2009: E. Kaizer, Problemy absoliutnogo datirovaniia Katakombnoi kul'tury Severnogo Pricernonomor'ia. Tyragetia SN III, nr.1, 2009, 59-70 // Э. Кайзер, Проблемы абсолютного датирования Катакомбной культуры Северного Причерноморья. Tyragetia SN III, nr.1, 2009, 59-70.

Manzura 1984: I.V. Manzura, Issledovaniia kurganov u poselka Svetlyi. In: Kurgany v zonakh novostroek Moldavii (Kishinev 1984), 109-142 // И.В. Манзура, Исследование курганов у поселка Светлый. В сб.: Курганы в зонах новостроек Молдовы (Кишинев 1984), 109-142.

Manzura 1986: I.V. Manzura, Usatovskii kurgan u s. Cazaclia. In: AO 1984, 1986, 121-122 // И.В. Манзура, Усатовский курган у с. Казаклия. В сб.: АО 1984, 1986, 121-122.

Nikitin 1991: V.I. Nikitin, Katakombnye poseleniia i stoibishcha Pobuzh'ia. In: Problemy Arheologii Severnogo Prichernomor'ia (Kherson 1991), 34-35 // В.И. Никитин, Катакомбные поселения и стойбища Побужья. В сб.: Проблемы археологии Северного Причерноморья (Херсон 1991), 34-35.

Toshchev 1986: G.N. Toshchev, Srednii period bronzovogo veka Jugo-Zapada SSSR (monografiia deponirovana v INION SSSR 19.06.1986 (Zaporozh'e 1986) // Г.Н. Тощев, Средний период бронзового века Юго-Запада СССР (монография депонирована в ИНИОН СССР 19.06.1987) (Запорожье 1986).
Toshchev 1991: G.N. Toshchev, Zapadnyi areal pamiatnikov Katakombnoi kul'tury. In: Katakombnye kul'tury Severnogo Prichernomor'ia (Kiev 1991), 85-99 // Г.Н. Тощев, Западный ареал памятников Катакомбной культуры Северного Причерноморья (Киев 1991), 85-99.
Toshchev 1992: G.N. Toshchev, Kurgany epokhi bronzy mezhozer'ia Ialpuga i Kagula (Zaporozh'e 1986) // Г.Н. Тощев, Курганы эпохи бронзы межозерья Ялпуга и Кагула (Запорожье 1992).
Savva 1992: E.N. Savva, Kul'tura Mnogovalikovoi keramiki Dnestrovsko-Prutskogo mezhdurech'ia (Kishinev 1992) // Е.Н. Савва, Культура Многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья (Кишинев 1992).
Savva, Agul'nikov, Manzura 1984: E.N. Savva, S.M. Agul'nikov, I.V. Manzura, Otchet o polevykh issledovaniiakh Budzhakskoi Novostroechnoi ekspeditsii v 1984 godu (Kishinev 1984). Arkhiv MNIM, inv.nr. 212 // Е.Н. Савва, С.М. Агульников, И.В. Манзура, Отчет о полевых исследованиях Буджакской Новостроечной экспедиции в 1984 году. Архив НМИМ инв. № 212 (Кишинев 1984).
Salii 1997: N.G. Salii, O kul'turnom i sotsial'nom statuse pogrebennykh nichkom v epokhu bronzy i rannem zheleznom veke. DSPK VI, 1997, 45-56 // Н.Г. Салий, О культурном и социальном статусе погребенных ничком в эпоху бронзы и раннем железном веке. ДСПК VI, 45-56.
Subbotin 2003: L.V. Subbotin, Orudiia truda, oruzhie i ukrasheniia Iamnoi cul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Odessa 2003) // Л.В. Субботин, Орудия труда, оружие и украшения Ямной культуры Северо-Западного Причерноморья (Одесса 2003).
Chebotarenko, Iarovoi, Tel'nov 1989: G.F. Chebotarenko, E.V. Jarovoi, N.P. Tel'nov, Kurgany Budzhakskoi stepi (Kishinev 1989) // Г.Ф. Чеботаренко, Е.В. Яровой, Н.П. Тельнов, Курганы Буджакской степи (Кишинев 1989).
Shilov 1982: Iu.A. Shilov, Kalendarnaia simvolika i khronologia kemi-obinskikh pogrebenii kurgana nr.1 u s. Starosel'e. In: Materialy po khronologii arheologiceskikh pamiatnikov Ucrainy (Kiev 1982), 29-38 // Ю.А. Шилов, Календарная символика и хронология кеми-обинских погребений кургана №1 у с. Староселье. Материалы по хронологии археологических памятников Украины (Киев 1982), 29-38.
Iarovoi 1985: E.V. Iarovoi, Drevneishie skotovody Iugo-Zapada SSSR (Kishinev 1985) // Е.В. Яровой, Древнейшие скотоводы Юго-Запада СССР (Кишинев 1985).
Iarovoi 2000: E.V. Iarovoi, Skotovodcheskoe naselenie Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia epokhi rannego metalla. Avtoreferat diss. ... d.i.n. (Moskva 2000) // Е.В. Яровой, Скотоводческое население Северо-Западного Причерноморья эпохи раннего металла. Автореферат дисс. ... д.и.н. (Москва 2000).
Dergačev 2002: V. Dergačev, Die äneolithischen und bronzeitlichen Metallfunde aus Moldavien. Prahistorishe bronzefunde, Abteilung XX, 9. Band (Stuttgart 2002).

Сергей Агульников, научный сотрудник, Центр Археологии, Институт Культурного Наследия АНМ, бульвар Штефан чел Маре, 1. МД-2001, Кишинэу, Республика Молдова, e-mail: agulnicov-budjak@mail.ru

Larisa Ciobanu, Lilia Dergaciova

Piese de podoabă din epoca romană târzie provenind din spațiul pruto-nistrean

Keywords: bucket-shaped pendant, gold and silver earrings, late Roman period, Sântana de Mureș-Chernyakhov culture.
Cuvinte cheie: pandantiv-căldăruşă, verigi de tâmplă de aur şi argint, epoca romană târzie, cultura Sântana de Mureș-Cherniakhov.
Ключевые слова: подвеска-ведерко, золотые и серебряные височные кольца, позднеримский период, культура Сынтана де Муреш-Черняхов.

Larisa Ciobanu, Lilia Dergaciova
Jewelleries of the late Roman period originating from the Prut-Dniester region

In the article of hand we presents ten jewelleries from a private collection: gold bucket-shaped pendant, five gold and four silver earrings. Category of archaeological artifacts represents the rare discoveries at sites dating from the late Roman period. It is important to note that such jewelleries (crafted in bronze especially) have been reported in the complex of Dacian culture, but also in the Sarmatian graves. The bucket-shaped pendants, as well as earrings have closest analogues on the mortuary inventory on Dănceni necropolis of Sântana de Mureș-Chernyakhov culture.

Larisa Ciobanu, Lilia Dergaciova
Piese de podoabă din epoca romană târzie provenind din spațiul pruto-nistrean

Autoarele introduc în circuitul ştiinţific un lot de 10 piese de podoabă dintr-o colecţie particulară: un pandantiv-căldăruşă şi cinci verigi de tâmplă lucrate din aur, patru verigi de tâmplă din argint. Categoria de vestigii arheologice luată în discuţie reprezintă descoperiri mai rare în siturile datând din epoca romană târzie. Este interesant de menţionat că astfel de podoabe (însă lucrate îndeosebi din bronz) au fost semnalate în cadrul unor complexe atribuite culturii dacice, în morminte sarmatice etc. Atât căldăruşa-pandantiv, cât şi verigile de tâmplă îşi găsesc analogii apropiate în inventarul mai multor morminte din necropola aparţinând culturii Sântana de Mureş-Cherniakhov de la Dănceni.

Лариса Чобану, Лилия Дергачева
Украшения позднеримского времени из Пруто-Днестровского междуречья

Авторы вводят в научный оборот несколько украшений из частной коллекции: это золотая подвеска-ведерко, пять золотых и четыре серебряных височных кольца. Такого рода археологические артефакты являются редкими находками в комплексах позднеримского периода. Интересно отметить, что подвески-ведерки и височные кольца (но чаще всего изготовленные из бронзы) известны в составе инвентаря и более ранних археологических комплексов (дакийских, сарматских и др.). Самые близкие аналогии публикуемых украшений – как подвесок-ведерок, так и височных колец – известны из погребального инвентаря захоронений Черняховской культуры из Дэнченского могильника.

Categoria de vestigii arheologice luată în discuţie constă din descoperiri mai rare în siturile datând din epoca romană. Pe de o parte, fiindcă au fost lucrate din metale preţioase – aur şi argint, accesibile doar reprezentanţilor păturilor sociale privilegiate; pe de alta, asemenea obiecte se găsesc preponderent în necropole (cercetate relativ puţine în zona interfluviului Prut-Nistru) sau în morminte izolate descoperite fortuit. Aşa cum reiese din aceste realităţi, considerăm oportună introducerea în circuitul ştiinţific a unui lot de 10 piese de podoabă dintr-o colecţie particulară: un pandantiv-căldăruşă şi cinci verigi de tâmplă[1] lucrate din sârmă de aur (trei dintre verigi reprezentând de fapt pandantive, deoarece au ataşate una o mărgea de piatră, alta un inel de aur şi a treia un rest de tortiţă a unui medalion), la care se adaugă şi patru verigi de tâmplă executate din sârmă de argint (pl. 1,1-10).

Pandantivul-căldăruşă are o înălţime totală de 18,8 mm şi formă cilindrică, puţin deformată, cu diametrele de 10x12 mm. Suprafaţa exterioară a corpului piesei este împărţită în două registre prin intermediul a patru fire torsionate, lipite câte unul pe margini şi două pe mijloc, ultimele încadrând 15 perle globulare sudate. Spaţiul registrelor astfel delimitate este decorat cu fire netede dispuse vălurit. Fundul în formă de *umbo* al căldăruşei este prevăzut pe centru cu o proeminenţă piramidală alcătuită din 4 perle, alte 14 perle similare fiind sudate în cerc pe margini (pl. 1,10).

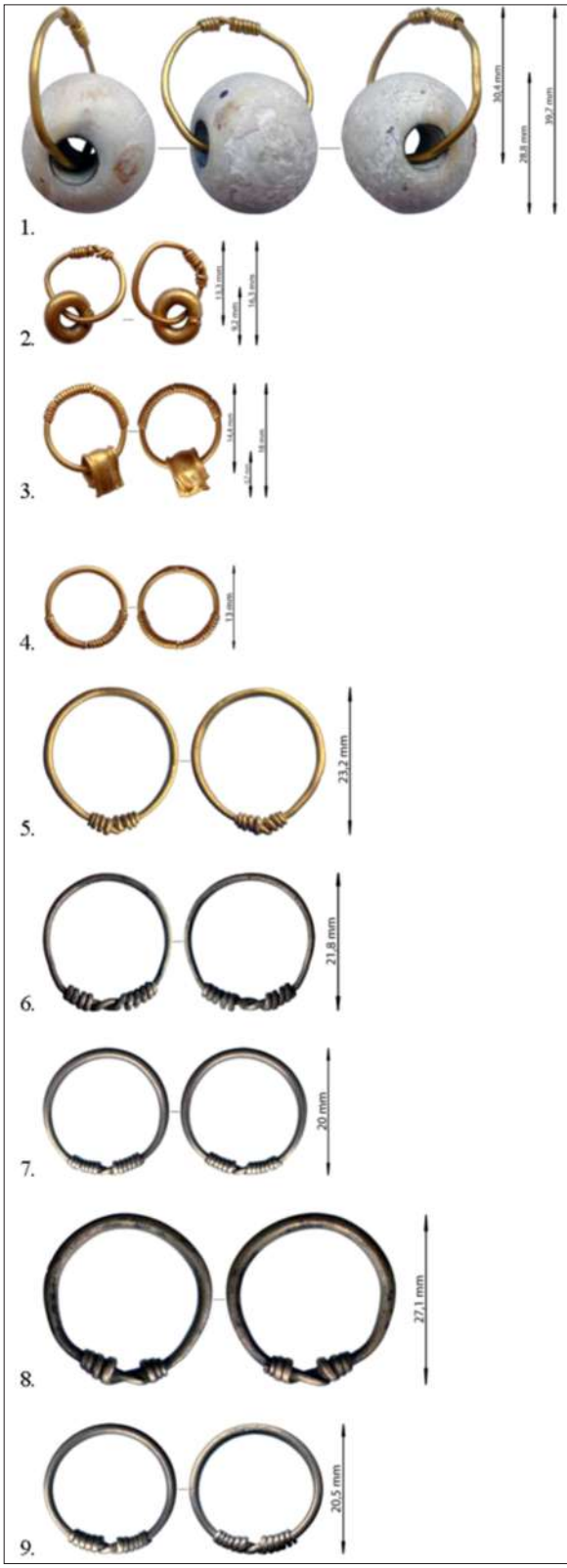
1. În literatura de specialitate ele mai sunt denumite uneori *cercei* (EAIVR 1994, 288-289) sau *inele de buclă* ori *inele de tâmplă* (EAIVR 1996, 258-259).

Planșa 1. Piese din colecția particulară (1-10) și analogii (11-13).

Plate 1. The objects from private collection (1-10) and their analogues (11-13).

Verigile de aur din colecția analizată în lucrarea de față sunt în general de formă cvazicirculară, cu diametre ce variază de la 12,6 la 30,4 mm, capetele lor fiind petrecute și înfășurate în câte 3-4 până la 15-18 spire (tab. 1,1-5). Cele patru verigi de tâmplă de argint (circulare sau ușor ovale), cu diametrele cuprinse între 20x20 și 27x26 mm, la fel au capetele petrecute și înfășurate în 3-4 sau 7-8 spire (tab. 1,6-9).

Ambele categorii de podoabe – atât verigile, cât și pandantivele-căldărușe – își au originea în epoca Latène, sunt lucrate mai frecvent din metale comune – bronz sau fier, însă se întâlnesc și exemplare de argint, acestea din urmă fiind numite curent drept „podoabe carpice" (Crișan 1993, 232). În context, ni se pare interesant de subliniat faptul că în Dacia preromană din sec. I a.Chr. – I p.Chr., în mediul bastarnic, în necropolele orașelor grecești



1. Pandantiv alcătuit din verigă de sârmă de aur cu capetele petrecute și înfășurate, având suspendată o mărgea de piatră; greutatea verigii cu mărgea: 16,32 g;
dimensiuni: 39,7 mm (înalțimea generală)
28,8 mm (diametrul mărgelei)
30,4 mm (diametrul verigii)

2. Pandantiv constând din verigă de sârmă de aur cu capetele petrecute și înfășurate, de care atârnă un inel de aur; greutatea ambelor piese: 2,85 g;
dimensiuni: 16,3 mm (înalțimea generală)
13,3x12,6 mm (diametrele verigii)
9,2 mm (diametrul inelului)

3. Pandantiv ce reprezintă o verigă din sârmă de aur cu capetele petrecute și înfășurate, ce are suspendată o tortiță de la un medalion; greutatea: 1,57 g;
dimensiuni: 18 mm (înalțimea generală)
14,4 mm (diametrul verigii)
0,7 mm (diametrul tortiței)

4. Verigă din sârmă de aur cu capetele petrecute și înfășurate; greutatea: 0,89 g; diametrul: 13 mm

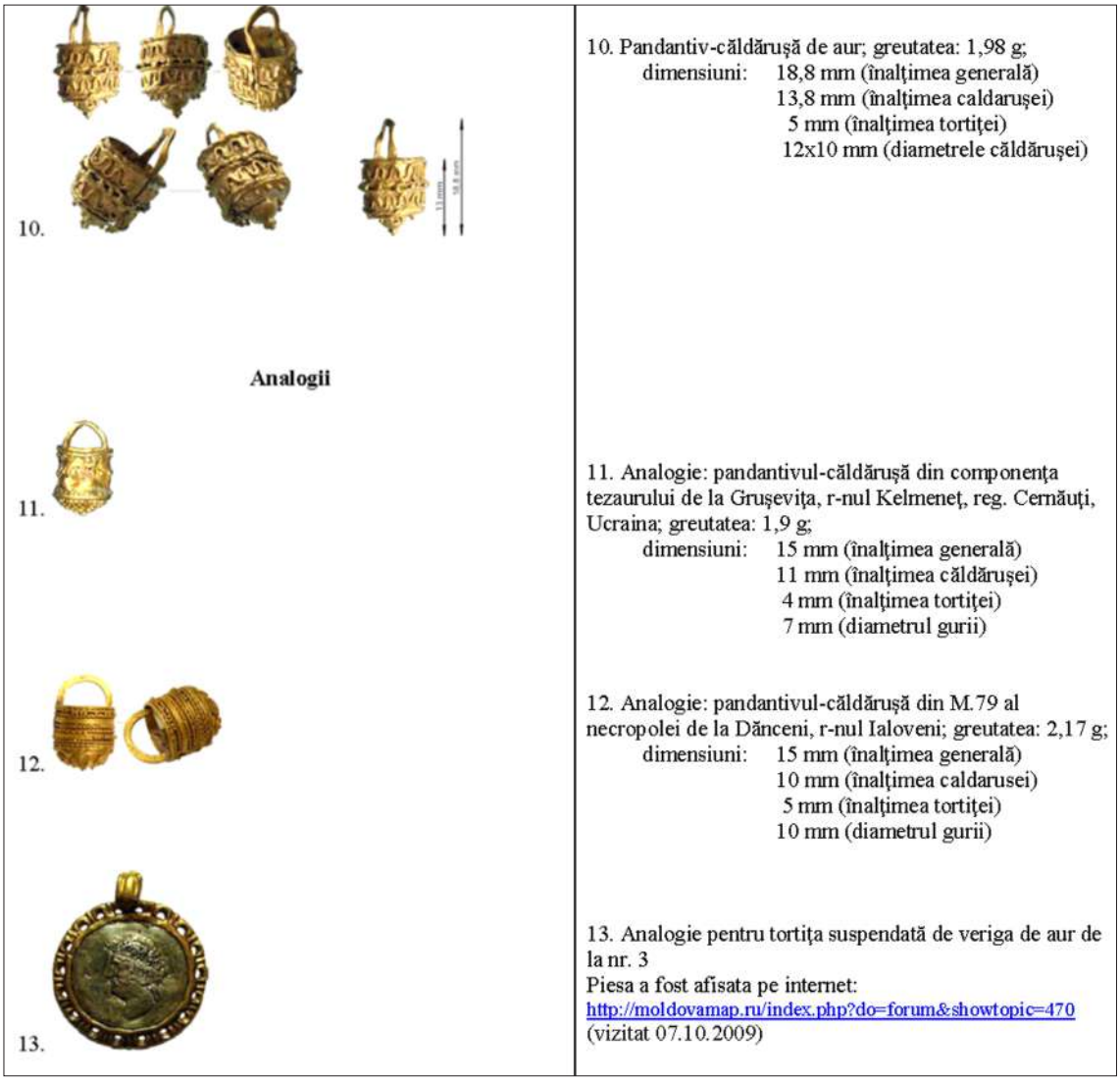
5. Verigă din sârmă de aur cu capetele petrecute și înfășurate; greutatea: 1,94 g; diametrul: 23,2 mm

6. Verigă din sârmă de argint cu capetele petrecute și înfășurate; greutatea: 1,01 g; diametrele: 21,8x20 mm

7. Verigă din sârmă de argint cu capetele petrecute și înfășurate; greutatea: 1,02 g; diametrele: 20x20,2 mm

8. Verigă din sârmă de argint cu capetele petrecute și înfășurate; greutatea: 3,16 g; diametrele: 27,1x26,4 mm

9. Verigă din sârmă de argint cu capetele petrecute și înfășurate; greutatea: 1,21 g; diametrele: 20,5x20,8 mm



Tabelul 1. Descrierea succintă a pieselor din colecția particulară (1-10) și a analogiilor (11-13).

Table 1. The brief description of objects from private collection (1-10) and their analogues (11-13).

nord-pontice, precum și în complexele funerare sarmatice (nu numai din regiunile est-carpatice sau nord-vest pontice, dar și din întreg arealul de răspândire a sarmaților) sunt descoperite brățări de bronz – uneori și de argint – cu diametre variind de la 5 până la 9 cm, ce au exact forma verigilor de tâmplă din lotul examinat de noi, cu capetele suprapuse și înfășurate (Bârcă, Symonenko 2006, 234-235, fig. 93,6; Sîrbu et all. 2014, 28, fig. 9,7; 10,2a-b). Din M.1 de incinerație atribuit dacilor liberi de la Bârlad-*Prodana* provine o astfel de brățară de bronz cu diametrul de 8,2 cm (Ioniță, Mamalauca, Vornic 2009, 2, nr.8).

La Văleni, în cea mai mare necropolă a dacilor liberi de la est de Carpați, o verigă de tâmplă fragmentară din sârmă de bronz cu capetele înfășurate a fost descoperită în M.10 de înhumație, lângă șoldul drept (Ioniță, Ursachi 1988, 66, fig. 53,32), iar alta similară și tot fragmentară, dar lucrată din argint de calitate proastă – în M.507 de incinerație (Ioniță, Ursachi 1988, 66, fig. 53,32).

În mediul culturii Sântana de Mureș-Cherniakhov verigile de tâmplă au fost descoperite în număr nu atât de semnificativ până în prezent, fiind executate, de cele mai dese ori, din sârmă de bronz, mai rar de argint și doar uneori de aur. Din necropola de la Budești cunoaștem două verigi de bronz, una găsită pe umărul stâng al scheletului din M.106 și a doua – în stratul de cultură (Vornic 2006, 205, fig. 80,12; 121,4); în M.4 de la Lețcani, o asemenea

piesă se afla lângă genunchiul drept al defunctei (Bloșiu 1975, 215, 234, fig. 8,12) și alta, din M.39 – sub bărbie (Bloșiu 1975, 215, 238, fig. 33,2). Tot două astfel de verigi de bronz au fost semnalate în cel mai mare cimitir de tip Sântana de Mureș-Cherniakhov de la est de Carpați: în M.143 și M.332 de la Bârlad-*Valea Seacă* (Palade 2004, fig. 107,2; 218,2). În altă mare necropolă, cea de la Mihălășeni, s-au găsit în total patru verigi de tâmplă (trei de argint și una de bronz), două în morminte de incinerație și două în înhumații (Șovan 2005, 160, pl. 307,67). Doar nominalizăm descoperiri similare în cimitirele de la Târgșor, Privol'noe, Kosanovo, Kurniki, Ryzhavka, Oselivka etc. (*apud* Vornic 2006, 205).

Credem că trebuie să ne oprim puțin în mod special asupra verigilor de tâmplă cu capetele petrecute și înfășurate, descoperite în opt complexe funerare (cinci de înhumație și trei de incinerație) din necropola de la Dănceni, unde în total sunt semnalate 21 asemenea piese (1 de aur, 10 de argint și 10 de bronz), inclusiv 5 (toate de argint) cu rol de verigi de susținere a unor pandantive. Din cele trei morminte de incinerație – M.13, M.64 și M.292 – provin 6 verigi (1 de aur, 3 de argint și 2 de bronz) (Rafalovich 1986, 31, tab. XVIII,2; 40, tab. XX,12; 89, tab. XLVI,9 ș.a.). În cuprinsul a cinci morminte de înhumație se găseau ca piese de inventar 15 exemplare de verigi de tâmplă: în M.62 una de argint (Rafalovich 1986, 39, tab. XX,8), în M.234 un fragment de verigă de bronz (Rafalovich 1986, 79), în M.292 cinci verigi de argint cu diferite pandantive și una de bronz (Rafalovich 1986, 89, tab. XLVI,9), în M.337 o verigă de bronz de la un pandantiv cu scoică *Murex* (Rafalovich 1986, 96, tab. L,4) și în M.371 – șase verigi, una de argint și cinci de bronz, descoperite într-un sipețel de lemn depus lângă genunchii defunctei (Rafalovich 1986, 109, tab. LVII,3-8).

Deseori, după cum am remarcat deja, de verigile de bronz sau argint erau atârnate diferite piese, astfel ele devenind părți componente ale unor pandantive. Spre exemplu, în M.10 de la Lețcani (Bloșiu 1975, 215, 234, fig. 11,5), M.6 de la Bârlad-*Valea Seacă* (Palade 2004, fig. 155,3); M.84 și M.133 din necropola de la Barcea (Ioniță, Mamalauca, Vornic 2009, 112, nr.521; 131, nr.665) verigi lucrate din bronz reprezentau tortițe de prindere a unor scoici *Cypraea* sau *Murex*; în M.48 de la Bârlad-*Valea Seacă* o verigă de bronz susținea o placă de os de formă semilunară, de care erau prinse trei plăcuțe romboidale (Palade 2004, fig. 161,5), iar în M.292 de la Dănceni o mărgică mare de chihlimbar în forma cifrei 8 avea trecut prin orificiul plasat în partea ei de sus o verigă de argint cu capetele petrecute și înfășurate (Rafalovich 1986, 89, tab. XLVI,6), o altă mărgică de chihlimbar fragmentată având păstrat numai un rest de verigă de argint (Rafalovich 1986, 89, tab. XLVI,8). În același bogat M.292 de înhumație de la Dănceni, mai menționăm prezența a două verigi de argint de care erau atârnate câte două căldărușe (lucrate din tablă subțire tot de argint, dar cu tortițele de bronz) de formă conică (Rafalovich 1986, 89, tab. XLVI,2,3; Ioniță, Mamalauca, Vornic 2009, 12, nr.39-40), și a unei verigi de argint cu un toporaș miniatural de argint suspendat (Rafalovich 1986, 89, tab. XLVI,4).

Cea mai mare după dimensiuni dintre verigile de tâmplă-pandantive din colecția particulară este aceea cu mărgea de piatră albă (marmură?) (tab. 1,1). În calitate de eventuală analogie (ceva mai îndepărtată însă cronologic de perioada culturii Sântana de Mureș-Cherniakhov) pentru piesa respectivă vom semnala exemplarul din M.78 de înhumație al necropolei dacilor liberi de la Văleni, reprezentând o verigă de bronz pe care erau înșirate o mărgică de sticlă de culoare galbenă și o tăbliță de bronz (Ioniță, Ursachi 1988, 15, 65, fig. 22,3; 61,3). În spațiul pruto-nistrean astfel de pandantive cu mărgele de sticlă pe verigă de bronz au apărut într-o așezare atribuită culturii Sântana de Mureș-Cherniakhov de la Lucășeuca (Fedorov 1960, 281), în stratul de cultură al necropolei de la Budești (Vornic 2006, 207, fig. 114,1; 121,3), de asemenea – în M.34 de la Mălăiești, unde erau în număr de patru exemplare ce aveau suspendate câte trei mărgele de sticlă (Fedorov 1960, 279-281, fig. 14,1,3,4). Dacă ne referim la următoarea piesă din tabel (tab. 1,2), constatăm că inele de aur similare aveau rol de verigă de atârnare pentru medalioane improvizate din monede romane: spre exemplu, o monedă de aur de la Aurelian (sec. III p.Chr.) din tezaurul de la Grușevița, reg. Cernăuți (Ioniță, Mamalauca, Vornic 2009, 20, nr.79), și un *solidus* cu efigia lui Constantius II (sec. IV p.Chr.) din necropola de la Bârlad-*Valea Seacă* (Ioniță, Mamalauca, Vornic 2009, 60, nr.280). Pentru tortița executată din bandă cu două caneluri longitudinale pe margini, păstrată pe cea de-a treia verigă, am găsit o analogie pe internet (pl. 1,13), alta ar putea fi veriga de suspendare a pandantivului rectangular de argint de la Budești (Ioniță, Mamalauca, Vornic 2009, 99, nr.496).

În literatura de specialitate pandantivele-căldăruşă (lucrate în majoritate din fier, mai rar din bronz) sunt considerate în ultima perioadă, spre deosebire de cea precedentă (Shchukin, Shcherbakova 1986, 196), de proveniență din zona de la nord de Marea Nagră (Magomedov 2001, 71), uneori – drept o creație a geto-dacilor, fiind semnalate în complexe arheologice datate din sec. I a.Chr. până în sec. IV-V p.Chr. (Ignat 1999, 117; EAIVR 2000, 272). Artefactele respective constituie o variantă a podoabelor-amulete utilizate pentru păstrarea unor formule sacre scrise pe papirus sau a substanțelor aromate în cadrul unor practici magice. Ele vor căpăta treptat o largă răspândire în mediul carpilor, dacilor liberi, sarmaților, purtătorilor culturilor Poienești-Lucașeuca, Przeworsk, Welbark și Sântana de Mureș-Černjachov.

La Văleni, autorii remarcă faptul că printre pandantive predomină anume cele în formă de căldăruşă (tipul 3, cu două variante), fiind descoperite în opt morminte de incinerație și șapte de înhumație (Ioniță, Ursachi 1988, 65, 93). După observațiile făcute asupra poziției pieselor în discuție din majoritatea complexelor de înhumație, se trage concluzia că ele erau purtate ca podoabe-amulete prinse în coliere la gât, și doar într-un singur caz (exemplarul găsit pe o verigă în partea stângă a craniului) ar sugera că se purtau, eventual, și pe verigi de tâmplă (Ioniță, Ursachi 1988, 93).

Dintre descoperirile făcute în complexele sarmatice din spațiul pruto-nistrean menționăm, în primul rând, două căldăruşe-pandantive de aur având decor incrustat cu pastă sticloasă de culoare verde în M.3, T.3 de la Mikhailovka (fost Mihăileni), r-nul Sărata, reg. Odesa, Ucraina (Subbotin, Dzigovskii 1990, 20-21; Dzigovskii 2014, 48, ris. 18). Piesele, de formă cilindrică ușor alungită, se aflau în zona gâtului, alături de un bogat colier de aur. În rândul al doilea, cunoaștem că în unul dintre mormintele cercetate foarte recent în necropola sarmatică de la Medeleni (com. Petrești), r-nul Ungheni, de specialiștii de la Agenția Națională Arheologică – în vara anului curent – a fost găsit și un pandantiv-căldăruşă cilindrică de bronz (Vornic, Bubulici, Popovici 2015, 69, fig. 15,2)[2].

În mediul culturii Sântana de Mureș-Cherniakhov pandantivele în formă de căldăruşă sunt descoperite destul de frecvent, o statistică relativ recentă indicând cifra de cca 200 de exemplare, lucrate în majoritate din fier – în jur de 70% (Magomedov 2001, 70). Este interesant de remarcat faptul ca în două dintre cele mai mari necropole atribuite culturii Sântana de Mureș-Černjachov – cele de la Dănceni și Bârlad-*Valea Seacă* – au fost identificate nu numai pandantive-căldăruşe de fier izolate, ci chiar sisteme mai sofisticate de astfel de artefacte, conținând în structură căldăruşe de dimensiuni diferite (legate prin verigi de suspendare, plăci, tije) în câteva niveluri (Rafalovich 1986, tab. L,11-13,14-16; Palade 2004, fig. 141,4; 150,2). La Budești au fost descoperite în total 16 pandantive de fier în formă de căldăruşă, majoritatea covârșitoare dintre ele fiind găsite în morminte de incinerație, și numai trei – în stratul de cultură al necropolei (Vornic 2006, 206). În necropola de la Mihălășeni au fost găsite 27 de pandantive-căldăruşă dintre care doar un exemplar de bronz (Șovan 2005, 162).

Atât căldăruşa-pandantiv[3], cât și majoritatea verigilor de tâmplă din colecția analizată de noi, își găsesc însă cele mai apropiate analogii în inventarul unor morminte din necropola aparținând culturii Sântana de Mureș-Černjachov de la Dănceni. Astfel, în M.79, de incinerație, a fost descoperit un pandantiv-căldăruşă de aur lucrat în tehnica filigranului având formă cilindrică și fundul rotunjit (Rafalovich 1986, 44, tab. XXII,12; Ioniță, Mamalauca, Vornic 2009, 17, nr.67). Asemenea piese au fost datate între anii 260 – 330/350 p.Chr. (Shchukin, Shsherbakova 1986, 197). Alte două pandantive de aur în formă de căldăruşe, provin una (executată ceva mai simplu) din tezaurul de la Gruşevița, reg. Cernăuți, Ucraina (Ioniță, Mamalauca, Vornic 2009, 20, nr.80) și a doua, din necropola de la Ryzhevka (Magomedov 2001, 70).

2. Mulțumim și pe această cale dlui dr. V. Vornic pentru informație.

3. Deținem informația că mai există o piesă similară, dar deformată (aplatisată), care ar proveni din microzona com. Răzeni, r-nul Ialoveni.

Bibliografie

Bârcă, Symonenko 2009: V. Bârcă, O. Symonenko, Călăreții stepelor. Sarmații în spațiul nord-pontic (Cluj-Napoca 2009).
Bloșiu 1975: C. Bloșiu, Necropola din secolul al IV-lea e.n. de la Lețcani (jud. Iași). AM VIII, 1975, 203-280.

Crișan 1993: I.H. Crișan, Civilizația geto-dacilor. Vol. I (Bucureşti 1993).
Dzigovskii 2014: A.N. Dzigovskii, Sedaia drevnost': istoriia budzhakskikh zemel' i pamiatniki arkheologii. In: Budzhak: istoriko-etnograficheskie ocherki narodov iugo-zapadnykh raionov Odesshchiny (Odessa 2014), 27-54 // А.Н. Дзиговский, Седая древность: история буджакских земель и памятники археологии. В кн.: Буджак: историко-этнографические очерки народов юго-западных районов Одесщины (Одесса 2014), 27-54.
EAIVR 1994: Enciclopedia arheologiei şi istoriei vechi a României. Vol. I, A-C (Bucureşti 1994).
EAIVR1996: Enciclopedia arheologiei şi istoriei vechi a României. Vol. II, D-L (Bucureşti 1996).
EAIVR 2000: Enciclopedia arheologiei şi istoriei vechi a României. Vol. III, M-Q (Bucureşti 2000).
Fedorov 1960: G.B. Fedorov, Malaeshtskii mogil'nik. MIA 82 (Moskva 1960), 253-302 // Г.Б. Федоров, Малаештский могильник. МИА 82 (Москва 1960), 253-302.
Ignat 1999: M. Ignat, Dacii liberi din Moldova. Contribuţii arheologice. Necropolele de la Podeni şi Zvorâştea (Iaşi 1999).
Ioniță, Mamalauca, Vornic 2009: I. Ioniță, M. Mamalauca, V. Vornic, Antichitatea târzie în bazinul Prutului. Catalog (Bârlad 2009).
Ioniță, Ursachi 1988: I. Ioniță, V. Ursachi, Văleni. O mare necropolă a dacilor liberi (Iaşi 1988).
Magomedov 2001: B. Magomedov, Cherniakhovskaia kul'tura. Problema etnosa (Lublin 2001) // Б. Магомедов, Черняховская культура. Проблема этноса (Люблин 2001).
Palade 2004: V. Palade, Aşezarea şi necropola de la Bârlad-Valea Seacă. Secolele III-V (Bucureşti 2004).
Rafalovich 1986: I.A. Rafalovich, Dancheny. Mogil'nik Cherniakhovskoi kul'tury III-IV vv. n.e. (Kishinev 1986) // И.А. Рафалович, Данчены. Могильник Черняховской культуры III-IV вв. н.э. (Кишинев 1986).
Shchukin, Shcherbakova 1986: M.B. Shchukin, T.A. Shcherbakova, K khronologii mogil'nika Dancheny. In: I.A. Rafalovich, Dancheny. Mogil'nik Cherniakhovskoi kul'tury III-IV vv. n.e. (Kishinev 1986), 177-221 // М.Б. Щукин, Т.А. Щербакова, К хронологии могильника Данчены. В кн.: И.А. Рафалович, Данчены. Могильник Черняховской культуры III-IV вв. н.э. (Кишинев 1986), 177-221.
Sîrbu et all. 2014: V. Sîrbu, L. Oța, A. Vâlcu, M. Neagu, V. Oprea, Sudul Munteniei în secolele I a.Chr. – III p.Chr. Sarmați, daci, romani (Brăila 2014).
Subbotin, Dzigovskii 1990: L.V. Subbotin. A.N. Dzigovskii, Sarmatskie drevnosti Dnestro-Dunaiskogo mezhdurech'a. II. Kurgannye mogil'niki Diviziiskii i Belolesskii (Kiev 1990) // Л.В. Субботин, А.Н. Дзиговский, Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. II. Курганные могильники Дивизийский и Белолесский (Киев 1990).
Şovan 2005: O.L. Şovan, Necropola de tip Sântana de Mureș-Černjachov de la Mihălășeni (jud. Botoşani) (Târgoviște 2005).
Vornic 2006: V. Vornic, Aşezarea şi necropola de tip Sântana de Mureș-Černjachov de la Budeşti (Chişinău 2006).
Vornic, Bubulici, Popovici 2015: V. Vornic, V. Bubulici, S. Popovici, Date preliminare privind necropola sarmatică de la Medeleni (com. Petrești, r-nul Ungheni). Arheologia preventivă în Republica Moldova II, nr. 1-2, 2015, 59-72.

Larisa Ciobanu, cercet. șt., Centrul de Arheologie al Institutului Patrimoniului Cultural, AŞM, bd. Ştefan cel Mare 1, MD 2001, Chişinău, Republica Moldova, e-mail: ciobanu.lora@yahoo.com

Lilia Dergaciova, doctor în istorie, cercet. șt. superior, Centrul de Arheologie al Institutului Patrimoniului Cultural, AŞM, bd. Ştefan cel Mare 1, MD 2001, Chişinău, Republica Moldova, e-mail: dergaciova.lili@gmail.com

Lilia Dergaciova

Monede medievale moldovenești din colecții particulare din Republica Moldova (IX)

Keywords: numismatics, Middle Ages, Moldavian principality, groats of Alexander I.
Cuvinte cheie: numismatică, Evul Mediu, principatul moldovenesc, groși a lui Alexandru I.
Ключевые слова: нумизматика, средние века, молдавское государства, гроши Александра I.

Lilia Dergaciova
Moldavian medieval coins from private collections of the Republic of Moldova (IX)

Recently 2013, a collection of about 90 Moldavian coins of 15th century was found in the Edineț district, Republic of Moldova. We had a possibility to analyze only 33 specimens. All of them are groats, minted in the early reign of Alexander I (1399/1400-1432). On the base of the numismatic material we discuss some specific features of it.

Lilia Dergaciova
Monede medievale moldovenești din colecții particulare din Republica Moldova (IX)

În anul 2013, în raionul Edineț, Republica Moldova a fost descoperit un lot de circa 90 de piese moldovenești din secolul al XV-lea. Autoarea a avut la dispoziție 33 de piese, toate fiind groși emiși în primii ani de domnie a lui Alexandru I (1399/1400-1432). În articol sunt discutate succint anumite particularități ale acestor emisiuni.

Лилия Дергачева
Средневековые молдавские монеты из частных коллекций Республики Молдова (IX)

В 2013 году, в Единецком районе Республики Молдова был найден лот молдавских монет XV века, содержавший около 90 экземляров. Для определения нам были предоставлены изображения 33 монет, которые были отнесены к первой эмиссионной серии Александра I (1399/1400-1432), достоинством в один грош. В общих чертах в статье оговариваются некоторые специфические черты этих эмиссий.

În anul 2013, în raionul Edineț, Republica Moldova, a fost descoperit un lot de piese moldovenești de secolul al XV-lea. Conform spuselor posesorului, lotul a fost compus din circa 90 de piese epigrafe de la Alexandru I cel Bun, colectate de pe o suprafață destul de mică, fapt care ne sugerează apartenența lor la un tezaur. Din acest lot am avut posibilitatea să consultăm doar 33 de exemplare[1]. Din păcate subsemnata nu a obținut și datele tehnice ale monedelor. Cu toate acestea, considerăm utilă prezentarea acestor piese în rândurile ce urmează (catalog, nr. 1-33, planșa I-III).

Cele 33 de exemplare menționate reprezintă groși moldovenești, bătuți din cupru argintat. Starea de conservare a pieselor este destul de proastă. Pe parcursul timpului, stratul de argint de pe monede (care a fost probabil destul de subțire) s-a șters sau s-a dizolvat și a dezvelit miezul de cupru al pieselor care, la rândul său, în urma procesului de oxidare, și-a pierdut o parte din relief.

Piesele au imaginile centrale de două tipuri: cap de bour cu stea între coarnele convergente, roza la dreapta și semiluna la stânga (catalog, nr. 1-25) sau cu atribute inversate: semiluna la dreapta și roza la stânga (catalog, nr. 26-32). Pe revers, în scutul despicat se păstrează imaginea a trei fascii în primul canton și a două flori de crin în cel de-al doilea. Apartenența ultimei piese la unul dintre tipurile de avers descrise anterior nu a putut fi stabilită cu precizie, deoarece imaginea reversului a fost aplicată și pe fața aversului (catalog, nr. 33). Conform cercetătoarei Katiușa Pârvan, monedele au fost bătute în primii ani de domnie a lui Alexandru I (Pârvan 2000, 563-572).

Legenda aversului cunoscută sub forma SALEXANDERV rareori apare completă și scrisă corect (catalog, nr. 24, 30-31). De cele mai multe ori avem fragmente de legendă, care doar ne sugerează o formă corectă (catalog, nr. 2-9, 12-15, 17-23, 25, 27-28, 32), alteori din literele vizibile ale legendelor reiese că ele au fost gravate cu greșeli (catalog, nr. 1, 16, 29). De asemenea, pentru avers constatăm prezența legendei cu doi de S – SALE-

1. Piesele au fost expuse în sursele Web pentru determinare http://oldstory.info/index.php?/topic/16311-вроде-все-alexandru-i-cel-bun-но-всё-же/ (vizitat 26.06.2013).

XANDERVS (catalog, nr. 11, 26). Legenda reversului, SMOLDAVIENS, nu apare complet vizibilă; deseori constatăm doar fragmente ale acesteia, din care nu putem deduce dacă toată inscripția este scrisă corect (catalog, nr. 1-9, 11-17, 19-33).

În lotul nostru sunt atestate exemplare ale căror legende au o formă modificată, completată cu elementele ce sunt cunoscute doar pentru piesele moldovenești emise în secolul al XIV-lea. Ne referim la semnele de despărțire, în cazul de față steluțe, ce apar în legenda aversului și reversului unei piese (catalog, nr. 10) sau doar pe reversul alteia (catalog, nr. 18, revers). Cazuri similare pentru groșii lui Alexandru I au fost deja semnalate în literatura de specialitate (Buzdugan, Luchian, Oprescu 1977, 59, nr. 359 avers, nr. 362 revers; Dergaciova 2014, 222-223, nr. 9-17; 221, pl. II, nr. 9 revers, 17 revers).

Ținând cont de cele prezentate mai sus, considerăm necesar să înaintăm ipoteza că pentru producerea primelor emisiuni ale lui Alexandru I în valoare de un groș a fost aprobat modelul de ștanțe de avers cu roza la dreapta și semiluna la stânga capului de bour. Concluzia se bazează pe numărul dominant de piese din categoria cu roza la dreapta și semiluna la stânga fața de monedele din cealaltă categorie – semiluna la dreapta și roza la stânga (care au apărut, cel mai probabil, din neglijența meșterului/executorului de ștanțe). Ipoteza este susținută și de faptul că elementele specifice groșilor din perioada anterioară apar doar la piesele din prima categorie.

Din păcate, neavând locul sigur de proveniență a pieselor, nu putem trage concluzii obiective. Cu toate acestea, semnalăm că din raionul Edineț provin mai multe descoperiri monetare de sec. al XV-lea. Printre acestea putem numi tezaurul de la Cupcini (fost Calininsc), compus din monede ale Hanatului Crimeean (Nudel'man 1975, 103, nr. 28; Nudel'man 1976, 92, nr. 2); Brătușeni, ce a avut în componența sa monede ungurești din secolele XV-XVI și otomane din secolul al XVI-lea (Byrnia, Nudel'man, Riaboi 1990, 239-249; Tezaure din muzeele 1994, 18-19, nr. 4; Niculiță, Nicolae 1999, 299-306; Nicolae 2003, 91; Niculiță, Nicolae 2003, 143-151), Bleșteni-Volodeni, în care au fost atestate monede poloneze de la sfârșitul sec. al XV-lea – începutul sec. al XVI-lea și monedele al Imperiului Romano-German din secolul al XVI-lea (Nudel'man 1988, 127-128, nr. 1, Velter, Știrbu 2002, 284, nr. 29), și alte tezaure târzii.

Din descoperiri izolate atestate în zonă semnalăm doar câteva exemplare: un denar de la Matia Corvin (1458-1490) (Nudel'man 1976, 136, nr. 15) și un șiling de la Ioan II Casimir (1648-1668) (Boldureanu 2008, 357, nr. 8). Prin urmare, lotul de piese în discuție devine unul dintre cele mai timpurii descoperiri medievale pentru regiunea aceasta. Lotul/tezaurul în discuție reprezintă un izvor important în studierea situației economice din regiune în perioada consolidării a statului medieval moldovenesc de la începutul secolului al XV-lea.

CATALOG

Moldova
Alexandru I (1399/1400-1432)
Groși [1399/1400-1402]

Av. Cap de bour, stea cu cinci raze între coarnele convergente, la dreapta roza, la stânga semiluna; globulă în centru.

Rv. Scut despicat: I trei fascii, II două flori de crin; globulă în centru.

Iliescu 1970, 27 (tipul „premergător"); Buzdugan, Luchian, Oprescu 1977, 59-60, nr. 361-366 (tipul I); Iliescu 2000, 77, 79 (faza I); Pârvan 2000, 563-572 (anii 1399/1400-1402).

1. AE argintat ?g; cca 19 mm, tocită (av.-rv.);
Av. SA…XADDERV
Rv. SMOLDAVIE…

2. AE argintat ?g; cca 19 mm, tocită (av.-rv.);
Av. SALEXA…DE…
Rv. …M…IEN…

3. AE ?g; cca 19 mm, tocită (av.-rv.), baterea dublă (av.-rv.);
Av. …NDE…NDE…AL…
Rv. …VE…EVEN…

4. AE ?g; cca 19 mm, tocită (av.-rv.);
Av. …DE…V…
Rv. …N(M?)…N…

5. AE ?g; cca 19 mm, tocită (av.-rv.);
Av. …EXANDE…
Rv. …MOLDA…

6. AE ?g; cca 19 mm, tocită (av.-rv.);
Av. …ANDERV…
Rv. …MOLD…N…

Pl. I. Groşi moldoveneşti (foto şi desene) ai lui Alexandru I.

Pl. I. Moldavian Groats (photos and drawings) of Alexander I.

7. AE ?g; cca 19 mm, tocită (av.-rv.);
Av. SALEXANDE…
Rv. …LDAVE…

8. AE argintat ?g; cca 19 mm, tocită (av.-rv.);
Av. SALE…DERV
Rv. S…LD…

9. AE argintat ?g; cca 19 mm, puternic tocită (av.-rv.);
Av. …NERV…
Rv. …EN…

10. AE argintat ?g; cca 19 mm, puternic tocită (av.-rv.);
Av. ★SMO…O
Rv. ★SA…

Pl. II. Groşi moldoveneşti (foto şi desene) ai lui Alexandru I.

Pl. II. Moldavian Groats (photos and drawings) of Alexander I.

11. AE argintat ?g; cca 19 mm, ştanţa descentrată (av.-rv.);
Av. SA…RVS
Rv. SMOLDAIE…

12. AE argintat ?g; cca 19 mm, puternic tocită (av.-rv.);
Av. …ALEXANDER…
Rv. SMOLD…NS

13. AE argintat ?g; cca 19 mm, puternic tocită (av.-rv.);
Av. SALEX…V
Rv. …OLD…EN…

Pl. III. Groși moldovenești (foto și desene) ai lui Alexandru I.

Pl. III. Moldavian Groats (photos and drawings) of Alexander I.

14. AE argintat ?g; cca 19 mm, tocită (av.-rv.);
Av. …ALEXANDE…
Rv. SM…DAVE…NS

15. AE argintat ?g; cca 19 mm, tocită (av.-rv.);
Av. SALE…DER…
Rv. S…O…ENS

16. AE argintat ?g; cca 19 mm, tocită (av.-rv.);
Av. …ANDER…
Rv. SM…LD…S

17. AE argintat ?g; cca 19 mm, tocită (av.-rv.), ștanța descentrată (av.);
Av. SAL…RV
Rv. S…L…ES

18. AE argintat ?g; cca 19 mm, tocită (av.-rv.);
Av. …AL…X…
Rv. ✤SMOL…S(?)…E(?)L(?)

19. AE argintat ?g; cca 19 mm, tocită (av.-rv.);
Av. …ALEXAN…
Rv. SMOLD…

20. AE argintat ?g; cca 19 mm, tocită (av.-rv.);
Av. S…LEXANDERV
Rv. …LD…E…

21. AE argintat ?g; cca 19 mm, tocită (av.-rv.);
Av. …LEXANDER…
Rv. SMOLDAV…NS

22. AE argintat ?g; cca 19 mm, tocită (av.-rv.);
Av. SALE…ERV
Rv. SMOLDA…

23. AE argintat ?g; cca 19 mm, tocită (av.-rv.);
Av. SALEXAN…RV
Rv. …LDAVIEN…

24. AE argintat ?g; cca 19 mm, tocită (av.-rv.);
Av. SALEXANDERV
Rv. SM…EAVIENS

25. AE argintat ?g; cca 19 mm, tocită (av.-rv.);
Av. SALEXAND…RV
Rv. SMOLDA…

Av. Cap de bour, stea cu cinci raze între coarnele convergente, la dreapta semiluna, la stânga roza; globulă în centru.

Rv. Scut despicat: I trei fascii, II două flori de crin; globulă în centru.

Iliescu 1970, 27 (tipul „premergător"); Buzdugan, Luchian, Oprescu 1977, 59-60, nr. 359-360 (tipul I); Iliescu 2000, 77, 79 (faza I); Pârvan 2000, 563-572 (anii 1399/1400-1402).

26. AE argintat ?g; cca 19 mm, tocită (av.-rv.);
Av. SALEX…ES
Rv. S…DAVIENS

27. AE argintat ?g; cca 19 mm, tocită (av.-rv.);
Av. …EXANDERV…
Rv. SM…NDE

28. AE ?g; cca 19 mm, tocită (av.-rv.);
Av. SALEXADNER
Rv. SM…L…IENS

29. AE argintat ?g; cca 19 mm, puternic tocită (av.-rv.);
Av. S…DNER
Rv. SM…EDNS

30. AE argintat ?g; cca 19 mm, tocită (av.-rv.);
Av. SALEXANDERV
Rv. S…LDA…VIEN

31. AE argintat ?g; cca 19 mm, ștanța descentrată (av.-rv.);
Av. SALEXANDERV
Rv. SM…AVIEN

32. AE argintat ?g; cca 19 mm, ștanța descentrată (av.-rv.);
Av. SA…NDERV…
Rv. SM…DAIEN

Av. Scut despicat: I trei fascii, II două flori de crin; globulă în centru.

Rv. Scut despicat: I trei fascii, II două flori de crin; globulă în centru.

33. AE ?g; cca 19 mm, tocită (av.-rv.), ștanța reversului pe avers;
Av. OA…L…D…V
Rv. …OLDAVIEN…

Bibliografie

Boldureanu 2008: A. Boldureanu, Cronica descoperirilor monetare (II). Tyragetia s.n. II [XVII], nr. 1, 2008, 353-360.
Buzdugan, Luchian, Oprescu 1977: G. Buzdugan, O. Luchian, C. Oprescu, Monede și bancnote Românești (București 1977).
Byrnia, Nudel'man, Riaboi 1990: P.P. Byrnia, A.A. Nudel'man, T.F. Riaboi, Dva monetno-veshchevykh klada XVI i XVII vv. In: Arkheologicheskie issledovaniia v Moldavii v 1985 g. (Kishinev 1990), 239-249 // П.П. Бырня, А.А. Нудельман, Т.Ф. Рябой, Два монетно-вещевых клада XVI и XVII вв. В сб.: Археологические исследования в Молдавии в 1985 г. (Кишинев 1990), 239-249.
Dergaciova 2014: L. Dergaciova, Monede medievale moldovenești din colecții particulare din Republica Moldova (VIII). RA X, 1-2, 2014, 218-224.
Iliescu 1970: O. Iliescu, Moneda în România (491-1864) (București 1970).
Iliescu 2000: O. Iliescu, Aspecte ale economiei monetare în Moldova sub domnia lui Alexandru cel Bun. Revista Istorică XI, nr. 1-2 (București 2000), 59-95.
Nicolae 2003: E. Nicolae, Moneda otomană în Țările Române în perioada 1451-1512 (Chișinău 2003).
Niculiță, Nicolae 1999: A. Niculiță, E. Nicolae, Tezaurul de la Brătușeni (Sărata Albă), raionul Edineț (sec. XVI). In: Studia in honorem Ion Niculiță (Chișinău 1999), 299-306.
Niculiță, Nicolae 2003: A. Niculiță, E. Nicolae, Le trésor de Brătușeni (Sărata Albă), dép. D`Edineț Rép. de Molda-

vie (XVIe siécle). In: Romano-Turcica I (Istanbul 2003), 143-151.
Nudel'man 1975: A.A. Nudel'man, K voprosu o sostave denezhnogo obrashcheniia v Moldavii v XIV – nachale XVI vv. (po materialam kladov). In: (red. Ia.S. Grosul) Karpato-Dunaiskie zemli v srednie veka (Kishinev 1975), 94-124 // А.А. Нудельман, К вопросу о составе денежного обращения в Молдавии в XIV – начале XVI вв. (по материалам кладов). В сб.: (ред. Я.С. Гросул) Карпато-Дунайские земли в средние века (Кишинев 1975), 94-124.
Nudel'man 1976: A.A. Nudel'man, Topografiia kladov i nahodok edinichnyh monet. In: Arkheologicheskaia karta Moldavii 8 (Kishinev 1976) // А.А. Нудельман, Топография кладов и находок единичных монет. В сб.: Археологическая карта Молдавии 8 (Кишинев 1976).
Nudel'man 1988: A.A. Nudel'man, Neskol'ko neizdannyh monetnyh kladov XVI v. iz Dnestrovsko-Prutskogo regiona. In: Arheologicheskie issledovaniia v Moldavii v 1983 g. (Kishinev 1988), 126-141 // А.А. Нудельман, Несколько неизданных монетных кладов XVI в. из Днестровско-Прутского региона. В сб.: Археологические исследования в Молдавии в 1983 г. (Кишинев 1988), 126-141.
Pârvan 2000: K. Pârvan, Monede moldovenești descoperite în Dobrogea. In: Istro-Pontica – Muzeul Tulcea la a 50-a aniversare 1950-2000 (Tulcea 2000), 563-572.
Știrbu, Velter 1983: C. Știrbu, A.-M. Velter, Tezaurul de la Bălești, jud. Vaslui și importanța lui istorică. Cercetări Numismatice V (București 1983), 97-129.
Tezaure din muzeele 1994: Tezaure din muzeele orașului Chișinău, secolele XVI-XVIII. Coordonator V. Butnariu (Chișinău 1994).

Lilia Dergaciova, doctor în istorie, cercetător științific superior, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM, bd. Ștefan cel Mare 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: dergaciova.lili@gmail.com

Светлана Рябцева, Лилия Дергачева

К вопросу о функциональной принадлежности серии средневековых нашивок и накладок с территории Пруто-Днестровского региона и их возможной связи с одеяниями типа кафтанов

Keywords: Prut-Dniester region, plates and clasps, caftan.
Cuvinte cheie: spațiul pruto-nistrean, aplice-cheutori, caftan.
Ключевые слова: Пруто-Днестровский регион, нашивки, накладки, кафтан.

Svetlana Reabțeva, Lilia Dergaciova
Discussion to the functionality of medieval plates and clasps from the territory of Prut-Dniester region and their possible association with the clothes of caftan type

This article deals with some medieval plates and clasps made from non-ferrous metals and attested in the Prut-Dniester region. On the basis of a big number of analogies, we came to the conclusion that such plates can be considered a double clasp sets for clothes. Most likely, they were created to the clothes of caftan type. Similar sets were registered for the Caucasus region, where they were used for a long time. Caftan-type outfit with double clasp sets have been female-specific clothes.

Svetlana Reabțeva, Lilia Dergaciova
Cu privire la funcționalitatea unor plăcuțe medievale atestate în spațiul pruto-nistrean și posibila lor asociere cu haine de tip caftan

În articolul de față sunt prezentate aplice medievale din metale neferoase atestate în spațiul pruto-nistrean. Pe baza unui număr considerabil de analogii, am ajuns la concluzia că piesele respective pot fi considerate cheutori perechi pentru încheierea hainelor. Cel mai probabil, ele erau prevăzute ca accesorii pentru vestimentația de tip caftan (kaftan). Cheutori similare de fixare a hainelor sunt semnalate în regiunea Caucazului, unde au circulat o perioadă foarte lungă de timp. Imbrăcămintea de tip caftan cu cheutori duble de încheiere era specifică pentru femei.

Светлана Рябцева, Лилия Дергачева
К вопросу о функциональной принадлежности серии средневековых нашивок и накладок с территории Пруто-Днестровского региона и их возможной связи с одеяниями типа кафтанов

В статье рассматривается группа нашивок и накладок из цветных металлов, найденных на территории Пруто-Днестровского региона. На основе рассмотрения целого ряда аналогий мы пришли к заключению, что данные изделия являются парными одежными застежками. Наиболее вероятно, что предметы одеяния, для которых они предназначались, это кафтаны. Среди рассмотренной группы аналогий выделяются находки из Кавказского региона, где сходные застежки существовали длительный период. Кафтанчики с парными застежками являются одной из отличительных черт девичьего, а в ряде случаев и женского этнографического костюма.

Сравнительно недавно нам стала доступна серия металлических предметов, хранящаяся в частных собраниях города Кишинева. К сожалению, данные изделия были приобретены из различных источников, и о месте их обнаружения можно говорить лишь в самых общих чертах – территория Пруто-Днестровского междуречья. Среди разрозненных деталей украшения одежд, снаряжения коня и всадника мы выделили подборку однотипных удлиненных накладок, которые, вероятно, по какой-то причине, импонировали вкусу собирателя. В общей сложности их оказалось 11 экземпляров, при этом все они разновелики, отличаются декором и явно происходят из различных комплексов (рис. 1). Стало известно, что часть предметов (на сегодняшний день трудно утверждать однозначно какая именно) происходит из окрестностей села Еникиой/ Enichioi, Кантемирского района. Насколько мы можем судить, подобные вещи с территории Республики Молдова не привлекали внимания исследователей.

Основная часть изделий является нашивками – их пришивали сквозь имеющиеся на них отверстия (рис. 1,2-11), лишь одно имеет с оборотной стороны крепежи и служило накладкой (рис. 1,1). Рассматриваемые предметы выполнены в технике литья из различных металлов – присутствуют экземпляры из серебра, оловянистой бронзы и медного сплава. Они двух основных видов – часть с выступающими петельками и отверстиями, близкими к полукругу. Другие с вы-

ступающими выпуклыми «головками» на тонких «шеях». Головки внутри полые – напоминают ложечки. Противоположные стороны нашивок-накладок заострены, иногда они просто оформлены в виде выступа, иногда имеют изящные волнистые очертания, в одном случае выступ напоминает «рыбий хвост». Декор поверхности также достаточно разнообразен. Выделяются предметы, декорированные треугольниками ложной зерни (рис. 1,7-8), прорезным орнаментом (рис. 1,2-4,10), обрамленные по краю углубленным зубчатым бордюром (рис. 1,5,9,11), украшенные растительным декором (рис. 1,1) или без каких-либо элементов – практически гладкие (рис. 1,6).

Предварительно мы считали эти вещи поясными наконечниками. Дело в том, что среди гарнитуры длинных европейских поясов эпохи готики встречаются наконечники, заканчивающиеся схожими головками (рис. 2). В ряде случаев антропоморфность подчеркивается изображением на «головках» черт лица. Но постоянно повторяющаяся на части рассматриваемых нами изделий такая деталь, как петля, заставляет нас прийти к выводу, что мы имеем дело со своеобразными застежками, а «головки» – это разновидность крючков. Это значит, что в первоначальном виде наши нашивки-накладки должны были быть парными.

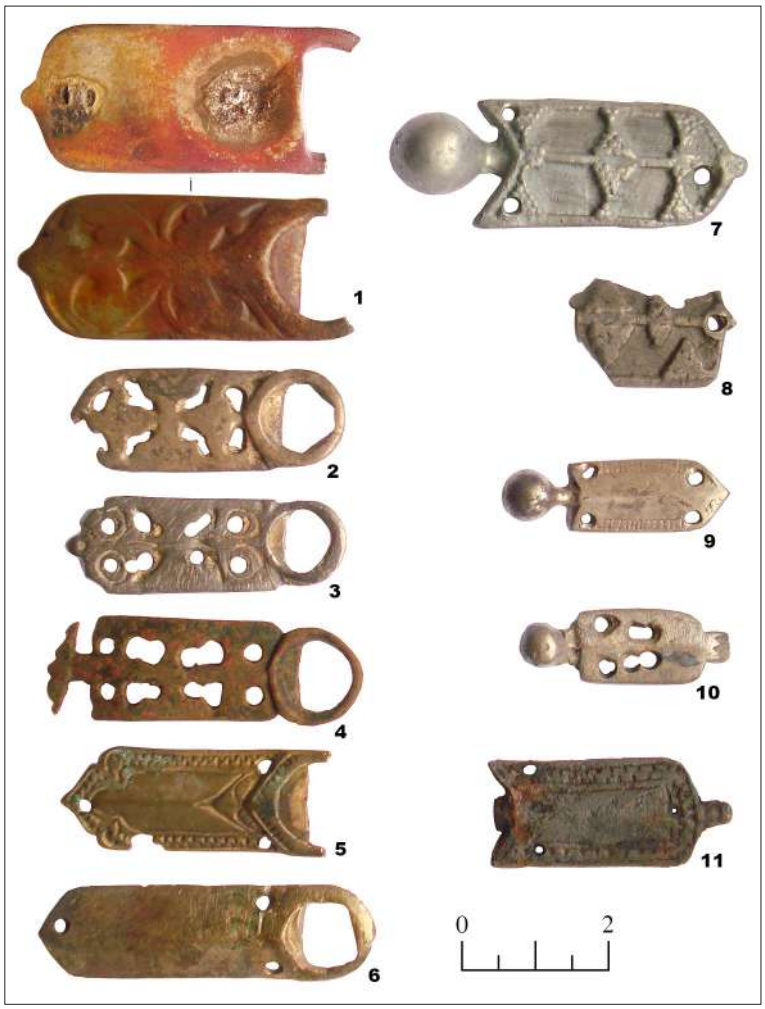


Рис. 1. Накладка и нашивки с территории Пруто-Днестровского междуречья. Фото авторов.

Fig. 1. Medieval plate and clasps from the territory of Prut-Dniester region. Author's photo.

Подобные застежки до сих пор не становились предметом специального изучения. Пожалуй, за одним исключением: киевский исследователь В. Прокопенко рассматривает схожие изделия в совокупности с другими предметами из цветных металлов в обширной подборке поясных и одежных крючков (Prokopenko 2015). К сожалению, данная работа до сих пор не опубликована, она постоянно дополняется и с ней можно ознакомиться в сети Интернет[1].

Среди изделий близкой конструкции мы обратимся только к тем, у которых крючок и петля являются составными частями накладок, то есть, отлиты с ними совместно. При этом форма самих накладок и характер устройства застежек могут быть разными. В виду ограниченности объемов статьи мы рассматриваем, в основном, только находки с территории Европы.

Аналогии и прототипы находкам с территории Пруто-Днестровского региона, на наш взгляд, необходимо искать, прежде всего, на востоке. Действительно, они представлены в древностях кимаков и кипчаков Западной Сибири[2]. Так, изделие с подобной схемой застежки найдено в захоронении № 3 кургана, раскопанного в урочи-

1. http://www.kitabhona.org.ua/costum_axess/obzorkruk2.html (просмотрено 02.07.2015).

2. Приносим глубокую благодарность за консультации П. Азбелеву (Гос. Эрмитаж, Санкт-Петербург).

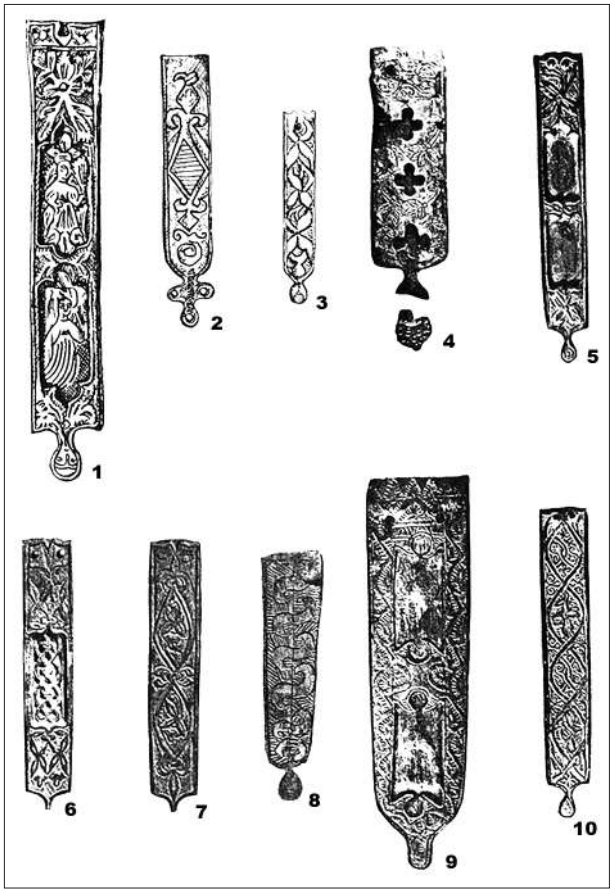


Рис. 2. Поясные наконечники из Белореченских курганов, Российская Федерация (по Kramarovskii 1985).

Fig. 2. Belt tips from Belorechensk's tombs, Russian Federation (after Kramarovskii 1985).

ще Басандайка Томской области (Grinevich 1948, 5-50, tabl. 33) (рис. 3,2). В данном случае накладки парные имеют овально-листовидную форму, на одной расположена удлиненная застежка, на другой – щелевидная прорезь. Интересно, что в погребении № 2 этого же кургана найдены две ременные бляшки (рис. 3,10,15), которые имеют аналогии в Пруто-Днестровском регионе среди находок, относящихся к кругу древностей X–XI вв. и которые могут быть условно выделены в «группу Бедражей-Кривина-Земплина» (Chirkov 1990, 158-168; Gomolka Fuchs 2002, 493-514; Riabtseva 2013, 171-183; Langó 2014, 57-65). Как бы связующими звеньями между находками из Центральной и Западной Сибири и Юго-Восточной Европы могут служить бляшки из Зауралья (Барсов городок, Черепаниха 2), Прикамья (Рождественский могильник) и региона Волжской Булгарии (Измери) (Kazakov 2010, 53-61, ris. 2; Chikunova 2012, 96–98, ris. 1).

Распространение многих элементов торевтики, связанное с предметами декора одежды, снаряжения всадника и коня из сибирского региона на восток может быть соотнесено со своеобразной традицией, зародившейся в круге древностей, объединяемых в сростникскую культуру. О подобном феномене можно говорить применительно ко второй половине IX – XII в., а в ряде случаев и для XIII–XIV вв. (Savinov 1994, 163; Kliashtornyi, Savinov 2005, fig. 23-25; Ivanov, Kriger 1988, ris. 1-3; Gorbunova, Tishkin, Khavrin 2009, 38). К подобным элементам можно отнести, например, специфический прорезной орнамент, типичный для сросткинских древностей и часто встречающийся на предметах торевтики из памятников «поздних кочевников» восточноевропейских степей. Схожий декор мы видим и на ряде застежек из рассматриваемой нами коллекции (рис. 1,2-4).

Если застежка из Басандайки могла быть как поясной, так и одежной, то небольшая группа изделий с парными ромбическими накладками и вынесенными вперед крючком и петлей, скорее всего, была предназначена именно для соединения пол одежды. Три пары подобных застежек были найдены в кургане Гульбище в Чернигове (в богатом мужском дружинном захоронении, совершенном по обряду кремации) середины X века (рис. 4,1; 5,1-3). Из погребения происходит разнообразный инвентарь. Были найдены меч с инкрустированными серебром навершием и перекрестием, шлем, топорик-чекан, фрагменты костяных псалиев и накладки на лук, бляшки конского оголовья, стремена, набор серебряных поясных бляшек, кресало и точильный камень. Украшения и предметы, связанные с кроем одежды, представлены ожерельем из 43 пастовых бусин, шестью латунными пуговками-бубенчиками и семью плоскими роговыми пуговицами с одним отверстием. Ромбические пластинки парных застежек декорированы рапортом из четырех криновидных композиций. Петля круглой формы, крючок с достаточно сильным изгибом застегивается на лицевую сторону (Rybakov 1949, 7-99; Mech i zlatnik… 2012, 102-107).

Сходные застежки известны с территории Венгрии из Компоц (Balint 1988, 88-101, nr. 18). Но, в отличие от находки из Гульбища, пластин-

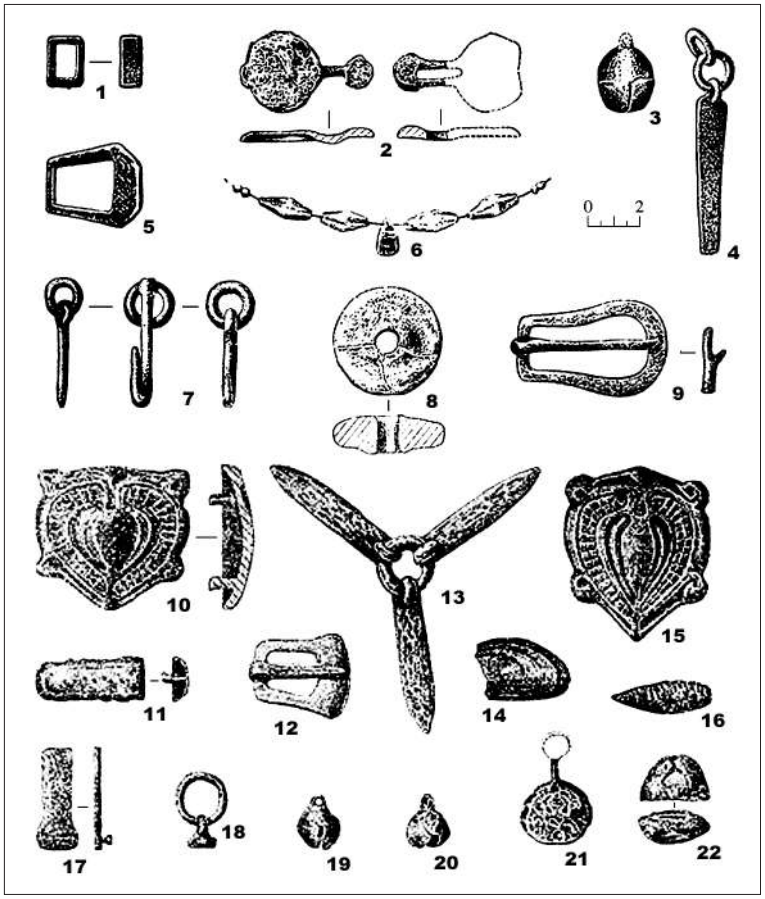


Рис. 3. Материалы из: 1-9 погребения № 3, 10-22 погребения № 2 кургана у с. Басандайка Томская область, Российская Федерация (по Grinevich 1948). Масштабы разные.

Fig. 3. Archaeological artefacts from: 1-9 burial nr. 3, 10-22 burial nr. 2 from the tomb of Basandaika village, Tomsk region, Russian Federation (after Grinevich 1948). Different scale.

ки декорированы одной розеткой, размещенной в центре (рис. 4,9-10). Петля застежки двойная, восьмеркообразная. Недавно комплект подобных застежек был найден при исследовании погребения в Тарпа[3].

Кроме того, сходные ромбовидные пластинки (но без крючков) зачастую встречаются в венгерских захоронениях, где они декорировали одеяния, в том числе одежду типа кафтана (The ancient Hungarians… 1996, 115, fig. 6; 143, fig. 2; 210, 300, fig. 2) (рис. 5,7-8). Необходимо отметить, что пластинки подобной ромбовидной формы применялись и для застегивания сумок-ташек и поясных кошелей (Mech i zlatnik… 2012, 100; The ancient Hungarians… 1996, 139, fig. 6; 207, fig. 1). Но, в таких случаях, использовалась одна пластинка, через которую продергивался ремешок (рис. 4,17). Кроме того, в погребении № 149 Танкеевского могильника были обнаружены остатки сумочки с парными застежками, правда, не с ромбовидными, а с подтреугольными пластинками. Система их застегивания, такая же, как на венгерской и украинской находках (Les anciens Hongrois... 1977) (рис. 4,16).

Описанные выше находки схожи по конструкции с прекрасными ажурными парными застежками, выполненными предположительно в X–XII вв. и происходящими из Змейского могильника на Кавказе (Gabuev 2005, 73). Пластинки круглые с прорезным декоративным орнаментом. У двух застежек на обеих половинках застежек изображены птицы (вероятно, павлины) с распущенными хвостами (рис. 5,4-5). Третья застежка отличается тем, что на одной половинке такое же изображение птицы, а вторая декорирована плетеночным растительно-геометрическим орнаментом (рис. 5,6). Крючки небольшие, вставляются в маленькие круглые петельки.

Еще один тип застежек со сходной конструкцией характерен для древностей ордынского периода. В данном случае мы имеем дело с застежками, имеющими с одной стороны прорезь, расположенную в специальном круглом приемнике, предназначенном для продевания круглого «язычка» («головки»), расположенного на второй пластинке (рис. 6). Подобные пряжки были выделены Г.А. Федоровым-Давыдовым в «особый тип», их находят как в кочевнических захоронениях, так и в материалах золотоордынского Увека (Fedorov-Davydov 1966, 47, ris. 8,1-2; Iurchenko 2013, ris. 94) (рис. 6,1,9). Две пряжки с таким типом застежки были найдены в Белгород-Днестровском и также относятся, по всей видимости, к золотоордынскому времени

3. Приносим глубокую благодарность известному художнику и иллюстратору исторического костюма О. Федорову (Москва) за предоставленную информацию и помощь в подборе литературы.

(Biliaeva 2012, 190, ris. 39; Boguslavskii 2013, tabl. 27) (рис. 6,10-11). Этим же временем могут быть датированы две половинки таких застежек, найденные в погребении № 47 Белореченских курганов на Северном Кавказе (рис. 6,12-13). Круглые язычки пряжек декорированы сюжетом «лев и солнце», популярным в Орде с середины XIV века (Kramarovskii 2001, 265).

В целом, рассмотренные нами изделия могут быть включены в обширную группу ювелирных украшений, именуемых аграфами[4]. Рассмотренная выше система застежек была достаточно популярна и встречалась на различных типах одеяний – кафтанах, платьях, поясах, кольчугах (и других предметах воинского обмундирования) и в более позднее время, вплоть до XIX века (Prokopenko 2015). При этом весьма широка и география распространения подобных застежек-аграфов, они представлены в Западной, Восточной и Юго-Восточной Европе, в Малой Азии (Турция). Собственно, она используется и в XX веке, например, для застегивания предметов нижнего женского белья. Из всего этого многообразия нас интересует выявление культурной принадлежности лишь одной узкой группы находок с территории Пруто-Днестровского региона, с функциональной принадлежностью которых мы, пожалуй, на данный момент определились.

В эпоху средневековья наиболее вероятным предметом костюма, для которого были необходимы подобные застежки, являлись кафтаны. Интересно, что тенденцию первоначального распространения с востока на запад демонстрируют не только металлические предметы декорировки одеяния и пояса, но и некоторые виды одежды. Для нас особенно важно, что о подобной тенденции можно говорить для кафтанов[5], схема покроя которых предполагает, в том числе, наличие галунов и парных застежек. *Хафтан* (тюрк.-перс.) – верхняя мужская и женская распашная двубортная одежда с глубоким запахом. Верхняя часть плотно облегает корпус и снабжена от одной до целого ряда застежек, нижняя – расширена. Можно говорить о широком распространении тюркского кафтана в древностях Второго Тюркского каганата, о чем свидетельствуют, в том числе, и его достаточно подробные изображения на каменных изваяниях (Kubarev 2005, 32, 43).

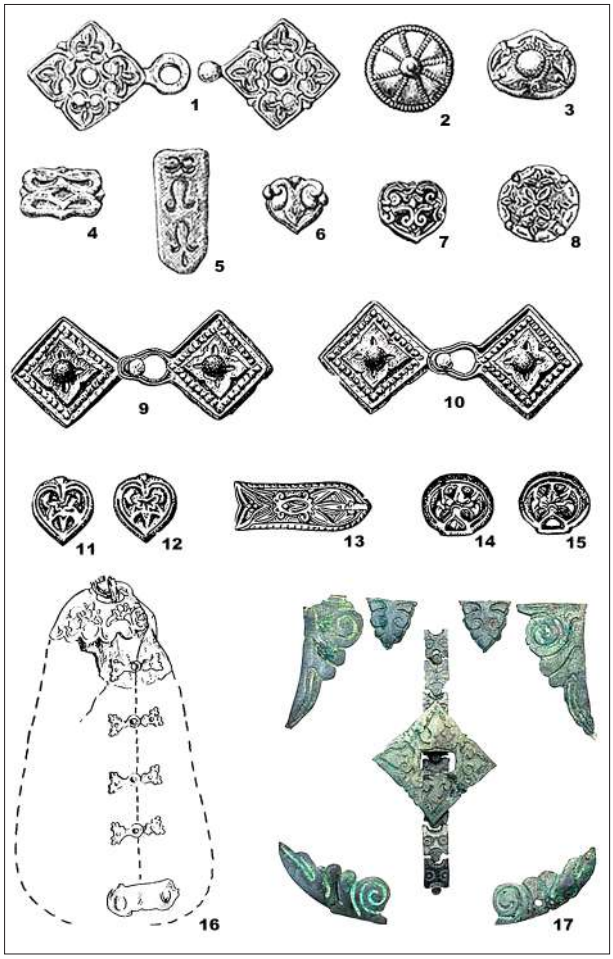


Рис. 4. Материалы из: 1-8 кургана Гульбище в Чернигове, Украина (по Rybakov 1949), 9-15 могильника Компоц, Венгрия (по Balint 1988), 16 Танкеевского могильника, Российская Федерация (по Les anciens Hongrois... 1977), 17 Шестовицких курганов, Украина (по Mech i zlatnik… 2012).

Fig. 4. Archaeological artefacts from: 1-8 Gulbishche's tomb from Chernigov, Ukraine (after Rybakov 1949), 9-15 Kompoc's tomb, Hungary (after Balint 1988), 16 Tankeev's tomb, Russian Federation (after Les anciens Hongrois... 1977), 17 Shestovits's tombs, Ukraine (after Mech i zlatnik… 2012).

Мы кратко отметим некоторые штрихи истории кафтанов, начиная с VIII века, и опять же основное внимание уделим древностям Восточной Европы. Другие материалы будут привлечены в менее значительной мере, в качестве аналогов.

4. Аграф (франц. *agrafe* – застежка, крючок) – пряжка или застежка для украшения и скрепления одежды, шляп, причесок.

5. *Kaftan* (турецк), *caftan* (англ., исп., португ., рум. и др.), *caftan*, *cafetan* (фр.), *caffetano* (итал.), *kaftan* (нем.), *köntös*, *kaftán* (венг.), *кунтуш* (белорус.), *каптан* (украин.)

Целая подборка археологически сохранившихся одеяний происходит из раскопок могильника VIII–IX вв., оставленного алано-адыгскими племенами Кавказа. В собрании Государственного Эрмитажа хранится четыре целых экземпляра мужских кафтанов и пять фрагментированных детских кафтанчиков (рис. 7,1-2). Представлены как утепленные верхние, так и нижние кафтаны, крой которых одинаков. Изделия отрезные по линии талии, с вшивными рукавами, как правило, достаточно длинные (до 140 см) с боковыми разрезами в нижней части, с плотно пригнанной застегивающейся верхней частью и глубоким левым запахом. У верхнего кафтана воротник с отворотами, у нижнего – стоячий. Застежка кафтана состоит из трех или четырех пар нашивных галунов. На левой стороне они завершаются петелькой, на правой – матерчатой пуговицей. Кроме того, потайная застежка расположена внутри кафтана. Подобный кафтан с левым запахом, по мнению А.В. Иерусалимской, восходит к кругу иранских прототипов, его проникновение на Кавказ может быть отнесено к VIII веку, периоду, когда аланские племена продвигались на запад в горные долины вдоль притоков Кубани (Ierusalimskaia 2012, 212-224).

Рис. 5. Застежки и накладки из: 1-3 кургана Гульбище в Чернигове, Украина (по Mech i zlatnik… 2012), 4-6 Змейского могильника, Российская Федерация (по Gabuev 2005), 7 могильника Nagyteremia, Венгрия, 8-9 могильника Nagkoru, Венгрия (по The ancient Hungarians… 1996). Масштабы разные.

Fig. 5. Medieval plates and clasps from: 1-3 Gulbishche's tomb from Chernigov, Ukraine (after Mech i zlatnik… 2012), 4-6 Zmeisk's tomb, Russian Federation (after Gabuev 2005), 7 Nagyteremia's tomb, Hungary, 8-9 Nagkoru's tomb, Hungary (after The ancient Hungarians… 1996). Different scale.

Шелковый галун от кафтана, вероятно, был зафиксирован и в салтовской катакомбе Маяцкого городища. Для нас весьма важна находка в катакомбах Змейского могильника X–XII вв. фрагментов кафтанов, где были найдены «галуны» с бляшками и бубенчиками – т.е. металлической гарнитурой (Kuznetsov 1963, 48). О парных ажурных застежках из Змейского могильника мы уже упоминали немного выше (рис. 5,4-6).

В X–XI вв. кафтан является достаточно популярным одеянием у византийцев, болгар, печенегов, половцев, венгров, древних руссов и скандинавов. При широком распространении и длительном существовании этого вида одежды прослеживаются некоторые отличия, как в длине, так и в деталях кроя, количестве пуговиц и размещении галунов. О наличии кафтанов в археологических памятниках можно судить как по особенностям кроя сохранившихся фрагментов одежд, так и по находкам подборок пуговиц специфической формы и остатков галунов. Некоторую информацию можно почерпнуть и из письменных и изобразительных источников. Так, специфический, достаточно короткий кафтан с несколькими рядами галунов представлен в византийских миниатюрах XI–XII вв. В миниатюрах Менеалогия Василия II изображены в подобной одежде болгарские бояре, а в рукописи византийского хро-

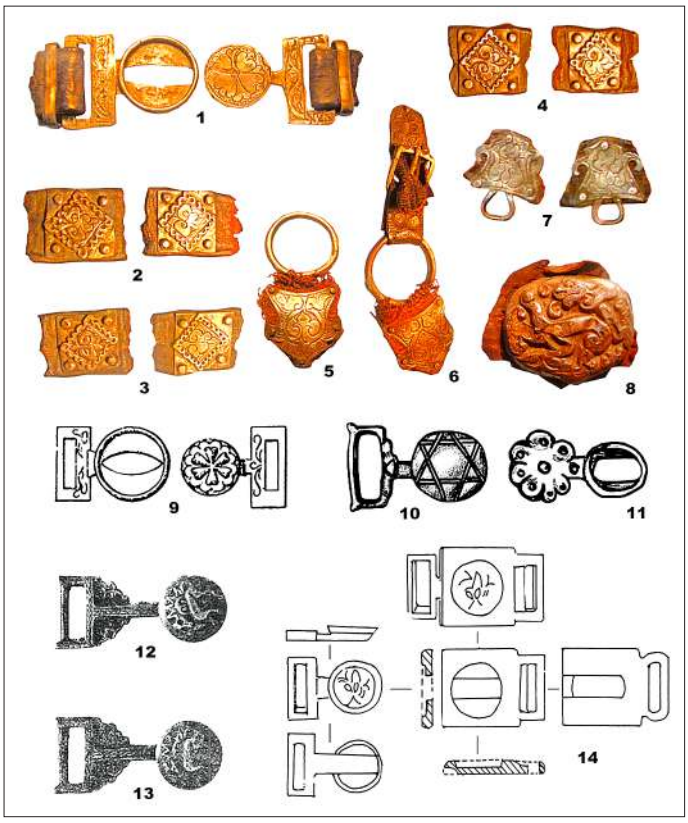


Рис. 6. Пряжки и поясные наборы из: 1-8 мавзолея в Увеке, Российская Федерация (по Iurchenko 2013), 9 Увек (по Fedorov-Davydov 1966), 10 Белгород-Днестровского, Украина (по Biliaeva 2012), 11 Белгород-Днестровского (по Boguslavskii 2013), 12-13 Белореченских курганов (по Kramarovskii 2001), 14 Старой Калитвы, Российская Федерация (по Kravets 2004). Масштабы разные.

Fig. 6. Buckles and belt sets from: 1-8 Uvek's mausoleum, Russian Federation (after Iurchenko 2013), 9 Uvek's (after Fedorov-Davydov 1966), 10 Bilhorod-Dnistrov'skii, Ukraine (after Biliaeva 2012), 11 Bilhorod-Dnistrov'skii (after Boguslavskii 2013), 12-13 Belorechensk's tombs (after Kramarovskii 2001), 14 Staraia Kalitva, Russian Federation (after Kravets 2004). Different scale.

ниста Иоанна Скилицы – хан Омуртаг (Istoriia na B'lgariia… 1981, 143; Bozhkov 1972, 37) (рис. 7,2-3). Для территории Восточной Европы термин «*хафтан*» зафиксирован у арабского путешественника X века Ибн-Фадлана при описании роскошной парчовой верхней одежды, в которой был погребен знатный рус (Ibn-Fadlan 1939, 81).

Интересна версия, высказанная К.А. Михайловым не о прямом заимствовании кафтанов в Древней Руси с востока, от тюрок, а опосредованном, через Балканы, в несколько видоизмененном виде, характерном для византийского и болгарского одеяний (Mikhailov 2005, 56-65). Остатки мужской одежды, совместно с фрагментами тесьмы, бронзовыми и стеклянными пуговицами были найдены в целом ряде Гнездовских курганов, исследованных под Смоленском. Всего к комплексам с кафтанами можно отнести более десятка древнерусских захоронений в погребальных камерах, где вдоль позвоночника от черепа до пояса умершего были обнаружены бронзовые пуговицы, сохранившиеся на своих местах. В то же время, упомянутая выше находка застежек из кургана Гульбище, имеющая самые близкие аналогии в памятниках Венгрии, свидетельствует о знакомстве и популярности у населения Древней Руси кафтанов венгерского типа. «Венгерский кафтан» фиксируется, по всей видимости, еще с периода пребывания венгров в Урало-Сибирском регионе. Подобные заключения можно сделать благодаря находкам серебряных предметов торевтики с изображениями всадников в таких одеяниях. Данные изделия соотносятся исследователями с отражением вкусов венгерской элиты (Mikhailov 2005, 56-65).

Обратимся теперь к несколько более поздним материалам. Не так давно, были проведены дополнительные изучения фрагментов одеяния XIII века из материалов поселения, соотносимого с Древним Изяславлем (Городище, Шепетовский район, Украина). С момента находки, данные фрагменты одежды считались остатками женского платья. Однако, при повторном исследовании, удалось установить, что это – распашная одежда – кафтан (Orfinskaia, Mikhailov 2013, 75-85). Был реконструирован его покрой – отрезной по линии талии, нижняя часть присборена, запах правый, рукава длинные, воротник-стоечка (рис. 7,6). Сам кафтан сшит из хлопковой ткани, а подкладка льняная. Наружная сторона украшена декоративными полосами, стык между верхней частью и «юбкой» прикрыт более дорогой шелковой тканой лентой «самитом».

Своеобразной иллюстрацией парадного княжеского облачения XIII века является известное описание облика князя Даниила Галицкого в Галицко-Волынской летописи под 1252 годом. Таким его увидели немецкие послы, прибывшие

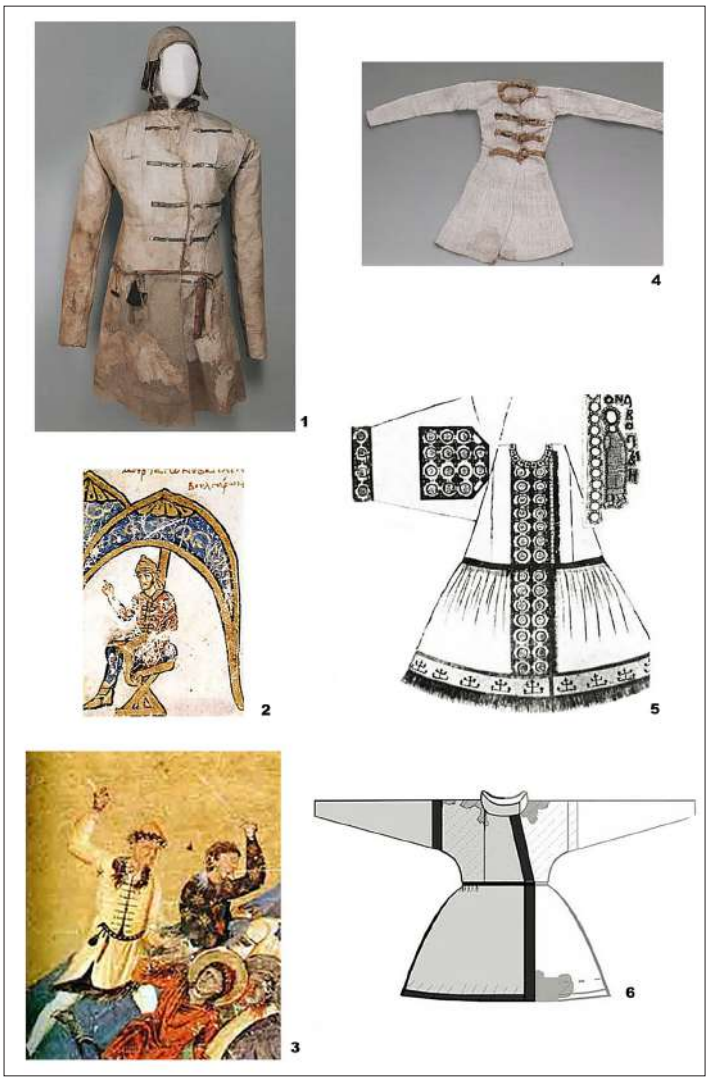


Рис. 7. Кафтаны, их изображения и реконструкции: 1, 4 Мощевая Балка, Российская Федерация (по Ierusalimskaia 2012), 2 изображение болгарского хана Омуртага в миниатюрах хроники Иоанна Скилицы (по Bozhkov 1972), 3 фрагмент миниатюры Менеалогия Василия II (по Istoriia na B'lgariia… 1981), 5 реконструкция кафтана из Чингульского кургана, Украина (по Elkina 2009), 6 реконструкция кафтана из Древнего Изяславля, Российская Федерация (по Orfinskaia, Mikhailov 2013). Масштабы разные.

Fig. 7. Caftans, their images and reconstruction: 1, 4 Moshchevaia Balka, Russian Federation (after Ierusalimskaia 2012), 2 image of the Bulgarian Khan Omurtag on Miniature of Ioan Skilitsa's Chronicles (after Bozhkov 1972), 3 the fragment of Menealogia's Miniature of Vasilii II (after Istoriia na B'lgariia… 1981), 5 the reconstruction of caftan from Chingulsk's tomb, Ukraine (after Elkina 2009), 6 reconstruction of caftan from Drevnii Iziavl', Russian federation (after Orfinskaia, Mikhailov 2013). Different scale.

для переговоров с венгерским королем Белой IV, союзником которого тогда был Даниил: «Бе бо конь под нимь дивлению подобенъ, и седло от злата жьжена, и стрелы и сабля златомъ оукрашена [и] иными хитростьми, якоже дивитися, кожюхъ же оловира Грецького и кроуживы златыми плоскоми ошитъ, и сапози зеленого хъза, шити золотомъ (Polnoe Sobranie… 1998, стб. 814). Под кожухом в данном случае можно понимать кафтан, а *оловир* «Оловиръ - драгоценная ткань (ср. греч. *holoverus* 'из чистого пурпура')» (Slovar' russkogo iazyka… 1987, 359).

Пурпур – очень дорогая ткань, исконная привилегия византийских императоров. С X века одежды из царского пурпура, оловира, как и любые другие ткани, окрашенные в пурпур, были запрещены к продаже иностранцам и вывозу заграницу. Шелковые ткани высокого качества использовались императорами (помимо личного употребления) в качестве официальных дипломатических подарков, шли на уплату контрибуций или откупов от войны, торговали же шелками более низкого качества. Был ли кафтан Даниила Галицкого сшит из истинного оловира не известно, но именно такое впечатление он производил на современников (Maiorov 2014, 229-233). Не меньшей роскошью отличалось, по всей видимости, и одеяние частых союзников этого князя – половецких ханов. Находка остатков пяти роскошных кафтанов, при изготовлении которых использовались византийские ткани, известна из материалов богатого захоронения № 13, датированного XIII – началом XIV века и происходящего из Чингульского кургана, раскопанного у села Заможное Токмакского района Запорожской области (Otroshchenko, Rassamakin 1986, 14-36).

Для своего периода, захоронение по праву считается одним из богатейших кочевнических комплексов с территории Восточной Европы. Погребение, предположительно, принадлежало половецкому хану. Оно было впущено в курган эпохи бронзы. Погребение мужчины 40-50 лет совершено в деревянном гробу, закрытом на четыре замка (была обнаружена и связка из четырех

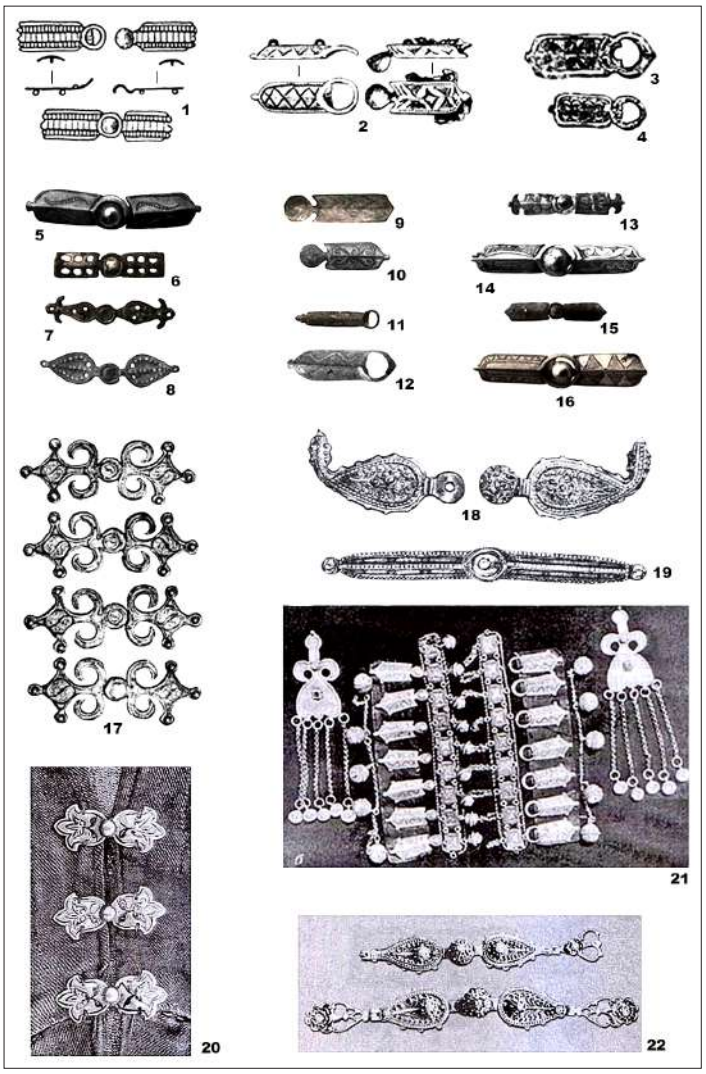


Рис. 8. Одежные застежки из кавказского региона: 1 Ташлы-Тала, Кабардино-Балкария, 2 Верхняя Балкария, Кабардино-Балкария, 3-4 склеп у с. Уакац, Северная Осетия, 5-12 башни склепа близ с. Дергавс, Северная Осетия, 13-16 могильник у с. Лизгор, Северная Осетия (по Prokopenko 2015), 17 нагрудные застежки (черкесы), 18-19 застежки (балкары) (по Studenitskaia 1989), 20 застежки на платье (нашиты на талии) кумыков с. Гели, 21 украшения женского ногайского кафтанчика, 22 застежки на платье (нашивались на уровне талии) кумыков села Каранай Аул (по Bulatova, Gadzhieva, Sergeeva 2001). Масштабы разные.

Fig. 8. The clothing clasps from the Caucasus region: 1 Tashly-Tala, Kabardino-Balkariia, 2 Verkhniaia Balkariia, Kabardino-Balkariia, 3-4 crypt from Uakats village, North Osetiia, 5-12 crypt tomb close to Dergavs village, North Osetiia, 13-16 tombs from Lizgor village, North Osetiia (after Prokopenko 2015), 17 chest clothing clasps (by cherkesy), 18-19 clothing clasps (balkary) (after Studenitskaia 1989), 20 dress clasps (fixed on waist) by kumyks from Geli village, 21 women Nogai caftan's jewelry, 22 dress clasps (fixed on waist) by kumyki from Karanai Aul (after Bulatova, Gadzhieva, Sergeeva 2001). Different scale.

ключей), поверх которой была наброшена шелковая ткань. Погребение сопровождалось захоронением пяти взнузданных лошадей, заупокойной пищей и богатым погребальным инвентарем. Были обнаружены: оружие, в том числе сабля, три ножа, кольчуга, щит, колчан, налучье, позолоченный шлем; фрагменты одеяний; курильница и чаша; украшения – два золотых перстня с каменными вставочками, две плетеные гривны (золотая и электровая), три тканных пояса западноевропейского типа с серебряными пряжками, амфоры, привозная росписная глазурованная посуда. На груди погребенного располагалась плетеная электровая цепь, в правой руке – зажата распрямленная золотая гривна. Справа от черепа были уложены курильница и ножи, ноги покойного связаны золотой цепочкой (Otroshchenko, Rassamakin 2009; Tolochko 2003, 38).

Кафтан, в который был облачен погребенный, является распашным по крою, отрезным по талии, с присборенным подолом (рис. 7,5). Одеяние выполнено из малинового шелка, декорировано позолоченными серебряными бляхами со вставками из цветных камней, лентами золотного шитья с узорами, мелким жемчугом, серебряными позолоченными бляшками-дробницами, меховой опушкой. Низ кафтана обшит златотканой лентой с узором в виде древа жизни. Ворот, полы, обшлага рукавов кафтана и шапочку украшали пояски из позолоченных бляшек со вставками из цветных камней. Полосы шитого золотом узора шли от ворота до низа подола, украшали плечи и обшлага. В золотые круги (диаметром 5 см), обнизанные жемчугом, вписаны головки ангелов или девушек, вышитые жемчугом и цветным шелком. На шапочке и вороте кафтана – вставки квадратные, на груди и рукавах – в форме шариков.

Растянутый пояс, сотканный из шелка и украшенный золочеными серебряными бляшками, находился неподалеку от погребенного. В ногах воина, рядом с поясом, лежали остатки еще од-

ного расшитого кафтана. Читаются сюжеты древа жизни, парные сирины, орел в геральдической позе, павлины, овны, олень, крины, всадник на коне (Святой Георгий?). Еще один, из найденных отдельно кафтанов, был украшен шитыми изображениями святых, древнерусская надпись на нем была прочитана как «(И)она вопый» – «Вопящий Иона». По мнению А. Елкиной, все кафтаны из Чингульского кургана выполнены из византийских тканей, но сама работа и вышивка – древнерусские (Elkina 2009).

Сходный шелковый кафтан был найден при исследовании курганов у Белозерского лимана Каменско-Днепровского района. В погребении № 4, кургана № 2 (скелет мужчины сопровождался захоронением коня, уложенным на приступке) были найдены остатки шелкового кафтана отрезного по талии с левым запахом. Нижняя часть присборена в талии. Подол обшит лентой, стыки швов и ворот обработаны узкой парчовой лентой (Pleshkovenko 1988, 47). Застежка оформлена пуговичками-бубенчиками. Пояс изготовлен из парчовой ленты (шириной 1,5 см). Кроме кафтана есть и другие параллели в наборе инвентаря с Чингульским курганом – железная слабоизогнутая сабля, серебряная выпрямленная гривнажезл. Найдены также золотой перстень с несохранившимся камнем (лежал во рту у погребенного), серебряная перстневидная серьга (была расположена с правой стороны от черепа), железная и бронзовые пряжки, серебряная копоушка, наконечники стрел, железный котел, шпоры и удила (при конском захоронении) (Pleshkovenko 2007, 43-44). Шелковые ленты, прикрывавшие шов между верхней и нижней частями кафтана, были найдены и в половецких погребениях у села Виноградное в Запорожье и у хутора Ажинов (вблизи Ростова-на-Дону) (Gorelik 2009, 162-164).

Таким образом, историю данного вида одежды для VIII–XIV вв. необходимо восстанавливать по крупицам. Гораздо больше сведений есть о кафтанах XV–XVIII вв., когда отмечается всплеск моды на подобные одеяния, возможно, связанный и с восточными влияниями в культуре. Типы кафтанов весьма разнообразны: выделяются кафтаны турецкого, венгерского, польского, французского образцов[6].

В русских письменных источниках термин кафтан фиксируется с XV века (турский [турецкий], становой, русский, польский, венгерский кафтан, терлик)[7]. Турский кафтан был свободного покроя. Застегивался только у шеи, рукава были длинными, зачастую – откидными. Становой кафтан тоже длинный, но скроен в талию, внизу – вставлены клинья, рукава длинные, широкие. У русского кафтана клинья были прямые и «юбка» образовывала фалды. Польский и венгерский отличались покроем рукавов и богатством украшений и нашивок. И лишь самый короткий кафтан – терлик шился иногда отрезным по талии, с присборенной «юбкой» и застежкой в виде лифа с клапаном на груди (Rabinovichi 1986, 72). Одеяния царской фамилии и приближенной знати богато украшали накладными элементами из драгоценных металлов и декорировали драгоценными камнями. В числе подобных украшений и ажурные металлические застежки кафтанов, по форме напоминающие тканые галуны. Застежки по краям обрамлялись свисающими пуговками-бубенчиками или тканными кистями (Drevnosti… 1844)[8] (рис. 9). Со второй половины XVII века длинные тяжелые русские кафтаны[9] постепенно вытесняют польский кафтан «*кунтуш*»[10]. В конце этого столетия – начале следующего, получа-

6. При этом в литературе постоянно отмечается, что европейский костюм более короткий, чем у турок и персов. В Европе наиболее коротким были французский и венгерский, длинными – польский и русский кафтаны (Shamin 2005, 26).

7. В основном это мужская одежда, женщины ее носили реже. Впрочем, кафтаны традиционны для женского одеяния на Кавказе. Подобная традиция отмечена и у донских казачек, которые для выхода из дома надевали *каврак* - кафтан, который застегивался до пояса и *бешмет* - длинный цветной кафтан с застежкой, украшенный тесьмой и стеклярусом, с длинными рукавами, выполненный на подкладке, стеганый и расклешенный книзу (Loginov 2003, 66-76).

8. Приносим глубокую благодарность историку и историографу костюма А.Э. Жабревой (Библиотека Академии Наук, Санкт-Петербург) за предоставленные изображения.

9. В XVII веке иностранцы отмечали, что русское женское платье похоже на одежду восточных женщин, а мужчины имели схожую с татарами одежду. Потом они стали одеваться изящнее – на польский лад, и лишь позднее их костюм стал сходным с венгерским (Shamin 2005, 23–38).

10. Польские кунтуши вместо традиционных русских кафтанов стали носить при царе Федоре Михайловиче. В этот период начинает формироваться одеяние служилого сословия, впитывающее в себя некоторые черты европейской одежды (Zabelin 2000, 442; Shamin 2005, 32).

ет распространение также достаточно короткий венгерский кафтан[11], шившийся по образцу венгерского *доломана*. Застежки кафтанов состояли из многочисленных рядов галунов, заканчивавшихся петельками и пуговицами. В XVIII веке, в связи с переходом дворянства и богатого купечества на костюм западноевропейского образца[12] кафтаном стали называть сходный с ним *жюстокор*[13]. Одеяния богато декорировали галунами, позументами, вышивкой, цветными вставками. В XIX веке кафтан в одежде западноевропейского типа уже не используется, хотя ряды галунов сохраняются в форменном одеянии (Kaminskaia 1977, 62; Mertsalova 2001, 398-402; Sosnina, Shangina 2001, 107).

У белорусов кафтану соответствовал *кунтуш (кунтыш)*. *Кунтуш* отличался богатством застежек (2 дюжины пуговиц), шнурков (более семи метров), использовали также *кутасы* (кисти) и другие декоративные элементы (Ulashchik 1986, 141). В украинском костюме типы верхней одежды достаточно разнообразны – *кирея* (кожух), *жупан*, *кунтуш* и др. Специфически восточнославянскими являются застежки впритык и запах налево. Правый запах считался польским. Традиционным одеянием была свита, у которой талия подчеркивалась при помощи клиньев, «юбка» же

Рис. 9. Одежные застежки кафтанов из кавказского региона: 1 застежки с бубенчиками (адыгейцы), 2 нагрудник с застежками и птичками (карачаевцы), 3 украшения в виде застежек (карачаевцы), 4 нагрудные застежки с блях-ами и бубенчиками (осетины) (по Studenitskaia 1989), 5 застежки на платье (нашиты на уровне груди) ногайцев с. Уйсалган, 6 костюм девушки кумычки (по Bulatova, Gadzhieva, Sergeeva 2001), 7-10 застежки царских одеяний (по Drevnosti… 1844). Масштабы разные.

Fig. 9. The caftan clothing clasps from the Caucasus region: 1 clasps with bells (adygeitsy), 2 bib with clasps and birds (karachaevtsy), 3 decorations in form of clasps (karachaevtsy), 4 chest clasp with plates and bells (osetiny) (after Studenitskaia 1989), 5 dress fasteners/ clasps (fixed on the chest) by nogaitsy of the Uisalgan villege, 6 dress of kumychka girl (after Bulatova, Gadzhieva, Sergeeva 2001), 7-10 fasteners of Royal clothing (after Drevnosti… 1844). Different scale.

11. 4(14) января 1700 года в Москве был объявлен именной указ Петра I «О ношении платья на манер венгерского».

12. В декабре 1701 года вышел указ Петра I «О ношении всякого чина людям немецкого платья и обуви и об употреблении в верховой езде немецких сёдел». Последующие указы, неоднократно повторявшиеся, обязывали дворян, бояр и «всех чинов служилых людей» носить немецкое платье по будням и французское — по праздникам. С 1701 по 1724 гг. было издано 17 различных указов, регламентирующих правила ношения костюма европейского образца, типов тканей, отделку форменного и праздничного платья (Polnoe sobranie… 1893, № 17741, 1).

13. Введённый реформами Петра I мужской костюм сложился при дворе Людовика XIV и состоял из кафтана, камзола и штанов.

имела несколько складок, рукава втачные. У свит небольшой запах налево, застегивались они при помощи пуговок. Один из вариантов свит назывался кафтан, они были стянуты в талии, имели стоячий или отложной воротник (Kalashnikova 1986, 127-128). Кафтан, чаще всего называвшийся «*каптан*» (кавтан, кафтанок) был распространен у казацкого населения. Кафтан застегивался на шнуровые петли, их шили длиною до колен, но встречались и укороченные варианты (полукафтаны). Парадные красные кафтаны отделывались золотым или серебряным басоном. Донские казаки носили тафтяные кафтаны с серебряными пуговицами. В конце XVIII – начале XIX вв. казаки переходят на черкесские образцы одежды. К примеру, мундир конных полков был построен по образцу черкесских, но назывался еще «*кафтан*» (Shapovalova 2009, 13-19). В зажиточной среде Молдавского государства был популярен кафтан с длинными ложными откидными рукавами, а также кунтуш, который часто шили из бархата (Zelenchuk, Kalashnikova 1986, 243-244).

Если мы вновь обратимся к региону Кавказа, то здесь можно наблюдать бытование и эволюцию кафтанов от эпохи позднего средневековья и вплоть до современности (Ierusalimskaia 2012, 224). Самыми интересными для нас становятся узкие короткие кафтанчики, носившиеся в этом регионе женщинами. Наиболее часто они представлены в девичьем костюме (с момента, когда те входили в возраст невест). Их носили как поверх платья, так и под ним, тогда они выполняли функцию своеобразных корсетов. Застегивались подобные одеяния на металлические застежки, мелкие пуговки и петли из шнурков. Подобные кафтанчики у адыгских и ногайских женщин изредка фиксируются на изобразительных произведениях со второй половины XVIII – начала XIX вв. Позднее они появляются у карачаевцев, балкар, осетин, для чеченцев и ингушей они не характерны (Studenitskaia 1989, 46). Гораздо больше материала накоплено по кафтанчикам второй половины XIX – начала XX вв. По крою кафтанчики аналогичны мужским бешметам, но отличаются от них наличием крупных металлических застежек и богатым шитьем. Надетый поверх рубахи под распашное платье кафтанчик был виден частично и, как раз, важнейшую роль играла часть с застежками (рис. 9,6).

В Адыгее кафтанчик не только поддевался под платье, но и рассматривался как самостоятельная одежда. Кафтанчик, носившийся под платьем, постепенно эволюционировал в безрукавку, а затем и в нагрудник. Застежки играют роль нагрудных украшений, видных в глубокий вырез платья. На позднем этапе застежки могли заменяться или имитироваться вышивкой. Само платье, под которое надевались кафтанчики или нагрудники, также имело застежки, но верхние имели декоративную функцию, а платье застегивалось только на несколько нижних. Кафтанчики женщин старшего возраста отличаются по цветовой гамме и тому, что металлические застежки у них заменялись мелкими металлическими или шнуровыми пуговицами. Застежки изготавливали чаще всего из серебра (иногда с позолотой), декорировали гравировкой, чернью, ложной зернью, позднее – филигранью, цветными стеклами и камнями. Застежки, как правило, продолговатые, суженные к концам одна из них кончалась петлей, вторая – полушаровидным выступом. Иными словами, они очень близки к застежкам из молдавской коллекции (рис. 8,19; 9,1-2,4). При переходе к использованию на Кавказе нагрудников вместо кафтанчиков, функция застегивания для подобных изделий становится не актуальной, они превращаются в нагрудные украшения. В ряде случаев они делаются неразъемными. Иногда, наоборот, застежки нашиваются поодаль с двух сторон и выполняют исключительно декоративную функцию, а сам кафтанчик застегивается другим способом, например, на пуговки и цепочки (рис. 8,21). Кроме того, получают распространение и застежки сложной фигурной формы – растительно-геометрической, цветочной, «турецкий огурец» (Studenitskaia 1989, 136-146) (рис. 8,17-18,20,22; 9,5).

Как мы видим, кафтанчики, а в ряде случаев и платья женщин, различных народностей, населяющих Кавказ, застегивались на металлические застежки, среди которых есть и весьма близкие к рассматриваемым нами изделиям из Пруто-Днестровского региона. Двойные застежки имеют длительную традицию на Кавказе, здесь можно вспомнить упомянутые выше круглые застежки из Змейского могильника. Однако достаточно сложно установить время появления именно удлиненных застежек-планочек. Подобные застежки представлены в целом ряде могильников Кавказского региона, к сожалению, имеющих весьма

широкие датировки (как правило, в пределах XVII–XVIII вв.) (рис. 8,1-16). При этом, могильник Карт-Джурт, где в погребении № 45 было найдено сорок восемь пар застежек, датируется XIV–XVII вв. (Bidzhiev 1979, 10, рис. 4). Это может быть связано как с длительностью функционирования некрополей на Кавказе, так с недостаточной разработанностью источниковедческой базы к моменту публикации материала.

Ярко выраженная четкость и графичность орнаментации может свидетельствовать о более молодом возрасте ряда кавказских находок (например, рис. 8,10,14,16) относительно предметов из молдавской коллекции. Таким образом, если вопрос о функциональном предназначении рассматриваемых предметов можно считать решенным (одежные застежки), то проблема их датирования в пределах позднего средневековья практически остается открытой, к ее решению мы пока подходим лишь на интуитивном уровне. Это объясняется, как уникальностью данной подборки для рассматриваемой территории, так и неизвестностью контекста их находки[14]. В полной мере осознавая, что нельзя одно неизвестное доказывать при помощи другого, можно упомянуть, что в сети Интернет промелькнуло сообщение о находке на территории Украины целой серии конских наголовников и ременных бляшек (среди которых есть экземпляры с декором, характерным для салтовских древностей). Среди этой подборки бронзовых изделий, была и одна застежка, аналогичная представленным в рассматриваемой молдавской коллекции[15]. Однако, не исключено, что эти вещи могли быть перепутаны и собраны из различных мест.

Как мы убедились выше, парные одежные застежки домонгольского периода были достоянием интернациональной моды, также как и кафтаны, которые они могли скреплять. Их находят в венгерских, древнерусских, аланских памятниках. В более позднее время, широкое распространение получает кафтан турецкого типа, для застегивания которого также могли применяться галуны и металлическая гарнитура. Подобное широкое распространение может быть объяснено как престижностью и удобством отдельных видов одеяний, например, кафтанов, так и универсальностью определенных типов изделий – например, рассмотренный нами тип застегивания одеяний и поясов. На сегодняшний момент выделяется целый пласт застежек, весьма близких к найденным в Молдове. Они являются своеобразной визитной карточкой девичьего костюма в Кавказском регионе, в частности очень популярны у адыгов и ногайцев.

Вопрос о взаимодействиях оседлого и кочевого населения, в результате которого могли передаваться подобные одежные и ювелирные инновации, выходит за рамки нашего исследования. Мы можем лишь вкратце упомянуть о миграциях адыгов (*касоги*, *черкасы/черкесы*) на территорию современной Украины (Bubenok 2014, 30-35), о фиксируемом исследователями аланском присутствии на территории Пруто-Днестровского региона (Postică, Tentiuc 2014, 45-72), об алано-половецких взаимодействиях в период монгольского нашествия, как в Северокавказском регионе, так и на территории Венгрии и Карпато-Днестровских земель (Narozhnyi 2013, 48-76; Osipian 2013, 122-174). Кроме того, некоторые исследователи прослеживают взаимосвязь между кипчаками, половцами и ногайцами (Gimbatov 1998; Gizer 2014, 85-117). Возможно, отражением какого-либо из выше перечисленных процессов становится появление на территории современной Республики Молдова рассмотренной нами группы застежек, этническую принадлежность носителей которых, на современном уровне исследования, вряд ли кто-то решится безоговорочно определить.

Однако, расположение поселения Еникой в зоне расселения ногайского населения[16] (для

14. Хотя известно, что несколько застежек происходит из окрестностей Еникой, мы не можем с уверенностью утверждать о каком-либо ярко выраженном периоде существования здесь археологического памятника. Здесь были найдены предметы бронзового века (Dergachev 2010, 120-129), культуры Сынтана де Муреш-Черняхов и многочисленные находки Средневековья и Нового времени. Доподлинно известно об обнаружении здесь нумизматических артефактов, относящихся к периоду правления молдавских господарей Александра I Доброго и Богдана III, польско-прусско-балтийских шиллингов XVI – первой половины XVII вв. и бронзовых эмиссий, выпущенных Российской империей для Молдавии и Валахии во второй половине XVIII века. К сожалению, перечисленные находки пока не были введены в научный оборот.

15. Приносим глубокую благодарность О. Федорову за предоставленную информацию и изображения. К сожалению, ссылки на Интернет ресурсы или другие сведенья не сохранились.

16. Для южной части Пруто-Днестровского региона выделяется целый пласт топонимов, которые могут быть соотнесены с историей расселения ногайцев Акуй, Баймаклия,

женского этнографического костюма которого в Кавказском регионе, также как и для адыгского[17], характерен подобный тип застежек – рис. 8,21; 9,5) заставляет сделать осторожное предоложение о возможности соотнесения рассмотренных застежек именно с ногайцами[18].

Ногайцы появились в Буджаке в конце XV века. После похода султана Баязида II на Молдавию в 1484 году, южная часть Пруто-Днестровского междуречья вошла в Силистрийский санджак Османской империи. В результате часть земель была пожалована крымскому хану, который расселил здесь своих подданных ногайцев (Gizer 2001, 212-215). Переселения ногайцев отмечаются и в более позднее время, так в 1569 году в Буджак депортируются ногайцы из районов Астрахани, в 1606 г., переселяются ногайцы мангыты. Предводитель мангытов Хантемир-мурза объединяет местных ногайцев, под его началом формируется Белгородская орда, которая в 1622 году вышла из повиновения Крымскому ханству и перешла под начало турецкого султана. Следующая группа мангытов переселяется в 1659–1665 гг., ее происхождение связывают с Волжской ордой. Численность ногайского населения колеблется, но она весьма значительна: отмечается, что в конце 60-х гг. XVI века они составляли до 30 тыс. человек, а в середине XVII века – 45 тыс., в середине XVIII века Буджакская орда могла выставить до 30 тыс. вооруженных всадников. В XVIII веке Буджакская орда уже вновь находилась в подчинении Крымского хана, а часть ногайцев откочевала в сторону Крыма. В начале XIX века, в период русско-турецких войн орда прекращает свое существование, а ногайцы переселяются в район Измаила (Bachinskii, Dobroliubskii 1988, 82-94; Grek, Russev 2011, 48-51; Russev 2012, 153-157).

С ногайцами Буджака можно связать целый ряд археологических памятников. Предположительно, им могли принадлежать остатки жилищ на поселении Тараклия I, средневековые захоронения грунтовых могильников Комрат, Балабаны, Гайдар, Казаклия, а также целый ряд впускных захоронений в курганах более ранних эпох. К сожалению, для большинства ногайских захоронений характерно отсутствие инвентаря. В ряде случаев их трудно дифференцировать от более ранних памятников, но наличие в ряде могил турецких монет дает некоторую уверенность в их датировке (Dobroliubskii, Subbotin, Segeda 1988, 131-144; Agul'nikov 2014, 144-141). Определенно говорить о том, что именно ногайцы являлись носителями (или одними из носителей) рассматриваемых застежек в Пруто-Днестровском регионе, можно будет только в случае нахождения подобных изделий, связанных с кроем и отделкой одежды, на памятниках бесспорно оставленных ногайцами. Таким образом, мы можем предложить лишь в качестве рабочей гипотезы «ногайскую» версию происхождения рассматриваемой группы изделий, не исключая того факта, что они могли быть распространены и у других групп населения, а их появление на юге Бессарабии и не связано напрямую с импульсами из кавказского региона.

Жавгур, Жолтай, Конгаз, Кочулия, Коштангалия, Тараклия, Тартаул, Томай, Чимишлия и др. (Eremiia 1990, 51).

17. В период позднего средневовья расселение адыгов отмечается в основном в Закубаье, а ногайцев в Прикубанье, но, в ряде случаев, фиксируется и совместное проживание оседлых адыгов и кочевых ногайцев (Chkhaidze 2012, 45-51).

18. Приносим глубокую благодарность нашим коллегам по Институту Культурного Наследия АН Молдовы – С. Агульникову, В. Железному, А. Магола, В. Сырф, Д. Никогло за консультации и помощь в подборе литературы.

Литература

Agul'nikov 2014: S.M. Agul'nikov, Srednevekovye kochevniki v Iugo-Zapadnom Budzhake. In: Moldova devletlii 655 yaşinda. Tombarlak masanin materiallari. Avgustun 20-si 2014 y. (Komrat 2014), 133-141 // С.М. Агульников, Средневековые кочевники в Юго-Западном Буджаке. В сб.: Moldova devletlii 655 yaşinda. Tombarlak masanin materiallari. Avgustun 20-si 2014 y. (Komrat 2014), 133-141.

Bachinskii, Dobroliubskii 1988: A.D. Bachinskii, A.O. Dobroliubskii, Budzhakskaia orda v XVI-XVII vv. (istoriko-arkheologicheskii ocherk). In: Sotsial'no-ekonomicheskaia i politicheskaia istoriia Moldavii perioda feodalizma (Kishinev 1988), 82-94 // А.Д., Бачинский, А.О. Добролюбский, Буджакская орда в XVI–XVII вв. (историко-археологический очерк). В сб.: Социально-экономическая и политическая история Молдавии периода феодализма (Кишинев 1988), 82-94.

Balint 1988: Ch. Balint, Arkheologiia epokhi obreteniia vengrami Rodiny. In: Problemy drevnikh ugrov na Iuzhnom Urale (Ufa 1988), 88-101 // Ч. Балинт, Археология эпохи обретения венграми Родины. В сб.: Проблемы древних угров на Южном Урале (Уфа 1988), 88-101.

Bidzhiev 1979: Kh.Kh. Bidzhev, Mogiln'nik Kart-Dzhurt. In: (ed. Ia.A. Fedorov) Arkheologiia i etnografiia Karachaevo-Cherkesii (Cherkassk 1979), 5-27 // Х.Х. Биджиев, Могильник Карт-Джурт. В сб.: (отв. ред. Я.А. Федоров) Археология и этнография Карачаево-Черкесии (Черкасск 1979), 5-27.

Biliaeva 2012: S. Biliaeva, Slov'jans'ki ta tiars'ki sviti v Ukraini (Kiev 2012) // С. Біляєва, Слов'янські та тюркські світи в Україні (Київ 2012).

Boguslavskii 2013: G.S. Boguslavskii, Belgorod – Akzha Kermen – Asprokastro (ocherki istorii i arkheologii srednevekovogo goroda). In: (ed. I.V. Bruiako, T.L. Samoiulova) Drevnie kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (k 95-letiiu Natsional'noi akademii nauk Ukrainy) (Odessa 2013) // Г.С. Богуславский, Белгород – Акжа Кермен – Аспрокастро (очерк истории и археологии средневекового города). В сб.: (отв. ред. И.В. Бруяко, Т.Л. Самойлова) Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (к 95-летию Национальной академии наук Украины) (Одесса 2013).

Bozhkov 1972: A. Bozhkov, Miniatiuri ot Madriskiia r'kopis na Ioan Skilitsa (Sofiia 1972) // А. Божков, Миниатюри от Мадриския ръкопис на Йоан Скилица (София 1972).

Bubenok 2014: O.B. Bubenok, Dannye toponimiki o migratsiiakh adygov na Ukrainskie zemli v razvitoe i pozdnee srednevekov'e. In: (ed. B.Kh. Bgazhnokov, V.A. Fomin) Drevniaia i srednevekovaia kul'tura adygov. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii g. Nal'chik, 16-20 oktiabria 2013 goda. Chast' I (Nal'chik 2014), 30-35 // О.Б. Бубенок, Данные топонимики о миграциях адыгов на Украинские земли в развитое и позднее средневековье. В сб.: (отв. ред. Б.Х. Бгажноков, В.А. Фомин) Древняя и средневековая культура адыгов. Материалы Международной научно-практической конференции г. Нальчик, 16-20 октября 2013 года). Часть I (Нальчик 2014), 30-35.

Bulatova, Gadzhieva, Sergeeva 2001: Odezhda narodov Dagestana (Pushchino 2001) // А.Г. Булатова, С.Ш. Гаджиева, Г.А. Сергеева, Одежда народов Дагестана (Пущино 2001).

Chikunova 2012: I.Ju. Chikunova, Etnokul'turnye vzaimodeistviia v Juzhnotaezhnom Pritobol'e v srednevekov'e. In: Istoriia i kul'tura srednevekovykh narodov Stepnoi Evrazii. Materialy II Mezhdunarodnogo kongressa srednevekovoi arkheologii Evraziiskikh stepei. Barnaul, sentiabr' 2012 (Barnaul 2012), 96-98 // И.Ю. Чикунова, Этнокультурные взаимодействия в Южнотаежном Притоболье в средневековье. В сб.: История и культура средневековых народов Степной Евразии. Материалы II Международного конгресса средневековой археологии Евразийских степей. Барнаул, сентябрь 2012 (Барнаул 2012), 96–98.

Chirkov 1990: A.Iu. Chirkov, Novye dannye o pozdnikh kochevnikakh Srednego Popruť ia. In: Arkheologicheskie issledovaniia molodykh uchenykh Moldavii (Kishinev 1990), 158-168 // А.Ю. Чирков, Новые данные о поздних кочевниках Среднего Попрутья. В сб.: Археологические исследования молодых ученых Молдавии (Кишинев 1990), 158-168.

Chkhaidze 2012: V.N. Chkhaidze, Pogrebeniia nogaitsev v Vostochnom Priazov'e i ikh stepnye paralleli. In: Problemy arkheologii Podneprov'ia (Dnipropetrovs'k 2012), 45-51 // В.Н. Чхаидзе, Погребения ногайцев в Восточном Приазовье и их степные параллели. В сб.: Проблемы археології Поднепров'я (Дніпропетровськ 2012), 45-51.

Dergachev 2010: V.A. Dergachev, Novye metallicheskie predmety pozdnei bronzy – rannego gal'shtatta s territorii Moldovy. RA s.n. VI 2, 2010, 120-129 // В.А. Дергачев, Новые металлические предметы поздней бронзы – раннего гальштатта с территории Молдовы. RA s.n. VI 2, 2010, 120-129.

Dobroliubskii, Subbotin, Segeda 1988: O.A. Dobrolibskii, L.V. Subbotin, L.V. Segeda, Pogreval'nye pamiatniki Budjakskoi ordy. In: (ed. P.P. Byrnia) Srednevekovye pamiatniki Dnestrovsko-Prutskogo mezhdurech'ia (Kishinev 1988), 131-144 // О.А. Добролюбский, Л.В. Субботин, С.П. Сегеда, Погребальные памятники Буджакской орды. В сб.: (отв. ред. П.П. Бырня) Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья (Кишинев 1988), 131-144.

Drevnosti… 1844: Drevnosti Rossiiskogo gosudarstva, izdannye po vysochaishemu poveleniiu [avt. tekstov I. Sbegirev; il. risovany F. Solntseevym] (Moskva 1844) // Древности Российского государства, изданные по высочайшему повелению [авт. текстов И. Снегирев; ил. рисованы Ф. Солнцевым] (Москва 1844).

Elkina 2009: A. Elkina, Redchaishie obraztsy vizantiiskogo shit'ia i tkachestva. Vesti iz laboratorii http://swordmaster.org/2009/05/01/istoriya-chingulskogo-kurgana.html // А. Елкина, Редчайшие образцы византийского шитья и ткачества. Вести из лаборатории http://swordmaster.org/2009/05/01/istoriya-chingulskogo-kurgana.html

Eremiia 1990: A.I. Eremiia, Geograficheskie nazvaniia rasskazyvaiut (Kishinev 1990) // А.И. Еремия, Географические названия рассказывают (Кишинев1990).
Fedorov-Davydov 1966: G.A. Fedorov-Davydov, Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov. Arkheologicheskie pamiatniki (Moskva 1966) // Г.А. Федоров-Давыдов, Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники (Москва 1966).
Gabuev 2005: T.A. Gabuev, Alanskii vsadnik (Moskva 2005) // Т.А. Габуев, Аланский всадник (Москва 2005).
Gimbatov 1998: M.B. Gimbatov, Rol' polovetsko-kipchakskogo komponenta v formitovanii nogaiskogo etnosa. Avtoref. diss. kand. ist. nauk (Makhachkala 1998) // М.Б. Гимбатова, Роль половецко-кипчакского компонента в формировании ногайского этноса. Автореф. дисс. канд. ист. наук (Махачкала 1998).
Gizer 2001: S.N. Gizer, Turetskii istochnik po istorii budzhakskih nogaitsev. In: Zapiski naukovo-doslidnoi laboratorii istorii Pivdennoi Ukraini Zaporiz'kogo derzhavnogo universitetu: Pivdenna Ucraina XVIII-XIX stolittia. Vip. 6 (Zaporizhzhia 2001), 212-215 // С.Н. Гизер, Турецкий источник по истории буджакских ногайцев. В сб.: Записки науково-дослідної лабораторії історії Південної України Запорізького державного університету: Південна Україна XVIII-XIX століття. Вип. 6 (Запоріжжя 2001), 212-215.
Gizer 2014: S.N. Gizer, Nogaitsy i ih kul'tura. In: (ed. I.I. Kise, A.A. Prigarin, V.N. Stanko) Bidzhak: istoriko-etnograficheskie ocherki narodov iugo-zapadnogo raiona Odeschishiny (Odessa 2014), 85-117 // С.Н. Гизер, Ногайцы и их культура. В сб.: (ред. кол. А.И. Кисе, А.А. Пригарин, В.Н. Станко) Буджак: историко-этнографические очерки народов юго-западных районов Одесщины (Одесса 2014), 85-117.
Gomolka Fuchs 2002: G. Gomolka Fuchs, Eine Gürtelgarnitur vom ungarischen Typ aus der frühmittelalterlichen Siedlung von Krivina, Bezirk Ruse, Bulgarien. EurAnt 8, 2002, 493-514.
Gorbunova, Tishkin, Khavrin 2009: T.G. Gorbunova, A.A. Tishkin, S.V. Khavrin, Srednevekovye ukrashenia konskogo snariazheniia na Altae: morfologicheskii analiz, tekhnologiia izgotovleniia, sostav splavov (Barnaul 2009) // Т.Г. Горбунова, А.А. Тишкин, С.В. Хаврин, Средневековые украшения конского снаряжения на Алтае: морфологический анализ, технология изготовления, состав сплавов (Барнаул 2009).
Gorelik 2009: M.V. Gorelik, Pogrebenie znatnogo polovtsa – zolotoordynskogo latnika. In: Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza. Vyp. 10 (Armavir 2009), 157-180 // М. В. Горелик, Погребение знатного половца – золотоордынского латника. В сб.: Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 10 (Армавир 2009), 157-180.
Grek, Russev 2011: I.F. Grek, N.D. Russev, 1812 povorotnyi god v istorii Budjaka i «zadunaiskikh pereselentsev» (Kishinev 2011) // И.Ф. Грек, Н.Д. Руссев, 1812 поворотный год в истории Буджака и «задунайских переселенцев» (Кишинев 2011).
Grinevich 1948: K.E. Grinevich, Arkheologicheskoe obsledovanie urochishcha Basandaika bliz g. Tomska. In: Sbornik materialov i issledovanii po arkheologii Tomskoi oblasti. Trudy TGU im. V.V. Kuibysheva. Tom 98 (Tomsk 1947/1948), 5-50 // К.Э. Гриневич, Археологическое обследование урочища Басандайка близ г. Томска. В сб.: Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. Труды ТГУ им. В.В. Куйбышева. Том 98 (Томск 1947/1948), 5-50.
Ibn-Fadlan 1939: Ibn-Fadlan, Puteshestvie Ibn-Fadlana na Volgu (Moskva-Leningrad 1939) // Ибн-Фадлан, Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу (Москва-Ленинград 1939).
Ierusalimskaia 2012: A.V. Ierusalimskaia, Moshchevaia Balka (Sankt-Peterburg 2012) // А.В. Иерусалимская, Мощевая Балка (Санкт-Петербург 2012).
Istoriia na B'lgariia… 1981: Istoriia na B'lgariia (ed. D. Angelov, P. Petrov, B. Primov). In: Istoriia na B'lgariia. Perva B'lgarska d'rzhava. Tom II (Sofiia 1981) // История на България (ед. Д. Ангелов, П. Петров, Б. Примов). В сб.: История на България. Първа Българска държава. Том II (София 1981).
Iurchenko 2013: A.G. Iurchenko, Elita mongol'skoi imperii. Vremia prazdnikov, vremia kaznei (Sankt-Peterburg 2013) // А.Г. Юрченко, Элита монгольской империи. Время праздников, время казней (Санкт Петербург 2013).
Ivanov, Kriger 1988: V.A. Ivanov, V.A. Kriger, Kurgany kynchakskogo vremeni na Iuzhnom Urale (XII-XIV vv.) (Moskva 1988) // В.А. Иванов, В.А. Кригер, Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.) (Москва 1988).
Kalashnikova 1986: N.M. Kalashnikova, Odezhda ukraintsev XVI-XVIII vv. In: Drevniaia odezhda narodov Vostochnoi Evropy (Moskva 1986), 112-132 // Н.М. Калашникова, Одежда украинцев XVI–XVIII вв. В сб.: Древняя одежда народов Восточной Европы (Москва 1986), 112-132.
Kaminskaia 1977: N.M. Kaminskaia, Istoriia kostima (Moskva 1977) // Н.М. Каминская, История костюма (Москва 1977).
Kazakov 2010: E.P. Kazakov, Poiasnye nakladki volzhskikh bolgar iz Tankeevskogo mogil'nika i Izmerevskogo

selishcha. In: Rus' i Vostok v IX–XVI vv. Novye arkheologicheskie issledovaniia (Moskva 2010), 53-61 // Е.П. Казаков, Поясные накладки волжских болгар из Танкеевского могильника и Измеревского селища. В сб.: Русь и Восток в IX–XVI вв. Новые археологические исследования (Москва 2010), 53-61.

Kliashtornyi, Savinov 2005: S.G. Kliashtornyi, D.G. Savinov, Stepnye imperii Drevnei Evrazii (Sankt-Peterburg 2005) // С.Г. Кляшторный, Д.Г. Савинов, Степные империи Древней Евразии (Санкт-Петербург 2005).

Kramarovskii 1985: M.G. Kramarovskii, Serebro Levanta i khudozhestvennyi metall Severnogo Prichernomor'ia XIII-XV vekov. In: Khudozhestvennye pamiatniki i problemy kul'tury Vostoka (Leningrad 1985), 152-180 // М.Г. Крамаровский, Серебро Леванта и художественный металл Северного Причерноморья XIII–XV веков. В сб.: Художественные памятники и проблемы культуры Востока (Ленинград 1985), 152-180.

Kramarovskii 2001: M.G. Kramarovskii, Zoloto Chingizidov: Kul'turnoe nasledie Zolotoi Ordy (Sankt-Peterburg 2001) // М.Г. Крамаровский, Золото Чингизидов: Культурное наследие Золотой Орды (Санкт-Петербург 2001).

Kravets 2004: V.V. Kravets, Poiasnye nabory zolotoordynskih kochevnikov Srednego Podon'ia. In: (ed. A.T. Siniuk) Arkheologicheskie pamiatniki basseina Dona (Voronezh 2004), 222-229 // В.В. Кравец, Поясные наборы золотоордынских кочевников Среднего Подонья. В сб.: (отв. ред. А.Т. Синюк) Археологические памятники бассейна Дона (Воронеж 2004), 222-229.

Kubarev 2005: G.V. Kubarev, Kul'tura drevnikh tiurok Altaia (po materialam pogreval'nykh pamiatnikov) (Novosibirsk 2005) // Г.В. Кубарев, Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников) (Новосибирск 2005).

Kuznetsov 1963: V.A. Kuznetsov, Issledovaniia Zmeiskogo katakombnogo mogil'nika v 1953 g. MIA 114 (Moskva 1963) // В.А. Кузнецов Исследования Змейского катакомбного могильника в 1953 г. МИА 114 (Москва 1963).

Langó 2014: P. Langó, Bulgarian Connections of the Find-horizon of the 10th century in the Carpathian Basin. In: Avars, Bulgars and Magyars on the Middle and lower Danube (София – Piliscsaba 2014), 57-65.

Les anciens Hongrois... 1977: Les anciens Hongrois et les ethnies voisines a l'est (Budapest 1977).

Loginov 2003: A.N. Loginov, Russkaia traditsiia v odejde kazachek XVI-XIX vekov. In: Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Unoversiteta. Seriia 4: Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunorodnye otnosheniia. Vyp. 8 (Volgograd 2003), 66-76 // Логинов А.Н. Русская традиция в одежде донских казачек XVI–XIX веков. В сб.: Вестник Волгоградского Государственного Университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. Вып. 8 (Волгоград 2003), 66-76.

Maiorov 2014: A.V. Maiorov, Grecheskii olovir Daniila Galitskogo. Iz kommentariia k Galitsko-Volynskoi letopisi. In: (ed. N.V. Pronyrko) Trudy Otdela drevnerusskoi literatury / Rossiiskaia Akademiia nauk. Institut russkoi literatury (Pushkinskii Dom). T. 62 (Sankt-Peterburg 2014), 225-235 // А. В. Майоров, Греческий оловир Даниила Галицкого. Из комментария к Галицко-Волынской летописи. В сб.: (отв. ред. Н.В. Пронырко) Труды Отдела древнерусской литературы / Российская Академия наук. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Т. 62 (Санкт-Петербург 2014), 225-235.

Mech i zlatnik… 2012: Mech i zlatnik. K 1150-letiiu zarozhdeniia Drevnerusskogo gosudarstva (Moskva 2012), 102-107 // Меч и златник. К 1150-летию зарождения Древнерусского государства (Москва 2012), 102-107.

Mertsalova 2001: M.N. Mertsalova, Kostium raznykh vremen i narodov. T. 2 (Moskva 2001) // М.Н Мерцалова, Костюм разных времён и народов. Т. 2 (Москва 2001).

Mikhailov 2005: K.A. Mikhailov, Drevnerusskie kaftany «vostochnogo» tipa (moda, proiskhozhdenie, khronologiia). Vestn. mol. uchenykh RAN, Ser.: Ist. nauki 1 (Sankt-Peterburg 2005), 56-65 // К.А. Михайлов, Древнерусские кафтаны «восточного» типа (мода, происхождение, хронология). Вестн. мол. ученых РАН, Сер.: Ист. науки 1 (Санкт-Петербург 2005), 56-65.

Narozhnyi 2013: E.I. Narozhnyi, Polovtsy Severnogo Kavkaza (nekotorye itogi i perspektivy izucheniia). In: (ed. S.G. Kliashtornyi, V.A. Ivanov, I.K. Zagidullin) Tiurkskie kochevniki Evrazii (kimaki, kipchaki, polovtsy …) (Kazan' 2013), 48-76 // Е.И. Нарожный, Половцы Северного Кавказа (Некоторые итоги и перспективы изучения). В сб.: (сост. и отв. ред. С.Г. Кляшторный, В.А. Иванов, И.К. Загидуллин) Тюркские кочевники Евразии (кимаки, кипчаки, половцы…) (Казань 2013), 48-76.

Orfinskaia, Mikhailov 2013: O.V. Orfinskaia, K.A. Mikhailov, Drevnerusskoe "plat'e" iz Iziaslavlia: novaia atributsia. RA 4 (Moskva 2013), 75-85 // О.В Орфинская, К.А Михайлов, Древнерусское «платье» из Изяславля: новая атрибуция. РА 4 (Москва 2013), 75-85.

Osipian 2013: A.L. Osipian, Migratsiia, adaptatsiia i integratsiia kochevnikov v osedlom obshchestve: sravnitel'nyi analiz perehoda polovtsev k osedlomu obrazu zhizni v Galitskoi Rusi i Vengerskom korolevstve v XIII-XV vv. In: (ed. S.G. Kliashtornyi, V.A. Ivanov, I.K. Zagidullin) Tiurkskie kochevniki Evrazii (kimaki, kipchaki, polovtsy …) (Kazan' 2013), 122-174 // А.Л. Осипян, Миграция, адаптация и интеграция кочевников в оседлом обществе:

сравнительный анализ перехода половцев к оседлому образу жизни в Галицкой Руси и Венгерском королевстве в XIII–XV вв. В сб.: (сост. и отв. ред. С.Г. Кляшторный, В.А. Иванов, И.К. Загидуллин.) Тюркские кочевники Евразии (кимаки, кипчаки, половцы…) (Казань 2013), 122-174.

Otroshchenko, Rassamakin 1986: V. Otroshchenko, Iu. Rassamakin, Polovets'kii kompleks Chingul's'kogo kurganu. Arkheologiia 53 (Kiev 1986) 14-36 // В. Отрощенко, Ю. Рассамакін, Половецький комплекс Чингульського кургану. Археологія 53 (Кїев 1986), 14-36.

Otroshchenko, Rassamakin 2009: V. Otroshchenko, Iu. Rassamakin, Vesti iz laboratorii http://swordmaster.org/2009/05/01/istoriya-chingulskogo-kurgana.html // В. Отрощенко, Ю. Рассамакин, Вести из лабаратории http://swordmaster.org/2009/05/01/istoriya-chingulskogo-kurgana.html

Pleshkovenko 1988: A.G. Pleshkovenko, Kaftan iz polovetskogo pogrebeniia. In: Mezhdunarodnye sviazi v srednevekovoi Evrope (Zaporozh'e 1988), 47 // А.Г. Плешковенко, Кафтан из половецкого погребения. В сб.: Международные связи в средневековой Европе (Запорожье 1988), 47.

Pleshkovenko 2007: A.G. Pleshkovenko, Srednevekovye pamiatniki u Belozerskogo limana. In: Muzeinii visnik, vyp. 7 (Zaporizhzhia 2007), 29-44 // А.Г. Плешковенко, Средневековые памятники у Белозерского лимана. В сб.: Музейний вісник, вып. 7 (Запоріжжя 2007), 29-44.

Polnoe sobranie… 1893: Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii c 1649 g. T. 4 (1700-1712) (Sankt-Peterburg 1893) // Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. 4 (1700-1712) (Санкт Петербург 1893).

Polnoe Sobranie… 1998: Polnoe Sobranie Russkikh Letopisei T. 2 (Moskva 1998) // Полное Собрание Русских Летописей. Т. 2 (Москва 1998).

Postică, Tentiuc 2014: Gh. Postică, I. Tentiuc, Amulete-călăreţi de bronz din perioada medieval timpurie în spaţiul carpato-nistrean. Tyragetia s.n. VIII [XXIII] 1, 2014, 45-72.

Prokopenko 2015: V. Prokopenko, Kratkaia istoriia zastezhek-kriuchkov na Vostoke (chast' II – Vostochnaia Evropa) http://www.kitabhona.org.ua/costum_axess/obzorkruk2.html // В. Прокопенко, Краткая история застёжек-крючков на Востоке (часть II - Восточная Европа) http://www.kitabhona.org.ua/costum_axess/obzorkruk2.html

Rabinovichi 1986: M.G. Rabinovichi, Odejda russkikh XIII-XVII vv. In: Drevniaia odejda narodov Vostochnoi Evropy (Moskva 1986), 63-111 // М.Г. Рабинович, Одежда русских XIII–XVII вв. В сб.: Древняя одежда народов Восточной Европы (Москва 1986), 63-111.

Riabtseva 2013: S.S. Riabtseva, O balkanskikh sviaziakh naseleniia Pruto-Dnestrovskogo regiona. Po materialam nakhodok predmetov tsvetnoi metalloobrabotki. In: (red. S. Bonev, S. Doncheva) Preslav t. VII. Posveshchava se na 1120 godishtinata na Veliki Preslav za stolitsa na B'lgariia (Veliko Tyrnovo 2013), 171-183 // С.С. Рябцева, О балканских связях населения Пруто-Днестровского региона. По материалам находок предметов цветной металлообработки. В сб.: (ред. С. Бонев, С. Дончева) Преслав т. VII. Посвещава се на 1120 годиштината на Велики Преслав за столица на България (Телико Тырново 2013), 171-183.

Russev 2012: N.D. Russev, «Tatary kak-tosovsem ischezli …» (poslednie meciatsy istorii Budjakskoi ordy). In: Rusin 1(27) 2012, 153-157 // Н.Д. Руссев, «Татары как-то совсем исчезли…» (последние месяцы истории Буджакской орды). Русин №1(27) 2012, 153-157.

Rybakov 1949: B.A. Rybakov, Drevnosti Chernigova. Materialy i issledovaniia po arkheologii drevnerusskikh gorodov. MIA 11 2 (Moskva 1949), 7-99 // Б.А. Рыбаков, Древности Чернигова. Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. МИА 11 2 (Москва 1949), 7-99.

Savinov 1994: D.G. Savinov, Gosudarstva i kul'turogenez na territorii Iuzhnoi Sibiri v epokhu rannego srednevekov'ia (Kemerovo 1994) // Д.Г. Савинов, Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья (Кемерово 1994).

Shamin 2005: S.M. Shamin, Moda v Rossii poslednei chetverti XVII stoletiia. Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki 1 (Moskva 2005), 23-38 // С.М. Шамин, Мода в России последней четверти XVII столетия. Древняя Русь 1 (Москва 2005), 23-38.

Shapovalova 2009: A.V. Shapovalova, Kostium chernomorskogo kazachestva: traditsii i moda (konets XVIII v. – 1860 g.). Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskih nauk (Astrakhan' 2009) // А.В. Шаповалова, Костюм черноморского казачества: традиции и мода (конец XVIII в. – 1860 г.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук (Астрахань 2009).

Slovar' russkogo iazyka… 1987: Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv. Vyp. 12 (Moskva 1987) // Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 12 (Москва 1987).

Sosnina, Shangina 2001: N. Sosnina, I. Shangina, Russkii traditsionnyi kostium. Illiustrirovannaia entsiklopediia (Sankt-Peterburg 2001) // Н. Соснина, И. Шангина, Русский традиционный костюм. Иллюстрированная эн-

циклопедия (Санкт Петербург 2001).
Studenitskaia 1989: E.N. Studenitskaia, Odezhda narodov Severnogo Kavkaza XVIII-XX vv. (Moskva 1989) // Е.Н. Студеницкая, Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. (Москва 1989).
The ancient Hungarians… 1996: The ancient Hungarians. Exhibition Catalogue (Budapest 1996).
Tolochko 2003: P.P. Tolochko, Kochevye narody stepei i Kievskaia Rus' (Sankt-Peterburg 2003) // П.П. Толочко, Кочевые народы степей и Киевская Русь (Санкт-Петербург 2003).
Ulashchik 1986: N.N. Ulashchik, Odejda belorusov XVI-XVIII vv. In: Drevniaia odezhda narodov Vostochnoi Evropy (Moskva 1986), 133-145 // Н.Н. Улащик, Одежда белорусов XVI–XVIII вв. В сб.: Древняя одежда народов Восточной Европы (Москва 1986), 133-145.
Zabelin 2000: I.E. Zabelin, Domashnii byt russkogo naroda v XVI-XVII st. T. I, chast' 1. Domashnii byt russkikh tsarei i tsarits XVI-XVII stoletii (Moskva 2000) // И.Е. Забелин, Домашний быт русского народа в XVI–XVII ст. Т. I, часть 1. Домашний быт русских царей и цариц XVI–XVII столетий (Москва 2000).
Zelenchuk, Kalashnikova 1986: V.S. Zelenchuk, N.M. Kalashnikova, Odejda naseleniia Moldavii XV-XIX vv. In: Drevniaia odezhda narodov Vostochnoi Evropy (Moskva 1986), 229-247 // В.С. Зеленчук, Н.М. Калашникова, Одежда населения Молдавии XV–XIX вв. В сб.: Древняя одежда народов Восточной Европы (Москва 1986), 229-247.

Svetlana Reabțeva, doctor în istorie, cercetător științific coordonator, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM, bd. Ștefan cel Mare 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: sveta_earing@mail.ru

Lilia Dergaciova, doctor în istorie, cercetător științific superior, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM, bd. Ștefan cel Mare 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: dergaciova.lili@gmail.com

DISCUȚII – ДИСУССИИ – DISCUSSIONS

Tamara Nesterova

Despre datarea cetății de piatră din orașul Soroca

Keywords: fortress, castle, details, loopholes, structural and numerical model, Petru Musat, Stefan the Great.
Cuvinte cheie: cetate, castel, detalii, metereze, model structural-numeric, Petru Mușat, Ștefan cel Mare.
Ключевые слова: крепость, замок, детали, бойницы, структурно-числовая модель, Петру Мушат, Стефан Великий.

Tamara Nesterova
On the dating of Stone Fortress in Soroca

Fortress Soroca has not an exact date of construction, but the historical and archeological sources indicate the rulers period beginning with Stephen the Great and ending with Petru Rares, opinion that left its mark on the fortress architecture appreciation. A careful examination of the architectural details of the Soroca Fortress, combined with the morphological study of shepes through the structural- numerical method, has allowed the author to establish the period of reign of Petru Musat. Beeing an execution after the occidental castles from VIIIth-XIVth century, the Soroca Fortress was rebuilt by Stephen the Great, adding the artillery. The stationing of Polish army between the years 1686-1699 and quartering of the Russian army in the years 1788-1789, led to the disappearance of the certain structural components, which together with a superficial reading of the document from 1543, led to a late dating of the castle.

Tamara Nesterova
Despre datarea cetății de piatră din orașul Soroca

Cetatea din orașul Soroca nu are o datare sigură, sursele istorice și arheologice indicând perioada domnitorilor, începând cu Ștefan cel Mare și terminând cu Petru Rareș, opinie ce a pus amprenta și pe aprecierea arhitecturii cetății. Cercetarea atentă a detaliilor arhitectonice ale cetății Soroca, conjugată cu studiul morfologic al formelor prin metoda structural-numerică, a permis autoarei indicarea perioadei de domnie a lui Petru Mușat, opinie susținută de sursele istorice grafice și literare, după cum afirma Miron Costin, „*Soroca a fost construită de un Pătru-vodă*". Fiind o realizare după modelul castelelor occidentale din sec. XIII-XIV, fortăreața din Soroca a fost refăcută în timpul lui Ștefan cel Mare cu înlocuirea apărării cu arme albe prin dotări pentru artilerie. Staționarea armatei poloneze între anii 1686-1699 și cantonarea armatei ruse în anii 1788-1789 au condus la dispariția unor importante elemente structurale și la modificarea detaliilor, ce împreună cu lectura superficială a documentului din 1543, a cauzat datarea fortăreței în anul emiterii scrisorii.

Тамара Нестерова
О датировке крепости Сорока

Крепость г. Сороки не имеет точной даты строительства, исторические и археологические источники позволяют ее датировать, начиная от правления Стефана Великого и до Петра Рареш, вывод, повлиявший и на оценку архитектуры крепости. Внимательное обследование архитектурных деталей и морфологическое исследование структурно-числовым методом архитектурных форм Сорокской крепости, позволило автору статьи сформулировать гипотезу о ее строительстве во время правления господаря Петра Мушата, подтвержденное историческими графическими и литературными источниками. Позднее, Стефан Великий укрепил защиту крепости артиллерией, заменив детали характерные для защиты холодным оружием. Расположение в замке в 1686-1699 гг. польской армии и занятие ее русской армией в 1788-1789 гг. привело к разрушению важных структурных компонентов и к видоизменениям деталей, что вместе с приблизительным прочтением письма 1543 года, содействовали поздней датировке Сорокского замка.

Cetatea Sorocii nu are repere cronologice sigure de datare, timpul edificării fiind interpretat după câteva date istorice, în limita temporară cuprinsă între domniile lui Ștefan cel Mare și Petru Rareș. Cea mai veche versiune indică pe genovezi ca posibili constructori, opinie combătută periodic pe parcursul studierii fortăreței (a se vedea Nesterov 2007, 25-42, unde istoricul studierii cetății Soroca este redat detailat). Altă datare, în corespundere cu tradiția locală, atribuie construcția cetății lui Ștefan cel Mare, documentele istorice confirmând activitatea cetății în această perioadă prin menționarea în 1499 a pârcălabului cetății Coste Posadnic. Scrisoarea lui Petru Rareș din 1543, prin care domnitorul invita un meșter la cetatea Sorocii (Lapedatu 1914, 85-96), a fost considerată suficientă pentru datarea construcției cetății de piatră, iar menționarea pârcălabului ei în 1499 s-ar fi referit la cetatea anterioară, construită din lemn și pământ. Această opinie a fost împărtășită de majoritatea istoricilor, deși asemenea cetăți în timpul utilizării artileriei erau provizorii, fără

a fi folosite pe un timp lung, iar cetatea Sorocii și pârcălabii ei au fost menționați în documentele istorice și până în 1543 (Nesterov 2007, 29)[1].

S-au pus mari speranțe în cercetările arheologice, care ar fi elucidat timpul edificării cetății, dar investigațiile petrecute în anii ’30 ai secolului XX și în anii 1968-1969 la cetatea Sorocii nu au soluționat problemele de cunoaștere a istoriei, iar găsirea unui fragment al unui șanț a contribuit la susținerea versiunii istorice a datării cetății. Ultimele investigații arheologice, cele din anii 2012-2014, au stabilit prezența cetății de piatră deja în timpul domnitorului Ștefăniță (Musteață, Tentiuc, Ursu 2014, 30-31), astfel fiind combătută opinia cu privire la edificarea cetății de piatră în timpul domnitorului Petru Rareș, dar a rămas deschisă problema datării construcției.

Istoria arhitecturii universale, prin acumularea bazei informaționale de date istorice și a releveelor monumentelor istorice, poate indica mai precis etape constructive în corespundere cu particularitățile clădirilor. În stadiul actual al cunoașterii istoriei arhitecturii naționale este greu de determinat precis timpul edificării cetății din Soroca, dar acesta poate fi sugerat de tipul de fortificație utilizat. Fortăreața de la Soroca, pe care neam obișnuit s-o numim cetate, corect din punct de vedere al arhitecturii defensive europene este un *castel* – o structură compactă, dotată cu elemente interioare și exterioare, specifice rezistenței cu armne albe la asedii îndelungate. Fortificații similare castelului din Soroca au fost construite în toate țările Europei Occidentale, unde cele mai timpurii au apărut în secolul XII, perioada lor de maximă edificare fiind secolele XIII-XIV, dar veacul lor s-a stins odată cu răspândirea artileriei în secolul XV. Concomitent cu perfecționarea armelor de război creștea și complexitatea structurală a castelelor, dotarea lor cu componente exterioare de apărare, însoțite de extinderea teritorială a fortificațiilor pentru îndepărtarea inamicului la o distanța ce depășea bătaia tunului.

Analiza structurii spațial-volumetrice a castelelor occidentale cunoscute la ora actuală, pune în evidență caracteristicile lor arhitectonice cvasipermanente:

structura planului	incinte compacte, cu forma geometric perfectă a planului, compoziții de tip central: circulare, triunghiulare, pătrate, pentagonale, hexagonale, octogonale, etc.;
componente funcționale	turnuri, anexe interioare, lăcaș de cult;
dimensiuni	lățimea interioară/exterioară a incintei, derivată din măsura sacrală (egală cu 100 picioare, cca 30 m);
model structural-numeric	calcularea identică a structurii de rezistență și a mărimii componentelor planimetrice prin procedee de calcul geometric („*descompunerea pătratului*” sau/și „*circumscrierea pătratului*”);
concept de apărare	izolare de restul terenului printr-o masă de apă (șanț, braț al râului, lac), acces ridicat de la sol, val de pământ, elemente planimetrice integrate compozițional

Castelele occidentale au fost realizate după o schemă pasibilă la modificări în diferite variante, în dependență de numărul de turnuri și de forma incintei și a turnurilor. Cetățile timpurii ale Moldovei: Neamț, Cetatea Albă, Cetatea de Scaun din Suceava, Hotinul (Nesterov 2011, 39-47)[2], sunt fortificații complexe care conțin un nucleu central, pe care Miron Costin le numea *„caștele”*, anterioare statalității Moldovei[3], considerând că doar cetatea Sorocii *„să fie făcută de un Pătru-vodă”* (Costin 1989, 316). Istoricul arhitecturii Gr. Ionescu, în prima ediție a monumentalului studiu dedicat arhitecturii românești, considera că cetatea Sorocii datează din timpul domnitorului Petru Mușat (cca 1374-1391) (Ionescu 1937, 309), dar în următoarele sale studii a evitat problema datării și descrierii cetății Soroca, remarcând că *„construcția cu caracter militar nu a mai constituit după amul*

1. Pârcălabii apar în documentele din anii: 1500, 1510, 1512, 1523, 1527, 1533, 1541.

2. Cetatea Hotinului a trecut prin mai multe etape: *1. donjon*, *2. castel* rezultat prin închiderea unei curți în fața donjonului, *3. cetate* datorită extinderii teritoriale printr-o curte nouă, cu demolarea zidului care despărțea castelul de curtea a doua.

3. Opinie respinsă de cercetările arheologilor Nicușor Constantinescu, Mircea Matei, Lucian Chițescu etc.

1487 – anul încheerii păcii cu turcii și reluării plății tributului -, o preocupare majoră pentru meșterii Moldovei" (Ionescu 1982, 212), subînțelegându-se că a rămas la opinia expusă anterior.

Au fost căutate argumente în susținerea ipotezei construcției cetății Soroca în timpul lui „*Pătru-vodă*" Rareș, fiind invocat în acest context castelul Caprarola din Italia (Voitsekhovskii 1960, 67-74), care la prima vedere ar avea similitudini dimensionale (diametrul curților în ambele cazuri sunt de 100 picioare, Soroca – 30,5 m, Caprarola – 30,9 m) și planimetrice (castelul Caprarola – pentagonal în plan, iar castelul Sorocii – circular, turnurile dându-i aspect de pentagon fictiv), dar, în afară că particularitățile sunt comune mai multor castele și cetăți, aceste două fortificațe se deosebesc radical între ele. Soroca este formată dintr-o incintă înaltă, cu turnuri cilindrice, iar castelul Caprarola era o fortăreață joasă, o reprezentantă timpurie a generației de cetăți bastionate, construită la începutul secolului XVI. Ideea cetăților bastionate a fost promovată prin tratatele lui Francesco di Giorgio Martini (Fiore, Tafuri 1993, 157, 158, 367, 412), cu planurile din poligoane stelate, oportune pentru organizarea flancării. Tratatul a fost tipărit pentru prima dată în 1482, cu prezentarea proiectelor unor cetăți deja realizate între anii 1476-1478, astfel că ridicarea în secolul XVI la Soroca a unei cetăți cu tehnica de apărarea specifică perioadei anterioare utilizării artileriei, este greu de admis.

Primele fortificații din Moldova, castelele mușatine Neamț și Șcheia, au fost construite în timpul lui Petru Mușat după model occidental, patrulatere, atât incinta cât și turnurile, cu respectarea soluției planimetrice și a raporturilor dimensionale, dar ajustate la particularitățile reliefului, cu unele devieri de la schema ideală: planul cetății Neamț devine trapezoidal, iar a cetății Șcheia – romboidal. Constructorii Cetății de Scaun de la Suceava, ridicată tot în timpul domnitorului Petru Mușat, au promovat un alt model de cetate, derivat din simbolismul *mandalei*, trecut prin implementarea occidentală medievală și realizat în Moldova cu respectarea întocmai a schemei planimetrice. În acest tip de castel, conceput cu o evidentă destinație princiară, cu incinta de 1,5 ori mai mare decât ale cetăților Neamț și Șcheia, domină formele pătrate ale planului și turnurilor, amplasate la colțuri și la mijlocul curtinelor, cu încăperi interioare perimetrale, mărginind o curte interioară. Constructorii au reprodus fidel relațiile dimensionale dintre mărimea incintei și mărimea încăperilor, ce se prezintă constante la fortificațiile de acest tip din Europa occidentală – 1/4 din lățimea exterioară. Aceiași schemă planimetrică a castelului a fost utilizată în 1466 la construcția Cetății Noi din or. Roman, de aceleași dimensiuni ca la Cetatea de Scaun, dar cu turnurile de formă cilindrică, din care unul a fost înlocuit cu un bastion semicircular pentru plasarea tunului. Această trecere în revistă a arhitecturii militare din Moldova permite de a trage concluzia că arhitectura cetății Soroca, cu particularități planimetrice și dimensionale timpurii, ar fi rămas la soluții depășite în secolul XV.

Ambrazurile circulare (*mortiere*) din turnurile cilindrice sunt principalele argumente ale dotării cetății Soroca cu piese de artilerie, în corespundere cu prezența cărora, și luând în considerație situația social-politică din Moldova din secolul al XV-lea, s-ar putea de presupus că edificarea cetății Soroca ar fi fost posibilă începând cu primul deceniu al domniei lui Ștefan cel Mare, deși există în arhitectura cetății alte probe, care contravin acestei afirmații. Spațiul central din turnurile cilindrice este prea strâmt pentru activitatea a trei tunari cu depozitarea muniților necesare respingerii atacurilor, nișele sunt prea înguste pentru instalarea tunurilor și manipularea la ele, și, principalul, nu se cunoștea efectul de *recul* și de răspândire a fumului de la explozie, etc., argumente convingătoare că cetatea Sorocii a fost construită anterior cunoașterii efectelor utilizării artileriei la apărarea cetăților.

Ipoteza că cetatea Sorocii ar avea o perioadă anterioară lui Ștefan cel Mare, avansată în 2009 (Nesterov 2009, 13-14), pare neverosimilă doar la prima vedere, căci pot fi găsite probe ce conduc convingător spre datarea ei din perioada timpurie a Moldovei. Unele modificări, survenite în arhitectura cetății Soroca pe parcursul utilizării ei, care au influențat percepția datării, se observă în aspectul zidăriei din jurul blocurilor de piatră cu ambrazurile circulare, amplasate în registrul superior al turnurilor[4]. Se observă că acestea au fost introduse

4. Mortierele de la nivelul inferior al turnurilor rotunde au fost scoase după ocuparea cetății de armata rusă în 1788 și înlocuite cu altele noi, instalate între anii 1970 și 1975, lucrate după cele vechi.

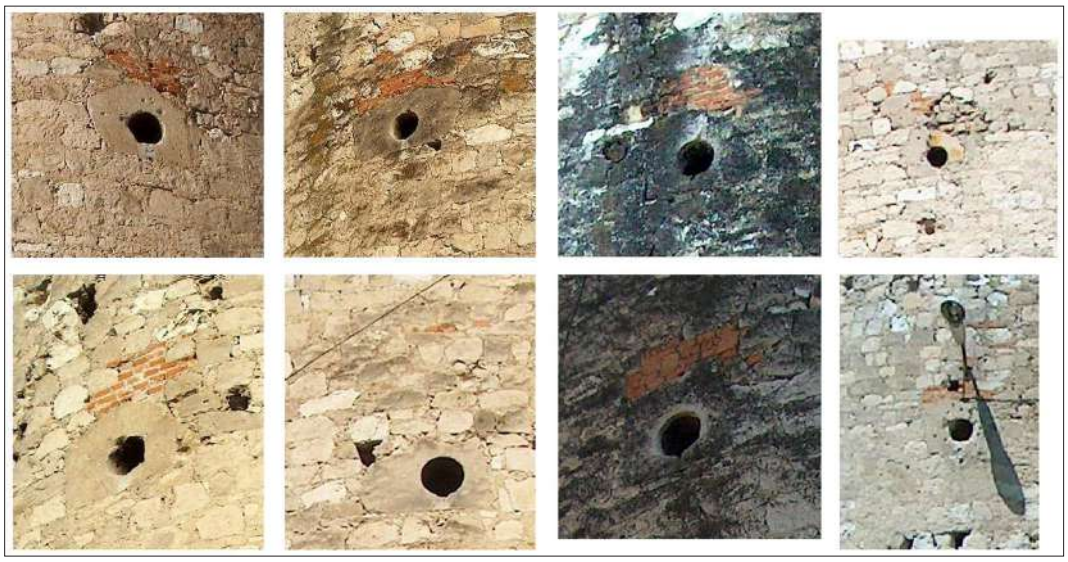


Fig. 1. Metereze circulare (*mortiere*) din registrul superior al turnurilor cilindrice, 2006 (foto T. Nesterov).

Fig. 1. Circular ramparts (*mortars*) from the upper register of cylindrical towers, 2006 (photo by T. Nesterov).

în breșe de forme neregulate, completate cu pietre mai mici și cărămidă (Fig. 1). În desenul cetății Soroca, executat probabil prin 1850-1870 de profesorul de desen N.A. Golânschi, sunt fixate cu precizie de documentarist detalii ale arhitecturii cetății Soroca, printre care ambrazura verticală îngustă, amplasată deasupra portalului de intrare, care nu lasă îndoială asupra caracterului său specific apărării cu săgeți (Fig. 2). Este evident că mortierele au înlocuit asemenea ambrazuri verticale înguste (*fante*), instalate în turnurile cilindrice. Fanta, aflată în peretele altarului paraclisului s-a păstrat până la începutul secolului XX, dar în limita anilor 1903 – 1934 a fost consolidată sub forma unei ocnițe joase în arc în plin cintru, iar în 2014 – înlocuită cu o mortieră (Fig. 3). Fanta nu întâmplător a fost păstrată în axa turnului de intrare, fiind destinată lovirii precise cu săgeți pe atacatorii porții cetății, deoarece folosirea tunului cu *tirul liber și indirect*, în această situație era ineficientă.

Formele circulare ale incintei și ale turnurilor de flancare au fost și ele interpretate ca o etapă în evoluția arhitecturii de apărare pe calea optimizării rezistenței zidăriei la loviturile artileriei grele de asediu, dar forma rotundă a turnurilor nu este specifică doar perioadei de utilizare a artileriei, ele având o istorie mult mai veche, apărute în Orientul Mijlociu, într-o zonă lipsită de lemn. Arhitectura cetăților moldovenești de pe Nistru, toate cu turnurile rotunde, a fost caracterizată ca o influență a arhitecturii caucaziene, și nu a utilizării artileriei (Toromanian 1974, 181-190). Cu arhitectura militară specifică popoarelor Asiei Anterioare și Caucazului europenii au făcut cunoștință în timpul cruciadelor, iar în secolele XIII-XIV au apărut renumitele castele în Franța: Louvre, De Coucy, La Roche, Haudan, Niort, Vauclers (La Rochelle), Pierphon, Vincennes, La Roche Courbon, și în Anglia: Harleh, Klearverk, Beaumaris, Bodiam etc., cu turnuri circulare în plan, cu glacis în partea inferioară a curtinelor și turnurilor, înconjurate de apă, cu pragul intrării la o cotă înaltă de la sol, la care se ajunge pe un pod ridicător.

Castelul Soroca a fost înconjurat cu apă, mărturie fiind starea precară a părții de jos a curtinelor și a turnurilor, cu pietrele căzute din zidărie. Inundațiile rebele ale Nistrului, când apa fluviului ajungea până la cetate, nu staționau mult timp pentru a provoca distrugeri atât de masive, cum sunt redate în desenul lui N.A. Golânschi, unde partea de jos a zidurilor castelului este erodată în adâncime. O asemenea degradare a zidăriei putea fi provocată de aflarea lor îndelungată în apa ce începea lângă cetate, dar aceasta nu putea reveni șanțului depistat arheologic[5] (Musteață, Tentiuc, Ursu 2014, 30-31).

5. În campania arheologică din 2012-2013, spre est de turnul sudic, la 22 m distanță de zidul curtinei, a fost cercetat un fragment al acelui șanț, de formă tronconică în secțiune, sus lat de cca 6 m, jos – 4,5 m, adânc de cca 4 m, întărit în exterior cu două rânduri de pari ascuțiți și cu un rând spre interior, dar fără a fi determinat traseul său, deci și legătura cu cetatea de piatră.

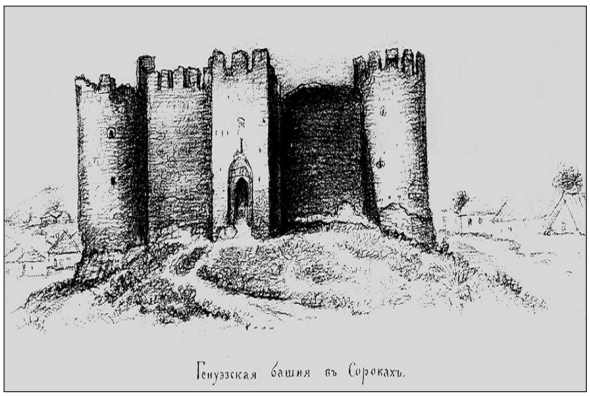


Fig. 2. Cetatea Sorocii, desen de N. Golânschi, anii 50-70 ai sec. XIX. Sunt redate: metereza verticală (fanta) deasupra intrării, portalul intrării cu părțile de jos ale arcului ogival, erodarea părții inferioare a zidurilor și acumularea pământului pentru accesul în cetate

Fig. 2. Soroca Fortress, drawing by N. Golanschi, the 50's-70's of the XIXth century. There are shown: vertical rampart (slot) above the entrance, the portal of entry with the bottom sides of the ogival arch, eroding of the inferior side of the walls and land accumulation for the access into the fortress.

În câteva imagini istorice ale cetății se pot observa mai multe fragmente ale valurilor de pământ, multe dintre care puteau fi de la îngrădirea fostului lac din jurul castelului. Pe ilustrația poștală colorată a orașului Soroca, o fotografie de la începutul secolului XX, între malul fluviului și cetate se afla un val de pământ tăiat în secțiune în stratigrafia căruia se observă urme ale amenajării terenului, dispărută după crearea esplanadei din fața cetății în secolul trecut (Fig. 4).

Soluția arhitecturală a intrării în cetate face parte din tipologia fortificațiilor de tip castel, fiind un alt indiciu important al timpului edificării. Intrarea actuală în cetatea Sorocii pe un plan înclinat, nu este reconstrucția celei originale – pragul portalului ridicat la o cotă înaltă, cu deplasarea pe plan orizontal până în curte, situație clar redată în releveul secțiunii cetății Soroca, executat în anul 1788 de către ofițerii ruși în timpul ocupării cetății Soroca (Șlapac 2004, 301) (Fig. 5). Într-un releveu anterior, datat la 19 noiembrie 1769, este reprezentată doar partea de jos a accesului înalt în castelul Soroca, pentru urcare fiind improvizată o scară din lemn (AIMR, Fondul 349, registrul 38, dosar 1740). În imaginile fotografice interbelice se observă că pragul portalului în cetate este coborât cu ruperea zidăriei, sugerând distrugerea lui premeditată, vandalizarea petrecându-se după ocuparea cetății de armata rusă (Fig. 6). Amenajarea intrării cu pragul întărit din piatră a avut loc în perioada postbelică, cota superioară fiind ajustată la linia soclului, de unde începea evazarea în jos a zidului sub forma de glacis. Această consolidare arbitrară a intrării în cetate a fost păstrată și în proiectul de restaurare al lui V. Voițehovschi din 1970-1975 (Voitsekhovskii 1965, 129-131). Înălțimea la care se afla pragul original poate fi calculată din coroborarea datelor istorice cu aspectul zidăriei din nișa intrării, de la sol până la prag revenind cca. 3,5 m, înălțime egală cu dublarea taliei medii mane[6].

Accesul în cetate prin pragul înalt nu contravine opiniei arheologului Gh. Cebotarenco, obținută din analiza stratigrafică a secțiunii curții interioare că nivelul curții a fost ridicat cu pământul adus din exterior (Cebotarenko 1984). Într-adevăr, nivelul curții trebuia să fie ridicat pentru a corespunde pragului înalt al intrării, activitate ce s-a derulat concomitent cu edificarea castelului și

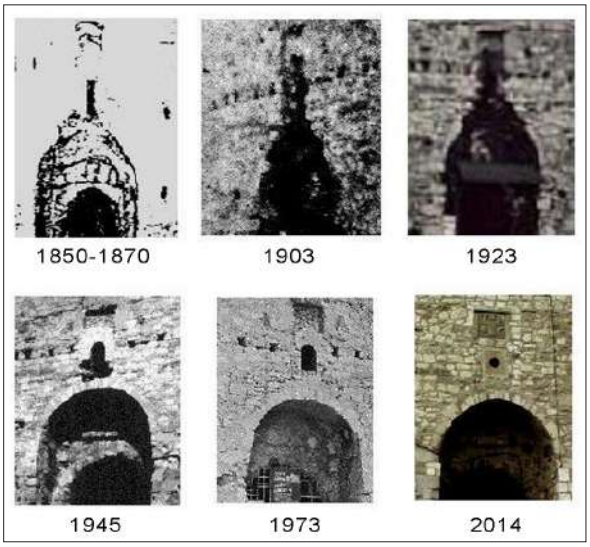


Fig. 3. Imaginile ruinării golului intrării în cetate și cu înlocuirea *fantei*, printr-o ocniță, cca. 1934), apoi – cu o *mortieră*, 2015.

Fig. 3. Images of ruined opening entry into the fortress and with the slot's replacement, through a niche, approx. 1934), then – with a *mortar*, 2015.

depozitarea pământului rezultat din săparea fundației adânci a curtinelor și a turnurilor (talpa cărora se află la cca. 10 m sub nivelul solului). Deci,

6. Releveele măsurărilor cetății din august 1945, executate de aspiranții Institutului de Arhitectură din Moscova, păstrate în Arhiva Combinatului „Restauratorul".

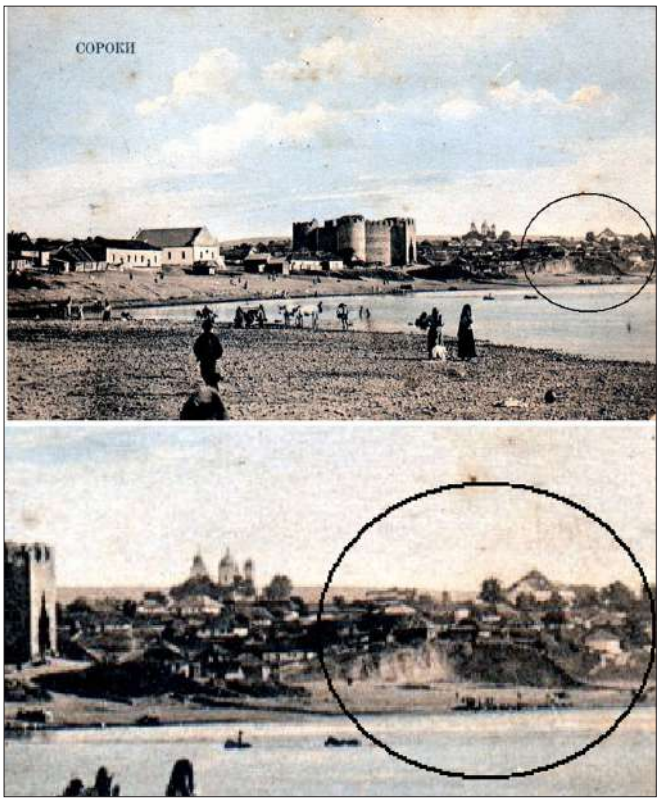


Fig. 4. Ilustrată din1903: pe malul Nistrului se vede un val de pământ cu resturi ale amenajării teritoriului.

Fig. 4. Illustration from 1903: on the Nistru riverside it is seen a mount of land with remnants of land management.

ridicarea curții castelului s-a petrecut începând din momentul demarării lucrărilor de construcție a castelului, dar nu în timpul ocupării cetății de către armata poloneză.

Alți indici ce concretizează nivelul pragului original sunt striurile distribuite în pereții laterali ai logiei intrării, ce corespund culiselor prin care luneca hersa cetății (Fig. 7). În timpul consolidării cetății în perioada postbelică nișele au fost completate cu pietre mărunte ce le deosebesc de restul paramentului, cota de jos a lor corespunde pragului intrării originale, aflată la cca. 1,2 m mai sus de pragul actual.

Paraclisul amenajat deasupra gangului de trecere în curte a fost puternic deteriorat, cu distrugerea sistemului de boltire cu tencuirea pereților în timpul ocupării cetății de către armata poloneză, situație redată în releveul din 1788, dar pe parcursul anilor detaliile au reapărut după căderea mortarului, situație fixată grafic în crochiurile măsurărilor din 1945. Pe peretele de sud al navei s-au păstrat părțile de jos ale unui arc circular, cu partea superioară deteriorată de o fisură verticală, sprijinit pe console alungite sub forma *plintelor* (Fig. 8). păstrate în colțurile de sud-est și sud-vest. În proiectul de restaurare elaborat de V. Voițehovschi în 1970, a fost decodificată corect, în principiu, sistema de boltire, dar în 1975 nava a fost acoperită cu o boltă cuplată din patru fâșii cilindrice, cu păstrarea consolelor ca mărturii istorice în colțurile de sud.

Consolele cu laturile inegale, mai lungi decât late erau necesare reducerii planului alungit al navei la forma centrală pătrată, în care, prin intermediul pandantivelor, urma să fie înscrisă baza cupolei. Sistemul bizantin de boltă în condițiile Moldovei a început să se modifice, având loc înlocuirea pilonilor de susținere a cupolei cu console, cerând micșorarea greutății cupolei, ce s-a realizat prin înlocuirea boltei semisferice printr-o calotă. Este o soluție similară boltirii navei bisericii Sf. Treime din Siret (sfârșitul secolului XIV), unde calota prezintă 0,69 % din înălțimea bolții semisferice (Nesterov 2007b, 14-31) (Fig. 9).

Un indice al modificării târzii a arhitecturii cetății este portalul intrării în paraclis, singurul element artistic păstrat al arhitecturii cetății. Golul în arc ogival este conturat cu baghete încrucișate, formate dintr-un tor central, mărginit de câte un listel lateral. Excepție formează o combinație, alcătuită din trei toruri mărginite de listele, prezența căreia întrerupe ritmicitatea compoziției. În arhitectura Moldovei este cunoscut doar un singur exemplu similar, – portalul de la intrarea din exonartex în pronaosul bisericii Sf. Nicolae din Rădăuți, instalat între anii 1479-1480 (Stoicescu 1974, 699). Aceasta dictează apariția portalului paraclisului cetății Soroca în timpul lui Ștefan cel Mare, mai ales că conceptul artistic al portalurilor bisericilor moldovenești *„s-a putut forma în timpul lui Ștefan, datorită unității de conducere și de politică culturală, asigurată de marele voievod timp de cinci decenii”* (Dordea 1976, 91). Se poate admite că intrarea în paraclisul cetății a obținut aspectul actual în timpul refacerii ocolului cetății, eveniment cunoscut retrospectiv din documentul din 1517 (Costăchescu 1940, 418-423). Din această nouă perioadă a cetății de piatră din Soroca datează și înlocuirea meterezelor alungite cu mortiere, forma golului circular fiind specific primei

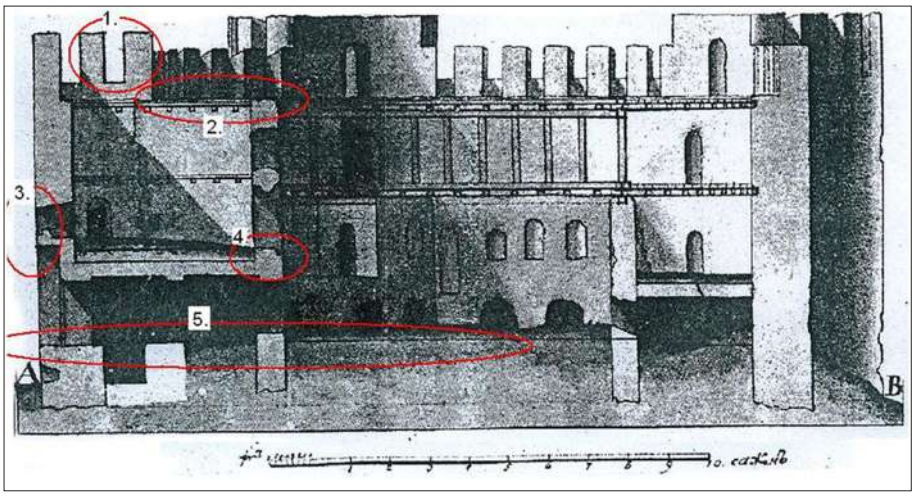


Fig. 5. Secțiune longitudinală prin turnul intrării. Releveul din 1788, explicație: 1) înălțimea exagerată a merloanelor; 2) lipsa pereților deasupra platformei turnului de intrare; 3) ambrazura alungită (fanta) deasupra intrării; 4) cota pragului intrării în corespundere cu cota podelei paraclisului; 5) intrarea înaltă (la cca. 3,5 m de la sol) în corespundere cu traseul orizontal al accesului în curtea castelului.

Fig. 5. Longitudinal section through the entrance tower. Sketch from 1788, explanation: 1) exaggerated merlons height; 2) lack of walls above the entrance tower platform; 3) elongated embrasure (slot) above the entrance; 4) quota of the entry threshold in accordance with the quota of chapel floor; 5) the high entrance (at approx. 3,5 m from the ground) in accordance with the horizontal route of the access into the fortress courtyard.

faze a introducerii artileriei în apărarea cetăților (Nesterov 2009, 14).

Aspectul actual al părții superioare al turnului intrării este un produs al reconstrucției cetății Soroca în 1975, drept analog servind turnul de intrare al cetății Hotinului, și acela datat eronat cu domnia lui Petru Rareș, dar construit în perioada ocupării Hotinului de turci după 1711 (Nesterov 2011, 39-47). Din aceleași materiale grafice de documentare istorică se observă că partea orientată spre curte a turnului nu avea merloane, nu din cauza distrugerilor, ci pentru că din punct de vedere al apărării nu erau necesare, acolo fiind propriul teritoriu al apărătorilor. În releveul secțiunii din 1788, planșeul de deasupra turnului este întreg, amenajat la aceeași cotă cu drumul de strajă, particularitate ce este confirmată de crochiurile măsurărilor din 1945. Particularitățile părții superioare a turnului intrării converg spre concluzia că deasupra paraclisului era o platformă deschisă pentru observare și acțiuni de apărare, așa cum a considerat, dar fără să argumenteze, și arheologul Gh. Cebotarenco.

Așa numitele *„cazemate”*, sunt anexe construite perimetral zidului circular al curții interioare, care dintr-un lanț de datări rezultate din investigațiile arheologice, au fost atribuite timpului staționării în cetate a armatei poloneze în anii 1686-1699. În lumina celor relatate cu privire la tipul de castel al fortificației din or. Soroca, această opinie nu rezistă criticii, construcții interioare făceau parte din concepția inițiа-

Fig. 6. Intrarea în cetatea Sorocii, 1945, foto L. Raskin. Peretele lateral prezintă ruperea pragului și traseul în pantă al intrării în curtea cetății.

Fig. 6. Entry into Soroca fortress, 1945, photo by L. Raskin. The sidewall shows the breaking threshold and the downhill route of the entry into the fortress courtyard.

Fig. 7. Nișa intrării, culisele hersei completate cu pietre (foto T. Nesterov, 2006).

Fig. 7. Entry niche, herse's link filled with stones (photo by T. Nesterov, 2006).

lă a castelului, ele fiind necesare funcțional pentru păstrarea proviziilor, aflării cailor, furajelor, armamentului, combustibilului și multor altor necesități ale străjii. Intrările în turnurile cilindrice încep de la nivelul doi, astfel partea inferioară opacă a curtinei „oferă" din etapa de concepție alipirea anexelor. Aceste 13 încăperi boltite alipite curtinelor, cu pereții orientați radiar, au fundația adâncită în stratul de pământ ce a format nivelul înalt al curții, dar ridicate după o pauză în construcția castelului.

În legătură cu aceste anexe interioare sunt și așa-numitele „contraforturi", descoperite în timpul cercetărilor arheologice, construite în continuarea pereților radiari ai magaziilor. Timpul edificării lor nu este cert, precum nu este cert nici timpul când au fost demantelate, păstrându-se doar sub nivelul de călcare. În proiectul de amenajare a cetății pentru armata rusă din 1788, fața-dele cazematelor și a nivelului construit deasupra lor, sunt unificate prin finisaj tencuit, mărturie că dacă aceste contraforturi au fost construite anterior ocupării cetății de către polonezi, la ele renunțându-se, cel târziu, în timpul staționării acestora. „Contraforturile", din punct de vedere arhitectural, nu sunt altceva decât pilonii care susțineau galeria perimetrală, formată pe lângă încăperile construite deasupra magaziilor, fiind prezente în cetățile Neamț, Suceava, Roman, corespunzător modelelor occidentale.

În interiorul cetății au fost depistate arheologic două fântâni, una circulară, considerată „moldovenească", situată în centrul curții și alta, pătrată, aflată spre nord de intrare, în axa magaziei nr.12, datată cu perioada staționării armatei poloneze, considerată că ar fi „poloneză". Aceste fântâni nu sunt indicate pe planul cetății din releveele din anii 1788 și 1789, doar în releveul din 1769, în locul ce ar corespunde fântânii circulare, este scris „pompă", un indiciu că aceasta era încă utilizată (AIMR, Fondul 349, registrul 38, dosarul 1740). Fântâna pătrată „poloneză" ocupă întreg spațiul dintre două „contraforforturi", închizând complet accesul în magazia nr.12, fiind abandonată după ridicarea încăperilor perimetrale. Astfel, ambele fântâni aparțin perioadei anterioare ocupării castelului de armata poloneză, dar construite în două etape ale utilizării castelului – cea patrulateră în timpul galeriilor pandante din lemn, și cea circulară – după construcția încăperilor perimetrale din piatră.

În final, reieșind din analiza arhitecturii cetății Soroca în coroborare cu informațiile din surse documentare istorice grafice, arheologice, se pot formula următoarele concluzii cu privire la istoria fortăreței din orașul Soroca. Cetatea Sorocii a fost un castel construit în timpul de ascensiune înfloritoare a Moldovei din timpul prosper al drumului moldovenesc, construită ca o „strajă" la un vad al Nistrului, prin aceasta, explicându-se dimensiunile ei compacte.

Castelul din Soroca avea o structură ce arată legătura indisolubilă cu creațiile similare din acea vreme din țările occidentale, realizat cu o precizie înaltă a lucrărilor de construcție. Era înconjurat cu apă, care începea de la zidurile incintei, mărginită de un val de pământ, traversată de un pod cu ultima secție mobilă. Accesul avea loc prin nișa portalului intrării din turnul rectangular, cu pragul aflat la o înălțime egală cu dubla statura medie umană

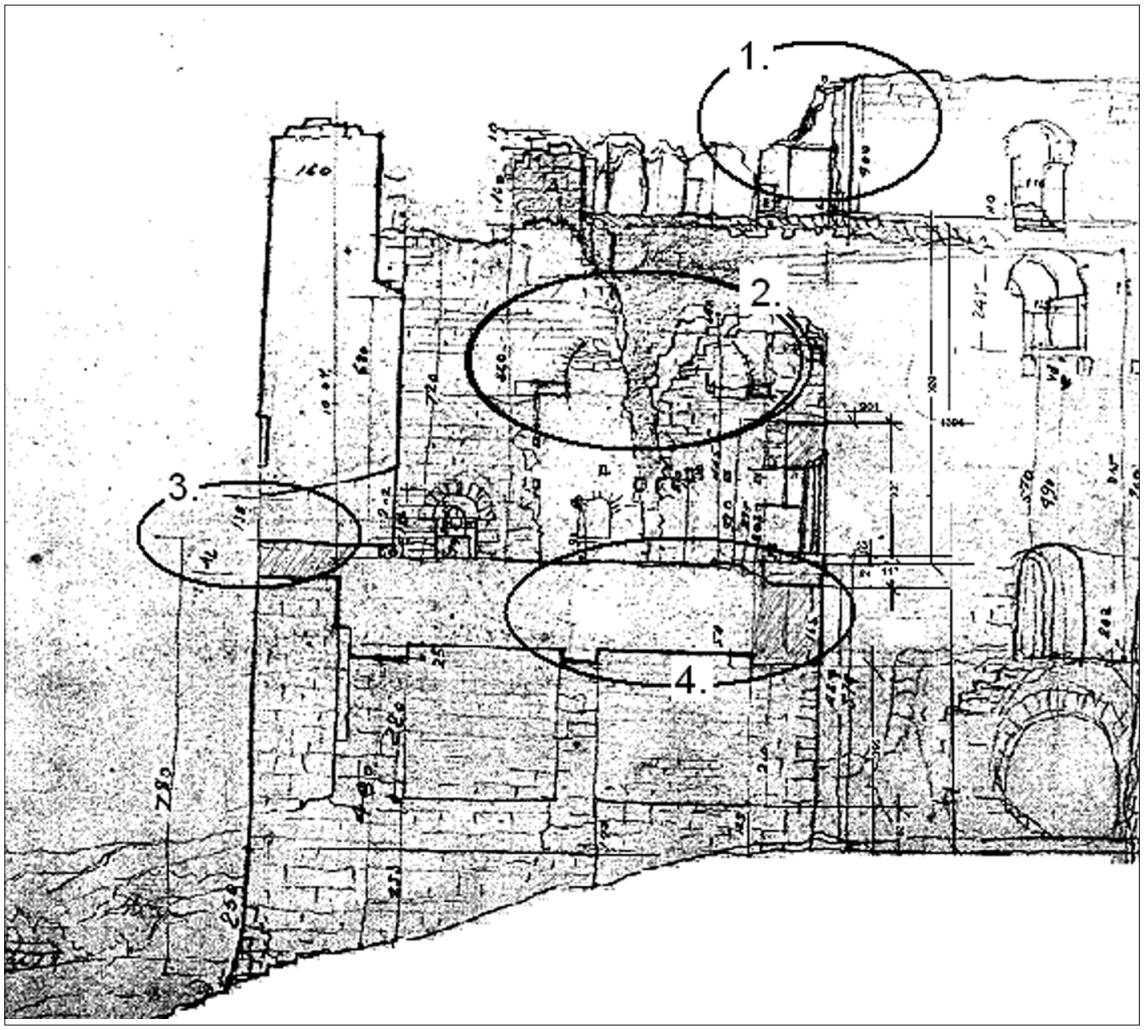


Fig. 8. Crochiurile măsurărilor din 1945, explicație: 1) înălțimea merloanelor sunt în raport cu talia umană; 2) urme ale arcurilor sistemului de boltire de tip bizantino-moldovenesc; 3) golul ocniței deasupra intrării; 4) cota podelei și pragul intrării în paraclis, în raport ergonomic cu interiorul.

Fig. 8. Measurements' sketches from 1945, explanation: 1) the merlons height is relative to the human waist; 2) traces of vaulting system arches of Byzantine-Moldavian type; 3) niche's opening above the entrance; 4) Quota of the floor and of the entry threshold in the chapel, in ergonomic relation to the interior side.

(cca. 3,5 m), intrarea fiind protejată de o hersă, care luneca în culisele din pereții laterali ai nișei intrării. Prin gangul boltit, divizat în două tronsoane prin trei porți, cu podeaua orizontală, se intra în curtea interioară a castelului, aflată la aceeași cotă cu gangul. Pereții înalți ai incintei circulare au permis în prima etapă repartizarea efectivului de apărare pe două galerii pandante din lemn, iar jos – se aflau, protejate de copertine, caii, furajele, depozitul de materiale necesare apărării. Spre nord de turnul intrării se afla fântâna cu planul pătrat.

Deasupra gangului de intrare a fost amenajat paraclisul, boltit cu o sistemă ce prezenta prima etapă a bolții moldovenești: cupola de tip calotă se sprijinea, prin intermediul pandantivelor și arcurilor longitudinale și transversale, pe console alungite.

Turnurile au fost dotate inițial cu metereze verticale pentru apărarea cu săgeți, una din ele fiind instalată în altarul paraclisului pentru protejarea intrării în cetate. Turnul rectangular de intrare se termina cu o platformă deschisă, care intra în componența drumului de strajă, amenajat pe grosimea zidului curtinelor, crenelat spre exterior și cu o îngrădire din lemn spre curte.

Peste un timp, dar în continuarea conceptului inițial al castelului, în partea de jos a curții, perimetral

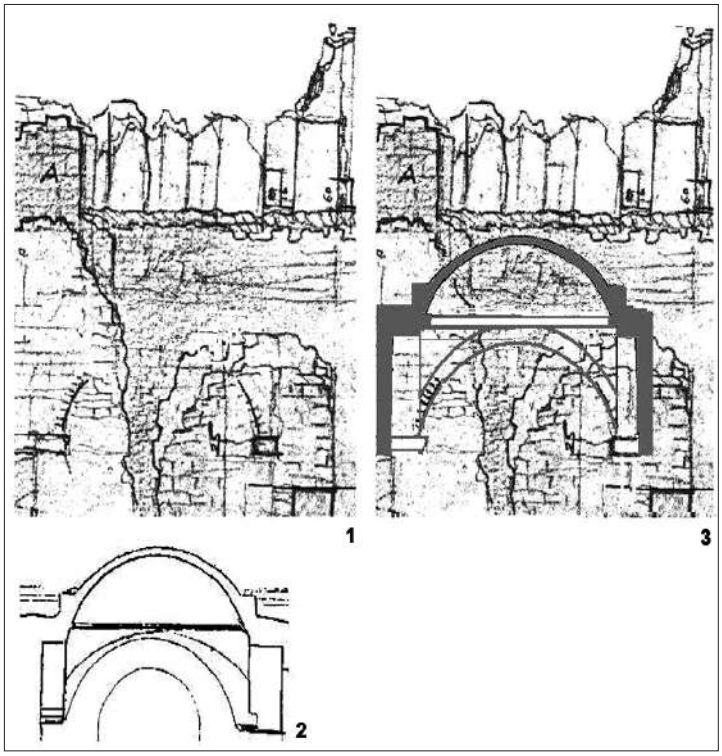


Fig. 9. Boltirea paraclisului: 1) urmele arcurilor longitudinale ale boltii; crochiuri din 1945; 2) secțiune prin cupola bisericii din Sf. Treime din or. Siret (sf. sec. XIV – începutul sec. XV); 3) reconstrucția boltei paraclisului cetății Soroca (după T. Nesterova).

Fig. 9. Chapel vaulting: 1) traces of vault longitudinal arches; sketch from 1945; 2) section through cupola of St. Trinity church from Siret town (end of XIVth century - beginning of XVth century); 3) reconstruction of chapel vault of Soroca fortress (by T. Nesterova).

curtinei circulare, au fost construite magazii din piatră, în două niveluri, calitatea lucrărilor de construcție fiind evident mai joasă. Tot în această perioadă, cazematele au fost dotate cu piloni de susținere a unei galerii perimetrale, de pe care era asigurată intrarea în încăperile de la nivelul doi. Prin vestibuluri, separate de încăperile laterale de la etaj, era organizată intrarea în turnurile cilindrice. Fântâna pătrată, care închidea intrarea în magazia nr. 12, a fost abandonată, iar în centrul curții a fost săpată o fântână circulară în plan.

Cetatea a fost un timp părăsită, fiind refăcută în timpul lui Ștefan cel Mare. A fost instalat portalul paraclisului, iar în locul meterezelor alungite au fost instalate mortiere circulare, operații constructive databile în anii '70 ai secolului XV.

Petru Rareș, în dorința de a organiza o alianță antiotomană, a căutat să perfecționeze capacitatea de rezistență a cetății Soroca, conștient de depășirea potențialului defensiv, invitând de două ori în 1543 pe un specialist din Bistrița, pentru a lucra *„în jurul cetății pe nume Soroca"*, o intenție rămasă fără urmare.

Staționarea în cetate a armatei poloneze timp de 13 ani a condus la demantelarea pilonilor care susțineau galeria de la nivelul doi și dispariția sistemului de boltire a paraclisului, și fondarea unei capele catolice, iar după plecarea polonezilor, cetatea a rămas neutilizată. După ocuparea din nou a cetății de armata rusă pragul intrării în cetate a fost rupt și coborât până la sol; din turnurile circulare, din rândul inferior au fost scoase mortierele, cu timpul încăperile interioare s-au ruinat.

Odată cu creșterea interesului față de monumentele trecutului, au fost întreprinse lucrări de consolidare a cetății (1902, cca 1934, 1950). Cercetările arheologice au scos la lumina zile „contraforturile" și fântânile, au aruncat din paraclis stratul de pământ, coborând cu cca1,5 m podeaua. În proiectul de restaurare a cetății (1970), implementat parțial până în 1975, au fost păstrate modificările anterioare și au apărut alte denaturări ale arhitecturii: construcția pavilionului deasupra turnului intrării, acoperit în patru pante; paraclisul a fost acoperit printr-o boltă cuplată din bolți cilindrice; pentru intrarea în paraclis a fost tăiat un gol în peretele de nord etc.

Conform legislației internaționale, restaurarea este *„o operație care trebuie să aibă îndeobște un caracter excepțional. Ea are ca scop conservarea și punerea în evidență a valorii estetice și istorice a monumentului pe respectul rămășițelor trecutului și pe documente autentice. Ea se oprește acolo unde începe ipoteza"* (art. 9), *„restaurarea să nu falsifice documentul de artă și istorie"* (art. 12), *„toate* [intervențiile] *au drept scop transmiterea monumentului generațiilor viitoare în starea lui autentică și în toată varietatea lui ca o parte esențială a memoriei speciei umane"* (Carta 1964, *apud* Curinschi-Vorona 1996, 149-150).

În concluzie, menționăm că intervențiile în arhitectura cetății Soroca, acumulate treptat pe parcursul timpului, modificând aspectul ei, au afectat calitatea de document istoric al formelor și

detaliilor cetății, care, împreună cu lectura aproximativă a scrisorii din 1543, au condus la datarea tardivă a castelului de la Soroca, concluzie eronată, istoria și arhitectura autohtonă fiind lipsită de veriga necesară în calea înțelegerii genezei formelor arhitectonice la începutul statalității Moldovei.

Bibliografie

Carta 1964: Carta internațională privind conservarea și restaurarea monumentelor istorice (Veneția 1964).
Cebotarenko 1984: G.F. Cebotarenko, Sorokskaia krepost' – pamiatnik stariny (Chișinău 1984) // Г.Ф. Чеботаренко, Сорокская крепость – памятник старины (Кишинев 1984).
Costăchescu 1940: M. Costăchescu, Documente moldovenești de la Bogdan voievod (1504-1517) (București 1940), 418-423.
Costin 1989: Miron Costin, Opere. Cronica Țărilor Moldovei și Munteniei (Chișinău 1989).
Curinsch-Vorona 1996: Gh. Curinsch-Vorona, Arhitectură. Urbanism. Restaurare (București 1996).
Dordea 1976: M.-V. Dordea, Reflexe gotice în arhitectura românească (București 1976).
Fiore, Tafuri 1993: F.P. Fiore, M. Tafuri, Francesco di Giorgio architetto, Trattato di architettura civile e militari (Milan 1993).
Ionescu 1937: Gr. Ionescu, Istoria arhitecturii românești din cele mai vechi timpuri până în 1900 (București 1937).
Ionescu 1982: Gr. Ionescu, Arhitectura pe teritoriul României de-a lungul veacurilor (București 1982). p. 212.
Lapedatu 1914: Al. Lapedatu, Cetatea Sorocii. Notiță istorico-descriptivă. In: Buletinul comisiunii monumentelor istorice, anul VI, 1914, fasc. 25, p. 85-96.
Musteață, Tentiuc, Ursu 2014: S. Musteață, I. Tentiuc, V. Ursu, Raport științific privind investigațiile arheologice în cetatea Sorocii, campania 2013 (Chișinău 2014), 30-31.
Nesterov 2007a: T. Nesterov, Arhitectura cetății Soroca – un argument important în datarea fortăreței. RIM, nr.2, 2007, 25-42.
Nesterov 2007b: T. Nesterov, Cu privire la modulul structurii spațiale a clădirilor ecleziastice bizantine, ruse și din Țara Moldovei (Cu studiu de caz biserica Sf. Treime din orașul Siret). Arta. Seria Arte vizuale, 2007, 14-31.
Nesterov 2009: T. Nesterov, Cetatea Sorocii – între legendă, mituri și ipoteze. In: Soroca. Almanah (Chișinău 2009).
Nesterov 2011: T. Nesterov, Aspecte controversate ale etapelor formării arhitecturii cetății Hotin. Arta 2011, 39-47.
Stoicescu 1974: N. Stoicescu, Repertoriul bibliografic al localităților și monumentelor medievale din Moldova (București 1974).
Șlapac 2004: M. Șlapac, Cetăți medievale din Moldova (Chișinău 2004).
Toromanian 1974: A.Kh. Toromanian, Ob arkhitekture krepostnykh sooruzhenii Moldavii. IFJANArnSSR// A.Х. Тороманян, Об архитектуре крепостных сооружений Молдавии. ИФЖАНАрмССР, 1974, nr. 3, 181-190.
Voitsekhovskii 1960: V.A. Voitsekhovskii, Krepost' v Sorokakh. In: Trudy GIKM 1960, 67-74 // В.А. Войцеховский, Крепость в Сороках. Труды ГИКМ, 1960, 67-74.
Voitsekhovskii 1965: V.A. Voitsekhovskii, Krepost' v Sorokakh. KSIA, vyp. 105, 1965, 129-131 // В.А. Войцеховский, Крепость в Сороках. КСИА, вып. 105, 1965, 129-131.

Tamara Nesterova, arhitect, doctor în studiul artelor, Centrul Studiul Artelor, Institutul Patrimoniului Cultural AȘM, bd. Ștefan cel Mare 1. MD 2001, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: neste2003@list.ru

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS

Валентин Дергачев

Методика корректировки «минимального числа особей»

Keywords: archaeology, faunal remains, archaeozoology, "minimum number of individuals", modelling, method of adjustment, interpretation possibilities.
Cuvinte cheie: arheologie, resturi faunistice, arheozoologie, „numărul minimal de indivizi", modelare, metoda de corectare.
Ключевые слова: археология, остатки фауны, археозоология, «минимальное число особей», моделирование, методика корректировки.

Valentin Dergachev

A metod of adjustment of "minimum number of individuals"

The paper considers various contradiction issues concerning the main archaeozoological parameters: "number of bones" and "number of individuals". A method of "minimum number of individuals" based on model of archaeologization process of faunal remains is proposed. The new method permits the calculation of deviation coefficient that represents a difference between the "minimum number of individuals" based on archaeozoological material and the predicted "real" number of individuals.

The correction of number of individuals, from one hand, permits to make this parameter more precise in accordance to the number of osteological remains. From another hand, the new method converts the specific archaeozoological notions into the social-econoical "language", i.e. into the term of "real number of individuals". This method opens broad prospects for various culturological and social-economical reconstructions. The most significant of them are: an objective and adequate assessment of the importance of animal breeding and hunting in accordance with all of their components; a household or collective consumption of animal breeding products and hunting prey; a household and/or individual specialization in the domain of animal husbandry and hunting activities; planigraphyc reconstruction of a settlement space from the point of view of the recycling process localization of animal species according to different functional complexes; the revealing of the number of "lost" archaeozoological remains due to both natural and anthropic factors. However, all above enlisted features directly depend on two conditions: the selection of faunal remains during excavations should be carried out separately for each complex, while their description should include both in the number of bones, and the estimated minimum number of individuals.

Valentin Dergaciov

Metodica de corectare a „numărului minimal de indivizi"

Lucrarea este dedicată analizei coraportului dintre indicii "numărul de oase" determinate după specie și „numărul minimal de indivizi". În baza modelării procesului de arheologizare a resturilor faunistice se evidențiază legitațiile dintre aceste indicii, iar în baza lor – metodica de corectare a „numărului de indivizi". Metodica include calcularea coeficientului de deviație, cu evidențierea ulterioară a numărului „cuvenit" și „real" de indivizi. Metodica propusă deschde posibilități largi în vederea multiplelor reconstrucții social-economice și culturologice.

Валентин Дергачев

Методика корректировки «минимального числа особей»

Работа посвящена анализу соотношения определенных до вида «числа костей» и «минимального числа особей». На основе моделирования процесса археологизации фаунистических остатков, выводятся основные закономерности статистического проявления этих показателей, а на базе последних – методика корректировки «числа особей». Она включает определение коэффициента девиации с последующим расчетом «должного» и «реального» числа особей. Предложенная методика открывает широкие перспективы для самых разнообразных социально-экономических и культурологических реконструкций.

Вводное

Фаунистические остатки, в виде целых или сильно фрагментированных костей – «кухонные остатки», представляют две из основных отраслей экономики – животноводство и охотничьи промыслы, которые, наряду с земледелием, послужили основой экономического развития всех древних обществ. Эти остатки, как правило, составляют одну из наиболее многочисленных категорий источников, поступающей в процессе археологических раскопок (более 50-60% от всех обнаруженных артефактов). Парадоксально, но, несмотря на эти обстоятельства, если обратиться к любой из сколь-

ко-нибудь значимых обобщающих историко-археологических работ, легко убедиться, что практически вся характеристика оговоренных отраслей хозяйства – животноводства и охоты, обычно сводится к простому полустраничному комментарию к статистическому соотношению определенных до вида животных: домашних и/или диких. И не более того.

Следуя традициям, зародившимся еще в 50-60 гг. прошлого столетия, основными и единственными количественными критериями в оценке значений фаунистических остатков стали два показателя: «число костей» и «минимальное число особей» (далее просто – число особей). Однако, уже на начальных этапах исследований, выяснилось, что эти показатели дают разные значения, зачастую сильно отличающиеся друг от друга. Это обстоятельство, в наиболее полном объеме, было специально рассмотрено в одной из ранних работ В.И. Цалкина. Объяснив сложности диагностики как числа костей, так и, в особенности – числа особей, В.И. Цалкин одним из первых сформулировал общую тенденцию соотношения этих показателей.

«*Чем меньше количество костей данного вида…, тем ближе к действительности результат подсчета особей… И, наоборот, чем больше костей того или иного вида, тем дальше отступает от действительности (в сторону уменьшения) результат подсчета количества особей*» (Tsalkin 1956, 122).

Вместе с тем, прекрасно сознавая оговоренные противоречия, исследователь отчетливо рекомендовал:

«*Для оценки того или иного вида в хозяйстве следует руководствоваться не количеством костей, а количеством его особей*» (Там же, стр. 124).

Благодаря, в том числе и этим наставлениям В.И. Цалкина, «число особей» – и на востоке, и на западе – стали использовать в качестве главного критерия, к определению которого стремились все последующие археозоологи, и который широко привлекался в интерпретационных исследованиях по раскрытию истории хозяйства, палеоэкономики, предлагаемых как самими археозоологами, так и археологами (Bibikov 1965; Tsalkin 1970; Boessneck 1956; Greenfield 1986; Bökönyi 1959; 1969; 1974; Benecke 1994; El Susi, 1996 и мн. мн. др.).

К сожалению, не считая собственно остеологического аспекта, целенаправленные поиски по осмыслению внутренней логики соотношения оговоренных выше показателей, начатые в свое время В.И. Цалкиным, более не проводились.

В результате, так и не разобравшись в этих противоречиях, многие из археозоологов стали просто отказываться от определения числа особей, признав его неадекватным и необъективным. Это обстоятельство, отчетливее всего изложено в – по-своему программной – по содержанию статье Е.Е. Антипиной (Antipina 2003, 18-19).

Но тем самым, археозоологи фактически полностью лишают себя и нас, археологов, любых возможностей использования их определений в целях социально-экономических реконструкций. Последнее объясняется тем, что термин-понятие «число костей» имеет сугубо прикладное, специфическое применение как в биологии, так и в отпочковавшихся от нее дисциплинах. В социально-экономических же науках единственным приемлемым критерием исчисления популяции животных, может быть лишь понятие «число особей». И это обстоятельство, надо понимать, прекрасно осознавалось В.И. Цалкиным, но, не его последователями, обвинившими его в логической непоследовательности (Antipina 2003, 19).

С проблемой соотношения числа костей и числа особей автор впервые столкнулся в работе по статистической обработке результатов археозоологических определений на предмет выяснения начальных этапов доместикации лошади. В работе, наполненной множеством разносторонних аргументов, мы пришли к выводу о строго закономерном соотношении рассматриваемых показателей. Одно из основных проявлений этих закономерностей было выражено в формуле – «*…многочисленные по костям виды дают понижение числа особей, а малочисленные, наоборот – их повышение*» (Dergachev 2007, 333). Эта формула, по своему смыслу вполне созвучна, выше приведенному заключению В.И. Цалкина. Но она была выведена нами из анализа суммарных данных по памятникам, без учета составляющих их комплексов (жилищ, хозяйственных и др. комплексов), определения по которым либо не проводятся, либо крайне редки. Сформулированный нами вывод

полностью сохраняет свое значение. Но, он, как и в случае В.И. Цалкина, остается не полным. Поскольку, если вдуматься, он носят сугубо констатирующий характер (Tsalkin 1956, 121), и не объясняют внутреннюю логику оговоренного соотношения. К сожалению, предложенная нами дискуссия по вопросу об особенностях содержания и закономерных проявлениях соотношения числа костей и числа особей, практически осталась незамеченной – как археозоологами, так и археологами.

В 2014 г., при подготовке монографии, посвященной неолитическому поселению культуры Криш Сакаровка I, автор в очередной раз столкнулся с этой не разрешенной проблемой. В процессе статистического анализа результатов фаунистических определений этого поселения, был выявлен целый ряд новых закономерностей, первоначально воспринятых как раскрывающие – не много, не мало – общую модель археологизации фаунистических остатков (в самом широком понимании этой проблемы), о чем я и известил читателя в небольшом, предварительном разделе изданной работы (Dergachev, Larina 2015, 218 и след.) Однако, последующие усилия по осмыслению рассматриваемых показателей, вынудили автора отказаться от предложенных интерпретаций, поскольку, как выяснилось, большинство этих закономерностей, оказались обусловлены деформированностью результатов определений числа особей, вызванной, с одной стороны, более сложной процедурой их идентификации, а с другой – практикой их «суммарного» исчисления. Имеется в виду практика, когда число особей определяется как сумма данных по костям происходящим из всех комплексов, раскопов разных лет или в целом по памятнику – обстоятельство оговариваемое практически всеми специалистами-археозоологами (Paaver 1965, 45; Greenfield 1986, 75-76; El Susi 1996, 25-28; Reitz, Wing 1999; Antipina 2003, 18 и др.).

Как бы то ни было, но именно последнее обстоятельство подтолкнуло нас к попытке разобраться в этом вопросе через моделирование самого процесса археологизации фаунистических остатков. Но, прежде этого, обратимся еще раз к вопросу о противоречьях и закономерностях соотношения показателей по числу костей и числу особей.

Противоречия и закономерности или – закономерные противоречья?

Чтобы проиллюстрировать противоречия и/или закономерности в соотношении интересующих нас показателей, обратимся к результатам археозоологических определений, выполненных разными специалистами для памятников разных географических и культурных зон, разных хронологических диапазонов. Задача – двоякая. С одной стороны – продемонстрировать различия или, иначе говоря – «противоречия» в проявлении показателей по числу костей и числу особей. А с другой стороны, продемонстрировать то общее, что выдает их строго определенное закономерное соотношение.

На таблице – Рис. 1, вынесены сводные данные по видовому определению числа костей и числа особей для пяти совершено разных памятников: от Кавказа до Рейна и от неолита до раннего средневековья. Сами же определения, выполнены разными специалистами. Первый из приведенных памятников относится к культуре Винча А, Среднего Подунавья (Рис. 1, столб. 2), определения по которому выполнены румынским специалистом G. El Susi (El Susi 1996, 230. Tabl. 3)[1]. Данные о двух других памятниках заимствованы у В.И. Цалкина. В одном случае это поселение культуры линейно-ленточной керамики Флорешты I, на территории Молдовы (Рис. 1, столб. 3), во втором – поселение Мешоко, культуры типа майкоп на Северном Кавказе (Рис. 1, столб. 5) (Tsalkin 1970, 267, 273, соответственно, Приложен. 1 и 7). Один из памятников представляет культуру линейной керамики Рубане Франции (Рис. 1, столб. 4) (Arbogast 1994, 24. Tabl. IV), другой – культуру поздней бронзы Ноуа Румынии (Рис. 1, столб. 6) (Haimovici 1983, 99. Tabl. 3). И последний памятник представляет общеизвестное Пастырское гордище раннего средневековья, на Украине (Рис. 1, столб. 7) (Gorbenko, Zhuravlev, Pashkevich 2008, 97. Табл. 14).

В составленной таблице – Рис. 1, в ячейках по каждому памятнику даны: в первом ряду – абсолютные значения количества определенных костей (в числителе) и числа особей (в знаменателе), во втором ряду, соответственно, их процентные выражения, и в третьем – их раз-

1. В приведенной автором таблице имеются неточности в суммированных данных.

Культ.и памят. /Виды	Винча А Gornea-C. % от ИТОГО	КЛЛК Флоре-шты % от ИТОГО	K.Rubane-Rhin Colmar % от ИТОГО	Майкоп-Кавказ Мешоко % от ИТОГО	К. Ноуа Cavadine-şti % от ИТОГО	Пастыр-ское городищ % от ИТОГО	Винча А Gornea-C. % от ВСЕГО
1	2	3	4	5	6	7	8
Д О М А Ш Н И Е							
Bos taurus L	775/83 47,5/36,7% **-10,8%**	**370/36** 54,6/32,4% **-22,2%**	532/13 56,3/33,3% **-23,0%**	6762/119 42,8/24,9% **-17,9%**	530/56 54,0/44,4% **-17,9%**	312/19 42,4/26,4% **-16,1%**	775/83 67,4/56,8% **-10,5%**
Sus scrof. dom. L.	99/18 6,1/8,0% **+1,9%**	**60/20** 8,8/18,0% **+9,2%**	196/8 20,7/20,5% **-0,2%**	6073/217 38,4/45,4% **+7,0%**	84/19 8,6/15,1% **+7,0%**	175/21 23,8/29,2% **+5,4%**	99/18 8,6/12,3% **+3,7%**
Ovis ar. capra h	269/41 16,5/18,1% **+1,6%**	**24/11** 3,5/9,9% **+6,4%**	128/6 13,5/15,4% **+1,8%**	2299/73 14,5/15,3% **+0,8%**	215/23 21,9/18,3% **+0,8%**	171/18 23,3/25,0% **+1,7%**	269/41 23,4/28,1% **+4,7%**
Equus caballus	–	–	–	3/2 0.02/0.4% **+0,4%**	90/12 9,2/9,5% **+0,4%**	29/6 3,9/8,3% **+4,4%**	–
Canis fam. L.	7/4 0,4/1,8% **+1,4%**	**1/1** 0,1/0,9% **+0,8%**	–	7/3 0,04/0,6% **+0,6%**	4/1 0,4/0,8% **+0,4%**	35/4 4,8/5,6% **+0,8%**	7/4 0,6/2,7% **+2,1%**
ВСЕГО и в %→	**1150/146** 70,5/64,6% **-5,9%**	**455/68** 67,1/61,3% **-5,8%**	**856/27** 90,6/69,2% **-21,4%**	**15144/414** 95,8/86,6% **-9,2%**	**923/111** 94,1/88,1% **-6,0%**	**722/68** 98,2/94,4% **-3,8%**	**↓1150/146 -10,5% +10,5% =0=100%**
Д И К И Е							
Cervus elap. L.	267/28 16,4/12,4% **-4,0%**	82/15 12,1/13,5% **+1,4%**	45/3 4,8/7,7% **+2,9%**	313/15 2,0/3,1% **+1,2%**	49/10 5,0/7,9% **+1,2%**	**–**	267/28 55,4/35,0% **-20,4%**
S.scrofa ferus L.	100/17 6,1/7,5% **+1,4%**	115/19 17,0/17,1% **+0,2%**	14/2 1,5/5,1% **+3,6%**	108/11 0,7/2,3% **+1,6%**	5/3 0,5/2,4% **+1,6%**	3/2 0,4/2,8% **+2,4%**	100/17 20,7/21,2% **+0,5%**
Capreol. capr. L.	37/10 2,3/4,4% **+2,2%**	20/6 2,9/5,4% **+2,4%**	9/1 1,0/2,6% **+1,6%**	205/20 1,3/4,2% **+2,9%**	3/1 0,3/0,8% **+2,9%**	1/1 0,1/1,4% **+1,2%**	37/10 7,7/12,5% **+4,8%**
Ursus arctos L.	5/2 0,3/0,9% **+0,6%**	–	3/1 0,3/2,6% **+2,3%**	7/2 0.04/0.4% **+0,4%**	–	–	5/2 1,0/2,5% **+1,5%**
Vulpes vulpes L.	1/1 0,1/0,4% **+0,4%**	–	2/1 0,2/2,6% **+2,4%**	16/5 0,1/1,0% **+0,9%**	–	–	1/1 0,2/1,2% **+1,0%**
Et alia	72/22 4,4/9,7% **+5,3%**	6/3 0,9/2,7% **+1,8%**	16/4 1,7/10,3% **+8,6%**	20/11 0,1/2,3% **+2,2**	1/1 0,1/0,8% **+0,7**	9/1 1,2/1,4% **+0,2%**	72/22 14,9/27,5% **+12,6%**
ВСЕГО и в %→	**482/80 29,5/35,4%** **+5,9%**	**223/43 32,9/38,7%** **+5,8%**	**89/12 9,4/30,8%** **+21,4%**	**669/64 4,2/13,4%** **+9,2%**	**58/15 5,9/11,9%** **+6,0%**	**13/4** 1,8/5,6% **+3,8%**	**482/80 -20,4% +20,4% =0=100%**
Сумма разниц	**-5,9% +5,9% =0%**	**-5,8% +5,8% =0%**	**-21,4% +21,4% =0%**	**-9,2% +9,2% =0%**	**-6,0% +6,0% =0%**	**-3,8% +3,8% =0%**	**±10,5% ±20,4% ±9,9%**
ИТОГО и в %→	**1632/226 =100% ±5,9=0%**	**678/111 =100% ±5,8=0%**	**945/39 =100% ±21,4=0%**	**15813/478 =100% ±9,2=0%**	**981/126 =100% ±6,0=0%**	**735/72 10,4/17,5% ±3,8=0%**	**1632/226 =100% ±9,9=0%**

Рис. 1. Сводные данные по результатам фаунистических определений разно культурных и разно хронологических памятников.

Fig. 1. Summarised data on the faunal determinations from culturally and chronologically various archaeological monuments.

ности. В случаях, когда процентные значения числа костей выше значений числа особей, эти разности обозначены отрицательными знаками – «-», означающим нехватку числа особей. И наоборот. Когда процентные значения числа особей выше числа костей, их разности сопровождаются положительными знаками «+», означающих избыточность числа особей. Обратим внимание, что для пяти памятников процентные значения числа костей и числа особей рассчитаны от общей суммы данных (от Итого) (Рис. 1, столб. 3-7). А применительно к памят-

нику Gornea, в одном случае – от общей суммы (Рис. 1, столб. 2), а во втором – по каждой из видовых групп раздельно (т. е. от Всего) (Рис. 1, столб. 8).

Итак, разные культуры, разные памятники и разные, обработавшие их материалы специалисты. Обратимся к результатам определений и рассмотрим их, как с точки зрения противоречий в проявлении числа костей и числа особей, так и в плане выяснения их общих, сходных закономерностей. Для упрощения восприятия, воспользуемся графическим отражением приведенных цифровых данных, с сохранением, оговоренных разно полюсных значений их разностей.

На Рис. 2, А-Б графически отображены данные по двум неолитическим памятникам: Флорешты I – в Молдове и Colmar – в верховьях Рейна. На этих рисунках, в параллельных столбцах, переданы процентные значения числа костей (затененные столбики) и числа особей (заштрихованные столбики). Рядом, или над этими столбиками, указаны процентные значения их разностей. Значения со знаком «-» и обращенной вниз стрелкой, обозначают недостачу числа особей, по отношению к числу костей. А значения со знаком «+» и стрелкой обращенной вверх, указывают на избыточное число особей, по отношению к числу костей.

Первое, что бросается в глаза из этих графиков, так это – казалось бы, полный разнобой в соотношении числа костей к числу особей. В одних случаях виды дают занижение числа особей (Флорешты – по КРС -22,2%, Colmar – по КРС -23,0% и по домашней свинье -0,2%), а в остальных, что по первому, что по второму памятникам – завышение числа особей (Рис. 2, А-Б). Причем все эти разности демонстрируют достаточно значительный разброс от 0,2% до более 20%. Именно эти различия, обычно, и оцениваются археозоологами как противоречивые и/или неадекватные. И на первый взгляд, они, как будто бы, правы.

Но, что при этом, примечательно. Во-первых, в каждом из приведенных случаев, речь идет о разных видах. Во-вторых, как хорошо видно из составленных графиков, занижение числа особей, как правило, характерно для наиболее многочисленных по числу костей видов. В случае Флорешт это КРС, в случае Colmar – это КРС и домашняя свинья. Все же остальные, второстепенные по

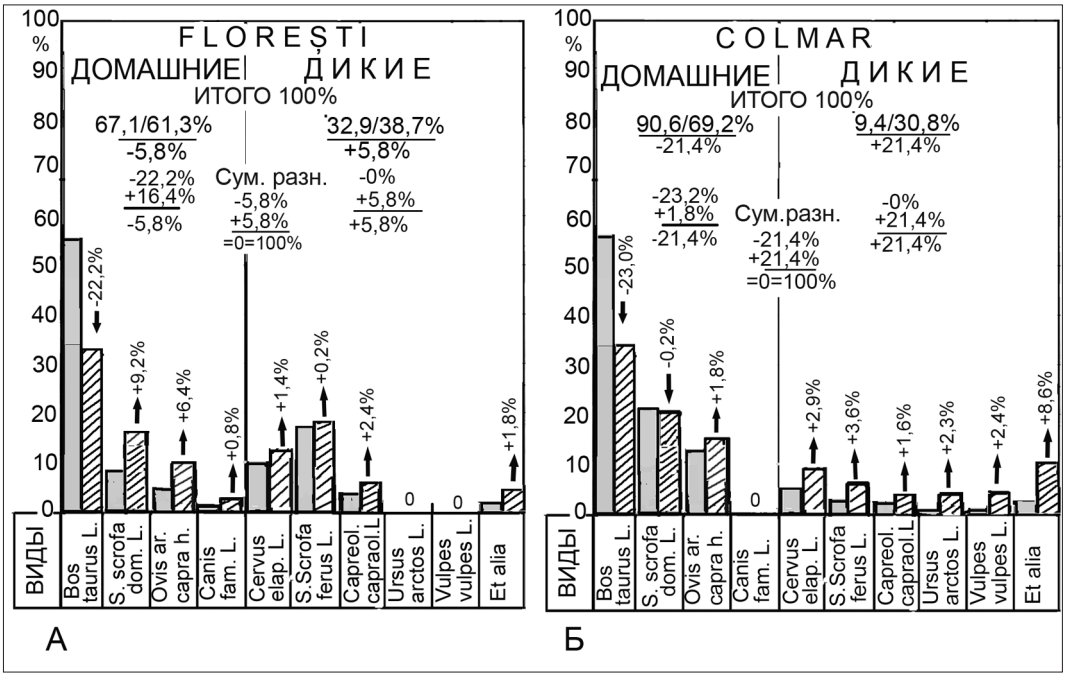


Рис. 2. Процентное соотношение числа костей (затененные столбики) и числа особей (заштрихованные столбики) для поселения Floreşti (**А**) и Colmar (**Б**), и суммы разностей их показателей. Исходные данные – **Рис. 1**, столб. 3 и 4.

Fig. 2. The percentage correlation between the number of bones (shadowed columns) and the number of individuals (crosshatched columns) from Floreşti (**A**) and Colmar (**B**) settlements, and amount of their residual index. Data source: **Fig. 1**, 3rd and 4th columns.

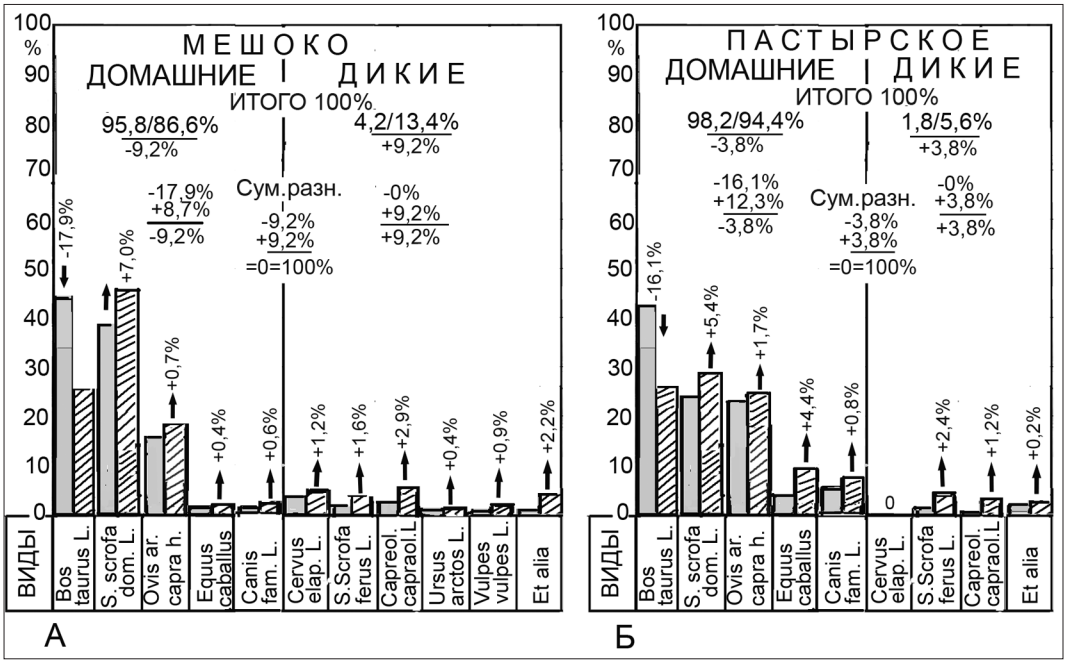


Рис. 3. Процентное соотношение числа костей (затененные столбики) и числа особей (заштрихованные столбики) для поселения Мешоко (**А**) и Пастырского городища (**Б**), и суммы разностей их показателей. Исходные данные – **Рис. 1**, столб. 5 и 7.

Fig. 3. The percentage correlation between the number of bones (shadowed columns) and the number of individuals (cross-hatched columns) from Meshoko (**A**) and Pastyrskoe (**B**) settlements, and amount of their residual index. Data source: **Fig. 1**, 5th and 7th columns.

численности виды – показывают завышенное число особей. Так это – противоречье или нечто другое – закономерность (оговоренное выше правило – «*чем больше костей, тем меньше особей и – наоборот*»).

Между тем, взятые по сумме разностей, по каждой из видовых групп, каждого из рассматриваемых памятников, они дают равнозначные значения, только с разными полюсными знаками. В случае Флорешт домашние виды в сумме составляют -5,8%, а дикие – +5,8% (Рис. 2, А). Точно также проявляют себя эти показатели и в случае поселения Colmar: домашние -21,4%, а дикие +21,4% (Рис. 2, Б). А поскольку, процентные значения по этим памятникам рассчитаны от их общих сумм (Итого), сложив эти разности, мы и в первом, и во втором случае получаем «0», т.е. полный 100% охват (Рис. 2, А-Б).

Возьмем два других примера: поселение майкопской культуры Мешоко и раннесредневековое городище Пастырское (Рис. 3, А-Б). Как и в двух первых случаях, оба этих памятника, дают, казалось бы, полностью противоречащие значения в соотношении числа костей к числу особей. По одним видам они показывают занижение числа особей (Рис. 3, А-Б, КРС, соответственно -17,9% и -16,1%), а по всем остальным – завышение числа особей. Но, опять-таки, как и в первых двух случаях, занижение числа особей свойственно для самого многочисленного (для обоих памятников) по числу костей виду – КРС. Все же остальные, менее репрезентативные виды – дают завышение числа особей. Более того, как и выше рассмотренные памятники, взятые по сумме разностей, по каждой из видовых групп, они также дают равнозначные, разно полюсные значения. Для Мешоко, по домашним -9,2%, а по диким +9,2%, В итоге получает тот же «0» или 100%. А по Пастырскому городищу, соответственно -3,8 и +3,8%, что равно «0» или 100% (Рис. 3, А-Б). Итак, возникает все тот же риторический вопрос, что под этим понимать, противоречия или закономерность?

Обратимся к поселению Gornea культуры Винча Нижнего Подунавья. Для него процентные значения, в одном случае, рассчитаны от их общей суммы (Итого) (Рис. 1, столб. 2; Рис. 4, А), а в другом – по каждой из видовых групп са-

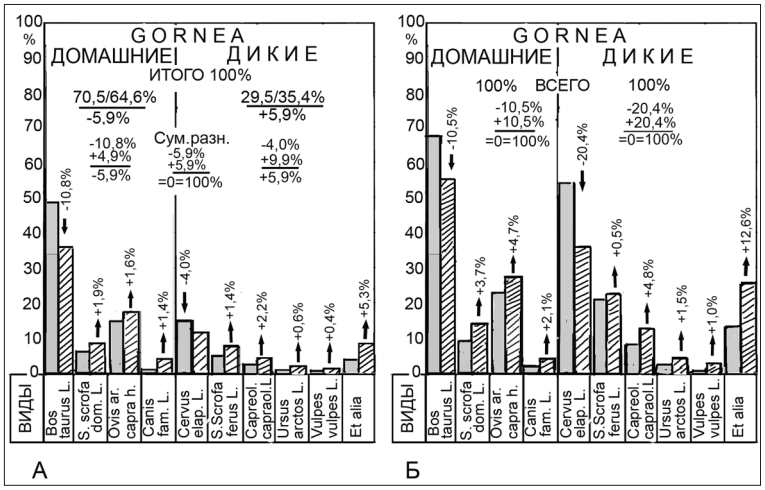


Рис. 4. Процентное соотношение числа костей (затененные столбики) и числа особей (заштрихованные столбики) для поселения Gornea по видовым группам (**А**) и от общей суммы (**Б**), и суммы разностей их показателей. Исходные данные – **Рис. 1**, столб. 2 и 8.

Fig. 4. The percentage correlation between the number of bones (shadowed columns) and the number of individuals (crosshatched columns) from Gornea settlement, according to the species groups (**A**) and the total amount (**B**), and amount of their residual index. Data source: **Fig. 1**, 2nd and 8th columns.

мостоятельно (Всего) (Рис. 1, столб. 8; Рис. 4, Б).

Что наблюдается? При процентных расчетах от общей суммы данных, подобно выше рассмотренным памятникам, они демонстрируют те же, кажущиеся противоречивыми, разности в соотношении значений числа костей и числа особей. Но, при этом, как и в других случаях, наиболее многочисленные по числу костей виды дают занижение числа особей. Среди домашних это КРС (-10,8%), а среди диких – олень (-4,0%). Все же остальные, менее значительные по численности виды, как среди домашних, так и среди диких, показывают завышенное число особей (от +0,4 до +5,3%). И, как и остальные памятники, по каждой из видовых групп они в сумме обнаруживают сходные, разно полюсные значения. Для домашних это -5,9%, для диких +5,9%. В сумме получаем тот же «0» или 100% (Рис. 4, А).

А что наблюдается в случае расчета процентных значений по каждой из видовых групп? Различия – «противоречья» в соотношении числа костей к числу особей, казалось бы, еще больше усилились, за счет изменения процентных значений. Но, при этом, как и во всех других случаях, наиболее многочисленные по числу костей виды дают занижение числа особей, а менее значительные – завышение числа особей. А по сумме разностей, как и полагается, каждая из видовых групп дает свои собственные, сходные, разно полюсные значения. В случае домашних это -10,5 и +10,5% (=0=100%), а в случае диких -20,4 и +20,4% (=0=100%) (Рис. 4, Б).

Обратимся к более сложной ситуации – поселению раннего Триполья Бернашевка, на Днестре. Фаунистические остатки поселения отбирались и определялись (В.И. Бибиковой) по каждому жилищному комплексу раздельно, и отдельно по культурному слою. Эти данные почерпнуты из работы В. Г. Збенович (Zbenovich 1980, 142, Табл. 4)[2] и отражены на таблице – Рис. 5. В ячейках таблицы, данные представлены в той же последовательности, что и для ранее рассмотренных памятников. В первом ряду – абсолютное число костей (в числителе) и число особей (в знаменателе); во втором, соответственно – их процентные значения и в третьем – их разности, с надлежащими положительными или отрицательными знаками. Все процентные расчеты произведены по горизонтали, от общей суммы по каждому виду. А в последнем столбце – по вертикали. Первыми, после абсолютных значений, здесь даны процентные значения и суммы разностей, рассчитанные от Всего, по соответствующей видовой группе (наклоненный шрифт). Под ними следуют процентные значения, рассчитанные от общей итоговой суммы (Рис. 5, столб. 10). В отдельный столбец, вынесены суммы разностей по всем видам (Рис. 5, столб. 9), а в двух, соответствующих строках – суммы разностей по всем комплексным объектам, применительно как к домашним, так и диким видам. Рассмотрим лишь несколько из этих показателей.

Если всмотреться в составленную таблицу, можно, лишь удивляться непрерывному разнобою в соотношении процентных значений числа костей к числу особей. Так, скажем, в случае КРС, в четырех случаях он обнаружи-

2. В приведенной автором таблице имеются неточности в суммированных данных.

Жилища/ Виды	**Жил. I**	**Жил. II**	**Жил. III**	**Жил. IV**	**Жил. V**	**Жил. VI**	**Культ. слой**	**Сумма разниц**	**% от *ВСЕГО** и ИТОГО**
1	2	3	4	5	6	7	8	9	↓↓10
Д О М А Ш Н И Е									
Bos taurus L	424/14 7,3/5,8% **-1,5%**	1141/23 19,6/9,6% **-10,0%**	1394/56 24,0/23,3% **-0,7%**	1589/71 27,4/29,6% **+2,2%**	346/18 6,0/7,5% **+1,5%**	637/51 11,0/21,2% **+10,3%**	278/7 4,8/2,9% **-1,9%**	**-14,0%** **+14,0%** **=0%**	**5809/240** *93,9/73,2-**20,7%*** 45,9/29,8-**16,1%**
Sus scrof. dom. L.	17/5 6,6/10,9% **+4,3%**	84/12 32,7/26,1% **-6,6%**	65/8 25,3/17,4% **-7,9%**	36/6 14,0/13,0% **-1,0%**	13/3 5,1/6,5% **+1,4%**	23/7 8,9/15,2% **+6,3%**	19/5 7,4/10,9% **+3,5%**	**-15,5** **+15,5%** **=0%**	**257/46** *4,2/14,0* ***+9,8%*** 2,0/5,7%**+3,7%**
Ovis ar. capra h	–	6/2 5,5/5,4% **-0,1%**	16/6 14,7/16,2% **+1,5%**	57/17 52,3/45,9% **-6,4%**	8/4 7,3/10,8% **+3,5%**	20/7 18,3/18,9% **+0,6%**	2/1 1,8/2,7% **+0,9%**	**-6,5%** **+6,5%** **=0%**	**109/37** *1,8/11,3* ***+9,5%*** 0,9/4,6% **+3,7%**
Canis fam. L.	1/1 11,1/20,0% **+8,9%**	2/1 22,2/20,0% **-2,2%**	–	3/1 33,3/20,0% **-13,3%**	–	2/1 22,2/20,0% **-2,2%**	1/1 11,1/20,0% **+8,9%**	**-17,7** **+17,7%** **=0%**	**9/5** *0,1/1,5* ***+1,4%*** 0,1/0,6% **+0,5%**
ВСЕГО и в %→	**442/20** 7,1/6,1% **-1,0%**	**1233/38** 19,9/11,6% **-8,3%**	**1475/70** 23,8/21,3% **-2,5%**	**1685/95** 27,2/21,3% **-5,9%**	**367/25** 5,9/7,6% **+1,7%**	**682/66** 11,0/20,1% **+9,1%**	**300/14** 4,9/4,3% **-0,6%**	**↓±53**,7% **←-18,3%** **+10,8%** **-7,5%**	**6184/328** *-20,7/+20,7* ***=0=100%*** 48,9/40,7% **-8,2%**
Сумма разниц	**-1,5%** **+13,2%** **+11,7%**	**-18,9%** **+0%** **-18,9%**	**-8,6%** **+1,5%** **-7,1%**	**-20,7%** **+2,2%** **-18,5%**	**-0%** **+6,4%** **+6,4%**	**-2,2%** **+17,2%** **+15,0%**	**-1,9%** **+13,3%** **+11,4%**	**↓±53,7** **←±44,5** **=±9,2%**	**↓=0** **=100%** **-8,2%**
Д И К И Е									
Cervus elap. L.	456/16 10,1/7,3% **-2,9%**	614/17 13,6/7,7% **-5,9%**	1018/54 22,6/24,5% **+1,9%**	1425/66 31,6/30,0% **-1,6%**	348/15 7,7/6,8% **-0,9%**	493/45 10,9/20,5% **+9,5%**	150/7 3,3/3,2% **-0,1%**	**-11,4** **+11,4%** **=0%**	**4504/220** *69,6/46,1* ***-23,5%*** 35,6/27,3-**8,2%**
S.scrofa ferus L.	243/18 15,7/13,1% **-2,6%**	116/16 7,5/11,7% **+4,2%**	488/37 31,5/27,0% **-4,5%**	398/32 25,7/23,4% **-2,3%**	90/10 5,8/7,3% **+1,5%**	98/17 6,3/12,4% **+6,1%**	117/7 7,5/5,1% **-2,4%**	**-11,8** **+11,8%** **=0%**	**1550/137** *23,9/28,7* ***+4,8%*** 12,2/17,0**+4,8%**
Capreol. Capr. L.	31/5 10,3/8,1% **-2,3%**	61/6 20,3/9,7% **-10,7%**	79/15 26,3/24,2% **-2,1%**	61/16 20,3/25,8% **+5,5%**	15/6 5,0/9,7 **+4,7%**	38/12 12,7/19,4% **+6,7%**	15/2 5,0/3,2% **-1,8%**	**-16,9%** **+16,9%+=0%**	**300/62** *4,6/13,0* ***+8,4%*** 2,4/7,7% **+5,3%**
Et alia	18/6 14,9/10,3% **-4,5**	15/9 12,4/15,5% **+3,1%**	66/28 54,5/48,3% **-6,3%**	6/5 4,9/8,6% **+3,7%**	10/6 8,3/10,3% **+2,1%**	1/1 0,8/1,7% **+0,9%**	5/3 4,1/5,2% **+1,0%**	**-10,8%** **+10,8%+=0%**	**121/58** *1,9/12,2* ***+10,3%*** 0,9/7,2 **+6,3%**
ВСЕГО и в %→	**748/45** **11,6/9,4%** **-2,2%**	**806/48** **12,4/10,1%** **-2,3%**	**1651/134** **25,5/28,1%** **+2,6%**	**1890/119** **29,2/24,9%** **-4,3%**	**463/37** 7,2/7,8% **+0,6%**	**630/75** 9,7/15,7% **+6,0%**	**287/19** 4,4/4,0% **-0,4%**	**↓±50**,9% **←-9,2%** **+9,2%** **=0%**	**6475/477** *±23,5%* ***=0=100*** 51,1/59,3 **+8,2%**
Сумма разниц	**-12,3%** **+0%** **-12,3%**	**-16,6%** **+7,3%** **-9,3%**	**-12,9%** **+1,9%** **-11,0%**	**-3,9%** **+9,2%** **+5,3%**	**-0,9%** **+8,3%** **+7,4%**	**-0%** **+23,2%** **+23,2%**	**-4,3%** **+1,0%** **-3,3%**	**←↓±50,9** **←±35,9=** **=±15%**	**↓=0** **=100%** **+8,2%**
ИТОГО и в %→	**1190/65** **9,4/8,1%** **-1,3%**	**2039/86** **16,1/10,7%** **-5,4%**	**3126/204** **24,7/25,3%** **+0,6%**	**3575/214** **28,2/26,6%** **-1,7%**	**830/62** **6,5/7,7%** **+1,2%**	**1312/141** **10,4/17,5%** **+7,1%**	**587/33** 4,6/4,1% **-0,5%**	← ±8,9 ±8,2→ **=±0,7%**	**12659/805** **↓±8,2%** **→±8,9%=** **=±0,7%** **=0=100%**

Рис. 5. Результаты фаунистических определений с поселения Бернашевка. Абсолютные (первая строк), процентные (вторая строка) значения, и их разности (третья строка). В столб. 10, наклоненный шрифт – процентные значения по видовым группам (Всего); прямой – от общей их суммы (Итого).

Fig. 5. The faunal composition of archaeozoological material from the Bernashevka settlement. The absolute amount of bones (first row), the percentage ratio (second row) and their residual index (third row). In the column Nr. 10: the percentage ratio to the group of species (overall total) is highlighted in Italic fount; the general amount of species remains (in total) is presented in Regular fount.

вает занижение числа особей (Рис. 5, столб. 2-4, 8), а в трех других – их завышение (Рис. 5, столб. 5-7). А, скажем, свинья – наоборот. В четырех случаях она дает завышение числа особей (Рис. 5, столб. 2, 6-8), а в трех – их занижение (Рис. 5, столб. 3-5). Абсолютно тот же разнобой характерен и для остальных как домашних, так диких видов.

Но, что при этом показательно. Во всех, без исключения, случаях, все и каждый из видов, по сумме разностей, выходит на нулевое значение, за счет взаимно сбалансированных разно полюсных разностей. В случае КРС это ±14,0%, в случае свиньи ±15,5%, в случае оленя ±11,4%. И так по всем остальным видам (Рис. 5, столб. 9).

А вот как выглядят общие, сводные данные по всем видам, рассчитанные, в одном случае, по каждой из видовых групп (Рис. 6, А), а во втором – от их общей суммы (Рис. 6, Б) (расчетные данные см. Рис. 5, столб. 10). При их, казалось бы, полном и непрерывном противоречии по отдельным показателям, все они, как и полагается, выстраиваются в единое целое, отражающее закономерный характер этих противоречий. Взятые по видовым группам, домашние, в сумме разностей дают ±20,7%, а дикие ±23,5% (Рис. 6, А). Взятые же от их общей, итоговой суммы, домашние дают разность в -8,2%, дикие +8,2%, а в сумме получаем тот же «0» (Рис. 6, Б).

Примечательно, однако, здесь вот что.

Независимо от системы расчета, как и в случаях с предшествующими примерами, наиболее многочисленные виды (что из раздела домашних, что из раздела диких), в сравнении с относительно малочисленными, демонстрируют одну и ту же тенденцию –закономерность. Первые, как правило, дают занижение числа особей (-), вторые, наоборот – их завышение (+) (Рис. 6, А-Б).

Подобным же образом проявляют себя, в целом, домашние виды в сравнении с дикими. У первых сумма разностей сопровождается отрицательным знаком (-), у вторых – положительным (+). Хотя, при этом, в Бернашевке, в отличие от всех раннее рассмотренных памятников, домашние виды в количественном отношении уступают диким (менее 50%) (Рис. 6, А), что, казалось бы, явно противоречит выше оговоренной закономерности.

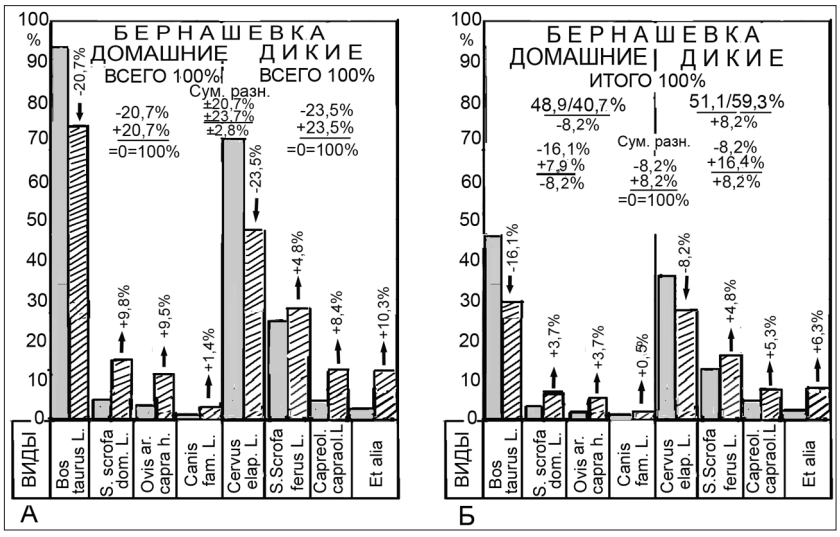


Рис. 6. Процентное соотношение числа костей (затененные столбики) и числа особей (заштрихованные столбики) для поселения Бернашевка по видовым группам (**А**) и от общей суммы (**Б**), и суммы разностей их показателей. Исходные данные – **Рис. 5**, столб. 10.

Fig. 6. The percentage correlation between the number of bones (shadowed columns) and the number of individuals (crosshatched columns) from the Bernashevka settlement, according to species groups (**A**), with respect to the total amount (**B**), and the value of their residual index. Data source: **Fig. 5**, 10th column.

Обратимся к комплексным показателям. Их значения представлены на таблице – Рис. 5, в вертикальных столбцах. Похоже, что в этом плане, противоречия в соотношении процентных значений числа костей по отношению к числу особей достигают максимума, что по отдельным комплексам, что по их суммарным показателям. Последние отражены в строках «Всего» и «Итого» (Рис. 5), а их графическое отображение дано на Рис. 7, А-В. Взятые от их общей суммы (Рис. 7, А), или по каждой из видовых групп (Рис. 7, Б-В), выборки по комплексам дают совершено разные значения и соотношения. Причем, в зависимости от системы расчетов, они даже меняют свои полюсные знаки. Так скажем, в случае выборок по жилищам III и IV. При расчете данных от общей суммы, сумма разностей

по жилищу III дает плюсовое значение (+0,6%) – т.е. избыточность числа особей, а по жилищу IV – отрицательное значение (-1,7%), т.е. – недостаточность числа особей (Рис. 7, А). А в случае расчета процентов по видовым группам, по жилищу III, домашние демонстрируют минусовую разность (-2,5%) (Рис. 7, Б), а дикие – плюсовую (+2,6%) (Рис. 7, В). В случае же жилища IV, и домашние, и дикие виды дают разные величины, но уже с одинаковыми полюсными знаками (соответственно, -5,6 и -4,3%) (Рис. 7, Б-В).

Но, при всем этом, как и случае с ранее рассмотренными памятниками, опять-таки, по общим суммарным показателям, их разности дают равнозначные значения, только с разными полюсами (±8,9%) (Рис. 5, строка Итого, столб. 9; Рис. 7, А). То же самое касается суммарных показателей по диким видам, составляющие ±9,2% (Рис. 5, строка Всего, столб. 9; Рис. 7, В). А вот у домашних видов эти разности не совпадают и в сумме показывают -7,5% (т.е. недостаточность числа особей) (Рис. 5, строка Всего, столб. 9; Рис. 7, Б), что, казалось бы, опять противоречит общей логике.

Подведем итоги. Что получается? Какой бы памятник мы не взяли, независимо от его географии, культурной принадлежности, хронологии или определяющего его фаунистические остатки специалиста, мы неизменно сталкиваемся с двойственной ситуацией.

С одной стороны, это явные несоответствия в значениях соотношения числа костей и числа особей, разности которых зачастую достигают более 20%, что собственно и привело к отказу от диагностики числа особей.

Но, с другой стороны, как выясняется, при всех этих, как будто бы явных противоречиях, все результаты определений фаунистических остатков по рассматриваемым памятникам, отчетливо укладываются в целый ряд, хорошо выраженных тенденциях – закономерностях. Главные из них – следующие:

1. Независимо от всех оговоренных выше «противоречиях», во всех памятниках/выборках, наиболее многочисленные виды, как правило, показывают занижение числа особей, а малочисленные, наоборот – их избыточность. И это касается как домашних, так и диких видов (Рис. 2, А-Б; Рис. 3, А-Б; Рис. 4, А-Б; Рис. 6, А-Б).

2. Во всех памятниках/выборках, даже независимо от их количественного соотношения, домашние виды по сумме данных, обычно, показывают занижение числа особей, в то время как дикие виды, наоборот – дают завышение числа особей (Рис. 2, А и Б; Рис. 3, А и Б; Рис. 4, А; Рис. 6, Б).

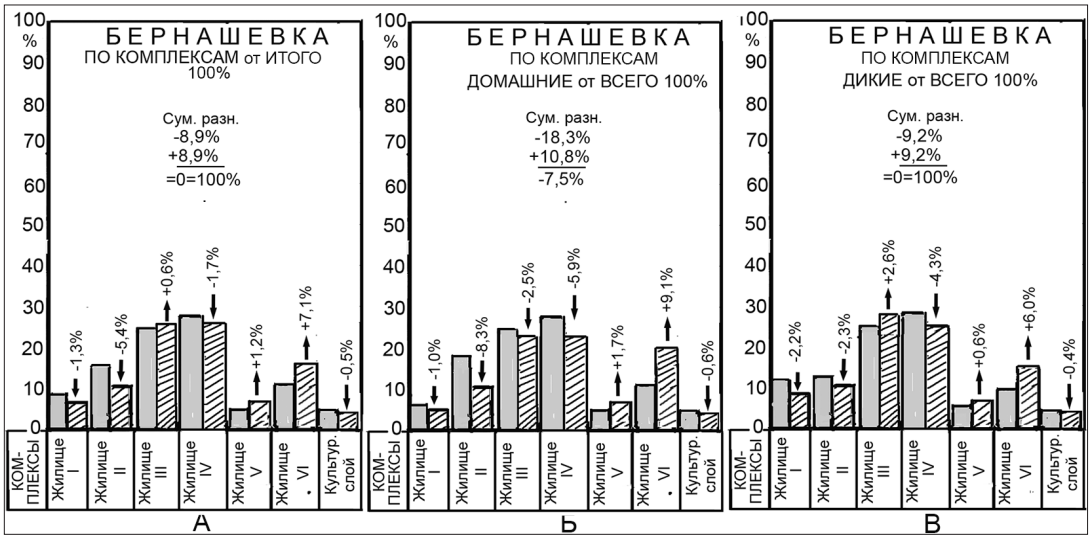


Рис. 7. Процентное соотношение числа костей (затененные столбики) и числа особей (заштрихованные столбики) для поселения Бернашевка по комплексам, от общей суммы данных (**А**), по домашним (**Б**) и диким видам (**В**). Исходные данные – **Рис. 5**, строки Всего и Итого.

Fig. 7. The percentage correlation of the bone amount (shadowed columns) and the number of individuals (crosshatched columns) from the complexes of the Bernashevka settlement with respect to the general amount of bone remains (**A**), bone amount of domestic animals (**B**), and bone amount of wild species (**V**). Data source: **Fig. 5**, row "overall total" and "in total".

Комплексы / Виды		**А (жилище) → →**	**Б (х. яма) → →**	**В (к. сл.) →**	**? → →**	**ВСЕГО= 100% Разн. по особ.**
1		2	3	4	5	6
1	**а**	P.20/1 O.20/1 **=+1**	P.5/0 O.5/1 **=>+1**	–	**–**	**25/2=100%** **P.1-O.2** **=□+1**
2	**б**	P.35/1 O.35/1 **=+1**	P.15/0 O.15/1 **=>+1**	P.10/0 O.10/1 **=>+1**	**–**	**60/3=100%** **P.1-O.3** **=□+2**
3	**в1-3**	P.150/3 O.150/3 **=+3**	P.20/0 O.20/1 **=>+1**	P.5/0 O.5/1 **=>+1**	**–**	**175/5=100%** **P.3-O.5** **=□+2**
4	**г**	P.5/0 O.5/1 **=>+1**	P.30/1 O.30/1 **=+1**	P.5/0 O.5/1 **=>+1**	**–**	**40/3=100%** **P.1-O.3** **=□+2**
5	**д**	**–**	P.8/<1 O.8/1 **=>1**	P.5/<1 O.5/1 **=>1**	**1-?**	**13/2=100%** **P.1(<1+<1)-O.2** **=□+1**
6	**ВСЕГО Разн. по особям**	210/6 **P. 5** **O.+6** **=□+1**	78/5 **P. 2** **O.+5** **=□+3**	25/4 **P. 0** **O.+4** **=□+4**	**P.1-?**	**313/15=100%** **↓P.7+□8=O.15** **→O.15-□+8=P.7**

Рис. 8. Условные данные к моделированию процесса археологизации фаунистических остатков.

А-В – условные комплексы, **а-д** – условные виды/животные. В ячейках: первый ряд – реальное число заложенных костей/особей (с приставкой Р.), второй – те же данные в условном определении археозоолога (с приставкой О.), третий – разности показателей (знак «+» реальное число особей, знак «>+» – избыточное число особей). Сокращения: О. – определения археозоолога, Р. – реальные значения числа заложенных особей.

Fig. 8. The arbitrary data used in the modelling process of the archaeologisation on faunal remains.

A-V – arbitrary complexes, **a-d** – arbitrary species/animals. In table cells: the first row contains the real number of bones/species (with prefix P.), the second row represents the same data, but with conditional determination of an archaeozoologist (with prefix O.), the third row contains the residual index (sign "+" for the real number of species, sign ">+" for excessive number of animal individuals). Abbreviations: O., the determination of zoologist; P., the real quantity of the buried individuals.

3 и главное. Независимо от всех частных проявлений, по сумме разностей, все показатели по всем определениям дают равнозначные, разно полярные значения, или, иначе говоря «0», что в понимании физиков означает полное соответствие закону сохранения материи/энергии (Рис. 2, А-Б; Рис. 3, А-Б; Рис. 4, А-Б; Рис. 6, А-Б; Рис. 7, А и В). Единственным, как бы исключением из этого правила, составляет по комплексное распределение домашних видов по поселению Бернашевка (Рис. 5, Всего, столб. 9; Рис. 7, Б). Но, это особый вопрос, к которому мы еще вернемся.

Итак, все тот же риторический вопрос. Противоречия или закономерности? Следуя изложенному, получается – противоречия в рамках закона, или же – закономерные противоречия. Другими словами. Выходит так, что, зафиксированные в результате ахеозоологических определений отклонения между числом костей и числом особей должно быть обусловлены не только, и, может быть даже не столько, сложностями в диагностике последних, сколько особенностями их археологизации, зависящие от места разделки и утилизации скелетных остатков, от особенностей археологизации домашних видов, в отличие от промысловых – диких, биологических свойств костей разных животных и многих прочих обстоятельств.

Попытаемся разобраться в этих вопросах путем простого моделирования самого процесса археологизации фаунистических остатков.

Моделирование процесса археологизации фаунистических остатков.

Под моделированием подразумевается имитация определенных условно – реальных ситуаций, на предмет выявления внутренней логики проявления их составляющих.

Предположим, что мы имеем дело с серией выборок, происходящих из трех разно функциональных комплексов. Один из них, условно – жилище (**А**) второй – хозяйственная яма (**Б**) и третий – культурный слой (**В**) (Рис. 8, А-В).

Вообразим себе пять разных ситуаций.

1. После разделки одного из животных (**а**), в комплексе **А** отложились 20 костей, а пять других, волей случая оказались в хозяйственной яме – комплекс **Б** (Рис. 8, строк. 1).

2. В том же жилище (**А**) было разделано еще одно животное (**б**), от которого сохранились 35 костей, 15 же других попали в хозяй-

ственную яму **Б**, а 10 – были выброшены на улицу, отложившись в культурный слой – **В** (Рис. 8, строк. 2).

3. Были разделаны еще три животных (**в1-3**), от которых в жилище **А** отложились 150 костей, 20 – в комплексе **Б**, и 5 – в культурный слой **В** (Рис. 8, строк. 3).

4. В комплексе **Б** было разделано еще одно животное (**г**), от которого сохранились 30 костей. А по пяти костям от этой особи попали в комплексы **А** и **В** (Рис. 8, строк. 4).

5. И последняя ситуация. Где-то за пределами раскопанной площади (комплекс – ?) или за пределами поселения, было разделано еще одно животное (**д**), от скелета которого в комплекс **Б** попали восемь костей, а пять – в культурный слой **В**. Об остальных же костях скелета этой особи нам, как будто бы, ничего не известно (Рис. 8, строк. 5).

Итак, в общей сложности, мы включили в нашу модель скелетные остатки, происходящие от семи особей, из которых шесть условно «целых» и одна не полная. К первым из них относятся: 25 костей от особи а, 60 костей от особи **б**, 175 костей от трех особей **в1-3** и 40 костей от особи **г**. Последняя, не полная особь – **д**, представлена 13 костями. Всего, в сумме, получается 313 костей от семи неполных особей (Рис. 8, столб. 6, строк. 6, значения с приставкой Р.).

Предположительно отобранные по каждому комплексу, и условно определенные археозоологом, из-за сложностей идентификации числа особей, значения последних вполне могут оказаться совсем другими, как бы в прямой зависимости от числа комплексов, содержащих в себе то, или иное количество костей. Соответственно, по определениям археозоолога, число особей для вида **а**, с одного возрастет до двух, для вида **б**, с одного – до трех, для видов **в1-3**, с трех – до пяти, для вида **г**, с одного – до трех и для вида **д**, с одной, не полной особи – до двух.

Таким образом, при одних и тех же, заложенных нами в модель и определенных до вида 313 костях от семи особей, число последних в определениях археозоолога может вырасти до 15 особей, показывая тем самым завышение на 8 единиц (Рис. 8, строк.6, столб. 6, значения с приставкой О.). Примем эти условные данные за основу анализа и рассмотрим их возможное процентное соотношение, а также соотношение числа особей, реально задействованных нами в модель, с предположительными выводами археозоолога. Обратимся к их относительным – процентным и абсолютным значениям и соотношениям.

Полное рассмотрение этого соотношения предполагает несколько плоскостей анализа, реализуемых через разные системы расчета процентных значений: по видам или комплексам, по отдельности, или же от их общих сумм. В первом случае, полученные результаты будут отражать содержательный аспект каждого из, соответственно, видов или комплексов. А во втором случае – соотношение разных видов или комплексов между собой. Как правило, эти расчеты проводятся автономно. Но, для большей наглядности в восприятии интересующих нас параметров, мы воспользуемся комбинированным методом, когда, скажем, система расчета процентных значений по видам (от Всего), будет включать в себе элементы расчета процентов и от их общей суммы (от Итого). А во втором случае – расчеты по комплексам (от Всего), будут сопровождаться и данными по их суммарному распределению (от Итого).

Проявление показателей при разных системах расчета процентных значений[3].

На Рис. 9 процентные значения рассчитаны по видовому принципу. Соответственно, процентные и абсолютные показатели, внесенные в горизонтальные строчки, отражают значения каждого из видов по отдельности, а по вертикали – их распределение по соответствующим комплексам (Рис. 9, строк. 1-10, столб. 1-7).

Вместе с тем, по правому краю и в нижней части таблицы, вынесены процентные значения, рассчитанные от общей суммы данных (Итого). Рассмотренные по вертикали, эти данные отражают соотношение видов между собой (Рис. 9, столб. 8). Рассмотренные же по горизонтали, они раскрывают их межкомплексное соотношение (Рис. 9, строк. 11-14).

Для начала сосредоточим внимание на данных по первой из систем расчета процентных значений.

Случай с видом/животным **а**. Сумма числа костей составляет 25 костей, а вместо одной особи, по определениям археозоолога получа-

3. Встречающиеся в расчетах отклонения величиной в ±0,1 вызваны неизбежной необходимостью округления сотенных, и, зачастую, трудно преодолимы.

Компл./ Виды		А (жилище) → →	Б (х. яма) → →	В (к. слой) → →	? → →	Сумма разн. в% →	ВСЕГО= →↓100% и разн. по особ.	ИТОГО= 100% ↓↓
1		2	3	4	5	6	7	8
1	а	20/1 80,0/50,0% **-30,0%**	5/1 20,0/50,0% **+30,0%**	–	–	-30,0% +30,0% **=0%**	**25/2=100% О.2-Р.1= =□+1**	**25/2** 8,0/13,3% **+5,3%**
2	б	35/1 58,3/33,3% **-25,0%**	15/1 25,0/33,3% **+8,3%**	10/1 16,7/33,3% **+16,7%**	–	-25,0% +25,0% **=0%**	**60/3=100% О.3-Р.1= =□+2**	**60/3** 19,2/20,0% **+0,8%**
3	в1-3	150/3 85,7/60,0% **-25,7%**	20/1 11,4/20,0% **+8,6%**	5/1 2,9/20,0% **+17,1%**	–	-25,7% +25,7% **=0%**	**175/5=100% О.5-Р.3= =□+2**	**175/5** 55,9/33,3% **-22,6%**
4	г	5/1 12,5/33,3% **+20,8%**	30/1 75,0/33,3% **-41,6%**	5/1 12,5/33,3% **+20,8%**	–	-41,6% +41,6% **=0%**	**40/3=100% О.3-Р.1= =□+2**	**40/3** 12,8/20,0% **+7,2%**
5	д	–	8/1 61,5/50,0% **-11,5%**	5/1 38,5/50,0% **+11,5%**	**1-?**	-11,5% +11,5% **=0%**	**13/2=100% О.2-Р.<1= =□+1**	**13/2** 4,1/13,4% **+9,3%**
6	ВСЕГО и разн. по особям	210/6 **Р. 5 О.+6 □+1**	78/5 **Р. 1+<1 О.+5 □+3**	25/4 **Р. 0+<1 О.+4 □+4**	**Р.1-?**	-133,8% -133,8% **=0%**	**313/15=100% ↓О.15-□+8=Р.7 → О.15-□+8=Р.7**	↓
7	Сумма разн. в %	-80,7% +20,8% **-59,9%→**	-53,1% +46,9% **-6,2%→**	-0% +66,1% **+66,1%→**	**Р.1-?**	**→↓-133,8+133,8=0 →-66,1+66,1=0% →±133,8±66,1=±67,7%**		↓
8	Сумма разн. %/ особи	59,9xO15:100 **=□+9,0**	6,2xO15:100 **=□+0,9**	+66,1xO15:100 **=<-9,9**	**→±9,9 →**	±66,1x15:100 **=±9,9** **→↓±9,9±10,1=±0,2**	↓±67,7x15:100 **=±10,1**	↓
		↓-59,9xP.6:100 **=□+3,6**	-6,2xP.6:100 **=□+0,4**	+66,1xP6:100 **=<-4,0**	**→±4,0 →**	±66,1x6:100**=±4,0** ±66,1x7:100**=±4,6**	→↓±67,7x6:100 **=±4,1** →↓±67,7x7:100 **=±4,7**	
		↓-59,9xP.7:100 **=>+4,2**	-6,2xP.7:100 **=>+0,4**	+66,1xP7:100 **=<-4,6**	**→±4,6 →**	**→↓±4,6±4.0=±0,6 ↓=±0,6±0,6=0**	**↓±4,1±4,7=±0,6**	↓
9	Сумма разн. особи	**↓+16,8**	**↓+1,7**	**↓-18,5**	**→±18,5 →**	**→±18,5(↓9,9+4+4,6) =±18,5 ↓=±18,5±18,9=±0,4 ↓↓=±0,6±0,4=±1**	**↓±10,1+4,1+4,7 =±18,9**	↓
10	ВСЕГО особи	↓210/6 **Р.=5**	↓78/5 **Р.=1+<1**	↓25/4 **Р. =0+<1**	→	**313/15 =100%=Р. Р.=6+0,6=6,6+0,4=7 Р.=7-0,6=6,4+0,6=7**	**Р.=6+0,4=6,4+0,6=7 Р.=7-0,4=6,6+0,4=7**	
11	ИТОГО и в % →	**210/6 67,1/40,0% -27,1%→**	**78/5 24,9/33,3% +8,4%→**	**25/4 8,0/26,7% +18,7%→**	**→±27,1 →**	**→↓313/15=100% →27,1-27,1=0% →±27,1±22,6=±4,5%**	**↓-22,6+22,6=0%**	
12	Сумма разн. %/ особи →	-27,1x15:100= **=+4,1→**	+8,4x15:100 **=-1,3→**	+18,7x15:100 **=-2,8→**	**→±4,1 →**	→±27,1x15:100**=±4,1** **±4,1±3,4=±0,7**	↓±22,6x15:100**=±3,4**	
		-27,1x6:100 **=+1,63**	+8,4x6:100 **=-0,5**	+18,7x6:100 **=-1,12**	**→±1,6 →**	**→±27,1x6:100=±1,6**	**↓±22,6x6:100=±1,4**	
		-27,1x7:100 **=+1,9**	+8,4x7:100 **=-0,6**	+18,7x7:100 **=-1,3**	**→±1,9 →**	→±27,1x7:100=**±1,9** **↓±1,6±1,9=±0,3** **↓±0,3±0,2=±0,1** **↓±0,7±0,1=±0,6**	↓±22,6x7:100=**±1,6** **↓±1,4±1,6=±0,2**	
13	Сум. разн. особи	**+7,6**	**-2,4**	**-5,2**	**→±7,6 →**	**→±7,6(↓4,1+1,6+1,9)->0,6 =7**	**↓±6,4(3,4+1,4+1,6)+<0,6 =7**	
14	ИТОГО особи	↓210/6 **Р.=5**	↓↓78/5 **Р.=1+<1**	↓25/4 **Р. =0+<1**	**↓-±7,6 -0,6 =7**	**313/15 =100%=Р. Р.=6+0,6=6,6+0,4=7 Р.=7-0,6=6,4+0,6=7**	**Р.=6+0,4=6,4+0,6=7 Р.=7-0,4=6,6+0,4=7**	

Рис. 9. Особенности проявления процентных значений, их разностей и разностей в соотношении числа реальных особей (Р.) и числа особей условно определенных археозоогом (О.) при по видовом расчете процентных значений (Всего) и от их общей суммы (Итого).

Fig. 9. The peculiarities of the percentage values, the value of their inequality, their inequality in correspondence to the real number of individuals (P.) and the number of individuals determined arbitrary by an archaeozoologist (O.) according to the percentage of species (overall total) and from general data (in total).

ется – две (Рис. 9, строк. 1, столб. 7). Взятые в процентном выражении комплекс **А** (место разделки) дает 80,0% по костям и 50% по особям. А комплекс **Б** (место вторичного включения), соответственно, 20% по костям и 50,0% по особям. В обоих случаях разница между показателями

составляет 30,0%. Но, в случае комплекса **А** эта разность сопровождается знаком «-», означающему, в нашем обозначении – недостаточность числа особей. В случае же комплекса **Б**, мы имеем то же процентное значение разности, но уже со знаком «+», указывающего на избыток числа особей (Рис. 9, строк. 1, столб. 2-3, 6-7).

Случай с видом **б**. По условиям модели этот вид, представлен 60-ью костями от одной особи, разделанной в комплексе **А**, в котором отложились 35 костей, 15 – в комплекс **Б** и 10 в комплекс **В**. А по условным определениям археозоолога вид дает три особи – т.е. на две больше реально заложенных (Рис. 9, строк. 2, столб. 2-4, 6-7). Переведенные в процентные значения комплекс **А** (место разделки) дает 58,3% по костям и 33,3% по особям: разница между ними -25,0% (недостача особей). В отличие от него, комплекс **Б** и **В** (места вторичного включения костей), дают уже положительные разницы, т.е. показывают избыточность числа особей. В случае комплекса **Б** (с 25,5% по костям и 33,3% по особям), она составляет +8,3%. А в случае комплекса **В** (с 16,7% по костям и 33,3% по особям), эта разность составляет +16,7%. Но что показательно, как и в случае вида **а**, по сумме разностей, все три комплекса, содержащие кости вида **б**, обнаруживают сходные разно полюсные значения ±25,0% (Рис. 9, строк. 2, столб. 6).

Рассмотрим случай с тремя животными (**в1-3**), разделанных в комплексе **А**, от которых в этом комплексе отложились 150 костей, а 25 других попали отчасти в комплекс **Б**, а отчасти в комплекс **В**. В общей сумме получается 175 костей, а особей – 5, вместо полагающихся трех (Рис. 9, строк. 3, столб. 2-4, 6-7). Переведенные в процентные значения, для комплекса **А** получается 85,7% костей, 60,0% особей, с разницей -25,7% (недостаток особей). Для комплекса **Б**, эти значения, соответственно составят 11,4% против 20,0% с разницей +8,6% (избыток особей) (Рис. 9, строк. 3, столб. 2-4, 6-7). Сходную последнему случаю ситуацию демонстрирует и комплекс **В**, в котором кости составляют 2,9%, особи – 20,0%, а их разница равна +17,1% (избыток особей). Но при всем этом, как и в двух предшествующих случаях, суммы их разностей, оказываются идентичными, взаимно сбалансированными ±25,7% (Рис. 9, строк. 3, столб. 6).

Подобным же образом проявляют себя и данные по виду **г**. Под ним подразумевается одна особь, разделанная в комплексе **Б**, в котором сохранились 30 костей. По пять других костей от той же особи отнесены к комплексу **А** и **В**. А по условным определениям археозоолога всего получается три особи (Рис. 9, строк. 4, столб. 2-4, 6-7). Переведенные в процентные значения, на комплекс **Б** (место разделки) приходятся 75,0% по костям и 33,3% по особям. Разница -41,6% (недостача особей). А комплексы **А** и **В** (места вторичных включений) в обоих случаях показывают по 12,5% по костям и по 33,3% по особям. Их разница +20,6% (избыток особей) А по сумме разностей, они дают одно и то же, взаимно сбалансированное значение ±41,6% (Рис. 9, строк. 4, столб. 6).

И последний – вид **д**. По условиям модели, он представляет отдельные кости от одной не полной особи, большая часть скелета которой отложилась где-то за пределами наших знаний. По предполагаемым же определениям археозоолога – получается две особи. А с точки зрения разностей процентных значений (в одном случае с отрицательным знаком, а в другом – с положительным) выходит, как бы, одна полная особь, с суммой разности в ±11,5%. (Рис. 9, строк. 5, столб. 3-4, 6-7).

Итак, что выясняется?

Для начала обратим внимание на проявление разностей процентных значений числа костей к числу особей по каждому комплексу, с точки зрения характера содержащихся в них костей.

По условиям моделирования, виды/особи **а**, **б** и **в1-3**, были разделаны в комплексе **А**, а вид/особь **г** – в комплексе **Б**. Во всех этих случаях виды/комплексы дают отрицательные разности «-», указывающие на недостачу числа особей (Рис. 9, столб. 2, строк. 1-3; столб. 3, строк. 4). В отличие от них, комплексы, представляющие места вторичного разброса части костей от тех же видов, всегда дают плюсовые разности «+», указывающие на избыточность числа особей. Это касается костей вида **а** из комплекса **Б**, костей видов **б** и **в1-3** из комплексов **Б-В**, костей вида г из комплексов **А** и **В** (Рис. 9, строк. 1-4, столб. 2-4).

Таким образом, выясняется, **что выборки/комплексы с отрицательными разностями процентных значений числа костей к числу особей**, по сути, **указывают на исходные места разделки и утилизации животных**. А **выбор-**

ки с положительными разностями – на места/ комплексы, содержащие редкие, вторично включенные кости, при сепаратном определении которых собственно и происходит неоправданное завышение числа особей.

Единственным, казалось бы, исключением из этого правила, составляет проявление вида **д**. По нашим условиям, в обоих случаях (комплексы **Б** и **В**), кости этой особи представляют вторичные разрозненные включения. Но при расчетах, они оприходованы как целая особь за комплексом **Б**. И здесь, определенно действует правило *«чем больше костей, тем меньше особей и – наоборот»*. Дело в том, что к комплексу **Б**, мы отнесли восемь костей, а к комплексу **В** – пять. Соответственно, комплекс **Б** дает отрицательную разность (-11,5%), указывающая на недостачу особей, а комплекс **В** – положительную разность (+11,5%), означающая избыточность числа особей (Рис. 9, строк. 5). Благодаря этому обстоятельству, число реально задействованных нами в модели шести особей, выросло еще на одну единицу, что и отразилось на сумме показателей, как по видам, так и по комплексам (Рис. 9, столб. 6, строк. 6). К этому случаю, мы еще вернемся.

Второе важное обстоятельство касается соотношения условно-реальных, задействованных нами в модели числа особей, и числом особей условно определенных археозоологом, а так же их процентных выражений.

По условиям модели, мы задействовали семь (из которых одна не полная) особей, а по условным определениям археозоолога – получается 15. Т.е., последние показывают превышение на восемь особей, причем, как по видовым (Рис. 9, столб. 7, строк.1- 6), так и по комплексным (Рис. 9, строк. 6, столб. 2-4, 7) показателям.

Особо обращают на себя внимание разности в проявлении суммарных по видовых и по комплексных показателей.

При всех кажущихся, на первый взгляд, противоречиях, каждый из наших видов, по отдельности, дает свои особые, но всегда взаимно сбалансированные полюсные значения. В случае вида **а**, это ±30,0%, в случае животного **б** – ±25,0%, в случае животных **в1-2** – ±25,7%, **г** (±41,6%) или **д** (±11,5%) (Рис. 9, столб. 6, строк. 1-6). То же самое относится и к их общей сумме разностей ±133,8%, означающей с точки зрения условного археозоолога, полное, т.е. – 100% соотношение между числом определенных до вида костей и числом особей (Рис. 9, столб. 6. строк. 1-6). Для наглядности эта ситуация графически отражена на Рис. 10, А (левое крыло, Виды).

Иначе проявляют себя покомплексные показатели. Каждый из них, в отличие от видов, дает разные положительные и отрицательные процентные значения, образующие свои собственные разнополярные разности. Скажем в случае комплекса **А**. Его суммарные процентные значения -80,7%, против +20,8%, соответственно их разность равна -59,9%, что, в нашем понимании означает недостачу числа особей (Рис. 9, строк. 7, столб. 2). Комплекс **Б**. Его суммарные значения -53.1% против +46,9%, разность -6,2%, означающая недостача числа особей (Рис. 9, строк. 7, столб. 3). Комплекс **В**, соответственно, -0% против +66,1%, разность +66,1%, подразумевающая избыток числа особей (Рис. 9, строк. 7, столб. 4).

Показательно, однако, здесь вот что. По сумме отрицательных (-80,7-53,1-0=-133,8%) и положительных (+20,8+46,9+66,1=+133,8%) процентных значений они обнаруживают сходные, т.е. взаимно сбалансированный показатель ±133,8%. Взаимно сбалансированными оказываются и суммы их разностей (-59,9-6,2 против +66,1) (Рис. 9, строк. 7, столб. 6-7).

Но, при этом, первый из показателей полностью совпадает по значению с показателем по видам (±133,8%), а второй (±66,1%), – нет. Разность между ними составляет ±67,7%, (Рис. 9, строк 7, столб. 6-7). В переводе на простой язык, отмеченные соотношения выдают два разных смысла. Совпадающие отрицательные и положительные процентные значения и по комплексам, и по видам (±133,8%), отражают ситуацию с точки зрения определений условного археозоолога (данные которого и были заложены при расчете относительных показателей). Выявленные же между ними разности, выдают реальные отклонения между процентными значениями числа определенных костей и особей. В случае комплексных показателей эти отклонения равны ±66,1%. А в соотношении: комплексы – виды, они уже составляют ±67,7% (для наглядности – см. Рис. 10, А, правое крыло, Комплексы).

Таким образом, выясняется что, при рас-

сматриваемой системе расчета процентных значений, по видовые (±133,8%) и по комплексные (±133,8 и ±66,1%) показатели дают разные значения (Рис. 10, А, процентные значения и их разности).

Попытаемся разобраться в природе этих разностей.

Обратимся к соотношению процентных разностей с абсолютным числом особей, выявленных по каждому из комплексов. Рассмотрим эти соотношения с трех разных позиций: с точки зрения числа особей определенных археозоологом (15 особей); с точки зрения 6 полных, заложенных нами в модель особей; и с точки зрения – 7 не полных особей оприходованных по расчетным данным.

Суть этих расчетов сводится к определению доли абсолютного числа особей, по каждой из обозначенных выше позиций, и выяснению их соотношения между собой. Процедура определения доли абсолютного числа особей, осуществляется, как и обычный расчет процентных значений, только в обратной последовательности. Т.е. – известное процентное значение разности, умножается на общуею сумму заданного числа особей, поделенные на 100. Все эти расчеты сосредоточены в строке 8-ой, того же – Рис. 9. Надеюсь, заинтересованный читатель легко разобраться в их деталях, которые мы оставляем без комментариев.

Внимание, здесь, привлекают два из финальных показателя.

В одном случае – это доля числа особей, полученная из разности процентных значений в 66,1% или 67,7%, в соотношении с 6-ю или 7-ю особями, которая сводится к значению ±0,6 особи (Рис. 9, строк. 8, столб. 6-7, последняя подстрока).

Во втором случае – доля числа особей, полученная из общей суммы всех разностей процентных значений, в соотношении с 15-ью, 6-ю и 7-ю особями, составляющая ±0,4 особи (Рис. 9, строк. 9, столб. 6-7, 2-подстрока).

Сложив вместе эти неравнозначные значения (±0,6 ±0,4), в сумме мы получаем ±1 особь (Рис. 9, строк. 9, столб. 6-7, последняя подстрока). Не трудно догадаться, что в роли этой особи определенно выступают остатки – того самого – не полного, задействованного нами в модель вида д, часть костей которого остались за пределами нашей выборки, и который, тем самым, в общей сумме показателей заполняет собой интервал между шестью и семью особями. Или, в другом выражении – образует соотношение – шесть с придатком или семь неполных особей.

Таким образом, выясняется, что разности в процентных значениях между видовыми и комплексными показателям, обусловлены и объясняются тем, что в одних случаях они отражают общее число всех охваченных в выборке особей (7) и/или их общее число за минусом, не достающейся части (-0,4), т.е. – 6,6 особей. А в двух других случаях – число условно целых особей (6) плюс долю вторично привнесенных (+0,6), т.е. 6,6 особей и/или общее число последних (6,6) плюс долю не достающих особей (+0,4), т.е. 7 особей. Соответственно, общая формула соотношения показателей по числу особей может быть выражена в нескольких возможных комбинациях. Применительно к данным по нашей модели, одной из таких альтернативных комбинаций показателей по реальному числу особей выступает соотношение – 6+0,6=6,6+0,4=7 или 6+0,4=6,4+0,6=7. Вторая альтернатива – 7-0,6=6,4+0,6=7 или 7-0,4=6,6+0,4=7 (Рис. 9, строк. 10, столб. 6-7). Состоятельность той или иной из этих альтернатив/комбинаций и их конкретные значения, будут целиком зависеть от принятой системы расчета процентных значений: по каждому виду или по комплексу в отдельности, или же в целом по всем видам или комплексам.

И вкратце, о проявлении признаков/разностей при расчете процентных значений от общей суммы (Итого), рассмотренных в контексте повидовых расчетов (Рис. 9, столб. 8, строк. 1-5, 11-14).

Как и естественно, другая система расчета процентных данных предполагает и совершенно другие значения их разностей/показателей и их производных.

Взятые по межвидовым показателям, разность между процентными значениями числа костей и числа особей, как и полагается, сводится к одному и тому же взаимно сбалансированному значению ±22,6% (Рис. 9, столб. 8, строк. 11).

То же самое относится и к меж комплексным показателям. Однако, их разность составляет уже ±27,1%. Соответственно, разность

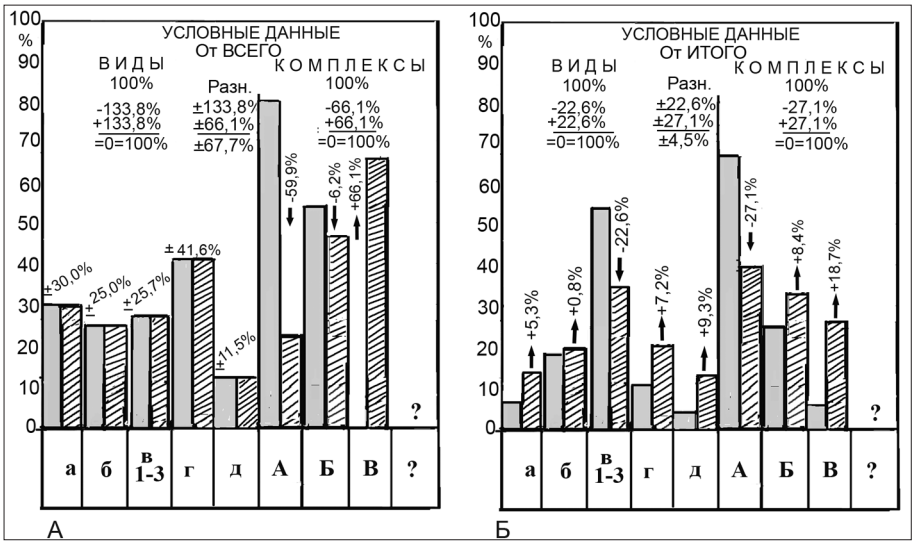


Рис. 10. Процентное соотношение числа костей (затененные столбики) и числа особей (заштрихованные столбики) по данным условной модели. Исходные данные: для А – **Рис. 9**, столб. 6-7, строк. 7; для Б – Рис. 9, столб. 8, строк. 11.

Fig. 10. The percentage correlation of the number of bones (shadowed columns) and the number of individuals (cross-hatched columns) according to the model based on arbitrary data. Data source: **Fig. 9**, 6th and 7th columns, 7th row for A; Fig. 9, 8th column, 11th row for B.

между последними и видовыми показателями будет равна ±4,5% (Рис. 9, строк. 11, столб. 6-8, последняя подстрока).

Их графическое отображение представлено на уже известной иллюстрации, в которой, для визуального сопоставления, они размещены рядом с данными, рассчитанными по ранее рассмотренной системе расчета процентных значений (Рис. 10, А-Б). Разница, думаю, вполне очевидна.

В случае первой из систем расчета процентных значений, виды дают сходные – разно полярные значения, как по числу костей, так и числу особей, в сумме составляя ±133,8%. А комплексные показатели – разно полярные соотношения, которые в сумме образуют значение в ±66,1%. Разница между первыми и последними равна ±67,7%. (Рис. 10, А).

В отличие же от них, при рассматриваемой здесь системе расчета процентов, и виды, и комплексы дают разные значения между числом костей и числом особей. В случае видовых показателей они сводятся к значению ±22,6%, а в случае комплексных ±27,1%. Разница между ними ±4,5% (Рис. 10, Б).

Так вот, разность в ±67,7% (полученной по первой из систем расчета процентных значений) и разность в ±4,5% (полученной по второй из систем расчета процентных значений), оказывается, носят в себе один и тот же смысл, одно и тоже значение, обусловленное разницей между нашими злополучными 6 и 7 особями.

Это обстоятельство легко выводится из соотношения процентных показателей с абсолютным числом особей, рассчитанных по ранее уже оговоренному принципу, т.е. от числа особей определенных археозоологом (15 особей), от числа полных, заложенных нами в модель особей (6 особей) и от числа особей, оприходованных по расчетным данным (7 особей). В результате этих расчетов (пропуская комментарии к промежуточным расчетам), мы выходим на то же, уже известное значение ±0,6 особей (Рис. 9, строк 12, столб. 6-8, последняя подстрока).

Таким образом, при массе кажущихся противоречий, различии в значениях видовых и/или комплексных показателей, или систем расчета процентных значений, мы неизменно получаем одни и те же итоговые результаты, что и изначально заложенные в нашу модель. Мы заложили шесть полных особей с придатком или, – семь неполных особей. В результате расчетов в двух разных системах процентных значений, мы вышли на теже значения, с уточнением уровня отклонения в ±0,6 особей, т.е. 7-0,6 или 6+0,6 особей, что, по сути, одно и то же. При этом показательно, что определения археозоолога оказались завышенными на целых восемь особей. Вот собственно и все что и требовалось доказать. (Рис. 9, строк. 13-14, столб. 6-8).

Для большей убедительности, и в качестве – самопроверки, приводим полные – развернутые расчеты процентных значений по комплексам, параллельно сопровождающиеся расчетами и по их суммарным данным – Рис. 11. Эта таблица включает те же исходные данные, и те

Виды/ Комплексы		а →	б →	в1-3 →	г →	д →	Сумма разн. в% →	ВСЕГО 100% и реал. особи	ИТОГО 100% ↓↓
1		2	3	4	5	6	7	8	9
1	А (жил)	20/1 9,52/16,66 =+7,1%	35/1 16,66/16.66 0%	150/3 71,4/50,0 =-21,4%	5/1 2,38/16,7 =+14,3%–	–	-21,4+21,4 =0%	210/6 O.6-P.5 =>+1	↓210/6 67,1/40,0 =-27,1%
2	Б (х. ям)	5/1 6,4/20,0 =+13,6%	15/1 19,23/20,0 =+0,77%	20/1 25,64/20,0 =-5,64%	30/1 38,46/20,0 =-18,46%	8/1 10,26/20,0 =+9,74%	-24,1+24,1 =0%	78/5 O.5-P.1 =>+1	↓78/5 24,9/33,3 =+8,4%
3	В (к. сл)	–	10/1 40,0/25,0 -15,0	5/1 20,0/25,0 =+5,0%	5/1 20,0/25,0 =+5,0%	5/1 20,0/25,0 =+5,0%	-15,0+15, =0%	25/4 O.2-P.1 =>+1	↓25/4 7,99/26,67 =+18,7%
4	ВСЕ-ГО и разн. особи	25/2 O.2-P.1 =>+1	60/3 O.3-P.1 =>+2	175/5 O.5-P.3 =>+2	40/3 O.3-P1+<1 =<+2	13/2 O.2-P0+<1 =<+1	↓-60,5% +60,5% =0%	313/15 →↓O.15 -><+8 =P.7	
5	Сум. разн. %	+20,7 -0 +20,7	+0,77 -15,0= -14,23	+5,0 -27,04 =-22,04	+19,3 -18,46 =+0,84	+14,74 -0 +14,74%	→↓-60,52+60,5%=0% →-36,28+36,28=0% →±60,52±36,28 =±24,24%		↓
6	Сум. разн. % /особ.	+20,7xO.2: 100 =<-0,414	-14,2xO.3: 100 =>+0,426	-22,0xO.5: 100 =>+1,1	+0,84xO.3: 100 =<-0,0252	+14,7xO.2: 100 =<-0,294	→<-0,7 →>+1,5 →↓=±0,8		↓ ↓
		+20,7xP.1: 100 =<-0,207	-14,2xP1: 100 =>+0,142	-22,0xP3: 100 =>+0,66	+0,84xP-1: 100 =<-0,0084	+14,7xP.0: 100 =0	→<-0,2 →>+0,8 →↓±0,6		↓ ↓
7	Разн. особи	=<-0,621	=>+0,568	=>+1,76	=<-0,0336	=<-0,294	↓<-0,9>+1,3=±0,4 →<-0,9>+2,3=±1,4 =±1,4±0,4=±1		↓
8	ВСЕГО и разн. особи →	25/2 P.+1	60/3 P.+1	175/5 P.+3	40/3 P.1+<1	13/2 P.<1	→↓313/15=100% P.=6+0,6=6,6+0,4=7 Или 6+0,4=6,4+0,6=7 P.=7-0,6=6,4+0,6=7 Или 7-0,4=6,6+0,4=7		
9	ИТОГО 100%.	25/2=100 8,0/13,3% =+5,3%	60/3=100% 19,2/20,2 +0,8%	175/5=100% 55,9/33,3 =-22,6%	40/3 12,8/20,0 =+7,2%	13/2 4,1/13,4 =+9,3%	→+22,6 -22,6= =0%	→↓313/15=100% →±22,6% ↓±27,1% →±22,6↓±27,1=4,5%	
10	Сум. разн. особ.	+5,3x2:100 =>+0,106	+0,8x3:100 =>+0,024	-22,6x5:100 =<-1,13	+7,2x3:100 =>+0,216	+9,3x2:100 =>+1,186	→>+1,5 <-1,1 =>+0,4	→>+1,5 <-1,1 →↓=±0,4	
	Сум. разн. %/ особ.	+5,3x15:100 =>+0,795	+0,8x15:100 =>+0,12	22,6x15:100 =<-3,39	+7,2x15:10 =>+1,08	9,3x15:100 =>+1,39	→ ±3,4	±22,6x15:100 =±3,4 ↓±3,4±4,1=±0,7	±27,1x15:100 =±4,1
		+5,3x6:100 =>+0,318	+0,8x6:100 =>+0,048	-22,6x6:100 =<-1,356	+7,2x6:100 =>+0,432	+9,3x6:100 =>+0,56	→ ±1,4	±22,6x6:100 =±1,4 ↓=±1,4=1,6=±0,2	±27,1x6:100 =±1,6
		+5,3x7:100 =>+0,371	+0,8x7:100 =>+0,056	-22,6x7:100 =<-1,582	+7,2x7:100 =>+0,504	+9,3x7:100 =>+0,65	→ ±1,6	±22,6x7:100 =±1,6 ↓±1,6±1,9=±0,3 ↓=±0,2±0,3=±0,1 ±0,7=±0,1=±0,6	±27,1x7:100 =±1,9
11	Сум. разн. особ.	=>+1,484	=>+0,224	=<-6,324	=>+2,016	=>+2,6	↓±7,6 →±6,4/3 =±1,2	↓3,4+1,4+1,6= 6,4+0,6 = 7	→4,1+1,6+1,9= 7,6-0,6 =7
12	ИТОГО особи→	25/2 P.+1	60/3 P.+1	175/5 P.+3	40/3 P.1 +<1	13/2 P.0 +<1	↓±7,6-0,6 =7	→↓313/15=100%=P. P.=6+0,6=6,6+0,4=7 Или 6+0,4=6,4+0,6=7 P.=7-0,6=6,4+0,6=7 Или 7-0,4=6,6+0,4=7	

Рис. 11. Особенности проявления процентных значений, их разностей и разностей в соотношении числа реальных особей (Р.) и числа особей условно определенных археозоологом (О.) при по комплексном расчете процентных значений (Всего) и от их общей суммы (Итого).

Fig. 11. The specificity of percentage values manifestation, their divergence and difference in ratio between the real number of individuals (P.) and the number of individuals determined by an archaeozoologist (O.) according to the complex calculation of percentage values (overall total) and with respect to the total amount (in total).

же элементы анализа, что и раннее отраженные в таблице – Рис. 9. Разница только в том, что, в этом случае, комплексные показатели, по отношению к видовым, как бы меняются местами, и, соответственно – первые обретают статус – «Всего» (Рис. 11, строк. 1-8, столб. 2-8), а вторые – «Итого» (Рис. 11, столб. 9, строк. 1-3, 9-12).

Обусловленные новой системой расчета процентов, комплексные показатели (подобно видовым по первой системе), дают сходные, взаимно сбалансированные значения, как по каждому комплексу в отдельности (±21,4%, ±24,1%, ±15,0%), так и по их общей сумме разностей, составляющей ±60,5% (Рис. 11, столб. 7, строк. 1-4). То же значение обнаруживается и из суммы разностей отрицательных и положительных повидовых показателей (±60,5%). Но, последние (как и в предшествующем случае – по комплексные показатели), образуют в сумме и свои собственные взаимно сбалансированные разности равные ±36,3%. Разница между ними равна ±24,2% (Рис. 11, строк. 5, столб. 7-8). Их графическое отражение дано на Рис. 12, А.

Таким образом, выясняется, что при по видовом расчете процентных значений, виды, дают сходные значения, а комплексы – разные. А при по комплексном расчете процентов – все наоборот. Комплексные показатели показывают одни и те же значения, а по видовые – разные. Разными являются и их производные. В первом случае, как уже отмечалось, они составили ±133,8% против ±66,1%, образуя разность в ±67,7% (Рис. 9, строк. 7, столб. 6-7; Рис. 10, А). А во втором, напомним, они составляют, соответственно ±60,5% и ±36,3%, при разности ±24,2% (Рис. 11, строк. 5, столб. 7-8; Рис. 12, А).

Очередные противоречья? Никаких противоречий здесь нет. Подобно тому, как в случае расчета процентов по видам, видовые показатели, отражают соотношение числа костей и числа особей с позиции археозоолога, а комплексные – их несоответствие в части числа особей. В случае расчетов процентных значений по комплексам, все обстоит как раз на оборот. Комплексные показатели отражают позицию археозоолога. А видовые показатели – уровень неадекватности его определений в части числа особей. По сути, это одни и те же данные, только увиденные с разных позиций.

Подтверждением тому, полное совпадение значений, отраженных в строке суммарных показателей по первой из приведенных таблиц (±27,1%) (Рис. 9, строк. 11, столб. 6), суммарным межкомплексным показателям второй из составленных таблиц (±27,1%) (Рис. 11, столб. 9, строк. 9). И, соответственно, межвидовых показателей по первой из схем расчета процентных значений (±22,6%) (Рис. 9, столб. 8, строк. 11) с суммарными показателями по второй системе расчетов (±22,6%) (Рис. 11, строк. 9, столб. 7-8). Разница между ними, как и полагается, сводится к одному и тому же значению ±4,5%.

Отмеченные обстоятельства отчетливо проступают и из графического их отображения. В первой из ситуации, составленной на

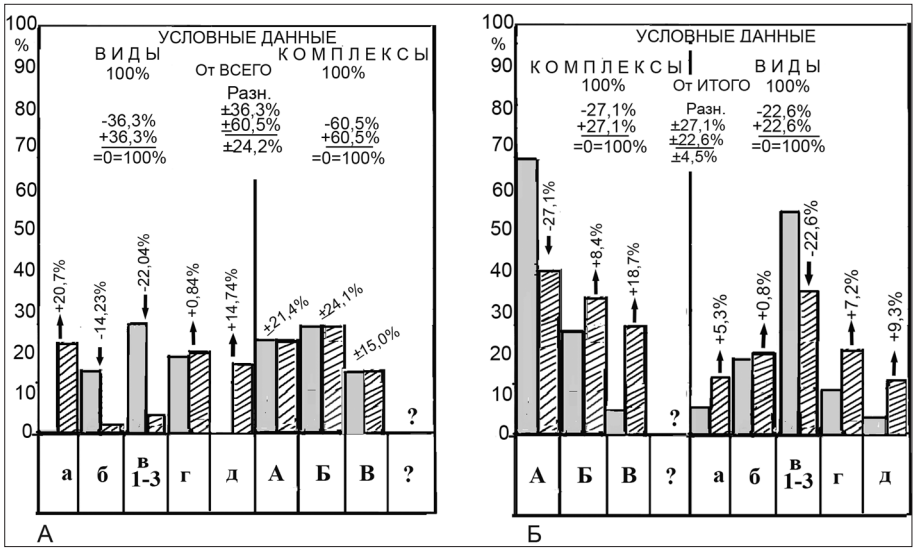


Рис. 12. Процентное соотношение числа костей (затененные столбики) и числа особей (заштрихованные столбики) по данным условной модели. Исходные данные: для А – **Рис. 11**, строк. 5, столб. 7-8; для Б – Рис. 11, столб. 9, строк. 9.

Fig. 12. The percentage correlation between the number of bones (shadowed columns) and the number of individuals (crosshatched columns) according to the arbitrary model. Data source: **Fig. 11**, 5th column, 7th and 8th row for A; Fig. 11, 9th column, 9th row for B.

основании данных из таблицы – Рис. 9, показатели «от Всего», по отношению к показателям «от Итого», в обеих случаях, занимают как бы параллельные позиции: «Виды» – слева, «Комплексы» - справа (Рис. 10, А-Б). Во второй ситуации, отражающей данные из таблицы – Рис. 11, те же показатели находятся как бы в зеркальном отражении (Рис. 12, А-Б).

Таким образом. И первая, и вторая из отмеченных ситуаций, отражают одну и ту же закономерность, указывающей на неадекватность соотношения числа костей к числу особей определенных археозоологом. И эта неадекватность в обеих случаях сводится к значению ±4,5% (Рис. 10, Б, разность между «Видами-Комплексами»; Рис. 12, Б, разность между «Комплексами-Видами».

Несколько опережая события, здесь уместно особо обратить внимание на вот какое обстоятельство. Разноплановые проявления показателей по видам и комплексам, в зависимости от принятой системы расчета процентных значений, – их способность меняться местами, зачастую сопровождается инверсией их полюсных значений, что принципиально важно в деле корректировки числа особей.

Что же касается остальных расчетных данных по принятой здесь системе процентных значений (Рис. 11), как и по ранее рассмотренной (Рис. 9), в конечном результате они, как и полагается, выводят на одни и те же результаты. Это относится и к по комплексным, и к межвидовым показателям, рассчитанных «от Всего» (Рис. 11, строк. 1-8, столб. 2-8); и к межкомплексным и по видовым показателям, рассчитанных «от Итого» (Рис. 11, столб. 9, строк. 9-12). Как и в предшествующем случае, выявленные разности в числе условно-реальных особей, сводятся к соотношению между шестью целыми, шестью – с прибавкой и семью не полных особям, т.е. к соотношению ±0,6±0,4=±1 (Рис. 11, строк. 6-7, столб. 7-8; строк. 10-11, столб. 8-9).

Соответственно, как и в первом случае (Рис. 9), здесь мы выходим на те же альтернативные комбинации показателей по реальному числу особей. В одном случае к соотношениям – 6+0,6=6,6+0,4=7 или 6+0,4=6,4+0,6=7. Во втором, к соотношениям– 7-0,6=6,4+0,6=7 или 7-0,4=6,6+0,4=7 (Рис. 11, строк. 8, столб. 7-8; строк. 11, столб. 8-9).

Резюмируя выше изложенное, можно выделить следующие основные положения.

1. Следуя результатам моделирования, полностью подтверждается тезис о том, что при всех кажущихся противоречиях в проявлении разно полярных разностей в процентном соотношении числа костей и числа особей, в реальности, они носят строго закономерный характер, поскольку в своих проявлениях, они, как правило, всегда соответствуют закону сохранения материи/энергии. Следовательно, проблема так называемых «противоречий» в соотношении числа костей к числу особей, обусловлена не столько сложностями диагностики числа особей, сколько – особенностями археологизации остатков фауны, адекватно отраженных в их статистических проявлениях. И в таком случае, проблема корректировки результатов определений археозоологов касательно реального числа особей обретает сугубо логическое, математическое решение.

2. Отбор и определение фаунистических остатков в обязательном порядке должен осуществляться как по комплексам, так и по видам. По видовой анализ раскрывает особенности видового состава животных (домашних и/или диких), и их распределение по разно функциональным комплексам. Или, другими словами – содержательный и пространственный аспекты проявления каждого из вида животных по отдельности. По комплексный анализ раскрывает особенности археологизации и, соответственно – утилизации животных по каждому и всем разно функциональным комплексам поселения. Или другими словами – особенности импликации каждого из видов животных в разные сферы культурной и социально-хозяйственной жизни поселения.

Практика определения фаунистических остатков только по видам, с одной стороны, исключает возможность их реальной оценки, в силу оговоренных особенностей их статистического проявления в сравнении с комплексными показателями. А с дугой стороны, практически полностью исключает возможность раскрытия и интерпретации, содержащейся в комплексах культурной и социально-хозяйственной информации.

3. Анализ результатов фаунистических определений должен осуществляться в разных систе-

мах расчета их процентных значений: по отдельным видам и/или видовым группам; по одно- и/или разно функциональным комплексам; из расчета процентных значений от суммы каждого из них и/или от их общей суммы. Каждая из этих плоскостей носит в себе свою собственную, но взаимно дополняющую информацию. Здесь, все будет зависеть от конкретных целей и задач исследования. Однако, независимо от плоскостей анализа и систем расчета процентных значений, финальные, итоговые значения должны дать взаимно согласующиеся показатели. Последние, с одной стороны, определяют объективность исследования, а с другой, выступают главным критерием их верификации.

4. Особое практическое значение обретает выведенный смысл, сокрытый в разно полярных разностях процентных значений числа костей и числа особей, из которых следует, что выборки/комплексы с отрицательными разностями, как правило, соответствуют исходным местам разделки и утилизации скелетных остатков, а выборки с положительными разностями – указывают на места/комплексы, содержащие перемещенные, вторично разбросанные кости.

Корректировка числа особей.

Отправной идеей для разработки процедуры корректировки результатов археозоологических определений послужили неоднократно отмеченные выше **разности** соотношения числа костей к числу особей. Эти разности, по сути своей, отражают собой не что иное как не достающее (-) или избыточное (+) число особей, составляющих отклонения от общего стопроцентного числа определенных костей. А раз так, то, чтобы узнать реальное число особей, значения последних попросту следует привести к единому с костями – стопроцентному знаменателю. И поскольку эта процедура, как уже вполне очевидно из всего ранее изложенного, касается исключительно числа особей (отмеченное по модели искусственное завышение их числа), ее вполне можно обозначить как – ***метод корректировки «минимального числа особей»***.

Процедура корректировки числа особей осуществляется в нескольких этапов.

1. **Исходным моментом** этой процедуры выступает операция по преобразованию выявленных процентных разностей числа костей и числа особей в их абсолютные значения, или другими словами – определение конкретного числа особей, соответствующих этим процентным разностям. Эта операция выполняется, как и расчет процентных значений, только в обратной последовательности. Если скажем, в случае расчета процентных значений, заданное число признака умножается на 100, затем делится на общую сумму данного признака (пример: 6x100:24=25%), то, определение исходного абсолютного числа особей будет осуществляться в обратной последовательности (тот же пример: 25%x24:100=6).

Важно обратить внимание, что, поскольку разности процентных значений обычно сопровождаются строго определенными полюсными знаками (- или +), то, при их преобразовании в абсолютные значения (из-за процедуры обратного исчисления), они в обязательном порядке будут приобретать противоположные полюсные знаки, которые в дальнейшем и будут диктовать, выполняемые этими значениями операции.

Полученное таким образом абсолютное значения, в нашей процедуре обретают несколько смыслов. Поэтому, к этим показателям вполне можно применить особый, специальный термин – ***коэффициент девиации***, отражающего разноплановые отклонения «реального» числа особей от числа особей определенных археозоологом.

2. **Определение «*должного*» числа особей**. Понятие «должное» число особей призвано отразить разность между числом особей определенных археозоологом и их «реальным» числом. Изначально, это понятие было привлечено в качестве сугубо условной категории, своего рода инструментария, необходимого для последующего вычисления «реального» число особей. И именно в этом условном смысле оно и будет использоваться в разделе, посвященном корректировке данных по нашей условной модели.

Между тем, как выяснилось в процессе моделирования и окончательно впоследствии анализа конкретных коллекций, понятие «должное» носит строго определенный смысл, полностью соответствующий самому значению этого слова, означающему – **надлежащее**, **должное**, в отличие от фактического, наличного, реального. Более того, выяснилось, что это понятие, как и понятие «реалное», вбирает в

себе три разных смысла, а следовательно и три разных значения. Одно из них (Д.1), отражающее «должное» число условно «целых» особей, разделанных и утилизированных, в рамках исследованных комплексов. Второе – число условно «целых» особей, плюс долю особей, кости которых были вторично включены в исследованные комплексы, будучи разделанными за их пределами (Д.2). И третий смысл – общее «должное» число особей охваченных во всей выборке (Д.3), т.е. включительно и долю тех из них, что были разделаны, и большая часть костей которых осталась за пределами исследованных комплексов/поселения.

Вычисление «должного» числа особей осуществляется в зависимости от полюсного знака коэффициента девиации. В случае если последний характеризуется плюсовым знаком (+), его значение прибавляется к числу особей заданных археозоологом. И на оборот. Если коэффициент девиации сопровождается отрицательным знаком (-), его значение убавляется из числа особей определенных археозоологом. Полученные таким образом значения будут отражать, в первом случае – надлежащее, «должное» (+), а во втором – излишнее (>+) число особей, характерное для каждого конкретного вида/комплекса.

Другое дело расчет «должного» числа особей на уровне суммарных показателей. В этом случае, его значение вычисляется как разность между числом особей по археозоологу за минусом общей суммы всех «должных» завышений.

3. **Определение «*реального*» числа особей**. В отличии от «должного», понятие «реальное» число особей, призвано отразить фактическое – т.е. наличное число особей.

Значения «реального» числа особей выводится из соотношения трех показателей: числа особей определенных археозоологом, вычисленного «должного» числа особей и коэффициента девиации, но – поразному. Если коэффициент девиации положительный (+), его значение убавляется из значения вычисленного «должного» числа особей. Полученный результат и будет отражать реальное – наличное число особей.

В случае же, если коэффициент девиации отрицательный (-), «реальное» число особей может быть вычислено двояким способом. В одном случае, как сумма значений числа особей по археозоологу, за минусом суммы значений «должного» числа завышений (>+) и соответсвующего значения коэффициента девиации (К.). Полученный таким образом результат будет нулевым, указывающим на полное отсутствие в данном комплексе каких-либо особей или другими словами, что содержащиеся в этом комплексе кости, носят привнесенный характер, и относятся к особям разделенных в других комплексах или за пределами исследованной территории. При втором способе, вычисление «реального» числа определяется как разность между числом особей по археозоологу, за минусом значений должного числа завышений (>+). При этом способе, полученный результат будут отрицательным и будет соответствовать величине коэффициента девиации, обозначающему не достающуюся долю числа особей[4]. Но это применяется на уровне изучения конкретных комплексов.

На уровне же суммарных данных, «реальное» число особей по каждому виду вычисляется как сумма значений «должного» числа особей за минусом общей суммы коэффициентов девиации с отрицательными знаками. А в случае комплексов – от той же суммы «должного» числа особей, но за минусом общей суммы коэффициента девиации с положительными полюсными знаками.

Таким образом, процедура анализа, как и оперирование значениями коэффициентов девиации, целиком и полностью зависит от плоскостей анализа данных, т.е. от системы расчета процентных значений: по видам и комплексам, по отдельности, или от их суммарных показателей, или же – в другой формулировке – от конкретных задач и целей исследования.

Вся сложность проявления статистических показателей, и как следствие этого – сложность восприятия самой процедуры корректировки числа особей, обусловлены двумя принципиальными обстоятельствами. Дело в том, что подобно «должному», понятие «реаль-

4. В разделе посвященном корректировке числа особей по смоделированным данным, для простоты и наглядности, мы будем пользоваться первым из обозначенных способов. В разделе посвященном корректировке данных по конкретным коллекциям, в целях акцентирования недостающего числа особей, мы будем пользоваться вторым методом.

ное» также вбирает в себя три разных смысла, а, следовательно, и три разных значения.

Соответственно, с одной стороны, оба этих понятия выступают в качестве парных – параллельных показателей, отражающих, в первом случае, надлежащее – «должное», а, во втором – наличное – «реальное» число особей. А с другой стороны, как показатели, раскрывающие три разных их состояния. В одном случае это надлежащее – «должное» и наличное – «реальное» число условно «целых» особей, разделанных и утилизированных в рамках исследованных комплексов/поселения (ДР.1). Во втором случае – надлежащее – «должное» и наличное – «реальное» число «целых» особей плюс доля особей, кости которых были вторично включены в исследованные комплексы, будучи разделанными за их пределами (ДР.2). И третье значение – общее надлежащее и наличное число особей, охваченных во всей выборке, т.е. включая и долю тех из них, что были разделаны, и большая часть костей которых осталась за пределами исследованных комплексов/поселения (ДР.3).

Важно и последнее из заслуживающих внимание замечаний. Определяемые по предлагаемой процедуре *«должное»* и *«реальное»* число особей во всех случаях предполагает кавычки. Объясняется это тем, что эти значения всегда будут иметь достаточно условный характер – как вторично выведенные от диагностированного числа костей.

Для подробных разъяснений, обратимся снова к нашей модели. Преимущественно моделирования состоит в том, что, мы достоверно знаем число реально заложенных в ней особей. Но, временно, забудем об этом. Предположим, что мы ничего не знаем об их численности. Для нас, здесь, главными показателями являются разности в процентных значениях числа костей и числа особей, а также абсолютные значения последних по условным определениям археозоолога. Наша задача заключается в расчете реального числа особей, как по видам, так и по комплексам. Если, предлагаемая процедура корректировки верна, мы неизбежно должны выйти на известное/неизвестное значение, т. е. на 6 «целых», 6 «целых» с придатком, и 7 – не полных особей, заложенных нами в нашу модель. Это и будет нашей собственной проверкой состоятельности предлагаемой методики.

Корректировка числа особей по условным данным модели.

Предположим, нас интересует видовой анализ животных (домашних и/или диких) с точки зрения численности каждого из них по отдельности и их распределение по комплексам.

Все исходные данные и процедура корректировки числа особей, отражены в таблице – Рис. 13. Следуя оговоренной задаче, расчеты процентных значений в этом случае выполнены по горизонтали, по каждому из видов в отдельности. В таблицу включены абсолютно те же данные, что и ранее представленные на Рис. 8 и Рис. 9 (с соответствующими расшифровками).

В каждой из ячеек таблицы (Рис. 13) даны, в первой строке – абсолютное число костей/особей и процентные значения их разностей с соответствующими полюсными знаками. Во второй строке, указан их **коэффициент девиации** (с надлежащим полюсным знаком и приставкой **К**.). Далее, в третьей строке, приводятся расчеты «должного» числа особей (с приставкой **Д**.), и в последней, четвертой – расчеты **«реального»** числа особей (с приставкой Р.) (Рис. 13, столб. 2-4, строк. 1-5).

По правому краю таблицы вынесены суммы разностей процентных значений, коэффициентов девиации и «должного» числа особей (и/или числа их завышений) по всем комплексам, содержащим животных данного вида и суммарный расчет их реального числа (Рис. 13, столб. 6-7). А в строках 6 и 7 – те же данные применительно к комплексам (Рис. 13, строк. 6-7). Кроме того, для визуального сопоставления, по правому и нижнему краю таблицы, приводятся расчеты и по суммарным межвидовым и межкомплексным показателям (Рис. 13, столб. 8, строк. 8, Итого). Полная расшифровка последних – из расчета процентных значений по комплексам будет предъявлена чуть позже.

Разъяснения по каждому из этапов.

Вычисление абсолютного числа особей или коэффициента девиации. Как уже отмечалось, целью этой операции является определение доли числа особей, соответствующей разности в процентных соотношениях числа костей и числа особей по условным определениям археозоолога.

Напомним, что эта операция осуществляется в той же манере, что и вычисление про-

Компл./ Виды		А (жилище) →	Б (х. яма) →	В (к. слой) → →	? →	Сум. разн. %/Коэф. дев. (К)/Д.	→↓ВСЕГО= 100% и Реал. особ.	ИТОГО= 100% ↓↓
1		2	3	4	5	6	7	8
1	а	20/1 80,0/50,0=**-30,0%** **+К.0,6** **Д.**=О.1+К.0,6**=+1,6** **Р.**=Д.1,6-К.0,6 **=+1**	5/1 20,0/50,0=**+30,0%** **-К.0,6** **Д.**=О.1-К.0,6**=>+0,4** **Р.**=О.1-(Д>0,4+К0,6) **=0**	–	**–**	-30,0+30,0 **=0%** **К.-0,6+0,6** **=0** **Д.+1,6** >+0,4	**25/2=100%** **Д.=О.2->0,4** **=+1,6** **Р.=Д.1,6-К.0,6** **=+1**	**25/2** 8,0/13,3**+5,3%** **-К.0,8** **Д.=Р.=** **=О.2-К.0,8** **=+1,2**
2	б	35/1 58,3/33,3=**-25,0%** **+К.0,75** **Д.**=О.1+К.0,75 **=+1,75** **Р.**=Д.1,75-К.0,75 **=+1**	15/1 25,0/33,3=**+8,3%** **-К.0,25** **Д.**=О.1-К.0,25 **=>+0,75** Р=О.1-(>0,75+К0,25) **=0**	10/1 16,7/33,3=**+16,7%** **-К.0,5** **Д.**=О.1-К.0,5**=>+0,5** **Р.**=О.1-(>0,5+К0,5) **=0**	**–**	-25,0+25,0% **=0%** **К.-0,75+0,75** **=0** **Д.+1,75** >+1,25	**60/3=100%** **Д.=О.3->1,25** **+1,75** **Р.=Д.1,75-К.0,75** **=+1**	**60/3** 19,2/20,0**+0,8%** **-К0,12** **Д.=Р.=** **=О.3-К.0,12** **=+2,9**
3	в1-3	150/3 85,7/60,0=**-25,7%** **+К.1,29** **Д.**=О.3+К.1,6**=+4,29** **Р.**=Д.4,29-К.1,29 **=+3**	20/1 11,4/20,0=**+8,6%** **-К.0,43** **Д.**=О.1-К.0,43 **=>+0,57** **Р.**=О.1-(>0,57+К.0,43) **=0**	5/1 2,9/20,0=**+17,1%** **-К.0,86** **Д.**=О.1-К.0,86**=>+0,14** **Р.**=О.1-(>0,14+К0,86) **=0**	**–**	-25,7+25,7% **=0%** **К.-1,29+1,29** **=0** **Д.+4,29** >+0,71	**175/5=100%** **Д.=О.5->0,71** **=+4,29** **Р.=Д.4,29-К.1,29** **=+3**	**175/5** 55,9/33,3**-22,6%** **+К3,39** **Д.=Р.=** **=О.5+К.3,4** **=+>8,4**
4	г	5/1 12,5/33,3=**+20,8%** **-К.0,62** **Д.**=О.1-К.0,62 **=>0,38** Р=О1-(>0,38+К0,62) **=0**	30/1 75,0/33,3=**-41,6%** **+К.1,25** **Д.**=О.1+К.1,25**=+2,25** **Р.**=Д.2,75-К.0,25 **=+1**	5/1 12,5/33,3=**+20,8%** **-К.0,62** **Д.**=О.1-К.0,62**=>0,38** **Р.**=О.1-(>0,38+К0,62) **=0**	**–**	-41,6+41,6% **=0%** **К.-1,25+1,25** **=0** **Д.+2,25** >+0,75	**40/3=100%** **Д.=О.3->0,75** **=+2,25** **Р.=Д.2,25-К.1,25** **=+1**	**40/3** 12,8/20,0**+7,2%** **-К1,08** **Д.=Р.=** **=О.3-К.1,1** **=+1,9**
5	д	**–**	8/1 61,5/50,0=**-11,5%** **+К0,23** **Д.**=О.1+К.0,23 **=+1,23** **Р.**=Д.1,23-К.0,23 **=+1**	5/1 38,5/50,0=**+11,5%** **-К.0,23** **Д.**=О.1-К.0,23**=>0,77** **Р.**=О.1-(>0,77+К0,23) **=0**	**1-?**	-11,5+11,5% **=0%** **К.-0,23+0,23** **=0** **Д.+1,23** >+0,77	**13/2=100%** **Д.=О.2->0,77** **=+1,23** **Р.=Д.1,23-К.0,23** **=+1**	**13/2** 4,1/13,4%**+9,3%** **-К1,38** **Д.=Р.=** **=О.2-К.1,4** **=+0,6**
6	Рази.%/ Коэф. (К.)/Д.	↓-80,7+20,8% **=-59,9%**	↓-53,1+46,9%= **=-6,2%**	↓-0%+66,1% **=+66,1**	→±133,8 ±66,1%	**→↓±133,8%→±66,1** **=±67,7%**		↓**.±22,6%**
		↓-К.0,62+К.2,64 **=+2,02**	↓-К.1,28+К.1,48 **=+0,2**	↓-К.2,2+К.0 **=-2,2**	→ К.±4,1 →К.±2,2	**→↓К.±4,1→↓±К.2,2** **=К.±1,9**		**↓Д.=Р.=+6,6** **+>8,4**
		↓Д.+7,64 >+0,38	**↓Д.+3,48** >+1,72	**↓Д.+0** >+1,79→	**Д.+11,1** >+3,9	**→↓ Д.= 11,1+>3,9=О.15**		**↓ К.±3,4**
7	ВСЕГО 100%	**↓210/6→** **↓Р.=Д.7,64-К.2,64** **=Р.+5**	**↓78/5→** **↓Р.=Д.3,48-К.1,48** **=Р.+2**	**↓25/4→** **↓Р.=Д.0-К.0** **=0**	→↓ Д.11,1 -К.4,1= **=+7**	**→↓313/15=100%** **↓Р.=1+1+1+3+1+1=+7** **→Р.=5+2+0=+7** **→↓Или Р.=Д.11.1-К.4,1** **=+7**		
		Или **Д.=О.6-0,62** **=Д.+5,38**	**Или** **Д.=О.5-К.1,28** **=Д.+3,72**	**Или** **Д.=О.4-К.2,2** **=Д.+1,8**	→РД= **+10,9** **-↓>3,9** **=+7**	→↓Д.=О15-К.4,1 **=+10,9** →Д.=О.15-К.2,2 **=+12.8 Р.= Д.10,9-↓>3,9=+7**	→↓Р.= **10,9-12,8** **=К±1,9**	↓
		Или **↓Д.=Р.5+К.2,0** **=Д.+7,0**	**Или** **↓Д.=Р.2+К.0,2** **=Д.+2,2**	**Или** **↓Д.=Р.0-К.2,2** **=Д.-2.2**	→РД= **+9,2** **->2,2** **=+7**	**→↓Д=Д.11,1-↓К1,9=Д9,2** **→ Р.=Д.9,2-К.2,2** **=Р.+7**	→↓Р.= **9,2-7** **=К±2,2**	↓
		↓Или **↓Д.=Р.5+К.0,62** **=Д.+5,62**	**↓Или** **↓Д.=Р.2+К.1,28** **=Д.+3,28**	**↓Или** **↓Д.=Р.0+К.2,2** **=Д>+2,2**	→РД= **+8,9-** **>2,2=** **=+6,6/7***	→↓Д=Д.11,1-К2,2 **=+8,9** **Р.=8,9-К.2,2** **=+6,7*** **→Р.=О15-Д8,9** **=+6.1**	→↓Р.= **+6,6-6** **=±0,6**	
8	ИТО-ГО 100% →	**210/6→** 67,1/40,0=**-27,1%** **+К.4,1** **Д.=О.6+К.4,1** **=+10,1** **Р.=Д.10,1-К.4,1** **=+6**	**78/5→** 24,9/33,3=**+8,4%** **-К.1,26** **Д.=О.5-К.1,26** **=>+3,74** **Р.=** **О.5-(>3,7+К.1,3)** **=0**	**25/4→** 8,0/26,7=**+18,7%** **-К.2,8** **Д.=О.4-К.2,8** **=>+1,2** **Р.=** **О4-(>1,2+К2,8)** **=0**	→**±**27,1% → **К. ±4,1** →**Д.=** **О.15**->4,9 **=+10,1** →**Р.=** **Д.**10,1-К.4,1 **=Р.+6**	**→↓313/15=100%** **→±**27,1% | **↓±**22,6%= ←+ **=±4,5%** -↑ **→ К.±4,1** | **↓К.±3,4=** ←+ **=±0,6** -↑ **→Д.+10,1**+>4,9 **=О.15** | **↓Д=Р=+6,6+>8,4 =О.15** ←**Р.=Д.10,1-К4,1** ←← - **=Р.+6** | **↓Р.=О.15->8,4 ↑=Р.+6,6** +6 ↑+6,6= ← - **=±0,6** +↑		

Рис. 13. Корректировка «реального» числа особей по данным условной модели (Рис. 8) с расчетом процентных значений по каждому виду отдельно (Всего) и от их общей суммы (Итого). Сокращения: К. – коэффициент девиации, Д. – «должное», Р. – «реальное» число особей, О. – число особей по определениям археозоолога.

Fig. 13. The corrected "real" number of individuals according to the arbitrary model (Fig. 8) with the percentage for each species (overall total) and the percentage from their total amount (in total). Abbreviations: K., the index of deviation; D., the expected number of individuals; P., the "real" number of individuals; O., the number of individuals according to the initial archaeozoological determinations.

центных значений, только в обратной последовательности. К примеру, случай с видом а для комплекса **А** (Рис. 13, строк. 1). Разность процентных значений между числом костей и чис-

лом особей этого комплекса составляет -30%. Соответственно: 30х2 (сумма особей определенная археозоологом для данного вида по всем комплексам):100=+0,6. Или, скажем, по тому же виду, но для комплекса **Б**. Разность между процентными значениями числа костей и числом особей по этому комплексу та же, только с обратным знаком +30. Следовательно, в результате перерасчета мы получим то же значение, только с противоположным знаком -0,6. Оба полученных значения, с одной стороны, представляют разницу в стопроцентном соотношении числа костей и числа особей по каждому из виду/комплексам, в отдельности. В первом из приведенных случаев это будет – 80 к 80%, во втором – 20 к 20%. Но, эти же значения (±0,6), одновременно выступают и в роли коэффициентов девиации, отражающих уровень отклонения определенного археозоологом числа костей от числа особей. (Рис. 13, строк. 1, столб. 2-3, 7).

Возьмем более сложный пример с тремя особями – **в1-3**. Для комплекса **А**, разность между процентными значениями числа костей и числом особей составляет -25,7%. Соответственно: -25,7%х5(сумма особей):100=+1,29. В случае комплекса **Б**, это будет +8,6%х5:100=-0,43. А в случае комплекса **В** +17,1%х5:100=-0,86 (Рис. 13, строк. 3, столб. 2-4, 7, ряды 2-3).

В обоих приведенных случаях, правильность расчетов по взаимному выравниванию процентных значений числа костей и числа особей проверяется обычным способом вычисления относительных значений. К примеру, случай с видами **в1-3** комплекса **А**. Процентное значение числа костей для этого комплекса составляет 85,7%, по числу особей – 60,0%, разность -25,7%, а коэффициент девиации +1,29. Соответственно: +1,19х100:5=-25,7% (т.е. процентное значение разности). Добавленное к исходному процентному значению числа особей (25,7+60,0), получаем 85,7% (Рис. 13, строк. 3, столб. 2). То же самое мы получим и в случаях с теми же видами по комплексам **Б** или **В**, отличающиеся однако от первого, положительными разностями, и, соответственно, дающие коэффициенты с отрицательными знаками. Исходные процентные значения для комплекса **Б** составляют 11,4% – по числу костей и 20,0% – по числу особей. Их разность +8,6%. Коэффициент девиации -0,43. Соответственно: -0,43х100:5=+8,6. И далее 20,0-8,6=11,4% (Рис. 13, строк. 3, столб. 3). Для комплекса **В** исходные значения составляют 2,9% против 20,0%. Разность +17,1%. Коэффициент девиации -0,86. Соответственно: -0,86х100:5=+17,1. И далее 20,0-17,1=2,9%. Так проверяется правильность приведения процентных значений числа особей к единым значениям с процентными показателями по числу костей или их соотношения 100 к 100% (Рис. 13, строк. 3, столб. 4).

Однако, имеется еще один способ верификации этих расчетов. Дело в том, что, поскольку каждый из видов дает по сумме процентных разностей взаимно сбалансированные разно полюсные значения (Рис. 13, столб. 6), то, подчиняясь единым закономерностям, по логике, коэффициенты девиации, в свою очередь, также должны обнаружить взаимно сбалансированные значения. И, действительно, если обратиться к этим показателям, легко убедиться что, в сумме по каждому из видов, они неизменно дают равнозначные, разно полярные показатели, или иначе говоря – «0». В случае вида а, с костями, разбросанными по двум комплексам (**А** и **Б**), коэффициент девиации равен ±0,6. В случае вида **б**, с костями, разбросанными по трем комплексам (**А-В**), суммарные значения коэффициентов девиации составляют ±0,75. А в случае с тремя животными (**в1-3**), кости которых разошлись по трем комплексам (**А-В**), суммарные значения коэффициентов девиации равны ±1,29 и т.д. (Рис. 13, столб. 6, значения с приставкой **К**.).

То же самое касается и общей суммы коэффициентов девиации, составляющая ±4,1 особь (Рис. 13, столб. 6, строк. 6). Так что, с точки зрения закона сохранения материи/энергии, во всех этих случаях – все в порядке.

Определение «*должного*» числа особей. «Должное» число особей, на уровне модели, как уже было отмечено, носит условное значение (в силу условности заложенных в модель данных) и, как правило, имеет относительный характер. Но, в отдельных ситуациях, в частности, при анализе межвидовых и меж комплексных показателей, их значения могут совпасть, как в смысле «реального» числа особей, так и в смысле – их избыточного числа.

Вычисление «должного» числа особей осуществляется в зависимости от полюсного

значения коэффициента девиации. В случае если последний **характеризуется плюсовым знаком (+), его значение прибавляется к числу особей определенных археозоологом**. И наоборот. Если коэффициент девиации сопровождается отрицательным знаком (-), его значение убавляется из значения числа особей по археозоологу. Полученные таким образом значения, в первом случае будут отражать условное «должное» число особей (+), а, во втором – их избыточное число (>+).

Примеры по конкретным видам/комплексам. Случай с видом **б**. По нашей модели, под этим видом подразумевается одна особь, разделанная в комплексе **А**, с разбросом части ее костей в комплекс **Б** и **В**. По условным же определениям археозоолога получилось три особи: по одной на каждый комплекс (Рис. 13, строк. 2, столб. 2-4, 7). Следуя оговоренной процедуре, должное число вида **б** для комплекса **А** составит +1,75 условных особей (О.1+К.0,75), а для комплексов **Б** и **В**, соответственно – >+0,75 (О.1-К.0,25) и >+0,5 (О.1-К.0,5), означающих избыточную долю особей (точнее, представляющих их костей) (Рис. 13, строк. 2, столб. 2-4, 7).

Случай с видом **г**. Согласно нашей модели, под этим видом подразумевается одна особь, разделанная в комплексе **Б**, с частичным перемещением отдельных ее костей и в комплекс **А**, и в комплекс **В**. По условным же определениям археозоолога получилось три особи: по одной на каждый комплекс (Рис. 13, строк. 4, столб. 2-4, 7). Следуя оговоренной процедуре, должное число особей вида **г** для комплекса **Б** составит +2,25 особей (О.1+К.1,25), а для комплексов **А** и **В**, с равными исходными показателями (О.1-К.0,62), по >+0,38 избыточного числа (Рис. 13, строк. 4, столб. 2-4, 7). И так по всем остальным видам/комплексам.

Другое дело определение суммарного «должного» числа особей по каждому виду или комплексу в отдельности. В случае видов, оно будет определяться числом особей, заданного археозоологом, за минусом суммы избыточного числа особей, зафиксированных для всех комплексов, содержащих кости от данного вида. Рассмотрим случай с видом **б**. По определениям археозоолога на него приходятся три особи. А согласно процедуре, «должное» число особей этого вида составляет +1,75 (О.3->1,25) единиц (Рис. 13, строк. 2, столб. 6-7). Случай с видом **г**. По определениям археозоолога представлен тремя особями. А по нашим расчетам, «должное» число особей составляет О.3->0,75=+2,25 особей (Рис. 13, строк. 2, столб. 6-7). И так по всем остальным видам.

Общая же сумма «должного» числа особей по всем видам составит +11,1 условных единиц, включающих +1,6 – по виду **а**, 1,75 – по виду **б**, 4,29 – по виду **в1-3**, 2,25 – по виду **г** и 1,3 – по виду **д** (Рис. 13, столб. 6-7, строк. 6).

В случае комплексных показателей, «должное» число особей разных видов, определяется как простая сумма положительных значений, полученных по всем конкретным видам/комплексам. Скажем в случае комплекса **А** она составит +7,64 особей (включает: +1,6 особей – вида **а**, +1,75 – вида **б** и +4,29 – вида **в1-3**) (Рис. 13, столб. 2, строк. 1-3, 6, 3-я подстрока). В случае комплекса **Б** «должное» число особей составляет +3,48 условных особей (включает: +2,25 особей – вида **г** и +1,23 – вида **д**). А для комплекса **В**, для которого все виды дают завышение числа особей, «должное» число особей, соответственно, будет равно нулю (Рис. 13, столб. 3-4, строк. 2-5, 3-я подстрока).

Сумма этих данных (+7,64+3,48) и составит общее «должное» число особей по всем комплексам, которая, как и в случае видовых показателей, будет равна тем же +11,1 условных единиц (Рис. 13, строк. 6, столб. 6-7, 3-я подстрока).

Правильность расчетов «должного» числа особей по каждому виду, верифицируется как разница между общим числом особей данного вида по археозоологу, за минусом общей суммы вычисленного избыточного числа. В случае, скажем, вида **б**, это будет (О.3->1,25) +1,75, а в случае вида **г** – (О.3->0,75) +2,25. Такая же ситуация отмечена и по остальным видам (Рис. 13, строк. 2 и 4, столб. 7). Другой путь подразумевает обязательное соответствие суммы числа особей определенных археозоологом, с суммой, объединяющей положительные значения «должного» числа особей и суммы их завышений. А они в нашем случае полностью совпадают. По определениям археозоолога это 15 особей. По расчетам «должного» числа особей, мы имеем +11,1 положительных условных единиц, плюс >3,9 особей, составляющих завышения, что позволяет выйти на те же 15 единиц, определен-

ных археозоологом (Рис. 13, строк. 6, столб. 6-7. 3-я подстрока).

Определение «*реального*» числа особей. В отличие от «должного», «реальное» число особей, отражает фактическое число особей каждого из конкретных видов/комплексов и/или их суммарных показателей. Как уже было отмечено, «реальное» число особей выводится из соотношения числа особей определенных археозоологом, вычисленного «должного» числа и значений коэффициента девиации. Но, вычисляется оно по-разному, в зависимости от полюсного знака разности процентных значений, или же – наоборот, в зависимости от инверсированного полюсного знака коэффициента девиации. В случае если разность процентных значений отрицательная, дающая положительный коэффициент девиации, значение последнего убавляется из значений вычисленного «должного» числа. В случае же, если разность процентных значений положительная, а коэффициент девиации отрицательный, «реальное» число особей вычисляется как разность между числом особей определенных археозоологом, за минусом суммы «должного» числа завышений и значения коэффициента девиации.

Пример по виду/комплексу **б/А**. Значение «должного» числа для этого комплекса составляет +1,75, а его инверсированный коэффициент – (+/-) 0,75. Следовательно, «реальное» число особей для этого комплекса будет (Д.1,75-/+К.0,75) равно – одной особи. А применительно к комплексам **Б** и **В** (с отрицательными процентными разностями и инверсированным положительным коэффициентом девиации) «реальное» число особей составит нулевое значение. В случае комплекса **Б**, оно образуется из числа особей определенных археозоологом (О.1), за вычетом суммы значений «должного» числа завышений и коэффициента девиации (Д.>0,57+К.0,43). В результате получаем – 0. Тоже самое касается и комплекса **В**, «реальное» число особей которого составляет О.1-(Д.>0,14+К.0,86)=0. В соответствии с этими данными, «реальная» сумма особей вида **б** по всем комплексам, содержащим его кости, будет определяться как сумма «должного», за вычетом общей суммы отрицательных коэффициентов девиации. В результате – Д.1,75-К.0,75 получаем – одну особь (Рис. 13, строк. 2, столб. 2-4, 6-7).

Возьмем более сложный пример с видом **в1-3**, под которыми, по модели, подразумеваются три особи, разделанные в комплексе **А**, и отдельные кости от которых попали в комплексы **Б** и **В**.

«Реальное» число особей для комплекса **А**, по принятой процедуре, будет равно трем особям. Оно складывается из значения «должного», за минусом инверсированного значения коэффициента девиации. Соответственно, Д.4,29-/+К.1,29=3 (Рис. 13, строк. 3, столб. 2). В случае же комплексов **Б** и **В** с положительными инверсированными коэффициентами девиации, «реальное» число особей будет нулевым. Для комплекса **Б** оно составит О.1-(Д.>0,57+/-К.0,43)=0. Для комплекса **В** это будет О.1-(Д.>0,14+/-К.0,86)=0. Следовательно, «реальная» сумма особей видов **в1-3** по всем комплексам, содержащим их кости, определяется как сумма «должного», за вычетом общей суммы отрицательных коэффициентов девиации. В результате – Д.4,29-К.1,29 получаем – три особи (Рис. 13, строк. 3, столб. 2-4, 6-7). Такова процедура расчетов и по остальным видам.

Сосредоточимся на показателях по каждому **виду/комплексу**.

Напомним. По нашим условиям, мы задействовали в модели шесть условно полных с придатком, или в другом выражении – семь неполных особей, а именно: вид **а** – 1 особь, вид **б** – 1 особь, вид **в** – 3 особи, вид **г** – 1 особь, вид **д** – 1 неполная особь.

Согласно нашим условиям, виды/особи **а**, **б** и **в1-3** были разделаны в комплексе **А**, вид **г** – в комплексе **Б**, с большим или меньшим вторичным разбросом части их костей и по другим комплексам. В отличие от них, под видом **д** нами подразумевались отдельные вторичные кости, отчасти попавшие в комплекс **Б** (8 костей), а отчасти – к комплекс **В** (5 костей) (Рис. 8; Рис. 13).

В результате предложенной корректировки, мы вышли на абсолютно те же значения, и с точки зрения суммы по каждому виду/комплексу, и с точки зрения их суммарных по видовых и/или по комплексных значений.

Начнем с видовых показателей. По условиям модели, вид **а** – одна особь, разделанная – большая часть скелетных остатков которой депонировалась в комплекс **А**. В результате корректировки, мы получили – одну особь. Соответственно, по комплексу **Б**, включающему

по условиям модели вторично привнесенные кости, доля числа особей определена как нулевая. Таким образом, как и полагается, общая сумма по этому виду составляет 1 особь, вместо 2-х, по условным определениям археозоолога (Рис. 13, строк. 1, столб. 2-3, 7).

Вид **б**. По условиям модели – одна особь, разделанная в том же комплекс **А**. По результатам корректировки – одна особь. А по комплексам **Б** и **В**, содержавшим по условиям модели вторично привнесенные кости, «реальное» число особей – нулевое. Следовательно, как и полагается, общая сумма по этому виду определяется в 1 особь, вместо 2-х, по определениям археозоолога (Рис. 13, строк. 2, столб. 2-4, 7).

Вид **в1-3**. По условиям модели – три особи, разделанные в том же комплекс **А**. По результатам корректировки – тоже три особи. А по комплексам **Б** и **В**, включающим по условиям модели вторичные кости, «реальное» число особей – нулевое. Следовательно, как и полагается, общая сумма по этому виду определяется в 3 особь, вместо 5-и, по определениям археозоолога (Рис. 13, строк. 3, столб. 2-4, 7).

Вид **г**. По условиям модели – одна особь, разделанная в комплексе **Б**. По результатам корректировки – одна особь. А по комплексам **А** и **В**, содержавшим по условиям модели вторично привнесенные кости, «реальное» число особей – нулевое. Таким образом, общая сумма по этому виду составляет 1 особь, вместо 2-х, по определениям археозоолога (Рис. 13, строк. 4, столб. 2-4, 7).

И последний – вид **д**. По модели, за ним подразумеваются одиночные кости от некой особи, большая часть скелетных остатков от которой отложились где-то за пределами наших знаний. Но, поскольку к комплексу **Б** мы отнесли большее число костей (8 костей), а к комплексу **В** – меньшее (5 костей), первый из этих комплексов (**Б**), по расчетам, высвечивается как содержащий как бы целую особь, а второй (**В**) – ноль. Таким образом, в сумме, по этому виду получается одна особь (не полная), в отличие от определений археозоолога – 2 особи (Рис. 13, строк. 5, столб. 3-4, 7).

В итоге, в сумме по всем видам, мы выходим на то же число особей, что и было заложено нами в модель, т.е. на **семь особей** (1 особь – для вида **а** + 1– для вида **б** +3– для видов **в1-3** +1– для вида **г** и +1 (неполная) – для вида **д**). Абсолютно ту же цифру мы получаем и из разности общей суммы вычисленного значения «должного» числа особей, за минусом общей суммы коэффициента девиации (соответственно Д.+11,1-К.4,1)=7. И в таком случае выясняется, что общее число в 15 особей определенных археозоологом, включают неоправданное завышение на 8 особей (Рис. 13, строк. 7, столб. 6-7, 1-я подстрока).

Теперь обратимся к проявлению комплексных показателей.

Комплекс **А**. По условиям нашей модели, на этот комплекс мы задействовали пять условно целых особей (1 – вида **а**, 1 – вида **б** и 3 – вида **в1-3**). В результате корректировки, вопреки определениям археозоолога – шесть, мы вышли на теже пять «реальных» особей. Они обнаруживаются как по сумме всех особей, содержащихся в этом комплексе, так и по разности, вычисленного «должного» числа (Д.+7,64), за минусом значение инверсированного коэффициента девиации (К.-/+2,64) (Рис. 13, столб. 2, строк. 1-3, 7, 1-я подстрока).

Комплекс **Б**. По определениям археозоолога за этим комплексом оприходовано пять особей. А по условиям нашей модели, этому комплексу приписана одна целая особь (вид **г**) и восемь костей от второй особи (вид **д**), разделанная и большая часть скелетных остатков которой выпали из поля нашей выборки. В результате корректировки, мы получили две «реальных» особи: одну целую и вторую – неполную. Они обнаруживаются, с одной стороны, по их простой сумме, а с другой стороны – как разность, между вычисленным значением «должного» числа (Д.+3,48), за минусом значение инверсированного коэффициента девиации (К.-/+1,48) (Рис. 13, столб. 3, строк. 4-5, 7, 1-я подстрока).

Комплекс **В**. По определениям археозоолога за этим комплексом оприходовано четыре особи. По условиям модели, этому комплексу не была приписана ни одна особь, что и подтвердилось из результатов корректировки, ибо для этого комплекса и значение «должного» числа, и значение инверсированного коэффициенты девиации сводятся к нулю (Рис. 13, столб. 4, строк. 2-5, 7, 1-я подстрока).

Таким образом, заложив, в условно выделенные нами комплексы, семь не полных осо-

бей, в результате корректировки, мы вышли на тоже значение. Из семи особей, как и полагается, пять связаны с комплексом **А**, два – с комплексом **Б**, а на комплекс **В** – ноль. Тоже значение получается из общей суммы значений «должного» числа особей (Д+11,1), за минусом суммы отрицательного коэффициента девиации (К.-4,1) (Рис. 13, строк. 7, столб. 6-7, 1-я подстрока).

Иными словами, следуя предложенной процедуре, и комплексные, и видовые показатели в итоге обнаруживают тоже значение числа особей, что и заложенное нами в модель, т. е. – семь особей, против 15 по условным определениям археозоолога (Рис. 13, строк. 7,1-я подстрока, столб. 6-7).

Проверку всех этих выкладок можно осуществить по принципу – от обратного. Здесь, отчетливо, просматриваются два возможных пути.

Первый из них. Расчет «должного» числа особей из соотношения числа особей определенных археозоологом по каждому комплексу, за минусом, соответствующему ему коэффициента девиации в его исходном полюсном значении. При такой процедуре, «должное» число особей по комплексу **А** составит (О.6-К.0,62) +5,38 особей, по комплексу **Б** – (О.5-К.1,28) +3,72 и по комплексу **В** – (О.4-К.2, 2) +1,8. В сумме получается Д.=+10,9. Это же значение вытекает из разницы между общим числом особей в определении археозоолога с их общим коэффициентом девиации (О.15-К.4,1) +10,9. Следовательно, реальное число особей по всем этим комплексам будет определяться разностью между вычисленным значением «должного» числа (Д.+10,9), за минусом, раннее установленной, общей доли их завышений (>+3,9). В итоге мы выходим на (10,9->3,9) те же – семь особей (Рис. 13, строк. 7, 2-я подстрока, столб. 2-4, 6-7).

Но, что, при этом, здесь примечательно. «Должное», образованное от общего числа особей по археозоологу (О. 15), за минусом общего для видов и комплексов коэффициента девиации (К.-4,1) равно тоже +10,9 особям. «Должное» же от того же числа особей (О.15), за минусом общего только для комплексов коэффициента девиации (К.-2,2), будет равно 12,8 особям. Разность между этими значениями составляет ±1,9 (Рис. 13, строк. 7, 2-я подстрока, столб. 6-7). А это и есть значение отклонения, образованного из разностей оговоренных коэффициентов (±4,1±2,2=±1,9) (Рис. 13, строк. 6, столб. 6-7, 2-я подстрока).

Второй возможный путь. Расчет «должного» числа особей как сумма вычисленного уже «реального» числа особей по каждому комплексу с соответствующими им коэффициентами девиации, составляющих разность между двумя исходными (Рис. 13, строк. 6, 3-я подстрока). Следуя этой процедуре, «должное» число особей по комплексу **А** составляет (Р.5+К.2,0) +7,0 особей, по комплексу **Б** – (Р.2+К.0,2) +2,2, а по комплексу **В** – (Р.0-К.2,2) <-2,2. В сумме получается Д.=+9,2. (Рис. 13, строк. 7, 3-я подстрока, столб. 5-7). Эта же сумма вытекает и из разницы между общим значением «должного» числа (Д.+11,1), за минусом значения коэффициента девиации, образованного от разности между значениями общих повидовых и по комплексных коэффициентов (К.+1,9). И в таком случае, «реальное» число особей по всем комплексам, будет определяться как разность между вычисленным значением «должного» числа (Д.+9,2), за минусом, значения общего по комплексного коэффициента девиации (К.+2,2). В итоге (Д.+9,2-К.2,2), мы, опять-таки, выходим на теже – 7 особей (Рис. 13, строк. 7, столб. 2-4, 6-7, 3-я подстрока).

Но, обратимся еще раз к оговоренным в предшествующем разделе (Рис. 9) различиям в проявлении процентных значений показателей по видам и комплексам. Напомним. При рассматриваемой здесь системе расчета процентных значений (по Видам), общая сумма их разностей по костям и особям составляет ±133,8%. То же значение обнаруживают и комплексные показатели, в части соотношения их положительных и отрицательных значений – ±133,8%. Однако же, в отличие от первых, последние дают и свои собственные разности, сумма которых равна ±66,1%. Соответственно, разница между первыми (±133,8%) и последними (±66,1%) составляет ±67,7% (Рис. 13, строк. 6, 1-я подстрока, столб. 2-4, 6-7; Рис. 10,А).

Вполне естественно, что ситуация с процентными разностями, в равной степени отразилась и на вычисленные от них производные: коэффициенты девиации и значений «должного» числа особей.

Как уже отмечалось, сходные по сумме положительных и отрицательных разностей

(±133,8%), комплексы, как и виды, дают единые взаимно сбалансированные значения коэффициентов девиации в ±4,1 особь. Но, образуя в пределах разно полярных процентных значений, свои собственные взаимно сбалансированные разности (±66,1%), комплексные показатели обнаруживают и свои особые взаимно сбалансированные значения коэффициентов девиации в ±2,2 особи. При этом разность между значениями этих коэффициентов будет равна (±4,1±2,2)=±1,9 особи, соответствующей значениям их процентных разностей (±133,8±66,1)=±67,7%. (Рис. 13, строк. 6, 2-я подстрока, столб. 2-4, 6-7). В переводе на простой язык, это соотношение означает, что, комплексные показатели в сравнении с видовыми, помимо общих процентных, таят в себе и свои особые значения, как по «должному», так и по «реальному» числу особей.

Эти различия отчетливо обнаруживаются из расчета «должного» числа особей как суммы вычисленного уже «реального» числа особей по каждому комплексу (Рис. 13, строк. 7, 1-я подстрока, столб. 2-7) с соответствующими им отрицательными коэффициентами девиации (Рис. 13, строк. 6, 2-я подстрока, столб. 2-7). При такой процедуре, «должное» число особей по комплексу **А** составит (Р.5+К.0,62) +5,62 особей, по комплексу **Б** – (Р.2+К.1,28) +3,28 и по комплексу **В** – завышение (Р.0+К.2,2) в >+2,2. В сумме получается Д.=+8,9. Эта же сумма вытекает и из разницы между общим значением «должного» числа за минусом общего комплексного коэффициента девиации (Д.11,1-К.2,2)=+8,9. Следовательно, «реальное» число особей по всем этим комплексам, в этом случае, будет определяться как разность между вычисленным значением «должного» числа (Д.+8,9), за минусом, общего значения покомплексных коэффициентов девиации (К.2,2). В итоге (Д.+8,9-К.2,2), получаем не семь, а – 6,7 особей. Но, с другой стороны, тоже значение «должного» числа (Д+8,9), взятое в соотношении с числом особей определенных археозоологом (О.15), дает уже – 6,1 реальных особей (О.15-Д.8,9). Разность между первыми и последними будет равно ±0,6 особи. А это и есть разность, образованная остатками той самой – неполной особи вида д, на которую мы акцентировали внимание еще в предшествующем разделе (Рис. 13, строк. 7, столб. 2-7, 4-я подстрока).

Таким образом, выясняется, что за различиями – «противоречиями» в процентном соотношении числа костей к числу особей, скрываются три разных значения «реального» числа особей, определенно таящих в себе три разных смысла. При принятой здесь системе расчета процентных значений, следуя основным видовым и комплексным показателям, общее число «реальных» особей оценивается в 7 единицах (Рис. 13, строк. 7, 1-я подстрока, столб. 6-7). А с учетом разностей комплексных показателей, их «реальное» число, в одном случае выходит на 6 особей, а в другом – на 6,6 особей (Рис. 13, строк. 7, 4-я подстрока, столб. 6-7). А это и есть оговоренная ранее комбинация 6+0,6=6,6+0,4=7 или наоборот – 7-0,4=6,6-0,6=6 (Рис. 9; Рис. 11).

Зная условия нашего моделирования, не трудно вывести суть этих различий. Под 6-ю «реальными» особями (Р.1), подразумевается число относительно целых скелетных остатков, разделанных в наших условных комплексах. Под 6,6 «реальными» особями (Р.2) – число «целых» особей, плюс часть костей от скелетных остатков особей, разделанных и в большей части отложившихся за пределами наших комплексов. А за 7-ю «реальными» особями (Р.3)– общее число особей, отразившиеся в выборке, т.е. включительно и тех из них, что были разделаны, и большая часть костей которых осталась за пределами наших комплексов.

А вот как выглядят результаты корректировки числа особей в их графическом отображении (Рис. 14). На левом рисунке (Рис. 14, А), приведена ранее уже использованная иллюстрация (Рис. 10, А), демонстрирующая, с одной стороны, соотношение числа костей и особей применительно к видам, в соответствии с гипотетическими определениями археозоолога (Рис. 14, А, Виды). А на правой его половине – те же данные, но применительно к комплексным показателям, существенно отличающиеся – противоречащие первым по процентному соотношению тех же костей и особей (Рис.14, А, Комплексы).

На втором – правом рисунке (Рис. 14, Б), отражены абсолютно те же данные. Но, в этом случае, комплексные процентные значения числа костей и числа особей приведены к одному и тому же стопроцентному соотношению. Иными словами, число особей каждого из комплексов адекватно числу костей определенных до вида. Вникая в

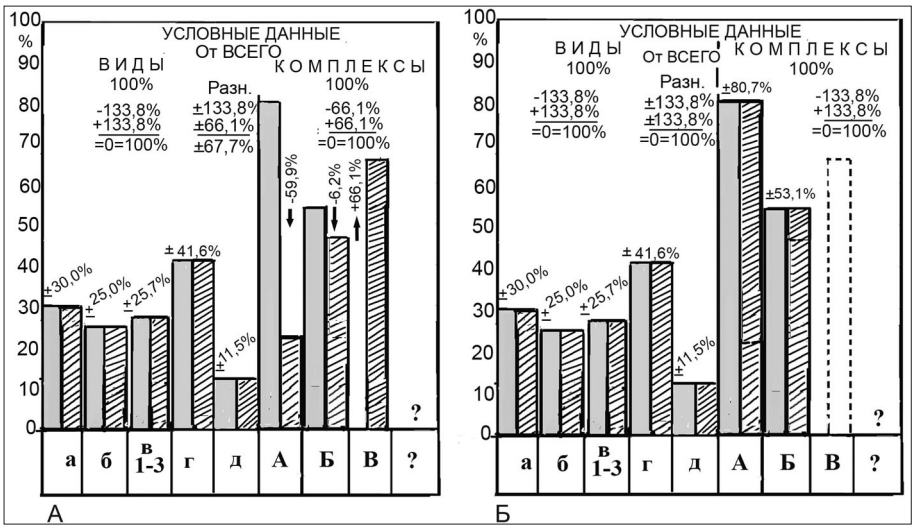


Рис. 14. Процентное соотношение числа костей (затененные столбики) и числа особей (заштрихованные столбики) по видам и комплексам. А – до корректировки (исход. данные – **Рис. 9**, столб. 6, строк. 7); Б – после корректировки (исход. данные – Рис. 13, столб. 6, строк. 6, 1-я подстрока).

Fig. 14. The percentage correlation between the number of bones (shadowed columns) and the number of individuals (crosshatched columns) of species and within established archaeological complexes. A, before correlation (data source: **Fig. 9**, 6th column, 7th row); B, after correlation (data source: Fig. 13, 6th column, 6th row, 1st substring).

эту иллюстрацию, легко заметить, что, процедура корректировки данных, по сути, привела к переброске завышенного – излишнего числа особей (неоправданно приписанных условным археозоологом) из комплекса **В**, отчасти в пользу комплекса **Б** и, главным образом – в пользу комплекса **А**. И эта переброска полностью согласуется с условиями нашей модели, целиком подтверждая положение о том, что комплексы с отрицательными значениями разностей в соотношении числа костей к числу особей, как правило, соответствуют местам разделки и утилизации животных.

Между тем, вывод о трех разных значениях и трех разных смыслов «реального» числа особей, полностью подтверждается и из расчета процентных значений от суммарных меж видовых и меж комплексных показателей (т.е., от Итого). Все эти расчеты приведены в той же таблице – по левому и нижнему ее краям (Рис. 13, столб. 8, строк. 8).

При этой системе расчета процентных значений, процедура определения «должного» и «реального» числа особей применительно к меж комплексным показателям, остается прежней, как и отраженный ими смысл.

Значение, «должного» числа рассчитывается в зависимости от полюсного знака коэффициента девиации. Если этот знак положительный (+) его значение прибавляется к числу особей определенных археозоологом. Если же этот знак отрицательный (-), значение коэффициента убавляется из числа особей по археозоологу. В первом случае, полученный результат, будет отражать, – «должное» число особей, а во втором – число особей, составляющих неоправданные завышения. В нашем случае, «должное» число равно +10,1 условных особей, а завышения +>4,9 особи, (что и составляет разницу от 15 особей по определениям археозоологом) (Рис. 13, строк. 8, обозначения с приставкой Д.).

По обычной, ранее оговоренной схеме, рассчитывается здесь и значение «реального» числа особей. В случае если полюсный знак коэффициента девиации положительный (+), в инверсированном варианте, его значения вычитаются из значения «должного» числа особей. Если же полюсный знак коэффициента отрицательный (-), его значение определяется как сумма числа особей в определениях археозоолога, за минусом суммы завышенных значений «должного» и соответствующего (инверсированного по знаку) значения коэффициента девиации. А по суммарным показателям – реальное число особей, будет равно разнице между полученным значением условного должного числа (+10,1) за минусом общей суммы значений коэффициентов девиации. В нашем случае это значение составляет -4,1. Соответственно, общая «реальная» сумма особей по всем комплексам будет равна +6 особям (Д.+10,1-К.4,1), шести, подчеркиваю – относительно целых – полных скелетных остатков (Р.1), разделенных непосредственно в наших условных комплексах (Рис. 13, строк. 8, обозначения с приставкой Р.).

Совершенно иную ситуацию демонстрируют при этой системе расчета процентных значений проявление «должного» и «реального» применительно к межвидовым показателям. В процедурном отношении оба они вычисляются по одной и той же схеме, в зависимости от полюсного знака коэффициента девиации. Если этот знак положительный (+) его значение прибавляется к числу особей определенных археозоогом. Если же коэффициент отрицательный, он вычитается из значения числа особей по археозоологу (Рис. 13, столб. 8, обозначения с приставками Д.=Р.).

Но, что при этом показательно. При этих расчетах, понятия «должное» и «реальное» получают как бы обратное взаимно утверждающие значения, в смысле того, что должное это и есть реальное, а реальное это и есть – должное. Полученные при этих расчетах позитивные значения (+) будут означать «должное», как – надлежащее реальное число особей. А значения, показывающие завышение данных (+>), будут означать «реальное», в смысле фактического – надлежащего завышения числа особей. В нашем случае, общая сумма позитивных значений составляет +6,6 особей, а завышенных данных +>8,4. В сумме они равны числу особей по определениям археозоолога (О.15), что подтверждает их валабильность. Соответственно, в этом случае окончательное определение «реального» числа особей, рассчитывается как разница между числом особей в определении археозоолога, за минусом общей суммы числа завышенных особей (О.15->8,4). В результате, мы выходим на тоже позитивное значение в +6,6, составляющее «реальное» число особей по межвидовым показателям (Рис. 13, столб. 8, строк. 8).

Таким образом, если в системе расчета процентных значений по видам (Всего), выявленное число в 7 особей, выдает общее «реальное» число особей, отразившееся в нашей выборке, включительно и тех из них, что были разделаны, и часть костей которых отложилась за пределами наших комплексов (Р.3). В системе расчета процентов от суммарных показателей (Итого), в одном случае – комплексные показатели выдают «реальное» число «целых» скелетных остатков (Р.1); особей – непосредственно разделанных и в большей своей части отложившихся в этих комплексах – 6 особей. А в другом случае – межвидовые показатели – число «реальных» особей (Р.2), разделанных в наших комплексах/поселении (6 особей), а также долю тех из них, что были занесены в эти комплексы (+0,6 особей), будучи разделанными за их пределами (всего 6,6 особей).

Анализ комплексных показателей

В этом случае процентные значения рассчитаны по комплексам, т.е. – по вертикали (Всего). Для удобства визуального сопоставления, как и в предшествующем случае, по правому и нижнему краям этой же таблицы, представлены данные, рассчитанные от их общей суммы (Итого) (Рис. 15, столб. 8, строк. 8). Эта система расчетов, приводится, главным образом, в целях самоконтроля. Поэтому комментарии здесь будут краткими. Объясняется это тем, что в этих расчетах задействованы те же исходные данные. Следовательно, независимо от различий в процентных значениях и их производных (значений разностей, коэффициентов девиации и пр.), в конечном счете, мы должны выйти на те же значения «реального» числа особей, что и прежней системе расчетов (по видам). Остается лишь оговориться, что все операции по определению «должного» и корректировке «реального» числа особей здесь были выполнены строго по оговоренной ранее процедуре.

Результаты. Как и в предшествующем случае, при рассматриваемой системе расчета процентных значений по комплексам, мы действительно выходим на те же результаты, как по комплексным, так и по видовым показателям (Всего) – 7 «реальных» особей (Р.3) (сравни: Рис. 13, строк. 7, столб. 6-7, 1-я подстрока и Рис. 15, строк. 7, столб. 6-7).

Взятые же «от Итого», как и полагается, они остаются прежними: по меж комплексным показателям – **6** «реальных» (Р.1), а по межвидовым – **6,6** «реальных» особей (Р.2) (сравни: Рис. 13, строк. 8, столб. 7-8, 7-я подстрока и Рис. 15, строк. 8, столб. 7-8, 5-я подстрока).

А вот как выглядят эта ситуация, применительно к последним показателям, в графическом отображении после корректировки числа особей (Рис. 16). На левом рисунке (Рис. 16, А) представлена ранее уже использованная иллюстрация (Рис. 10, Б), демонстрирующая процентное соотношение числа костей и особей по межвидовым и меж комплексным показателям следуя определениям археозоолога. А на правом рисунке – те же данные, после их корректировки, т.е. после их приведения к единому стопроцентному соотношению (Рис. 16, Б).

Компл./ Виды		А (жилище) ↓	Б (х. яма) ↓	В (к. слой) ↓	? ↓	Сум. разн. %/К. /Д.	ВСЕГО= 100% →↓	ИТОГО= 100% ↓↓
1		2	3	4	5	6	7	8
1	а	20/1 9,52/16,7=+7,1% -К.0,43 Д.=О.1-К.0,43 =>+0,57 Р=О1-(К0,4+ >0,6} =0	5/1 6,4/20,0=+13,6% -К.0,68 Д.=О.1-К.0,68 =>+0,32 Р=О1-(К0,7+ Д0,3} =0	–		-0+20,7 =+20,7% К-1,1+0 =-1,1 Д+0 >+0,89	25/2=100% → Р.=Д.0-К.0 =+0	25/2 8,0/13,3+5,3% -К.0,8 Д=Р=О2-К0,8 =+1,2
2	б	35/1 16,7/16,67=0% К.0 Д.=Р.=О.1-К.0 =+1`	15/1 19,23/20,0= +0,77% -К.0,04 Д.=О.1-К.0,04 =>+0,96 Р=О.1-(К0,0 +Д1.0} =0	10/1 40,0/25,0=-15,0% +К.0,6 Д.=О1+К0.6 =+1,6 Р.=Д.1,6-К0.6 =+1	–	-15,0+0,77 =-14,2% К.-0,04+0,6 =+0,6 Д.+2,6 >+0,96	60/3=100% → Р.=Д.2,6-К.0,6 =+2	60/3 19,2/20,0+0,8% -К0.12 Д=Р=О3-К.0,12 =+2,9
3	в1-3	150/3 71,4/50,0=- 21,4% +К.1,286 Д.=О.3+К.1,28 =+4,29 Р.=Д.4,29-К1,29 =+3	20/1 25,64/20,0= -5,64% +К.0,282 Д.=О.1+К0,28 =+1,28 Р.=Д.1,28-К0.28 =+1	5/1 20,0/25,0=+5,0% -К.0,2 Д.=О1-К0,2 =>+0,8 Р=О1- (К0,2+Д0.8} =0	–	-27,0+5,0 =-22,0% К.-0,2+1,6 =+1,4 Д.+5,57 >+0,8	175/5=100% → Р.=Д.5,6-К.1,6 =+4	175/5 55,9/33,3-22,6% +К3,39 Д=Р=О5+К3,4 =+>8,4
4	г	5/1 2,4/16,7=+14,3% -К.0,869 Д.=О.1-К0,86 =>+0,14 Р=О1-(К0,86+ >0,14} =0	30/1 38,46/20,0= -18,46 +К.0,923 Д.=О.1+К0,92 =+1,923 Р.=Д.1,9-К0,29 =+1	5/1 20,0/25,0=+5,0% -К.0,2 Д.=О1-К0,2 =>+0,8 Р=О1-(К0,2 +Д0.8} =0	–	-18,5+19,3 =+0,84% К.-1,07+0,9 =-0,2 Д.+1,9 >+0,94	40/3=100% → Р.=Д.1,9-К.0,9 =+1	40/3 12,8/20,0+7,2% -К1,08 Д=Р=О3-К.1,1 =+1,9
5	Д	–	8/1 10,26/20,0= +9,7% -К.0,487 Д=О1-К0,49 =>+0,51 Р=О1-(К0,5 +Д0,5} =0	5/1 20,0/25,0=+5,0 -К.0,2 Д.=О1-К0,2 =>+0,8 Р=О1-(К0,2 +Д0,8} =0	1-?	-0+14,7 =+14,7% К.-0,69+0 =-0,7 Д.+0 >+1,3	13/2=100% Д.=О.2->0,77 =+1,23 → Р.=Д.0-К.0 =+0	13/2 4,1/13,4%+9,3% -К1,38 Д=Р=О2-К.1,4 =+0,6
6	Разн.%/ Коэф. (К.)/Д.	↓±21,4% ↓К.±1,3 ↓Д.+5,29+>0,71 =О.6	↓±24,1% ↓К.±1,2 ↓Д.+3,2+>1,8 =О.5	↓±15,0% ↓К±0,6 ↓Д.+1,6>+2,4+ =О.4	→ ±60,5% → К.±3,1 Д.+10,1 >+4,9	→↓±60,5% →↓К.±3,1 →↓Д.=О.15->4,9=+10,1	±24,3%← → =К.±1,1 ← →	↓±36,2% ↓±К.2,0
7	ВСЕГО 100%	↓210/6 Д.=О.6->0,71 =+5,3 Р=Д.5,3-К1,3 =+4	↓78/5 Д=О.5->1,8 =+3,2 Р=Д3,2-К.1,2 =+2	↓25/4 Д.=О.4->2,4 =+1,6 Р=Д1,6-К0,6 =+1	→↓ Д.10,1 +>4,9= =О.15 Р= Д10,1-К.3,1 =+7	→↓313/15=100% ↓Р.=0+2+4+1+0=+7 →Р.=4+2+1=+7 →↓Или Р.=Д.10.1-К.3,1=+7		↓ ±22,6% ↓ К.±3,4 ↓ Д.=Р.=+6,6 +>8,4 ↓
8	ИТО-ГО 100% →	210/6 67,1/40,0=-27,1 +К4,1 Д=О6+К4,1= =+10,1 Р.= =Д.10,1-К4,1= =+6	78/5 24,9/33,3+8,4% -К1,26 Д=О5-К1,26= =>+3,7 Р.= =О.5- (>3,7+К1,3)= =0	25/4 7,99/26,6/+18,7 -К2,8 Д=О4-К2,8 =>+1,2 Р.= =О.4-(>1,2+К2,8) =0	→±27,1% → К. ±4,1 →Д.= О.15->4,9 =+10,1 →Р.= Д.10,1-К.4,1 =Р.+6	→↓313/15=100% →±27,1% ←+4,5%- → ↓±22,6% →К.±4,1 ←+0,6-→ ↓К.±3,4 →Д.+10,1+>4,9= =О.15 ↓Д=Р=+6,6+>8,4= =О.15 ←Р.=Д.10,1-К4,1= ← =Р.+6 ↓Р.=О.15->8,4= ↑=Р.+6,6 ←+6 ↑+6,6= ← - ±0,6 +↑		

Рис. 15. Корректировка «реального» числа особей по данным условной модели (**Рис. 8**) с расчетом процентных значений по комплексам (Всего) и от общей суммы (Итого). Сокращения: К. – коэффициент девиации, Д. – «должное», Р. – «реальное» число особей, О. – число особей по определениям археозоолога.

Fig. 15. The corrected "real" number of individuals according to data of the arbitrary model (Fig. 8) with calculated percentage values for each complex (overall total) and the percentage from the general amount (in total). Abbreviations: K., the index of deviation; D., the expected number of individuals; P., the "real" number of species; O., the number of species according to the initial archaeozoological determinations.

Из иллюстрации, очевидно, что, как и в предшествующих случаях – Рис. 12, А; Рис. 14, Б), процедура корректировки вызвала полную перегруппировку в соотношении процентных

значений числа костей и числа особей, как по видам, так и по комплексам. Эта перегруппировка выражается в переброске излишней доли числа особей из видов/комплексов с излишним числом особей, в пользу видов/комплексов, показывающих их недостаток. Так, в частности, вся сумма завышенного числа особей, зафиксированная по видам **а**, **б**, **г** и **д** (соответственно, +5,3+0,8+7,2+9,3=+22.6%), целиком перешла в пользу вида **в1-3**, демонстрирующего равноценную по величине недостачу числа особей (-22,6%) (Рис. 16, А-Б, Виды). Тоже самое касается и комплексных показателей, для которых сумма завышения числа особей из комплексов **Б** и **В**, составляющая +27,1%, полностью перешла в пользу комплекса **А** с идентичным числом не достающегося числа особей -27,1% (Рис. 16, А-Б, Комплексы).

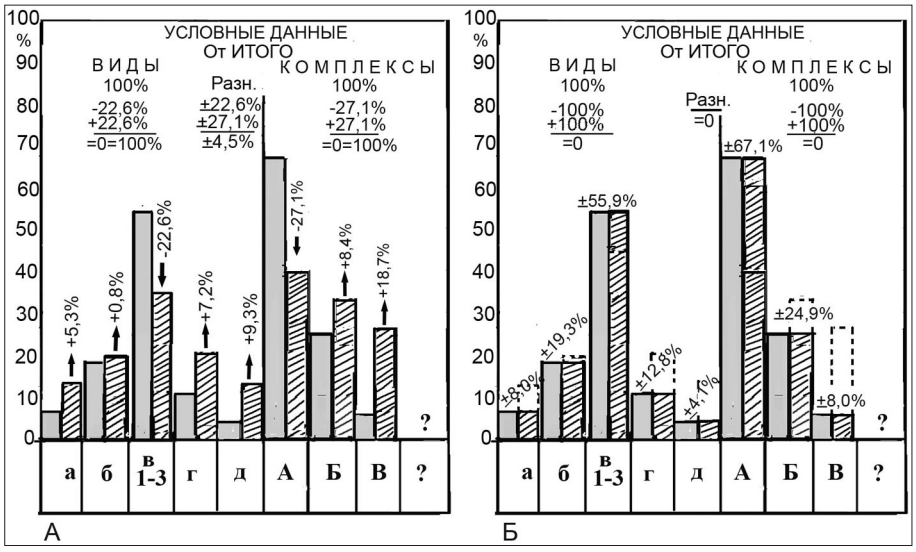


Рис. 16. Процентное соотношение числа костей (затененные столбики) и числа особей (заштрихованные столбики) по комплексам и видам. А – до корректировки (исход. данные – **Рис. 11**, столб. 9 и строк. 9); Б – после корректировки (исход. данные – Рис. 15, столб. 8, строк. 8).

Fig. 16. The percentage correlation between the number of bones (shadowed columns) and the number of individuals (cross-hatched columns) of species and archaeological complexes. A, before correction (data source: **Fig. 11**, 9th column, 9th row); B, after correction (data source: Fig. 15, 8th column, 8th row).

Таким образом, независимо от систем расчета процентных значений, мы вышли на одни и те же результаты, но отличимые по разным плоскостям их анализа. По видовым и по комплексным показателям (от Всего) – это **7** особей (Р.3), а по меж комплексным и по меж видовым (от Итого), в первом случае – **6** (Р.1), а во втором – **6,6** (Р.2) особей.

Зная условия нашего моделирования, получается так, что значения, выявленные по меж комплексным показателям (от Итого), отражают «реальное» число **условно целых особей** (Р.1), что и было заложено в нашу модель, т. е. – **6** особей (1 – вида **а/А** +1 – вида **б/А** + 3 – вида **в1-3/А** +1 – вида **г/Б**) (Рис. 8; Рис. 13, строк. 8, столб. 6-7, 7-я подстрока; Рис. 15, строк. 8, столб. 6-7, 5-я подстрока).

В отличие от них, межвидовые показатели (от Итого), отражают собой «реальное» **число условно целых особей плюс долю одной не полной особи** (Р.2), лишь частично отложившейся в наших комплексах (случай вида д). И эта доля, как следует из настоящих расчетов и предшествующего раздела, приравнивается к +0,6 особи. Как следствие, общая доля «реального» числа особей по этим показателям выходит на значение +6,6 особи (1 особь – вида **а** +1 особь – вида **б** +3 особи – вида **в1-3** +1 особь – вида **г** и +0,6 особи – вида **д**) (Рис. 8; Рис. 13, строк. 8, столб. 8, 7-я подстрока; Рис. 15, строк. 8, столб. 8, 5-я подстрока).

И в таком случае, получается что, по видовые и/или по комплексные показатели (с расчетом процентных значений по каждому из них по отдельности – от Всего), **отражают собой максимальное число особей, включительно долю и тех из них, кости которых** не отложились в наших комплексах. Эта доля, как уже известно, из предшествующего раздела, приравнивается к значению +0,4 особи (или по логике 1-0,6=+0,4) (Рис. 9). Следовательно, как и полагается, общее «реальное» число всех особей, охваченных в нашей модели составляет 7 особей (+6,6+0,4) (Р.3) (Рис. 8; Рис. 9; Рис. 11; Рис. 13, строк. 7, столб. 6-7, 1-я подстрока; Рис. 15, строк. 7, столб. 6-7).

Вот собственно и все что и требовалось доказать, как с точки зрения, заявленного в на-

чале раздела искомого, так и с точки зрения состоятельности, предлагаемой процедуры корректировки числа особей.

Резюмируя все выше изложенное по моделированию и корректировке числа особей можно выделить следующие основные обстоятельства.

Предложенная процедура по корректировке «минимального числа особей», заданных археозоологами, носит объективный характер. С одной стороны, она способствует существенному уточнению «реального» числа особей, адекватно соответствующих стопроцентно определенных до вида числу костей. С другой стороны, предложенная корректировка выводит на целый спектр новых – скрытных показателей, имеющих принципиальное значение в целях дальнейших разносторонних социально-экономических и культурологических реконструкций.

Среди этих новых показателей, особое внимание заслуживают следующие из них.

1. Отрицательные разности в процентном соотношении числа костей и числа особей, определенных археозоологами, как правило, указывают на места/комплексы разделки и утилизации животных. И наоборот. Положительные разности тех же показателей, обычно, указывают на места/комплексы, содержащие вторичные, привнесенные костные остатки.

2. Разные системы расчета процентных значений, таят в себе разные значения как касательно «должного» – надлежащего, так и касательно фактического – «реального» числа особей, отражающих собой три разных аспекта одного и того же процесса или содержания.

2а. В одном случае, речь идет о «должном» и «реальном» числе полных или условно – «целых» особей/скелетных остатков (ДР.1);

2б. Во втором – о «должном» и «реальном» числе полных особей и части костей особей, что были разделаны, и большая часть костей которых отложилась за пределами наших знаний, т.е. за пределами исследованной территории или самого поселения (ДР.2);

2в. И в третьем случае – о «должном» и «реальном» общем числе всех особей, отраженных в исследованной выборке, включительно и тех из них, что были разделаны, и кости которых остались за пределами наших комплексов (ДР.3).

По условиям нашей модели, первая из ситуаций (2а) обнаруживается из данных меж комплексных показателей (т.е. при расчете процентных значений от общей суммы видов по всем комплексам – от Итого). Вторая ситуация (2б) – вытекает из данных по меж видовым показателям (т.е. при той же системе расчета процентных значений – от Итого). И третья ситуация (2в) – из данных как по видовым, так и по комплексным показателям (т.е. в системе расчета процентных значений по каждому из них, по отдельности – от Всего).

Между тем, вполне допустимо, что все эти выводы и ситуации предопределены условиями нашей, весьма упрощенной, модели. Составляя модель, мы не учитывали ни реальное, конкретное число костей каждого из заложенных в ней видов/особей, ни многие другие трудно прогнозируемые обстоятельства (индивидуальные особенности памятника, значимость видов, видовые различия: домашние, дикие и многие др. и пр.). Поэтому, не исключается, что в случае корректировки данных по конкретным коллекциям, некоторые из элементов процедуры расчета «реального» числа особей потребуют свои собственные корректировки. Другими могут оказаться и плоскости, отражающие «реальное» число особей, в разных, оговоренных для них выше, смыслах. Чтобы окончательно определиться в этих вопросах, обратимся к двум из наиболее репрезентативных, конкретных коллекций, по которым мы располагаем определениями, как по видовым, так и по комплексным показателям. Речь идет о поселении культуры Криш Сакаровка I, в Молдове, и поселении раннего Триполья Бернашевка, на Украине.

От модели к конкретным материалам

Задача данного раздела сугубо методологическая. Раздел не предполагает каких-либо интерпретационных экскурсов, напрашивающихся из возможных результатов корректировки числа особей. Проблема это особая и подразумевает свой специальный, дополнительный анализ и немалого листажа.

Цель раздела – проверка состоятельности предлагаемой процедуры или, другими словами – окончательное определение возможностей ее применения на конкретных материалах, конкретных коллекция представляемых археозоологами.

Дело в том, что, как уже отмечалось и ранее, при моделировании, мы заведомо знаем точное число, заложенных в модель реальных особей, во всех, оговоренных аспектах. В процессе моделирования процедуры их корректировки, известное число особей выступает в роли своего рода опорного или контрольного репера, по которому, выстраиваются и выверяются все детали самой процедуры.

В условиях же корректировки числа особей применительно к конкретным коллекциям, мы полностью лишены таких опорных данных. Мы не знаем ни одной из возможных исходных цифр: ни общего числа использованных особей, ни числа тех, что были разделаны на поселении или за его пределами. Ничего.

Но, благодаря именно моделированию, мы, определились с целым рядом существенных процедурных моментов, а именно:

Во-первых, были выявлены пути и методика исчисления возможного числа реальных особей: через определение коэффициента девиации, «должного» числа и, в конечном счете – предполагаемого «реального» числа.

Во-вторых, было установлено, что статистические данные, по своей сути, вбирают в себя информацию по двум разным планам соотношения числа особей; с одной стороны, с точки зрения должного, надлежащего, а с другой – фактического, наличного, реального их числа.

В третьих, было доказано, что оба эти показателя, в свою очередь, отражают три разных аспекта их состояния, и, следовательно, предполагают три разных парных значения. Одно из них, когда значения «должного» и «реального» числа особей отражает число условно «целых» особей (ДР.1), разделанных, и в большей части своих скелетных остатков осевших в исследованных комплексах/поселении. Второе, когда «должное» и «реальное» число особей, выдает число особей первой группы плюс долю особей, представленных костями вторично включенных в исследованные комплексы (ДР.2). И, в третьем случае – когда «должное» и «реальное» число особей раскрывает их общее, максимально отразившееся в выборке число особей (ДР.3), включительно и тех из них, что были разделаны и часть костей которых остались за пределами наших знаний. Вполне естественно, что при таком соотношении, первая из обозначенных пар (ДР.1), будет характеризоваться наименьшими значениями, третья (ДР.3) – наибольшими, а вторая (ДР.2) – промежуточными значениям, где-то между значениями первой и третьей групп.

И последнее, четвертое обстоятельство. Мы достоверно знаем основные условия и поле или плоскости проявления выше перечисленных значений. Условия – разные системы расчета процентных значений: по сумме данных всех видов и комплексов, по отдельности (от Всего). И/или же – от их общей суммы (от Итого), с одной стороны – по межвидовым, а с другой – по меж комплексным показателям. А поскольку, как было установлено, значения, полученные по этим разным системам расчета процентных значений, обычно совпадают по некоторым из этих плоскостей (взаимно подтверждая друг друга), это обстоятельство можно расценивать как одно из возможных условий самоконтроля состоятельности полученных результатов.

Само по себе подразумевается, что во всех этих случаях, взятые от общей суммы, каждый из анализируемых показателей должен обнаружить свои собственные взаимно сбалансированные разно полюсные значения, подтверждающие их соответствие закону сохранения энергии/материи.

Таковы основные процедурные принципы и условия, следуя которым мы сможем окончательно определиться с возможностями корректировки «реального» числа особей применительно к конкретным коллекциям, а значит и в целом – с состоятельностью предлагаемой методики. Итак, рассмотрим конкретные коллекции.

Остеологические материалы поселения Бернашевка

Начнем с раннетрипольского поселения Бернашевка, данные о котором уже приводились в предшествующих разделах. Напомним, поселение Бернашевка находится на левом берегу Днестра (с. Бернашевка, р-н Могилев-Подольский, обл. Винница, Украина). Оно исследовано с 1972 по 1975 гг. В.Г. Збеновичем. Было раскопано шесть жилищ-площадок с отбором остеологического материала по каждому комплексу отдельно, и отдельно из культурного слоя. Материалы были определены В.И. Бибиковой (Zbenovich 1980).

В общей сложности было диагностировано 12 659 костей от 805 особей, из которых 6 184 кости от 328 особей атрибутированы как домашние, а 6 475 костей от 477 особей отнесены к диким видам. Соответственно, в процентном соотношении, особи домашних видов составляют 40,7%, а диких – 59,3% (Zbenovich 1980, 142. Табл. 4). Их полная расшифровка, с расчетом процентных значений и их разностей, была представлена в ранее приведенной иллюстрации – Рис. 5, а графическое отображение их разностей в разных системах расчетов процентных значений на Рис. 6, А-Б.

Вычисление «реального» числа особей для этой коллекции осуществлялось, отдельно по домашним и отдельно, по диким видам, в разных системах расчета процентных значений.

Для домашних видов эти расчеты представлены на таблицах – Рис. 17 и 18. Для удобства восприятия, эти таблицы выполнены в той же манере и включают те же параметры, и в той же последовательности, что и на ранее приведенных таблицах с корректировкой условных смоделированных данных (Рис. 13 и 15). Что же касается самих расчетов, то все они выполнены строго по выше оговоренным принципам и условиям.

В случае домашних видов, на Рис. 17, отражены данные из расчета процентных значений по каждому виду в отдельности (т.е. по горизонтали – Всего). В то же время, по правому и нижнему краям той же таблицы, приводятся данные из расчета процентных значений от общей суммы (от Итого), как межвидовых, так и меж комплексных значений (Рис. 17, столб. 11, строк. 7). А на Рисунке 18 представлены те же виды, но из расчета процентных значений по каждому комплексу отдельно (т.е. по вертикали – Всего). Параллельно, по правому и нижнему краям таблицы, дублируются и данные из расчета процентных значений от их общей суммы (Итого) (Рис. 18, столб. 11, строк 7).

Обратимся к полученным результатам и их содержанию.

Для начала обратим внимание, что каждый и все из проанализированных показателей, по сумме данных, дают свои собственные, но всегда взаимно сбалансированные полюсные значения. Это касается как процентных разностей числа костей и числа особей, так и коэффициентов девиации (Рис. 17, столб. 9; Рис. 18, строк. 5, 1-2-я подстроки), обстоятельства, указывающее на то, что их соотношения имеют строго закономерный характер, т. е. полностью соответствуют условиям сохранения материи/энергии. С другой стороны, все вычисленные значения должного (+) и завышенного (>+) числа особей, в сумме, дают число особей заданное археозоологом (Рис. 17, столб. 9; Рис. 18, строк. 5, 3-я подстрока); т.е. соблюдено условие, подтверждающее правильность исчисления разностей между этими данными.

Сосредоточимся на суммарных показателях откорректированных данных. Согласно определениям В.И. Бибиковой общее число особей для домашних видов составляет 328 единиц. И все. Следуя результатам корректировки, мы вышли на три разных, парных показателя.

В случае расчета процентных значений по видам (Всего), надлежащее – «должное» число особей составляет 192 особи, при двух разных значениях наличного – «реального» числа – 148 и 157 особей. Обращаю внимание, что оба первых значения высвечиваются, как по сумме видовых, так и по сумме комплексных показателей (Рис. 17, столб. 10, строк. 6).

Совершено другие значения обнаруживаются из расчета процентных значений от общей суммы показателей (Итого). Здесь по межвидовым показателям получается 308 «должных» и 240 наличных – «реальных» особей (Рис. 17, столб. 11). А по межкомплексным показателям, уже 183 надлежащих и 142 – наличных «реальных» особей (Рис. 17, строк. 7).

Обратимся к таблице – Рисунок 18, в которой расчеты процентных значений выполнены по комплексам (Всего), с параллельным представлением и данных рассчитанных от общей их суммы (от Итого). Последние, как и полагается, в точности повторяют выше оговоренные результаты, как по межвидовым (308 – «должных», против 240 – «реальных»), так и по меж комплексным (183 – надлежащих, против 240 – наличных) показателям (Рис. 18, столб. 11, строк. 7).

А что дают комплексные показатели (от Всего)? Напоминаю, в случае расчета процентов по видам, они показывают 192 «должных» и 148 наличных, «реальных» особей. (Рис. 17, столб. 10, строк. 6). А в этом случае, они уже дают

Жилища/ Виды		Жилище I	Жилище II	Жилище III	Жилище IV	Жилище V	Жилище VI	Культур. слой	Сум.р. %/ К./Д.	ВСЕГО 100%	ИТОГО 100%
1		2→	3→	4→	5→	6→	7→	8→	9→	→↓10	11 ↓↓
		Д О М А Ш Н И Е									
1	Bos taurus L.	424/14 7,3/5,8=-1,5% +K.3,52 Д=O.14+K.3,5=+17,5 P.=Д.17,5-K.3,5= =+14	1141/23 19,6/9,6=-10,0% +K.24,14 Д=O23+K24,1=+47,1 P.=Д.47,1-K.24,1= =+23	1394/56 24,0/23,3=-0,7% +K.1,59 Д=56+K1,6=+57,6 P.=Д57,6-K.1,6= =+56	1589/71 27,4/29,6=+2,2% -K.5,35 Д.=O71-K5,3=>+65,7 P.=O.71->65,7= =-5,3	346/18 6,0/7,5=+1,5% -K.3,7 Д.=O18-K3,7=>+14,3 P.=O.18->14,3= =-3,7	637/51 11,0/21,2=+10,3 -K.24,68 Д=O51-K24,7=>+26,3 P.=O.51->26,3= =-24,7	278/7 4,8/2,9=-1,9% +K.4,49 Д=O7+K4,5=+11,5 P.=Д.11,5-K.4,5= =+7	±14.0% ±K.33,74 Д+133,7 +>106,3 =O.240	5809/240=100% Д.=O.240->106,3 =+133,7 P=Д133,7-K33,7= =+100	5809/240 93,9/73,2=-20,8% +K.68,1 Д.=O.240+K68,1=+308,1 P.=Д308,1-K68,1=+240
2	Sus scrof. dom. L.	17/5 6,6/10,9=+4,3% -K.1,96 Д.=O5-K1,96=>+3,0 P.=O.5->3,0= =-1,96	84/12 32,7/26,1=-6,6% +K.3,03 Д.=O12+K3,0=+15,0 P.=Д.15-K.3= =+12	65/8 25,3/17,4=-7,9% +K.3,63 Д=O8+K3,6=+11,6 P.=Д11,6-K3,6= =+8	36/6 14,0/13,0=-1,0% +K0,44 Д.=O6+K0,44=+6,44 P.=Д.6,4-K.0,4= =+6	13/3 5,1/6,5=+1,4% -K.0,67 Д.=O.3-K.0,7=>+2,3 P.=O.3->2,3= =-0,7	23/7 8,9/15,2=+6,3% -K2,88 Д.=O7-K2,9=>+4,1 P.=O.7->4,1= =-2,9	19/5 7,4/10,9=+3,%5 -K.1,6 Д.=O.5-K.1,6=>+3,4 P.=O.5->3,4= =-1,6	±15,5% ±K7,1 Д.+33,1+ >12,9= =O.46	257/46=100% Д.=O.46->12,9= =+33,1 P=Д.33,1-K.7,1= =+26	257/46 4.1/14,0=+9,9% -K.32,4 Д=O.46-K.32,4=>+13,6 P.=O.46->13,6=-32,4
3	Ovis ar. capra h	–	6/2 5,5/5,4=-0,1% +K.0,04 Д=O2+K0,04=+2,04 P.=Д.2,04-K.0,04= =+2	16/6 14,7/16,2=+1,5% -K.0,57 Д=O6-K0,6=>+5,4 P.=O.6->5,4= =-0,6	57/17 52,3/45,9=-6,4% +K2,35 Д.=O17+K2,3=+19,3 P.=Д.19,3-K2,3= =+17	8/4 7,3/10,8=+3,5% -K.1,28 Д.=O.4-K.1,3=>+2,7 P.=O.4->2,7= =-1,3	20/7 18,3/18,9=+0,6% -K.0,21 Д.=O7-K0,2=>+6,8 P.=O.7->6,8= =-0,2	2/1 1,8/2,7=+0,9% -K.0,32 Д.=1-K.0,3=>+0,7 P.=O.1->0,7= =-0,3	±6,5% ±K2,4 Д+21,4+ ≥15,6 =O.37	109/37=100% Д.=O.37->15,6= =+21,4 P.=Д.21,4-K2,4= =+19	109/37 1,8/11,3=+9,5% -K.31,2 Д.=O.37-K.31,2=>+5,8 P.=O.37->5,8=-31,2
4	Canis fam. L.	1/1 11,1/20,0=+8,9% -K.0,44 Д.=O1-K.0,4=>+0,6 P.=O.1->0,6= =-0,4	2/1 22,2/20,0=-2,2% +K.0,11 Д.=O.1+K.0,11=+1,1 P.=Д.1,1-K.0,1= =+1	–	3/1 33,3/20,0=-13,3% +K.0,67 Д.=O1+K0,67=+1,7 P.=Д.1,7-K.0,7= =+1	–	2/1 22,2/20,0=-2,2% +K.0,11 Д.=O1+K0,1=+1,1 P.=Д.1,1-K.0,1= =+1	1/1 11,1/20,0=+8,9% -K.0,44 Д.=O.1-K.0,4=>+0,6 P.=O.1->0,6= =-0,4	±17,78% ±K.0,9 Д.3,9+ >1,2= =O.5	9/5=100% P=O.5->1,2= =+3,9 P.=Д.3,9-K.0,9= =+3	9/5 0.1/1,5=+1,4% -K.4,5 Д.=O.5-K.4,5=>+0,5 P.=O.5->0,5=-4,5
5	Сум.р. %/ К./Д.	-1,5+13,2=+11,7% K-2,4+K.3,5=+1,1 ↓Д.=+17,5>+3,6	-18,9+0=-18,9% K-.0+K.27,3=+27,3 ↓Д.=+65,3>+0	-8,6+1,5=-7,1% K-0,6+K5,2=+4,6 ↓Д.=+69,2>+5,4	-20,7+2,2=-18,5% K-5,3+K3,4=-1,9 ↓Д.=+27,4>+65,65	-0+6,4=+6,4% K-5,65+K0=-5,65 ↓Д.+0>+19,33	-2,2+17,2=+15,0% K-27,6+K0,1=-27,5 ↓Д.+1,1>+37,2	-1,9+13,3=+11,4% K-2,36+K4,49=+2,13 ↓Д.+11,5>+4,7	→↓±53,8 % →↓±K.44,1 →↓Д=O328->136=+192 P.=Д.192-K44,1=+148	→↓±9,3% →↓±K.9 →↓= ±K.44,1	→±44,5% →±K35,1 ↓ ±20.8% K±68,1
6	ВСЕ-ГО 100% →	442/20 ↓Д.=+17,5 P.=Д.17,5-K.3,5= =+14	1233/38 ↓Д.=+65,3 P.=Д.65,3-K.27,3= =+38	1475/70 ↓Д.=+69,2 P.=Д.69,2-K5,2= =+64	1685/95 ↓Д.=+27,4 P.=Д.27,4-K.3,4= =+24	367/25 ↓Д.=+0 P.=Д.0-K.0= =0	682/66 ↓Д.=+1,1 P.=Д.1,1-K.0,1= =+1	300/14 ↓Д.=+11,5 P.=Д.11,5-K.4,5= =+7	6184/328=100% →↓Д.=O.328->136=+192 →↓P.=Д192-K44,1=+148 →Или P.=Д.192-K.35,1=+157 →↓148	→↓ ±K44, 1 ←+K.±9 ↑- ←157	Д.=O.328->19,9= =+308,1 ↓ P=Д.308,1-K.68,1= =+240 ↓
7	ИТО-ГО 100% →	→ 442/20 7,1/6,1=-1,0% +K.3,4 Д.=O.20+K.3,4= =+23,44 P.=Д.23,4-K.3,4= =+20	→ 1233/38 19,9/11,6=-8,3% +K.27,4 Д.=O.38+K.27,4= =+65,4 P.=Д.65,4-K.27,4= =+38	→ 1475/70 23,8/21,3=-2,5% +K.8,2 Д.=O.70+K8,2= =+78,2 P.=Д.78,2-K8,2= =+70	→ 1685/95 27,2/29,0=+1,7% -K.5,6 Д.=O.95-K.5,63= =+>89,4 P.=O.95->89,4= =-5,6	→ 367/25 5,9/7,6=+1,7% -K.5,6 Д.=O.25-K.5,64= =+>19,4 P.=O.25->19,4= =-5,6	→ 682/66 11,0/20,1=+9,1% -K.29,83 Д.=O66-K29,83= =+>36,2 P.=O.66->36,2= =-29,8	→ 300/14 4,9/4,3=-0,6% +K.1,9 Д.=O.14+K.1,9= =+15,9 P.=Д.15,9-K.1,9= =+14	→ ±12,45% ±K.41 → Д=O.328 ->145= =+183 P=Д183 -K.41= =+142	6184/328=100% →±12,45% →±K41 ←Д.=O.328->145= =+183 ←P.=Д.183-K.41= =P.+142 ↓Д.183-P142= =K.±41	←- ±8,4%+→ ←- ±K.27+→ ←±K27 ↑	↓±20,8% ↑±K68,1 ↓Д.=O.328->19,9= =+308 ↓P.=Д.308-K.68= =P.+240 ↓Д.308-P.240= =K.±68

Рис. 17. Корректировка «реального» числа особей для домашних видов поселения Бернашевка из расчета процентных значений по видам (Всего) и от общей суммы (Итого). Сокращения: К. – коэффициент девиации, Д. – «должное», Р. – «реальное» число особей, О. – число особей по определениям археозоолога.

Fig. 17. The corrected “real” number of individuals of domestic species from the Bernashevka settlement according to the percentage amount of species (overall total) and with respect to the general amount (in total). Abbreviations: K., the index of deviation; D., the expected number of individuals; P., the “real” number of individuals; O., the number of individuals according to the initial archaeozoological determinations.

308 – «должных», из которых 240 наличных – «реальных» особей (Рис. 18, столб. 10, сторк. 6). И эти цифры, в точности совпадают с данными по межвидовым показателям (308 – «должных», против 240 – «реальных») (Рис. 18, строк. 6, столб. 10 и столб. 11, строк. 7).

Помимо отмеченного совпадения по комплексных (от Всего) и меж комплексных показателей (от Итого), адекватность всех перечисленных выше значений, самостоятельно подтверждается еще из следующих данных.

Согласно рассчитанному коэффициенту девиации, внутри комплексные показатели по сравнению с видовыми, дают разность в ±9 особей (Рис 17, строк. 5, столб. 10. 2-я подстрока). Эта же разность (±9) отчетливо высвечивается и из двух разных значений, «реального» числа особей – 148 и 157 особей (Рис. 17, строк. 6, столб. 9-10, 2-4 подстроки). Но, именно это значение (±9), составляет разность, с одной стороны, между «должным» числом особей по видовым показателям (192) и надлежащим числом особей по межкомплексным показателям (183) (Рис. 17, строк. 6, столб. 9-10 и строк.7, столб. 10, значения с приставкой Д.).

Адекватность же межвидовых и межкомплексных значений, подтверждается тем, что, рассчитанная для их коэффициентов девиации разность в ±27, это и есть разность, с одной стороны, в соотношении «дожного» и «реального» числа особей применительно к межвидовым показателям (Д.308-Р.240=±68), а, с другой стороны, между теми же показателями по данным меж комплексных значений (Д.183-Р.142=±41) (Рис. 17, строк. 7, столб. 10-11).

Таким образом, следуя моделированию, и полученным здесь результатам, остается признать, что, вопреки определениям археозоолога, комплекс домашних видов рассматриваемого поселения, на деле характеризуется тремя взаимно согласующимися, а значит – объективными, парными показателями.

Одну из этих пар, демонстрирующей наибольшие значения, образуют показатели отражающие общее число охваченных в коллекции особей (ДР.3). Она включает 308 надлежащих «должных» особей, из которых 240 наличных, «реальных», т.е. осевших в исследованных комплексах. Разность же между ними в ±68, выдает число особей, разделанных и в большей части своих костей отложившиеся за пределами исследованных комплексов или поселения. Эти значения обнаруживается, как по комплексным, так и по межвидовым показателям (Рис. 18. столб. 10, строк. 6 и столб. 11, строк. 7).

Вторую пару, отличающейся наименьшими значениями, представляют показатели, отражающие надлежащее и наличное – реальное число особей, непосредственно разделанных, и большая часть костей которых осела в исследованных комплексах (ДР.1). Она характеризуется 183 надлежащими, из которых 142 наличных, «реальных» особей. Разность между этими показателями в ±41 особей выдает долю не достающихся «реальных» от числа надлежащих, «должных». Взятые же в сравнении с первой группой (ДР.3), разность между их показателями (соответственно, ±41 и ±68) в ±27 особей, выдает число недостающих особей, определяемых из соотношения числа надлежащих и наличных особей этой группы (ДР.1), по отношению к соотношению тех же показателей первой из групп (ДР.3). В отличие от последней (ДР.3), значения рассматриваемой здесь группы (ДР.1), обнаруживаются в межкомплексных показателях (Рис. 17 и Рис. 18. строк. 7).

Третью пару (ДР.2)., отличающейся промежуточными значениями, представляют показатели, отражающие надлежащее и наличное – реальное число особей, непосредственно разделанных и заключенных в исследованных комплексах плюс долю от особей, разделанных за их пределами, часть костей которых, была вторично привнесена в контекст этих комплексов. Она характеризуется 192 надлежащими, «должными», и двумя значениями по наличным, «реальным» – 148 и 157 особями. Разность между этими последними в ±9, выдает число особей, кости которых составляют вторичные привнесения. В отличие от двух первых групп (ДР.3 и ДР.1), значения этой пары (ДР.2) обнаруживаются по видовым показателям (Рис. 17, столб. 10, строк. 6).

Теперь обратимся к диким видам, которые, по определениям В.И. Бибиковой, представлены 477-ю особями.

Как и в предшествующем случае, вычисление «реального» числа особей для этой разновидности осуществлялось, в трех разных системах расчета процентных значений.

На таблице – Рис. 19, отраженны данные из расчета процентных значений по каждому

Жилища/ Виды		Жилище I	Жилище II	Жилище III	Жилище IV	Жилище V	Жилище VI	Культур. слой	Сум.р.%/ К./Д.	ВСЕГО 100%	ИТОГО 100%
1		2↓	3↓	4↓	5↓	6↓	7↓	8↓	9↓	→↓10	11 ↓↓
Д О М А Ш Н И Е											
1	Bos taurus L.	424/14 95,9/70=-25,9% +K.5,2 Д=O.14+K.5,2=+19,2 P.=Д.19,2-K.5,2= =+14	1141/23 92,5/60,5=-32,0% +K.12,1 Д=O.23+K12,1=+35,1 P.=Д.35,1-K.12,1= =+23	1394/56 94,5/80,0=-14,5% +K.10,1 Д=O56+K10,=+66, P=Д.66,1-K10,1= =+56	1589/71 94,3/74,7=-19,6% +K.18,6 Д.=O71+K18,6=+89,6 P=Д.89,6-K18,6= =+71	346/18 94,3/72,0=-22,3% +K.5,6 Д.=O18+K5,6=+23,6 P.=Д.23,6-K.5,6= =+18	637/51 93,4/77,3=-16,1 +K.10,6 Д=O51+K10,6=+61,6 P.=Д.61,6-K.10,6= =+51	278/7 92,7/50,0=-42,7% +K.5,9 Д=O7+K5,9=+12,9 P.=Д.12,9-K.5,9= =+7	→-173,1+0= =-173,1% K-0+68,1= =+68,1 →Д+308,1 +>0	5809/240 →Д.=O.240+K68= =+308,1 P.=Д.308,1-K68,1 =+240	5809/240 93,9/73,2=-20,8% +K.68,1 Д.=O.240+K68,1=+308,1 P.=Д308,1-K68,1=+240
2	Sus scrof. dom. L.	17/5 3,8/25=+21,15% -K.4,2 Д.=O5-K4,2=>+0,8 P.=O.5->0,8= =-4,2	84/12 6,8/31,6=+24,8% -K.9,4 Д.=O12-K9,4=>+2,6 P.=O.12->2,6= =-9,4	65/8 4,4/11,4=+7,0% -K.4,9 Д=O8-K4,9=>+3,1 P.=O.8->3,1= =-4,9	36/6 2,1/6,3=+4,2% -K.3,97 Д.=O.6-K.4,0=>+2 P.=O.6->2= =-4	13/3 3,5/12,0=+8,5% -K.2,1 Д.=O.3-K.2,1=>+0,9 P.=O.3->0,9= =-2,1	23/7 3,4/10,6=+7,2% -K.4,8 Д.=O7-K4,8=>+2,2 P.=O.7->2,2= =-4,8	19/5 6,3/35,7=+29,4% -K.4,1 Д=O5-K4,1=>+0,9 P.=O.5->0,9= =-4,1	-0+102,25= =+102,25% K-33,5+0= =-33,5 Д+0 +>12,5→	257/46 →Д.=0 P.=Д.0-K.0= =0	257/46 4,1/14,0=+9,9% -K.32,4 Д=O.46-K.32,4=>+13,6 P.=O.46->13,6=-32,4
3	Ovis ar. capra h	–	6/2 0,5/5,3=+4,8% -K.1,8 Д.=O2-K1,8=>+0,2 P.=O.2->0,2= =-1,8	16/6 1,1/8,6=+7,5% -K.5,2 Д=O6-K5,2=>+0,8 P.=O.6->0,8= =-5,2	57/17 3,4/17,9=+14,5% -K.13,8 Д=O17-K13,8=>+3,2 P.=O.17->3,2= =-13,8	8/4 2,2/16,0=+13,8% -K.3,46 Д.=O.4-K.3,5=>+0,5 P.=O.4->0,5= =-3,5	20/7 2,9/10,6=+7,7% -K.5,06 Д.=O.7-K.5,0=>+2 P.=O.7->2,0= =-5	2/1 0,7/7,1=+6,5% -K.0,9 Д.=1-K.0,9=>+0,1 P.=O.1->0,1= =-0,9	-0+54,8= =+54,8% K-30,2+0= =-30,2 Д+0 +>6,8→	109/37 →Д.=0 P.=Д.0-K.0= =0	109/37 1,8/11,3=+9,5% -K.31,2 Д.=O.37-K.31,2=>+5,8 P.=O.37->5,8=-31,2
4	Canis fam. L.	1/1 0,2/5=+4,77% -K.0,95 Д.=O1-K.0,9=>+0,1 P.=O.1->0,1= =-0,9	2/1 0,2/2,6=+2,46% -K.0,9 Д.=O.1-K.0,9=>+0,1 P.=O.1->0,1= =-0,9	–	3/1 0,2/1,05=+0,9% -K.0,8 Д.=O.1-K.0,8=>+0,2 P.=O.1->0,2= =-0,8	–	2/1 0,3/1,5=+1,2% -K.0,8 Д.=O.1-K.0,8=>+0,2 P.=O.1->0,2= =-0,8	1/1 0,3/7,1=+6,8% -K.0,95 Д=O1-K0,9=>+0,1 P.=O.1->0,1= =-0,9	-0+16,1= =+16,1% K-4,3+0= =-4,3 Д+0 +>0,7→	9/5 →Д.=0 P.=Д.0-K.0= =0	9/5 0,1/1,5=+1,4% -K.4,5 Д.=O.5-K.4,5=>+0,5 P.=O.5->0,5=-4,5
5	Сум.р. %/ К./Д.	↓ -25,9+25,9=0% ↓-K.5,2+K.5,2=0 ↓Д.+19,2+>0,9=O.20	↓-32,0+32,0-1=0% ↓-K.12,1+K.12,1=0 ↓Д.+35,1+>2,8=O.38	↓-14,5+14,5=0% ↓K-10,1+10,1=0 Д+66,1+>3,9=O.70	↓-19,6+19,6=0% ↓-K.18,6+K18,6=0 ↓Д.+89,6+>5,4= O.95	↓-22,3+22,3=0% ↓-K.5,6+K.5,6=0 ↓Д+23,6+>1,4=O.25	↓-16,1+16,1=0% ↓-K10,6+K.10,6=0 Д↓.+61,6+>4,4=O.66	↓-42,7+42,7=0% ↓-K.5,9+K 5,9=0 Д+12,9+>1,1=O.14	←↓±173,1% →↓±K68,1 →↓Д=O.328->20=+308,1 P.=Д.308,1-K68,1=+240	→↓= ±K.68,1	↓ ±20,8% K±68,1 ↓ Д=O.328->19,9= =+308,1 Но P.=Д.308,1-K.68,1= =+240 ↓
6	ВСЕ-ГО 100% →	↓442/20=100% Д.=O.20->0,9= =+19,1 P.=Д.19,2-K.5,2= =+14	↓1233/38=100% Д.=O.38->2,9= =+35,1 P.=Д.35,1-K.12,1= =+23	↓1475/70=100% Д.=O.70->3,9= =+66,1 P.=Д.66,1-K10,1 =+56	↓1685/95=100% Д.=O.95->5,4= =+89,6 P.=Д.89,6-K18,6= =+71	↓367/25=100% Д.=O.25->1,4= =+23,6 P=Д.23,6-K.5,6= =+18	↓682/66=100% Д.=O.66->4,4= =+61,6 P.=Д.61,6-K10,6= =+51	↓300/14=100% Д.=O.14->1,1= =+12,9 P=Д.12,9-K5,9= =+7	6184/328=100% →↓Д3.=O.328->20=+308 →P3.=Д.308-K.68=+240 →Д308-K68=P.240 ←K±68→ ↑P240+K68=Д.308	→↓= ±K68	
7	ИТО-ГО 100% →	→ 442/20 7,1/6,1=-1,0% +K.3,4 Д.=O.20+K.3,4= =+23,4 P.=Д.23,4-K.3,4= =+20	→ 1233/38 19,9/11,6=-8,3% +K.27,4 Д.=O.38+K.27,4= =+65,4 P.=Д.65,4-K.27,4= =+38	→ 1475/70 23,8/21,3=-2,5% +K.8,2 Д.=O.70+K8,2= =+78,2 P.=Д.78,2-K8,2= =+70	→ 1685/95 27,2/29,0=+1,7% -K.5,6 Д.=O.95-K.5,63= =+>89,4 P.=O.95->89,4= =-5,6	→ 367/25 5,9/7,6=+1,7% -K.5,6 Д.=O.25-K.5,64= =+>19,4 P.=O.25->19,4= =-5,6	→ 682/66 11,0/20,1=+9,1% -K.29,83 Д.=O.66-K.29,8= =+>36,2 P.=O.66->36,2= =-29,8	→ 300/14 4,9/4,3=-0,6% +K.1,9 Д.=O.14+K.1,9= =+15,9 P.=Д.15,9-K1,9= =+14	→ ±12,45% ±K.41 → Д=O.328->145= =+183 P=Д183-K.41= =+142	6184/328=100% →±12,45% →±K41 ←Д.=O.328->145= =+183 ←P.=Д.183-K.41= =P.+142 ↓183-142=K.±41	← - ±8,4%+→ ← - ±K.27+→ ↓Д=O.328->19,9= =+308 ↓P.=Д.308-K.68= =P.+240 ←±27↑	↓±20,8% ↑±K68,1 ↓308-240=K.±68

Рис. 18. Корректировка «реального» числа особей для домашних видов поселения Бернашевка из расчета процентных значений по комплексам (Всего) и от общей суммы (Итого). Сокращения: К. – коэффициент девиации, Д. – «должное», Р. – «реальное» число особей, О. – число особей по определениям археозоолога.

Fig. 18. The corrected “real” number of individuals of domestic species from the Bernashevka settlement according to the percentage values for complexes (overall total) and with respect to the general amount (in total). Abbreviations: K., the index of deviation; D., the expected number of individuals; P., the “real” number of individuals; O., the number of individuals according to the initial archaeozoological determinations.

виду (по горизонтали – Всего). Одновременно, по правому и нижнему краям той же таблицы, приводятся данные из расчета процентных значений от общей суммы (от Итого) (Рис. 19, столб. 11, строк. 7).

А на Рис.20 отраженны данные из расчета процентных значений по каждому комплексу (по вертикали – Всего). Параллельно же с ними, по правому и нижнему краям таблицы, повторяются данные и из расчета процентных значений от их общей суммы (Рис. 20, столб. 11, строк 7).

Как и в предшествующем случае, расчетные данные обеих таблиц, полностью отвечают требованиям сохранения материи/энергии, ибо все они в сумме дают взаимно сбалансированные полюсные значения. Это касается и процентных разностей, и коэффициентов девиации (Рис. 19 и Рис. 20, столб. 9, строк. 5). В обоих случаях, суммы значений «должного» (+) и значений завышенного числа особей (>+), выходят на число особей заданное археозоологом. Это обстоятельство подтверждает корректность приведенных значений (Рис. 19 и Рис. 20, столб. 9, строк. 5, значения с приставкой Д.).

Сюрприз в том, что, при сходных условиях расчета искомых данных, в отличие от предшествующего, в этом случае, мы получили четыре разных парных значения, как по «должному», так и по «реальному» числу особей.

Следуя суммарным показателям по видам (Всего) «должное» число особей составляет 335/334,9 особей, из которых «реальные», наличные, в одном случае показывают 277, а во втором – 297 особей (Рис. 19, столб. 9-10, строк. 6).

Согласно же суммарным показателям по комплексам (Всего) «должное» число особей составляет 380/380,2 особей, из которых «реальные», наличные, в одном случае дают 264/264,2, а во втором – 268/267,6 особей (Рис. 20, столб. 9-10, строк. 6).

Разные значения выступают и из расчета процентов по суммарным показателям (Итого). По межвидовым показателям получается 332 «должных», из которых 220 наличных, «реальных» особей. А по межкомплексным показателям – 275 «должных» особей, из которых наличных – 231 (Рис. 19 и Рис. 20, столб. 10-11, строк. 7).

Однако, несмотря на кажущийся разнобой, как и в предшествующем случае, все эти значения отчетливо коррелируют между собой, взаимно дополняя, разъясняя друг друга.

Случай с разными показателями по суммарным расчетам (Итого). Коэффициент девиации для межкомплексных показателей составляет ±43,8, а для межвидовых ±111,8 особей. Разность между ними, соответственно равна ±68 особям. Но это значение и есть разность, в соотношении, с одной стороны между значениями «должного» и «реального» числа особей по меж комплексным показателям (соответственно – 275-231=44), а с другой стороны – между теми же значениями по межвидовым показателям (соответственно – 332-220=112). Смысл этой разности (112-44=±68), означает, что комплексы показывают недостачу в 68 особей, а виды – их равнозначный избыток (Рис. 19 и Рис. 20, столб. 10-11, строк. 7).

Случай с соотношением по видовых (Всего) и меж видовых (Итого) показателей. Видовые показатели демонстрируют 335/334,9 «должных» особей, при двух разных значениях «реального» числа – 277 и 297 особей, разность которых равна 20 особям. Но это значение и есть разность между коэффициентами девиации показателей по видам (К.±58/57,9) и комплексам (К.±38); разность, означающая, что в этой системе расчета процентных значений (Всего), виды показывают на 20 особей больше, а комплексы, наоборот – на недостаток 20 особей (Рис. 19, строк. 5-6, столб. 9-10).

Тот же результат мы получим из соотношения по видовых (Всего) и меж видовых показателей, дающие разные значения, как по числу «должного» (335/334,9 против 332), так и наличного – «реального» (277 или 297 против 220). Видовые показатели, как уже отмечалось выше, характеризуются двумя разными значениями коэффициентов девиации: по видам К.=±58/57,9, а по комплексам – К.=±38 особям. Суммарные же значения коэффициента девиации по межвидовым показателям составляет ±112/111,8 особей (Рис. 19, строк. 5-6, столб. 11). Разность между последним (±112) и первым из повидовых показателей (±58) составляет ±54 особи. Разность же между тем же (±112) и вторым из повидовых показателей (±38) равна ±74 особям. Выведя разность между этими двумя новыми показателями (±54 и±74), мы выходим на уже известное значение в ±20 особей. Значение в ±54 особи, отражает отклонения числа особей между видовыми (Всего) и

Жилища/ Виды		Жилище I	Жилище II	Жилище III	Жилище IV	Жилище V	Жилище VI	Культур. слой	Сум.р.%/ К./Д.	ВСЕГО 100%	ИТОГО 100%
1		2→	3→	4→	5→	6→	7→	8→	9→	→↓10	11↓
		Д И К И Е									
1	Cervus elap. L.	456/16 10,1/7,3=-2,8 +К.6,27 Д=О16+К6,3=+22,3 Р.=Д.22,3-К.6,3= =+16	614/17 13,6/7,7=-5,9% +К.12,99 Д.=О.17+К.13=+30 Р.=Д.30-К.13= =+17	1018/54 22,6/24,5=+1,9 -К.4,27 Д=О54-К.4,3=>+49,7 Р.=О.54->49,7= =-4,3	1425/66 31,6/30,0=-1,6 +К.3,6 Д.=О.66+К.3,6=+69,6 Р.=Д.69,6-К.3,6= =+66	348/15 7,7/6,8=-0,9% +К.2,0 Д.=О.15+К.2=+17 Р.=Д.17-К.2= =+15	493/45 10,9/20,5=+9,5 -К.20,9 Д.=О.45-К.21=>+24 Р.=О.45->24= =-20,9	150/7 3,3/3,2=-0,1 +К.0,3 Д=О.7+К.0,3=+7,3 Р.=Д.7,3-К.0,3= =+7	→±11,4% →±К.25,2 → Д.+146,2 +>73,8= =О.220	4504/220=100% Д.=О.220->73,8= =+146,2 Р.=Д146,2-К25,2= =+121	4504/220 69,6/46,1=-23,4% +К.111,8 Д.=О.220+К.112=+332 Р.=Д332-К112=+220
2	S.scrofa ferus L.	243/18 15,7/13,1=-2,5 +К.3,48 Д.=О18+К3,5=+21,5 Р.=Д.21,5-К.3,5= =+18	116/16 7,5/11,7=+4,2% -К.5,7 Д.=О16-К.5,7=>+10,3 Р.=О.16->10,3= =-5,7	488/37 31,5/27,0=-4,5% +К.6,1 Д.=О.37+К.6,1=+43,1 Р.=Д.43,1-К.6,1= =+37	398/32 25,7/23,4=-2,3 +К.3,18 Д.=О.32+К.3,2=+35,2 Р.=Д.35,2-К.3,2= =+32	90/10 5,8/7,3=+1,5% -К.2,04 Д.=О.10-К.2=>+8 Р.=О.10->8= =-2	98/17 6,3/12,4=+6,1% -К.8,34 Д.=О.17-К.8,3=>+8,7 Р.=О.17->8,7= =-8,3	117/7 7,5/5,1=-2,4 +К.3,3 Д=О7+К3,3=+10,3 Р=Д.10,3-К.3,3= =+7	→±11,8% →±К.16,1 → Д.+110 +>27= =О.137	1550/137=100% Д.=О.137->27= =+110 Р.=Д110-К.16,1= =+94	1550/137 23,9/28,7=+4,8% -К.22,8 Д.=О.137-К.22,8=>+114 Р=О137->114,2=-22,8
3	Capre. Capr. L.	31/5 10,3/8,1=-2,3 +К.1,4 Д.=О.5+К.1,4=+6,4 Р.=Д.6,4-К.1,4= =+5	61/6 20,3/9,7=-10,7% +К.6,6 Д.=О.6+К.6,6=+12,6 Р.=Д.12,6-К.6,6= =+6	79/15 26,3/24,2=-2,1% +К.1,33 Д.=О.15+К1,3=+16,3 Р.=Д.16,3-К.1,3= =+15	61/16 20,3/25,8=+5,5 -К.3,4 Д=О16-К.3,4=>+12,6 Р.=О.16->12,6= =-3,4	15/6 5,0/9,7=+4,7% -К.2,9 Д.=О6-К2,9=>+3,1 Р.=О.6->3,1= =-2,9	38/12 12,7/19,4=+6,7% -К.4,1 Д.=О.12-К.4,1=>+7,9 Р.=О.12->7,9= =-4,1	15/2 5,0/3,2=-1,8 +К.1,1 Д.=О2+К1,1=+3,1 Р.=Д.3,1-К.1,1= =+2	→±16,9% →±К.10,4 →Д+38,4 +>23,6= =О.62	300/62=100% Д.=О.62->23,6= =+38,4 Р.=Д38,4-К10,4= =+28	300/62 4,6/13,0=+8,4% -К.39,9 Д.=О.62-К.39,9=>+22,1 Р.=О.62->22,1=-39,9
4	Прочие	18/6 14,9/10,3=-4,5 +К.2,6 Д.=О.6+К.2,6=+8,6 Р.=Д.8,6-К.2,6= =+6	15/9 12,4/15,5=+3,1% -К.1,8 Д.=О.9-К.1,8=>+7,2 Р.=О.9->7,2= =-1,8	66/28 54,5/48,3=-6,3% +К.3,6 Д.=О.28+К.3,6=+31,6 Р.=Д.31,6-К.3,6= =+28	6/5 4,9/8,6=+3,7% -К.2,1 Д.=О.5-К.2,1=>+2,9 Р.=О.5->2,9= =-2,1	10/6 8,3/10,3=+2,1 -К.1,2 Д.=О6-К1,2=>+4,8 Р.=О.6->4,8= =-1,2	1/1 0,8/1,7=+0,9% -К.0,5 Д.=О.1-К.0,5=>+0,5 Р.=О.1->0,5= =-0,5	5/3 4,1/5,2=+1,0 -К.0,6 Д.=О3-К0,6=>+2,4 Р.=О.3->2,4= =-0,6	→±10,8% →±К.6,2 → Д.+40,2 +>17,8= =О.58	121/58=100% Д.=О.58->17,8= =+40,2 Р.=Д40,2-К6,2= =+34	121/58 1,9/12,2=+10,3% -К.49,1 Д.=О.58-К.49=>+9 Р.=О.58->8,9=-49,1
5	Сум.р. %/ К./Д.	↓-12,1+0=-12,1% ↓-К.0+К.13,8=+13,8 ↓Д.+58,8=>+0	↓-16,6+7,3=-9,3% ↓-К.7,5+К.19,6=+12,1 ↓Д.+42,6>+17,5	↓-12,9+1,9=-11,0% ↓-К.4,3+К.11,0=+6,7 ↓Д.+91=>+49,7	↓-3,9+9,2=+5,3% -↓К.5,5+К6,8=+1,3 ↓Д.+104,8=>+15,5	↓-0,9+8,3=+7,4% ↓-К.6,1+К.2=-4,1 ↓Д.+17=>+15,9	↓-0+23,2=+23,2% ↓-К.33,8+К.0=-33,8 ↓Д.+0=>+41,1	↓-4,3+1,0=-3,3% ↓-К.0,6+К.4,7+4,1 ↓Д.+20,7=>+2,4	→↓±50,9% →↓±К.57,9 →↓Д.=О.477->142,1=+334,9 →↓Р=Д.334,9-К.57,9=+277	→↓±15,1% →↓±К.20 →±35,8% →±38 →↓= ±К.57,9	↓ ±23.4% ↓К. ±111,8 Д.+332+>145= =О.477 ↓ Р.=Д.332- К 112= =220 ↓
6	ВСЕГО 100% →	748/45 ↓Д.=+58,8 Р.=Д.58,8-К.13,8= =+45	806/48 ↓Д.=+42,6 Р.=Д.42,6-К.19,6= =+23	1651/134 ↓Д.=+91 Р.=Д.91-К.11= =+80	1890/119 ↓Д.=+104,8 Р.=Д.104,8-К.6,8= =+98	463/37 ↓Д.=+17 Р.=Д.17-К.2= =+15	630/75 ↓Д.=+0 Р.=Д.0-К.0= =0	287/19 ↓Д.=+20,7 Р.=Д20,7-К.4,7= =+16	6475/477=100% →↓ Д2.=О.477->142,1=+334,9 Р2.=Д.334,9-К.57,9=+277 →Или Р2.=Д.334,8-К.38=+297 →↓277	→↓= ±К.57,9 ←+К.±20↑- ←297	
7	ИТОГО 100% →	→ 748/45 11,6/9,4=-2,1% +К.10,1 Д.=О.45+К.10,1= =+55,1 Р.=Д.55,1-К.10,1= =+45	→ 806/48 12,4/10,1=-2,4% +К.11,38 Д.=О.48+К.11,4= =+59,4 Р.=Д.59,4-К.11,4= =+48	→ 1651/134 25,5/28,1=+2,6% -К.12,37 Д.=О134-К12,4= =>+121,6 Р.=О.134->121,6= =-12,4	→ 1890/119 29,2/24,9=-4,2% +К.20,2 Д.=О.119+К.20,2= =+139,2 Р=Д.139,2-К.20,2= =+119	→ 463/37 7,2/7,8=+0,6% -К.2,9 Д=О.37-К.2,9= =>+34,1 Р.=О.37->34,1= =-2,9	→ 630/75 9,7/15,7=+6,0% -К.28,6 Д.=О.75-К.28,6= =>+46,4 Р.=О.75->46,4= =-28,6	→ 287/19 4,4/4,0=-0,4% +К.2,1 Д.=О.19+К.2,1= =+21,1 Р.=Д.21,1-К2,1= =+19	→±9,2% →±К43,8 → Д.+275 +>202= =О.477 Р=Д275 -К.44= =+231	6475/477=100% →±9,2% ±14,2%→ ↓±23.4% →±К.43,8 ←±К.68→+ ↓К. ±111,8 Д.=О.477->202= →=+275 ↓Д.=О.477->145= =+332 →Р.=Д.275-К.44= =+231 ↓Р.=Д.332-К.111,8= =+220 Д.275-К.44= ←=Р.+231 ←±К.68↑ ↑ Р.220+К112= =Д.+332-	

Рис. 19. Корректировка «реального» числа особей для диких видов поселения Бернашевка из расчета процентных значений по видам (Всего) и от общей суммы (Итого). Сокращения: К. – коэффициент девиации, Д. – «должное», Р. – «реальное» число особей, О. – число особей по определениям археозоолога.

Fig. 19. The corrected “real” number of individuals of wild species from the Bernashevka settlement according to the percentage values for species (overall total) and with respect to the general amount (in total). Abbreviations: K., the index of deviation; D., the expected number of individuals; P., the “real” number of individuals; O., the number of individuals according to the initial archaeozoological determinations.

Жилища/ Виды		Жилище I	Жилище II	Жилище III	Жилище IV	Жилище V	Жилище VI	Культур. слой	Сум.р.%/ К./Д.	ВСЕГО 100%	ИТОГО 100%
1		2→	3→	4→	5→	6→	7→	8→	9→	→↓10	11↓
Д И К И Е											
1	Cervus elap. L.	456/16 70,0/35,6=-25,4% +K.11,4 Д=O16+K11,4=+27,4 P.=Д.27,4-K11,4= =+16	614/17 76,2/35,4=-40,8% +K.19,6 Д=O17+K19,6=+36,6 P.=Д.36,6-K.19,6= =+17	1018/54 61,7/40,3=-21,4% +K.28,6 Д.=O54+K28,6=+82,6 P.=Д.82,6-K.28,6= =+54	1425/66 75,4/55,5=-19,9% +K.23,7 Д=O66+K.23,7=+89,7 P.=Д.89,7-K.23,7= =+66	348/15 75,2/40,5=-34,6% +K.12,8 Д=O15+K12,8=+27,8 P.=Д.27,8-K.12,8= =+15	493/45 78,2/60,0=-18,2 +K.13,7 Д=O45+K13,7=+58,7 P.=Д.58,7-K.13,7= =+45	150/7 52,3/36,8=-15,4% +K.2,9 Д.=O.7+K.2,3=+9,9 P.=Д.9,9-K.2,9= =+7	-175,7+0= =-175,7% K.-0+112,7= =+112,7 → Д.+332,7 +>0	4504/220=100% →↓ Д.=O220+K112,7= =+332,7 P=Д332,7-K112,7= =+220	4504/220 69,6/46,1=-23,4% +K.111,8 Д.=O.220+K.112=+332 P.=Д.332-K.112=+220
2	S.scrofa ferus L.	243/18 32,5/40,0=+7,5% -K.3,38 Д.=O18-K3,5=>+14,5 P.=O.18->14,5= =-K3,4	116/16 14,4/33,3=+18,9% -K.9,09 Д.=O.16-K.9,1=>+6,9 P.=O.16->6,9= =-9,1	488/37 29,6/27,6=-1,9% +K.2,6 Д.=O.37+K.2,6=+39,6 P.=Д.39,6-K.2,6= =+37	398/32 21,1/26,9=+5,8% -K.6,9 Д.=O.32-K6,9=>+25,1 P.=O.32->25,1= =-6,9	90/10 19,4/27,0=+7,6% -K.2,8 Д=O10-K.2,8=>+7,2 P.=O.10->7,2= =-2,8	98/17 15,6/22,7=+7,1% -K.5,3 Д=O17-K.8,3=>11,7 P.=O.17->11,7= =-5,3	117/7 40,8/36,8=-3,9% +K.0,7 Д.=O7+K0,7=+7,7 P.=Д.7,7-K.0,7= =+7	-5,8+46,9= =+41,1% K.-27,5+3,3 =-24,2 →Д.+47,3 +>65,4	1550/137=100% →Д.=+47,3 P.=Д.47,3-K3,3= =+44	1550/137 23,9/28,7=+4,8% -K.22,8 Д.=O.137-K.22,8=>+114 P=O.137->114=-22,8
3	Capre. Capr. L.	31/5 4,1/11,1=+7,0% -K.3,1 Д.=O.5-K.3,1=>+1,9 P.=O.5->1,9= =-3,1	61/6 7,7/12,5=+4,9% -K.2,37 Д.=O.6-K.2,4=>+3,6 P.=O.6->K3,6= =-2,4	79/15 4,8/11,2=+6,4% -K.8,6 Д.=O.15-K8,6=>+6,4 P.=O.15->6,4= =-8,6	61/16 3,2/13,4=+10,2% -K.12,16 Д.=O16-K12,2=>+3,8 P.=O.16->3,8= =-12,2	15/6 3,2/16,2=+13,0% -K.4,8 Д.=O.6-K4,8=>+1,2 P.=O.6->1,2= =-4,8	38/12 6,0/16,0=+10,0% -K.7,5 Д=O12-K7,5=>+4,5 P.=O.12->4,5= =-7,5	15/2 5,2/10,5=+5,3% -K.1,0 Д.=O.2-K1,0=>+1 P.=O.1->1= =-1	-0+56,8= =+56,8% K.-39,5+0= =-39,5 →Д+0 +>22,4	300/62=100% →Д.=0 P.=Д.0-K.0= =0	300/62 4,6/13,0=+8,4% -K.39,9 Д.=O.62-K.39,9=>+22,1 P.=O.62->.22=-39,9
4	Прочие	18/6 2,4/13,3=+10,9% -K.4,9 Д.=O.6-K.4,9=+>1,1 P.=O.6->1,1= =-4,9	15/9 1,9/18,7=+16,9% -K.8,1 Д.=O.9-K.8,1=>+0,9 P.=O.9->0,9= =-8,1	66/28 4,0/20,9=+16,9% -K.22,6 Д.=O28-K22,6=>+5,4 P.=O.28->5,4= =-22,6	6/5 0,3/4,2=+3,9% -K.4,6 Д.=O.5-K.4,6=>+0,4 P.=O.5->0,4= =-4,6	10/6 2,2/16,2=+14,1% -K.5,2 Д.=O.6-K5,2=>+0,8 P.=O.6->0,8= =-5,2	1/1 0,2/1,3=+1,2% -K.0,9 Д=O1-K.0,9=>+0,1 P.=O.1->0,1= =-0,9	5/3 1,7/15,8=+14,0% -K.2,7 Д=O.3-K2,7=>+0,3 P.=O.3->0,3= =-2,7	-0+77,9= =+77,9% K.-49,0+0= =-49,0 →Д.+0 +>9,0	121/58=100% →Д.=0 P.=Д.0-K.0= =0	121/58 1,9/12,2=+10,3% -K.49,1 Д.=O.58-K.49,1=>+8,9 P.=O.58->8,9=-49,1
5	Сум.р. %/ К./Д.	-25,4+25,4=0% -K.11,4+K.11,4=0 Д.+27,4+>17,5=O.45	-40,8+40,8=0% -K.19,6+K.19,6=0 Д.+36,6+>11,4= O.48	-23,3+23,3=0% -K.31,2+K.31,2=0 Д+122,2+>11,8=O134	-19,9+19,9=0% -K.23,7+K.23,7=0 Д+89,7+>29,3=O119	-34,6+34,6=0% -K.12,8+K.12,8=0 Д.+27,8+>9,2=O.37	-18,2+18,2=0% -K.13,7+K.13,7=0 Д+58,7+>16,3=O75	-19,3+19,3=0% -K.3,6+K.3,6=0 Д+17,6+>1,3=O19	→↓±181,5% →↓K.±116 →↓Д.=O.477->96,8=+380,2 →↓P=Д.380,2-K.116=+264,2	→↓±5,7% →↓K.±3,4 →↓= ±K.116	↓±175,8\5% ↓±112,6	↓ ±23.4% ↓K. ±111,8 t Д.+332+>145= =O.477 P.=Д.332-K112= =+220 ↓
6	ВСЕГО 100% →	↓ 748/45 Д.=O.45->17,5= =+27,4 P.=Д.27,4-K11,4= =+16	↓ 806/48 Д.=O.48->11,4= =+36,6 P.=Д.36,6-K.19,6= =+17	↓ 1651/134 Д.=O.134->11,8= =+122,2 P=Д.122,2-K.31,2= =+91	↓ 1890/119 Д.=O.119->29,3= =+89,7 P=Д.89,7-K.23,7= =+66	↓ 463/37 Д.=O.37->9,2= =+27,8 P.=Д.27,8-K.12,8= =+15	↓ 630/75 Д.=O.75->16,3= =+58,7 P=Д58,7-K13,7= =+45	↓ 287/19 Д.=O.19->1,3= =+17,7 P=Д.17,7-K.3,6= =+14	6475/477=100% →↓Д.=O.477->96,8=+380,2 P.=Д.380,2-K.116=+264,2 ↓Или Р3.=Д.380,2-K.112,6=+267,6 →↓264,2	→↓ ±K.116 ←+K.±3,4 ↑-	↑+267,8	
7	ИТОГО 100% →	748/45 11,6/9,4=-2,1% +K.10,1 → Д.=O.45+K.10,1= =+55,1 → P.=Д.55,1-K.10,1= =+45	806/48 12,4/10,1=-2,4% +K.11,38 → Д.=O.48+K.11,4= =+59,4 → P.=Д.59,4-K.11,4= =+48	1651/134 25,5/28,1=+2,6% -K.12,37 → Д=O134-K12,4= =>+121,6 → P.=O.134->121,6= =-12,4	1890/119 29,2/24,9=-4,2% +K.20,2 → Д.=O.119+K.20,2= =+139,2 → P.=Д.139,2-K20,2= =+119	463/37 7,2/7,8=+0,6% -K.2,9 → Д=O.37-K.2,9= =>+34,1 → P.=O.37->34,1= =-2,9	630/75 9,7/15,7=+6,0% -K.28,6 → Д=O.75-K.28,6= =>+46,4 → P.=O.75- >46,4= =-28,6	287/19 4,4/4,0=-0,4% +K.2,1 → Д.=O.19+K.2,1= =+21,1 → P=Д.21,1-K.2,1= =+19	→±9,2% →±K43,8 →Д.= O.477 ->202= =+275 P=Д275 -K.44= =+231	6475/477=100% →±9,2% ±14,2%→ →±K.43,8 ←±K.68→+ →Д=O.477->202= =+275 →P.=Д.275-K.44= =+231 Д.275-K.44= ←=P.+231 ←±K.68↑	↓±23.4% ↓K. ±111,8 ↓Д.=O.477->145= =+332 ↓P.=Д.332-K.111,8= =+220 ↑ P.220+K112= =Д.+332-

Рис. 20. Корректировка «реального» числа особей для диких видов поселения Бернашевка из расчета процентных значений по комплексам (Всего) и от общей суммы (Итого). Сокращения: К. – коэффициент девиации, Д. – «должное», Р. – «реальное» число особей, О. – число особей по определениям археозоолога.

Fig. 20. The corrected “real” number of individuals of wild species from the Bernashevka settlement according to the percentage values for complexes (overall total) and with respect to the general amount (in total). Abbreviations: K., the index of deviation; D., the expected number of individuals; P., the “real” number of individuals; O., the number of individuals according to the initial archaeozoological determinations.

межвидовыми (Итого) показателями. Значение в ±74 особи, выдает уровень девиации между комплексными показателями по первой из систем расчета процентных значений и межвидовыми показателями по второй из систем расчета процентных значений. Значение же в ±20 особи, отражает собой внутренние особенности проявления комплексных показателей по первой из систем расчета процентных значений (Всего), которые, при этом, полностью согласуются с результатами расчетов по второй из систем расчета процентных значений.

Подобным же образом проверяется согласованность – валабильность полученных значений по «должному» и «реальному» числу особей между результатами по видовым и комплексным показателям (Рис. 19 и Рис. 20, столб. 9-10, строк. 5-6) или каждого из них в отдельности с межкомплексными показателями (Рис. 19 и Рис. 20, строк. 7, столб. 10).

Вопрос здесь в другом. При наличии четырех разных парных показателей, какие из них признать в качестве основных – базовых, характеризующих, оговоренные ранее, три разных состояния данных.

Ориентируясь на количественное проявление, претендентами на роль признаков, отражающих общий объем охваченных в коллекции видов (ДР.3) здесь выступают показатели, полученные по комплексам. Они показывают наиболее высокие значения: 380/380,2 «должных», из которых наличных «реальных» – 264,2 или 267,8, и разность между которыми, в первом варианте, указывают на недостачу в 116 особей, а во втором – 113/112,6 особей (Рис. 20, строк. 5-6, столб. 9-10).

На роль признаков, отражающих «должное» и наличное – «реальное» число особей, непосредственно разделанных, и в большей части своих костей отложившихся в изученных комплексах (ДР.1), как и в предшествующих, случаях выступают межкомплексные показатели, отличающиеся наименьшими значениями. На них приходятся 275 «должных», из которых 231 – наличных. Разность между ними – ±44 особи, которые, надо понимать, были разделаны, с отложением большей части их костей за пределами исследованных комплексов (или поселения) (Рис. 19 и Рис. 20, строк. 7, столб. 10).

При таком раскладе, значения, полученные по видам (335/334,9 «должных» против 277 или 297 «реальных») и межвидовым (332 «должных» против 220 «реальных») показателям, очевидно, следует трактовать, как отражение разных нюансов в соотношении числа особей непосредственно разделанных в исследованных комплексах плюс доли особей, разделанных за их пределами, часть костей которых были вторично привнесены в эти комплексы (ДР.2). (Рис. 19 строк. 5-6, столб. 9-10 и строк. 7, столб. 11).

Резюмируя итоги корректировки числа особей применительно к остеологической коллекции поселения Бернашевка, определенно можно утверждать, что максимальное число особей по домашним видам составляет не 328, а 308 особей, т.е. на 20 особей меньше чем по определениям В.И. Бибиковой. А в случае диких видов – 380, вместо 477, т.е. на 97 особей меньше чем по исходным данным. Таковы результаты корректировки числа особей применительно к остеологической коллекции поселения Бернашевка.

Остеологические материалы поселения Сакаровка I.

Поселение Сакаровка I находится в северной части Республики Молдова (близ одноименного села, Сынжерейского района). Относится к позднейшей фазе неолитической культуры Криш и представляет ее крайнюю – северо-восточную периферию. Это небольшое поселение (менее 1 га.), исследованное В.И. Маркевичем (1979 г.), а затем В.А. Дергачевым и О.В. Лариной (1989-1991, 1995-1998 гг.). В общей сложности была исследована площадь в более 5 600 кв. м, составляющих около 90% от всей площади поселения. Открыто и изучено 45 неолитических комплекса: восемь жилищ-землянок, остатки восьми наземных жилищ, восемь углубленных в грунт хозяйственных ям, 14 «поверхностных» скоплений и шесть вымосток-площадок, выложенных из камня, по-видимому, культового назначения. В процессе раскопок остеологический материал фиксировался и отбирался отдельно, по каждому комплексу и отдельно по культурному слою. Впоследствии все эти материалы были изучены А.И. Давиом. Всего было диагностировано 13 647 костей от 715 особей. Домашние виды представлены 10 864 костями от 513 особей, а дикие – 2 783 костями от 202 особей. В процентном исчислении особи домашних составляют 71,7%, а диких – 28,3%.

Полные данные о результатах раскопок этого поселения, включая расшифровку по распределению фаунистических остатков по каждому из комплексов, были недавно опубликованы в отдельной монографии (Dergachev, Larina 2015).

В данном разделе, мы ограничимся корректировкой и анализом лишь только сводных данных по разно функциональным группам (мега-комплексам). Вполне естественно, что речь идет о группах, составляющие которых обеспечены диагностированными остеологическими данными. Таких групп пять. Это жилища-землянки, объединяющие данные по восьми конкретным объектам; остатки наземных сооружений с данными по пяти объектам; хозяйственные ямы с данными по шести конкретным объектам и «наземные» – поверхностные скопления, объединяющие данные из семи разных объектов. В отдельную группу, выделены данные происходящие из культурного слоя.

Как и в предшествующем случае, эти материалы будут рассматриваться отдельно по домашним, а затем – по диким видам.

Расшифровка данных по домашним видам, с расчетом интересующих нас здесь показателей, отражена на таблицах – Рис. 21 и 22.

В первой из этих таблиц, показатели выведены из расчета процентных значений по каждому из видов (Всего) и параллельно из расчета от их общей суммы (от Итого) (Рис. 21). Во второй из таблиц, показатели выведены из расчета процентных значений по комплексам (Всего), с дублированием данных по их общим суммам (Итого) (Рис. 22). Очевидно, нет необходимости особо акцентировать внимание, на то, что все интересующие нас показатели были вычислены строго по оговоренным ранее принципам.

Как и прежде, обращаем внимание, что все вычисленные показатели, по сумме данных, демонстрируют взаимно сбалансированные полюсные значения, указывающие на их соответствие закону сохранения материи/энергии (Рис. 21, столб. 7; Рис. 22, строк. 5, 1-2-я подстроки). Вместе с тем, все вычисленные значения должного (+) и завышенного (>+) числа особей, в сумме, дают число особей определенное археозоологом, условие, подтверждающее правильность их исчисления (Рис. 21, столб. 7; Рис. 22, строк. 5, 3-я подстрока),

Сосредоточимся снова на суммарных показателях откорректированных данных. Согласно определениям А.И. Давида общее число особей для домашних видов составляет 513 единиц. По результатам корректировки, мы вышли на четыре разных парных показателя.

В случае расчета процентных значений по видам (Всего), надлежащее – «должное» число особей составляет 451/451,5 особей, а их наличное – «реальное» число, в одном случае показывает 281/281,1, а в другом – 287/287,5 особей (Рис. 21, столб. 7-8, строк. 6).

Совершено другие значения высвечиваются из расчета процентных значений от общей суммы показателей (Итого). По межвидовым показателям здесь получается 284/284,5 «должных» и 219 наличных – «реальных» особей (Рис. 21, столб. 9, строк.7). А по меж комплексным показателям – 415/414,8 надлежащих и 244 – наличных, «реальных» особей (Рис. 21, строк. 7, столб. 8).

В отличие от них, показатели выведенные из расчета процентных значений по комплексам (Всего), дают уже 280/280,1 «должных» и, в одном случае – 236, а в другом – 244/243,7 наличных, «реальных» особей (Рис. 22, столб. 7-8, строк. 6).

Парадокс в том, что, как и предшествующих случаях, все эти разнозначные показатели полностью взаимно согласовываются друг с другом, т.е. – адекватны.

На это указывает полнее совпадение, одного из значений числа особей по видовым показателям (Всего), со значением, полученном по комплексным показателям (Всего). Разница лишь в том, что они, как бы инверсированны в своих смыслах. В первом случае, это значение (281/281,1), отражает наличное – «реальное» число особей (Рис. 21. строк. 6, столб. 8, 2-я подстрока), а во втором, тоже значение (с разностью в одну десятую – 280/280,1), представляет уже надлежащее, «должное» число особей (Рис. 22, строк. 6, столб. 8, 2-я подстрока). Практические полное совпадение дает, с одной стороны одно из значений –наличного, «реального» числа, вычисленного по комплексным показателям (Всего) (244/243,7), с наличным, «реальным» числом особей, выведенного из меж комплексных показателей (Итого) (с разностью в 0,3 особей – 244) (Рис. 22, строк. 6, столб. 8, 3-я подстрока и строк. 7, столб. 8, 5-я подстрока).

Однако, как и в других случаях, адекватность всех этих парных значений, лучше всего

Компл./ Виды		Жилища-землянки	Назем. сооруж.	Хозяйств. ямы	Наземные скоплен.	Культ. слой	Сум. р. %/Коэф. (К)/Д.	ВСЕГО 100%	ИТОГО 100%
1		→2	→3	→4	→5	→6	→↓7	→↓8	↓9
		Д О М А Ш Н И Е							
1	Sus scrof. dom. L.	5149/112 85,4/51,1=-34,3% +К.75,1 Д.=О.112+К.75,1=+187,1 Р.=Д187,1-К.75,1= =+112	216/12 3,6/5,5=+1,9% -К.4,16 Д.=О.12-К.4,2=>+7,8 Р.=О.12->7,8= =-4,2	275/13 4,6/5,9=+1,4% -К3,07 Д.=О.13-К.3,1=>+9,9 Р.=О.13->9,9= =-3,1	132/11 2,2/5,0=+2,8% -К.6,13 Д.=О.11-К.6,1=>+4,9 Р.=О.11->4,9= =-6,1	257/71 4,3/32,4=+28,2% -К.61,76 Д=О.71-К.61,8=+>9,2 Р.=О.71->9,2= =-61,8	±34,3% ±К.75,1 Д.=187,1 +>31,8= О.219	6029/219=100% Д.=О.219->31,8= =+187,2 Р.=187,1-К.75,1= =+112	6029/219 55,5/42,7=-12,8% +К.65,66 Д.=О.219+К65,6=+284,6 Р.=Д284,6-К65,6=+219
2	Bos taurus L.	2473/70 77,6/40,7=-36,9% +К.63,47 Д.=О.70+К.63,5=+133,5 Р.=Д.133,5-К.63,5= =+70	186/10 5,8/5,8=0% К.0 Д.=Р.= =+10	167/8 5,2/4,7=-0,5% +К.0,9 Д.=О.8+К.0,9=+8,9 Р.=Д.8,9-К.0,9= =+8	120/14 3,8/8,1=+4,3% -К.7,4 Д.=О14-К.7,4=>+6,6 Р.=О.14->6,6= =-7,4	242/70 7,6/40,7=+33,1% -К.56,9 Д.=О70-К56,9=>+13,1 Р=О70->13,1= =-56,9	±37,4% ±К.64,3 Д.+152,4 +>19,7= =О.172	3188/172=100% Д.=О.172->19,7= = +152,4 Р.=Д.152,4-К.64,3= =+88	3188/172 29,3/33,5=+4,2% -К.21,5 Д.=О172-К21,5=>+150,5 Р.=О172->150,5= =-21,5
3	Ovis ar.. capra h	1147/57 70,2/48,7=-21,5% +К.25,1 Д.=О.57+К.25,1=+82,1 Р.=Д.82,1-К.25,1= =+57	27/7 1,6/6,0=+4,4% -К.5,1 Д.=О.7-К.5,1=>+1,9 Р.=О.12->1,9= =-5,1	168/9 10,3/7,7=-2,6% +К.3,0 Д.=О.9+К.3,0=+12,0 Р.=Д.12-К.3= =+9	180/10 11,0/8,5=-2,5% +К.2,9 Д.=О.10+К2,9=+12,9 Р.=Д.12,9-К.2,9= =+10	113/34 6,9/29,1=+22,2% -К25,9 Д.=О.34-К.25,9=>+8,1 Р.=О34->8,1= =-25,9	±26,6% ±К.31,0 Д.+107 +>10,0= =О.117	1635/117=100% Д.=О.117->10= =+107 Р.=Д.107-К.31= =+76	1635/117 15,1/22,8=+7,7% -К.39,5 Д.=О.117-К.39,5=>+77,5 Р.=О117->77,5= =-39,5
4	Canis fam. L.	12/5 100/100=0% К.0 Д.=Р.=+5	–	–	–	–	0% Д.=Р+5 К.0	12/5=100% Д.=Р.=+5	12/5 0,1/1,0=+0,9% -К.4,62 Д.=О.5-К4,62=>+0,38 Р.=О.5->0,4= =-4,6
5	Сум.р. %/ К. /Д.	↓-92,7+0=-92,7%	↓-0+6,3=+6,3%	↓-3,1+1,4=-1,7%	↓-2,5+7,1=+4,6%	↓-0+83,5=+83,5%	→↓±98,3%	→+=3,9%-↑	→±94,4%
		↓-К.0+К.163,6=+К.163,67	↓-К.9,26+К.0=-К.9,26	↓-К.3,07+К.3,9=+К.0,83	↓-К.13,53+К.2,9=К.10,63	-К.144,56+К.0=-К.144,56	→↓±К.170,4	→+=К.6 -↑	→К.±164,5
		↓Д.=+407,7=>+0	↓Д.=+10=>+9,7	↓Д.=+20,9=>+9,9	↓Д.=+12,9=>+11,47	↓Д.=+0=>+30,44	→↓Д.= О.513->61,5=+451,5 →↓Р.=Д.451,5-К.170,4=+281 →Р.=Д.451,5-К.164,5=+287	→↓=К±170,4 →= К±6	↓ ±12,8% ±К65,7 Д.=О.513->228,3= =284,7 Р.=Д.284,7-±К65,7= =219 ↓
6	ВСЕ-ГО 100%	8781/244 ↓Д.=+407,7 Р.=Д.407,7-К.163,7= =+244	429/29 ↓Д.=+10 Р.=Д.10-К.0= =+10	610/30 ↓Д.=+20,9 Р.=Д.20,9-К.3,9= =+17	432/35 ↓Д.=+12,9 Р.=Д.12,9-К.2,9= =+10	612/175 ↓Д=0 Р.=Д.0-К.0= =0	Д.=О513->61,5= =451,5 Р=451,5-К170,7 =+281	10864/513=100% →↓Д.=О.513->61,5=+451,5 →↓Р=Д.451,5-К170,4=+281 →Или=Д.451,5-К.164=+287,5 ←↑+281 ←+ К.±6 ↑- ←+287	→↓К. ±170,4
7	ИТО-ГО 100%	→ 8781/244 80,8/47,6=-33,3% +К.170,8 Д.=О.244+К.170,8= =+414,8 Р.=Д.414,8-К.170,8= =+244	→ 429/29 3,9/5,7=+1,8% -К.9,23 Д.=О.29-К.9,23= =>+19,77 Р.=О.29->19,8= =-9,2	→ 610/30 5,6/5,8=+0,2% -К.1,03 Д.=О.30-К.1,03= =>+28,97 Р.=О.30->29= =-1,0	→ 432/35 4,0/6,8=+2,8% -К.14,36 Д.=О.35-К.14,36= =>+20,64 Р.=О.35->20,6= =-14,4	→ 612/175 5,6/34,1=+28,5% -К.146,2 Д.=О.175-К.146,2= =>+28,8 Р.=О.175>28,8= =-146,2	→±33,3% →К±170,8 → Д=О513->98,2 =+414,8 → Р.=Д414,8-К170,8= =+244	10864/513=100% →±33,3% ←+=20,5% -↑ ↓±12,8% →±К.170,8 ←+.К±105,2 -↑ ↓±К.65,6 →Д.=О.513->98,2= =+414,8 ↓Д.=О.513->228,4= =+284,6 →Р=Д414,8-К.170,8= =+244 ↓Р.=Д.284,6-К.65,6= =+219 →Д.415-Р.244= =±К.170,8 К±170,8±К.65,7 ←+ К±105 ↑- ↓Д.284,6-Р219= =±К.65,7	

Рис. 21. Корректировка «реального» числа особей для домашних видов поселения Сакаровка I из расчета процентных значений по видам (Всего) и от общей суммы (Итого). Сокращения: К. – коэффициент девиации, Д. – «должное», Р. – «реальное» число особей, О. – число особей по определениям археозоолога.

Fig. 21. The corrected “real” number of individuals of domestic species from the Sacarovca I settlement according to the percentage values for species (overall total) and with respect to the general amount (in total). Abbreviations: K., the index of deviation; D., the expected number of individuals; P., the “real” number of individuals; O., the number of individuals according to the initial archaeozoological determinations.

подтверждаются (и верифицируются) из соотношения их разностей. Скажем, разность между надлежащим – «должным» числом особей по видовых (Всего) – в 451,5 и межвидовых – 414,8 показателей составляет 36,7 особей. А разность между значениями наличного, «реального» числа по тем же показателям (281 против 244) составляет 37 особей. Так вот, разность между этими новыми значениями в 0,3 особей, это и есть разность между наличным, «реальным» числом по видовых (243,7) и меж комплексных (244) показателей (Рис. 21, столб. 8, строк. 6-7).

Приведем другой, выборочный пример, на согласованность повидовых (Всего) и межвидовых (Итого) показателей. Видовые показатели выдают два разных значения коэффициента девиации (±170,4 и ±164,5) и, как следствие этого – два разных значения наличного, «реального» числа особей (281 и 287). Разница между первыми и вторыми значениями, как и полагается, составляет ±6 особей (Рис. 21, строк. 5-6, столб. 7-8). Коэффициенты девиации по межвидовым показателям (Итого) составляют ±65,7 особей (Рис. 21, столб. 9).

Последний (±65,7), в соотношении с первым из коэффициентов девиации для видовых показателей (±170,4) дает разность в ±104,7 особей. А в соотношении со вторым из коэффициентов (±164,5), разность составляет ±98,8 особей. Соотнеся полученные значения друг с другом (±104,7±98,8), мы выходим на число в ±6/5,9 особей, т.е. на число, составляющее разность между двумя разными значениями наличного, «реального» числа особей по видовым показателям (от Всего) (Рис. 21, строк. 5-6, столб. 7-9).

Точно также проверяется взаимная согласованность результатов полученных значений между покомплексными (Всего) и межвидовыми показателями (Итого). В конечном результате их разность сводится к ±7,7 особям. Но, эта разность, одновременно, выступает и как разность между двумя разными значениями наличного, «реального» числа особей по комплексных показателей (Всего) (Рис. 22, строк. 5-7, столб. 7-9).

Таким образом, состоятельность, объективность всех этих парных значений, отражающих «должное» и фактическое, наличное «реальное» число особей не оставляют никаких сомнений.

Следуя количественному проявлению, претендентами на роль признаков, отражающих общий объем охваченных в коллекции видов (ДР.3), в этом случае, выступают по видовые показатели (Всего). Они показывают 451/451,5 «должных» особей, из которых наличных «реальных» по видам – 281 особь, а по комплексам – 287,5 особей (Рис. 21, строк. 6, столб. 7-8).

На роль признаков, отражающих «должное» и наличное – «реальное» число особей, непосредственно разделанных, и в большей части своих костей отложившихся в изученных комплексах (ДР.1), здесь напрашиваются межвидовые показатели (Итого), отличающиеся наименьшими значениями: 285/284,6 «должных», из которых 219 – наличных (Рис. 21 и Рис. 22, строк. 7, столб. 9).

И в таком случае, значения, полученные по меж комплексным (от Итого) (415/414,8 «должных» против 244 «реальных») и по комплексным (от Всего) (280,1 «должных» против 236 или 244/243,7 наличных, «реальных») показателям, очевиднее всего, следует интерпретировать, как отражающие разные аспекты в соотношении числа особей, непосредственно разделанных в исследованных комплексах и числом особей, разделанных за их пределами, часть костей которых была вторично включена в эти комплексы (ДР.2). (Рис. 22 строк. 5-7, столб. 7-8).

Дикие виды. Напомним, по определениям А.И. Давида, они представлены 202 особями.

Полные расшифровки по этим видам, с расчетом интересующих нас показателей, отражены в таблицах – Рис 23 и 24. В первой из таблиц – Рис. 23, все данные выведены из расчета процентных значений по каждому виду (Всего), при одновременном представлении (по правому и нижнему краям таблицы) и данных, рассчитанных от их общей суммы (Итого) (Рис. 23). Во второй таблице те же данные выведены из расчета процентных значений по комплексам (Всего), с дублированием данных и из расчета от их общей суммы (Итого) (Рис. 24).

Комментарии к этим данным будут короткими. Все расчетные данные по разностям процентных значений, коэффициентам девиации или в соотношении вычисленных надлежащего числа особей и их превышении по отношению к исходному (определенному археозоологом) числу особей полностью соответствуют, требуемым условиям (Рис. 23 и Рис. 24, столб. 7, строк. 7).

Компл./ Виды		Жилища-землянки	Назем. сооруж.	Хозяйств. ямы	Наземные скоплен.	Культ. слой	Сум. р. %/Коэф. (К)/Д.	ВСЕГО 100%	ИТОГО 100%
1		↓2 →	↓3→	↓4→	↓5→	↓6→	↓7→	→↓8	↓9
		Д О М А Ш Н И Е							
1	Sus scrof. dom. L.	5149/112 58,6/45,9=-12,7% +К.31,07 Д.=О.112+К.31,1=+143,1 Р.=Д.143,1-К.31,1= =+112	216/12 50,3/41,4=-9,0% +К.2,6 Д.=О.12+К.2,6=+14,6 Р.=Д.14,6-2,6= =+12	275/13 45,1/43,3=-1,7% +К.0,5 Д.=О.13+К.0,5=+13,5 Р.=О.13,5-К.0,5= =+13	132/11 30,6/31,4=+0,9% -К.0,3 Д.=О.11-К0,3= >+10,7 Р.=О.11->10,7= =-0,3	257/71 42,0/40,6=-1,4% +К.2,5 Д.=О.71+К.2,5=+73,5 Р.=Д.73,5-К.2,5= =+71	-24,8+0,9=-23,9% -К.0,3+36,7=+36,4 Д.=+244,7 +>10,7	6029/219 →Д.=+244,7 Р.=Д.244,7-К.36,7= = +208	6029/219 55,5/42,7=-12,8% +К.65,66 Д.=О.219+К65,7=+284,7 Р.=Д.284,7-К.65,7= =+219
2	Bos taurus L.	2473/70 28,2/28,7=+0,5% -К.1,28 Д.=О.70-К.1,3=>+68,7 Р.=О.70->68,7= =-1,3	186/10 43,4/34,5=-8,9% +К.2,6 Д.=О.10+К.2,6=+12,6 Р.=Д.12,6-2,6= =+10	167/8 27,4/26,7=-0,7% +К.0,2 Д.=О.8+К.0,2=+8,2 Р.=Д.8,2-К.0,2= =+8	120/14 27,8/40,0=+12,2% -К.4,3 Д.=14-К.4,3=>+9,7 Р.=О14->9,7= =-4,3	242/70 39,5/40,0=+0,5% -К.0,8 Д.=70-К.0,8= >+69,2 Р.=О70->69,2 =-0,8	-9,6+13,2=+3,6% -К.6,4+2,8=-3,6 Д.+20,8 +>147,6	3188/172 →Д.=+20,8 Р.=Д.20,8-К.2,8= = +18	3188/172 29,3/33,5=+4,2% -К.21,55 Д.=О172-К.21,5=>+150,5 Р.=О.172->150,5= =-21,5
3	Ovis ar.. capra h	1147/57 13,1/23,4=+10,3% -К.25,1 Д.=О.57-К.25,1=>+31,9 Р.=О.57->31,9= =-25,1	27/7 6,3/24,1=+17,8% -К.5,2 Д.=О.7-К.5,2=>+1,8 Р.=О7->1,8= =-5,2	168/9 27,5/30,0=+2,5% -К.0,7 Д.=О.9-К.0,7=>+8,3 Р.=О.9->8,3= =-0,7	180/10 41,7/28,6=-13,1% +К.4,6 Д.=О.10+К.4,6=+14,6 Р.=Д.14,6-К.4,6= =+10	113/34 18,5/19,4=+0,96% -К.1,7 Д=О.34-К.1,7=>+32,3 Р.=О34->32,3= =-1,7	-13,1+31,6=+18,5 -К.32,7+4,6=-28,1 Д.+14,6 +>74,3	1635/117 →Д.=+14,6 Р.=Д.14,6-К.4,6= =+10	1635/117 15,1/22,8=+7,7% -К.39,5 Д.=О.117-К39,5=>+77,5 Р.=О.117->77,5= =-39,5
4	Canis fam. L.	12/5 0,14/2,05=+1,9% -К.4,7 Д.=О.5-К.4,7=>+0,3 Р.=О.5->0,3= =-4,7	–	–	–	–	-0+1,9=+1,9% -К.4,7+0=-4,7 Д.+0 +>0,3	12/5 →Д.=+0 Р.=Д.0-К.0= =0	12/5 0,1/1,0=+0,9% -К.4,62 Д.=О.5-К4,62=>+0,38 Р.=О.5->0,4= =-4,6
5	Сум.р. %/ Коэф. / Д.	↓±12,7% ↓±К.31,1 Д.=+143,1+>100,9= О.244	↓±17,9% ↓±К.5,2 ↓Д.=+27,2+>1,8= О.29	↓±2,5% ↓±К.0,7 ↓Д.=+21,7+>8,3= О.30	↓±13,1% ↓±К.4,6 ↓Д.=+14,6+>20,4=О.35	↓±1,4% ↓±К.2,5 ↓Д=+73,5+>+101,5=О.35	→↓±47,6% →↓±К.44,1 →↓Д.=О.513->232,9=+280,1 →↓Р.=Д.280,1-±К.44,1=+236	←+=23,6%-↑ ←-=К.7,7 +↑	↓±24%↑ ←±К.36,4 →↓К.±44,1
6	↓↓ ВСЕГО 100%	↓ 8781/244=100% Д.=О.244->100,9= =+143,1 Р.=Д.143,1-К.31,1= =+112	↓ 429/29=100% Д.=О.29->1,8= =+27,2 Р.=Д.27,2-К.5,2= =+22	↓ 610/30=100% Д= О.30->8,3= =+21,7 Р.=Д.21,7-К.0,7= =+21	↓ 432/35=100% Д= О.35->20,4= =+14,6 Р.=Д.14,6-К.4,6= =+10	↓ 612/175=100% Д= О.175->101,5= =+73,5 Р.=Д.73,5-К.2,5= =+71	→ Д.=О.51 3 ->232,9= =280,1 Р.=280,1 -К.44,1= =+236	10864/513=100% →↓Д.= О.513->232,9=+280,1 →↓Р.=Д.280,1-±К.44,1=+236 ←Или=Д.280,1-±К.36,4=+243,7 Д.280,1-К.44,1 =Р.236 Д.280,1-Р.236 =К.±44,1 Р.236+К44,1 =Д.280,1 Д.280,1-К.44,1 =Р.236 Р.243,7-Р.236 =К.±7,7 Д.280,1-К.36,4 =Р.243,7	→↓ ±К.44,1	↓ ±12,8% ±К65,7 ↓ Д.=О.513- ->228,3= =+284,7 ↓ Р.=Д.284,7 -К.65,7= =+219 ↓
7	ИТОГО 100% →	→ 8781/244 80,8/47,6=-33,3% +К.170,8 Д.=О.244+170,8= =+414,8 Р.=Д.414,8-К.170,8= =+244	→ 429/29 3,9/5,7=+1,8% -К.9,23 Д.=О.29-К9,23= =>+19,8 Р.=О.29->19,8= =-9,2	→ 610/30 5,6/5,8=+0,2% -К.1,03 Д.=О.30-К1,03= =>+28,97 Р.=О.30->29= =-1,0	→ 432/35 4,0/6,8=+2,8% -К.14,36 Д.=О.35-К14,36= =>+20,64 Р=О35->20,6= =-14,4	→ 612/175 5,6/34,1=+28,5% -К.146,2 Д.=О.175-К146,2= =>+28,8 Р.=О.175->28,8= =-146,2	→±33,3% →К±170,8 → Д.=О.513 ->98,2= =+414,8 Р.=Д+414,8 - К170,8= =+244	10864/513=100% →↓±33,3% →±К.170,8 →↓Д.=О.513->98,2= +414,8 ↓Р.=Д.414,8-К.170,8= =+244 Д.+414,8-Р.244= =±К.170,8	←+=20,5% -↑ ←+=К.±105 -↑ ↓Д.=О.513->228,3= =+284,7 ↓Р.=Д.284,7-К.65,7= =+219 ±К.170,8±К.65,7= =±К.105	↓±12,8% ↓±К.65,7 Д.+284,7-Р.219= =±К.65,7

Рис. 22. Корректировка «реального» числа особей для домашних видов поселения Сакаровка I из расчета процентных значений по комплексам (Всего) и от общей суммы (Итого). Сокращения: К. – коэффициент девиации, Д. – «должное», Р. – «реальное» число особей, О. – число особей по определениям археозоолога.

Fig. 22. The corrected “real” number of individuals of domestic species from the Sacarovca I settlement according to the percentage values for complexes (overall total) and with respect to the general amount (in total). Abbreviations: K., the index of deviation; D., the expected number of individuals; P., the “real” number of individuals; O., the number of individuals according to the initial archaeozoological determinations.

Как и в предшествующих случаях, дикие виды обнаруживают четыре разных парных значения по надлежащему – «должному» и наличному – «реальному» числу особей. Согласно суммарным повидовым показателям (Всего), надлежащее число особей составляет 180/179,9 единиц, при двух разных значениях их наличного числа – 131 и 137 (Рис. 23, строк. 8, столб. 8). Следуя же по комплексным показателям (Всего), надлежащее число особей составляет 161/161,2 единиц, при двух разных значениях их наличного – «реального» числа –104,2 и 104,9 (Рис. 24, строк. 8, столб. 8).

Два других, и тоже разных, парных значения показывают данные выведенные из суммарных показателей (от Итого). По межвидовым показателем, надлежащее – «должное» число особей составляет 151 единицу, при 96 наличных – «реальных» (Рис. 23 и Рис. 24, строк. 9 столб. 9). А по межкомплексным показателям – 184 «должных» при 142 наличных (Рис. 23 и Рис. 24, строк. 9, столб. 8).

Но, что примечательно. Как и во всех предшествующих случаях, все эти разнозначные значения полностью взаимно согласовываются между собой, как отражающие разные аспекты одного и того же содержания. И это обстоятельство легко проверяется и подтверждается из соотношения их разностей по ранее продемонстрированной схеме.

Ориентируясь на количественное соотношение, претендентами на роль признаков, отражающих общий объем охваченных в коллекции видов (ДР.3), в этом случае, выступают межкомплексные показатели (Итого), по которым «должное» число составляет 184 особей, из которых наличных «реальных» 142 особи. А межвидовые показатели, отличающиеся наименьшими значениям, должно быть отражают надлежащее (151) и наличное – «реальное» (96) число особей, непосредственно разделанных, и в большей части своих костей отложившихся в изученных комплексах (ДР.1) (Рис. 23 и Рис. 24, строк. 9 столб. 8-9).

И в таком случае, значения, полученные по видовым (179,9 «должных» против 131 и 137 наличных) и комплексным (161,2 «должных» против 104,2 или 104,9 наличных, «реальных») показателями, должны рассматриваться как отражающие разные аспекты в соотношении числа особей, непосредственно разделанных в исследованных комплексах и числом особей, разделанных за их пределами (или пределами поселения), часть костей которых была вторично включена в эти комплексы/поселение (ДР.2) (Рис. 23 и Рис. 24, строк. 8, столб. 8).

Таким образом, резюмируя итоги корректировки числа особей применительно к остеологической коллекции поселения Сакаровка I, с определенностью можно утверждать, что максимальное число особей по домашним видам составляет не 513, а 451 особь, т.е. на 62 особи меньше чем по определениям А.И.Давида. А в случае диких видов 184, вместо 202, т.е. на 18 особей меньше чем по исходным данным. Однако же, суть предлагаемой процедуры, сводится далеко не только лишь к уточнению общего числа особей.

Общие выводы и открывающиеся возможности.

Выработанная на основе моделирования и приложенная к конкретным коллекциям, предложенная методика корректировки числа особей полностью подтвердила свою состоятельность. Ее применение приобретает несколько значений.

1. Возможности существенного уточнения количества особей в соотношении с показателями по числу костей (диагностика которых является исходной и считается более достоверной), а вместе с тем, и перевод значений, обозначаемых в специфичных для археозоологии терминах-понятиях – «число костей», на «язык» собственно социально-экономических наук – реальное число особей.

2. Вопреки сложившейся традиции – оценки числа особей по одному единственному показателю, предлагаемая процедура, позволяет вывести два новых разноплановых их значения: с одной стороны, надлежащего – «должного», а с другой – наличного – «реального» числа особей, а соответственно, и их разностей, отражающих завышения и/или недостаточность того или иного числа особей. А на базе последних появляется возможность четкого разграничения мест разделки и максимальной утилизации скелетных остатков, в отличие от комплексов, вбирающих в себя перемещенные вторичные кости.

3. Принципиально важным в этом контексте является то, что в разных системах расчета

Компл./ Виды		Жилища-землянки	Назем. сооруж.	Хозяйств. ямы	Наземные скопления	Культ. слой	Сум.раз.%/ Коэф./Д.	ВСЕГО 100%.	ИТОГО 100%.
1		→2	→3	→4	→5	→6	→7	→↓8	↓9
Д И К И Е									
1	Cervus elap. L.	1464/46 70,2/47,9=-22,3% +К.21,37 Д.=О46+К21,4=+67,4 Р.=Д.67,4-К.21,4= =+46	76/7 3,6/7,3=+3,65% -К.3,5 Д.=О.7-К3,5=>+3,5 Р.=О.7->3,5= =-3,5	431/8 20,7/8,3=-12,3% +К.11,83 Д.=О.8+К.11,8=+19,8 Р.=Д.19,8-К.11,8= =+8	30/6 1,4/6,2=+4,8% -К.4,62 Д.=О.6-К4,6=>+1,4 Р.=О.6->1,4= =-4,6	85/29 4,1/30,2=+26,1% -К.25,09 Д=О29-К25=>+3,9 Р=О29->3,9= =-25,1	→±34,6% →±К.33,2 →Д.+87,2 +>8,8= =О.96	2086/96=100% Д.=О.96->8,8= =+87,2 Р.=Д.87,2-К.33,2= =+54	2086/96 74,9/47,5=-27,4% +К.55,4 Д.=О.96+К55,4=+151,4 Р.=Д151,4-К55,4=+95,6
2	Capreo.Capr. L.	138/16 75,0/64,0=-11,0% +К.2,75 Д.=О.16+К.2,7=+18,7 Р.=Д.18,7-К.2,7= =+16	29/3 15,8/12,0=-3,76% +К.0,94 Д.=О.3+К.0,9=+3,9 Р.=Д.3,9-К.0,9= =+3	6/2 3,3/8,0=+4,74% -К.1,18 Д.=О.2-К1,2=>+0,8 Р.=О.2->0,8= =-1,2	–	11/4 5,9/16,0=+10,0% -К.2,5 Д.=О.4-К2,5=>+1,5 Р.=О.4->1,5= =-2,5	→±14,7% →±К.3,7 →Д.+22,6 +>2,3= =О.25	184/25=100% Д.=О.25->2,3= =+22,6 Р.=Д.22,6-К.3,7= =+19	184/25 6,6/12,4=+5,8% -К.11,7 Д.=О.25-К11,7=+>13,3 Р.=О.25->13,3=-11,7
3	Bison aut Bos	172/16 95,0/80,0=-15,0% +К.3,0 Д.=О.16+К.3,0=+19,0 Р.=Д.19,0-К.3,0= =+16	–	4/2 2,2/10,0=+7,8% -К.1,56 Д.=О.2-К1,6=>+0,4 Р.=О.2->0,4= =-1,6	1/1 0,6/5,0=+4,4% -К.0,89 Д=О.1-К0,9=>+0,1 Р.=О.2->0,1= =-0,9	4/1 2,2/5,0=+2,8% -К.0,56 Д=О.1-К.0,6=>+0,4 Р.=О.1->0,4= =-0,6	→±15,0% →±К.3,0% →Д.+19,0 +>0,9= =О.20	181/20=100% Д.=О.20->0,9= =+19,0 Р.=Д.19,0-К.3,0= =+16	181/20 6,5/9,9=+3,4% -К.6,9 Д.=О.20-К.6,9=+>13,1 Р.=О.20->13,1=-6,9
4	Equus cabal …	154/10 88,0/55,6=-32,4% +К.5,84 Д.=О.10+К.5,8=+15,8 Р.=Д.15,8-К.5,8= =+10	3/2 1,7/11,1=+9,4% -К.1,69 Д.=О.2-К1,7=>+0,3 Р.=О.2->0,3= =-1,7	12/2 6,9/11,1=+4,25% -К.0,77 Д=О.2-К.0,8=>+1,2 Р.=О.2->1,2= =-0,8	3/1 1,7/5,6=+3,8% -К.0,69 Д=О.1-К.0,7=>+0,3 Р.=О.1->0,3= =-0,7	3/3 1,7/16,7=+15,0% -К.2,7 Д=О.3-К2,7=>+0,3 Р.=О.3->0,3= =-2,7	→±32,4% →±К.5,8 →Д.+15,8 +>2,1= =О.18	175/18=100% Д.=О.18->2,1= =+15,9 Р.=Д.15,9-К.5,8= =+10	175/18 6,3/8,9=+2,6% -К.5,3 Д.=О.18-К.5,3=+>12,7 Р.=О.18->12,7=-5,3
5	S.scrofa ferus L.	62/6 79,5/60,0=-19,5% +К.1,95 Д.=О.6+К.1.95=+7,95 Р.=Д.7,95-К.1,95= =+6	–	14/3 17,9/30,0=+12,1% -К.1,2 Д.=О.3-К.1,2=>+1,8 Р.=О.3->1,8= =-1,2	–	2/1 2,6/10,0=+7,4% -К.0,74 Д=О.1-К0,7=>+0,3 Р.=О.1->0,3= =-0,7	→±19,5% →±К.1,95 →Д.+7,9 +>2,1= =О.10	78/10=100% Д.=О.10->2,1= =+7,9 Р.=Д.7,9-К.1,9= =+6	78/10 2,8/4,9=+2,1% -К.4,3 Д.=О.10-К.4,3=+>5,7 Р.=О.10->5,7=-4,3
6	Прочие	65/26 82,3/78,9=-3,5% +К.1,15 Д=О.26+К1,1=+27,1 Р.=Д.27,1-К.1,1= =+26	–	11/5 13,9/15,1=+1,2% -К.0.4 Д.=О.5-К.0,4=>+4,6 Р.=О.5->4,6= =-0,4	–	3/2 3,8/6,1=+2,3% -К.0,75 Д=О.2-К0,7=>+1,3 Р.=О.2->1,3= =-0,7	→±3,5% →±К.1,15 →Д.+27,1 +>5,9= =О.33	79/33=100% Д=О.33->5,9= =+27,1 Р.=Д.27,1-К1,1= =+26	79/33 2,8/16,3=+13,5% -К.27,3 Д.=О.33-К.27,3=+>5,7 Р.=О.33->5,7=-27,3
7	Сум.р. %/ К./Д.	↓-103,7+0=-103,7% ↓К.-0+36,06=+36,06 ↓Д.+156>+0	↓-3,76+13,05=+9,29% ↓К.-5,19+0,94=-4,25 ↓Д.+3,9>+3,8	↓-12,3+30,09=+17,79% ↓К.-5,11+11,83=+6,72 Д.+19,8>+8,8	↓-0+13,0=+13,0% ↓К.-6,2+0=-6,2 ↓Д.+0>+1,8	↓-0+63,6=+63,6% ↓К.-32,34+0=-32,4 ↓Д.+0>+7,7	→↓±119,7 →↓±К.48,8 →↓Д.=О.202->22,1=+179,9 Р.=Д.179,9-К.48,8=+131	←±16,0%→ ←=±К.6→ →↓Р=+131	→±103,7% →±К.42,8 ↓ ±27,4% ±К.55,4 ↓ Д.=О.202->50,5 =+151,5 ↓ Р=Д151,5-К55,4= =+96 ↓
8	ВСЕГО 100% →	2055/120 ↓Д.=+156 Р.=Д.156,0-К.36,0= =+120	108/12 ↓Д.=+3,9 Р.=Д.3,9-К.0,9= =+3	478/22 ↓Д.=+19,8 Р.=Д.19,8-К.11,8= =+8	34/8 ↓Д.=0 Р.=Д.0-К.0= =0	108/40 ↓Д.=0 Р.=Д.0-К.0= =0	Д=О202-> >22,1= =179,9 Р= 179,9 -К48,8= =131	2783/202=100% →↓Д.=О.202->22,1=+179,9 →Р.=Д.179,9-К48,8=+131 →Или=Д179,9-42,8=+137 →↓+131 ↓- К.±6 ←+ +137	→↓ =±48,8
9	ИТОГО 100% →	2055/120 73,8/59,4=-14.4% +К.29,16= Д=О120+К29,2=+149,2 Р.=Д.149,2-К.29,2= =+120	108/12 3,9/5,9=+2,06% -К.4,16 Д.=О.12-К.4,2=>+7,8 Р.= О.12->7,8= =-4,2	478/22 17,2/10,9=-6,28% +К.12,69 Д.=О.22+К.12,7=+34,7 Р.=Д.34,7-К.12,7= =+22	34/8 1,2/3,96=+2,73% -К.5,5 Д=О.8-К5,5=>+2,5 Р.= О.8->2,5= =-5,5	108/40 3,9/19,8=+15,9% -К.32,16 Д=О40-К32,2=>+7,8 Р.=О.40->7,8= =-32,2	→±20,6% ±К.41,8 →Д.=О.202->18,1= =183,9 →Р.=Д.183,9-К.41,8= =+142	2783/202=100% ←Д.=О.202->18=+184 ←Р=Д.184-К.42=+142 Д.184-Р.142= =К.±41,8	→±20,6% ±6,8% -↓±27,4% →±К.41,8 ←±К.13,6→ -↓±К.55,4 ↑Д.=О202->51=+151 ↑Р=Д151,5-К55,4=+96 ±К.41,8 ±К.55,4= =±13,6 Д.151-Р.96= К.±55,4

Рис. 23. Корректировка «реального» числа особей для диких видов поселения Сакаровка I из расчета процентных значений по видам (Всего) и от общей суммы (Итого). Сокращения: К. – коэффициент девиации, Д. – «должное», Р. – «реальное» число особей, О. – число особей по определениям археозоолога.

Fig. 23. The corrected “real” number for wild species from the Sacarovca I settlement according to the percentage of individuals of species (overall total) and with respect to the general amount (in total). Abbreviations: K., the index of deviation; D., the expected number of individuals; P., the “real” number of individuals; O., the number of individuals according to the initial archaeozoological determinations.

Компл./ Виды		Жилища-землянки	Назем. сооруж.	Хозяйств. ямы	Наземные скопления	Культ. слой	Сум.раз.%/ К./Д./Р.	ВСЕГО 100%.	ИТОГО 100%.
1		→2	→3	→4	→5	→6	→7	→↓8	↓↓9
		Д И К И Е							
1	Cervus elap. L.	1464/46 71,2/38,3=-32,9% +К.39,49 Д=О46+К.9,5=+85,5 Р.=Д.85,5-К.39,5= =+46	76/7 70,4/58,3=-12,0% +К.1,44 Д.=О.7+К.1,4=+8,4 Р.= Д.8,4-К.1,4= =+7	431/8 90,2/36,4=-53,8% +К.11,8 Д.=О.8+К.11,8=+19,8 Р.=Д.19,8-К.11,8= =+8	30/6 88,2/75,0=-13,2% +К.1,1 Д.=О.6+К.1,1=+7,1 Р.= Д.7,1-К.1,1= =+6	85/29 78,7/72,5=-6,2% +К.2,48 Д=О.29+К.2,5=+31,5 Р= Д. 31,5-К2,5= =+29	→ -118,1+0=-118,1% →К-0+56,3=+56,3 →Д.=+152,3 >+0	2086/96 →Д.=О.96+К.56,3= =+152,3 Р.=Д.152,3-К.56,3= =+96	2086/96 74,9/47,5=-27,4% +К.55,4 Д.=О.96+К55,4=+151,4 Р=Д151,4-К55,4=+95,6
2	Capreo. Capr. L.	138/16 6,7/13,3=+6,6% -К.7,94 Д=О16-К7,9=>+8,1 Р.= О.16->8,1= =-7,9	29/3 26,8/25,0=-1,85% +К.0,2 Д.=О.3+К.0,2=+3,2 Р.=Д.3,2-К.0,2= =+3	6/2 1,3/9,1=+7,8% -К.1,7 Д.=О.2-К1,7=>+0,3 Р.=О.2->0,2= =-1,7	–	11/4 10,2/10,0=-0,2% +К.0,07 Д.=О.4+К0,1=+4,1 Р.= Д. 4,1-К.0,1= =+4	→ -2,05+14,4=+12,4% →К.-9,6+0,3=-9,3 →Д.=+7,3 +>8,4	184/25 →Д.=+7,3 →Р.=Д.7,3-К.0,3= =+7	184/25 6,6/12,4=+5,8% -К.11,7 Д.=О.25-К11,7=+>13,3 Р=О.25->13,3=-11,7
3	Bison aut Bos	172/16 8,4/13,3=+4,96% -К.5,95 Д.=О.16-К.6=>+10 Р.=О.16->10= =-6	–	4/2 0,8/9,1=+8,25% -К.1,8 Д.=О.2-К.1,8=>+0,2 Р.=О.2->0,2= =-1,8	1/1 2,9/12,5=+9,6% -К.0,76 Д=О.1-К0,8=>+0,2 Р.=О.2->0,2= =-0,8	4/1 3,7/2,5=-1,2% +К.0,48 Д.=О.1+К0,5=+1,5 Р.=О.1-К.0,5= =+1	→ -1,2+22,8=+21,6% →К.-8,5+0,5=-8 →Д.=+1,5 +>10,4	181/20 →Д.=+1,5 →Р.=Д.1,5-К.0,5= =+1	181/20 6,5/9,9=+3,4% -К.6,9 Д.=О.20К.6,9=+>13,1 Р.=О.20->13,1=-6,9
4	Equus cabal…	154/10 7,5/8,3=+0,84% -К.1,0 Д.=О.10-К.1=>+9 Р.=О.10->9= =-1	3/2 2,8/16,7=+13,9% -К.1,67 Д.=О.2-К1,7=>+0,3 Р.=О.2->0,3= =-1,7	12/2 2,5/9,1=+6,6% -К.1,4 Д.=О.2-К.1,4=>+0,6 Р.=О.2->0,6= =-1,4	3/1 8,8/12,5=+3,7% -К.0,3 Д=О.1-К0,3=>+0,7 Р.О.1->0,7= =-0,3	3/3 2,8/7,5=+4,7% -К.1,9 Д.=О.3-К.1,9=>+1,1 Р.=О.3->1,1= =-1,9	→ -0+29,7=+29,7% →К.-6,3+0=-6,3 →Д.=+0 +>11,7	175/18 →Д.=0 →Р.=Д.0-К.0= =0	175/18 6,3/8,9=+2,6% -К.5,3 Д.=О.18-К.5,3=+>12,7 Р=О.18->12,7=-5,3
5	S.scrofa ferus L.	62/6 3,0/5,0=+2,0% -К.2,4 Д=О.6-К.2,4=>+3,6 Р.=О.6->3,6= =-2,4	–	14/3 2,9/13,6=+10,7% -К.2,36 Д.=О.3-К.2,4=>+0,6 Р.=О.3->1,8= =-2,4	–	2/1 1,8/2,5=+0,65% -К.0,26 Д.=О.1-К.0,3=>+0,7 Р.=О.1->0,7= =-0,3	→ -0+13,35=+13,35% →К.-5+0=-5 →Д.=+0 +>4,9	78/10 →Д.=0 →Р.=Д.0-К.0= =0	78/10 2,8/4,9=+2,1% -К.4,3 Д.=О.10-К.4,3=+>5,7 Р=О.10->5,7=-4,3
6	Про-чие	65/26 3,2/21,7=+18,5% -К.22,2 Д=О26-К22,2=>+3,8 Р.=О.26->3,8= =-22,2	–	11/5 2,3/22,7=+20,4% -К.4.5 Д.=О.5-К.4,5=>+0,5 Р.=О.5->0,5= =-4,5	–	3/2 2,8/5,0=+2,2% -К.0,89 Д.=О.2-К.0,9=>+1,1 Р.=О.2->1,1= =-0,9	→ -0+41,1=+41,1% →К.-27,6+0=-27,6 →Д.=+0 +>5,4	79/33 →Д=0 →Р.=Д.0-К.0= =0	79/33 2,8/16,3=+13,5% -К.27,3 Д.=О.33-К.27,3=+>5,7 Р=О.33->5,7=-27,3
7	Сум.р. %/ К./Д.	↓-32,9+32,9=0% ↓К.-39,49+39,49=0 ↓Д+85,5+>34,5=О.120	↓-13,9+13,9=0% ↓К.-1,64+1,67=0 ↓Д.+11,6+>0,3=О.12	↓-53,8+53,8=0% ↓К.-11,8+11,8=0 ↓Д.+19,8+>2,2=О.22	↓-13,2+13,2=0% ↓К.-1,1+1,1=0 ↓Д.+7,1+>0,9=О.8	↓-7,6+7,6=0% ↓К.-3+3=0 ↓Д.+37,1+>2,9=О.40	→↓±121,4 →↓К.±57 →↓Д.=О.202->40,8=+161,2 →↓Р.=Д.161,2-К.57=+104,2	←±3,3%→ ←К.±0,7→ →↓=±57	↓±118,1% ↓К. ±56,3= ↓ ±27,4% ±К.55,4 ↓ Д.=О.202->50,5= =+151,5 Р.=Д.151,5-К.55,4= =+96 ↓
8	ВСЕ-ГО 100% →	↓2055/120 Д.=О.120->34,5= =+85,5 Р.=Д.85,5-К.39,5= =+46	↓108/12 Д.=О.12->0,3= =+11,7 Р.=Д.11,7-К.1,7= =+10	↓478/22 Д.=О.22->2,2= =+19,8 Р.=Д.19,8-К.11,8= =+8	↓34/8 Д.=О.8->0,9= =+7,1 Р.=Д.7,1-К.1,1= =+6	↓108/40 Д.=О.40->2,9= =+37,1 Р.=Д.37,1-К.3= =+34	→ Д.=О.202->40,8= =161,2 Р=Д161,2 -К.57= =+104,2	2783/202=100% →↓Д.=О.202->40,8=+161,2 →↓Р.=Д.161,2-К.57=+104,2 →Или=Д.161,2-К.56,3=+104,9 →↓104,2 ←+К.±0,7↑- 104,9↑-	→↓ =±57
9	ИТО-ГО 100% →	2055/120 73,8/59,4=-14,4% +К.29,16= Д=О120+К29,2=+149, Р=Д.149,2-К29,2= =+120	108/12 3,9/5,9=+2,06% -К.4,16 Д.=О.12-К.4,2=>+7,8 Р.=О.12->7,8= =-4,2	478/22 17,2/10,9=-6,28% +К.12,69 Д=О.22+К12.7=+34,7 Р.=Д.34,7-К.12,7= =+22	34/8 1,2/3,96=+2,73% -К.5,5 Д=О.8-К5,5=>+2,5 Р.=О.8->2,5= =-5,5	108/40 3,9/19,8=+15,9% -К.32,16 Д=О.40-К2,2=>+7,8 Р.=О.40->7,8= =-32,2	→±20,6% →±К.41,8 →Д=О.202->18,1= =+183,9 ↓Р.=Д.183,9-К.41,8= =+142	2783/202=100% →±20,6% ←- =±6,8%↑+ ↓±27,4% →±К.41,8 ←- =±К.13,6↑+ ↓±К.55,4 = ←Д.=О.202->18=+184 ↑Д.=О202->51=+151 ←Р=Д.184-К.42=+142 ↑Р.=Д151-К55=+96 Д184-Р142= ±К.41,8±К.55,4= Д151-Р96= ←=К.±41,8 ←=13,6 ↑ ↑=К.±55,4	

Рис. 24. Корректировка «реального» числа особей для диких видов поселения Сакаровка I из расчета процентных значений по комплексам (Всего) и от общей суммы (Итого). Сокращения: К. – коэффициент девиации, Д. – «должное», Р. – «реальное» число особей, О. – число особей по определениям археозоолога.

Fig. 24. The corrected “real” number for wild species from the Sacarovca I settlement according to the percentage by complexes (overall total) and with respect to the general amount (in total). Abbreviations: K., the index of deviation; D., the expected number of individuals; P., the “real” number of individuals; O., the number of individuals according to the initial archaeozoological determinations.

процентных значений, «должное» и «реальное» число особей, дают три-четыре разных, но адекватных (т.е. взаимно согласующихся), парных значения, взаимно дополняющих и/или разъясняющих разные аспекты одного и того же содержания, одного и того же процесса – особенностей археологизации остатков животных.

Главное же здесь то, что, по совокупности, все эти новые, выявляемые в результате корректировки, значения, открывают чрезвычайно широкие перспективы для разносторонних интерпретационных исследований, как социально-экономического, так и культурологического плана. Основными из них, на данный момент, представляются – следующие:

1. Более объективная и адекватная оценка роли домашнего животноводства и охоты, по всем их составляющим: численности и соотношению представляющих их видов, доли представляемой ими биомассы.

2. Поскольку «кухонные остатки» отражают, в первую очередь, сферу потребления, знание «должного/реального» числа особей и их распределения по разно функциональным комплексам, позволяет раскрыть особенности процесса потребления: посемейного и/или коллективного.

3. Но, поскольку потребление мясных продуктов, по предопределению, обусловлено отношением потребляющих к процессу их производства, знание покомплексного распределения числа особей, позволяет с убедительностью судить о посемейной и/или индивидуальной специализации, как в области животноводства, так и охоты.

4. Осмысление значений противополюсных проявлений (-/+) разностей в соотношении процентных показателей по числу костей и числу особей, позволят воссоздать планиграфию поселенческого пространства, с точки зрения локализации процесса разделки и утилизации животных. С одной стороны, с точки зрения, предпочтительности места разделки тех или иных видов животных. И наоборот – предпочтений видов животных для разделки в тех или иных разно функциональных комплексах.

5. Зная «должное/реальное» число особей, а с другой стороны – число костей, свойственное каждому из этих видов животных (из биологии), легко восстановить общее число костных остатков, «утерянных» вследствие действия как природных, так и антропогенных факторов – обстоятельство крайне важное и для археозоологов, и для археологов[5].

Однако, все эти, и многие другие – может, не менее значительные – интерпретационные возможности, прямым образом зависят от двух условий:

1. Отбора и фиксации фаунистических остатков в процессе раскопок отдельно по каждому комплексу и культурному слою.

2. Определений фаунистических остатков строго по комплексам, причем как по числу костей, так и по числу особей.

Так что, господа – археозоологи, ради наших общих интересов – давайте жить дружно.

5. Все эти возможности в ближайшее время будут продемонстрированы в специальном монографическом исследовании, посвященном анализу и интерпретации остеологических материалов поселения Сакаровка I.

Литература

Antipina 2003: E.E. Antipina, Arkheozoologicheskie issledovania: zadachi, potentsialnye vozmozhnosti i realnye rezultaty. In: (ed. E.E. Antipina, E.N. Chernykh) Noveishie arkheozoologicheskie issledovania v Rossii. K stoletiu so dnia rozhdenia V.I.Tsalkina. (Moskva 2003), 7-33 // Е.Е.Антипина, Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты. В сб.: (отв. ред. Е.Е. Антипина, Е.Н. Черных) Новейшие археозоологические исследования в России. К столетию со дня рождения В.И. Цалкина. Языки славянской культуры. (Москва 2003), 7-33.

Arbogast 1994: R.-M. Arbogast, Premiers elevages neolithiques du Nord-Est de la France. Etudes et recherches Archéologiques de l'Universitè de Liège. (Liège 1994).

Benecke 1994: N. Benecke, Archäozoologische Studien zur Entwicklung der Haustierhaltung in Mitteleuropa und Südskandinavien von den Anfängen bis zum ausgehenden Mittelalter. // Schriften zur Ur- und Frühgeschichte. B. 46. (Berlin 1994). Akademie Verlag.

Bibikov 1965: S.N. Bibikov, Khoziaistvenno-ekonomicheskii kompleks razvitogo Tripolia. Sovetskaia arkheologia №1, 1965, 48-62. // С.Н Бибиков, Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья. Советская археология №1, 1965, 48-62.
Boessneck 1956: J. Boessneck, Tierknohen aus spätneolitischen Siedlungen Bayerns. // Studien an vor- und frühgeschichtlichen Tierresten Bayerns. Bd. 1. (München 1956).
Bökönyi 1959: S. Bökönyi, Die frühalluviale Wirbeltierfauna Ungarns (Vom Neollithikum bis zur La Tène-Zeit). Acta Archaeologica Hungaricae, № 11, 1959. 39-102.
Bökönyi 1969: S. Bökönyi, Novyi metod vychislenia kolichestva osobei v osteologicheskom materiale iz arkheologicheskikh mestonakhozhdenii. Biuleten – Moskovskoe obshchestvo ispytatelei prirody. Otdel biologii, T.74, Vyp. 6 (Moskva 1969), 69-71. // Ш. Бекени, Новый метод вычисления количества особей животных в остеологическом материале из археологических местонахождений // Бюллетень – Московское общество испытателей природы. Отдел биологии. Том 74. Вып. 6. (Москва. 1969), 69-71.
Bökönyi 1974: S. Bökönyi, History of Domestic Mammals in Central and Eastern Europe. Akademiai Kiado (Budapest 1974).
Dergachev 2007: V.A. Dergachev, O skipetrakh, o loshadiakh, o voine. Etiudy v zashchitu migratsionnoi kontseptsii M. Gimbutas (St.-Peterburg 2007) // В.А. Дергачев, О скипетрах, о лошадях, о войне. Этюды в защиту миграционной концепции М.Гимбутас. (Ст.-Петербург 2007).
Dergachev, Larina 2015: V.A. Dergachev, O.V. Larina, Pamiatniki kultuty Krish Moldovy (Kishineu 2015) // В.А. Дергачев, О.Г. Ларина, Памятники культуры Криш Молдовы. (Кишинэу 2015).
El Susi 1996: G. El Susi, Vânători, pescari şi crescători de animale în Banatul mileniilor VI î.Ch. - I d.Ch. (Timişoara 1996).
Gorbenko, Zhuravlev, Pashkevich 2008: S.A. Gorbenko, O.P. Zhuravlev, G.O. Pashkevich, Silske gospodarstvo zhiteliv Pastyrskogo gorodishcha. Akademkniga (Kyiv 2008) // С.А. Горбаненко, О.П. Журавльов, Г.О. Пашкевич, Сільське господарство жителів Пастирського городища. «Академперіодика». (Київ 2008).
Greenfield 1986: H.J. Greenfield, The palaeoeconomy of the Central Balkans (Serbia). A zooarchaeological Perspective on the Late Neolithic and Bronze Age (4500-1000 B.C.). British Archaeological Reports. Bd. 304. (Oxford 1986).
Haimovici 1983: S. Haimovici, Studiul paleofaunei de cultură „Noua", descoperită în staţiunea de la Cavadineşti (jud. Galaţi). Carpica. XV, 1983, 97-103.
Paaver 1965: K.L. Paaver, Formirovanie teriofauny i izmenchivosti mlekopitaiushchikh Pribaltiki v golotsene (Tartu 1965) // К.Л. Паавер, Формирование териофауны и изменчивость млекопитающих Прибалтики в голоцене. (Тарту 1965).
Reitz, Wing 1999: E.J.Reitz, E.S. Wing, Zooarchaeology. Cambridge University Press. (Cambridge 1999).
Tsalkin 1956: V.I. Tsalkin, Materialy dlia istorii skotovodstva i okhoty v Drevnei Rusi. Materialy i issledovania po arkheologii SSSR, N 51 (Moskva 1956) 7-185) // В.И. Цалкин, Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси. Материалы и исследования по археологии СССР. № 51. (Москва 1956). 7-185.
Tsalkin 1970: V.I. Tsalkin, Drevneishie domashnie zhivotnye Vostochnoi Evropy. „Nauka". (Moskva 1970) // В.И. Цалкин, Древнейшие домашние животные Восточной Европы. «Наука». (Москва 1970).
Zbenovich 1980: V.G. Zbenovich, Poselenie Bernashevka na Dnestre. „Naukova dumka" (Kiev 1980) // В.Г. Збенович, Поселение Бернашевка на Днестре. «Наукова думка». (Киев 1980).
Zbenovich 1989: V.G. Zbenovich, Ranii etap tripolskoi kultury na territorii Ukrainy. „Naukova dumka". (Kiev 1989) // В.Г. Збенович, Ранний этап трипольской культуры на территории Украины. «Наукова думка». (Киев 1989).

Валентин Дергачев, доктор хабилитат, Центр Археологии, Институт Культурного Наследия АНМ, бульвар Штефан чел Маре, 1. МД-2001, Кишинэу, Республика Молдова, e-mail: dergacev@mail.ru

Владимир Колода, Роман Кройтор

Животноводство населения салтовской культуры в лесостепной части Северского Донца (Украина)[1]. Часть 1

Keywords: Middle Age, Khazar Khaganate, Saltovo-Mayatskaya Culture, animal breeding, forest-steppe.
Cuvinte cheie: evul mediu, Caganatul hazar, cultura saltovo-maiaţkaia, creşterea animalelor, silvostepă.
Ключевые слова: средневековье, Хазарский каганат, салтово-маяцкая культура, животноводство, лесостепь.

Vladimir Koloda, Roman Croitor
Animal breeding of the Saltov Culture bearers from the forest-steppe part of the Seversky Donets Basin (Ukraine). Part 1

The paper presents a description and analysis of the archaeozoological material from medieval monuments of Saltov Culture (Kharkiv region, Ukraine) in a wide geographical, climatic, cultural, historical, and archaeological context. The proposed statistical, biometric, and demographic analysis of the archaeozoological material reveals a settled character of Saltovian economy and animal husbandry from the forest-steppe zone. The settled character of animal breeding is suggested by the dominance of cattle and the significant presence of the domestic pig in the domestic herd, while the small cattle had a subordinate role in economy. The important role of the domestic horse (after cattle) represents a specific feature of the Saltovian domestic herd that distinguishes the Saltovian archaeozoological complexes from other agriculture based cultures from Eastern Europe.

Vladimir Koloda, Roman Croitor
Creşterea animalelor de către purtătorii culturii Saltov din silvostepa basinului râului Severskii Donets (Ucraina). Partea I

Lucrarea prezintă descrierea şi analiza materialului arheozoologic din monumente medievale saltoviene din regiunea Kharkov (Ucraina), într-un context geografic, climatic, cultural, istoric şi arheologic larg. Analiza statistică, biometrică şi demografică a materialului arheozoologic a arătat că creşterea animalelor şi gospodăria purtătorilor culturii Saltov din zonă de silvostepă, în general, au un caracter sedentar, fapt dovedit prin dominaţia bovinelor şi o prezenţă semnificativă a porcului domestic, în timp ce vitele cornute mici au un rol secundar în componenţa turmei animalelor domestice. Rolul important al calului domestic (locul doi după vitele cornute mari) în complexele arheozoologice din monumentele culturii Saltov reprezintă o trăsătură specifică a acestei culturi, spre deosebire de alte culturi arheologice atribuite populaţiilor de agricultori din Europa de Est.

Владимир Колода, Роман Кройтор
Животноводство населения салтовской культуры в лесостепной части Северского Донца (Украина). Часть 1

В работе представлены описание и анализ археозоологического материала из средневековых памятников салтовской культуры Харьковской области (Украина) в широком географо-климатическом, культурно-историческом и археологическом контексте. Предложенный статистический, биометрический и демографический анализ археозоологического материала показал, что в целом салтовское животноводство лесостепной зоны имеет оседлый характер, выражающийся в доминировании крупного рогатого скота и значительном присутствии домашней свиньи, тогда как мелкий рогатый скот играет в домашнем стаде подчинённую роль. Специфической чертой условного домашнего стада салтовских памятников является важная роль домашней лошади (на втором месте после крупного рогатого скота), что отличает салтовское животноводство от археозоологических комплексов других земледельческих культур Восточной Европы.

1. Данная статья, посвященная анализу значительного по количеству остеологического материала, который был получен в результате более чем двадцатилетних широкомасштабных полевых исследований, по своему объёму практически втрое превосходит допустимый объём статей в журнале „Revista Arheologică". В связи с этим, единая статья разбита на 3 части. В первой подаётся историография, методика исследования и анализ археозоологических памятников салтовской культуры близ г. Волчанска у с. Верхний Салтов и на селище близ с. Пятницкое. Материалы с иных салтовских памятников указанного региона (Мохнач, Коробовы Хутора, Роганина и Фащевка), будут поданы во второй части статьи. В третьей части будут представлены обобщающий анализ и общие выводы по животноводству салтовского населения региона. Во всех трёх частях сохраняется едина нумерация рисунков и таблиц.

ВВЕДЕНИЕ

Обеспечение населения белковой пищей животного происхождения – одна из насущных задач человечества во все времена. В историческом прошлом основными способами пополнения животного белка служили охота, рыбная ловля и животноводство. Последнее направление хозяйственной деятельности является одной из основ экономики практически всех производящих обществ, начиная с неолита. Не является исключением и раннесредневековое население юга Восточной Европы, в частности, полиэтничные носители салтовской культуры, которые достаточно плотно заселяли лесостепную зону Северского Донца (рис. 1).

Ядро салтовского населения составляли аланские племена, переселенные в рассматриваемый регион в середине VIII века с Северного Кавказа волею хазарского кагана. Вместе с ними в данном регионе Хазарии проживали племена болгар, угров, отдельные группы тюркского населения (в том числе и хазары), а также славяне. Большинством исследователей верхней границей салтовских древностей признаётся середина X века. Для памятников лесостепной части Северского Донца она не выходит за пределы IX века[1]. В настоящий момент нет никакого сомнения в высоком развитии всего производящего комплекса населения салтовской лесостепи (Mikheev 1985, 25–100; Koloda, Gorbanenko 2010; Gorbanenko, Koloda 2013, 75–115, 161–180), в котором животноводство занимало одно из важнейших мест. Именно в контексте его изучения и следует рассматривать данную работу.

Историография

Значительный вклад в расширение хронологического и территориального диапазона исследований археозоологического материала Восточной Европы, а также в наработку методики их изучения, был сделан в 1950-е – 1960-е гг. В.И. Цалкиным. В ряду его фундаментальных исследований по славяно-русским памятникам (Tsalkin 1954, 211–236; 1955, 201–224; 1956) следует выделить работы, описывающие фаунистический материал с восточнославянских городищ предгосударственного периода роменской и боршевской культур, которые находились в контактной зоне с населением лесостепной части Хазарии (Tsalkin 1965, 285; 1969, 91–101).

Начало исследований животноводства салтовской культуры, с опорой на анализ фаунистических остатков, связан с публикацией материалов с поселения Карнаухово в степной части Дона (Liapushkin 1958, 313). Изучение животноводства на лесостепных салтовских памятников началось с костных материалов, выявленных при спасательных работах на поселениях в с. Верхний Салтов Волчанского района Харьковской обл. (Украина) и близ него[2]. Эти археозоологические определения вошли в полевые отчёты экспедиции Института археологии УССР (Bibikova 1960, 1961a, 1961b; Braichevskaia 1961) и, невостребованные, надолго осели в архиве. Примерно в это же время были введены в научный оборот данные по фаунистическим материалам лесостепного Дмитриевского и степного Правобережного Цимлянского (раскопки 1950-х гг.) городищ (Pletneva 1967, 147), что впервые позволило провести сравнительный анализ животноводства салтовского населения различных природно-климатических зон. Спустя десять лет были опубликованы археозоологические материалы станицы Заплавской (Gadlo 1978, 124), которые по причине своей статистической недостаточности практически не попадали в дальнейшие фаунистические анализы и обзоры. Первая профессиональная публикация салтовского археозоологического материала была посвящена исследованиям 1978-1979 гг. на Маяцком городище (Воронежская обл., Россия) (Matolchi 1984, 237–260). Отдельные данные по составу стада, сделанные на основе выборочной статистики общего процентного соотношения ряда салтовских памятников (как степи, так и лесостепи), приводятся в монографии, которая обобщает изучение хозяйственной деятельности салтовского населения на Дону (Mikheev

1. Проблемы датировки памятников и определение их этнической составляющей выходят за рамки нашего исследования и должны стать темой отдельных самостоятельных работ.

2. Данный памятник, который стал эпонимным для всех древностей материальной культуры Хазарского каганата, на рубеже 1950-60-хх годов частично попал в зону строительства Печенежского водохранилища на Северском Донце.

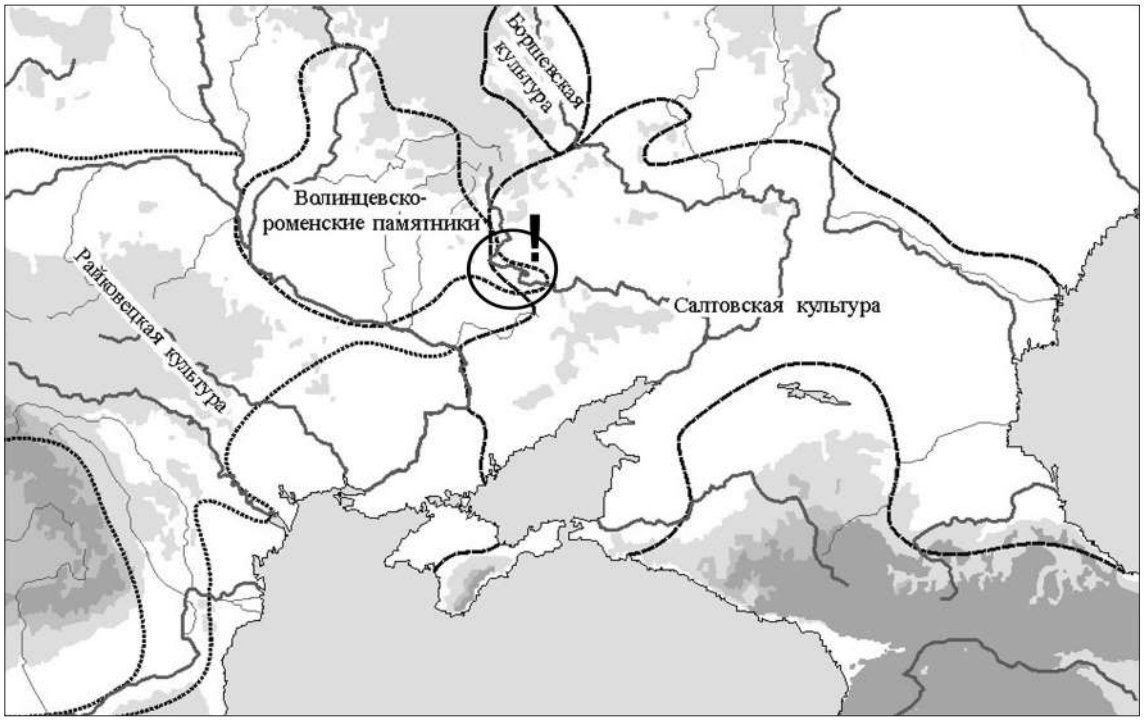


Рис. 1. Археологические культуры юга Восточной Европы в конце I тыс. н.э. Рассматриваемый в работе регион выделен кругом с восклицательным знаком.

Fig. 1. Distribution of archaeological cultures of South-Eastern Europe at the end of I century AC. The area under study is highlighted with the circle and the exclamation sign.

1985, 26). Важным вкладом в изучение животноводства у населения указаного культурно-хронологического круга являются материалы тезисной работы Ю.Я. Мягковой, где приводятся данные по ряду степных памятников Хазарии: селища Ломакино и Гниловское, Правобережное Цимлянское городище (Miagkova 1998, 139–140). В целом, на конец прошлого века в контексте интерпретации салтовского животноводства были опубликованы и введены в научный оборот, главным образом, материалы с памятников территории России. Материалы с памятников лесостепной зоны Северского Донца практически не анализировались, вследствие чего познания о животноводстве этой группы населения Хазарского каганата оставались на уровне общих представлений.

Таким образом, к концу XX века (практически за 100-летний период изучения салтовской археологической культуры) животноводство лесостепного населения Хазарского каганата было изучено явно недостаточно. Главные причины этого мы усматриваем как в недостаточном внимании самих археологов к костному материалу как к источниковой базе исследования подобного рода, так и в небольшом количестве специалистов-палеонтологов, заинтересованных в изучении даже имеющегося фаунистического материала. Практически малоизученной в этом плане оставалась густонаселённая лесостепная зона Северского Донца, которая была контактной зоной тесного взаимодействия многоэтничного населения Хазарского каганата и восточных славян (рис. 1)[3].

Положение начало меняться в конце XX века. Наиболее масштабные за последние 20 лет исследования поселенческих памятников салтовской культуры в лесостепной части Северского Донца были проведены Средневековой экспедицией Харьковского национального педагогического университета под руководством одного из авторов данной статьи (рис. 2)[4]. К ним,

3. Ещё одной контактной зоной тесного взаимодействия славян боршевской культуры и населении Хазарии было в конце I тыс. Верхнее и Среднее Подонье.

4. Практически все указанные ниже в перечне памятники расположены к Харьковской области, лишь Фащевка представляет Луганскую область (Украина).

прежде всего, относятся городище Мохнач (где салтовские материалы были сосредоточены на большом северном дворище), обширные селища Верхний Салтов[5], Коробовы Хутора и Пятницкое I (Koloda 2011a, 14–20; Koloda 2000, 148–154; 2007, 12–13; 2008, 75–76). Именно они дают наибольшее количество археозоологического материала. Кроме того, репрезентативный остеологический материал получен при раскопках близ восточной окраины г. Волчанска: на городище и селище-2 (Koloda 1998, 17–23), а также на селище Мохнач II (Koloda 2010a, 72). В связи с темой нашего исследования небезынтересными представляются и материалы двух салтовских ремесленных центров: в урочище Роганина на границе степной и лесостепной зон (Koloda 1999, 59–67, 139; 2001, 219–232) и близ села Фащевка в верховьях реки Миус (Koloda 1999, 97–104, 138–139).

К настоящему времени накоплен значительный массив археозоологических данных, который позволяет вновь поставить вопрос о роли и уровне развития животноводства у лесостепного населения Хазарии, в том числе и на Северском Донце. Частично эти материалы уже проанализированы в ряде работ. Прежде всего, это относится к верхнесалтовскому селищу (Koloda, Croitor, Gorbanenko 2013, 129-138). В значительной мере (но далеки от полноты) они представлены в соответствующем разделе монографической работы по сельскому хозяйству лесостепного населения салтовской культуры (Koloda, Gorbanenko 2010, 108-118) и в приложении к монографии по сельскому хозяйству раннесредневекового населения славяно-хазарской контактной зоны в указанном регионе (Croitor 2013, 161-199). Это стало возможным лишь в процессе обработки археозоологических материалов с указанных салтовских памятников региона. К настоящему моменту эти материалы обработаны практически полностью. Результаты их анализа и представлены в настоящей работе.

Природно-климатические условия

Природно-климатические условия, оказывавшие влияние на развитие животноводства в районе лесостепных памятников Северского Донца, довольно подробно проанализированы в предыдущих работах (Koloda, Gorbanenko 2010, 45–52; Gorbanenko, Koloda 2013, 49–74[6]; Chendev 2010, 163–164; Chendev, Koloda 2013, 225–236[7]). Основной вывод сводится к тому, что условия для развития сельского хозяйства, в том числе и животноводства, были максимально благоприятными. В нашем случае следует обратить особое внимание на наличие значительных пойменных участков, которые пригодны для выпаса домашних животных и заготовки сена. Кроме того, пахотные поля, оставленные под пар, также могли быть использованы для выгона скота. Ряд памятников не анализировались с точки зрения пригодности их территории для развития скотоводства: городище и селище-2 близ г. Волчанска, ремесленные центры (в урочище Роганина и близ Фащевки). Считаем необходимым вкратце заполнить этот пробел.

Волчанское городище и соседние с ним (практически вплотную) селища находятся в нижнем течении левого притока Северского Донца – реки Волчья (Evstropov 1958, 204–207). Памятники расположены на правом берегу реки в северной части восточноевропейской степной зоны, в непосредственной близости с лесостепью (Рис. 2). Ровное степное плато правого берега реки и большая пойма (несколько десятков гектаров) левого берега напротив поселений создавали здесь оптимальные природно-климатические условия для животноводства. Урочище Роганина находится в верховьях реки Бишкин[8] (небольшой правый приток Северского Донца на границе степной и лесостепной зон). Верховья балок заболочены, большинство их и сейчас имеют естественные родники и водотоки, которые питают сооруженные в наше время пруды; часть балок вмещают очаги

5. В этой связи весьма интересными представляются сравнения археозоологических материалов селища Верхний Салтов, которые были получены более полувека назад и материалов последних раскопок.

6. Указанный раздел монографии написан в соавторстве Ю.Г. Чендевым.

7. Анализируемое славянское городище находится на границе славянского мира и зоны салтовского населения, поэтому его данные отражают общие закономерности палеоклиматических изменений в контактной зоне проживания, а следовательно и лесостепного населения Хазарского каганата на Северском Донце.

8. Название «Бишкин» с тюркских языков переводится как «пять источников».

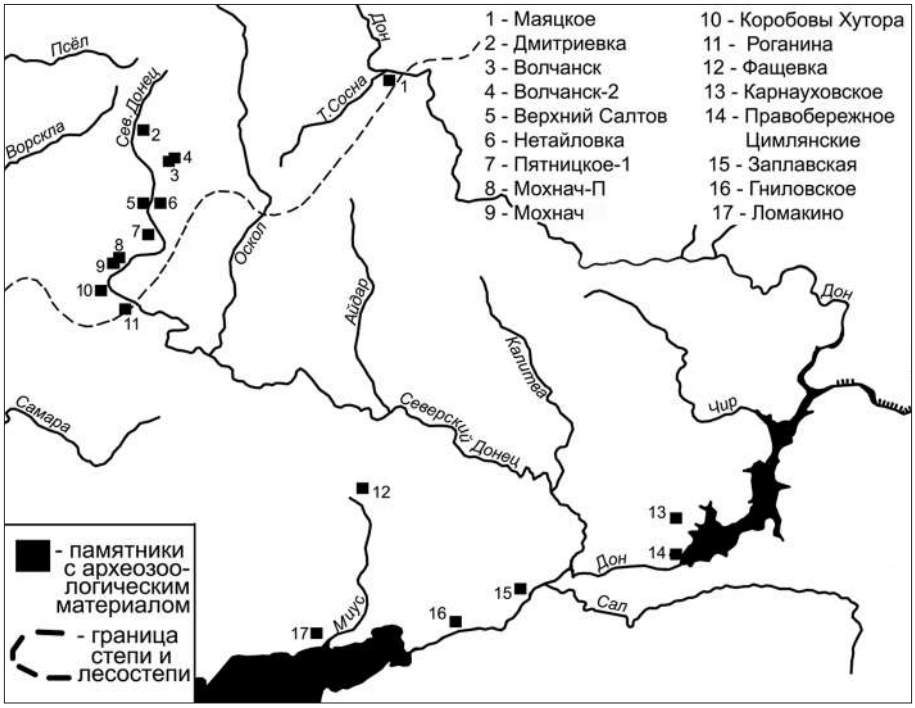


Рис. 2. Карта салтовских памятников, на которых проводились археозоологические определения.

Fig. 2. Map of Saltov Culture monuments that yielded the archaeozoological material for this study.

естественных лиственных лесов. Всё это свидетельствует в пользу развития местного животноводства. Металлургический центр Фащевка расположен в степной части Украины в верховьях реки Миус (впадает в Азовское море). Здесь немало природных источников, которые, наряду с рекой, обуславливают произрастание густого балочного широколиственного леса. Основная хозяйственная модель степного населения Хазарии базировалась на скотоводстве, которое в данной местности, с учётом его рельефа и богатых водных ресурсов, имело, скорее всего, полуоседлый, отгонный характер. Последние два памятника не имеют широких пойм для организации массового животноводства, но природные ресурсы местности, где они расположены, вполне достаточны для обеспечения мясомолочными продуктами население специализированных ремесленных центров.

В целом этап средневековья, к которому относится и салтовская культура, характеризовался началом так называемого «малого климатического оптимума», который в значительной степени способствовал распространению земледелия в Европе и увеличению земледельческого населения. Исследователи сходятся во мнении, что «малый климатический оптимум» имел место на протяжении 900–1300 годов (Mann 2002). И хотя Кириков (Kirikov 1979, 165), основываясь на свидетельствах из исторических документов, пришёл к выводу, что в X – XVIII веках не было секулярных изменений ни в сторону потепления, ни в сторону похолодания, следует отметить, что приведённые им на странице 15 исторические свидетельства (например, о «лютой вельми» зиме 1168 года: Воскресенский список// Annals of the Resurrection list 1856) всё-таки являются субъективной оценкой наблюдателя, у которого, конечно же, не было возможности оценить климатические колебания в масштабе веков. Во время средневекового климатического оптимума наблюдалось значительное смягчение климата в северной, западной и центральной Европе. Однако в юго-восточной части Европы в эпоху средневекового климатического оптимума наблюдалась некоторая аридизация климата и наступление степи на леса (Riabogina et all. 2013, 183). В частности, анализ споро-пыльцевого спектра из расположенного восточнее от Верхнего Салтова Маяцкого городища (Воронежская область, Россия) показал, что природно-климатическое условия были несколько теплее и суше современных с наметившейся тенденцией улучшения увлажнения на поздних стадиях существования городища (Riabogina et all. 2013, 188). Рябогина с соавторами (2013, 189) заключают, что в начале функционирования городища зональная растительность соответствовала южной лесостепной с разнотравными лугами и небольшими участками берёзово-дубовых лесов. Авторы также классифицируют ландшафтные условия в районе Маяцкого городища как луговые степи, а не южные лесостепи, которые имеют место в данной местности в на-

стоящее время. Мы допускаем, что временное отступание лесов в поясе современной лесостепи в эпоху «малого климатического оптимума» должно было облегчить земледелие в регионе, избавив салтовских земледельцев от необходимости расчищать посевные площади от леса.

Материалы и методика исследования

В основу данного исследования лёг материал, собранный во время полевых сезонов под руководством одного из авторов статьи (В. Колода). Богатый археозоологический комплекс насчитывает 2056 костных фрагментов, поддающихся видовому определению. Костный материал в значительной степени повреждён: кости сильно раздроблены, на многих наблюдаются отпечатки корней растений. Определение костных остатков мелкого рогатого скота проводилось по морфологическим критериям, опубликованным Громовой (1950), Fernandez (2001) и Halstead et all. (2000). Промеры костей брались по методике разработанной von den Driesch (1976). Минимальное количество особей устанавливалось, прежде всего, по элементам зубной системы животных (изолированным зубам и фрагментам челюстей). При этом помимо правой и левой стороны, учитывалось так же состояние онтогенетического развития зубной системы – то есть степень прорезывания, роста и оформленности тех или иных зубов, а так же степень их изношенности. В некоторых случаях количество особей устанавливалось по наиболее полно сохранившимся костям конечностей, чаще всего это таранные кости.

Названия археозоологических комплексов (скопления костей в ямах, слоях и отдельных квадратах раскопа) воспроизводятся в статье так, как они указаны в описях полевых отчётов, которые хранятся в Институте археологии НАН Украины. Сокращения, используемые в статье: *DLM* – латеромедиальный промер кости; *DAP* – переднезадний промер кости; *L* – длина; *med* – медиальный промер; *D* – ширина или диаметр; *H* – высота; *dist* – дистальный; *prox* – проксимальный; *max* – максимальный или наибольший; *min* – минимальный или наименьший, *diaph* – диафиз кости (*diaphysis*); *troch* – суставной блок (*trochlea*); *M* – моляр (коренной зуб); *P* – премоляр (предкоренной зуб). Верхний или нижний индекс, следующий за условным обозначением зуба, указывает на его порядковый номер в верхней или нижней челюсти соответственно.

Обзор и тафономическая характеристика археохоологических материалов

Данный обзор считаем необходимым осуществить изначально по отдельным археологическим памятникам, а затем дать общий анализ фаунистических остатков по всей группе. Схема рассмотрения материалов по памятникам является традиционной: систематический обзор костного материала – общая характеристика. После этого следует общий историко-археологический вывод об уровне и направленности животноводства на памятнике и о его роли в жизнеобеспечении населения. Кроме того, работа с материалами как лесостепной, так и степной зоны Северского донца (с привлечением данных по иным степным памятникам Хазарского каганата и соседних групп славян) позволят глубже понять специфику животноводства лесостепного салтовского населения на Северском Донце.

Городище Волчанск

Материал из Волчанского городища крайне малочислен и недостаточен для статистической обработки. **Лошадь** – *Equus caballus* (одна особь) – представлена тремя изолированными верхнекоренными зубами. **Крупный рогатый скот** – *Bos taurus* (также одна взрослая особь) – представлен семью изолированными верхнекоренными и нижнекоренными зубами. Судя по размерам четвёртого нижнего премоляра (P4, длина коронки – 20.5 мм, ширина – 12.7 мм), зубы принадлежат сравнительно некрупной особи, скорее всего корове. Три изолированных верхне и нижнекоренных зуба **мелкого рогатого скота** мы, учитывая округлённый профиль наружных полулуний (вид сверху), отнесли к домашней **овце** (*Ovis aries*). Четвёртым видом домашних животных является **свинья** – *Sus scrofa* domesticus, представленная верхним клыком и левой ветвью нижней челюсти с P2–M3. Это достаточно старая особь, зубная система которой находится на продвинутой стадии изнашивания: коронка первого моляра почти полностью изношена, а у второго моляра (M2; длина коронки – 19.3 мм, ширина – 13.0 мм) вся

жевательная сторона зуба полностью истёрта. Размеры третьего нижнего моляра (M3; длина коронки – 32.2 мм, ширина – 15.0 мм) указывают на то, что костные остатки принадлежат очень мелкой особи домашней свиньи, мало отличающейся от размеров домашних свиней из других средневековых памятников Восточной Европы. Длина всего ряда нижнекоренных зубов (M1–M3) составляет 65.7 мм.

Селище Волчанск 2

Остеологический материал происходит из раскопов и шурфов, заложенных в 1994–95 годах, и включает 54 фрагмента костей. Поскольку незначительный по количеству материал и небольшая по площади изученная часть памятника не позволяют выявить общую статистическую картину, мы ограничимся лишь некоторыми замечаниями частного характера.

Остатки **крупного рогатого скота** (фрагменты костей конечностей, нижней челюсти, изолированные зубы – всего 33 кости) принадлежат двум ювенильным особям, о чём можно судить по неприросшим к диафизу дистальным эпифизам лучевых костей и проксимальному эпифизу первой пальцевой фаланги, а так же по присутствию изолированного нижнего молочного премоляра (PD4). Кости крупного рогатого скота сильно раздроблены, а единственная в материале метатарсальная кость разрублена вдоль. Судя по промерам таранных костей, костные остатки принадлежат сравнительно некрупным особям, поэтому их принадлежность домашнему крупному рогатому скоту вопросов не вызывает (табл. 1).

Промеры	Значения (mm)		Промеры	Значения (mm)
Talus L	65.5	60.2	Radius DLM prox	73.8
Talus DLM dist	41.7	39.3	Radius DAP prox	37.7
Metacarpus DLM dist	65.3		Tibia DLM dist	58.0
Metacarpus DAP dist	31.1		Tibia DAP dist	44.1

Таблица 1. Промеры костных остатков крупного рогатого скота из Волчанска-2.

Table 1. Measurements of cattle osteological remains of cattle from Volchansk-2.

Домашней свинье принадлежат две кости (одна особь): верхний клык самки и таранная кость (длина – 47.6 мм; дистальная ширина – 26.1 мм). Четыре кости (дистальные фрагменты плечевой и большой берцовой костей, фрагмент верхнего премоляра и M2 с открытыми незаросшими корнями) принадлежат молодой половозрелой особи **мелкого рогатого скота**.

Костные **остатки лошади** (15 костей и их фрагментов) принадлежат ювенильной особи, представленной верхними молочными зубами и пяточной костью с опавшим эпифизом, и молодой половозрелой особи, идентифицированной на основании нижнего изолированного моляра. Наиболее интересными являются несколько целых пальцевых фаланг: первой задней, второй задней и двух вторых передних фаланг. Вторые фаланги сравнительно крупные и массивные и их принадлежность домашней лошади не вызывает сомнений. Обращает на себя внимание одна из передних вторых пальцевых фаланг, отличающаяся очень крупными размерами и исключительной массивностью (медиальная высота – 42.0 мм, ширина верхнего эпифиза – 58.9 мм, ширина нижнего эпифиза 52.4 мм, ширина диафиза – 47.4 мм). Единственную заднюю первую фалангу можно характеризовать как длинную и относительно тонкую (медиальная высота – 75.3 мм, ширина верхнего эпифиза – 55.0 мм, ширина нижнего эпифиза 40.4 мм, ширина диафиза – 33.3 мм).

Селище Верхний Салтов

Систематический обзор

Домашняя свинья – *Sus scrofa domesticus*. Это самое многочисленное по количеству особей домашнее животное, однако, кости домашней свиньи, в отличие от лошади и крупного рогатого скота, хуже сохранились и менее многочисленны, будучи представленными в основном изолированными зубами и фрагментами челюстей. Большей частью плохая сохранность остатков свиньи объясняется тем, что значительная часть остатков принадлежала ювенильным особям, у которых формирование скелета еще не завершено. Из 21 идентифицированных особей домашней свиньи 13 (более половины) являются ювенильными и еще две – полувзрослыми.

Идентифицированные особи:

1. Ювенильная особь, представленная почти полным черепом в сочленении с нижней челю-

стью (табл. 2). M1 функционирующий, M2 прорезавшийся, молочные зубы находятся в процессе смены постоянными премолярами, первые резцы только прорезались. Состояние зубной системы соответствует возрасту в 1 год. Животное было забито в весенний сезон.

Описание промеров	**Значения промеров (мм)**
Длина носовых костей	38.4
Расстояние между opisthocranion и rhynion	190.0
Расстояние между opisthocranion и nasion	107.7
Расстояние между bregma и nasion	71.3
Ширина между орбитами	67.1
Ширина в височных дугах	135.8

Таблица 2. Промеры черепа ювенильной особи домашней свиньи.

Table 2. Measurements of skull of a juvenile individual of domestic pig.

2. Ювенильная особь, представленная фрагментом нижней челюсти с постоянными P4, M1 и M2. Состояние зубной системы соответствует возрасту 1-1.5 года. Животное забито в летний или, возможно, осенний сезон.

3. Взрослая особь с изношенным M1 (обнажены два больших островка дентина, которые тесно примыкают друг к другу, эмаль жевательной поверхности почти вся стёрта) и изношенными P3 и P4. Возраст более 2 лет.

4. Ювенильная особь с M1, M2 и молочными зубами, на стадии замены постоянными. Возраст – около года или чуть больше. Животное было забито в весенне-летний сезон.

5. Взрослая особь с почти полностью прорезавшимся M3 и изношенным M1. P2 и P3 менее изношены, чем у особи № 3. Возраст приблизительно составляет 1.5-2 года. Животное было забито в зимний сезон.

6. Ювенильная особь с постоянными M1, M2 и P4 (приблизительный возраст 15 месяцев). Животное было забито в конце летнего сезона.

7. Взрослая особь с изношенным M3 (истёрта вся жевательная поверхность зуба).

8. Взрослая особь с изношенным M3.

9. Ювенильная особь с функционирующими M1 и M2. M3 еще не прорезался, но заметен в челюсти. Возраст между 1 и 1.5 годами; животное было забито летом или в начале осени.

10. Ювенильная особь с функционирующим M2. Её возраст составляет 1–1.5 года. Животное было забито летом или осенью.

11. Молодая особь с прорезавшимся, но еще не изношенным M3. Её возраст – около полутора года или немного больше. Животное было забито в осенне-зимний сезон.

12. Молодая особь с еще не полностью прорезавшимся M3. Её возраст составляет около 1.5 года. Животное было забито осенью.

13. Крупная взрослая особь.

14. Ювенильная особь с M1 и функционирующим рядом молочных зубов. Возраст – 0.5–1 год, животное было забито в осенне-зимний период.

15. Обожжённая нижняя челюсть с P3 и P4. Возраст – не менее полутора лет, животное было забито в осенне-зимний сезон.

16. Ювенильная особь с молочными зубами на начальной стадии изнашивания, и M1, практически не затронутым изнашиванием. Возраст – около 6 месяцев. Животное было забито осенью.

17. Ювенильная особь, представленная лицевой частью черепа и обеими ветвями нижней челюсти с полными рядами функционирующих молочных зубов и первыми нижними и верхними молярами на ранней стадии прорастания. Возраст – около 6 месяцев. Животное было забито осенью.

18. Ювенильная особь, представленная черепом с поврежденным затылком и ростральной частью. Зубная система характеризуется функционирующим рядом верхних молочных зубов и M1 на ранней стадии прорастания. Возраст составляет приблизительно 6 месяцев. Животное было забито осенью.

19. Ювенильная особь с функционирующими молочными зубами и M1, M2 в процессе роста. Возраст около года или меньше. Животное было забито весной или в конце зимы.

20. Ювенильная особь с функционирующими молочными зубами и M1; M2 не вполне прорезался и не затронут изнашиванием. Возраст около года или меньше. Животное было забито весной или в конце зимы.

21. Ювенильная особь с функционирующими молочными зубами и M1 с легкими следами

изношенности. Возраст – около полугода. Животное было забито осенью.

Домашняя коза – *Capra hircus*. Материал включает остатки девяти разновозрастных особей, представленных фрагментами верхних и нижних челюстей, изолированными зубами и фрагментарными костями конечностей (3 большие берцовые кости, три таранные кости, одна плечевая кость, одна пястная кость, две лопатки). Семь из 12 идентифицированных особей (более половины) являются ювенильными.

Идентифицированные особи:

1. Ювенильная особь с молочными зубами на ранней стадии изнашивния; M1 не сохранился, но, по-видимому, уже прорезался. Возраст около полугода, животное было забито осенью.

2. Ювенильная особь с зубной системой на сходной стадии развития, но молочные зубы несколько сильнее изношены. Следов изношенности на M1 нет. Возраст около полугода, животное было забито осенью.

3. Ювенильная особь с функционирующими молочными зубами и изношенным M1, другие зубы не сохранились. Возраст составляет приблизительно около года.

4. Ювенильная особь с функционирующими молочными зубами, M1 и M2. M3 еще не прорезался. Возраст – около полутора лет; животное было забито осенью.

5. Ювенильная особь с молочными зубами, изношенным M1 и M2 на ранней стадии роста. Возраст – год, животное было забито весной.

6. Ювенильная особь со сходным с предыдущей состоянием развития зубной системы: функционирующие молочные зубы, изношенный M1 и M2 на ранней стадии роста. Возраст – год, животное было забито весной.

7. Ювенильная особь с M3 на ранней стадии роста. Возраст – около двух лет или чуть меньше (1 год и 8–10 месяцев).

8–12. Пять особей являются половозрелыми, возрастом более двух лет. У четырёх из них премоляры всё еще находятся на начальной стадии изнашивания. У одной особи премоляры более изношенны, чем у остальных.

Домашняя собака – *Canis familiaris*. Домашняя собака (три взрослые особи) представлена черепом с разрушенной мозговой частью (табл. 3), тремя фрагментами нижней челюсти, эпистрофеем и атласом.

Описание промеров	**Значения (mm)**
Расстояние от переднего края глазницы до prosthion	84.8
Расстояние от заднего края P^4 до prosthyon	81.8
Длина твёрдого нёба	94.2
Ширина у клыков	37.8
Ширина у P^4 (на уровне верхних хищных зубов)	62.0
Расстояние между nasion и prosthyon	101.0

Таблица 3. Промеры черепа собаки из Верхнего Салтова.

Table 3. Measurements of dog skull from Upper Saltov.

Крупный рогатый скот – *Bos taurus*. Крупный рогатый скот представлен наиболее многочисленными костными остатками в материале из Верхнего Салтова, и занимает второе место по численности особей (после свиньи). Материал включает в себя изолированные зубы, фрагменты трубчатых костей, некоторые кости (метаподии, лучевая, плечевая, лопатка) сохранились полностью или почти полностью. Материал также включает семь удовлетворительно сохранившихся нижних челюстей, три роговых стержня, два почти полных черепа.

Четыре особи являются половозрелыми с полностью сформировавшейся зубной системой. Семь особей (в том числе отдельно лежавшая особь из ямы) характеризуются сходным состоянием развития зубной системы, соответствующим возрасту чуть более года: полный ряд функционирующих молочных зубов, M1 достаточно изношен, M2 едва прорезался и почти не затронут изнашиванием, или же не изношен вовсе.

В материале наблюдаются такое генетически обусловленное отклонение, как отсутствие P2 на одной правой ветви нижней челюсти, а так же патологическое новообразование в виде пористости и деформации проксимального эпифиза метатарсальной кости. Отсутствие самого переднего зуба в ряду щёчных зубов (P2, или второго нижнего премоляра), говорит скорее всего об имбридинге – явлении, при котором проявляются разного рода необычные мутации в результате длительного близкородственного скрещивания. В этом конкретном случае можно предположить, что количество племенных животных в стаде было ограниче-

но, обмен животными с другими хозяйствами с целью улучшения породы не производился или был затруднён. Патологические изменения пястной кости дают возможность говорить о том, что больное животное не выбраковывалось, а использовалось в хозяйстве. Судя по всему, это было уже довольно большое откормленное для забоя животное.

Присутствующие в материале три роговых стержня крупного рогатого скота несут у основания следы рубящего орудия. В одном случае это несколько ударов по кругу у основания рогового стержня, в двух других случаях – это только один удар. Следы кухонной разделки туш на поверхности костей не отмечены.

Два черепа удовлетворительной сохранности принадлежат ювенильным особям. У них разрушены носовые и предчелюстные кости, а так же основания черепа. Присутствует так же окципитально-базикраниальная часть черепа более взрослого животного, у которого большое затылочное отверстие не разрушено.

Отдельно найденная в яме ювенильная особь представлена практически целым черепом (разрушены только носовые кости и левая предчелюстная кость) в сочленении с нижней челюстью, левыми тазовой и бедренной костями, правыми лопаткой и плечевой костью и атласом. Эпифизы бедренной и плечевой костей еще не срослись. Зубная система характеризуется функционирующими молочными зубами и постоянными верхними и нижними первыми молярами (M1), а так же вторыми молярами (M2) в процессе роста. Возраст – около года или чуть больше. Никаких следов орудий или иных повреждений на поверхности костей не обнаружено. Животное было забито в весенне-летний сезон. Совместно с частичным скелетом крупного рогатого скота, в яме были обнаружены таранная кость крупной свиньи и эпистрофей собаки. Судя по биометрическому распределению таранных костей (элемент скелета, который в наименее повреждённом виде сохраняется в археозоологическом комплексе), количество быков и коров в стаде было приблизительно одинаковым и убой животных производился без учёта половой принадлежности, то есть животноводство имело скорее мясное направление, чем молочное (рис. 3).

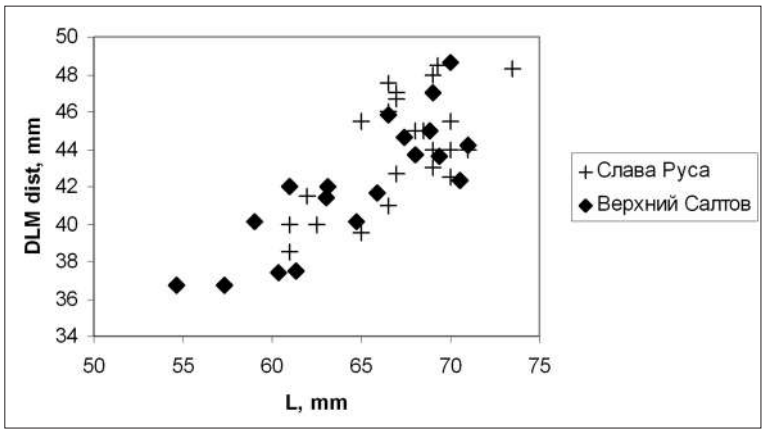


Рис. 3. Распределение таранных костей КРС из Верхнего Салтова на точечной диаграмме. Для сравнения использованы данные по КРС античного памятника Слава Руса (Румыния) по данными Stanc (2009). В размерах таранной кости хорошо выражен половой диморфизм.

Fig. 3. Graphical distribution of cattle astragali from Upper Saltov on scatter diagram. Our measurements are compared with data from Antic monument Slava Rusa (Romania) published by Stanc (2009). One can note a well-expressed sexual dimorphism in astragali size.

Лошадь – *Equus caballus*. Пять особей, из которых, по крайней мере, одна – ювенильная. На некоторых костях (первая фаланга, пяточная, тазовая кости, головка бедренной кости) обнаружены следы ударов рубящим или режущим орудием (свидетельство гиппофагии?). На одной дистальной части метаподии и дистальном эпифизе плечевой кости обнаружено патологическое разрастание костной ткани. Это может быть косвенным свидетельством того, что животное с патологическим новообразованием не использовалось как тягловая сила, поскольку физически было непригодным, а содержалось для каких-то иных целей, например, как мясное животное.

Предварительный анализ костных остатков выявил некоторые специфические черты породы салтовских лошадей. Салтовская лошадь была сравнительно некрупной, грацильной и очень тонконогой. Пястные кости у салтовской лошади относительно очень тонкие (длина – 211 и 225 мм, ширина диафиза посередине – 31.6 и 32.3 мм соответственно), приближаясь по этому признаку к наиболее тонконо-

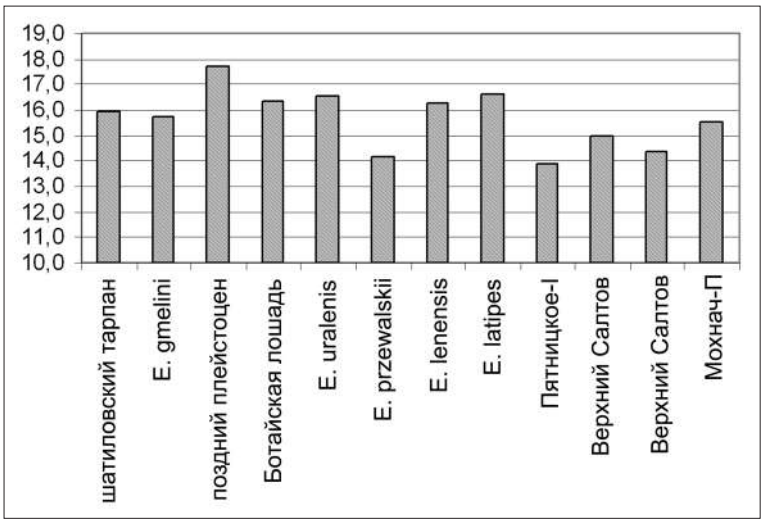


Рис. 4. Относительная массивность пястных костей у домашних, диких и позднеплейстоценовых лошадей (соотношение длины пясти к ширине диафиза посредине, %). Данные по ботайской лошади, лошади Пржевальского (E. przewalskii) и ископаемых лошадей (E. lenensis, E. uralensis, E. latipes) взяты из работы Кузьминой (1997), данные по тарпану – из работы Громовой (1949).

Fig. 4. Relative robustness of metacarpals in domestic, modern wild, and fossil horses (metacarpal length to diaphysis breadth ratio, %). The data on Botai horse, Przewalski horse (E. przewalskii), and fossil horses (E. lenensis, E. uralensis, E. latipes) are adapted from Kuzmina (1997), data on wild tarpan are adapted from Gromova (1949).

гим формам современных (диких и домашних) и позднеплейстоценовых лошадей (рис. 4).

Одна целая пястная кость из Верхнего Салтова по своим размерам и пропорциям очень близка к дикому тарпану, и, не исключено, принадлежала ему или гибридной форме, получившейся от скрещивания домашней лошади с тарпаном.

Размеры и пропорции первых пальцевых фаланг салтовской лошади (длина и ширина диафиза посередине первой передней фаланги варьируют в промежутке 74.5-81.0 мм и 34.0-37.4 мм соответственно, 4 экземпляра; задней фаланги - 71.0-73.5 мм и 30.0-35.3 мм соответственно, 5 экземпляров) близки к таковым древнейшей домашней лошади из Ботая (Казахстан), а так же к единичным экземплярам из ранне-железного памятника Уч-Баш (Крым) и гетского памятника Столничень (Молдова), и явно отличаются от более коротких и мелких пальцевых фаланг тарпана (рис. 5,6).

Особенностью вторых передних пальцевых фаланг у салтовских лошадей (длина и ширина диафиза посередине – 32.5-36.1 мм и 46.0-47.6 мм соответственно, 3 экземпляра) является их относительная мощность (ширина фаланги посередине больше длины), что сближает лошадей из Верхнего Салтова с древними восточными лошадьми из Ботая, а так же дикими формами лошадей (тарпан, позднеплейстоценовые лошади), и отличает от древних пород домашних лошадей Восточной Европы (лошадь гетов и лошадь раннего железного века Крыма: Croitor 2013).

Остатки животных из отдельных захоронений Верхнего Салтова[9]

1. Левая бедренная кость ювенильной особи мелкого рогатого скота и левая таранная кость мелкого рогатого скота (катакомба № 19). Верхний и нижний эпифизы еще не срослись с диафизом. В таранной кости просверлены два отверстия, её выступающие части ошлифованы. Некоторые признаки бедренной и таранной кости сближают их с домашней овцой (табл. 4).

Бедренная кость	**Значения (mm)**
Ширина дистального эпифиза	41.9
Переднезадний промер дистального эпифиза	47.3
Таранная кость	
Длина	34.2
Дистальная ширина	21.7
Дистальнй переднезадний промер	17.1

Таблица 4. Промеры костей мелкого рогатого скота из катакомбы № 25 (Верхнесалтовский могильник № 4).

Table 4. Measurements of skeletal remains of small cattle from the catacomb Nr. 25 (Upper Saltov burial Nr. 4).

2. Правая бедренная кость ювенильной особи крупного рогатого скота (катакомба № 25). Эпифизы не приросли и утеряны. Диафиз слабо минерализован. Размеры немного крупнее, чем у предыдущей особи.

9. Все погребения относятся к Верхнесалтовскому катакомбному могильнику № 4. Описание погребений и инвентаря размещены в полевом отчёте 1996 г. (Koloda 1996, 5–21) и публикации (Koloda 2004).

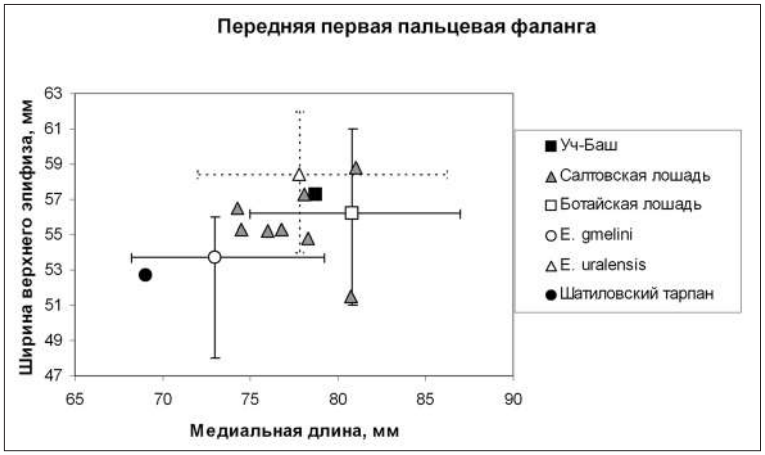


Рис. 5. Размеры передних первых пальцевых фаланг домашних, диких и позднеплейстоценовых лошадей. Данные по ботайской лошади, лошади Пржевальского (E. przewalskii) и ископаемых лошадей (E. lenensis, E. uralensis. E. latipes) приведены из работы Кузьминой (1997), по тарпана – из работы Громовой (1949), по лошади раннего железного века из Уч-Баша – из работы Кройтор (2012).

Fig. 5. Measurements of first anterior phalanxes of domestic, wild, and Late Pleistocene horses. The data on Botai horse, Przewalski horse (E. przewalskii), and fossil horses (E. lenensis, E. uralensis, E. latipes) are adapted from Kuzmina (1997), data on wild tarpan are adapted from Gromova (1949), data on Early Iron Age horse from Uch-Bash are adapted from Croitor (2012).

3. Левая бедренная кость крупного рогатого скота (катакомба № 26), принадлежит ювенильной особи. Проксимальный эпифиз не сросся еще с телом кости, отсутствует. Дистальный эпифиз еще не прирос, слабоминерализован. Длина кости составляет порядка 220 мм.

4. Левая бедренная кость крупного рогатого скота, принадлежит молодой особи (катакомба № 27). Эпифизы еще не приросли окончательно к диафизу (табл. 5). Возраст животного составляет около двух лет.

Общая характеристика

Особенностью данного археозоологического комплекса является доминирование домашней свиньи по количеству особей, что придаёт всему домашнему стаду оседлый характер (табл. 6). Помимо домашней свиньи, в археозоологическом комплексе значительным количеством особей (и наиболее обильным количеством скелетных фрагментов) представлен крупный рогатый скот, и на третьем месте по количеству особей – домашняя коза. Количество особей и остатков домашней лошади в Верхнем Салтове сравнительно невелико и приблизительно составляет 10% от общего количества домашних животных, что близко к средним показателям оседлых хозяйств железного века Восточной Европы (Кройтор 2012; Croitor et all.2013). Примечательно полное отсутствие остатков диких животных, что в контексте значительного числа остатков домашней свиньи позволяет рассматривать хозяйственный комплекс из Верхнего Салтова как земледельческий, в котором животноводство играет подчинённую роль, в то время как охота практически не имеет хозяйственного значения. Обобщая данные по сезонам, в которые забивались молодые домашние животные (у которых зубная система находилась в процессе формирования), следует отметить, что забой домашних животных производился, в общем, равномерно круглый год. Необходимо добавить, однако, что большинство поросят (разных возрастов) забивалось в осенне-зимний сезон, в то время как практически все телята забивались в возрасте около года или чуть больше, то есть в весенне-летний сезон. Судя по имеющимся у нас данным, забиты в один и тот же сезон, по крайней мере, 7 годовалых телят (ничего нельзя сказать о взрослых особях), которые благополучно перезимовали. По-видимому, забой годовалых телят происходил после получения нового приплода, для того чтобы скорректировать поголовье стада крупного рогатого скота в соответ-

Промеры	**Значения (mm)**
Максимальная длина	365.0
Функциональная длина	340.0
Ширина дистального эпифиза	97.0
Переднезадний промер дистального эпифиза	125.5

Таблица 5. Промеры бедренной кости крупного рогатого скота из катакомбы № 27 (Верхнесалтовский могильник № 4).

Table 5. Measurements of cattle femur from the catacomb Nr. 27 (Upper Saltov burial Nr. 4).

ствие с имеющимися кормовыми ресурсами. Очевидно, в годовалом возрасте уже проявлялись качество и наследственные характеристики животного и не удовлетворявшие каким-то хозяйственным критериям годовалые животные выбраковывались, то есть шли на убой. Так что, скорее всего, возрастной состав особей крупного рогатого скота из Верхнего Салтова свидетельствует о рутинной селекционной работе средневекового животновода, а не о форс-мажорной ситуации. Таким образом, на убой, прежде всего, шли увечные животные, или с какими-либо неблагоприятными наследственными признаками.

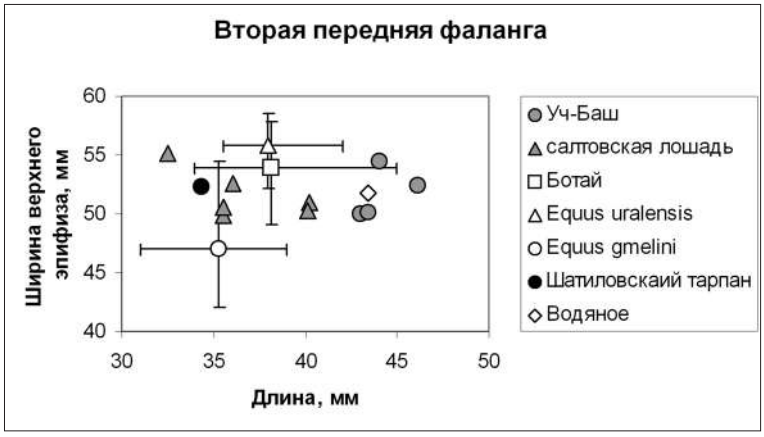


Рис. 6. Размеры передних вторых пальцевых фаланг домашних, диких и позднеплейстоценовых лошадей. Данные по ботайской лошади, лошади Пржевальского (E. przewalskii) и ископаемых лошадей (E. lenensis, E. uralensis, E. latipes) приведены из работы Кузьминой (1997), по тарпану – из работы Громовой (1949), по домашней лошади раннего железного века из Уч-Баша – из работы Кройтор (2012), по лошади из Водяного – из работы Кройтор (2013).

Fig. 6. Measurements of anterior second phalanxes of domestic, wild, and Late Pleistocene horses. The data on Botai horse, Przewalski horse (E. przewalskii), and fossil horses (E. lenensis, E. uralensis, E. latipes) are adapted from Kuzmina (1997), data on wild tarpan are adapted from Gromova (1949), data on Early Iron Age horse from Uch-Bash are adapted from Croitor (2012), data on Medieval horse of Vodianoe are adapted from Croitor (2013).

Что касается усиленного убоя поросят в осенне-зимний сезон, то он, вероятнее всего, происходил на фоне уменьшения отходов растениеводства, которые служили основной кормовой базой для домашней свиньи.

Рассматривая общую статистическую картину археозоологического материала из Верхнего Салтова, необходимо коснуться некоторого несоответствия количества особей и костей у крупного рогатого скота по сравнению со свиньёй, которое можно заметить в таблице 6. Этому факту мы даём следующее объяснение. Во-первых, большая часть особей домашней свиньи представлена молодыми поросятами, у которых скелет еще не до конца сформировался и окостенел, и состоит из мягкой хрящевой ткани, которая или сама разрушается во время процесса археологизации, или её поедают собаки, выбирая из кухонных отбросов. Поскольку зубы поросят состоят из плотной костной ткани, они лучше всего сохраняются и могут служить надёжным источником информации по минимальному количеству особей (помимо правой и левой стороны, учитывалось так же состояние онтогенетического развития зубной системы – то есть появление, рост и смена тех или иных зубов, а так же степень их изношенности). У крупного рогатого скота кости конечностей тяжёлые, плотные, большие, они при разрушении дают большое количество фрагментов, но не разрушаются бесследно, вследствие чего их численно больше при сравнительно небольшом количестве особей. Поэтому полезно учитывать и количество костей, и

Вид	Кости	Особи	Обугленные	Обработка
Equus caballus	141	6	7	4
Bos taurus	325	17	5	3
Sus scrofa	98	21	1	
Capra hircus	40	11		
Canis familiaris	5	3		
Aves sp.	6			
ВСЕГО	615	58	13	7

Таблица 6. Структура археозоологического комплекса из Верхнего Салтова.

Table 6. Structure of the archaeozoological assemblage from Upper Saltov.

Промеры	Значения (mm)
Кондилобазальная длина	513.0
Расстояние от орбиты до точки prosthion	335.0
Длина диастемы на черепе	90.2
Расстояние от второго премоляра (P^2) до prosthion	123.0
Длина верхнего ряда щёчных зубов (P^2–M^3)	175.0
Длина верхнего ряда премоляров (P^2–P^4)	93.0
Длина верхнего ряда моляров (M^1–M^3)	80.4
Расстояние от заднего края затылочных мыщелков до M^3	220.0
Длина твёрдого нёба (vomer)	266.0
Длина носовых костей	193.0
Расстояние между точками prosthion и opistocranion	545.0
Расстояние от заднего края затыл. мыщ. до переднего края P^2	395.0
Ширина носовых костей	113.0
Ширина верхних резцов	70.7
Ширина затылочных мыщелков	87.1
Ширина затылка	121.6
Высота затылка (расстояние между basion и opistocranion)	100.1
Длина нижнего ряда щёчных зубов (P^2–M^3)	171.0
Длина нижнего ряда премоляров (P^2–P^4)	82.3
Длина нижнего ряда моляров (M^1–M^3)	80.7
Длина диастемы нижней челюсти	76.1
Высота нижней челюсти в середине диастемы	42.0

Таблица 7. Промеры черепа жеребца из памятника Пятницкое-1.

Table 7. Measurements of the stallion skull from Piatnitskoe-1.

количество особей, которым они принадлежат, поскольку это даёт в итоге более объективное представление о структуре археозоологического комплекса.

Селище Пятницкое 1

Систематический обзор

Лошадь – *Equus caballus*. Всего 28 особей, определённых по остаткам зубов, из которых шесть ювенильных и две сенильные. 24 особи, представленные изолированными зубами, фрагментами нижних челюстей и костей конечностей, происходят из раскопа III. Наиболее интересной находкой является почти полный череп старого жеребца с нижней челюстью (табл. 7).

Согласно классификации Витта (Vitt 1952, 172-173), череп жеребца из Пятницкого следует отнести к группе лошадей выше среднего роста (рослые), или к группе I (с кондилобазальной длиной более 505 мм), куда включены лучшие особи домашних лошадей. Рост жеребца (то есть его высота в холке), исходя из классификации Витта (1952), должен был соответствовать приблизительно 145 см, что близко к параметрам всемирно известной арабской верховой породы, высота в холке которой достигает 146-150 см.

Четыре молодые особи лошади из раскопа–IX представлены изолированными верхними и нижними коренными зубами и костями конечностей: две первые пальцевые фаланги, две вторые пальцевые фаланги задних конечностей, задняя третья (копытная) пальцевая фаланга, резцовая часть черепа, целая пястная кость, фрагменты костей конечностей, две таранные кости, пяточная кость, коленная чашечка, фрагменты тазовой кости. Тазовая кость, очевидно, была разрублен в области вертлужной впадины (свидетельство разделывания туши забитого животного?). Одна из лошадей, судя по стадии онтогенетического развития верхних резцов (первый резец I1 уже сменился на постоянный, I2 еще не сменился), имела около трёх лет или чуть больше. У другой особи M3 находится на начальной стадии изнашивания, что соответствует возрасту 3.5 лет.

Крупный рогатый скот – *Bos taurus*. Остатки 22 особей обнаружены в раскопе–III, из них пять ювенильных с молочными зубами. Материал представлен всеми частями скелета, в том числе единственной целой метакарпальной костью. Некоторые трубчатые кости, как например пястная и плюсневая кости (№ 210)[10], расколоты вдоль, очевидно, с целью извлечения костного мозга[11].

10. Здесь и далее – это № по полевой описи находок в раскопе.

11. Данная кость выявлена в заполнении комплекса № 28, который представлял собою погреб, впоследствии превращённый в мусорную яму (Kvitkovskii, Koloda 2009, 20-21).

Промеры	Значения (мм)
L P_2-M_3	78.4
L P_2-P_4	8.2
L M_1-M_3	49.8
L M_3	23.6
D M_3	8.2
L talus	30.8
DLM dist talus	20.5

Таблица 8. Остатки домашней козы из Пятницкого-1 (раскоп III).

Table 8. Measurements of domestic goat remains from Piatnitskoe-1 (excavation III).

Три половозрелые особи обнаружены в раскопе IX. Материал включает кости запястья и заплюсны, фрагменты пальцевых фаланг, длинных костей конечностей, лопатки, черепа, нижней челюсти, две таранные кости, две пяточные кости. Вторая пальцевая фаланга полностью обуглена. У одной из отмеченных особей, более старой, зубная система находится на продвинутой стадии изношенности. У молодой особи M3 едва прорезался, дистальный эпифиз лучевой кости и проксимальный эпифиз плечевой кости находятся на завершающей стадии окостенения (еще хорошо заметен шов). Эпифиз дистального фрагмента большой берцовой кости также находится на завершающей стадии окостенения (заметен шов). На этом фрагменте заметны шесть насечек, оставленных режущим или рубящим орудием. Индивидуальный возраст молодой особи составляет около двух лет.

Домашняя коза – *Capra hircus*. В раскопе III обнаружены остатки трёх особей: нижняя челюсть с P2–M3 и кости посткраниального скелета из описи 290 (на глубине 40 см) (табл. 8), и остатки двух ювенильных особей (6 месяцев и 1-1.5 года), представленные правой и левой ветвями нижней челюсти, правой верхней челюстью с молочными зубами, роговым стержнем. Роговой стержень несёт у основания следы нескольких ударов режущим или рубящим орудием.

В раскопе IX обнаружены остатки половозрелой особи, представленные роговым стержнем, ребром, лопаткой и правой ветвью нижней челюсти. Судя по некрупным размерам (длина нижнего зубного ряда составляет 71.0 мм), костные остатки принадлежат самке.

Домашняя овца – *Ovis aries*. Из 11 идентифицированных особей 5 являются ювенильными. Материал включает многочисленные фрагменты костей конечностей, одну целую пястную кость, изолированные коренные зубы, а так же лобно-теменной фрагмент черепа комолой самки из ямы № 2 (раскоп IX, № 115)[12].

Мелкий рогатый скот – *Ovis*, *Capra*. Во многих случаях остатки мелкого рогатого скота слишком раздроблены и не поддаются более точному определению. Здесь следует упомянуть ювенильную особь (раскоп III, № 24)[13], представленную правой ветвью нижней челюсти (возраст около 1–1.5 года) и ювенильную особь из описи 397 (глубина 40 см) (возраст 6 месяцев). Остальные особи половозрелые.

Домашняя свинья – *Sus scrofa domesticus*. Домашняя свинья представлена в материале двадцатью особями и занимает третье место по численности особей. Из раскопа III идентифицированы 15 разновозрастных особей, из которых 11 – ювенильные:

Особь 1. Ювенильная, представлена фрагментом правой ветви нижней челюсти с PD4 и M1 в процессе роста (возраст – около шести месяцев), а так же фрагментом ребра и костей конечностей. Один фрагмент кости обуглен. Животное было забито осенью (раскоп III, № 381)[14].

Особь 2. Ювенильная, ей принадлежат правая ветвь нижней челюсти, фрагмент черепа и плечевой кости. Возраст – как у предыдущей особи (раскоп III, № 10)[15].

Особь 3. Ювенильная, представлена правой ветвью нижней челюсти. Индивидуальный возраст – 6-12 месяцев (раскоп III, № 24)[16].

Особь 4. Ювенильная, представлена черепом и фрагментом нижней челюсти с M1 и M2 в процессе роста; индивидуальный возраст –

12. Эта находка выявлена в заполнении комплекса № 2. Данный комплекс исследователями интерпретируется как яма (погреб) для хранения пищевых запасов, вероятно, корнеплодов (Koloda, Kvitkovskii 2009, 31-32).

13. Найдена при работе на глубине 40-60 см в культурном слое.

14. Данная кость выявлена в мусорном заполнении комплекса № 31, который представлял собою обычную хозяйственную яму (Kvitkovskii 2011, 14-15).

15. Найдена в культурном слое при работе на глубине 20-40 см.

16. Найдена при работе на глубине 40-60 см в культурном слое.

около 12 месяцев (раскоп III, № 48)[17].

Особь 5. Ювенильная, представлена левой ветвью нижней челюсти с PD3, PD4 и M1 на стадии роста. Индивидуальный возраст – не более шести месяцев, животное было забито осенью (раскоп IX, № 121)[18].

Особь 6. Ювенильная особь, возраст менее шести месяцев, представлена фрагментами челюстей и костей конечностей (раскоп III, № 397)[19].

Особь 7. Ювенильная, возраст как у предыдущей (раскоп III, № 397)[20].

Особь 8. Ювенильная, представлена нижней челюстью. Возраст – около 6 месяцев (раскоп III, № 397)[21].

Особь 9. Ювенильная, представлена фрагментами нижней челюсти и черепа. Возраст – 6-12 месяцев (раскоп III, № 210)[22].

Особь 10. Ювенильная, возраст как у предыдущей (раскоп III, № 210)[23].

Особь 11. Ювенильная, представлена левой ветвью нижней челюсти с молочными зубами и M1. Возраст – 6-12 месяцев (Раскоп III, № 117)[24].

Пять молодых и ювенильных особей из раскопа IX представлены фрагментами верхних и нижних челюстей, черепа, костей конечностей (две лучевые кости), позвонка, ребра, тазовой, таранной костью, лопаткой, изолированными зубами. Цвет одной из лучевых костей изменён в результате термической обработки. Особи из раскопа IX:

Особь 12. Ювенильная особь, представлена левой верхней челюстью с полным рядом едва затронутых изнашиванием молочных зубов и M1 в процессе прорастания. Индивидуальный возраст – около 6 месяцев.

Особь 13. Ювенильная особь, представлена верхней челюстью с рядом функционирующих молочных зубов, M1 на начальной стадии изнашивания и M2 в процессе роста. Вместе с челюстью были найдены фрагменты лопатки, ребра и позвонка. Возраст – чуть меньше года.

Особь 14. Ювенильная особь, представлена правым изолированным M2, который ещё не прорезался полностью. Возраст – около года.

Особь 15. Ювенильная особь, представленная фрагментом правой ветви нижней челюсти с P4–M2. M3 выпал, но, по-видимому, он еще не прорезался. Возраст – 1.0-1.5 лет.

Особь 16. Молодая особь, представленная нижней челюстью самца с клыками и M3 в процессе роста.

Лось – *Alces alces*. Правая и левая верхнечелюстные кости с P2–M3 и фрагменты нижней челюсти, принадлежащие двум половозрелым особям.

Бурый медведь – *Ursus arctos*. Бурому медведю принадлежит небольшой фрагмент коренного зуба, найденного в третьем раскопе.

Лиса – *Vulpes vulpes*. Этот вид представлен единственным фрагментом большой берцовой кости (дистальная часть) из третьего раскопа.

Общая характеристика

Археозоологический комплекс салтовского памятника Пятницкое 1 выделяется некоторыми специфическими чертами, которые, возможно, заслуживают более пристального внимания (табл. 9). Прежде всего, следует отметить крайне незначительное количество остатков диких животных, которые составляют около одного процента от всего количества диагностируемых костных остатков (все они найдены в третьем раскопе). Другой специфической особенностью материала является полное отсутствие костей домашней собаки, что необычно для постоянных поселений человека. Специфичной является и структура домашнего стада: около трети костных остатков (34%) принадлежат крупному рогатому скоту, тогда как остатков мелкого рогатого скота в два раза меньше (17%). Остатки домашней овцы (9%) значительно преобладают над остатками козы (3%). Довольно многочисленны остатки домаш-

17. Данная кость выявлена в заполнении комплекса № 21, который представлял хозяйственную постройку с внутренней ямой (Koloda, Kvitkovskii 2009, 19-20).

18. Эта находка выявлена в заполнении комплекса № 2 (см. сноску-12).

19. Найдена в культурном слое при работе на глубине 20-40 см (Kvitkovskii 2012, 25).

20. Там же.

21. Там же.

22. Кость выявлена в заполнении комплекса № 28, который представлял собою погреб, был со временем превращён в мусорную яму (Kvitkovskii, Koloda 2009, 20-21).

23. Там же.

24. Выявлена в заполнении комплекса № 22 (жилище) (Kvitkovskii, Koloda 2009, 14-18).

ней свиньи (22%), однако следует указать, что многочисленность остатков домашней свиньи в материале обусловлена присутствием в культурном слое раскопа III (№ 397 описи) на глубине второго штыка двух более-менее полных скелетов молодых поросят. Главным отличием археозоологического комплекса из Пятницкого 1 является большая численность остатков лошади, которые составляют 27% от общего числа костных остатков, что ставит лошадь на второе место по количеству костей после крупного рогатого скота. По-видимому, высокую численность остатков лошади в материале из Пятницкого-1 следует интерпретировать как следствие культурного влияния носителей кочевого образа жизни. Тем не менее, преобладание крупного рогатого скота над мелким скорее указывает, что это влияние не привело к существенной перестройке хозяйственно-производственного уклада: крупный рогатый скот, который обычно является спутником оседлых земледельческих хозяйств, остаётся важным с хозяйственной точки зрения домашним животным, которому отведена ведущая роль в производстве мясомолочных продуктов. Выводы по оседлому типу хозяйствования так же подкрепляются сравнительно многочисленными остатками домашней свиньи. Охота занимала в хозяйстве крайне незначительную роль, очевидно, с этим связано и отсутствие в археозоологическом комплексе остатков домашней собаки.

Вид	кости	особи	обработка	обугленные	погрызы
Equus caballus	149	28	1		
Bos taurus	206	25	2	1	
Sus scrofa	110	20		2	
Ovis aries	44	11			
Capra hircus	13	4	1		
Ovis/Capra	28	11			
Alces alces	4	2	1		
Ursus arctos	1	1			
Vulpes vulpes	1	1			
неопределённые	45		2		1
Всего	601	102	7	3	1

Таблица 9. Структура археозоологического материала из Пятницкого-1.

Table 9. Structure of archaeozoological assemblage from Piatnitskoe-1.

Литература

Annals of the Resurrection list 1856: Annals of the Voskresensk list. In: Ya.I. Berednikov and A.F. Bychkov under ed. of A.S. Norov, The complete edition of Russian Chronicles, Volume 7 (St. Petersburg 1856), Edward Pratz's Printing House, 345 p. // Летопись по Воскресенскому списку. В кн.: Я.И. Бередников и А.Ф. Бычков под ред. А.С. Норова, Полное издание русских летописей, том 7 (Санкт-Петербург 1856) Типография Эдуарда Праца, 345 с.

Bibikova 1960: V.I. Bibikova, The list of animals on the Saltov Culture settlement Saltovo near Bolshoi Saltov. Excavations of 1959. The report: D.T. Berezovets, Report on excavations at a medieval monuments near Verhnii Saltov Starosaltovskyi district, Kharkiv region. NA IA NASU. Number 1959-1961a-b (Kiev 1960) // В.И. Бибикова, Список животных на поселении-посаде салтовской культуры Салтово у с. Большой Салтов. Раскопки 1959. В отчёте: Д.Т. Березовец, Отчёт о раскопках средневековых памятников у с. Верхний Салтов, Старосалтовского района, Харьковской области. НА ИА НАН Украины. № 1959–1961а-б (Киев 1960).

Bibikova 1961a: V.I. Bibikova, The list of animals from the VIII-X centuries BC site near Verhnii Saltov, Staro-Saltov district, Kharkiv region. Excavations of 1960. In the report: D.T. Berezovets, Report on excavations at a medieval monuments. Verhnii Saltov, Starosaltovskii district, Kharkiv region. NA IA NASU. Number 1959-1961a-b (Kiev 1961) // В.И. Бибикова, Список животных на городище VIII–X вв. н.э. у с. Верхний Салтов Старо-Салтовского района, Харьковской обл. Раскопки 1960 г. В отчёте Д.Т. Березовец, Отчёт о раскопках средневековых памятников у с. Верхний Салтов, Старосалтовского района Харьковской области. НА ИА НАН Украины. № 1959–1961а–б (Киев 1961).

Bibikova 1961b: V.I. Bibikova, List of fauna from the VIII-X centuries BC Netaylovka site, Starosaltovskii district,

Kharkiv region. Excavations of 1960. In the report: D.T. Berezovets, Report on excavations at a medieval monuments. Verhnii Saltov, Starosaltovskii district, Kharkiv region. NA IA NASU. Number 1959-1961a-b (Kiev 1961) // В.И. Бибикова, Список фауны на селище VIII-X вв. н.э. у с. Нетайловка Старосалтовского района, Харьковской обл. Раскопки 1960 г. В отчёте Д.Т. Березовец, Отчёт о раскопках средневековых памятников у с. Верхний Салтов, Старосалтовского района Харьковской области. НА ИА НАН Украины. № 1959-1961а-б (Киев 1961).

Braichevskaia 1961: A.T. Braichevskaia, Report on excavations in the posad of Saltov settlement. NA IA NASU. 1959-1961v number (Kiev 1961) // А.Т. Брайчевская, Отчёт о раскопках на посаде Салтовского городища. НА ИА НАН Украины. № 1959–1961в (Киев 1961).

Chendev 2010: Yu.G. Chendev, Reconstruction of climate conditions of the Saltovskaya Culture dispersal time from the central part of Eastern Europe (a short essay). In: V.V. Koloda, S.A. Gorbanenko, Agriculture of Saltovskaya Culture bearers in the forest-steppe zone (Kyiv 2010), 163-164 // Ю.Г. Чендев, Реконструкция климатических условий периода распространения салтовской культуры на территории центра Восточной Европы (краткий очерк). В кн.: В.В. Колода, С.А. Горбаненко, Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне (Киев 2010), 163-164.

Chendev, Koloda 2013: Yu.G. Chendev, V.V. Koloda, Soil-archaeological study of Vodyanoe settlement: reconstruction of environment and economic activity. In: Antiquities 12 (Kharkiv 2013), 225-236 // Ю.Г. Чендев, В.В. Колода, Почвенно-археологические исследования на городище Водяное: реконструкция природной среды и хозяйственной деятельности. В сб.: Древности 12 (Харьков 2013), 225-236.

Croitor 2012: R. V. Croitor, Archaeozoological assemblage from the Uch-Bash Settlement. Arheologia 1, 2012, 71-82 // Р.В. Кройтор, Археозоологічний комплекс з поселення Уч-Баш. Археологія 1, 2012, 71-82.

Croitor 2013: R. Croitor, Domestic horse from early iron age of Crimea. RA IX (2), 2013, 245-255.

Croitor 2013: R.V. Croitor, Archaeozoological assemblages from Saltovian and Romensian monuments of Severskyi Donetz basin. In: S.A. Gorbanenko,V.V. Koloda, Agriculture of the Slavian-Khazarian border area (Kiev, 2013), 181-199 // Р.В. Кройтор Археозоологічні комплекси из салтівських і роменських пам'яток басейну Сіверського Дінця. В кн.: С.А. Горбаненко, В.В. Колода, Сільське господарство на слов'яно-хозарському порубіжжі (Київ, 2013), 181–199.

Croitor, Arnăut, Ceban 2013: R. Croitor, Th. Arnăut, I. Ceban,. Archaeozoological remains from the Gethic fortified monument Stolniceni (Hincesti, Moldova). RA VIII (1-2), 2013, 305-315.

Evstropov 1958: N.T. Evstropov, Fortification and settlements near Volchansk town. Soviet Archaeology, 4, 1958, 204-207 // Н.Т. Евстропов, Городище и селища возле г. Волчанска. СА 4, 1958, 204-207.

Fernandez 2001: H. Fernandez, Osteologie comparee des petits ruminants eurasiatiques sauvages et domestiques (genres *Rupicapra*, *Ovis*, *Capra* et *Capreolus*): diagnose differentielle du squelette appendiculaire. These pour obtenir le grade de Docteur en sciences, mention biologique, Universite de Geneve (Geneve 2001), T. 1-2.

Gadlo 1978: A.V. Gadlo, Nomadic Khazar time at the village Zaplavskaya from the Lower Don. In: Questions of archeology (Leningrad 1978), 118-125 // А.В. Гадло, Кочевье хазарского времени у станицы Заплавской на Нижнем Дону. В сб: Проблемы археологии (Ленинград 1978), 118-125.

Gorbanenko, Koloda 2013: S.A. Gorbanenko, V.V. Koloda, Agriculture in Slavic Khazar borderlands (Kyiv 2013) // С.А. Горбаненко, В.В. Колода, Сільське господарство на слов'яно-хозарському порубіжні (Київ 2013).

Gromova 1949: V.I. Gromova, The history of horses (genus *Equus*) in the Old World. Part 1: Overview and description of forms. Proceedings of the Paleontological Institute 17, Issue 1 (Moscow-Leningrad, 1949) // В.И. Громова, История лошадей (рода *Equus*) в Старом Свете. Часть 1. Обзор и описание форм. Труды палеонтологического института 17, выпуск 1 (Москва–Ленинград 1949).

Gromova 1950: V.I. Gromova, Atlas of determination of mammals of the USSR based on long on the bones of the skeleton. Proceedings of the Commission for Quaternary Research 9 (Moscow–Leningrad, 1950) // В. И. Громова, Определитель млекопитающих СССР по костям скелета (по крупным трубчатым). Труды Комиссии по изучению четвертичного периода 9 (Москва–Ленинград 1950).

Halstead et all.2002: P. Halstead, P. Collins, V. Isaakidou, Sorting the Sheep from the Goats: Morphological Distinctions between the Mandibles and Mandibular Teeth of Adult *Ovis* and *Capra*. Journal of Archaeological Sciences 29, 2002, 545-553.

Kirikov 1979: S.V. Kirikov, Man and Nature in Eastern European forest-steppe zone during X - the beginning of the XVIII centuries (Moscow 1979). // С.В. Кириков, Человек и природа восточноевропейской лесостепи в X – начале XVIII в. (Москва 1979).

Koloda 1996: V.V. Koloda, Report on archaeological research of Upper Saltov complex by medieval expedition of

the Kharkov State University in 1996, NA IA NASU. 1996/52 // В.В. Колода, Отчёт об археологических исследованиях Верхнесалтовского комплекса средневековой экспедицией Харьковского госуниверситета в 1996 г., НА ИА НАНУ. 1996/52.

Koloda 1997: V.V. Koloda, Dwellings of the Early Medieval craft center from Roganina area. In: Questions of history and archaeology of Ukraine. Abstracts of reports (Kharkiv 1997), 56-57 // В.В. Колода, Жилые помещения раннесредневекового ремесленного центра в урочище Роганина. В сб.: Проблеми історії та археології України. Тези доп. конф. (Харків 1997), 56-57.

Koloda 1998: V.V. Koloda, The place of Vovchanske archaeological complex among Saltov Culture antiquities. In: Collection of scientific works: historical sciences. Scientific Newsletter of Kharkiv State Pedagogical University, 1 (Kharkiv 1998), 17-23 // В.В. Колода, Місце Вовчанського археологічного комплексу серед старожитностей салтівської культури. В сб.: Збірник наукових праць: історичні науки. Науковий вісник ХДПУ. 1 (Харків 1998), 17-23.

Koloda 1999: V.V. Koloda, Ferrous metallurgy of the Dnieper-Don interfluve in the second half I millennium AD. (Kharkiv 1999) // В.В. Колода, Чёрная металлургия Днепро-Донского междуречья во второй половине I тыс. н.э. (Харьков 1999).

Koloda 2000: V.V. Koloda, On cultural and chronological definition of Upper Saltov settlement. In: Collection of Scientific works, Series „History and Geography" (Kharkiv, 2000), 148-154 // В.В. Колода, Щодо культурно-хронологічного визначення верхньосалтівського селища. В сб.: Збірник наукових праць. Серія «Історія та географія» (Харків, 2000), 148-154.

Koloda 2001: V.V. Koloda, Saltov pottery (based on the handicraft center in the tract Roganina). In: Steppes of Europe in the Middle Age. 2 (Donetsk 2001), 219-232. // В.В. Колода, Салтовское гончарное производство (по материалам ремесленного центра в урочище Роганина). В сб.: Степи Европы в эпоху средневековья. 2 (Донецк 2001), 219-232.

Koloda 2004: V.V. Koloda, A study of early medieval catacomb burials near the village Upper Saltov in 1996. In: Khazar Almanac, Volume 3 (Kiev-Kharkiv, 2004), 213-241 // В.В. Колода, Исследование раннесредневековых катакомбних погребений близ с. Верхний Салтов в 1996 г. В сб.: Хазарский альманах, Т. 3 (Киев–Харьков, 2004), 213-241.

Koloda 2007: V.V. Koloda, Construction of defense structures of Mokhnach settlement and dynamics of peopling of its districts. Arheologiia 2, 2007, 9-15 // В.В. Колода, Створення оборонних споруд Мохначанського городища та динамка заселення його округи. Археологія 2, 2007, 9-15.

Koloda 2008: V.V. Koloda, Arheological complex of Korobovy Khutora Village: main research results. In: Questions of history ad archaeology of Ukraine. Proceedings of VI-th International Scientific Conference dedicated to 150-th anniversary of Academician V. P. Buzeskul (Kharkiv, October 10-11, 2008), 75-76 // В.В. Колода, Археологический комплекс Коробовы Хутора: основные итоги исследований. В сб: Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VI Международной научной конференции, посвящённой 150-летию со дня рождения академика В.П. Бузескула (Харьков, 10-11 октября 2008 г.) (Харьков 2008), 75-76.

Koloda 2010: V.V. Koloda, Report on research of Medieval Archaeological Expedition of Kharkiv National Pedagogical University in 2010 (settlements Mokhnach and Korobovy Khutora in Zmiev District of Kharkiv Region). NA IA NANU, 2010/132 // В.В. Колода, Отчёт о работе Средневековой археологической экспедиции Харьковского национального педагогического университета в 2010 году (городища Мохнач и Коробовы Хутора в Змиевском районе Харьковской области). НА ИА НАНУ. 2010/132.

Koloda 2010a: V.V. Koloda, Settlement "Mokhnach-II" in the early medieval structure of settlements of Mokhnach fortification. In: Questions of history and archaeology of Ukraine. Proceedings of VII-th International Conference (Kharkiv, 28-29 october, 2010), 72 // В.В. Колода, Селище «Мохнач-II» в раннесредневековой поселенческой структуре городища Мохнач. В сб: Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VII Международной конференции (Харьков, 28-29 октября 2010 г.) (Харьков 2010), 72.

Koloda, Croitor, Gorbanenko 2013: V.V. Koloda, R.V. Croitor, S.A. Gorbanenko, New data on animal breeding in Early Middle Age settlement Upper Saltov. Arheologiia 1, 2013, 129-138 // В.В. Колода, Р.В. Кройтор, С.А. Горбаненко, Нові дані про тваринництво ранньосередньовічного населення Верхнього Салтова. Археологія 1, 2013, 129–138.

Koloda, Gorbanenko 2010: V.V. Koloda, S.A. Gorbanenko, Agriculture of the Saltov Culture bearers from Forest-steppe zone (Kiev 2010) // В.В. Колода, С.А. Горбаненко, Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне (Киев 2010).

Koloda, Kvitkovskii 2008: V.V. Koloda, V.I. Kvitkovskii, A report on Middle Age Expedition of the Kharkiv Na-

tional Pedagogical University in 2008 (the settlement Piatnitzkoe-I and the fortress Mokhnach from the Kharkiv Region). NA IA NANU, 2008/91 // В.В. Колода, В.И. Квитковский, Отчёт о работе Средневековой экспедиции Харьковского Национального педагогического университета в 2008 году (селище Пятницкое-I и городище Мохнач в Харьковской области). НА ИА НАНУ. 2008/91.

Kuzmina 1997: I.E. Kuzmina, Horses of Northern Eurasia from Pliocene to modern times. Transactions of the Zoological Institute 273, 1997, 1-222 // И.Е. Кузьмина, Лошади Северной Евразии от плиоцена до современности. Труды зоологического института 273, 1997, 1-222, Санкт-Петербург.

Kvitkovskii 2011: V.I. Kvitkovskii. Report on work results of Slobojansk early Middle Age expedition on the Piatnitskoe-I settlement in 2010. Na IA NANU, 2011/88 // В.И. Квитковский, Отчёт о работе Слобожанской раннесредневековой экспедиции на селище Пятницкое-I в 2010 году, НА ИА НАНУ. 2011/88.

Kvitkovskii 2011a: V.I. Kvitkovskii. Settlement of Saltovo-Mayatskaya Culture Piatnitskoe-I (main stages of study). In: Saltovo0Mayatskaya srchaeological culture: 110 years of study in Kharkiv region (Kharkiv 2011), 14-20 // В.И. Квитковский, Селище салтово-маяцкой культуры Пятницкое-I (основные этапы исследования). В сб: Салтово-маяцька археологічна культура: 110 років від початку вивчення на Харківщині (Харків 2011), 14-20.

Kvitkovskii 2012: V.I. Kvitkovskii. Report on work results of Slobojansk early Middle Age expedition on the Piatnitskoe-I settlement in 2012. NA IA NANU, 2012/45 // В.И. Квитковский, Отчёт о работе Слобожанской раннесредневековой экспедиции на селище Пятницкое-I в 2012 году, НА ИА НАНУ. 2012/45.

Kvitkovskii, Koloda 2009: V.I. Kvitkovskii, V. V. Koloda. Report on work results of Slobojansk early Middle Age expedition on the Piatnitskoe-I settlement in 2009. NA IA NANU, 2009/115 // В.И. Квитковский, В.В. Колода, Отчёт о работе Слобожанской раннесредневековой экспедиции на селище Пятницкое-I в 2009 году – НА ИА НАНУ. 2009/115.

Liapushkin 1958: I.I. Liapushkin. Karnauhovskoe Settlement. Materials and Research in Archaeology of USSR, 62, 263-314 // И.И. Ляпушкин, Карнауховское поселение. МИА. 62, 263-314.

Mann 2002: M.E. Mann, Medieval climatic optimum. In: Encyclopedia of Global environmental change 1, 2002, 514-516.

Matolchi 1984: Ya. Matolchi. Animal bones from the settlement and the burial (1978-1979). In: Mayatzkoe Settlement (Moscow 1984), 237-260 // Я. Матолчи, Кости животных с городища селища и могильника (1978-1979). В сб.: Маяцкое городище (Москва 1984), 237-260.

Miagkova 1998: Yu.Ya. Miagkova, Analysis of osteological material from settlements of Saltovo-Mayatskaya Culture. In: Problems in archaeology of South-Eastern Europe. Conference abstracts (Rostov-upon-Don 1998) // Ю.Я. Мягкова, Анализ остеологического материала из поселений салтово-маяцкой культуры. В сб.: Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. Тезисы докладов (Ростов-на-Дону 1998), 139-140.

Mikheev 1985: V.K. Mikheev. Don Area under the Khazar Kaganate rule (Kharkiv 1985) // В.К. Михеев, Подонье в составе Хазарского каганата (Харьков 1985).

Pletneva 1967: S.A. Pletneva, From nomads to towns. Materials and Research in Archaeology of USSR, 142 (Moscow 1967) // С.А. Плетнёва, От кочевий к городам. МИА. 142 (Москва 1967).

Riabogina et all 2013: N.E. Riabogina, A.V. Borisov, S.N. Ivanov, O.G. Zanina, N.M. Savitzkii. Environmental conditions in the South of Middle-Russian Upland in Khazarian Age (IX-X centuries). Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography 3 (22), 2013, 182-194. // Н.Е. Рябогина, А.В. Борисов, С.Н. Иванов, О.Г. Занина, Н.М. Савицкий, Природные условия на юге Среднерусской возвышенности в хазарское время (IX–X вв.). Вестник археологии, антропологии и этнографии 3 (22), 2013, 182-194.

Stanc 2009: S.M. Stanc, Arheozoologie primului mileniu după Hristos pentru teritoriul cuprins între Dunăre şi Marea Neagră. Editura Universităţii „Alexandru Ioan Cuza" (Iaşi 2009).

Tsalkin 1954: V.I. Tsalkin. Fauna from excavations in Grodno. In: N. N. Voronin, Ancient Grodno. Materials and Research in Archaeology of USSR, 41 (Moscow 1954) // В.И. Цалкин, Фауна из раскопок в Гродно. В кн.: Н.Н. Воронин, Древнее Гродно. МИА. 41 (Москва 1954), 211-236.

Tsalkin 1955: V.I. Tsalkin, Wild and Domestic animals of Old Ryazan. In: Al. Mongait, Old Ryazan. Materials and Research in Archaeology of USSR, 49 (Moscow 1955), 201-224 // В.И. Цалкин, Дикие и домашние животные Старой Рязани. В кн.: А.Л. Монгайт, Старая Рязань. МИА. 49 (Москва 1955), 201-224.

Tsalkin 1956: V.I. Tsalkin, Materials on history of animal breeding and hunting in Ancient Russia. Materials and Research in Archaeology of USSR, 51 (Moscow 1956) // В.И. Цалкин, Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси. МИА. 51 (Москва 1956).

Tsalkin 1965: V.I. Tsalkin, Results of determination of animal bone remains from the settlement of Titchiha. In: A.N. Moskalenko, Settlement of Titchiha (Voronezh 1965), 285 p. // В.И. Цалкин, Результаты определения кост-

ных остатков животных из раскопок городища Титчиха. В кн.: А.Н. Москаленко, Городище Титчиха. (Воронеж 1965), 285 с.
Tsalkin 1969: V.I. Tsalkin, Fauna from excavations of Borschevo and Romentzy Culture settlements. Soviet Archeology 4, 1969, 91-101 // В.И. Цалкин, Фауна из раскопок боршевских и роменских городищ. СА 4, 1969, 91-101.
Vitt 1952: V.O. Vitt, Horses from the Pazyzyk mounds. Soviet Arheology, 16 1952, 163-205 // В.О. Витт, Лошади Пазызыкских курганов. СА 16, 1952,163-205
Von den Driesch 1976: A. Von den Driesch, A guide to the measurement of animal bones from archaeological sites (Harvard University 1976).

Владимир Колода, кандидат исторических наук, Харьковский национальный педагогический университет имени Г.С. Сковороды, 61002, г. Харьков, ул. Артёма, 29, Украина, e-mail: koloda_v@rambler.ru

Роман Кройтор, доктор биологических наук, ассоциированный научный исследователь, Maison méditerranéenne des sciences de l'homme, 5 Rue Château de l'Horloge, 13090 Aix-en-Provence, France, e-mail: romancroitor@europe.com

Ludmila Bacumenco-Pîrnău, Luminița Bejenaru

Alimentația din Moldova în secolele XIV-XVIII: considerații bio-arheologice

Keywords: archeology, archeozoology, anthropology, food, Middle Ages, Moldavia, interdisciplinarity.
Cuvinte cheie: arheologie, arheozoologie, antropologie, alimentație, evul mediu, Moldova, interdisciplinaritate.
Ключевые слова: археология, археозоология, антропология, питание, средние века, Молдова, интердисциплинарность.

Ludmila Bacumenco-Pîrnău, Luminița Bejenaru
Food in Moldova XIV-XVIII centuries: bio-archaeological considerations

The present study is an introduction to a complex analysis regarding the reconstruction of alimentation and food access of human communities from the area situated at east of the Carpathians between 14th-18th centuries. The proposed bio-archaeological approach is complex and interdisciplinary, as data provided by archeological, archaeozoological archaeobotanical and paleoanthropological research, collated with selected information from written documentary sources, will expand the research perspective regarding the history and culture of medieval and pre-modern alimentation in Moldova. The paper highlights the importance of studying this sector of history of daily life from bio-archaeological perspective, the methodology research directions and elements of difficulty in treating certain aspects of this theme.

Ludmila Bacumenco-Pîrnău, Luminița Bejenaru
Alimentația din Moldova secolelor XIV-XVIII: considerații bio-arheologice

Lucrarea de față reprezintă o introducere la o propunere de cercetare complexă a problemei reconstituirii alimentației și a accesului la resursele de hrană a comunităților umane din spațiul de la est de Carpați în secolele XIV-XVIII. Abordarea bio-arheologică propusă are un caracter interdisciplinar, întrucât datele oferite de cercetările arheologice, arheozoologice, arheobotanice, paleoantropologice, colaționate cu informațiile selectate din surse documentare scrise, vor extinde perspectiva de cercetare a istoriei și culturii alimentației medievale și premoderne din Moldova. În lucrare se scoate în evidență importanța studierii acestui sector al istoriei vieții cotidiene din perspectivă bio-arheologică, se subliniază direcțiile și metodologia de cercetare, elementele de dificultate și limitările în tratarea anumitor aspecte ale temei.

Лудмила Бакуменко-Пырнэу, Луминица Беженару
Питание населения Молдовы в XIV-XVIII вв.: био-археологические соображения

Статья представляет собой введение в исследовании сложной проблемы реконструкции аспектов питания и доступа к продовольственным ресурсам населения, проживающей на территории Молдовы в XIV-XVIII веках. Био-археологический подход нашего исследования имеет междисциплинарный характер, а археологические, археозоологические, археоботанические и палеоантропологические данные, сопоставленные с информациями из письменных источников, расширят перспективу исследования истории и культуры питания в средневековой Молдове. В статье подчеркивается важность изучения этого аспекта истории повседневной жизни из био-археологической перспективы, выявляются направления и методология исследования и элементы сложности и ограничения в обсуждении определенных аспектов этой темы.

CADRUL GENERAL

Dintre problemele fundamentale ale istoriei civilizației umane, cea a *resurselor alimentare* are o importanță primordială, aceasta revenind în atenția geopoliticii în secolul XXI împreună cu problemele mediului înconjurător, a schimbărilor demografice și a violenței, determinând o polemică academică privind conflictele generate de constrângerile legate de *accesul inegal la hrană*. În acest context, în dezbaterile istoriografice occidentale din ultimele decenii se constată un nivel înalt de cunoaștere a problemelor legate de alimentație (dietă și nutriție) în raport cu evoluția unor regiuni istorice, caracterizate printr-o abordare interdisciplinară, profundă și complexă a numeroase segmente ale unei asemenea teme majore. Pe lângă aspectele arătate mai sus, motivul abordării acestei teme, de mare importanță pentru înțelegerea istoriei medievale și premoderne a Moldovei, ține și de faptul că subiectul nu cunoaște decât abordări tangențiale în istoriografia din Republica Moldova și România. Din acest punct de vedere, cercetarea istorico-arheologică de la noi a rămas în urmă față de situația din restul Europei, chiar din țările vecine, unde au fost publicate mai multe lucrări sau volume de studii ce privesc alimentația și influența

regimului alimentar asupra evoluției comunităților umane din perioada studiată, fapt subliniat și cu o altă ocazie (Bacumenco-Pîrnău, 2011).

În ceea ce privește reconstituirea istoriei alimentației pentru spațiul european, se constată apariția în ultimele două decenii a mai multor volume de sinteză, care abordează această temă pentru Franța, Anglia, Italia, Germania, Polonia etc. (Flandrin, Montanari 1996; Carlin, Rosenthal 1998; Dembińska 1999; Bruegel, Laurioux 2002; Laurioux 2002; Adamson 2004; Woolgar, Serjeantson, Waldrom 2006; Rowley 2006; Quellier 2007; Gautier 2009). Asemenea rezultate de indiscutabilă valoare istoriografică au fost posibile datorită unor preocupări în continuă creștere de aproape un veac și impulsionate îndeosebi de apelul lansat la începutul deceniului al șaptelea al secolului trecut, prin intermediul cunoscutei reviste franceze *Annales. Économies*, *Sociétés*, *Civilisations*. Atunci, în anul 1961, renumitul medievist Fernand Braudel îndemna la explorarea vastului domeniu al vieții materiale, primul sector de cercetare fiind alimentația, alături de locuință și vestimentație, plecând de la inventarierea surselor și a datelor cunoscute, identificarea izvoarelor, stabilirea unor metode de cercetare bazate pe interpretări concrete, particulare (Braudel 1961).

De asemenea, într-un alt articol al său, Fernand Braudel pleda pentru studierea istoriei alimentației, fără grabă, pas cu pas, în toată complexitatea sa, evidențiind câteva elemente semnificative ale acestei teme: plantele hrănitoare și cele „călătoare", animalele, vasele și ustensilele de bucătărie ș.a. Totodată, istoricul francez insistă asupra necesității scrierii unei istorii complexe, nu numai a unei istorii a pâinii sau a vinului, ci o istorie simultană a regimurilor alimentare, fiind vorba despre o „asamblare a componentelor" bazată pe cercetări ale istoricilor, arheologilor, biologilor, geografilor, antropologilor etc. (Braudel 1961a). Acestui apel de cercetare lansat de „Școala Analelor" îi vor răspunde tot mai mulți istorici, arheologi, arheozoologi, arheobotaniști și antropologi din diferite centre academice și universitare (Philipe 1961; Bennassar 1961; Wyczański 1962; Le Goff 1962; Haupt 1962; Hémardinquer 1970; Hocquet 1974; Aymard 1975; Flandrin 1983; Clavel 2001; Alexandre-Bidon 2005). Perioada anilor '80 ai secolului trecut se caracterizează prin apariția unor lucrări consacrate resurselor alimentare, precum cele referitoare la istoria sării, tehnicilor și mentalităților determinate de producerea și comercializarea acesteia (Bergier 1982; Meyer 1982).

La momentul actual, deslușirea numeroaselor aspecte ale istoriei și culturii alimentației reprezintă o preocupare importantă atât pentru istorici, cât și pentru arheologi, dar și pentru unii cercetători care vin din domeniile conexe arheologiei, cum ar fi arheozoologia, arheobotanica, antropologia ș.a. Un model de cercetare bio-arheologică a alimentației medievale este lucrarea cercetătoarei Cassady Yoder, consacrată problemei compoziției regimului alimentar din Danemarca în perioada evului mediu, în care autoarea realizează o analiză comparativă a surselor istorice și a datelor arheozoologice, precum și a celor antropologice, obținute din studierea unor cimitire medievale din Danemarca. Utilizând diverse metode de cercetare, precum cea cronologică, statistică, analiza izotopilor stabili, a colagenului ș.a., autoarea ajunge la rezultate semnificative, care, coroborate cu cele obținute anterior de alți cercetători, au permis stabilirea anumitor diferențe regionale și temporale în regimul alimentar din societatea medievală daneză, existente de-a lungul secolelor XI-XVI (Yoder 2010). Un alt exemplu în acest sens este cercetarea cu caracter interdisciplinar din domeniul interacțiunii arheologiei cu botanica, consacrată problemei evoluției regimului alimentar la populația din Germania medievală (Märkle 2005) sau cea care se referă la alimentația medievală din zona sud-vestică a Serbiei (Borojevič 2005).

Un capitol aparte în istoriografia occidentală în ceea ce privește tema istoriei și culturii alimentației medievale la momentul actual îl reprezintă realizările științifice obținute în cadrul unui important for științific, întemeiat în anul 2001 sub egida Universității „François Rabelais" din Tours (Franța) – *Institut Européen d'Histoire et des Cultures de l'Alimentation* (IEHCA). Acest institut reprezintă o adevărată agenție europeană de dezvoltare științifică, în cadrul căreia cercetătorii din întreaga Europă cu preocupări în domeniul studierii istoriei alimentației trasează obiective, inițiază programe vaste de formare, cercetare și publicare ale rezultatelor obținute în domeniu (vezi http://www.iehca.eu). În anul 2003, la inițiativa cercetătorilor și universitarilor europeni preocupați de acest palier al vieții cotidiene a fost fondată revista *Food and History*, având în comitetul de redacție nume importante ale istoriografiei europene, cum

ar fi Massimo Montanari (Bologna), Karin Becker (Münster), Florent Quellier (Rennes), Stephen Mennel (Dublin), Françoise Sabban (Paris), John Wilkins (Exeter) ș.a. Pe parcursul ultimului deceniu, IEHCA s-a remarcat în mediul academic și prin organizarea unor conferințe, colocvii, școli de vară, masterate, consacrate diverselor aspecte ale istoriei și culturii alimentației. Între temele dezbătute în cadrul manifestărilor științifice organizate de IEHCA menționăm următoarele: *Histoire et identités alimentaires en Europe* (Strasbourg, 2001), *Un aliment sain dans un corps sains: perspectives historiques* (Tours, 2002), *Frontières alimentaires en Europe* (Bologna, 2003), *Alimentation et croyances* (Tours, 2004), *Pratiques et discours alimentaires des élites en Méditerranée de l'Antiquité à la Renaissance* (Beaulieu-sur-Mer, 2007), *Informations et pratiques alimentaires* (Tours, 2008), *Les métiers de l'alimentation dans l'Europe médiévale et moderne* (Versailles-Saint-Quentin-en-Yvelines, 2010), *Les modes de cuisson alimentaire du feu originel à la vaposaveur: techniques, matériels, rituels et alimentation, de la Préhistoire au XXIe siècle* (Tours, 2010), *La viande: fabrique et représentations* (Tours, 2012) ș.a.

Un alt for internațional sub egida căruia se desfășoară întruniri științifice de circa patru decenii și în cadrul cărora se prezintă contribuții privitoare la problema resurselor de hrană de origine animală este Consiliul Internațional pentru Arheozoologie (ICAZ). Între conferințele desfășurate în ultimul deceniu sub autoritatea acestui for științific amintim pe cea consacrată „arheologiei peștilor" (*Archéologie du Poisson – exploitations et impacts, transformations et usages, paléoenvironnement*, 2007) cu participanți din 24 de țări, textele comunicărilor fiind reunite într-un elegant volum apărut un an mai târziu la Antibes în Franța (Béarez, Grouard, Clavel 2008). De asemenea, la sfârșitul lunii august 2012, în cadrul celei de-a șaptea reunini internaționale a Bird Working Group organizată la Iași (România), au fost prezentate circa 20 de comunicări referitoare la „arheologia păsărilor" și, prin urmare, la resursele de carne de pasăre disponibile comunităților umane din cele mai vechi timpuri (Bejenaru, Serjeantson 2014).

Pe de altă parte, problema reconstituirii alimentației și a accesului la resursele de hrană a comunităților umane din spațiul de la est de Carpați, de la constituirea statului medieval moldovenesc (secolul XIV) și până în prag de modernitate (secolul XVIII), nu a reprezentat în istoriografia noastră de până acum o preocupare de cercetare sistematică, astfel încât o abordare bio-arheologică a acestei teme poate acoperi un gol în cunoașterea complexă a raportului dintre alimentație (dietă și nutriție) și evoluția istorică a acestui teritoriu.

Aici se cuvine să menționăm faptul că preocupări de studiere a istoriei alimentației se înregistrează în mediul românesc încă la sfârșitul secolului al XIX-lea în câteva domenii de cercetare. Înainte de toate ies în evidență cele elaborate din perspectivă medicală, determinate de faptul că numeroși medici români erau neliniștiți de mortalitatea înaltă în rândurile țărănimii din România, astfel încât au fost întreprinse anchete asupra alimentației populare și elaborate o serie de lucrări pe baza rezultatelor acestora (Stîngă 1891; Babeș 1902; Urbeanu 1901; 1914). Din același domeniu face parte și contribuția deosebită a lui Ioan Claudian consacrată obiceiurilor și particularităților alimentației țăranilor (Claudian 1939).

La începutul secolului XX (1916) își scrie și Mihai Lupescu lucrarea consacrată bucătăriei țăranului român (Lupescu 2001). Informații despre mesele cotidiene sau de sărbătoare de la Curtea domnească sau de la curțile boierești, despre unele alimente consumate în casele oamenilor simpli, aprovizionarea cu produse alimentare și păstrarea lor, vasele și ustensilele de bucătărie se găsesc în unele lucrări scrise din perspectiva lingvistică, istorică și economică (Șăineanu 1900; Iorga 1920; 1928; 1982; Pavlescu 1939). Mai târziu, în istoriografia postbelică au apărut câteva lucrări, care abordau anumite aspecte ale temei alimentației. Menționăm aici contribuțiile la studierea problemei consumului de pește (Neamțu 1955), a meșteșugurilor legate de alimentație, precum morăritul, pitărit, măcelăritul practicate în Moldova medievală (Olteanu, Șerban 1969; Neamțu 1971). O altă lucrare se referă la problema disponibilității produselor alimentare în perioadele de foamete (Ciurea 1963).

Mai aproape de noi, în monografia sa, Ștefan Lemny ilustrează câteva „crâmpeie din existența cotidiană", cum ar fi ritmul meselor, obiceiul mâncărurilor copioase, ceremonialul meselor ș.a. (Lemny 1990). Totodată, în peisajul istoriografic se regăsește și o istorie a gastronomiei românești din cele mai vechi timpuri cu referințe și la Moldova

în perioada evului mediu (Cazacu 1999). Aceluiași cercetător îi aparține și un studiu introductiv, destul de consistent, pe marginea unui manuscris al unei cărți de bucate din epoca brâncovenească, dar cu informații care pot fi raportate și la realitățile din Moldova (Cazacu 1997). Mai nou, atenția cercetătorilor s-a îndreptat spre valorificarea unor surse documentare, precum cele referitoare la istoria bucatelor de altădată (Székely 2006). O perspectivă deosebită asupra alimentației și societății în Moldova și Țara Românească în secolele XVI-XVIII se regăsește într-o recentă lucrare de doctorat, susținută la Iași (Senciuc-Borcea 2013). Nu putem trece cu vederea și o serie de contribuții valoroase care aparțin domeniului etnografiei (Panfile 1910; 1913; Butură 1989; Văduva 1996; Buzilă 1999) sau antropologiei culturale (Duncă 2004).

De-a lungul deceniilor au fost publicate mai multe materiale valoroase din domeniul arheologiei necesare reconstituirii imaginii unei bucătării medievale, cu vasele de gătit sau de servit, ustensilele gospodărești (Andronic 1986; Batariuc 2004; Byrnia 1969; 1984; Bătrîna, Bătrîna 1979; Cantacuzino, Rădulescu 1974; Gorodenco 2000; Neamțu, Neamțu, Cheptea 1980; Popovici 1987; 2004; Postică 2006; Spinei, Gherman 1995; Khynku 1969 ș.a.), dar și pentru instalațiile destinate gătitului (Batariuc, 2000) sau modul în care erau păstrate alimentele (Spinei et all 1993).

Studii relevante pentru reconstituirea categoriilor de resurse de hrană de origine vegetală folosite de populația medievală din Moldova aparțin arheobotanicii (Monah, 1988; 2000) și, îndeosebi, domeniului arheozoologiei, reprezentând rezultatul unor cercetări cu caracter interdisciplinar (Bejenaru 2003; 2003a; 2004; 2006; 2009; Bejenaru, Bacumenco, Stanc 2003; 2008; 2014).

DIRECȚII DE CERCETARE

O temă de cercetare bio-arheologică, care să vizeze dobândirea de cunoștințe noi privind alimentația din Moldova secolelor XIV-XVIII, trebuie să fie axată pe integrarea datelor oferite de vestigiile arheologice, resturile de natură biologică (umane, animale, vegetale) descoperite în siturile arheologice și corelate cu documentele istorice.

Cercetarea alimentației nu se poate face decât cu implicarea unor specialiști din domeniul arheologiei, arheozoologiei, antropologiei, arheobotanicii ș.a., aceștia stăpânind instrumentarul necesar unei astfel de întreprinderi științifice. Stabilirea corelațiilor între metodologiile specifice de studiu și principiile de interdisciplinaritate presupune identificarea unei scheme comune de analiză și reconsiderarea unor mărturii istorice, vestigii arheologice, arheozoologice și antropologice; formularea unor ipoteze de lucru. Sunt necesare în acest sens evaluarea stadiului actual al cercetării în context național și european, inițierea bazelor de date pentru informațiile din domeniul arheologiei, arheozoologiei, arheobotanicii și paleoantropologiei.

Identificarea și caracterizarea resurselor alimentare, animale și vegetale, utilizate de locuitorii Moldovei secolelor XIV-XVIII se va baza pe analiza vestigiilor arheologice, a unor eșantioane arheozoologice (identificări de taxoni animali și cuantificare) și arheobotanice (identificări de taxoni vegetali și cuantificare), precum și pe studiul unor surse documentare scrise publicate și inedite, păstrate în arhive și biblioteci (acte de cancelarie sau particulare, condici boierești și mănăstirești, catagrafii) și, de asemenea, datele din cronici și relatări ale călătorilor străini.

Studierea unei asemenea teme presupune identificarea și evaluarea practicilor alimentare ca indicatori ai calității vieții, utilizând descoperirile arheologice și sursele documentare scrise referitoare la achiziția și pregătirea hranei, consum, conservarea alimentelor. O activitate necesară în realizarea acestui obiectiv este corelarea descoperirilor arheologice cu informațiile documentare referitoare la vasele de gătit și de servit, din ceramică, metal și sticlă, ustensilele de bucătărie în vederea reconstituirii imaginii unei bucătării medievale din mediul urban și rural, de la curțile domnești și din așezămintele monahale. Totodată, este necesară realizarea unei tipologii privind cuptoarele destinate preparării bucatelor. În cadrul aceleiași direcții de studiu trebuie integrate datele arheozoologice secundare (dimensiunile corporale, clase de vârstă și sex ratio, frecvențe scheletice, contribuții la dietă). Interpretarea finală, din perspectivă interdisciplinară, a caracteristicilor de alimentație, în varietatea lor, pentru comunitățile Moldovei secolelor XIV-XVIII va rezulta din corelarea și integrarea datelor arheologice, arheozoologice, arheobotanice, paleoantropologice cu informațiile documentare. Se va urmări identificarea căilor de pătrundere a alimentelor provenite

din afara țării, stabilirea unor modele de alimentație în funcție de factorii geografici, sociali, etnici, religioși de pe teritoriul Moldovei medievale și premoderne.

Abordarea bio-arheologică propusă are un caracter complex și interdisciplinar (datele fiind oferite de cercetările arheologice, arheozoologice, arheobotanice, paleoantropologice), iar informațiile selectate din surse documentare scrise (cum ar fi actele emise de cancelaria domnească, condicile, catagrafiile, cronicile etc.) ar extinde perspectiva și ar permite dezvoltarea temei. Astfel, poate fi cercetată relația dintre resursele de hrană, principalele surse de alimentație și modelele de consum alimentar (rural, urban), varietatea regimului alimentar de la categoriile inferioare ale societății la marii boieri, problema reglementării drepturilor de exploatare a spațiilor necultivate ca eveniment major al istoriei alimentare la categoriile sociale inferioare, precum și problema consumului de produse alimentare în funcție de practicile liturgice și a influențelor pregnante venite din Orient sau Occident.

O etapă importantă a cercetării trebuie să se concentreze pe elaborarea unor baze de date utile în valorificarea științifică a unor serii de studii de caz – situri din Republica Moldova (Orheiul Vechi, Lăpușna, Lozova, Țuțora ș.a.) și România (Baia, Iași, Piatra Neamț, Siret, Vaslui ș.a.), care pot presupune și activități de teren. Unele situri arheologice, cum ar fi cele de la Orheiul Vechi, Lozova, Lăpușna, Țuțora, Iași, Dărmănești-Piatra Neamț ș.a. au în proximitate necropole medievale, cu sute de morminte; resturile scheletice umane pot oferi informații cu privire la obiceiurile alimentare (dieta), prin longevitate, analize de microuzură dentară, conținut de izotopi stabili, precum și prin patologiile care decurg din stări de nutriție specifice.

METODE DE CERCETARE

Cercetarea alimentației din Moldova secolelor XIV-XVIII necesită o alegere atentă a metodelor și instrumentelor de investigație, prin raportare la cele mai noi abordări în domeniul temei, precum și la modul în care acestea trebuie integrate. Astfel, trebuie utilizate metodele clasice de cercetare (metoda tipologică, cartografică, stratigrafică și cronologică, cele de corelație și statistică, metode proprii arheozoologiei și arheobotanicii), dar este necesară și adoptarea unor metodologii și tehnici inedite, ținând cont de faptul că tema de cercetare presupune o colaborare interdisciplinară. Pe parcursul cercetării, trebuie integrate rezultatele studiilor de caz selectate de pe ambele părți ale Moldovei (din Republica Moldova și din România). Studiile vor lua în considerare o serie de factori care sunt implicați în reconstrucția alimentației populației și a influenței acesteia asupra evoluției istorice a comunităților umane din Moldova secolelor XIV-XVIII: factorii taphonomici, factorii ecologici, factorii sociali, etnici și asociați cu anumite practici, limite și reguli (Schutkowski 2010). Se impune punerea în aplicare și dezvoltarea în acest domeniu al cercetării de noi metode de investigare (analiza microuzurii dentare, analize de izotopi stabili din resturi umane scheletice ș.a.), frecvent utilizate de cercetările arheologice efectuate în diferite părți ale Europei (Rivals, Schultz, Kaiser 2009; Lee-Thorp 2008; Brown, Brown 2011).

Deslușirea modelelor alimentare urbane și rurale, a surselor de aprovizionare cu alimente primare și metodelor de gătit, diversitatea dietelor (de la cei săraci la cei bogați), piețele alimentare, bucătăriile caselor bogate sau ale mănăstirilor, selectarea alimentelor, particularitățile regionale, vasele și ustensilele de bucătărie etc., nu este posibilă fără introducerea și dezvoltarea unor metode mai elaborate de cercetare. În acest context, este necesară estimarea pe baza analizelor arheozoologice a rolului pe care îl aveau animalele pentru nutriția locuitorilor din așezările urbane și rurale ale Moldovei medievale, evaluarea resurselor animale și identificarea diversității consumatorilor în funcție de factorii geografici, etnici/religioși, de mediul urban sau rural. Influența factorului etnic sau religios asupra structurii șeptelului a fost identificată, de exemplu, în cadrul eșantionului arheozoologic de la Orheiul Vechi de proveniență mongolă, perioada dominației Hoardei de Aur, care nu conține aproape deloc resturi de porc (Bejenaru, Bacumenco, Stanc 2003; 2014).

O asemenea cercetare presupune și anumite elemente de dificultate și limitări în abordarea subiectelor. Pentru teritoriul Moldovei medievale, spre deosebire de spațiul european, lipsesc cu desăvârșire sursele primare atât de necesare cercetării istoriei alimentației medievale: cărțile de bucate cu rețete culinare, meniurile zilnice sau ale meselor de sărbătoare, codurile de bune maniere. Totodată, se

simte insuficiența unor registre de aprovizionare a Curții domnești, a unor condici gospodărești întocmite la curțile boierești sau în casele oamenilor de rând, a unor liste de prăvălii și a registrelor vamale, surse relevante pentru reconstituirea istoriei și culturii alimentației din Moldova medievală și premodernă. Tehnicile bio-arhaeologice au la îndemână date statistice despre resursele alimentare de origine animală (arheozoologie) și vegetală (arheobotanică) folosite de populație, dar și datele paleoantropologice. Cu toate acestea, artefactele de natură biologică descoperite în siturile arheologice reprezintă probe modificate de numeroși factori care acționează de la depunerea lor (după deces) până la descoperirea în săpături arheologice. În acest interval de timp, este posibilă pierderea unui volum important de informație.

CONSIDERAȚII FINALE

În istoriografia noastră, nu există până în prezent sinteze cu caracter interdisciplinar consacrate alimentației (dietei și nutriției) populației de pe teritoriul Moldovei în secolele XIV-XVIII și implicațiilor acesteia asupra evoluției istorice a spațiului în discuție. Contribuțiile referitoare la tema alimentației au o abordare specifică cu limita geografică de cele mai multe ori la râul Prut. Studiile existente referitoare la alimentația medievală au fost elaborate sporadic, separat, în majoritatea cazurilor fiind vorba doar despre evaluări statistice a importanței diferitelor specii de animale și de plante, fără a fi corelate cu sursele documentare scrise, vestigiile arheologice și resturile umane. În cercetarea istorică de la noi nu este delimitată clar studierea istoriei alimentației medievale și premoderne ca direcție de cercetare separată. Limitările abordărilor curente au fost determinate și de faptul că, începând cu perioada postbelică, istoria Moldovei medievale n-a mai fost cercetată ca un întreg, iar valorificarea unitară/integră a datelor oferite de vestigiile arheologice, arheozoologice, arheobotanice și antropologice, precum și de sursele documentare scrise, a fost prejudiciată de rațiuni politice și metodologii de cercetare diferite, una în România, alta în fosta Uniune Sovietică, fapt care, inclusiv la momentul actual, face deficitară comunicarea dintre cercetătorii din Republica Moldova și România.

Interesul internațional în evaluarea alimentației populațiilor umane medievale este legat de modul în care omenirea a evoluat în ultimele secole, de adăugarea la dietă a unor alimente procesate industrial sau chiar artificiale, situație care a determinat o explozie fără precedent a bolilor care sunt acum strâns asociate civilizației moderne (obezitate, diabet, boli de inima, boli ale tractului digestiv, cancer). În acest context, tema alimentației din Moldova secolelor XIV-XVIII poate avea un impact semnificativ în domeniul cercetării istoriei alimentației medievale și transformărilor demografice din spațiul românesc. Se va contura totodată o idee clară cu privire la modul în care locuitorii au înțeles să utilizeze resursele faunistice și vegetale, precum și despre unele schimbări în biodiversitate, din cursul ultimelor secole. Valorificarea datelor bio-arheologice în sensul reliefării conexiunilor dintre istoria alimentației și evoluția istorică a comunităților Moldovei medievale și premoderne va ajuta și la mai buna înțelegere a unor mecanisme economice primare, care stăteau la baza gospodăriilor individuale: tipuri de alimente consumate, originea acestora – prin creștere proprie sau achiziționare de pe piață –, cantități folosite etc. Așa cum am subliniat mai sus, aceste concluzii pot avea impact asupra interpretărilor contemporane ce privesc relația dintre modelele alimentare, nutriție, boli, calitatea vieții și mișcări de populații cu toate aspectele sale.

Bibliografie

Adamson 2004: M.W. Adamson, Food in medieval times (London 2004).

Alexandre-Bidon 2005: D. Alexandre-Bidon, Une archéologie du goût. Céramique et consommation (Moyen Âge – Temps modernes) (Paris 2005).

Andronic 1986: Al. Andronic, Iașii până la mijlocul secolului al XVII-lea. Geneză și evoluție (Iași 1986).

Aymard 1975: M. Aymard, Pour l'histoire de l'alimentation: quelques remarques de méthode. AÉSC 30e année, nr. 2-3, 1975, 431-444.

Babeș, 1902: V. Babeș, Boalele țăranului român et Studii asupra pelagrei (Bucureşti 1902).
Bacumenco-Pîrnău 2011: L. Bacumenco-Pîrnău, Câteva studii interdisciplinare referitoare la istoria alimentației medievale. RA VII, nr. 1-2, 299-302.
Batariuc 2000: P.V. Batariuc, Instalații de încălzit în locuințe din mediul rural din Moldova. Secolele XIV-XVII. AM XXI (1998), 2000, 149-163.
Batariuc 2004: P.V. Batariuc, Din nou despre ceramica cenuşie de la Suceava. AM XXV (2002), 2004, 219-235.
Bătrîna, Bătrîna 1979: L. Bătrîna, A. Bătrîna, O casă domnescă din secolul al XVI-lea descoperită în cuprinsul ansamblului de la Bistrița (jud. Neamț). SCIVA 30, nr. 3, 1979, 31-45.
Béarez, Grouard, Clavel 2008: Ph. Béarez, S. Grouard, B. Clavel (eds.), Archeologie du poisson. 30 ans d'archeo-ichtyologie au CNRS. Hommage aux traveaux de Jean Dess et de Nathalie Desse-Berset (Antibes 2008).
Bejenaru 2003: L. Bejenaru, Arheozoologia spațiului românesc medieval (Iaşi 2003).
Bejenaru 2003a: L. Bejenaru, Date arheozoologice privind tipologia bovinelor crescute în aşezările medievale de pe teritoriul României. AM XXVI, 2003, 325-330.
Bejenaru 2004: L. Bejenaru, Date arheozoologice privind strategia de punere în valoare a unor animale sălbatice în aşezări medievale de pe teritoriul României. AM XXV (2002), 2004, 305-308.
Bejenaru 2006: L. Bejenaru, Arheozoologia Moldovei medievale (Iaşi 2006).
Bejenaru 2009: L. Bejenaru, Archaeozoological Approaches to Medieval Moldavia. BAR International Series 1954 (Oxford 2009).
Bejenaru, Bacumenco, Stanc 2003: L. Bejenaru, L. Bacumenco, S. Stanc, Date arheozoologice privind complexul Orheiul Vechi. Tyragetia XII, 2003, 85-91.
Bejenaru, Bacumenco, Stanc 2008: L. Bejenaru, L. Bacumenco, S. Stanc, Information about fish in the historical documents of Iași city (Romania). In: Archeologie du poisson. 30 ans d'archeo-ichtyologie au CNRS. Hommage aux traveaux de Jean Dess et de Nathalie Desse-Berset (Antibes 2008), 101-109.
Bejenaru, Bacumenco, Stanc 2014: L. Bejenaru, L. Bacumenco-Pîrnău, S. Stanc, Câteva considerații privind importanța porcului domestic (Sus domesticus) în economia alimentară a Moldovei medievale. RA X, nr. 1-2, 2014, **271-289.**
Bejenaru, Serjeantson 2014: L. Bejenaru, D. Serjeantson (eds.), Birds and Archaeology: new research. In: International Journal of Osteoarchaeology (special issue), vol. 24, nr. 3, 2014.
Bennassar 1961: B. Bennassar, L'alimentation d'une ville espagnole au XVIe siècle. Quelques données sur les approvisionnements et la consommation de Valladolid. AÉSC 16, 4, 1961, 728-740.
Bergier 1982: J.-Fr. Bergier, Une histoire du sel (Fribourg 1982).
Borojevič 2005: Ks. Borojevič, Nutrition and environment in medieval Serbia: charred cereal, weed and fruit remains from the fortress of Ras. Vegetation History and Archaeobotany 14 (Berlin 2005), 453-464.
Braudel 1961: F. Braudel, Alimentation et catégories de l'histoire. AÉSC 16, nr. 4, 1961, 723-728.
Braudel 1961a: F. Braudel, Présentation. AÉSC 16, nr. 3, 1961, 545-549.
Brown, Brown 2011: T. Brown, K. Brown, Biomolecular Archaeology. An Introduction (Wiley-Blackwell 2011).
Butură 1989: V. Butură, Străvechi mărturii de civilizație românească (Bucureşti 1989).
Buzilă 1999: V. Buzilă, Pâinea: aliment şi simbol (Chişinău 1999).
Byrnia 1969: P.P. Byrnia, Sel'skie poseleniia Moldavii XV-XVII vv. (Kishinev 1969) // П.П. Бырня, Сельские поселения Молдавии XV-XVII вв. (Кишинев 1969).
Byrnia 1984: P.P. Byrnia, Moldavskii srednevekovyi gorod v Dnestrovsko-Prutskom mezhdurec'e (Kishinev 1984) // П.П. Бырня, Молдавский средневековый город в Днестровско-Прутском междуречье (Кишинев 1984).
Cantacuzino, Rădulescu 1974: Gh. I. Cantacuzino, Al. Rădulescu, Considerații asupra ceramicii descoperite la mănăstirea Putna în anul 1971. SCIVA 25, nr. 4, 1974, 527-544.
Carlin, Rosenthal 1998: M. Carlin, J.T. Rosenthal (eds.), Food and Eating in Medieval Europe (London–Rio Grande 1998).
Cazacu 1999: M. Cazacu, Studiu introductiv. In: O lume într-o carte de bucate. Manuscris din epoca brâncovenească, transcrierea textului, prefața și postfața de I. Constantinescu (București 1999).
Cazacu 1999: M. Cazacu, The Story of Romanian Gastronomy (Bucureşti 1999).
Ciurea 1963: D. Ciurea, Foametea şi epidemiile în Moldova în secolele XVI-XVII. Revista medico-chirurgicală LXVII, nr. 2, 1963 (extras).
Claudian 1939: I. Claudian, Alimentația poporului român în cadrul antropogeografiei şi istoriei economice (București 1939).
Clavel 2001: B. Clavel, L'Animal dans l'alimentation médiévale et moderne en France du nord (XIIe-XVIIe siècles).

Revue archéologique de Picardie, n° spécial 19 (Amiens 2001).
Dembińska 1999: M. Dembińska, Food and drink in medieval Poland: rediscovering a cuisine of the past, transl. W.W. Weaver, University of Pennsylvania Press (Philadelphia 1999).
Duncă 2004: P. Duncă, Repere în antropologia culturală a alimentației (Iași 2004).
Emandi 1979: E.I. Emandi, Civilizația medieval-urbană. Un depozit de marfă din vremea lui Ştefan cel Mare, descoperit la Suceava. Hierasus IX, 1994, 235-291.
Flandrin 1983: J.-L. Flandrin, Le goût et la nécessité: sur l'usage des graisses dans les cuisines d'Europe occidentale (XIVe-XVIIIe siècle). AÉSC 38, nr. 2, 1983, 369-401.
Flandrin, Montanari 1996: J.-L. Flandrin, M. Montanari, Histoire de l'alimentation (Paris 1996).
Gautier 2009: A. Gautier, Alimentations médiévales (Ve-XVIe siècle) (Paris 2009).
Gorodenco 2000: A. Gorodenco, Ceramica locală de la Orheiul Vechi în secolele XIV-XVI (Brăila 2000).
Haupt 1962: G.C. Haupt, Le maïs arrive dans les Balkans. AÉSC 17, nr. 1, 1962, 84-93.
Hémardinquer 1970: J.-J. Hémardinquer (ed.), Pour une Histoire de l'alimentation (Paris 1970).
Hocquet 1974: J.-Cl. Hocquet, Métrologie du sel et histoire comparée en Méditerranée. AÉSC 29, nr. 2, 1974, 393-424.
Iorga 1920: N. Iorga, Vechimea culturii porumbului la noi. Revista istorică, VI, nr. 7-9, 1920, 170-175.
Iorga 1928: N. Iorga, O gospodărie moldovenească la 1777, după socotelile cronicarului I. Canta. Analele Academiei Române. Memoriile Secțiunii Istorice, seria III, tomul VIII, extras (București 1928).
Iorga 1982: N. Iorga, Opere economice (ediție îngrijită de G. Penelea) (București 1982).
Khynku 1969: I.G. Khynku, Poseleniia XI-XIV vekov v Orgeevskikh kodrakh Moldavii (Kishinev 1969)// И.Г. Хынку, Поселения XI-XIV веков в Оргеевских кодрах Молдавии (Кишинев 1969).
Laurioux 2002: B. Laurioux, Manger au Moyen Âge. Pratiques et discours alimentaires en Europe au XIVe et XVe siècles (Paris 2002).
Laurioux, 2002: M. Bruegel, B. Laurioux (eds.), Histoire et identités alimentaires en Europe (Paris 2002).
Le Goff 1961: J. Le Goff, Une enquête sur le sel dans l'histoire. AÉSC 16, nr. 5, 1961, 959-961.
Lee-Thorp 2008: J.A. Lee-Thorp, On isotope and old bones. Archaeometry 50, 2008, 925-950.
Lemny 1990: Şt. Lemny, Sensibilitate şi istorie în secolul XVIII românesc (Bucureşti 1990).
Lupescu 2001: M. Lupescu, Bucătăria tradițională românească (text stabilit, prefață și indice de Petre Florea) (Bucureşti 2001).
Märkle 2005: T. Märkle, Nutrition, aspects of land use and environment in medieval times in southern Germany: plant macro-remain analysis from latrines (late 11th-13th century A.D.) at the town of Überlingen, Lake Constance. Vegetation History and Archaeobotany 14 (Berlin 2005), 427-441.
Meyer 1982: Ph. Meyer, L'homme et le sel (Paris 1982).
Monah 1988: F. Monah, Noi determinări arheobotanice pentru Moldova. AM, XII, 1988, 303-309.
Monah 2000: F. Monah, Determinări arheologice pentru stațiuni medievale din Moldova și de la Brăila (Déterminations archéologiques pour des stations médiévales de Moldova et de Brăila). Arheologia Medievală 3, 2000, 277-282.
Neamțu 1955: V. Neamțu, Exploatarea peștelui în Moldova în secolul al XV-lea. In: Studii şi Cercetări Ştiințifice, Istorie, VI, nr. 1-2 (Iași 1955), 29-49.
Neamțu 1971: V. Neamțu, Contribuții la cunoaşterea meşteşugurilor ieşene legate de alimentația populației în secolul al XVII-lea. Analele Ştiințifice ale Universității Iași, serie nouă, secțiunea III, Istorie, tomul XVII, fasc. 2, 1971, 219-224.
Neamțu, Neamțu, Cheptea 1980: E. Neamțu, V. Neamțu, S. Cheptea, Orașul medieval Baia în secolele XIV-XVII. Cercetări arheologice din anii 1967-1976 (Iași 1980).
Olteanu, Şerban 1969: Șt. Olteanu, C. Şerban, Meşteşugurile din Țara Românească și Moldova în evul mediu (București 1969).
Panfile 1910: T. Panfile, Industria casnică la români (București 1910).
Panfile 1913: T. Panfile, Agricultura la români (București 1913).
Pavlescu 1939: E. Pavlescu, Economia breslelor în Moldova (Bucureşti 1939).
Philipe 1961: R. Philipe, Commençons par l'histoire de l'alimentation. Annales. Économies, Sociétés, Civilisations 16, nr. 3, 1961, 549-552.
Popovici 1987: R. Popovici, Cercetări arheologice în aşezarea rurală medievală Măleşti (secolele XIV-XVII). AM XI, 1987, 169-190.
Popovici 2004: R. Popovici, Negoiești, un village de la zone de Neamț dans les XIVe-XVIIe siècles. AM XXV (2002), 2004, 237-251.

Postică 2006: Gh. Postică, Orheiul Vechi: Cercetări arheologice 1996-2001 (Iași 2006).
Quellier 2007: Florent Quellier, La Table des Français. Une histoire culturelle (XVe – début de XIXe siècle) (Tours 2007).
Reitz, Wing 2008: E.J. Reitz, E.S. Wing, Zooarchaeology, Cambridge Manuals in Archaeology, (Cambridge 2008).
Rivals, Schultz, Kaiser 2009: F. Rivals, E. Schultz, T.M. Kaiser, A new application of dental wear analyses: estimation of duration of hominid occupations in archaeological localities. Journal of Human Evolution 56 (4) (London–New York 2009), 329-339.
Rowley 2006: A. Rowley, Une histoire mondiale de la table. Stratégies de bouche (Paris 2006).
Șăineanu 1900: L. Șăineanu, Influența orientală asupra limbei și culturei române, vol. I (București 1900).
Schutkowski 2010: H. Schutkowski, Human Ecology. Biocultural Adaptations in Human Communities (Berlin 2010).
Senciuc-Borcea 2013: O. Senciuc-Borcea, Alimentație și societate în Moldova și Țara Românească (secolele XVI-XVIII), teză de doctorat (Iași 2013).
Spinei et all 1993: V. Spinei, M. Alexianu, Ş. Scorțanu, E. Ciubotaru, Încăpere-depozit din secolul al XV-lea de la Izvoare (jud. Neamț). AM XVI, 1993, 251-274.
Spinei, Gherman 1995: V. Spinei, E. Gherman, Şantierul arheologic Siret (1993). AM XVIII, 1995, 229-250.
Stîngă 1891: Șt. Stîngă, Mediul social ca factor patologic (București 1891).
Szekely 2006: M.M. Szekely, Bucate și leacuri de altădată. In: Revista de Istorie Socială, VIII-IX (2003-2004) (Iași 2006), 205-236.
Urbeanu 1901: V. Urbeanu, Îmbunătățirea alimentației țăranului roman (București 1901).
Urbeanu 1914: V. Urbeanu, Cercetări asupra alimentației populației (pelagra) (Bucureşti 1914).
Văduva 1996: O. Văduva, Paşi spre sacru. Din etnologia alimentației românești (Bucureşti 1996).
Woolgar, Serjeantson, Waldrom 2006: C.M. Woolgar, D. Serjeantson, T. Waldrom (eds.), Food in Medieval England. Diet and Nutrition, (Oxford 2006).
Wyczański 1962: A. Wyczański, La consommation alimentaire en Pologne au XVIe siècle. AÉSC 17, nr. 2, 1962, 318-323.
Yoder 2010: C. Yoder, Diet in medieval Denmark: a regional and temporal comparison. Journal of Archaelogical Science 37 (London–New York 2010), 2224-2236.

Ludmila Bacumenco-Pîrnău, doctor în istorie, cercetător științific superior, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural al Academiei de Științe a Moldovei, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: ludmila.pirnau@gmail.com

Luminița Bejenaru, conferențiar universitar, cercetător științific principal, Universitatea „Alexandru Ioan Cuza", Facultatea de Biologie, Laboratorul de Bioarheologie - Arheoinvest, Bd. Carol I, 11, 700506, Iași, România, e-mail: lumib@uaic.ro

Angela Simalcsik, Vasilica-Monica Groza

Necropola medievală de la Lozova. Campania arheologică din 2014. Raport antropologic

Keywords: Medieval necropolis, Lozova, XIVth-XVth centuries, anthropological data.
Cuvinte cheie: necropola medievală, Lozova, secolele XIV-XV, date antropologice.
Ключевые слова: средневековое кладбище, Лозова, XIV-XV вв., антропологические данные.

Angela Simalcsik, Vasilica-Monica Groza
The medieval cemetery from Lozova. 2014 archaeological campaign. Anthropological report

The osteological remains we will refer to were excavated in 2014 from the medieval site at Lozova–*La hotar cu Vornicenii* (Strășeni County, Republic of Moldova). A number of 25 funerary complexes have been excavated, containing 26 individuals (nine males, eight females and nine of undetermined sex). The deceased were buried according to the traditional Christian ritual – head to the west, watching eastwards, stretched on the back, with stretched legs and arms bent at the elbows, with the hands on the chest, abdomen or shoulders. According to the grave goods, in the absence of coins, the use period of the cemetery was estimated between the middle of the 14th and the 15th century. The cemetery belonged to a Christian community. The conservation state of the skeletons is satisfactory. Of the 26 individuals, nine did not go over the age of 14. Only one individual falls into the 14-20 years category. The other 16 subjects (eight males and eight females) lived after the age of 20. The *sex ratio* (the masculinity index) of this osteological series is slightly above 1. Life expectancy at birth is 31.9 years, and after the age of 20 goes down to 25.3 for both sexes.

Angela Simalcsik, Vasilica-Monica Groza
Necropola medievală de la Lozova. Campania arheologică 2014. Raport antropologic

Eșantionul osteologic uman la care ne referim a fost deshumat în 2014 din situl medieval Lozova–*La hotar cu Vornicenii* (raionul Strășeni, Republica Moldova). Au fost dezvelite sistematic 25 de complexe funerare, în care s-au descoperit 26 schelete umane (nouă masculine, opt feminine și nouă cu sexul indeterminabil). Defuncții erau înhumați potrivit ritualului tradițional creștin – cu capul spre apus și fața spre răsărit, în decubit dorsal, cu picioarele întinse și brațele îndoite din coate, cu mâinile așezate pe piept, abdomen sau pe umeri. Conform inventarul funerar, în lipsa monedelor, perioada de utilizare a cimitirului a fost estimată între mijlocul secolului al XIV-lea – secolul al XV-lea. Cimitirul a aparținut unei comunități creștine. Starea de conservare a scheletelor este satisfăcătoare. Din totalul de 26 indivizi, nouă nu au depășit vârsta de 14 ani. Un singur individ se încadrează în intervalul de vârstă 14-20 ani. Ceilalți 16 indivizi (opt bărbați și opt femei) au trecut de vârsta de 20 ani. *Sex ratio* (indicele de masculinitate) în această serie osteologică este ușor supraunitar. Speranța de viață la naștere este de 31,9 ani, iar după împlinirea vârstei de 20 de ani, speranța de viață este de 25,3 ani pentru ambele sexe.

Анжела Симальчик, Василика-Моника Гроза
Средневековое кладбище Лозова. Археологические раскопки 2014 года. Антропологический аспект

Остеологическая серия, анализированная в данной статье, была эксгумирована в 2014 году из средневекового кладбища Лозова–*Ла хотар ку Ворничений* (район Стрэшень, Молдова). Были исследованы систематически 25 погребальных комплексов, в которых были обнаружены 26 человеческих скелетов (девять мужских, восемь женских и девять с неопределенным полом). Умерших хоронили по христианскому обряду – на спине, головой на запад, лицом на восток, с вытянутыми ногами и согнутыми в локтях руками, размещенных на груди, животе или на плечах. По погребальному инвентарю, в отсутствии монет, период функционирования кладбища был определен серединой XIV – XV веком. Кладбище принадлежало христианской общине. Скелеты удовлетворительной сохранности. Всего, из 26 индивидуумов, девять не прожили больше 14 лет. Один индивидуум умер в пределах 14-20 лет. Другие 16 индивидуумов (восемь мужчин и восемь женщин) прожили больше 20 лет. *Sex ratio* (половой индекс) в этой серии немного выше единицы. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении – 31,9 года, а средняя продолжительность жизни после 20 лет составляет 25,3 года для обоих полов.

INTRODUCERE

Cercetările arheologice, demarate în anul 2010 în situl medieval Lozova-*La hotar cu Vornicenii*, au continuat și în vara anului 2014. Situl este amplasat în imediata apropiere a hotarului dintre satele actuale Lozova și Vorniceni (raionul Strășeni) din valea Bucovățului. Cimitirul așezării rurale a aparținut unei comunități creștine. Campania de săpătură din 2014 a fost coordonată de dr. Ion Ursu, cercetător la Centrul de Arheologie al Institutului Patrimoniului

Cultural al Academiei de Ştiinţe din Moldova.

În campania arheologică din 2014, în secţiunile nou excavate, s-au întreprins, ca şi în precedentele campanii, cercetări multidisciplinare. În această din urmă campanie au fost dezvelite sistematic 25 de complexe funerare, în care au fost identificate 26 schelete umane. Defuncţii erau înhumaţi potrivit ritualului tradiţional creştin – cu capul spre apus şi faţa spre răsărit, în decubit dorsal, cu picioarele întinse şi braţele îndoite din coate, cu mâinile aşezate pe piept, abdomen sau pe umeri. Adâncimea mormintelor variază între 0,20 m şi 0,80 m de la nivelul actual de călcare. Gropile mortuare erau de formă trapezoidală, cu pereţii verticali şi colţurile deseori rotunjite, fiind săpate după dimensiunile decedatului. Nu au fost reperate urme de lemn provenind de la sicrie. În multe complexe funerare au fost identificaţi cărbuni de lemn. Inventarul funerar este, în general, sărac, reprezentat prin piese vestimentare sau de podoabă lucrate din fier, bronz şi argint. Odată cu primele vestigii descoperite (campania din 2010), conform datelor oferite de arheologii care au analizat inventarul funerar, în lipsa monedelor, perioada de utilizare a cimitirului a fost estimată între mijlocul secolului al XIV-lea şi secolul al XV-lea. Încadrarea a fost confirmată şi întărită în campania din 2014, odată cu diversificarea inventarului funerar descoperit (Ursu, Bacumenco-Pîrnău, Vornic 2014, 139-142).

MATERIALUL ŞI METODOLOGIA DE LUCRU

În lucrarea de faţă oferim un raport antropologic succint al osemintelor descoperite în necropola medievală de la Lozova în campania din 2014. Eşantionul osteologic analizat cuprinde 26 schelete (provenite din 25 de morminte): nouă masculine, opt feminine şi nouă indeterminabile din acest punct de vedere. Specificăm că până în prezent în perimetrul sitului Lozova-*La hotar cu Vornicenii* au fost descoperite 79 de înhumări (număr care le include şi pe cele 25 din campania 2014). Materialul scheletic uman rezultat din campaniile anterioare de săpătură (2010-2011) a beneficiat de un studiu amănunţit, atât din punct de vedere arheologic (Bacumenco-Pîrnău, Vornic, Ursu 2011, 120-122; Vornic et all 2012, 222-256), cât şi antropologic (Simalcsik 2012, 316-343; Simalcsik, Simalcsik, Groza 2013a, 71-80; 2013b, 228-244; 2014, 85-96; Simalcsik et all 2014, 247-265).

Starea de conservare a scheletelor care fac obiectul studiului de faţă este satisfăcătoare, ceea ce a făcut posibilă o analiză antropologică detaliată, chiar dacă, în anumite cazuri, unele schelete sunt incomplete şi fragmentate sub acţiunea factorilor antropici şi de mediu.

Studiul antropologic a debutat cu curăţarea, marcarea şi restaurarea resturilor scheletice, procedee urmate de examinarea morfoscopică, prelevarea datelor biometrice, determinarea sexului şi estimarea vârstei la deces, încadrarea tipologică şi analiza paleopatologică.

Vârsta la deces în cazul indivizilor care nu au atins 20 ani (*infans I*, *infans II* şi *juvenis*) a fost estimată după următoarele criterii: etapa de erupţie a dentiţiei temporare şi înlocuirea acesteia cu dentiţia permanentă, gradul de concreştere a epifizelor oaselor lungi la diafize, dimensiunea oaselor craniene şi postcraniene, stadiul de osificare a vertebrelor. Ne-am ghidat după metodologia propusă de Maresh (1970); Ubelaker (1979); Schaefer, Black, Scheuer (2009).

În cazul indivizilor trecuţi de 20 ani (*adultus*, *maturus* şi *senilis*), criteriile utilizate în estimarea vârstei la deces au fost: morfologia simfizei pubiene, uzura coroanelor dentare, modificările degenerative ale articulaţiei iliosacrale, modificările ţesutului osos spongios din epifizele femurului şi humerusului, gradul de decalcifiere a oaselor postcraniene, gradul de obliterare a suturilor craniene, aspectul capetelor costale, căderea dentară *intra vitam*, resorbţia marginilor alveolare. Determinarea sexului s-a realizat doar la indivizii trecuţi de 14 ani, utilizând toate fragmentele ososase care au oferit indicii în acest sens. Pentru determinarea sexului s-au urmărit: caracteristicile bazinului, masivitatea şi robusticitatea scheletului, gradul de dezvoltare a articulaţiilor şi a inserţiilor musculare, caracteristicile craniului şi a mandibulei, forma şi dimensiunea dinţilor. Determinarea sexului şi estimarea vârstei la deces în cazul indivizilor trecuţi de 20 de ani s-au realizat după metodele recomandate de Nemeskéri, Harsányi, Acsády (1960, 70-95); Stradalova (1975, 237-244); Ubelaker (1979); Ferembach, Schwidetzky, Stloukal (1979, 7-45); Brothwell (1981); Smith, Knight (1984, 435-438); Mays (1998); Bruzek (2002, 157-168); Walrate, Turner, Bruzek (2004, 132-137); White, Folkens (2005); Schmitt (2005, 1-13); Latham, Finnegan (2010); Blanchard (2010).

În analiza antropologică s-a ținut cont atât de valorile absolute (măsurători directe), cât și de cele relative (indici calculați prin raportul dintre măsurătorilor directe), după metodele recomandate de Martin, Saller (1957-1966). Evaluarea și încadrarea în categorii a valorilor absolute și relative s-au făcut după scările dimorfice recomandate de Alekseev, Debetz (1964). Observațiile morfoscopice au fost înregistrate și analizate după metodele recomandate de Eickstedt (1934); Olivier (1969). Statura a fost calculată după dimensiunile oaselor lungi ale membrelor superioare (humerus, radius, ulna) și inferioare (femur, tibia, fibula). Am utilizat scările dimensionale propuse de Manouvrier (1892, 227-233); Breitinger (1938, 249-274); Trotter, Gleser (1958, 79-123); Bach (1965, 12-21). Încadrarea valorilor staturii în categorii, în funcție de sex, s-a făcut după Martin, Saller (1957-1966). Caracterizarea tipologică s-a realizat conform clasificărilor propuse de Bunak, Nesturkh, Roginskii (1941); Vallois (1944); Boev (1972); Baker (1974).

Identificarea osteopatologiilor și anomaliilor (inclusiv a trăsăturilor epigenetice /non-metrice craniene, dentare și postcraniene) și aprecierea gradului de severitate a acestora s-au realizat după metodele recomandate de Janssens (1970); Buikstra, Ubelaker (1994); Campillo (1994); Mays (1998); Aufderheide, Rodriguez-Martin (1998); Cox, Mays (2000); Ortner (2003); Mann, Hunt (2005); Bailey (2006, 9-30); Roberts, Manchester (2007); Molleson (2007, 5-33); Katzenberg, Saunders (2008); Brickley, Ives (2008); Waldron (2009); Barnes (2012); Leroux (2012). Au fost analizate și particularitățile scheletice considerate în literatura de specialitate ca fiind adaptări funcționale și ocupaționale, ale stilului de viață, denumite entezopatii mecanice sau indicatori musculo-scheletici.

DESCRIEREA INDIVIDUALĂ A SCHELETELOR

Mormântul 35 (bărbat, 45-50 ani, *maturus*). Scheletul cranian este incomplet. Indicele cefalic este dolicocran. Fruntea este foarte largă (Fig. 1). Occipitalul este larg și moderat de înalt. Relieful cranian este pronunțat. Mandibula este masivă, înaltă, cu indicele de robusticitate mare. Zigomaticele sunt înalte și reliefate. Scheletul postcranian este complet și bine conservat. Osatura este foarte robustă. Femurele au relief subtrohanterian dezvoltat și pilastru accentuat. Statura, calculată după

Fig. 1. M.35, bărbat, 45-50 ani. Craniu, *norma frontalis*. Metopism.

Fig. 1. Grave 35, male, 45-50 years old. *Norma frontalis* of the skull.

lungimea femurelor (172 cm), intră în categoria masculină mare. Din punct de vedere tipologic, acest individ prezintă elemente Nordoide și Est-Europoide.

La nivel cranian semnalăm următoarele anomalii/patologii: metopism (Fig. 1); un osicul lambdoid; relief nucal foarte dezvoltat; linie nucală suplimentară; foramen mastoid exsutural; entezofite formate de ligamentul mușchiului mandibular

Fig. 2. M.35, bărbat, 45-50 ani. Rotula dreaptă cu osteofite.

Fig. 2. Grave 35, male, 45-50 years old. The right patella with osteophytes.

Fig. 3. M.35, bărbat, 45-50 ani. Tibia și fibula de pe dreapta, periostită.

Fig. 3. Grave 35, male, 45-50 years old. The right tibia and fibula with periostitis.

buccinator. La nivel dentar am identificat cinci căderi *intra vitam*, tartru supragingival depus lingual și vestibular, uzură de tip abrazie (probabil cauzată de utilizarea dentiției pe post de instrument). La nivel postcranian semnalăm prezența următoarelor anomalii/patologii: osteoartroză generalizată; osteofit de mari dimensiuni pe epifiza proximală a ulnei stângi; inserții musculare accentuate pe tuberozitatea radială; fosa Allen și fațeta Poirier pe femure; entezofite pe *linea aspera* femurală; coroziune vertebrală în segmentul cervical; noduli Schmorl (hernie) și osteofite marginale pe segmentul toracic T8-T12; osteofite de mari dimensiuni pe rotule (Fig. 2); fractură închisă pe oasele gambei drepte (tibia și fibula), corect consolidată, localizată în zona metafizară distală, cu complicații posttraumatice – calus extrem de consistent și periostită (posibilă osteomielită) (Fig. 3). Pe oasele postcraniene sunt prezenți numeroși indicatori ai activităților ecvestre (călărit).

Mormântul 55 (femeie, 50-55 ani, *maturus*). Din scheletul cranian sunt prezente doar două fragmente din frontal (unul include o parte din sutura coronară). Scheletul postcranian este incomplet, fragmentat din cauze tafonomice și antropice. Osatura este gracilă. Femurele sunt hiperplatimere, fără pilastru, cu relief subtrohanterian moderat. Statura, calculată după lungimea femurului stâng (154 cm), intră în categoria feminină mijlocie.

La nivel postcranian semnalăm următoarele anomalii/patologii: creastă și fosă subtrohanteriene; hiperplatimerie femurală; artroză avansată la nivelul coloanei vertebrale cervicale (suprafețe de articulație deformate și corodate) și lombare (osteofite de mari dimensiuni). Sunt prezenți indicatori ai efortului fizic susținut, în special la nivelul coloanei vertebrale.

Mormântul 56 (sex indeterminabil, 18-24 luni, *infans I*). Scheletul este incomplet și fragmentat din cauze antropice și tafonomice. Segmentul cranian lipsește din inventarul osteologic. Din porțiunea postcraniană sunt prezente iliumurile, femurele, tibiile, fibulele, câteva coaste și unele corpuri și arcuri provenite de la vertebrele toracice și lombare. Vârsta la deces a fost estimată după dimensiunea iliumului (lungime = 58 mm, lățime = 53 mm) și a tibiei (lungime diafiză = 130 mm).

Mormântul 57 (sex indeterminabil, 5-6 ani, *infans I*). Scheletul cranian lipsește din inventarul osteologic (distrus din cauze antropice). Scheletul postcranian este aproape complet, cu excepția câtorva coaste, a claviculei și scapulei de pe stânga, a vertebrelor cervicale și a trei vertebre toracice. Vârsta la deces a fost estimată după dimensiunile humerusului (lungime diafiză = 185 mm), femurului (lungime diafiză = 257 mm) și claviculei (lungime = 89 mm). La nivel postcranian semnalăm prezența aperturii supratrohleare (incomplet osificată).

Mormântul 58 (femeie, 50-55 ani, *maturus*). Scheletul cranian a fost restaurat în proporție de 80%. Porțiunile facială și frontală au fost tasate din cauze antropice. Calotă craniană este hiperbrahicrană. Relieful cranian este slab dezvoltat. Fruntea este foarte largă (Fig. 4). Occipitalul este

Fig. 4. M.58, femeie, 50-55 ani. Craniu, *norma facialis*.

Fig. 4. Grave 58, female, 50-55 years old. *Norma facialis* of the skull.

înalt, de lărgime medie. Nasul este potrivit de înalt și de larg. Mandibula are ram vertical scurt și larg și indice de robusticitate mare (Fig. 5). Scheletul postcranian este incomplet. Osatura este gracilă. Humerusul este platibrahic. Femurul este hiperplatimer, fără pilastru. Tibia este mezocnemă. Statura, calculată după lungimea femurelor (156 cm), intră în categoria feminină supramijlocie. Din punct de vedere tipologic, această femeie prezintă caractere Mongoloide.

La nivel cranian semnalăm musculatura nucală evidențiată (indicator al suprasolicitării mușchilor din regiunea cervicală) și osiculi suplimentari pe sutura lambdoidă. La nivel dentar am identificat: curbură labială a incisivilor I și II superiori; incisivi I și II superiori și inferiori de tip „lopată/shovel" (caracter mongoloid) (Fig. 6); molari I și III inferiori cu cinci cuspizi; o cădere *intra vitam*. La nivel postcranian semnalăm prezența aperturii humerale supratrohleare (Fig. 7).

Fig. 5. M.58, femeie, 50-55 ani. Maxilarul superior și mandibula.

Fig. 5. Grave 58, female, 50-55 years old. The upper jaw and the mandible.

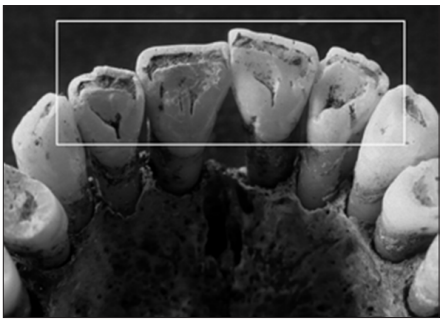


Fig. 6. M.58, femeie, 50-55 ani. Incisivi superior de tip „lopată".

Fig. 6. Grave 58, female, 50-55 years old. Shovel shape of upper incisors.

Fig. 7. M.58, femeie, 50-55 ani. Humerus drept, apertură septală.

Fig. 7. Grave 58, female, 50-55 years old. The right humerus, supratrochlear foramen.

Mormântul 59 (femeie, 60-65 ani, *senilis*). Scheletul cranian este fragmentat din cauze antropice. Oasele craniului sunt gracile, cu relief atenuat. Suturile coronară și sagitală sunt complet obliterate. Zigomaticele sunt moderat dezvoltate. Indicele de robusticitate mandibulară este foarte mare. Scheletul postcranian este complet, însă fragmentat din cauza tafonomice. Humerusul are relief deltoidian

destul de dezvoltat. Femurele prezintă pilastru slab. Tibiile și talusurile prezintă fațete suplimentare de articulație (indicator al poziției chircite). Statura, calculată după lungimea femurelor (164 cm), se încadrează în categoria feminină mare. Din punct de vedere tipologic, la această femeie predomină elementele Est-Europoide.

La nivel dentar semnalăm următoarele anomalii/patologii: tartru supragingival, 10 căderi *intra vitam* (cinci pe arcada superioară și cinci pe cea inferioară) (Fig. 8). La nivel postcranian semnalăm prezența osteoartrozei la nivelul epifizei distale a radiusului și la nivelul coloanei vertebrale cervicale (coroziune pe corpuri) (Fig. 9), la care adăugăm apertura supratrohleară humerală.

Fig. 8. M.59, femeie, 60-65 ani. Mandibula. Căderi dentare *intra vitam*.

Fig. 8. Grave 59, 60-65 years old. The mandible. *Intra vitam* tooth loss.

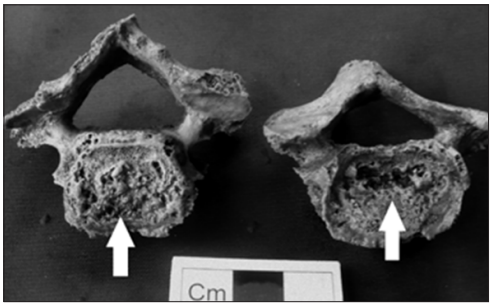


Fig. 9. M.59, femeie, 60-65 ani. Vertebră cervicală, artroză, coroziune.

Fig. 9. Grave 59, female, 60-65 years old. Cervical vertebrae, arthritis.

Mormântul 60 (femeie, circa 50 ani, *maturus*). Scheletul cranian este fragmentat din cauze tafonomice și antropice. Oasele craniului sunt gracile. Suturile craniene sunt aproape închise. Relieful cranian este slab dezvoltat. Mandibulă este robustă. Scheletul postcranian este fragil și extrem de fragmentat. Osatura este gracilă. Humerusurile sunt euribrahice. Femurele au un ușor pilastru și sunt slab platimere. Tibia este mezocnemă. Statura, calculată după lungimea tibiilor, este de 157 cm și intră în categoria feminină supramijlocie. Din punct de vedere tipologic, această femeie prezintă elemente Mediteranoide.

La nivel dentar semnalăm următoarele anomalii/patologii: boală parodontală; tartru supragingival; opt căderi dentare *intra vitam* (localizate pe mandibulă). La nivel postcranian semnalăm prezența fațetelor suplimentare de articulație pe epifizele distale ale tibiilor (indicator de chircire) (Fig. 10) și a entezofitelor pe diafizele radiusurilor, în locurile de inserție a mușchilor pătrat pronator, biceps brahial și supinator.

Fig. 10. M.60, femeie, circa 50 ani. Fațete de chircire pe tibii.

Fig. 10. Grave 60, female, cca. 50 years old. Squatting facets of the tibiae.

Mormântul 61 (bărbat, 25-30 ani, *adultus*). Scheletul cranian este fragmentat din cauze antropice, fiind reprezentat doar printr-un fragment din frontal și două din parietal (din regiunea suturii coronare, care este complet deschisă). Scheletul postcranian este incomplet, deranjat de factorii antropici (șanț modern). Robusticitatea osaturii este moderată. Femurul are pilastru slab, este hiperplatimer, cu relief subtrohanterian moderat. Tibia este euricnemă. Statura, calculată după lungimea femurului, este de 170 cm și intră în categoria masculină mare. Din punct de vedere tipologic, acest bărbat prezintă unele caractere Nordoide.

La nivel postcranian semnalăm următoarele anomalii care ne indică activități ecvestre (călărit): osteofite pe marginea inferioară a rotulelor (Fig. 11);

tasare vertebrală; femure cu fațetă Poirier (Fig. 12), cu trohanter suplimentar și cu relief subtrohanterian foarte dezvoltat. La acestea adăugăm fațetele suplimentare pe articulația tibio-talară.

Fig. 11. M.61, bărbat, 25-30 ani. Rotulă cu osteofite.

Fig. 11. Grave 61, male, 25-30 years old. Patella with osteophytes.

Fig. 12. M.61, bărbat, 25-30 ani. Femur drept, fațetă Poirier.

Fig. 12. Grave 61, male, 25-30 years old. Right femur, Poirier's facet.

Mormântul 62 (sex indeterminabil, 8-9 ani, *infans II*). Scheletul cranian a fost strivit din cauza factorilor antropici. Sunt prezente porțiuni din frontal, parietale, temporale, occipital și din maxilarul superior. Vârsta la deces a fost estimată după etapa de erupție dentară. Scheletul postcranian este incomplet, prezent prin: oasele membrului superior drept, fragmente din coaste, segmentul vertebral C1-C3 și scapula dreaptă. La nivel cranian semnalăm următoarele anomalii/patologii: *cribra orbitalia* de tip cribrotic, de gradul 3 (Stuart-Macadam 1991, 110-113), activă în momentul decesului – indicator al anemiei sideropenice (Fig. 13).

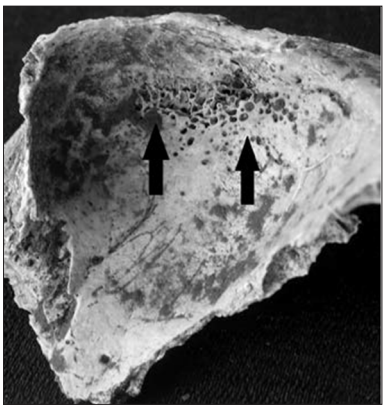


Fig. 13. M.62, sex indeterminabil, 8-9 ani. Orbita stângă. *Cribra orbitalia*.

Fig. 13. Grave 62, undeterminable sex, 8-9 years old. *Cribra orbitalia* in the left orbit.

Mormântul 63 (bărbat, 25-30 ani, *adultus*). Scheletul cranian este foarte bine conservat. Calota este foarte lungă și îngustă, cu indicele cefalic dolicocran. Relieful cranian este foarte dezvoltat. Fruntea este foarte largă, iar occipitalul, moderat de larg. Fața este foarte largă și înaltă. Nasul este foarte înalt și moderat de larg. Orbitele sunt de dimensiuni mijlocii. Pomeții sunt înalți, poziționați intermediar față de temporale. Mandibula este înaltă, foarte largă și gracilă. Scheletul postcranian este afectat de mediul de zăcere (rădăcini). Humerusurile sunt euribrahice, cu relief deltoidian foarte accentuat. Femurele sunt platimere, fără pilastru. Statura este de 180 cm (categoria masculină foarte mare). Din punct de vedere tipologic, acest bărbat prezintă elemente predominant Nordoide (Fig. 14-15).

La nivel cranian semnalăm următoarele anomalii/patologii: hiperostoză porotică în regiunea supraciliară, inactivă în momentul decesului (structură trabeculară, indicator al debutului vindecării unui proces infecțios); osicul bregmatic; sutura mendosa (occipital bipartit) (Fig. 16); relief nucal foarte dezvoltat; condili occipitali cu fațete duble; foramen supraorbitar complet pe dreapta; sulcus supraorbitar pe stânga. În plus, pe occipital, imediat sub punctul cranian *lambda*, am identificat un însemn de formă triunghiulară de origine necunoscută, probabil produs *post mortem(?)* (Fig. 16). La nivel dentar semnalăm prezența tartrului supragingival lingual, a cuspidului lingual pe premolarul I inferior și a molarului I inferior cu cinci cuspizi. La nivel postcranian semnalăm următoarele anomalii/patologii: relief hume-

ral deltoidian foarte dezvoltat (indicator al efortului depus cu ajutorul brațelor); relief subtrohanterian femural; apertură humerală supratrohleară (indicator al mișcărilor repetitive de flexie-extensie a antebrațelor); femure cu fațetă Poirier (Fig. 17); spondiloliză la nivelul vertebrei L5 (indicator al suprasolicitării regiunii lombare) (Fig. 18); noduli Schmorl în segmentele T10-L4 (Fig. 19); joncțiune sacro-coccigiană; asimetrie de lungime a antebrațelor.

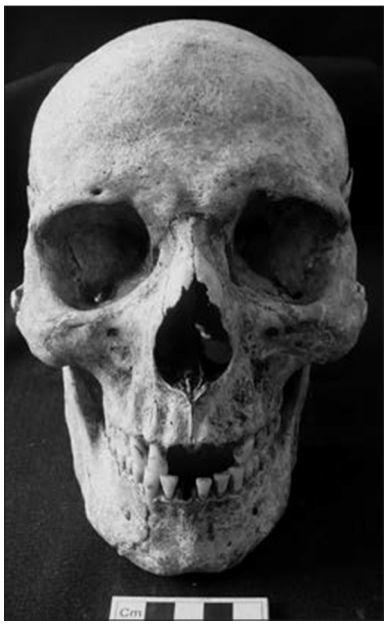


Fig. 14. M.63, bărbat, 25-30 ani. Craniu, *norma facialis*.

Fig. 14. Grave 63, male, 25-30 years old. *Norma facialis* of the skull.

Fig. 15. M.63, bărbat, 25-30 ani. Craniu, *norma lateralis*.

Fig. 15. Grave 63, male, 25-30 years old. *Norma lateralis* of the skull.

Fig. 16. M.63, bărbat, 25-30 ani. Occipital, sutura mendoza și semn triunghiular produs *post mortem*.

Fig. 16. Grave 63, male, 25-30 years old. Occipital, sutura mendoza and *post mortem* triangle formation.

Fig. 17. M.63, bărbat, 25-30 ani. Femur drept, fațeta Poirier.

Fig. 17. Grave 63, male, 25-30 years old. Right femur, Poirier's facet.

Fig. 18. M.63, bărbat, 25-30 ani. Vertebra L5, spondiloliză.

Fig. 18. Grave 63, male, 25-30 years old. L5 vertebra, spondylolysis.

Fig. 19. M.63, bărbat, 25-30 ani. Vertebre lombare, noduli Schmorl.

Fig. 19. Grave 63, male, 25-30 years old. Schmorl's nodes of the lumbar vertebrae.

Mormântul 64 (bărbat, 50-55 ani, *maturus*). Scheletul cranian lipsește (deranjat din cauza alunecării terenului). Scheletul postcranian este incomplet. Humerusul este euribrahic, cu relief deltoidian moderat. Femurul este hiperplatimer. Tibiile sunt euricneme.

La nivel postcranian semnalăm următoarele anomalii: femur cu relief subtrohanterian moderat și cu început de trohanter suplimentar; pilastru femural incipient; tibii și talusuri cu fațete suplimentare de articulație (indicator al poziției chircite).

Mormântul 65 (sex indeterminabil, 12-18 luni, *infans I*). Scheletul cranian este reprezentat prin fragmente din parietale, iar cel postcranian, prin coaste, clavicule, vertebre, humerusuri, radiusuri, ulne, scapule, femure, tibii. Din cauza fragilității accentuate, prelevarea datelor biometrice s-a făcut *in situ*. Vârsta la deces a fost estimată după dimensiunile femurului (lungime diafiză = 170 mm), tibiei (lungime diafiză = 131 mm), claviculei (lungime = 68 mm) și a humerusului (lungime diafiză = 107 mm).

Mormântul 66 (femeie, 40-45 ani, *maturus*). Scheletul cranian a fost restaurat în proporție de 80%. Calota cranianã are lungime moderată, este foarte largă și cu înălțime foarte mică. Indicele cefalic este ultrabrahicran. Fruntea și occipitalul sunt largi. Relieful cranian este accentuat. Mandibula are înălțime moderată și robusticitate mare. Scheletul postcranian este incomplet. Humerusul este platibrahic, cu relief deltoidian moderat. Femurul este platimer, cu pilastru incipient și cu relief subtrohanterian moderat. Tibia este euricnemă. Statura, calculată după lungimea femurului, este de 162 cm (categoria feminină mare). Din punct de vedere tipologic, această femeie prezintă caractere Est-Europoide (Fig. 20-21).

Fig. 20. M.66, femeie, 40-45 ani. Craniu, *norma facialis*.

Fig. 20. Grave 66, female, 40-45 years old. *Norma facialis* of the skull.

Fig. 21. M.66, femeie, 40-45 ani. Granuloame apicale.

Fig. 21. Grave 66, female, 40-45 years old. Apical granulomas.

La nivel cranian semnalăm următoarele anomalii/patologii: *cribra cranii externa* pe parietale și occipital (indicator al anemiei sideropenice); foramen parietal bilateral; foramen mastoid exsutural bilateral; *torus palatinus*; sulcus supraorbitar pe stânga. La nivel dentar semnalăm tartrul supragingival vestibular, două carii (una ocluzală și alta de colet), două granuloame apicale (Fig. 21), două căderi *intra vitam* și uzură de tip abrazie a coroanelor, în special în regiunea masticatoare. La nivel postcranian semnalăm prezența osteofitelor și a nodulilor Schmorl pe vertebrele lombare, dar

și a osteofite pe epifizele proximale ale falangelor (Fig. 22).

Fig. 22. M.66, femeie, 40-45 ani. Falangă, artroză, osteofite.

Fig. 22. Grave 66, female, 40-45 years old. Arthritis of the proximal phalange.

Mormântul 67 (sex indeterminabil, 18-24 luni, *infans I*). Scheletul cranian este reprezentat prin fragmente din parietale, frontal, temporale, occipital, bazioccipital, maxilar superior, mandibulă, dar și dinți izolați. Vârsta a fost determinată după etapa de erupție dentară. Scheletul postcranian este reprezentat prin coaste, vertebre, metacarpiene și metatarsiene, falange, ilium, ischium, pubis, radius stâng, ulna stângă, humerusuri. Datele biometrice au fost prelevate *in situ*. Vârsta la deces a fost estimată după lungimea humerusului (118 mm).

Mormântul 68 (bărbat, 18-20 ani, *juvenis*). Scheletul cranian a fost restaurat în proporție de 50%. Calota craniană este foarte lungă și mediu de largă. Indicele cefalic este dolicocran. Fruntea este largă (Fig. 23), iar occipitalul, moderat de larg. Nasul este larg. Relieful cranian este bine dezvoltat. Mandibula este moderat de largă și de înaltă, cu indice de robusticitate mare (Fig. 24). Scheletul postcranian este complet, deranjat intenționat *post mortem* (humerusurile, femurele și tibiile au fost răsucite antero-posterior, iar coxalele și sacrumul, mișcate în plan). Rămășițele au fost intenționat deranjate, după un interval de cel mult 1-3 ani după deces (creasta iliacă neosificată era nederanjată în momentul dezvelirii și curățării scheletului), cauza intervenției fiind, deocamdată, necunoscută. Osatură este extrem de robustă. Humerusul este

Fig. 23. M.68, bărbat, 18-20 ani. Calota craniană, *norma facialis*.

Fig. 23. Grave 68, male, 18-20 years old. *Norma facialis* of the skull.

Fig. 24. M.68, bărbat, 18-20 ani. Maxilarul superior și mandibula.

Fig. 24. Grave 68, male, 18-20 years old. The upper maxilla and the mandible.

euribrahic. Femurul este platimer, cu pilastru incipient. Tibia este mezocnemă. Statura, calculată după lungimea femurului, este de 175 cm (categoria masculină mare). Din punct de vedere tipologic, acest bărbat prezintă caractere Nordoide în amestec cu elemente Dinaroide.

La nivel cranian semnalăm următoarele anomalii/patologii: foramen parietal bilateral; foramen mastoid exsutural bilateral; foramen palatin accesoriu pe stânga; sulcus supraorbitar pe stânga. La nivel dentar semnalăm absența congenitală a molarilor III inferiori și superiori (hipodonție), curbura labială a incisivilor superiori centrali și

premolari superiori biradiculari. La nivel postcranian semnalăm următoarele anomalii: relief subtrohanterian femural dezvoltat (creastă, fosă); sulcus costo-clavicular; apertură humerală supratrohleară pe stânga (Fig. 25); fațete suplimentare pe epifiza distală a tibiei (indicator al poziției chircite) (Fig. 26).

Fig. 25. M.68, bărbat, 18-20 ani. Humerusuri, apertură supratrohleară pe stângul.

Fig. 25. Grave 68, male, 18-20 years old. Humeri, septal aperture on the left.

Fig. 26. M.68, bărbat, 18-20 ani. Tibii, fațete de chircire.

Fig. 26. Grave 68, male, 18-20 years old. Squatting facets of the tibiae.

Mormântul 69, scheletul A (sex indeterminabil, 6-7 ani, *infans I*). Scheletul cranian este reprezentat prin frontal, parietale, occipital, temporale, maxilar superior și mandibulă. Scheletul postcranian este complet. Vârsta a fost estimată după gradul de osificare a vertebrelor, după etapa de erupție dentară și după lungimea diafizelor humerusului (199 mm), femurului (272 mm) și a tibiei (211 mm). La nivel dentar semnalăm prezența molarului I definitiv cu cinci cuspizi.

Mormântul 69, scheletul B (sex indeterminabil, 9-10 ani, *infans II*). Scheletul cranian este reprezentat prin frontal, parietale, occipital, temporale, mandibulă și maxilarul superior. Scheletul postcranian est complet. Vârsta a fost determinată după etapa de erupție dentară, după gradul de osificare a vertebrelor și după lungimea diafizei femurului (315 mm).

Mormântul 70 (sex indeterminabil, 12-13 ani, *infans II*). Scheletul cranian este fragmentat, dar aproape complet. Scheletul postcranian este, de asemenea, bine reprezentat. Vârsta la deces a fost estimată după etapa de erupție dentară și după lungimea diafizelor femurului (317 mm), tibiei (270 mm), humerusului (229 mm) și ulnei (200 mm).

La nivel cranian semnalăm prezența porozității *cribra orbitalia* (Fig. 27) – indicator al carențelor alimentare, în special al anemiei sideropenice. Porozitatea este de tip cribrotic (Stuart-Macadam 1991, 101-113), activă în momentul decesului. La nivel dentar, pe coroanele premolarilor primari (erupți cu puțin timp înainte de deces), am identificat hipoplazia dentară liniară – indicator al unor episoade de stres fiziologic petrecute în timpul copilăriei, în perioada formării coroanelor dentare. La nivel postcranian este prezentă apertură septală humerală.

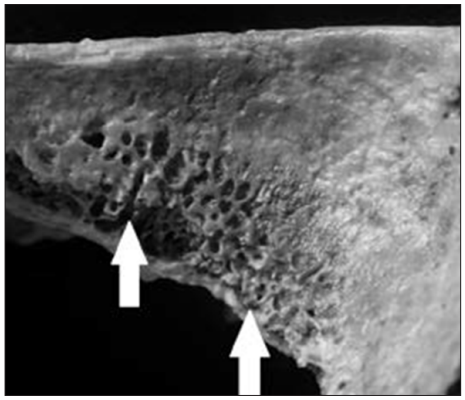


Fig. 27. M.70, sex indeterminabil, 12-13 ani. Orbita stângă. *Cribra orbitalia*.

Fig. 27. Grave 70, undeterminable sex, 12-13 years old. *Cribra orbitalia* in the left orbit.

Mormântul 71 (femeie, 55-60 ani, *maturus*). Scheletul cranian a fost restaurat în proporție de 75%. Calota cranianã este foarte lungă, foarte largă și foarte joasă. Indicele cefalic este brahicran. Fruntea și occipitalul sunt foarte largi (Fig. 28). Relieful cranian este moderat dezvoltat. Zigomaticele sunt înalte și reliefate. Mandibula este moderat

Fig. 28. M.71, femeie, 55-60 ani. Craniu, *norma facialis*.

Fig. 28. Grave 71, female, 55-60 years old. *Norma facialis* of the skull.

de largă și de înaltă, gracilă. Scheletul postcranian este bine conservat, dar fragmentat pe alocuri. Osatura este robustă. Humerusul este platibrahic, cu relief deltoidian accentuat. Femurul este platimer, cu început de pilastru. Tibia este platicnemă. Statura, calculată după lungimea femurului, este de 163 cm (categoria feminină mare). Din punct de vedere tipologic, această femeie prezintă caractere predominant Est-Europoide.

La nivel cranian semnalăm următoarele anomalii/patologii: foramen parietal bilateral; foramen mastoid exsutural bilateral; foramen zigomatic facial dublu pe dreapta și triplu pe stânga. La nivel dentar am identificat depuneri de tartru supragingival vestibular și labial (Fig. 29) și absența congenitală a molarului III (hipodonție). La nivel postcranian semnalăm următoarele anomalii/patologii: sulcus preauricular și urme ale parturiției localizate

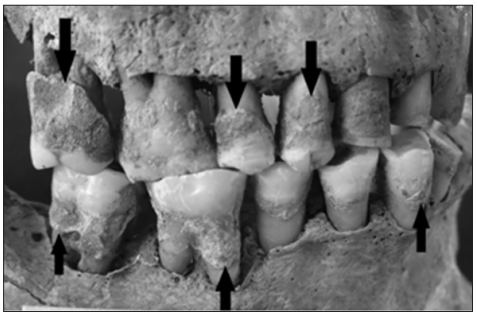


Fig. 29. M.71, femeie, 55-60 ani. Tartru dentar supragingival.

Fig. 29. Grave 71, female, 55-60 years old. Supragingival dental calculus.

în proximitatea simfizei pubiene (Fig. 30); excrescențe osoase pe marginile foramenului obturat; entezofite masive pe oasele membrelor superioare și inferioare; vertebre cervicale corodate (osteoartrită degenerativă); osteofite masive în zona segmentului lombar (Fig. 31) și terminal toracic; semne osteoartritice pe radius, manubrium (în zona sterno-claviculară) și pe falange; sulcus costo-clavicular; fațete suplimentare pe articulația tibio-talară (indicator al preferinței pentru poziția chircită).

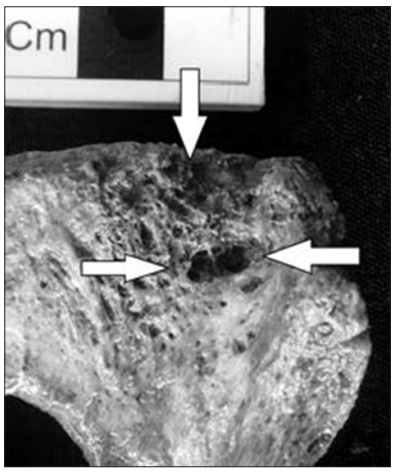


Fig. 30. M.71, femeie, 55-60 ani. Coxal, gropi de tip parturiție.

Fig. 30. Grave 71, female, 55-60 years old. Pubic bone, pits of pregnancy.

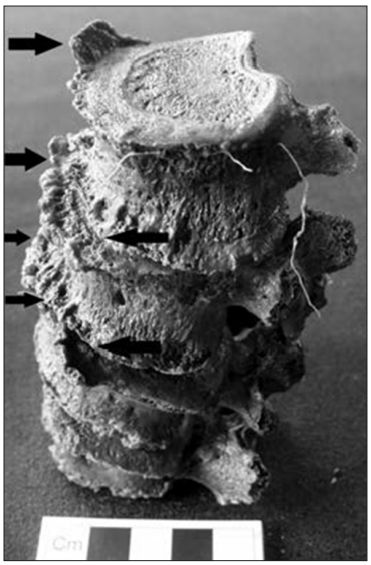


Fig. 31. M.71, femeie, 55-60 ani. Vertebre lombare, osteofite.

Fig. 31. Grave 71, female, 55-60 years old. Lumbar spine, osteophytes.

Mormântul 72 (bărbat, 40-50 ani, *maturus*). Scheletul cranian a fost restaurat în proporție de 95%. Calota craniană este lungă, largă și cu înălțime mică. Indicele cefalic este mezocran. Relieful cranian este dezvoltat. Zigomaticele sunt joase și temporalizate. Fruntea este foarte largă, iar occipitalul, moderat de larg. Fața este înaltă. Nasul este înalt și moderat de larg. Orbitele sunt hipsiconce. Mandibula este foarte larga, cu indice de robusticitate moderat. Scheletul postcranian este complet. Osatura este foarte robustă. Humerusul este platibrahic. Femurul este platimer, cu pilastru accentuat, cu creastă subtrohanteriană. Tibia este euricnemă. Statura este de 169 cm (categoria masculină supramijlocie). Din punct de vedere tipologic, acest bărbat prezintă caractere Nordoide, în amestec cu elemente Mediteranoide și Est-Europoide (Fig. 32-33).

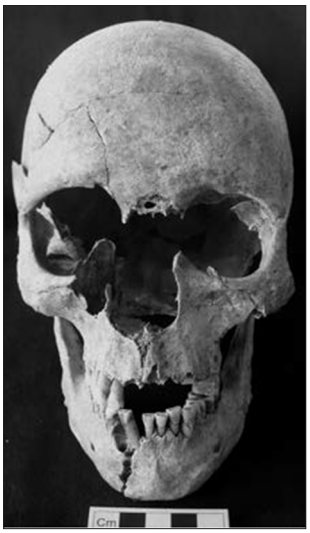


Fig. 32. M.72, bărbat, 40-50 ani. Craniu, *norma facialis*.

Fig. 32. Grave 72, male, 40-50 years old. *Norma facialis* of the skull.

La nivel cranian semnalăm următoarele anomalii/patologii: foramen parietal bilateral; foramen mastoid exsutural bilateral; sulcus supraorbitar pe dreapta; slabe osteofite în regiunile auriculare. La acestea adăugăm *cribra orbitalia* de gradul 2-3 (Stuart-Macadam 1991, 101-113), de tip cribrotic (Nathan, Haas 1966, 171-191) (Fig. 34), activă în momentul decesului – indicator al anemiei sideropenice. La nivel dentar am identificat depuneri slabe de tartru supragingival. La nivel postcranian semnalăm următoarele anomalii/patologii: semne ale osteoartritei pe stern, clavicule, sacrum (Fig. 35), pe

Fig. 33. M.72, bărbat, 40-50 ani. Craniu, *norma lateralis*.

Fig. 33. Grave 72, male, 40-50 years old. *Norma lateralis* of the skull.

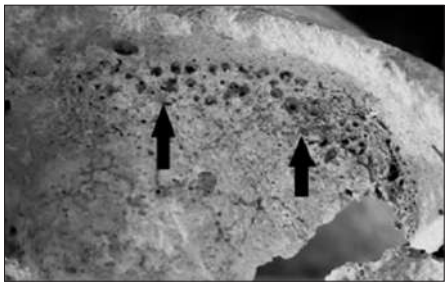


Fig. 34. M.72, bărbat, 40-50 ani. Orbita stângă, *cribra orbitalia*.

Fig. 34. Grave 72, male, 40-50 years old. *Cribra orbitalia* in the left orbit.

unele vertebre cervicale (în special, pe axis); noduli Schmorl și osteofite pe vertebrele toracice și lombare; joncțiune sacro-coccigiană (Fig. 35); modificări artritice pe epifizele proximale ulnare; relief subtrohanterian pronunțat; entezofite pe *linea aspera*, tibii cu fațete de chircire; inserții deltoidiene accentuate; apertură humerală supratrohleară.

Mormântul 73 (bărbat, 60-65 ani, *senilis*). Scheletul cranian este bine conservat, restaurat în proporție de 90%. Craniul este robust și masiv. Calota este foarte lungă, îngustă și înaltă. Indicele cefalic este dolicocran. Relieful cranian este dezvoltat. Occipitalul este îngust. Fața este joasă, iar nasul, înalt și moderat de larg. Orbitele sunt joase și înguste. Mandibula este foarte largă și moderat de robustă. Scheletul postcranian este complet. Osatura este foarte robustă. Humerusul este euribrahic. Femurul este platimer, cu pilastru. Tibia este mezocnemă. Statura este de 173 cm (categoria masculină mare). Din punct de vedere tipologic,

Fig. 35. M.72, bărbat, 40-50 ani. Joncțiune sacro-coccigiană și osteofite pe vertebra S1.

Fig. 35. Grave 72, male, 40-50 years old. Sacrococcygeal junction and osteophytes on the S1 vertebra.

acest bărbat prezintă preponderent caractere Nordoide și Dinaroide, dar și unele elemente Est-Europoide (Fig. 36-37).

La nivel cranian sunt prezente următoarele: osteofite în jurul deschiderii auditive, foramenul mastoid exsutural și foramenul supraorbitar complet. Pe osul frontal, aproximativ simetric față de linia de simetrie bilaterală, în imediata apropiere

Fig. 36. M.73, bărbat, 60-65 ani. Craniu, *norma facialis*.

Fig. 36. Grave 73, male, 60-65 years old. *Norma facialis* of the skull.

Fig. 37. M.73, bărbat, 60-65 ani. Trepanație efectuată *post mortem* (pe osul frontal).

Fig. 37. Grave 73, male, 60-65 years old. A *post mortem* trepanation (on the frontal bone).

a suturii coronare, semnalăm prezența a două deschideri craniene de formă rotundă-ovală (Fig. 38), care sunt, de fapt, trepanații efectuate *post mortem*. Distanța dintre deschideri este de circa 78 mm (coardă). La nivel dentar semnalăm următoarele anomalii/patologii: 11 căderi *intra vitam* (cinci pe arcada superioară și șase pe cea inferioară); două carii de gradul 5; o carie de gradul 2; un granulom apical; o fistulă în regiunea masticatoare inferioară stângă; tartru supragingival subțire pe dinții jugali și consistent pe molari; absența congenitală a

Fig. 38. M.73, bărbat, 60-65 ani. Trepanație dublă efectuată *post mortem* (pe osul frontal).

Fig. 38. Grave 73, male, 60-65 years old. Double *post mortem* trepanation (on the frontal bone).

molarului III superior (hipodonție). La nivel postcranian semnalăm prezența osteoartritei degenerative generalizate, manifestată prin coroziune în segmentul cervical C2-C7; excrescențe osoase pe clavicule, rotule și pe tuberozitatea radială; osteofite și coroziune pe vertebrele toracice T1-T3; coroziune și deformări ale arcurilor vertebrale. La acestea adăugăm fațetele de chircire prezente pe tibii, relieful femural subtrohanterian accentuat și boala Osgood-Schlatter pe tibia stângă.

Mormântul 74 (femeie, 25-30 ani, *adultus*). Scheletul cranian este fragmentat din cauza mediului de zăcere. Sunt prezente doar câteva fragmente din oasele temporale și mandibula, cea din urmă cu următoarele caracteristici: lărgime foarte mică, înălțime moderată, robusticitate mare, relief atenuat. Osatura este foarte gracilă. Scheletul postcranian este complet. Humerusul este euribrahic, cu relief deltoidian slab dezvoltat. Femurul este hiperplatimer, fără pilastru. Tibia este euricnemă. Statura, calculată după lungimea femurului, este de 157 cm (categoria feminină supramijlocie). Din punct de vedere tipologic, această femeie prezintă caractere Mediteranoide (după mandibulă).

La nivel dentar semnalăm următoarele anomalii/patologii: patru carii (gradele 2-4); tartru supragingival pe dinții jugali inferiori; defecte hipoplazice liniare prezente pe incisivii, caninii și premolarii I inferiori (indicator al numeroaselor episoade de stres fiziologic); molari II și III inferiori uniradiculari; molari I inferiori cu cinci cuspizi. La nivel postcranian semnalăm prezența sulcusului preauricular de tip parturiție (Fig. 39); apertura humerală supratrohleară și fațetele suplimentare pe articulația tibio-talară (indicator al preferinței pentru poziția chircită).

Mormântul 75 (sex indeterminabil, 10-12 ani, *infans II*). Scheletul cranian este fragmentat, reprezentat prin fragmente din parietale, frontal, occipital, zigomatice, temporale, mandibulă și maxilar superior. Scheletul postcranian este complet. Vârsta la deces a fost estimată după etapa de erupție dentară și după lungimea diafizei femurului (300 mm). La nivel postcranian am identificat apertura humerală (incomplet osificată).

Mormântul 76 (bărbat, 50-55 ani, *maturus*). Scheletul cranian a fost restaurat în proporție de 95%. Calota este moderat de lungă și de înaltă și foarte largă. Indicele cefalic este hiperbrahicran. Relieful cranian este dezvoltat. Fruntea și occipitalul sunt largi. Fața este moderat de înaltă și largă. Nasul este înalt și larg. Orbitele sunt rectangulare. Pomeții sunt înalți și reliefați. Mandibula este largă și moderat de înaltă, cu indice de robusticitate mijlociu. Scheletul postcranian este bine conservat. Osatura este foarte robustă, cu inserții musculare extrem de accentuate. Humerusul este euribrahic. Femurul este platimer, cu pilastru. Tibia este mezocnemă. Statura este de 172 cm (categoria masculină mare). Din punct de vedere tipologic, acest bărbat prezintă caractere predominant Est-Europoide, dar și unele elemente Alpinoide (Fig. 40-41).

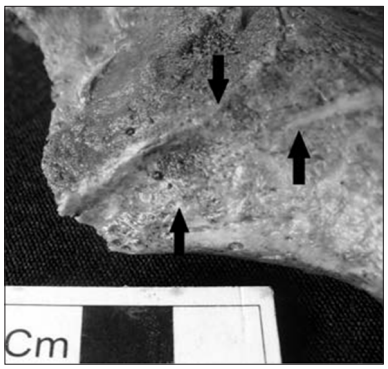


Fig. 39. M.74, femeie, 25-30 ani. Sulcus auricular de tip parturiție.

Fig. 39. Grave 74, female, 25-30 years old. Illium, groove of pregnancy.

Fig. 40. M.76, bărbat, 50-55 ani. Craniu, *norma facialis*.

Fig. 40. Grave 76, male, 50-55 years old. *Norma facialis* of the skull.

Fig. 41. M.76, bărbat, 50-55 ani. Craniu, *norma lateralis*.

Fig. 41. Grave 76, male, 50-55 years old. *Norma lateralis* of the skull.

La nivel cranian semnalăm următoarele anomalii: doi osiculi suplimentari pe brațul stâng al suturii lambdoide; foramen parietal; foramen mastoid exsutural; foramen zigomatic facial dublu pe stânga. Pe lângă uzura avansată de la nivelul coroanelor molarilor și tartrul supragingival depus în strat subțire, pe dentiție au fost identificate mai multe defecte de hipoplazie dentară liniară (pe canini și pe premolari) (Fig. 42) – indicator al repetitivelor episoade de stres fiziologic petrecute în timpul copilăriei, în perioada formării coroanelor dentare. La nivel postcranian semnalăm următoarele anomalii/patologii: osteoartrită a articulației radio-ulnare distale; osteofite și hernie în segmentul lombar (Fig. 43); fațete de chircire pe tibie; urme ale unui proces infecțios în zona de inserție a mușchiului *gluteus maximus*; relief subtrohanterian foarte dezvoltat (fosă, creastă, trohanter 3); numeroși indicatori ai activităților ecvestre.

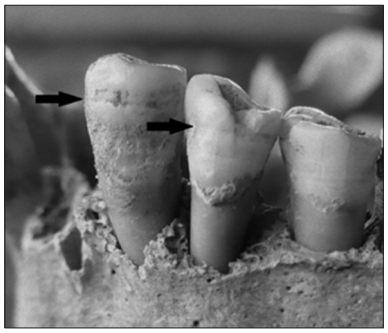


Fig. 42. M.76, bărbat, 50-55 ani. Hipoplazie liniară a smalțului.

Fig. 42. Grave 76, male, 50-55 years old. Linear enamel hypoplasia.

Fig. 43. M.76, bărbat, 50-55 ani. Vertebră lombară, nodul Schmorl și osteofite.

Fig. 43. Grave 76, male, 50-55 years old. Lumbar vertebra, Schmorl's node and osteophytes.

Mormântul 77 (bărbat, 55-60 ani, *maturus*). Scheletul cranian este bine conservat. Calota este foarte lungă, moderat de largă și înaltă. Indicele cefalic este dolicocran. Relieful cranian este dezvoltat. Fruntea și occipitalul sunt largi. Nasul este larg. Mandibulă este moderat de largă, foarte înaltă, cu indice de robusticitate mic. Scheletul postcranian este complet. Osatura este robustă. Humerusul este euribrahic, cu relief foarte dezvoltat. Femurul este eurimer, fără pilastru pe dreapta și cu pilastru slab pe stânga. Tibia este euricnemă. Statura este de 175 cm (categoria masculină mare). Din punct de vedere tipologic, acest bărbat prezintă caractere Nordoide.

La nivel cranian semnalăm următoarele anomalii/patologii: foramen parietal; osicul asteric pe dreapta; foramen mastoid exsutural; foramen supraorbitar complet bilateral; exostoze auriculare; *cribra cranii externa* pe occipital și pe parietalul drept (indicator al anemiei sideropenice). Pe osul frontal, pe linia de simetrie bilaterală, semnalăm o trepanație simbolică de formă mai mult sau mai puțin rotundă (Fig. 44-45), refăcută în proporție de 80% (nu are corespondent pe *tabula interna ossis cranii*). La nivel dentar am identificat trei căderi *intra vitam* (una pe maxilarul superior și două pe mandibulă), o carie gradul 5 și tartru supragingival depus în strat subțire pe partea vestibulară a smalțului. La nivel postcranian semnalăm osteoartrita degenerativă generalizată, identificată prin: osteofite pe epifizele proximale

Fig. 44. M.77, bărbat, 55-60 ani. Craniu, *norma facialis*. Trepanație simbolică.

Fig. 44. Grave 77, male, 55-60 years old. *Norma facialis* of the skull. Symbolic trepanation.

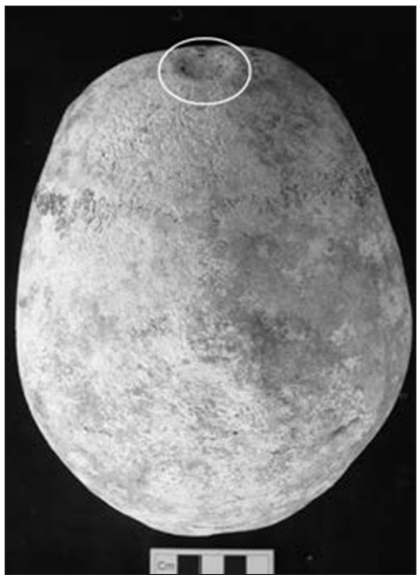


Fig. 45. M.77, bărbat, 55-60 ani. Craniu, *norma verticalis*. Trepanație simbolică.

Fig. 45. Grave 77, male, 55-60 years old. *Norma verticalis* of the skull. Symbolic trepanation.

ulnare (Fig. 46); vertebre cervicale cu suprafețe de articulație deformate; osteofite și coroziune pe L5 (pe suprafața de articulație cu sacrumul); osteofite pe segmentul toracic T8-T12; hernie în segmentul toracic T11-T12; entezofite pe latura posterioară a tibiilor, în locurile de inserție musculară (Fig. 47); entezofite pe *linea aspera* și în regiunea subtroha-

Fig. 46. M.77, bărbat, 55-60 ani. Ulne, epifize proximale, osteofite.

Fig. 46. Grave 77, male, 55-60 years old. Ulnae, proximal epiphyses, osteophytes.

Fig. 47. M.77, bărbat, 55-60 ani. Tibii, latura posterioară. Inserții musculare *gastrocnemius*.

Fig. 47. Grave 77, male, 55-60 years old. Tibiae, posterior view. *Gastrocnemius* muscle insertions.

nteriană femurală. La acestea adăugăm periostita, localizată pe diafizele tibiilor, extensia ușoară a capului femural, apertura humerală supratrohleară și creasta subtrohanteriană femurală foarte accentuată. Au fost identificați numeroși indicatori ai activităților ecvestre.

Mormântul 78 (femeie, 30-40 ani, *maturus*). Scheletul cranian a fost restaurat în proporție de 90%. Calota este moderat de lungă și largă. Indicele cefalic este brahicran. Relieful cranian este moderat. Zigomaticele sunt înalte și temporalizate. Mandibula este moderat de largă, cu relief atenuat și cu indice de robusticitate moderat. Scheletul postcranian este complet. Osatura este gracilă. Humerusul este euribrahic. Femurul este mezomer. Tibia este mezocnemă. Statura se înca-

drează în categoria feminină mijlocie. Din punct de vedere tipologic, această femeie prezintă caractere predominant Est-Europoide și unele elemente Dinaroide (Fig. 48-49).

Fig. 48. M.78, femeie, 30-40 ani. Craniu, *norma facialis*.

Fig. 48. Grave 78, female, 30-40 years old. *Norma facialis* of the skull.

Fig. 49. M.78, femeie, 30-40 ani. Partea restaurată a scheletului facial.

Fig. 49. Grave 78, female, 30-40 years old. Restored facial skeleton.

La nivel cranian semnalăm următoarele anomalii: osiculi suplimentari pe sutura lambdoidă (doi pe dreapta și cinci pe stânga); foramen parietal; osicul asteric pe dreapta; foramen mastoid exsutural; foramen supraorbitar complet pe dreapta; sulcus supraorbitar pe stânga; foramen zigomatic facial dublu pe dreapta și triplu pe stânga. La nivel dentar am identificat curbura labială a incisivilor centrali superiori, tartrul supragingival depus vestibular și lingual, la care adăugăm defectele hipoplazice liniare localizate pe canini, mai accentuate pe cei inferiori, pe latura vestibulară (indică episoade de stres fiziologic din perioada copilăriei). La nivel postcranian semnalăm următoarele: noduli Schmorl pe segmentul toracic T10-T12 (Fig. 50) și lombar L1-L3; sulcus costo-clavicular (indicator al efortului depus cu brațele) (Fig. 51); asimilarea vertebrei L5 de către sacrum (joncțiune lombo-sacrală) și fațete de chircire.

Fig. 50. M.78, femeie, 30-40 ani. Vertebre toracice cu hernie.

Fig. 50. Grave 78, female, 30-40 years old. Thoracic vertebrae, Schmorl's nodes.

Fig. 51. M.78, femeie, 30-40 ani. Clavicule, sulcus costo-clavicular.

Fig. 51. Grave 78, female, 30-40 years old. Claviculae, costo-clavicular sulcus.

Considerații finale

Eșantionul osteologic raportat în studiul de față este format din 26 schelete provenite din 25 de morminte. Din totalul de 26 indivizi, nouă (i*nfans I* și *infans II*) nu au depășit vârsta de 14 ani. Un singur individ se încadrează în intervalul de vârstă 14-20 ani (*juvenis*). Ceilalți 16 indivizi (opt bărbați și opt femei) au trecut de vârsta de 20 ani (*adultus* și *maturus*). *Sex ratio* (indicele de masculinitate) în această serie osteologică este ușor supraunitar (9 bărbați / 8 femei). Speranța de viață la naștere este de 31,9 ani, iar după împlinirea vârstei de 20 de ani, speranța de viață este de 25,3 ani pentru ambele sexe.

Bibliografie

Alekseev, Debetz 1964: V.P. Alekseev, G.F. Debetz, Kraniometria. Metodika antropologhiceskih issledovanii (Moskva 1964) // В.П. Алексеев, Г.Ф. Дебец, Краниометрия. Методика антропологических исследований (Москва 1964).

Aufderheide, Rodriguez-Martin 1998: A.C. Aufderheide, C. Rodriguez-Martin, Cambridge Encyclopedia of Human Paleopathology (Cambridge 1998).

Bach 1965: H. Bach, Zur Berenchnung der Körperhöhe aus den langen Gliedmassenknochen weiblicher Skelette. ANTHROPOL ANZ 29, 1965, 12–21.

Bacumenco-Pîrnău, Vornic, Ursu 2011: L. Bacumenco-Pîrnău, V. Vornic, I. Ursu, Descoperiri arheologice în situl medieval de la Lozova. AKADEMOS 2 (21), 2011, 120-122.

Bailey 2006: S.E. Bailey, The evolution of non-metric dental variation in Europe. MITTEILUNGEN DER GESELLSCHAFT FÜR URGESCHICHTE 15, 2006, 9-30.

Baker 1974: J.R. Baker, Race (New York-London 1974).

Barnes 2012: E. Barnes, Atlas of Developmental Field Anomalies of the Human Skeleton: A Paleopathology Perspective (Hoboken 2012).

Blanchard 2010: B.K. Blanchard, A study of the accuracy and reliability of sex estimation methods of the human pelvis (Chico 2010).

Boev 1972: P. Boev, Die Rassentypen der Balkanhalbinsel und der Ostagaischen Inselwelt und deren Bedeutung fur die Herkunft ihrer Bevolkerung (Sofia 1972).

Breitinger 1938: E. Breitinger, Zur Berenchnung der Korperhohe aus den langen Gliedmassenknochen. ANTHROPOL ANZ 14, 1938, 249–274.

Brickley, Ives 2008: M. Brickley, R. Ives, Bioarchaeology of Metabolic Bone Disease (Oxford 2008).

Brothwell 1981: D.R. Brothwell, Digging up bones (London 1981).

Bruzek 2002: J. Bruzek, A method for visual determination of sex, using the human hip bone. AJPA 117, 2002, 157-168.

Buikstra, Ubelaker 1994: J.E. Buikstra, D.H. Ubelaker, Standards for Data Collection from Human Skeletal Remains, Arkansas Archaeological Survey Research Series No 44 (Fayetteville 1994).

Bunak, Nesturch, Roginskii 1941: V.V. Bunak, M.F. Nesturch, I.I. Roginskii, Antropologiia, kratkii kurs (Moskva 1941) // В.В. Бунак, М.Ф. Нестурх, И.И. Рогинский, Антропология, краткий курс (Москва 1941).

Campillo 1994: D. Campillo, Paleopatología. Los Primeros Vestigios de la Enfermedad, Segunda Parte (Barcelona 1994).

Cox, Mays 2000: M. Cox, S. Mays, Human Osteology: In Archaeology and Forensic Science (London-New York 2000).

Eickstedt 1934: E. von Eickstedt, Rassenkunde und Rassengeschichte der Menschheit (Stuttgart 1934).

Ferembach, Schwidetzky, Stloukal 1979: D. Ferembach, I. Schwidetzky, M. Stloukal, Recommandations pour determiner l'age et le sexe sur le squelette. BMSAP XIII, 6, 1, 1979, 7-45.

Janssens 1970: P.A. Janssens, Paleopathology (London 1970).

Katzenberg, Saunders 2008: M. A. Katzenberg, R. S. Saunders, Biological Anthropology of the Human Skeleton (Hoboken 2008).

Lathan, Finnegan 2010: K.E. Lathan, M. Finnegan, Age Estimation of the Human Skeleton (Illinois 2010).

Leroux 2012: H. Leroux, The use of dental nonmetric traits for intracemetary kinship analysis and cemetery structure analysis from the site of Middenbeemster, the Netherlands (Leiden 2012).

Mann, Hunt 2005: R.W. Mann, D.R. Hunt, Photographic Regional Atlas Of Bone Disease: A Guide To Pathologic And Normal Variation In The Human Skeleton (Illinois 2005).

Manouvrier 1892: L. Manouvrier, Determination de la taille d'apre`s les grands os des members. REAP 2, 1892, 227-233.

Maresh 1970: M.M. Maresh, Measurements from roentgenograms. In: Human Growth and Development, R.W.

McCammon (Ed.) (Illinois 1970).
Martin, Saller 1956-1966: R. Martin, K. Saller, Lehrbuch der Anthropologie in systematischer Darstellung (Stuttgart 1956-1966).
Mays 1998: S. Mays, The archaeology of human bones (London-New York 2004).
Molleson 2007: T. Molleson, A method for the study of activity related skeletal morphologies. BNE 1, 2007, 5-33.
Nathan, Haas 1966: H. Nathan, N. Haas, Cribra orbitalia, a bone condition of the orbit of unknown nature. ISR J MED SCI 2, 1966, 171-191.
Nemeskéri, Harsányi, Acsády 1960: J. Nemeskéri, L. Harsányi, Gy. Acsády, Methoden zur Diagnose des Lebensalters von Skelettfunden. ANTHROPOL ANZ 24, 1960, 70-95.
Olivier 1969: G. Olivier, Practical anthropology (Michigan 1969).
Ortner 2003: D.J. Ortner, Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains (Oxford 2003).
Roberts, Manchester 2007: Ch. Roberts, K. Manchester, The Archaeology of Disease (Ithaca-New York 2007).
Schaefer, Black, Scheuer 2009: M. Schaefer, S. Black, L. Scheuer, Juvenile osteology (London-New York 2009).
Schmitt 2005: A. Schmitt, Une nouvelle methode pour estimer l'age au deces des adultes a partir de la surface sacro-pelvienne iliaque. BMSAP 17, 1-2, 205, 1-13.
Simalcsik 2012: A. Simalcsik, Analiza antropologică a seriei scheletice descoperite în necropola medieval de la Lozova, secolele XIV-XV. RA VIII, 1-2, 2012, 316-343.
Simalcsik, Simalcsik, Groza 2013a: A. Simalcsik, R.D. Simalcsik, V.M. Groza, Reconstitution of the main demographic indices of the population exhumed from the mediaeval cemetery of Lozova (XIVth-XVth centuries). MEMOIRS OF THE SCIENTIFIC SECTIONS OF THE ROMANIAN ACADEMY XXXVI, 2013, 71-80.
Simalcsik, Simalcsik, Groza 2013b: A. Simalcsik, R.D. Simalcsik, V.M. Groza, Hipoplazia smaltului dentar în seria scheletică deshumată din necropola de la Lozova, secolele XIV-XV. RA IX, 2, 2013, 228-244.
Simalcsik, Simalcsik, Groza 2014: R.D. Simalcsik, A. Simalcsik, V.M. Groza, Dental enamel hypoplasia. Investigations on the bones exhumed from the medieval necropole of Lozova (Republic of Moldova), XIVth-XVth centuries. MEMOIRS OF THE SCIENTIFIC SECTIONS OF THE ROMANIAN ACADEMY XXXVII, 2014, 85-96.
Simalcsik et al. 2014: A. Simalcsik, A. Comșa, V.M. Groza, R.D. Simalcsik, Trepanația – ritual simbolic/magico-religios sau procedeu terapeutic? Necropola medievală de la Lozova (r-nul Strășeni, Republica Moldova), secolele XIV-XV. Studiu de caz. RA X, 1-2, 2014, 247-265.
Smith, Knight 1984: B.G. Smith, J.K. Knight, An index for measuring the wear of teeth. BR DENT J 156, 1984, 435-438.
Stradalova 1975: V. Stradalova, Sex differences and sex determination on the sacrum. ANTHROPOS 13, 3, 1975, 237-244.
Stuart-Macadam 1991: P. Stuart-Macadam, Anaemia in Roman Britain: Poundbury Camp. In: Health in Past Societies: Biocultural interpretations of human skeletal remains in archaeological contexts, H. Bush, M. Zvelebil (Eds.) (Oxford 1991), 101-113.
Trotter, Gleser 1958: M. Trotter, G. Gleser, A Reevaluation of Estimation of Stature Based on Measurements of Stature Taken during Life and of Long Bones after Death. AJPA 16, 1958, 79-123.
Ubelaker 1979: D.H. Ubelaker, Human Skeletal Remains: Excavation, Analysis and Interpretation (Washington 1979).
Ursu, Bacumenco-Pîrnău, Vornic 2014: I. Ursu, L. Bacumenco-Pîrnău, V. Vornic, Cercetări arheologice în necropola medievală de la Lozova. Campania din anul 2014. AKADEMOS 1, 2015, 139-142.
Vallois 1944: H.V. Vallois, Les races humaines (Paris 1944).
Vornic et all 2012: V. Vornic, I. Ursu, L. Bacumenco-Pîrnău, R. Pîrnău, L. Ciobanu, Cercetările arheologice din situl medieval de la Lozova-La hotar cu Vornicenii. Rezultate preliminare. RA VIII, 1-2, 2012, 222-256.
Waldron 2009: T. Waldron, Palaeopathology (Cambridge 2009).
Walrath, Turner, Bruzek 2004: D.E. Walrath, P. Turner, J. Bruzek, Reliability test of the visual assessment of cranial traits for sex determination. AJPA 125, 2004, 132-137.
White, Folkens 2005: T.D. White, P.A. Folkens, Human bone manual (Amsterdam-Boston 2005).

Angela Simalcsik, antropolog, doctor în medicină, specialitatea „antropologie medicală", cercetător științific gradul III, Secția de Cercetări Antropologice, Academia Română – Filiala Iași, str. Theodor Codrescu, nr. 2, Iași, e-mail: angellisimal@yahoo.com; antropologie.iasi@yahoo.com

Vasilica Monica Groza, antropolog, doctor în biologie, cercetător științific, Secția de Cercetări Antropologice, Academia Română – Filiala Iași, str. Theodor Codrescu, nr. 2, Iași, e-mail: moni_ian@yahoo.com; antropologie.iasi@yahoo.com

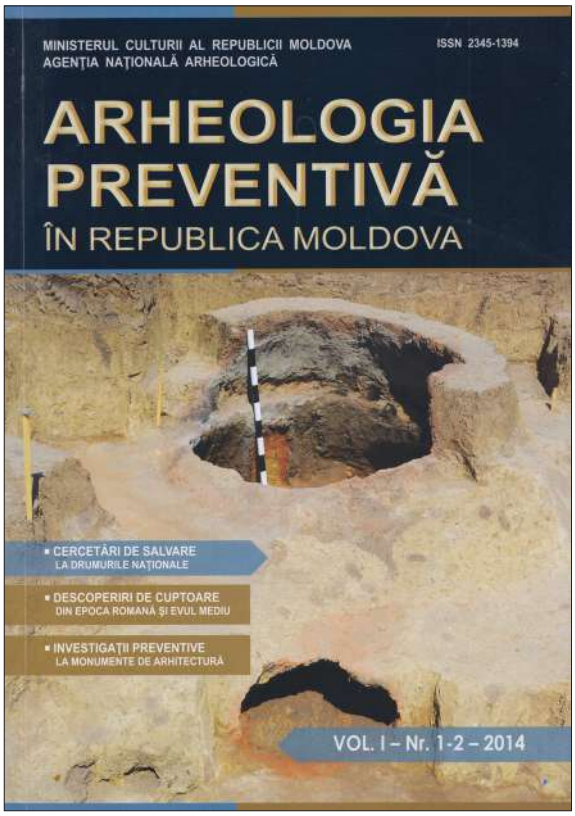
RECENZII ŞI PREZENTĂRI DE CARTE – РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW

***Arheologia preventivă în Republica Moldova*, vol. I, nr. 1-2, 2014, Chisinău, 183 p. ISSN 2345-1394**

Acum un an salutam apariția unei noi reviste în șirul publicațiilor de specialitate, intitulată *Arheologia preventivă din Republica Moldova*, o revistă consacrată promovării rezultatelor obținute de către angajații Agenției Naționale Arheologice în activitățile de cercetare și salvgardare a patrimoniului arheologic național. Inițiativa publicării unui periodic propriu este firească, întrucât aceasta importantă instituție, înființată în anul 2012 în cadrul Ministerului Culturii al Republicii Moldova, a desfășurat din primele zile activități prodigioase în ceea ce privește protejarea, cercetarea și valorificarea patrimoniului arheologic din spațiul de la est de Prut.

De la bun început, se cuvine să menționăm faptul că apariția acestei reviste se datorează unei echipe redacționale remarcabile, din care fac parte distinși colegi și cercetători pasionați ai domeniului arheologiei. Este vorba despre Vlad Vornic, care deține calitatea de redactor șef, secondat de Sergiu Matveev (secretar de redacție), Sergiu Bodean, Larisa Ciobanu, Octavian Munteanu și Sergiu Tabuncic. Datorită competenței și dăruirii binecunoscute a celor amintiți mai sus s-a reușit, astfel, fondarea unei noi reviste în măsură să aducă în circuitul științific, la un înalt nivel poligrafic, vestigii arheologice inedite descoperite pe teritoriul Republicii Moldova.

La o privire onestă înțelegem că sumarul revistei reflectă o activitate intensă a Agenției Naționale de Arheologie, ai cărei angajați, sub buna coordonare a domnului dr. Vlad Vornic, directorul general al acestei instituții, în doar doi ani (2012-2013) au efectuat, în colaborare cu alte instituții de profil (Muzeul Național de Istorie a Moldovei, Institutul Patrimoniului Cultural al Academiei de Științe a Moldovei, Universitatea de Stat din Moldova, Universitatea Pedagogică de Stat „Ion Creangă" și Rezervația cultural-naturală „Orheiul Vechi") cercetări arheologice de salvare și preventive la nu mai puțin de 18 situri de pe teritoriul Republicii Moldova. Astfel, revista cuprinde 18 contribuții, dintre care zece sunt consacrate unui interval mai lung de timp, din preistorie până în antichitatea târzie, iar opt perioadei medievale până în epoca modernă.



Un grupaj de articole se referă la evoluția comunităților umane din perioada eneolitică. Astfel, primul text (p. 9-22) care deschide șirul contribuțiilor, aparține lui Sergiu Bodean și Veaceslav Bicbaiev, fiind consacrat rezultatelor preliminare ale cercetărilor arheologice preventive în stațiunea Rogojeni I (com. Rogojeni, r-nul Șoldănești). După o necesară introducere cuprinzând date despre descoperirea și cercetarea unor situri precucuteniene timpurii amplasate în valea Răutului și a afluenților săi sau în zona de contact dintre Câmpia Bălțiului și Podișul Ciuluc-Soloneț, autorii ne prezintă în detaliu re-

zultatele investigațiilor arheologice preventive efectuate în cuprinsul sitului precucutenian Rogojeni I în primăvara anului 2013. În aceste pagini găsim informații despre cele șase complexe descoperite pe o suprafață considerabilă (180 m.p.): o locuință de suprafață, un bordei și patru gropi, din umplutura cărora au fost recuperate numeroase fragmente de vase de lut, oase de animale, obiecte de silex, un topor de șist și „fragmentul unui ciocan sau al unei săpăligi din corn de cerb" ș.a. Un spațiu destul de mare în economia lucrării s-a acordat analizei și tipologiei vaselor de lut descoperite. Vestigiile prezentate sunt descrise pe larg și foarte bine ilustrate, lucrarea inserând paisprezece figuri. În continuare, Sergiu Bodean împreună cu Valeriu Bubulici ne prezintă rezultatele sondajului arheologic din așezarea de la Scoreni (r-nul Strășeni), amplasată în valea râului Işnovăț, concluzionând faptul că cercetarea stațiunii de la Scoreni, alături de alte situri cucuteniene aflate în apropiere, cum ar fi cele de lângă localitățile actuale Nimoreni, Suruceni, Dănceni și Ialoveni „va contribui la o mai bună cunoaștere a habitatului eneolitic din zona centrală a interfluviului Prut-Nistru" (p. 23-28).

Interesante sunt rezultatele cercetărilor de salvare din perimetrul sitului Cunicea-*Prișanscaia Gora*, atribuit etapei finale a Culturii Cucuteni-Tripolie (cca 3500-2750 a.Chr.), amplasat pe versantul drept al pârâului Cușmirca, în aria Podișului Nistrean, contribuție aparținând tinerilor colegi Sergiu Popovici și Ion Ceban. Pentru cei interesați menționăm publicarea unei variante ușor dezvoltate a textului în volumul XXXVII (2014) al prestigioasei reviste ieșene *Arheologia Moldovei* (p. 205-217).

Din cuprinsul revistei menționăm și alte texte referitoare la perioada preistorică, precum *Cercetări de salvare la tumulul de la Rogojeni, r-nul Șoldănești* (p. 35-42), semnat de colegii Serghei Agulnicov, Eugen Mistreanu și Sergiu Popovici; *Cercetările de salvare la tumulul de lângă s. Brânzenii Noi (r-nul Telenești)* (p. 43-54), întocmit de Serghei Agulnicov și Eugen Mistreanu. Cele două articole merită toată atenția specialiștilor interesați de evoluția comunităților umane din epoca bronzului timpuriu și târziu și, mai ales, a practicilor funerare, pentru care autorii au atașat o ilustrația bogată și foarte bine realizată.

O altă contribuție din sumarul acestei reviste o datorăm colegilor Octavian Munteanu, Vasile Iarmulschi și Sergiu Popovici, care ne oferă date noi referitoare la istoria comunităților pre- și protoistorice, în special, a traco-geților din spațiul nostru prin publicarea rezultatelor cercetărilor arheologice preventive efectuate „în zona faimosului sit de la Butuceni" (r-nul Orhei) din anul 2013. Lăudabil este efortul lor de a scoate în evidență o dată în plus importanța cercetării, protejării și valorificării patrimoniului arheologic într-o zonă unde se află „unul dintre cele mai reprezentative monumente ale arhitecturii militare getice din spațiul carpato-nistrean" (p. 55).

Un alt grupaj de lucrări cuprind date valoroase privind perioada antichității târzii, pe lângă alte orizonturi culturale și cronologice identificate în spațiul pruto-nistrean. Articolele *Cercetări de salvare la Lipoveni (r-nul Cimișlia) efectuate în anul 2013. Date preliminare* (p. 67-80) și *Date preliminare despre cuptoarele de olărie din epoca romană târzie de la Sagaidacul Nou (com. Porumbrei, r-nul Cimișlia)* (p. 95-108), ambele semnate de Sergiu Matveev și Vlad Vornic, și care se remarcă mai ales prin introducerea în circuitul științific a unor date valoroase privind utilizarea unor instalații de foc. Cuptorul de la Lipoveni II, a fost atribuit de către autorii descoperiii, pe baza datelor stratigrafice și a artefactelor recuperate, culturii Sântana de Mureș-Cherniakhov (sec. III-IV p.Chr.), fiind prima instalație de foc în aer liber de acest tip înregistrată în așezările de la est de Carpați aparținând antichității târzii. Această descoperire contribuie la o mai bună cunoaștere a unor aspecte ale vieții cotidiene a comunităților umane din această perioadă și mai ales a culturii alimentației, întrucât cuptorul studiat era folosit, probabil, pentru prepararea hranei. Aici autorii își exprimă regretul că acest sit „se află într-o stare de continuă degradare și, din cauza factorilor antropici agresivi, într-un viitor apropiat el poate fi completamente pierdut" (p. 79). Spre deosebire de instalația de foc de la Lipoveni II, cele trei cuptoare descoperite prin săpături de salvare în perimetrul așezării din epoca romană târzie de la Sagaidacul Nou erau prevăzute pentru arderea vaselor de lut, având analogii apropiate din punct de vedere tipologic în așezarea de la Banca Gară-*Șapte Case* (jud. Vaslui, România).

Reprezentative pentru arheologia așezărilor antice din spațiul de la est de Prut sunt vestigiile descoperite în situl de la Zamciogi (r-nul Strășeni), publicate de către colegii Vlad Vornic, Larisa Ciobanu și Sergiu Tabuncic, care au prezentat cu mul-

tă pricepere rezultatele unor importante cercetări arheologice de salvare, printre care, un complex adâncit, în umplutura căruia s-au găsit piese de mobilier și o unealtă de lemn bine păstrate.

Un plus de informații referitoare la evoluția culturii materiale a comunităților umane din epoca eneolitică și romană târzie din spațiul prutonistrean aduce textul colegului Vasile Iarmulschi, care în primăvara anului 2013 a efectuat un sondaj arheologic în cadrul sitului pluristratificat de la Alexandru cel Bun, com. Volovița (r-nul Soroca), aflat în zona derulării proiectului de reabilitare a drumului național Sărăteni-Soroca.

În sfârșit, atenția noastră se îndreaptă, în mod deosebit, spre partea de contribuții consacrate arheologiei medievale. Aici menționăm lucrarea lui Vlad Vornic și Sergiu Tabuncic (p. 114-128), în care găsim prezentate rezultatele cercetărilor arheologice de la Vorniceni-*Gura Văii* (r-nul Strășeni). Descoperirea celor două cuptoare de olărie datate în secolul al XIV-lea este una notabilă, întrucât contribuie la întregirea tabloului istoric privind anumite aspecte atât ale vieții economice în mediu rural, precum și ale culturii alimentației a locuitorilor așezărilor situate în valea Bucovățului în veacul al XIV-lea. Se cuvine să subliniem faptul că vestigiile de la Vorniceni-*Gura Văii* sunt semnificative pentru reconstituirea imaginii unui atelier meșteșugăresc aflat într-o așezare rurală și pentru înțelegerea diferitor aspecte ale olăritului practicat aici, spre deosebire de centrele urbane existente în timpul dominației mongole la Orheiul Vechi și Costești, și, mai ales, pentru clarificarea problemei continuității „populației autohtone în acest spațiu, conviețuirea comunităților locale cu etniile alogene" (p. 127).

Pentru cei interesați de viața religioasă din Moldova în perioada evului mediu, și îndeosebi a celei monahale de pe malul drept al fluviului Nistru, semnalăm publicarea în paginile acestei reviste rezultatele unui sondaj arheologic efectuat de către Sergiu Popovici în anul 2012 în perimetrul sitului Țipova-*Defileul Ivănesei* (r-nul Rezina) (p. 128-132), unde au fost studiate ruinele unei construcții din piatră, datată, se pare, în secolul al XV-lea.

În continuare, atragem atenția cercetătorilor preocupați de istoria și arheologia orașului medieval moldovenesc asupra rezultatelor investigațiilor arheologice preventive de pe suprafața târgului medieval Lăpușna, evoluția căruia a fost determinată de amplasarea sa la răscrucea unor drumuri comerciale către Levant și Crimeea, devenind astfel un punct important în comerțul de tranzit legat de schimburile de mărfuri cu orașele de pe țărmul de nord al Mării Negre și Orient, fapt ce i-a marcat decisiv însemnătatea lui în viața economică a Moldovei medievale. Potrivit autorilor textului, Ion Ursu, Ion Ceban și Sergiu Heghea, în anul 2013 au fost dezvelite mai multe complexe arheologice, care sunt reprezentative pentru studierea vieții economice a acestei așezări, precum și pentru deslușirea unor aspecte ale istoriei alimentației din spațiul de la est de Prut, întrucât aici au fost găsite gropi de provizii cu semințe de cereale, dar și numeroase oase de animale. Înafară de aceste vestigii, se remarcă cele 30 de morminte creștine datate în secolele XV-XVII, cercetarea cărora vor furniza date relevante pentru cunoașterea vieții spirituale a comunităților creștine, dar și a evoluției demografice din Țara Moldovei.

Lucrarea *Câteva date istorice și arheologice privind începuturile satului și mănăstirii Răciula* (p. 141-146), elaborată de Sergiu Tabuncic și Vlad Vornic, reprezintă o contribuție importantă la întregirea tabloului evoluției istorice a așezării rurale de pe malul drept al Ichelului, precum și a așezământului religios de aici. O altă contribuție semnificativă se referă la faimosul ansamblu istorico-arhitectural *Conacul Manuc Bey* din Hîncești (p. 147-158) și aparține cercetătorilor Oleg Levițki, Ion Ceban și Larisa Ciobanu, care au realizat săpături arheologice cu certă valență științifică. Un alt fascinant conac de pe teritoriul Republicii Moldova, construit la începutul secolului al XX-lea, a fost studiat prin săpături arheologice preventive de către colegii Ion Ceban și Ion Ursu, care prezintă rezultatele în articolul *Investigații arheologice preventive la Conacul Pomer (com. Țaul, r-nul Dondușeni)* (p. 169-176).

Despre săpăturile arheologice de salvare, efectuate de către specialiștii de la Agenția Națională Arheologică în toamna anului 2012 pentru cercetarea vestigiilor unui colector subteran de ape uzate din ultima parte a secolului al XIX-lea, identificat în centrul istoric al orașului Chișinău, scrie pe larg colegul Sergiu Tabuncic. Meritul acestei contribuții este de a aduce pentru prima dată în circuitul științific date valoroase referitoare la aprovizionarea cu apă și dezvoltarea sistemelor de canalizare a orașului Chișinău în pe-

rioada modernă.

Ultima lucrare din cuprinsul revistei aparține cercetătorilor Sergiu Bodean și Vasile Iucal și se referă la o ambarcațiune de lemn scoasă la iveală din râul Prut, în apropierea satului Măcărești (r-nul Ungheni), în toamna anului 2012. Studierea monoxilei descoperite va contribui la o mai bună cunoaștere a problemei navigației pe râul Prut, precum și a ambarcațiunilor de lemn folosite în timpurile vechi.

Nu putem încheia această prezentare fără a sublinia încă o dată buna calitate a fotografiilor inserate în toate textele, precum și planurile de situație și desenele artefactelor realizate la un înalt nivel grafic. Remarcăm aici și rezumatele în limbile engleză și rusă, care însoțesc textele lucrărilor și care asigură accesul specialiștilor din străinătate la vestigiile arheologice descoperite pe teritoriul Republicii Moldova.

În concluzie, apariția revistei A*rheologia preventivă din Republica Moldova* vine să completeze o nișă importantă în peisajul publicațiilor cu specific arheologic. Astfel, considerăm necesară continuarea acestei lăudabile inițiative de a publica materialele descoperite prin săpături arheologice de salvare, oferind specialiștilor un substanțial suport informațional pentru deslușirea realităților arheologice în ceea ce privește evoluția comunităților umane de-a lungul mileniilor în spațiul de la est de Prut.

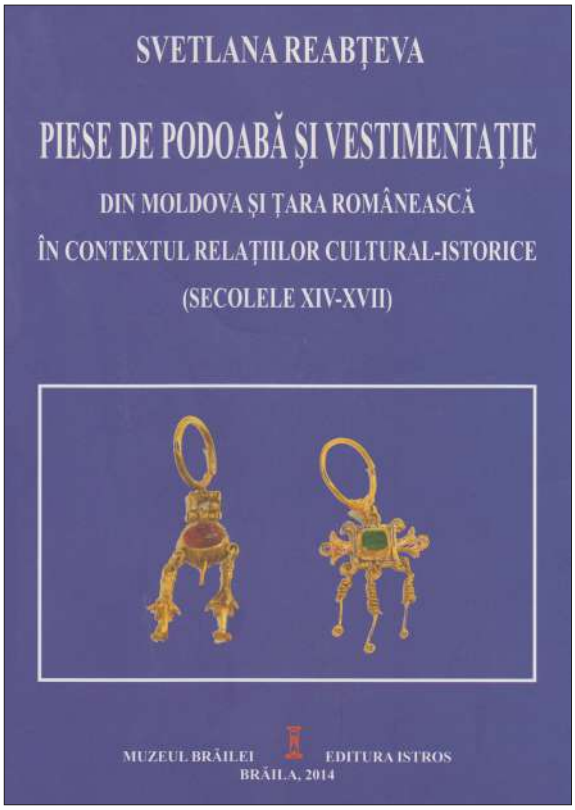
Ludmila Bacumenco-Pîrnău

Svetlana Reabțeva, *Piese de podoabă și de vestimentație din Moldova și Țara Românească în contextul relațiilor cultural-istorice (secolele XIV–XVII)*, Brăila, Muzeul Brăilei, Editura Istros, 2014, 376 p.: il. ISBN: 978-606-654-103-9

Problema portului de obiecte de podoabă și de accesorii vestimentare ca expresie a eleganței și rafinamentului, a distincției de gen sau a apartenenței la un grup social în societatea medievală din țările române a atras o atenție deosebită de-a lungul deceniilor din partea unor cercetători de seamă ai istoriografiei românești, istorici și arheologi sau istorici ai artei, precum Corina Nicolescu, Al. Alexianu, Dan Gh. Teodor, Victor Spinei, Petre Diaconu, Eugenia Neamțu, Florentina Nițu, L. Dumitriu, Silviu Oța ș.a. În seria remarcabilă de lucrări consacrate acestui segment fascinant al istoriei vieții cotidiene din spațiul românesc se înscrie și monografia semnată de doamna Svetlana Reabțeva, publicată recent la prestigioasa Editură Istros a Muzeului Brăilei „Carol I".

Cercetătoare formată la Sankt Petersburg, unde în anul 1990 a absolvit Facultatea de Istorie a Universității de Stat, având specializarea la catedra de Arheologie, Svetlana Reabțeva și-a dedicat circa 15 ani deslușirii unor aspecte complexe ale istoriei constituirii și evoluției giuvaiergeriei și costumului medieval, susținând cu succes o teză de doctorat (2001) despre portul feminin de podoabe din Rusia Kieveană în secolele VI-XIII. Ea este autoarea unei monografii referitoare la istoria portului de podoabe din Rusia[1] și a unor importante studii și articole consacrate istoriei evoluției și răspândirii podoabelor în perioada evului mediu în Europa de Est, Sud-Est și Centrală, precum și a dezvoltării giuvaiergeriei ca meșteșug în spațiul carpato-nistrean în secolele VII-XVI.

Lucrarea de față adună între coperțile sale rezultatele unei cercetări de durată, făcute cu pasiune, responsabilitate și perseverență, menite a deslușii caracteristicile evoluției preferințelor comunităților umane, în special cele feminine, în ceea ce privește portul de podoabe și a accesorilor vestimentare din Moldova și Țara Românească „în contextul relațiilor cultural-istorice" în perioada secolelor XIV-XVII. Aici, se cuvine să menționăm faptul că deși limita cronologică inferioară a cărții, după cum reiese din



titlu, este secolul al XIV-lea, autoarea ia în discuție și vestigii atribuite perioadei anterioare.

Girul calității științifice a acestei lucrări a fost dat de către Oana Damian, Gheorghe Cantacuzino și Adrian Ioniță, trei cercetători de la Institutul de Arheologie „Vasile Pârvan" din București cu nume cunoscute în istoriografia românească.

Monografia are o structură obișnuită, cuprinzând o introducere, trei capitole și concluzii. Primul capitol, intitulat *Podoabe pentru cap și acoperământul capului* (p. 19-95), reprezintă o contribuție notabilă la reconstituirea istoriei acestei categorii de obiecte de podoabă și a influențelor bizantine, rusești și orientale exercitate asupra garniturilor de giuvaiere din spațiul românesc în perioada evului mediu. Aici găsim informații despre istoria portului diademelor și a coroanelor, atât în Imperiul bizantin, precum și în Serbia, Bulgaria, Ungaria, România, Ucraina. Din spațiul românesc sunt amintite diadema de argint aurit de la Cotnari, diadema

1. Sv. Reabțeva, Древнерусский ювелирный убор (Drevnerusskii juvelirnyi ubor) (Санкт Петербург 2005).

de aur de la Goranu, cele de la Braşov, Curtea de Argeş, Olteni, Schinetea ş.a. Totodată, sunt analizate coronițele din așezările și necropolele din Banat, Oltenia și Muntenia cu analogii în spațiul balcanic, precum și cele descoperite în siturile de pe teritoriul Moldovei medievale. În continuare, doamna Reabțeva prezintă tipurile de pandantive, podoabele „de tip *kolt*", „cerceii bizantini în formă de lunulă", inelele de tâmplă ș.a.

În cel de-al doilea capitol, *Podoabe pentru corp și vestimentație* (p. 97-146), autoarea ne oferă date consistente în ceea ce privește constituirea și evoluția tipurilor de coliere, brățări, inele, centuri ș.a. În aceste pagini găsim informații interesante despre împodobirea corpului și a costumului în țările române, în special despre podoabele pentru gât (pandantive și coliere), pentru mâini (brățări, inele), dar și despre aplicele, broșele, nasturii și centurile folosite în acest spațiu de-a lungul celor patru secole.

Capitolul al treilea, *Articole de orfevrărie în ornamentarea costumului populației regiunii carpato-balcanice din secolele XIV-XVII* (p. 147-156), reprezintă o analiză a pieselor de podoabă care ornau costumul în perioada studiată. Autoarea se referă și la unele textile și elemente ale decorului vestimentației descoperite în siturile arheologice, dar și cele redate în reprezentările iconografice din țările române.

În cele trei capitole, prin prezentarea rezultatelor cercetărilor din ultimii ani, autoarea scoate în evidență și importanta sarcină a arheologului și istoricului de a recupera și a include în circuitul științific mărturii valoroase referitoare la istoria și măreția unor obiecte de podoabă și accesorii vestimentare din trecutul țărilor române. Având la îndemână vestigiile recuperate cu prilejul cercetărilor arheologice și cele descoperite fortuit, colega S. Reabțeva a realizat o tipologie a principalelor categorii de podoabe și accesorii vestimentare medievale, din punct de vedere funcțional. Astfel, după cum am arătat mai sus, cercetătoarea scoate în evidență podoabele pentru cap și acoperământul capului, podoabele pentru corp și vestimentație, descriind în detaliu aspectul acestor piese de podoabă și accesorii vestimentare, precum și istoria apariției și evoluției tipurilor de giuvaiere folosite de către locuitorii din Moldova și Țara Românească. De asemenea, se cuvine să apreciem efortul doamnei Reabțeva de a reflecta perioada de tranziție în evoluția modei în portul obiectelor de podoabă din spațiul românesc de la tradiția bizantină și balcanică la cele de tradiție mongolă, și mai târziu a celei vest-europene.

O contribuție deosebită a colegei Svetlana Reabțeva o reprezintă întocmirea a două repertorii, care cuprind date prețioase referitoare la istoria constituirii și evoluției portului de obiecte de podoabă și accesorii vestimentare în Moldova și Țara Românească în secolele XIV-XVII. Primul reprezintă un „catalog al siturilor arheologice și tezaurelor din regiunea carpato-dunăreană, ale căror materiale au fost utilizate în lucrare". Cel de-al doilea, este un „catalog al podoabelor din secolele XIV-XVII descoperite în spațiul dintre Prut și Nistru". Potrivit autoarei, în demersul său i-au fost de un real folos sugestiile de specialitate venite din partea colegilor de la Muzeul Ermitaj din St. Petersburg, Muzeul Național de Istorie a Moldovei și cel de Istorie Naturală și Etnografie din Chișinău, de la Institutul Patrimoniului Cultural, precum și Muzeul de Istorie a României și Institutul de Arheologie „Vasile Pârvan" din București ș.a.

Ilustrația bogată (108 de figuri+5 hărți) ce însoțește scrupulos textul cărții oferă imagini ale unor vestigii importante, constituind și adevărate instrumente de lucru pentru cercetătorii interesați.

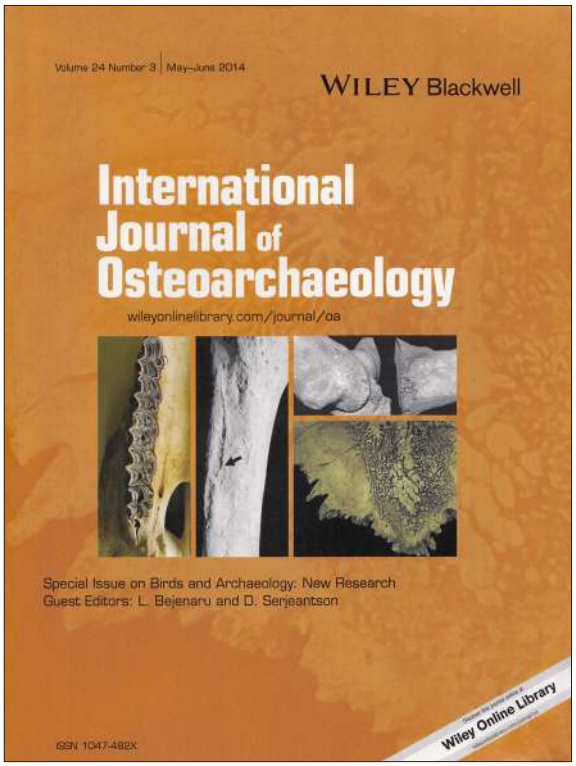
Volumul cuprinde un rezumat în limba engleză, o listă de abrevieri și o bibliografie consistentă adusă la zi, înșirată pe circa 30 de pagini.

În final, considerăm că apariția acestei monografii reprezintă o contribuție notabilă la cunoașterea și înțelegerea portului obiectelor de podoabă și accesorii vestimentare medievale, fiind indispensabilă pentru specialiști și utilă pentru cei pasionați, fie de istoria vieții cotidiene a elitelor sociale, dar și a locuitorilor simpli din Moldova și Țara Românească în evul mediu, fie de istoria artei, în special, a giuvaiergeriei medievale.

Ludmila Bacumenco-Pîrnău

Despre arheologie, păsări și resurse alimentare: câteva note pe marginea unui volum de studii recent apărut[1]

Din cele mai vechi timpuri, păsările au avut o istorie aparte alături de cea a comunităților umane, tema lor fiind prezentă atât în textele sacre și tratatele de zoologie, precum și în sintezele de antropologie istorică, istoria artei, de numismatică, heraldică și sigilografie, în literatură, folclor, tratate de psihologie și, bineînțeles, în cărțile de bucate care cuprind numeroase rețete de „mâncăruri" din carne de pasăre de o savoare aparte. Prin urmare, aria tematică ocupată de păsări este largă, fiind reflectată în lucrări fundamentale și în numeroase studii speciale publicate. De interes pentru noi este aspectul disponibilității resurselor de carne de pasăre și consumul acesteia în comunitățile umane din vechime până în prag de modernitate. Răspunsuri concrete în ceea ce privește acest aspect, precum și alte segmente ale istoriei unor „viețuitoare ale cerului", dar și a anumitor conexiuni cu omul de-a lungul coexistenței lor, sunt oferite de cercetările din domeniul arheologiei și arheozoologiei. În acest sens, semnalăm apariția unui recent volum de studii consacrat arheologiei păsărilor, în care un loc aparte revine problemei consumului de carne de pasăre în diferite epoci și regiuni ale Terei.



Volumul, îngrijit de către două distinse cercetătoare din domeniul arheozoologiei, doamna dr. Luminița Bejenaru de la Facultatea de Biologie din Iași (România) și doamna dr. Dale Serjeantson de la Departamentul de Arheologie al Universității din Southampton (Marea Britanie), a apărut sub egida Consiliului Internațional pentru Arheozoologie (ICAZ) ca ediție specială din lunile mai-iunie 2014 a prestigioasei reviste „International Journal of Osteoarchaeology" (vol. 24, nr. 3, 2014, 245-437, ISSN 1047-482X) și inserează 20 de texte, reprezentând cercetări autentice comunicate în cadrul celei de-a șaptea reuniuni internaționale a Bird Working Group (ICAZ), desfășurată la Universitatea „Alexandru Ioan Cuza" Iași (România) în perioada 27 august – 1 septembrie 2012.

Din cuprinsul volumului vedem că textele comunicărilor inserate se referă la un spațiu cronologic larg (din paleolitic până în contemporaneitate), iar aspectele abordate sunt diverse. Cei 47 de autori, arheozoologi, arheologi și ornitologi, reuniți la simpozionul de la Iași, au venit de pe patru continente și, respectiv, din 16 state (Argentina, Austria, Chile, Croația, Danemarca, Marea Britanie, Iran, Japonia, Olanda, Polonia, România, Rusia, Scoția, Siria, SUA și insula Tromelin).

Seria de texte publicate în acest volum începe cu un important articol semnat de J.R.M. Stewart, R.B. Allen, A.K.G. Jones, T. Kendall, K.E.H. Penkman, B. Demarchi, T. O'Connor și M.J. Collins din York (Marea Britanie), *Walking on Eggshels: A Study of Egg Use in Anglo-Scandinavian York Based on Eggshel Identification Using ZooMS* (p. 247-255), în care sunt descrise rezultatele unei cercetări recente, bazată pe o metodă nouă și relativ rapidă pentru identificarea păsărilor după coaja de ou. Autorii ne atrag atenția asupra faptului că nu trebuie ignorată o asemenea categorie de vestigii arheologice, care permite identificări taxonomice pe baza spectrometriei și facilitează stabi-

1. Bejenaru L., Serjeantson D. (eds.). Birds and Archaeology: New Research. In: International Journal of Osteoarchaeology (special issue), vol. 24, nr. 3, 2014, Rayway, USA, 245-437, ISSN 1047-482X.

lirea tipurilor de ouă consumate de către locuitorii din York în perioada anglo-scandinavă (secolele IX-XI). Cele 2750 de fragmente de coajă de ou, recuperate din două situri (Hungate și Coppergate), au fost analizate după o tehnică nouă, rezultatele indicând asupra predominării în regimul alimentar al populației din York a găinilor (91,67%), urmate de gâște și rațe.

În lucrarea *Lead Concentration in Archaeological Animal Remains from The Edo Period, Japan: Is the Lead Concentration in Archaeological Goose Bone a Reliable Indicator of Domestic Birds?* (p. 265-271), patru cercetători din diferite centre universitare din Japonia, M. Eda, Y. Kodama, E. Ishimaru și M. Yoneda, ne arată ponderea păsărilor domestice, cum ar fi gâștele, rațele, găinile ș.a. în economia alimentară a populației din perioada Edo (1603-1867), folosind ca metodă de cercetare analiza concentrației de plumb din resturile osteologice descoperite în situl de la Matsuyama.

O contribuție semnificativă aparține cercetătoarei britanice D. Serjeantson *The Diverse Origins of Bird Bones from Scottish Coastal Sites* (p. 279-288), care abordează problema provenienței resturilor de păsări recoltate din așezările de pe coasta Scoției. Eșantioanele analizate provin din 15 situri arheologice care au fost datate din neolitic până în perioada medievală târzie, identificarea acestor resturi fiind importantă pentru stabilirea răspândirii păsărilor, reconstituirea diversității activităților antropice, stabilirea surselor alimentare ale comunităților umane (cum ar fi vânătoarea, capturile accidentale) în funcție de evoluția climei de-a lungul mileniilor în această zonă.

Lucrarea *The Avifauna of Southern Istria (Croatia) During the Late Pleistocene: Implications for the Palaeoecology and Biodiversity of the Northern Adriatic Region* (p. 289-299), semnată de către un grup de cercetători de la Institutul de Paleontologie și Geologie din cadrul Academiei de Științe și Arte din Croația - A. Oros Sršen, D. Brajković, S. Radović, J. Mauch Lenardić, și P. T. Miracle de la Departamentul de Arheologie și Antropologie din Cambridge, se referă la avifauna din sudul Istriei (Croația) în perioada paleoliticului târziu, implicațiile asupra paleoecologiei și biodiversității din Nordul Mării Adriatice. Acest text cuprinde un istoric al cercetărilor, materialele analizate și metodele folosite în prelucrarea resturilor de păsări recuperate, precum și rezultatele și discuțiile privind speciile de păsări vânate de către comunitățile arhaice pentru asigurarea resurselor de carne.

Pentru consumul cărnii de pasăre în perioada antichității romane găsim date valoroase în studiul elaborat de către E. Gál și G. K. Kunst, *Offered to Gods, Eaten by People: Birds Bones from the Sanctuary of Jupiter Heliopolitanus in Carnuntum-Mühlächer (Austria)* (p. 336-346). Autorii prezintă rezultatele analizei vestigiilor avifaunistice descoperite pe suprafața templului roman închinat lui Jupiter Heliopolitanus, amplasat în perimetrul așezării Carnuntum-Mühläcker din Austria. Resturile analizate provin din depuneri rituale și se caracterizează prin predominarea păsărilor domestice, precum găinile (*Gallus domesticus*) și gâștele (*Anser cf. domesticus*), cele sălbatice aparținând unor specii de rațe (*Anas platyrhynchos*) și gâște (*Anser albifrons*). În eșantionul studiat au fost identificați 193 de indivizi, resturile acestora fiind grupate după talie, sex și vârste de sacrificare. Notabilă este frecvența utilizării păsărilor de sex masculin, numărul de resturi fiind mult peste cele aparținând păsărilor femele. Potrivit autorilor, rezultate similare în ceea ce privește talia păsărilor sacrificate au fost obținute și în alte situri romane cu caracter civil sau de cult descoperite în spațiul Europei Centrale, precum cele amplasate în Pannonia, Noricum și Germania.

Pentru perioada antichității și evului mediu, menționăm și alte contribuții incluse în volum, precum următoarele lucrări: *Birds for the Elite? Fowling in the Northern Netherlans in the Roman Period and the Early Middle Ages* (p. 378-383) de J. Zeiler de la ArchaeBone, Haren (Olanda); *Birds in Subsistence and Culture at Viking Age Sites in Denmark* (p. 365-377) de A. B. Gotfredsen de la Muzeul de Istorie Naturală din Danemarca al Universității din Copenhaga; *Bird Remains from 5th-17th Century AD Archaeological Sites in the Middle Volga Region of Russia* (p. 347-357) de D. N. Galimova, I. V. Askeyev și O. V. Askeyev de la Academia de Științe din Tatarstan (Rusia); *Tools Made of Chicken (Gallus gallus f. domestica) Tibiotarsi Dating to the Early Islamic Period from al-Hadir, Syria* (p. 331-335) de J. Studer de la Muzeul de Istorie Naturală din Geneva (Elveția) ș.a.

Cu referire la perioada evului mediu, studiul *Birds in Early Medieval Greater Poland: Consumption and Hawking* (p. 358-364), elaborat de către trei cercetători polonezi, D. Makowiecki, T. Tomek

și Z. M. Bochenski, cuprinde rezultatele analizei a circa 2000 de resturi de păsări, recuperate din patru situri arheologice, care au avut un rol crucial în formarea statului medieval polon: Ostrow Lednicki și suburbia sa, Dziekaniwice, Grzybovo. În eșantionul studiat au fost identificate 25 de specii de păsări, dintre care predomină găinile domestice, urmate de gâște, rațe ș.a., ele asigurând proviziile de ouă și carne pentru locuitorii acestor așezări. Alte resturi de păsări, cum ar fi cocoșii de munte, potârnichele, păunii ș.a., sunt asociate cu prezența unor reprezentanți ai elitei care locuiau în această regiune a Poloniei medievale.

Un grupaj de câteva texte cuprinse în volum reprezintă contribuții importante referitoare la teritoriul Moldovei. Astfel, în studiul publicat de către Luminița Bejenaru și regretatul Dan Monah, *Depictions of Birds in the Cucuteni-Tripolye Civilisation* (p. 424-437) este abordată dimensiunea simbolică a numeroaselor reprezentări de păsări identificate pe vasele de lut aparținând civilizației Cucuteni-Tripolye, acestea fiind legate de practicile rituale cu o anumită semnificație cosmogonică.

Lucrarea semnată de cunoscutele cercetătoare E. Gál și S.M. Stanc, *Bird Bone Remains from the 11th and 12th Centuries Settlement of Piatra Frecaței (Dobrudja, Romania) in the Context of Early Medieval Sites in Southeast Romania* (p. 417-423), ne prezintă rezultatele unei cercetări laborioase pe baza resturilor avifaunistice recoltate de pe suprafața sitului Piatra Frecăței (secolele XI-XII), corelate cu alte materiale descoperite în siturile medievale din Dobrogea, precum Oltina (secolele X-XI) și Dinogetia-Garvăn (secolele X-XII). Potrivit autoarelor, vestigiile avifaunistice analizate ne indică faptul că locuitorii acestor așezări dobrogene își asigurau proviziile de ouă și carne pentru consum din creșterea păsărilor domestice (găini, rațe și gâște), dar și din vânatul celor sălbatice, care erau atrase de mediul acvatic din regiune.

Un grup de cercetători de la Universitatea „Alexandru Ioan Cuza" din Iași, C. Ion, E. Baltag, L. Sfîcă și L. Fasolă, semnează lucrarea *A New Survey of the Birds of Moldova Region (România)* (p. 306-318), în care autorii ne prezintă rezultatele unei monitorizări efectuate pe parcursul anilor 2008-2012 în scopul estimării diversității speciilor și obținerii informațiilor referitoare la tipurile de habitat, acestea fiind colaționate cu rezultatele monitorizării din anul 1837. În aceste pagini găsim date valoroase în ceea ce privește efectivele de păsări și răspândirea lor în zona Moldovei în prezent, date care pot fi raportate la alte perioade istorice, fiind utilizate în reconstituirea tabloului distribuirii și folosirii păsărilor în trecut.

În concluzie, nu putem decât să felicităm editorii pentru excelenta îngrijire a volumului de față, care reprezintă o contribuție valoroasă pentru cunoașterea și mai buna înțelegere a numeroaselor aspecte ale evoluției păsărilor și ale anumitor conexiuni cu omul de-a lungul coexistenței lor și, în special, a disponibilității resurselor de ouă și carne de pasăre și consumul acestora în comunitățile umane din vechime până în contemporaneitate. Prin studiile inserate, volumul oferă o amplă „bază de date" actualizată pentru diferite regiuni și segmente de timp care poate fi completată și corelată în viitor cu alte date, fie arheologice și antropologice, fie istorice, dar și diverse modele de interpretare a materialelor valorificate, reprezentând un remarcabil instrument de lucru pentru cercetătorii în domeniu.

Ludmila Bacumenco-Pîrnău

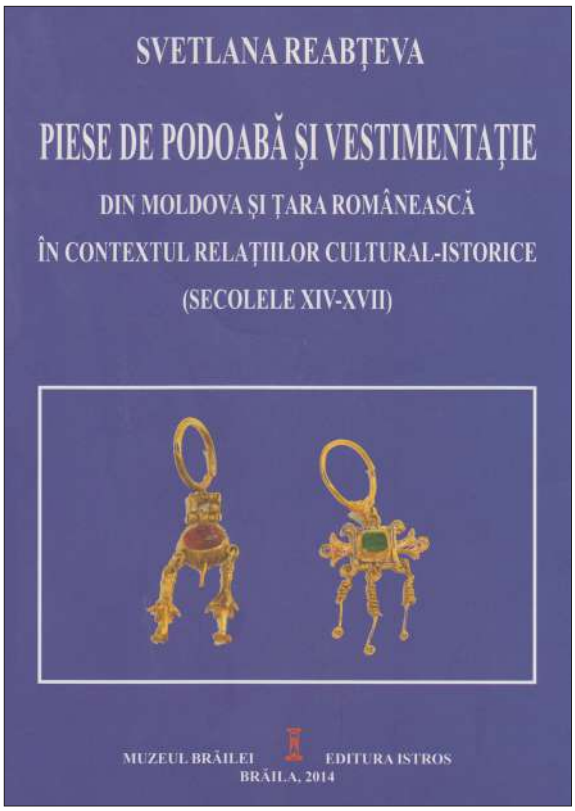
Svetlana Reabțeva. *Piese de podoabă și vestimentație din Moldova și Țara Românească în contextul relațiilor cultural-istorice (secolele XIV-XVII)*. Editura Istros, Brăila, 2014, 375 p., ISBN 978-606-654-103-9

Descoperirile arheologice, mai ales, ale obiectelor de giuvaiergerie, au fost în permanență în atenția arheologilor și a istoricilor de artă, primii fiind specialiștii care le-au descoperit, cei de-ai doilea – care le-au descris, relevând valoarea lor artistică. Sunt cunoscute tezaurele descoperite de A. Evans și H. Schliemann, puse în circuitul cultural de istoricii de artă, care au evaluat aceste comori în contextul integrității artei grecești din perioada antică.

Monografia Svetlanei Reabțeva pune în lumină un domeniu deja cunoscut, consacrat obiectelor de giuvaiergerie, dintr-un vast areal geografic, analizând și comparând diverse podoabe din metale prețioase descoperite în Serbia și Bulgaria, Ucraina și Ungaria, Macedonia și Croația, vizavi de operele din Țara Românească și Moldova din secolele XIV–XVII. Sunt patru secole de istorie arheologică reflectată prin intermediul diademelor și coroniței, pandantivelor, cerceilor și inelelor, cu mărgele și brățări, centuri, aplice și coliere, textile cu aplicații metalice.

Pe parcursul istoriei, podoabele au fost nu doar în atenția arheologilor, dar și a istoricilor de artă. Astfel, descoperirile lui Heinrich Schliemann atribuite culturii miceniene sunt comentate de istoricul de artă Daniel J. Shrader, cele ale lui Arthur John Evans din cultura minoică – de Sylvia L. Horwitz. În România operele de artă descoperite de arheologi sunt analizate de academicienii Răzvan Theodorescu și Virgil Vătășeanu, de istoricul artei medievale Corina Nicolescu, iar în regiunea Balcanilor de V.J. Djurić, Д. Милошевић, S. Radojčić. Școala istorică din Rusia i-a avut pe N. Kondakov, G. Fedorov-Davydov și B. Rybakov, care au sistematizat etapele evoluției artelor decorative din perioada medievală, bazându-se pe descoperirile arheologice.

Interesele cercetătoarei pentru domeniul abordat este integral reflectat în structura monografiei, unde sunt analizate detaliat tipurile de podoabe în cele trei capitole principale (*Podoabe pentru cap și acoperemântul capului, Podoabe pentru corp și vestimentație și Articole de orfevrărie în ornamentarea costumului populației regiunii carpato-balcanice din secolele XIV-XVII*), completate de două anexe ce conțin informații despre siturile arheologice ale căror tezaure au fost utilizate în lucrare și catalogul podoabelor din secolele XIV-XVII, descoperite în spațiul dintre Prut și Nistru.



În analiza surselor și a operelor cercetate Svetlana Reabțeva identifică stilurile și influențele pe care le-a suportat arta giuvaiergeriei în diverse spații geografice și în diferite perioade cuprinse între secolele XIV-XVII.

Astfel, pentru secolele XIV-XVI autoarea identifică influențele timpurii ale artei bizantine în Bulgaria, România și Rusia Kieveană, Serbia (diademele, pandantivele, *kolt*-urile), urmate de cele vest-europene (centurile „gotice"), având un areal larg de răspândire (Ungaria, Germania, Polonia, Cehia), acest fenomen urmărindu-se și în ancadramentele gotice târzii din arhitectura eclezіastică în Țara Românească și Moldova. În același

timp se constituie și propriile ateliere de podoabe, care diferă de prototipurile lor bizantine, devenind specifice pentru portul populației din arealul carpato-balcanic.

Un loc nu mai puțin important al monografiei se referă la formele de bijuterii, în care domină tradițiile orientale, ale Hoardei de Aur, asupra istoriei și culturii din spațiul carpato-balcanic, resimțită din secolul XIII (brățări, cercei cu pandantive, ace pentru păr) decorate cu ornamente vegetale, zoomorfe, în stil animalier (heraldic), proveniența cărora se datorează artei sciților. În unele cazuri, de exemplu, aplicele pentru haine și acoperemântul capului, elementele centurilor poartă amprentele artistice ale Hoardei de Aur, dar și tendințe vest-europene.

Desigur, unele influențe denotă și anumite particularități, de aceea Svetlana Reabțeva enumeră printre influențele principale, ce se manifestă în opere, și unele de factură regională, cum ar fi cerceii cu mărgele sau inelele de tâmplă, specifice pentru regiunea carpato-balcanică și pentru arealul baltic (Lituania).

Fiecare tip de podoabă are formele ei și necesită o aplicare a tehnologiei respective. În toate cazurile autoarea demonstrează cunoștințe profunde despre școlile de prelucrare a metalelor colorate și aspectele tehnologice specifice (granulare, filigranare, inserții coloristice, lănțișoare), grație unor cercetări consecvente de mai mulți ani.

Astfel, monografia Svetlanei Reabțeva „Piese de podoabă și vestimentație din Moldova și Țara Românească în contextul relațiilor cultural-istorice" este una dintre cele mai importante cercetări de sinteză din arealul carpato-balcanic.

Tudor Stavilă
dr. habilitat în studiul artelor

Lansarea volumului semnat de Valentin Dergaciov și Olga Larina *Памятники культуры Криш Молдовы // Monumente ale culturii Criș din Moldova* și Workshop-ul *Metode noi de analiză și interpretare a determinărilor arheozoologice*, susținut de dr.hab. Valentin Dergaciov

La 24 martie 2015 a avut loc **Lansarea volumului** elaborat de Valentin Dergaciov și Olga Larina *Памятники культуры Криш Молдовы // Monumente ale culturii Criș din Moldova*, urmată imediat de **Workshop-ul** *Metode noi de analiză și interpretare a determinărilor arheozoologice*, susținut de dr.hab. Valentin Dergaciov. Manifestarea organizată de Centrul de Arheologie al Institutului Patrimoniului Cultural a reunit circa 60 de participanți – profesori, cercetători științifici, doctoranzi, masteranzi și studenți de la Universitatea de Stat din Moldova, Universitatea Pedagogică de Stat „Ion Creangă", Muzeul Național de Istorie a Moldovei, Școala Superioară de Antropologie și diferite alte instituții din Chișinău, iar de la Iași, în calitate de invitat special, ne-a onorat cu prezența sa domnul profesor universitar dr. Nicolae Ursulescu.

Domnul dr.hab. Aurelian Dănilă, coordonator al Secției Științe Umanistice și Arte, a adresat un cuvânt de salut pentru participanții la acest dublu eveniment științific. A urmat prezentarea volumului de către dl dr.hab. V. Dergaciov, care a subliniat că scrierea lucrării lansate și-a propus-o demult, fiindcă așezarea Sacarovca I din raionul Sângerei este unicul sit arheologic atribuit culturii neolitice Criș din Republica Moldova, cercetat aproape integral pe parcursul a 8 campanii, dezvelindu-se o suprafață de cca 5000 m.p. Domnul profesor universitar Nicolae Ursulescu a remarcat că a participat și domnia sa la săpături, are frumoase amintiri despre cercetările de amploare efectuate, iar impresiile despre lucrare sunt foarte bune. A sugerat conducerii AȘM că monografia merită să fie reeditată bilingv, în limbile română și engleză, deoarece interesul științific pentru această tematică în România este unul semnificativ. Veaceslav Bicbaiev de la Muzeul Național de Istorie a Moldovei, cel care a descoperit stațiunea de la Sacarovca și participant activ la investigațiile arheologice de teren, a felicitat autorii pentru frumoasa realizare științifică. Colegul Sergiu Bodean a făcut o prezentare amănunțită a monografiei, referindu-se la diverse aspecte ale

studiului. Spre finalul lansării s-au declanșat mai multe discuții pe marginea problematicii reflectate în monografie, în cadrul cărora domnul dr.hab. Ion Niculiță a avut, în special, un cuvânt de felicitare pentru autorii volumului.

Administrația Institutului Patrimoniului Cultural, în persoana domnului director, dr.hab. Victor Ghilaș, pe lângă mesajul de felicitare, a înmânat și Diplome autorilor și invitaților speciali.

În cadrul Workshop-ului, domnul dr.hab. Valentin Dergaciov a prezentat un șir de metode noi de analiză și interpretare a determinărilor arheozoologice, bazate pe legități fizice și matematice, pe care le-a descoperit pe parcursul cercetării, ulterior utilizându-le, și care au menirea de a consolida un nou sistem de abordare interdisciplinară în arheologia contemporană.

Evenimentul a avut drept scop atât lansarea pentru publicul larg a unui volum de excepție, semnat de Valentin Dergaciov și Olga Larina, cât și promovarea unor idei noi care vizează nemijlocit interdisciplinaritatea arheologiei cu științele conexe, în cazul de față arheozoologia.

Larisa Ciobanu

Masa rotundă
90 de ani de la naşterea arheologului Avram Nudelman, 85 de ani de la naşterea arheologilor Isac Rafalovici şi Pavel Bîrnea, 80 de ani de la naşterea arheologului Vasile Grosu

Pe data de 7 aprilie 2015, în Sala Mică a Academiei de Ştiinţe a Moldovei a avut loc Masa rotundă cu genericul **Arheologia Moldovei: Trecut, Prezent şi Viitor** şi tema ***90 de ani de la naşterea arheologului Avram Nudelman, 85 de ani de la naşterea arheologilor Isac Rafalovici şi Pavel Bîrnea, 80 de ani de la naşterea arheologului Vasile Grosu***, organizată de Centrul de Arheologie al Institutului Patrimoniului Cultural.

Evenimentul a reunit circa 60 de participanţi – profesori, cercetători ştiinţifici, doctoranzi, masteranzi şi studenţi de la Institutul Patrimoniului Cultural, Universitatea de Stat din Moldova, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, Universitatea Pedagogică de Stat „Ion Creangă", Şcoala Superioară de Antropologie şi alte instituţii. Scopul manifestării a constat în evocarea personalităţilor lui Avram Nudelman, Isac Rafalovici, Pavel Bîrnea şi Vasile Grosu, remarcabili istorici şi arheologi, care au avut o activitate prodigioasă în domeniul arheologiei, numismaticii, pedagogiei şi istoriei vechi din spaţiul carpato-nistrean.

Domnul dr. Constantin Spînu, vicedirector al Institutului Patrimoniului Cultural, şi domnul Mihai Ursu, director al Muzeului Naţional de Etnografie şi Istorie Naturală, în alocuţiunile lor au adresat cuvinte de salut celor prezenţi, apreciind înalt iniţiativa organizatorilor de a aduce un binemeritat omagiu generaţiei premergătoare de arheologi.

Pe parcursul sesiunii de comunicări, moderată de domnul dr.hab. Oleg. Levitki, director al Centrului de Arheologie al IPC, au fost prezentate patru comunicări referitoare la viaţa şi activitatea ştiinţifică a personalităţilor evocate.

Prima comunicare, susţinută de domnul profesor universitar, dr.hab. Ion Niculiţă (Universitatea de Stat din Moldova), a reprezentat o schiţă de portret al Omului ce nu mai este printre noi, cuprinzând scurte date biografice şi diverse aspecte ale vieţii ştiinţifice a arheologului Isac Rafalovici, care a desfăşurat o prodigioasă activitate ştiinţifică, ce consta din trei componente: cercetările pe teren; elaborarea studiilor ştiinţifice şi publicarea lor în diverse reviste de prestigiu; propagarea, cu mult talent, a ştiinţei arhe-

ologice. Menționăm îndemnul vorbitorului „nouă nu ne rămâne decât să-l evocăm cu pietate, să-i studiem lucrările și să încercăm să-i dezvoltăm ideile".

Apoi, domnul conf. univ. dr. Sergiu Matveev (Universitatea de Stat din Moldova) a vorbit despre Avram Nudelman – istoric, arheolog, numismat și muzeograf, prezentând în baza documentelor de arhivă diverse aspecte ale vieții, dar și elementele definitorii ale acestor activități, pe care le-a practicat. Totodată, vorbitorul a susținut că savantul Avram Nudelman a fost unul dintre cei mai buni specialiști din RSSM în domeniul numismaticii. Iar publicațiile sale privind monedele antice și medievale reprezintă și până în prezent cel mai important și complet registru numismatic pentru teritoriul pruto-nistrean.

În continuare, domnul dr. Nicolai Telnov (Centrul de Arheologie al IPC) a adus un omagiu savantului și omului Pavel Bîrnea, unul din cercetătorii de vază ai culturii și istoriei medievale moldovenești. După ce a investigat un șir întreg de monumente arheologice și a studiat sursele scrise de epocă, a publicat zeci de lucrări la această temă. Vorbitorul a subliniat că Pavel Bîrnea „va rămâne în memoria noastră ca un savant exigent, prieten adevărat și activ susținător al colegilor mai tineri".

Cea de-a patra comunicare a fost susținută de domnul dr. Vlad Vornic (Agenția Națională Arheologică) și doamna Larisa Ciobanu (Centrul de Arheologie al IPC) și a avut drept scop evocarea arheologului și istoricului Vasile Grosu. A fost prezentată activitatea științifică, punându-se accent pe faptul că el s-a impus în istoriografia de specialitate drept autorul primei periodizări complexe a monumentelor culturii sarmatice din interfluviul Prut-Nistru. Totodată, a fost menționat și efortul său de decenii în adunarea materialelor pentru publicarea în două volume a istoriei satului său natal Talmaza, r-nul Ștefan Vodă.

Spre final, s-au declanșat mai multe discuții și intervenții, în cadrul cărora au vorbit domnul dr.hab. Valentin Dergaciov (IPC), domnul dr. Igor Manzura (Școala Superioară de Antropologie), doamna dr. Ana Boldureanu (MNIM), domnul dr. Eugen Iarovoi (Moscova, Federația Rusă). În cadrul alocuțiunilor, vorbitorii au abordat diverse aspecte ale vieții și activității personalităților elogiate în cadrul reuniunii, au subliniat importanța petrecerii unor asemenea manifestări, argumentându-se în repetate rânduri faptul că fără cunoașterea trecutului arheologiei din spațiul nostru și a celor care i-au pus bazele, prezentul și viitorul sunt învăluite în umbră, au remarcat nivelul înalt și profesionist de organizare și au urat Centrului de Arheologie al IPC succese pe viitor și cât mai multe afirmări pe tărâmul științific.

Administrația Institutului Patrimoniului Cultural, în persoana doamnei secretar științific dr. Liliana Condraticova, a înmânat Diplome de participare invitaților care au venit cu comunicări.

Mesele rotunde de omagiere a înaintașilor, inițiate în anul 2014, când au fost evocați arheologii Tatiana Passek, Gheorghii Smirnov și Emanuil Rikman, sperăm să devină o tradiție frumoasă la Centrul de Arheologie al IPC.

Livia Sîrbu

Conferința științifică internațională
Probleme actuale ale arheologiei, etnologiei și studiului artelor, ediția a VII-a

Manifestarea științifică anuală a Institutului Patrimoniului Cultural al Academiei de Științe a Moldovei, ajunsă la a VII-a ediție (26-28 mai 2015), s-a desfășurat de această dată sub egida a încă trei instituții de prestigiu – Agenția Națională Arheologică (Chișinău), Institutul de Arheologie „Vasile Pârvan" (București) și Complexul Muzeal Național „Moldova" (Iași). Ediția din anul curent s-a remarcat prin apariția *motto*-ului sugestiv *Patrimoniul cultural – cercetare, valorificare, promovare*, dar mai ales prin acordarea statutului de „conferință științifică internațională". Cea din urmă schimbare benefică, cu siguranță, reprezintă o recunoaștere a creșterii calității comunicărilor prezentate de cercetătorii-participanți, dar și a interesului tot mai pronunțat față de întrunirea noastră din partea colegilor de breaslă atât de la Chișinău, cât și de peste hotare. Considerăm că o bună parte din aceste merite aparțin și Centrului de Arheologie, angajații căruia s-au implicat plenar în organizarea evenimentului, chiar în condițiile noastre precare de lipsă cronică de fonduri. Nu în ultimul rând, menționăm contribuția partenerilor și sponsorilor naționali: Universitatea de Stat din Moldova, Universitatea Pedagogică de Stat „Ion Creangă", Universitatea Tehnică din Moldova, Institutul de Științe ale Educației, Asociația Răsăritul Românesc din Republica Moldova, Instituția Publică Institutul Științifico-Practic de Horticultură și Tehnologii Alimentare, Institutul Muncii.

În acest an, la lucrările Secției de Arheologie s-au înscris 85 de cercetători (dintre care au reușit să vină doar 67, 18 solicitanți neajungând la Chișinău din varii motive,) cu 71 de comunicări (fiind prezentate 65). Peste o jumătate dintre cei care și-au anunțat intenția de a participa la reuniunea științifică de la noi – în număr de 43 – au fost de peste hotare: din România (20), Ucraina (13), Federația Rusă (4), Belarus' (2), Georgia (2), Germania (1) și Franța (1). Participanții din Republica Moldova au fost reprezentați în primul rând prin cercetătorii Centrului de Arheologie al IPC, colegii de la Agenția Națională Arheologică, Muzeul Național de Istorie a Moldovei, Universitatea Pedagogică de Stat „Ion Creangă", Universitatea de Stat din Moldova, Școala Superioară de Antropologie ș.a.

Subliniem în special faptul că din partea co-organizatorilor ediției curente a conferinței, ne-au onorat nu numai cu prezența, dar și cu participarea nemijlocită la lucrări, dl dr. Eugen Nicolae, director adjunct al Institutului de Arheologie „Vasile Pârvan" din București, dna dr. Senica Țurcanu, directoarea Muzeului de Istorie din cadrul Com-

plexului Muzeal Național „Moldova" din Iași, și dl dr. Vlad Vornic, director general al Agenției Naționale Arheologice. La ședința în plen dl E. Nicolae a susținut o foarte interesantă, actuală și bine documentată comunicare cu titlul *Întemeierea Moldovei în lumina descoperirilor monetare dintre Prut și Nistru*, iar dl Vl. Vornic s-a referit la *Cuptoarele de olărie medievale de la Vorniceni: cercetare, conservare, valorificare*, o descoperire recentă care este în proces de conservare, realizat cu sprijinul specialiștilor de la București. Dna Senica Țurcanu a prezentat de această dată comunicarea *Original, fals și imitație în analiza obiectelor de podoabă Cucuteni-Tripolye*, un studiu al podoabelor cucuteniene, bunuri tranzacționate într-un sistem simbolic cu multiple funcții – practice (de acoperire, protejare), estetice, erotice, igienice, medicale, dar mai ales ceremoniale, rituale și magice. Impresionantă este relevarea rolului acestor artefacte în comunicarea non-verbală dintre „emițători" și „receptori".

De asemenea, menționăm tradiționala diversitate tematică a comunicărilor susținute în Secția de Arheologie, care din nou a fost foarte largă, atât din punct de vedere cronologic, cât și teritorial. Intervalul cronologic abordat include paleoliticul, neo-eneoliticul, epoca bronzului și cea timpurie a fierului, epoca antică, medievală și perioada premodernă. Din punct de vedere teritorial, au fost abordate aspecte care în procesul lor de evoluție fie sunt specifice și limitate la interfluviul prutonistrean, fie se extind pe întreg spațiul euro-asiatic. În general, participanții s-au referit la multiple componente interesante ale cercetărilor științifice din ultima perioadă, diverse teorii existente care au fost abordate dintr-o altă perspectivă sau s-a încercat evidențierea unor noi etape în cercetare prin apelare la reinterpretări și reevaluare conform noilor tendințe. Merită să evidențiem creșterea numărului de comunicări ce reflectă rezultatele investigațiilor arheologice de salvare, locul și rolul restaurării/conservării/valorificării, mai ales datorită accentului pus în ultima perioadă pe arheologia non-invazivă. În cadrul secției noastre a continuat și tradiția prezentării celor mai relevante rezultate ale studiilor interdisciplinare, elaborate în baza inventarului și a materialelor recuperate de arheologi. Aici ne referim atât la domeniul antropologiei, paleozoologiei, arheobotanicii, cât și la metodele de cercetare specifice altor domenii, fezabile și arheologiei, care în ultima perioadă au căpătat amploare și se bucură de mult succes.

Scopul principal urmărit de organizatorii conferinței a constat în împărtășirea noilor rezultate ale investigațiilor realizate colegilor de breaslă nu doar din țară, dar și de peste hotare. Printre obiectivele propuse, pot fi enumerate introducerea în circuitul științific a materialelor recent descoperite, a noilor idei și direcții de cercetare și, nu în ultimul rând, popularizarea științei. Avem convingerea că în linii generale aceste obiective au fost atinse. Rămânem cu speranța că participanții la conferință – în marea lor majoritate tineri cercetători – vor reveni an de an la Chișinău pentru a ne relata despre descoperirile făcute și succesele obținute între timp.

Larisa Ciobanu, Livia Sîrbu

Masa rotundă
Arheologia evului mediu timpuriu în spațiul Europei de Est

Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM, în colaborare cu Ambasada Ungariei în Republica Moldova și Academia de Științe a Ungariei, au organizat prima Masă rotundă moldo-ungară cu genericul „Arheologia evului mediu timpuriu în spațiul Europei de Est". Manifestarea a întrunit cercetători din domeniul arheologiei, etnologiei și artelor din Republica Moldova, Ungaria și Ucraina.

La eveniment au participat prim-vicepreședintele AȘM, academicianul Ion Tighineanu, Ambasadorul Ungariei în Republica Moldova, E.S. Mátyás Szilágyi. Dr.hab. Aurelian Dănilă, academician-coordonator al Secției Științe Umanistice și Arte a AȘM, a subliniat necesitatea organizării unor asemenea foruri științifice nu doar în domeniul arheologiei, dar și al artei muzicale, altor arte audiovizuale, astfel fiind extins arealul de cercetare.

Directorul Institutului Patrimoniului Cultural al AȘM, dr.hab. Victor Ghilaș, a relevat în deschiderea manifestăriii continuitatea în relațiile interinstituționale, începutul colaborării având o istorie mai veche, care, de fapt, a și generat această primă întâlnire a cercetătorilor din Republica Moldova și Ungaria, axată pe problemele arheologiei. Manifestarea a fost focusată pe evaluarea unui șir de probleme din domeniul arheologiei, de interesul manifestat față de numeroase date informaționale din domeniu.

Cuvinte de salut a adresat participanților la întrunire și dr.hab. Valentin Dergaciov, director al Institutului Patrimoniului Cultural în perioada 2006-2010, care a inițiat aceste relații moldo-ungare în domeniul arheologiei și a semnat primul acord de colaborare între cele două institute. Domnul Dergaciov a subliniat aspectul educațional și instructiv al acestui for științific, ce contribuie la extinderea orizonturilor de cunoaștere privind istoria celor două popoare, două culturi, care din punct de vedere arheologic au multe tangențe ce trebuie explorate în continuare.

În cadrul Mesei rotunde au fost luate în dezbatere aspecte, care denotă interesul deosebit al cercetătorilor din țările participante privind multitudinea de probleme ce vizează posibilitățile de cooperare moldo-ungară în domeniul arheologiei diferitor epoci istorice. Cercetătorii de la Institutul Patrimoniului Cultural, Muzeul Național de Istorie a Moldovei și Școala Superioară de Antropologie din Chișinău s-au arătat preocupați de problemele actuale ale arheologiei vechi ungare și istoria originii strămoșilor ungurilor, influențele culturale în spațiul carpato-nistrean, vestigii ale comunităților ungare, monumentele arheologice din secolele IX–X din Moldova și Muntenia și problema interacțiunii acestor comunități cu cele din bazinul carpatic etc.

Revista Arheologică, seria nouă, vol. XI, nr. 1-2, 2015, p. 340-341

Evenimentul, organizat de comun acord și cu sprijinul Ambasadei Ungariei în Republica Moldova, este o premieră pentru instituțiile de cercetare din ambele țări, o manifestare științifică consacrată problemelor evului mediu timpuriu din Europa de Est, care va avea un impact special în domeniul studierii problemelor legate de arheologia evului mediu timpuriu, va fortifica relațiile de colaborare între ambele țări și între institutele de cercetare.

Lilia Dergaciova, Svetlana Reabțeva

IN MEMORIAM

A.A. Nudelman – personalitate polivalentă a științei din RSSM

Istoricul colecțiilor monetare și a preocupărilor de studierea lor pe teritoriul dintre Prut și Nistru în secolul XIX și prima jumătate a secolului al XX-lea a avut o tradiție dintre cele nefaste. Odată cu încheierea Războiului Doi Mondial, în domeniul respectiv este constatată lipsa oricărei colecții de monede instituționalizate și a specialiștilor. Organizarea noilor centre muzeale în RSSM se realiza prin contribuția specialiștilor invitați din alte orașe, precum Moscova, Sankt Petersburg, Kiev etc. și implicarea treptată a unor tineri originari din RSSM. Numărul relativ redus de descoperiri monetare, căruia reușeau sa-i facă față câțiva specialiști din exterior, a cauzat lipsa unei școli numismatice locale, problemă perpetuată până în prezent. Unul dintre cei care a reușit să se impună și să devină un om al epocii pentru știința RSSM a fost savantul Abram Aron Nudelman[1], sau „Gheorghii Alexandrovici", cum se prezenta studenților.

Abram Aronovici Nudelman s-a născut în orașul Chișinău la data de 25 decembrie 1924. Aceasta data va apărea în toate actele oficiale, cererile, autobiografiile, până către anul pensionării, când pe un document apare data de 16 ianuarie 1924[2].

A urmat clasele primare la Școala Nr.14, iar apoi s-a înscris la Gimnaziul Nr.1 de băieți din Chișinău. După aceasta, în anul 1937 (în unele documente apare și anul 1938), a mers la Școala tehnico-profesională de construcții și electromecanică, cunoscută în perioada interbelică cu numele de Tehnicum (în prezent Colegiul de Construcții), unde a învățat până în iunie 1941, după care a fost evacuat împreună cu tatăl (Aron Moiseevici) și mama (Asnas Abramovna) în Rusia, în Ținutul Krasnodar, iar de acolo în regiunea Alma-Ata (RSS Kazahă sau Kazahstan). A.A. Nudelman indică în Fișa de Evidență la Facultate că ar fi absolvit Tehnicumul în 1941, obținând specialitatea tehnician-constructor și radiotehnician, dar ultimele examene de absolvire au fost în anul 1940 (29 iunie), absolvind 15 elevi, despre cele din 1941 informațiile sunt incerte, instituția întrerupându-și activitatea la 16 iunie. Arhivele Tehnicumului se află la București și eventual pot elucida anumite momente despre studiile lui A.Nudelman din acea perioadă.

Din motive de sănătate fragilă nu a nimerit în calvarul câmpurilor de luptă, cu toate acestea între anii 1942-1945 a fost mobilizat în cadrul Comisariatului Norodnic al Apărării din URSS, apoi în Comisariatul Norodnic al Comunicațiilor din URSS, inițial la Karaganda unde a muncit la mine ca miner, apoi la carierele de piatră din localitatea Marinovka, după care a fost transferat la Novosibirsk la Uzina de Reparații și Mecanizare (Secția de Turnătorie) ca hamal, turnător la oțel, fochist și radiotehnician, unde activitatea lui a fost menționată cu o diplomă.

1. Lucrările științifice semnate de către A. Nudelman au fost publicate în limba rusă.

2. Arhiva Științifică Centrală a AȘM, Fond 24, inv.3, dosar 39, f.6. După aceeași sursă aflăm că data de naștere a lui A.A. Nudelman nu este data de 25 decembrie 1924, dar data de 16 ianuarie, 1924 (AȘC AȘM, Fond 24, inv.3, dosar 39, f.43).

În septembrie 1945 a fost înmatriculat la anul I al Facultății de Fizică și Matematică a Universității Pedagogice din Novosibirsk, de unde se transferă la Institutul Pedagogic de Stat „Ion Creangă", din Chișinău, dar din cauza sănătății precare a tatălui, invalid de grupa II, este nevoit să abandoneze studiile. În iunie 1946 semnează cererea de înmatriculare la Facultatea de Istorie a Institutului Pedagogic de Stat „Ion Creangă", pe care o va absolvi în anul 1950. Autobiografia anexată cererii este printre puținele surse ce indică ocupația tatălui său, care în ciuda stării de sănătate lucra ca meșter ceasornicar la cartelul în numele lui Maksim Gorkii, iar în anii 70 – ceasornicar și paznic la Comitetul Central al PCM și adresa unor rude la care locuia, strada Gogol 17. Încă un specific al acestor două documente constă în forma semnăturii aplicate, și anume utilizarea literei „H". În documentele pe care apare semnătura, datate în anii 1946 și 1949, va utiliza litera alfabetului chirilic pentru prima litera a semnăturii, ulterior, începând cu documentele din 1952 va utiliza litera din grafia latină, inclusiv și pe cererea de concediere de la serviciu cu ocazia pensionării semnată în anul 1990. Unica excepție o constituie anul 1978 – anii 1977-1978 fiind ani ai marilor epurări la Academia de Științe a RSSM.

Fișa de Evidență întocmită la 10 septembrie 1946 aduce noi informații despre A. Nudelman, pe ea este indicată naționalitatea – evreu, originea socială din muncitori, tatăl muncind toată viața ca ceasornicar. Este interesant momentul referitor la cunoașterea limbilor, care se va mai modifica pe parcursul anilor, limbi străine este indicat româna – bine, la cele ale popoarelor URSS, moldoveneasca – slab și bine evreiasca și rusa. Fișa de evidență din 10 iunie 1971, completată în momentul angajării la Academia de Științe, la compartimentul limbi străine A.A. Nudelman va indica franceza, germana, româna și evreiasca. Evidența militară ne indică faptul că era înscris drept soldat în rezervă, grupa II, la specialitatea 133, ceea ce însemna că e înscris în unitățile de deservire, fără pregătire militară. În 1974 va indica specialitatea radiotelegrafist, cod 083(?).

După absolvirea facultății și obținerea calificativelor de *învățător de istorie, învățător în școala medie* (diploma Б - 529669), va activa între anii 1950-1952 în calitate de profesor și director de studii la Școala moldo-rusă Nr.1 din Sîngereii Vechi (azi, or. Sîngerei).

În august 1952, din cauza îmbolnăvirii grave a tatălui său, revine la Chișinău, unde a fost angajat în calitate de cercetător științific în cadrul *Secției de istorie presovietică* a Muzeului Republican de Studiere a Ținutului Natal (azi MNEIN). Între 1954-1955 A.A. Nudelman va face studii serale la Universitatea marxism-leninismului de pe lângă Comitetul Orășenesc al PCM din Chișinău[3]. În anul 1958 va susține examenele și va activa în calitate de ghid pe jumătate de normă în biroul de turism din Chișinău și la cea mai veche companie rusă de turism „Inturist".

Titlul de cercetător științific superior îl va obține în 1960, iar din 1969 devine șeful *Secției de istorie presovietică* a respectivului muzeu. Va activa la muzeu până în luna iulie, 1971 când se va transfera cu serviciul la AȘ a RSSM[4]. Pentru activitățile sale a fost distins cu insigna *Lucrător eminent al culturii din RSSM și Lucrător eminent al culturii din URSS*. În 1963 A.A. Nudelman a absolvit cursul anual de radiotelemecanică la radioclubul republican „DOSAAF" *(Societatea Voluntarilor din Uniunea Sovietică pentru Asistența acordată Armatei, Forțelor Aeriene și Navale)* din RSS Moldovenească. Din 1968 va lucra ca lector superior pe jumătate de normă, achitată pe ore, la Universitatea de Stat din Chișinău „V.I. Lenin", predând cursul de *Disciplini Istorice auxiliare. Numismatică.* Iar din anul 1973 el va avea și un curs de lecții privind *Discipline Istorice Speciale și Auxiliare*, precum și obiectul *Arheologia URSS* la Institutul Pedagogic de Stat „I. Creangă".

În iulie 1971 A.A. Nudelman este angajat în calitate de cercetător științific inferior în cadrul secției *Arheologia și Istoria Veche a Moldovei* a Institutului de Istorie al AȘ a RSSM. Salariul inițial va fi de 120 de ruble, care se va ridica la 135 ruble din 16 ianuarie 1972, când va deveni responsabil de Muzeul de Istorie a Institutului. În această secție va activa până la 31 ianuarie 1978, iar de la 1 februarie același an, în urma reorganizării AȘ a RSSM, va lucra în sectorul nou creat de *Etnografie și Artă, secția arheologie moldovenească.* Pe fondalul schimbărilor masive de la limita anilor 1977-1978, Nudelman primește recomandare pozitivă semnată de V.I. Țaranov, A.S. Esaulenko și N.A. Mohov, fapt care a contribuit la menținerea și promovarea lui la Institut. Din data de 9 octombrie

3. AȘC AȘM, f.6 și următoarea.

4. AȘC AȘM, f.43.

1979 s-a păstrat o caracteristică similară semnată de V.S. Zelenciuk, S.S. Curoglo și L.M. Cemortan. La 4 decembrie 1979 a fost ales în funcția de cercetător științific superior în cadrul secției de *cultură populară* a sectorului de *Etnografie și Artă*, moment în care anunța 36 lucrări științifice editate, sub tipar sau în manuscris, salariu crescându-i la 150 ruble, în decembrie 1984 reales în aceeași funcție în baza caracteristicii scrise de V. Marchevici.

Pe parcursul lunilor iulie - octombrie 1978 și aprilie - august 1979 va participa la săpăturile arheologice de la Orheiul Vechi, conduse de P. Bârnea, iar în luna ianuarie 1979 A. Nudelman va participa la lucrări comune de cercetare cu savanți din România V. Spinei și L. Șimanschii[5].

La 16 ianuarie 1982 este numit responsabil de Muzeul de Arheologie al Institutului de Istorie din cadrul AȘ a RSSM. În scurt timp, pe 24 mai 1982, A.A. Nudelman devine candidat în științe istorice cu teza susținută la Universitatea de Stat „M.V. Lomonosov" din Moscova. Tema tezei de candidat în științe istorice a fost „Circulația monetară în interfluviu pruto-nistrean în antichitate și epoca medievală" („Монетное обращение в Днестровско-Прутском междуречьи в античное время и в период средних веков"). Conducător științific al tezei sale a fost membrul corespondent al AȘ din URSS V.L. Ianin. Diploma *И*Т 006590 a fost eliberată la data de 23 februarie 1983. După susținerea cu succes a tezei, va fi apreciat drept unul dintre cei mai buni specialiști în numismatică din RSSM[6].

Pe 11 decembrie 1984 A.A. Nudeman va fi reales în funcția de cercetător științific superior al Secției *Neoliticul* a Muzeului de Arheologie și Etnografie de la Institutul de Istorie. În același an va fi delegat în România pentru „a propaga succesele obținute de arheologia și numismatica sovietică"[7]. La data de 25 iulie 1986 va fi numit în funcția de cercetător științific superior în sectorul de *arheologie moldo-slavă*[8]. Pe data de 16 octombrie 1990 se va pensiona din cadrul Academiei de Științe, în legătură cu atingerea vârstei de pensionare, dar și cu plecarea sa în Israel[9]. Perioada următoare de viață rămâne a fi necunoscută.

Abram A. Nudelman a fost unul dintre cei mai buni specialiști din RSSM în domeniul numismaticii. Preocupările sale privind circulația monedelor antice și medievale din zona interfluviului Prut-Nistru, precum și publicațiile sale destul de apreciate și peste hotarele RSSM, denotă faptul că era un specialist de talie europeană. Lucrarea sa *Топография кладов и находок единичных монет* reprezintă și astăzi unul dintre cele mai complete registre numismatice pentru spațiul pruto-nistrean. Monografia respectivă cuprinde tot materialul numismatic găsit pe întreg teritoriul dintre Prut și Nistru, din cele mai vechi timpuri până în secolul al XVIII-lea, incluzând descoperirile monetare din perimetrul orașelor Hoardei de Aur de la noi – Orheiul Vechi și Costești. Când s-a angajat la AȘ a RSSM, A. Nudelman cunoștea și vorbea fluent în cinci limbi: franceza, germana, româna, ebraica și rusa. Activitatea sa febrilă, precum și implicarea în diferite proiecte, i-a oferit posibilitatea lărgirii considerabile a orizontului de cunoaștere. Faptul că a fost foarte activ, combinând cu succes arta pedagogiei, studiul științific, capacitățile organizatorice și de conducere a instituțiilor muzeistice, s-a reflectat și prin distincțiile cu care a fost decorat. A. Nudelman a fost o persoană destul de complexă, care și-a dedicat 38 de ani din viață pentru dezvoltarea științei arheologice, numismatice și muzeistice în RSSM. Unicul cusur pe care l-a avut savantul a fost faptul că nu a avut elevi pe care să-i îndrume. Despre acest fapt se relatează și într-o caracteristică dată istoricului în anul 1986 de către V. Marchevici, V. Andon și N. Telnov[10].

Personalitate polivalentă – istoric, arheolog, numismat și muzeograf, la care se adaugă și ani de muncă pedagogică la Universitatea Pedagogică de Stat „Ion Creangă" și Universitatea de Stat din Moldova, a fost un om al epocii, reușind să se pronunțe asupra majorității problemelor legate de circulația monetară în spațiul pruto-nistrean din antichitate până în epoca modernă. Și daca arheologii, inițiind cercetarea unui nou sit, în cele mai dese dintre cazuri trebuie să menționeze activitatea lui G.P. Smirnov, orice cercetare asupra monedelor antice și medievale de pe teritoriul Republicii Moldova, volens-nolens pornește de la evocarea numelui lui A.A. Nudelman.

5. AȘC AȘM, f.32.

6. AȘC AȘM, f.32.

7. AȘC AȘM, f.55.

8. AȘC AȘM, f.59.

9. AȘC AȘM, f.60.

10. AȘC AȘM, f.56.

Lista cărților semnate de A.A. Nudelman:

1. *Топография кладов и находок единичных монет. Археологическая карта Молдавии*. Выпуск 8. Кишинев, Штиинца, 1976.
2. *Древности Старого Орхея. Золотоордынский период*. Кишинев, Штиинца, 1981.
3. *Древности Старого Орхея. Молдавский период*. Кишинев, Штиинца, 1982.
4. *Очерки истории монетного обращения в Днестровско-Прутском регионе (с древнейших времен до образования феодального Молдавского государства)*. Кишинев, Штиинца, 1985.

Sergiu Matveev, doctor în istorie, conferențiar universitar, LCȘ „Tracologie", Facultatea de Istorie și Filosofie, Universitatea de Stat din Moldova; str. Mateevici, 60, MD 2009; Chișinău, Republica Moldova, e-mail: sssmatveev@yahoo.com

Adrian Pelivan, cercetător științific, Secția Arheologie Antică și Medievală a Centrului de Arheologie, IPC al AȘM; bd. Ștefan cel Mare 1, MD 2001, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: pelivan_adrian@yahoo.com

Isaac A. Rafalovichi – 85 de ani de la naștere

În anul 2014 s-au împlinit 85 de ani de la nașterea și 35 de ani de la plecarea în neființă a cunoscutului arheolog din Moldova, doctor în istorie Isaac A. Rafalovici. El a făcut parte din acea primă generație de arheologi moldoveni, care a pus bazele tuturor realizărilor ulterioare ale acestei științe.

I.A. Rafalovici s-a născut la 16 martie 1929 în or. Balta, regiunea Odesa. După absolvirea școlii medii a fost admis la Facultatea de Istorie a Universității de Stat din Chișinău. A fost pasionat de arheologie încă din anii de studenție, când participa la lucrările expedițiilor arheologice, care efectuau cercetări în diferite situri din Moldova. După absolvirea universității în anul 1954, a lucrat câțiva ani ca profesor de istorie în școala medie din satul Anenii Noi, continuând să se ocupe de arheologie. Ulterior este angajat la lucru în cadrul Institutului de Istorie al AȘ a RSSM și cu timpul a început să efectueze cercetări independente. Omagiatul acorda o atenție mare cercetărilor arheologice de teren, descoperind un șir de monumente din diverse epoci istorice – de la paleolitic și până în evul mediu. A participat la săpături efectuate în așezări și necropole atribuite culturilor Cerneahov, Vechi Ruse, din perioada Hoardei de Aur, moldovenești etc., studia activ trecutul îndepărtat al Republicii Moldova.

Un aport deosebit a adus I.A. Rafalovici la cercetarea istoriei și culturii vechilor slavi de pe teritoriul Moldovei, prin aceasta devenind cunoscut în cercurile largi ale specialiștilor de peste hotarele republicii. Cercetările efectuate în așezările medievale timpurii de la Recea, Hucea, Odaia, Hansca, Selișteș.a., studierea izvoarelor scrise, cunoașterea profundă a istoriografiei i-au permis să contribuie substanțial la soluționarea problemelor-cheie ale arheologiei slave din Moldova.

Deja în primele sale articole el abordează subiecte problematice ale arheologiei și istoriei slave și are un aport semnificativ la rezolvarea lor. În această perioadă participă activ la mai multe conferințe științifice, dedicate diverselor probleme de arheologie medievală, istorie și etnografie. Comunicările lui întotdeauna erau dedicate unor probleme complicate, tezele înaintate de el erau profund argumentate.

În anul 1968 I.A. Rafalovici a susținut cu succes teza de doctorat cu tema „Slavii sec. VI-IX în Moldova". Este autorul compartimentelor despre cultura materială a slavilor sec. VI-VII în lucrarea „Studii de istorie a culturii Moldovei" (Chișinău 1971), a culturii slavilor sec. VI-IX în lucrarea colectivă „Cultura veche a Moldovei" (Chișinău 1974), autor al capitolelor din „Istoria economiei naționale a RSSM" (Chișinău 1976), care includeau o perioadă destul de mare din cele mai vechi timpuri și până la începutul sec. XII și a multor altor lucrări. Merită atenție lucrarea lui I.A. Rafalovici „Moldova și căile de colonizare a slavilor în Europa de Sud-Est" (Chișinău 1972), în care autorul, în baza izvoarelor scrise și arheologice face încercarea de a stabili perioada de timp și itinerariul de colonizare a interfluviului Nistru-Prut de către slavi, de a determina hotarele dintre uniunile de triburi ale anților și sclavinilor și teritoriul ocupat de tiverți. În afară de acesta, sunt examinate și alte întrebări legate de istoria etnică a slavilor sec. VI-IX în regiune.

Studiul monografic „Slavii sec. VI-IX în Moldova" (Chișinău 1972), redactat în baza materiale-

Revista Arheologică, seria nouă, vol. XI, nr. 1-2, 2015, p. 346-348

lor arheologice acumulate într-o perioadă de timp de cca două decenii de cercetare a vestigiilor slave din interfluviul Nistru-Prut și în baza izvoarelor scrise, reprezintă un rezultat al investigării monumentelor slave timpurii din Moldova și o lucrare de bază, ce au făcut cunoscut pe larg numele lui I.A. Rafalovici. Istoria și cultura materială a slavilor din epoca colonizării de către ei a spațiului pruto-nistrean au fost elucidate în lucrare destul de multilateral. Au fost discutate așa subiecte importante, cum ar fi chestiunea privind perioada de început a pătrunderii slavilor în teritoriile de la Nistru și Dunăre, se argumenta cronologia generală și internă, precum și periodizarea culturii slave timpurii în Moldova. Vestigiile slave timpurii au fost divizate cronologic în două grupuri, primul datat în sec. VI-VII, iar al doilea, în sec. VII-IX. Au fost analizate destul de minuțios tipurile de așezări, construcțiile locative și de uz gospodăresc. O atenție importantă a fost acordată în lucrare uneltelor de muncă și economiei slavilor. În baza divizării vestigiilor slave timpurii în două grupuri cronologice, autorul a elaborat separat, pentru fiecare din ele, tipologia ceramicii. Un loc aparte în lucrare se acordă studierii producției casnice și meșteșugurilor la slavii din această perioadă, sunt abordate problemele privind reprezentările ideologice și relațiile sociale. Lucrarea, grație unei profunde analize izvoristice și problemelor de amploare discutate, a constituit un aport vizibil la studierea istoriei și culturii materiale a slavilor sec. VI-IX în spațiul dintre Nistru și Prut și nu și-a pierdut importanța științifică până în prezent.

Atractive pentru I.A. Rafalovici erau și problemele posibilelor contacte ale culturii slave cu cultura Cherniakhov, premergătoare ei în interfluviul Nistru-Prut, moștenirea cherniakhoveană în cultura slavă. Modul de tratare a acestor probleme a fost expus de el într-un șir de lucrări. În ultimii ani de viață cercetătorul acorda o atenție deosebită problemelor romanizării populației de la Dunărea de Jos în ajunul colonizării slave. Drept imbold a servit, probabil, și faptul că în acel timp el a început cercetarea interesantei necropole a culturii Cherniakhov de lângă satul Dănceni, descoperite de el încă în 1959. A condus săpăturile în necropolă pe parcursul a patru campanii arheologice, între anii 1974-1976 și în 1978. I.A. Rafalovici înțelegea perfect importanța acestui sit, ce reprezenta unul dintre cele mai importante șih interesante monumente arheologice de pe teritoriul Moldovei. El planifica elaborarea unei monografii, bazate pe materialele cercetate. Dar, cu părere de rău, nu a reușit să realizeze până la capăt cele planificate. Viața lui s-a întrerupt prematur. El a decedat subit pe data de 9 februarie 1979, neajungând nici la vârsta de cincizeci de ani. Monografia „Dănceni. Necropola culturii Cherniakhov din sec. III-IV e.n." (Chișinău 1986) a fost publicată post-mortem. În monografie sunt publicate materialele culturii Cherniakhov din necropola Dănceni. Sunt

stabilite limitele cronologice ale necropolei, este determinat locul ei în sistemul general european de periodizare a epocii romane târzii și marii migrații a popoarelor, fiind analizate toate pozițiile pieselor cu relevanță cronologică din complexele funerare. Lucrarea conține informații prețioase pentru studierea complicatelor procese, ce aveau loc în cuprinsul interfluviului Nistru-Prut în sec. III-IV e.n. Cartea reprezintă un aport important în știința arheologică și timp îndelungat va mai fi încă solicitată de către specialiști.

I.A. Rafalovici a fost un arheolog cu mare experiență în cercetările de teren. Lucrările lui științifice cuprind largi aspecte istorico-arheologice și geografice, care îl caracterizează pe autor ca pe un cercetător talentat. El a fost un veritabil savant-entuziast, sensul existenței căruia îl constituia permanenta și încordata muncă de cercetare. Fidelitatea față de meseria dragă se îmbina cu instrucțiunea multilaterală. I.A. Rafalovici împărtășea cu generozitate cunoștințele, observațiile și ideile sale cu colegii și discipolii în scopul comun de căutare a adevărului în cunoașterea științifică. El a fost un minunat popularizator al științei arheologice.

Isaac Alexandru Rafalovici se bucura de o mare autoritate printre colegii săi arheologi și era un lider, recunoscut de toți în breaslă. Reprezenta prin modul său propriu de a fi un exemplu de slujitor neprecupețit al științei, căreia i-a dedicat toată scurta sa viață. Un astfel de exemplu el rămâne nu numai pentru acei, care l-au cunoscut personal, dar și pentru cei, ce au folosit și continuă să folosească rezultatele științifice ale cercetărilor lui.

Nicolai Telnov

Pavel P. Bîrnea – 85 de ani de la naștere

La 22 octombrie 2015 se împlinesc 85 ani de la nașterea cunoscutului arheolog și istoric din Moldova, doctor habilitat în științe istorice Pavel P. Bîrnea. El a făcut parte din acea generație a savanților din Moldova, care însușind tot ce era mai bun în metodica și metodologia școlii sovietice de arheologie, a ridicat la nivel înalt știința arheologică moldovenească. Această generație a creat acea bază a surselor arheologice, care mult timp va servi pentru cercetătorii actuali și celor ulteriori drept temelie în procesele de reconstituire și interpretare a multor perioade necunoscute din istoria Moldovei. Moștenirea științifică a lui P.P. Bîrnea include cca 150 de lucrări tipărite, o cantitate semnificativă de rapoarte științifice de săpături și un număr enorm de vestigii arheologice, importanța cărora încă nu este pe deplin dezvăluită.

Pavel P. Bîrnea s-a născut în Moldova la 22 octombrie 1930, în satul Tvardița, raionul Ceadâr-Lunga. În anul 1949 el a absolvit școala medie locală și a fost admis la Facultatea de Istorie și Filologie a Universității de Stat din Chișinău, după absolvirea căreia, din 1954 și până în 1957, a făcut studii de doctorat la Moscova, la Insitutul de Istorie a Culturii Materiale al AȘ din URSS. După absolvire este angajat la Institutul de Istorie al filialei din Moldova a AȘ din URSS. Din acest timp P.P. Bîrnea începe să studieze așezările rurale ale Moldovei medievale. În pofida faptului că problema cercetării așezărilor rurale ale Moldovei medievale de mult timp era pusă în istoriografie, soluționarea ei încă lăsa mult de dorit. Încercările de a o studia, întreprinse anterior, erau spontane și tot ce s-a realizat, a fost făcut unilateral și incomplet. Problemele așezărilor rurale erau discutate de cercetători doar în treacăt, atunci când se lucra cu sursele scrise. Vestigiile arheologice nu erau utilizate deloc la soluționarea acestei probleme, deoarece lor nu li se acorda importanța cuvenită or ele pur și simplu erau lipsă. Cu râvnă deosebită Pavel P. Bîrnea s-a apucat să caute așezări medievale moldovenești și, cheltuind pentru găsirea lor câțiva ani, a înțeles că pentru a găsi în teren așezări medievale moldovenești și îndeosebi timpurii, din sec. XIV-XV, nu este deloc simplu. Și aceasta din mai multe cauze. El ajunge la concluzia că trebuie de lucrat în complex, adică în problematica dată este necesar de studiat toate sursele – scrise, arheologice, toponimice, etnografice și altele. A lucrat asupra izvoarelor scrise accesibile cu divers caracter, a apelat la toponimică, a efectuat cercetări arheologice de teren atât în Moldova, cât și în regiunea Cernăuți a Ucrainei, și această activitate nu a fost zadarnică. Ca rezultat, au fost cercetate cca 130 de așezări rurale moldovenești și în 13 din ele au fost efectuate săpături arheologice staționare. Practic, pentru prima dată au fost căpătat material arheologic de valoare. Sursele arheologice nu numai că au completat simțitor datele izvoarelor scrise, ci au pus la dispoziție noi materiale pentru elucidarea culturii materiale rurale a Moldovei medievale. Pentru prima dată au fost făcute constatări privind dimensiunile așezărilor, topografia lor, stabilindu-se principalele tipuri de populare a acestui teritoriu. S-a reușit delimitarea tipurilor de bază ale locuinței populare moldovenești, clarificarea structurii ei (internă și externă), tehnicii de edificare etc. Uneltele de muncă descoperite i-au permis să constate nivelul dezvoltării forțelor de

Revista Arheologică, seria nouă, vol. XI, nr. 1-2, 2015, p. 349-352

muncă la sat, să facă tipologia uneltelor, să concretizeze destinația fiecărui tip. Sursele arheologice au facilitat, de asemenea, caracterizarea principalelor procese din cadrul lucrărilor agricole, a unui șir întreg de meșteșuguri și îndeletniciri sătești din Moldova medievală. Pentru a preciza destinația vestigiilor arheologice descoperite în procesul studierii diverselor probleme, au fost reușit utilizate materialele etnografice. Cu scopul de a preciza și a argumenta unele concluzii, la care s-a ajuns în baza studierii izvoarelor scrise și a celor arheologice, au fost atrase și datele toponimicii. Spre exemplu, cartarea așezărilor din sec. XIV-XV în paralel cu toponimele omonime a dat posibilitate să fie urmărite căile și etapele de înaintare a volohilor din regiunea munților Carpați spre Moldova de peste Prut, iar ulterior în interfluviul pruto-nistrean.

Pe această problemă Pavel P. Bîrnea în anul 1965, în cadrul Institutului de Etnografie al AȘ din URSS, a susținut teza de doctorat cu tema: „Așezările rurale ale Moldovei în sec. XV-XVII". În 1969 a fost scoasă de sub tipar monografia „Așezările rurale ale Moldovei în sec. XV-XVII", care nu numai că nu și-a pierdut importanța până în prezent, ci continuă să rămână lucrarea de sinteză fundamentală asupra problemelor, ce țin de epoca feudală în Moldova. Importanța ei este greu de reevaluat, încă timp îndelungat ea va rămâne solicitată.

Un merit important are P.P. Bîrnea și la studierea orașului medieval moldovenesc. Este încă una din temele deloc simple, ba din contră, problematică, și multe din aspectele ei nu puteau fi soluționate fără intervențiile arheologice. Asupra multor probleme privind apariția și etapa timpurie a orașului medieval moldovenesc știința istorică era în încurcătură și bătea pasul pe loc.

Apelând la materialele arheologice, Pavel P. Bîrnea a reușit să soluționeze pentru interfluviul prito-nistrean problema insuficient cunoscută privind etapele principale în istoria formării orașelor. El a constatat, că în virtutea situației geografice a regiunii discutate, aflate la capătul „culoarului"

eurasiatic de stepă, unde pe parcursul câtorva secole triburile de nomazi influenţau activ asupra dezvoltării social-economice a regiunii, constituirea şi dezvoltarea relaţiilor de producţie feudale, iar odată cu ele şi procesul formării oraşelor erau deseori întrerupte şi luate de la început. Procesul de constituire a oraşului de fiecare dată avea loc pe o nouă bază etnică şi social-economică precum şi pe o nouă cale, doar în rare cazuri păstrând o anumită succesiune.

Prima etapă de formare a oraşelor în spaţiul dintre Nistru şi Prut a mers pe calea Rusiei vechi, spre organizarea oraşului după modelul vechi rus. Aşezarea de tip urban era formată din două componente: cetatea şi târguşorul meşteşugăresc ce o înconjurau. Acest model de oraş nu a mai ajuns la desăvârşire din cauza incursiunilor distrugătoare ale nomazilor din sec. XI-XII.

A doua etapă de formare a oraşelor în regiune a fost reprezentată prin modelul oraşului Hoardei de Aur, ce a luat fiinţă nu în baza dezvoltării social-economice interne a populaţiei locale, ca în perioada precedentă, ci ca rezultat al politicii de constituire a oraşelor, promovate de hanii Hoardei de Aur. Ca rezultat a fost formată o cultură urbană sincretică. Aceste oraşe au dispărut odată cu încheierea dominaţiei Hoardei de Aur în regiune spre sfârşitul anilor 60 ai sec. XIV.

Formarea şi dezvoltarea oraşelor moldoveneşti propriu-zise este legată de geneza feudalismului moldovenesc timpuriu. Conţinutul de bază al etapei a treia de formare a oraşului era constituirea reţelei urbane a cnezatului Moldovei, ca rezultat al unor profunde procese social-economice. Apariţia oraşului medieval în spaţiul moldav este un proces, care a început încă până la formarea statului medieval moldovenesc la mijlocul sec XIV, dar s-a desfăşurat din plin îndeosebi după constituirea lui.

În procesul de clarificare şi argumentare a căilor de formare a oraşului, lui P.P. Bîrnea i-a fost de mare ajutor cercetarea profundă şi multilaterală a dezvoltării concret-istorice a celui mai cunoscut monument medieval moldovenesc din interfluviul Nistru-Prut – Orheiul Vechi. Săpăturile arheologice efectuate de P. Bîrnea în acest sit au durat cca 20 de ani. Pe parcursul acestui timp el a cercetat topografia şi planigrafia oraşului, modul de edificare a construcţiilor locative, de uz gospodăresc şi meşteşugăresc, uneltele de muncă şi producţia meşteşugărească, a studiat legăturile comerciale ale Orheiului Vechi şi a clarificat multe alte chestiuni. Materialele acumulate în rezultatul cercetărilor au arătat, că formarea oraşului moldovenesc avea loc în baza dezvoltării social-economice ulterioare a unui şir de aşezări rurale, prin intermediul transformării treptate a a unora dintre ele în oraşe-centre de meşteşug şi comerţ.

Aplicarea complexă în procesul de cercetare a surselor scrise şi arheologice de către Pavel P. Bîrnea a demonstrat că oraşele moldoveneşti din regiune erau centre de meşteşug şi comerţ, în care s-au păstrat în mare măsură şi începuturile agrare. Ele erau centre administrative ale judeţelor, ce cuprindeau posesiunile particular-feudale şi ocoalele, incluzând satele domeniului domnitorului, în ele era concentrat aparatul fiscal şi judecătoresc. Oraşele erau amplasate pe pământul domnesc, deţineau un statut special, erau supuse numai domnitorului şi vornicilor lui, sau pârcălabilor. În afară de aceasta, ele aveau autoadministrări proprii. Sfatul pârgarilor în frunte cu şoltuzul îndeplineau funcţiile administrative, judecătoreşti şi fiscale în limitele hotarului oraşului.

Reţeaua orăşenească în spaţiul dintre Nistru şi Prut s-a format din aşa oraşe ca Hotin, Cetatea Albă, Chilia, ce au existat până la crearea cnezatului Moldovei şi care au intrat în componenţa lui, precum şi din oraşe ce au apărut după constituirea statului şi după includerea regiunii în componenţa cnezatului, adică nu mai degrabă de a doua jumătate a sec. XIV. Sunt şi aşa oraşe precum Orhei, Sărata, Cernăuţi, Şcerbaca, ce s-au format, conform izvoarelor scrise, nu pe moşiile particulare, ci pe pământurile domeniului domnitorului.

Primul grup de oraşe, ce s-au constituit ca centre de comerţ internaţional, în virtutea apariţiei lor timpurii şi a unor tradiţii specifice, se caracterizа prin componenţa etnică foarte pestriţă a populaţiei. În restul oraşelor predomina populaţia locală – moldovenii, care şi erau întemeietorii acestor oraşe.

În aşa fel, materialele privind cercetarea oraşului moldovenesc în interfluviul Nistru-Prut resping complet afirmaţiile tendenţioase ale unor istorici despre incapacitatea poporului moldovenesc de a crea oraşe proprii şi economie proprie fără ajutor din afară, adică fără participarea meşteşugarilor-colonişti străini. Mărturie destul de grăitoare sunt materialele arheologice de la Orheiul Vechi, reflectare a dezvoltării proceselor soci-

al-economice în mediul populației moldovenești locale sătești.

Rezultatele cercetărilor sale îndelungate Pavel P. Bîrnea le-a expus în cadrul studiului monografic „Orașul medieval moldovenesc în interfluviul Nistru-Prut (sec. XV – începutul sec. XVI)", apărută la Chișinău în 1984, iar în 1987 el a susținut cu această temă teza de doctor habilitat.

Proveniența și istoria timpurie a volohilor, orânduirea lor social-economică, apariția și dezvoltarea statalității moldovenești, examinate pe un fundal istoric larg – este principala tematică, asupra căreia P.P. Bîrnea a lucrat fructuos pe parcursul întregii vieți. Studierii acestei probleme erau subordonate și cercetările monumentelor arheologice, activ petrecute de el în Moldova.

Analiza profundă a izvoarelor scrise, generalizarea materialelor arheologice acumulate anterior și căpătate de el însuși i-au permis lui P.P. Bîrnea să scrie un șir de lucrări, inclusiv monografice, în care au fost înaintate noi modalități de soluționare a problemelor fundamentale din istoria timpurie a statului moldovenesc. El a expus convingător etapele de dezvoltare a așezărilor rurale și urbane în Moldova medievală, punându-le în legătură cu dezvoltarea feudalismului moldovenesc și a statalității. Lucrările lui P.P. Bîrnea constituie un aport serios în știința istorică, mult timp nu-și vor pierde importanța în studierea istoriei medievale a Moldovei și permanent vor fi solicitate de către specialiști.

În decurs de mulți ani Pavel P. Bîrnea a condus cu succes secția de arheologie de la Academia de Științe a Republicii Moldova. Sub îndrumarea lui în republică erau petrecute ample lucrări arheologice, inclusiv și de salvare, care au permis scoaterea din anonimat a multor monumente arheologice și completarea semnificativă a bazei izvoristice. Pe timpul lui s-a desfășurat intens activitatea editorială a secției, ca rezultat fiind scoase de sub tipar zeci de monografii, culegeri și alte ediții arheologice, în care erau prezentate rezultatele cercetărilor, efectuate de savanții moldoveni. P.P. Bîrnea acorda o importanță deosebită pregătirii tinerilor specialiști și avea în permanență grijă de ei. Fiind foarte atent și deosebit de meticulos față de colectarea, analiza și interpretarea faptelor arheologice și istorice, el cerea același lucru de la discipolii săi și de la colegi.

Pavel P. Bîrnea de 13 ani nu mai este cu noi, dar sunt viabile lucrările și ideile lui, oamenii ce l-au cunoscut și-l țin minte vor păstra vie memoria despre el. În inimile noastre el va rămâne pentru totdeauna un om devotat științei, cercetător profund, învățător și coleg grijuliu, prieten de nădejde și devotat.

Nicolai Telnov

Исследователь славянских древностей Днестро-Днепровского междуречья (памяти коллеги и учителя)

В этом году исполнилось бы 85 лет со дня рождения известного украинского археолога, доктора исторических наук, професора Каменец-Подольского национального университета, академика Академии наук высшей школы Украины Иона Винокура. Родился он 4 июля 1930 года в рабочей семье в г. Ружине, ныне районном центре Житомирской области. В 1936 г. семья переехала в Житомир, где в дальнейшем и проживала, за исключением проведенных в эвакуации лет (1941-1944 гг.). Закончив в 1948 г. среднюю школу, Ион поступил на исторический факультет Черновицкого государственного университета имени Юрия Федьковича.

Интерес к древней истории привел его в областной краеведческий музей, где познакомился и подружился со своим земляком, уроженцем Житомирщины Борисом Тимощуком. Заметив интерес юноши к археологи, Борис Анисимович сразу же привлек его к работе в археологической экспедиции на территории летописного древнерусского Василева. Археологическая романтика захватила молодого человека и он был верен ей всю жизнь.

Благодаря Б. Тимощуку, которого И. Винокур всегда считал своим учителем и наставником по методике проведения археологических исследований, у него за эти годы сформировались необходимые профессиональные знания, практические навыки и умения. В 1951-1952 гг. И. Винокур принимал участие в работе Галицкой археологической экспедиции АН Украины под руководством В. Гончарова и В. Довженка.

Первым итогом его научных поисков стала выполненная на экспедиционных материалах дипломная работа «Новые археологические материалы по истории Галицко-Волынской Руси».

В 1953 году, после окончания университета, И. Винокура, как перспективного молодого специалиста, пригласили на работу в Житомирский краеведческий музей. За четыре года им были открыты и обследованы десятки разновременных памятников. В 1955-1956 гг. возле сел Пряжев и Слободище, под руководством М. Брайчевского, И. Винокур провел первые самостоятельные раскопки черняховских поселений. Сложившийся тогда тандем этих двух незаурядных личностей просуществовал долгие годы. И. Винокур всегда отличался толерантностью, уважением к людям, не терпел коньюнктурщиков, имел смелость возразить начальству, никогда не склонял голову перед тогдашними партийными чиновниками. Он один из немногих, кто был частым гостем в семейном доме Брайчевских в Киеве во времена политических преследований Михаила Юлиановича. А это было далеко не безопасно.

В 1957 И. Винокур возвращается в Черновицкий университет на должность лаборанта и активно берется за обустройство вузовского исторического музея. Находясь на Буковине, он продолжал изучение волынских древностей первой половины I тыс. н.э. Для этого в 1959-1961 гг. создает комплексную экспедицию Черновицкого госуниверситета, которая провела раскопки на черняховских поселениях вблизи сел Маркуши и Иванковцы на Житомирщине (Vinokur 1964, 176-186).

Археологические материалы из волынских памятников создали источниковедческую базу для серьезных научных обобщений, и молодой исследователь с головой ушел в творческий процесс, итогом которого стало монографическое исследование о древностях Восточной Волыни первой половины I тысячелетия н.э. (Vinokur 1960). Ответственным редактором книги стала известная ленинградская исследовательница М. Тиханова. Монография легла в основу одноименной кандидатской диссертации, успешно защищенной в 1962 в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР.

1963 год ознаменовался переездом И. Винокура на работу в Каменец-Подольский педагогический институт, где он сразу же создает археологическую экспедицию, которая под его руководством, в течение 43 лет осуществляла стационарные и разведывательные работы в Поднестровье и сопредельных регионах. За этот период было исследовано множество разновременных памятников, налажено сотрудничество с академическими учреждениями ведущих научных центров СССР и зарубежья. Круг научных интересов И. Винокура был достаточно широк, но главным образом охватывал период I тыс. н.э., связанный с историей восточного славянства.

Прежде всего, его усилия были направлены на решение вопросов черняховской культуры, а вместе с ней – глобальных проблем раннеславянской истории. Первыми поселениями, исследованными на Подолье, были Бакота, Ружичанка, Устье и некоторые другие, давшие ученому важные материалы для обобщений. На конец 60-х гг. в науке оставались недостаточно разработанными вопросы духовной культуры и этногеографии черняховских племен. Поэтому И. Винокур делает акцент на эту сторону проблемы. В значительной степени эти вопросы рассмотрены в книге об истории и культуре черняховских племен Днестро-Днепровского междуречья (Vinokur 1972). В ней же он ставит перед собой программные задачи, требующие дальнейшей конкретизации и углубления, которыми и занимался впоследствии.

Кроме поселений, исследовались и могильники черняховской культуры в селах Раковец, Редкодубы, Ружичанка, Устье, Бернашевка. Инвентарь Ружичанского могильника позволил выделить ранние признаки черняховской культуры и стал одной из основ ее периодизации (Gorokhovskii 1988, 34-46).

Одной из приоритетных проблем, над которыми работал И. Винокур, была также проблема культовых языческих памятников лесостепи, в частности из районов Среднего Днестра. Отдельные из них исследовались им лично. Среди таких, общеизвестный Бушанский скальный храм Ямпольского р-на. И. Винокур выразил свое, отличное от других исследователей, мнение относительно его хронологии и использования. Он считал, что храм возник во времена язычества и функционировал до позднего средневековья. На сегодняшний день его версия представляется наиболее убедительной (Vinokur 1994, 122-136).

Справедливо гордился ученый своими работами на капище-жертвеннике с антропоморфным идолом и каменной стелой из с. Ставчаны Новоушицкого р-на, остатках капища на черняховском поселении в Бакоте, работами на месте расположения каменных идолов в с. Блищанка, Колодрибка, Юрковцы и др. В целом же, в Среднем Поднестровье им зафиксировано более 30 пунктов, связанных с древними культами и верованиями. Тщательный анализ этих находок убедил И. Винокура в том, что практически все они имеют непосредственное отношение к черняховской и более поздним раннеславянским культурам (Vinokur 1995, 78-81).

Занимаясь черняховской культурой, ученый пытался понять, каким образом ее развитие связано с предшествующими и последующими древностями. Поэтому его внимание привлекали памятники рубежа и первых веков новой эры, а также постчерняховского времени. Необходимая информация была получена на поселении у с. Большая Слободка Каменец-Подольского р-на. Здесь были открыты десятки жилищ и хозяйственных сооружений с элементами керамических комплексов зарубинецкой, восточнопшеворской, гето-фракийской и позднескифской культур (Vinokur, Megei 1990, 120-127).

В течение десяти полевых сезонов шла работа на многослойном поселении I тыс. н.э. у с. Бернашевка Могилев-Подольского р-на, где также обнаружены остатки сооружений рубежа и первых веков н.э. Периодически проводились разведки на поселениях того же времени у сс. Возилов, Бережанка, Куровка, Сокиринцы и

др. Исследовались и могильники в селах Киселев и Раковец. На основе полученных материалов, для древностей рубежа и первых веков н.э. в зоне Среднего Поднестровья была выделена группа, фиксирующая взаимопроникновение культурных признаков разных по времени памятников (Vinokur 1985a, 17-18.)

Исследовался и целый ряд раннесредневековых памятников V-VIII вв. (Устье, Бакота, Бернашевка, Большая Слободка). На основе выявленных артефактов и стратиграфии была подтверждена наследственность материальной культуры славянского населения Среднего Поднестровья в течение второй половины I тыс. н.э. и его непрерывное проживание на этой территории (Vinokur 1985, 77-88). Как известно, в научных кругах из-за того, что V-й век выглядел сплошным белым пятном, долгое время бытовало мнение об отсутствии каких-либо генетических связей между культурами черняховцев и ранних славян VI-VII вв. Результаты раскопок упомянутых поселений позволили закрыть вопрос о незаселенности территории Приднестровья в V в. н.э. Важно, что этот вывод был подтвержден раскопками других исследователей на поселениях в Луке-Каветчинской, Сокоде (Vakulenko, Prikhodniuk 1984, 107), Теремцах (Baran 1998, 195; Baran 2008, 38-86.), Кодин 1 (Rusanova, Timoshchuk 1984, 69-70) и др.

В этом отношении особенно интересным было открытие уникального ювелирного комплекса в Бернашевке, где впервые для славянской археологии удалось зафиксировать помещение ремесленной мастерской V-VI вв. с 64 каменными литейными формами. Среди них первая на территории Центрально-Восточной Европы форма для отливки пальчатых фибул, что позволило уверенно говорить о местном изготовлении этих изделий (Vinokur 1997).

В Бакоте также были выделены объекты VIII-IX и IX-XIII вв. н.э. Эти материалы, по заключению И. Винокура, подтверждают дальнейшее поступательное развитие материальной культуры древних восточных славян на Среднем Днестре в период формирования древнерусской народности и государственности (Vinokur, Gorishnii 1994, 68-69).

Накопленные материалы раскопок, знания и опыт Иона Винокура вылились сначала в докторскую диссертацию «История и культура черняховских племен лесостепного Днестро-Днепровского междуречья (первая половина I тысячелетия н.э.)», защищенную на Специализированном совете Института археологии АН Украины в 1978 г., а затем, уже на новом уровне, были осмыслены в монографии (Vinokur 2000). Книга подвела итоги всем долгосрочным исследованиям ученого относительно исторических процессов первой половиныи середины I тысячелетия н.э. Эта фундаментальная работа ставит, и во многом решает, целый ряд вопросов, связанных с генетической подосновой и дальнейшими судьбами черняховской культуры, ее этнической принадлежностью, экономической и социально-политической историей. Для этого автор прибегает к скрупулезному сравнению морфологических признаков черняховской культуры с предшествующими и сменяющими ее, что дало основания считать лесостепное Днестро-Днепровское междуречье основной территорией формирования черняховской культуры. Жилые и хозяйственные постройки, отопительные устройства из этого региона, культовые языческие памятники и погребальный обряд черняховцев, как считал автор, говорят об их историко-типологическом и генетическом родстве с зарубинецкими, пшеворскими, корчакско-пражскими и пеньковскими общностями. То есть, речь может идти о непрерывной эволюции и наследственности культур первой половины – середины I тыс. н.э. на этой территории (Vinokur 2000, 37-162). Отметим, что идея преемственности культур, их органического единства, убежденным сторонником чего был И. Винокур, в целом принята наукой.

И. Винокур также считал что на окраинных территориях заметное влияние на черняховцев имели соседние культурные образования, главными из них в Днестро-Дунайском регионе были дако-геты, в Северо-Западном Причерноморье – поздние скифы, сарматы и отдельные группы северо-восточных фракийцев, на Волыни – гото-гепиды. Таким образом, черняховская культура, по его представлению, сформировалась на основе различных этнических групп путем интеграции их материальной культуры. Вместе с тем автор подчеркивал, что полиэтническая черняховская культура в Днестро-Днепровской лесостепи, несомненно, представляет славянское этническое ядро и вместе с киевской

культурой III-V вв. стала основой дальнейшей истории раннесредневековых восточных славян V-VII вв. н.э. (Vinokur 2000, 324- 332).

Говоря о социально-экономических и политических аспектах жизни черняховских племен, ученый отмечал достаточно высокую ступень их развитии. Это был период перехода к территориальной соседской общине с выделением семей, которые вели индивидуальное хозяйство, и начало образования на базе различных племенных групп, ядром которых были анты и склавины, древнейшей народности с одновременным возникновением союзов племен или, иначе говоря, полугосударственных объединений.

Интересовался И. Винокур и более поздней историей. В частности, прошлым Каменца-Подольского. Он принимал участие в раскопках на территории крепости Старого города, где были открыты объекты IX-XIII вв., остатки деревянных конструкций XIV-XV вв., фундаменты XVI-XVIII вв. Полученные архитектурно-археологические материалы нашли свое отражение на страницах многих публикаций, которые освещают особенности исторической топографии города, его застройки, времени основания, особенностей развития и т.д. (Vinokur, Petrov1983, 6-15; Vinokur 1993, 20-21).

Чтобы глубже понять особенности взаимоотношений среднеднестровского региона с землями Галицкой Руси, с одной стороны, и с территорией Болоховского княжества, – с другой, И. Винокур с начала 90-х годов вновь переносит центр своих поисков на Волынь.

В 1992-1993 гг. он работает на трех городищах в г. Полонном, выясняет топографию, доказывает, что древний период города укладывается в рамки конца X – XIII вв. В 1994 г. возглавляет раскопки в г. Изяславе, что позволило определить ранний период существования города концом XI в.

Но наиболее масштабними были работы 1997-2006 гг. на Губинском городище XII-XIII вв. – одном из центров летописной Болоховской земли. Анализ материальной и духовной культуры рядовых жителей дал основания ученому сделать вывод, что они были местным, автохтонным населением, корни которого он видел в «пластах истории дулибско-волынского союза». Вместе с тем, не исключал наличие в Болоховском крае среди боярско-олигархической верхушки представителей Киевского и Черниговского княжеств. Он последовательно отстаивал тезис летописи о том, что ряд болоховских городов, а среди них и Губин, были разгромлены галицким князем Даниилом Романовичем (Vinokur et all. 2004).

Подытоживая научную деятельность И. Винокура, следует отметить, что им изучен и осмыслен значительный круг археологических памятников. Результаты исследований представлены на международных археологических конгрессах (Варшава, Прага, Берлин, Братислава, София, Киев, Псков, Новгород, Люблин), симпозиумах и конференциях, введены в научный оборот многочисленными монографиями и статьями. Это серьезная источниковедческая база, которая с успехом используется для написания обобщающих работ по древней истории Восточной Европы и не только.

Паралельно с преподаванием в Каменце-Подольском, И. Винокур читал лекции и в Житомирском государственном университете, а с 2005 г., в связи с семейными обстоятельствами, переехал в Киев и возглавил кафедру страноведения в Киевском славистическом университете. Это была его последняя должность.

Уже девять лет Иона Винокура нет с нами, но созданная им археологическая школа продолжает исследования древностей Поднестровья и соседних областей. Среди его учеников – доктора и кандидаты исторических наук, сотрудники музеев и краеведы, все те, кому небезразлична историческая летопись столетий, в которую он вписал не одну яркую страницу.

Библиография

Baran 1998: V.D. Baran, Davni slov'iani (Kiïv 1998) // В.Д. Баран, Давні слов'яни (Київ 1998).
Baran 2008: V.D. Baran, Slov'ians'ke poselennia seredini I tisiacholittia n.e. bilia s. Teremtsi na Dnistri. Visnik

Institutu arkheologii 3, 2008, 38-86 // В.Д. Баран. Слов'янське поселення середини І тисячоліття н.е. біля с. Теремці на Дністрі. Вісник Інституту археології 3, 2008, 38-86.
Vakylenko, Pruhodnyk 1984: L.V. Vakylenko, O.M. Pruhodnyk, Slavianskie poselennia I tys. n.e. u s. Sokol na Srednem Dnestre (Kiev 1984) // Л.В. Вакуленко, О.М. Приходнюк, Славянские поселения I тыс. н.э. у с. Сокол на Среднем Днестре (Киев 1984).
Vinokur 1960: I.S. Vinokur, Starozhitnosti Skhidnoi Volini pershoi polovini I tys. n.e. In: Starozhitnosti Shidnoi Volini (Chernivtsi 1960) // І.С. Винокур, Старожитності Східної Волині першої половини І тис. н.е. В сб.: Старожитності Східної Волині (Чернівці 1960).
Vinokur 1964: I.S. Vinokur, Pamiatniki volunskoi gruppy kyl'tur y sel Markushi i Ivankovtsi. MIA 116, 1964, 176-186 // И.С. Винокур, Памятники волынской группы культур у сел Маркуши и Иванковцы. МИА 116, 1964, 176-186.
Vinokur 1972: I.S. Vinokur, Istoriia ta kyl'tura cherniakhivs'kikh plemen Dnistro-Dniprovs'kogo mezhirichchia II-V st. n.e. (Kiïv1972) // І.С. Винокур, Історія та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровського межиріччя II-V ст. н.е. (Київ 1972).
Vinokur, Petrov 1983: I.S. Vinokur, N.B. Petrov, Istoruchna topografiia Kamiantsa-Podil's'kogo z naidavnishukh chasiv do kintsia XVIII st. (Khmelnitskii 1983) // І.С. Винокур Н.Б. Петров, Історична топографія Кам'янця-Подільського з найдавніших часів до кінця XVIII ст. (Хмельницький 1983).
Vinokur 1985: I.S. Vinokur, Istoria lisostepovogo Podnistrovia ta Pivdennoho Pobychia. Vid kamianohoviky do serednovichia (Kyiv 1985) // І.С. Винокур, Історія лісостепового Подністров'я та Південного Побужжя. Від кам'яноговіку до середньовіччя (Київ-Одеса 1985).
Vinokur 1985: I.S. Vinokur, Slaviane lesostepi (rubezh n.e. – tretya chetvert I tus. n.e.). Tezisu dokladov sovetskoy delegatsiey na V mezhdunarodnom kongresse slavyanskoy arheologii (Moskva 1985), 17-18 // И.С. Винокур, Славяне лисостепи (рубеж н.э. – третья четверть I тыс. н.э.). Тезисы докладов советской делегации на V международном конгрессе славянской археологии (Москва1985), 17-18.
Vinokur, Megei 1990: I.S. Vinokur, V.F. Megei, Ob istoriko-kyl'turnoi interpretatsii pamiatnukov Srednego Podnistrov'ia rubezha i pervyh vekov novoi ery. In: Slaviane i Kievskaia Rus' (Kiev 1990), 120-127 // И.С. Винокур, В.Ф. Мегей, Об историко-культурной интерпретации памятников Среднего Поднестровья рубежа и первых веков новой эры. В сб.: Славяне и Киевская Русь (Киев 1990), 120-127.
Vinokur 1993: I.S. Vinokur, Do pitannia pro vik Kam'iantsa-Podil'skogo. Fortufikatsiia Ukraini: materiali mizhnarodnoi konferentsii (Kamianets-Podilskii 1993), 20-21 // І.С. Винокур, До питання про вік Кам'янця-Подільського. Фортифікація України: матеріали міжнародної конференції (Кам'янець-Подільський 1993), 20-21.
Vinokur, Gorishnii 1994: I.S. Vinokur, P.A. Gorishnii. Bakota. Stolitsia davn'orus'kogo Ponizzia (Kam'ianets-Podilskii 1994) // І.С. Винокур, П.А. Горішній, Бакота. Столиця давньоруського Пониззя (Кам'янець-Подільский 1994).
Vinokur 1994: I.S. Vinokur, Doslidzhennia Bushans'kogo skel'nogo kompleksu. Arkheologiia 3, 1994, 122-136 // І.С. Винокур, Дослідження Бушанського скельного комплексу. Археологія 3, 1994, 122-136.
Vinokur 1995: I.S. Vinokur, 30 rokiv doslidzhen arkheologichnoi ekspeditsii Kam'ianetz-Podil's'kogo pedinstitutu. Materiali IX Podil's'koi istoriko-krayeznavchoi konferentsii (Kam'ianets-Podil's'kii 1995), 78-81 // І.С. Винокур, 30 років досліджень археологічної експедиції Кам'янець-Подільського педінституту. Матеріали IX-ї Подільської історико-краєзнавчої конференції (Кам'янець-Подільський 1995), 78-81.
Vinokur 1997: I.S. Vinokur, Slov'ians'ki iuveliri Podnistrov'ia (Kam'ianets-Podil's'kii 1997) // І.С. Винокур, Слов'янські ювеліри Подністров'я (Кам'янець-Подільський 1997).
Vinokur 2000: I.S. Vinokur, Cherniakhivs'ka kyl'tura: vitokii dolia (Kam'ianets-Podil's'kii 2000) // І.С. Винокур, Черняхівська культура: витокиі доля (Кам'янець-Подільський 2000).
Vinokur et all. 2004: I.S. Vinokur, O.I. Zhurko, V.P. Megei, V.I. Iakubovs'kii, Litopisnii Gubin XII-XIII st. Bolokhivs'ka zemlia: Vip. I. Za materialami arkheologichnikh doslidzhen' 1997-2003 rokiv. Do 800-richchia Gubina (Khmel'nits'kii 2004) // І.С. Винокур, О.І. Журко, В.П. Мегей, В.І. Якубовський, Літописний Губин XII-XIII ст. Болохівська земля: Вип. І. За матеріалами археологічних досліджень 1997-2003 років. До 800-річчя Губина (Хмельницький 2004).
Gorokhovskii 1988: E.L. Gorokhovskii, Khronologiia cherniakhovskikh mogil'nikov v Lesostepnoi Ukraine. Trudy V mezhdunarodnogo kongressa arkheologov-slavistov 4 (Kiev 1988), 34-46 // Е.Л. Гороховский, Хронология черняховских могильников в Лесостепной Украине. Труды V международного конгресса археологов-славистов 4 (Киев 1988), 34-46.
Rysanova, Timoshchyk 1984: I.P. Rysanova, B.A. Timoshchuk, Kodyn – slavianskie poseleniia V-VIII vv. na r.

Prut (Moskva 1984) // И.П. Русанова, Б.А. Тимощук, Кодын – славянские поселения V-VIII вв. на р. Прут (Москва 1984).

Виталий Гуцал, заведующий научно-исследовательской лаборатории археологии Каменец-Подольского национального университета имени Ивана Огиенка, ул. Татарская 14, г. Каменец-Подольский, Украина, e-mail: dpoasukam@gmail.com

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION

AB Arhivele Basarabiei, Chişinău
ATS Acta Terrae Septemcastrenses, Sibiu
AJPA American Journal of Physical Anthropology, American Association of Physical Anthropologists, Hoboken, New Jersey, USA
Akademos Akademos, Revistă de Ştiinţă, Inovare, Cultură şi Artă, Academia de Ştiinţe a Moldovei, Chişinău, Republica Moldova
AIMR Arhiva Istorico-Militară a Rusiei, Moscova
AM Arheologia Moldovei, Institutul de Arheologie, Iaşi
AMM Acta Moldaviae Meridionalis, Vaslui
AMN Acta Musei Napocensis, Cluj-Napoca
AMP Acta Musei Porolissensis, Zalau
American Antiquity American Antiquity, Washington
ANTHROPOL ANZ Anthropologhischer Anzeiger, Journal of Biological and Clinical Anthropology, Stuttgart University, Germany
ANTHROPOS Anthropos Institute, Sankt Augustin, Germany
Arta Revista Centrului Studiul Artelor al Institutului Patrimoniului Cultural, AŞM, Chişinău
Banatica Banatica, Reşiţa
Bodenaltertümer Westfalens Bodenaltertümer Westfalens, Darmstadt
BAR British Archaeological Records, Oxford
BCH Bulletin de Correspondance Hellénique, Ecole francaise d'Athenes, Atena
BMSAP Bulletine et Memoires de la Societe d 'Anthropologie de Paris, Societe d'antropologie de Paris, Musee de l'Homme, Laboratoite d'anthropologie, Paris, France
BNE Bioarchaeology of the Near East, University of Warsaw, Warsaw, Poland
BR DENT J British Dental Journal, British Dental Association, UK
B.THR Biblioteca Thracologica, Bucureşti
CAANT Cercetări Arheologice în Aria Nord-Tracă, Bucureşti
CCDJ Cultură şi Civilizaţie la Dunărea de Jos, Călăraşi
CI Cercetări Istorice, Complexul Muzeal Naţional „Moldova", Iaşi
CCA Cronica Cercetărilor Arheologice din România, Bucureşti
Dacia Dacia, Recherches et Découverts Archeologiques en Roumanie, Bucureşti, I (1924) – XII (1948). Nouvelle Série: Revue d'Archéologie et d'Histoire Ancienne, Bucureşti
EAZ Ethnologisch-archäologische Zeitschrift, Leipzig
EurAnt Eurasia Antiqua: Zeitschrift für Archäologie Eurasiens Deutsches Archäologisches Institut, Berlin
FolArh Folia Arhaeologica, Budapest
Iliria Iliria. Rivistë Arkeolojicke, Tirana
ISR J MED SCI Israel Journal of Medical Sciences, The Israel Medical Association Journal, Ramat Gan, Israel
HESPERIA The Journal of the American School of Classical Studies at Athens, Atena
MA Memoria Antiquitatis, Acta Musei Petrodavensis, Revista Muzeului de Istorie, Piatra-Neamţ
MCA Materiale şi Cercetări Arheologie, Bucureşti
MEMOIRS OF THE SCIENTIFIC SECTIONS OF THE ROMANIAN ACADEMY Romanian Academy, Publishing House of the Romanian Academy, Bucharest, Romania
MITTEILUNGEN DER GESELLSCHAFT FUR URGESCHICHTE Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte, Berlin, Germany

MNIM Muzeul Național de Istorie a Moldovei
PA/Pamatky Aheologicke Pamatky Aheologicke, Praha
PAS Prähistoriche Archäologie in Südosteuropa, München
PBF Prähistorische Bronzefunde, München/Stuttgart
Pontica Pontica, Muzeul de Istorie Națională și Arheologie, Constanța
PZ Prähistorische Zeitschrift, Berlin
RA Revista Arheologică, Centrul de Arheologie al Institutului Patrimoniului Cultural, AȘM, Chișinău
REAP Revue de l'Ecole d'anthropologie de Paris, Institut international d'anthropologie, Paris
Revue Roumaine d´Histoire Revue Roumaine d´Histoire, București
RI Revista de Istorie, București
RIM Revista de Istorie a Moldovei, Chișinău
SAA Studia Antiqua et Arhaeologica, Iași
SCIV(A) Studii și Cercetări de Istorie Veche (și Arheologie), Institutul de Arheologie „V. Pârvan", Bucureşti
Slovenská Archaeólogia Slovenská Archaeólogia, Bratislava
Stratum plus Stratum plus, Școala Antropologică Superioară, Chișinău
Terra Sebvs Terra Sebvs. Acta Musei Sabesiensis. Muzeul Municipal „Ioan Raicu", Sebeș Sebeș
TD/Thraco-Dacica Thraco-Dacica, Institutul Român de Tracologie, Bucureşti
Tyragetia Tyragetia, Muzeul Național de Istorie a Moldovei, Chișinău
Ziridava Ziridava, Arad

АВУ Археологічні відриття в Україні
АКМ Археологическая карта Молдавской ССР. Кишинев
АИМ Археологические исследования в Молдавии, Кишинев
АО Археологические открытия в СССР, Москва
Археологические вести Археологические вести, с 1992 г. Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
Археологический альманах Археологический альманах, Донецкий областной краеведческий музей Донецк
Археология восточноевропейской лесостепи Археология восточноевропейской лесостепи, Пензенский государственный краеведческий музей, Пенза
Археологія Археологія, Інститут Археології НАНУ, Кїев
Археология Археология, Национален археологически институт с музей при БАН, София
АСГЭ Археологический сборник Государственного Эрмитажа, Ленинград/Санкт-Петербург
ВДИ Вестник Древней Истории, Москва
Вестник Южного научного центра Вестник Южного научного центра РАН, Москва
Вестн. мол. ученых Вестник молодых ученых, Научый центр РАН, Санкт-Петербург
Древняя Русь Древняя Русь. Вопросы медиевистики, Институт славяноведения РАН, Москва
ДСПК Древности Северного Причерноморья и Крыма (Запорожье)
ИА АН УССР Институт археологии Академии Наук УССР, Киев
ИА НАНУ Институт археологии Национальной Академии Наук Украины, Киев
Известия МФ АН СССР Известия Молдавского Филиала АН СССР, Кишинев
Известия на Археологический институт Известия на Археологический институт с музей при БАН, София
ИФЖ АН АрмССР Историко-филологический журнал Академии Наук Армянской ССР, Ереван

ИИМК Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
ІІМК Інститут історії матеріальної культури, Киев
КСИА Краткие сообщения Института Археологии АН СССР, Москва
КСИИМК Краткие сообщения Института истории материальной культуры, Москва
КСИА РАН Краткие сообщения Института археологии Российской Академии наук, Москва
МАСП Материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья, Одесса
МИА Материалы и исследования по археологии СССР, Москва-Ленинград
МИАЭМ Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавии, Кишинев 1960
МИА ЮЗ СССР и РНР Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и РНР, Кишинёв
МИАЭМ Материалы и Исследования по Археологии и Этнографии Молдавской ССР, Кишинев
НА ИА НАНУ Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины
НА ОАМ НАНУ Научный архив Одесского археологического музея Национальной академии наук Украины, Одесса
РА Российская археология, Институт археологии РАН, Москва
Российский археологический ежегодник Российский археологический ежегодник, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории материальной культуры РАН, Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
Русин Международный исторический журнал Русин, Общественная ассоциация «Русь», Кишинев
СА Советская археология, Москва
ССПК Старожитності Степового Прічорномор'я і Крыма, Запорижжя
Труды ГИКМ Труды Государственного Историко-Краеведческого Музея, Кишинев
Ученые Записки ИИЯЛ Ученые Записки Института Истории Языка и Литературы, Кишинев

INFORMAȚII ȘI CONDIȚIILE DE EDITARE A *REVISTEI ARHEOLOGICE*

Stimați colegi,

Centrul de Arheologie al Institutului Patrimoniului Cultural al Academiei de Științe a Moldovei vă invită să prezentați materiale pentru *Revista Arheologică* – volumul XII, nr. 1-2

Considerații generale:
Revista prevede publicarea lucrărilor arheologice și rezultatele cercetărilor interdisciplinare, care reflectă investigațiile din spațiul carpato-balcanic și teritoriile limitrofe, în formă de:
lucrări de sinteză;
materiale și rezultate ale cercetărilor de teren;
discuții;
studii și materiale cu caracter interdisciplinar;
recenzii și prezentări de cărți;
personalia;
antologii;
cronica cercetărilor științifice.

Toate genurile de lucrări pot fi prezentate în limba română, rusă, engleză, germană sau franceză.

Lucrările de sinteză, discuțiile, materialele și rezultatele cercetărilor de teren, studiile și materialele cu caracter interdisciplinar prevăd unele cerințe speciale.

Structura acestor lucrări este următoarea:

I. Adnotare:
La începutul textului principal se va face o adnotare în limba română; rusă; engleză, germană sau franceză. Adnotările se vor prezenta în format: *Times New Roman; Font size 10; Space 1,0.* Volumul fiecărei adnotări nu va depăși 1500 caractere, inclusiv spațiu.

II. Textul lucrării:
Volumul maxim nu va depăși 1,5 c.a., inclusiv bibliografia și ilustrațiile. Textul lucrărilor trebuie prezentat în manuscris și în format electonic: *Times New Roman; Font size 12; Space 1,5.*

III. Planșele cu materialul ilustrativ:
Planșele, în format A4, se vor prezenta în formă grafică clară, cu numerotarea poziției fiecărui obiect. Planșele trebuie să fie numerotate. Materialul ilustrativ va fi însoțit de o listă a planșelor cu o legendă exhaustivă. În cazul lucrărilor în limba rusă și română, legendele planșelor trebuie să fie asociate de o traducere în engleză, franceză sau germană. Planșele și lista planșelor se vor prezenta și în format electronic (JPG sau TIF – nu mai puțin de 600 dpi, oglinda imaginei – 17 cm lățime).

IV. Bibliografie:
Notele bibliografice din text se prezintă cu caractere latine (pentru bibliografia în alfabet chirilic se va face translitterare **conform sistemului Bibliotecii Congresului SUA**).
Exemple de note bibliografice în text: (Petrache 1999, 15, fig. 3,4-6; Müller 1953, 123, Abb. 15,4-6; Petrov 1999, 15, ris. 3,4-6).

Lista bibliografică se prezintă în ordine alfabetică la sfârșitul textului, după normele următoare:

Modul de citare a monografiilor:
Bader 1978: T. Bader, Epoca bronzului în nord-vestul Transilvaniei. Cultura pretracică și tracică (București 1978).
Avanesova 1991: N.A. Avanesova, Kul'tura pastusheskikh plemen epokhi bronzy aziatskoi chasti SSSR (Tashkent 1991) // Н.А. Аванесова, Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (Ташкент 1991).

Modul de citare a articolelor publicate în culegeri de lucrări științifice:
Metzner-Nebelsick 1998: C. Metzner-Nebelsick, Abschied von den „Thrako-Kimmeriern"? - Neue Aspekte der Interaktion zwischen karpatenländischen Kulturgruppen der späten Bronz- und frühen Eisenzeit mit der osteuropäischen Steppenkoine. In: (Hrsg. B. Hänsel und J. Machnik) Das Karpatenbecken und die osteuropäische

Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustasch in den vorchristlichen Metallzeit (4000-500 v.Chr.) (München-Rahden/Westf. 1998), 361-422.
Dergaciov 1969: V.A. Dergaciov, Poselenie epokhi bronzy u sela Slobodka-Shireutsy. In: (ed. L.L. Polevoi) Dalekoe proshloe Moldavii (Kishinev 1969), 110-122 // В.А. Дергачев, Поселение эпохи бронзы у села Слободка-Ширеуцы. В сб.: (отв. ред. Л.Л. Полевой) Далекое прошлое Молдавии (Кишинев 1969), 110-122.

Modul de citare a lucrărilor publicate în ediţii periodice (reviste, jurnale etc.):
Zaharia 1990: E. Zaharia, La culture de Monteoru. La deuxième étape de développement a la lumière des fouilles de Sărata-Monteoru (dép. de Buzău). Dacia N.S. XXXIV, 1990, 23-51.
Kachalova 1970: N.K. Kachalova, Il'menskie kurgany. Arkheologicheskii sbornik 12, 1970, 7-34 // Н.К. Качалова, Ильменские курганы. Археологический Сборник 12, 1970, 7-34.

Modul de citare a rezumatelor publicate în volumele de simpozioane, conferinţe şi seminare ştiinţifice:
Sava 1994: E. Sava, Investigaţiile istorico-arheologice în microzona Rudi-Tătărăuca Nouă-Arionești, raionul Dondușeni. Cronica cercetărilor arheologice. Campania 1993. A XXVIII-a Sesiune Naţională de rapoarte arheologice, Satu Mare, 12-15 mai 1994 (Satu Mare 1994), 114.
Savva 1993: E. Savva, Pozdnefrakiiskii kul'turno-hronologicheskii gorizont VII-VI vv. do n.e. v Moldove (po materialam kurgannogo mogil'nika u s. Trinka). P"rvi mezhdunaroden simpozium „Sevtopolis". „Nadgrobnite mogili Iugoiztochna Evropa" (Kazanl"k, B"lgaria 1993), 55-56 // Е. Савва, Позднефракийский культурно-хронологический горизонт VII-VI вв. до н.э. в Молдове (по материалам курганного могильника у с. Тринка). Първи международен симпозиум «Севтополис». «Надгробните могили Югоизточна Европа» Казанлък (България 1993), 55-56.

Modul de citare a rapoartelor ştiinţifice şi actelor de arhivă:
Larina ş.a. 1996: O.V. Larina, K.P. Wechler, V.A. Dergaciov, S.I. Kovalenko, V.M. Bicbaev, Periegheze arheologice în raioanele Dondușeni, Drochia, Sîngerei în anul 1996. Arhiva MNIM. Nr.inv. 358 (Chişinău 1996).
Agul'nikov 1987: S.M. Agul'nikov, Otchet o polevykh issledovaniiakh Slobodzeiskoi novostroechnoi ekspeditsii v 1987 g. Arkhiv NMIM. Inv. nr. 266 (Kishinev 1988) // С.М. Агульников, Отчет о полевых исследованиях Слободзейской новостроечной экспедиции в 1987 г. Архив НМИМ. Инв. № 266 (Кишинев 1988).

V. Lista abrevierilor

VI. Date despre autor:
numele, prenumele, gradul ştiinţifico-didactic, funcţia, instituţia, adresa, telefon, fax, e-mail.

Recenzii, prezentări de cărţi, personalii, antologii etc.

Materialele se prezintă în redacţia autorului, dar trebuie să corespundă normelor stabilite *(Times New Roman; Font size 12; Space 1,5).* Volumul maxim – 0,5 c.a. (20000 caractere, inclusiv spaţiu)

Termenul limită de prezentare a lucrărilor pentru volumul XII, nr. 1-2 este 1 iulie 2016

Manuscrisele şi varianta electronică pot fi prezentate direct la redacţie sau trimise prin poştă pe adresa: Colegiul de redacţie *Revista Arheologică,* Institutul Patrimoniului Cultural al AŞM, bd. Ştefan cel Mare, 1, MD-2001, Chişinău, Republica Moldova.

Informaţii suplimentare pot fi solicitate: tel: (037322) 27 06 02; 26 09 59
E-mail: levitkioleg_ipc@yahoo.com; ghena_ipc@yahoo.com

ИНФОРМАЦИЯ И УСЛОВИЯ ИЗДАНИЯ *АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА*

Уважаемые коллеги,

Институт культурного наследия Академии наук Молдовы приглашает Вас принять участие в издании *Археологического Журнала* – том XII, № 1-2

Основные положения:
В журнале будут опубликованы работы по археологии и междисциплинарным наукам, которые освещают результаты исследований в Карпато-Балканском регионе и прилегающих территорий. Основные рубрики журнала:
аналитические работы;
материалы и результаты полевых исследований;
междисциплинарные исследования;
рецензии;
антологии;
персоналии;
хроника научных исследований.

Все виды работ могут быть представлены на румынском, русском, английском, немецком или французском языках.

Основные требования к работам аналитического характера, материалам полевых исследований, статьям по междисциплинарным исследованиям

Структура этих работ должна быть следующей:

I. Аннотация:
Перед основным текстом должна быть аннотация на трех языках: румынском; русском; английском, немецком или французском. Объем каждой аннотации не должен превышать 1500 символов. Аннотации представляются в формате: *Times New Roman; Font size 10; Space 1,0.*

II. Рукопись основного текста:
Текст представляется в виде рукописи и в электронном варианте в формате: *Times New Roman; Font size 12 cm; Space 1,5.* Максимальный объем рукописи 1,5 а.л., включая иллюстрации и список литературы.

III. Иллюстрации:
Представляются на листах в формате A4 и в четком графическом изображении. Каждый рисунок должен быть пронумерован и сопровожден подписью. Если рукописи подаются на русском или румынском языках, подписи рисунков должны сопровождаться переводом на английский, немецкий или французский языки. Желательно представить иллюстрационный материал и в электронном виде (JPG и TIF, не менее 600 dpi, ширина изображения/рисунка – 17 cm).

IV. Библиография:
Ссылки на библиографические источники в рукописи даются на латинице (библиография на кириллице транслитерируется **по системе Библиотеки Конгресса США**) согласно следующей форме: (Petrov 1999, 15, ris. 3,4-6; Müller 1953, 123, Abb. 15,4-6).
Список использованной литературы представляется в алфавитном порядке в конце основного текста с учетом ниже указанных требований.

Примеры для монографий:
Bader 1978: T. Bader, Epoca bronzului în nord-vestul Transilvaniei. Cultura pretracică şi tracică (Bucureşti 1978).
Avanesova 1991: N.A. Avanesova, Kul'tura pastusheskikh plemen epokhi bronzy aziatskoi chasti SSSR (Tashkent 1991) // Н.А. Аванесова, Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (Ташкент 1991).

Примеры для работ, опубликованных в сборниках:
Metzner-Nebelsick 1998: C. Metzner-Nebelsick, Abschied von den „Thrako-Kimmeriern"? - Neue Aspekte der Interaktion zwischen karpatenländischen Kulturgruppen der späten Bronz- und frühen Eisenzeit mit der osteuropäischen Steppenkoine. In: (Hrsg. B. Hänsel und J. Machnik) Das Karpatenbecken und die osteuropäische

Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustasch in den vorchristlichen Metallzeit (4000-500 v.Chr.) (München-Rahden/Westf. 1998), 361-422.
Dergaciov 1969: V.A. Dergaciov, Poselenie epokhi bronzy u sela Slobodka-Shireutsy. In: (ed. L.L. Polevoi) Dalekoe proshloe Moldavii (Kishinev 1969), 110-122 // В.А. Дергачев, Поселение эпохи бронзы у села Слободка-Ширеуцы. В сб.: (отв. ред. Л.Л. Полевой) Далекое прошлое Молдавии (Кишинев 1969), 110-122.

Примеры для работ, опубликованных в периодических изданиях:
Zaharia 1990: E. Zaharia, La culture de Monteoru. La deuxième ètape de développement a la lumière des fouilles de Sărata-Monteoru (dép. de Buzru). Dacia N.S. XXXIV, 1990, 23-51.
Kachalova 1970: N.K. Kachalova, Il'menskie kurgany. Arkheologicheskii sbornik 12, 1970, 7-34 // Н.К. Качалова, Ильменские курганы. Археологический Сборник 12, 1970, 7-34.

Примеры для работ, опубликованных в материалах конференций и семинаров:
Sava 1994: E. Sava, Investigațiile istorico-arheologice în microzona Rudi-Tătărăuca Nouă-Arionești, raionul Dondușeni. Cronica cercetărilor arheologice. Campania 1993. A XXVIII-a Sesiune Națională de rapoarte arheologice, Satu Mare, 12-15 mai 1994 (Satu Mare 1994), 114.
Savva 1993: E. Savva, Pozdnefrakiiskii kul'turno-hronologicheskii gorizont VII-VI vv. do n.e. v Moldove (po materialam kurgannogo mogil'nika u s. Trinka). P"rvi mezhdunaroden simpozium „Sevtopolis". „Nadgrobnite mogili Iugoiztochna Evropa" (Kazanl"k, B"lgaria 1993), 55-56 // Е. Савва, Позднефракийский культурно-хронологический горизонт VII-VI вв. до н.э. в Молдове (по материалам курганного могильника у с. Тринка). Първи международен симпозиум «Севтополис». «Надгробните могили Югоизточна Европа» Казанлък (България 1993), 55-56.

Примеры для научных отчетов и архивных материалов:
Larina ș.a. 1996: O.V. Larina, K.P. Wechler, V.A. Dergaciov, S.I. Kovalenko, V.M. Bicbaev, Periegheze arheologice în raioanele Dondușeni, Drochia, Sîngerei în anul 1996. Arhiva MNIM. Inv. nr. 358 (Chișinău 1996).
Agul'nikov 1987: S.M. Agul'nikov, Otchet o polevykh issledovaniiakh Slobodzeiskoi novostroechnoi ekspeditsii v 1987 g. Arkhiv NMIM. Inv. nr. 266 (Kishinev 1988) // С.М. Агульников, Отчет о полевых исследованиях Слободзейской новостроечной экспедиции в 1987 г. Архив НМИМ. Инв. № 266 (Кишинев 1988).

V. Список сокращений

VI. Сведения об авторе:
ФИО, научное звание, должность, место работы, почтовый адрес, телефон, факс, e-mail

Рецензии, персоналии, антологии и пр.
Рукописи из данной категории могут быть представлены в произвольной форме, однако с учетом технических требований, предусмотренных для издания журнала *(Times New Roman; Font size 12 cm; Space 1,5).* Максимальный объем рукописи не должен превышать 0,5 а.л. (не более 20000 символов)

Крайний срок подачи материалов для тома XII, №1-2 – 1 июля 2016 г.

Рукописи и их электронные варианты могут быть высланы обычной почтой или непосредственно представлены в редакцию журнала по адресу: Редакция *Археологического Журнала,* Институт культурного наследия АНМ, бул. Штефан чел Маре 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова.

Дополнительная информация может быть получена по тел. (037322) 27 06 02; 26 09 59
E-mail: levitkioleg_ipc@yahoo.com; ghena_ipc@yahoo.com

INFORMATION AND CONDITIONS OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL MAGAZINE

Dear colleagues,

The Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of the Republic of Moldova invites you to take part in the issue of the *Archaeological Magazine* – Vol. XII, no. 1-2

The Main Provisions
Papers on Archaeology and interdisciplinary sciences, which unveil the results of the surveys in the Carpathian-Balkan region and the adjacent territories, will be published in this review. The main rubrics of the review are as follows:
analytical works,
materials and results of the field surveys,
applied researches,
reviews,
anthologies,
personalities,
chronicles of researches.

All these types of papers will be presented in Romanian; Russian; English, German or French. The editorial board of the review reserves the right to send the manuscripts for additional reading.

The main requirements for analytical papers, materials of field surveys, articles on museography and interdisciplinary researches:
Analytical papers, materials and results of field surveys, articles on museography and interdisciplinary researches must meet the special requirements.

The structure of these papers must be as follows:

I. Annotation (summary):
An annotation in three languages: Romanian, Russian, English, German or French must precede the main text. The volume of each annotation must not exceed 1500 symbols. The annotations must be presented in the following format: *Times New Roman; Font size 10; Space1,0.*

II. The main text:
The manuscript should be presented in a printed form and an electronic version: *Times New Roman; Font size 10; Space1,5.* The maximal volume of a manuscript must be 1.5 author's list, including the illustrations and the list of literature (bibliography).

III. Illustrations:
The illustrations should be presented in an A4 format with a high quality graphic representation. Each illustration (figure) should be numbered and supplemented with a caption. In the case of papers submitted in Russian or Romanian, the figure captions must be translated in English, German or French. It is preferable to present the illustrations in an electronic format (JPG and TIF, 600 dpi at list; the image/figure – 17 cm).

IV. Bibliography:
The references should be given in the original language/in transliteration in accordance with the US Library of Congress system (Petrov 1999, 15, ris. 3,4-6; Müller 1953, 123, Abb. 15,4-6).
The list of bibliographic sources must be given in an alphabetic order at the end of the main text according to the requirements indicated below.

Examples for monographs**:**
Bader 1978: T. Bader, Epoca bronzului în nord-vestul Transilvaniei. Cultura pretracică şi tracică (Bucureşti 1978).
Avanesova 1991: N.A. Avanesova, Kul'tura pastusheskikh plemen epokhi bronzy aziatskoi chasti SSSR (Tashkent 1991) // Н.А. Аванесова, Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (Ташкент 1991).

Examples for papers published in the reviews**:**
Metzner-Nebelsick 1998: C. Metzner-Nebelsick, Abschied von den „Thrako-Kimmeriern"? - Neue Aspekte der

Interaktion zwischen karpatenländischen Kulturgruppen der späten Bronz- und frühen Eisenzeit mit der osteuropäischen Steppenkoine. In: (Hrsg. B. Hänsel und J. Machnik) Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustasch in den vorchristlichen Metallzeit (4000-500 v.Chr.) (München-Rahden/Westf. 1998), 361-422.
Dergaciov 1969: V.A. Dergaciov, Poselenie epokhi bronzy u sela Slobodka-Shireutsy. In: (ed. L.L. Polevoi) Dalekoe proshloe Moldavii (Kishinev 1969), 110-122 // В.А. Дергачев, Поселение эпохи бронзы у села Слободка-Ширеуцы. В сб.: (отв. ред. Л.Л. Полевой) Далекое прошлое Молдавии (Кишинев 1969), 110-122.

Examples for papers published in the periodicals**:**
Zaharia 1990: E. Zaharia, La culture de Monteoru. La deuxième étape de développement a la lumière des fouilles de Sărata-Monteoru (dép. de Buzău). Dacia N.S. XXXIV, 1990, 23-51.
Kachalova 1970: N.K. Kachalova, Il'menskie kurgany. Arkheologicheskii sbornik 12, 1970, 7-34 // Н.К. Качалова, Ильменские курганы. Археологический Сборник 12, 1970, 7-34.

Examples for papers published in proceedings of conferences and seminars **:**
Sava 1994: E. Sava, Investigațiile istorico-arheologice în microzona Rudi-Tătărăuca Nouă-Arionești, raionul Dondușeni. Cronica cercetărilor arheologice. Campania 1993. A XXVIII-a Sesiune Națională de rapoarte arheologice, Satu Mare, 12-15 mai 1994 (Satu Mare 1994), 114.
Savva 1993: E. Savva, Pozdnefrakiiskii kul'turno-hronologicheskii gorizont VII-VI vv. do n.e. v Moldove (po materialam kurgannogo mogil'nika u s. Trinka). P"rvi mezhdunaroden simpozium „Sevtopolis". „Nadgrobnite mogili Iugoiztochna Evropa" (Kazanl"k, B"lgaria 1993), 55-56 // Е. Савва, Позднефракийский культурно-хронологический горизонт VII-VI вв. до н.э. в Молдове (по материалам курганного могильника у с. Тринка). Първи международен симпозиум «Севтополис». «Надгробните могили Югоизточна Европа» Казанлък (България 1993), 55-56.

Examples for scientific reports and archives**:**
Larina ș.a. 1996: O.V. Larina, K.P. Wechler, V.A. Dergaciov, S.I. Kovalenko, V.M. Bicbaev, Periegheze arheologice în raioanele Dondușeni, Drochia, Sîngerei în anul 1996. Arhiva MNIM. Inv. nr. 358 (Chișinău 1996).
Agul'nikov 1987: S.M. Agul'nikov, Otchet o polevykh issledovaniiakh Slobodzeiskoi novostroechnoi ekspeditsii v 1987 g. Arkhiv NMIM. Inv. nr. 266 (Kishinev 1988) // С.М. Агульников, Отчет о полевых исследованиях Слободзейской новостроечной экспедиции в 1987 г. Архив НМИМ. Инв. № 266 (Кишинев 1988).

V. The List of the Abbreviations

VI. The Data on the Author:
Surname, first name, position, place of work, postal address, telephone, fax, e-mail

The main requirements for reviews, anthologies, reviews and other papers

Such papers can be presented in a free form, but with taking into consideration the technical requirements, accepted for the Review: *Times New Roman; Font size 10; Space1,5.* The maximal volume must be 0,5 author's list or not more than 20000 symbols

The deadline for manuscript submitting for the vol. XII, nr. 1-2 is July 1, 2016

The manuscripts and the electronic version on a CD can be sent by post or directly to the editorship of the Review to the following address: The editorship of the *Archaeological Magazine,* Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of the Republic of Moldova, bul. Ștefan cel Mare 1, MD-2001 Chisinau, the Republic of Moldova

The additional information can be obtained on telephone: (037322) 27 06 02; 26 09 59
E-mail: levitkioleg_ipc@yahoo.com; ghena_ipc@yahoo.com

L I S T A

instituțiilor de profil de peste hotare cu care Centrul de Arheologie al IPC AȘM întreține relații de colaborare științifică și efectuează schimb de publicații

Eurasien Abteilung des Deutsches Archäologisches Instituts, Im Dol 2-6, D-14195, Berlin, Deutschland

Institut für Prähistorische Archäologie Freien Universität Berlin, Altensteinstraβe 15, D-14195, Berlin, Deutschland

Bibliotheque de Prehistoire LAMPEA-MMSH 5, rue du Château de L'Horologe, B.P.647 13094 Aix-en-Provence Cedex 2 , France

MTA Regeszeti Intezete Budapest, Uri u. 49, 10145, Ungarn

Археологически институт с музей, Българска та Академия на Науките (БАН), Сьборна, 2 1000, София, България

Institutul de Arheologie „Vasile Pârvan", Academia Română, str. Henri Coandă nr.11, București, România, 71119

Institutul de Arheologie, Academia Română – Fliala Iași, str. Lascăr Catargiu nr. 18, Iași, România, 700107

Institutul de Arheologie și Istorie a Artelor, Academia Română – Fliala Cluj, str. Constantin Daicoviciu nr. 2, Cluj Napoca, România, 400020

Centrul Internațional de cercetare a culturii Cucuteni – Muzeul de Istorie și Arheologie Piatra Neamț, str. Mihai Eminescu nr. 10, Piatra Neamț, România, 610029

Asociația de studii pentru arheologie funerară – Institutul de Cercetări Eco-Muzeale, str. 14 noiembrie nr. 3, Tulcea, România, 38800

Институт Археологии, Российская Академия Наук, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, Россия, 117036

Институт Истории Материальной Культуры, Российская Академия Наук, Дворцовая Набережная 18, Санкт-Петербург, Россия, 191065

Інститут Археології, Національна Академія Наук України, вул. Героїв Сталинграду 12, Київ, Україна, 04210

Государственный Эрмитаж, Дворцовая Набережная 34, Санкт-Петербург, Россия, 191065

Одеський Археологічний Музей, Національна Академія Наук України, вул. Ланжеронівська 4, Одеса, Україна, 65026

Кафедра археологии исторического факультета, Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, Россия, 119990

Кафедра археологии исторического факультета, Санкт-Петербургский Государственный Университет, Менделеевская Линия, 5, Санкт-Петербург, Россия, 191065

Кафедра археологии та музеезнавства. Історичний факультет, Київський Національний Університет ім. Тараса Шевченка, вул. Владимирська, 64, 01 033 Київ - 33, Україна

Археологічна лабораторія. Запорізький Національний Університет, вул. Жуковського 66, м. Запоріжжя, Україна, МСП-41, 69600

Археологічний науково-дослиідний центр «Спадщина», Східноукраїнський Національний Університет ім. Володимира Даля, Квартал Молодіжний 20-а, Луганськ, Україна, 91034

REVISTA ARHEOLOGICĂ serie nouă, vol. XI, nr. 1-2
Redactare: Oleg Leviţki, Larisa Ciobanu, Ludmila Bacumenco-Pîrnău, Nicolai Telnov, Svetlana Reabţeva.
Machetare computerizată: Ghenadie Sîrbu.
Bun de tipar: 18.12.2015. Formatul 60x84, 1/8. Tiraj 200 ex.